Культура средневековой Москвы

Исторические ландшафты

Том I

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SCIENTIFIC COUNCIL
«HISTORY OF WORLD CULTURE»

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Culture of Medieval Moscow

Historical Landscapes

In three volumes

MOSCOW NAUKA 2004

Культура средневековой Москвы

Исторические ландшафты

В трех томах

МОСКВА НАУКА 2004

Culture of Medieval Moscow

Historical Landscapes

Volume 1

Settlement pattern, Land-use and the Environment of the Moscow region in the 12–13th Centuries

MOSCOW NAUKA 2004

Культура средневековой Москвы

Исторические ландшафты

Том I

Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв.

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 94(470-25)
ББК 63.4(2)
К 90

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН
"История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте"
(Госконтракт № 10002-251/ОИФН-01/242-237/110703-1043)

Рецензенты:

доктор исторических наук, чл.-корр. РАН Н.А. МАКАРОВ,
доктор исторических наук А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

Редколлегия:

доктор исторических наук Л.А. БЕЛЯЕВ, доктор исторических наук Т.И. МАКАРОВА,
кандидат исторических наук С.З. ЧЕРНОВ

Ответственные редакторы тома:
кандидат исторических наук Н.А. КРЕНКЕ, кандидат исторических наук С.З. ЧЕРНОВ

На форзаце "Вид Москвы в начале XIII в."
(художественный вариант реконструкции, выполненной Л.Б. Ланцманом)

Культура средневековой Москвы: Ист. ландшафты: В 3 т. / Отв. ред. Л.А. Беляев, Т.И. Макарова, С.З. Чернов. – М.: Наука, 2004. – . – (Культура средневековой Москвы). – ISBN 5-02-022721-8

Т. 1: расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. / [отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов].– 2004. – 447 с. – ISBN 5-02-010250-4 (в пер.).

Книга обобщает новые данные о малоизвестном элементе культурного и природного наследия Москвы – исторических ландшафтах древнерусского времени (XI–XIII вв.), изученных в археологическом и палеогеографическом планах. Такие московские парки, как "Царицыно" и "Лосиный Остров", музей-заповедник "Коломенское", а также лесопарковый пояс столицы предстают благодаря этому исследованию многообразной мозаикой ландшафтов, хранящих в себе следы деятельности человека последних двух тысячелетий.

Микрорегиональные исследования рисуют картину сельского расселения, стратегий земледельческого и промыслового освоения различных ландшафтов: моренных возвышенностей к югу от города, мещерской низменности к востоку от него, поймы Москвы-реки и Яузского водно-волокового пути. Реконструируется облик долины р. Неглинной близ Кремля в XII–XIII вв., где сельские поселения соседствовали с московским посадом.

Публикуются карты и каталоги, включающие данные о 300 памятниках археологии Москвы раннего железного века и IX–XIII вв., карта-реконструкция природных ландшафтов Москвы, а также планы древних поселений и археологические находки.

Для историков, археологов, архитекторов, филологов, широкого круга читателей.

ТП-2002-I-№ 17

ISBN 5-02-022721-8
ISBN 5-02-010250-4 (т. 1)

© Институт археологии РАН, 2004
© Российская академия наук
и издательство "Наука", продолжающееся
издание (разработка, оформление),
1995 (год основания), 2004

Оглавление

К читателю 9

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1. Комплексные археологические и историко-ландшафтные исследования исторических территорий (*С.З. Чернов*) 17

Глава 2. Методика палеоландшафтных исследований в ландшафтоведении (*В.А. Низовцев*) 28

Глава 3. Методы изучения палеопочв. Почвы в системе стратиграфии археологических объектов (*А.Л. Александровский*) 35

ИСХОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Глава 4. Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории современной Москвы (*В.А. Низовцев*) 41

Глава 5. Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье (*Н.А. Кренке*) 51
§ 1. Общие данные о памятниках железного века в бассейне Москвы-реки (система расселения, хронология, хозяйство) 51
§ 2. Дискуссия о роли земледелия 55
§ 3. Ландшафт долины Москвы-реки 2000 лет назад, глядя с Дьякова городища 59
§ 4. "Темные века" в истории заселения Москвы-реки (VIII–IX вв.) 60

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛАНДШАФТЫ

Глава 6. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. (*Н.А. Кренке*) 65

Глава 7. Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. (по данным исследования парка "Царицыно") (*Н.А. Кренке*) 77
§ 1. Общее описание территории археологического микрорегиона 77
§ 2. Исторические и картографические данные о хозяйственном освоении микрорегиона и динамике ландшафта в XVI–XX вв 82
§ 3. История археологического изучения микрорегиона 84
§ 4. Комплексные археолого-географические исследования долины р. Язвенки в 1989, 1997, 2002, 2003 гг 87
§ 5. Палеопочвенные данные (*А.Л. Александровский*) 105
§ 6. Палинологические данные (*В.С. Гунова*) 107
§ 7. О хронологии средневековых памятников в долине р. Язвенки 111
§ 8. Палеодемографическая модель и реконструкция системы природопользования в XII–XIII вв. 113
§ 9. Ландшафтно-экологические условия и системы природопользования в древнерусский период в долине р. Язвенки (*В.А. Низовцев*) 116
§ 10. Количественная оценка ресурсной базы 121
§ 11. Система расселения в долине Язвенки в постдревнерусский период 123

Глава 8. Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъема в Мещере при первых московских князьях (*С.З. Чернов*) 126
§ 1. История археологического изучения бассейна р. Пехорки 127
§ 2. Природные условия 132
§ 3. Акатовский и Балашихинский археологические комплексы 134
§ 4. Поселения и ландшафты на верхней Пехорке домонгольского периода и их развитие во второй половине XIII в. 149
§ 5. Поселения на верхней Пехорке, возникшие во второй половине XIII – первой половине XIV в. 170
§ 6. Выводы 182

Глава 9. Пойменный ландшафт в долине Москвы-реки в железном веке и средневековье (*А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова, Б.Е. Янишевский*) 189
§ 1. Курьяново 192
§ 2. Терехово 195
§ 3. Тушино 197
§ 4. Мякинино 198
§ 5. Выводы 202

Глава 10. Коломенское в XI–XIII вв. 203
§ 1. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) (*Н.А. Кренке*) 203
§ 2. Реконструкция изменений исторического ландшафта по данным археологических, почвенных и палинологических исследований у Водовзводной башни в Коломенском (*А.Л. Александровский, В.С. Гунова, Н.А. Кренке*) 214

Глава 11. Археологические памятники Болшева на Клязьме и Яузский волок (*С.З. Чернов*) 228
§ 1. Городищенский археологический комплекс 229
§ 2. Нагорная часть Болшевского археологического комплекса 236
§ 3. 3-е Болшевское селище на подоле 250
§ 4. Бурковский археологический комплекс 253
§ 5. Селище Баскаки 259
§ 6. К изучению Яузского волока 261
Описание Бомиевских курганных могильников Болшево-1, (*Т.В. Равдина*) 271

Глава 12. Древнерусские памятники в долине р. Неглинной: "ландшафтная" гипотеза землепользования и данные раскопок (*Н.А. Кренке*) 278
Опыт ландшафтной характеристики района Кремля и долины р. Неглинной (*В.А. Низовцев*) 294

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Каталог памятников археологии железного века в бассейне Москвы-реки (Московская и Смоленская области) (*Н.А. Кренке*) 299

Приложение 2. Каталог радиоуглеродных датировок по памятникам археологии железного века, расположенным в долине Москвы-реки и на ее мелких притоках (*Н.А. Кренке*) 314

Приложение 3. Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы (*Н.А. Кренке*) 319

Приложение 4. Отчет о раскопках курганов в Пироговской курганной группе Мытищинского района Московской области (*Т.А. Пушкина*) 379

Приложение 5. Отчет о работах в Балашихинском районе в 1965 г. (*Т.В. Равдина*) .. 381

Приложение 6. Археологический комплекс Балашихинского городища XII–XVI вв. По данным исследований 1990 г. (*А.А. Полюлях, С.З. Чернов*) 389

Указатель имен 407

Указатель географических названий 412

Указатель керамических комплексов 431

Сведения об авторах 433

Список сокращений 434

List of illustration 435

Color illustration 439

Summary 441

К читателю

Исторические ландшафты – словосочетание достаточно широко употребляемое в литературе, но тем не менее требующее пояснения и уточнения этого значения, которое придается этому термину в настоящем издании. В сущности, любой современный ландшафт "историчен", так как является результатом длительного процесса формирования. Авторы данной книги под словом "исторические ландшафты" понимали прежде всего ландшафты, измененные в результате разнообразной деятельности людей в прошлом. Термин "исторические ландшафты" для авторов имеет еще дополнительный смысловой оттенок в том, что это такие ландшафты, где наиболее отчетливо проявляются типичные изменения, связанные с деятельностью людей в эпоху средневековья. Кроме того, исторические ландшафты – это такие современные ландшафты, которые могут служить своеобразным эталоном, максимально приближающимся к тем ландшафтам, которые существовали столетия назад и которые являлись средой, окружавшей наших предков.

Традиция археологической науки заключается в том, что главным объектом исследования является "археологический памятник", – как правило, место, служащее "кладбищем артефактов". Памятники – это точки, рассеянные в природном ландшафте. Для археолого-исторических реконструкций они имеют огромное значение, но без внимания к той среде, которая эти точки окружает (соединяет), невозможно адекватно представить прошлое. Наша цель заключалась как раз в том, чтобы выявить и описать структурные элементы исторического ландшафта как возможные информативные объекты комплексных исследований.

Исторические ландшафты – малоизученный памятник культуры, органически сочетающий в себе элементы природы с произведениями человеческой мысли и труда. В нем синтезированы отношение народа к природной среде, его хозяйственный и социальный уклад, художественный строй мысли и мировидение. Одновременно исторический ландшафт – ранимый природный организм, заслуживающий охраны. Свидетельства прошлого (древние храмы и могильники, поселения, дороги, угодия), как узор, вплетены в живую ткань природного ландшафта. Чудом еще не угасший, этот узор, как золотой асист икон, сохраняет образы средневековой культуры Москвы – от ее зарождения в древнерусскую эпоху (X–XIII вв.) и сложения как особого варианта постдревнерусской культуры (XIV – первая половина XV в.) до возникновения ее классических форм (последняя четверть XV–XVI в.), ставших основой формирования русской культуры XVII в.

Локализовав на местности древние межевые описания, мы получаем возможность видеть современный ландшафт глазами княжеского сотского или крестьянина-старожильца, помнящего, что было здесь до "суздальского" пожара Москвы или "до Едигеевы рати". Благодаря этому, безмолвным археологическим памятникам возвращаются их исторические названия, а казавшиеся иррациональными границы "земельных дач" обнаруживают внутреннюю логику. Постепенно, как бы

из небытия, воссоздается исчезнувший мир средневекового поземельного устройства, а скупые и загадочные понятия княжеских духовных и договорных грамот обретают реальность. "Чашнич путь", ведавший сбором меда на княжеский обиход, конкретизируется в виде деревень бортников в мещерских лесах, а потомков таинственных "численных людей" и "ордынцев" мы находим там, где сегодня пролегает шестой километр Киевского шоссе.

Исторический ландшафт стал предметом научного исследования лишь в 1970-е гг., когда под влиянием средового подхода естественные и гуманитарные науки начали формировать систему методов его изучения (landscape archaeology). В 1980-е гг. научные сотрудники Сектора археологии Москвы Института археологии РАН разработали методики комплексных археологического, историко-ландшафтного и палеоландшафтного исследований исторических территорий, основанные на понимании закономерностей функционирования древних и средневековых антропогеосистем в условиях Московского региона. Данные методики позволяют реконструировать типы хозяйственного освоения различных природных ландшафтов, элементы исторических (пашни, луга, пруды – по данным палеопочвоведческих и гидрологических исследований) и природных ландшафтов (породный состав леса и другие виды растительности – по данным палинологии), дают возможность описать процессы, обеспечивающие стабильное функционирование изменений, внесенных человеком в жизнь природного территориального комплекса.

В 1990-е гг. на основании этих методик Сектор археологии Москвы в содружестве со специалистами, работающими в области применения естественнонаучных методов в археологии, провел серию исследований на территории Москвы и ближнего Подмосковья. Цель настоящего издания – осмыслить результаты этих работ в контексте современной ландшафтной археологии и проследить этапы генезиса исторических ландшафтов округи средневековой Москвы.

Окру́га Москвы – или, как ее называли в XIV–XVI вв., – "московские городские станы" – до сих пор не была предметом монографического исследования. Между тем она интересна по целому ряду соображений. Изучение этого края помогает представить природный, демографический и расселенческий контекст ранней Москвы второй половины XII – начала XIII в., а также проследить экономические и социальные механизмы, под действием которых возникший здесь на рубеже XIII–XIV вв. домен первых московских князей стал важным фактором собирания русских земель.

Предлагаемое читателю издание "Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты" состоит из трех томов.

Первый том посвящен изучению древнерусских ландшафтов, сформировавшихся в XII–XIII вв. Он включает разделы о методах исследования, исходном ландшафте, который существовал до прихода славянского населения, и о собственно древнерусских ландшафтах.

В центре внимания находятся такие вопросы, как природная среда, структуры расселения и хозяйственные типы освоения земель, а также их связи. Одна из задач книги – реконструкция стратегий расселения и освоения различных территорий.

Структура издания предполагает сочетание обобщенных оценок ландшафтов того или иного периода на макроуровне с монографическими исследованиями микрорегионов. Фактически выстраивается система ключевых районов, которые, во-первых, доступны для изучения в условиях мегаполиса, во-вторых, отражают ландшафты, характерные для округи Москвы, и, в-третьих, дают представление о наиболее значимых памятниках округи Москвы (цв. вкл., рис. 1).

Вводный раздел посвящен методам изучения исторических ландшафтов. Анализируются основные источники, объекты и методы палеоландшафтных исследований, сложившиеся в ландшафтной археологии. Дается обзор письменных и картографических источников XVII – XIX вв. и излагаются методики их анализа, нацеленные на идентификацию археологических памятников с поселениями, упоминаемыми в актах XIV–XVI вв., и на реконструкцию историческо-ландшафтной ситуации позднего средневековья. В качестве самостоятельного направления рассматриваются возможности реконструкции микротопонимических систем подмосковных сел и деревень по данным проведенных в 1990-е гг. опросов старожильческого населения. Оцениваются возможности картографических источников для локализации утраченных археологических памятников (курганов, поселений). Специальные разделы посвящены методике палеоландшафтных исследований, сформи-

ровавшейся в рамках ландшафтоведения, и методам изучения палеопочв.

В главе "Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории современной Москвы" публикуется уточненная карта условно-восстановленных (коренных) ландшафтов Москвы и на основе новейших данных характеризуется природная среда региона, а в главе "Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье" дается представление о стратегии хозяйствования "дьяковского" времени (VIII в. до н.э. – VII в. н.э.) и об исходном ландшафте, который встретили в москворечье первые славянские поселенцы.

Второй раздел посвящен древнерусским ландшафтам. В главе "Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв." рассматриваются данные о ландшафтной приуроченности памятников и отдельных находок, характеризующих начальный этап колонизации края славянами (конец X – начало XII в.), в частности – дирхемы конца VIII – начала IX в. (наиболее поздний 806–808 гг.), недавно обнаруженные на Кунцевском городище. Сопоставляются карты условно-восстановленных ландшафтов и карты археологических памятников XII–XIII вв. Делается вывод об основных отличиях древнерусского расселения от системы расселения предшествующего этапа. Выдвигаются гипотезы о причинах тяготения населения к освоению моренных ландшафтов правобережья Москвы-реки. Оценивается общая надежность имеющейся археологической источниковедческой базы. Предлагаются варианты палеодемографических расчетов, основанных на числе курганов, размерах поселений.

Все эти процессы и явления исследуются в дальнейшем на микрорегиональном уровне. Одним из модельных районов для изучения расселения XII–XIII вв. послужила расположенная на правобережье р. Москвы, в пределах моренного ландшафта, долина речки Язвенки, где были проведены комплексные археолого-географические и палеоботанические исследования (Царицыно, 1989–2003 гг.). В работе формулируется гипотеза о ландшафтной структуре землепользования и взаиморасположении поселений, основных хозяйственных угодий (поля, выпасы, лес) и курганных могильников. Оцениваются последствия агрогенных воздействий на ландшафт, предлагаются количественные оценки размеров угодий и поселений, размеров урожайности, потребления, населенности. Результаты этих расчетов сопоставляются с вариантами палеодемографических реконструкций, основанными на числе погребенных в курганах. Кроме того, рассматриваются ландшафтно-экологические условия и их влияние на системы природопользования в древнерусский период.

В главе "Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъема в Мещере при первых московских князьях" на основании археолого-ландшафтных исследований, проведенных в Балашихинском районе Московской области (1990 г.), дается оценка освоенности левого притока р. Москвы – Пехорки. Исследуются особенности хозяйства населения, жившего вдоль узких долин, окруженных борами на супесчанных почвах, малопригодных для земледелия. Автор этой главы приходит к выводу о быстром восстановлении хозяйственной жизни в этом районе после монгольского нашествия, что можно объяснить близостью к Москве и высокой эффективностью бортного промысла, особенно на первых этапах освоения ландшафтов подмосковной Мещеры.

Пойменный ландшафт долины Москвы-реки и особенности освоения коренных москворецких берегов в железном веке и средневековье – тема третьего микрорегионального очерка. В нем анализируются стратиграфические данные о залегании раннесредневековых находок в погребенных почвах, выявленных в разрезах пойменных отложений Курьянова, Терехова и Мякинина. Обосновывается вывод о стабильности режима Москвы-реки на рубеже железного века / средневековья и преемственности в хозяйственном освоении долинных природно-территориальных ландшафтных комплексов.

Археологические памятники XI–XIII вв. в районе Коломенского позволяют проследить закономерности освоения москворецких нагорий. На примере археологических исследований у Водовзводной башни в Коломенском демонстрируется роль почвенно-палинологических данных в реконструкции такого ключевого элемента исторических ландшафтов, как растительность.

Структура расселения в районе Яузского волока, соединявшего долины р. Клязьмы и Москвы-реки, анализируется по материалам археологических памятников Болшева и Мытищ. Применение методики, предложенной в работах Н.А. Макарова,

позволяет прийти к выводу о том, что движение по волоку, соединявшему бассейны рек Клязьмы и Москвы, было инициировано с севера в первой половине или середине XII в.

В качестве микрорегиона, расположенного в пределах древней Москвы, рассматривается участок долины р. Неглинной. Публикуются новые данные о поселениях на правом берегу р. Неглинки, полученные в ходе раскопок Института археологии РАН во дворе Московского государственного университета (Моховая, д. 9) в 1996–1999 и 2002 гг. (археологические комплексы, палеопочвенные данные, следы древней распашки, пыльцевые спектры из погребенной почвы и заполнения постройки XIII в.), которые позволили проверить "ландшафтную" гипотезу землепользования. Публикуется новый художественный вариант реконструкции вида Москвы в начале XIII в.

В приложении читатель может найти археологические карты: "Памятники археологии железного века на территории Москвы" и "Памятники археологии X – первой половины XIII веков на территории Москвы" (составлены Н.А. Кренке). Эти карты были изданы в 1-м томе трехтомной "Истории Москвы с древнейших времен до наших дней" (М.: изд. объединение "Мосгорархив", 1997). Для настоящего издания карты были дополнены новыми данными и сопровождены публикацией "Каталога памятников археологии железного века в долине Москвы-реки", "Каталога радиоуглеродных датировок по памятникам археологии железного века, расположенным в долине Москвы-реки" и "Каталога памятников археологии X–XIII вв. на территории Москвы". Эти материалы могут служить своего рода путеводителем по памятникам археологии Москвы древнерусского времени и более ранних периодов.

Во **втором томе** издания публикуется исследование С.З. Чернова "Домен московских князей в городских станах: 1271–1505 гг.". По своему характеру работа входит в серию изданий "Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования"[1]. В соответствии с методикой, принятой в этой серии, реконструируются структуры землевладения тех районов, по которым до нас дошли источники XIV–XV вв. и воссоздается облик социума, породившего эти структуры. На основе изучения археологических памятников и исторических ландшафтов XIV–XVI вв. исследуются особенности расселения и стратегии освоения территории как в периоды, освещенные в письменных источниках (с 1380-х по 1500 г.), так и в более раннее время.

Во втором томе на первый план выходят проблемы исторической интерпретации структур расселения, которые изучаются сопряженно со структурами землевладения, реконструируемыми на основе поземельных актов и других письменных источников.

Наряду с изучением процессов, происходивших во "времени большой длительности" (la longue durée), рассматриваются реальные исторические прецеденты и используются некоторые подходы, характерные для аграрной микроистории.

На основании свидетельств духовных и договорных грамот великих и удельных князей и монастырских актов дается характеристика древнейших княжеских земель под Москвой и видов княжеского хозяйства. Сопоставляя карту природных ландшафтов и границ московских "городских станов", которые сходились к городу в виде секторов, автор приходит в выводу, что в XIV–XV вв. в ближайших окрестностях Москвы границы станов в значительной мере совпали с природными ландшафтами, каждому из которых соответствовало определенное соотношение земледельческого и промыслового хозяйства и определенный алгоритм постепенной смены одних видов хозяйства другими.

В качестве модельных районов рассматривается Пехорский бортный стан, по территории которого до нас дошли меновная грамота Дмитрия Донского 1381–1383 гг. и акты 1440–1490-х гг., Яузское мытище, входившее в XV в. в княжеский "ловчий путь" (территория Национального парка "Лосиный Остров"), Капотенский стан и южная часть Васильцева стана, известного начиная с духовной Ивана Калиты (1336 г.) (парк "Кузьминки").

Третий том включает два раздела – "Ментальный ландшафт" и "Московские села и слободы".

В разделе "Ментальный ландшафт" авторы стремятся понять, как человек эпохи средневековья осмысливал окружающий

[1] Первый том: *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации / Под ред. В.Л. Янина, В.Д. Назарова. М., 1998. 544 с.

мир. При изучении этой темы смыкаются методы микроистории и исторической антропологии, в связи с этой темой на первый план выходит такой источник, как устная топонимическая традиция старожильческого населения Подмосковья.

Том состоит из исследований, каталога и текстов опросов старожилов. Он открывается введением, в котором рассматриваются проблемы и перспективы соотношения устной и письменной истории применительно к историческому ландшафту и аграрной микроистории. Последующие главы посвящены ключевому элементу средневекового ментального пространства – сакральной топографии. Первая – "Сакральная топография Московской Руси в устной крестьянской традиции: освящение кладбища" – показывает, как крестьяне осмысливали среду своего обитания. Вторая – "Сакральная топография Москвы: храм – кладбище – город" – ставит проблему осмысления территории города в сознании людей средневековья на примере некрополей.

Далее публикуются каталог объектов исторического ландшафта и карты районов по данным устной традиции XX в. в районе бассейна р. Пехорки, с. Мытищи, Лосиного Острова и Сокольников.

Составной частью раздела является публикация корпуса текстов, записанных в 1990 г. в ходе опросов старожильческого населения на территориях, прилегающих к Национальному парку "Лосиный Остров". Тем самым мы продолжаем традицию издания источников, сложившуюся в предыдущих сборниках, применительно к историко-ландшафтной тематике. Предлагается новый формат публикаций по "устной истории", без которых вряд ли возможно полноценное документирование исторических ландшафтов. Думается, что это будет способствовать выработке критериев и технических приемов такого рода публикаций.

Во втором разделе тома в поле зрения читателя оказываются уже не структуры расселения, а узлы "поселенческого каркаса" – знаменитые московские села и слободы. Этот раздел открывает глава, в которой рассматривается модель формирования водораздельного поселения – типичного для раннемосковской поры. Мы переносимся из Мещеры на Теплостанскую возвышенность, где доминировал иной тип природопользования. Классическим примером "взлета на холмы" здесь стало селище Дубинкин лес-1 (Битцевский парк), которое было исследовано раскопками и датировано XIV в. Анализируются данные о территории, где во второй половине XIII в. началось освоение водоразделов, а в конце XIII–XIV в. произошла трансформация поселенческой структуры. Изучены поселения на вершинах холмов и их особенности, система водоснабжения, преемственность в хозяйственном освоении бассейнов рек Чертановки и Очаковки в XII–XIII и XIV–XVII вв., выполнены палеодемографические расчеты.

Небольшие раскопки древнего поселения на Голосовом овраге возле церкви Вознесения позволили сформулировать гипотезу о времени возникновения с. Коломенское, впервые упоминаемого в духовных грамотах Ивана Калиты (1336, 1339 гг.). На уровне разведок и раскопок исследованы дворцовый комплекс и некрополи с. Тайнинское, а также селище и некрополь в с. Крылатское. Новые материалы свидетельствуют об активной перестройке княжеских резиденций в эпоху Ивана III.

Еще более кардинальные перемены в планировке происходили в конце XV в. в Москве. В исследовании, посвященном планировке Москвы, сопоставляется система освоения западной части Белого города (Занеглименье), расположенной на моренной равнине (Чертолье, Старое Ваганьково, поселения на Успенском вражке и у Георгиевского монастыря), и его восточной части, имевшей пересеченный рельеф (находки у церквей Георгия в Лучниках, Св. Владимира "в Старых садех" и др.). Археологические данные свидетельствуют, что лишь во второй половине XV в. начинается регулярная застройка, которая особенно четко фиксируется в Занеглименье.

Настоящее издание продолжает серию "Культура средневековой Москвы", публикуемую Секцией культуры Древней Руси Научного совета "История мировой культуры" РАН и Сектором археологии Москвы Института археологии РАН.

Археологические обследования московских парков и лесопаркового пояса города стали возможными благодаря людям, небезразличным ко всему, что их окружает. В связи с этим хотелось бы высказать слова благодарности архитекторам и экологам, которые способствовали организации таких исследований: Ирине Константиновне Бахти-

ной, Галине Васильевне Морозовой, Валерию Владимировичу Коновалову (Институт генерального плана г. Москвы), Валерию Михайловичу Герасимову (НП "Лосиный Остров"),Олегу Игоревичу Журину (институт "Спецпроектреставрация"), Таисии Алексеевне Филатовой (Битцевский парк), Виктору Васильевичу Егорычеву, Ольге Владимировне Докучаевой (музей-заповедник "Царицыно").

Важным импульсом для развития данного проекта стало участие Сектора археологии Москвы – по приглашению Анны Леонидовны Хорошкевич и Владимира Андреевича Кучкина – в написании трехтомной "Истории Москвы с древнейших времен до наших дней" и в особенности разработка археологических карт Москвы[2]. В связи с этим мы не можем не поблагодарить руководителя объединения "Мосгорархив" Алексея Самсоновича Киселева и его заместителя Лилию Николаевну Селиверстову, неоднократно оказывавших содействие нашей работе[3].

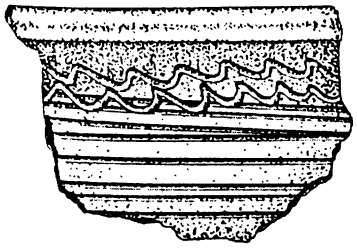
Рисунки для настоящего тома были выполнены И.И. Елкиной, Л.Б. Ланцманом, Н.С. Сафроновой, В.А. Раевой, В.В. Петровым, компьютерная обработка карт выполнена М.В. Онищенко и С.А. Смирновым.

---

[2] *Бойцов И.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Чернов С.З.* Археологические карты Москвы; *Кренке Н.А.* Памятники предыстории Москвы; *Бойцов И.А.* Реконструкция ландшафтов средневековой Москвы; *Чернов С.З.* Округа Москвы в XIII–XVI вв. // Природа. 1997. № 4. С. 26–73; *Чернов С.З.* Археологическая карта Москвы и проблемы изучения округи города XIII–XVI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5: История и культура древних и средневековых славян. М., 1999. С. 46–61.

[3] По инициативе "Мосгорархива" были опубликованы археологические разделы в изд.: История юго-запада Москвы. М., 1997; История юго-востока Москвы: Уч. пос. М., 2000.

Методы исследования



Глава 1

Комплексные археологические и историко-ландшафтные исследования исторических территорий

С.З. Чернов

Предваряя публикуемые ниже материалы обзором методов исследования исторических ландшафтов, нельзя не отметить, что в 1980–1990-е гг. средневековая ландшафтная археология и, шире, комплексное исследование исторических территорий развивались весьма динамично. Сложился целый ряд методов, открывающих значительные возможности для исследований. В то же время, пожалуй, еще рано говорить о формировании системы методов. В этой ситуации представляется необходимым изложить, хотя бы конспективно, свое видение соотношения тех или иных методов изучения исторических территорий, а также обозначить особенности издания, предлагаемого вниманию читателей.

В середине 1970-х гг. русский средневековый исторический ландшафт – сеть погостов и сел, деревень и промысловых поселений, дорог и прудов, межей и угодий, сохранившихся или обратившихся в памятники археологии, – не изучался как целостное явление. Для археолога или историка было почти неразрешимой задачей отыскать на местности конкретную пустошь или утраченное село, упоминаемое в документах XV–XVI вв. Методы ландшафтоведов, позволяющие описать урочище, местность или иной природный территориальный комплекс, оказывались малопригодными, как только вставала задача идентифицировать на местности и классифицировать мозаику средневековых угодий, изменивших эти комплексы и давших им существующие сегодня очертания. Не выработаны были и методы точной фиксации микротопонимических систем. В силу этого объекты, составляющие структуру исторических ландшафтов Московской Руси, в значительной мере "проскакивали" сквозь "сита", использовавшиеся названными науками.

К этому времени благодаря работам Дж. Хёрста, М. Бересфорда, Ф. Баркера в Англии, А. Стенсберга в Дании, З. Сметанки, В. Некуда, Я. Клапсте в Чехии и Словакии были заложены основы средневековой ландшафтной археологии. Стало очевидным, что сопоставимость данных аэрофотосъемки и археологических разведок возможна лишь путем привлечения широкого круга письменных и иных ретроспективных источников, при выявлении возможно большего числа археологических памятников [Klapste, 1978. S. 472]. Иначе ландшафтные структуры, реконструируемые по аэрофотосъемке, могли быть неверно интерпретированы [Baker Alan, Bullin Robin, 1973. P. 31].

В отечественной историографии были предложены весьма перспективные – в плане изучения исторического ландшафта – методы историко-географического и генеалогического исследования вотчин [Веселовский, 1936], региональных исследований по истории землевладения [Копанев, 1951; Алексеев, 1966], комплексного источниковедения, выработанного и с блеском примененного при изучении Великого Новгорода [Янин, 1977, 1981 и др.].

Изучение древнего Радонежа (1976–1987) позволило связать отечественную традицию историко-географических изысканий с этими методами, а затем найти точки их сопряжения с методикой сплошных археологических разведок сельских поселений [Седов, 1960], сформировав группу методов комплексного исследования исторических ландшафтов Московской Руси (табл. 1, № 1–6).

В основе такого подхода лежало наблюдение, сделанное в ходе практической работы: по мере количественного наращивания источников (описаний, карт, свидетельств устной микротопонимической традиции) и фиксации на современной геоподоснове данных межевых книг XVI–XVII вв. и Генерального межевания (1760–1780-е гг.) наступает момент, когда эти данные позволяют локализовать упоминаемые в актах XV–XVI вв. границы, селения, дороги и угодья как целостную систему и идентифицировать ее с материальными остатками – памятниками археологии.

Достигалось это с помощью следующих методик. Сбор данных по микротопонимике показал, что в первой половине XX в. в памяти старожильческого населения сохранялся (и частично сохранился до наших дней) уникальный набор названий дорог, угодий, урочищ, большая часть которых не попала на карты, но восходила к наименованиям поселений, известных по актам и писцовым книгам XIV–XVI вв. и запустевших в XVII в. [Чернов, 1996]. Методы сплошных разведок были нацелены на решение задач изучения рассредоточенной сети поселений XIV–XVI вв. (корректируемые аэрофотосъемкой и историческими картами сплошные археологические разведки, включавшие обследования территорий вдоль дорог, полян, прудов и других объектов). Широко были использованы приемы, применяемые в работах по исторической планировке (вынос на современную геоподоснову межей XVI–XVIII вв.).

Применение комплексного исследования исторического ландшафта дало возможность картировать конкретные владения, установить их размеры с точностью, сравнимой с точностью определения площади земельных дач Генерального межевания, определить их хозяйственную освоенность, а в сочетании с историко-генеалогическим исследованием и, при наличии значительного комплекса актов, выявить структуры землевладения и состав землевладельцев соответствующей волости или стана [Чернов, 1987].

Микрорегиональные исследования, проводившиеся на основании подобной или близкой к ней методики, оказались наиболее продуктивными в плане изучения и интерпретации структур расселения XIV–XVI вв. и – опосредованно – XI–XIII вв. [Чернов, 1989, 1991; Буров, 1989, 1995; Селин, 1990, 1992, 1999; Кузьмин, 1991; Фролов, 2001]. Параллельно развивались исследования сети расселения на более значительных территориях и с более широким хронологическим диапазоном [Носов, 1984, 1991; Конецкий, 1984, 1992, 1995; Беляева, 1982; Лапшин, 1985; Платонова, 1988, 1991; Харлашов, 1986, 1991, 1995; Цыбин, 1987, 2000; Веремейчик, 1994; Исланова, 1995, 1997; Тропин, 1997].

В цикле работ Н.А. Макарова по району Белоозера, построенных на сочетании методов исследования поселений, могильников, водно-волоковых путей и исторических ландшафтов, была реализована многоплановая программа изучения древнерусского этапа колонизации Русского Севера [Макаров, 1997; Макаров и др., 2001].

Мощный импульс для развития средневековой ландшафтной археологии дали палеоэкологические исследования, которые развернулись в 1980 – 1990-е гг. в форме крупных проектов по изучению исторической среды Курского Посемья [Узянов, Сычева, 1987; Узянов, 1993], Куликова поля [Фоломеев, Александровский, Гласко, Гоняный, Гуман, 1990], района Дьякова-Коломенского в Москве [Гунова, Кирьянова, Кренке, Низовцев, Спиридонова, 1996; Кренке, Низовцев, 1997], Радонежа [Бызова, Кренке, Спиридонова, Чернов, 1993], а в дальнейшем были применены при изучении Белоозера, Новгорода [Александровская, Александровский, Гайдуков, Кренке, 2000], Гнездова и других территориий.

Н.А. Кренке были разработаны методы, которые помогли объединить усилия археологов и специалистов в области естественнонаучных дисциплин. Ключевым моментом стало выявление объектов таких исследований: погребенных почв, включенных в археологические памятники (под насыпями курганов, оборонительных валов и плотин, под культурным слоем поселений) и стратифицированных природных и антропогенно-природных отложений (пойменный аллювий, делювий на склонах и днищах балок и оврагов) (табл. 1, № 10).

Археолого-палеопочвенные исследования (табл. 1, № 12) основываются на методике диагностики почвенного профиля и реконструкции по этим данным его эволюции, включающей трансформации исходных профилей почв, сформировавшихся под коренными лесами голоценового времени в ходе хозяйственного использования (распашка, луг), чередовавшихся с периодами регенерации природного ландшафта (восстановление леса). Метод позволяет описывать характерные элементы агрогенного ландшафта (напаши, бровки на склонах, агро-делювиальные на-

копления в долинах оврагов и балок, смытые почвы на холмах и склонах) и оценивать информативные возможности этих объектов для уяснения интенсивности, длительности и размаха хозяйственной деятельности [Александровский, Кренке, 1993; Александровский, Бойцов, Кренке, 1997][1].

Отдельным разделом ландшафтной археологии стало выявление и описание памятников без культурного слоя (прудов, межевых ям, каналов, обеспечивавших режим лугов, и др.) [Александровский, Кренке, Чернов, 1990], а также диагностика культурных злаков и сопутствующих сорняков (табл. 1, № 11).

Большие возможности для реконструкции древнего природного и агроландшафта, а также облесённости территории дает сопоставление пыльцевых данных с почвенными и археологическими данными при интерпретации затронутых влиянием человека горизонтов в почвенных разрезах (табл. 1, № 13) [Бойцов, Гунова, Кренке, 1993; Бызова, Кренке, Спиридонова, Чернов, 1993]. В настоящее время активно исследуется, в какой степени палинологические комплексы отражают зональные и локальные элементы растительности [Александровский, Ершова (Бызова), Спиридонова, Чернов, 2001). Пример подобных исследований – публикуемая ниже глава о работах близ Водовзводной башни в Коломенском.

Появление палеоэкологического блока методов (табл. 1, № 10–12) позволило существенно усовершенствовать методики, лежащие на грани ландшафтной археологии и исторического ландшафтоведения. Долго эти работы не шли далее анализа ландшафтной приуроченности археологических памятников [Давыдчук, Фролов, 1976; Узянов, 1985]. Развивая это направление, В.А. Низовцев предложил методику составления карт условно-восстановленных ландшафтов и ресурсных зон природопользования на уровне урочищ и местностей. В свою очередь, по мере накопления археолого-палеопочвенных исследований по реконструкции пашен и установления характера растительности в период средневековья в пределах конкретных природных территориальных комплексов удалось перейти к корректировке карт природопользования и разработке его уточненных моделей [Низовцев, Мельник, Лаукарт, Онищенко, Фурманова, Кренке, Иванов, 1994] (табл. 1, № 13)[2].

На новые вопросы, которые были поставлены "нераскопочной" ландшафтной археологией, можно было ответить, лишь усовершенствовав методы раскопок селищ и могильников. И такое усовершенствование произошло, став своего рода археологическим ответом на вызов палеоэкологического направления (табл. 1. № 17, 18). Необходимо в этой связи отметить широкомасштабные исследования М.И. Гоняного на верхнем Дону, в ходе которых раскрылось все богатство типов поселений (стационарные крестьянские дворы, выставки-летники для распашки в степи, гончарные и другие производства, вынесенные за пределы поселения, и т.д.), скрывающихся за терминами "селище" или "гнездо памятников" [Гоняный, 2003]. Раскопки широкой площадью поселения Автуничи близ Чернигова продемонстрировали не только масштабы землепашества и скотоводства Южной Руси, но и выявили разнообразные ремесленные производства и даже отдельные поселения, ориентированные на определенные виды несельскохозяйственного производства (варка железа из болотной руды и др.) [Південноруське село IX–XIII ст., 1997]. Работы на селище Минино на Кубенском озере позволили расширить спектр находок, обнаруживаемых на средневековом селище с помощью системы просеивания и промывок, и раскрыть микромир средневековой хозяйственной жизни [Макаров, 2001]. В Подмосковье раскопки поселений XII–XV вв. широкой площадью, сопровождавшиеся серией естественнонаучных исследований, дали весьма интересные результаты [Шполянский, 2003; Средневековое поселение Настасьино, 2004].

Принципиально новые возможности для понимания вопросов демографии древнерусского населения и адаптации человека к среде обитания возникли в результате цикла исследований древнерусских могильников Белозерья, которые были дополнены палеоантропологическими исследованиями, раскрывающими механизмы биологической адаптации (табл. 1, № 19). В итоге эти трудно уловимые (даже в рамках современных этнографических и медицинских наблюдений) процессы удалось проследить на примере нескольких поколений славянских насельников Русского Севера [Макаров, 1997; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001].

Задача первого тома настоящего издания – опубликовать новые археологические материалы по округе средневековой Москвы XII–XIII вв. и, комбинируя изучение микро-

[1] Подробнее эти вопросы изложены в гл. 3.
[2] Подробнее эти вопросы изложены в гл. 2.

регионов с данными раскопок и анализом палеоэкологической информации, проследить системы расселения, типы освоения и стратегии хозяйственного развития применительно к различным подмосковным ландшафтам.

Легко заметить, что поставленные задачи не исчерпывают и малой доли тех направлений в комплексном исследовании культурных ландшафтов, которые были обозначены выше. По существу речь пойдет лишь о моделях освоения ландшафта, подкрепленных более или менее исчерпывающей аргументацией. Рассмотрены земледельческий и промысловый типы освоения, особенности освоения пойм, район водно-волокового торгового пути и долина р. Неглинной, где сельское и городское население соседствовали.

Оправданием авторам, оставившим за пределами своего исследования целый ряд важных проблем древнерусского расселения и культурной адаптации населения, может послужить лишь то, что предлагаемая вниманию читателей работа – лишь первая попытка охватить этот круг проблем применительно к округе Москвы.

Материалы, на которые приходилось опираться, не равноценны. Археологические материалы, характеризующие структуры расселения тех микрорегионов, которые были подвергнуты систематическому изучению и по которым были разработаны карты условно-восстановленных ландшафтов и ресурсных зон природопользования, на мой взгляд, достаточно репрезентативны. По ряду микрорегионов реконструированы структуры расселения и землевладения XIV–XVI вв. (результаты этих работ изложены во втором томе настоящего издания), что делает более предметным анализ древнерусского этапа расселения. Специальные палеоэкологические (ботанические, почвенные и др.) исследования пока охватили лишь отдельные участки, однако в ряде случаев дали весьма существенные результаты.

Скромнее представлены материалы раскопок поселений. За исключением Исторического проезда и Романова двора в Москве, это исследования отдельных построек, а не всего поселения. Впрочем, исследование построек дало серию радиокарбонных и дендродат, а также керамические комплексы, что позволило усовершенствовать хронологию московской керамики и тем самым датировать керамику, полученную в ходе разведок, с точностью до полувека. С учетом раскопок в долине нижнего течения р.Неглинной (Исторический проезд, Монетный двор, Казанский собор) площади на сельских поселениях и посадах Москвы XII–XIII вв., исследованных Московской археологической экспедицией ИА РАН, превышают 4 тыс. кв. м.

Пожалуй, наиболее существенная лакуна – отсутствие материалов раскопок курганных могильников, которые могли бы (при использовании современных возможностей антропологии) дать неоценимую информацию о жизни средневековых популяций. Эта лакуна лишь отчасти заполняется классическими трудами о московских курганных древностях А.В. Арциховского, Т.В. Равдиной и Н.Г. Недошивиной [Недошивина, 1974 и др.], а также работой А.П. Бужиловой о московских вятичах [Бужилова, 1998].

Осознавая ограниченность возможностей рассматриваемого материала для понимания жизни древнерусского сельского населения округи Москвы, хотелось бы высказать надежду, что его публикация поможет увидеть древнерусское расселение более системно. Предлагаемые очерки, не охватывая всего разнообразия культурных ландшафтов и типов освоения Московского края, дают о них определенное представление и намечают пути дальнейших исследований, раскрывающих новые грани сельского расселения этого района, который лишь кажется известным.

Литература

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208. С. 20–31.

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А. Почвы и культурный слой Москвы: строение, история развития, география // Изв. РАН. Сер. географич. 1997. № 3. С. 82–95.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем (археолого-почвоведческое исследование) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере: Теория, методика, практика. М., 1990. Вып. 1. С. 94–109 .

Александровская Е.И., Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А. Лес, луг, пашня, городская застройка по данным исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы Новгорода // Естественнонаучные методы в полевой археологии. М., 2000. Вып. 3. С. 25–36, вклейка.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. 261 с.; *Николаева Т.В.* [Рецензия] // СА. 1982. № 1. С. 275–278.

Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

Беляев Л.А., Кренке Н.А., Чернов С.З. Комплексные исследования в Андроникове монастыре и

исследования в районе храма Василия Блаженного // АО 2001 года. М., 2002. С. 102–107.

Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. Киев, 1982.

Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: Археолого-палинологические исследования // Изв. РАН. Сер. географич. 1993. № 4. С. 60–76.

Бызова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 167–189.

Вайнтрауб Л.Р., Чернов С.З. В окрестностях Муранова: Археологические заметки // ПКНО, 1991. М., 1997. С. 401–412.

Веремейчик О.М. Сільські поселення IX першої половини XIII ст. в межиріччі нижньої Десни і Дніпра: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1994.

Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1936. Вып. 139.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Гравес И.В., Низовцев В.А., Чернов С.З. Ландшафтные особенности размещения систем поселений на территории в окрестностях древнего Радонежа в средневековый период // Географическое краеведение: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции по географическому краеведению. Владимир, 24–25 января 2001 г. Владимир, 2001. С. 25–32.

Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4. С. 93–120.

Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения Орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. // КСИА. М., 1976. Вып. 146. С. 11–17.

Дойель Л. Полет в прошлое / Пер. с англ. Ф.Л. Мендельсон. М., 1979. 296 с.

Исланова И.В. Структура сельского расселения в Мстинско-Моложском междуречье в VI–XIII вв. // Славянская археология: Раннесредневековый город и его округа. М., 1995. С. 157–167.

Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.

Конецкий В.Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984а.

Конецкий В.Я. О реконструкции заселенности центральных районов Новгородской земли в XI–XIII вв. // Новгородский край. Л., 1984б. С. 159–165.

Конецкий В.Я. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р.Ловать в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1992. Вып. 6.

Конецкий В.Я. Проблемы и перспективы микрорегиональных историко-археологических исследований (на примере района низовьев реки Холовы) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли / Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Новгород, 1995. С. 7–9.

Конецкий В.Я., Носов Е.Н. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н.э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 29–54.

Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951.

Кренке Н.А. Археологическая карта заповедника "Коломенское" // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1991а. Вып. 2. С. 38–47.

Кренке Н.А. Новое в изучении археологии Коломенского // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1991б. Вып. 4. С. 27–34.

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XIII веков в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3. С. 7–33.

Кренке Н.А. Археологическая карта заповедника "Горки Ленинские" // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья / Юбилейный сборник докладов научно-практической конференции 6–8 сентября 1994 г. М., 1995. С. 90–121.

Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 151–167.

Кренке Н.А., Низовцев В.А. Человек и ландшафт на территории Подмосковья в железном веке // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С. 81–90.

Кренке Н.А., Чернов С.З. Древности Московской земли // История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1: XII–XVIII века. М., 1997. С. 6–15.

Кренке Н.А., Чернов С.З. Земли Юго-Восточного округа в древности // История юго-востока Москвы: Уч. пос. М., 2000. С. 36–56.

Кренке Н.А., Янишевский Б.Е. Городище у д. Гальчино на реке Протве // Макариевские чтения. Монастыри России / Материалы VII Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария. М., 2000. Вып. VII. С. 598–664.

Кузьмин С.Л. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н.э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991. С. 153–168.

Лапшин В.А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // СА. 1986. № 3. С. 61–71.

Макаров Н.А. Обитаемый и необитаемый Север // Знание – сила. 1986. № 5. С. 16–20.

Макаров Н.А. Средневековые поселения Устюжской округи // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1988. Вып. 11. С. 122–131.

Макаров Н.А. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // СА. 1989. № 4. С. 86–102.

Макаров Н.А. Русский Север: Таинственное средневековье. М., 1993. 190 с.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.

Макаров Н.А. Приходская церковь Русского Севера на фоне археологической карты // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 393–411.

Макаров Н.А. Шесть лет раскопок Мининского археологического комплекса // Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия (Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса). Вологда, 2001. С. 3–6.

Макаров Н.А. Введение // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 5–17.

Макаров Н.А., Захаров С.Д. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 131–150.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Недошивина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Низовцев В.А. Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1999. № 1. С. 26–30.

Низовцев В.А., Мельник М.В., Лаукарт Л.В., Онищенко М.В., Фурманова Ю.Г., Кренке Н.А., Иванов А.А. История хозяйственного освоения лесных ландшафтов ГИЗЛ "Горки Ленинские" // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья / Юбилейный сборник докладов научно-практической конференции. 6–8 сентября 1994 г. М., 1995. С. 37–43.

Носов Е.Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2. (12).

Носов Е.Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н.э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991.

Платонова Н.И. Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материады по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991. С. 68–88.

Південноруське село IX–XIII ст. (Нові памятки матеріальної культури) / Ред. О.П. Моці, В.П. Коваленка, В.О. Петрашенко. Київ, 1997.

Риер Я.Г. Проблемы средневековой археологии Чехословакии в сборнике "Archaeologia Historica" N 10. Brno, Nitra, 1985 // СА. 1989. № 1. С. 285–290.

Риер Я.Г. Средневековое сельское расселение в Восточной и Центральной Европе: Сравнительная характеристика // Славянская археология: Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993. С. 153–159.

Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960.

Селин А.А. К изучению истории русской деревни (Опыт историографии и методологии. Перспективы) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1990. Вып. 3. С. 96–98.

Селин А.А. "Деревенские святыни" (источник для реконструкции культовой истории микрорегиона) // Новгород и Новгородская земля: История и археология / Тез. науч. конф. Новгород, 1992.

Селин А.А. Ивангородская дорога. СПб., 1996.

Селин А.А. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии и размеров сельских поселений на Северо-Западе России в XV–XVIII вв. (по письменным и археологическим материалам Заонежья) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 32–49.

Средневековое поселение Настасьино / Сост. А.В. Энговатова // Тр. Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М., 2004. Т. 2.

Сычева С.А. История антропогенного влияния на природу Курского Посемья // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М., 1987.

Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999. 146 с.

Узянов А.А. Динамика заселения долины Тускари (диахронный анализ приуроченности поселений к различным типам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.

Узянов А.А. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 79–97.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И., Гуман М.А. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле: Материалы и исследования / Тр. ГИМ. М., 1990. Вып. 73.

Фролов А.А. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Харлашов Б.Н. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 70–76.

Харлашов Б.Н. Псковские губы (к вопросу о происхождении) // КСИА. М., 1991. Вып. 205. С. 21–29.

Харлашов Б.Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV в. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987а. С. 36–51.

Цыбин М.В. Юго-восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987б. 24 с.

Цыбин М.В. Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (история развития идеи) // Куликово поле: вопросы изучения наследия. Тула, 2000. С. 85–94.

Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987. 114 с.

Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: Происхождение и семантика // ПКНО, 1988. М., 1989а. С. 413–438.

Чернов С.З. Природа и быт в "Житии Сергия Радонежского" // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. I: XI–XVI вв. М., 1989б. С. 333–348.

Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. 1991. № 1. С. 112–133.

Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь: История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 73–97.

Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 123–182.

Чернов С.З. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Тр. Музея истории города Москвы. М., 1996. Вып. 9. С. 60–96.

Чернов С.З. Реконструкция полей древнего Радонежа по историко-археологическим данным и их влияние на формирование вторичных лесов // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Тез. докл. и сообщ. (Арзамас, 10–13 сентября 1996 г.). М., 1996. С. 21–23.

Чернов С.З. Сельские монастыри XIV–XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // РА. 1996. № 2. С. 111–130.

Чернов С.З. Укрепленные поселения XIII–XIV вв. северо-востока Московского княжества // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.) / Тез. докл. науч. конф. (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). М., 1996. С. 136–144.

Чернов С.З. Устная микротопонимическая традиция центральной России: прошлое, настоящее, будущее: По материалам исследований 1993–1995 гг. на северо-востоке Московской области // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья. М., 1996. С. 191–194.

Чернов С.З. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения. Вып. 6: Канонизация святых на Руси. М., 1999. С. 316–349.

Чернов С.З. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // ПКНО, 1999. М., 2000. С. 655–707.

Чернов С.З. Мониторинг археологических памятников средневекового Радонежа по данным исторических источников, натурным наблюдениям и инвентаризации 1997 года (Московская область) // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр: Сб. ст. по материалам семинара 1998–1999 гг. / Науч. ред. Ю.А. Веденин, С.В. Гусев. Сост. С.В. Гусев, А.В. Загорулько, С.З. Чернов / РНИИ культурного и природного наследия. М., 2000. С. 35–79.

Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. 2000. № 1. С. 63–81.

Чернов С.З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: "традиционные" и "новационные" модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1990-х годов волостей Пехорка и Воря) // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М., 2000. С. 88–91.

Чернов С.З. Экспериментальные исследования и реставрация 1-го Поречьевского курганного могильника близ Звенигорода // АО 1999 года. М., 2001. С. 134–138.

Шполянский С.В. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишина в Подмосковье // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 253–264.

Янин В.Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 313–324.

Янин В.Л. Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата // Вестн. МГУ. Сер. IX. История. 1966. № 3. С. 69–80. Переизд.: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 40–59.

Янин В.Л. Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории: (Нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, весовая метрология) // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 200–204.

Янин В.Л. Грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 243–252.

Янин В.Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3. С. 67–78.

Янин В.Л. Комплекс берестяных грамот № 519–521 из Новгорода // Общество и государство феодальной России / Сб. статей, посвященный 70-летию академика Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 30–39.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В.Л. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 23–31.

Янин В.Л. К проблеме интеграции письменных и вещественных источников // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 5–39; *Куза А.В.* [Рецензия] // СА. 1979. № 4.

Янин В.Л. Генеалогия и землевладение // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах / Тез. докл. III Всесоюзн. конф. (Новороссийск, 1979). М., 1979. Т. II. С. 260–264.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. 296 с. Рец.: *S.R.* // Czasopismo prawno-historyczne. Poznań, 1982. T. 34, Z. 1. S. 192–193; *Коваленко О.Б., Шевченко Ф.П.* // Український історичний журнал. 1982. № 1. С. 142–143; *Kaiser D.H.* // American Historical Review. Wash., 1983. Vol. 88, N 3. P. 717–718; *Назаров В.Д.* О феодальном землевладении в Новгородской республике // История СССР. 1984. № 2. С. 112–121; *Goehrke C.* // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1985. Bd. 33, Hf. 2. S. 249–251.

Янин В.Л., Бассалыго Л.А. Пусторжевская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1993. № 5. С. 108–124.

Янин В.Л., Бассалыго Л.А. Великолукская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1995. № 6. С. 45–58.

Янин В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М, 1998. 216 с.; *Аракчеев В.А.* [Рецензия] // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3.

D'Archimbaud G.D. Les Fouilles de Rougiers (Var): Contribution à l'archéologie de L'Habitat rural medieval en Pays mediterranée. P., 1980. 724 p.

Baker Alan R.H. Historical Geography: new beginning? // Progress in Human Geography. 1979. Vol. 3, N 4. P. 560–570.

Baker Alan R.H. (Ed.) Progress in Historical Geography. Newton Abbot, 1972.

Baker Alan R.H., Bullin Robin A. Studies of field systems in the British isles. Cambridge, 1973.

Baker Alan R.H., Harley J.B. (Eds.) Man made the Land: Essays in English historical geography. Totowa (New Jersey), 1973.

Baker Alan R.H., Billinge M. (Eds.). Period and Place: Researche Methods in Historical Geography. Cambridge, 1982. 377 p.

Barker Ph. Techniques of arhaeological excavation. N.Y., 1977. 279 p.

Beresford M.W., Hurst J.C. Deserted medieval villages: Studies. N.Y., 1972. 340 p.

Beresford M.W. The deserted villages of Warwickshire // Transaction of the Birmingham Arhaeological Society. 1945–1946. P. 49–106.

Beresford M.W. The lost Villages of England. L., 1956. 445 p.

Beresford M.W., Joseph J.K.S. Medieval England: An Aerial Survey. Cambridge, 1958. Vol. XIV, 274 p.

Bord J. and C. Sacred waters: Holly wells and water Loke in Britain and IB Ireland. L., 1985. 232 p.

Boschi: storia e archeologia / A cura di D. Moreno. Ancona; Roma, 1986. 536 p.

Černý E. Zanikle Středověké osady a jejich pluziny / Metodika historico-geografického výzkumu v oblasti Drahan-ske vrchoviny. Praha, 1979. 167 p. 2 map.

Caplovič D. Středověké, dedinske sakralne stavby na východnom Slovensku // Historica Carpatica. Kosice, 1984. Vol. 14.

Caplovič D. Středověké, zaniknuté dedinské osídlenie na východnom Slovensku // Slovenská arheológia. Bratislava, 1983. N 2.

Cultural landscape during 6000 yeas / Ed. by Berglund // Ecological papers. Lund, 1991. Vol. 21.

Darby H.C. Domesday England. Cambridge, 1977. Vol. XIV, 416 p.

Deuel, Leo. Flights into Yesterday. L., 1968.

Goehrke C. Die Wüstungen in der Moskauer Rus? Studies zur Siedlung, Bevökkerungs und Sozialges chicte. Wiesbaden, Steiner, 1968. T. XI, 357 p., 3 list. maps.

Goehrke C. Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1968. T. 16. S. 1–52.

St. Joseph J.K.S. The uses of air photography. L., 1966.

Justova J. Slovanské hradiště v hradci v Stoda a Stodsko v ranen stredoveku // Pamâtky arheologické. Ročnik LXX. 1979. Cislo I. 1979. S. 131–218.

Chouquer G. Degradation et fossilisation des cadastres centurés: étude morphologique // Cadastres et espace rural approches et réalités antiques: Table ronde de Bensançon mai 1980. P., 1983. P. 137–157.

Habovštiak A. Zur Frage der frequenz und ursachen der Mittelalter lichen dorfabgänge in der Slowakei // Slovenska archeológia. Ročnik XXXIV. Cislo 2. Bratislava, 1986. S. 331–342

Fourmier G., Fournier P.F. Villes et villages neufs au XIIIe siècle en Anvergne: A propos des fondations d'Alfonce de Poitiers // Journal des savants. 1985. Oct.–dec., N 4. P. 189–230.

Heidinga H.A. Medieval Settlement and Economy North of the Lower Rhine: Archeology and history of Kootwijk and the Veluwe (the Netherlands). Assen; Maastricht, 1987. 243 p.

Hodder I., Orton C.R. Spatial analysis in Arheology. Cambridge, 1976. Vol. VIII. 270 p.

Hurst J.G. Deserted Medieval Villages and the excavations at Wharram Percy, Yorkschire // Recent Archeological excavation in Great Britain / Ed. R.L.S. Bruce-Mitford. L., 1956.

Hurst J.G. Medieval Britain in 1968 // Medieval Archeology. Vol. XIII. P. 252–253.

Klapste J. Středověké osídlení Černokostelecka // Památky Archeologické. Ročník LXIX, 1978. Cislo 2. S. 423–475.

Necuda V. Pfaffenschlag: Zanikla středověká ves u Slavonie. Brno, 1975.

Necuda V. Zanikle osady na Moravé v obdobi feodalismu. Brno, 1961.

Roberts B.K. Landscape Archeology // Landscape and culture: Geographical and Arheological Perspectives / Ed. by J.M. Wagstaff. N.Y., 1987. P. 77–95.

Ruttkay A. Vyvoj štruktúry stredovekeho osídlenia na zaklade komparácie hmotnych a písomných prameňov na územi okresu Topol'čany // Slovenska arheologia. Rocnik XXXIV. Cislo 2. Bratislava, 1986. S. 425–427.

Smetanka Z., Klapště J. Archeologie a česka vesnice 10–13 stoleti // Archeologicke rozhledy. 1975. N 3. S. 286–296.

Smetanka Z. Zivot středověké vesnice: Zaniklá Svidna. Praha, 1988.

Steensberg A. Hal og gard i Hejninge: En arkaeol. undersgelse af to sjaellandske gardtomter. Copenhagen, 1986. 93 s., ill., 9 sep. bl. plan.

Steensberg A., Ostergaard J.L. Christensen. Store Valby. Kobenhavn, 1974. Vol. 1–3.

Taylor C.C. The stady of settlement patterns in Pre-Saxon Britain / P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby (Eds.). // Man, settlement and urbanism. L., 1972. P. 109–113.

Theus F. Landed property and manorial organization in Northen Austrasia: Some consideration and a case study // Images of the Past. Univ. Van Amsterdam: Studies in Pre- and Protohistorie. Amsterdam, 1991.

Villages désertés et histoire économique XIe–XVIIIe siècle. P., 1965. 619 p.

Wade-Martins Pr. The Origins of Rural Settlement in East Anglia // Recent Work in rural Archeology / Ed. by P.J. Fowler. Totowa (New Jersey), 1975. P. 137–157.

Wainwright F.T. Archeology and Place-names and History: An essay on problems of coordinations. L., 1962. 135 p.

Zanikle stredoveké vesnice v ČSSR ve svetle arheologickych vyzkumu // Kultura a tradice. Sv. 14.

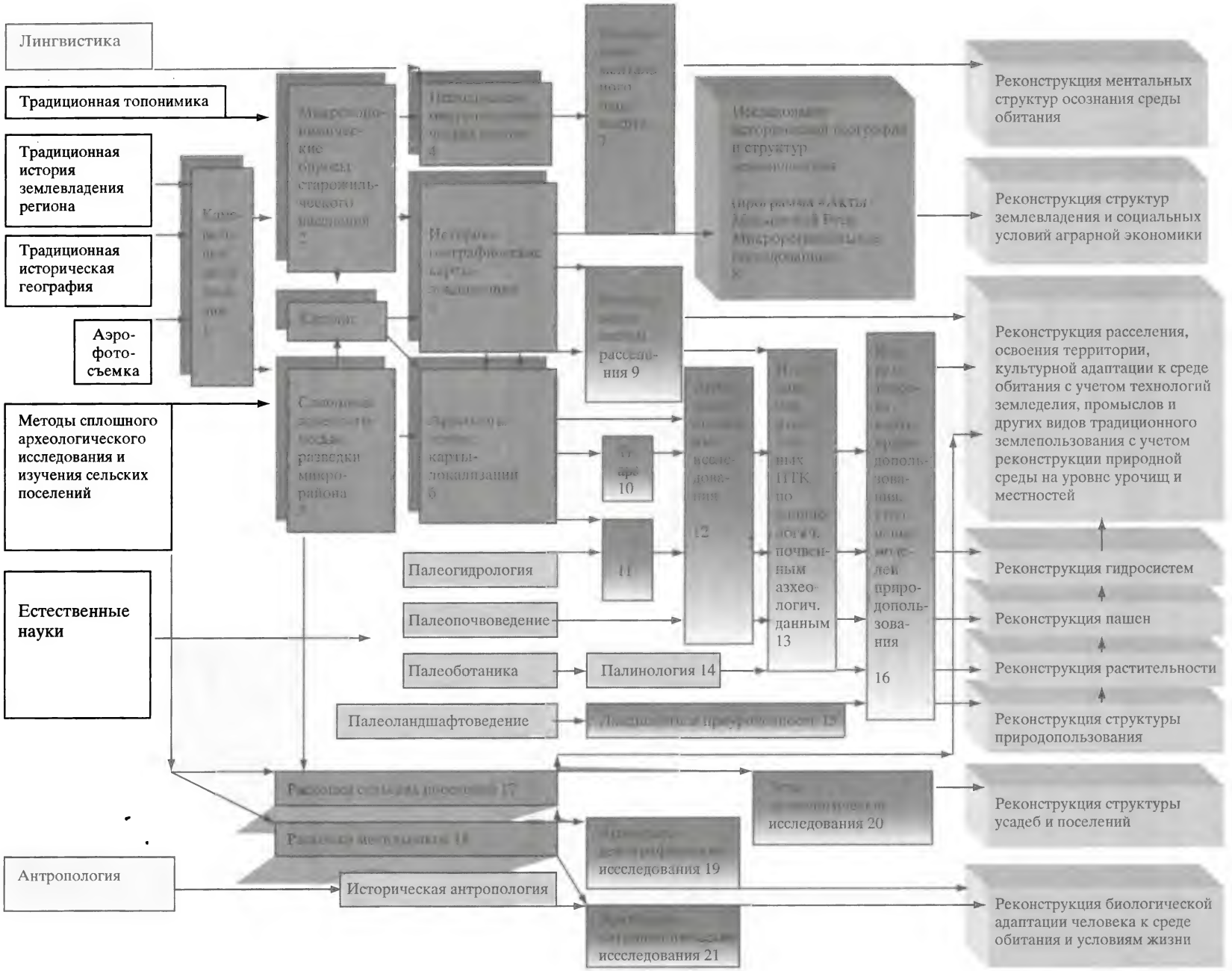

Лингвистика
Традиционная топонимика
Традиционная история землевладения региона
Традиционная историческая география
Аэро-фото-съемка
Методы сплошного археологического исследования и изучения сельских поселений
Естественные науки
Антропология
Палеогидрология
Палеопочвоведение
Палеоботаника
Палинология 14
Палеоландшафтоведение
Историческая антропология
Реконструкция ментальных структур осознания среды обитания
Реконструкция структур землевладения и социальных условий аграрной экономики
Реконструкция расселения, освоения территории, культурной адаптации к среде обитания с учетом технологий земледелия, промыслов и других видов традиционного землепользования с учетом реконструкции природной среды на уровне урочищ и местностей
Реконструкция гидросистем
Реконструкция пашен
Реконструкция растительности
Реконструкция структуры природопользования
Реконструкция структуры усадеб и поселений
Реконструкция биологической адаптации человека к среде обитания и условиям жизни

Таблица 1. Система методов комплексных исследований исторических территорий

Блок "Комплексное исследование исторических ландшафтов" (1–6)

1. Камеральные исследования. А. Сбор и систематизация данных актов, писцовых книг, уездных планов и описаний Генерального межевания и составление идентификационного списка селений, пустошей, угодий; Б. Сбор и систематизация картографических данных XVII–XX вв. и оценка содержащихся в них сведений для локализации селений и угодий; В. Первоначальная инвентаризация объектов исторического ландшафта на современной топооснове (1 : 25000, 1 : 10000) с учетом расшифровки аэрофотосъемки; Г. Выработка задач для стадии полевых исследований.

2. Микротопонимические обследования. А. Опросы старожилов с распечаткой магнитофонных записей и их анализ с целью получения данных о системе дорог, угодий, урочищ каждого селения и их локализации; Б. Архивные исследования с целью получения данных об утраченных ныне микротопонимах (планы Генерального и специального межевания, уставные грамоты и владетельные записи 1861 г., документы о выделе на хутора начала XX в. и др.); В. Анализ карт XVIII–XX вв. на предмет выявления микротопонимов.

3. Полевые археологические исследования (сплошные разведки). А. Выявление максимального числа селищ (села, деревни, монастыри), а также городищ, могильников, прудов (копани, запруды), сети дорог; Б. Натурное обследование объектов исторического ландшафта: лесных полян, лугов (пойменных и верховых); В. Составление каталога памятников археологии и исторического ландшафта.

4. Исследование микротопонимических систем. А. Источниковедческий анализ материалов, полученных в ходе изучения устной традиции и из архивных данных; Б. Реконструкция микротопонимических систем XVII в.; В. Гипотетическая реконструкция микротопонимических систем XVI в.

5. Разработка историко-географических карт-локализаций. Анализ, историческая интерпретация и атрибуция археологических и историко-ландшафтых объектов. Разработка карт-локализаций для наиболее обеспеченных письменными источниками хронологических срезов: по актам XV в., писцовым книгам 1540-х (1560-х, 1590-х) гг., писцовым межевым книгам 1620-х гг., писцовым и межевым книгам, а также чертежам 1680-х гг., содержащим посаженные замеры межей, с точной локализацией на современной геоподоснове (М 1 : 25000) межей, поселений, дорог, прудов, мельниц и др., упоминаемых в описании, и их идентификацией с археологическими и историко-ландшафтными объектами, выявленными в ходе полевых работ.

6. Разработка археологических карт-локализаций. А. Анализ вещевой и керамической коллекций, полученных в ходе полевых работ с целью датировки вещей и их атрибуции. Датировки керамики на основе единовременно отложившихся керамических комплексов (датированы с точностью до четверти века); Б. Датировка поселений по возможности с точностью до половины столетия; В. Разработка карт поселений по хронологическим этапам с X по первую половину XVIII в.

Блок "Расселение и землевладение"

7. Исследование систем расселения по археологическим данным и свидетельствам письменных источников.

8. Исследование исторической географии и структур землевладения (программа "Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования").

Блок "Ментальный ландшафт"

9. Исследование ментального ландшафта. Анализ микротопонимических систем с учетом данных об осмыслении ландшафта, почерпнутых из устной традиции и из свидетельств письменных источников эпохи средневековья.

Блок "Палеоэкологические исследования"

10. Археологические исследования объектов палеоландшафтных исследований (ловушек): погребенных почв, включенных в археологические объекты (под насыпями курганов, оборонительных валов и плотин, под культурным слоем поселений), стратифицированных природных и антропогенно-природных отложений (пойменный аллювий, делювий на склонах и днищах балок и оврагов).

11. Археолого-гидрологические исследования прудов-запруд, прудов-копаней, каналов. **Выявление и археологическое исследование объектов без культурного слоя** (прудов, дорог, межевых ям, каналов, обеспечивавших режим лугов, и др.).

12. Археолого-почвенные исследования. Реконструкция средневековых пашен. Изучение палеопочв и почв в системе стратиграфии археологических объектов.

13. Исследования измененных человеком природных территориальных комплексов (ключевых участков) по палинологическим, почвенным и археологическим данным.

14. Палинологические исследования разрезов на торфяных болотах, имеющих радиокарбонные даты в пределах I–II тыс. н.э., и выявление общей картины изменений растительности в этот период на уровне ландшафта.

15. Ландшафтоведческое и археологическое исследование. Сопоставление карт условно-восстановленных ландшафтов и ресурсных зон природопользования (на уровне урочищ и местностей) с археологической картой микрорегиона и изучение ландшафтной приуроченности поселений, полей и других угодий.

16. Корректировка карт ресурсных зон природопользования на основании результатов историко-археологических и палеопочвенных реконструкций пашен (12) и характера растительности по палинологическим, почвенным и археологическим данным (13). Разработка уточненной модели природопользования.

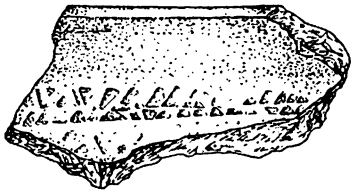
17. Раскопки сельских поселений широкой площадью с применением методов предварительной магниторазведки, площадных сборов металлоискателем, а также с применением методов выявления мелких фракций находок с помощью промывок и просеивания.

18. Раскопки могильников широкой площадью.

19. Археолого-демографические исследования, основанные на материалах раскопок могильников.

20. Этноархеологические исследования, основанные на материалах раскопок поселений широкой площадью.

21. Археолого-антропологические исследования.



Глава 2

Методика палеоландшафтных исследований в ландшафтоведении

В.А. Низовцев

Объекты исследования. Основными объектами палеоландшафтных исследований служат природные территориальные, или природно-антропогенные комплексы и природно-хозяйственные системы, отражающие конкретную хозяйственную или духовную деятельность человека в конкретных ландшафтных условиях в конкретные исторические периоды [Низовцев, 1999]. Вся земная поверхность – мозаика, состоящая из огромного числа особых участков, представленных исторически обусловленным сочетанием всех природных компонентов – природных территориальных комплексов (ПТК). Под ними понимается территория, обладающая определенным единством природы, обусловленным общностью происхождения этой территории и историей ее развития, своеобразием географического положения, действующими в ее пределах современными географическими процессами. Природные территориальные комплексы – это пространственно-временная система географических компонентов (горные породы и рельеф, воздушные массы, природные воды, почвы, растительный и животный мир), взаимообусловленных в своем размещении и развивающихся как единое целое. Они отличаются по природным свойствам, происхождению, размерам и сложности внутренней организации и образуют систему соподчиненных географических единиц – географических зон, провинций, районов, ландшафтов и т.д.

Напомним, что основной единицей таксономической системы природных территориальных комплексов является ландшафт. Он характеризуется территориальной целостностью, генетическим единством, однородностью геологического строения (обычно располагается в пределах местной геологической структуры) и рельефа, единообразным сочетанием гидротермических условий и не выходит за пределы одной почвенно-растительной зоны. Каждый ландшафт отличается от другого только ему присущим сочетанием взаимосвязанных и взаимодействующих простых природных территориальных комплексов (местностей, урочищ и фаций), т.е. морфологической структурой, образующей характерное пространственное сочетание.

Одними из важнейших морфологических единиц ландшафта, во многом определяющими его свойства и неповторимость, являются природные территориальные комплексы рангом урочище. Урочища формируются на единых по происхождению и возрасту мезоформах рельефа на однородном субстрате и обладают однотипным сочетанием режимов тепла и увлажнения, разностей почв, фитоценозов.

По своему месту в ландшафте урочища подразделяются на основные и второстепенные (дополняющие). Основные природные территориальные комплексы, в свою очередь, подразделяются на фоновые (доминантные и субдоминантные). Доминантные урочища, наиболее многочисленные и широко распространенные, занимают большую часть площади ландшафта и в морфологической структуре образуют как бы его основу, его фон. В то же время это и самые древние природные территориальные комплексы данного ранга. Субдоминантные природные территориальные комплексы также широко распространены в ландшафте, но они зани-

мают меньшие площади, чем фоновые. Структурообразующая роль одного и того же типа урочищ в разных ландшафтах может быть неодинаковой: в одних ландшафтах это будут доминантные природных территориальных комплексов, в других – перейдут на подчиненное положение.

Наименьшим природным территориальным комплексом, самой нижней ступенькой в их иерархическом ряду, является фация. Эти элементарные комплексы – своего рода атомы, из которых построены все остальные природные территориальные комплексы. Для фации свойственна полная однородность всех природных компонентов на ее площади. Фация занимает одну грань (элемент мезоформы) рельефа с одинаковым литологическим составом почвообразующих пород. Соответственно, это обеспечивает однородность местообитания организмов: тепловой режим, баланс влаги и минеральных веществ.

По В.А. Николаеву (1987) и Г.И. Швебсу (1985), разработавшим концепцию природно-хозяйственных систем и особенно основной их разновидности – агроландшафта, природно-хозяйственная система – это открытая сложная система, состоящая из двух блоков: природного и хозяйственного. Основу, структуру и пространственные масштабы природно-хозяйственных систем определяют природные свойства конкретного природного территориального комплекса. Поэтому изучение современной ландшафтной структуры служит своего рода точкой отсчета для ретроспективных реконструкций коренных природных территориальных комплексов, ландшафтных условий жизнедеятельности поселенцев в определенные хроносрезы и, соответственно, возникающих при этом природно-хозяйственных систем. Необходимо иметь в виду, что антропогенное вмешательство в природные территориальные комплексы нарушает их структурно-динамическое равновесие и со временем "они принимают состояния, характерные для более ранних стадий развития" [Кочуров, 1984]. Вот почему и необходимо исследовать не только современные свойства и структуру природных территориальных комплексов, но и реконструировать исходные их свойства и коренную структуру.

Производственный блок является наиболее активной частью системы. Он включает все виды хозяйственного воздействия в пределах природного территориального комплекса и позволяет управлять развитием и перестройкой всей системы в целом. Целостность природно-хозяйственной системы определяется единством выполняемых социальных и экономических функций. Реконструкция хозяйственных угодий, отражающих природопользование в конкретное историческое время и составляющих основу функционирования природно-хозяйственной системы, – вторая важнейшая составная часть таких исследований.

Для природно-хозяйственных систем характерно появление новых устойчивых элементов в природной составляющей, а также формирование разных типов природно-антропогенного круговорота вещества и потоков энергии на основе использования человеком природного потенциала ландшафтов. Наиболее тесная корреляция природно-хозяйственных систем с местной ландшафтной структурой наблюдается на локальном уровне, чаще всего с природным территориальным комплексом ранга подурочище [Божьева, Низовцев, 1990; Низовцев, 1997]. Это связано с исторически выработанной адаптивностью к местным природным условиям хозяйственной деятельности человека. Территориальная организация, типы производства в сельском и лесном хозяйстве, размещение и характер поселений во многом обусловлены исходной ландшафтной дифференциацией. Наиболее трудной задачей в изучении и картографировании природно-хозяйственных систем, тем более существовавших в давнем историческом прошлом, является выявление их границ. Беря за основу границы природного территориального комплекса, необходимо учитывать степень их антропогенной измененности.

Методы палеоландшафтных исследований. Историческое ландшафтоведение сформировало ряд методов изучения территорий. Сравнительно-географический метод, который, в чем мы согласны с К.Н. Дьяконовым и В.С. Тикуновым (1996), далеко не исчерпал себя и является одним из основных в современной географии, применялся при выборе эталонов и "ключей" при полевом изучении территории, классификации исторических источников, выделении среди многих объектов наиболее типичных и характерных для данных территорий. Историко-генетический и диахронический методы, детально разработанные В.С. Жекулиным (1972, 1982) и применяемые в ряде работ В.С. Давыдчука (1977), М.Н. Куницы (1991), С.П. Романчука (1980, 1991), С.В. Трохимчука (1968) и др., позволили составить детальную схему пери-

одизации процесса формирования систем природопользования ландшафтов на ключевых участках и определить основные этапы эволюции природопользования в ландшафтах Московского региона [Низовцев, 1990; Низовцев, Носова, 1992, Низовцев и др., 1997].

Ландшафтное картографирование и ландшафтное профилирование ключевых участков, полустационарные наблюдения за функционированием и сезонной динамикой природных территориальных комплексов (на некоторых из них) проводились по методике, принятой на кафедре физической географии и ландшафтоведения Географического факультета МГУ [Видина, 1962; Мамай, 1992]. Это дало возможность изучить современную ландшафтную структуру территории, выявить основные черты динамики природных территориальных комплексов, определить антропогенные изменения в них и оценить современные антропогенные нагрузки. Выделение границ комплексов основывалось на принципе генетической однородности. Так как решающая роль в обособлении и дифференцировании ландшафтов на морфологические части принадлежит литогенной основе, то, в первую очередь, выявлялись геолого-геоморфологические границы. При проведении ландшафтной съемки использовался ландшафтно-геоботанический индикационный метод. Через растения-индикаторы можно до известной степени определить и эдафические свойства природных территориальных комплексов. Особое внимание для ретроспективных ландшафтных реконструкций уделялось исследованию индикаторных компонентов и элементов, которые являются хорошим внешним опознавательным признаком природных комплексов, измененных в прошлом. Такие индикаторы можно подразделить на: 1) биогенные – характерная растительность на месте бывших поселений, заброшенных угодий и т.п., 2) литогенные – специфические формы рельефа: курганы, оборонительные валы, межевые рвы и валы, искусственные террасы и т.д., 3) погребенные и антропогенно трансформированные почвы – именно они играют наиболее важную индикаторную роль в определении антропогенной трансформации ПТК, ибо такие почвы заключают информацию о конкретных способах земледелия и несут в себе следы экологических нарушений (смыва-намыва, спаханности и т.п.).

Существенной частью исследований было применение ландшафтно-эдафического подхода при реконструкции ландшафтной структуры территорий в конкретные хроносрезы. Результатом таких реконструкций было составление карт условно-восстановленных (коренных) природных территориальных комплексов. Условием составления этих карт является полное "снятие" антропогенного фактора. Особое внимание уделялось анализу антропогенных изменений рельефа (искусственное террасирование, планация, "антропогенные" эрозионные формы и т.д.), мощности накопления и распределения культурного слоя и изменению гидрологического режима на данной территории. Подобная карта показывает как бы идеальное (теоретическое) распределение природных территориальных комплексов, поэтому данные ПТК выделены на карте с известной долей условности.

Так как в результате длительного антропогенного воздействия на данной территории все почвы в той или иной степени окультурены, а коренной растительности практически не сохранилось, то реконструкция почв и растительности конкретных природных территориальных комплексов связана с некоторыми трудностями. Поэтому при реконструкции исходной (коренной) растительности мы исходили из распространенного среди отечественных лесоводов [Морозов,1930; Сукачев, 1931; Погребняк, 1955 и др.] мнения, что каждому лесному фитоценозу соответствует конкретный тип местообитания, т.е. участок территории с определенным сочетанием факторов и экологических свойств, влияющих на произрастание растительных сообществ. Из огромного числа природных факторов, от которых зависит произрастание лесных фитоценозов, были отобраны важнейшие: рельеф и местоположение, плодородие субстрата, характер увлажнения и степень увлажненности. При этом осуществлялась их комплексная оценка на основе материалов полевых исследований.

Характеристика местоположений и рельефа основывалась на результатах дешифрирования гипсометрии топографических карт разных масштабов, анализе геологического строения территории по фондовым материалам и данным последнего геологического бурения. В итоге выявлены основные морфолитогенетические комплексы, различающиеся как по особенностям происхождения мезоформ рельефа и литологического состава слагающих их пород, так и по морфометрическим показателям.

Трофность (плодородие) субстрата оценивалась по богатству почв, почвообразующих пород и почвенно-грунтовых вод. При учете вариантов трофности субстрата за основу были взяты ступени трофогенного ряда П.С. Погребняка (1955): 1) наиболее бедные трофотопы (A); 2) относительно бедные трофотопы (B); 3) относительно богатые трофотопы (C); 4) наиболее богатые (D). Естественно, что эти четыре ступени не отражают всего многообразия природных условий исследуемого района, поэтому приходилось выделять и переходные (промежуточные) трофотопы (AB, BC, ABC и т.п.). По системе П.С. Погребняка (1955) выделялись также основные градации и гигрогенного ряда местообитаний. Даны характеристики гигротопам, т.е. местообитаниям, отличающимся друг от друга условиями увлажнения. Всего выделено шесть основных: крайне сухие (0); сухие (1); свежие (2); влажные (3); сырые (4); болотные (5) и множество переходных гигротопов.

В результате на исследуемой территории выявлялись следующие питающие воды: атмосферные, атмосферно-натечные, грунтовые, разной степени минерализованные и пойменные. Основными диагностирующими признаками, позволяющими определить тип увлажнения и степень увлажненности, служили глубина залегания грунтовых вод, увлажнение почв (наличие и степень оглеенности) и индикаторная роль господствующих растений в наземном покрове.

Таким образом, зная природные свойства природных территориальных комплексов, можно и реконструировать, более или менее уверенно, исходный тип леса, наиболее полно соответствующий этим свойствам, и предвидеть сукцессионные смены современных лесных ценозов. Это особенно важно, так как восстановление коренного растительного покрова является одной из наиболее трудных задач в реконструкции исходной природы. Каждому определенному виду природных территориальных комплексов свойствен и определенный специфический ряд сукцессий лесных сообществ. По экологии фитоценозов, растений-индикаторов (экодоминант) составлялись сопряженные ряды лесных фитоценозов и местообитаний. С учетом положения в рельефе ("теплое" или "холодное" местообитание), свойств трофотопов и гигротопов выявлялись различные экологические зависимости растений, образующих древостой, подлесок и наземный покров. Выборка основных видов древесных пород и кустарникового яруса, а также основных группировок наземного яруса для каждого предполагаемого конкретного типа леса осуществлялась по методике А.А. Видиной (1974), Л.И. Милкиной (1984), В.А. Низовцева (1995), В.А. Низовцева и Ю.Г. Фурмановой (1995) и работам, характеризующим экологические требования лесных растений и их индикаторные свойства [Раменский и др., 1956; Викторов и др., 1962; Юркевич, 1969; Разумовский, 1981; Цыганов, 1983 и др.].

Так как, в первую очередь, учитывались физиологически действующие режимы почвенно-грунтовой среды (эдафические факторы), то и контуры выделов реконструируемых лесов соответствуют контурам конкретных типов местообитаний (природных территориальных комплексов). В дальнейшем проводилась корректировка выявленных коренных фитоценозов по результатам палинологических исследований.

Карты условно-восстановленных (коренных) природных территориальных комплексов позволяют составить представление об их ресурсных возможностях, что важно для дальнейшего изучения природопользования.

В реконструкции природно-хозяйственных систем древности и средневековья ключевая роль принадлежит археологическим и археолого-палеоландшафтным исследованиям. При этом базой для анализа природопользования и формирования хозяйственных систем у первопоселенцев присваивающего типа ведения хозяйства явились реконструкции (на основе археологических данных) видов и способов ведения ими хозяйства, а также палеореконструкция исходной среды их обитания. Большое значение при этом имеет ландшафтно-пространственный анализ размещения археологических памятников конкретного исторического периода.

Необходимость ландшафтоведческого осмысления материала возникает вновь после того как археологическими методами реконструирована сеть поселений, могильников, следы угодий.

Важнейшей предпосылкой реконструкции природопользования в железном веке и в древнерусский период является предположение, что природопользование в этот период было, хотя и вынужденно, адаптивным окружающей природе, т.е. хозяйство велось на основе эмпирически выработанного веками приспособления к местным условиям. Каждый вид ведения хозяйства сопровождался своими специфическими особенностями взаимоотношений с природой – т.е. складывался

свой особый вид природопользования. В свою очередь, конкретному природопользованию сопутствовало со временем появление хозяйственных угодий (видов землепользования). В зависимости от глубины воздействия человека на природу происходила и перестройка ландшафтной структуры территории. Различные виды природопользования и природные территориальные комплексы, в которых это природопользование осуществлялось, с течением времени приводили к формированию определенных природно-хозяйственных систем [Низовцев, 1995, 1997, 1998].

В качестве моделей реконструкции природопользования в железном веке и в древнерусский период для конкретной территории разрабатывались карты и профили в масштабах 1 : 1000 – 1 : 10000. Во время полевых исследований и анализа размещения археологических памятников на исследуемой территории было выявлено, что наиболее тесная корреляция природно-хозяйственных систем с местной ландшафтной структурой также отмечается на локальном уровне и чаще всего соотносится с природными территориальными комплексами ранга подурочище и фация. Это связано с исторически выработанной адаптивностью к местным природным условиям хозяйственной деятельности человека. Территориальная организация, типы производства в сельском и лесном хозяйстве, размещение и характер поселений во многом обусловлены исходной ландшафтной дифференциацией. При выделении границ за основу брались границы природных территориальных комплексов, при этом учитывались степень их современной антропогенной измененности и, самое главное, соответствие (максимальной благоприятности) их тому или иному виду хозяйственной деятельности. Также учитывались и лимитирующие свойства природных территориальных комплексов для разных видов природопользования, например, большая крутизна приречных склонов как фактор, препятствующий развитию земледелия на этом участке. Достаточно уверенно определяются и границы различных природно-хозяйственных систем. Их естественными межами служили эрозионные формы (короткие береговые эрозионные формы, балки) и бровки перегибов элементов рельефа. При этом, на наш взгляд, контуры данных угодий были очень устойчивыми во времени и могли наследоваться и в более поздние времена. Значительным подспорьем являлось составление и сопоставление ландшафтных профилей и профилей видов природопользования на определенные исторические срезы.

Эти модельные реконструкции природопользования, отраженные на соответствующих картах, могут проверяться посредством специальных археолого-почвенных и палинологических исследований, а также исследований, связанных с изучением археологических объектов, лишенных культурного слоя и отражающих древние угодия. При этом значение предлагаемых моделей состоит в том, чтобы выбрать ключевые участки для подобных специальных исследований, а в дальнейшем анализировать их результаты с учетом понимания уже прослеженных закономерностей древнего и средневекового природопользования.

Литература

Александровский А.Л. Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. М., 1983. 152 с.

Александровский А.Л. Почвы археологических памятников бассейна р. Пахры как источник информации о природных и социально-экономических процессах // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М., 1995. С. 132–137.

Александровский А.А., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208. С. 20–31.

Алехин В.В. Объяснительная записка к геоботаническим картам (современным и восстановленным). Л., 1935.

Анненская Г.Н., Жучкова В.К., Калинина В.Р., Мамай И.И., Низовцев В.А., Хрусталева М.А., Цесельчук Ю.Н. Ландшафты Московской области и их современное состояние. Смоленск, 1997. 296 с.

Божьева Т.Г., Низовцев В.А. Сельскохозяйственное землепользование в ландшафтах западного Подмосковья // Ландшафты Московской области и Подмосковья, их использование и охрана. М., 1990. С. 39–52.

Бойцов И.А. К вопросу о росте Москвы в XII – первой половине XV в. // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1992. № 2. С. 89–95.

Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Изв. АН СССР. Сер. географич. 1993. № 4. С. 60–75.

Видина А.А. Методические указания по полевым крупномасштабным исследованиям (для целей сельскохозяйственного производства в средней полосе Русской равнины). М., 1962. 120 с.

Викторов С.В., Востокова Е.А., Вышивкин Д.Д. Введение в индикационную геоботанику. М., 1962. 228 с.

Воропай Л.И., Куница М.Н. Историческое ландшафтоведение: объект исследования, социальные функции, положение в системе наук, проблемы // Историческая география ландшафтов: Теоретиче-

ские проблемы и региональные исследования. Петрозаводск, 1991. С. 4–7.

Воропай Л.И., Куница Н.А. Изучение пойменных систем в целях выявления особенностей развития ландшафтов в голоцене (на примере Среднего Приднестровья) // Историческая география: тенденции и перспективы. СПб., 1995. С. 83–93.

Гоняный М.И. Археологические памятники I тыс. до н.э. у села Дубровицы в устье р. Десны // Проблема взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993. С. 16–18.

Гоняный М.И. Кренке Н.А. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. 1988. № 3. С. 54–62.

Гунова В.С., Кренке Н.А. Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1985. № 3. С. 57–62.

Гунова В.С., Кренке Н.А., Кирьянова Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. Земледелие и землепользование в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4. С. 93–120.

Давыдчук В.С. История становления антропогенного фактора развития ландшафта (на примере Верхнего Поочья): Автореф. дис. ... канд. географ. наук. М., 1977.

Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Новосибирск, 1997. 228 с.

Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972. 228 с.

Жекулин В.С. Историческая география, предмет и методы. Л., 1982. 224 с.

Кириков С.В. Исторические изменения в распространении и численности промысловых животных Подмосковья // Животное население Москвы и Подмосковья, его изучение, охрана и направленное преобразование / Материалы совещания. М., 1967.

Кирьянова Н.А. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М., 1992. 162 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1984. Т. 2, ч. 2. 448 с.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. 164 с.

Краснов Ю.А. Развитие земледелия и скотоводства в лесной зоне Евразии в III – начале I тысячелетия до н.э. // История крестьянства СССР. М., 1987. Т. 1. С. 138–165.

Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 23 с.

Кренке Н.А., Низовцев В.А. География поселений дьяковской культуры (железный век) в бассейне Москвы-реки // Человек в зеркале современной географии. Смоленск, 1996. С. 87–89.

Кренке Н.А., Низовцев В.А. Ландшафтный подход к реконструкции природопользования в Подмосковье в железном веке // Исторический источник: человек и пространство. М., 1997а. С. 200–202.

Кренке Н.А., Низовцев В.А. Человек и ландшафт на территории Подмосковья в железном веке // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997б. С. 81–91.

Куница М.Н. Пространственно-временные особенности формирования взаимосвязей природно-территориальных комплексов и расселения // Историческая география ландшафтов: Теоретические проблемы и региональные исследования. Петрозаводск, 1991. С. 19–21.

Мамай И.И. Динамика ландшафтов. М., 1992. 168 с.

Мамай И.И., Низовцев В.А. Происхождение ландшафтов Московской области // Ландшафты Московской области и их современное состояние. Смоленск, 1997. С. 31–56.

Милкина Л.И. Методика крупномасштабного реконструктивного геоботанического картирования. Киев, 1984.

Морозов Г.Ф. Учение о типах насаждений. М.; Л., 1930. 412 с.

Низовцев В.А. История хозяйственного освоения ландшафтов юго-западного Подмосковья: Домонгольский период // Ландшафты Московской области и Подмосковья, их использование и охрана. М., 1990. С. 18–29.

Низовцев В.А. Методика палеореконструкции природопользования в Подмосковье в период становления земледелия // Экологические аспекты теоретической и прикладной геоморфологии. М., 1995. С. 238–240.

Низовцев В.А. История становления первых природно-хозяйственных систем Подмосковья // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С. 72–81.

Низовцев В.А. Землепользование на территории Подмосковья древнерусского периода // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. М., 1998. С. 14–18.

Низовцев В.А. Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1999. № 1. С. 26–30.

Низовцев В.А. Коренные и современные городские ландшафты // Экологический атлас Москвы. М., 2000. С. 22–26.

Низовцев В.А., Онищенко М.В. Применение палеопедологического метода в ландшафтно-исторических исследованиях // Антропогенная деградация почвенного покрова и меры ее предупреждения. М., 1998. Т. 1. С. 184–185.

Низовцев В.А., Фурманова Ю.Г. Методика ландшафтного подхода в реконструкции коренной растительности ГИЗЛ "Горки Ленинские" // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М., 1995. С. 52–55.

Низовцев В.А., Щуркина Е.А. Ландшафтные предпосылки возникновения г. Москвы // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С. 26–34.

Николаев В.А. Концепция агроландшафта // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1987. № 2. С. 22–27.

Николаев В.А. Основы учения об агроландшафтах // Агроландшафтные исследования. М., 1992. С. 4–57.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981. 296 с.

Панова Т.Д. Культурный слой Московского Кремля // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 3.

Панова Т.Д. Проблемы реконструкции исторической топографии средневековой Москвы // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 64–70.

Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968. 226 с.

Погребняк П.С. Основы лесной типологии. Киев, 1955. 456 с.

Разумовский С.М. Закономерности динамики биоценозов. М.,1981. 232 с.

Раменский Л.Г., Цаценкин И.А., Чижиков О.Н., Антипин Н.А. Экологическая оценка кормовых угодий по растительному покрову. М., 1956. 472 с.

Розенфельдт Р.Л. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения // Русский город. М., 1976. С. 5–16.

Романчук С.П. Локализация, структура и динамика антропогенных ландшафтов прошлого (методы исследования) // Тез. докл. и сообщ. II Всесоюз. конф. по истор. географии России. М., 1980. С. 141–143.

Романчук С.П., Щур Ю.В., Дмитрук А.Ю., Потапенко В.Г. Диахронический анализ, освоения и преобразования ландшафтов Среднего Приднепровья // Историческая география ландшафтов: Теоретические проблемы и региональные исследования. Петрозаводск, 1991. С. 85–87.

Савина С.С., Хотинский Н.А. Зональный метод реконструкции палеоклиматов голоцена // Основные черты развития природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 231–244.

Седов В.В. Восточные славяне в XI–XII вв. М., 1982 (Археология СССР). 328 с.

Сукачев В.Н. Руководство к исследованию типов лесов. М.; Л., 1931. 328 с.

Трохимчук С.В. Изменение ландшафтов Стрыйско-Санской Верховины в Украинских Карпатах за историческое время: Автореф. дис. ... канд. географ. наук. Львов, 1968.

Хомутова Л.С. История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 21 с.

Цалкин В.И., Борисоглебская М.Б. Млекопитающие Москвы и Подмосковья на рубеже нашей эры // Млекопитающие Москвы и Подмосковья на рубеже нашей эры. М., 1967. С. 7–9.

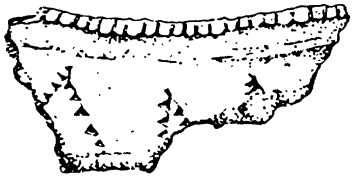
Цыганов Д.Н. Фитоиндикация экологических режимов в подзоне хвойно-широколиственных лесов. М., 1983. 198 с.

Швебс Г.И. Контурное земледелие. Одесса, 1985.

Экологический атлас Московской области. М., 2000. 94 с.

Юшко А.А. Историческая география Московской земли XII–XIV веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 21 с.

Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. 198 с.



Глава 3

Методы изучения палеопочв. Почвы в системе стратиграфии археологических объектов

А.Л. Александровский

В толще отложений, вскрывающихся при археологических раскопках, кроме горизонтов культурного слоя, следует выделять погребенные почвы и геологические слои. Наиболее сложное строение изучаемая толща имеет в центральных районах Москвы, других старых городов, в которой, кроме хорошо развитой погребенной почвы, подстилающей мощный культурный слой, выделяются слаборазвитые почвы, сформировавшиеся во время перерывов в седиментации (накоплении отложений).

В основании толщи залегают преимущественно отложения плейстоцена (ледникового периода). На территории Москвы и окрестностей они представлены мореной, водноледниковыми и аллювиальными отложениями, обычно слоистыми песчано-супесчано-суглинистого состава, нередко с включением гравия, гальки и щебня. Также значительные площади сложены покровными суглинками. Состав указанных плейстоценовых отложений в значительной степени определяет тип почв, сформировавшихся на их поверхности в течение голоцена, и состав культурного слоя.

Процесс образования почв коренным образом отличается от процессов накопления отложений. Формирование почв происходит в периоды прекращения или резкого замедления процессов седиментации. Оно (почвообразование) заключается в переработке ранее отложившихся природных или антропогенных напластований под действием разнообразных почвообразовательных процессов. В результате почва растет вглубь (а не вверх, как седименты). Среди почвообразовательных процессов следует выделить накопление гумуса (под лесной растительностью оно менее интенсивно, под луговой протекает значительно активнее), оструктуривание, перемешивание почвенной массы под действием почвенной фауны, в основном червей.

Для лесных почв, наиболее распространенных в Московском регионе, основными являются процессы элювиально-иллювиальной дифференциации профиля. Под лесной растительностью в условиях промывного водного режима происходит интенсивный вынос из верхней (элювиальной) части профиля тонких (илистых) частиц и растворенных окислов железа, алюминия и других элементов и накопление их ниже (иллювиирование). В верхней части профиля мощностью около 40 см накапливается кварц, отчего элювиальный (подзолистый) горизонт приобретает белесый цвет. Иллювиальная часть профиля мощнее, часто более 1 м. Таким профилем обладают наиболее распространенные в Подмосковье дерново-подзолистые, подзолистые, светло-серые лесные почвы, сформированные на покровных суглинках и моренах. На песках формируются подзолы.

Образующиеся горизонты профиля почвы, развивающегося вглубь, отличаются от слоев геологических и антропогенных отложений. Почвенные горизонты в большей степени выдержаны по мощности, границы между ними характеризуются постепенными переходами, нередко они волнистые или языковатые.

Погребенная почва. Широко распространенные в Москве и Подмосковье дерново-подзолистые почвы, обычно обнаруживаемые под курганами, валами городищ и куль-

турными слоями средневековья и раннего железного века, имеют следующее строение профиля. Под маломощным гумусовым горизонтом A_1 5–7 см залегает белесый подзолистый горизонт EL мощностью около 20 см, затем переходный горизонт и еще ниже – иллювиальный горизонт Bt, мощность которого может достигать 2 м. Для него характерны глинистые натеки и ребристая (ореховатая) структура. Такие почвы были встречены под 3-метровым культурным слоем на месте Казанского собора на Красной площади [Александровский, Кренке, 1993].

В отдельных случаях встречаются палеопочвы под культурным слоем, сформированные на песчаных отложениях, например, в Кремле, в районе Архангельского собора [Александровская и др., 2002].

Наиболее характерны для территории Москвы палеопочвы, сформированные на слоистых позднеплейстоценовых отложениях. В центре Москвы, в Занеглименье, на Манежной площади, в Романовом переулке, под культурным слоем чаще всего встречаются палеопочвы, исходным материалом для которых послужили маломощные суглинистые отложения, подстилаемые с глубины 30–40 см песками. Элювиальная часть профиля подзолистой почвы сформировалась в пределах суглинистого слоя, иллювиальная – в песке. Для иллювиальных горизонтов характерны процессы накопления оксидов железа в виде тонких горизонтальных извилистых полос – псевдофибров. Процесс осаждения Fe_2O_3 при этом идет на глубине 0,5–2 м.

В пониженных местах формируются почвы с признаками переувлажнения и заболачивания. Они представлены оглеенными подзолистыми почвами. Глеевый процесс обусловлен застоем воды и заключается в восстановлении окислов железа: $Fe_2O_3 > FeO$. Проявления глеевого процесса многообразны. В классическом виде это горизонт сизого цвета, образующийся в нижней части профиля. Временное оглеение проявляется в сплошном или пятнистом осветлении с образованием пятен ржавого цвета, в образовании многочисленных темных марганцевых и железо-марганцевых пятен. Погребенная подзолисто-глеевая почва с железо-марганцевыми пятнами была обнаружена на территории Китай-города – в Старопанском переулке. Здесь на первых этапах освоения среди пашен, а затем среди застройки существовал пониженный заболоченный участок и значительное время сохранялась неиспользуемая территория.

Признаки оглеения могут появиться и после погребения почвы. Это связано с тем, что после накопления мощного культурного слоя поднимается уровень грунтовых вод. Известны многие другие процессы преобразования почв после погребения (процессы диагенеза). К ним относятся потеря гумуса, вмывание из вышележащего культурного слоя карбонатов, в результате чего обычная для подзолистых почв кислая реакция почвенного раствора сменяется на щелочную. Большие нарушения почв связаны с деятельностью человека времени накопления культурного слоя. Часто встречаются ямы, подрезки грунта. Иногда они полностью нарушают верхние горизонты профиля, но зная закономерности строения почвенного профиля, можно восстановить положение исходной поверхности и отчасти тип почвы.

В поймах рек и днищах оврагов и балок формируются аллювиальные почвы. Их профиль отличается в связи с периодическим поступлением на поверхность наилков. Обычно в поймах поселения отсутствуют. Но в средневековье поселения в пойме существовали, и их следы обнаружены на территории Москвы в Мякинине и Курьянове [Александровский и др., 2001]. Культурные слои этих поселений залегают в погребенных почвах и датируются в Мякинине XII–XVI вв., а в Курьянове более ранним временем – 900 ± 100 лет (ГИН 9868).

Изменения погребенной почвы человеком. Большой интерес представляют те изменения профиля погребенной почвы, которые произошли на первых этапах освоения территории. Их изучение дает возможность наряду с лесными, болотными, пойменными почвами выявлять луговые, пахотные, огородные и др.

Дерново-подзолистые почвы имеют слаборазвитый гумусовый горизонт. При сведении лесов и смене растительности на луговую гумусообразование идет более интенсивно. Горизонт A1 становится мощнее и темнее в результате прокрашивания гумусом верхней части подзолистого горизонта. Обнаружение погребенных дерново-подзолистых почв с таким развитым гумусовым горизонтом свидетельствует о начале воздействия человека в виде сведения лесов и появления пастбищ и сенокосов. Такие почвы были обнаружены под культурным слоем между улицей Солянкой и Трехсвятительским переулком. Пахотные горизонты, обычные для погребенной почвы, здесь

отсутствовали. Это место является частью района Кулишки, где в средневековье располагались луга, относящиеся к царским конюшням [Александровский, Бойцов, Кренке, 1997].

Пахотные горизонты и другие агрогенные образования являются наиболее распространенными видами трансформации почв первого этапа освоения территории. Древние пахотные горизонты наиболее полно сохраняются под курганами, валами городищ и культурными слоями. Иногда обнаруживаются они и на дневной поверхности, но частично трансформированными (остаточно-пахотные горизонты под лесом). Также в погребенном виде или на дневной поверхности встречаются огородные горизонты, отложения агрогенно-делювиального происхождения, накопление которых происходило в нижней части пологих склонов из-за эрозии почв, вызванной распашкой, напаши по границам полей (обычно в прибровочной части террас и оврагов), образовавшиеся за счет отваливания земли плугом в одну сторону (обычно вниз по склону) и за счет накопления на этой искусственной границе смытого материала.

В Подмосковье и вообще во всех земледельческих районах лесной зоны, где распашке подвергались дерново-подзолистые, подзолистые, светло-серые лесные и другие почвы с маломощным гумусовым горизонтом, пахотные горизонты выражены отчетливо. Специфическими чертами пахотного горизонта являются гомогенность, отсутствие структуры, равномерная гумусовая прокраска сверху донизу и главное – резкая нижняя граница, отделяющая его от белесого подзолистого горизонта. После погребения в результате диагенеза пахотные горизонты становятся несколько светлее, приобретают палевый оттенок, слабо уплотняются, в них могут появиться пятна от корней, ходов червей, но их отличия от гумусовых горизонтов непаханных почв сохраняются.

Под культурным слоем в центральных районах Москвы часто встречаются значительно более мощные пахотные горизонты, чем подкурганные. Нередко они имеют двухъярусное строение: нижний более светлый, маломощный, около 5 см, и вышележащий темный, сходный по цвету с культурным слоем, до 15–20 см. Такое строение пахотных горизонтов, вероятно, отражает их развитие на городских окраинах. Нижний светлый горизонт соответствует догородскому этапу, верхний формировался позже, когда к пашне приблизилась застройка и на поверхность почвы начал поступать материал культурного слоя. Так, на Романовом дворе два яруса пашни местами разделены небольшими прослойками с включением обломков кирпича и известняка. На второй стадии пашня нередко сменяется огородом, что подтверждается наличием следов лопаты на горизонтальном срезе. Периодический привнос материала культурного слоя (или агро-делювиальных отложений) приводит в это время к постепенному росту почвы вверх, пашня (или огородный горизонт) как бы всплывает вверх вслед за поднимающейся поверхностью и отрывается от своей нижней границы. При этом мощность аккумулятивно-пахотной (огородной) толщи может превышать 50 см, например, в Коломенском, в верховьях Голосова оврага, где нарастание пахотно-огородного слоя происходило за счет поступления делювия.

Нижняя граница пахотного горизонта при забрасывании пашни и зарастании ее луговой или лесной растительностью постепенно размывается. Прослеживаются следы ходов червей и корней, другие нарушения. По степени нарушения нижней границы погребенного пахотного горизонта можно ориентировочно говорить о том, что пашня была заброшена задолго или незадолго до ее погребения. Если же и нижняя, и верхняя границы пахотного горизонта нарушены в равной степени, это следствие диагенеза после погребения, что характерно для неглубоко погребенной пашни.

С распашкой связано развитие почвенной эрозии. Для верхних частей склонов характерны смытые почвы, для нижних – намытые. Такие почвы были обнаружены на Манежной площади, где под культурным слоем были вскрыты первая и вторая надпойменные террасы р. Неглинки. На бровке второй террасы смыв составил до 50–60 см. Была смыта вся верхняя суглинистая часть профиля подзолистой почвы вплоть до подстилающего песка. На поверхности первой террасы смытый материал накопился в виде тонкослоистых делювиальных отложений мощностью до 20 см. Смыто-намытые почвы образуются на относительно выровненных участках, имеющих микрорельеф с небольшими перепадами. Так, на Романовом пер., д. 2, на поверхности высокой террасы ранняя распашка продолжалась достаточно долго. Подзолистые почвы, сформировавшиеся до этого под лесом и не испытывавшие долгое время воздействий эрозии, после распашки су-

ственно трансформировались. Материал верхнего маломощного суглинистого горизонта был почти полностью смыт с поверхности микроповышений, и пахотный горизонт лежал сразу на песке. Поэтому фрагменты подзолистого горизонта сохранились только в микропонижениях. Превышения между понижениями и повышениями были невелики, около 20 см, но этого оказалось достаточно для быстрой трансформации рельефа и почв. Диагностическим признаком смыва является также бурая окраска пахотного горизонта, обусловленная припахиванием значительного количества материала горизонта В.

В толще культурного слоя нахождение пахотных горизонтов проблематично. Но нередко в нем обнаруживаются огородные горизонты, обычно более мощные, чем пахотные. Так, на Романовом пер., д. 4, огородный горизонт начала XVII в., представленный равномерно перемешанным серо-бурым опесчаненным суглинком толщиной 15–20 см с пятнышками 1–2 см печины, угольками, был прослежен на большой площади. На участках, где он подстилался светлым песком, на горизонтальном срезе были хорошо видны следы лопаты (темные вытянутые пятна на фоне песка).

Кроме огородных почв, в толще культурного слоя имеются другие почвенные образования.

Слаборазвитые почвы в культурном слое. В толще культурного слоя встречаются погребенные почвы малой мощности, представленные обычно единственным горизонтом А1. Они характерны для территорий дворов, где строительная активность невелика, мало ям и перекопов и куда периодически попадают шлейфы от горизонтов разрушения и строительства зданий, бытовой мусор и т.д.

Почвы отличаются от культурных отложений относительно равномерной прогумусированностью, оструктуренностью, связанными с поступлением остатков растений и с деятельностью червей. В процессе почвообразования стирается присущая городским культурным слоям неоднородность сложения (пятнистость и слоистость).

Наличие почв показывает, что культурный слой накапливается не равномерно, а рывками. Почвы, мощность которых обычно составляет от 3 до 10 см, формируются во время перерывов между моментами поступления строительного мусора. Если мощность разового поступления антропогенных отложений велика, почвообразование успевает проработать только их верхнюю часть. При малой мощности отложившегося слоя образуются наложенные почвы, в некоторых случаях это целые пачки из нескольких почв разной мощности. Разделяющие почвы слои культурных отложений также постепенно изменяются. В результате промывания атмосферными осадками и других воздействий происходит растворение строительной извести, истлевание древесины, разрушение некоторых фрагментов кирпича, известняка, костей, других остатков деятельности человека. Нередко в небольших полостях на глубине появляются копролиты червей, имеющие те же цвет и структуру, что и в самих почвах. Ходы червей проникают на большую глубину и на фоне слабогумусированных слоев выделяются темным цветом за счет гумусированного материала, выстилающего их стенки.

Литература

Александровская Е.И., Александровский А.Л., Кренке Н.А., Панова Т.Д, Ван дер Плихт Й. Экологическая ситуация в районе Московского Кремля в древности и в средние века // Изв. РАН. Сер. географич. 2002. № 3.

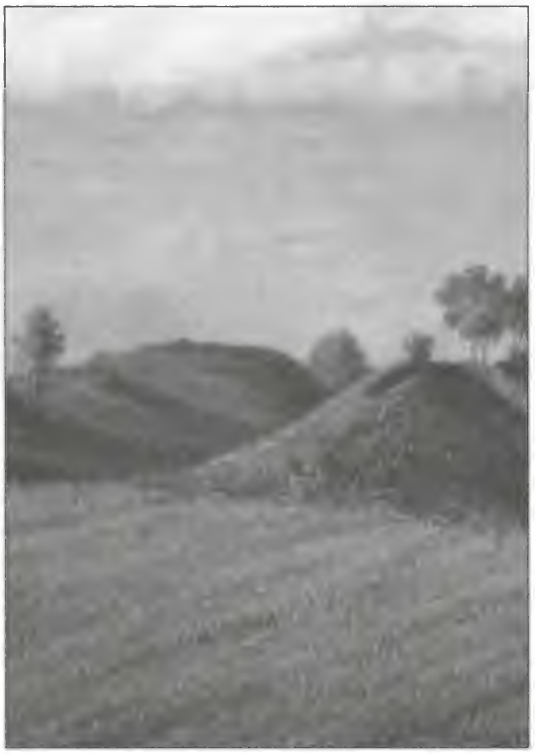
Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А. Почвы и культурный слой Москвы: строение, история развития, география // Изв. РАН. Сер. географич. 1997. № 4. С. 82–95.

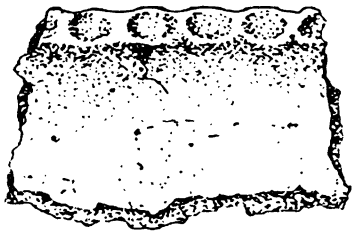
Александровский А.Л., Ершова (Бызова) Е.Г., Спиридонова Е.Н., Чернов С.З. Реконструкция измененных человеком природных комплексов средневекового Радонежа по палинологическим, геоботаническим и почвенным данным: соотношение локального и зонального при интерпретации споро-пыльцевых комплексов (исследования 1991–1999 гг. на Воздвиженской трансекте) // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия / Материалы V Всероссийской науч. конф. (Бородино, 15–16 ноября 2000 г.). М., 2001. Ч. II. С. 430–477.

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208. С. 20 – 31.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е. Предварительные результаты изучения погребенных почв и археологических памятников в пойме Москвы-реки // Звенигородская земля. М., 2001.

Исходные ландшафты





Глава 4

Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории современной Москвы

В.А. Низовцев

Начиная с VIII в. до н.э. в Подмосковье поселяются племена, оставившие городища дьякова типа. В этот период долина р. Москвы в пределах современного города становилась одним из основных очагов интенсивного хозяйственного освоения в регионе в железном веке [Кренке, 1987]. В черте города известно около 10 укрепленных поселений (городищ) и множество мелких неукрепленных – селищ. Некоторые из дьяковских городищ просуществовали более 1,5 тыс. лет: с VIII в. до н.э. до VII в. н.э. Активное занятие дьяковцев скотоводством и земледелием, как подсечно-огневым, так и пашенным, привело к значительным изменениям природных комплексов в этом районе. В долине р. Москвы появилось много безлесных участков: луговых и даже пахотных. Пойма р. Москвы и ее притоков становится окончательно лесо-луговой. Конечно, это в значительной степени облегчило освоение данной территории славянами и в какой-то степени подготовило возникновение древнерусского города и сельскохозяйственной округи.

Многочисленные археологические памятники X–XII вв. показывают, что уже ко времени образования города, на начальном этапе появления славян, территория современной Москвы была освоена. Этому способствовали выгодное географическое, по В.О. Ключевскому, – узловое в центре Русской равнины и военно-стратегическое положение, благоприятные природные условия и богатые ресурсы. Выгодное географическое положение связано с транзитной ролью Москвы-реки, позволявшей свободно расселяться и мигрировать первобытному населению по главным водным путям (Волге, Оке, Клязьме, Днепру и др.) как в широтном, так и в меридиональном направлениях и осваивать разнообразные ландшафты ближнего и дальнего Подмосковья.

Природные свойства ландшафтов во многом предопределили пути заселения и хозяйственного освоения данного района. Палеореконструкция исходных (коренных) ландшафтов, выполненная в масштабе 1:100000 для территории современной Москвы (ранги ПТК – ландшафт, местность и урочище) (цв. вкл., рис. 2) и в масштабе 1:1000–1:5000 для ряда ключевых участков: Царицыно (рис. 17А; цв. вкл., рис. 8), Коломенское (цв. вкл., рис. 18–20), Исторический центр (рис. 79, 80) (ранг ПТК – урочище и подурочище), выявила большую пестроту, а порой и контрастность существовавших здесь в доисторическом прошлом ландшафтных комплексов. С этим связаны, соответственно, большая пестрота почвенно-растительного покрова и богатый животный мир. Несмотря на то что Москва полностью расположена в природной зоне смешанных (елово-широколиственных) лесов, здесь произрастали не только эти леса. Распространены были таежные ельники и сосновые боры. Значительные площади занимали густые дубравы и липняки. Встречались вязовники, а, возможно, и ясеневые леса. Вряд ли можно считать случайным сохранение топонима (названия населенного пункта) Ясенево в юго-западной части города. В этих лесах водилось не менее 20 видов диких млекопитающих [Цалкин, Борисоглебская, 1967]. Среди хищных зверей были распространены медведь, волк, лисица, рысь, барсук, куница, хорек, ласка, горностай и вы-

дра. Обычными были копытные: лось, северный олень, косуля, кабан и зубр, а наиболее многочисленными грызуны и зайцеобразные: бобр, заяц, белка, сурок, хомяк, водяная полевка и др.

Разнообразие ландшафтных условий на территории Москвы обусловлено, главным образом, особенностями литогенной основы (геологического строения и рельефа) и различиями местного климата самих ландшафтов. Москва расположена на стыке трех физико-географических провинций: Москворецко-Окской, Московской и Мещерской, сформировавшихся в крупных формах рельефа Русской равнины: Москворецко-Окской эрозионной равнине, Клинско-Дмитровской гряде и Мещерской низменности соответственно [Анненская и др., 1987].

В формировании ландшафтной структуры территории решающую роль сыграли события четвертичного периода: оледенение и сток ледниковых вод. Особая роль в этом принадлежала московскому оледенению. В результате на неоднородном геологическом фундаменте образовались разные виды моренных, водно-ледниковых и озерно-водно-ледниковых равнин, послуживших основой дифференциации (обособления) ландшафтов. Последующее формирование эрозионной сети, переработка ледникового рельефа преимущественно делювиально-солифлюкционными процессами придали каждому ландшафту индивидуальные, неповторимые черты и существенным образом повлияли на формирование их морфологической структуры.

На территории современной Москвы выделено девять коренных ландшафтов, большинство из которых простирается далеко за ее пределы. Уникальным представляется тот факт, что восемь из них практически сходятся в центральной части города. Подобного тесного соседства, такого количества и таких разнородных по свойствам ландшафтов не отмечается больше нигде в Московской области. Через всю Москву с северо-запада на юго-восток протянулись ландшафты – Москворецко-Сходненский, Москворецко-Капотненский, Москворецко-Грайворонский (рис. 1), разделив ее территорию на две примерно равные части. Именно эти ландшафты явились основными путями расселения в Подмосковье (рис. 2).

Фоновыми (доминирующими) урочищами москворецких ландшафтов являются урочища пойм, боровых террас и низкого долинного зандра, занимающие наибольшие площади и достигающие 1–3 км ширины и более (цв. вкл., рис. 2). Пойма, имеющая относительную высоту 4–6 м, в излучинах была осложнена многочисленными староречными понижениями и старицами. В зависимости от характера поверхности (плоская или пологоволнистая), литологического состава аллювиальных отложений (пески или суглинки) варьировались и условия увлажнения: наряду с нормальной степенью увлажнения были широко распространены влажные и сырые местообитания и даже заболоченные, как, например, просуществовавшее длительное время Сукино болото. Главной отличительной чертой пойменных местообитаний является повышенная трофность (плодородие) субстрата из-за постоянного поступления питательных веществ с полыми водами. Поэтому здесь произрастали пойменные леса с густым подлеском и богатым наземным покровом: дубравы, липо-дубравы и вязовники, а по заболоченным участкам – черноольшаники. Пойменные ПТК – это наиболее динамичные комплексы района, здесь всегда существовало больше открытых мест – лесных полян, что, в сочетании с непосредственной близостью воды, привлекло на эти земли первых скотоводов в конце неолита – бронзовом веке. По-видимому, здесь, а также в субдоминантных (дополняющих) урочищах делювиально-пролювиальных шлейфов и нижних частях коренных склонов долин с натечным увлажнением и богатством растительной пищи зародилось специфическое лесное скотоводство с преимущественным выпасом свиней. Однако длительные выпасы скота на одном месте привели к началу обезлесивания пойм, и уже в железном веке (на рубеже эр) здесь могли существовать значительные участки заливных пойменных лугов, что в свою очередь, привлекало и жителей городищ, таких как, например, Дьяково городище [Гунова и др., 1996; Низовцев, Щуркина, 1997; Кренке, Низовцев, 1997 и др.].

Надпойменные террасы (первая и вторая), а также низкий долинный зандр (третья надпойменная терраса) сложены преимущественно песчаной толщей, лишь местами перекрытыми маломощными суглинками и супесями. Здесь на надпойменных и дерново-подзолистых почвах были распространены сосновые леса (простые и сложные боры). На участках с близким залеганием морены и там, где механический состав почвообразующих пород тяжелее, леса становились богаче, в древостое примешивались широколиственные породы, а в травостое значительное участие составляли неморальные (широкотравные) элементы. Приречное положение, преобладание наклонных поверх-

ностей в сочетании со значительным расчленением долинно-балочной сетью способствовали хорошей дренированности многих террасовых урочищ. Поэтому, несмотря на бедность субстрата, эти местообитания явились оптимальными для занятия подсечно-огневым земледелием. Обилие боровой дичи в этих местообитаниях делало их прекрасными охотничьими угодьями.

Большое значение в жизни первопоселенцев могли иметь сравнительно небольшие по площади урочища коренных склонов долин (крутых, сложного профиля и покатых), занятые липняками на северных (холодных) экспозициях и дубравами на южных (теплых). На склонах теплых экспозиций в начале весны, раньше, чем на других местообитаниях, начинали вегетировать растения, что делало эти участки склонов незаменимыми для того периода пастбищными угодьями. Липняки коренных склонов послужили основной базой развития бортничества в ближайших, на то время, окрестностях города.

Сходную ландшафтную структуру, но с меньшим развитием долинных комплексов, имел и Яузский ландшафт. Он заложился в крупной ложбине стока талых ледниковых вод – межбассейновом (Москва-река – Клязьма) "переливе" – и имел монодоминантную структуру. По площади абсолютно господствуют плоские урочища боровых местообитаний низкого долинного зандра. Характер расположения мелких рек, притоков Яузы и Москвы-реки, позволяет считать, что именно в Яузском и москворецких ландшафтах располагались основные бобровые колонии в Москве.

Правобережные и левобережные междуречные ландшафты резко контрастируют по своим свойствам. Правобережные ландшафты занимают возвышенные междуречные моренные равнины, имеют сложную полидоминантную структуру и отличаются максимальной высотой, степенью расчлененности и эрозионной переработки первичного рельефа. Самый высокий, Теплостанский, ландшафт с абсолютными высотами более 200 м (максимум 254 м) приурочен к повышению дочетвертичного рельефа – выступу юрских глин и меловых песков. Водно-ледниковые пески и морена (мощностью от 3 до 10 м) несколько сглаживают неровности коренного рельефа. Доминантный фон составляет увалисто-плоскохолмистые равнины верхней ступени рельефа и увалисто-волнистые равнины нижней ступени. Волнисто-увалистый облик ландшафта создается крупными (несколько сотен метров в поперечнике) слабовыпуклыми и плосковершинными моренными холмами, многочисленными ложбинами ("переливами") стока ледниковых вод, в большинстве своем с сырыми балками и верховьями рек. Дерново-слабоподзолистые почвы, сформировавшиеся на покровных суглинках, в сочетании с повышенными ("теплыми") местообитаниями способствовали произрастанию в прошлом широколиственных лесов, преимущественно дубрав (рис. 3).

Кунцевский моренный ландшафт и Царицынский ландшафт моренных и водноледниковых равнин (рис. 1) расположены на следующей высотной ступени рельефа (170–200 м) и имеют неровный цоколь нижнемеловых песков и юрских глин. В Кунцевском ландшафте доминируют урочища волнистых и волнисто-увалистых моренных равнин. В ряде местностей широко распространены конечноморенные всхолмления, сложенные мореной легкого механического состава. Царицынский ландшафт имеет бидоминантную структуру: урочища плоских и слабоволнистых водно-ледниковых равнин и урочища пологонаклонных и волнисто-увалистых останцов моренных равнин. Урочищами-субдоминантами являются ложбины стока ледниковых вод с глубоко врезанными в них речными долинами и балками и небольшие моренно-камовые всхолмления. Значительные уклоны поверхности большинства урочищ, густая эрозионная расчлененность (лощины, балки, долины и полузадернованные овраги) благоприятствовали хорошей дренированности данных ландшафтов. В этих ландшафтах отмечается максимальная пестрота почвообразующих пород и соответственно почвенно-растительного покрова. На большей части их урочищ господствовали, в разном соотношении, смешанные хвойно-широколиственные леса. В правобережных ландшафтах местообитания с хорошо дренированными плодородными почвами (благоприятными для пашенного земледелия) занимают большие площади. Поэтому не удивительна ранняя колонизация этого района славянскими поселенцами, основой хозяйства которых являлось именно пашенное земледелие.

Левобережные междуречные ландшафты более просты по морфологическому строению. В Химкинском ландшафте, занимающем переходное положение от южных склонов Клинско-Дмитровской гряды к Мещерской низменности, два доминирующих вида урочищ. Первый – это волнистые и плоские, осложненные редкими всхолмлениями моренные равнины с маломощным чехлом покровных суглинков. В прошлом на этой территории произра-

стали еловые или елово-широколиственные леса на дерново-среднеподзолистых, нередко оглеенных почвах. Второй вид фоновых урочищ – плоские и слабоволнистые водно-ледниковые равнины, сложенные песчаными с прослоями супесей и суглинков отложениями. Их занимали преимущественно влажные сосновые с елью и широколиственными породами леса на дерново-подзолистых оглеенных почвах. Субдоминантными урочищами являлись сырые долины, местами заболоченные покатосклонные, малых рек и ручьев, врезанные в пологовогнутые сырые ложбины стока. Менее распространены сухие и заболоченные озерные котловины и камовые всхолмления. Относительно слабая дренированность поверхности, преобладание "холодных" почв длительное время препятствовали сельскохозяйственному освоению больших площадей данного ландшафта.

Северо-восточную окраину территории Москвы занимали урочища Мещерского ландшафта. На однородном, крайне невыразительном фоне доминантных урочищ плоских зандровых равнин с высотами 140–150 м с борами зеленомошниками и черничниками на 5–10 м возвышаются моренные "острова" с сосново-еловыми и еловыми лесами на дерново-подзолистых, разной степени оглеения почвах. Широко распространены сырые ложбины стока и древнеозерные котловины, в которых произрастали заболоченные широколиственно-хвойные травянистые леса на дерново-подзолисто-глеевых и болотных почвах, и заболоченные западины под ельниками долгомошниками. В силу значительного поверхностного переувлажнения и неблагоприятного для земледелия водно-воздушного режима на значительной площади ландшафта просуществовали коренные леса, длительное время служившие лучшими охотничьими угодьями на территории Москвы.

Легенда к схеме "Условно-восстановленные (коренные) ландшафты г. Москвы" (рис. 1)

1. Теплостанский

Моренные равнины, возвышенные, волнисто-увалистые, крупнохолмистые, сильнорасчлененные, сложенные покровными суглинками (1,5–3 м) на морене, с приподнятым цоколем из песков, песчаников и глин нижнего мелового и юрского периодов, отлично дренированные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами, под липо-дубравами и дубравами.
Субдоминанты: ложбины стока, крутовврезанные долины малых рек и ручьев балочного типа, балки, лощины, влажные и сырые; древнеозерные котловины, сырые и влажные; западины, сырые и заболоченные; овраги полузадернованные; моренные всхолмления; камы.

2. Кунцевский

Моренные равнины, волнистые и среднехолмистые, слаборасчлененные, сложенные покровными суглинками, подстилаемыми мореной, с неровным цоколем из отложений юры и нижнего мела, умеренно дренированные, с дерново-средне- и дерново-слабоподзолистыми, иногда поверхностно оглеенными почвами, под широколиственными и широколиственно-еловыми лесами.
Субдоминанты: моренные холмы, камы; глубоковрезанные долины; балки, сырые и влажные; ложбины стока ледниковых вод; лощины, сырые и заболоченные; древнеозерные котловины сырые; западины заболоченные; овраги полузадернованные.

3. Царицынский

Моренные и водно-ледниковые равнины, волнисто-увалистые, мелкохолмистые, расчлененные, сложенные покровными суглинками, подстилаемыми мореной или водно-ледниковыми песками, залегающие на приподнятом цоколе из отложений мела и юры, хорошо дренированные, с дерново-среднеподзолистыми почвами под дубово-липовыми, широколиственно-еловыми лесами.
Субдоминанты: ложбины стока ледниковых вод, балки и котловины, сырые и влажные; лощины сырые; западины, сырые и заболоченные; глубоковрезанные долины; камы.

4. Москворецко-Сходненский

Водно-ледниковые, древнеаллювиальные и аллювиальные равнины, плоские, слабоволнистые, ступенчатые и наклонные, сложенные водно-ледниковыми, древнеаллювиальными и аллювиальными суглинками и песками, подстилаемыми мореной или песками и галечниками, на опущенном цоколе известняков карбона и юрских глин с прослоями песков, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами или слабо- и среднеподзолистыми, иногда глееватыми почвами под широколиственно-сосновыми и сосновыми лесами, на поймах с пойменными дерновыми и пойменными дерново-глеевыми почвами, под широколиственными и ольховыми лесами.
Субдоминанты: балки, лощины, влажные и сырые; западины, заболоченные и сырые; эоловые бугры; староречья.

5. Москворецко-Капотненский

Водно-ледниковые, древнеаллювиальные и аллювиальные равнины, плоские, волнистые и бугристо-грядовые, сложенные водно-ледниковыми и аллювиальными песками, с прослоями супесей и галечников, подстилаемыми коренными отложениями (известняки карбона) на опущенном цоколе, с островами юрских глин и меловых песков, умеренно дренированные, со средне- и слабо-подзолистыми почвами, иногда оглеенными, местами подзолистыми слаборазвитыми почвами, пойменными дерновыми глеевыми и глееватыми почвами, под сосняками и ольшаниками.
Субдоминанты: эоловые бугры и гряды; останцы высоких долинных зандров; лощины и балки, влажные, сырые и заболоченные; западины заболоченные; староречья; пойменные низинные болота.

6. Москворецко-Грайворонovский

Водно-ледниковые и древнеаллювиальные равнины, плоские и слабоволнистые, сложенные водно-ледниковыми слоистыми (гравийные пески, суглинки) отложениями, подстилаемыми мореной или коренными отложениями, древнеаллювиальными песками на опущенном цоколе песков и песчаников мела и глин с прослоями песков юры, плохо дренируемые, со сред-

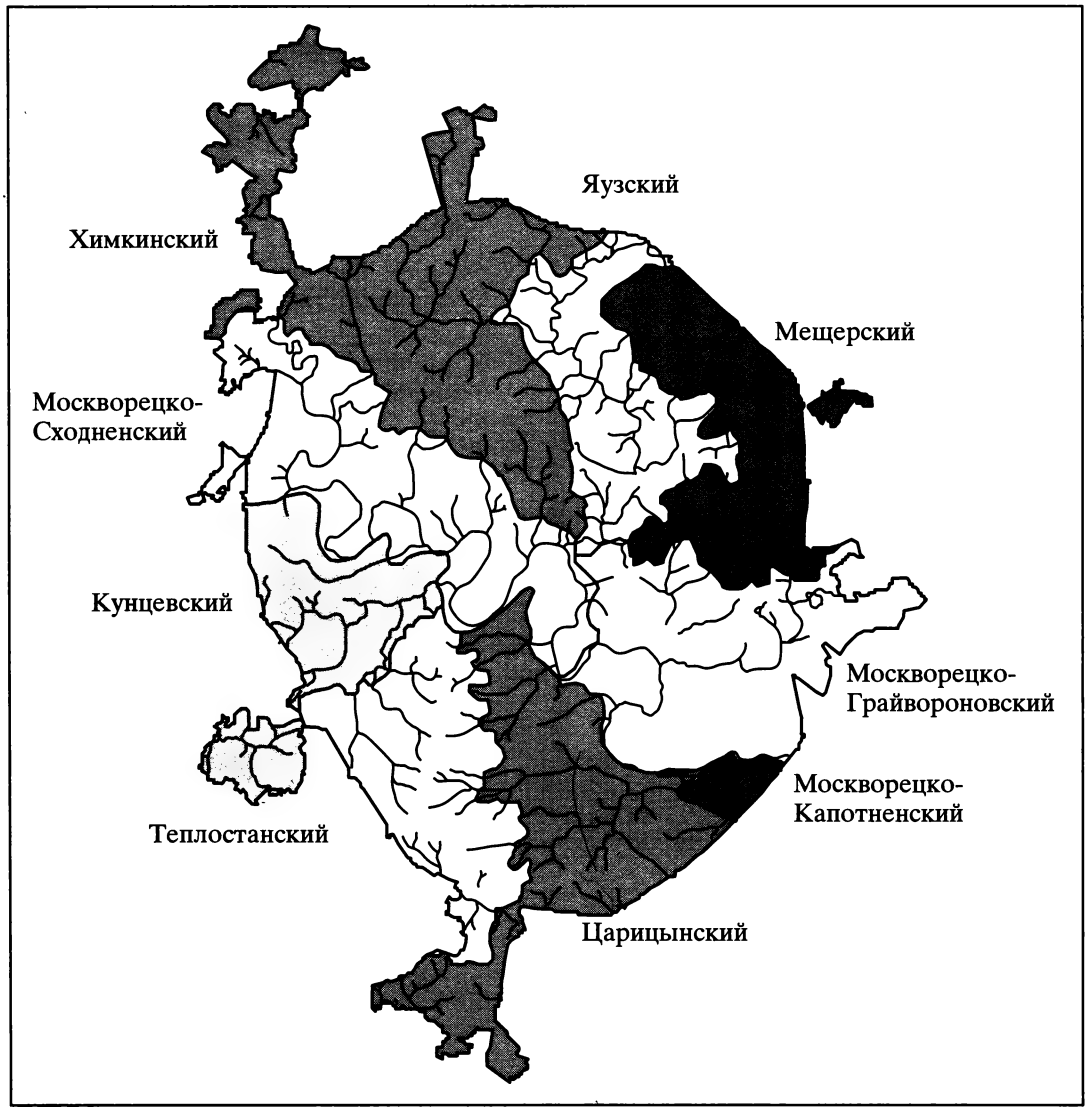


Рис. 1. Условно-восстановленные ландшафты Москвы
Схема. Составлена В.А. Низовцевым

не-, слабо- и сильноподзолистыми глееватыми и глеевыми и болотными низинными почвами, под сосновыми, реже еловыми лесами.
Субдоминанты: ложбина стока, лощины, балки и западины, заболоченные по низинному и верховому типу; древнеозерные котловины с остаточными ледниковыми озерами; моренные всхолмления; останцы выровненных террас.

7. Яузский

Водно-ледниковые и древнеаллювиальные равнины, плоские, наклонные и слабоволнистые, сложенные водно-ледниковыми и древнеаллювиальными маломощными суглинками, подстилаемыми толщей каменистых песков, залегающих на опущенном цоколе юрских глин и частично известняков карбона, относительно хорошо дренированные; с дерново-среднеподзолистыми, слабо- и среднеподзолистыми, в том числе глееватыми почвами, под сосновыми с елью и дубом и черноольховыми лесами.
Субдоминанты: древнеозерные котловины, сырые и заболоченные; западины заболоченные, лощины, балки и долины ручьев балочного типа, влажные, сырые и заболоченные, камы.

8. Мещерский

Водно-ледниковые равнины, плоские и волнистые, сложенные водно-ледниковыми каменистыми песками на морене, водно-ледниковыми слоистыми отложениями на приподнятом цоколе из отложений юры (глины с прослоями песков), плохо дренируемые, со среднеподзолистыми глееватыми и глеевыми, реже неоглеенными почвами, под сосновыми, сосново-еловыми с дубом и липой лесами.
Субдоминанты: останцы моренных равнин; моренные холмы; ложбины стока ледниковых вод, лощины, балки и древнеозерные котловины, сырые и заболоченные; западины заболоченные, межхолмовые понижения сырые; верховые и переходные болота.

9. Химкинский

Моренные и водно-ледниковые равнины, слабоволнистые, волнистые и холмистые, сложенные мореной или водно-ледниковыми отложениями сложного меха-

Рис. 2. Москворецкий ландшафт в районе Коломенского

Вверху – коренной берег, расчлененный оврагами; внизу – Дьяково городище.
Фото Н.А. Кренке

нического состава (от суглинков до песков), местами перекрытыми покровными суглинками на неровном цоколе из отложений юры и мела, замедленно и умеренно дренированные, с дерново-подзолистыми, нередко оглеенными почвами, под еловыми, широколиственно-еловыми и широколиственно-сосновыми лесами.
Субдоминанты: моренные холмы; камы; полузадернованные овраги; ложбины стока ледниковых вод, долины, балки и лощины, сырые и заболоченные; западины и древнеозерные котловины заболоченные.

Легенда к карте "Условно-восстановленные (коренные) ландшафты г. Москвы (природные территориальные комплексы – виды урочищ)", масштаб 1:100 000 (цв. вкл., рис. 2)

1. Моренные всхолмления, слабовыпуклые и плосковершинные (с абсолютными отметками 220–250 м), сложенные покровными суглинками, подстилаемыми мореной, хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под широколиственными, преимущественно дубовыми лесами.

2. Моренные равнины, возвышенные (200–240 м), волнисто-увалистые, сложенные покровными суглинками (1–2 м мощностью), подстилаемыми мореной, расчлененные лощинно-балочными верховьями долин малых рек, отлично дренированные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами, под липо-дубравами.

3. Моренные равнины (180–200 м), увалистые и волнисто-увалистые, сильно расчлененные глубоко врезанными балками, долинами малых рек и ручьев балочного типа, отлично дренированные, сложенные мощными (до 3 м) покровными суглинками по морене, с дерново-слабо- и реже дерново-среднеподзолистыми почвами, под липняками с елью, дубом, вязом и ясенем.

4. Конечно-моренные всхолмления, выпуклые и слабовыпуклые (180–200 м), сложенные маломощными (до 1,5 м) покровными суглинками, подстилаемыми мореной (большей частью легкого механического состава), отлично дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под дубравами с примесью липы и сосны.

5. Моренные равнины, волнистые (180–190 м), слаборасчлененные лощинами и балками, сложенные покровными суглинками разной мощности, подстилаемыми мореной, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми, нередко слабоглееватыми почвами, под широколиственно-еловыми и широколиственными с елью лесами.

6. Моренные равнины (160–180 м, останцовые поверхности), пологонаклонные и волнисто-увалистые, хорошо дренируемые лощинами и балками, сложенные покровными суглинками на морене, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами, под липово-дубовыми с елью лесами.

7. Моренные равнины, плоские и слабоволнистые (155–170 м), "разбитые" на изолированные участки многочисленными мелкими ложбинами стока ледниковых вод ("переливами"), сложенные (0,5–1,5 м) покровными суглинками, подстилаемыми мореной или иногда маломощными (до 0,5 м) "наледными" песками, с дерново-среднеподзолистыми, чаще слабоглееватыми почвами, под широколиственно-еловыми лесами.

8. Моренные равнины (155–170 м), волнистые и холмистые ("останцы" – "утопленный" моренный рельеф), относительно хорошо дренированные, сложенные маломощными (до 1,5 м) покровными суглинками на морене, с дерново-среднеподзолистыми, иногда глееватыми почвами, под широколиственно-еловыми и еловыми лесами.

9. Камы мелкие (с относительной высотой до 3–5 м и диаметром от десятков до сотен метров), слабовыпуклые, сложенные толщей песчано-гравийных отложений, перекрытых маломощной мореной и местами покровными суглинками, отлично дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под широколиственно-хвойными, преимущественно сосновыми лесами.

10. Древнеозерные котловины, плоские и пологонаклонные, сложенные мощной толщей озерноледниковых алевритистых суглинков и алевритов, с дерново-подзолистыми оглеенными, реже перегнойно-глеевыми, почвами, под широколиственно-еловыми сырыми и заболоченными лесами.

11. Древнеозерные котловины, плоские и пологовогнутые, сложенные озерно-ледниковыми алевритистыми суглинками с прослоями песков, с дерново-подзолисто-глеевыми, иловато- и торфянисто-глеевыми почвами, под еловыми с участием широколиственных пород заболоченными лесами или низинными и переходными болотами.

12. Мелкие ложбины стока ("межбассейновые" переливы), полого-вогнутые и полого-наклонные, сложенные водно-ледниковыми суглинками, подстилаемыми песками, сырые, с дерново-подзолисто-глеевыми и глееватыми почвами, под широколиственно-хвойными лесами.

13. Мелкие ложбины стока ("межбассейновые" переливы), плоские и пологовогнутые, сложенные водно-ледниковыми маломощными (до 1 м) суглинками с прослоями песков, сырые и заболоченные, с дерново-подзолисто-глеевыми и мелкоболотными почвами, под елово-сосновыми с участием широколиственных пород, лесами.

14. Ложбины стока ледниковых вод, освоенные долинно-балочной сетью (долинные зандры малых рек), полого- и покатонаклонные, сложенные мощной толщей (до 3 м) водно-ледниковых суглинков, подстилаемых песками с цоколем из морены и коренных пород, отлично дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под широколиственно-еловыми и широколиственно-сосновыми лесами.

15. Ложбины стока ледниковых вод, освоенные долинно-балочной сетью (долинные зандры малых рек), плоские и пологонаклонные, суглинисто-песчаные, относительно хорошо дренированные, с дерново-средне- и дерново-слабоподзолистыми почвами, под сосновыми с участием ели и широколиственных пород лесами.

16. Водно-ледниковые равнины, возвышенные (160–180 м), плоские, полого-волнистые и наклонные, расчлененные долинами малых рек и ручьев, сложенные водно-ледниковыми суглинками, подстилаемыми песками, умеренно дренированные, с дерново-средне- и дерново-слабоподзолистыми, местами глееватыми почвами, под широколиственно-хвойными лесами.

17. Высокие долинные зандры (правобережной части Москвы), плоские и пологонаклонные, расчлененные балками и изредка береговыми оврагами, сложенные водно-ледниковыми суглинками и песками, относительно хорошо дренированные, с дерново-подзолистыми, иногда глееватыми, почвами, под хвойными с участием дуба и липы лесами.

Рис. 3. Теплостанская возвышенность

Вверху – Купринский овраг в верховья р. Очаковки; внизу – Коньковская курганная группа. Фото Н.А. Кренке

18. Низкие долинные зандры (третья надпойменная терраса, правобережье Москвы), плоские или пологои покатонаклонные, расчлененные, местами сильно, балками, береговыми оврагами и долинами малых рек, хорошо и отлично дренированные, суглинисто-песчаные, с дерново-подзолистыми почвами, под широколиственно-сосновыми с участием ели лесами.

19. Водно-ледниковые равнины, плоские и слабоволнистые (155–170 м), сложенные водно-ледниковыми суглинками (0,5–1,5 м), подстилаемыми песками и мореной, замедленно дренируемые лощинно-балочными верховьями долин малых рек, с дерново-среднеподзолистыми, реже средне- и сильноподзолистыми, часто оглеенными почвами, под хвойными с примесью липы и дуба, лесами.

20. Водно-ледниковые равнины, плоские и слабоволнистые (160–170 м), сложенные водно-ледниковыми песками каменистыми, залегающими на морене и местами перекрытыми маломощными (до 1 м) покровными суглинками, плохо дренируемые, с многочисленными заболоченными западинами, с дерново-подзолистыми и подзолистыми, в том числе глееватыми и глеевыми, почвами, под сосновыми, реже еловыми, с дубом и липой лесами.

21. Долинные зандры левобережья Москвы и Яузы (140–160 м), (преимущественно низкие, местами слившиеся с высокими, третья надпойменная терраса), плоские и пологонаклонные, умеренно дренированные, слабо- и местами среднерасчлененные балками и долинами малых рек и ручьев, сложенные древнеаллювиальными водно-ледниковыми песками и супесями с прослоями суглинков, с дерново-слабоподзолистыми и подзолистыми, нередко оглеенными почвами, под сосновыми с елью, липой и дубом лесами.

22. Низкие долинные зандры (140–160 м, третья надпойменная терраса Яузы), полого-наклонные, волнистые и мелкохолмистые, расчлененные балками и долинами ручьев, относительно хорошо дренированные, песчаные, со слабоподзолистыми и дерново-слабоподзолистыми почвами, под сосновыми с примесью дуба лесами.

23. Низкие долинные зандры, относительно пониженные (140 м), плоские, сложенные древнеаллювиальными песками с прослоями алевритистых суглинков, плохо дренированные, сырые, с дерново-средне- и дерново-сильноподзолистыми почвами, под сосняками с елью и дубом.

24. Долинные зандры (низкие и высокие, слившиеся, 150–160 м), плоские и мелковолнистые, местами осложненные эоловыми буграми и западинами, песчаные, замедленно дренированные, со слабо- и среднеподзолистыми, в том числе оглеенными, почвами, под сосновыми с елью лесами.

25. Древнеаллювиально-водно-ледниковые равнины (130–150 м) – долинные зандры, волнисто- и грядово-бугристые, со сложным эоловым рельефом, умеренно-дренированные, сложенные водно-ледниковыми песками, подстилаемые перемытой мореной и меловыми песками, с подзолистыми почвами под сосновыми лесами.

26. Моренно-водно-ледниковые всхолмления, слабовыпуклые и плоские останцы высоких уровней, сложенные водно-ледниковыми суглинками и песками на близко лежащей морене, относительно хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под хвойными с дубом лесами.

27. Эоловые гряды и крупные бугры, сложенные эоловыми песками, со слабоподзолистыми и подзолистыми слаборазвитыми почвами, под сосняками.

Рис. 4. Излучина Москвы-реки в районе с. Спас-Тушино

Вид с 1-го Спас-Тушинского городища на Мякининскую пойму. Фото Н.А. Кренке

28. Древнеаллювиальные равнины (вторая надпойменная терраса), плоская и пологонаклонная, реже мелкобугристая, сложенная древнеаллювиальными песками, реже супесями, местами перекрытыми маломощными суглинками, умеренно дренированные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми и подзолистыми почвами, под сосновыми с липой и дубом лесами.

29. Древнеаллювиальные равнины (первая надпойменная терраса), плоская, местами полого-наклонная, сложенная древнеаллювиальными песками с прослоями супесей и суглинков, слабодренированные, со среднеподзолистыми и дерново-подзолистыми, местами оглеенными почвами, под сосновыми лесами.

30. Древнеаллювиальные равнины (первая и вторая надпойменные террасы), нерасчлененные/полого-наклонные, сложенные древнеаллювиальными песками, перекрытыми маломощными супесями и суглинками, хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под сосновыми с примесью широколиственных пород, лесами.

31. Поймы ровные и мелковолнистые, осложненные многочисленными староречьями, сложенные аллювиальными суглинками и песками с прослоями гальки, с пойменными дерново-глеевыми и пойменными дерновыми почвами, под липо-дубравами и вязовниками.

32. Поймы плоские, сложенные аллювиальными слоистыми (суглинки и пески) отложениями, с пойменными болотными почвами, под черноольшаниками, дубравами и вязовниками.

33. Болота пойменные, низинные, с черноольшаниками на мощных торфяниках.

34. Поймы мелких рек, волнистые и бугристые, сложенные аллювиальными суглинками и песками, сырые и влажные, с пойменными дерновыми, разной степени оглеенными почвами, под черноольшаниками и вязовниками.

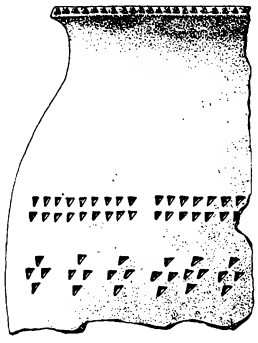
35. Коренные склоны долин, крутые, сложного профиля, чаще оплывно-оползневые, сложенные маломощными делювиальными суглинками и супесями, подстилаемыми водно-ледниковыми песками в верхней части склона и мореной или коренными (в основном юрскими глинами) в нижней части, с дерновыми, неравномерно смыто-намытыми и оглеенными почвами, под липняками и дубравами с сосной лесами.

36. Коренные склоны долин, покатые и покато-крутые, сложенные делювиальными суглинками (мощностью 1–3 м и более), подстилаемыми рыхлыми четвертичными отложениями, с дерновыми, в нижних частях оглеенными почвами, под широколиственно-еловыми и широколиственно-сосновыми лесами.

37. Долины малых рек и ручьев балочного типа, глубоковрезанные, покато- и крутосклонные, с фрагментами суглинисто-песчаных надпойменных террас, с дерново-слабоподзолистыми, местами глееватыми, почвами под сосняками, с дерновыми смыто-намытыми почвами на склонах, под липо-дубравами и пойменными дерновыми глееватыми и глеевыми почвами, местами с черноольшаниками на поймах.

38. Долины малых рек и ручьев балочного типа, полого-вогнутые, песчаные с прослоями суглинков, с подзолистыми и дерново-подзолистыми, сильно оглеенными почвами, под сосняками с елью и широколиственными породами на склонах и террасах и черноольшаниками на пойменных дерново-глеевых почвах на поймах.

39. Лощины и балки, влажные и сырые, реже заболоченные, под хвойными и ольховыми с примесью широколиственных пород лесами.



Глава 5

Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье

Н.А. Кренке

Цель настоящей главы – описать процесс освоения человеком изучаемого региона в период, предшествовавший славянской колонизации XI–XIII вв., чтобы глубже понять, в какой мере уже измененный человеком "ландшафтный субстрат" оказывал влияние на формирование средневекового исторического ландшафта.

Средневековые колонисты, по-видимому, пришли на почти обезлюдевшие земли долины Москвы-реки, где уже около двух (?) столетий шло восстановление зонального типа растительности. Однако до этого основные речные долины осваивались очень интенсивно, на значительных по площади участках в результате многовековой сельскохозяйственной деятельности жителей городищ железного века могли сформироваться агроландшафты. Следы этих измененных человеком ландшафтов, вероятно, сохранялись в период начала нового этапа хозяйственного освоения края, связанного с расселением здесь славян[1]. Косвенным доказательством этому служит тот факт, что памятники XI в., относящиеся к начальному этапу нового цикла освоения территории, занимают ту же ландшафтную нишу, что и городища железного века.

§ 1. Общие данные о памятниках железного века в бассейне Москвы-реки (система расселения, хронология, хозяйство)

По состоянию на 2002 г. в бассейне Москвы-реки было выявлено 239 памятников железного века, в том числе 82 городища и 154 селища. Более половины памятников (151) находятся в пределах долины самой Москвы-реки и ее мелких притоков (см. Приложение 1).

Исследования в эталонных микрорегионах, в частности в округе Дьякова городища, позволили выдвинуть предположение, что количество найденных селищ железного века составляет не более одной трети их реального числа [Кренке, 1988]. Динамика выявления новых памятников (за последние 14 лет было открыто 75 селищ и 3 городища) подтверждает это предположение.

Долина среднего течения Москвы-реки от устья Рузы до устья Пахры была заселена в железном веке особенно густо. Здесь расположено 28 городищ и около 70 селищ. Длина этого участка реки составляет 170 км, т.е. среднее расстояние между городищами – около 6 км (цв. вкл., рис. 3).

Памятники, вошедшие в категорию "селище", не являются однородными. Некоторые из них, такие, как Пенягино, Московский Кремль, Жуковка и др., были крупными поселениями, по размерам и мощности культурного слоя сходными с городищами. Другие памятники, вроде расположенных вокруг Дьякова городища селищ Дьяково-2 (Дьяко-

[1] В данном случае не учитывается возможность инфильтрации в регион славян еще в период около середины I тыс. н.э., о чем писали П.Н. Третьяков и В.В. Седов.

во-пойма), Дьяково-1 (Выгон), Коломенское-3 (К югу от церкви Вознесения), характеризуются малыми размерами, отсутствием следов построек. По-видимому, это места временных стоянок, связанных с различными видами хозяйственной деятельности.

Типичные размеры площадок городищ – от 1200 до 2000 кв. м. Масштабные раскопки ряда памятников (Троицкое, Дьяково, Кузнечики, Щербинка, Боршева, Настасьино) показали, что на раннем этапе, в V–III вв. до н.э., на площадках находились длинные дома, разделенные на комнаты-отсеки с открытыми очагами внутри. Позднее, в первой половине I тыс. н.э., длинные дома сменились постройками меньших размеров прямоугольной или квадратной формы. Городища и крупные селища являлись "базовыми" поселениями. По материалам раскопок городищ Кузнечики на Пахре и Дьяково была сделана приблизительная оценка численности их жителей. Отправным пунктом для расчета являлась площадь жилых построек. В археологической литературе, посвященной данной проблеме, предлагается приблизительно оценивать число обитателей постройки как 1/6 ее площади, измеренной в кв. м [Casselberry, 1974]. В этом случае на вышеупомянутых городищах в двух-трех длинных домах, которые могли уместиться на площадке, должно было проживать от 50 до 100 человек. Площадь этих двух городищ равняется соответственно 1300 и 2200 кв. м. Всего на отрезке долины Москвы-реки от устья Рузы до устья Пахры (включая городище Боровский курган) находится 38 "базовых поселений" (городищ и крупных селищ). Их суммарная площадь составляет около 64 тыс. кв. м. Если считать, что на Дьяковом городище на 2200 кв. м проживало 100 человек, то, следовательно, на всех базовых поселениях среднего течения Москвы-реки могло проживать около 3 тыс. человек. Эта цифра очень приблизительна, так как слишком много параметров приходится гипотетически реконструировать. Эта оценка дает представление лишь о порядке величин.

Мощность культурного слоя на многих городищах составляет около 1 м. Максимальная толщина культурного слоя на городище Дьяково достигает 3 м, что свидетельствует о длительности функционирования поселений.

Изучение стратиграфии, вещевого и керамического материала с городищ позволило выделить несколько комплексов материальной культуры, последовательно сменявших друг друга. Наличие генетической преемственности между некоторыми этапами развития культуры остается предметом дискуссии [Третьяков, 1966; Кренке, 1988а, 1988; Смирнов, 1991].

Значительная серия радиоуглеродных дат (см. Приложение 2) и многочисленные вещевые находки являются основанием для существующих представлений о хронологии памятников железного века в бассейне Москвы-реки.

Древнейшие слои на памятниках железного века рассматриваемого региона относятся, судя по радиоуглеродным датам, к IX (VIII) – VI вв. до н.э. [Кренке, 1995]. Многие поселения, ставшие затем городищами, в этот период еще не имели оборонительных рвов и валов. На отрезке долины Москвы-реки от устья Рузы до устья Пахры (включая городище Боровский курган) известно 24 памятника, содержащие материалы, относящиеся к этому начальному этапу железного века. Диагностическими находками является керамика (преимущественно текстильная), орнаментированная гребенчатым штампом, вдавлениями наклонной палочки, некоторые типы костяных изделий.

Данные о хозяйстве начального периода железного века и степени воздействия человека на природные ландшафты пока весьма фрагментарны. Спорово-пыльцевой анализ образца из горизонта с находками этого времени (погребенной почвы) на городище Дьяково свидетельствует о том, что коренные леса были потеснены открытыми пространствами и вторичными лесными формациями [Гунова и др., 1996]. На памятнике этого же времени и сходной культурной атрибуции (селище Веськово-1) в районе Плещеева озера найдены зерна культурных злаков (ячмень, пшеница, просо), свидетельствующие о развитии земледелия [Вишневский, 1994].

Многочисленная серия радиоуглеродных датировок и выразительные находки, имеющие аналогии с древностями скифского круга, позволяют отнести нижние культурные слои большинства москворецких городищ и их древнейшие оборонительные сооружения к V–III вв. до н.э.

В этот период, названный раннедьяковским, плотность населения в долине Москвы-реки заметно возрастает по сравнению с предыдущим этапом. Количество известных нам памятников в пределах того же участка долины Москвы-реки достигает 70. Появляются городища, площадки которых были защищены рвом и валом. Длинные дома, раскопанные на всех городищах дьякова типа этого времени, имеют очень много схожего в конструкции и планировке. В культурных слоях городищ отмечены следы неоднократных пожаров, при этом жилые постройки и оборонительные сооружения возобновлялись на прежних местах [Кренке, 1986]. Часто сохраняется общая пла-

нировка, т.е. наблюдается формирование устойчивой культурной традиции.

В пределах ближайшей округи городищ (в радиусе около 1 км) в этот период появляются многочисленные мелкие селища. Так, в окрестностях Дьякова городища было выявлено, по крайней мере, семь селищ и местонахождений раннедьяковского времени с текстильной керамикой. Это свидетельствует об интенсивной хозяйственной деятельности людей, которая неизбежно должна была оказывать существенное воздействие на природные ландшафты. Селища занимали различные высотные уровни. На верхнем уровне (20–35 м над урезом воды) они располагались в прибровочных участках коренного берега, мысах при устьях оврагов, на бровках склонов в средней части больших оврагов с водотоками. На среднем уровне (7–15 м над урезом воды) селища зафиксированы в краевых частях первой надпойменной террасы, на оползневых ступенях, имеющих примерно сходные с первой террасой высоты. Кроме того, следы хозяйственной деятельности человека в железном веке зафиксированы и в пойме (нижний уровень). В пределах долины Москвы-реки выделена погребенная почва в толще аллювия (на глубине около 1–1,5 м от современной поверхности и на высоте 2,5–3,5 м над урезом воды), на уровне которой жили люди в течение всего железного века. Большинство городищ приурочено к обширным излучинам москворецкой поймы. Сейчас многие из городищ отрезаны от поймы рекой, но в древности могло быть иначе. Пойменные участки, возможно, тогда прилегали к городищам, так как русло реки находилось на месте современных стариц. Так или иначе, следы деятельности людей на пойме достаточно многочисленны. Особенно подробно они изучены на участке правобережной поймы напротив Спас-Тушинского городища. Здесь на трех параллельно-гривистых всхолмлениях в пойме найдена керамика железного века (селища Мякинино-2, 3, 5). Отсутствие следов построек и ям (при проведении больших раскопочных работ) свидетельствует, что находки керамики, вероятнее всего, связаны с какой-то сезонной хозяйственной деятельностью.

Палеоботанические данные, полученные при раскопках Дьякова городища, указывают на развитие земледелия и формирование в округе памятника открытых пространств, где был сведен лес [Гунова и др., 1996]. Развитие скотоводства в этот период позволило сократить до минимума роль мясной охоты [Алексеева и др., 1996].

Верхние слои городищ и многочисленные селища относятся к так называемому позднедьяковскому периоду. Памятников этого времени в долине среднего течения Москвы-реки от устья Рузы до Пахры известно более 70, т. е. ровно столько же, что и на предыдущем этапе. По большей части поселения не меняют своего местоположения. Отмечены случаи появления новых поселений, не имеющих раннедьяковских слоев, но они редки.

Хронология начального этапа этого периода еще недостаточно разработана. Судя по данным, полученным при раскопках Дьякова городища, начало позднедьяковского периода надо датировать примерно II–I вв. до н.э.

Наибольшее количество датированных по аналогиям предметов и радиоуглеродных датировок относится к первым векам I тыс. н.э. Культурные напластования этого времени на городищах весьма мощные. Например, на Дьяковом городище их толщина превышает 1 м. С этими слоями связаны остатки множества построек, сменявших одна другую.

Радиоуглеродные датировки, которые при калибровке указывают на третью четверть I тыс. н.э., единичны, и многие имеют большие среднеквадратичные отклонения. На городищах найдены отдельные вещи, бесспорно, относящиеся к этому хронологическому интервалу (например, ременные пряжки и накладки геральдического стиля, литейные формочки с городища Дьяково).

Наличие на городищах дьякова типа материалов VIII–IX вв. остается предметом дискуссии (см. об этом далее в § 4 наст. главы).

В позднедьяковский период распространяются значительные культурные инновации, отчасти связанные с общими процессами развития материальной культуры в лесной полосе Восточной Европы, а отчасти обусловленные этническими процессами в изучаемом регионе и притоке сюда нового, предположительно балтского населения.

Железные предметы становятся массовыми и вытесняют изделия из кости. Серии железных ножей, серпов, стрел из верхних слоев москворецких городищ дьякова типа, датирующихся концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., насчитывают многие десятки экземпляров. Керамический комплекс претерпел значительную трансформацию около рубежа эр, что проявилось в почти полном "выпадении" или деградации технологии изготовления текстильной керамики, которую заменяет гладкостенная кухонная и тарная посуда. Появляются новые типы орнаментации. Наконец, распространяется, возможно, благодаря многократно опосредованному

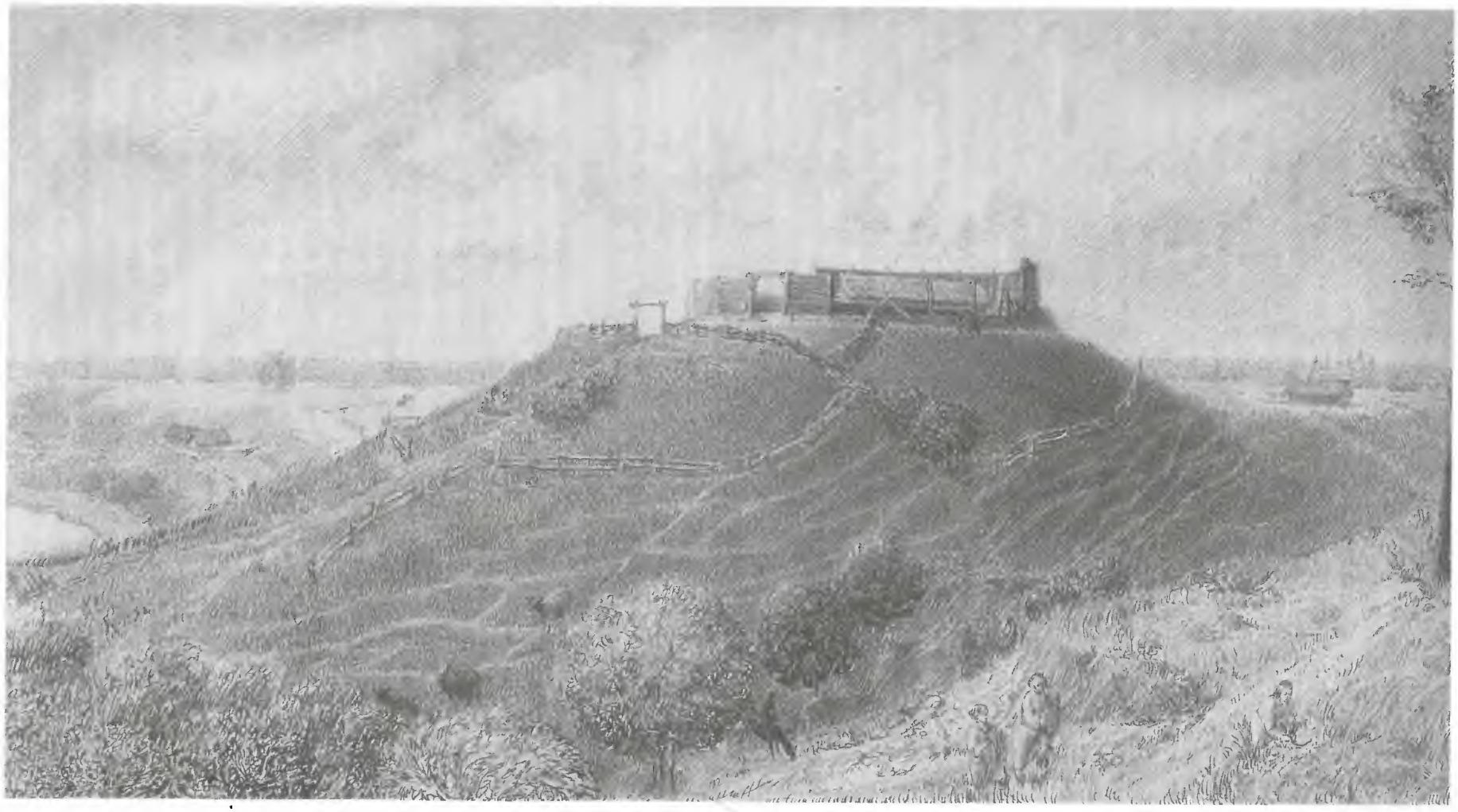


Рис. 5. Дьяково городище в V–III вв. до н.э.
Реконструкция Л.Б. Ланцмана по материалам раскопок Н.А. Кренке 1982–1986 гг.

провинциально-римскому влиянию, "новый стиль жизни", требовавший употребления лощеной и подлощеной столовой посуды. Появляются новые многочисленные типы бронзовых украшений. В пределах москворечья формируются новые устойчивые черты стиля ювелирных украшений (ажурность, двойные спиральные завитки, ложная зернь и плетенка, комбинации соединенных вместе полушарных бляшек). Долины Москвы-реки достигают импортные изделия из регионов провинциально-римской культуры в виде единичных находок монет (не менее трех мест находок), фибул (не менее двух мест находок) и многочисленных стеклянных бус (главным образом, золотостеклянных). Во II–V вв. н.э. на памятниках, расположенных в долине Москвы-реки, получают широкое распространение бронзовые украшения с эмалью, ареал которых охватывает Поднепровье и Прибалтику. В это же время и столетием позже (?) на городищах среднего течения Москвы-реки и Пахры распространяются предметы глиняной пластики (антропоморфные фигурки, таблички) и бронзовые изделия, связанные семантическим единством символических изображений на них [Кренке, 1989].

Все это позволяет предполагать, что в позднедьяковский период в регионе происходил интенсивный процесс этнического развития (консолидации местных и пришлых групп). Плотность населения, вероятно, соответствовала предельной "экологической емкости" заселенной территории. Ресурсной базой для селитьбы и хозяйства по-прежнему оставались преимущественно лишь долины Москвы-реки и ее крупных притоков, а пространства водоразделов, долины малых рек почти не заселялись.

В позднедьяковское время из москворецкого региона происходят "выплески" вещей, а по мнению некоторых авторов, и населения в соседние регионы, например, на среднюю Оку [Белоцерковская, 2000], верхнюю Волгу и далее на северо-запад. Раскопки городища Варварина гора на р. Шлине дали серию "москворецких" украшений [Буров, 1994; 2003]. Некоторые типы встречены вплоть до Финляндии. В том числе бантиковидные нашивки в виде двух соединенных вершинами треугольников, составленных из маленьких полушарных бляшек [Hirviluoto, Vormisto, 1983].

Вышеизложенные данные находят соответствие с результатами палеоботанических исследований, свидетельствующих о развитии земледелия, распространении открытых ландшафтов и замещении коренных лесов вторичными формациями. Эти процессы наиболее ярко проявились именно в образцах спорово-пыльцевых диаграмм, отобранных из слоев первых веков I тыс. н.э. [Гунова и др., 1996]. Промывки культурного слоя этого времени показали, что он насыщен зернами культурных злаков [Гунова и др., 1996; Вишневский, 1994]. Помимо трех культур, возделывавшихся ранее (пшеница, ячмень, просо), появляются лен, горох. Зерна культурных злаков настолько насыщают пространство поселений, что нередко оказываются случайно отпечатанными на днищах и стенках керамических сосудов, чего не наблюдается даже в средневековье.

В период накопления верхнего культурного слоя Дьякова городища наблюдаются изменения в соотношении видов культурных злаков. В слоях, датированных около II–V вв., на первое место выходят ячмень и голозерные пшеницы, т.е. культуры, более терпимо относящиеся к условиям, которые могли складываться на почвах длительного использования. Характерно, что в верхнем горизонте верхнего культурного слоя Дьякова городища наблюдается существенное снижение насыщенности культурного слоя костями домашних животных [Алексеева и др., 1996]. Возможно, это свидетельствует о перераспределении баланса рациона питания в пользу продуктов, поставляемых земледелием.

§ 2. Дискуссия о роли земледелия

В археологической литературе имеются различные оценки степени развития земледелия и его роли в хозяйстве у населения Волго-Окского междуречья в период существования городищ дьякова типа. Изложенная выше схема развития хозяйства развивает концепцию Ю.А. Краснова, суммировавшего археологические, остеологические и палеоботанические данные относительно территории лесной зоны Восточной Европы в эпоху железного века [Краснов, 1971]. Исследования последних двух десятилетий предоставили новые факты в данной области, свидетельствующие, на мой взгляд, в пользу концепции Ю.А. Краснова о значительной роли земледелия у населения городищ дьякова типа и о появлении в это время стационарных полей длительного пользования.

Систематическое применение при раскопках нескольких городищ дьякова типа (Дьяково, Кикино, Настасьино и др.) метода флотации культурного слоя показало, что его насыщенность зернами культурных злаков очень велика. Они имеются в каждом втором

литре культурного слоя. Отмечены и скопления в тысячи зерен.

Спорово-пыльцевые диаграммы фиксируют наличие пахотных угодий вблизи городищ (пыльца культурных злаков не обладает высокой летучестью) и распространение в их округе открытых пространств за счет сведения коренного леса.

Изучение погребенных почв под оборонительными валами городищ Луковня, Коробово, Троицкое позволило диагностировать их как старопахотные на основании наличия характерных особенностей в строении верхней части профиля [Александровский и др., 1998].

Сопоставление ландшафтной карты и расположения памятников железного века на примере округи Дьякова городища оказалось весьма показательным. Выяснилось, что наиболее выгодные для относительно примитивного земледелия участки, имеющие хорошо дренированные, теплые почвы легкого механического состава, способные давать гарантированный урожай, непосредственно примыкают к археологическим памятникам [Гунова и др., 1996]. Такая приуроченность памятников вряд ли может быть случайной. Зафиксированы также случаи находок на выгодных для земледелия участках мелкофрагментированной керамики железного века. Эти находки могут трактоваться как след внепоселенческой активности, они типичны для пахотных земель. Например, на полностью раскопанных полях железного века в Дании были найдены единичные горшки, яма с керамикой в углу поля. Их интерпретировали как вотивные приношения [Nielsen, 1986. P. 192]. Керамика на полях характерна и для более поздних средневековых объектов.

Аргументы оппонентов [Конецкий, Самойлов, 2000] данной точки зрения следующие:

во-первых, декларируется тезис, что культуры железного века глубинных территорий лесной зоны (Волго-Окского междуречья в том числе. – *Н.К.*) были "замкнуты в себе" и "жили иными ритмами", и их нельзя сравнивать с западными областями Восточной Европы, издавна связанными с более древними европейскими земледельческими общностями [Конецкий, Самойлов, 2000. С. 322];

во-вторых, акцентируется внимание на отсутствии археологически зафиксированных следов распашки и находок пахотных орудий;

в-третьих, выявляются расхождения в хронологии между появлением археологических индикаторов пашенного земледелия (серпов) и данными естественных наук;

в-четвертых, ставится под сомнение достоверность почвоведческой диагностики пахотных горизонтов в почвенном профиле;

в-пятых, приводятся общие соображения, что и для эпохи Древней Руси существование паровой системы и удобрение земли навозом "порой оспаривается исследователями по аграрной истории России" [Конецкий, Самойлов, 2000. С. 324], следовательно, в железном веке этого заведомо не должно было быть.

Все эти возражения, на мой взгляд, спорны. Рассмотрим первые четыре, так как последнее не может быть предметом конструктивного обсуждения.

Безусловно, уровень развития производительных сил в пределах провинций Римской империи и у племен, проживавших в Волго-Окском междуречье, был разный. Но утверждать, что жители городищ дьякова типа были "замкнуты в себе" и жили особым ритмом, тоже нельзя. Этому противоречат не только довольно многочисленные предметы импорта, найденные на городищах, но и тождество многих других элементов материальной культуры на обширных пространствах лесной и лесостепной зон Восточной, Центральной и Северной Европы. Собственно на этом сходстве и базируются методы археологических датировок, которые получили подтверждение при применении радиоуглеродного датирования. В качестве одного, но довольно яркого примера можно привести универсальность распространения такого артефакта, как "рогатые кирпичи". Эти глиняные предметы с отверстием в центре, часто имевшие символические изображения на боках (змеи, кресты и пр.), были атрибутом интерьеров жилищ. Возможно, они выполняли роль очажных подставок. "Рогатые кирпичи" почти идентичной формы встречаются на территории от Северного Причерноморья до Чехии, Дании и городищ бассейна Москвы-реки. Такое сходство могло возникнуть лишь при очень широком распространении сходных представлений на организацию домашнего быта. Универсальностью отличаются также формы предметов вооружения (стрелы, копья), орудий труда (топоры-кельты, ножи, серпы), многие типы украшений. Достаточно вспомнить ареал вещей с выемчатыми эмалями, почти идентичных во всей зоне распространения. Он охватывает Польшу, Прибалтику, Украину и Волго-Окское междуречье, т.е. восприятие бассейна Москвы-реки как изолированной "глухомани" в железном веке, мне кажется, не может быть признано корректным. Наоборот, на позд-

нем этапе развития городищ этот регион стал генератором культурных импульсов, о чем писалось выше.

Наличие следов распашки стало бы неопровержимым доказательством существования пашенного земледелия. До недавнего времени таких доказательств не было и для средневековых памятников на изучаемой территории. Они появились лишь в последние десятилетия после целенаправленного поиска. В частности, в Подмосковье и Москве следы средневековой распашки XII в. были обнаружены в результате работ московской экспедиции ИА РАН в сотрудничестве со специалистами Института географии РАН [Александровский, Кренке, 1993; Александровский и др., 1998].

Следы распашки железного века могут сохраниться до наших дней исключительно в погребенных почвах. Как должны выглядеть эти следы (кстати, очень похожие на средневековую распашку, изученную по объектам в Москве), стало ясно после работ в Ютландии, где пашни железного века были перекрыты торфяниками и поэтому "идеально" сохранились [Nielsen, 1986][2]. Важно отметить, что в Дании в железном веке отсутствовали железные наконечники пахотных орудий, зато найдены массивные деревянные рала с крепкими дубовыми вкладышами, заменявшими их.

Таким образом, отсутствие находок железных сошников не может быть аргументом, доказывающим отсутствие пашенного земледелия в Волго-Окском междуречье.

Говорить о факте "отсутствия следов борозд в местах предполагаемой распашки на дьяковских городищах" [Конецкий, Самойлов, 2000. С. 325] не корректно. Для выявления следов распашки (борозд) требуется зачистка по довольно значительной площади. На городищах дьякова типа такая работа еще ни разу не проводилась ввиду ее трудоемкости. Для получения площади для горизонтальной зачистки по уровню основания погребенного пахотного горизонта (только так можно надеяться зафиксировать борозды) необходима разборка оборонительного вала раскопом.

В.Я. Конецкий и К.Г. Самойлов подвергают сомнению результаты диагностики наличия пахотных горизонтов по почвенному профилю. Здесь нужно отметить, что сама методика почвенной диагностики пахотных горизонтов не может оспариваться, так как она была неоднократно апробирована при сравнительных исследованиях современных, субсовременных и древних пахотных горизонтов. Сопоставлялись данные разрезов и площадных зачисток [Александровская и др., 2000]. Другое дело, что данные анализа профилей могут быть не столь очевидными (при небольшой протяженности профиля, его сильной нарушенности корнями и прочих помехах), чтобы делать однозначные выводы. На примере трех подмосковных городищ дьякова типа, погребенные почвы которых подвергались исследованию, вывод о наличии пахотного горизонта был сформулирован как "весьма вероятный". Именно так и нужно воспринимать результаты этих исследований.

Железные серпы появляются лишь в основании верхнего слоя Дьякова городища, т.е. примерно во II в. до н.э., а палеоботанические данные свидетельствуют о существовании земледелия уже в период накопления нижнего слоя. Из текста публикации, посвященной Дьякову городищу [Гунова и др., 1996], В.Я. Конецкий и К.Г. Самойлов поняли, что отсутствуют резкие изменения в палеоботанических данных на переходе от нижнего слоя к верхнему. Эти "противоречия" и вызвали сомнения оппонентов.

На эти сомнения следует ответить, что структура вышеназванной публикации материалов исследования Дьякова городища такова, что каждый соавтор имел возможность высказать свое мнение, для чего текст статьи был разделен на разделы. В том числе палеоботанические данные комментировались тремя специалистами с несколько различными подходами к интерпретации результатов. Это было сделано для возможности сопоставления несовпадающих оценок.

Существенные различия в палеоботанических данных нижнего и верхнего слоев Дьякова городища, безусловно, имеются. Например, по спорово-пыльцевой диаграмме № 1 с Дьякова городища [Гунова и др., 1996. С. 101] хорошо видно, что полное господство травянистой растительности над древесной (травы составляют от 60 до 70% в общем составе) складывается лишь в период отложения верхнего слоя, т.е. именно в это время площадь лесов в районе городища сократилась, а полей и открытых пространств возросла. Это фиксируется пиками злаков вообще (poaceae) и культурных злаков (cerealia), в частности в спорово-пыльцевом спектре. Многотысячные скопления зерен (в качестве образцов скопления отбирались не полностью!) также происходят из верхнего слоя.

[2] Автор благодарен Инге-Марии Ларсен за помощь в получении литературы

Рис. 6. Реконструкция вида окрестностей Дьякова городища в I тыс. н.э.
Рисунок Н.С. Сафроновой по материалам Н.А. Кренке

Жесткая увязка наличия железных серпов и пашенного земледелия вряд ли может считаться корректной. Скорее, можно говорить о том, что эти явления связаны.

Кроме того, нужно сделать методическое замечание, что некоторые расхождения между результатами, полученными совершенно различными методами археологии и палеоботаники, естественны. Больше настораживала бы обратная ситуация стопроцентного сходства результатов.

Данные палеоботанических исследований, безусловно, свидетельствуют о важной роли земледелия и его продуктов в структуре хозяйства и питания жителей городищ бассейна Москвы-реки, а также значительной трансформации ландшафта в результате их хозяйственной деятельности.

Подводя итог данному обсуждению, можно отметить, что полученные за последние 20 лет данные, скорее свидетельствуют в пользу существования в железном веке в Волго-Окском междуречье пашенного земледелия и полей длительного использования. Однако окончательных доказательств этому еще не получено.

§ 3. Ландшафт долины Москвы-реки 2000 лет назад, глядя с Дьякова городища

Представим себя стоящими на площадке Дьякова городища в летний вечер, смотрящими на северо-запад и поворачивающимися по часовой стрелке на север, затем на северо-восток и т.д. (рис. 5, 6)[3].

На первом плане глубокий овраг, по дну которого течет ручей, склоны городища и противоположного берега лишены древесной растительности. По ним пролегают скотопрогонные тропы (как и в наши дни). Лишь на дне оврага в топких местах растут ивы. Противоположный берег оврага изрезан мелкими отвершками основного оврага. На мысах между ними расположены поля пшеницы и ячменя. На оконечности одного из мысов почти на север от нас находится "полевой стан" – селище Дьяково-1 (Выгон). Здесь люди готовят пищу в глиняных горшках, хранят инструмент (серпы), даже занимаются ткачеством. За полями начинается мелколесье, виден пасущийся скот, преимущественно свиньи. Дальний план отсутствует, так как мелколесье занимает гребень между двумя оврагами, далее на запад и северо-запад поверхность понижается. В ту сторону уходит тропа. Из-за мелколесья по направлению тропы поднимается дым. Это жгут сырые ветки, спасаясь от комаров, люди (пастухи?) остановившиеся на краю оврага, который скрыт от нас мелколесьем (местонахождение у Голосова оврага).

В северном направлении открывается панорама замкнутого пространства поймы правого берега, обрамленной с запада крутыми склонами, а с востока ограниченной рекой. Поверхность поймы не выположенная, как сейчас, а расчлененная всхолмлениями оползневых ступеней, гривами старых прирусловых валов и заболоченными старицами. В пойме возле стариц растут отдельные деревья. Большая часть поверхности занята лугом, по которому бродит скот – лошади и коровы. На сухом участке одного из бугров – небольшое поле. На ближайшем к городищу оползневом всхолмлении находится легкая постройка, оттуда идет дым, готовят пищу в горшках. На площадке вокруг нее место дойки скота в дневное и вечернее время (селище Дьяково-пойма).

Прямо на север коренной берег почти соприкасается с руслом реки, оставляя узкий проход. Здесь пролегает тропа, которая "ныряет" в ручей, а потом опять показывается на склоне, уже за устьем оврага примерно в километре от нас. По тропе едет всадник на лошади. Он остановился и смотрит вверх. На крутом мысу, замыкающем панораму поймы, – высокая старая ель – священное место (в районе церкви Иоанна Предтечи в с. Дьяково[4]). За ними опять виден дымок, поднимающийся с другой стороны оврага, где находится небольшое поселение или полевой стан возле поля (селище Коломенское-3 и местонахождение на месте бывшего деревянного дворца в Коломенском). Далеко впе-

[3] Раздел написан на основе ландшафтных реконструкций, обоснованных в публикации материалов исследований Дьякова городища [Гунова и др., 1996], археозоологических материалов [Алексеева и др., 1996], археологической карты заповедника "Коломенское" [Кренке, 1991].

[4] Археологические подтверждения отсутствуют. Единственное основание для такой реконструкции – это то, что священные места должны были где-то быть. У современных северных народов (ненцы, ханты) они очень часто располагались на приметных мысах. Церкви часто ставили на местах бывших святилищ. Ели в этом месте изображены на видах Коломенского XVIII в.

реди, где русло реки поворачивает, видна низкая пойма правого берега. Как точки, почти неразличимы стада домашнего скота и золотящиеся в косых солнечных лучах островки полей. Еле видны дымки – там тоже работают люди (селище Коломенское-1 на месте с. Коломенское). Еще дальше – луга и леса в излучине поймы.

Реку пересекает лодка с рыбаком, который ловил карасей в старичных озерах за рекой. Несколько лодок чернеется на берегу. По тропе от реки к городищу едет рыболов на лошади, к которой приторочена тяжелая ноша – двухметровый сом (такие были найдены при раскопках городища, см.: Кренке, Цепкин, 1991). За рекой в пойме – луга и рощи, среди них на переднем плане, близко от левого берега еще одно маленькое поселение, скорее временная стоянка[5]. Вдали, на северо-востоке, зеленеют, а совсем далеко – синеют полоски лесов. Но если вглядеться, то можно увидеть какие-то проплешины и даже дым от поселений – это селище на месте Перервинского монастыря и городище Капотня.

На юго-востоке, в полукилометре от городища, еще один ручей впадает в Москву-реку как раз в том месте, где ее русло поворачивает на восток. Возле устья ручья – голый склон бугра, у его подошвы со стороны реки примостилась постройка (селище Чертов городок). Ручей вытекает из рощи, в которой растут липы, дубы. Это еще одно заповедное место[6]. Далее вниз по течению у подошвы берега тянется луг.

Прямо на юг – глубокий ров, частично заваленный разнообразным мусором, в том числе камнями от разрушенных очагов. На другой стороне рва стоит дом с глиняной обмазкой на стенах. За ним поле и луг, отдельные деревья. Дорога идет на юг и проходит по узкому перешейку между отрогами двух оврагов, которые почти смыкаются в 400 м от нас, образуя замкнутое пространство. Оно все как на ладони, если смотреть с вала городища. За оврагами начинаются старые поля и перелески, еще дальше горизонт закрывает кромка леса. По дороге идут два человека, у одного тушка бобра на плече. Они возвращаются с ближайшего бобрового гона на р. Чертановке или Сухой Городенке? Оттуда до городища примерно 4–5 км.

§ 4. "Темные века" в истории заселения Москвы-реки (VIII–IX вв.)

За последние два-три десятилетия получено сравнительно мало новой информация о том, что происходило в бассейне Москвы-реки в VIII–X вв. Основные вопросы, связанные с этим периодом, следующие.

Когда прекращается жизнь на городищах дьякова типа и связанных с ними селищах? Была ли лакуна между существованием городищ и началом славянской колонизации края? Когда и из каких регионов началась славянская колонизация? Если была лакуна между "дьяковцами" и славянами, то как объяснить сохранение дославянской гидронимии в регионе?

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. И.Г. Розенфельдт была предпринята попытка пересмотреть хронологию позднего этапа дьяковских древностей и выделить комплекс находок, относящихся к IX и даже X в. [Розенфельдт, 1982]. Ее разработки во многих своих пунктах вошли в противоречие со стратиграфическими наблюдениями, сделанными при раскопках Дьякова городища (уже после выхода монографии И.Г. Розенфельдт), и шкалой радиоуглеродной хронологии этого эталонного памятника [Кренке, Сулержицкий, 1988].

"Короткая" хронология позднедьяковских древностей получила подтверждение благодаря находкам позднедьяковских предметов, несомненно, сделанных в москворецком регионе, в погребениях рязано-окских могильников, датирующихся в пределах III–V вв. н.э. [Белоцерковская, 2000].

Вещевые комплексы из стратифицированных слоев Дьякова городища, обеспеченные радиоуглеродными датами, находки москворецких вещей в погребениях рязано-окских могильников возвращают нас к "традиционной" хронологии позднедьяковских памятников. Наибольшая интенсивность их функционирования относится к первой половине I тыс. н.э. На некоторых городищах встречены единичные вещи VI–VII вв. (находки предметов поясной гарнитуры, в том числе геральдического стиля, на городищах Луковня, Дьяково, Боровский курган, селище Жуковка). В самом верхнем горизонте Дьякова городища была найдена серия литейных формочек, аналогии кото-

[5] В Коломенском ее следов не найдено, так как берег разрушен станцией аэрации, но подобные памятники найдены в похожей излучине Москвы-реки напротив городища Спас-Тушино – селища Мякинино-2 и 3.

[6] Археологические материалы железного века не обнаружены. В средневековье здесь, видимо, было языческое священное место, что следует из данных топонимики. Здесь находились Чертов городок, Святой колодец, заповедная роща Заразы. Мыс за святым колодцем, как и мыс, на котором стоит церковь Иоанна Предтечи, выходит к реке, являясь естественной границей микромира вокруг Дьякова городища.

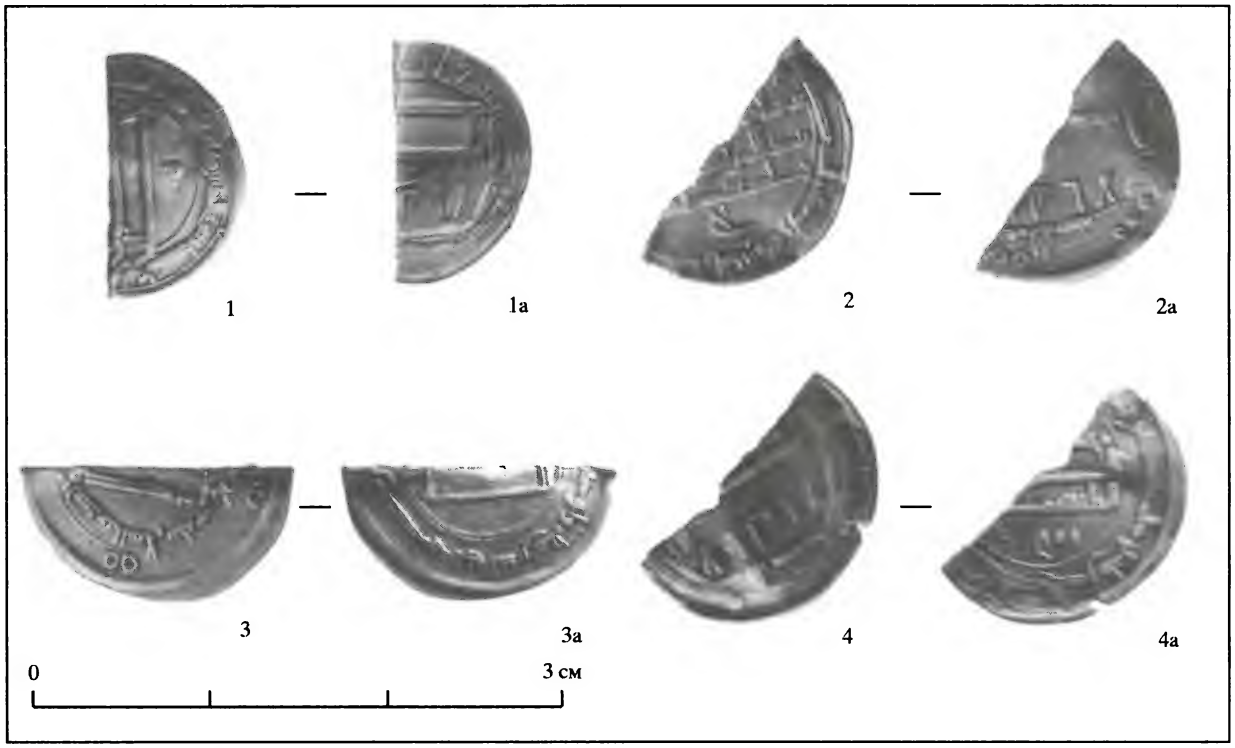


Рис. 7. Половинки дирхемов, найденных в 1998 г. В. Зарихиным на Кунцевском городище:

1 – анонимная, чеканена в Аль-Мухаммади, точный год неясен, по типу 191 или 192 г. х. (806–808 гг.); 2 – ал-Мумин в бытность его наследником халифа. Около 180 г.х. (790 г.); 3 – подражание дирхему Мединет ас-Салам эпохи халифа Махди (136–158 г.х – 753–775 гг. н.э.); 4 – видимо, подражание дирхему халифа Махди (136–158 г.х. – 753–775 гг. н.э.). Фото П.Г. Гайдукова

рым имеются на памятниках V–VII вв. н.э. [Кренке, Тавлинцева, 2002].

По образцам из раскопок А.К. Станюковича на селище у Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом получена серия радиоуглеродных датировок второй половины I тыс. н.э. Эти материалы еще ждут публикации. Предварительное знакомство с ними показывает, что часть датировок может быть связана с более поздними объектами X–XI вв., содержавшими материалы раннесредневековой славянской культуры (лепная керамика роменского облика и раннегончарная). Другие же датировки получены по образцам угля из ям с лепной гладкостенной керамикой, близкой к позднедьяковской[7]. Возможно, дальнейшие работы на этом памятнике позволят выделить "недостающее звено", закрывающее лакуну VIII–IX вв.

К двум кладам дирхемов, найденных в Москве еще в XIX в., в 1998 г. прибавились новые находки, сделанные В.А. Зарихиным на городище Кунцево. Всего на северном склоне площадки городища было обнаружено четыре половинки дирхемов (рис. 7). По определению Г.А. Федорова-Давыдова, эти монеты относятся ко второй половине VIII – началу IX в.

За последние годы значительно продвинулось изучение памятников начального этапа славянской колонизации. В долинах Москвы-реки и Пахры была изучена целая серия памятников XI в. [Алексеев, 2001; Беляев, 1994; Гоняный, 1999; Шполянский, 1999; Юшко, 1998]. Находки скандинавских вещей на селище и в разрушенном курганном могильнике Хотяжи позволяют предположить, что нижняя граница этого круга памятников может быть отнесена к концу X в. [Алексеев, 2001]. Обнаружение скандинавских изделий на этом объекте очень важно еще и тем, что придает новое звучание находкам кладов дирхемов. Сочетание кладов дирхемов с поселениями, содержавшими "скандинавский элемент", характерно для торговых путей в лесной зоне Восточной Европы (ср. Гнездово). Видимо, долина Москвы-реки служила одним из торговых маршрутов, который использовали скандинавы.

На основании данных новых разведок и раскопок в бассейне Москвы-реки можно сделать

[7] Автор благодарен А.К. Станюковичу за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

следующие выводы. Памятники конца X–XI в. в регионе присутствуют. Они не имеют ничего общего с позднедьяковскими древностями. Это комплексы, по предположению некоторых исследователей, генетически связанны с роменской культурой [Григорьев, 2000. С. 222]. Отдельные находки XI в. регулярно встречаются на городищах дьякова типа, есть они и на городище Дьяково [Кренке, 1997]. Эти находки, скорее всего, попали на городища, когда их удобные площадки вторично использовали для своих поселений новые поселенцы – славяне. Нельзя говорить о том, что преемственность материалов XI в. с позднедьяковскими древностями доказана. Резкое снижение заселенности региона в VIII–IX вв. является очевидным фактом. Селище у Саввино-Сторожевского монастыря с радиоуглеродными датировками последней четверти I тыс. н.э. является пока уникальным памятником, но специфика археологических комплексов, откуда получены эти датировки, еще детально не описана.

Литература

Александровская Е.И., Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А. Лес, луг, пашня, городская застройка по данным исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы Новгорода // Естественнонаучные методы в полевой археологии. М., 2000. Вып. 3.

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественнонаучные методы в полевой археологии. М., 1998. Вып. 2.

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Яншиевский Б.Е. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня-2 и Коробово в Подмосковье // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3.

Алексеев А.В. Ранний древнерусский могильник у деревни Хотяжи // Звенигородская земля: История, археология, краеведение. Звенигород, 2001.

Алексеева Л.И., Калякин В.Н., Кренке Н.А. Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996.

Белоцерковская И.В. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000.

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Буров В.А. "А погост Жабна пуст...". М., 1994.

Буров В.А. Городище Варварина гора. М., 2003.

Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник / Тр. ГИМ. М., 1999. Вып. 111.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4.

Вишневский В.И. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА. 1994. № 3.

Конецкий В.Я., Самойлов К.Г. К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // Археологические вести. СПб., 2000. № 7.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. М., 1971. № 174.

Кренке Н.А. Вал Дьякова городища // КСИА. М., 1986. № 186.

Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988а.

Кренке Н.А. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. М., 1988б. № 194.

Кренке Н.А. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. 1989. № 2.

Кренке Н.А. Археологическая карта заповедника Коломенское // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1991. Вып. 2.

Кренке Н.А. Чертов городок – селище железного века в окрестностях Коломенского // РА. 1995. № 3.

Кренке Н.А. Археология о начале Москвы // Вестн. РАН. 1997. Т. 67, № 8.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. М., 1988. № 194.

Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю. Литейные формы с Дьякова городища // РА. 2002. № 4.

Кренке Н.А., Цепкин Е.А. Рыболовство на Москве-реке с V в. до н.э. по VII в. н.э. // СА. 1991. № 1.

Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.

Смирнов К.А. К вопросу о периодизации памятников дьяковской и городецкой культур // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.

Третьяков В.П. О ранних и поздних городищах дьякова типа // Pronksiajast varase feodalismini. Tallin, 1966.

Шполянский С.В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Тр. ГИМ. М., 1999. Вып. 103.

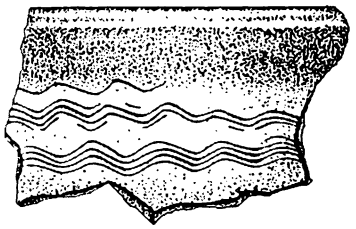
Юшко А.А. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Casselberry S.E. Further Refinement of Formula for determining Population from Floor Area // World Archaeology. 1974. Vol. 6(1).

Hirviluoto A.-L., Vormisto T. En massgrav från yngre romersk järnålder I Isokylä, Salo. Finskt Museum, 1983. Helsingfors, 1984.

Nielsen V. Ploughing in the Iron Age: Plough Marks in Store Vildmose, North Jutland // Journal of Danish Archaeology. Odense University Press, 1986. Vol. 5.

Древнерусские ландшафты



Глава 6

Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв.

Н.А. Кренке

Анализ археологических памятников, оставленных сельским населением ближайших окрестностей Москвы в первое столетие ее существования как города, выявление особенностей ландшафтной приуроченности и пространственного распределения поселений и могильников, формулирование и тестирование возможных моделей демографического развития и хозяйственного освоения территории, динамики расселения – основные задачи этой главы.

Прежде всего необходимо перечислить основные данные письменных источников XII – первой половины XIII в. Исторический контекст ранних известий о Москве уже подробно анализировался [Зайцев, 1989; Кучкин, 1996; Юшко,1987]. Следует лишь акцентировать внимание на прямых и косвенных упоминаниях округи города.

В первом известии 1147 г. упоминается единственный населенный пункт и характеризуется как известная (не требующая дополнительных географических или иных уточнений) княжеская ставка. В 1156 г. строится крепость в устье р. Неглинной.

Известия 1176 и 1209 гг. сообщают о "селах" около Москвы. В 1176 г. Глеб Рязанский "приеха на Московь и пожже город весь и села". Какие именно села пострадали, остается неизвестным. В 1209 г. рязанские князья грабят села около Москвы. Исследования, проведенные А.К. Зайцевым и А.А. Юшко, показали, что речь идет о районах, удаленных от Москвы на расстояние в 80 км на восток [Зайцев, 1989; Юшко, 1987].

Во время военных действий в 1175 и 1238 гг. москвичи ведут себя одинаково – сперва, повинуясь воле князя, выступают на противника, затем бегут назад к Москве, не вступая в битву. Косвенно это может указывать на то, что такое поведение давало больше шансов выжить. Вряд ли надежную защиту могла обеспечить рядовая деревянная крепость. Скорее, спастись от нападения можно было в лесах вокруг сел на малых реках. По-видимому, расчет москвичей оправдался, многие выжили, что отчасти и обусловило быстрый рост Москвы во второй половине XIII в.

Территориальные рамки настоящей работы – границы современной Москвы. Эти границы, конечно, весьма условны, хотя нужно отметить, что определенный "географический смысл" в них есть. В границы исследования полностью попадают бассейны малых рек Сетуни, Очаковки, Раменки, Коршунихи, Чертановки, Сухой Городенки, Химки, Неглинной, Яузы, Голяданки и участок среднего течения Москвы-реки со средневековым городом в центре (цв. вкл., рис. 1).

Помимо географического есть и источниковедческий смысл. В XIX в. территория Москвы и ее ближайших окрестностей (приблизительно соответствующая границам современного города) была наиболее подробно картографирована. Карты, изготовленные в Военно-топографическом депо в 1820–1830-е гг., являются ценнейшим источником по средневековой археологии, так как на них изображены многочисленные курганные группы, утраченные уже к началу XX в. Наиболее ценными из них являются "Карта глазомерной съемки окрестностей Москвы между Звенигородской и Тульской большими дорогами. 1826 г."[1]; "План инструментальной

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19691. Масштаб 200 саженей в дюйме.

военно-топографической съемки города Москвы 1838 г."[2]; "Топографическая карта окрестностей Москвы, снятая под руководством генерала-лейтенанта Шуберта в 1839 и 1839 гг., гравированная при военно-топографическом депо в 1848 г."[3]

Кроме того, регион отличается неплохой археологической изученностью. В связи с подготовкой археологической карты России [Кренке, 1999] и в рамках других проектов на территории Москвы проводились целенаправленные разведки по выявлению средневековых поселений.

Рассмотрим сначала карту древнерусских памятников на территории Москвы в целом (цв. вкл., рис. 4; Приложение 3), а затем оценим ее полноту и некоторые особенности, исходя из данных ключевых участков, где проводились тщательные разведки.

Типы памятников. Наиболее многочисленными являются *курганные могильники.* Их известно 135 на рассматриваемой территории. Относительно некоторых из них сведения очень неполные. Ряд курганных групп упомянут лишь в списке 1878 г., составленном на основании рассылки запросов уездным исправникам [Сведения о курганах... 1878 г.], которые, в свою очередь, опирались на ответы сельских старост, т.е. на местную топонимическую традицию, в которой значение слова "курган" не всегда было эквивалентно значению археологического термина. Кроме того, список 1878 г. дает очень приблизительные географические привязки. Поэтому в большинстве случаев возможно лишь предположительное отождествление упомянутых в списке курганов с группами, известными по более поздним обследованиям, проведенным археологами.

Несколько десятков курганных групп известно лишь по картам XIX в. В данном случае возможны сомнения – все ли курганы на картах являются археологическими памятниками XII–XIII вв. Необходимо отметить, что в тех случаях, когда курганные группы, изображенные на карте 1838 г., "доживали" до обследования археологами, – всегда они оказывались древнерусскими курганами. В ряде случаев были найдены поселения XII–XIII вв. (например, Раменки-3, Раменки-4), соответствующие уже утраченным курганам, известным лишь по карте 1838 г. Эти примеры заставляют с большим доверием относиться с картографическим данным. Однако спорные случаи все же имеются. Особенно это относится к карте 1826 г., значки "курганов" на которой порой едва различимы.

Наиболее сомнительными являются те курганы, о существовании которых мы можем догадываться лишь по наличию топонимов (урочища "могильцы").

Курганы на территории Москвы имеют высоту в пределах 0,5–2,2 м, их диаметр составляет 5–14 м (данные инструментальных съемок). Исключением являлся курган "Великая могила" близ Митина, высота которого, по подсчетам А.И. Кельсиева, достигала 4,5 м, а диаметр – 24 м [Бадер, 1947. С. 113]. Высота некоторых курганов оценивалась исследователями в 2,8–3 м, но точных измерений при этом не проводилось. Форма большинства насыпей полусферическая или сегментовидная, но имеются и так называемые "слитные" насыпи с несколькими уплощенными вершинами. Ни одна из них не была полностью раскопана, поэтому остается не ясным их строение. В Одинцовском могильнике было выявлено лишь по одному погребению в каждой из слитных насыпей [Векслер, 1970. С. 124].

Грунтовый могильник известен только один, и информация о нем крайне скудна. В картотеке отдела археологии ГИМ имеется запись, сделанная в 1932 г. А.В. Арциховским со слов находчика геолога Д.Д. Подагова. Погребения залегали на глубине 0,5 м и были обнаружены в размыве берега оврага на левом берегу Москвы-реки близ Филей, ниже оврага Студеный. Сопровождающий инвентарь типично "курганный", относящийся к XII в.[4]

Поселения представлены двумя типами – это поселения на городищах и селища. Пять городищ железного века, расположенных на территории Москвы, имеют в своих верхних слоях значительное количество древнерусской керамики и вещевые находки, которые указывают на существование здесь поселений в XI–XIII вв. Слабая изученность оборонительных укреплений этих городищ не позволяет установить, было ли хоть одно из них укрепленным пунктом в древнерусское время. Три городища известны лишь как топонимы (Обыденское, Лыщиково, на Самотеке). Интерпретация этих топонимов как реальных укрепленных пунктов XI–XIII вв.

---

[2] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3681. Масштаб 100 саженей в дюйме.

Автор благодарит И.И. Кондратьева за предоставленную возможность работать с электронной версией данной карты.

[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21380. Масштаб 500 саженей в дюйме.

[4] ГИМ. Кол. № 75043. Оп. 18.

возможна, но конкретные археологические подтверждения отсутствуют. Нужно отметить еще Краснолужское селище – мысовое поселение с "чистым" древнерусским слоем на правом берегу р. Сетунь возле ее устья. На площадке памятника имеются следы вала и рва. Для датировки и функциональной интерпретации этих объектов требуется проведение раскопок.

Селищ выявлено 53, из них 31 найдено возле курганных групп. В ситуации, когда курганы поблизости не были известны, зафиксировано 22 селища.

Если допустить, что каждая курганная группа соответствовала отдельному поселению (обоснование этого смотри ниже), то следует признать, что в пределах границ современной Москвы остаются незафиксированными не менее 100 селищ.

Анализ пространственного размещения поселений и курганных групп позволяет выделить три основных района: 1) долина и придолинные склоны Москвы-реки; 2) долины малых рек (Сетунь, Раменка, Очаковка, Котловка, Чертановка, Сухая Городенка, Язвенка), правых притоков Москвы-реки и их междуречья, включая Теплостанскую возвышенность; 3) водно-ледниковая равнина левого берега Москвы-реки, расчлененная долинами рек Химки, Неглинной, Яузы, Голяданки.

Такое разделение примерно соответствует ландшафтной карте [Низовцев, 1997]. Стержневое положение занимает долина Москвы-реки, нижние уровни которой (пойма, первая и вторая надпойменные террасы) на 30-километровом участке входят в два ландшафта, имеющие значительное разнообразие составляющих их более мелких таксономических единиц. Верхние уровни долины входят, либо соприкасаются с девятью различными ландшафтами, границы восьми из которых сходятся в районе Кремля [Низовцев, 2001. С. 11].

Памятники долины Москвы-реки характеризуются рядом отличительных черт при сравнении с "глубинными" районами право- и левобережья. Особенности заключаются в соотношении различных типов памятников, их хронологии, пространственном размещении, степени сохранности археологических объектов.

В долине Москвы-реки преобладают поселения. Отсутствие курганных групп на участке от устья Сетуни до Коломенского включительно, скорее всего, объясняется их разрушением в XIV–XVIII вв. при интенсивном хозяйственном освоении этой территории.

Монетные клады являются особым типом памятников. В XIX в. клад дирхемов IX в. был найден близ Симонова монастыря [Савельев, 1846. С. 162]. В 1837–1838 гг. еще один клад был обнаружен при рытье котлована под храм Христа Спасителя. Местность в районе строительства храма представляла собой мыс при впадении в Москву-реку ручья Черторый (по его долине пролегает ныне Бульварное кольцо). Здесь на глубине 9 м были обнаружены тахиридская монета халифа Муста ибн-Биллаха, чеканенная в Мерве (Туркмения) в 862 г., и аббасидская монета халифа Мутезз-Биллаха, чеканенная в Двине (Армения) в 866 г. [Качанова, 1954. С. 135]. Третий клад был найден в 1998 г. на северном склоне площадки Кунцевского городища В.А. Зарихиным и состоял из четырех половинок дирхемов. По определению Г.А. Федорова-Давыдова, это монеты, чеканеные в ал-Мухаммадие анонимным чеканом по типу 191–192 г.х. (806–808 гг.), ал-Мумином в бытность его наследником халифа 180 г.х. (790 г.), подражание дирхему Мединет ас-Салам эпохи халифа Махди 136–158 г.х. (753–775 гг.), подражание дирхему халифа Махди 136–158 г.х. (753–775 гг.).

В долине Москвы-реки обнаружены наиболее ранние памятники – клады IX в., поселения XI в. (может быть, конца X в.), курганы конца XI – начала XII в., свидетельствующие о том, что крепость в устье р. Неглинки была построена в 1156 г. в центре достаточно обжитого района с "линейной" системой расселения.

В обоснование этого рассмотрим подробнее ранние памятники. Древнейшие из поселений – два селища, одно из которых существовало на месте Данилова монастыря, другое находилось рядом, на другом берегу оврага (в литературе фигурируют как один памятник). Комплекс лепной керамики этого поселения [Беляев, 1994. Табл. 76–87] близок к керамике роменской культуры [Григорьев, 2000. С. 222], вещевые находки (височное кольцо "деснинского типа", крестопрорезной бубенчик, шиферные пряслица) находят аналогии в древнерусских памятниках XI в. Очень близкие по материальной культуре поселения, расположенные на р. Пахре, откуда происходит обильный материал, датируются исследователями серединой – второй половиной XI в. [Гоняный, 1999. С. 144] или второй третью XI – первой половиной XII в. [Шполянский, 1999. С. 150]. Имеются аргументы и в пользу более ранней датировки этих комплексов. Общие соображения о времени появления в регионе гончарной керамики, а также состав находок с селища

Заозерье-2 на Москве-реке, входящего в тот же круг памятников, позволяют рассматривать в качестве вероятной начальной даты рубеж X–XI вв. [Тавлинцева, 1996. С. 51]. Серия радиоуглеродных дат, полученных для пристройки № 3 на селище Саввинская слобода-2, в комплексе которой доминировала лепная керамика рассматриваемого типа, свидетельствует в пользу существования памятника в X в. [Станюкович, Сулержицкий, 2003. С.8].

Мелкие фрагменты лепной гладкостенной керамики, не получившие надежную атрибуцию, были зафиксированы на селище Мякинино-1, расположенном у кромки первой террасы правого берега Москвы-реки [Векслер и др., 1997. С. 87].

Селище Дьяково-пойма (Дьяково-2), расположенное у подножья Дьякова городища, дало материал чуть более поздний (может быть, с разницей в одно-два поколения), чем древнейший комплекс Даниловского поселения. На селище Дьяково-пойма встречен лишь один лепной фрагмент. Весь комплекс керамики составляют раннегончарные горшки с набором типов орнаментации, частично восходящих еще к лепной керамике. Это оттиски "палочки с веревочкой", отпечатки гребенчатого штампа, зубчатого колесика, "дрожащая волна" [Кренке, 1992]. Керамика с такой орнаментацией встречена в подмосковных курганах, датированных концом XI – началом XII в. [Равдина, 1991. Табл. 2–4]. Необходимо отметить, что подобная ранняя керамика не была представлена в публикациях, где аргументируется наличие слоя XI в. в Московском Кремле и Зарядье [Векслер, 1963; Рабинович, 1971].

На площадке Дьякова городища наряду с гончарной керамикой, орнаментированной зубчатым колесиком, гребенчатыми оттисками и многорядной волной, выполненной тем же гребенчатым орудием [Сизов, 1897. Табл. XXIVa, *16, 22, 28*], найдены крестопрорезные бубенчики, поясная пряжка, характерные для комплексов XI – начала XII в. [Кренке, 1997. С. 704].

На Кунцевском городище найдена раннегончарная керамика с архаичной профилировкой венчиков (короткие, едва отогнутые наружу и срезанные по краю), орнаментированные многорядной "дрожащей" волной [Векслер, 1963. Ил. 25].

Краснолужское селище дало комплекс керамики [Станюкович, 1981. С. 49, 50], орнаментированной многорядной волной, зубчатым штампом, "дрожащей" волной, что позволяет предполагать возникновение данного поселения в первой половине XII в.

Комплексы курганов возле с. Спас-Тушино включают ранние находки конца (?) XI в. Одной из наиболее показательных является височное кольцо с пятью лопастями, генетически восходящее к кольцам "деснинского типа" [Недошивина, 1960].

В числе находок XI – первой половины XII в. следует упомянуть также медную подвеску-амулет "топорик", случайно найденную на территории с. Крылатское (шурфовка 1998 г. на месте находки не выявила следов поселения этого времени).

Возможно, к этому же периоду относится постройка возле церкви в с. Троице-Лыково, по образцу из которой получена радиоуглеродная дата, указывающая при калибровке на интервал 1001–1149 гг. [Кренке, 1996. С. 154–155].

На селище Нескучный сад-2 был найден один раннегончарный фрагмент (стенка с переходом к венчику) с гребенчатым орнаментом (раскопки К.В. Воронина, 1999 г.).

Перечисленные выше памятники достаточно равномерно расположены вдоль долины реки с интервалом 3–5 км по прямой линии. "Сгустка" ранних находок в районе Кремля не наблюдается. Это может служить косвенным указанием на то, что крепость 1156 г. была построена не на месте уже существовавшего города (протогорода) с формирующейся сельской округой. К такому же выводу пришла Т.Д. Панова, проанализировавшая весь археологический материал с территории Московского Кремля [Панова, 2003]. Особенно рельефно различия в пространственном распределении памятников на участке исторического центра Москвы проявляются при сравнении ситуации XI – первой половины XII в. и следующего столетия (вторая половина XII – первая половина XIII в.).

Для второй половины XII – первой половины XIII в. характерно уплотнение поселенческой системы в долине Москвы-реки и возникновение куста памятников вокруг крепости 1156 г. в устье р. Неглинной.

Почти все перечисленные выше поселения раннего периода, судя по керамическим комплексам, продолжают функционировать до XIII в., исключение составляют лишь некоторые, например, селище Дьяково-пойма. Возникает целый ряд новых поселений (селища Мякинино-2, 4, Татарово, у Кунцевского городища, Нескучный сад-1, 2, Коломенское-1, 2, Дьяково-1, 3, Курьяново). На существование археологически незафиксированных поселений указывают курганные могильники в Борисове, Котлякове, Филях. В XII в. продолжает разрастаться Спас-

Тушинский курганный могильник. Таким образом, пустые промежутки в линейной структуре расселения вдоль долины Москвы-реки сокращаются до 1–2,5 км по прямой. Появляются скопления поселений, расположенных совсем рядом друг с другом (районы Коломенского, Нескучного сада, Спас-Тушина, Мякинина). Другой особенностью этой системы является то, что в ней пока не прослеживается иерархии поселений по размерам. Все они небольшие, их площадь колеблется по большей части в пределах 1–5 тыс. кв. м (табл. 1). На основании комплексных археолого-геофизических исследований селищ района Куликова поля было установлено, что в среднем одна усадьба занимала 500–800 кв. м [Гоняный и др., 2000. С. 27]. Исследования на селище Мякинино-2, где в раскопе площадью 3400 кв. м было зафиксировано 4–5 дворов XII–XIV вв. [Векслер, 1995. С. 129], дают те же цифры. Средний показатель для этого памятника составляет 680 кв. м на усадьбу. Если применить эти расчеты для других памятников округи Москвы, то получится, что расположенные в долине Москвы-реки поселения насчитывали 1–8 дворов. Пик в диаграмме распределения поселений по площади приходится на интервал 1–3 тыс. кв. м (1–5 дворов). Это согласуется с данными по древнерусским селищам Подмосковья в целом [Юшко, 1991. С. 40]. Два селища (Мякинино-1 и Коломенское-1) имеют значительно большую площадь. Информация о селище Коломенское-1 слишком скудна. На нем были собраны лишь подъемные материалы на огородах. Возможно, широкий ареал распространения древнерусской керамики на этом памятнике (кстати, весьма малочисленной) обусловлен не реальными размерами древнего поселения, а воздействием интенсивной распашки. На селище Мякинино-1 были проведены значительные раскопки [Векслер, 1996; работы А.В. Энговатовой 2003 г.]. При раскопках 2003 г. было выявлено множество ям (около 100), указывающих на то, что селище Мякинино-1 действительно было крупным поселением, на котором могло существовать несколько десятков (?) построек. Уникальность этого памятника подчеркивает и состав находок, в числе которых многочисленные ювелирные украшения, в том числе редкий амулет-змеевик[5].

Необходимо более детально рассмотреть памятники, расположенные на участке от устья р. Барышихи до устья р. Сходни. Значение археологического комплекса памятников этого региона было подчеркнуто еще И.Е. Забелиным, предполагавшим его перевалочное значение на перекрестке путей и "особенную населенность этого подмосковного угла" [Забелин, 1990. С. 14]. Действительно, 1-й и 2-й Спас-Тушинские курганные могильники – самые большие на территории Москвы, вместе насчитывают 80 курганов. Поблизости находились еще три группы, насчитывавшие 16 курганов.

В 80 курганах с учетом парных и впускных захоронений могло быть похоронено около 105 взрослых и подростков[6] (коэффициент 1,3 для определения числа погребенных по отношению к числу курганов выведен по данным раскопок курганов в Москве и Подмосковье). Длительность функционирования могильника может быть максимально оценена в 150 лет, исходя из того, что в нем имеются погребения первой половины XII в., а верхний предел существования курганного погребального обряда в Подмосковье, вероятно, ограничивается серединой XIII в. [Равдина, 1991. С. 10, 11]. При ежегодной смертности около 10 человек (взрослые и подростки старше 5–7 лет) на 1000 такое количество погребений за 150 лет могла оставить группа численностью около 70 человек (включая детей всех возрастов). Уровень смертности взят, исходя из данных по русскому сельскому населению XIX в., слабо обеспеченному медицинской помощью [Рашин, 1956. С. 192]. Такая численность группы не входит в противоречие с размерами известных у Спас-Тушина поселений (табл. 1). Их общая площадь равняется 7000 кв. м, ожидаемое число построек – 11, т.е. 6,4 человека на двор, что допустимо.

Для сравнения отметим, что Братеевско-Борисовский комплекс курганных могильников включал в два раза меньше насыпей – 51. Этот район, в отличие от Спас-Тушина, не имел стратегического транзитного значения, но на локальном уровне обладал существенными достоинствами. С края высокого берега на месте поворота долины реки открывается обширная панорама на многие километры, одновременно Братеевское селище "контролировало" устье р. Сухая Городенка, по долине которой пролегал путь в обжитые внутренние районы правобережья.

Вокруг московской крепости 1156 г. во второй половине XII–XIII вв. сложилась густая сеть поселений. Особенно интенсивно шло

[5] Выражаю благодарность А.В. Энговатовой и В.Ю. Ковалю за возможность ознакомиться с раскопками и неопубликованными находками.

[6] Детские погребения младших возрастов в курганах встречаются очень редко.

Таблица 1. Размеры древнерусских поселений XII–XIII вв. на территории Москвы

№ по каталогу (Приложение 3)	Название поселения	Размер (кв. м)	Предполагаемое число дворов	Число курганов в группе, относящейся к поселению	Число курганов на 1 тыс. кв. м поселения
31	Троице-Лыково-2	100	1	–	–
90	Дьяково-1	200	1	–	–
213	Нескучный сад-3	300	1	–	–
168	Лосиный остров-1	400	1	–	–
197	Раменки-3	800	1	8	10
200	Раменки-5	1000	1	–	–
79	Нескучный сад-1	1200	2	–	–
159	Братеево-1	1200	2	19	16
207	Теплый Стан-2	1200	2	8	6,6
92	городище Дьяково	1400	2	–	–
162	городище Капотня	1500	2	–	–
77	Андреевское	1800	3	–	–
71	Теплый Стан-1	1800	3	19	10,5
136	Орехово-6	1800	3	12	6,6
27	Алешкино-1	1800	3	–	–
34	городище Кунцево	2000	3	–	–
18	городище Спас-Тушино-1	2000	3	15	7,5
46	Матвеевское-1	2000	3	5	2,5
70а	Коньково-2	2000	3	23	11,5
137	Орехово-5	2000	3	12	6
45	Краснолужское	2000	3	–	–
190	Зюзино-3	2400	4	9	3,7
91	Дьяково-2	2500	4	–	–
35	Кунцево-1	2500	4	–	–
204	Теплый Стан-3	2500	4	7	2,8
89	Коломенское-3	2700	4	–	–
214	Мякинино-4	2800	4	–	–
32	Татарово-1	3000	4	–	–
148	Орехово-2	4500	7	12	2.8
134 + 143	Орехово-4	5000	8	28	5,6
144	Орехово-3	5000	8	4	0,8
20	Мякинино-2	5000	7–8 (по данным раскопок)	–	–
17	Спас-Тушино-2	5000	8	65	13
50	Матвеевское-2	5600	8	4	0,7
188	Дубинкин лес-3	6000	9	8	1,3
193	Аннино-1	7500*	–	–	–
88	Коломенское-1	10000*	–	–	–
21	Мякинино-1	15000	–	–	–

* Данные о размерах, возможно, существенно завышены.

освоение территории, получившей затем наименование Китай-город. Застроенные площади вдоль берега Москвы-реки (Зарядье) и по трассе Переяславской дороги вдоль левого берега р. Неглинной (будущая Никольская ул.) быстро росли и сливались в единое целое. Пятна культурного слоя с находками XII–XIII вв. здесь встречены во множестве, они почти достигают границ Лубянской площади [Векслер, 1999-1, 1999-2]. Получены данные о наличии церквей на месте Богоявленского монастыря [Беляев, 1994] и церкви Троицы в Старых Полях, т.е. застройка на данном участке, видимо, к концу XIII в. приобрела черты городского посада. Селища на правом берегу р. Неглинной также располагаются густо, но все же это были изолированные поселения, разделенные промежутками в несколько сотен метров. В настоящее время их известно пять: в районе ул. Б. Дмитровка, на Манежной площади, Романовом дворе за зданием университета, на ул. Моховая, д. 6, 8, в районе ул. Волхонка. Сохранность объектов XII–XIII вв. в раскопе на Романовом дворе была наилучшей. Здесь были обнаружены остатки восьми построек с подпечными ямами, откуда происходит серия вещей: стеклянные браслеты, пластинчатые перстни, фрагменты семилопастного кольца позднего типа, ножи, замок, шиферные пряслица, медный витой браслет, цепочка и стрелка от весов и значительная керамическая коллекция в 4 тыс. фрагментов курганной и сероглиняной керамики с линейной орнаментацией и развитой профилировкой [Кренке, 2003]. На 600 фрагментов с линейным орнаментом приходится лишь два с оттисками зубчатого колесика и один с волной. Поселение было окружено полем, о чем свидетельствуют пахотные борозды, выявленные рядом с постройками [Александровский и др., 1998]. Поселение на ул. Волхонка было зафиксировано по переотложенной керамике, тождественной с комплексом Романова двора [Векслер, 1992] и остаткам двух ям [Векслер, 1987, 1990]. На ул. Моховая был отмечен залегавший на материке темно-серый культурный слой, содержавший сероглиняную керамику [Векслер, 2000].

Аналогичная керамика и стеклянные браслеты были найдены в районе Кадашевской набережной и ул. Б. Ордынка в Замоскворечье [Векслер, 1999-3,1999-4], шиферное пряслице и единичные фрагменты сероглиняной керамики найдены на склонах Швивой горки в устье Яузы [Рабинович, 1949].

Таким образом, к XIII в. город оказался в кольце сельских поселений, удаленных от стен крепости на 500–1500 м.

Рассмотрим теперь второй район – правобережье Москвы-реки, включающее бассейны малых рек, берущих начало на Теплостанской возвышенности. Здесь выявлено наибольшее количество древнерусских памятников в пределах территории Москвы. Курганы и селища расположены вдоль речных долин, единичные курганные группы и отдельные насыпи находятся на водоразделах. Наибольшая концентрация памятников прослеживается в следующих микрорегионах (речных бассейнах): 1) Раменка, Смородинка, нижнее течение Очаковки; 2) верховья Очаковки; 3) Котловка и Коршуниха; 4) Чертановка; 5) Сухая Городенка, Язвенка. В четырех из этих микрорегионов (кроме Котловки–Коршунихи) проводились специальные разведки с целью выявления древнерусских поселений, одновременных курганам. Все пять микрорегионов имеют близкое количество курганных групп и сходное общее число курганов в пределах 80–149 насыпей (табл. 2).

Наиболее древние из курганов, изученных на правобережье, находились в курганных могильниках Черемушки-1 и Царицыно-3. Они датируются первой половиной XII в.

Таблица 2. Число курганных групп и курганов в них в бассейнах правых притоков Москвы-реки

Название микрорегиона	Число курганных групп	Общее число курганов	Численность курганов в наиболее крупной группе	Название микрорегиона	Число курганных групп	Общее число курганов	Численность курганов в наиболее крупной группе
Раменка, Смородинка, нижнее течение Очаковки	20	99 (139)	26 (40)	Чертановка	24	92	11
Верховья Очаковки	9	80	23	Сухая Городенка, Язвенка	14	149	28
Котловка и Коршуниха	15	91	22				

Серединой – первой половиной XII в. датируются курганы могильника Матвеевский-3 [Равдина, 1991. С. 8–10].

На поселениях Раменки-2, 3, Матвеевское-1, Коньково-2, Орехово (Язвенка)-4 были собраны коллекции керамики, которые позволяют ориентировочно относить их возникновение ко второй половине XII в. [Кренке, 1989, 2000].

Таким образом, в конце XII в. уже, вероятно, существовали четыре из пяти выделяемых на правобережье локальных групп. Характерно, что в Чертановской локальной группе, где пока не выявлено ранних материалов, отсутствуют и крупные курганные группы. Самый большой могильник в долине р. Чертановки насчитывает 11 насыпей. Это может служить косвенным подтверждением относительно позднего освоения этого микрорегиона. Если поселения возникли здесь лишь в конце XII – начале XIII в., то крупные курганные могильники просто "не успели" сформироваться.

Анализ пространственного распределения памятников и их количественных характеристик в пределах отдельных микрорегионов позволяет сделать ряд наблюдений.

Долины рек осваивались вплоть до самых верховьев. Процесс этот протекал весьма быстро, что доказывает ранний комплекс поселения Коньково-2, расположенного у истоков р. Очаковки. На большинстве рек в среднем – верхнем течении имеется один-два участка, в которых можно видеть пункты начальной колонизации. Это места наиболее крупных могильников с количеством насыпей более 20. Так как размеры поселений, связанных с этими могильниками, не выделяются из числа других (Коньково-2, Орехово-4), то можно предположить, что большее число курганных насыпей обусловлено длительностью функционирования этих поселений и могильников.

На участках, где проводились детальные разведки и сохранность исторического ландшафта была хорошей, обычно выявляется почти точное соответствие числа курганных могильников и поселений. Поиски поселения, расположенного близ курганной группы, но ниже ее по рельефу у бровки берега, как правило, оказывались удачными при такой ситуации. Часто курганные группы составляют пары, расположенные очень близко (около 100 м) друг от друга. Пример исследования в долине р. Язвенки показывает, что такой паре соответствует два, вероятно, родственных поселения. Эти данные не позволяют согласиться с выводом А.А. Юшко, которая писала: "Трудно с определенностью сказать, были ли какие-либо закономерности в расположении селищ и соответствующих им курганных групп" [Юшко, 1991. С. 159–160].

Ландшафтная приуроченность памятников имеет закономерности. Все без исключения поселения расположены у бровки берега. Их удаленность от русла колеблется в пределах 5–80 м. Средняя удаленность – около 40 м по данным 22 поселений (табл. 3). Высота над водой нижнего края поселения колеблется в интервале 1–19 м, среднее значение – 6 м.

Удаленность от русла курганных могильников колеблется в пределах 50–1000 м, а их высота над водой – в интервале 8–38 м*. Сред-

Таблица 3. Данные о расположении поселений XII–XIII вв. по отношению к руслам рек Раменки, Очаковки, Чертановки, Язвенки

№ по каталогу (Приложение 3)	Название селища	Расстояние от русла (м)	Высота над водой (м)	№ по каталогу (Приложение 3)	Название селища	Расстояние от русла (м)	Высота над водой (м)
46	Матвеевское-1	50	9–16	103	Коньково-1	20–60	5–7
50	Матвеевское-2	5–90	2–7	190	Зюзино-3	30–50	18–20
53	Раменки-1	50	5–10	188	Дубинкин лес-3	50	13–15
196	Раменки-2	60–80	2–4	113	Чертаново-1	20	8–10
197	Раменки-3	30–40	5–7	136	Орехово-6	40	3–5
198	Раменки-4	40–50	2–7	137	Орехово-5	40	1–5
200	Раменки-5	15	5–6	143	Орехово-4	10	3–5
204	Теплый стан-3	25	7–13	144	Орехово-3	70	5–8
71	Теплый стан-1	50	7–9	148	Орехово-2	40–80	7–14
207	Теплый стан-2	30	4–8	159	Братеево-1	30	8–12
70а	Коньково-2	30–60	4–8	221	Царицыно-3	60–100	19–21

* Без учета курганной группы Ясенево-2 (№ 128 а), занимающей уникальное ландшафтное положение – на одной из вершин Теплостанской возвышенности, в 60 м над водой, в 1400 м от русла реки.

ние значения составляют соответственно 304 и 19 м. При подсчетах использовались данные о 67 памятниках. Девять курганных групп удалены от русла реки на 500 и более метров. Если исключить данные об этих памятниках из подсчетов, то средняя удаленность курганов от реки (ручья) составит 240 м.

Археолого-почвоведческие исследования показали, что почти под всеми курганами прослеживаются погребенные пахотные горизонты, иногда на смытых из-за длительной распашки почвах. Это позволило выдвинуть предположение, что пространство между поселениями и курганами использовалось в качестве пашен [Александровский, Кренке, 1993]. Таким образом, наиболее интенсивно освоенными территориями являлись придолинные склоны. Густота расположения поселений и курганных могильников вдоль малых рек весьма велика. Часто между ними всего несколько сотен метров, и они идут сплошной чередой на 4 км (Язвенка), 7,5 км (Чертановка), 7,5 км (Раменка), 3 км (верховья Очаковки), 3 км (Котловка).

"Нормальным" является симметричное расположение памятников относительно русла реки. Иногда поселения расположены почти точно друг напротив друга (здесь и далее см. Приложение 3, № 50, 53 на Раменке, № 71 и 70а на Очаковке, № 188 и 190 на Чертановке, № 144 и 148 на Язвенке). Ширина этих мелководных речек очень мала – всего 2–5 м, и они не могли играть роли реальной преграды, но скорее служили "географически оправданными" границами владений. Вероятно, ресурсными территориями каждого из таких поселений, расположенных визави, являлись склоны лишь одного берега реки.

"Стандартная" ширина территорий интенсивного освоения долин составляла 500–600 м.

Курганные группы, вынесенные вдаль от реки на 500–1000 м, свидетельствуют о том, что в "курганное время" началось освоение водораздельных пространств. Наиболее яркой иллюстрацией этого процесса является курганная группа Ясенево-2 (№ 128 а). Малочисленность таких памятников (в каждом из выделенных микрорегионов их не более двух-трех) свидетельствует лишь о начальной стадии процесса освоения водоразделов. В то же время "узкие" водоразделы, такие, как междуречья Очаковки и Смородинки, Чертановки и ее правого притока Дубинкиной речки, видимо, были освоены целиком. Не случайно курганные группы (Приложение 3, № 57, 58; 107–110; 104, 118) тянутся по осевым линиям этих междуречий. Продвижение курганов на междуречья интересно сопоставить с наличием малоосвоенных речных долин. Сравнение, например, долин рек Чертановки и Городни, сходных по ландшафтным характеристикам, выявляет значительные различия в количестве памятников. Долина р. Городни была значительно слабее освоена, чем долина р. Чертановки, т.е. к концу курганного периода ресурс территорий речных долин еще не был до конца исчерпан, тем не менее началось освоение новой ландшафтной ниши – земель водоразделов. "Стяжение" курганов к водоразделу, по которому проходит современная Калужская дорога, возможно, связано с тем, что путь по направлению к Москве пролегал здесь уже в XIII в.

Количество курганов зависит от численности популяции и продолжительности существования поселения. Один из вариантов

Таблица 4. Связь количественных характеристик археологических памятников и демографических показателей сельских популяций стабильной численности при уровне взрослой и подростковой (старше 5–7 лет) смертности 10 человек на 1000 в год (полужирным шрифтом дано округленное число курганов, в скобках – среднее ожидаемое число умерших)

Число жителей поселений	Длительность существования поселения					
	25 лет	50 лет	75 лет	100 лет	125 лет	150 лет
5	**1** (1,25)	**2** (2,5)	**3** (3,75)	**4** (5)	**5** (6,25)	**6** (7,5)
10	**2** (2,5)	**4** (5)	**6** (7,5)	**8** (10)	**10** (12,5)	**12** (15)
15	**3** (3,75)	**6** (7,5)	**9** (11,25)	**12** (15)	**14** (18,75)	**17** (22.5)
20	**4** (5)	**8** (10)	**12** (15)	**15** (20)	**19** (25)	**23** (30)
25	**5** (6,25)	**10** (12,5)	**14** (18,75)	**19** (25)	**24** (31,75)	29 (37,5)
30	**6** (7,5)	**12** (15)	**17** (22,5)	**23** (30)	29 (37,5)	35 (45)
35	**7** (8,75)	**13** (17,5)	**20** (26,5)	**27** (35)	34 (43,75)	40 (52,5)
40	**8** (10)	**15** (20)	**23** (30)	31 (40)	38 (50)	46 (60)
45	**9** (11,25)	**17** (22,5)	**26** (33,75)	35 (45)	43 (56,25)	52 (67,25)
50	**10** (12,5)	**19** (25)	29 (37,5)	38 (50)	48 (62,5)	58 (75)

числовой реализации этой зависимости представлен в табл. 4. Полужирным шрифтом в таблице выделено количество реально встреченных на правобережье курганов в группах. Знание любых двух параметров позволяет вычислить третий. К сожалению, более или менее точно известен лишь один параметр – число курганов. Численность популяции может быть очень ориентировочно установлена по размерам поселения и реконструируемому числу дворов в нем (табл. 1). Длительность существования поселения по археологическому материалу может быть оценена с точностью до 100 лет. Тем не менее учет всех имеющихся данных позволяет выявить рамки более вероятных демографическо-временных характеристик.

Размер поселений и могильников свидетельствует о том, что колонизацию осуществляли небольшие группы. Более половины курганных групп насчитывают не более пяти курганов, и более половины поселений имеют площадь 1–3 тыс. кв. м. Для таких памятников подходят верхние пять строчек табл. 4 (группы численностью до 25 человек) и интервал длительности существования до 50 лет. Если предполагать, что численность группы не оставалась стабильной, а постепенно возрастала, что весьма вероятно при благоприятных условиях, то расчет может быть скорректирован. Если допустить, что исходная группа в пять человек удваивала свою численность за 50 лет и сохраняла стабильный уровень взрослой смертности 10 человек на 1000 в год, то семь взрослых умерших или пять курганов эта группа оставит в среднем за 70–75 лет. Нужно учитывать также, что некоторые взрослые, погибшие при чрезвычайных обстоятельствах, оставались без погребения. Это означает, что значение размеров группы и длительность ее существования для каждого данного числа курганов, представленных в табл. 4, являются минимальными или несколько заниженными.

Таким образом, можно предполагать, что одно-трехдворные поселения при малых курганных группах (до 5 насыпей) могли существовать 50–70 лет.

Отсутствие положительной связи между размерами поселений и численностью курганных групп, видимо, указывает на то, что средние (10–20 насыпей) и крупные (более 20 насыпей) группы были оставлены не многолюдными сельскими общинами, а малыми группами, длительность существования которых в "курганный период" была больше (75–150 лет).

Общая численность населения в каждом из пяти вышеперечисленных микрорегионов может быть ориентировочно оценена в пределах 100–200 человек, исходя из общего числа курганов и длительности "курганного периода" в Подмосковье.

Курганов и селищ по долинам левых притоков Москвы-реки на порядок меньше, чем на правобережье. Это не может быть объяснено лишь условиями сохранности памятников. Долина Яузы в среднем и верхнем течении сохранилась достаточно хорошо, однако курганных групп и поселений здесь гораздо меньше, чем в долинах рек Раменки, Очаковки, Чертановки. Разведки по р. Голяданке, проведенные в 1998 г. С.З. Черновым, также доказывают малочисленность расположенных здесь памятников древнерусского времени [Чернов, 2000].

Такая диспропорция в плотности заселения лево- и правобережных территорий, вероятно, в значительной степени обусловлена различиями в пригодности земель для сельского хозяйства. Характеристика различий дана В.А. Низовцевым. «Правобережные (ландшафты. – *Н.К.*) занимают возвышенные холмисто-увалистые моренные равнины, сильно расчлененные овражно-балочной сетью. Эти "теплые" местообитания в сочетании с суглинистыми почвообразующими породами способствовали произрастанию широколиственных лесов, преимущественно дубрав. Именно здесь наибольшие площади занимают самые благоприятные для пашенного земледелия почвы. Ландшафты левобережной части – это преимущественно плоские равнины, сложенные водно-ледниковыми песками или перемытой мореной. Здесь были распространены заболоченные понижения. Песчаные почвы бедны, нередко переувлажнены, на них произрастали большей частью еловые и сосновые леса» [Низовцев, 1997].

Таким образом, ближайшая сельская округа Москвы XII–XIII вв. в основном состояла из многочисленных мелких поселений, "нанизанных" на речные долины правых притоков Москвы-реки, и поселений в долине самой этой реки. Археологически зафиксировано более 1034 курганов, оставленных этим населением. Реальная цифра была больше, так как многие из курганов были распаханы еще в средневековье, о чем свидетельствуют находки поселений "курганного времени", не имеющих поблизости курганов.

Если допустить, что "курганный период" длился в районе Москвы 150 лет (XII – первая половина XIII в.), то такое количество курганов должна была оставить группа со средней численностью 900 человек. Формула расчета такова:

N = (M : t) : K, где N – средняя численность группы; M – общее число умерших взрослых и подростков за все время жизни поселения; t – время жизни поселения; K – показатель уровня ежегодной смертности взрослых и подростков, вычисленный для 1000 жителей.

Показатель M в данном случае равен 1350. Это округленное расчетное число погребений в 1030 курганах при коэффициенте 1,3, вводимом для учета парных и вводных захоронений. Коэффициент K равен 10 человек на 1000 в год; t равно 150 годам.

Уравнение таково: 1350 : 150 : 10/1000 = 900.

Допустимо предполагать, что сельское население, вовлеченное в освоение среднего течения Москвы-реки, не стесненное лимитом территории, имело естественный прирост. В работах, посвященных демографии "фронтиньеров", приводятся данные о том, что у второго поколения колонистов наблюдается наибольшая рождаемость [Boguki, 1988]. Учитывая это, можно полагать, что численность группы, осваивавшей территорию современной Москвы, возрастала, скорее всего, не линейно. В XI в. это могли быть первые сотни людей, а к XIII в. их число могло приблизиться к 2 тыс.

Приблизительные оценки позволяют сделать также подсчеты площадей поселений. Совокупная площадь 38 сельских поселений, представленных в табл. 1, составляет около 100 тыс. кв. м (10 га). Исходя из числа курганных групп, можно предположить, что в реальности поселений было примерно в три раза больше. Соответственно, их площадь могла составить около 30 га. Выборка в 38 поселений, на мой взгляд, достаточно репрезентативна, чтобы принимать ее за средний показатель.

Площадь города Москвы в XIII в. составляла около 50 га (Кремль + Китай-город до Б. Черкасского переулка с вычетом площади 14 га незастроенных участков на водоразделе и болот на склоне берега). При всей приблизительности данных подсчетов они дают представление о порядке величин. Совокупная площадь сельских поселений ближайшей округи Москвы была меньше площади города примерно в 1,5 раза. Разница в числе жителей могла быть больше из-за большей плотности городской застройки. В качестве ориентира для Москвы XIII в. можно предполагать число жителей 3–5 тыс.

Перспективной темой дальнейших исследований является выяснение судьбы сельских поселений округи Москвы в середине – второй половине XIII в. Маркером комплексов этого этапа является сероглиняная керамика с доминированием волнистого орнамента (появление "косой волны"). Из весьма слабо изученных поселений XII–XIII вв. на территории Москвы по крайней мере три дали материалы второй половины XIII – рубежа XIV в. Это селища Орехово-4а на р. Язвенке, Теплостанское-2 на р. Очаковке, Мякинино-2 на Москве-реке. На многих поселениях XII–XIII вв. имеются материалы XV–XVI вв. Запустение поселений XII–XIII вв. могло объясняться не только экстраординарными причинами. На рубеже XIII–XIV вв. начинает формироваться новая стратегия освоения территории, появляются поселения на вершинах водоразделов, обеспечивавшие себя водой из прудов на склонах [Александровский и др., 1990]. Классическим примером подобного типа поселений является селище Дубинкин лес-1 на северо-восточной оконечности Теплостанской возвышенности*. Таким образом, по материалам памятников ближайшей сельской округи Москвы можно говорить о наличии преемственности развития в пределах XIII в. Степень распространенности этой преемственности и соответственно размеры ущерба, нанесенного монголами подмосковным сельским поселениям, пока трудно оценить.

Литература и архивные материалы

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественнонаучные методы в полевой археологии. М., 1998. Вып. 2.

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. М., 1990. Вып. 1.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Беляев Л.А. Древнейшие монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Векслер А.Г. Альбом к отчету о раскопках Кунцевского городища в 1963 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2701а).

Векслер А.Г. К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля // СА. 1963. № 1.

Векслер А.Г. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Векслер А.Г. Отчет об охранных археологических раскопках на объектах, связанных со строительством и реставрационными работами в г. Москве. 1987 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 12014).

* Подробнее см. гл. 3 в т. III наст. изд.

Векслер А.Г. Отчет об археологических работах в Москве в 1990 г. Т. II (Архив ИА РАН. Р-1, № 15120, 15126).

Векслер А.Г. Альбом к отчету об археологических работах в Москве в 1992 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 17321).

Векслер А.Г. Археологические раскопки на селище Мякинино-2 в Северо-Западном округе г. Москвы, 1995 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 19358).

Векслер А.Г. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. IX (Архив ИА РАН. Р-1, № 20412).

Векслер А.Г. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных с реконструкцией инженерных коммуникаций по Никольской ул. в 1999 г. (Архив ИА РАН).

Векслер А.Г. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу ул. Б. Ордынка, 40 в 1999 г. (Архив ИА РАН).

Векслер А.Г. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством офисного комплекса зданий по адресу Кадашевская набережная, 16/18 в 1999 г. (Архив ИА РАН).

Векслер А.Г. Отчет об охранных археологических раскопках церкви Святой Троицы в Старых Полях в 1999 г. (Архив ИА РАН).

Векслер А.Г. Охранные археологические исследования, связанные с капитальным ремонтом Центра Восточной литературы – выносной подвал по Моховой ул., 6–8, 2000 г. (Архив ИА РАН).

Векслер А.Г., Двуреченский О.В., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю. Охранные раскопки на Мякининском комплексе памятников // АО 1996 года. М., 1997.

Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник / Тр. ГИМ., М., 1999. Вып. 111.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. района Куликова поля // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М., 2000.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. М., 2000.

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990.

Зайцев А.К. О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XIII в. (Голубино, Волочок и Уполозы) //Древнейшие государства на территории СССР, 1987 год. М., 1989.

Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках на территории заповедника "Царицыно" в 1989 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 15971).

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3.

Кренке Н.А. Разведки по долине Москвы-реки, комплексные археолого-географические исследования в Москве и Подмосковье // АО 1995 года. М., 1996.

Кренке Н.А. Археология о начале Москвы // Вестн. РАН. 1997. № 8.

Кренке Н.А. Археологическая карта Москвы от каменного века до древнерусского времени // История и культура древних и средневековых славян / Тр. VI международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5.

Кренке Н.А. Отчет о разведках на территории г. Москвы в 2000 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А., Бойцов И.А., Фролов М.В. Раскопки на "Романовом дворе" в Москве // АО 1998 года. М., 2000.

Кучкин В.А. Москва в XII – первой половине XIII века //Отчественная история. 1996. № 1.

Московский столичный и губернский статистический комитет: Сведения о курганах, находящихся в пределах Московской губернии. 1878 г. (ЦГИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 94).

Недошивина Н.Г. К вопросу о связях радимичей и вятичей // Археологический сборник / Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37.

Низовцев В.А. Раздел "ландшафты Москвы" в статье "Археологические карты Москвы" // Природа. 1997. № 4.

Низовцев В.А. Ландшафтный фактор развития природопользования в московском регионе: Автореф. дис. ... канд. географ. наук. М., 2001.

Панова Т.Д. Москва и монгольское нашествие: Характер культурного слоя Кремля XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 97–102.

Рабинович М.Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. М., Л., 1949. № 12.

Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971.

Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.

Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Тр. IX Археологич. съезда. М., 1897. Т. II.

Станюкович А.К. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского районов Московской области в 1981 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 8908).

Станюкович А.К., Сулержицкий Л.Д. К проблеме абсолютной хронологии раннесредневековых памятников верхнего Москворечья: Поселение Саввинская слобода 2 близ Звенигорода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003.

Тавлинцева Е.Ю. Результаты раскопок селища Заозерье-2 1993–1995 гг. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья М., 1996.

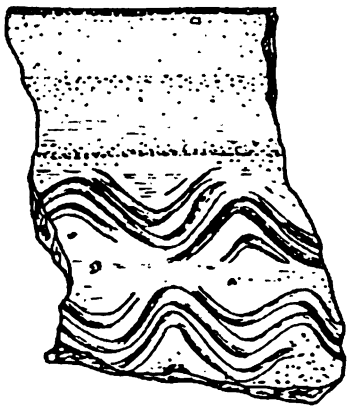
Шполянский С.В. Новые данные о хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья //Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Тр. ГИМ. М., 1999. Вып. 103.

Чернов С.З. Исследование юго-востока Москвы в зоне проектирования парка Кузьминки–Люблино // АО 1998 г. М., 2000.

Юшко А.А. Опыт комплексного использования источников при изучении исторической географии Московской земли XII-XIII вв. // ВИД. Л., 1987. Вып. XVIII.

Юшко А.А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991.

Bogucki P. Forest farmers and stockherders: Early agriculture and its consequences in North-Central Europe. Cambridge, 1988.



Глава 7

Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. (по данным исследования парка "Царицыно")

Н.А. Кренке

§ 1. Общее описание территории археологического микрорегиона[1]

Долина р. Язвенки[2] и прилегающая к ней территория парка "Царицыно" (правый берег р. Городни ниже устья Язвенки) была выбрана в качестве одного из эталонных микрорегионов для изучения расселения и системы землепользования в древнерусское время на территории Москвы (цв. вкл., рис. 4, врезка). Причина выбора именно этой территории заключалась в том, что это насыщенная археологическими памятниками и сравнительно хорошо сохранившая "догородской" ландшафт речная долина (цв. вкл., рис. 5).

Долина Язвенки является одной из "типичных" в географическом отношении малых речных долин, дренирующих правобережье Москвы-реки в пределах Москворецко-Битцевского ландшафта[2] (рис. 8).

В настоящее время р. Язвенка имеет протяженность всего около 3,5 км от запруженных истоков до впадения в Верхне-Царицынский пруд (цв. вкл., рис. 5). Верховья реки пересекает трасса Московской кольцевой автодороги. До сооружения запруд, т.е. до XVI–XIX вв., протяженность русла реки составляла около 6 км. Ее истоки берут начало на водоразделе за пределами МКАД. Моренные холмы здесь имеют высотные отметки 184–188 м. На этом же водоразделе в пределах площади 10 кв. км берут начало правые притоки Москвы-реки, реки Юшунка и Людовка, текущие в восточном направлении, ручей Шепелевка (правый приток р. Городенки), текущий в северном направлении, р. Купеленка (левый приток р. Битцы), текущая в южном направлении.

Язвенка течет от места истока в западном направлении. Примерно в 2 км ниже истока русло реки поворачивает почти под прямым углом на север, а затем меняет направление на северо-западное. В 0,5 км выше устья в Язвенку впадает левый приток – ручей Черепишка[3]. Напротив Царицынского дворца Язвенка впадает в более крупную реку Городню (Сухая Городенка, по карте 1812 г.), правый приток Москвы-реки.

Язвенка имеет хорошо проработанную долину. Перепад высот от бровки склона правого берега (отметка 170 м в среднем течении реки) до русла (отметка 149–150 м) составляет 20 м. Правый берег, как правило, более крутой, чем левый. "Ширина долины" – расстояние между верхними отметками склонов обоих берегов, где уклон к реке начинает уже быть отчетливо выражен и откуда берут начало мелкие овраги, составляет около 500–800 м (цв. вкл., рис. 6).

В нижнем течении реки (чуть выше впадения ручья Черепишка) долина сужается, склоны обоих берегов круты. Крутизна правого берега достигает 15°, а левого 12°. Видимая ширина долины в этом месте около

[1] Детальную ландшафтную характеристику см. в § 9 наст. главы.

[2] Название Язвенка встречается на картах XVIII–XIX вв. В письменных источниках XVII в. название реки – Язва [Холмогоровы, 1892. С. 178].

[3] Название зафиксировано на Атласе Московского уезда 1797 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2360) и на Семитопографической карте Московской губернии 1812 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21373).

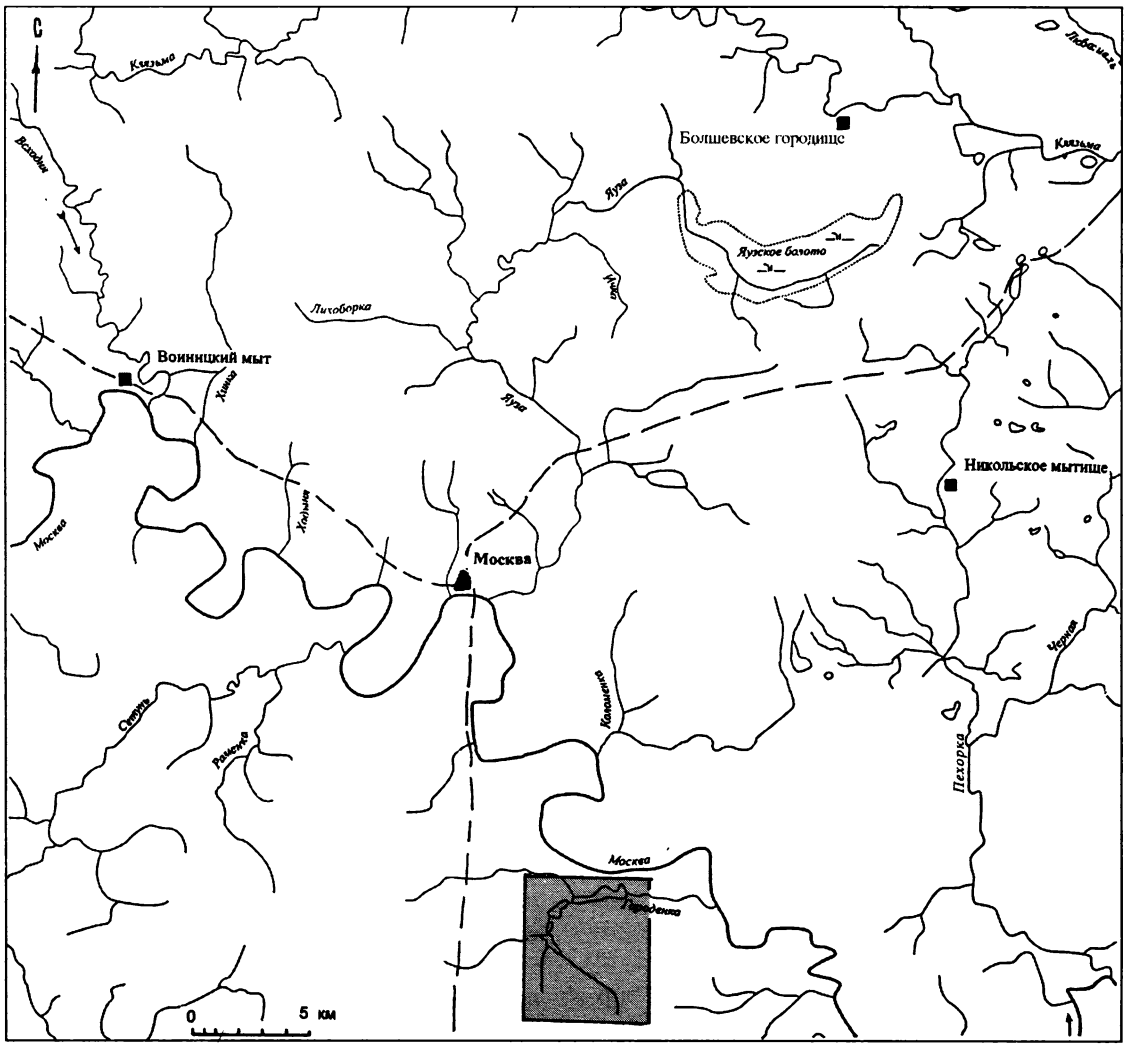


Рис. 8. Район усадьбы Царицыно на р. Язвенке: схема расположения и его изображение на Топографической карте Московской губернии 1860 г.

(РГВИА Ф. ВУА. Д. 21387). Масштаб 2 версты в английском дюйме. Здесь и далее Топографическая карта Московской губернии 1860 г. воспроизводится с издания НРКИ И.Р. Анохина "Картаир"

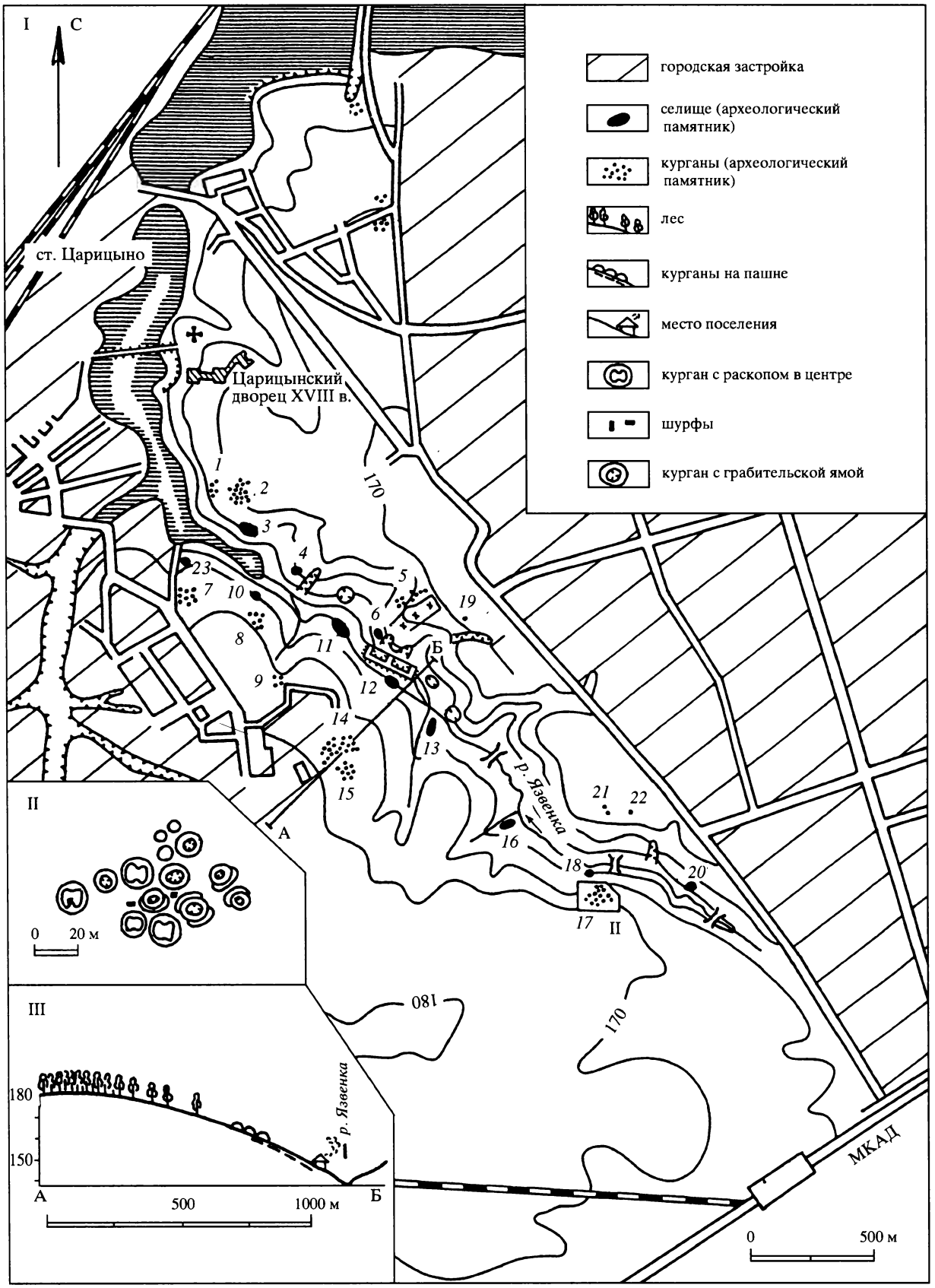
350–400 м, что вполне соответствует этимологии названия Язвенка (Язва) – рубец, рана, пещера, овраг, пропасть, трещина, барсучья нора – в русском, древнерусском и других славянских языках и сходное значение – трещина, щель в литовском языке [Фасмер, 1987. С. 549].

Заселение и интенсивное хозяйственное освоение долины р. Язвенки было начато древнерусскими колонистами в первой половине XII в. Одновременно заселялись и осваивались большинство соседних правых притоков Москвы-реки (реки Очаковка, Раменка, Коршуниха, Котловка, Чертановка).

Система расселения XII–XIII вв. и освоения территории этой речной долины типична для Подмосковья в целом и правобережья среднего течения Москвы-реки в частности. Нужно также отметить, что долина р. Язвенки относится к кругу местообитаний, освоенных на ранней стадии славянской колонизации Подмосковья и расположена близ главного центра всей системы расселения. От устья Язвенки до Кремля по прямой 15 км.

В системе земель, пригодных для освоения, долина Язвенки входила во "второй эшелон". "Первый эшелон" земель составляют долина и придолинные склоны Москвы-реки. Эти территории отличались особой притягательностью. Здесь система расселения древнерусских колонистов сложилась на землях, интенсивно хозяйственно освоенных уже в железном веке и раннем средневековье. Правый берег реки от Коломенского до Бесед в XII в. был заселен очень густо. По бровке высокого берега в первой половине XX вв. еще сохранялись впечатляющие

Императорский Дворецъ
сл. ПЕРЕРВИНСКАЯ
Курьянова
Батюнина
Марьина
Оз. Кругленькое
Оз. Истружино
Оз. Кривое
Оз. Бол. Кривое
Братѣево
Шадрова
Борисово
Пипиловка
Царицыно
Орѣхова
Прудище
Булатникова
Видново


I
С
ст. Царицыно
Царицынский дворец XVIII в.
городская застройка
селище (археологический памятник)
курганы (археологический памятник)
лес
курганы на пашне
место поселения
курган с раскопом в центре
шурфы
курган с грабительской ямой
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
170
180
А
Б
II
0 20 м
III
180
150
А
500
1000 м
Б
р. Язвенка
МКАД
0 500 м

комплексы курганных могильников: Беседский (включая большой курган высотой до 4 м), Борисовский, Братеевские, Сабуровский. Раскопки в Даниловом монастыре и на селище Дьяково-пойма показали, что заселение земель в долине Москвы-реки началось не позднее второй половины XI в. [Беляев, 1994; Кренке, 1992].

Территории "второго эшелона" составляют долины малых рек, непосредственно впадающих в Москву-реку (Черторый, Коршуниха, Котловка), либо, как Язвенка, впадающих в более крупные притоки (Сетунь, Сухая Городенка), текущие в непосредственной близости от Москвы-реки, часто параллельно ее руслу. Освоение земель "второго эшелона" для основания поселений и интенсивного хозяйственного использования составляет специфику системы расселения XII в., отличающую ее от предшествующих.

Древнерусское население, заселившее земли долин малых рек правобережья Москвы-реки, являлось пионером в масштабном земледельческом освоении этих территорий. Тем не менее важно отметить, что на предшествовавшем этапе железного века эти земли уже подвергались начальному хозяйственному освоению. Здесь, возможно, располагались охотничьи угодья, выпасы, незначительные временные стоянки, возле которых могли быть и небольшие поля.

←

Рис. 9. Древнерусские поселения и могильники в долине р. Язвенки (Москва)

В качестве топоосновы использована карта масштаба 1:25000 съемки 1978 г. Горизонтали проведены через 10 м I – схема расположения археологических памятников железного века и древнерусского времени (XII–XIII вв.) в долине р. Язвенки (парк "Царицыно"): 1 – курганная группа Царицыно-1; 2 – курганная группа Царицыно-2; 3 – селище Царицыно-3; 4 – селище Царицыно-1 (железного века); 5 – курганная группа Орехово-1; 6 – селище Орехово-2; 7 – курганная группа Царицыно-3; 8 – курганная группа Царицыно-4; 9 – курганная группа Орехово-6; 10 – селище Царицыно-2; 11 – селище Орехово-3; 12 – 16 – поселения XII–XIII вв.: 12 – селище Орехово-4; 13 – селище Орехово-5; 14 – курганная группа Орехово-5; 15 – курганная группа Орехово-4; 16 – селище Орехово-6; 17 – курганная группа Орехово-2 ("Дубки"), 18 – селище Орехово-7; 19 – курган Орехово-3; 20 – селище Орехово-8; 21 – курганная группа Орехово-7; 22 – курган Орехово-8; 23 – селище Царицыно-4. Все памятники помимо селища Царицыно-1 относятся к XII–XIII вв.; II – план курганной группы Орехово-2 ("Дубки") с указанием мест шурфов 1989 г., где были зафиксированы древние пахотные горизонты; III – реконструкция профиля левого борта долины р. Язвенки в районе селища Орехово-4 и курганной группы Орехово-5 по линии А–Б

На территории Москвы в сходных с долиной Язвенки ландшафтных условиях на удалении от Москвы-реки известно селище железного века Матвеевское-1 близ устья р. Раменки [Кренке, 2000].

В бассейне р. Городенки выявлено два поселения раннего железного века. Одно располагалось в нижнем течении р. Городенки (селище Братеево), другое обнаружено в пределах исследуемого микрорегиона возле беседки "Храм Цереры" ("Золотой сноп") в парке на правом берегу Верхне-Царицынского пруда (селище Царицыно-1, рис. 9, № 4). В шурфе 2000 г., заложенном Л.Л. Галкиным для изучения парковой дорожки в 40 м к юго-западу от беседки, был найден фрагмент текстильной керамики начального этапа железного века[4]. В 2002 г. в ходе обследования площадки мыса, на котором стоит беседка, на склоне, обращенном к пруду, были найдены мелкие фрагменты лепной гладкостенной и текстильной керамики. Эти находки доказывают, что здесь, вероятно, было небольшое поселение. По-видимому, поселение железного века занимало узкую уплощенную оконечность мыса размером 30 × 40 м (рис. 11).

В долине Язвенки сложились уникальные условия для сохранности археологических памятников. Правый берег реки на значительном протяжении входил в усадебный парк. При проектировании парка в XVIII в. архитекторы В.И. Баженов и М.Ф. Казаков, вероятно, специально сохраняли имевшиеся здесь курганы для придания "романтичности" ландшафту. Выше по течению по правому берегу располагались выгон и поля д. Орехово (рис. 8). До середины XX в. курганные группы уцелели и здесь. Они отображены на планах, и их "успели" обследовать археологи. Левый берег в нижнем течении речки также входил в усадебный парк, благодаря чему курганы здесь сохранились почти "идеально". На картах XVIII–XX вв. выше по течению левого берега показан лесной массив. В начале XX в. этот лес именовался "Пожарная пустошь"[5]. В XVIII–XIX вв. здесь пролегали границы волостей и Московского и Подольского уездов. Во второй половине XX в. часть леса была занята радиостанцией спецслужб, что также отчасти способствова-

[4] Автор благодарит Л.Л. Галкина за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

[5] Карта окрестностей г. Москвы масштаба 1:100000 по данным съемки 1928, 1929 гг.

ло консервации ландшафта и сохранению археологических памятников из-за режима ограничения доступа на территорию.

Таким образом, в пределах долины Язвенки до наших дней "дожили" восемь курганных групп, а информация еще о пяти сохранилась на топографических картах XVIII–XX вв.

Начиная с конца XIX в. курганы в Царицыне подвергались раскопкам. Наибольшую информационную ценность имеют хорошо документированные работы 1944 и 1960/1961 гг., проводившиеся соответственно под руководством А.В. Арциховского и Т.В. Равдиной (подробнее об истории исследований см. ниже). Материалы этих раскопок дают достаточно точные основания для решения вопросов хронологии.

§ 2. Исторические и картографические данные о хозяйственном освоении микрорегиона и динамике ландшафта в XVI–XX вв.

Представленные в этом разделе данные, позволяют глубже понять источниковедческий аспект при оценке археологической изученности территории, масштабы и локализацию поздне- и постсредневековых нарушений рельефа и ландшафта в целом, существовавшего в древнерусское время.

Картографические источники позволяют проследить в деталях трансформацию ландшафта начиная с конца XVIII в. Исторические сведения проливают некоторый свет на ситуацию в более ранний период – XVI–XVII вв.

Вероятно, наиболее древним антропогенным элементом ландшафта изучаемого микрорегиона, о котором имеются сведения письменных источников, является старая дорога из Москвы на Коломну и далее в Орду, известная как путь "на Котел" ("Сказание о Мамаевом побоище") и как Колычевская дорога.

Колычевская дорога активно функционировала уже в XV в. Она неоднократно упомянута в комплексе грамот Симонова монастыря на Коробовскую землю, расположенную в 10 км на юго-восток от д. Орехово [АСЭИ. 1958. Т. 2]. Селитьба по этой дороге то возникала, то прекращалась в зависимости от политической стабильности. Исследования, проведенные А.А. Юшко в районе Коробова, показали, что трасса дороги XVIII в., видимо, почти совпадала с трассой древней дороги XV в. [Юшко, 1979, 2002]. Это позволяет предположить, что и в районе д. Орехово ситуация была аналогичной. Ее трасса, вероятно, тяготела к водоразделам, обходила отвершки оврагов. Зажатая между оврагами, дорога XVIII в. идет почти параллельно руслу р. Язвенки по ее правому берегу. Дома д. Орехово стояли по обеим сторонам этой дороги.

Верховья оврагов – притоков Язвенки и Городенки – близко сходятся друг с другом возле д. Орехово, оставляя для дороги лишь узкую полосу по водоразделу, т.е. "Большая дорога из Москвы в Каширу", показанная на картах XVIII в., вероятно, возле д. Орехово, мало отклонялась от трассы древнего пути (рис. 8).

Судя по писцовой книге 1589 г., на правом берегу Язвенки и чуть ниже ее устья, по правому берегу Городенки, велась достаточно интенсивная хозяйственная деятельность, возникали и исчезали поселения. Здесь, видимо, следует локализовать пустошь Черногрязную, относившуюся к дворцовому селу Коломенское, где пахали наездом крестьяне д. Осляевой. Большая часть пустоши распахивалась (15 десятин), 12 десятин поросли лесом [Холмогоровы, 1892]. Выше по течению Язвенки располагалась пустошь, "что была деревня Орехово Алмазниково тож"; к д. Орехово относились "пустошь Ларкина а Кондырева тож по обе стороны Язвы, пустошь Подлипичье на речке на Язве, пустошь Высокая на речке на Язве, пустошь Пожарна на речке на Язве" [Байбурова, 1993. С. 9, 14]. Лишь последнюю пустошь можно уверенно локализовать. Она находилась на левом берегу Язвенки напротив д. Орехово. Пустошь с этим названием зафиксирована на карте Москвы и окрестностей, составленной по материалам съемки 1929 г. Кроме того, на речке Язвенке находились пустоши Казариново, Дягилева и Бабынина, которые принадлежали к сельцу Черная Грязь [Байбурова, 1993. С. 14]. Судя по наличию среди названий таких пустошей, которые, скорее всего, были образованы от имен собственных, можно предполагать наличие по берегам Язвенки в XVI в. (?) мелких поселений.

В 1633 г. пустошь Черная Грязь с прилегающими пустошами (в том числе пустошь Орехово) была продана тестю царя Михаила Федоровича – боярину Лукьяну Степановичу Стрешневу.

В 1666 г. в бывшей пустоши Черная Грязь существовал уже боярский двор, в котором жили "деловые люди". Пустошь Орехово

стала деревней, в которой было 5 крестьянских домов "литовского полону".

Опись 1682 г. отмечает, что крестьяне, которые погорели в д. Арехово, живут в сельце Черная Грязь, а на месте деревни – пустошь [Байбурова, 1993. С. 42].

В 1683–1689 гг. боярский двор в Черной Грязи кардинально перестраивается и расширяется новыми владельцами – В.В. и А.В. Голицыными. Вероятно, в 1683 г. в пустоши Стеблевой ставится деревянная церковь Пресвятой Богородицы Живоносного источника (на правом берегу р. Городенки возле устья Язвенки, при овраге, впадающем в Нижне-Царицынский пруд).

Писцовые документы 1689 г. фиксируют пруд и плотину на реке Городенке, большой двор вотчинников в Черной Грязи. По предположению Р.М. Байбуровой, пруд уже тогда получил очертания, близкие к современным. Низовья Язвенки и ее притока Черепички были подтоплены [Байбурова, 1993. С. 27]. В усадьбе имелись также сад и роща, вокруг них – забор. В д. Орехово в это время было 8 дворов [Холмогоровы, 1892].

Таким образом, к концу XVII в., видимо, сложилась система селитебного освоения с четырьмя "ядрами", вытянутыми в цепочку вдоль высокого берега Язвенки, – крестьянские дома сельца Черная Грязь, церковное место, господский двор, д. Орехово. В последующие столетия эта система лишь уплотнялась. Селитебные места были разделены оврагами и промежутками, занятыми парком, выгоном, садами, огородами.

Планировка с. Черная Грязь (Царицыно) и д. Орехово в XVIII–XIX вв. не менялась. Они лишь постепенно росли. В 1830-е гг. в селе и деревне было 33 и 35 дворов соответственно [Карта Шуберта]. К 1951 г. эти населенные пункты почти слились в сплошную полосу застройки вдоль дороги. Разрыв между ними составлял всего лишь 400 м.

На картах конца XVIII–XX в. ("Атлас Московского уезда, План села Черная Грязь с прилегающими к оному деревнями и землями 1775 г.") показано, что по правому берегу Язвенки вне парка лес был полностью сведен под пашню. На плане 1775 г. видно, что рельеф правого берега пруда в пределах парка был уже сильно преобразован в связи со строительством усадебного комплекса еще при Кантемирах. В 1982 г. была обнаружена белокаменная пандусная лестница на склоне восточного берега Верхне-Царицынского пруда [Минеева, 1988]. Раскопки в Оперном доме постройки В.И. Баженова, который стоит на бровке высокого восточного берега пруда, показали, что "дом целиком стоит на насыпном грунте" [Иващенко, 1989. С. 13]. Эти преобразования были продолжены в конце XVIII – начале XIX в. при разбивке парка и строительстве на бровках берега руин и беседок. В XX в. на территории парка по правому берегу рельеф практически не менялся. Выше по течению реки за границей парка, обозначенной межевым рвом, до середины XX в. изменения в рельефе были незначительными, что зафиксировано на карте 1951 г. (масштаб 1:10000). Сравнение карты Ф.Ф. Шуберта (съемка 1838, 1839 гг.) и карты 1951 г. показывает, что изменения в землепользовании были минимальными. Все пространство от порядка домов д. Орехово до бровки высокого берега Язвенки было распахано или занято садами. Долина речки и овраги были заняты лугом и кустами.

Изменения в рельефе правого берега произошли в 1960–1980-е гг., когда д. Орехово была снесена и на ее месте начали строить городские кварталы. На картах 1974 г. (масштаб 1:5000) и 1985 г. (масштаб 1:50000) фиксируется сооружение нескольких плотин и отстойников в долине и по руслу Язвенки, пологие поверхности придолинных склонов были частично изрыты, частично завалены привозным грунтом.

Начиная с 1987 г., "когда Горбачев разрешил"[6], жители городских домов из микрорайона Орехово распахали значительную часть долины Язвенки под мелкоконтурные огороды, а на площадках мысов правого берега соорудили гаражи. Кроме того, этот берег пересекает асфальтированная дорога, подходящая к отстойнику, значительная площадь занята заброшенным карьером, южнее карьера расположена насыпная гора для горнолыжников. Догородской рельеф сохранился лишь фрагментарно.

По левому берегу р. Язвенки, как уже отмечалось, в XVIII в. рос лес. В начале XIX в., по данным карты Ф.Ф. Шуберта, полоса пологого склона долины на ширину около 300 м вверх от русла была расчищена от леса. Конфигурация северной границы леса и луга/пашни в долине реки почти не изменялась до середины XX в. (карта 1951 г.). Во второй половине XIX в. на мысу левого берега р. Язвенки при впадении в нее ручья Черепишка была сооружена дача Бахрушина. Во второй половине XX в. левый берег почти не испытал воздействия городской застройки и существенных изменений в ландшафте не фиксируется.

[6] Из интервью с местным жителем огородником Н.М. Васиным (запись Н.А. Кренке, 1990 г.).

§ 3. История археологического изучения микрорегиона[7]

На топографических картах фиксация курганов производилась уже в конце XVIII в. "План села Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землею", снятый обер-квартирмейстером Чертановым в 1775 г., является в этом отношении образцом[8]. Курганы на этом плане (масштаб 50 саженей в 1 дюйме) изображены очень отчетливо с соблюдением их индивидуальных различий в размерах и форме. Всего на этом плане показано четыре курганные группы.

На более мелкомасштабном "Плане Москвы и ее окрестностей", изготовленном на основании съемки 1838–1839 гг. под руководством Ф.Ф. Шуберта, показано две курганные группы в Царицыне[9].

Археологическое изучение курганов в Царицыне началось в конце XIX в. В ходе подготовки Антропологической выставки в Москве 1879 г. на заседании организационного комитета выставки 17 августа 1878 г. обсуждался план экскурсии с иностранными учеными-антропологами, в присутствии которых намечалось провести раскопку курганов. В.Н. Бензингер высказал мнение, что "такую раскопку ... следует начать с курганов, лежащих в удельном имении при селе Орехове" [Антропологическая выставка, 1878. Т. 2. С. 202]. Для этой выставки Московским столичным и губернским статистическим комитетом на основании материалов, предоставленных уездными исправниками, был составлен список курганов губернии. В Царицынской волости упомянуто несколько курганных групп[10]. В рассматриваемом микрорегионе отмечено три группы курганов, насчитывавших три, семь и 13 насыпей. Курганы находились близ Каширского тракта на расстоянии 1/4–1/2 версты на земле крестьян с. Царицыно.

В конце XIX в. возле Царицына было раскопано несколько курганов. Неизвестно, где точно проводились эти раскопки. Коллекции курганных вещей из раскопок XIX в. в Царицыне хранятся в ГИМ и Гос. Эрмитаже. Коллекция в ГИМ (Оп. 23. Кол. р9/42б) составлена из материалов раскопок И.Е. Забелина и В.И. Сизова. Эрмитажная коллекция поступила в музей после раскопок 1881 г., проведенных членами и слушателями Археологического института. Наборы вещей из этих коллекций, по мнению Т.В. Равдиной, датируются XII в. или, точнее, – второй половиной XII в.[11] В комплексе из раскопок И.Е. Забелина, в частности, присутствует литой перстень с трехчастным геометрическим орнаментом, который Т.В. Равдина датировала третьей четвертью XII в. [Равдина, 1978. С. 136].

Семилопастное кольцо из раскопок курганов в Царицыне хранится в Ростовском музее, куда было передано И.А. Шляковым [Спицын, 1899. С. 204]. Очевидно, оно происходит из каких-то раскопок XIX в.

Следующий этап в изучении археологических памятников Царицына связан с открытием в августе 1928 г. краеведческого отдела в музее-заповеднике "Царицыно". Как пишет В. Казанцев, в сентябре 1928 г. были организованы раскопки курганов между парком и д. Орехово. Проводились эти работы "силами учащихся местной железнодорожной школы второй ступени под руководством тт. Евтюховой и Кривцовой (Исторический музей). Раскопки дали очень ценные находки, относящиеся к 11 и 13 вв. н.э., принадлежавшие, по-видимому, вятичам" [Казанцев, 1928. С. 158–159]. В научных публикациях эти материалы не нашли отражения. Сохранился лишь отчет Л.А. Евтюховой, содержащий дневник раскопок двух курганов [Евтюхова, 1929]. Судя по дневнику, в 1928 г., в каждом из курганов было по одному женскому погребению на горизонте. А.В. Арциховскому, который исследовал в 1944 г. ту же самую группу, находки 1928 г. оказались неизвестными.

Видимо, в 1930-е гг. (точный год неизвестен) царицынские курганные могильники были обследованы Д.В. Айзиковым. Результаты этого обследования изложены в сводке О.Н. Бадера [Бадер, 1947]. Д.В. Айзиков обследовал четыре курганные группы в царицынском парке (две на левом берегу пруда и две на правом), курганный могильник возле кладбища д. Орехово, где в 1928 г. вела раскопки Л.А. Евтюхова, и курганную группу в урочище "Дубки" на левом берегу р. Язвенки в ее верховьях. В архиве Музея истории

[7] Данной теме посвящена специальная статья Ю.Ф. Иващенко [Иващенко, 1993]. В настоящем разделе приведены некоторые дополнительные данные.

[8] РГВИА. Ф. ВУА. Д. № 19682. План издан в монографии К.В. Минеевой [Минеева, 1988].

[9] РГВИА. Ф. ВУА. Д. № 21380.

[10] Сведения о курганах, находящихся в пределах Московской губернии. 1878 г. (ЦГИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 94). Почти без изменений этот список был опубликован М.А. Саблиным (1879).

[11] Данные картотеки Т.В. Равдиной, хранящейся в ИА РАН.

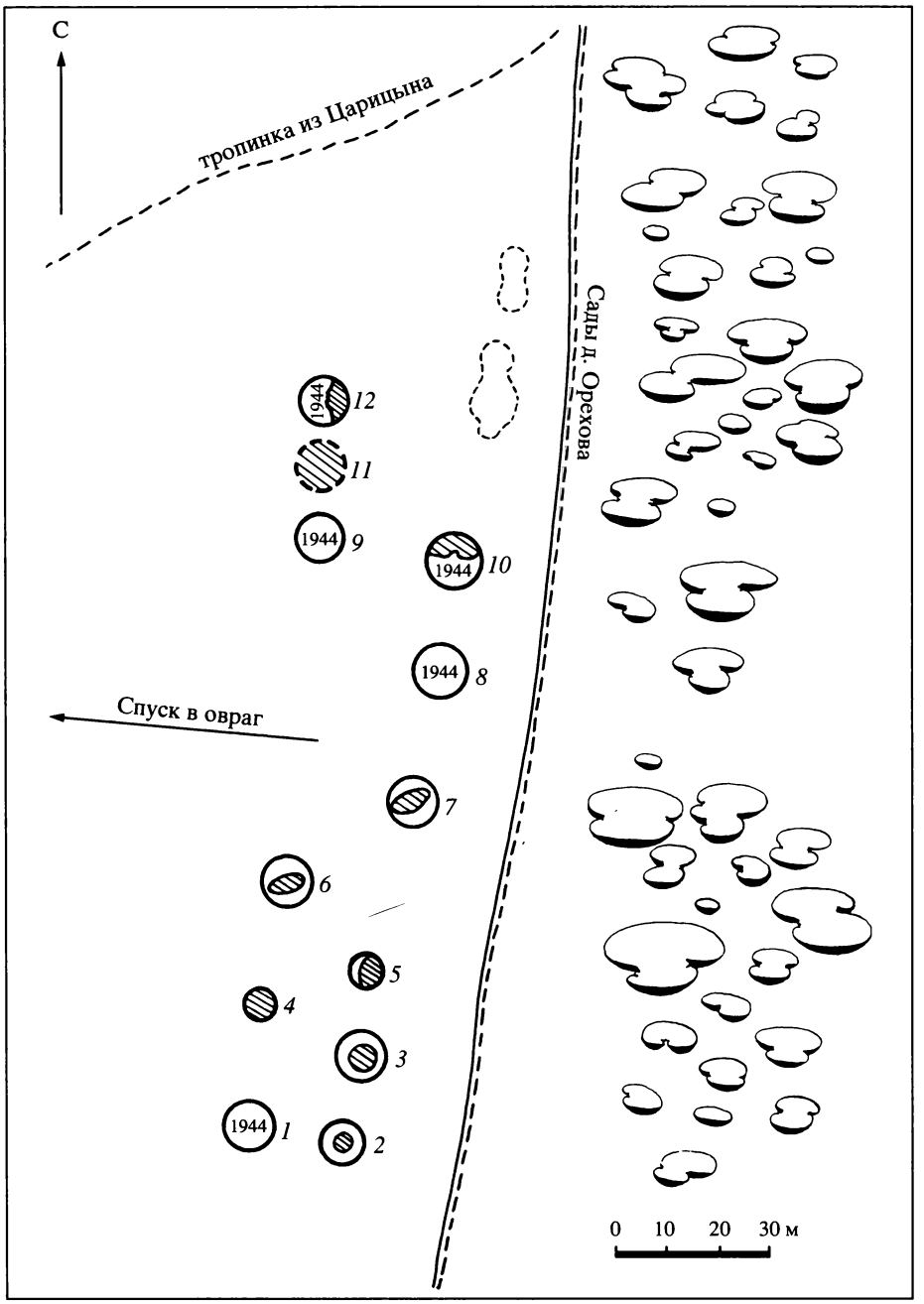


Рис. 10. План курганной группы Орехово-1 (карточка О.Н. Бадера)
Курганы № 1, 8, 9, 10, 12 раскопаны в 1944 г. Штриховкой показаны нарушения, фиксировавшиеся в 1930-е гг.

Москвы хранились планы этих курганных групп ("карточки Бадера"), подготовленные для издания, но, к сожалению, не вошедшие в публикацию О.Н. Бадера (рис. 10)[12]. Авторство этих планов теперь установить трудно. Возможно, планы были сняты Д.В. Айзиковым. Тексты описаний в публикации О.Н. Бадера соответствуют этим планам. Один из этих памятников, а именно группа "3-й царицынский курганный могильник" в тексте статьи О.Н. Бадера привязана к уже утраченным ориентирам: "высоко на восточном берегу пруда царицынского парка, прямо на юг от танцевальной площадки и кафе-ресторана, еще выше них у самой баскетбольной площадки" [Бадер, 1947. С. 150]. Указание на восточный берег пруда ошибочно. При опросах жителей в 1990 г. было установлено, что танцевальная площадка и летнее кафе находились возле бывшей дачи Бахрушина на западном берегу пруда при

[12] В настоящее время оригиналы в музее отсутствуют, копии с оригиналов хранятся в архиве ИА РАН.

впадении ручья Черепишка[13]. План 3-го царицынского могильника на "карточке Бадера" однозначно идентифицируется с курганной группой Царицыно-3 (Царицыно-II, по Т.В. Равдиной), расположенной на левом берегу Язвенки у оврага, впадающего в реку выше устья ручья Черепишка.

В 1944 г. в трех курганных группах близ Царицыно под руководством А.В. Арциховского были произведены раскопки 12 курганов[14]. Два кургана были раскопаны в группе Царицыно-2, пять курганов в группе Орехово-1 (рис. 10), где ранее два кургана раскопала Л.А. Евтюхова, и пять курганов в группе Орехово-2 ("Дубки"). Результаты этих работ отражены в отчете [Арциховский, 1944] и специальной публикации [Арциховский, 1947]. В этой публикации А.В. Арциховский привел списки вещей из всех раскопанных погребений и рисунки лишь выборочных наиболее интересных предметов. Его общее заключение о датировке всех курганных групп в Царицыне гласило, что "в основном это курганы поздние, датируемые XIII–XIV вв." [Арциховский, 1947. С. 79]. К сожалению, значительная часть коллекции из раскопок 1944 г. оказалась к настоящему времени утраченной.

В 1949 г. И.К. Цветкова составила паспорта на четыре курганные группы, расположенные возле д. Орехово. Ранее две из них исследовал А.В. Арциховский. Две курганные группы, насчитывавшие два и три кургана, были описаны впервые И.К. Цветковой. По современной номенклатуре это группы Орехово-7 и 8. Привязка их к плану в паспортах, к сожалению, приблизительная – "0,5 км к югу от д. Орехово". Возможно, эти курганы показаны на плане 1974 г. масштаба 1:5000.

В 1950 г. группы Царицыно-1 и 2, расположенные в парке на правом берегу пруда, обследовал Б. Макаренков. Он более точно подсчитал число курганов в группе Царицыно-2 (23 насыпи) и составил паспорт археологического памятника.

В 1960/1961 г. раскопки курганов в Царицыне продолжила Т.В. Равдина. Она исследовала четыре насыпи в группе Царицыно-2 (по Т.В. Равдиной, Царицыно-I) и пять курганов в группе Царицыно-3 [Равдина, 1963].

Исследование хронологии инвентаря из подмосковных курганов, проведенное Т.В. Равдиной, позволило скорректировать датировки, предложенные ранее А.В. Арциховским. Т.В. Равдина подвергла критике в первую очередь верхнюю дату курганных могильников – XIV в., которую предложил А.В. Арциховский [Равдина, 1965, 1975]. Предложенные Т.В. Равдиной датировки для комплексов, раскопанных в 1944 г., не выходят за пределы XIII в., а некоторые отнесены к XII в.

Курган № 2 из группы Царицыно-2, расположенной на правом берегу пруда в парке, Т.В. Равдина считала возможным датировать второй половиной XII в.[15]

Курган № 3 из группы Орехово-1 и курган № 5 из группы Орехово-2, в которых в 1944 г. были найдены височные кольца типологически позднейших форм, Т.В. Равдина считала возможным датировать XIII в. [Равдина, 1968. С. 140]. Для кургана № 2 из группы Орехово-2, где также были найдены височные кольца развитой формы, включая уникальный экземпляр с восемью боковыми колечками и "арабским" орнаментом на щитке, была предложена датировка конец XII – первая треть XIII в. [Равдина, 1991. С. 12]. Анализируя находку горшка из этого кургана, Т.В. Равдина подчеркивала его домонгольский характер и отличия от красноглиняной керамики из культурного слоя Москвы второй половины XIII–XIV в. [Равдина, 1965. С. 126, 127].

В одном из погребений курганной группы Орехово-1 был найден литой перстень с геометрическим орнаментом, который датируется третьей четвертью XII в. [Равдина, 1978. С. 136].

По Т.В. Равдиной, наиболее раннее из раскопанных погребений в группе Царицыно-3 (курган № 2) относится к первой половине XII в., на что указывают бубенчик с крестовидной прорезью, завязанный браслет и височные кольца раннего типа.

В курганах № 5 и 12 той же группы был найден типологически более поздний инвентарь, в том числе височные кольца развитых форм, которые допускают датировку XII–XIII вв. [Равдина, 1963. С. 216]. Однако, исходя из косвенного соображения, что "хронологический диапазон такого небольшого кладбища ... должен быть не более нескольких десятков лет, а самое раннее погребение относится к первой половине XII в." [Равдина, 1963. С. 217], автор раскопок сделала вы-

[13] Информатор В.А. Антонюк, 1931 г. рожд., проживал по адресу ул. Баженова, д. 16 а (быв. с. Царицыно) (запись Н.А. Кренке, 1990 г.).

[14] В раскопках принимали участие профессора: С.В. Киселев, В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков, Г.Ф. Дебец; студенты, будущие известные московские археологи: Г.А. Авдусина, И.В. Яценко, Н.Я. Мерперт, О.Д. Дашевская.

[15] Картотека Т.В. Равдиной, хранящаяся в ИА РАН.

вод, что всю курганную группу можно датировать в пределах XII в.

В конце 1960-х – 1970-е гг. сотрудниками московской экспедиции Института археологии были вновь обследованы курганные группы в Царицыне, но раскопок не производилось. В отчете А.А. Юшко за 1969 г. есть фотографии курганов и отмечено, что были обследованы все пять групп в царицынском парке [Юшко, 1969]. Тогда же были сняты новые планы курганных групп Царицыно-1, 3, 4.

В 1975 г. Р.Л. Розенфельдтом была проведена паспортизация курганных групп в окрестностях Царицына, составлено семь паспортов с планами. При этом были выявлены две новые курганные группы. Данные шести паспортов легко увязываются с ситуацией на местности и материалами, полученными ранее. Загадочной является группа, обозначенная Р.Л. Розенфельдтом под названием Царицыно-1. Судя по тексту и плану, приложенному к паспорту, эта группа расположена в 200 м южнее Большого дворца и состоит из четырех распаханных курганов высотой 0,3–0,5 м. При обследовании местности в 1989 г. (разведки автора) эти курганы не были обнаружены.

В 1980-е гг. археолог В.И. Балабина, проживавшая рядом с царицынским парком, обнаружила на левом берегу р. Язвенки на территории военной части группу курганов, до этого никем не обследованную.

В 1998 г. в курганной группе Царицыно-1, расположенной в парке возле беседки Миловида и состоящей из пяти курганов, одна насыпь была раскопана Л.Л. Галкиным. При этом было зафиксировано погребение на горизонте. Из погребального инвентаря найден один горшок.

На территории дворцового ансамбля "Царицыно" проводились значительные археологические раскопки и шурфовки, связанные с реставрацией архитектурных памятников и паркового ансамбля. Это исследования А.С. Воскресенского в 1976 г. [Либсон, 1976], В.В. Милькова в 1985 г. [Мильков, 1985], Ю.Ф. Иващенко в 1988–1992 гг. [Иващенко, 1988, 1989, 1992] и Л.Л. Галкина в 2000 г. Во время этих работ материалы, относящиеся ко времени ранее конца XVII в., не были обнаружены (исключение составляет фрагмент керамики железного века из шурфа 2000 г. возле беседки "Золотой сноп"). Необходимо упомянуть пахотный горизонт, предшествовавший дворцовому строительству, зафиксированный на площадке к северу от Большого дворца [Александровский, 1989].

§ 4. Комплексные археолого-географические исследования долины р. Язвенки в 1989, 1997, 2002, 2003 гг.

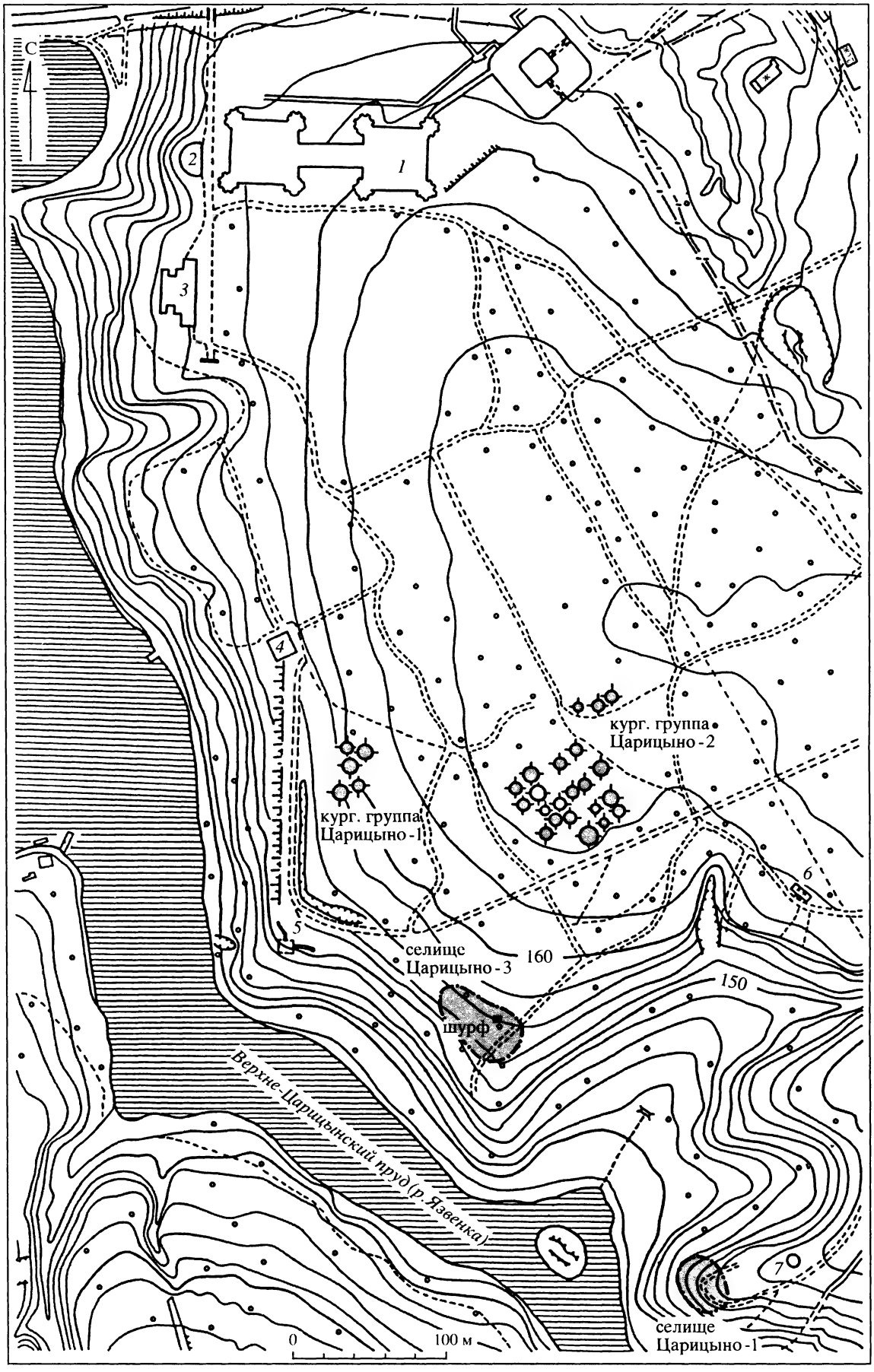
В 1989 г. была проведена археологическая разведка с целью выявления поселений при курганных группах, сняты топографические планы памятников, изучены погребенные почвы под курганами и агрогенно-делювиальные отложения на бровках берега реки. Из погребенных под курганами почв были отобраны образцы для проведения спорово-пыльцевых анализов. В 2002–2003 гг. разведки были продолжены, некоторые участки осмотрены повторно.

Цель этих исследований заключалась в составлении археологической карты микрорегиона и выявлении следов древней хозяйственной активности, на основании анализа которых можно было бы реконструировать систему расселения и землепользования.

Работы выполнялись коллективом специалистов, в который входили почвовед А.Л. Александровский (ИГРАН), палинолог В.С. Гунова (географический факультет МГУ), группа геофизиков под руководством М.Я. Каца (МГУ), топограф Ю. Ивинский. Собственно археологические разведки были выполнены автором[16]. Частично результаты этих работ представлены в ряде публикаций и отчетов [Александровский, 1989; Александровский, Кренке, 1993; Бойцов, Гунова, Кренке, 1993; Кренке, 1989].

В 1997 г. группой сотрудников и студентов кафедры ландшафтоведения географического факультета МГУ (М.В. Онищенко, А.В. Марковская, Д. Жуйкова, И. Хомская) под руководством В.А. Низовцева по результатам полевых работ была составлена карта условно-восстановленных ландшафтов территории. На 80 точках было составлено комплексное описание рельефа и растительности. Эта карта, позволяющая оценить потенциал природных ресурсов, легла в основу ландшафтной гипотезы, реконструирующей древнее землепользование (карта природопользования в древнерусский период).

[16] В дополнительных обследованиях 2002–2003 гг. вместе с автором участвовали О.Н. и А.Н. Глазуновы, Г.В. Егоров, М.А. Молошникова, О. Фишкис, Д.Б. Соловьев, В.С.Курмановский, И.И.Елкина, А.В. Лазукин, В.С. Нефедов.


С
1
2
3
4
5
6
7
кург. группа Царицыно-2
кург. группа Царицыно-1
селище Царицыно-3
160
150
шурф
Верхне-Царицынский пруд (р. Язвенка)
0
100 м
селище Царицыно-1

Методика и маршрут археологических разведок. На распаханных участках проводился сбор подъемных материалов. Зондажи закладывались в местах скоплений находок на пашне и в перспективных для выявления поселений участках (уплощенные поверхности высокой поймы и первой террасы вблизи устьев оврагов и маленьких ручейков, впадающих в Язвенку). В одном случае была проведена геофизическая съемка участка пашни, где локализовалось темное пятно культурного слоя. На полигоне геофизической съемки размером 30 × 30 м были выявлены аномалии, связанные с наличием древних ям.

Для изучения агрогенно-делювиальных отложений зондажи закладывались в прибровочной части террас и выше по склонам.

Исследование древних пахотных горизонтов по погребенным почвам проводилось следующим методом. Закладывались зондажи на месте раскопанных в 1944 и 1960 гг. курганов. Обследовались также курганы, поврежденные значительными ямами, достигавшими уровня погребенной почвы. Особенно удобными для работы такого рода оказались курганы, у которых частично сохранились бровки, оставленные при раскопках. В этих случаях зондажи закладывались в краевой части бровок на разном удалении от центра кургана. Это делалось для изучения структуры насыпи и в связи с тем, что погребенные почвы в центральной и периферийной частях насыпи дают взаимодополняющую информацию. В центре кургана, где насыпь особенно высока, лучше сохраняется нижняя граница пахотного горизонта. Современные почвообразовательные процессы в такой ситуации мало влияли на почвенный горизонт, погребенный под насыпью мощностью 1–1,5 м. Однако в центре насыпи трудно было выявить мощность древнего пахотного горизонта, которая является очень важной его характеристикой. Это объяснялось тем, что "сердцевина" насыпи создавалась из верхних слоев окружающей почвы, т.е. фактически из той же пашни. Поэтому границу между верхом древней почвы (пашни) и насыпью не удавалось увидеть. На периферии насыпи, которая обычно создавалась из нижних почвенных горизонтов, происходящих из ровиков, наоборот, лучше читалась граница между насыпью и погребенной почвой, но хуже была видна нижняя граница пахотного горизонта, нарушенная почвообразовательными процессами.

С методическими целями закладывались зондажи и между курганами, чтобы проследить скорость исчезновения следов распашки в почвенном профиле. Размеры этих зондажей, как правило, не превышали 40 × 40 см.

Маршруты разведок в основном пролегали по краевой части склонов долины и оврагов и охватили оба берега Язвенки от места ее впадения в Городенку до МКАД.

Результаты археологических разведок. В 1989 г. на территории парка на восточном берегу пруда вдоль бровки берега зондажи не закладывались. На современной дневной поверхности следов поселений, связанных с курганными группами Царицыно-1 и 2, обнаружено не было. В 2003 г. была проведена более тщательная разведка с закладкой довольно густой сети шурфов. В результате на одном из мысов, ландшафтные особенности которого были перспективными для поиска поселений, было обнаружено селище, получившее наименование Царицыно-3 (рис. 11). Селище имеет размеры 60 × 30 м, вытянуто вдоль берега. Расположено оно на выположенной части склона высокого правого берега Язвенки на высоте 19–21 м над урезом воды в пруде. Учитывая, что глубина пруда, по данным съемки Ю. Ивинского, достигает 2 м на участке напротив селища, то над руслом реки площадка селища возвышалась соответственно на 21–23 м. От бровки перегиба склона нижняя граница селища отстоит примерно на 20 м, т.е. древние постройки стояли не на самом краю высокого берега, а метров на 30–40 выше него по рельефу. Расстояние от селища Царицыно-3 до ближайших к нему курганов из группы Царицыно-2 составляет около 120 м. На селище было заложено пять шурфов, три из них площадью по 1 кв. м, один – 2 кв. м, один – 13 кв. м. Последний шурф был заложен в центральной части площадки селища и попал, вероятно, в зону постройки, о чем можно судить по обилию находок керамики, наличию углистого пятна и множеству кусков глиняной обмазки.

Комплекс находок древнерусского времени из этого шурфа представлен пряслицем из розового шифера (рис. 14, *36*), 530 фрагментами

←

Рис. 11. Археологические памятники на восточном берегу Верхне-Царицынского пруда в парке "Царицыно"

Цифрами на плане обозначены памятники архитектуры: 1 – Большой дворец; 2 – Малый дворец; 3 – Оперный дом; 4 – беседка Миловида; 5 – Руины; 6 – беседка "Нерастанкино"; 7 – беседка "Золотой сноп". Сечение горизонталей – 2 м. Система высот – Балтийская. Топографическая основа – съемка Ю. Ивинского 1989 г. На селище Царицыно-3 показан шурф 2003 г.

Таблица 1. Состав керамического комплекса древнерусского времени (XII–XIII вв.) из шурфа № 2 на селище Царицыно-3

Название	Из красножгущейся глины	Из беложгущейся глины	Всего
Венчики без орнамента	62	2	64
Венчики с линейным орнаментом	7	–	7
Венчики с линейным и линейно-волнистым орнаментом	3	–	3
Венчики с волнистым орнаментом	1	–	1
Венчики с гребенчатым орнаментом	2	–	2
Венчики, орнаментированные зубчатым колесиком	2	–	2
Стенки без орнамента	161	10	171
Стенки с линейным орнаментом	179	30	209
Стенки с волнистым орнаментом	28	2	30
Стенки с гребенчатым орнаментом	11	–	11
Стенки, орнаментированные зубчатым колесиком	7	3	10
Донца	18	2	20
Всего	481	49	530

керамики, 54 кусками глиняной обмазки (печина), 27 железными шлаками.

Распределение керамики по типу орнаментации, составу глины и пр. представлено в таблице.

Время формирования этого керамического комплекса, вероятно, охватывает как первую, так и вторую половину XII в., может быть, даже и первую половину XIII в. Основания для такого вывода следующие. Из 275 орнаментированных фрагментов 25 (или 9%) украшены оттисками гребенчатого штампа и "зубчатого колесика". Эти типы орнаментации коррелируют с определенными морфологическими формами венчиков, а именно короткими прямыми, отогнутыми наружу (рис. 14 А, *1–2, 6–10*), либо дугообразно круто изогнутыми с "граненым" в сечении торцом венчика, край которого оттянут вверх, образуя упор для крышки (рис. 14 А, *4, 5, 8*). Подобные горшки в Подмосковье характерны для комплексов первой половины – середины XII в. [Гоняный, 1999; Кренке, 1992; Шполянский, 1999]. В составе находок присутствует и другой очень распространенный и важный для определения возраста тип горшков – с S-образным профилем венчика с округлым в разрезе валиком-утолщением на конце (рис. 14 Б, *11–21*). У некоторых экземпляров сечение валика не округлое, а подтреугольное (рис. 14 Б, *18, 19, 21*). Орнаментация исключительно линейная. Подобная керамика характерна для комплексов со стеклянными браслетами и может датироваться концом XII – первой половиной XIII в. В частности, вышеописанный тип горшков встречен в закрытых комплексах поселения, раскопанного на *Романовом дворе* в центре Москвы [Кренке, 2003]. Таким образом, находки на селище Царицыно-3 представлены разновременной керамикой, бытовавшей примерно в течение одного столетия, что, видимо, отражает длительность его существования.

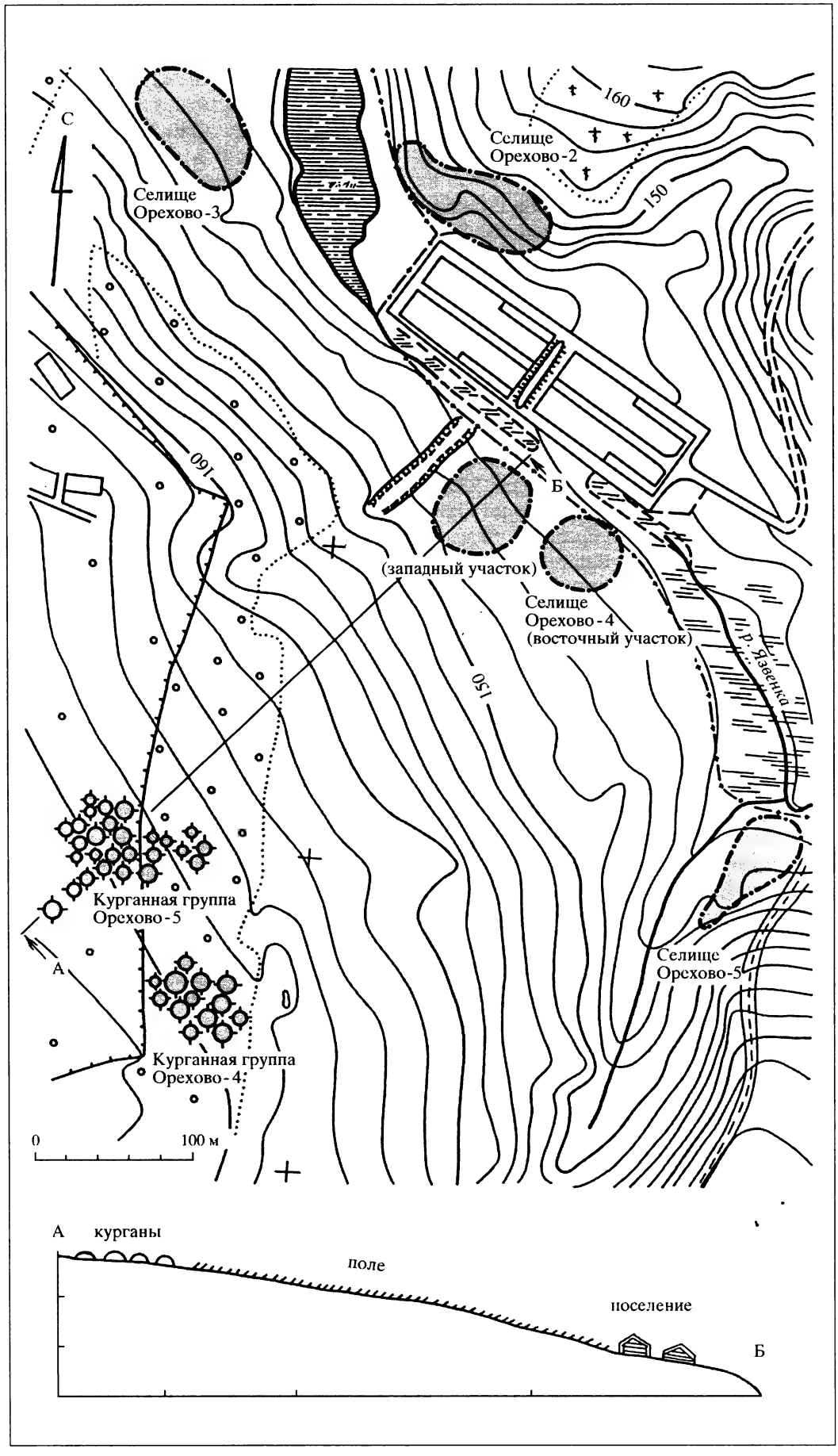
Группа Царицыно-1 насчитывает пять курганных насыпей высотой 1,1–1,5 м. Это количество насыпей отмечали все исследователи, когда-либо обследовавшие данный памятник. Судя по окружающему курганы микрорельефу, можно предполагать, что число насыпей в древности не было большим (рис. 9, *11*).

Группа Царицыно-2 удалена от группы Царицыно-1 на 100 м к востоку-юго-востоку. Данные о количестве курганов в группе Царицыно-2 менее достоверны. В публикации О.Н. Бадера [Бадер, 1947. С. 149] говорится о 14 курганах, что является очевидной ошибкой. На плане этой группы (карточка Бадера) нанесено 18 курганов. При обследовании 1950 г. Б.Е. Макаренков насчитал в группе 21 курган, и еще два находились в особой подгруппе на небольшом удалении (35 м). В 1960 г. Т.В. Равдина отметила наличие в группе 18 курганов [Равдина, 1963. С. 213], четыре из которых она раскопала. В настоящее время в курганной группе сохранились 14 курганов и прослеживаются остатки четырех насыпей, раскопанных в 1960 г. Рядом с основным массивом в 35 м к северо-востоку имеются остатки еще трех насыпей, которые, видимо, в 1944 г. копал А.В. Арциховский. Вплотную к курганной группе проходит старая межа и центральная парковая аллея. Курганную группу пересекают парковые

→

Рис. 12. Археологические памятники в среднем течении р. Язвенки

Система высот – Балтийская. Топографическая основа – съемка Ю. Ивинского 1989 г. Внизу – реконструкция системы землепользования по профилю А–Б


С
Селище
Орехово-3
Селище
Орехово-2
160
150
160
Б
(западный участок)
Селище
Орехово-4
(восточный участок)
р. Язвенка
150
Курганная группа
Орехово-5
А
Селище
Орехово-5
Курганная группа
Орехово-4
0
100 м
А курганы
поле
поселение
Б

тропинки, и на территории памятника построен туалет. Таким образом, нельзя исключить возможности разрушения части курганов.

В группе Царицыно-2 заложены зондажи в кургане, раскопанном, вероятно, в 1944 г. При этом был зафиксирован пахотный горизонт, предшествующий сооружению насыпи (см. далее описание почвоведа).

Как отмечалось выше, в 300 м к юго-востоку от курганной группы Царицыно-2, на мысу, на котором находится беседка "Золотой сноп", был выявлен культурный слой с находками раннего железного века и более позднего времени. Этот памятник был обозначен как селище Царицыно-1 (рис. 11).

Мощность мешаного культурного слоя (бурая пылеватая супесь) на селище Царицыно-1 местами достигает 60 см. В культурном слое много строительного мусора, связанного со строительством беседки в начале XIX в. Комплекс железного века представлен 16 фрагментами лепной керамики. Два из них имеют текстильные отпечатки на поверхности, остальные – гладкостенные или их поверхность столь сильно стерта, что нельзя определить, были ли на ней текстильные отпечатки. Комплекс средневековой керамики в сборах 2002 г. представлен 27 фрагментами, в том числе одним фрагментом стенки горшка курганного (?) типа. Он орнаментирован линейным орнаментом (ширина полосы 2 мм), толщина стенки 8 мм, размер примесей песка и дресвы до 2 мм. Остальная гончарная керамика представлена в подъемных материалах 20 фрагментами стенок и относится к типу красноглиняной гладкой и красноглиняной лощеной XV–XVI вв. с толщиной стенок около 4 мм. Фрагменты различаются по составу примесей. У некоторых визуально примесь песка не выделяется, у других заметны в тесте песчинки размером до 1 мм или даже кусочки дресвы до 2,5 мм. На одной стенке сохранился волнистый орнамент. Белоглиняной керамики в сборах 2002 г. всего два фрагмента. Малочисленность белоглиняной керамики указывает на то, что хозяйственная деятельность на селище Царицыно-1 прекратилась, вероятно, в начале XVI в.

На участке от границы парка до кладбища д. Орехово правый берег Язвенки обрывается крутым склоном. От подошвы склона до русла реки идет плавное понижение. Участок частично заболочен, здесь же расположен современный отстойник. Придолинный склон к северо-востоку от бровки высокого берега был подвержен нивелировке при городских благоустроительных работах (рис. 9).

Остатки раскопанной курганной группы Орехово-1 не сохранились. По А.В. Арциховскому, в этой группе было 11 курганов [Арциховский, 1947. С. 77]. По более ранним данным Д.В. Айзикова, в группе было 12 курганов. На карте 1775 г. показано 11 курганов (рис. 9, 10).

На южной оконечности мыса коренного берега, на котором расположено кладбище, зафиксирован культурный слой темно-серого цвета. У бровки берега мощность этого слоя достигает 1 м. Поверхность, где зафиксирован культурный слой, занята террасированными огородами. Данный объект получил наименование селище Орехово-2 (рис. 9, 12). Находки концентрируются на двух участках, отстоящих друг от друга на 30–40 м. Общие размеры селища 110 × 40 м. Оно располагается в 40 м от русла реки на высоте 7–14 м над водой. Расстояние до курганной группы Орехово-1 равнялось 130 м. Необходимо отметить, что селище приурочено к небольшому ручейку, впадающему в Язвенку в 30–40 м выше по течению от того места, где была обнаружена керамика.

В таблице представлено распределение керамического материала, собранного на поверхности огородов.

Таблица 2. Состав керамики в комплексе сборов подъемных материалов на селище Орехово-2

Типы керамики	Курганная и сероглиняная XII–XIV вв.	Красноглиняная XV–XVI вв.	Белоглиняная гладкая XVI–XVII вв.	Всего
Венчики	4	2	3	9
Стенки	22	24	6	52

Из всего комплекса наиболее раннюю группу составляют два венчика и одна стенка, украшенная линейным рифлением (рис. 16, *29, 30, 37*). Один из венчиков сделан из белой глины. Аналогии подобным горшкам имеются среди находок в *курганах из группы Беседы*, которая датируется XII в. Остальные сероглиняные венчики (рис. 16, *33–35*), судя по качеству обработки поверхности (заглажена), толщине стенок (6–7 мм), размерам примеси (песок, дресва до 1,5 мм) типологически более поздние. Ориентировочно их можно отнести к XIII – началу XIV в.

Белоглиняная керамика представлена венчиком с характерным "приострением" верха. Такая форма характерна для второй полови-

ны XVI в. [Коваль, 2001]. Подобная керамика встречена, в частности, при раскопках на *Романовом дворе* в Москве [Кренке, 1996] в закрытых комплексах подпечных ям. Среди сборов есть и более поздние варианты белоглиняной керамики с очень однородным тестом почти без примесей. Эти фрагменты могут быть отнесены к XVIII в. Возможно, что поздний комплекс керамики связан с освоением данного участка под "полдни" (место дневной дойки скота)[17].

Примерно в 200 м к востоку от курганной группы Орехово-1, судя по карте 1775 г., находился еще один (?) курган. Он располагался у самой бровки одного из отвершков оврага, огибающего с юга деревенское кладбище. Этот памятник, обозначенный как Орехово-3, не сохранился к настоящему времени (рис. 9). Вероятно, его не было уже к моменту обследования Д.В. Айзиковым.

Участок по правому берегу Язвенки от кладбища на 1,5 км вверх по течению до трубопровода, пересекающего долину, как отмечалось выше, подвергся существенным изменениям в последнее время.

Судя по карте 1974 г. (масштаб 1 : 5000) и паспортам, составленным в 1949 г. И.К. Цветковой, в прибровочной части высокого правого берега в 1100 м выше по течению от границ современного кладбища располагались две курганные группы – Орехово-7 и Орехово-8. Они насчитывали соответственно две и три насыпи (рис. 9, *21, 22*). Сейчас этот участок поверхности сильно нарушен современными строительными работами. Предположительно можно локализовать на местности лишь один курган (обследован в 2002 г.), от которого сохранилась часть насыпи, обращенная к склону берега, и фрагменты ровика.

В 1,5 км к юго-востоку от южной границы кладбища и в 30–50 м выше по течению от эстакады трубопровода в пойме на правом берегу имеется площадка, возвышающаяся над водой на 1–2 м. Здесь же есть родник, из которого вытекает ручеек (рис. 9, *20*). Площадка занята огородами. При осмотре был отмечен несколько более темный цвет грунта. Предположительные размеры поселения, обозначенного как селище Орехово-8, равняются 30 × 50 м. Подъемный материал включает фрагменты сероглиняной керамики трехслойного обжига с довольно крупными включениями дресвы размером до 2 мм (рис. 16, *22*). Морфологические особенности венчика не позволяют сопоставлять его с керамикой из курганов XII в. Однако, подобная керамика могла бытовать на завершающем этапе "курганного времени" – в XIII в. Аналогии имеются в городских комплексах Москвы (см. например, комплексы *ям 3* и *8* в *Историческом проезде*; МК. Табл. 27, 40, 41[18]).

В 80 м выше по течению от селища Орехово-8, на огороде, по краю террасы правого берега Язвенки, была собрана красноглиняная керамика XV–XVI вв.

Обследование левого берега реки было начато от места впадения в Язвенку ручья Черепишка. Осмотр кромки западного берега Верхне-Царицынского пруда и бортов оврага, в верховьях которого находится курганная группа Царицыно-3, позволил выявить на мысу селище Царицыно-4 размером 20 × 30 м.

Курганная группа Царицыно-3 состояла, по данным Т.В. Равдиной, из 12 курганов [Равдина, 1963. С. 214][19]. Один из курганов (№ 12) имел очень небольшие размеры, его диаметр около 5 м. По мнению Т.В. Равдиной, он был "втиснут" между курганами № 1 и 8. Раскопки показали, что этот курган содержал погребение в яме. На плане в "карточке Бадера" этот курган также показан, но пунктиром. Поэтому в тексте публикации О.Н. Бадера он не был учтен, там указано, что группа насчитывает всего 11 курганов [Бадер, 1947. С. 150]. Обследование 2004 г. показало, что в группе 13 курганов, высота самого маленького всего 0,4 м (рис. 15 левый).

Зондажи, заложенные на месте кургана № 5 в группе Царицыно-3, зафиксировали следы пашни, существовавшей до насыпки кургана. Пахотный горизонт имел уменьшенную мощность – всего 5–7 см, вероятно, из-за того, что его верх был срыт при раскопках. Под пахотным горизонтом залегал подзол, который плавно по трещинам переходил в бурый суглинистый горизонт Bt (рис. 15 левый, Б).

Курганная группа Царицыно-4 состояла, по данным О.Н. Бадера, из семи насыпей. Современное обследование подтвердило эти данные (рис. 9). Зондажи, заложенные возле курганной группы Царицыно-4 и в 100 м к северо-западу от нее ниже по склону, зафиксировали под лесной подстилкой и маломощ-

[17] Сообщение В.А. Антонюка, 1931 г. рожд. (запись Н.А. Кренке, 1990 г.).

[18] Здесь и далее ссылки на кн.: Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

[19] В публикации Т.В. Равдиной данная группа обозначена как Царицыно-II. Учитывая, что в более ранней публикации О.Н. Бадера фигурирует другое название – Царицыно-3, сохранено было именно оно.

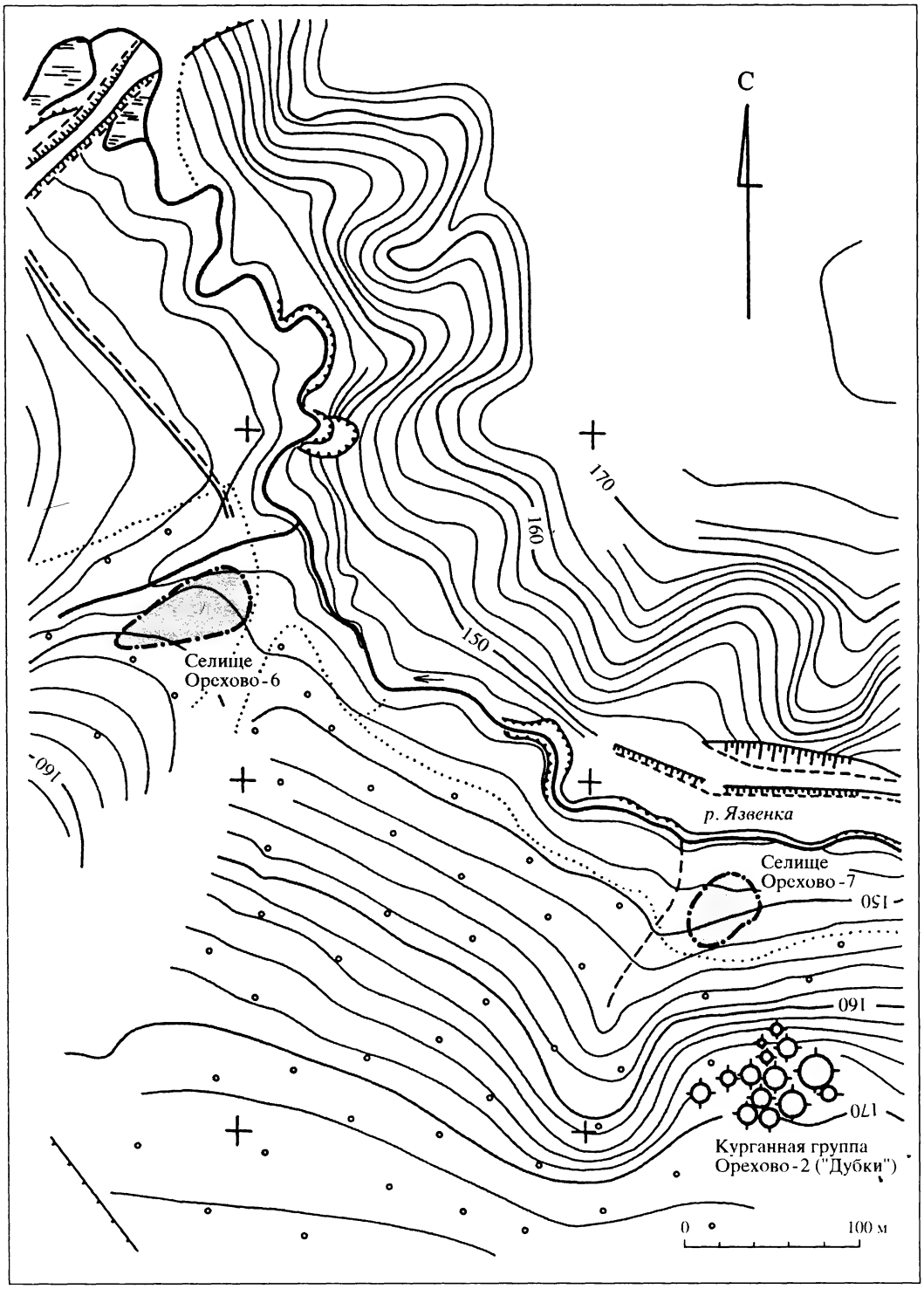

С
170
160
150
Селище
Орехово-6
160
р. Язвенка
Селище
Орехово-7
150
160
170
Курганная группа
Орехово-2 ("Дубки")
0
100 м

Рис. 13. Археологические памятники в верхнем течении р. Язвенки

Система высот – Балтийская. Топографическая основа – съемка Ю. Ивинского 1989 г.

←

ным гумусовым горизонтом наличие слоя однородного мешаного бурого суглинка толщиной 17–20 см. В верхней части склона подзолистый горизонт был "съеден" этим слоем, ниже по рельефу горизонт подзола сохранился. Четкой ровной нижней границы слой однородного суглинка не имел. Скорее всего, это древний пахотный горизонт, повышенная мощность которого обусловлена склоновыми процессами. В шурфе 2002 г., заложенном в 67 м от курганов ниже по склону, был зафиксирован четкий пахотный горизонт с хорошо выраженной нижней границей. Мощность пахотного горизонта (включая делювий) составляла 34 см. В шурфе площадью 1 кв. м было найдено два фрагмента курганной керамики и печина. Т.е. весьма вероятно, что поселение, связанное с данной курганной группой, располагалось в непосредственной близости от шурфа. Данный участок получил наименование селище Царицыно-2. В 2004 г. были получены данные, что здесь действительно находилось поселение.

В 140 м к юго-востоку от курганной группы Царицыно-4, на другой стороне оврага, находится группа Орехово-6[20] (рис. 9). В ней зафиксировано четыре насыпи. Однако надо учитывать, что памятник находился в зоне современного строительства ограды воинской части. Возможно, курганов было больше.

Участок берега вверх по течению реки от курганной группы Орехово-6 до курганной группы Орехово-2 наилучшим образом сохранил исходный рельеф, если сравнивать его с другими частями долины р. Язвенки. Здесь была пройдена вся кромка берега, заложено более 20 зондажей. В результате обследования было выявлено четыре средневековых поселения.

Селище Орехово-3 обнаружено в 260 м к юго-востоку от истоков Верхне-Царицынского пруда, в 5–8 м над уровнем реки (рис. 9, *12*). Поселение располагалось в 200 м вниз по склону от курганной группы Орехово-6. Подъемный материал, собранный на пашне, представлен шестью фрагментами (один венчик, пять стенок) курганного типа. Профилировка венчика характерна для "развитой" керамики данного типа. Край венчика отогнут наружу почти под прямым углом, имеется упор для крышки, толщина черепка 7 мм, обжиг трехслойный, примесь мелко- и крупнозернистого песка размером до 1,5 мм (рис. 16, *21*). Аналогичные параметры и у найденных фрагментов стенок. Малочисленность подъемного материала, возможно, объясняется тем, что прибрежный участок перекрыт шлейфом делювия – перемещенным вниз по склону смывом с пашни.

Специально заложенный зондаж и изучение профиля борта котлована, существовавшего рядом, позволили приблизительно определить площадь поселения (50 × 100 м) и выяснить, что темно-серый культурный слой мощностью до 15 см погребен под современным пахотным горизонтом мощностью 20–35 см.

Селище Орехово-4 располагалось в аналогичных топографических условиях, что и селище Орехово-3, в 250 м выше по течению (рис. 9, *12*). При осмотре пашни у кромки берега было отмечено темное пятно, на месте которого был собран подъемный материал. Ареал распространения подъемного материала охватывает участок 120 × 60 м прибровочной части склона высотой 2–5 м над уровнем реки. По концентрации находок выделяются два участка – западный и восточный, давшие несколько различающиеся по датировке материалы.

В пределах западного участка (размеры 55 × 60 м) был собран следующий подъемный материал.

Таблица 3. Состав подъемного материала на западном участке селища Орехово-4[21]

Типы керамики	Курганная	Серо-глиняная	Красно-глиняная грубая	Всего
Венчики	1	9	5	15
Стенки	2	22	30	64

Курганный венчик (рис. 16, *11*) имеет очень распространенный для этого типа профиль – край дугообразно отогнут наружу, имеется упор для крышки и симметричная ему свисающая вниз закраина. Таким образом, в разрезе получается форма, близкая к

[20] В паспорте, составленном Р.Л. Розенфельдтом, нашедшим данный памятник, ему было присвоено наименование Царицыно-4. Это наименование нельзя было сохранить, так как под этим именем известна другая группа, описанная в более ранней публикации О.Н. Бадера.

[21] Автор благодарит И.А. Бойцова и С.З. Чернова за консультации по типологии керамики.

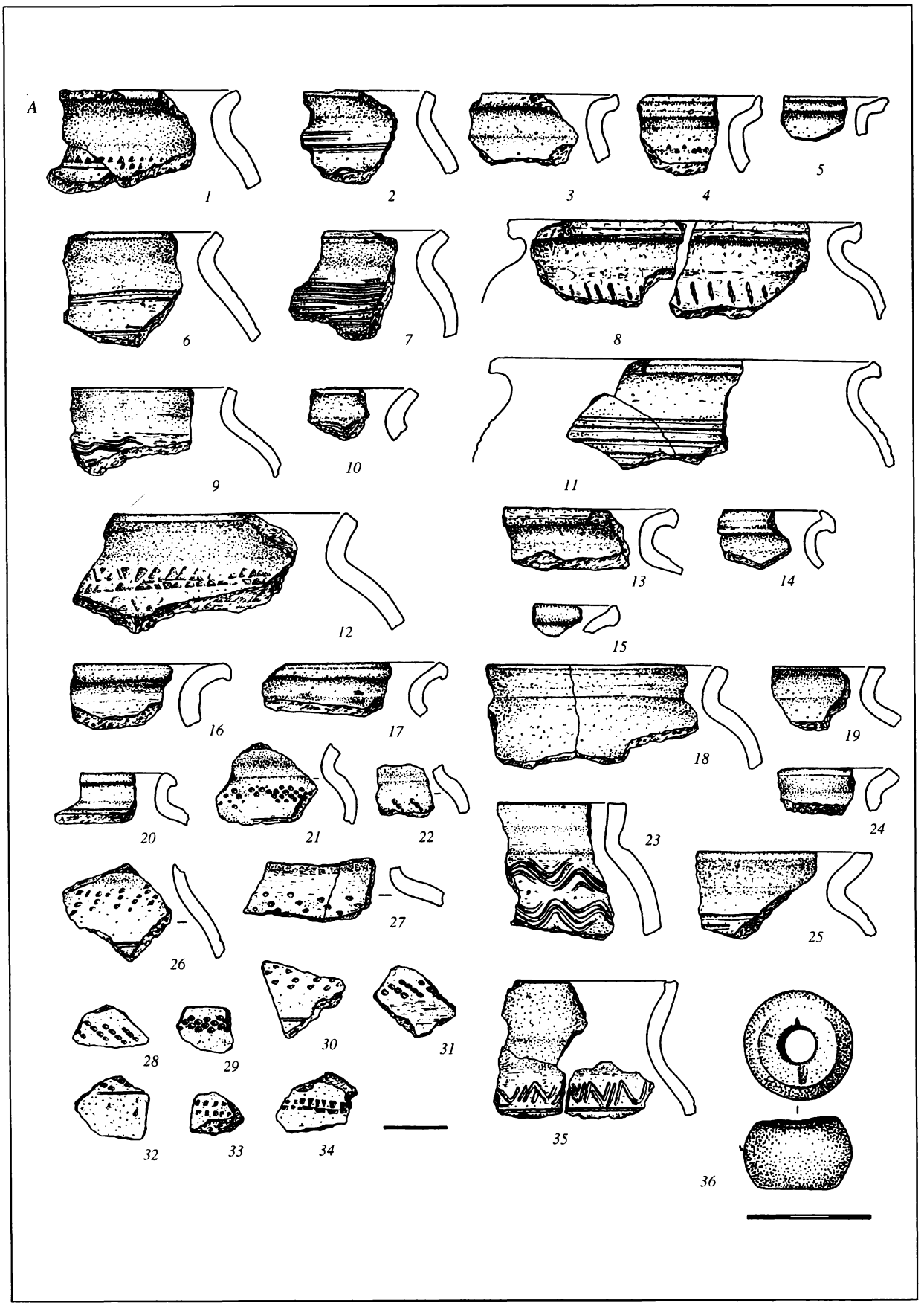


Рис. 14. А – керамика и шиферное пряслице (36) с селища Царицыно-3 (шурф 2, 2003 г.)

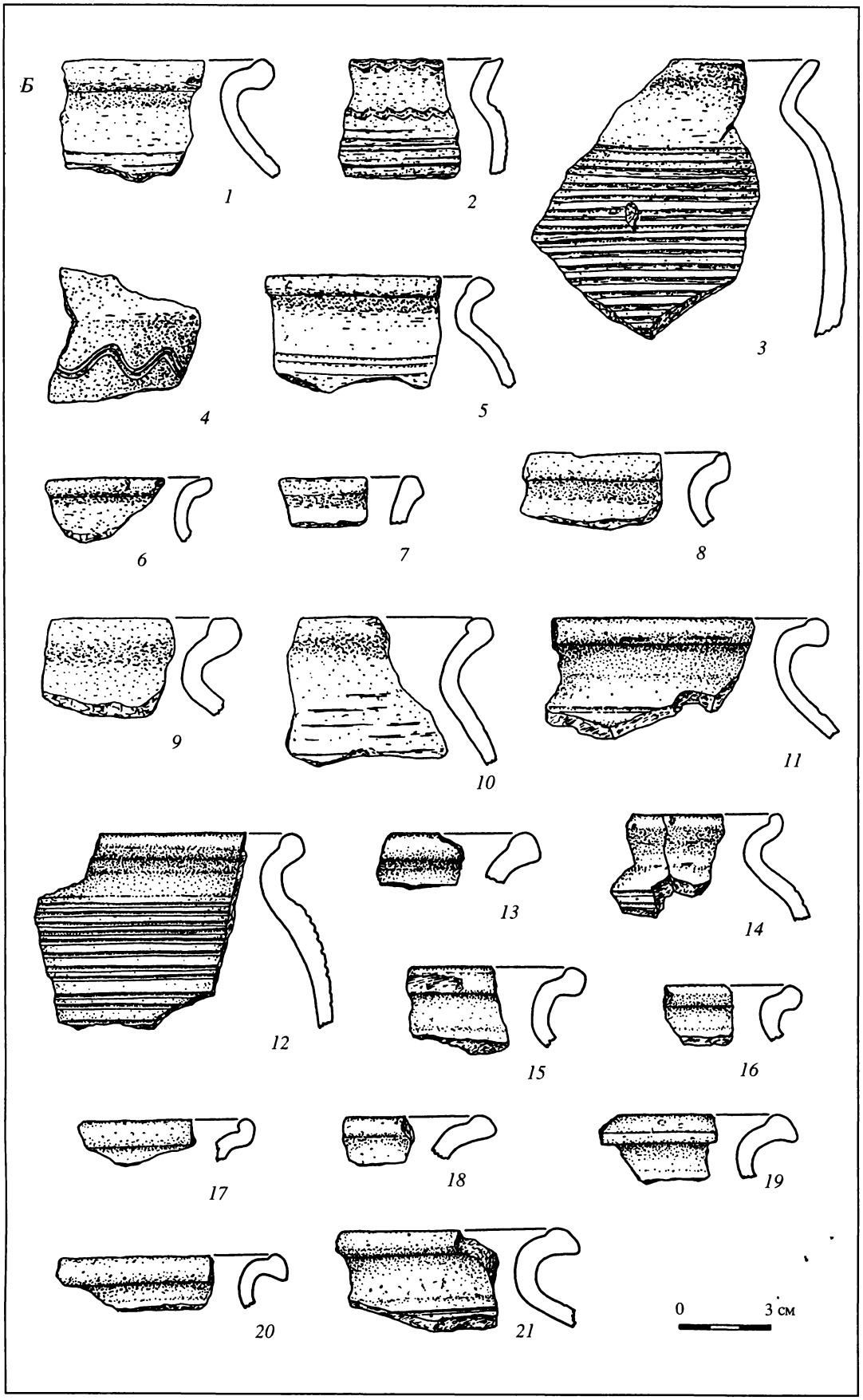


Рис. 14. Б – керамика с селищ Орехово-4, восточный участок (1–10) и Царицыно-3 (11–21)

Т-образной. Горшки подобной профилировки известны из подмосковных курганов XII в. [Равдина, 1991. Табл. 10]. Толщина черепка до 7,5 мм, в тесте примесь песка и дресвы размером до 2 мм.

Венчики горшков сероглиняного типа (рис. 16, *13, 15–18*) имеют дугообразно отогнутый наружу край. По сравнению с более ранней курганной керамикой степень отгиба меньше. Упор под крышку отсутствует или редуцирован, черновой край завернут наружу и скруглен. Поверхность черепка слегка заглажена, его толщина около 7 мм. В тесте примесь песка и дресвы размером до 2 мм. Аналогичная керамика доминировала в комплексе *сруба 1 в Историческом проезде* в Москве (МК. Табл. 30–33), который датирован авторами раскопок второй половиной XIII в.

Серия красноглиняной керамики представлена венчиками, формы которых являются переходными от сероглиняных. Для них характерна приостренность внешнего края, черновой край загнут внутрь, образуя упор для крышки (рис. 16, *19, 20, 27, 28*).

Для диагностики керамики очень важен венчик с орнаментом "косая волна" по верхней части плечика горшка (рис. 16, *19*). Сама форма венчика очень близка некоторым формам сероглиняных горшков. В качестве примера можно привести сероглиняную керамику селища Лешково-2 (МК. Табл. 65). Выделяет эти красноглиняные горшки именно орнамент. Момент появления этого орнамента фиксируют комплексы *ямы 3* и *сруба 6 в Историческом проезде* (МК. Табл. 43, 46–49). Их датировка определена С.З. Черновым в пределах второй половины XIII–первой половины XIV в.

Аналогичная по форме керамика с орнаментом "косая волна" доминирует на селище *Дубинкин лес-1*, относящемся по всем признакам к самому финалу "курганного" времени и к "посткурганному" периоду (см. гл. 3 в т. III наст. изд.).

В комплексе западного участка селища Орехово-4 присутствует фрагмент плечика горшка с довольно редким видом орнамента (рис. 16, *14*). Перегиб плечика украшен линейным орнаментом, полосы которого имеют ширину 2 мм (т.е. широкие). Выше, под венчиком, идет ряд косых тычков, которые еще (?) не слились в "косую волну". Аналогичная керамика была найдена при раскопках в *Богоявленском монастыре* в Москве в слое, перекрытом горизонтом строительства собора 1340 г. (МК. Табл. 22, № 393). Этот черепок имеет толщину 7 мм и довольно грубую примесь песка и дресвы размером до 2 мм. Обжиг трехслойный.

Заложенный в прибровочной части склона зондаж показал, что на западном участке селища под чехлом современного пахотного горизонта мощностью до 30 см залегает темно-серый культурный слой толщиной 20 см. В этом слое помимо керамики присутствовали комочки плохо обожженной глины – печина. Под культурным слоем сохранился подзолистый горизонт, плавно переходивший в бурый суглинок (горизонт A_2Bt).

Таким образом, можно предполагать, что поселение в западной части селища Орехово-4 функционировало в XIII – первой половине XIV в. Нельзя исключить, что начало заселения участка относится к концу XII в., о чем может свидетельствовать малочисленная керамика курганного типа.

Восточный участок селища также прослеживался как темное пятно на пашне размером 25 × 30 м. От западного участка его отделяло пространство в 30–35 м, где почти не было подъемного материала. Современный ориентир – юго-восточный угол очистных сооружений. Восточный участок селища находится в 15 м к югу от этого угла. Зондаж, заложенный на восточном участке в прибровочной части склона показал, что культурный слой полностью включен в современную распашку. Мощность пахотного горизонта составляла 27 см. В нижней части бурая окраска пахотного горизонта была несколько более темной. Под пашней сохранился белесый подзолистый горизонт (A_2), а ниже – бурый суглинок горизонта A_2Bt.

Состав керамического комплекса восточного участка отличается от западного (рис. 14 Б). Красноглиняная грубая керамика отсутствует. В подъемных материалах представлена лишь керамика курганного типа и сероглиняная (12 венчиков, одна стенка). Среди курганной керамики имеется один венчик из беложгущейся глины. Большинство фрагментов имеют "классический" S-образный профиль с валиком – утолщением по краю венчика. Очертания этого валика сглажены, вниз он не нависает (рис. 14 Б, *1*). Орнамент линейный, толщина черепка 4–7 мм, примесь песка и дресвы размером до 2,5 мм. Подобная керамика доминирует в комплексе жилища древнерусского времени из раскопок на *Романовом дворе* в Москве. Здесь она была встречена в комплексе со стеклянными браслетами, развитыми височными кольцами и прочим инвентарем, типичным для конца XII – первой половины XIII в. [Кренке, 2003].

В комплексе имеется один крупный фрагмент горшка, тулово которого было покрыто сплошным рифлением. Этот линейный

орнамент нанесен гребенчатым инструментом с шириной зубьев 1,5 мм и с таким же расстоянием между ними. Толщина черепка до 8,5 мм, размер примеси песка и дресвы до 2,5 мм (рис. 14 Б, *3*). Такая орнаментация предположительно может рассматриваться как архаичный признак, а сосуд датирован XII в.

В подъемных материалах есть также очень редкий тип горшка, у которого волнистый орнамент нанесен не только на тулово, но и на торец венчика (рис. 14 Б, *2*). Венчик сосуда слабо отогнут наружу, его край приострен. Примечательно наличие "косой волны" на перегибе от плечика к венчику. Само плечико и тулово покрыто линейным орнаментом. Горшки с подобной орнаментацией (линейная на тулове + волна под венчиком) встречались в подмосковных курганах, например, в *Матвеевском*, *"Дубках"* [Равдина, 1965]. Примечательно, что подобная орнаментация встречена и на сосудах селища Дубинкин лес-1 . Предположительно, можно рассматривать такой орнамент как переход к "косой волне". Ориентировочная дата для таких сосудов – XIII в. Вещевые комплексы из вышеупомянутых курганов Матвеевское и Орехово-2 ("Дубки") вполне этому соответствуют.

Так как восточный участок селища Орехово-4 по размерам напоминал однодворную усадьбу, то была сделана попытка провести геофизическую съемку для локализации древних сооружений. Проведение геомагнитной съемки было затруднено помехами, возникавшими из-за работы стоявших рядом мачт радиосвязи. Однако эти трудности удалось преодолеть путем использования двух приборов, с которых синхронно снимались показания и замерялся вертикальный градиент магнитного поля. Геофизическая съемка была проведена на площади 30 × 40 м, разбитой на квадраты со стороной 1 м, в углах которых проводились замеры. В результате удалось выявить три аномалии, вероятно, связанные с древними сооружениями (ямами от построек).

Курганные группы Орехово-4 и Орехово-5 были открыты В.И. Балабиной и впервые обследованы автором в 1989 г. (рис. 9, *12, 13*). Фактически это единое курганное кладбище, разделенное на две части, отстоящие друг от друга на 60 м. Такое структурирование курганных могильников, конечно, не было случайным. Аналогичную ситуацию демонстрируют группы Царицыно-1 и 2. Можно предполагать, что каждая группа соответствовала отдельному поселению, жители которого не хотели "смешивать" своих усопших с соседскими.

Группа Орехово-4 находится в роще у забора военной части и состоит из 12 насыпей полусферической формы высотой 1,2–1,8 м, диаметром 8–15 м, насыпи окружены ровиками. Многие курганы с ямами, в одном была ранее сделана землянка. Зачистка вертикального профиля насыпи кургана, сделанная в яме от землянки, показала, что под курганом имеется пахотный горизонт. Его толщину определить не удалось, так как верхняя граница пахотного горизонта сливалась с насыпью.

Расстояние от курганной группы до ближайших синхронных ей поселений Орехово-4 (восточный участок) – 320 м, Орехово-5 – 300 м.

Курганная группа Орехово-5 находится возле казармы военной части. Состоит из 28 насыпей полусферической формы высотой от 0,4 до 1,4 м, диаметром 6–13 м. Возможно, часть курганов была разрушена при благоустройстве территории возле казармы. Курганы имеют ровики. Расстояние от курганов до поселения Орехово-4 – 280 м.

Участок пашни от поселения Орехово-4 (восточный участок) до устья ручья, впадающего в Язвенку в 200 м выше по течению от поселения, был детально осмотрен (рис. 12). Здесь было найдено несколько разрозненных фрагментов древнерусской керамики – "шлейф" поселения Орехово-4.

На правом берегу ручейка – притока Язвенки – было обнаружено селище Орехово-5 (рис. 9, *13*). Оно вытянуто вдоль ручейка, начиная от его устья на 90 м вверх по течению. Селище занимает выположенный уступ поймы и основание склона первой террасы на высоте 1–5 м над уровнем реки. Ареал распространения культурного слоя (темно-бурая супесь) имеет подтреугольную форму. Максимальная ширина составляет 40 м. Вершина этого треугольника вытянута вверх по течению ручейка. Крутой склон берега ограничивает площадку селища с юго-востока. В зондаже, заложенном примерно в середине площадки памятника, был зафиксирован культурный слой мощностью 60 см. Материком являлся светло-бурый суглинок. В культурном слое имелись многочисленные включения камней, углей, керамического шлака и керамики. Среди фрагментов керамики имеются ошлакованные. Это может быть объяснено тем, что или поселение горело, или здесь велась производственная деятельность, связанная с обжигом керамики.

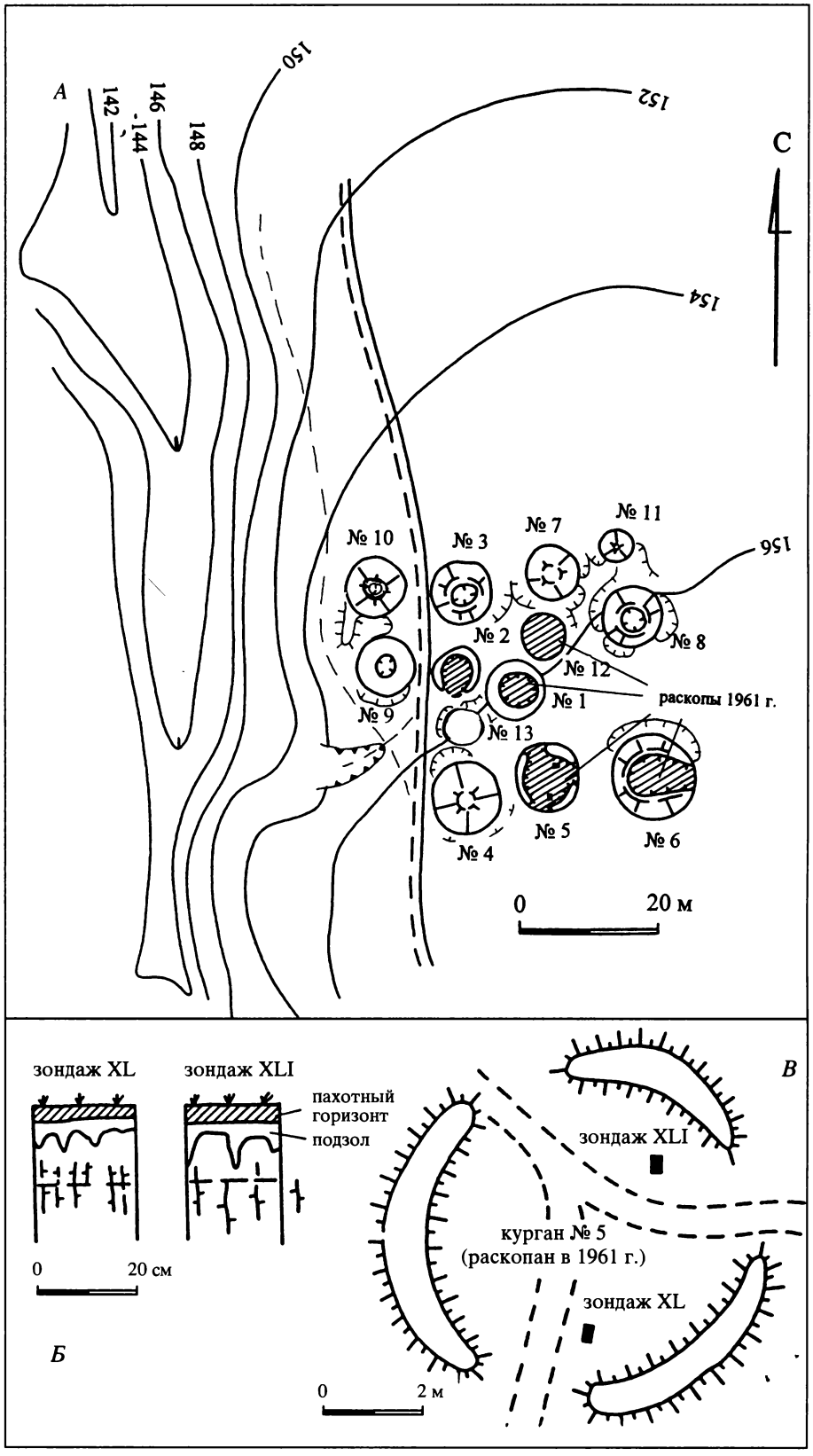


Рис. 15, левый. Курганная группа Царицыно-3

А – план курганной группы по данным топосъемки 1989 г. Штриховкой показаны курганы, раскопанные Т.В. Равдиной в 1961 г.;

Б – профили зондажей XL, XLI могильника Царицыно-3 в кургане № 5;

В – план кургана № 5 с указанием мест зондажей XL, XLI

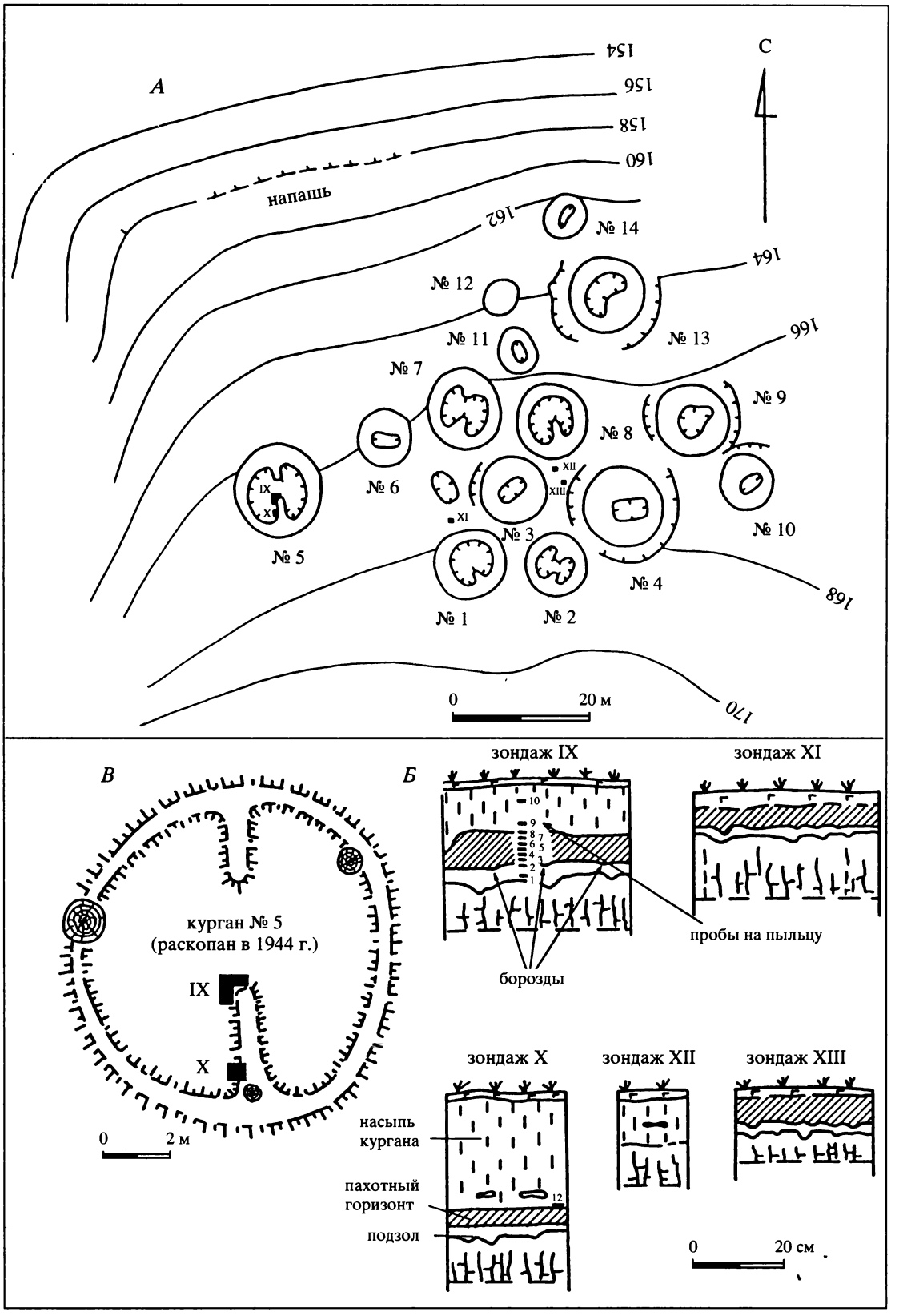


Рис. 15, правый. Курганная группа Орехово-2 ("Дубки")

А – план курганной группы по данным топосъемки 1989 г.;

Б – профиль зондажей IX, X 1989 г., из которых отбирались образцы для споро-пыльцевого анализа (штриховкой показан пахотный горизонт XII в., сохранившийся под курганной насыпью);

В – план кургана, раскопанного в 1944 г., с указанием мест зондажей IX, X 1989 г.

Состав керамического комплекса селища Орехово-5 представлен в таблице 4.

Таблица 4. Состав подъемного материала на селище Орехово-5

Типы керамики	Курганная и сероглиняная	Белоглиняная гладкая	Шлак керамический	Всего
Венчики	9	1	1	11
Стенки	10	6	2	18

Комплекс находок с селища Орехово-5 включает венчик от большого горшка (диаметр около 32–34 см) из беложгущейся глины. Толщина стенок этого горшка 7–8 мм, размер примеси дресвы до 3 мм. Венчик прямой, отогнут наружу под небольшим углом, плечико украшено очень пологой волной. Серия из трех венчиков имеет S-образный профиль и Т-образный край (рис. 16, *1, 2*). Подобные венчики являются одними из самых распространенных среди керамики курганного типа. Два венчика имеют закругленный валик на торце и упор для крышки (рис. 16, *5, 7*). Среди примесей в основном крупнозернистый песок. Подобная керамика обычно классифицируется как сероглиняная. Наконец, имеется "воротничковый" венчик. Он почти прямой, отогнут наружу под небольшим углом. Такая форма хорошо известна среди курганной керамики. Один сравнительно небольшой горшочек диаметром 11 см также имеет отогнутый под углом венчик с оттянутым наружу подтреугольным краем (рис. 16, *4*). Толщина стенок этого сосуда всего 4,5 мм, размер примесей крупнозернистого песка 1–1,5 мм. Полосы линейного орнамента идут неровно, пересекаются. Вероятно, такую керамику следует классифицировать как сероглиняную или как переходную от сероглиняной к красноглиняной.

По всей видимости, основной комплекс датируется в пределах конца XII–XIII в. Присутствие нескольких фрагментов белоглиняной гладкой керамики, в том числе венчика с приостренным краем, свидетельствует о хозяйственной деятельности на данном участке в XVI в.

От селища Орехово-5 вверх по левому берегу р. Язвенки на 300 м тянется большой луг (рис. 13). На этом лугу вдоль края берега на удалении 10–20 м от его бровки была заложена цепочка из 11 зондажей. Все зондажи имели приблизительно сходную стратиграфию. Верхние 25–30 см были сложены мешаным бурым суглинком. В половине зондажей (расположенных ниже по течению ближе к селищу Орехово-5) мешаный суглинок имел ровную нижнюю границу, т.е., по всей видимости, это старая пашня. При этом гумусовый горизонт в верхней части профиля всех зондажей был довольно мощным, что дало основание почвоведу А.Л. Александровскому отметить, что луговой этап длился довольно долго (не менее нескольких десятков лет). О том, что пашня старая, свидетельствуют и размытость и нарушения в нижней границе пахотного горизонта. Почти во всех зондажах под пахотным горизонтом была зафиксирована гумусированная прослойка, которая, по мнению А.Л. Александровского, могла сохраниться от мощного гумусового горизонта луговой почвы, предшествовавшей распашке. Ниже гумусированной прослойки имелся слой подзола, плавно переходящий в бурый суглинок, т.е. луговой стадии предшествовал лес. В одном зондаже (примерно в середине цепочки) был найден маленький фрагмент венчика средневекового горшка из грубого теста с примесью крупнозернистого песка.

С юго-восточной стороны луг ограничен оврагом, по которому течет еще один ручеек – левый приток Язвенки.

На правом берегу этого ручейка возле его устья было обнаружено селище Орехово-6 (рис. 9, *16*). По своим топографическим особенностям это селище сходно с селищем Орехово-5. Оно также вытянуто вдоль правого берега ручейка и занимает низкий уступ, возвышаясь над уровнем реки на 3–5 м. Размеры селища примерно 30 × 60 м. Территория селища сильно нарушена лесопосадками. Фактически культурный слой сохранился лишь вдоль самого края оврага. В районе селища было заложено четыре зондажа. Два зондажа располагались в пределах распространения культурного слоя, который имел мощность 30–40 см. Окраска слоя – от бурой до темно-серой, имеются включения угля, материк представлен светло-бурым суглинком.

Керамика представлена немногочисленными, но характерными экземплярами (рис. 16, *23–26*). Это венчики S-образной формы с округлым валиком и упором под крышку. По С.З. Чернову, это форма обозначена как первый вариант сероглиняной керамики (МК. С. 24). Нужно сказать, что венчики подобной формы доминируют в комплексах "древнерусского" времени, встреченных в Москве, например, в *срубе 1, ямах 3 и 8 в Историческом проезде, в Богоявленском монастыре, Казанском соборе, Романовом дворе*. На основании радиоуглерод-

ного датирования, вещевых находок и дендрохронологии вышеперечисленные комплексы датируются в пределах столетия, а именно от второй половины XII – до второй половины XIII в.[22]

Один из венчиков вышеописанной формы с селища Орехово-6 (рис. 16, *23*) имеет более заглаженную поверхность, валик выражен слабо, толщина стенки 6,3 мм, размер зерен песка и дресвы в тесте до 2 мм, обжиг однородный. Другой венчик той же формы, но более "грубый" (рис. 16, *24*). Валик у него более рельефный и чуть оттянут книзу. Поверхность неровная из-за примеси песка и дресвы, размер зерен которых достигает 3 мм. Обжиг трехслойный, толщина черепка 8 мм.

В 400 м выше по течению Язвенки от селища Орехово-6, на склоне высокого берега на расстоянии 110 м от русла реки и на высоте 20–24 м над водой в дубовом лесу расположена курганная группа Орехово-2 ("Дубки", по А.В. Арциховскому) (рис. 9, 13, 15, правый). Эта курганная группа неоднократно исследовалась в 1938 г. Д.В. Айзиковым, в 1944 г. – А.В. Арциховским (раскопано пять курганов), в 1949 г. – И.К. Цветковой, в 1975 г. – Р.Л. Розенфельдтом. Имеется серия глазомерных и инструментальных планов памятника ("карточка Бадера", план А.В. Арциховского, топосъемка 1989 г.). О.Н. Бадер писал, что группа насчитывает 14 курганов, А.В. Арциховский отметил 12. В настоящее время прослеживаются остатки 14 курганов, два из которых совсем маленькие (диаметр 5–6 м, высота 0,2–0,8 м). Семь курганов имеют насыпи больших размеров (1,0–2,0 м), все они с грабительскими ямами в центре. Пять курганов, раскопанных в 1944 г., выглядят как кольцевые валики с остатками бровок посередине. Бровки ориентированы в направлении север–юг. Имеются расхождения между планом А.В. Арциховского и ситуацией на местности. Так, курган № 3, показанный на плане 1944 г. как раскопанный, стоит "целый" (ограблен в 1988 г.), а крайний с запада курган, который не показан на плане А.В. Арциховского как раскопанный, по всем признакам был раскопан именно в 1944 г.

Для изучения погребенной почвы был выбран самый западный курган в группе, так как он был свободен от растительности. Зондажи были заложены в разных частях оплывшей бровки. Все три зондажа свидетельствовали о том, что курган насыпан на пашне. Мощность пахотного горизонта равнялась 8 см. Под ним залегал слой подзола, переходивший в бурый суглинок. В зондаже IX были отобраны пробы для палинологических исследований (рис. 15, правый), результаты которых представлены ниже.

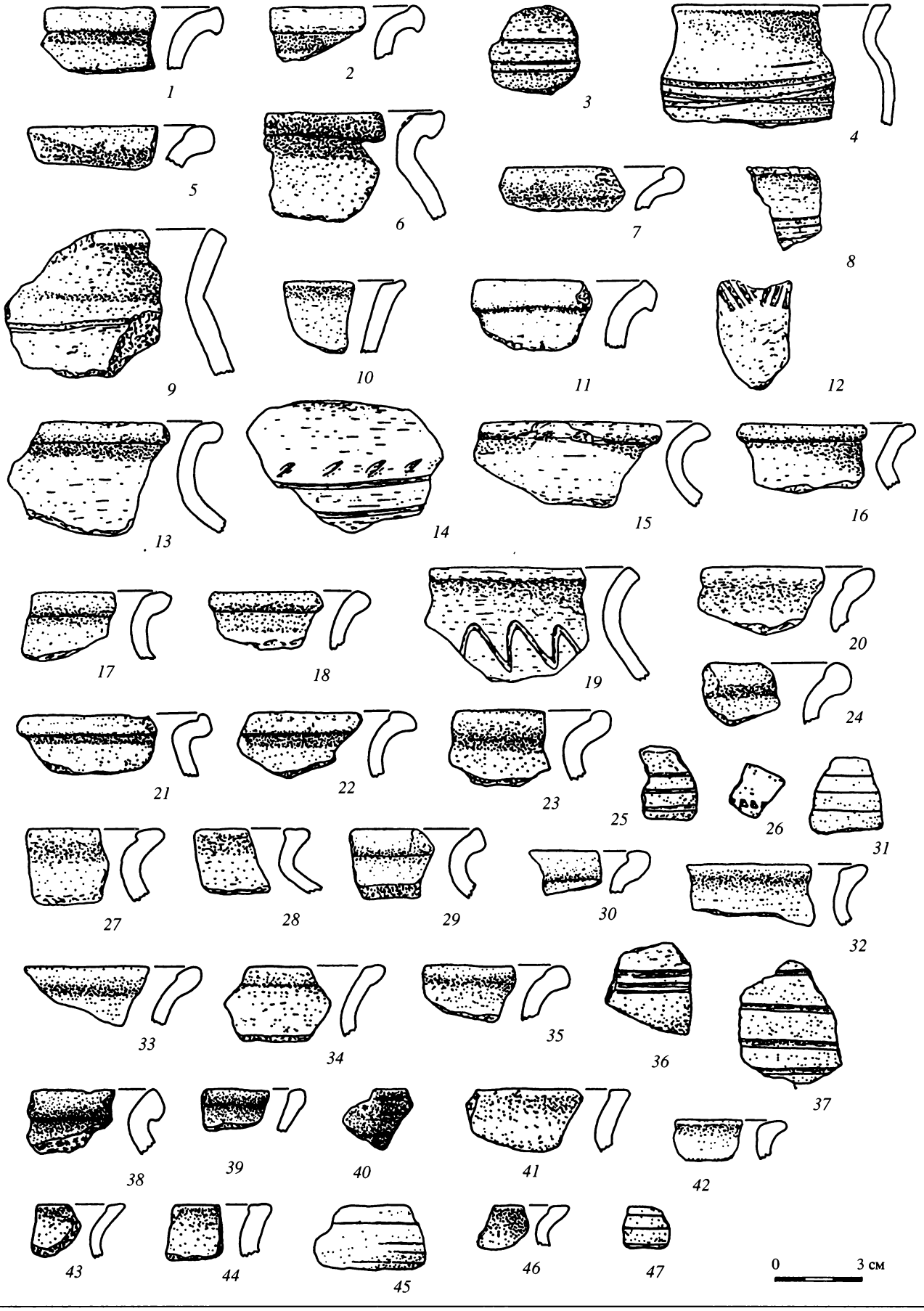
Кроме зондажей на месте кургана, были заложены зондажи между курганами, чтобы проследить, как трансформируются древние пахотные горизонты в тех случаях, когда они остаются в непогребенном состоянии. Оказалось, что следы пашни стираются не полностью, хотя нижняя граница пахотного горизонта размыта гораздо сильнее.

В поисках поселения, связанного с курганной группой Орехово-2, были заложены зондажи у подошвы склона, на котором находятся курганы возле устья небольшого овражка. Почвенный профиль во всех зондажах фиксировал антропогенные изменения. В трех зондажах верх профиля составлял серо-бурый гумусированный горизонт, напоминавший культурный слой. Его мощность равнялась 10–28 см. В трех зондажах было найдено восемь фрагментов керамики. Шесть фрагментов стенок горшков, вероятно, "курганного" времени или чуть более поздних. Они были довольно сильно окатаны, толщина составляет 5,5–6 мм, обжиг трехслойный, включения песка и редко дресвы размером до 1,5 мм. Кроме того, было найдено два венчика. Один из них типично "курганный" с отгибом края наружу, образующим валик Т-образной формы в разрезе, – форма, характерная для горшков XII в. Толщина его стенки 7 мм, примесь крупного песка и дресвы размером до 2 мм (рис. 16, *38*). Другой венчик тоже завершается округлым валиком, но имеет меньшую толщину стенки – всего 4 мм (рис. 16, *38*). В зондажах не было встречено печины. Зона распространения слоя с находками очень небольшая – примерно 15 × 20 м. Памятник получил наименование селище Орехово-7 (рис. 10, 13).

Возможно, на месте этих зондажей располагалось небольшое поселение (один дом). Допустима и иная версия, что здесь было не поселение, а место постоянной стоянки вроде "полдней", где доят коров.

Выше по течению вдоль бровки левого берега были отрыты несколько зондажей на удалении 300–800 м от курганной группы Орехово-2. Все они показали довольно сходную картину – на бровке склона накопилось до 80 см агрогенно-делювиальных отложений. Эти отложения были представлены однородным бурым суглинком, в котором

[22] Некоторые комплексы датированы более узким временем, например, *сруб 1 в Историческом проезде* отнесен С.З. Черновым ко второй половине XIII в.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
31
27
28
29
30
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
0
3 см

встречались мелкие фрагменты средневековой керамики. Время начала распашки, способствовавшей развитию склоновой эрозии, можно ориентировочно установить на основании находок, сделанных на огороде, расположенном на уступе низкой террасы, возвышавшейся над водой на 2 м. Этот огород находился на 40 м ниже по течению от заброшенной плотины и примерно в 300 м выше по течению от группы Орехово-2. Здесь была найдена красноглиняная грубая керамика – один вечик и несколько фрагментов стенок (рис. 16, *41*). Косопоставленный венчик находит полные аналогии в серии материалов селища Дубинкин лес-1. Толщина черепка до 8 мм, он содержит примесь крупнозернистого песка размером до 1,5 мм. Стенка более тонкая (5 мм), на ней нанесен линейный орнамент узкой полосой, ширина которой не более 1,5 мм. Скорее всего, эти находки датируются XIV–XV вв. Весьма вероятно, что это шлейф поселения, находившегося в непосредственной близости.

§ 5. Палеопочвенные данные

А.Л. Александровский

Исследования почв проводились по обоим берегам р. Язвенки выше по течению от Царицынского дворца. Наибольший интерес представляют результаты изучения почв курганов XII–XIII вв., расположенных на коренных берегах этой небольшой речки. Основными объектами изучения были два курганных могильника на левобережье Язвенки (Орехово-2 и Орехово-4) и два на правобережье (Царицыно-1 и Царицыно-2).

Основной метод исследования – почвенно-стратиграфический.

Курганная группа Орехово-2 ("Дубки") расположена на левобережье Язвенки, на переходе от водораздельной поверхности к приводораздельному склону в дубовом лесу с включением липы, осины и березы.

В западном кургане данной группы, имевшем исходную высоту около 1,5 м, были заложены три разреза в бровке, оставшейся от раскопок 1944 г. Во всех трех разрезах выявлена погребенная под насыпью кургана дерново-подзолистая почва на покровном суглинке, типичная для Теплостанской возвышенности.

В разрезе X (рис. 15, правый) погребенная почва, залегающая под сохранившейся нижней частью бровки раскопок 1944 г., имеет следующее строение профиля (глубины даны от поверхности погребенной почвы):

A_1p 0–8 (±2) см – пахотный горизонт. Серо-бурый с белесым оттенком легкий суглинок, плитчатый, с признаками вторичной ореховатости, рыхлый, много современных корней, появившихся за 45 лет, прошедших после раскопок А.В. Арциховского. Встречаются червеходы и мелкие железисто-марганцевые конкреции. Нижняя граница ровная, местами турбирована по ходам червей и корней, местами резкая (зона перехода 1 мм);

A_2 8–13 (23) см – подзолистый горизонт. Ярко-белесый легкий суглинок, плитчатый, рыхлый, имеются червеходы и конкреции, корней мало. Местами выклинивается. Нижняя граница неровная, с клиньями и карманами, переход постепенный;

A'_2 Bt 13–25 (30) см – переходный горизонт;

Bt 25–60 см (дно разреза). Иллювиальный (текстурный) горизонт. Бурый средний суглинок, уплотненный, ореховато-призматический, вертикальные магистральные трещины с белесым заполнением, на поверхности ореховатых структурных отдельностей (педов) глинистые и гумусо-глинистые натеки (кутаны).

Верхний горизонт погребенной почвы является пахотным и относится ко времени существования здесь древнерусских поселений XII–XIII вв. Он имеет серо-бурую окраску. Нижняя граница пахотного горизонта ровная, с резким цветовым контрастом по отношению к нижележащему белесому подзолистому горизонту. В профиле по этой границе отмечаются уступы высотой около 2 см и шириной около 20 см. Сходные уступы, обнаруженные ранее в Стрелковских курганах возле Подольска на р.Пахре, были определены как следы пахотного орудия, предположительно плуга.

В разрезе IX (рис. 15, правый) обнаружен сходный почвенный профиль. Он отличается от профиля в разрезе X степенью выраженности верхней границы пахотного горизонта. В центральной части кургана (разрез IX) на поверхности погребенной почвы залегает гумусированный слой насыпи, созданный из верхнего пахотного горизонта и не отличаю-

←

Рис. 16. Керамика с селищ в долине р. Язвенки

1–10 – селище Орехово-5; 11–20, 27, 28 – селище Орехово-4 (западный участок), 21 – селище Орехово-3; 22 – селище Орехово-8; 23–26 – селище Орехово-6; 29–37 – селище Орехово-2; 38–40 – селище Орехово-7; 41–47 – красноглиняная керамика, найденная в долине р. Язвенки вне селищ

щийся по цвету от погребенной пашни. Поэтому здесь поверхность погребенной почвы не видна.

Ближе к краю кургана на поверхности пахотного горизонта залегает значительно более светлый материал горизонтов A_2B и Bt, взятый из нижней части ровика, окружающего курган.

Также в профиле погребенной почвы отмечается пониженная мощность верхней части профиля. Местами подзолистый горизонт редуцирован, а пахотный ложится прямо на горизонт Bt. Это характерно для смытых почв и, следовательно, свидетельствует о достаточно длительной распашке, которая могла вызвать такую существенную эрозию на данном участке пашни.

Между курганами на участках, сохранившихся между ровиками, были заложены два разреза. В них обнаружены дерново-подзолистые почвы с остаточным пахотным горизонтом. Приведем описание разреза XI, расположенного между западным и южным курганами группы:

A_1 0–7 см – современный гумусовый горизонт. Темный серо-бурый средний к легкому суглинок, комковатый с зернистостью, рыхлый, много копролитов, червей, корней. Переход нерезкий, граница неровная;

A_1p 7–13 (остаточно-пахотный горизонт). Серовато-светло-бурый средний к легкому суглинок, комковато-зернистый с плитчатостью, рыхлый. Много копролитов и корней. Нижняя граница ровная с резким переходом (зона перехода 1–2 см), но местами под действием корней и ходов червей размыта и прослеживается с трудом;

A_2 13–20 см – подзолистый горизонт. Белесый с сероватыми и палевыми зонами, легкий суглинок, плитчатый, рыхлый, встречаются копролиты, современные корни и мелкие железисто-марганцевые конкреции. Переход постепенный, граница неровная;

A_2Bt 20–30(35) см – переходный горизонт;

Bt 30–60 см (иллювиальный горизонт). Бурый средний суглинок, плотный, ореховато-призматический, редкие корни и копролиты.

Сходный профиль с остаточно-пахотным горизонтом исследован и на другом участке исходной поверхности между курганами в северо-восточной части курганной группы. Это, несомненно, пахотные горизонты, сохранившиеся с XII–XIII вв. Их ровная нижняя граница с достаточно резким переходом к подпахотному горизонту на исследованных стенках разрезов прослежена на значительном протяжении. Более поздними они быть не могут, так как участки между курганными ровиками, на которых данные горизонты выявлены, крайне малы по площади и после создания курганов для земледельческого использования были непригодны. Хорошо сохранились и окружающие курганы ровики, при распашке обычно быстро исчезающие. Сохранность выявленного древнего пахотного горизонта за столь большой срок (800 лет), особенно учитывая его малую мощность, следует признать очень хорошей.

До нашего времени дошла лишь нижняя часть пахотного горизонта. За прошедшее после распашки время под влиянием почвообразования, развивавшегося под лесной растительностью, на месте верхней части пахотного слоя образовался современный гумусовый горизонт. Существенные изменения обнаруживаются и в сохранившемся собственно остаточно-пахотном горизонте. Под действием корней и червей, оставивших многочисленные ходы, пронизывающие все верхние горизонты почвы, нижняя граница распахивавшегося слоя местами сильно размыта. Зона перехода к подпахотному горизонту увеличилась до 1–2 см при 1 мм в погребенной почве. Но на многих участках она достаточно четкая, и по этим участкам подошва пахотного горизонта устанавливается надежно.

Глубина залегания подошвы остаточно-пахотного горизонта на 5–6 см ниже, чем в подкурганной почве. Такое нарастание мощности пахотного горизонта можно объяснить деятельностью почвенной фауны, в лесной зоне – в основном дождевых червей. Почвенные животные вызывают не только хаотические, но и направленные турбации мелкозема. При сооружении новых нор мелкозем поступает в отслужившие норы, а также частично выбрасывается на поверхность. Как показал наш эксперимент с закладкой на поверхности почвы гравия, под широколиственными лесами за год слой выбросов червей на поверхность серой лесной почвы составляет до 1–2 мм, за 10 лет – до 1–2 см. В дерново-подзолистых почвах окрестностей Москвы скорость этого процесса ниже. Со временем это приводит к погребению археологического материала на значительную глубину, к росту гумусовых горизонтов (за счет выбрасывания землероями на поверхность материала предгумусовых горизонтов), погружению различных меток [Limbrey, 1975; Александровский, 1984]. На это накладываются хаотические турбации, связанные с вывалами деревьев, действием мерзлоты и др.

Курганный могильник Орехово-2 располагается на пологом придолинном склоне с наклоном около 3°. Распашка в XII–XIII вв., видимо, производилась и ниже по склону, где наклон поверхности постепенно увеличивается. Поэтому можно полагать, что процессы умеренной эрозии почв в то время развивались достаточно широко.

Ниже по склону в 35 м от курганного могильника обнаружена напашная ступень. Ниже напаши склон становится более крутым и, видимо, непригодным для распашки. Если его и пахали, то недолго из-за большой эрозионной опасности. Возникшая после этого на краю поля напашь невысокая.

Курганный могильник Орехово-4 располагается на левобережье Язвенки, на придолинном склоне с уклоном поверхности 3–5°. Профиль погребенной почвы исследован в стенке обширной ямы в кургане высотой более 1 м. Четко видна нижняя граница пахотного горизонта; верхняя угадывается по присутствию белесых и буро-белесых пятен в насыпи и отсутствию таковых в пахотном горизонте. Также на одном из участков верхняя поверхность пахотного горизонта отбивается по тонкой бурой прослойке. Мощность пашни здесь составляет около 8 см.

В профиле данной погребенной почвы отмечаются пониженные мощности верхних горизонтов A_1p и A_2. Это свидетельствует о смытости почвы до создания здесь кургана. Аналогичная ситуация была прослежена на могильнике Орехово-2 ("Дубки").

Курганный могильник Царицыно-2 находится на выположенной поверхности в парке. Здесь, под невысоким курганом, также обнаружена погребенная почва предположительно с пахотным горизонтом. Подзолистый горизонт достаточно мощный, т.е. почва глубоко не пахалась и в данном месте не было пашенной эрозии.

Таким образом, курганы возникали большей частью на окраинных заброшенных участках полей, но не обязательно эродированных. Эрозия была характерна для склоновых участков, на более плоских распахивавшихся поверхностях эрозия не обнаружена.

Почвы низкой первой террасы левобережья р. Язвенки (на участке между селищами Орехово-5 и 6). Поверхность террасы полого наклонена в сторону русла. В настоящее время она занята вторичной луговой растительностью. В почвенных шурфах выявлены лесные дерново-подзолистые почвы, сформированные в течение голоцена. Их гумусовый горизонт отличается повышенной гумусностью, что связано с длительным воздействием луговой растительности и благоприятными для ее произрастания условиями увлажненности.

Поверхность террасы неровная, с микропонижениями и микроповышениями, напоминающими антропогенные. По направлению к руслу наклон поверхности террасы постепенно уменьшается. Здесь была заложена серия разрезов. Во всех разрезах верхняя часть профиля дерново-подзолистой почвы нарушена мощной распашкой относительно недавнего времени. Толщина пахотного слоя 25–30 см. Нижняя граница пахотного слоя несколько размыта, в основном под воздействием корней и почвенной фауны. На основании морфологических наблюдений можно предполагать, что пашня была заброшена лет 100 назад.

Местами под пахотным горизонтом видны линзы темно-серого гумусового горизонта A_2h и A_2Bh. Это может быть среднеголоценовый второй гумусовый горизонт. Вместе с тем подобный горизонт мог образоваться и под лугом, если данная территория долгое время использовалась в качестве пастбища или сенокоса в течение средневековья (до распашки).

§ 6. Палинологические данные

В.С. Гунова

Отбор проб производился в двух зондажах, заложенных в остатках бровки самого западного кургана в группе Орехово-2 ("Дубки"), раскопанного в 1944 г. Основная колонка (см. табл. 5, № 1–11) были отобраны в зондаже IX (рис. 15, правый), расположенном близ центра курганной насыпи. Отбор образцов производился снизу вверх. Один образец (№ 12) был отобран из зондажа X, расположенном в 1,5 м выше по склону от зондажа IX в пределах краевой части насыпи (рис. 15, правый). Этот образец, как и образец № 8, характеризует ситуацию на контакте погребенной почвы и насыпи кургана.

Стратиграфия зондажа IX следующая:

0–24,5 см – суглинок бурый, плотный (насыпь кургана);

24,5–34,5 см – суглинок серо-бурый, пылеватый (погребенный пахотный слой);

34,5–42,0 см – суглинок белесоватый, пылеватый (подзолистый слой).

Спорово-пыльцевые спектры содержат достаточное количество пыльцы и спор для

вычисления процентного содержания и построения диаграммы. Прежде чем перейти к описанию полученных спорово-пыльцевых комплексов, необходимо дать характеристику субфоссильному спорово-пыльцевому спектру (образец № 11), отражающему современный состав растительного покрова. В общем составе преобладает пыльца древесных пород (67%). Пыльца трав составляет 29%, споры – 4%. Среди древесной пыльцы доминирует пыльца березы (44%) и сосны (26%). Содержание пыльцы ели, дуба, липы – не более 8% каждая. Довольно разнообразно представлена пыльца травянистых растений. Преобладает мезофильное разнотравье (сложноцветные, лютиковые, гвоздичные, розовоцветные, гераниевые и др.). Среди спор наиболее часто встречается лесной вид плаунов – Lecopodium clavatum. В целом состав спорово-пыльцевого спектра хорошо отражает зональный тип растительности – смешанные леса из сосны и березы с незначительной примесью ели и широколиственных пород (липы, дуба). Состав пыльцы субфоссильного спорово-пыльцевого спектра и видовой состав растительности для данной территории – одинаков, но процентное соотношение отдельных видов отличается. На исследуемом участке в древостое преобладают многолетние дубы. Заметно участие пыльцы березы, сосны, липы, рябины, осины. В сумме они составляют 50–70%. В субфоссильном спорово-пыльцевом спектре на долю пыльцы дуба приходится 8%, березы – 44%. Объясняется это несоответствие, во-первых, плохой сохранностью пыльцы широколиственных пород, во-вторых, большей продуцирующей способностью березы и сосны и хорошей сохранностью их пыльцы в ископаемом состоянии. Подобные факты, как правило, учитываются при интерпретации ископаемых спорово-пыльцевых спектров.

В спорово-пыльцевых спектрах, отобранных из насыпи кургана (образцы № 8–10, 12), также встречено достаточное количество пыльцы и спор. Среди определений пыльцы здесь наряду с пыльцой хорошей сохранности, что характерно для пыльцевых зерен в залегании in situ, отмечено до 20–25% зерен измятых, разорванных, темного цвета. Подобные признаки обычно свидетельствуют о неоднократном переотложении пыльцы и спор. В основном это зерна липы и березы, видов, доминирующих в нижележащих горизонтах. Эти зерна и попали в данный слой из нижних горизонтов при формировании курганной насыпи.

Наряду с поверхностной пробой наиболее информативными для восстановления физико-географических условий прошлого в данном разрезе являются комплексы, соответствующие подзолистому горизонту и погребенной пашне.

Первый спорово-пыльцевой комплекс (глубина 0,36–0,42 см, образцы № 1, 2) характеризует палеогеографическую обстановку в период формирования подзолистого горизонта. Состав пыльцы внутри экологических групп и ее общий состав идентичен спорово-пыльцевому спектру из поверхностной пробы (образец № 11). Однако в описываемом спорово-пыльцевом комплексе среди пыльцы древесных пород отмечается несколько большее содержание пыльцы липы (16–26% против 6% в поверхностной пробе), сосны (до 37% против 26%). Среди пыльцы травянистых растений преобладает пыльца злаков (30–32%). Здесь же отмечается пыльца культурных злаков (6–8%). Разнообразнее и обильнее пыльца мезофильного разнотравья (25% против 8%). Учитывая отмеченные отличия, можно сделать вывод о формировании данного комплекса в условиях, несколько более благоприятных в климатическом отношении, чем современные. В то же время значительное участие пыльцы злаков, разнотравья, большое количество фиталитов в образцах свидетельствует о существовании более открытого пространства на изученном участке, чем в настоящее время.

Второй спорово-пыльцевой комплекс (глубина 0,26–0,36 м, образцы № 3–7) характеризует палеогеографические условия в период формирования пахотного слоя. Для этого комплекса свойственно еще большее содержание пыльцы липы (до 39%), злаков (до 37%). Для слоев этого горизонта отмечается максимальное процентное содержание культурных злаков (до 27%). Здесь же определены зерна Cyntaurea cyanus (василек) – сорняка, часто встречающегося в посевах. Для всех образцов отмечается большее, чем прежде, количество фиталитов, минеральных образований, формирующихся в почвенном горизонте с хорошо развитым травянистым покровом.

Таким образом, судя по вышеописанным спорово-пыльцевым комплексам, в период формирования подзолистого горизонта и пахотного слоя на данном участке были распространены, как и на всей территории центра Русской равнины, смешанные леса из сосны, березы с незначительным участием ели, широколиственных пород. Однако несколько повышенное содержание пыльцы липы,

Таблица 5. Результаты спорово-ныльцевого анализа образцов из разреза бровки курганной насыпи и погребенной почвы в группе Орехово-2 ("Дубки")

Систематический список	Образец № 1 глубина – 42 см, подзол, зерна/%	Образец № 2 глубина – 36 см, подзол, зерна/%	Образец № 3 глубина – 34 см, пахотный слой, зерна/%	Образец № 4 глубина – 32 см, пахотный слой, зерна/%	Образец № 5 глубина – 30 см, пахотный слой, зерна/%	Образец № 6 глубина – 34 см, пахотный слой, зерна/%
Общий состав						
Деревья	116/61	42/47	143/49	205/60	157/64	147/46
Травы	50/26	33/37	44/15	42/12	31/12	57/35
Споры	23/12	14/16	106/36	94/28	58/24	114/19
Деревья						
Picea	7/6	2/5	3/2	4/2	5/3	3/2
Pinus	43/39	9/21	11/8	30/15	31/20	30/20
Betula	29/25	16/36	73/46	90/44	40/25	45/31
Quercus	6/5	–	6/4	8/4	15/9	7/5
Tilia	19/16	12/28	36/26	61/30	41/26	58/39
Corylus	2/1	2/5	7/5	5/2	12/8	–
Alnus	9/8	–	2/1	5/2	12/8	–
Salix	1/1	1/2	5/3	2/1	1/1	4/3
Травы						
Gramineae (бол.)	4/8	2/6	12/27	5/12	?	?
Gramineae (мал.)	16/32	10/30	11/25	9/22	13/42	21/37
Centaurea cyanus	–	–	2/5	–	–	–
Compositae	–	2/6	4/9	6/14	–	–
Chenopodiaceae	–	1/3	–	2/5	2/6	5/9
Artemisia	7/14	3/10	3/7	3/7	3/10	3/6
Polygonaceae	4/8	5/15	1/2	2/5	–	–
Polygonaceae avicul.	–	–	–	–	–	3/5
Caryophyllaceae	–	–	2/5	6/14	7/23	6/10
Trifolium	2/4	–	–	1/2	1/3	1/2
Ericulis	5/10	–	–	–	–	–
Cichoriaceae	–	–	–	–	1/3	2/3
Ranunculacea	2/4	1/3	4/9	8/19	1/3	13/23
Laminaceae	–	2/6	–	–	–	–
Umbelifera	1/2	1/3	–	–	–	–
Неопределенные	5/10	6/18	5/11	–	1/3	2/3
Споры						
Bryales	–	–	10/9	–	2/3	–
Sphagnum	4	1	16/15	11/12	3/5	21/18
Polypodiaceae	14	6	52/49	60/64	25/43	67/59
Ophiloglоscium	–	–	2/2	–	5/9	1/1
Botrichium	–	4	1/1	1/1	–	–
Lycopodium (почв.)	–	–	5/5	3/3	1/2	1/1
Lycopod.sp.	–	–	–	–	5/9	–
L. inondatum	–	–	2/2	3/3	–	–
L. selago	–	–	1/1	–	–	–
L. clavatum	2	3	17/16	15/16	17/29	24/21
Всего	185	89	293	341	246	318

Таблица 5 (продолжение)

Систематический список	Образец № 7 глубина – 26 см пахотный слой, зерна/%	Образец № 8 глубина – 24 см пахотный слой / насыпь кургана, зерна/%	Образец № 9 глубина – 20 см насыпь кургана, зерна/%	Образец № 10 глубина – 10 см насыпь кургана, зерна/%	Образец № 11 глубина – 30 см поверхностная проба, зерна/%	Образец № 12 глубина – 47 см пахотный слой, зерна/%
Общий состав						
Деревья	145/58	158/54	203/53	256/73	226/67	115/51
Травы	54/21	86/29	171/44	86/25	99/29	52/23
Споры	52/21	51/17	7/2	9/2	11/4	60/26
Деревья						
Picea	2/1	5/3	2/1	4/2	17/8	–
Pinus	26/18	23/15	10/5	36/14	57/26	6/5
Betula	77/53	90/57	140/69	135/53	100/44	65/57
Quercus	3/2	7/4	4/2	10/4	19/8	1/0,5
Tilia	25/17	12/8	20/10	45/18	15/6	36/34
Corylus	6/4	14/9	8/4	15/6	7/3	4/3
Alnus	3/2	2/1	15/7	6/2	7/3	2/1
Salix	3/2	5/3	4/2	3/1	4/2	1/0,5
Acer	–	–	–	2/1	–	–
Травы						
Gramineae (бол.)	–	–	–	–	–	–
Gramineae (мал.)	15/28	17/20	5/3	4/5	20/20	20/40
Centaurea cyanus	–	–	3/1	–	–	–
Onagraceae	–	–	1/0,5	–	–	–
Compositae	3/6	10/11	20/12	2/2	3/3	6/6
Ceperaceae	–	–	–	–	5/5	–
Chenopodiaceae	5/9	3/4	3/2	3/4	12/13	2/4
Rosaceae	5/9	14/16	–	–	3/3	–
Asteraceae	–	–	29/17	15/18	10/10	–
Artemisia	3/6	2/3	5/3	4/5	13/13	9/8
Fabaceae	–	–	10/9	6/7	–	–
Polygonaceae	–	11/13	7/4	11/12	5/5	4/4
Polygonaceae avicul.	–	–	9/5	4/5	–	–
Caryophyllaceae	15/28	15/8	6/3	9/10	4/4	–
Ericulis	–	–	–	1/1	–	–
Cichoriaceae	–	5/6	7/14	9/10	10/10	–
Ranunculacea	4/6	4/5	25/15	8/10	10/10	11/10
Labiaceae	–	–	4/2	–	–	–
Umbelifera	–	2/2	–	–	–	–
Geraniaceae	–	–	3/1	–	2/2	–
Boraginaceae	–	–	1/0,5	–	–	–
Plumbogenaceae	–	–	–	5/6	–	–
Thypha	–	–	–	–	1/1	–
Проч. разнотравье	/8	/5	/32	/22	/9	–
Неопределенные	2/4	2/3	3/1	3/3	1/1	–

Таблица 5 (окончание)

Систематический список	Образец № 7 глубина – 26 см пахотный слой, зерна/%	Образец № 8 глубина – 24 см пахотный слой, насыпь кургана, зерна/%	Образец № 9 глубина – 20 см, насыпь кургана, зерна/%	Образец № 10 глубина – 10 см, насыпь кургана, зерна/%	Образец № 11 глубина – 30 см, поверхностная проба, зерна/%	Образец № 12 глубина – 47 см пахотный слой, зерна/%
Споры						
Sphagnum	7/13	3/6	3	3	–	10/18
Polypodiaceae	35/67	39/76	3	3	3	35/59
Ophiloglоscium	3/6	2/4	–	–	–	1/1
Botrichium	–	–	–	–	1	1/1
Lycopodium (почв.)	3/6	5/10	–	2	–	–
Lycopodium pungens	–	–	–	–	–	2/3
L. inondatum	–	–	–	–	–	3/5
L. clavatum	4/8	2/4	1	–	7	8/13
Всего	251	295	381	351	336	227

породы теплолюбивой, позволяет говорить о более благоприятных климатических условиях, чем современные. Это небольшое относительное потепление отмечается для центра Русской равнины около 1000 лет назад. Общая облесенность была не ниже современной, но данный участок был менее облесен. Имелись открытые пространства типа полян, которые и использовались под пашни.

§ 7. О хронологии средневековых памятников в долине р. Язвенки

Раскопки проводились в пяти курганных группах, расположенных в пределах изучаемого микрорегиона. Эти материалы в совокупности со сборами подъемных материалов на участках средневековых поселений (выявлено не менее семи) являются достаточно представительными, чтобы сделать выводы о хронологии памятников.

Курганные группы.

Наиболее детально были изучены четыре группы: Орехово-1, Орехово-2 ("Дубки"), Царицыно-2, Царицыно-3, в которых раскопано соответственно семь, пять, шесть и пять насыпей.

Т. В. Равдиной была подробно рассмотрена хронология курганной группы Царицыно-3. Ее вывод о том, что "всю курганную группу можно датировать в пределах XII в." [Равдина, 1963. С. 217], обоснован анализом вещевых комплексов и косвенным предположением, что небольшое кладбище не могло существовать более нескольких десятков лет.

Судя по плану, группа Царицыно-3 подразделяется на две части (рис. 15, левый). Три южных кургана (№ 4–6) стоят чуть особняком от остальных.

В северной подгруппе раскопано два наиболее ранних комплекса (курганы № 1 и 2). Один из них (курган № 1), судя по инвентарю, мужской (нож, горшок), другой (курган № 2) – женский (бусы, семилопастные кольца и пр.). Горшок из кургана № 1, как справедливо отметила Т.В. Равдина, относится к типу горшков XI–XII вв. На это указывают профиль венчика и орнамент – отпечатки штампа-колесика. Для комплексов Москвы и Подмосковья, датирующихся второй половиной XII – рубежом XIII в., такой орнамент уже не характерен. В то же время относительно развитая профилировка венчика отличает этот горшок от более ранних комплексов типа селища Дьяково-пойма, датирующихся в пределах конца XI – начала XII в. [Кренке, 1992]. Курган № 2 содержал архаичные украшения. В первую очередь, бубенчик с крестовидной прорезью. Горшок из этого кургана архаичными чертами, уводящими в XI в., не обладает. Очень близкие по форме горшки в комплексе со стеклянным браслетом обнаружены при раскопках Романова двора 2002 г. (раскоп 7, яма 8). Наиболее вероятная радиоуглеродная датировка для ямы 8 с Романова двора – середина XII в.

Таким образом, можно предположить, что курганы № 1 и 2 примерно одновременны. Возможно, погребение кургана № 1 было совершено чуть раньше. Его ориентировочно можно датировать первой половиной XII в. Вещевой комплекс, попавший в землю с погребенным в кургане № 2, накапливался достаточно длительное время, может быть, в течение первой половины XII в., а само погребение было совершено около середины XII в.

"Втиснувшийся" между курганами № 1 и 8 маленький курган № 12, очевидно, более поздний. На это указывает обряд захоронения – погребение совершено в яме глубиной 40 см. Небольшая глубина ямы, а также вещевой комплекс, в частности, литой орнаментированный перстень позволяют датировать это погребение третьей четвертью–концом XII в. [Недошивина, 1974; Равдина, 1963; 1978].

В южную подгруппу входит курган № 5, являющийся наиболее поздним из раскопанных в группе Царицыно-3. Височные кольца развитых форм с секировидными лопастями и геометрическим орнаментом, найденные в кургане № 5, позволяют относить это погребение к концу XII, а может быть, и к началу XIII в. [Макарова, Равдина, 1992].

Курганная группа Орехово-1 представляла собой цепочку курганов, вытянутых вниз по склону. Самый большой курган № 4 (высота 2,2 м) находился в центре цепочки. Комплекс вещей из этого кургана наиболее архаичный во всей группе. Здесь были обнаружены четыре маленьких бубенчика с крестовидной прорезью и пластинчатый широкосрединный перстень [Арциховский, 1947. С. 78]. По Т.В. Равдиной, "бубенчик с крестовидной прорезью датируется не позднее середины XII в." [Равдина, 1963. С. 216]. Курган № 3 дает наиболее позднюю датировку. В нем было два погребения. Основное погребение находилось в яме глубиной 0,8 м. Уже этот факт заставляет думать о конце XII – начале XIII в. Эту датировку подтверждают и семилопастные височные кольца из погребения [Арциховский, 1947. Рис. 2]. Они развитого типа с секировидными лопастями, орнаментом второго типа, по Т.В. Равдиной. Впускное погребение в этом же кургане, очевидно, позже основного. Это подтверждается и находками. Во впускном погребении № 1 было найдено височное кольцо с растительным орнаментом на лопастях. Т.В. Равдина не сомневалась в его датировке XIII в. [Равдина, 1968. С. 140]. Это же мнение разделяла и Т.И. Макарова [Макарова, Равдина, 1992].

Инвентарь остальных пяти раскопанных курганов известен лишь по спискам А.В. Арциховского и Л.А. Евтюховой. В них фигурируют вещи, типичные для XII в. – бипирамидальные сердоликовые и шарообразные хрустальные бусы, семилопастные и перстнеобразные височные кольца, витые браслеты, витая гривна, разнообразные перстни (рубчатые, решетчатые, пластинчатые широкосрединные, литой с геометрическим орнаментом).

Таким образом, можно думать, что могильник Орехово-1 приблизительно синхронен группе Царицыно-3 и существовал с середины XII до первой половины XIII в.

В центре группы Орехово-2 тоже находится большой курган. К сожалению, курган был разграблен в 1989 г. Он окружен небольшими насыпями, вытянутыми вдоль бровки склона. Две насыпи отстоят немного на юг, выше по склону. Эти две насыпи были раскопаны (курганы № 2 и 4). Комплекс кургана № 2 содержал "сугубо позднее" решетчатое височное кольцо с многочисленными дополнительными украшениями [Арциховский, 1947. Рис. 4]. В этом же погребении был найден горшок, сочетавший линейный орнамент по плечикам и тулову и волну у основания венчика. Можно предполагать, что это поздний признак, характеризующий переход к красноглиняной керамике. Т.В. Равдина по вещам относила это погребение к концу XII – первой трети XIII в. [Равдина, 1991. С. 12].

Так же датируется погребение кургана № 5. Здесь были найдены два орнаментированных височных кольца с книжным орнаментом и свастиками на лопастях [Арциховский, 1947. Рис. 5; Равдина, 1968. Рис. 2, 6]. Т.В. Равдина считала, что курган, бесспорно, относится в XIII в. [Равдина, 1968. С. 140]. По топографическим признакам курган № 5 относится к позднейшим в группе. Он маленький и "втиснут" между соседними курганами. Курган № 3 содержал погребение в неглубокой яме, что, скорее, указывает на конец XII – начало XIII в. Два кургана (№ 1 и 4) содержали погребения с "обычными" семилопастными височными кольцами, т.е. наиболее вероятно, что они относятся ко второй половине XII – началу XIII в.

Таким образом, датировка курганного могильника Орехово-2 может быть ориентировочно определена в рамках второй половины XII – первой половины XIII в. Возможно, это курганное кладбище возникло на несколько десятилетий позднее, чем могильники Орехово-1 и Царицыно-3. Настаивать на этом

утверждении нельзя, так как комплекс из большого кургана в группе Орехово-2 остался неизвестным.

В группе Царицыно-2 из шести раскопанных курганов лишь в одном оказалось погребение с вещами. В одном кургане погребенный был помещен в яму, в остальных погребения были совершены на горизонте. Судя по списку вещей из кургана № 2, опубликованному А.В. Арциховским, погребение могло быть совершено в XII в., возможно, в середине – второй половине столетия (бубенчики со щелевидной прорезью). Горшок из этого кургана отличается довольно архаичной простой формой венчика (короткий, отогнут наружу под небольшим углом) и грубостью теста. Скорее всего, подобная керамика древнее, чем рубеж XII–XIII вв.

В группе Царицыно-1 раскопан только один курган из пяти. Исследованная в 1998 г. насыпь содержала частично разграбленное погребение[23]. При нем был найден лишь один горшок. Форма горшка с S-образным профилем венчика имеет аналогии среди курганной керамики XII в. [Равдина, 1991. Табл. 12]. Какие-либо специфические архаичные признаки у этого горшка отсутствуют, поэтому, вероятно, он относится ко второй половине XII столетия.

Керамика с поселений, открытых при разведках 1989 и 2003 гг., достаточно подробно была рассмотрена выше. Суммарный вывод заключается в том, что ранние материалы первой половины XII в. имеются лишь на селище Царицыно-3. В сборах подъемных материалов на других памятниках хорошо представлены типы керамики, характерные для второй половины XII–XIII в. Имеются также поселения с керамикой XIV – начала XVI в.

§ 8. Палеодемографическая модель и рекоиструкция системы природопользования в XII–XIII вв.

В данном разделе сделана попытка проанализировать палеодемографические параметры общества, оставившего древнерусские археологические памятники в долине Язвенки. Главным искомым является, конечно, численность населения.

Вторая задача – описать некоторые закономерности во взаиморасположении памятников (поселений и курганных могильников) и древних хозяйственных угодий.

Антропологические материалы из раскопок курганов в Царицыне очень незначительны и не могут служить для решения вопросов палеодемографии. В коллекции Музея антропологии МГУ хранится лишь один череп и несколько костей посткраниального скелета из раскопок 1960 г. курганной группы Царицыно-2. В то же время для нескольких курганных групп Подмосковья демографические характеристики были реконструированы по антропологическим материалам, и они могут служить в качестве реперов для сравнения [Бужилова, 1993].

Таким образом, главным источником, который в данном случае может быть использован для реконструкции палеодемографических параметров, являются археологические памятники. Они обладают специфическими источниковедческими особенностями.

Курганные группы позволяют судить об общем числе умерших взрослого и юношеского возраста в популяции, оставившей курганный могильник, за период существования курганного обряда захоронений. Детских погребений в курганах практически не встречено. Вероятно, в захоронении малолетних детей существовали обрядовые особенности, и в курганы их клали в исключительных случаях.

Рассматривая курганную группу как источник для реконструкции числа умерших взрослых и подростков, нужно также учитывать, что часть людей могла умереть "на стороне" или при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, т.е. не быть погребенными на семейном (поселковом) кладбище, каковыми являются курганные группы. Можно также гипотетически допускать существование каких-то иных причин не возводить курганные насыпи обязательно над всеми усопшими членами коллектива.

Раскопками установлено, что количество курганов меньше, чем число захоронений в них. Относительно часто встречаются парные и впускные захоронения. Проведенный мною подсчет по материалам раскопок курганов в Москве и ближайшем Подмосковье показал, что для определения количества погребенных следует применять коэффициент 1,3–1,4 к числу курганов. В частности, по материалам раскопок в Царицыне получены следующие данные. Имеется документация о раскопках 24 курганов, в них было зафиксировано 31 погребение, т.е. число погребений

[23] Автор благодарен Л.Л. Галкину за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

больше числа курганов в 1,3 раза. Распределение по полам примерно равное. Судя по инвентарю, женских погребений – 16.

Количество захоронений в курганной группе зависит от длительности функционирования кладбища и численности популяции. Это уравнение с двумя неизвестными, которое не может быть однозначно решено на основании имеющихся данных. Можно строить несколько моделей-сценариев, варьируя каждым из параметров (численность популяции, длительность функционирования кладбища). При этом все-таки имеются некоторые возможности для оценки вероятности сценариев, позволяющие предпочесть один другому. Эти оценки основаны на представлениях о возрасте курганных могильников, о которых сказано выше, и на данных о размерах поселений.

Картографирование курганных могильников и синхронных им поселений в долине р. Язвенки довольно убедительно показывает, что количество курганных групп примерно соответствует численности синхронных поселений (в ряде случаев поселения не сохранились или их не удалось найти). Расстояние от могильников до поселений обычно не превышает нескольких сотен метров. Логично предположить, что ближайшая к поселению курганная группа являлась кладбищем именно этого поселения. Имеются случаи концентрации нескольких курганных групп на одном участке. Например, группы Орехово-4 и Орехово-5 разделяет небольшой промежуток, ближние курганы находятся друг от друга на расстоянии всего 50 м. Однако вряд ли можно признать такую пространственную структуру могильника случайной. В непосредственной близости и примерно на одинаковом расстоянии от могильников находятся два поселения – Орехово-4 и Орехово-5.

Таким образом, гипотеза о том, что каждому поселению обычно соответствовала отдельная курганная группа, на мой взгляд, весьма вероятна. Эта гипотеза неоднократно проверялась в ходе полевых разведок. Комплексы синхронных древнерусских памятников "курганный могильник–поселение" были зафиксированы лишь на территории Москвы более 10 раз (в долинах рек Очаковки, Раменки, Чертановки и др.). Нужно отметить, что подобная пространственная структура "деревня–сельское кладбище" сохранялась и в XIX в. Расстояние от деревень до кладбищ были примерно таким же – около 200–400 м (подсчет велся по карте "Москва и ее окрестности", съемки 1838–1839 гг.).

Зная размер поселения, соответствующего курганной группе, можно дать приблизительную оценку численности населения в нем. Эта оценка может быть сделана с приблизительной точностью по числу дворов. В основе расчетов лежат данные, полученные при комплексных исследованиях Куликова поля [Гоняный, Кац, Наумов, 2000] и раскопках селища Мякинино-2 на Москве-реке. В первом случае было установлено, что в среднем на 500–800 кв. м селища приходится одна усадьба. Раскопки в Мякинине дали сходные результаты – 680 кв. м на одну постройку[24].

Для составления модели, связывающей такие параметры, как численность популяции, количество умерших, длительность функционирования кладбища, необходимо знать показатель уровня смертности, т.е. сколько людей (конкретнее – подростков и взрослых) умирало в год в пересчете на одну тысячу живущих. Такие данные для древних обществ, конечно, отсутствуют. В качестве ориентира можно использовать данные для населения России XIX в. По А.Г. Рашину, показатель смертности колебался в пределах 32–44 умерших на 1000 живущих [Рашин, 1956. С. 184]. В процентах к общему числу умерших в возрасте до 5 лет умирало в среднем около 67% [Рашин, 1956. С. 192]. Если округлить эти цифры, то получится, что на тысячу живущих ежегодно умирало около 10 человек старше 5 лет, или один на 100 живущих.

Именно этот показатель был взят для составления палеодемографической модели соотношения числа жителей поселения и количества умерших в зависимости от длительности функционирования популяции (поселения). В таблице 6 представлено среднее ожидаемое число умерших взрослых и подростков старше 5 лет.

Эта же таблица может быть преобразована таким образом, чтобы в ней было отражено "ожидаемое число курганов". При этом используется уравнение 1 курган = 1,3 погребения.

Таким образом, наличие курганной группы, состоящей, например, из 12 курганов, позволяет предполагать набор вариантов относительно размеров и сроков жизни популяции, оставившей этот могильник. Задача заклю-

[24] Подсчеты для селища Мякинино-2 проведены автором по материалам отчетов о раскопках, подготовленных В.Ю. Ковалем (на титуле отчетов значится только фамилия А.Г. Векслера, руководителя организации, проводившей раскопки).

Таблица 6. Соотношение числа жителей поселения, длительности его функционирования и ожидаемого числа умерших взрослых и подростков старше 5 лет при уровне их смертности 10 промилей

Число жителей поселения	Длительность существования поселения					
	25 лет	50 лет	75 лет	100 лет	125 лет	150 лет
5	1,25	2, 5	3,75	5	6,25	7,5
10	2,5	5	7,5	10	12,5	15
15	3,75	7,5	11,25	15	18,75	22,5
20	5	10	15	20	25	30
25	6,25	12,5	18,75	25	31,75	37,5
30	7,5	15	22,5	30	37,5	45
35	8,75	17,5	26,5	35	43,75	52,5
40	10	20	30	40	50	60
45	11,25	22,5	33,75	45	56,25	67,25
50	12,5	25	37,5	50	62,5	75

чается в том, чтобы выбрать более вероятный вариант.

Размеры шести древнерусских поселений, выявленных в бассейне Язвенки, очень небольшие. Их площади – 1800, 1800, 2700, 2500, 4400, 5000 кв. м, т.е. они максимально насчитывали от двух до семи дворов.

Материалы раскопок курганных групп показали, что могильники содержат разновременные погребения, датировки которых могут различаться в пределах 50–100 лет (от первой половины XII в. до первой половины XIII в.).

Учитывая эти два соображения, можно выделить в таблице 7 наиболее вероятную область (выделена рамкой), которая лучше всего соответствует имеющимся археологическим данным (численности курганов в группах и размерам поселений).

Общее количество курганов в исследуемом микрорегионе не менее 113. С учетом памятников, известных лишь по старым данным, это число может вырасти до 119. Это около 150 погребений взрослых и подростков, что означает, что за весь "курганный период" в данном микрорегионе умерло всего примерно 500 человек, округленно считая детскую смертность за 70%. Приблизительно такова совокупная численность людей, проживавших и осваивавших долину Язвенки в XII – начале XIII в.

Если оценивать длительность "курганного периода" в долине Язвенки в 100–150 лет, то можно определить среднюю численность группы людей, одновременно проживавших в микрорегионе. Всего 150 погребений, следовательно, в среднем в год умирало 1–1,5 человека. При допущении, что уровень взрослой и подростковой смертности составлял 10 человек на тысячу ежегодно, средняя величина популяции должна была составлять 100–150 человек.

Эта оценка не противоречит данным о среднем возрасте смерти древнерусского населения Подмосковья, вычисленном по

Таблица 7. Соотношение числа жителей поселения, длительности его функционирования и ожидаемого числа курганов в могильнике данного поселения

Число жителей поселения	Длительность существования поселения					
	25 лет	50 лет	75 лет	100 лет	125 лет	150 лет
5	1	2	3	4	5	6
10	2	4	6	8	10	12
15	3	6	9	12	14	17
20	4	8	12	15	19	23
25	5	10	14	19	24	29
30	6	12	17	23	29	35
35	7	13	20	27	34	40
40	8	15	23	31	38	46
45	9	17	26	35	43	52
50	10	19	29	38	48	58

материалам курганных могильников, который составлял 33–36 лет [Бужилова, 1993].

При одновременном существовании пяти–восьми поселений примерно равных размеров (шесть поселений найдено, о существовании еще двух можно догадываться по наличию курганных групп) на долю каждого должно было приходиться 10–30 человек (включая детей). Эти цифры кажутся реальными, так как, судя по размерам селищ, на них "умещается" от двух до семи дворов.

Все вышеприведенные расчеты основывались на неизменности численности населения. Однако вряд ли это было так. Колонисты заняли незаселенные, удобные для земледельческого освоения территории. Климатические условия на протяжении XII в. были стабильными. Наблюдалось плавное потепление [Клименко, 2001. С. 19]. В этих условиях мог происходить довольно существенный естественный прирост населения, за счет которого, а также возможного притока новых групп колонистов могло происходить образование новых поселений. Однако данные о хронологии археологических памятников недостаточны, чтобы документировать этот процесс. Можно лишь предполагать, например, что самое верхнее по течению поселение Орехово-6 и соответствующая ему курганная группа Орехово-2 появились на несколько десятилетий позже, чем началось освоение долины Язвенки.

Реконструированные выше демографические параметры можно попытаться сопоставить с данными о ресурсной базе колонистов.

Реконструкция ресурсной базы основывается на пространственном анализе расположения археологических объектов и оценке ресурсного потенциала отдельных ландшафтных элементов территории микрорегиона (цв. вкл., рис. 5).

Анализ пространственного расположения археологических объектов свидетельствует о следующем. Долина р. Язвенки, по обоим берегам которой сконцентрированы памятники, является как бы осью симметрии пространственной структуры. Судя по распространению подъемных материалов, селитебная зона находилась у самой кромки берега реки. Предпочтение отдавалось участкам, где в Язвенку впадали мелкие притоки. Большее количество поселений, выявленных на пологом левом берегу, по сравнению с правым берегом, возможно, отражает реальную ситуацию. Подтверждение видим и в расположении курганов – на левом берегу – около 70 курганов, а на правом – около 50.

Поселения, находившиеся в прямой видимости друг от друга, вытянулись полосой вдоль русла реки, расстояние между ними всего несколько сотен метров.

Курганные группы цепочками вытянулись вдоль обоих берегов, но выше по рельефу, чем поселения. Расстояние между курганными группами – от 50 м до 1 км, от курганов до русла Язвенки – 120–350 м. При изучении погребенных почв под курганами были зафиксированы пахотные горизонты. Это дает основание предполагать, что пахотные угодья располагались между поселениями и курганными могильниками, фиксировавшими внешние границы полей. Наличие у подошвы склона в прибровочной части берега делювиальных отложений подтверждает это предположение о локализации полей. Важно подчеркнуть, что в некоторых случаях под курганами пахотные горизонты были приурочены к смытым почвам, т.е. распашка и провоцированные ею склоновые процессы шли достаточно долго. Активизация склоновых процессов, скорее всего, была вызвана сведением леса и распашкой бортов долины.

При этом, судя по палинологическим данным, общая залесенность территории в древнерусский период оставалась довольно высокой. Доля пыльцы трав в общем составе пыльцы образцов из погребенной под курганами пашни не превосходит 29%. Скорее всего, леса покрывали водораздельные участки и спускались по склонам долины, где граничили с открытыми пространствами, освобожденными под распашку.

Для пространственной конкретизации этих представлений и для разработки гипотезы об организации землепользования был проведен ландшафтный анализ территории, результаты которого представлены ниже.

§ 9. Ландшафтно-экологические условия и системы природопользования в древнерусский период в долине р. Язвенки

В.А. Низовцев

Долина р. Язвенки полностью входит в Царицынский ландшафт волнисто-увалистых и мелкохолмистых, расчлененных, моренных и плоских, водно-ледниковых, свежих равнин [Анненская и др., 1997]. Верхний ярус рельефа междуречий занимают водно-ледниковые равнины с абсолютными отметками до

165–170 м. Они образовались в позднеледниковое время в результате переработки моренного рельефа ледниковыми водами. С поверхности они сложены покровными суглинками преимущественно среднего механического состава, которые с глубины 1–2 м подстилаются водно-ледниковыми супесями или песками, а иногда и сильно перемытой мореной московского возраста. Подобное строение почвообразующей толщи предопределило относительно повышенную трофность субстрата, что в сочетании с повышенным и соответственно несколько более теплым местоположением благоприятствовало произрастанию здесь широколиственно-хвойных липово-сосновых лесов со значительным участием неморальных элементов в наземном покрове на дерново-среднеподзолистых почвах (рис. 17А; цв. вкл., рис. 8).

Выровненный характер рельефа основных поверхностей (рис. 17А, *1*) с преобладанием плоских и слабовыпуклых поверхностей не способствовал процессам поверхностного стока, поэтому дренированность их относительно слабая, а сроки снеготаяния поздние и растянутые во времени. В почвах повсюду распространены процессы оглеения, чему благоприятствуют также большая влагоудерживающая способность покровных суглинков и текстурная дифференциация почвенного профиля (наличие слабопроницаемого иллювиального горизонта с утяжеленным механическим составом). Преобладающие гидротопы влажноватые и влажные, к тому же близко к поверхности (1–2 м) надморенная верховодка держится весной и ранним летом, а в дождливые годы – весь сезон. Поэтому почвы здесь относительно "холодные" с поздними сроками готовности к полевым работам и мало пригодны к пашенному земледелию в условиях с напряженным вегетационным периодом, как в нашем климате. Следовательно, можно предположить, что эти местообитания могли ограниченно использоваться для пашенного земледелия, преимущественно в виде переложного или подсечно-огневого земледелия с выборочным выпасом скота, а также для ведения лесного хозяйства и охоты. Естественно, для выпаса скота чаще использовались участки (фации и парцеллы) с преобладанием широколиственных пород в древостое, с густым подлеском и разнотравьем. Исходя из средних сроков возврата к подсекам в 60 лет, можно считать, что коренные леса здесь со временем были замещены устойчивыми формациями мелколиственных лесов (естественное сукцессионное восстановление коренных широколиственно-еловых лесов составляет не менее 200 лет).

Более увлажненными (вследствие постоянного притока поверхностных вод) являются ПТК (природно-территориальные комплексы) приводосборных понижений, как на междуречных водно-ледниковых равнинах (рис. 17А, *4*), так и в других урочищах. Они характеризуются повышенной трофностью и переувлажненностью субстрата. Соответственно, эти местообитания имеют одни из самых холодных (с поздними сроками готовности к весенним работам) почв на исследуемой территории, что является решающим лимитирующим фактором их использования в земледелии. В настоящее время такие местообитания распахиваются лишь при проведении осушительных мелиораций.

Наклонные поверхности водно-ледниковых равнин (рис. 17А, *2, 3*) – склоны разных уровней и местоположения, в силу лучшего оттока поверхностных вод лучше дренированы, чем основные поверхности, поэтому почвы их имеют более благоприятный для земледелия водно-воздушный режим. В наземном покрове и древостое, по сравнению с основными поверхностями, было большее участие бореальных элементов.

Также фоновыми урочищами междуречных равнин являются крупные ложбины стока ледниковых вод московского времени, от которых сохранились фрагменты основных поверхностей их днищ. Это долинный зандр – высокая надпойменная терраса р. Язвенки с абсолютными отметками 145–155 м. (рис. 17А, *6, 7*). Он имеет следующее геологическое строение: с поверхности сложен покровными суглинками со значительным варьированием по мощности (0,5–2,0 м), подстилаемыми водно-ледниковыми песками, иногда с гравийно-галечниковыми прослоями. Мощность водно-ледниковых песков также колеблется в широких пределах – от 0,5 до 4,0 м. Практически повсеместно они подстилаются мореной, местами сильно перемытой. В целом преобладающие на водно-ледниковых равнинах дерново-слабоподзолистые почвы имеют высокую трофность, что проявилось в значительном участии неморальных элементов в наземном покрове господствовавших здесь широколиственно-сосновых лесов. Долинные зандры значительно лучше дренированы: имеют легкие уклоны поверхности, короткие линии добегания поверхностных вод (близко глубокий базис эрозии), на многих участках долинные зандры рассечены короткими береговыми оврагами и балками. Это одни из лучших земель

на данной территории для пашенного земледелия.

Значительное участие неморальных элементов в растительном покрове способствовало формированию подзолистых почв с развитым гумусовым горизонтом, относящихся к дерново-подзолистым почвам. Легкий механический состав почвообразующих пород (легкие суглинки, супеси и пески) в сочетании с прибровочным положением, легкими уклонами (2–6°) и сточным режимом увлажнения обеспечивают хороший дренаж и отличный водно-воздушный режим почв. Поэтому почвы весной обсыхают быстро, являются теплыми и имеют ранние сроки весенней спелости. В то же время в засушливые периоды в почвах может содержаться достаточное количество влаги на контакте с относительно близко лежащей (1,5–2,5 м) мореной. Все это позволяло "первопоселенцам" рассчитывать на получение на этих землях гарантированно минимальных урожаев в любые экстремальные годы. Легкий механический состав почв к тому же требовал меньших физических затрат, а это было одним из решающих факторов того времени, определявших выбор и предпочтение легких почв перед средними тяжелосуглинистыми, хотя и более плодородными.

По-видимому, в долинных зандрах на участках, примыкающих к бровкам долин и балок, являющихся присетьевыми склонами (рис. 17А, *6*), а также в водораздельных гребнях коренных склонов долин (рис. 17А, *13*) возникли первые постоянные пахотные угодья.

Достаточно благоприятными для устройства пашен, а особенно для поселений являлись ПТК первой надпойменной террасы (рис. 17А, *18, 19*) и низовья покатых коренных склонов долин (рис. 17А, *10*), где дополнительным "привлекающим" фактором являлась близость родников и речной воды.

На исследуемой территории долинные ПТК занимают относительно небольшие площади, однако они имели большое значение в развитии поселений и хозяйствования древнерусского периода. Эти ПТК представлены разнообразными и часто контрастными по свойствам подурочищами коренных склонов долины р. Язвенки и малых эрозионных форм, низких надпойменных террас, а также пойменными комплексами.

Коренные склоны долин достигают относительной высоты в 30–40 м над урезом реки и имеют, как правило, сложное строение и профиль. Можно выделить несколько видов ПТК склонов (рис. 17А, *9–16*). Верхние и средние части коренных склонов (рис. 17А, *11, 15*), как правило, крутые (20–30°, а иногда и больше) и имеют ровный или вогнутый профиль. Они сложены водноледниковыми песками, подстилаемыми маломощной и сильно перемытой мореной, а иногда алевритистыми или лёссовидными суглинками. Средняя часть склонов сложена мощной (10–20 м) толщей меловых песков с прослоями песчанников. С поверхности по всему профилю склонов они прикрыты маломощными (около 0,5 м) делювиальными суглинками, на которых сформировались разной мощности склоновые дерновые почвы. До антропогенного воздействия в верхней и средней частях склонов произрастали преимущественно сосновые леса с неоднородным участием широколиственных пород, в зависимости от преобладания процессов аккумуляции или смыва мелкоземистого материала на разных участках, большим или меньшим участием морены и суглинков в почвообразующей толще. Сочетание значительных уклонов поверхности и господство сточного режима увлажнения с преобладанием водопроницаемых почвообразующих пород приводит к быстрому и дружному снеготаянию, прогреванию почв и ранней вегетации растений. Большие уклоны не позволяли использовать коренные склоны для земледелия, за исключением, может быть, покато-наклонных поверхностей (рис. 17А, *10*). ПТК коренных склонов долин, вероятно, активно использовались под выпас скота, особенно весной на начальных этапах вегетации растений, когда на ровных участках еще не полностью сошел снег. Кроме того, коренные склоны вынужденно использовались и для прогона скота с междуречий в долину и обратно.

На ряде участков коренных склонов долин оплывно-оползневого типа (рис. 17А, *12*), вогнутого лоткообразного профиля (рис. 17А, *14*), лощинообразных понижениях (рис. 17А, *17*) и делювиально-пролювиальных шлейфах (рис. 17А, *20*) отмечается пластовая разгрузка надъюрских (или надморенных) грунтовых вод в виде выпотов, мочажин и на отдельных участках родников. В зависимости от условий залегания водоупорных пород проявляется интенсивность разгрузки грунтовых вод. Повышенной степени увлажненности способствует также и преобладающий натечный тип поверхностного увлажнения. Поэтому эти участки характеризуются сырыми местообитаниями повышенной трофности с господством дерновых мощных значительно оглеенных почв, занятых в про-

шлом травянистыми липо-дубравами, вязовниками и сероольшаниками с густым подлеском и обилием неморальных и мегатрофных видов травянистых растений. Широкому использованию их в качестве пастбищных угодьев препятствовали значительная крутизна и малые площади распространения.

На исследуемой территории значительная площадь занята подурочищами низкой надпойменной террасы (рис. 17А, *18, 19*). Терраса имеет наклонные поверхности, сложенные разной мощности делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиальными песками. Близость воды, хорошая дренированность большинства местообитаний, достаточное плодородие дерново-слабоподзолистых почв явились благоприятными факторами для их хозяйственного освоения. Гораздо активнее включались в хозяйственный оборот (возможно, и под пашенное земледелие) полого-покатонаклонные склоны этой террасы.

ПТК высокой поймы (рис. 17А, *21*) – это прекрасные пастбищные и сенокосные угодья. Пашенное земледелие в этих ПТК было мало распространено из-за длительного стояния или подтопления полыми водами и дополнительного натека вод со склонов и оврагов. Крутые склоны долин ручьев балочного типа и балок (рис. 17А, *15, 23*) в древнерусское время могли сохранять леса, близкие к коренным, в силу ограниченности использования этих урочищ, по-видимому, служивших для лесозаготовок, охоты, бортничества.

На основе анализа ландшафтных особенностей и ресурсного потенциала территории были выделены и локализованы на карте возможные виды природно-хозяйственных систем (агрогеосистем), которые могли существовать в XII–XIII вв. (рис. 17 Б; № на карте соответствуют номерам нижеследующего описания:

1 – территории поселений; 2 – территории могильников; 3 – пахотные агрогеосистемы (постоянные участки с двухпольным оборотом). Наиболее оптимальные местоположения в непосредственной близости от поселений с отлично дренированными почвами с благоприятным для земледелия водно-воздушным режимом и относительно повышенным естественным плодородием (дерново-подзолистые со слабой степенью оподзоливания и дерновые почвы легких механических составов); почвы теплые с ранними сроками готовности к весенним полевым работам; 4 – пастбищно-пахотно-лесные агрогеосистемы (мелколесья, участки кратко- и долгосрочных перелогов, распахиваемых преимущественно 3–4 года, затем залеж и выпас преимущественно крупного рогатого скота по мелколесью; "оборот" порядка от 3–5 до 10–20 лет, а также возможно сочетание суходольных лугов, пасторальных дубрав и пахотных участков); ПТК с полого- и покато-наклонными присетьевыми поверхностями, покатыми и реже крутыми коренными склонами долин, с дерновыми и с хорошо дренированными дерново-слабоподзолистыми почвами; несмотря на средние сроки снеготаяния, сочетание сточного и промывного режимов благоприятствует ранним срокам готовности полей на выровненных поверхностях долинных зандров; 5 – пастбищно-сенокосные агрогеосистемы (сенокосные и пастбищные пойменные луга с редкостойными дубравами, черноольшаниками и ветланиками); земледельческое освоение пойм лимитировано поемным режимом увлажнения; 6 – пастбищно-лесные агрогеосистемы (выпас скота, преимущественно свиней, реже – крупного рогатого скота). Ольшаники, вязовники и дубравы пасторального типа. ПТК первой надпойменной террасы и делювиально-пролювиальных шлейфов. Богатые по естественному плодородию субстратов местообитания с натечным увлажнением, господством в наземном покрове растений-мегатрофов; 7 – лесохозяйственные системы (лесное хозяйство, охота, бортничество) и пастбищно-лесные агрогеосистемы (пасторальные редкостойные липо-дубравы и широколиственные леса – выпас скота, преимущественно мелкого рогатого, лесное хозяйство); ПТК крутых и покатых коренных склонов долин; ПТК ограниченного пользования: малые эрозионные формы, местообитания с повышенным увлажнением (приводосборные понижения) и "холодными" почвами, удаленные от поселений участки).

Легенда к карте "Условно-восстановленные (коренные) ПТК ключевого участка "Царицыно"» (рис. 17 А)

1 – плоские вершинные поверхности междуречных водно-ледниковых равнин, сложенные покровными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками и мореной, с дерново-среднеподзолистыми почвами, иногда – слабоглееватыми, под дубово-сосновыми с елью широкотравными и кисличными лесами; 2 – пологие склоны водно-ледниковых равнин, сложенные делювиально-покровными суглинками на водно-ледниковых песках, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами, под широколиственно-сосновыми волосистоосоково-кисличными лесами; 3 – покатые присетьевые склоны водно-ледниковых равнин, сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками с дерново-слабоподзолистыми почвами под широколиственно-сосновыми орляково-разнотравно-вейниковыми лесами; 4 – приводосборные понижения (возможно, древнеозерные котловины разного генезиса), полого-наклонные и плоские, сложенные алевритистыми тонкослоистыми суглинками на песках, с дерново-среднеподзолистыми, местами глееватыми, под широколиственно-сосновыми широкотравно-влажнотравными лесами; 5 – слабовыпуклое древнеэоловое бугристое повышение, сложенное маломощными покровными суглинками, подстилаемыми эолово-водно-ледниковыми песками, с дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми орляково-вейниковыми лесами; 6 – пло-

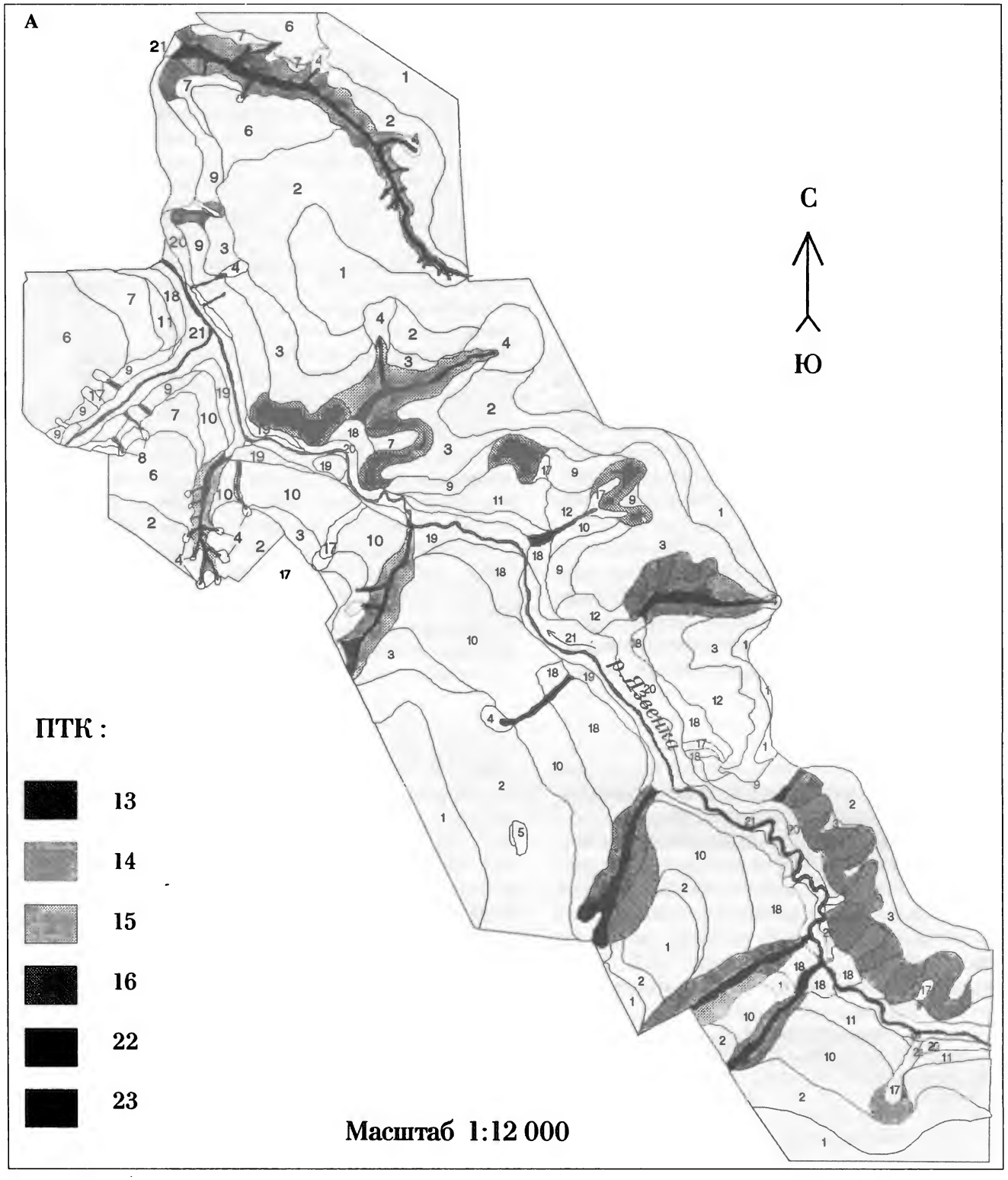


Рис. 17. А – границы условно-восстановленных природных территориальных комплексов (урочища и подурочища) в долине р. Язвенки

Карта. Составлена В.А. Низовцевым

ская и полого-наклонная основная поверхность долинного зандра, сложенная маломощными водно-ледниковыми суглинками, подстилаемыми супесями и песками, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами под липово-сосновыми лещиновыми папоротниково-травянистыми лесами; 7 – покатые склоны долинных зандров, суглинисто-песчаные, хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под широколиственно-сосновыми травянисто-вейниковыми лесами; 8 – приводосборные понижения, пологовогнутые, сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-лед-

никовыми песками, озерными алевритами или мореной, с дерново-среднеподзолистыми слабоглееватыми и глееватыми почвами, под широколиственно-хвойными лесами, крушиновыми влажнотравными и долгомошными; 9 – крутые коренные склоны долины, сложенные маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками, с дерновыми маломощными почвами под липняками и дубравами с сосной, широкотравно-волосистоосоковыми; 10 – покатые и крутые коренные склоны долины, сложенные среднемощными делювиальными суглинками с дерновыми, частично намытыми, среднемощными почвами под хвойно-широколиственными кустарниковыми травянистыми лесами; 11 – крутые и покато-крутые коренные склоны долины, местами слившиеся с делювиальным шлейфом, сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками и мореной, с дерновыми смыто-намытыми почвами под липо-дубравами, реже вязовниками, кустарниковыми широкотравными; 12 – крутые склоны долины сложного профиля с оползневыми телами, сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми мореной или водно-ледниковыми песками (возможно, на юрских глинах), с дерновыми глееватыми почвами под широколиственными с сосной широкотравными и влажнотравными лесами; 13 – покато-крутые коренные склоны долины (водораздельные гребни между малыми эрозионными формами), сложенные делювиальными супесями, подстилаемыми водно-ледниковыми песками, с дерновыми маломощными почвами под сосново-дубовыми широкотравно-злаковыми лесами; 14 – крутые склоны долины вогнутого профиля с пологовогнутыми лоткообразными понижениями, сложенные делювиальными суглинками, с дерново-глеевыми почвами под широколиственно-сероольховыми с черемухой во втором ярусе крупнотравно-влажнотравными лесами; 15 – крутые, местами отвесные, коренные склоны малых эрозионных форм, сложенные маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками, с дерновыми маломощными почвами под липняками и дубравами с сосной широкотравно-волосистоосоковыми; 16 – покатые и пологие склоны малых эрозионных форм сложенные мощными делювиальными суглинками с дерновыми мощными намытыми почвами под широколиственно-черемуховыми кустарниковыми влажнотравными лесами; 17 – лощинообразные понижения в коренных склонах долин, сырые и влажные, сложенные делювиальными суглинками с дерновыми оглеенными почвами под широколиственными с сосной широкотравно-крупнотравными лесами; 18 – первая надпойменная терраса, пологонаклонная, суглинисто-песчаная, с дерново-слабоподзолистыми почвами под елово-сосновыми с дубом травянистыми лесами; 19 – полого- и покатонаклонная первая надпойменная терраса, слившаяся с делювиальным шлейфом, сложенная делювиальными суглинками на древнеаллювиальных песках, с дерново-средне- и дерново-слабоподзолистыми почвами, нередко оглеенными, под сосново-широколиственными с ольхой и черемухой во втором ярусе кустарниковыми широкотравными лесами; 20 – делювиально-пролювиальные шлейфы, покато- и пологонаклонные, суглинистые, с дерновыми мощными намытыми глеевыми почвами под серо-ольшаниками и вязовниками с черемухой, крушиной и ивой влажнотравно-крупнотравными; 21 – высокая пойма, выровненная, песчано-суглинистая, с пойменными дерновыми оглеенными почвами под черноольшаниками и липо-дубравами крупнотравно-влажнотравными; 22 – выровненные и мелкобугристые днища балок корытообразной формы с руслом временного водотока, суглинисто-песчаные, с дерновыми глеевыми почвами под черемухово-ольховыми влажнотравными лесами; 23 – лощины и балки, преимущественно влажные, заложившиеся в рыхлых четвертичных породах, с дерновыми почвами под хвойно-широколиственными лесами.

§ 10. Количественная оценка ресурсной базы

Выполненная по ландшафтным данным реконструкция землепользования в древнерусское время в своей важнейшей части – локализации постоянных пахотных угодий, хорошо коррелирует с археолого-почвенными материалами. Все курганные группы, где были зафиксированы погребенные пахотные горизонты, а также поселения оказались в пределах участков, оптимальных для распашки (рис. 17Б, *3, 4*). Это совпадение позволяет рассматривать карту-реконструкцию землепользования как вероятную гипотезу и сделать количественные подсчеты размеров пахотных угодий (цв. вкл., рис. 5).

Подсчеты выполнялись по карте масштаба 1 : 10000. Ориентировочная погрешность подсчета около 10%.

Площадь постоянных пахотных угодий в долине Язвенки на участке от устья до курганной группы Орехово-2 (пахотные агрогеосистемы) оказалась равной 47 га. Площадь перелогов (пастбищно-пахотно-лесные агрогеосистемы) составила 49 га. В пересчете на десятины это будет соответственно 43 и 45 десятин (всего 88).

По предположению Л.В. Милова, в XVI–XVIII вв. в России бытовали комбинированные системы земледелия, сочетавшие трехполье с двупольем и перелогом, означавшим периодическое забрасывание и обновление участков полевой пашни [Милов, 2001. С. 24].

Нормы высева озимой ржи – полторы четверти (около 200 кг) на десятину [Милов, 2001. С. 125]. На обычных или "посредственных" землях Московской губернии в XVIII в. собирали урожай ржи сам-3 или сам-4 (т.е. чистого сбора 3,8–5,7 ц с га). На хорошо удобренных землях урожай доходил до сам-5, или 7,7 ц чистого сбора с га [Милов, 2001. С. 163].

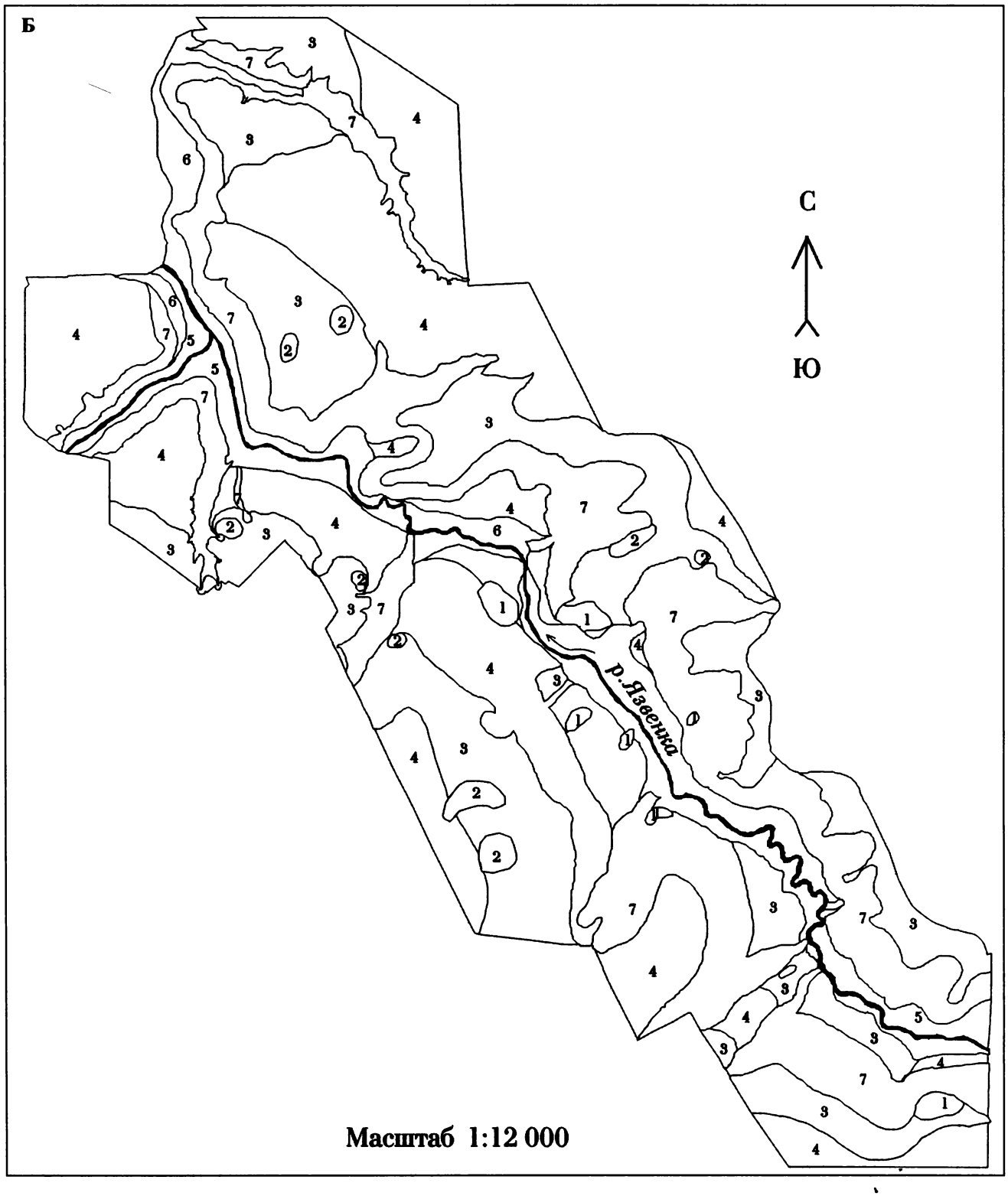


Рис. 17. Б – реконструкция природользования в древнерусское время в долине р. Язвенки
Карта. Составлена В.А. Низовцевым

По данным XIX в., в крестьянских хозяйствах Московской губернии при господствовавшем употреблении обыкновенной сохи и трехпольной системы урожай ржи составлял 5,6 четверти на десятину, т.е. сам-3,7, или около 5,4 ц чистого сбора с га [Брокгауз, Ефрон, 1896. Кн. 38, т. XIX-а].

Можно предполагать, что в XII в. в Подмосковье трехполья еще не было, а было двухполье, комбинированное с перелогами и

подсеками (благо, ресурс земли это еще позволял). Вероятно также, что ближние поля удобрялись навозом. Зафиксированная глубина вспашки XII в. – 8–9 см (толщина погребенных пахотных горизонтов) – точно соответствует глубине вспашки в два вершка (9 см), типичной и для XVIII в. [Милов, 2001. С. 80].

Подсчеты площадей полей в долине нижнего и среднего течения Язвенки показывают, что максимально в границах долины площадь поля, с которого собирали ежегодный урожай (при двухполье + перелоги), могла достигать 30–40 десятин. При урожайности сам-3 размер снятого урожая (за вычетом зерна, оставленного для посевов) мог составлять, следовательно, 114–152 ц.

По данным Ф. Броделя, в диете бедняков в эпоху средневековья зерновые давали около 80% калорий. В год взрослый человек потреблял до 4 ц хлебных злаков [Бродель, 1988. С. 136]. Норма потребления человека в день равняется 2–3,5 тыс. калорий. Один кг зерна содержит 3 тыс. калорий. Это означает, что для прокормления одного человека было необходимо около 1–2 га пахотных земель, т.е. при принятых выше параметрах урожайности долина Язвенки могла прокормить хлебом примерно 30–40 взрослых человек.

Эта численность очень близка к сделанным выше палеодемографическим оценкам, базирующимся на количестве погребений и размерах поселений. Как отмечалось выше, вероятно, в среднем в долине проживало одновременно около 100 человек (взрослых и детей). Это означает, что взрослые составляли примерно половину. Если допускать наличие естественного прироста в популяции, что весьма вероятно, то на начальном этапе колонизации численность населения была ниже средних оценок.

Таким образом, суммируя все допущения, можно сделать вывод, что освоение долины Язвенки было начато несколькими семейными группами общей численностью менее 100 человек в первой половине XII в. Площадь полей, возделанных по склонам долины, границы которых были маркированны первыми курганами в середине XII в., была достаточна для прокормления этого количества людей. Дальнейший рост совокупной численности населения до 100–150 человек в XIII в. должен был вызвать определенный дефицит пахотных угодий и провоцировать расширение площади распашки за счет освоения долинных земель верхнего течения реки и менее плодородных участков ближе к вершинам водоразделов.

§ 11. Система расселения в долине Язвенки в постдревнерусский период

В XIII–XIV вв. долина р. Язвенки продолжала оставаться заселенной. Однако, судя по имеющимся археологическим данным, количество поселений сократилось. К этому периоду относятся лишь поселение Орехово-4 (западный участок) и находки на правом берегу выше по течению от курганной группы Орехово-2. Важно подчеркнуть, что селище Орехово-4 находится в тождественных ландшафтных условиях, что и более ранние поселения XII–XIII вв.

В XV–XVI вв. хозяйственное освоение долины продолжалось. Это фиксируют находки красноглиняной гладкой керамики. Эта керамика присутствовала в небольшом числе в сборах подъемных материалов на огородах, расположенных на первой надпойменной террасе, на бровке высокого правого берега и у его подошвы. Скорее всего, эти находки следует интерпретировать как следы хозяйственной деятельности, так называемой "внепоселенческой активности" (off site activity). На это указывают топографические особенности мест находок, неудобные для устройства поселений, незначительное количество находок, отсутствие культурного слоя и признаков жилищ, например, печины.

По-видимому, в XVI в. сформировалась уже новая структура землепользования и расселения, которая с небольшими изменениями дожила до середины XX в. Деревня Орехово занимала водораздельный холм с высотными отметками 177–178 м, возвышавшийся над руслом Язвенки на 38–39 м. По склонам холма вокруг поселения располагались пашни. В долине Язвенки находились важные для жителей хозяйственные угодья, в первую очередь выпасы, сенокосы, лесные пустоши. В некоторых из этих пустошей, судя по документам XVII в., на короткое время возникали небольшие поселения.

К сожалению, д. Орехово не была археологически обследована (теперь ее территория застроена городскими кварталами), и мы не знаем, когда возникло это поселение. Письменные источники дают лишь "открытую дату" – до 1589 г.

Поэтому, возвращаясь к XIV в., времени существования поселения на западном участке селища Орехово-4, мы не можем ответить на следующий важнейший вопрос, являлось ли это поселение элементом, может быть, периферийным, новой системы расселения,

центр которой находился, например, на холме на месте д. Орехово, или еще сохранялась старая система расселения, когда поселения занимали исключительно долину речки. Если верен последний вариант, то это означало бы, что население микрорегиона сильно сократилось по сравнению с XII–XIII вв. Вместо восьми поселений сохранилось одно-два. В любом случае, наличие в пределах селища Орехово-4 участка с материалом XIV в. доказывает факт преемственности в освоении территории на протяжении XII – XIV вв.

Литература и архивные материалы

Александровский А.Л. Палеопочвенные исследования в Царицыно в 1989 г. // Иващенко Ю.Ф. Отчет о работе археологической экспедиции в 1989 г. на территории ансамбля Царицыно (Архив ИА РАН. Р-1, № 13646, 13647, 13648).

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2.

Анненская Г.Н., Жучкова В.К., Калинина В.Р., Мамай И.И., Низовцев В.А., Хрусталева М.А., Цесельчук Ю.Н. Ландшафты Московской области и их современное состояние. Смоленск, 1997.

Антропологическая выставка: Т. 2 // Изв. ОЛЕА и Э. М., 1978. Т. 31.

Арциховский А.В. Отчет о курганных раскопках... близ станции Царицыно под Москвой летом 1944 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 3).

Арциховский А.В. Царицынские курганы // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Байбурова Р.М. История Царицыно, бывшей Черной Грязи в XVII–XVIII вв. (до приобретения ее Екатериной Второй в 1775 году) // Царицынский научный вестник. М., 1993. Вып. 1.

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Изв. РАН. Сер. географ. 1993. № 4.

Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1988.

Бужилова А.П. Вятичи московские: комплексный антропологический анализ // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник / Тр. ГИМ. М., 1999. Вып. 111.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. в районе Куликова поля // Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? М., 2000.

Евтюхова Л.А. Раскопки Л.А. Евтюховой в Каширском уезде Московской губернии (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 227. 1929 г.).

Иващенко Ю.Ф. Отчет о работе археологической экспедиции ГМДПИ народов СССР в 1988 г.: (территория усадьбы Царицыно в г. Москве) (Архив ИА РАН. Р-1, № 12855).

Иващенко Ю.Ф. Отчет о работе археологической экспедиции в 1989 г. на территории ансамбля Царицыно (Архив ИА РАН. Р-1, № 13646, 13647, 13648).

Иващенко Ю.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Царицыно в 1990–1992 гг. (Архив ИА РАН. Р-1, № 17419).

Иващенко Ю.Ф. К истории археологического изучения Царицына // Царицынский научный вестник. М., 1993. Вып. 1.

Казанцев В. Царицынский историко-художественный и краеведческий музей // Московский краевед. М., 1928. Вып. 7–8.

Клименко В.В. Климат средневековой теплой эпохи в северном полушарии. М., 2001.

Коваль В.А. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1.

Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках на территории заповедника Царицыно в 1989 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 15971).

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3.

Кренке Н.А. Отчет о разведках на территории г. Москвы в 2000 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А. Денежный двор: Археологические открытия на территории Московского университета // Вестн. РАН. 2001. № 6.

Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Либсон В.Я. Археологическое исследование Усадьбы Царицыно. М., 1976. (держатель открытого листа А.С. Воскресенский) (Архив ИА РАН. Р-1, № 5828).

Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА. 1992. № 4.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

Мильков В.В. Материалы археологического обследования архитектурно-паркового ансамбля Царицыно в 1985 г. (Архив ГМДПИ народов СССР).

Минеева К.И. Царицыно: Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Недошивина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Равдина Т.В. Царицынские курганы // СА. 1963. № 4.

Равдина Т.В. О датировке вятических курганов // СА. 1965. № 1.

Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968.

Равдина Т.В. Хронология "вятических" древностей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

Равдина Т.В. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.

Саблин М.А. Список курганов Московской губернии // Антропологическая выставка: Т. 3 / Изв. ОЛЕА и Э. М., 1879. Т. 35.

Спицын А.А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Зап. Рус. Археологич. об-ва. 1899. Т. XI, вып. 1–2.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 4.

Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892.

Шполянский С.В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Подмосковья // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Тр. ГИМ. М., 1999. Вып. 103.

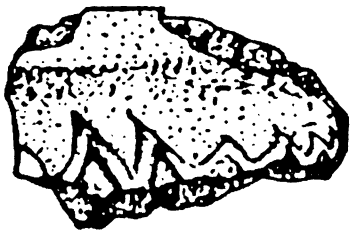
Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. Кн. 38, т. XIX-а.

Юшко А.А. Отчет об исследовании памятников на территории г. Москвы и ее окрестностей в 1969 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 4006).

Юшко А.А. Отчет о работе в Москве и в Московской области в 1979 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 8639).

Юшко А.А. Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2002.

Limbrey S. Soil Science and Archaeology. L., 1975.



Глава 8

Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъема в Мещере при первых московских князьях

С.Э. Чернов

Земли на левом берегу Москвы-реки, лежащие к востоку от города, отличались своеобразием природных условий, что не могло не сказываться при освоении этого края славянским населением и формировании хозяйственного уклада. Прошлое этого края ставит перед археологом и историком ранней Москвы трудноразрешимую загадку. Мещерские ландшафты, типичные для этих территорий, были менее приспособлены для земледелия, чем возвышенные районы правобережья р. Москвы. Природные условия способствовали сохранению здесь промысловых видов деятельности, что придавало особый, несколько архаичный, колорит образу жизни населения. В то же время из духовных грамот московских князей XIV–XV вв. известно, что именно здесь складывается древнейшее ядро их землевладения. На страницах летописей первые московские князья – Даниил Александрович и Юрий Данилович, – еще не став обладателями великого княжения Владимирского – выступают распорядителями больших материальных ресурсов, что было бы невозможным при слабом экономическом развитии принадлежавших им земель. Как можно объяснить это противоречие?

Учитывая, что письменные известия о ранних этапах истории этого края кратки и не идут ранее 1336 г., единственным источником, который может дать материал для ответа на поставленный вопрос, являются археологические данные.

В 1990-е гг. на территории Восточного и Юго-восточного округа г. Москвы, а также в прилегающих к ним Балашихинском и Щелковском районах Московской области были проведены комплексные археологические и историко-ландшафтные исследования. Настоящая глава посвящена району Подмосковной Мещеры, который наиболее полно документирован как археологическими данными, так и письменными источниками. Это территория в верховьях р. Пехорки, лежащая в 20 км к востоку от Кремля по Переяславской (Стромынской) дороге (рис. 18). В центре нашего внимания – археологические и историко-ландшафтные материалы, отражающие предысторию (XII–XIII вв.) Пехорского стана, известного по документам 1381–1500-х гг.[1]

Задача главы – проследить пространственное размещение поселений и могильников домонгольского времени и их судьбу после 1238 г. в мещерских ландшафтах. Аналогичная работа уже проведена по волости Воря, располагавшейся на периферии Московского княжества, в пределах ландшафтов моренной равнины [Чернов, 2003]. Это позволяет выяснить, как протекали демографические процессы, в какой степени имел место разрыв преемственности между структурами расселения домонгольского времени и периода ордынского ига, как на территориях, различающихся по своим ландшафтным и экономическим условиям, происходило восстановление хозяйства.

Рассматриваются топографические, геоморфологические и гидрологические характеристики древних поселений, их ландшафтная приуроченность, а также ресурсные возможности примыкающих к поселениям ландшафтов. Используются ландшафтное описа-

[1] О письменных известиях о Пехорском стане см. в гл. 2, т. II наст. изд.

ние территории Алексеевского лесничества Национального парка "Лосиный Остров" Е.Е. Мельченко, наблюдения В.А. Низовцева и результаты натурного и историко-архивного изучения крестьянских угодий XIX – первой половины XX в., которое проводилось параллельно с археологическими разведками.

Основные вопросы, которые предстоит рассмотреть: в какой мере система хозяйства определялась природными условиями и ресурсными возможностями ландшафтов, как менялись со временем приоритеты средневекового населения при выборе мест поселений, как соотносились промысловое и земледельческое направления в хозяйстве на том или ином этапе освоения территории.

Поскольку эти процессы могут быть лучше уяснены на более широком временном диапазоне, во втором томе настоящего издания они будут исследованы применительно к XIV–XVI вв.[2]

§ 1. История археологического изучения бассейна р. Пехорки

Первые сведения о курганных группах на р. Пехорке отразились на Топографической карте Московской губернии 1852 г. (могильники к северо-западу от д. Зенино и к северу от с. Люберцы – рис. 20, *65, 66*) и в данных, собранных Московским столичным и губернским статистическим комитетом в 1878 г. по просьбе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (могильники у деревень Машково и Руднево) [Список курганов Московской губернии...].

В 1886 г. Н.И. Лыжин произвел раскопки курганов у с. Косино [Лыжин, 1886. С. 736–737], в 1889 г. В.Ф. Миллер совместно с В.И. Сизовым – семи из 33 насыпей у с. Троицкое-Кайнарджи [Миллер, 1890. С. 182–186] (рис. 20, № 66). По публикациям 1890 и 1899 гг., отчету 1890 г. и трем планшетам с вещами, которые хранятся в ГИМ, Т.В. Равдина установила состав инвентарей четырех курганов, которые по пяти завязанным височным кольцам, трем дротовым остроконечным и пластинчатому тупоконечному браслетам датируются серединой XII в. [Равдина, 1989. Л. 5, 6].

В статье А.Н. Харузина, помещенной в том же издании, что и работа В.Ф. Миллера, говорилось: "Немалый интерес для изучения курганного племени Московской губернии представляет и курганное поле, состоящее из нескольких сот курганов и лежащее лишь в нескольких верстах от Троицкого, около д. Руднево; здесь производились раскопки Н.Ю. Зографом" [Харузин, 1890] (рис. 20, *63*)[3].

Следующий этап изучения курганных древностей бассейна р. Пехорки связан с именами С.К. Богоявленского, И.К. Линдермана и В.А. Городцова (1900–1920 гг.)[4]. В 1903 г. С.К. Богоявленский произвел раскопки на р. Чернавке "близ Балашихинской мануфактуры" [Богоявленский, 1906. С. 45]. Кроме того, им раскапывались Рудневские курганы [Бадер, 1947. С. 106].

В 1914, 1917 и 1921 гг. В.А. Городцовым было выявлено, помимо двух известных ранее, еще две курганные группы у с. Саввино-Спасское, дано их описание, проведены раскопки 12 насыпей. В Дятлове он изучил три насыпи из 50–60 [Городцов, 1914, 1921, 1924][5]. В нижнем течении р. Пехорки у с. Балятино В.А. Городцов провел раскопки семи курганов. В 1940 г. М.В. Воеводский изучил в той же группе три кургана [Бадер, 1947. С. 107)][6].

---

[2] См. гл. 3 в т. II наст. изд.

[3] Местоположение остатков этого могильника до сих пор не установлено [Бадер, 1947. С. 105, 106; Чернов, 1990 в. С. 40). По сведениям жительницы д.Кожухово Нины Викторовны Кудрявцевой, он располагался на правом берегу р. Рудневки, между Кожуховом и Рудневом, на возвышенности, при впадении в Рудневку ручья, на его правом берегу.

[4] В Богородском уезде на р. Вьюнке С.К. Богоявленским были выявлены курганные группы у деревень Вишняково (36 насыпей, 2 раскопаны), Блошино (30 насыпей, 4 раскопаны), Копнино (до 100 курганов), Русавкино-Поповщина (12 насыпей), Новый Милет (4 насыпи), с. Милет (группы в 20, 23 и 2 насыпи – 3 насыпи в этих курганах были раскопаны С.К. Богоявленским, 19 насыпей – И.К. Линдерманом. Коллекция хранится в ГИМ [Богоявленский, 1947. С. 175–177]. К сожалению, материалы С.К. Богоявленского по Московскому уезду не были опубликованы. Они были использованы О.Н. Бадером в его статье "Материалы к археологической карте Москвы" [Бадер, 1947].

[5] Были найдены два браслета, височное кольцо и бусы (Отчет Российского Исторического музея за 1908 год. М., 1909. С. 6, 7; Древности: Тр. Моск. Археологич. общества. М., 1909. Т. 22, вып. 1. С. 325).

[6] Курганная группа была распахана около 1965 г. [Розенфельдт, 1977. Л. 33]. В ноябре 2003 г. С.З. Черновым, П.Е. Русаковым и В.В. Петровым к западу от места курганной группы, на возвышенности близ впадения Дятловского ручья в р. Черную, найдено селище площадью около 18 тыс. кв. м. На селище преобладает древнерусская керамика XII–XIII вв. Встречены венчики 1-го (с валиком по внешнему краю сосуда), 4-го

В среднем течении р. Пехорки, на берегу ее правого притока речки Чечеры, А.Л. Монгайтом были раскопаны 15 из 24 Салтыковских курганов (рис. 20, *61*), давших коллекцию семилопастных и браслетообразных височных колец, шейную гривну, браслеты, перстни, в том числе с чеканным и гравированным орнаментом, лунницу, костяной крестик, хрустальные шарообразные и стеклянные бусы XII – первой трети XIII в. [Монгайт, 1947. С. 82–87].

На основе исследований дореволюционного времени, а также сведений В.А. Городцова, дополненных результатами обследований 1929 г. [Романовская и др., 1929] и разведок Д.В. Айзикова 1939 г., О.Н. Бадером были подготовлены и опубликованы "Материалы к археологической карте Москвы" (1947). На верхнем течении р. Пехорки О.Н. Бадером, по сведениям Д.В. Айзикова, были описаны курганные могильники у с. Никольское-Трубецкое (27 курганов) (рис. 20, *22*; цв. вкл., рис. 10, *22*) и к югу от с. Акатово (2-й Акатовский могильник)[7].

Не все разведки и раскопки этого периода сопровождались составлением полноценной документации. Тем не менее, усилия первого поколения археологов по выявлению курганных могильников этого края должны быть оценены высоко. Если бы сегодня мы не обладали описанием таких могильников, как Руднево, Саввино-Спасское, Никольское-Трубецкое, снивелированных к настоящему времени, мы вряд ли смогли бы сформировать адекватное исторической реальности представление о древностях этого края XI–XIII вв. Эти работы показали, что берега р. Пехорки (курганные могильники у с. Никольское-Трубецкое, д. Акатово, с. Троицкое-Кайнарджи, д. Машково и Балятино) и ее притоков речек Чичеры (Салтыковские курганы), Рудневки (Рудневские курганы) Черной и Вьюнки (курганы у деревень Вишняково, Блошино, Копнино, Русавкино-Поповщина, Новый Милет, с. Милет) являлись во второй половине XII – первой половине XIII в. наиболее населенной зоной Подмосковной Мещеры.

Новый этап исследований памятников в бассейне р. Пехорки начался в 1960-е гг. и был связан с целенаправленным и планомерным исследованием Н.Г. Недошивиной 1-й Акатовской курганной группы (рис. 20, *53*; цв. вкл., рис. 13, *53*; рис. 22)[8]. На основании детального изучения этого и некоторых других могильников исследователем была подготовлена работа, которая определяет современные научные представления о погребальном обряде славянского населения в окрестностях Москвы в XI–XIII вв. [Недошивина, 1974]. Севернее Акатовской курганной группы, на левом берегу р. Пехорки в 1964 г. краеведом из г. Балашиха Г.Т. Тимофеевой были обнаружены Балашихинское городище в урочище "Лисья гора" и курганная группа при нем (рис. 20, *47*; цв. вкл., рис. 13, *47*; рис. 21) [Равдина, 1965].

В 1970 и 1972 гг. Х.И. Крис (МАЭ ИА) по заданию Института Генпланов г. Москвы было обследовано состояние памятников в лесопарковом поясе Москвы, в том числе и в бассейне р. Пехорки (снят план 1-й Акатовской курганной группы)[9], а в 1973 г. они кратко описаны в сводке Р.Л. Розенфельдта и А.А. Юшко[10]. Что касается памятников, относящихся к раннемосковской эпохе, то к началу наших работ было выявлено лишь два объекта. А.А. Юшко совместно с автором зафиксировала селища XIV–XVI вв. на территории д. Акатово на р. Пехорке и д. Жеребцы к востоку от Медвежьих озер, В.А. Павловым в ходе архитектурно-археологических работ по деревянной церкви Николая чудотворца конца XVII в. в с. Косино установлено существование здесь могильника[11].

Таким образом, к началу наших работ было изучено в основном среднее и нижнее

(со срезанным краем) и 7-го (воронкообразные) вариантов, три фрагмента керамики, выполненной из белой глины, а также фрагменты серой керамики XIII в. с заглаженной поверхностью. Встречено также пять фрагментов белоглиняной шероховатой керамики, которая датируется второй половиной XVI–XVII в. Наиболее информативен венчик, имеющий валик изнутри, который по форме напоминает раннюю белоглиняную гладкую посуду, входившую в употребление в 1560-е гг. К этому же времени можно отнести один фрагмент красноглиняной гладкой посуды. Дата селища – XII – середина XIII в., вторая половина XVI в. В центральной части селища (30 × 20 м) найдены шлаки (от 7 × 6 до 10 × 10 см) и крица округлой формы (диаметр 13 см) чашевидных очертаний.

[7] О.Н. Бадер также критически проанализировал данные исследований прежних лет по могильникам у с. Троицкое-Кайнарджи и д. Балятино, привел новые сведения о могильнике у с. Марусино, в котором обмерил 17 насыпей [Бадер, 1947. С. 105]; карта в масштабе 1 : 50 000 хранится в Музее истории Москвы.

[8] *Недошивина Н.Г.* Отчеты за 1961–1964, 1966–1969 гг. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2278, 2525, 2785, 2856, 3263, 3502, 3658, 4036, 4036 а).

[9] Крис, 1970. С. 2–3; 1972. С. 1–3, 26–28.

[10] Розенфельдт, Юшко, 1973. С. 83–85, 91, 154–156. В 1977 г. Р.Л. Розенфельдтом были проведены дополнительные разведки в Балашихинском районе. Обследованы Дятловские и Саввинские курганные группы.

[11] Юшко, 1977. Л. 6; Павлов, 1984. С. 113–115.

течение р. Пехорки. Необходимо было исследовать верхнее течение реки, где собственно и располагалась Пехорская волость. Этому в основном и были посвящены археологические работы 1990 г.[12]

Лосиноостровский проект. Археологическое и историко-ландшафтное исследование на территории Пехорского стана, Лосиного острова и Тайнинской волости стало возможным благодаря работам, которые проводились в 1990-е гг. Московской областной средневековой археологической экспедицией Института археологии РАН по заданию Национального парка "Лосиный Остров" и ряда проектных институтов и имели целью детальное изучение парка и его охранной зоны [подробнее: Чернов, 1997. С. 93–108].

Национальный парк "Лосиный Остров" вместе с охранной зоной охватывает пространство между Ярославским и Щелковским шоссе от Сокольников на юго-западе до Медвежьих озер на северо-востоке[13]. Используя данные Генерального межевания (Генеральный план Московского уезда 1797 г.), можно выделить четыре исторические района, на которые делится эта территория (рис. 18):

1. Земельная дача "Алексѣевское село и Лосинной погонной островъ вѣдомства Главной Дворцовой конторы, а нынѣ Московской удѣльной экспедиціи" (6642 десятин), лежавшая на водоразделе р. Яузы – на севере и западе, р. Измайловки – на юге и р. Пехорки – на востоке.

2. Тайнинская (первоначально Танинская) волость и входившие в нее земли с. Мытищи. Эти земли расположены в бассейне р. Яузы вдоль быв. Троицкой дороги. В XVI–XVIII вв. они входили в дворцовые владения.

3. Пехорский стан с центром в с. Пехра-Покровское и район Медвежьих озер. Расположен на Стромынской дороге в бассейне р. Пехорки.

4. Северная окраина Васильцева стана – дворцовые земли с. Измайлово и группа владений Чудова монастыря (Черкизово, Богородское) – на Стромынской дороге.

В 1990 г. была обследована восточная часть Национального парка "Лосиный Остров" и его охранной зоны – Пехорский стан и район Медвежьих озер [Чернов, 1990 а, б]. Тогда же благодаря активному содействию архитектора и исследователя исторических территорий Ирины Константиновны Бахтиной, в рамках проектирования заказника "Пехорка", была изучена долина р. Пехорки до железной дороги Москва – Нижний Новгород (г. Балашиха, парки усадеб Горенки и Пехра-Яковлевское, с. Акатово) [Чернов, 1990 в]. В 1992–1995 гг. исследовалась дворцовая усадьба Тайнинское и Мытищинская часть Тайнинской волости, а также парк Сокольники [Чернов, 1992, 1994, 1995 а]. В 2000 г. по заданию Отдела культуры г. Королева проведено изучение болшевского участка долины р. Клязьмы в пределах этого города [Чернов, 2000]. В 2001 г. в связи с расширением трассы Ярославского шоссе были проведены охранные археологические раскопки селища Мытищи-1 в с. Мытищи [Чернов, 2001, 2002]. В 2002 г. начато изучение ядра Национального парка – Лосиного погонного острова[14].

На территории Национального парка выявлено 84 памятника, а всего, включая и примыкающие территории, – 155 памятников. Кроме того, на основании натурных обследований, изучения картографического и архивного материала, а также материалов, почерпнутых из опросов старожильческого населения, выявлено 214 объектов исторического ландшафта XVII – XIX вв. – лугов, полей, дорог и прудов[15]. Эти исследования позволяют говорить о двух исторических территориях, насыщенных памятниками археологии и исторического ландшафта (рис. 1). Одна из них расположена к юго-востоку от Лосиного погонного острова и соответствует Пехорской волости. Другая расположена к северо-западу от него и соответствует Тайнинской волости, в которую входили земли с. Мытищи[16]. Эти две освоенные в средневековье территории, расположенные

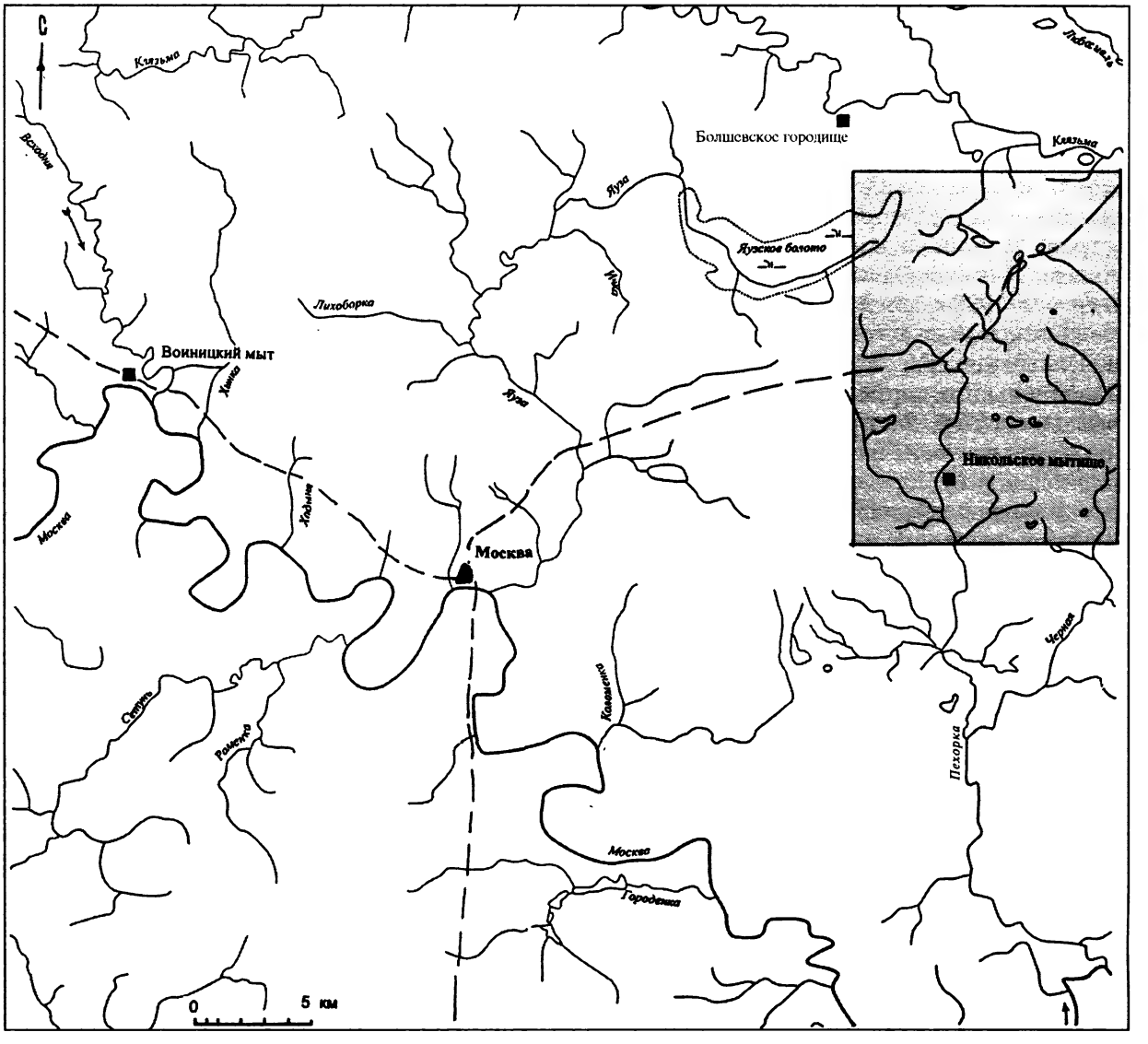
[12] Краткие данные о памятниках: Археологическая карта России: Московская область. М., 1994. Ч. 1. С. 56–68.

[13] См. публикацию, основанную на генеральном плане НП "Лосиный Остров", выполненном в мастерской И.К. Бахтиной (НИИПИ Генерального плана г. Москвы): Государственный природный национальный парк "Лосиный Остров". М., 1990.

[14] В работах разведочного отряда 1990 г. принимали участие сотрудники экспедиции В.Д. Кошлаков, С.В. Литвинов, А.А. Абатуров, А.О. Ястребов, С.Н. Олдина. Сотрудник экспедиции О.Н. Глазунова провела опросы старожильческого населения, результаты которых были использованы при составлении "Каталога объектов исторического ландшафта" (т. III наст. изд.). Исследования 1992–1995, 2000–2002 гг. велись с участием сотрудника экспедиции геодезиста В.В. Петрова. Раскопки селища Мытищи-1 (2001 г.) были проведены силами учащихся средней школы № 19 Центрального округа г. Москвы и Московской городской педагогической гимназии (руководитель Е.В. Маркелов).

[15] См. "Каталог объектов исторического ландшафта" ч. 1 в т. III наст. изд. Далее в тексте ссылки даются на Каталог и № объекта.

[16] См. гл. 4 в т. II наст. изд.



симметрично, по обе стороны от Лосиного погонного острова, при внимательном рассмотрении оказываются весьма различными как в плане природных условий, так и в отношении занятий населения и их роли в системе княжеского хозяйства.

Методы исследований. Целью археологических разведок 1990 г. на территории Пехорского стана стало выявление тех категорий памятников, которые ранее обследовались в недостаточной степени. Выявлялись селища XII – первой трети XIII в. при известных курганных могильниках, изучалось состояние могильников и составлялись их планы. Основное внимание уделялось поиску селищ второй половины XIII–XVI в. и изучению структуры расселения раннемосковского времени. При селищах XIV–XVI вв. велся поиск грунтовых могильников с белокаменными плиточными и валунными надгробиями. Кроме того, фиксировались пруды-копани и пруды-запруды, имевшиеся как при селищах, так и в удалении от них, а также системы сухопутных дорог XV–XVII вв.

Разведка велась маршрутами, которые пролегали вдоль берегов рек Пехорки, Малашки, Воронка (Понырей) и Медвежьих озер. Прежде всего, обследовались бровки первой террасы. Там, где бровка не была выражена на местности, обследовалась полоса вдоль реки шириной 200–300 м. Кроме того, обследования велись в деревнях, восходящих к средневековому времени, вдоль старинных дорог, в районе прудов, полей и полян, где планы Генерального межевания и опросы населения давали основания предполагать наличие следов древних поселений.

Сравнение результатов археологического обследования с данными описания Пехорского стана 1623–1624 гг.[17] показывает, что вы-

[17] См. табл. 2 (гл. 2 в т. II наст. изд.).

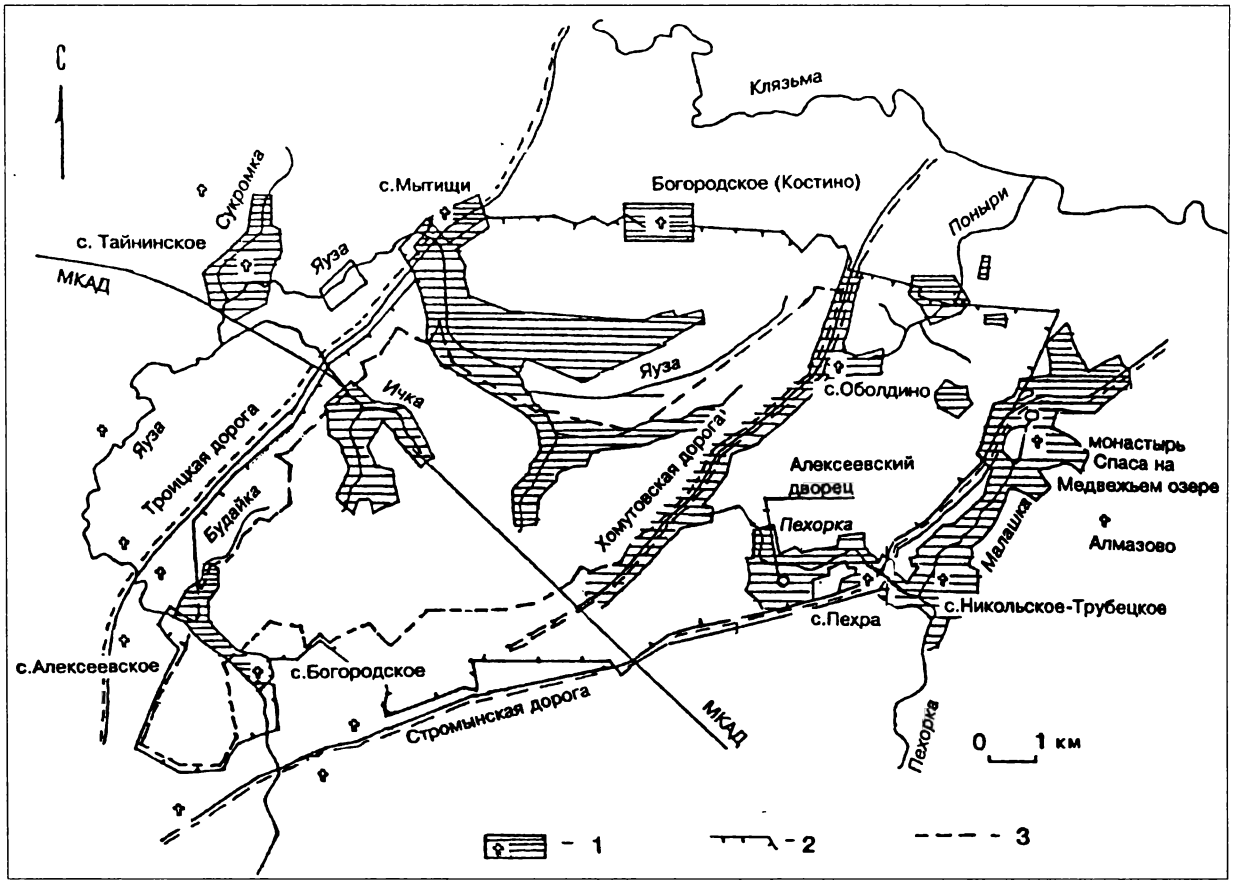


Рис. 18. Схема расположения района р. Пехорки и зоны комплексных исследований на территории Национального парка "Лосиный Остров" (1990–2002 гг.)

1 – комплексы памятников археологии и исторического ландшафта; 2 – границы охранной зоны НП "Лосиный Остров"; 3 – исторические границы Лосиного погонного острова в XVIII в. (по данным Генерального межевания)

явлено 60% поселений, существовавших в XVI в., в период максимального их распространения[18]. Следует, впрочем, отметить, что применительно к XIII – XIV вв. доля обследованных поселений выше, так как они в большей степени концентрировались вдоль рек, берега которых детально изучались. Таким образом, мы обладаем весьма представительной выборкой памятников для исследования средневекового расселения.

Сохранность памятника напрямую зависит от того, как использовалась его территория в XVII–XX вв. Селища на полянах-осёлках или небольших полях сохранились лишь в лесах Алексеевского лесничества в верховьях Пехорки (селище на Щукином лугу, Алексеевская роща-4) и в районе Медвежьих озер (селища Медвежьи озера-6 в урочище Ревяки и Медвежьи озера-8 на поляне Кригаузово были застроены лишь во второй половине XX в.). Большинство же селищ распахано, что снижает ценность их верхнего культурного слоя. В то же время сплошная распашка позволяла провести сборы подъемного материала на всей площади памятника. В связи с этим керамические коллекции, происходящие с таких памятников, отражают состав материала не отдельного участка (усадьбы, сооружения), но поселения в целом. Значительно хуже сохранились курганные могильники, многие из которых были распаханы в XVII–XIX вв., до того как были зафиксированы.

Одной из целей работы являлось изучение структур расселения, свойственных каждому этапу освоения территории. В связи с этим первостепенной задачей стало определение даты каждого памятника и выделение их синхронных групп. Датировка основана, главным образом, на анализе керамических

[18] Из 87 селений Пехорского стана, упоминаемых в писцовой книге 1623–1624 гг., археологически выявлено 52. См. карту: "Пехорский стан. Структура землевладения и поселения второй половины XV–XVI в.", публикуемую в т. II наст. изд.

коллекций, происходящих из систематически проводившихся сборов подъемного материала и шурфов. Публикация этих материалов сопровождается их развернутым описанием по разработанной автором методике, которая включает три элемента: 1) анализ процентного соотношения типов керамики; 2) анализ их технологических характеристик; 3) выделение аналогий керамических форм (вариантов), происходящих из датированных керамических комплексов. В результате удается проследить устойчивые связи исследуемого материала с тем или иным этапом бытования раннемосковской керамики, который отражен близкими по времени керамическими комплексами.

Абсолютные датировки этих этапов, используемые в работе, будут со временем уточнены. Тем не менее автор счел возможным выделить группы памятников второй половины XII – первой трети XIII в., второй половины XIII – первой половины XIV в., второй половины XIV – первой половины XV в. и последней четверти XV–XVI в. Учитывая, что описание коллекций дается по единой методике, читатель получает возможность проверить степень обоснованности выводов.

§ 2. Природные условия

Обследование велось с запада на восток, от верховьев р. Пехорки вниз по ее течению (рис. 20; цв. вкл., рис. 1). Вначале было изучено пространство между МКАД на западе, межой земельной дачи "Лосиный погонный остров" на севере, водоканалом на востоке и Щелковским шоссе на юге. В XVIII–XIX вв. этот район входил в земельную дачу приселка Гольяново с. Измайлово (цв. вкл., рис. 9). В геоморфологическом отношении западная окраина исследованной территории представляет собой Лосиноостровскую моренную пологохолмистую равнину, которая распространяется до Яузских болот на севере, водоканала на востоке и г. Реутов на юге (рис. 20). Далее на восток ландшафт довольно резко изменяется, переходя в Верхне-Пехорскую слабоволнистую зандровую супесчанную равнину. Ниже с. Пехра начинается Балашихинская плоская зандровая песчанная равнина (рис. 20) [Мельченко, 1990. С. 6, 7].

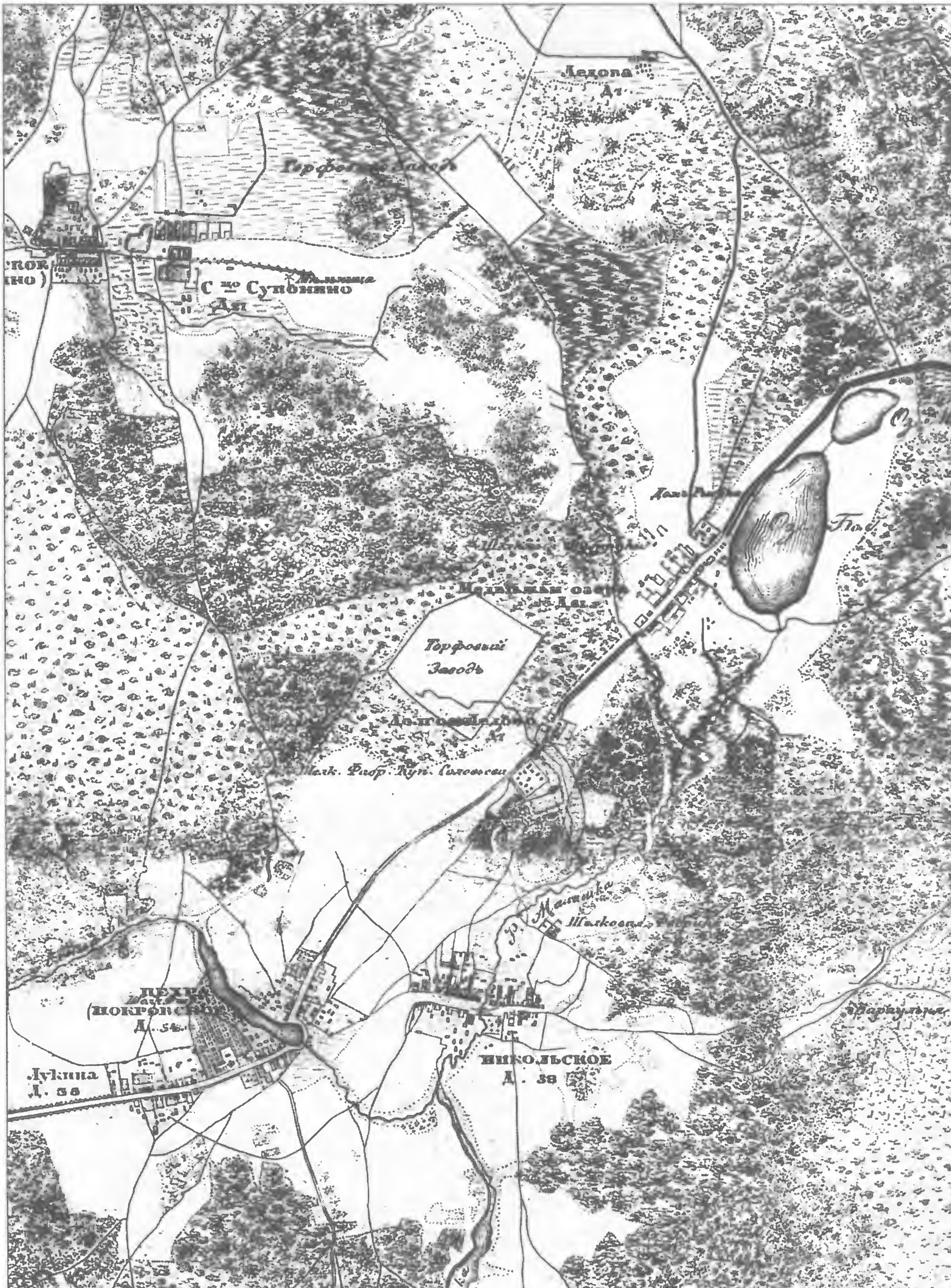
Для моренной равнины свойственны волнистый характер местности при высотах 160–178 м над уровнем Балтийского моря, преобладание елово-сосновых лесов. Для супесчаной и песчаной равнин, на территории которых расположен Пехорский стан и где велись основные археологические исследования, типичны плоская поверхность (160–150 м над уровнем Балтийского моря), расчлененная лишь долинами рек и ручьев, а также господство сосновых лесов, произрастающих на флювиогляциальных супесях. Водоразделы имеют абсолютные отметки 155–158 м, первая терраса р. Пехорки – 152–155 м, пойма р. Пехорки – 149–152 м. Большая часть поселений средневекового времени расположена на краю первой надпойменной террасы р. Пехорки, которая возвышается над поймой на 2–4 м.

Пехорка берет начало двумя истоками у подножья моренной равнины, близ границы земельной дачи "Лосиный погонный остров", и течет на юг (цв. вкл., рис. 9). У южной оконечности Щукина луга она поворачивает на восток и проходит по заболоченной котловине длиной 1 км (Буланый луг). У восточного окончания луга, там, где коренные берега вновь сходятся к реке, на рубеже XVII–XVIII вв. в сельце Арсеньево был возведен Алексеевский дворец, следы которого сохраняются в Алексеевской роще [Лекомцев, 1997. С. 103–106]. Начиная от плотины Верхнего Алексеевского пруда, устроенного при дворце, речка выходит на старинное ополье, окружающее с. Пехра-Покровское (рис. 19). В 1, 2 км ниже по течению, слева, в Пехорку впадает ручей Копайка. Отсюда и до слияния с р.Малашкой Пехорка около 2 км течет по ополью на юго-восток, мимо с. Пехра-Покровское, стоящего на Стромынском тракте (ныне Щелковское шоссе). В устье Малашки река меняет свое направление на южное, которое и сохраняет до самого впадения в р.Москву (цв. вкл., рис. 10).

В километре ниже впадения р. Малашки ополье заканчивается (рис. 19), и далее река течет по лесистой местности (участки леса сохраняются до нашего времени, хотя эта территория входит в г. Балашиха). В 2 км от впадения р. Малашки расположена Балашихинская фабрика, возникшая в 1830 г. у южной оконечности земельной дачи с. Пехра-Покровское. Отсюда остается еще 2 км до Владимирского тракта (ныне Горьковское шоссе). Этот участок своего течения Пехорка проходит в окружении лесов, которые заканчиваются лишь в районе с. Пехра-Яковлевское – наиболее южного из селений

→

Рис. 19А. Верхнее течение р. Пехорки по Топографической карте окрестностей Москвы 1852 г.



Ледова
Супонино
Торфовый
Заводъ
(Покровское)
Лукина
Никольское
Д. 38

Пехорского стана, описанного в 1623–1624 гг.

Вверх по Малашке, на север, Пехорское ополье продолжается на 2 км вплоть до границы земельной дачи с. Пехра-Покровское. Выше пойма Малашки была в XIX в. покрыта мелколесьем вплоть до Медвежьих озер (рис. 19).

Медвежьи озера представляют собой систему из трех озер: Большого, Малого и Казенного, из которых берет начало речка Малашка (рис. 20). Справа Малашка принимает два небольших притока, при которых расположены деревни Медвежьи Озера и Долгое Лёдово. К северу и востоку от Медвежьих озер, в лесах, проходит Москворецко-Клязьминский водораздел. За ним, в бассейне Клязьмы, расположено верховое Курское болото – 2-километровое открытое пространство, обрамленное сосновыми лесами[19]. Болото возникло вдоль древней ложбины стока, соединяющей два речных бассейна. От южной оконечности болота берет начало речка Шоловка, которая протекает на юго-восток. После слияния с речкой Чудницей она – с названием Купавенка – протекает через с. Купавна и впадает в р. Клязьму у Петропавловского погоста. От северной же оконечности Курского болота берет начало речка Шолоховка, приток речки Воронок (Поныри), которая впадает в Клязьму на территории г. Щелково. Такая же, как и Курское болото, древняя ложбина стока (Кендарино и Поляковское болота) соединяет приток р. Малашки Кабацкий ручей с верховьями р. Воронок.

Район Медвежьих озер, как и район с. Пехра-Покровское, расположен в Приклязьминской низменности. В ландшафтном отношении вся эта территория представляет собой плоскую зандровую равнину с отдельными пологими моренными поднятиями, сложенными в своей верхней части водноледниковыми песками и супесями. Местность изобилует небольшими болотами, между которыми расположены возвышенные гряды. На одном из таких возвышений, на восточном берегу Большого Медвежья озера, располагался Спасский монастырь. До начала XX в. поля здесь размещались небольшими "окнами", повторявшими своими очертаниями овальные сухие и доступные для землепашества возвышенные участки. В таких "окнах" расположены деревни Долгое Лёдово и Медвежьи озера. Лишь самые крупные из полей достигали 0,5 км в длину. Несколько таких сухих "грив" обрамляют Большое и

[19] Фотографию этого болота см. в гл. 3, т. II наст. изд.

Рис. 19Б. Среднее течение р. Пехорки по Топографической карте окрестностей Москвы 1852 г. →

Малое Медвежье и Казенное озера, делая их берега удобными для поселения.

Первоначальным типом растительности, лучше всего сохранившимся к востоку от Медвежьих озер, являются сосновые леса на песчаных дерново-подзолистых почвах. К западу от Медвежьих озер значительная часть лесов была утрачена в XX в.[20]

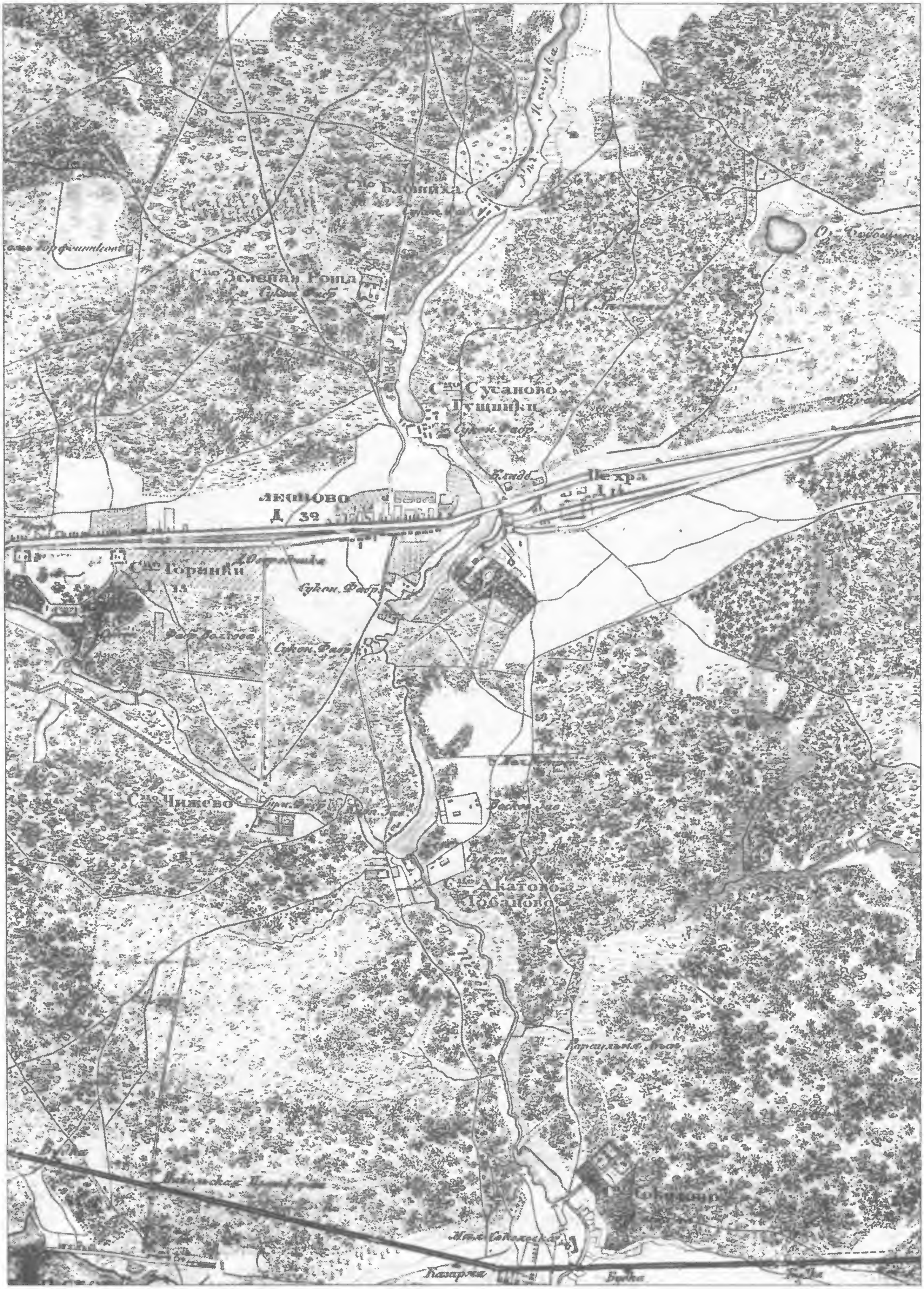
§ 3. Акатовский и Балашихинский археологические комплексы

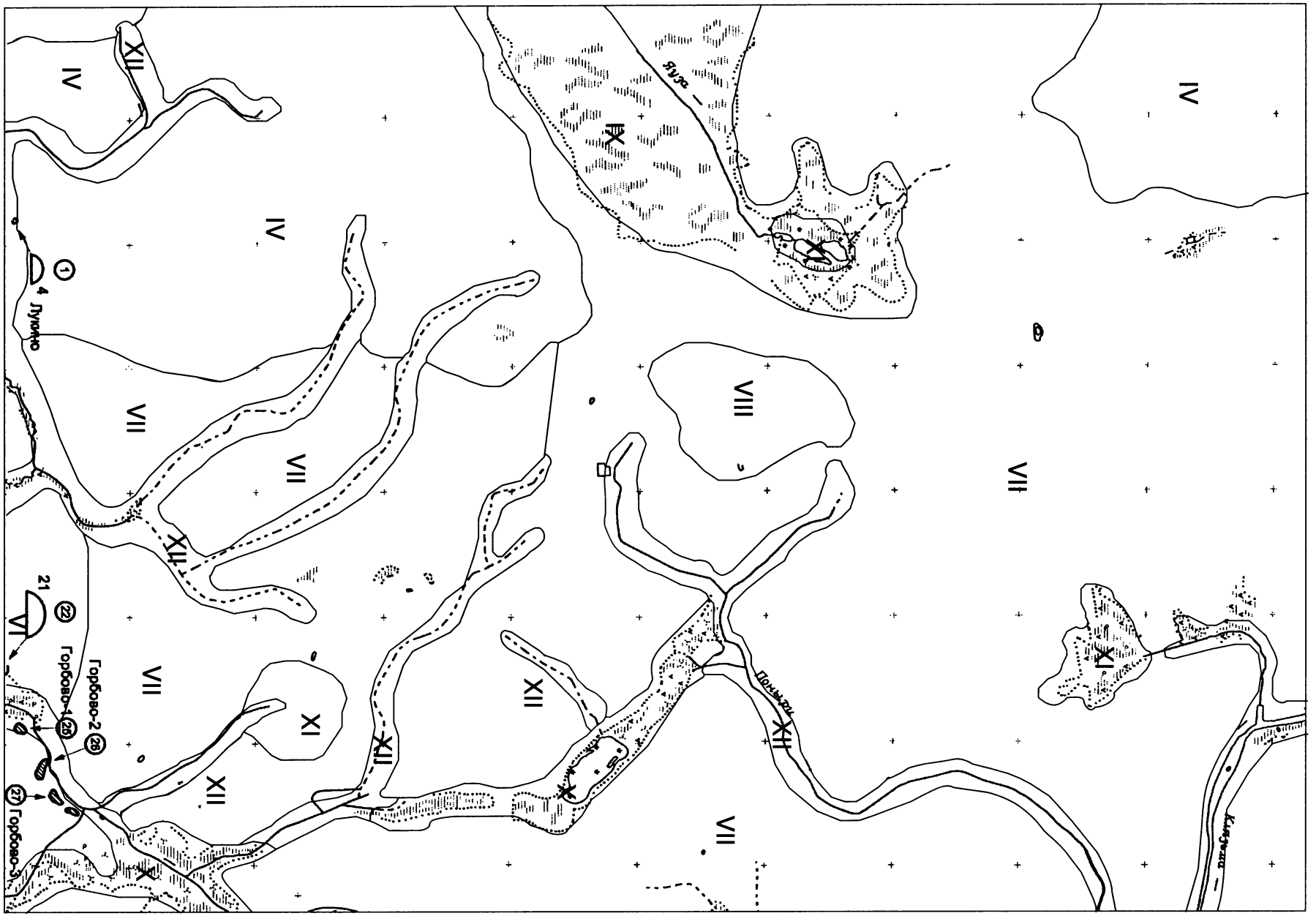
Заселение долины Пехорки относится к раннему этапу славянской колонизации бассейна Москвы-реки. Материалы роменского облика (лепная и раннегончарная керамика, бронзовые крестопрорезные бубенчики, бронзовое височное кольцо деснинского типа), а также брактеат саманидского дирхема и другие находки, датируемые рубежом X–XI вв. и XI в., обнаружены на селище Заозерье-2, которое расположено на берегу р. Москвы западнее устья р. Пехорки [Тавлинцева, 1996. С. 45–59]. Раннегончарная керамика, близкая той, которая найдена в Заозерье-2, была обнаружена А.А. Алексеевым на селище при 2-м Акатовском курганном могильнике (5 насыпей) на среднем течении Пехорки, в лесу, к югу от с. Акатово [Бадер, 1947. С. 104 – описаны как Лобановские] (рис. 20, *55*; цв. вкл., рис. 13, *55*).

Древнерусский этап освоения р. Пехорки (конец XI – первая треть XIII в.) представлен большим количеством памятников. В частности, гнездо памятников древнерусского времени расположено в среднем течении р. Пехорки, в районе Балашихинского археологического комплекса (рис. 20, *46–51*; цв. вкл., рис. 13, *46–51*). В 230 м к северу от городища, в парке усадьбы Пехра-Яковлевское, найдено небольшое селище Балашиха-9 (1,2 тыс. кв. м – рис. 21), а в 1 км к юго-западу, на правом берегу р. Чернавки, расположена 1-я Акатовская курганная группа (рис. 22). К югу от с. Акатово, в сосновом лесу на террасе правого берега р. Пехорки, сохранился 2-й Акатовский курганный могильник (5 насыпей) с селищем[21].

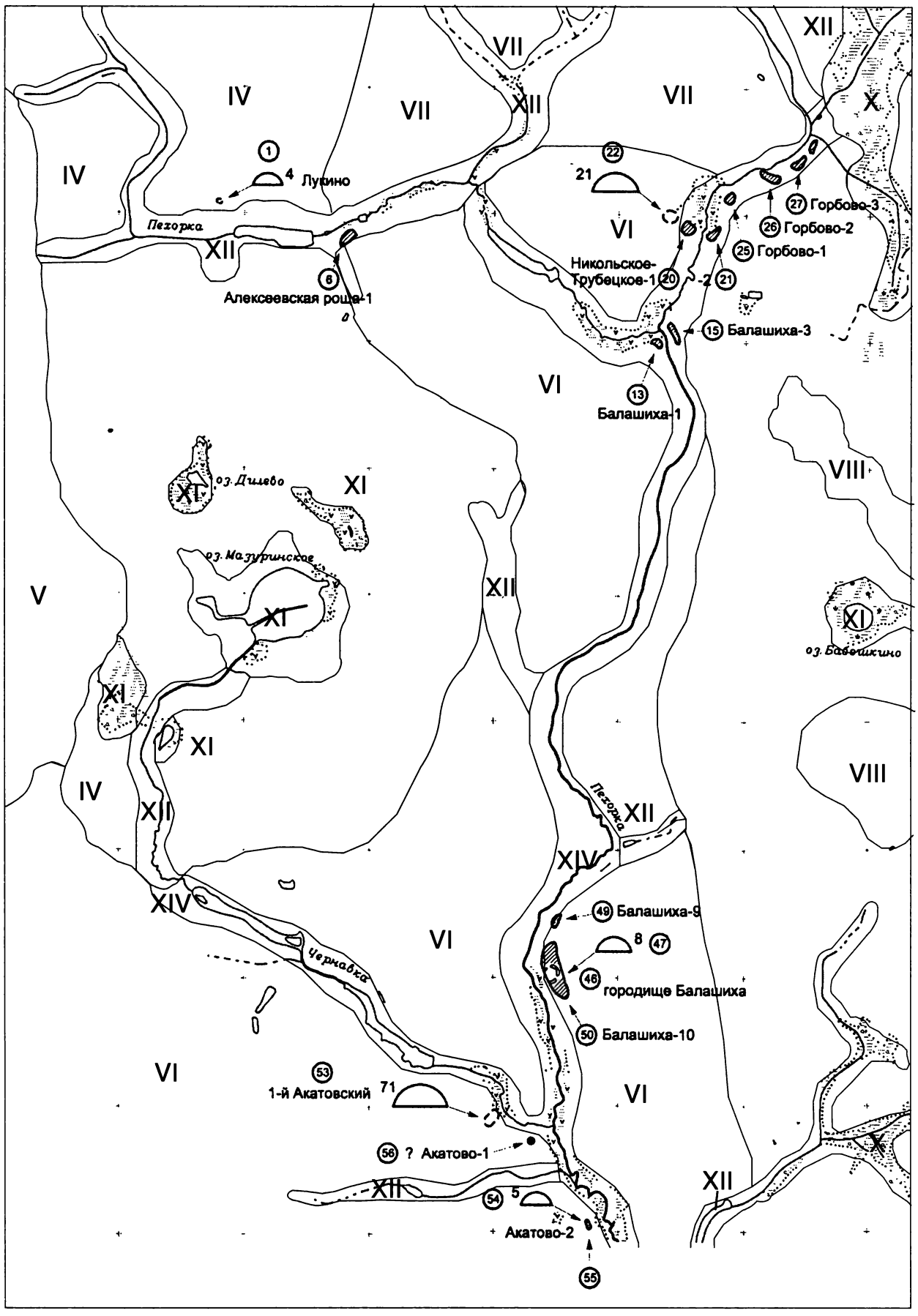
[20] См. реконструкцию лесных массивов XIX в. на карте, прилагаемой к "Каталогу объектов исторического ландшафта" (т. III наст. изд., ч. 1).

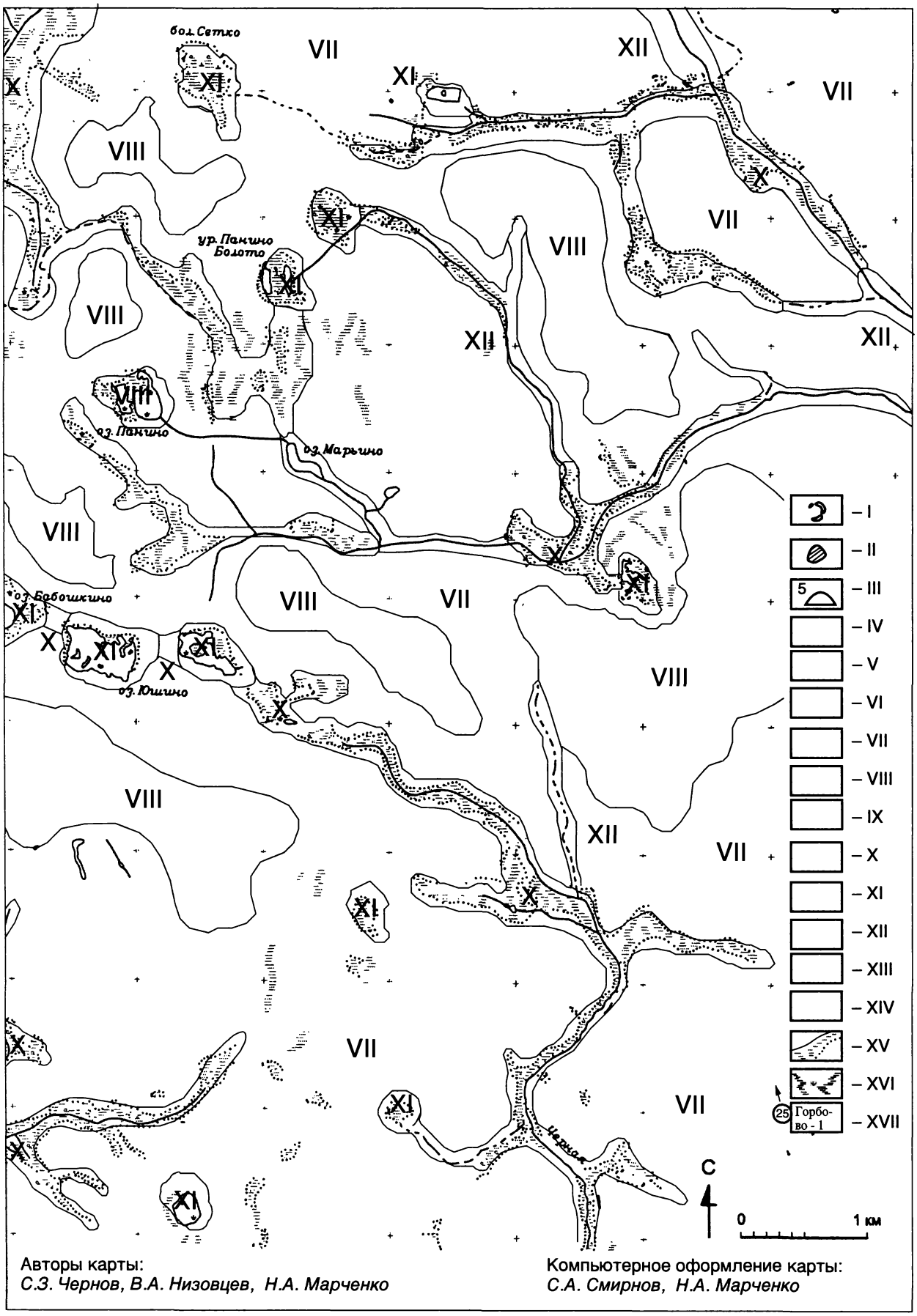
[21] Осмотр, проведенный в январе 1991 г., показал, что три насыпи испорчены при прокладке рядом канализационного коллектора [Чернов, 1990 в. С. 34, 35].


Зеленая Роща
Сукон. Фабр.
Сусаново
Пехра
Д. 32
Горинки
Чижево
Акатово


Яуза
Поныри
Клязьма
Луклю
Горбово-1
Горбово-2
Горбово-3
IV
VII
VIII
XI
XII
XIII
VI
1
4
21
22
25
26
27

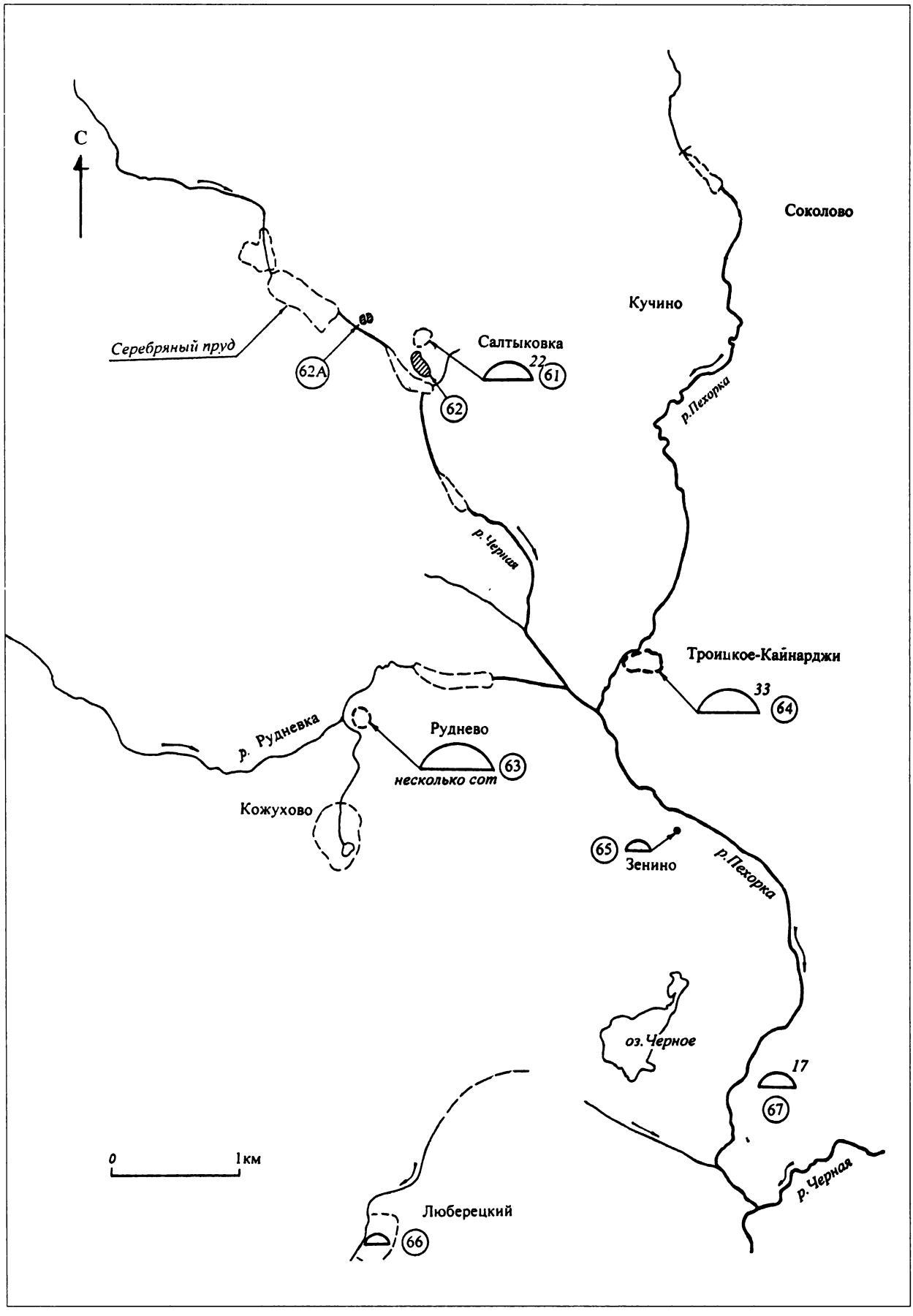
Медвежьи
озера
бол. Сетько
Шалобка
Клязьма
Клязьма
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII


Лукино
Алексеевская роща-1
Никольское-Трубецкое-1
Горбово-1
Горбово-2
Горбово-3
Балашиха-1
Балашиха-3
Балашиха-9
городище Балашиха
Балашиха-10
1-й Акатовский
? Акатово-1
Акатово-2
оз. Дачево
оз. Мазуринское
оз. Бабошкино
Пехорка
Чернавка



Авторы карты:
С.З. Чернов, В.А. Низовцев, Н.А. Марченко

Компьютерное оформление карты:
С.А. Смирнов, Н.А. Марченко


С
Соколово
Кучино
Серебряный пруд
62А
Салтыковка
22
61
62
р. Пехорка
р. Черная
Троицкое-Кайнарджи
33
64
р. Рудневка
Руднево
несколько сот
63
Кожухово
65
Зенино
р. Пехорка
оз. Черное
17
67
0
1 км
р. Черная
Люберецкий
66

←

Рис. 20. Поселения и курганные могильники XII – первой трети XIII в. на верхнем и среднем течении р. Пехорки (селища с керамическими материалами типа нижнего слоя Богоявленского монастыря и более ранними)

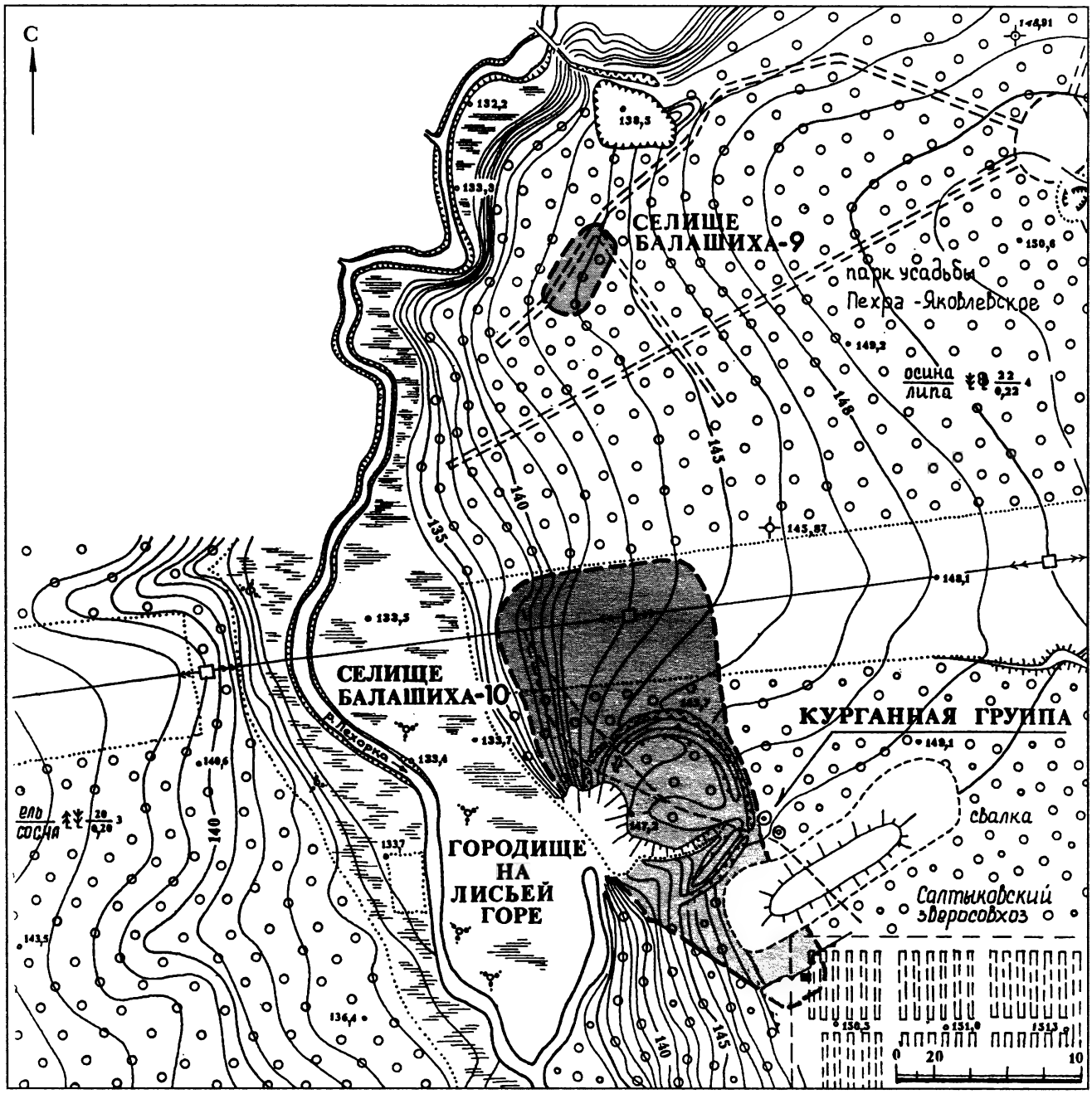
I – городище; II – селище; III – курганная группа и число насыпей в ней; IV–XIV – описание ландшафтов см. на с. 186

Список памятников археологии: 1 – курганная группа Лукино; 2 – селище Арефина; 3 – селище на Кобылине поляне; 4 – селище Креулино; 5 – селище на Щукином лугу; 6 – селище Алексеевская роща-1; 7 – селище Алексеевская роща-2; 8 – селище Алексеевская роща-3; 9 – селище Алексеевская роща-4; 10 – селище на Арсентьевском поле; 11 – селище в с. Пехра-Покровское (левобережное), 12 – селище в с. Пехра-Покровское (правобережное), 13 – селище Балашиха-1 (напротив впадения р. Малашки), 14 – селище Балашиха-2 (на городском пляже); 15 – селище Балашиха-3; 16 – селище Балашиха-4; 17 – селище Балашиха-5; 18 – селище Балашиха-6; 19 – селище Балашиха-7; 20 – селище Никольское-Трубецкое-1 (у плотины, правобережное), 21 – селище Никольское-Трубецкое-2 (у плотины, левобережное), 22 – курганный могильник у с. Никольское-Трубецкое (насыпи утрачены); 23 – селище Никольское-Трубецкое-3 (в селе); 23а – грунтовый могильник в с. Никольское-Трубецкое; 24 – селище Никольское-Трубецкое-4 (в селе); 25 – селище Горбово-1; 26 – селище Горбово-2; 27 – селище Горбово-3; 28 – селище у Сельхозлицея-1; 29 – селище Долгое Лёдово-2 (у Сельхозлицея-2); 30 – селище Долгое Лёдово-1 (в д. Долгое Лёдово); 31 – селище Медвежьи озера-1 (в д. Медвежьи Озера); 32 – селище Медвежьи озера-5 (исторический культурный слой Спасо-Преображенского монастыря и поселения при нем); 32а – грунтовый могильник на месте Спасо-Преображенского монастыря; 33 – селище Медвежьи озера-6 (у Малого Медвежья озера-1 в урочище Ревякино); 34 – селище Медвежьи озера-7 (у Малого Медвежья озера-2, у сторожки военного лесничества); 35 – селище Медвежьи озера-2 (у истока р. Малашки); 36 – селище Медвежьи озера-8 (на поляне Киргаузово); 37 – селище Медвежьи озера-3 (на поле Сётко); 37а – селище Медвежьи озера-4 (на б. Малаховом поле); 38 – селище в д. Супонево; 39 – селище в с. Оболдино; 40 – селище в с. Жегалово; 41 – селище в д. Серково; 42 – селище Лёдово-1 (в д. Малое Лёдово); 42а – селище Лёдово-2; 43 – селище в д. Жеребцы; 44 – селище в д. Кишкино; 45 – селище Медвежьи озера-9 (на Жижлевском поле); 46 – городище Балашиха; 47 – Балашихинский курганный могильник; 48 – селище Балашиха-8 (Сусаново-Гущинки); 49 – селище Балашиха-9 (в парке усадьбы Пехра-Яковлевское); 50 – селище Балашиха-10 (при Балашихинском городище); 51 – селище Балашиха-11 (у быв. д. Леоново); 52 – селище Балашиха-12 (к югу от быв. д. Леоново); 57 – селище на месте д. Чижово на р. Чернавке; 58 – селище в усадьбе Алмазово; 59 – селище в усадьбе Горенки; 60 – селище в пос. Выселки (быв. д. Чудницы); 61 – Салтыковский курганный могильник; 62 – Салтыковское 1-е селище; 62а – Салтыковское 2-е селище; 63 – Рудневский курганный могильник; 64 – курганный могильник в с. Троицкое-Кайнарджи; 65 – Зенинский курганный могильник; 66 – Люберецкий курганный могильник; 67 – Марусинский курганный могильник

Учитывая, что селище при 2-й Акатовской курганной группе содержит слои с раннегончарной керамикой, можно предполагать, что заселение Пехорки шло снизу вверх, причем уже в XI в. первые поселенцы проникли на среднее течение этой реки.

О хронологии и этнокультурном облике этой небольшой группы населения мы можем судить благодаря раскопкам экспедиции ГИМ, работавшей в 1961–1969 гг. под руководством Н.Г. Недошивиной на 1-м Акатовском курганном могильнике. Он расположен в 500 м от р. Пехорки, вверх по течению речки Чернавки и в 160 м к северо-западу от с. Акатово (рис. 22). Крайний курган находится в 20 м от речки, на бровке первой террасы (3,5 м над уровнем реки), основная же часть могильника занимает возвышение в 100 м от речки (8 м над ее уровнем). Первоначально группа насчитывала 71 курган. На плане 1972 г. зафиксирована 51 насыпь [Крис, 1972], 32 насыпи, т.е. половина от их первоначального числа, были исследованы в 1961–1969 гг. Они содержали одиночные и групповые (до трех в одной могильной яме) мужские, женские и детские трупоположения с западной и северо-западной ориентировкой, на горизонте, в ямах и в насыпи (иногда в гробовищах). Зафиксировано деревянное сооружение на горизонте над могильной ямой, а также остатки бересты. В мужских погребениях встречены железный нож и острие с концом наверху, металлический нательный крестик, глиняное рыболовное грузило и горшки. В женских погребениях найдены проволочные браслетообразные височные кольца, в том числе с завязанными концами, S-конечные и загнутоконечные, а также бляшки-подвески, бронзовые спиральки, бубенчики, литые привески разных форм, шейные гривны, браслеты и перстни. Среди бус стеклянные разных форм, сердоликовые бипирамидальные, хрустальные (шарообразные и бипирамидальные), янтарные бипирамидальные и билоновые[22]. Н.Г. Недошивина определяла дату могильника в пределах середины – второй половины XII в. Она отмечала, что в Акатовских курганах "встречаются (нередко в одном комплексе) вещи, бытовавшие в русских курганах до начала XII в. (височные кольца браслетообразные и овально-щитковые завязанные, малые литые лунницы, золотостеклянные бусы) и украшения, появившиеся в середине XII в.

[22] *Недошивина Н.Г.* Отчеты за 1961–1964, 1966–1969 гг. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2278, 2525, 2785, 2856, 3263, 3502, 3658, 4036, 4036а).


С
СЕЛИЩЕ БАЛАШИХА-9
парк усадьбы Пехра-Яковлевское
осина
липа
СЕЛИЩЕ БАЛАШИХА-10
КУРГАННАЯ ГРУППА
р. Пехорка
ель
сосна
ГОРОДИЩЕ НА ЛИСЬЕЙ ГОРЕ
свалка
Салтыковский звероовхоз
0 20 10

(различные подвески, пластинчатые загнутоконечные браслеты, билоновые полусферические бусы, бубенчики с щелевидной прорезью)" [Недошивина, 1974. С. 6]. Поселение, соответствующее этому могильнику, пока не найдено. По всей видимости, оно не пережило середины XIII в. В XIV в. в 260 м от могильника, при впадении Чернавки в Пехорку, возникло с. Акатово (наиболее ранний материал – красноглиняная грубая посуда) (рис. 23).

Балашихинское городище (рис. 20, *46*; цв. вкл., рис. 13, *46*; рис. 21) (в урочище "Лисья гора"), обнаруженное в 1964 г. Г.Т. Тимофеевой, расположено на левом берегу р. Пехорки, в лесу, к югу от парка усадьбы с. Пехра-Яковлевское и в 0,9 км к югу от Преображенской церкви этого села. Городище удалено на 80 м от реки. Для его устройства был избран возвышенный участок бровки первой террасы, имеющий отметку 150 м. Поскольку выше по течению реки бровка имеет отметки 142–145 м, укрепление господствует не только над поймой, но и над террасой (цв. вкл., рис. 11, 12).

Как показало обследование, проведенное автором 11 ноября 1990 г., укрепления городища состоят из валов и рвов, имеющих форму, близкую к окружности (рис. 21). Размеры его (считая от внешней кромки рвов) – 98 × 80 м. Размеры площадки городища – 78 × 68 м. Валы окружают площадку городища не только с напольной (восточной) стороны, но также с северной и южной сторон и отсутствуют лишь с западной стороны, где площадка ограничена бровкой коренного берега. Эта часть площадки пострадала в результате осыпи. Первоначальные формы рельефа фиксируются лишь у северо-западного и южного краев площадки. На северо-западном краю площадки ров выходит к кромке берега на отметке 144 м (вал 146,5), возвышаясь над уровнем поймы (133,7 м) на 10,3 м (вал – на 12,8 м). Склон к реке здесь обрывистый (падение – 4 м на каждые 10 м по горизонтали). Южный край площадки выше северо-западного на 1 м. Отметка края рва –145 м (вала –147 м), его высота над уровнем поймы 11,3 м (высота вала 13,3 м). Склон более пологий (падение составляет соответственно 2,6 м).

Площадь городища (включая ров и вал) –5,2 тыс. кв.м (до разрушения кромки берега, возможно, 5,7 тыс. кв.м), площадки – 3,1 (соответственно 3,6 тыс. кв.м). Площадка городища задернована. Покрывающий ее редкий березовый лес становится гуще по мере приближения к валам. Центральная часть площадки несколько выше южной и северной – это полоса шириной в 15 м, лежащая от проема в восточном валу в западном направлении и отраженная изолинией 148 м. К северу от нее начинается склон (падение 38 см на каждые 10 м по горизонтали). Южная часть площадки нарушена недавно возникшим оврагом (65 × 20 м), отсекающим от нее южный отрезок вала. Здесь также прослеживается понижение уровня.

Вал городища имеет 140 м по периметру при ширине 9 м и высоте 1,5 м. Ров имеет 4 м в ширину и 1,4 м в глубину. В нем имеется два проема. Один – в восточном, напольном валу – представляет собой следы древнего въезда в крепость. На примыкающем к нему участке рва фиксируется перемычка-въезд. Второй проем имеется в северном валу, ему также соответствует перемычка-въезд. Через проемы проходит тропа, пересекающая городище с юго-востока на северо-запад.

В мае 1965 г. в 14 м к северу от восточного въезда на городище Т.В. Равдиной был разрезан вал городища. Насыпь его состояла из "очень мягкого желтого песка". "Под ним – светлый плотный песок. Ни угольков, ни черепков в насыпи вала и под ней не найдено" [Равдина, 1965. С. 1, рис. 2][23]. Судя по этому описанию и приведенному в отчете разрезу (рис. 92), можно полагать, что культурного слоя под валом нет. Следовательно, вал был насыпан до начала жизнедеятельности на этом месте. Первоначально ширина вала составляла 6,5 м, а рва – 6 м. Впоследствии насыпь вала сползла в ров, в результате чего ширина последнего уменьшилась до 4 м.

Шурф № 1, заложенный близ вала, в юго-восточной части площадки, выявил под дерном (10 см) фиолетово-бурый стерильный подзол, подстилаемый материковым песком. В заложенном рядом раскопе (5 × 5 м) в дерне и под дерном встречена "белая керамика XVII–XVIII вв. (17 черепков), чугунные и железные обломки, медная деньга 1749 г. Елизаветы Петровны". Под дерном же, на глубине 11 см, найден бронзовый витой тройной браслет XI–XIII вв. Подобная картина зафиксирована и в центре городища (шурф № 2). Под слоем дерна (5–7 см) залегал темно-желтый материковый песок [Равдина, 1965. С. 1].

Обследование 1990 г. подтвердило наблюдения Т.В. Равдиной. Мощность культурного слоя на городище составляет от 5 до 10 см.

Рис. 21. Балашихинский археологический комплекс

План 1990 г.

[23] Полный текст отчета Т.В. Равдиной публикуется в Приложении 5.

С
ПЛАН 1972г.
магн.
Ю
взрыто
взрыто
руч. Пехорка
0 10 40м
Отметки высот условные
п. Внешторговец
огород
сосна
сосна
0 20 100м

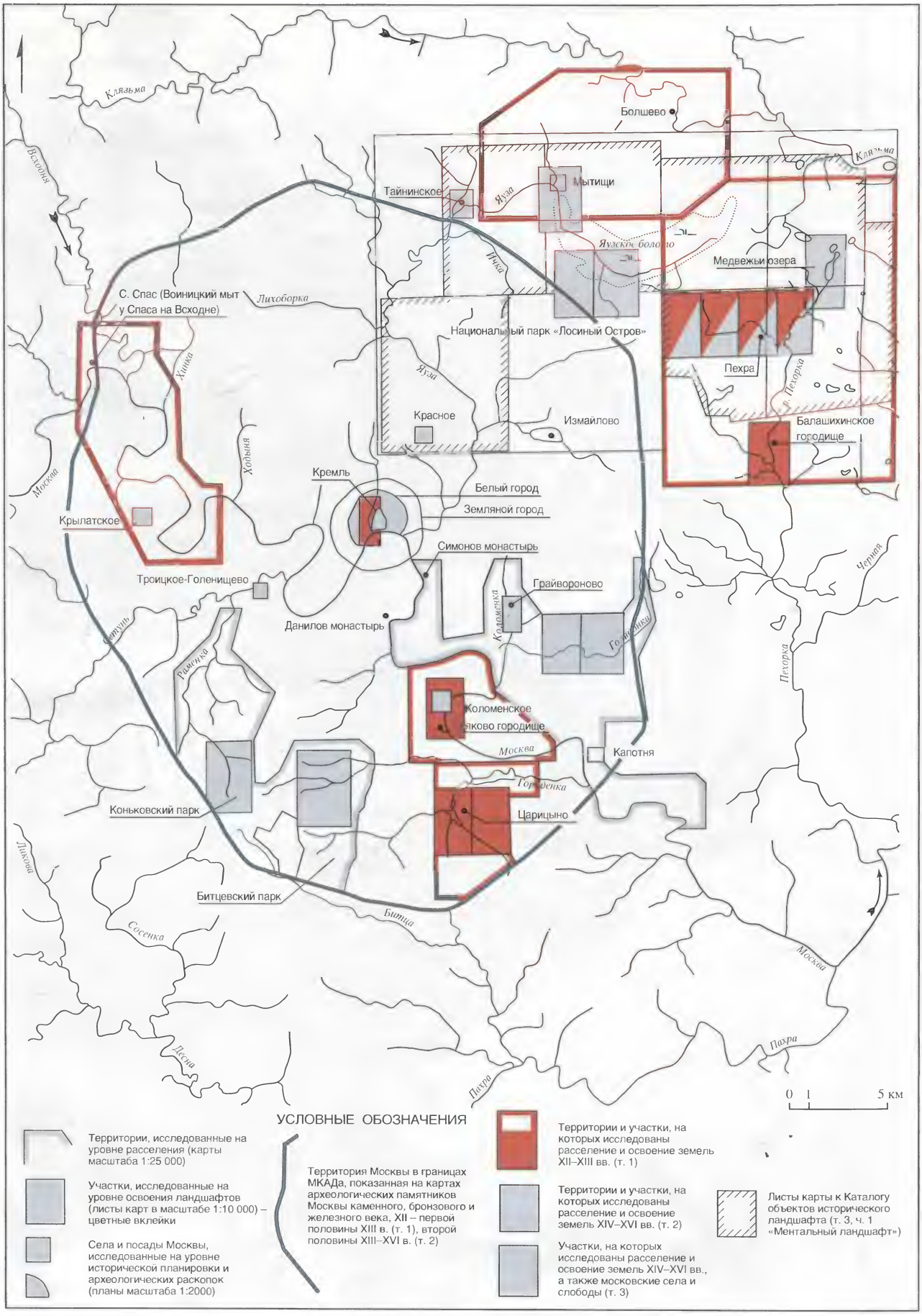

Клязьма
Всходня
Болшево
Тайнинское
Мытищи
Яуза
Яузское болото
Ичка
Медвежьи озера
С. Спас (Воиницкий мыт у Спаса на Всходне)
Лихоборка
Национальный парк «Лосиный Остров»
Хинка
Яуза
Пехра
р. Пехорка
Красное
Измайлово
Балашихинское городище
Ходыня
Москва
Кремль
Белый город
Земляной город
Крылатское
Симонов монастырь
Троицкое-Голенищево
Грайвороново
Черная
Данилов монастырь
Коломенка
Гозвинка
Сетунь
Раменка
Пехорка
Коломенское
Яково городище
Москва
Капотня
Городенка
Коньковский парк
Царицыно
Ликова
Битцевский парк
Битца
Сосенка
Москва
Десна
Пахра
Пахра
0 1 5 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Территории, исследованные на уровне расселения (карты масштаба 1:25 000)
Участки, исследованные на уровне освоения ландшафтов (листы карт в масштабе 1:10 000) – цветные вклейки
Села и посады Москвы, исследованные на уровне исторической планировки и археологических раскопок (планы масштаба 1:2000)
Территория Москвы в границах МКАДа, показанная на картах археологических памятников Москвы каменного, бронзового и железного века, XII – первой половины XIII в. (т. 1), второй половины XIII–XVI в. (т. 2)
Территории и участки, на которых исследованы расселение и освоение земель XII–XIII вв. (т. 1)
Территории и участки, на которых исследованы расселение и освоение земель XIV–XVI вв. (т. 2)
Участки, на которых исследованы расселение и освоение земель XIV–XVI вв., а также московские села и слободы (т. 3)
Листы карты к Каталогу объектов исторического ландшафта (т. 3, ч. 1 «Ментальный ландшафт»)

Рис. 1

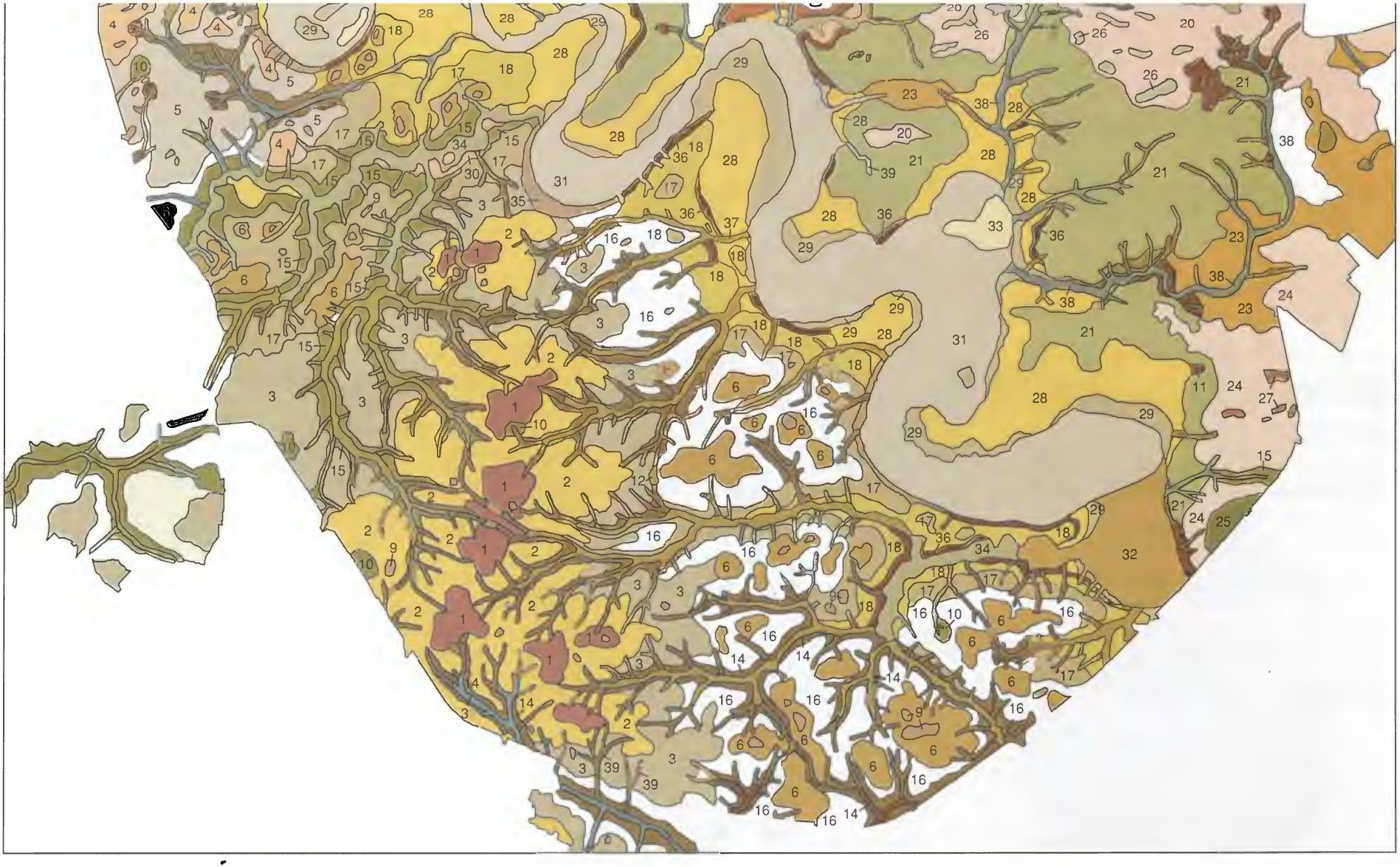
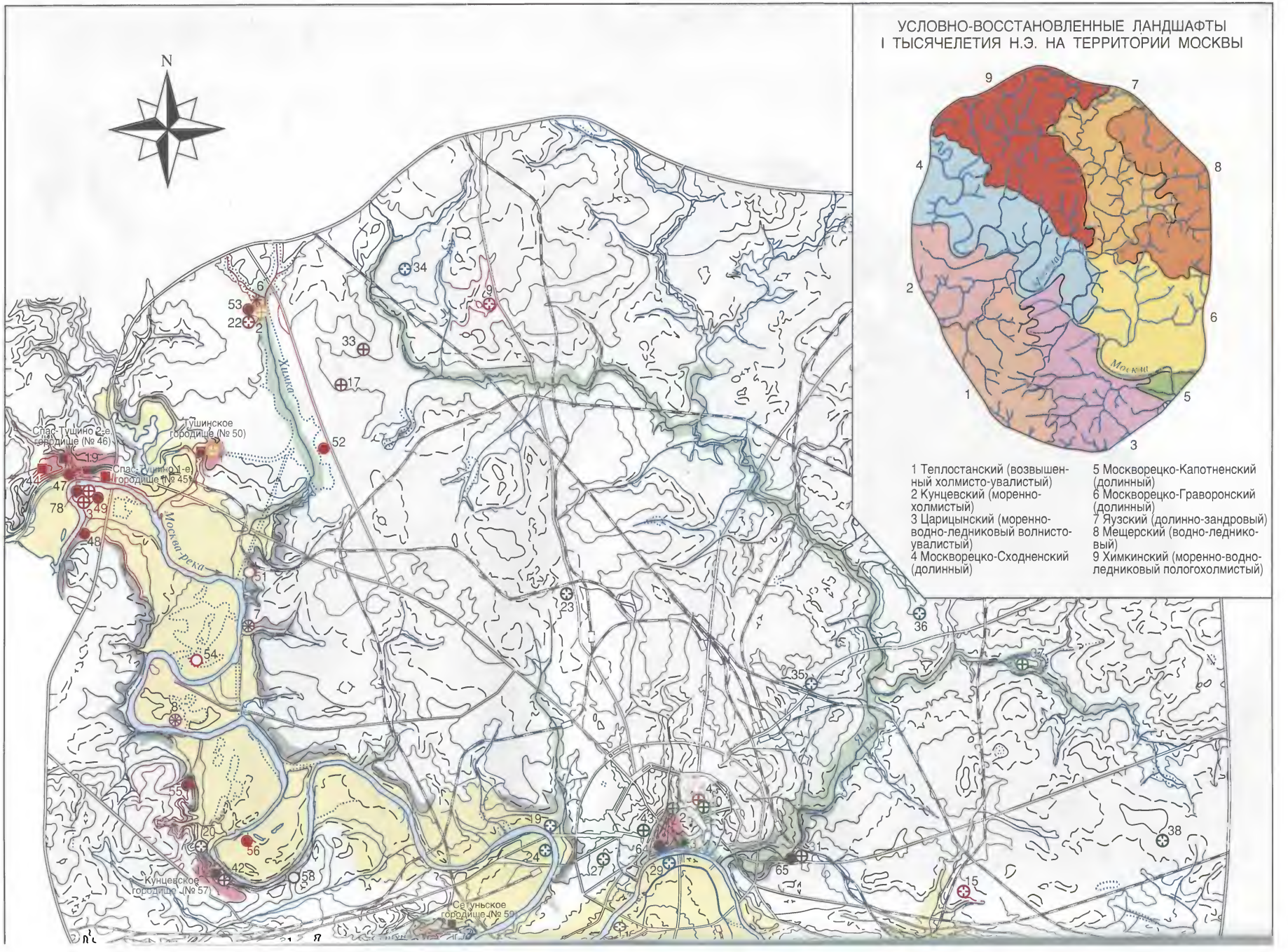
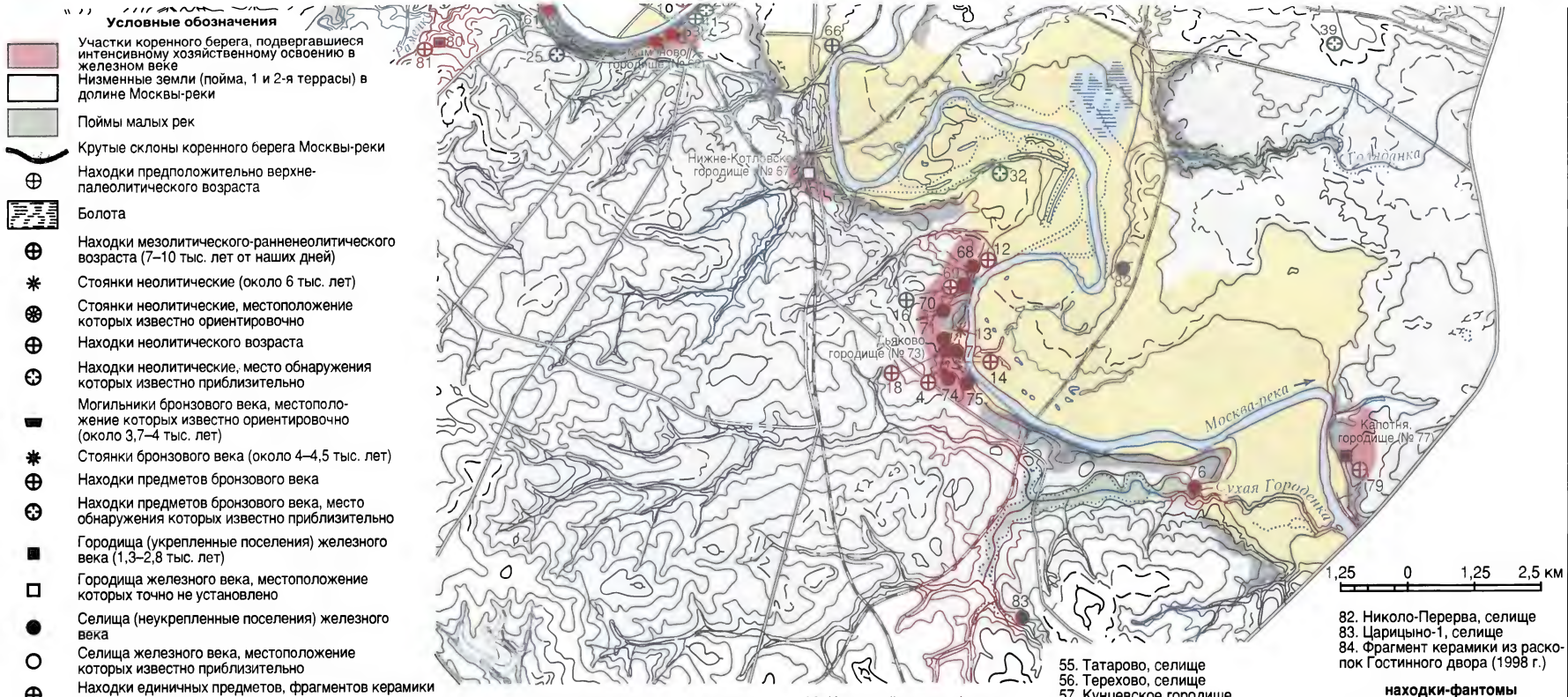


Рис. 2


N
Химка
Москва-река
Спас-Тушино 2-е городище (№ 46)
Спас-Тушино 1-е городище (№ 45)
Тушинское городище (№ 50)
Кунцевское городище (№ 57)
Сетуньское городище (№ 59)
УСЛОВНО-ВОССТАНОВЛЕННЫЕ ЛАНДШАФТЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ
1 Теплостанский (возвышенный холмисто-увалистый)
2 Кунцевский (моренно-холмистый)
3 Царицынский (моренно-водно-ледниковый волнисто-увалистый)
4 Москворецко-Сходненский (долинный)
5 Москворецко-Капотненский (долинный)
6 Москворецко-Граворонский (долинный)
7 Яузский (долинно-зандровый)
8 Мещерский (водно-ледниковый)
9 Химкинский (моренно-водно-ледниковый пологохолмистый)



Условные обозначения

- Участки коренного берега, подвергавшиеся интенсивному хозяйственному освоению в железном веке
- Низменные земли (пойма, 1 и 2-я террасы) в долине Москвы-реки
- Поймы малых рек
- Крутые склоны коренного берега Москвы-реки
- Находки предположительно верхнепалеолитического возраста
- Болота
- Находки мезолитического-ранненеолитического возраста (7–10 тыс. лет от наших дней)
- Стоянки неолитические (около 6 тыс. лет)
- Стоянки неолитические, местоположение которых известно ориентировочно
- Находки неолитического возраста
- Находки неолитические, место обнаружения которых известно приблизительно
- Могильники бронзового века, местоположение которых известно ориентировочно (около 3,7–4 тыс. лет)
- Стоянки бронзового века (около 4–4,5 тыс. лет)
- Находки предметов бронзового века
- Находки предметов бронзового века, место обнаружения которых известно приблизительно
- Городища (укрепленные поселения) железного века (1,3–2,8 тыс. лет)
- Городища железного века, местоположение которых точно не установлено
- Селища (неукрепленные поселения) железного века
- Селища железного века, местоположение которых известно приблизительно
- Находки единичных предметов, фрагментов керамики железного века

Список памятников археологии каменного, бронзового и железного веков в г. Москве

верхний палеолит

1. Сходненская черепная крышка
2. Отщепы и мамонтовая кость с искусственным отверстием со стоянки Алешкино

мезолит

3. Кремневые орудия с селища Мякинино-2
4. Ножевидная пластина с Дьякова городища

неолит

5. Кремни и керамика с селища Мякинино-2
6. Стоянка Алешкино
7. Стоянка Щукино
8. Стоянка Серебряный Бор
9. Кремневый наконечник из Бескудникова (может быть, бронзового века)
10. Кремневый наконечник, найденный напротив Нескучного сада
11. Нуклеус, найденный около Крымского моста
12. Фрагмент керамики из Коломенского
13. Дьяковская стоянка
14. Наконечник дротика с селища Дьяково-пойма
15. Кремни, найденные между ст. Перово и Фрезер
16. Кремневая стрела, найденная у церкви Вознесения в Коломенском (раскоп 2003 г.)
17. Кремневая стрела из парка "Дружбы" возле ул. Лавочкина (находка Л.С. Богословской 1983 г.)
18. Неолитические находки с городища Дьяково

бронзовый век

19. Могильник Спас-Тушино
20. Находка каменного топора (топоров ?) в Крылатском
21. Могильник Давыдково
22. Фатьяновская керамика и топор из д. Алешкино
23. Кремневый наконечник дротика из Бутырского хутора
24. Каменный топор из Дорогомилова
25. Каменный топор с Воробьевых гор
26. Стрела из Нескучного сада
27. Каменный топор с Сивцева вражка (?)
28. Кремневый наконечник дротика (волосовский?) и три каменных топора (фатьяновских) из Кремля, каменный топор с Красной площади (находка 1996 г.)
29. Три каменных топора с Софийской набережной (в том числе находки 1998 г.)
30. Стоянка волосовской культуры (?) в Зарядье
31. Каменный топор и кремневый наконечник копья из Андроникова монастыря (?)
32. Каменный топор из Нагатина
33. Каменный топор с Фестивальной ул. (вероятно, фатьяновский могильник)
34. Каменный топор с Базовской ул.
35. Каменный топор с Русаковской ул.
36. Каменный топор из Зелье-ва пер.
37. Каменный топор из Измайловского острова
38. Каменный топор с Федеративного проспекта в Перове
39. Каменный топор из Новых Кузьминок
40. Фрагмент керамики из раскопок Гостиного двора (1998 г.)
41. Фрагменты фатьяновской керамики с селища Нескучный сад-2 (раскопки 1999 г.)
42. Фрагмент керамики с Кунцевского городища
43. Топор, найденный на углу ул. Моховой и ул. Воздвиженки

железный век

44. Пенягино городище (селище-?)
45. Спас-Тушинское 1-е городище
46. Спас-Тушинское 2-е городище
47. Барышиха, селище
48. Мякинино 1-е, селище
49. Мякинино 2-е, селище
50. Тушинское городище
51. Химкинское селище (по М.Г. Рабиновичу)
52. Никольское селище
53. Алешкино, селище
54. Троице-Лыково, селище
55. Татарово, селище
56. Терехово, селище
57. Кунцевское городище
58. Филевское селище
59. Сетуньское городище
60. Нижнее селище
61. Верхнее селище
62. Мамоново городище
63. Андреевское селище
64. Селище (городище?) в Кремле
65. Андроников монастырь, селище (городище?)
66. Данилов монастырь, фрагмент текстильной керамики
67. Нижне-Котловское городище
68. Село Коломенское, селище
69. Селище у ц. Вознесения в Коломенском и находки керамики на Государевом дворе, в Голосовом овр.
70. Селище у Девичьего камня в Голосовом овраге
71. Выгон, селище
72. Дьяково-пойма, селище
73. Дьяково городище
74. Дьяково Южное, селище
75. Чертов городок, селище (утрачено)
76. Братеево, селище (утрачено)
77. Капотня, городище
78. Мякинино-3, селище
79. Капотня, фрагмент ранне-дьяковской керамики
80. Матвеевское городище (селище?)
81. Фрагмент керамики с селища Матвеевское-1
82. Николо-Перерва, селище
83. Царицыно-1, селище
84. Фрагмент керамики из раскопок Гостинного двора (1998 г.)

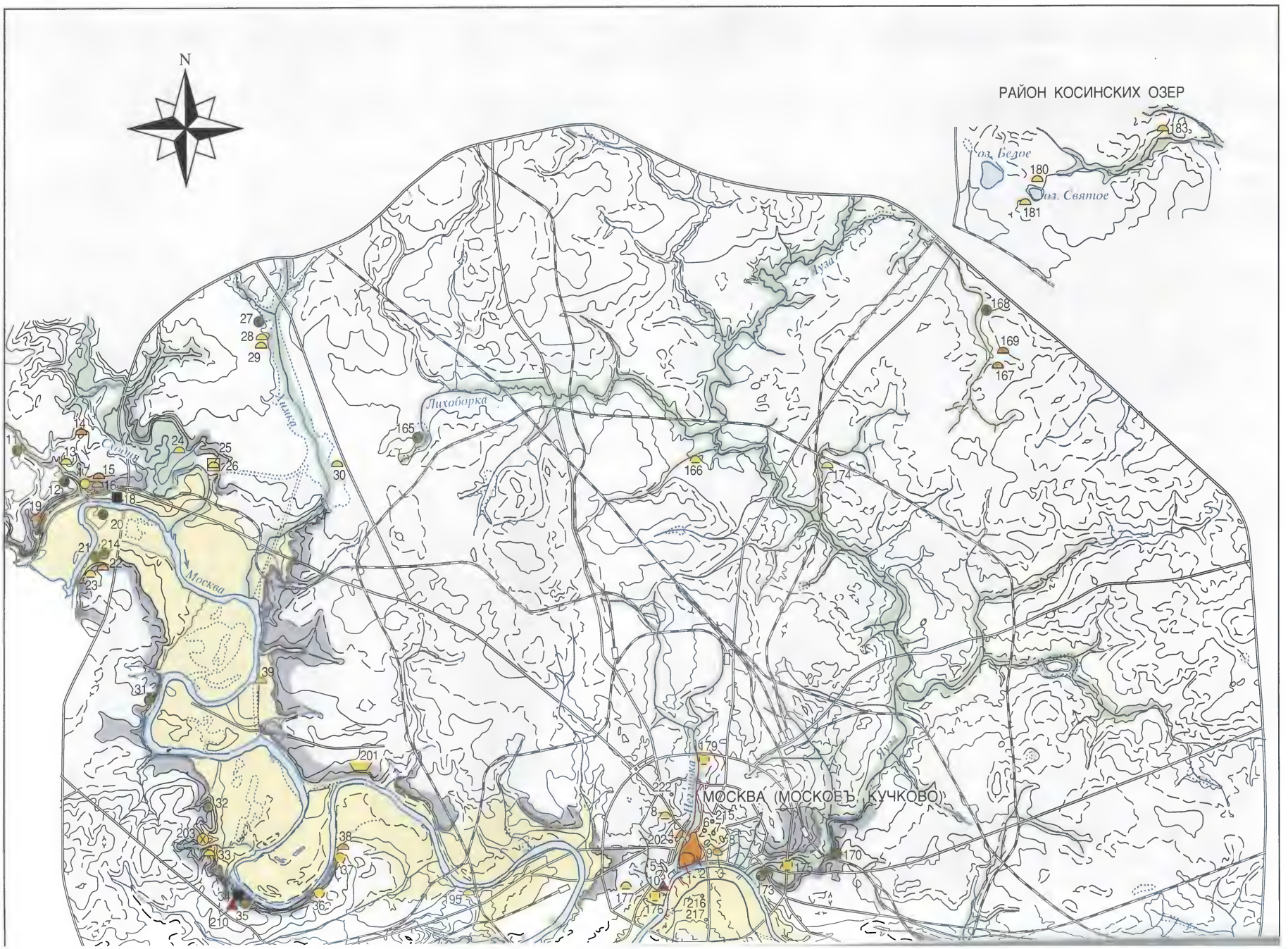
находки-фантомы

85. Мезолитический нуклеус с Тверского бульвара
86. Неолитическая керамика, найденная у Покровских ворот
87. Крутицкая неолитическая стоянка
88. Каменный топор из Чертанова
89. Бронзовый кинжал бронзового века с Балаклавского проспекта
90. Римские монеты из Измайлово
91. Римские монеты из Кремля
92. Античная монета с Воробьевых гор (у метромоста)
93. Керамика железного века с Трубной площади
94. Каменные орудия, найденные "У Черной горы ниже Красной Пресни"

В качестве подосновы использована карта рельефа Москвы, составленная в мастерской № 1 НИиПИ генерального плана г. Москвы (В.В. Коновалова) в 1986 г.

Автор карты Н.А. Кренке
Автор врезки В.А. Низовцев
Картограф Г.В. Авилова

Рис. 3


N
РАЙОН КОСИНСКИХ ОЗЕР
оз. Белое
оз. Святое
Лихоборка
Москва
МОСКВА (МОСКОВЪ, КУЧКОВО)

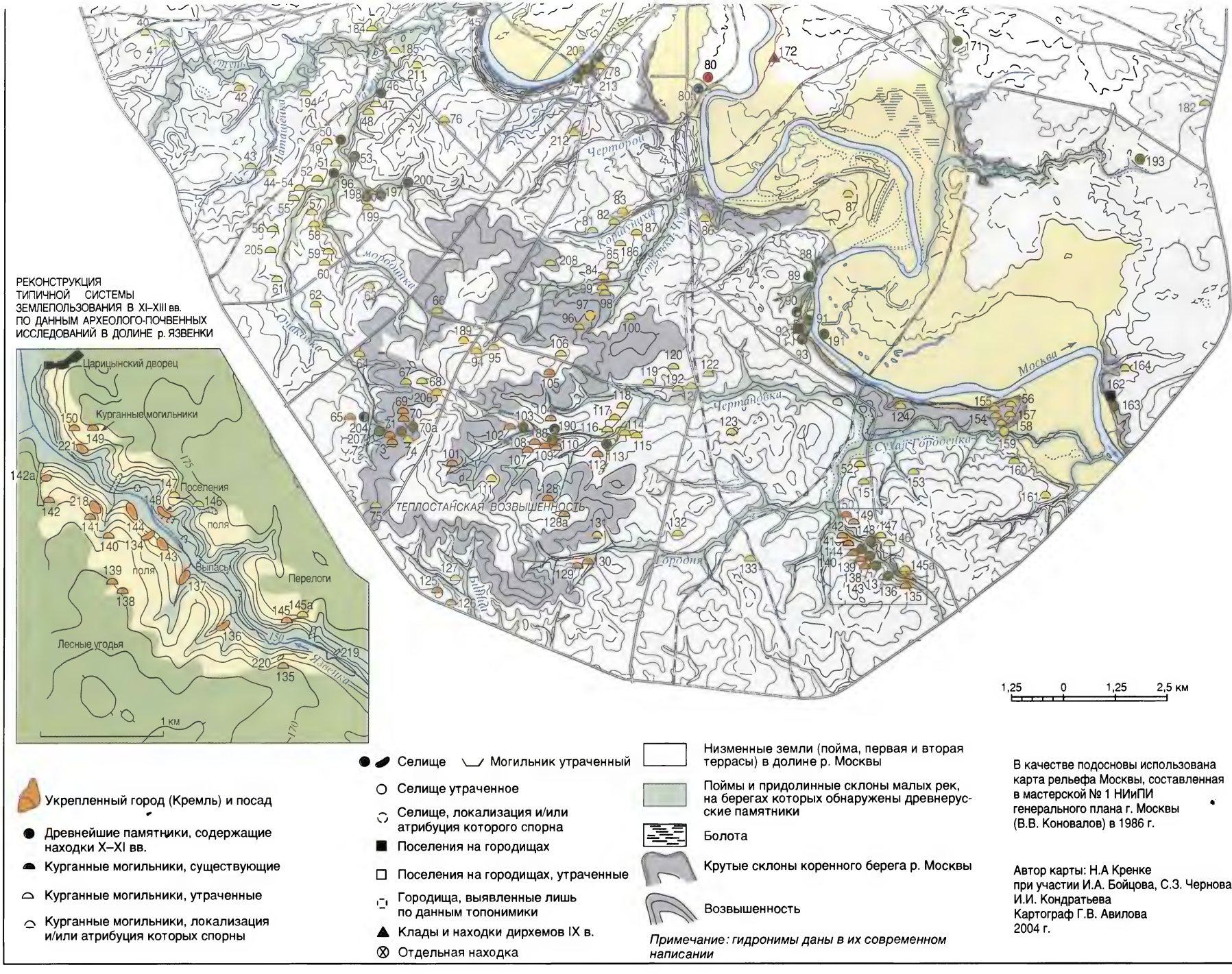
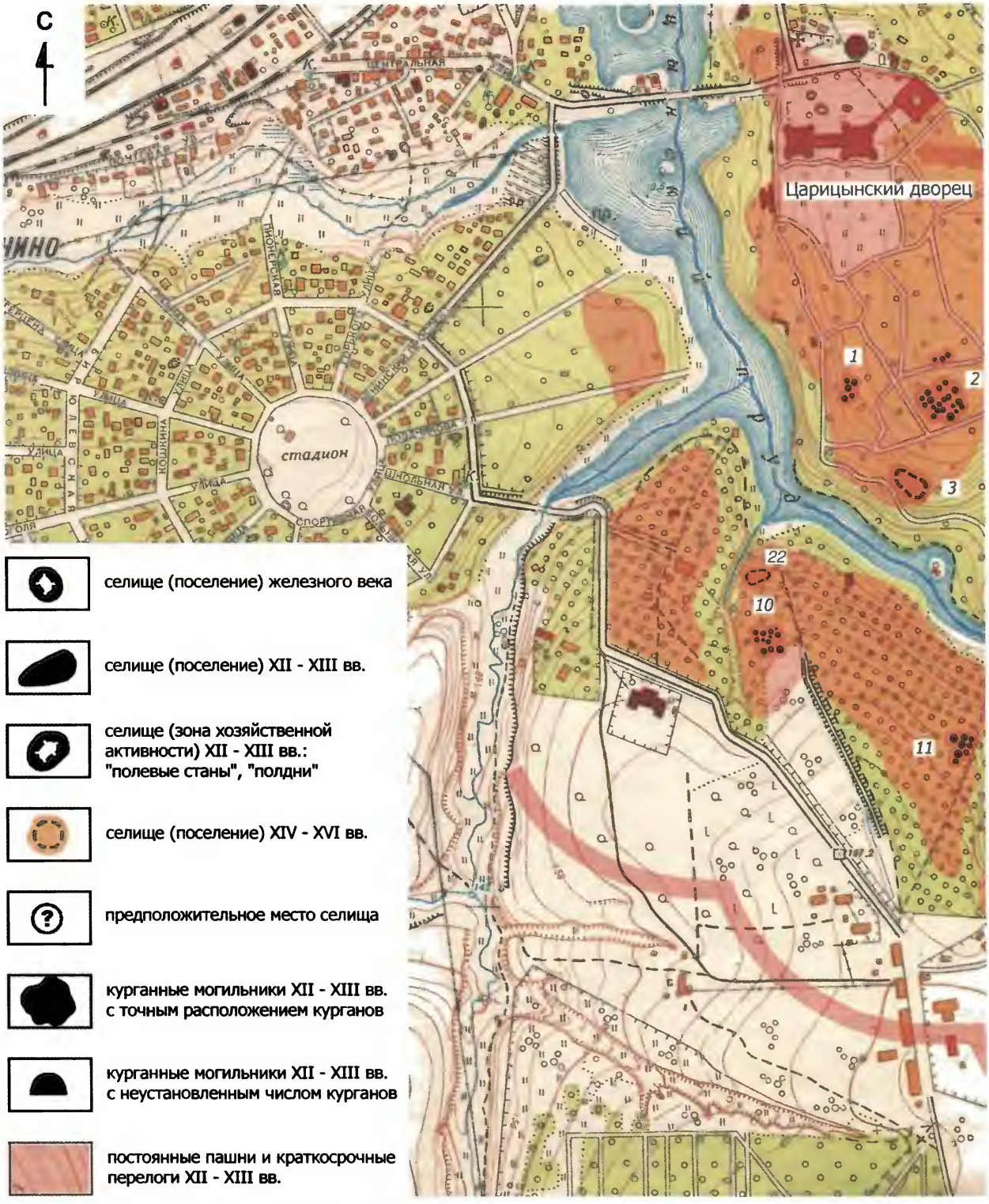

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТИПИЧНОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В XI–XIII вв. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГО-ПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ р. ЯЗВЕНКИ
Царицынский дворец
Курганные могильники
Поселения
поля
Выпась
Перелоги
Лесные угодья
Язвенка
1 км
ТЕПЛОСТАНСКАЯ ВОЗВЫШЕННОСТЬ
Чертановка
Сухая Городенка
Москва
1,25 0 1,25 2,5 км
Укрепленный город (Кремль) и посад
Древнейшие памятники, содержащие находки X–XI вв.
Курганные могильники, существующие
Курганные могильники, утраченные
Курганные могильники, локализация и/или атрибуция которых спорны
Селище
Могильник утраченный
Селище утраченное
Селище, локализация и/или атрибуция которого спорна
Поселения на городищах
Поселения на городищах, утраченные
Городища, выявленные лишь по данным топонимики
Клады и находки дирхемов IX в.
Отдельная находка
Низменные земли (пойма, первая и вторая террасы) в долине р. Москвы
Поймы и придолинные склоны малых рек, на берегах которых обнаружены древнерусские памятники
Болота
Крутые склоны коренного берега р. Москвы
Возвышенность
Примечание: гидронимы даны в их современном написании
В качестве подосновы использована карта рельефа Москвы, составленная в мастерской № 1 НИиПИ генерального плана г. Москвы (В.В. Коновалов) в 1986 г.
Автор карты: Н.А Кренке
при участии И.А. Бойцова, С.З. Чернова, И.И. Кондратьева
Картограф Г.В. Авилова
2004 г.

Рис. 4



селище (поселение) железного века

селище (поселение) XII - XIII вв.

селище (зона хозяйственной активности) XII - XIII вв.: "полевые станы", "полдни"

селище (поселение) XIV - XVI вв.

предположительное место селища

курганные могильники XII - XIII вв. с точным расположением курганов

курганные могильники XII - XIII вв. с неустановленным числом курганов

постоянные пашни и краткосрочные перелоги XII - XIII вв.

достоверная и реконструируемая граница территории интенсивного хозяйственного освоения (принята по линии 500-метровой удаленности от очагов поселения)

существующие пруды с нанесением русла реки

0 100 200 м

Использован план Москвы 1951 г. (изд. Мосгоргеотреста АПУ г. Москвы)

Автор карты: *Н.А. Кренке*

Компьютерное оформление карты: *С.А. Смирнов*

Рис. 5

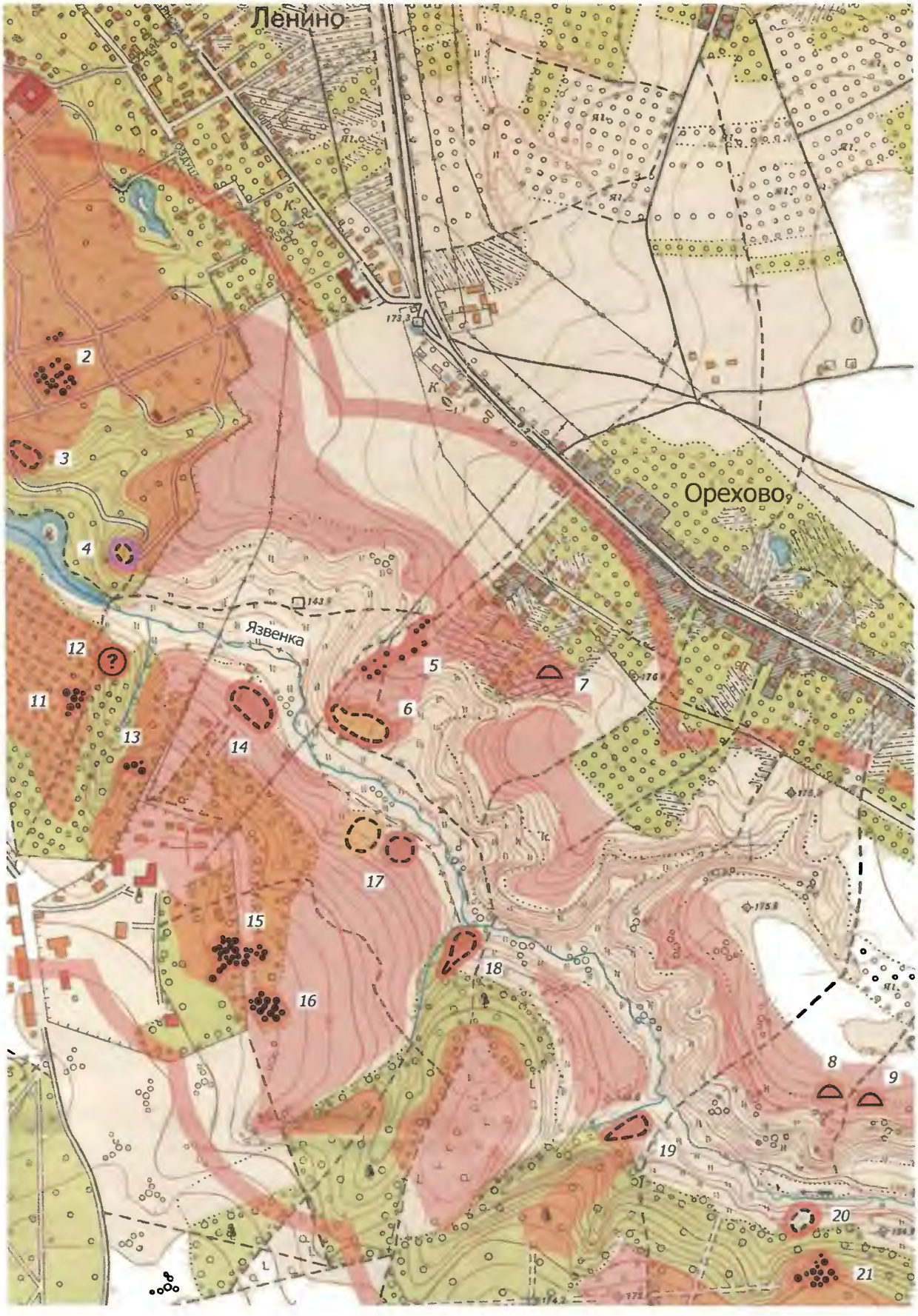

Ленино
Орехово
Язвенка
2
3
4
5
6
7
8
9
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

Рис. 6

Рис. 7

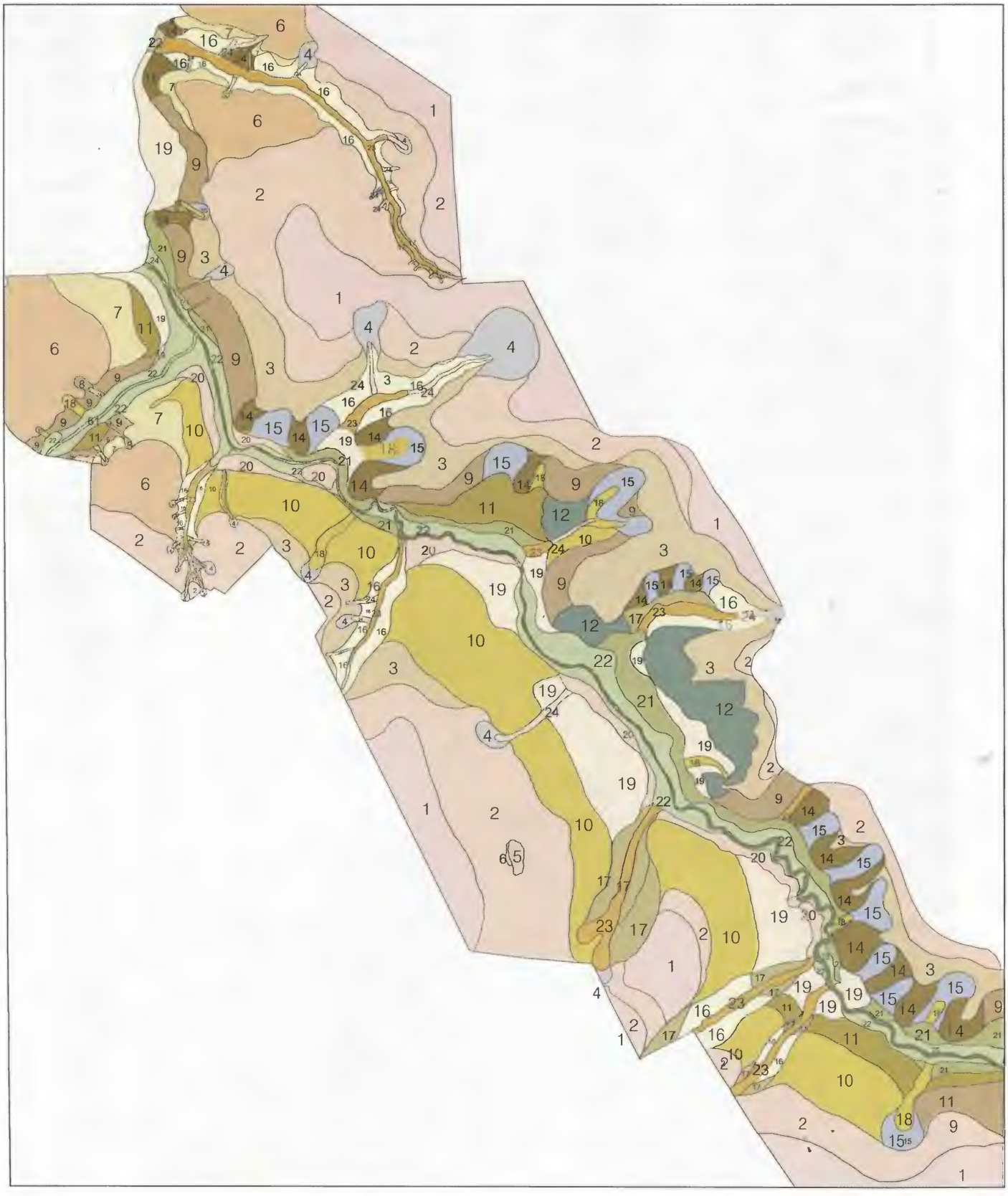


Рис. 8

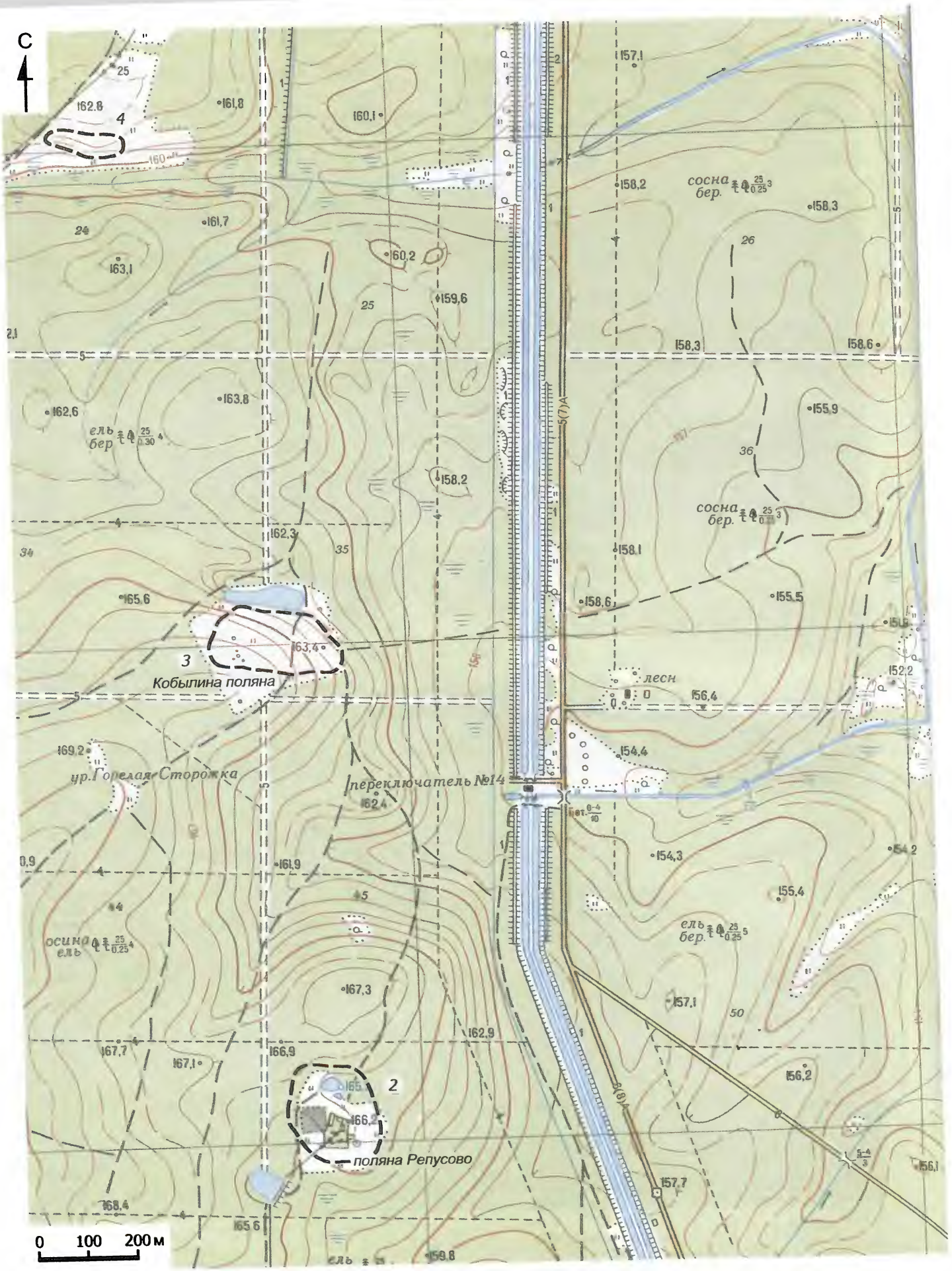
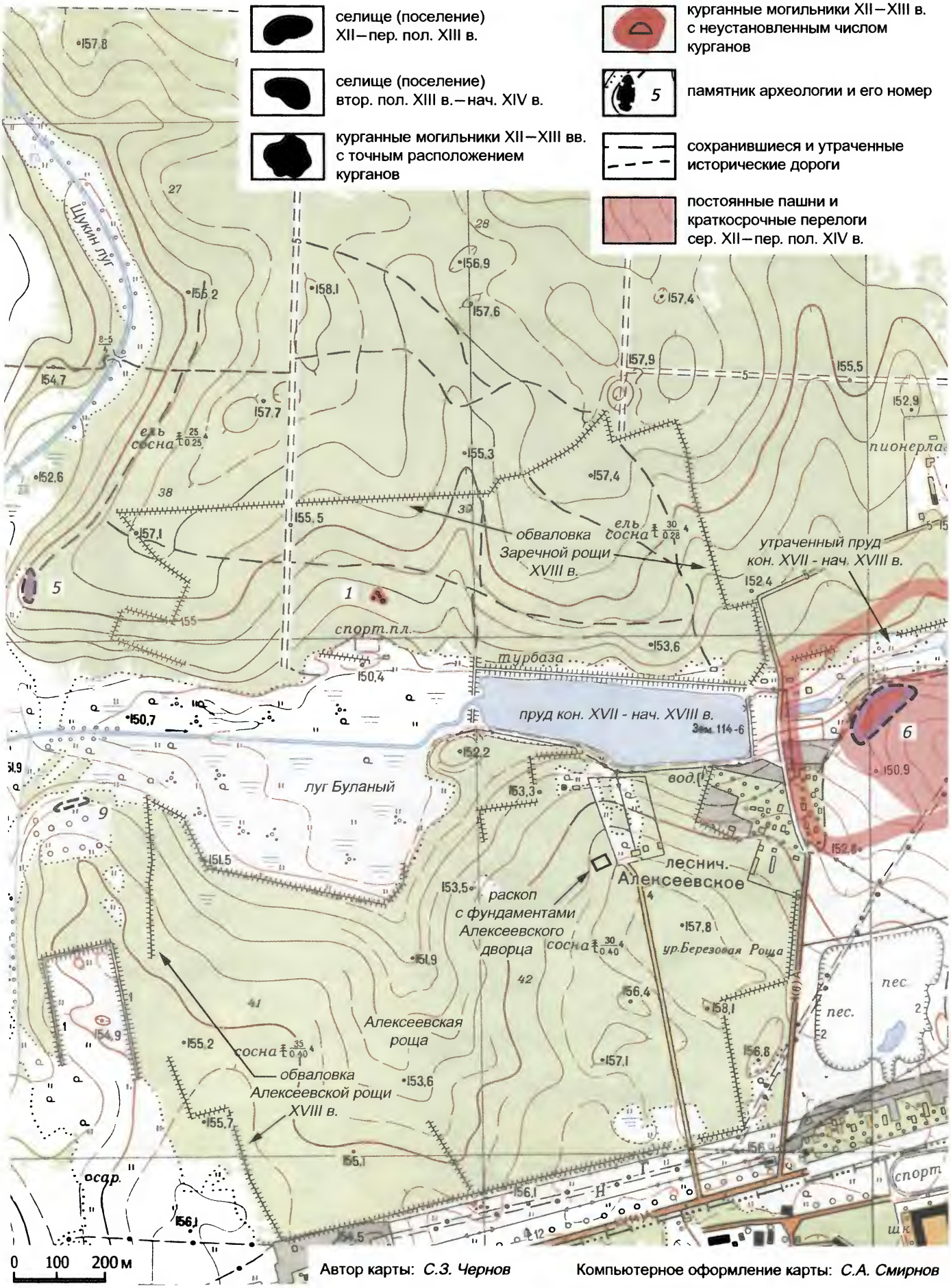

С
4
3
Кобылина поляна
2
поляна Репусово
ур. Горелая Сторожка
переключатель №14
лесн
сосна бер.
ель бер.
осина ель
0 100 200 м

Рис. 9



Автор карты: *С.З. Чернов*

Компьютерное оформление карты: *С.А. Смирнов*

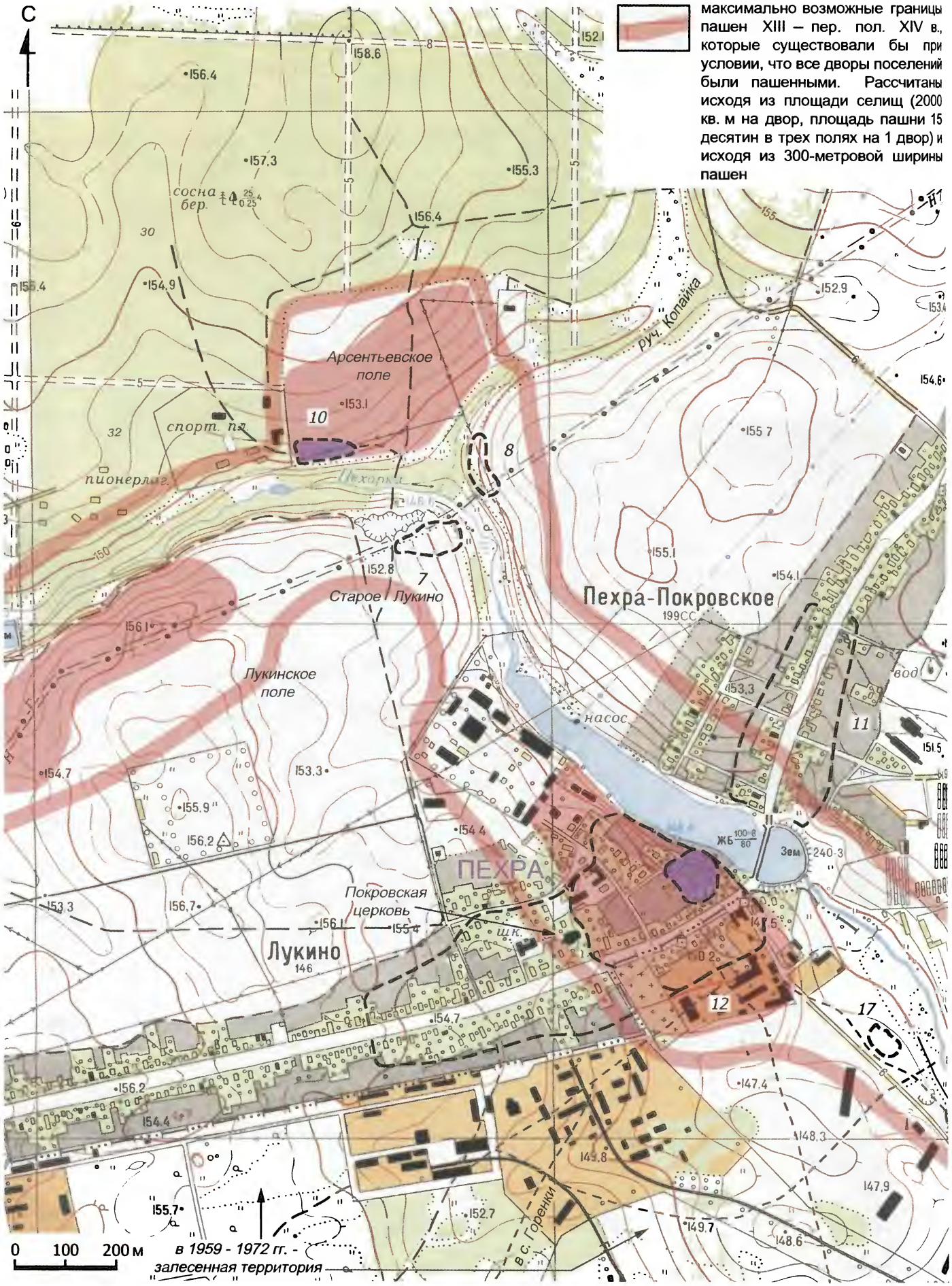

максимально возможные границы пашен XIII – пер. пол. XIV в., которые существовали бы при условии, что все дворы поселений были пашенными. Рассчитаны исходя из площади селищ (2000 кв. м на двор, площадь пашни 15 десятин в трех полях на 1 двор) и исходя из 300-метровой ширины пашен
С
Арсентьевское поле
Старое Лукино
Лукинское поле
Пехра-Покровское
Покровская церковь
Лукино
ПЕХРА
руч. Копайка
насос
сосна бер.
спорт. пл.
пионерлаг.
в с. Горенки
0 100 200 м
в 1959 - 1972 гг. - залесенная территория

Рис. 10

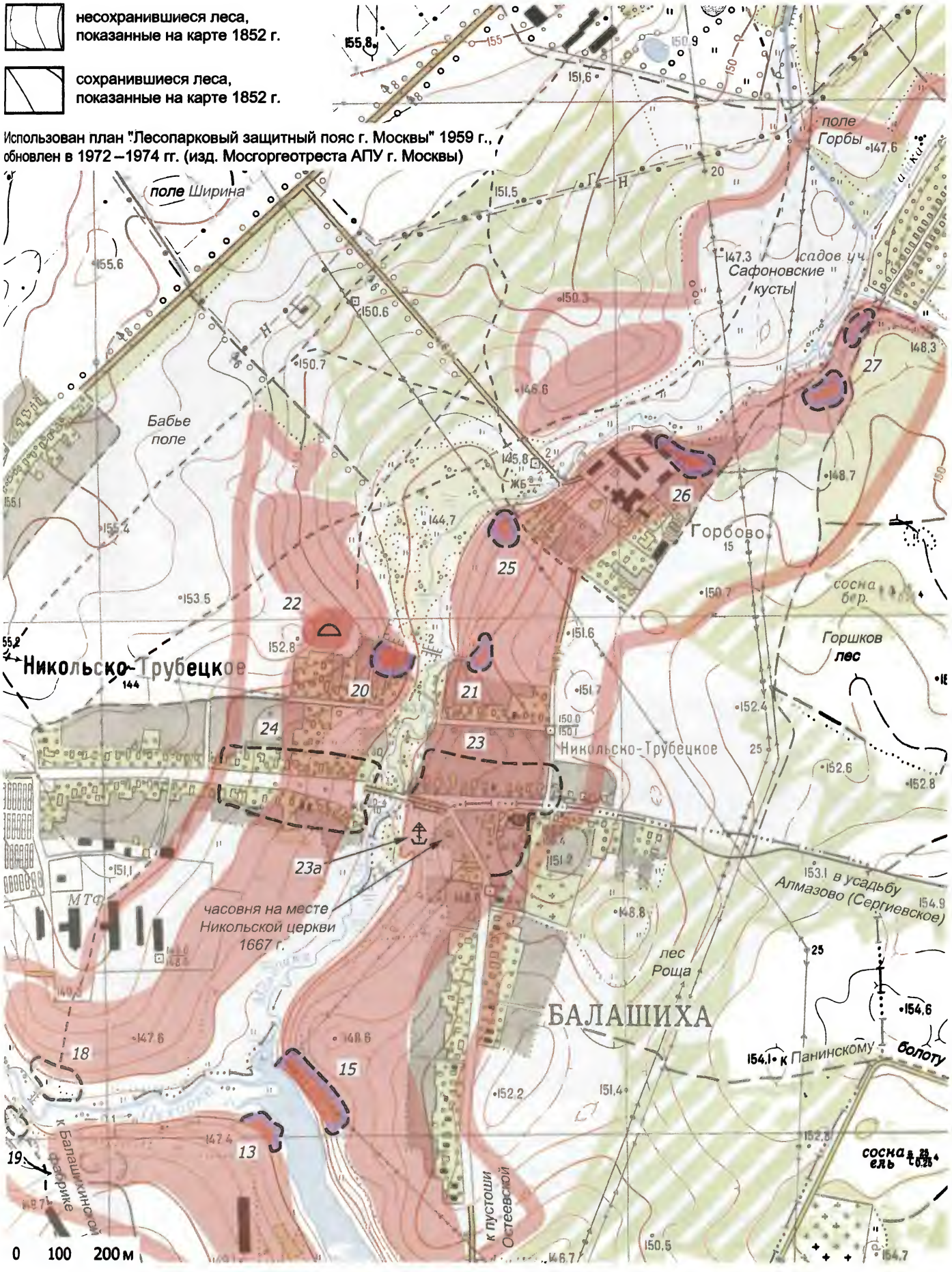

несохранившиеся леса, показанные на карте 1852 г.
сохранившиеся леса, показанные на карте 1852 г.
Использован план "Лесопарковый защитный пояс г. Москвы" 1959 г., обновлен в 1972–1974 гг. (изд. Мосгоргеотреста АПУ г. Москвы)
поле Ширина
поле Горбы
Бабье поле
Сафоновские кусты
садов уч.
Горбово
сосна бер.
Горшков лес
Никольско-Трубецкое
Никольско-Трубецкое
часовня на месте Никольской церкви 1667 г.
в усадьбу Алмазово (Сергиевское)
лес Роща
БАЛАШИХА
к Панинскому болоту
к Балашихинской фабрике
к пустоши Остеевской
сосна ель
МТФ
0 100 200 м

Рис. 11

Рис. 12

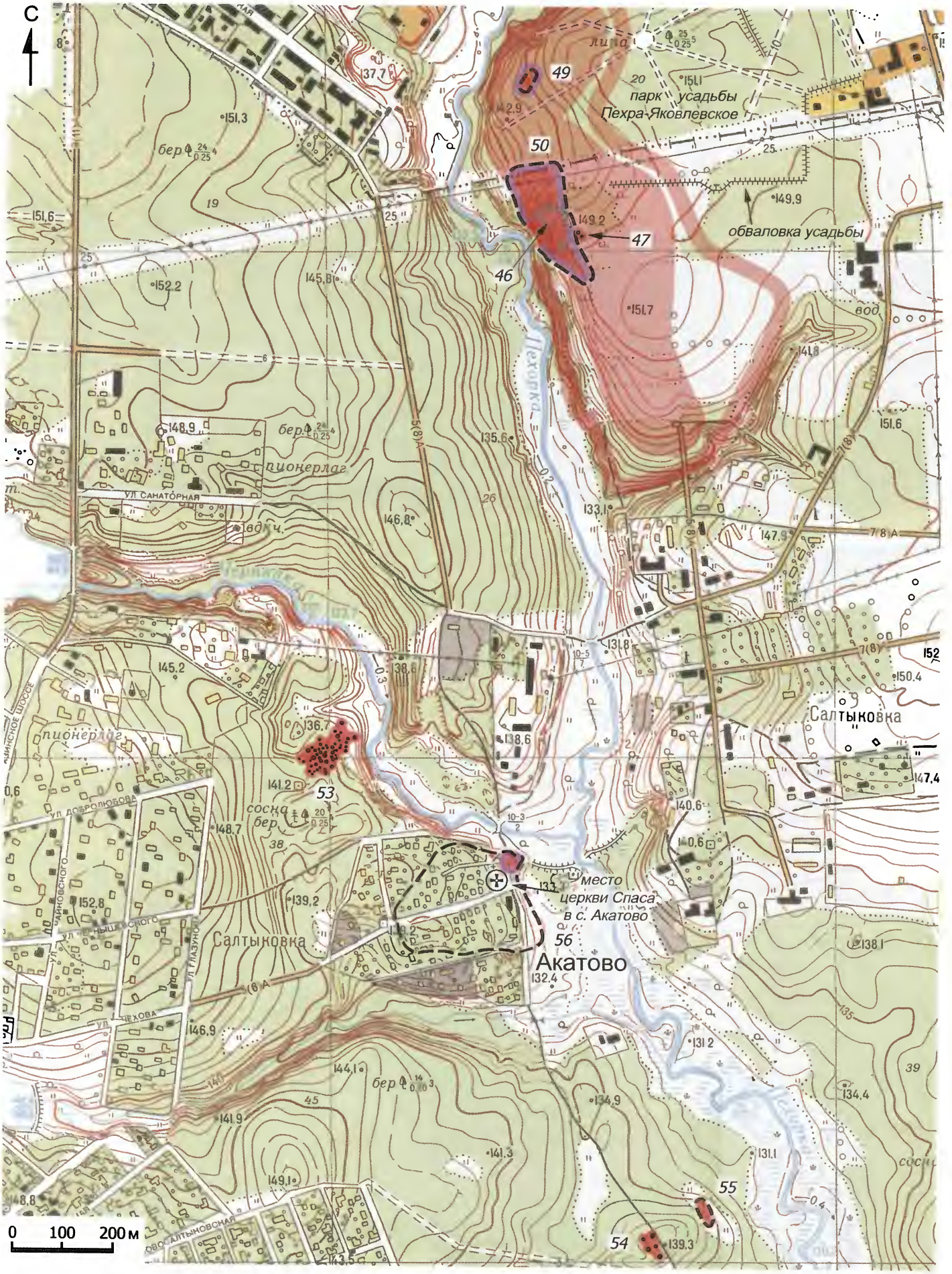

С
49
парк усадьбы Пехра-Яковлевское
50
47
46
обваловка усадьбы
Пехорка
пионерлаг
ул Санаторная
Салтыковка
53
место церкви Спаса в с. Акатово
56
Акатово
55
54
0 100 200 м

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

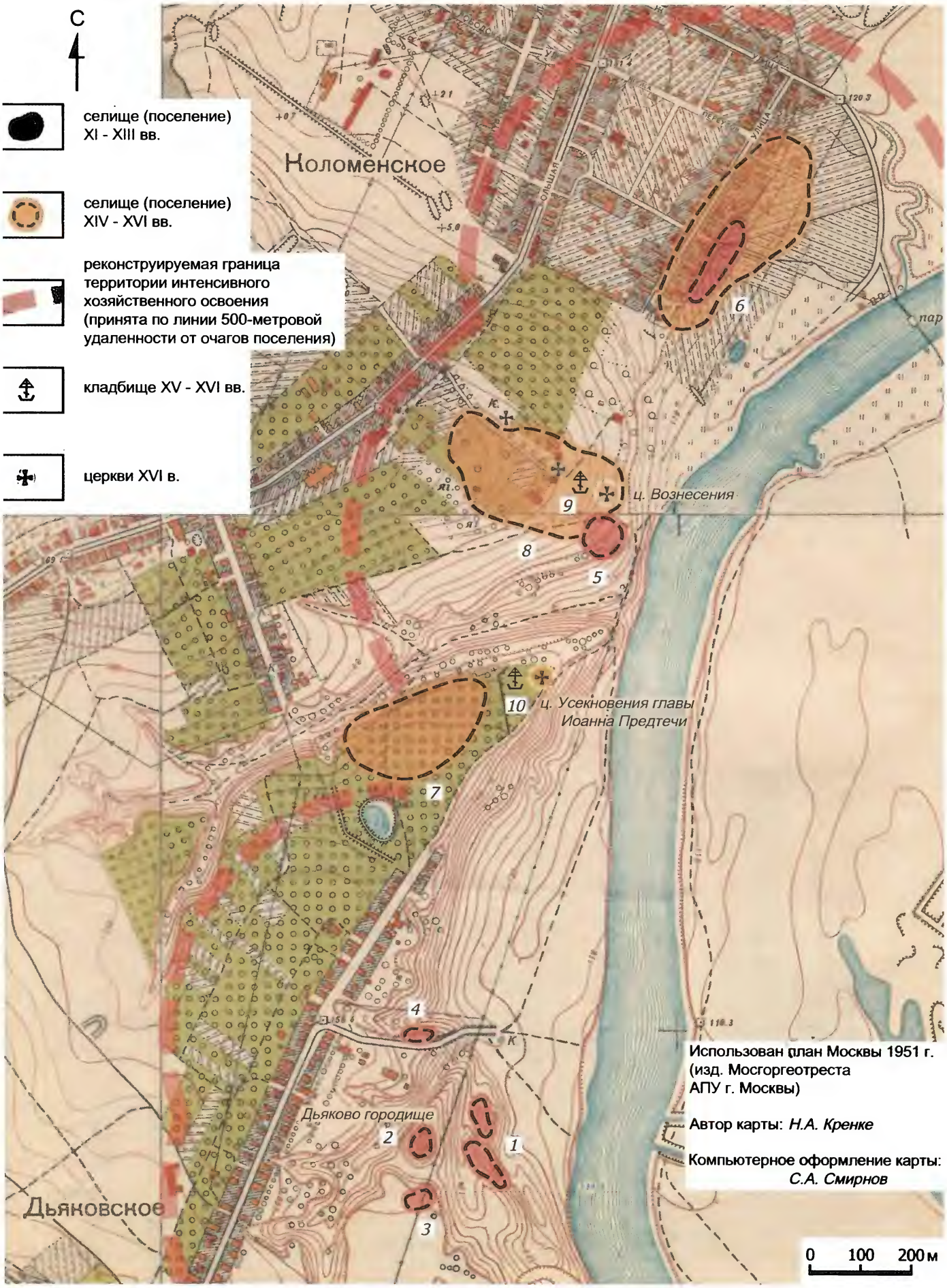

С
селище (поселение) XI - XIII вв.
селище (поселение) XIV - XVI вв.
реконструируемая граница территории интенсивного хозяйственного освоения (принята по линии 500-метровой удаленности от очагов поселения)
кладбище XV - XVI вв.
церкви XVI в.
Коломенское
Дьяково городище
Дьяковское
ц. Вознесения
ц. Усекновения главы Иоанна Предтечи
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Использован план Москвы 1951 г. (изд. Мосгоргеотреста АПУ г. Москвы)
Автор карты: Н.А. Кренке
Компьютерное оформление карты: С.А. Смирнов
0 100 200 м

Рис. 18

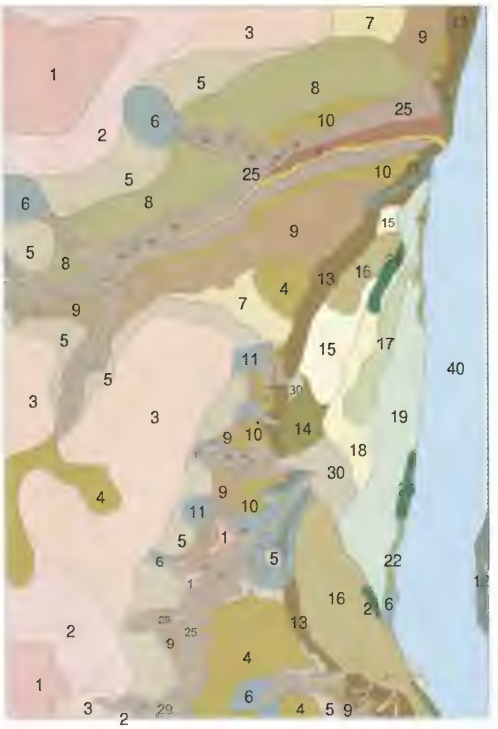


Рис. 19

1. Моренные равнины плоские и слабовыпуклые, сложенные покровными суглинками, подстилаемыми мореной, плохо дренируемые, с дерново-среднеподзолистыми, нередко поверхностно-слабоглееватыми легко- и среднесуглинистыми почвами, под липово-еловыми кислично-влажнотравно-зеленомошными с широкотравьем лесами; **2.** Моренно-водноледниковые равнины пологонаклонные, реже плоские, сложенные покровными суглинками, подстилаемые маломощными водноледниковыми суглинками, супесями и песками, залегающими на морене, слабо дренированные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми, местами слабоглееватыми, легкосуглинистыми почвами, под липово-еловыми с сосной кустарниковые широкотравно-папоротниковыми лесами; **3.** Моренно-водноледниковые равнины полого вогнутые (приводосборные) понижения, сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми суглинками и песками, залегающими на морене, с дерново-среднеподзолистыми глееватыми и дерново-подзолисто-глеевыми средне- и тяжелосуглинистыми почвами, под липово-еловыми крушиновыми папоротниково-широкотравно-влажнотравными лесами; **4.** Водноледниковые равнины (высокие долинные зандры) плоские, сложенные покровными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми песками, плохо дренированные, с дерново-средне-, реже дерново-слабоподзолистыми, часто слабоглееватыми, легкосуглинистыми почвами, под липово-елово-сосновыми кустарниковыми папоротниково-влажнотравно-зеленомошными лесами; **5.** Водноледниковые равнины (высокие долинные зандры) пологонаклонные, сложенные маломощными покровными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми песками, относительно хорошо дренируемые, с дерново-слабоподзолистыми легкосуглинистыми почвами, под широколиственно-сосновыми лещиновыми папоротниково- широкотравными лесами; **6.** Водноледниковые равнины (высокие долинные зандры) пологовогнутые и слабонаклонные (приводосборные понижения), сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми суглинками и песками, с дерново-среднеподзолистыми глееватыми среднесуглинистыми почвами, под широколиственно-сосновыми крушиновыми долгомошно-влажнотравно-папоротниковыми лесами; **7.** Древнеаллювиально-водноледниковые равнины (низкие долинные зандры) плоские, сложенные маломощными покровными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиально-водноледниковыми песками и перемытой мореной, слабо дренируемые, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми легкосуглинистыми почвами, под сосняками с липой и дубом кустарниковыми травянисто-папоротниковыми с пятнами брусники и зеленых мхов; **8.** Древнеаллювиально-водноледниковые равнины (низкие долинные зандры) полого- и покатонаклонные, сложенные покровно-делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиально-водноледниковыми песками, “теплые” (южных экспозиций), хорошо дренируемые, с дерново-слабоподзолистыми легкосуглинистыми почвами, под сосняком с дубом лещиновыми орляково-широкотравно-волосистоосоково-вейниковыми; **9.** Древнеаллювиально-водноледниковые равнины (низкие долинные зандры) пологонаклонные, сложенные покровно-делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиально-водноледниковыми песками, “холодных” экспозиций, хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми легкосуглинистыми почвами, под дубово-сосновыми с примесью липы лещиновыми орляково-широтравно-волосистоосоковыми лесами; **10.** Покатонаклонные (свыше 3°) поверхности низких долинных зандров (присетьевые склоны), сложенные маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиально-водноледниковыми супесями и песками, отлично дренированные, с дерново-слаб о подзолистыми легкосуглинистыми почвами, под дубово-сосновыми лещиновыми папоротниково-волосистоосоковыми лесами; **11.** Древнеаллювиально-водноледниковые равнины полого- и покато-наклонные (приводосборные понижения), сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми суглинками и песками, замедленно дренируемые верховьями оврагов, с дерново-среднеподзолистыми слабоглееватыми среднесуглинистыми почвами, под липово-дубово-сосновыми с густым подлеском папоротниково-влажно-разнотравными лесами; **12.** Коренные склоны долины р. Москвы крутые (20–35°) восточной экспозиции, сложенные маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми в верхней части склонов водноледниковыми песками и алевритистыми суглинками, в средней – меловыми песками, в нижней – юрскими песками и глинами, над которыми на отдельных участках пластовая разгрузка грунтовых вод, с дерновыми легкосуглинистыми смыто-намытыми почвами, под сосняками с липой и дубом с можжевельником и лещиной в подлеске орляково-сухоразнотравно-волосистоосоковыми в верхней части склонов, сосново-дубовыми лещиновыми волосистоосоковыми лесами в средней, и липодубравами с вязом с густым подлеском снытьево-влажнотравными в нижней; **13.** Коренные склоны долины р. Москвы покатые (10–20°) преимущественно восточных экспозиций, сложенные делювиальными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми песками, мореной или меловыми песками, с дерновыми, чаще намытыми, легкосуглинистыми почвами, под широколиственно-сосновыми лещиновыми орляково-сухоразнотравно-волосистоосоковыми лесами; **14.** Делювиальные шлейфы полого- и покато-наклонные, суглинистые с дерновыми и дерново-слабоподзолистыми, местами слабоглееватыми, легко- и среднесуглинистыми почвами, под широколиственными с ольхой кустарниковыми крупнотравно-широкотравными лесами; **15.** Делювиальные шлейфы полого- и покато-наклонные, суглинистые, с мочажинами, выпотами и пластовой разгрузкой грунтовых вод, с дерновыми глееватыми и глеевыми среднесуглинистыми почвами, иногда дерново-глеевыми темноцветными и иловато-глеевыми почвами, под вязовниками с дубом, ольхой и черемухой крушиновыми широкотравно-влажнотравно-крупнотравными; **16.** Склоны долины оползневые, бугристо-западинные, наложенные на низкие надпойменные террасы или на высокую пойму, суглинисто-песчаные с большой пестротой литологического состава почвообразующих пород (от глин до каменистых песков), с выходами грунтовых вод, с сосняками с дубом с можжевельником и ракитником в подлеске орляково-вейниковым на слабоподзолистых супесчано-песчаных почвах вершинных поверхностей оползневых бугров, сосново-широколиственными с лещиной в подлеске широкотравно-разнотравно-папоротниковыми лесами на дерново-слабоподзолистых почвах на наклонных и выровненных поверхностях и дубово-ольховыми ивово-крушиновыми крупнотравно-влажнотравными лесами на дерново-глеевых темноцветных и иловато-глеевых почвах межбугровых понижений; **17.** Поймы высокие, относительно повышенные, суглинисто-супесчаные, с пойменными дерновыми маломощными легкосуглинистыми и супесчаными почвами под липодубравами шиповниковыми широкотравными; **18.** Поймы высокие, выровненные и пологонаклонные, подсклоновые, сложенные аллювиальными суглинками, с глубины 1–2 м и глубже подстилаемыми песками и супесями, с пойменными дерновыми среднемощными и мощными глееватыми и глеевыми средне- и легкосуглинистыми почвами под дубравами с вязом и черной ольхой с густым подлеском (калина, крушина, ива, черемуха) снытьево-влажнотравными; **19.** Поймы высокие, выровненные, сложенные маломощными (0,5–1,0 м) аллювиальными суглинками и супесями, подстилаемыми песками, с пойменными дерновыми среднемощными, иногда слабоглееватыми, легкосуглинистыми и супесчаными почвами под липодубравами с ольхой и вязом калиново-шиповниковыми влажнотравно-снытьево-широкотравными; **20.** Прирусловые валы, слабовыпуклые, песчаные, с пойменными дерновыми маломощными слоистыми песчаными почвами под осокорниками и ветляниками злаково-разнотравными; **21.** Староречные понижения, выполненные аллювиальными суглинками с прослоями каменистых песков, подстилаемые старичным аллювием, с пойменными дерново-глеевыми и пойменными мелкоболотными почвами под черноольшаниками крупнотравно-влажнотравными и осоковыми; **22.** Поймы низкие, со сложным микрорельефом, галечниково-песчаные, со слаборазвитыми пойменными оглеенными песчаными с каменистыми прослоями почвами под ветляниками и ивняками осоково-крупнотравно-влажнотравными; **23.** Пляжи песчаные и суглинисто-песчаные с неразвитыми пойменными слоистыми почвами с редкими пионернотравными группировками и ивняками; **24.** Бечевники покато-пологие, сложенные маломощными каменистыми суглинками на юрских глинах, с пойменными дерново-глеевыми и иловато-глеевыми почвами, с мочажинами и родниками, под ольшаниками и ивняками с черемухой, ежевикой и хмелем, крапивные и крупнотравно-влажнотравные; **25.** Крутые (20–40°) склоны оврагов и балок, сложенные маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми четвертичными песками и мореной в верхних частях и меловыми песками и юрскими песками и глинами в нижних частях с дерновыми маломощными смыто-намытыми почвами, в верхних частях склонов под липодубравами с сосной лещиновыми широкотравно-волосистоосоковыми “холодных” экспозиций и дубравами с сосной лещиновыми вейниково-волосистоосоковыми “теплых” экспозиций, в нижних частях склонов – липодубравы с ольхой и вязом лещиново-крушиновые снытьево-влажнотравные; **26.** Террасовидное днище балки, сложенное слоистыми суглинисто-песчаными отложениями, со сложным мелкобугристым микрорельефом, с разгрузкой грунтовых вод, с дерново-глеевыми суглинистыми почвами под ольшаниками с черемухой, малиной и хмелем, крапивными и таволговыми; **27.** Днища балок сырые, с постоянными водотоками, суглинисто-песчаные с каменистыми прослоями, с дерново-глеевыми песчанисто-суглинистыми почвами, под сероольшаниками с дубом, липой и вязом, с калиной и крушиной в подлеске, широкотравно-влажнотравными; **28.** Днища балок влажные и свежие, суглинисто-песчаные, с дерновыми маломощными, нередко оглеенными суглинистыми почвами, под ольхово-широколиственными влажнотравно-широкотравными лесами; **29.** Полузадернованные днища коротких “береговых” оврагов и оврагистых балок, суглинисто-песчаные, свежие и влажные, с дерновыми слаборазвитыми песчано-суглинистыми почвами под широколиственно-ольховыми широкотравно-разнотравными редколесьями; **30.** Конуса выноса полого- и прокато-наклонные, сложенные делювиально-пролювиальными суглинисто-песчаными с каменистыми прослоями отложениями, с дерновыми слоистыми оглеенными песчано-суглинистыми почвами, под черемухово-ольховыми с вязом крушиновыми широтравно-крупнотравно-влажнотравными лесами.

Рис. 20

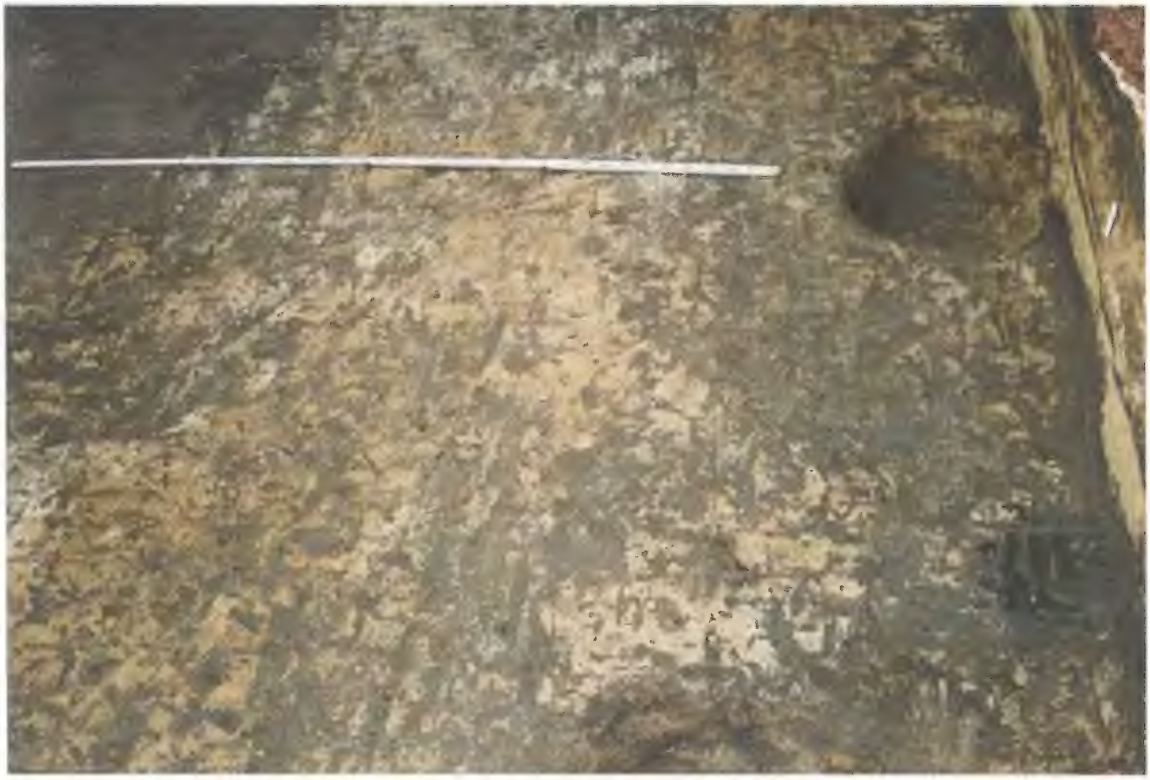


Рис. 1. Комплексные археологические и историко-ландшафтные исследования Сектора археологии Москвы Института археологии РАН в Москве и лесопарковом поясе. 1990–2002 гг.

Карта-ключ расположения исследованных территорий

Рис. 2. Условно-восстановленные природно-территориальные комплексы Москвы. Карта. Составлена В.А. Низовцевым. Легенду см. в гл. 4

Рис. 3. Памятники археологии каменного, бронзового и железного века и природная ситуация I тыс. н.э. на территории Москвы

Рис. 4. Памятники археологии X – первой половины XIII в. на территории Москвы. Список памятников археологии см. в Приложении 3

Рис. 5. Царицыно. Карта расположения памятников археологии:

1 – курганный могильник Царицыно-1; 2 – курганный могильник Царицыно-2; 3 – селище Царицыно-3; 4 – селище Царицыно-1; 5 – курганный могильник Орехово-1; 6 – селище Орехово-2; 7 – курганный могильник Орехово-3; 8 – курганный могильник Орехово-8; 9 – курганный могильник Орехово-7; 10 – курганный могильник Царицыно-3; 11 – курганный могильник Царицыно-4; 12 – селище Царицыно-2; 13 – курганный могильник Орехово-7; 14 – селище Орехово-3; 15 – курганный могильник Царицыно-5; 16 – курганный могильник Орехово-4; 17 – селище Орехово-4; 18 – селище Орехово-5; 19 – селище Орехово-6; 20 – селище Орехово-7; 21 – курганный могильник Орехово-2 ("Дубки"); 22 – селище Царицыно-4

Рис. 6. Долина р. Язвенки. Фото 2000 г.

Рис. 7. Мякининская пойма р. Москвы, зачищены погребенные почвы в отложениях аллювия. Фото 1995 г.

Рис. 8. Условно-восстановленные природно-территориальные комплексы долины р. Язвенки. Карта составлена В.А. Низовцевым. Легенду см. в гл. 7, § 9

Рис. 9. Верхнее течение р. Пехорки. Карта расположения памятников археологии:

1 – курганная группа Лукино; 2 – селище Арефина; 3 – селище на Кобылине поляне; 4 – селище Креулино; 5 – селище на Щукином лугу; 6 – селище Алексеевская роща-1; 9 – селище Алексеевская роща-4

Рис. 10. Долина р. Пехорки в районе сел Пехра и Никóльское-Трубецкое. Карта расположения памятников археологии:

7 – селище Алексеевская роща-2; 8 – селище Алексеевская роща-3; 10 – селище на Арсентьевском поле; 11 – селище в с. Пехра-Покровское (левобережное), 12 – селище в с. Пехра-Покровское (правобережное), 13 – селище Балашиха-1 (напротив впадения р. Малашки); 15 – селище Балашиха-3; 17 – селище Балашиха-5; 18 – селище Балашиха-6; 19 – селище Балашиха-7; 20 – селище Никольское-Трубецкое-1 (у плотины, правобережное), 21 – селище Никольское-Трубецкое-2 (у плотины, левобережное), 22 – курганный могильник у с. Никольское-Трубецкое (насыпи утрачены); 23 – селище Никольское-Трубецкое-3 (в селе); 23а – грунтовый могильник в с. Никольское-Трубецкое; 24 – селище Никольское-Трубецкое-4 (в селе); 25 – селище Горбово-1; 26 – селище Горбово-2; 27 – селище Горбово-3

Рис. 11. Панорама долины р. Пехорки. Справа – Балашихинское городище (Никольское-Мытищи). Март 2004 г.

Рис. 12. Балашихинское городище. Вид из-за р. Пехорки. Март 2004 г.

Рис. 13. Долина р. Пехорки в районе Балашихинского городища и с. Акатово. Карта расположения памятников археологии:

46 – городище Балашиха; 47 – Балашихинский курганный могильник; 48 – селище Балашиха-8 (Сусаново-Гущинки); 49 – селище Балашиха-9 (в парке усадьбы Пехра-Яковлевское); 50 – селище Балашиха-10 (при Балашихинском городище); 53 – 1-й Акатовский курганный могильник (на р. Чернавке); 54 – 2-й Акатовский курганный могильник (на р. Пехорке); 55 – 2-е Акатовское селище; 56 – селище в с. Акатово

Рис. 14. Село Коломенское. Вид от р. Москвы. Фото 2002 г.

Рис. 15. Восточный берег Малого Медвежьего озера. Фото 3.09.2002 г.

Рис. 16. Долина р. Клязьмы. Вид с Болшевского городища вниз по течению Клязьмы. Справа – лес, в котором расположены Бурковское селище и курганы. Фото 1.05.2000 г.

Рис. 17. Бурковские курганы в липовом лесу. Фото 1.05.2000 г.

Рис. 18. Район Коломенского-Дьякова. Карта расположения памятников археологии:

1 – селище Дьяково-2 (Дьяково-пойма); 2 – городище Дьяково; 3 – селище Дьяково-3 (Дьяково Южное); 4 – селище Дьяково-1 (Выгон); 5 – селище Коломенское-3 (к югу от церкви Вознесения на Голосовом овраге); 6 – селище Коломенское-1; 7 – селище Дьяково-1; 8 – селище Коломенское-2 (Государево дворище); 9 – некрополь на площади у церкви Вознесения; 10 – некрополь у церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи

Рис. 19. Условно-восстановленные природные территориальные комплексы Коломенского-Дьякова. Карта составлена В.А. Низовцевым

Рис. 20. Следы средневековой распашки в раскопе на Романовом дворе в Москве. Слева – зачистка материка в раскопе VII, видны борозды распашки, в дальнем левом углу – пятно ямы № 8. Справа вверху – пахотные борозды, перекрывающие заполнение ямы № 8 (жилище XII–XIII в.); справа внизу – зачистка материка в раскопе VI, видны борозды распашки, в правом нижнем углу – углистое пятно, рассеченное бороздами, по которому была получена датировка 680 ± 70 лет (ГИН 11829)

Слой беден керамикой и другими находками. Сбор материала в осыпях берега дал один фрагмент серой или курганной керамики, 10 фрагментов белоглиняной грубой посуды и один – мореной посуды последней четверти XV–XVI вв.

Балашихинская курганная группа расположена у восточного въезда на городище и состоит из 8 насыпей (рис. 91, *1–4*, *6–8*; *5* – мусорная куча). Насыпи № 8 и 9 непосредственно примыкают ко рву, остальные курганы располагаются в 12 м к востоку компактной группой. Курганы были обнаружены краеведом Г.Т. Тимофеевой в 1964 г. В августе 1964 г. ею были раскопаны насыпи № 1, 2 и 3, а в апреле 1965 г. – № 8 и 9. Т.В. Равдиной были систематизированы результаты этих раскопок, докопаны курганы № 8 и 9 и исследован курган № 4.

Курган № 1 (рис. 94). К западу и юго-востоку от насыпи фиксировались ровики. Погребение было совершено в яме на глубине 1,2 м от уровня древней дневной поверхности. Т.В. Равдина отмечает, что, по словам Г.Т. Тимофеевой, костяк не сохранился, а судя по расположению вещей, правая рука была вытянута вдоль тела, а левая согнута в локте. На правой руке найдены плетеный бронзовый браслет, на расплющенных концах которого треугольные оправы с синими стеклами (сохранился один наконечник); витой 2 × 3 бронзовый браслет; три рубчатых бронзовых перстня; перстень пластинчатый кованый широкосрединный с чеканным орнаментом. На левой руке обнаружено два бронзовых витых 2 х 3 браслета, бронзовый решетчатый четырехпунктирный перстень, бронзовый витой тройной перстень, бронзовое проволочное колечко. На правом и левом висках – по паре браслетообразных s-образных колец (диаметр 8 и 8,5 см). На левом кольце кожаным венчиком прикреплен проволочный овал с расплющенными концами. Сквозь это овальное кольцо (диаметр 2,5 и 4 см) продето пластинчатое (ширина 0,5 см) серебряное колечко диаметром 1,2см. На левых браслетообразных кольцах видны остатки ткани (рис. 95). *Курганы № 1 и 2* отражены лишь на планах, составленных Г.Т. Тимофеевой (рис. 94). Из них видно, что в обоих из них следы разрушенного погребения (в первом – обломок черепной кости, во втором – мелкие кусочки от эмали зубов) были обнаружены в могильной яме на глубине 1,5 м от древней дневной поверхности. При первом кургане имелись ровики с юго-запада и юго-востока, а при втором – с востока.

Курган № 4 (высота 1,2, диаметр 7,8 м) был раскопан Т.В. Равдиной (рис. 93). С западной стороны к нему примыкал ровик. Насыпь сложена из темно-желтого очень рыхлого песка. На глубине 90 см был обнаружен череп. Костяк длиной 178 см был ориентирован точно по линии запад–восток. Скелет принадлежал мужчине 40–45 лет. Вещей при нем найдено не было. Стратиграфия кургана такова: под темно-коричневым гумусным слоем (10 см) залегала рыхлая насыпь из темножелтого песка, в центре кургана этот слой незаметно переходил в светлый песок, образующий на погребенной почве небольшую насыпь диаметром 1,5 м и высотой 40 см. В этом светлом песке залегал костяк. Насыпь кургана постепенно переходила в материк – светлый, более плотный песок.

Курганы № 8 и 9 были раскопаны Г.Т. Тимофеевой колодцем и доследованы Т.В. Равдиной (рис. 94Г). В кургане № 8 в колодце, на глубине 145 см от вершины, найдены кости черепа, четыре стеклянных золоченых боченковидных бусины и билоновый рубчатый перстень со свободными острыми концами. В ходе доследования, на горизонте, у ног костяка обычных пропорций, в юго-юго-восточной части было обнаружено два горшка. В ходе доследования кургана № 9 погребения не обнаружено [Равдина, 1965].

В 1990 г. на **селище Балашиха-10**, примыкающем к городищу, были проведены раскопки, которые позволили детально исследовать жилую постройку-клеть XIII в. (рис. 97–99). [Полюлях, Чернов, 2000; см. Приложение 6]. Происходящий из нее материал представлен двумя группами керамики. Курганная посуда (21 фрагмент, или две трети материала), активно представленная в этом комплексе (рис. 101, 102), имеет аналогии в комплексах *нижнего слоя Богоявленского монастыря* второй четверти XIII в. и *сруба 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251 гг.) второй половины XIII в. В комплексах, отражающих следующий этап керамического производства (*сруб 6 Исторического проезда, Лешково-2*), подобной керамики и в таком количестве уже нет.

Серая керамика, которая составляет треть материала (13 фрагментов), представлена довольно развитыми вариантами (4-й и 6-й), отсутствовавшими в период доминирования курганной посуды (рис. 103). Имеются даже два сосуда, переходные от серой к красноглиняной грубой московской посуде и украшен-

←

Рис. 22. 1-й Акатовский курганный могильник

План могильника 1972 г., по Н.Г. Недошивиной и Х.И. Крис (вверху); ситуационный план 1990 г. (внизу)

ные ранним вариантом орнамента типа "косая волна". Весь этот набор новаций московского керамического производства присутствует в комплексе из *ямы 3 Исторического проезда*, который по вещам датируется концом XIII – первой четвертью XIV в. В то же время в Балашихинском комплексе нет ряда образцов серой посуды, которые типичны для комплексов типа Лешково-2 первой половины XIV в.

Отмеченные выше особенности комплекса селища Балашиха-10А позволили отнести его к периоду московского керамического производства, который отражен комплексами *сруба 1 и ямы 3 Исторического проезда* и датируется второй половиной XIII – первой четвертью XIV в. [Полюлях, Чернов, 2000. С. 102][24].

На этом фоне, отражающем местное керамическое производство, выделяется весьма редкая находка – **фрагмент ручки глиняной византийской амфоры.** Это обколотый с двух сторон фрагмент длиной 7 см. В разрезе ручка эллипсовидная (4,5–5 × 3,5 см). Она сформована из красножгущейся глины с среднезернистым песком и многочисленными органическими включениями (навоз), которые в изломе черепка фиксируются в виде угольков, а на поверхности – в виде каверн в глине размерами от 7 × 2 мм до 3 × 0,5 мм. Несмотря на значительную толщину ручки, черепок в изломе имеет однородный кирпично-красный цвет, что свидетельствует о том, что он обжигался в специализированном горне. Согласно типологии амфор, ручка относится к типу 2 позднего вида и датируется второй половиной XII в. [Антонова, Даниленко и др. 1971; Якобсон, 1979; Волков, 1992]. Амфоры этого типа имеют веретенообразное тулово с высоко поднятыми спрямленными ручками. Именно такой фрагмент прямой части ручки и был найден.

Амфоры типа 2 поступали в Причерноморье и на Русь из города Триллии близ Никеи вплоть до начала XIII в. Встречаются амфоры типа 2 во всех крупнейших городах – Киеве, Новгороде, Смоленске, Рязани и т.д. и составляют до 20% находок на территории

Рис. 23. Селище в с. Акатово
План 1990 г., составленный с использованием данных обследования 1977 г. А.А. Юшко и С.З. Чернова

→

Руси [Коваль, 1999. С. 246–260]. Вновь – после значительного временного промежутка – амфоры такого типа начали поступать в Причерноморье в 1260-х гг. Однако ручки их были миниатюрнее, а цвет имел фиолетовый, а не кирпичный оттенок [Волков, 1996. С. 90 – 103][25].

Итак, амфора, фрагмент которой был найден в исследованной постройке, могла быть привезена на берега Пехорки не позднее начала XIII в. Значительный хронологический разрыв между временем появления этой амфоры и датой постройки, в которой был найден ее фрагмент (вторая половина XIII в.), требует объяснения. Обломок мог попасть в заполнение постройки при сооружении последней из отложившегося к тому времени культурного слоя. В пользу такого предположения говорит отсутствие в комплексе других фрагментов амфоры. Впрочем, в комплексе не выделено вообще какого-либо керамического материала, происходящего из более раннего культурного слоя. Курганная керамика представлена крупными фрагментами, которые отложились в ходе жизни сооружения. Да и само наличие культурного слоя на селище ко времени возникновения постройки достаточно проблематично. Поэтому нельзя исключить, что амфора использовалась на протяжении длительного (не менее полувека) времени[26] [Полюлях, Чернов, 2000. С. 102].

Выводы, сделанные в публикации 2000 г., можно уточнить. Как показали раскопки усадьбы на селище Могутово-2 в древнерусской Шерне (2002 г.), керамический комплекс очень близкий к Балашихинскому, включавший небольшую "новационную" серию керамики, бытовал на втором этапе жизни усадьбы, который относится к периоду максимального распространения стеклянных браслетов (1230–1270-е гг.) [Чернов, 2003 в]. Поэтому верхнюю дату постройки на селище Балашиха-10 следует сузить до третьей четверти XIII в. Начало жизни сооружения следует отнести ко второй четверти этого столетия.

Основное назначение амфор – тара для перевозки и хранения дорогих и социально

[24] В отличие от московских комплексов, Балашихинский имеет ряд особенностей. Курганная керамика здесь не только значительно дольше бытовала, но и дольше, чем в Москве, доминировала в керамическом комплексе. В то же время традиция производства серой керамики на берегах Пехорки фиксируется столь же отчетливо, как и в Москве. Следует заметить, что в Радонежской волости, располагавшейся на периферии Московского княжества, эта традиция проявляется значительно слабее и курганная керамика сменяется набором серой и красноглиняной посуды лишь в период, отраженный комплексом *Лешково-2*, т.е. в первой половине XIV в.

[25] Благодарю И.В. Волкова за консультацию.

[26] Факты длительного использования амфор, а также вторичного использования их обломков известны [Коваль, 1999. С. 246–260].

С
МЕСТО ЦЕРКВИ СПАСА
шурф
руч. Чернавка
р. Пахорка
улица
фс
фяс
ж
дж
к
140
139
135
132,7
132,4
134,2
132,65
132,70
132,3
132,6
132,4
139,2
132,2
132,38
132 10
131,85
138 36
131,9
131,91
137,7
137,1
135,7
135,7
132,2
132,3
132,1
131,7
131,54
141,10
138,59
139,83
140,85
140,27
137,97
138,70
137,41
138,64
132,0
132,21
132,34
133
134,75
132,7
137,84
133,64
138,42
132,91
132,4
131,76
0
20
100м

Рис. 24. Алексеевская роща

Вид из-за Алексеевского пруда (конец XVII – начало XVIII в.). Снимок сделан с точки, расположенной в 200 м к юго-востоку от курганного могильника Лукино. 1990 г.

престижных продуктов – вина, масла), пряностей, нефтепродуктов, что подтверждается надписями-граффито на амфорах ("ярополче вино", "новое вино добрило...", "[м]асл[о]", "оле...") [Монгайт, 1949. С. 187, рис. 145; Равдина, 1957. С. 150; Голубева, 1960. С. 322; Седова, 1987. С. 8, рис. 2]. Главными потребителями таких продуктов (а значит, и амфорной тары) были князья, бояре и купцы, имевшие достаточно средств для их приобретения. Кроме того, крупным импортером и потребителем амфор с их содержимым – красным виноградным вином – был клир, использовавший красное вино для исполнения литургии.

Излишек амфорной тары, видимо, мог находить использование в быту простого городского населения, попадать в сферу мелкой внутренней торговли. Об одном из таких владельцев амфор из "черного" люда говорит граффити на амфоре из Киева – "Сутшина корчага" [Калюк, Фридман, 1991. С. 26], где имя Сутша – явно простонародное [Полюлях, Чернов, 2000. С. 102, 104].

Особенности погребального обряда могильника – наличие трупоположений на горизонте (курганы № 4, 8) и в ямах (курганы № 1–3), а также присутствие в кургане № 8 золоченых боченкообразных стеклянных бус позволяют датировать его второй половиной XII – первой третью XIII в. На территории городища к домонгольскому времени относится витой тройной браслет. Его широкая датировка (XII–XIII вв.) не позволяет настаивать на том, что городище существовало в домонгольский период. Расположение курганов у самого въезда на городище наводит на мысль, что могильник возник тогда, когда валы этой небольшой крепости еще не были насыпаны, а поселение располагалось немного южнее, в пределах территории селища Балашиха-10. Затем на свободном от застройки участке (это показал разрез вала) были возведены валы. На могильнике же могли еще некоторое время хоронить.

Во второй половине XIII в. курганная группа перестает использоваться в качестве кладбища. Ко второй–третьей четвертям XIII в. относится постройка-клеть, раскопан-

ная в 80 м к юго-юго-востоку от валов городища. Пониженная территория к северу от городища в этот период была заселена лишь частично. Таким образом, площадь всего комплекса (городище – 5,2 тыс. кв. м, селище к югу от него – 3 тыс. кв.м и селище к северу – не более 3 тыс. кв.м) составляла примерно 11 тыс. кв.м. Судя по результатам раскопок, этот период отмечен не упадком поселения, а его активным развитием и появлением усадеб привилегированного населения.

Вторая половина XIV – первая половина XV в. представлена менее отчетливо. Этим временем датируется красноглиняная грубая керамика на селище к северу от городища. В последней четверти XV–XVI в. городище и примыкающее к нему с севера поселение осваиваются вновь, причем поселение расширяется до 8 тыс. кв.м. Жизнь на памятнике прекращается в XVII в., однако он продолжал посещаться и позднее, о чем свидетельствует находка деньги 1749 г.

Сопоставление с памятниками данного круга показало, что Балашихинский археологический комплекс (городище, курганный могильник из 8 насыпей и селище Балашиха-10 – рис. 21) принадлежит к числу городищ-убежищ (площадью около 4 тыс. кв. м), возникших в северо-восточном Подмосковье на рубеже XII–XIII вв. и просуществовавших до первой четверти XIV в. Памятники такого типа детально исследованы М.И. Гоняным на верхнем Дону и датированы первой третью XIII в. [Гоняный, Шишков, 1991]. Они являлись центрами административных образований – исторических предшественников волостей, известных по духовной грамоте Ивана Калиты (1336 г.) [Чернов, 1996б. С. 136–144]. Просмотр описаний Почернева стана, к которому относились земли по течению р. Пехорки ниже с. Пехра-Яковлевское, позволили идентифицировать Балашихинский археологический комплекс с *погостом "Никольскій Мытища"*[27].

§ 4. Поселения и ландшафты на верхней Пехорке домонгольского периода и их развитие во второй половине XIII в.

Выше Балашихинского археологического комплекса по Пехорке на протяжении 4 км (территория г. Балашихи) древнерусских памятников не найдено, хотя разведками пройдены оба берега реки, а в районе усадьбы Пехра-Яковлевское изучено четыре селища. Судя по всему, во второй половине XII в. население продвинулось из района Балашихинского городища вверх по р. Пехорке на 5 км, к слиянию Пехорки и Малашки, где сложилось новое гнездо поселений. Это гнездо, которое в демографическом плане было предшественником Пехорской волости, является предметом нашего исследования (рис. 20).

Разведки 1990 г. и анализ керамических коллекций свидетельствуют, что расположение поселений отличалось от структуры расселения XVI–XVII вв. (рис. 19). В селах Пехра-Покровское и Никольское-Трубецкое слои XII – первой половины XIII в. не обнаружены. Зато вблизи этих сел были найдены памятники древнерусского времени. На верхнем течении р. Пехорки к этому времени относится селище Алексеевская роща-1 и курганная группа Лукино в Заречной роще. Значительно больше – пять селищ и курганный могильник – обнаружены на р. Малашке. Кроме того, одно селище зафиксировано при слиянии Малашки и Пехорки.

Описание памятников начну с верховьев р. Пехорки.

Селище Алексеевская роща-1 (цв. вкл., рис. 9, *б*) выявлено в 1989 г. [Данилова, 1989. Рис. 37] на правом берегу р. Пехорки, там, где Пехорка выходит на ополье. Оно расположено на пашне, в 200 м к востоку от дамбы Нижнего Алексеевского пруда и в 200 м к северо-востоку от Алексеевского лесничества

[27] В "Дозорной и описной церковных земель" станов Московского уезда июля–августа 7188 (1680) г. сообщается: "Николая чудотворца церковная земля, Почернева стана, пустошь, что был погость Никольскій Мытища на речке Пехорке, от Москвы 15 верстъ по Владимірской дороге; пашни паханой середней земли, по писцовым книгамъ, четь съ осминою, лесомъ поросло 18 чети съ осминою, всего пашни паханой и лесомъ поросло середней земли 20 чети в поле, а в дву потомужъ, сена 10 копенъ на церковной земле подле кладбища построено 5 дворовъ крестьянскихъ князя Якова Иванова Лобанова-Ростовскаго; земля эта смежна съ вотчинными землями Николы-Угрешскаго монастыря и бояръ князя Михаила Андреевича Голицына, Родіона Матвеевича Стрешнева и князя Якова Лобанова-Ростовскаго" (РГАДА. Ф. 235. Кн. 141. Л. 260, 309. Цит по: Николаев, 1872. С. 98, 99). Судя по приведенному тексту, пустошь на месте погоста Никольского Мытища располагалась в 1680 г. на р. Пехорке смежно с владениями кн. Я.И. Лобанова-Ростовского и М.А. Голицына. Центром первого являлось с. Акатово, а второго – с. Яковлевское (нынешнее Пехра-Яковлевское). Между этими селами на р. Пехорке нет иных памятников археологии XV–XVII вв., кроме городища в урочище Лисья гора, которые можно связать с погостом Никольский Мытища.

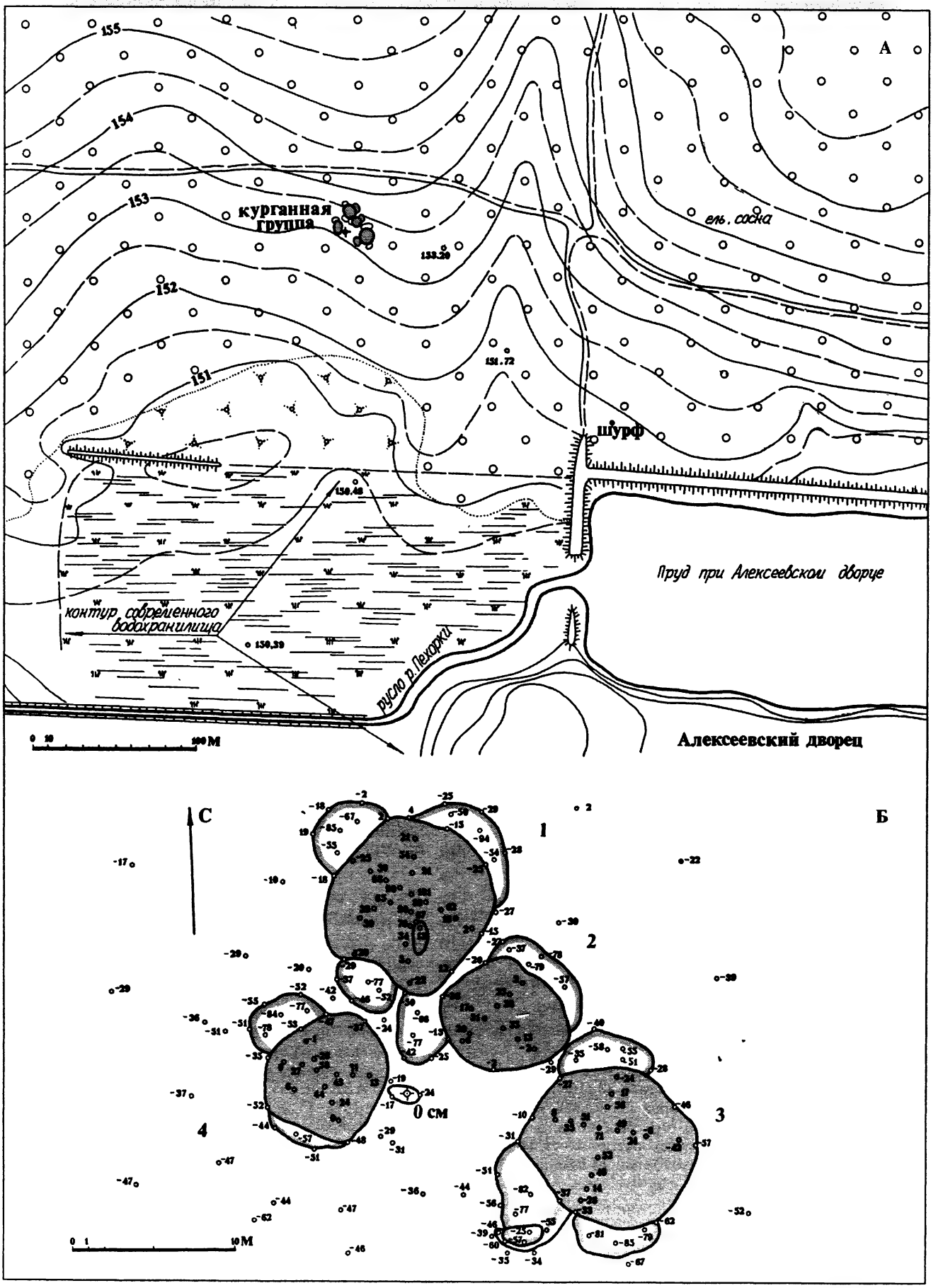

155
154
153
152
151
курганная группа
133.20
151.72
150.48
150.39
ель, сосна
А
шурф
Пруд при Алексеевском дворце
контур современного водохранилища
русло р. Пехорки
0 10 100 м
Алексеевский дворец
С
Б
1
2
3
4
0 см
0 1 10 м

Рис. 25. Курганный могильник Лукино в Заречной роще

А – план могильника;

Б – план насыпей с указанием нивелировочных отметок

←

(рис. 24, 26 А). Оно занимает первую террасу коренного берега р. Пехорки, возвышающуюся на 2–3 м над уровнем поймы. Абсолютные отметки площадки селища – 151–152 м. Расстояние до реки – 25 м. Величина падения склона – 2 м на 10 м по горизонтали. Пойма р. Пехорки занята естественным ольховым лесом. В конце XVII – начале XVIII в. на ней был устроен Нижний Алексеевский пруд, дамба которого сохранилась в 145 м к северо-востоку от селища. Площадка селища распахивается под поле. Она имеет слабовыраженный уклон в сторону реки (величина падения уровня составляет 20 см на каждые 10 м по горизонтали). Площадь культурного слоя, прослеженного по распространению керамики, 155 × 60 м, или 8 тыс. кв.м. Форма селища овальная. Оно вытянуто вдоль края берега. Культурный слой мощностью 0,4 м насыщен керамикой.

Подъемный материал (рис. 30) представлен 146 фрагментами, из которых в коллекцию взято 47, что образует представительную выборку. Ранний материал, найденный на селище, составляет 30% от общего числа керамических находок и представлен курганной (7%), серой (14%) и красноглиняной грубой посудой (9%). Основная часть материала (64%) относится к последней четверти XV–XVII в. Наличие белоглиняной грубой (16%), красноглиняной гладкой (13%), белоглиняной гладкой (14%), чернолощеной (7%), ангобированной (менее 1%) и гладкостенной (14%) посуды указывает на то, что поселение существовало на протяжении XVI и XVII вв., а, возможно, и до начала XVIII в.[28]

Процентное соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой посуды выражается так: **23% : 47% : 30%.** Если учесть, что серая посуда могла откладываться на протяжении двух столетий (XIII–XIV вв.), а красноглиняная – полутора (XIV – первая половина XV в.), то можно заключить, что курганная посуда формировалась на протяжении примерно столетия (XIII в.). Эти расчеты дают определенные основания предполагать наличие на памятнике домонгольского материала.

Характер **курганной посуды,** найденной на селище, не противоречит этому предположению (рис. 30, левая колонка). Среди восьми фрагментов, изготовленных из красножгущейся глины с крупнозернистым песком и дресвой (примеси выступают на поверхности) и прошедших неполный окислительный обжиг, придавший посуде кирпично-красный цвет снаружи и темный внутри, можно отметить стенку, покрытую горизонтальным рифлением, и три венчика. Фрагмент 90-6-1[29] относится к 1-му варианту курганной посуды – с отогнутым наружу венчиком, округлым валиком и желобком под крышку. Аналогии встречаются среди горшков, найденных в датированных погребениях подмосковных курганов: *погребении 1 кургана № 8 могильника Михайловская слобода на р. Москве и погребении 1 кургана № 2 могильника Таганьково* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 8, № 5; Табл. 10, № 4). Можно указать также на сосуды из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, № 518; Табл. 23, № 128; Табл. 25, № 121), *ямы 8* (МК. Табл. 27, № 2588) и *ямы 12* (МК. Табл. 51, № 3108, 3116) *Исторического проезда*, датируемых первой третью XIII в. Фрагмент 90-6-2 принадлежит к 5-му варианту. Сильная, типично древнерусская, профилировка и желобок для упора под крышку сочетаются у сосудов этого типа с отсутствием валиков. Край горшка имеет вид острого ребра, а внешняя поверхность венчика – вид овала с двумя гранями. Горшок, имеющий подобное же завершение, найден в погребении из *кургана № 8 в курганной группе Поваровка-3*, которое датируется серединой XII в. (МК. Табл. 13, № 4). Встречена подобная керамика и в комплексах XIII в. послекурганного времени: *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 31, № 998; Табл. 32, № 585) и *яме 1 селища Царево-1* (МК. Табл. 62А, № 4). И, наконец, венчик 90-6-3 имеет признаки как 1-го, так и 3-го вариантов: он отогнут под 45° наружу и завершается манжетом, причем край сосуда заострен. Наличие значительного процента курганной посуды позволяет сделать вывод о том, что поселение возникло в домонгольский период, видимо, в первой трети XIII в. Скорее всего, при нем имелась курганная группа, распаханная до XIX в.

[28] Материал XIX в. (поливная – 6%) присутствует, однако, учитывая близость селища к даче, существовавшей в конце XIX – начале XX в. на месте Алексеевского лесничества, его присутствие не может служить доказательством существования здесь каких-либо строений.

[29] Шифр фрагментов керамики состоит из трех элементов: год, номер памятника (см. список памятников, рис. 20), номер фрагмента.

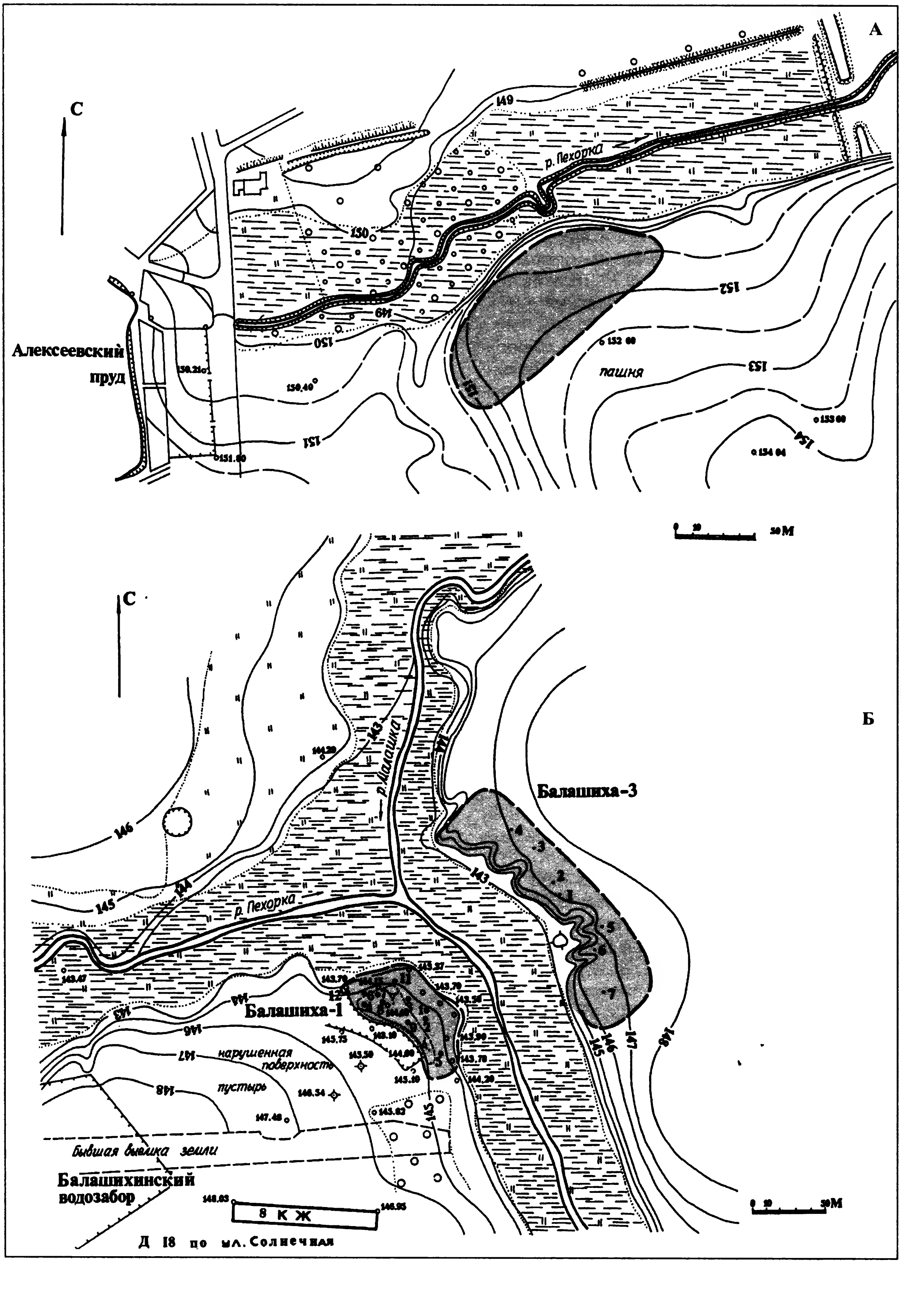

А
С
р. Пехорка
149
150
151
152
153
154
Алексеевский
пруд
150.21
150.40
151.80
152.60
пашня
153.60
154.04
0 10 50 М
Б
С
р. Малашка
р. Пехорка
143
144
145
146
147
148
144.20
Балашиха-3
Балашиха-1
143.47
143.70
143.27
143.50
143.90
143.73
143.10
144.00
145.10
143.78
144.20
146.54
147.48
145.62
нарушенная
поверхность
пустырь
бывшая выемка земли
Балашихинский
водозабор
148.03
146.95
8 К Ж
Д 18 по ул. Солнечная
0 10 50 М

Рис. 26. Поселения на р. Пехорке в районе впадения р. Малашки. В. Общий вид
На переднем плане – сохранившая часть селища Балашиха-1 (березовая роща), на заднем плане, за р. Пехоркой, правее карьера – селище Балашиха-3, вдали – церковь с. Никольское-Трубецкое. 1990 г.

Серая керамика доминирует среди раннего материала (рис. 30, правая колонка). К ее *1-му варианту* – со слабоотогнутым наружу венчиком и утолщениями с обеих сторон – относится венчик 90-6-10. Серии таких сосудов имеются в комплексах из *сруба 1* (МК. Табл. 32, № 734, 737, 941), *ямы 3* (МК. Табл. 40, № 1903, 2034; Табл. 41, № 1895; Табл. 43, № 2172) и *сруба 6* (МК. Табл. 46, № 2402) *Исторического проезда*. Горшок украшен волнистым орнаментом. Не менее характерным образцом развитой серой керамики может служить венчик 90-6-11 с небольшим округлым наружным валиком, принадлежащий к *3-му варианту*. Его аналогии встречаются в *срубе 1* (МК. Табл. 30, № 951; Табл. 31, № 1027), *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 39, № 2123) и комплексе *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 83, 93). К тому же типу относится и венчик 90-6-9 с эллипсовидным валиком. Подобные формы получили распространение в период, к которому относится комплекс *сруба 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248 и 1251 гг.), и бытовали до третьей четверти XIV в. – они встречены в раннем материале селища *Семхоз-4* [Чернов, 1996 а. С. 85. Рис. 9, № 94-10].

Серая керамика из Алексеевской рощи-1 находит аналогии в комплексах типа *сруб 1 Исторического проезда*, а также в комплексах из *ямы 3 Исторического проезда и Лешково-2* (первая половина XIV в.). В работах 1991–1992 гг. комплекс из *ямы 3 Исторического проезда* был датирован концом XIII – первой половиной XIV в. на основании находки обломка поливной золотоордынской кашинной керамики с подглазурной полихромной росписью (черная и синяя по светло-зеленой поливе) [Чернов, 1991. С. 25; Чернов, Бойцов, 1992. № 1. С. 211–230]. В.Ю. Коваль, опираясь на результаты своих исследований, по которым "подобная керамика начала поступать на Русь не ранее второй четверти XIV в.", предложил передати-

←

Рис. 26 А, Б. Поселения на верховье р. Пехорки
А – план селища Алексеевская роща-1;
Б – план селища Балашиха-1 и Балашиха-3 при впадении р. Малашки. Цифрами с точками обозначены шурфы

ровать комплекс из *ямы 3* и отнести его ко второй половине XIV – началу XV в. [Коваль, 2000. С. 77]. Столь радикальная передатировка не может быть принята, поскольку керамические комплексы второй половины XIV в. имеют мало общего с материалом из ямы 3. Тем не менее наблюдения В.Ю. Коваля о времени появления в Москве золотоордынской кашинной керамики должны быть учтены. Они позволяют сузить датировку ямы 3. Верхний слой щепы (отражающий финальный период жизни и этап разрушения постройки), из которого происходит кашинная керамика, следует датировать второй четвертью XIV в. В эту датировку вписываются найденные в этом слое среднещитковый перстень голубого непрозрачного стекла и фрагмент сосуда из бесцветного стекла с орнаментом из непрозрачного красного, голубого и желтого стекла. Что касается нижнего опесчаненного слоя, который откладывался в период функционирования сооружения, то его можно пока датировать расширительно в пределах первой – второй четвертей XIV в. На это указывают находки в нем стеклянных браслетов – черного и синего крученого, производство которых, по мнению Ю.Л. Щаповой, прекратилось в 1240 г.

Таким образом, можно предполагать, что поселение продолжало функционировать (было возобновлено ?) во второй половине XIII – первой половине XIV в.

Курганный могильник Лукино (цв. вкл., рис. 9, *1*; рис. 25). В 1 км выше по течению р. Пехорки, на ее противоположном, северном, берегу, сохранилась небольшая курганная группа Лукино, состоящая из четырех насыпей. Это наиболее верхний по течению реки памятник проникновения славянского населения, относящийся к предмонгольскому периоду. Курганная группа была найдена в 1987 г. А.В. Абатуровым и осмотрена в 1988 г. Р.Л. Розенфельдтом. В описании памятника, составленном Р.Л. Розенфельдтом для свода памятников Московской области, говорится о двух курганных группах (соответственно 4 и 5 насыпей), расстояние между ними – 300 м. Во время обследования, осуществленного в 1990 г., на территории Зарецкой рощи была выявлена лишь одна курганная группа в 215 м к северо-западу от Алексеевского пруда (т. III, Каталог[30], № 27) и в 145 м к северу от водохранилища, устроенного на месте Буланого луга (т. III, Каталог, № 26). С помощью теодолитного хода курганная группа была привязана к северо-западному углу дамбы Алексеевского пруда и дороге, которая проходит к северу от нее, а затем нанесена на топосъемку, выполненную в 1960-е гг. в масштабе 1:2000 (рис. 25).

Курганы расположены в сосново-еловом лесу, на полого спускающемся склоне левого берега р. Пехорки, в 260 м от русла реки и в 70 м от края Буланого луга. Абсолютная отметка поверхности земли в районе курганной группы – 153,30, что на 3 м выше уровня поймы р. Пехорки (крутизна склона – 19 см на каждые 10 м по горизонтали).

Группа состоит из четырех насыпей, данные по которым сведены в таблицу 1.

Таблица. 1. Курганный могильник Лукино. Данные о размерах курганов

№ кургана	Диаметр (м)	Высота (см)	Наличие ровиков	Глубина ровиков (см)	Сохранность
1	10,2–11	83	3	67, 66, 48	разрытий нет
2	7–8	40	2	51, 52	разрытий нет
3	10,5–9,5	117	3	30, 30, 18	разрытий нет
4	7,5–7,3	87	2	49, 9	разрытий нет

Во время обследования 1990 г. шурфовка через 50 м была проведена в радиусе 100–300 м от курганной группы вдоль берега реки: от северо-западного угла Алексеевского пруда вплоть до западной границы Алексеевской рощи, однако культурный слой, синхронный курганной группе, выявлен не был. Это связано, по всей видимости, с небольшими размерами памятника и отсутствием каких-либо ориентиров для его поисков. Скорее всего, селище располагалось к востоку от курганной группы и к северу от Алексеевского пруда.

Течение р. Пехорки ниже с. Пехра-Покровское, вошедшее в черту г. Балашихи, сильно искажено застройкой, спроектированной близко к реке. В связи с этим обследование было сопряжено со значительными трудностями. Тем не менее берега реки удалось изучить достаточно тщательно. Как и в верхнем течении Пехорки, шурфовка велась вдоль берега через 50–100 м и дополнялась осмотром пашни и огородов. В резуль-

[30] Здесь и далее имеется в виду "Каталог объектов исторического ландшафта", ч. 1, помещенный в т. III наст. изд.

Таблица 2. Селище Балашиха-1. Статистика керамики

№ шурфа	Мощность слоя (см)	Характеристика слоя	Курганная	Серая	Красноглиняная грубая	Красноглиняная гладкая	Белоглиняная грубая	Чернолощеная	Поливная
1			3	5	–	–	5	1	–
2	45	коричневая супесь, уголь, печина	–	–	–	–	–	–	–
3	25	–"– уголь	–	–	–	–	–	–	–
4	20	серо-коричневая супесь	–	1	1	–	1	–	1
5	20	коричневая супесь	–	–	–	–	3	–	–
6	40	серо-коричневая супесь, уголь	1	–	–	–	1	–	–
7	22	коричневая супесь	–	–	–	–	–	–	–
8	20	–"–	–	–	–	–	–	–	–
9	15	–"–	–	–	–	–	–	–	–
10	25	–"–	–	–	–	–	–	–	–
11	20	серо-коричневая супесь	–	–	–	1	–	–	–
12	20	–"–	–	2	–	–	–	–	–
Всего			4	6	1	1	10	1	1

тате между с. Пехра-Покровское и Балашихинской мануфактурой было выявлено семь селищ средневекового времени, которые получили обозначения Балашиха 1–7 (цв. вкл., рис. 9, 10).

Наиболее раннее из них – селище **Балашиха-1** – расположено на мысу правого берега р. Пехорки напротив впадения р. Малашки (цв. вкл., рис. 10, 13; рис. 26 Б), в 100 м от северо-восточного угла 8-этажного дома (г.Балашиха, ул. Солнечная, д. 18, построен в 1986 г.) и в 180 м к востоку-северо-востоку от ограды Балашихинского водозабора. Селище занимает край первой террасы реки, который имеет отметку 144 м и возвышается над уровнем поймы на 1 м. Культурный слой зафиксирован вплоть до самой поймы, которая на этом участке подтоплена Балашихинским прудом (т. III, Каталог, № 24). Таким образом, склон к пойме вовсе отсутствует.

Площадка памятника в настоящее время имеет вид останца, четко выделяющегося на местности благодаря роще, которая на нем располагается (рис. 26 В). Весь останец (97 × 47 м) занят культурным слоем. Форма его овальная, площадь 2,9 тыс. кв. м. С запада останец отделен от остальной части первой террасы искусственной выемкой или карьером (70 × 20 м) (рис. 26 Б). Далее на запад поверхность берега несет следы нарушений, которые произошли в период строительства микрорайона и выразились в срезке дерна. Южнее, на топосъемке, которая проводилась в начале строительства (масштаб 1:2000), показана выемка земли, в настоящее время засыпанная. Судя по топосъемке 1:10000, до появления выемки грунта первая терраса имела постепенный уклон с запада на восток, от отметки 148 до 145 м вдоль западного края селища и до 143,37 м у перехода к пойме. Площадка памятника также имеет уклон в северо-восточном направлении (величина падения уровня составляет 57 см на каждые 10 м по горизонтали). Поверхность селища задернована, а в юго-западной части залесена[31]. Для определения распространения слоя было заложено 9 шурфов (50 × 50 см), которые показали, что слой имеет мощность 0,2–0,25 м, состоит из серой опесчаненной супеси и содержит следующий керамический материал (табл. 2).

Анализ керамического материла позволяет выделить два комплекса посуды, которые количественно примерно равны: ранний и позднесредневековый. К раннему комплексу

[31] Сохранность памятника неудовлетворительная. Его ландшафтное окружение было изменено в период активной распашки в земельной даче с. Никольское-Трубецкое в XVII–XIX вв. К 1852 г. сохранялся лишь небольшой участок мелколесья к западу от селища. Этот участок соответствует пространству от селища до водозабора.

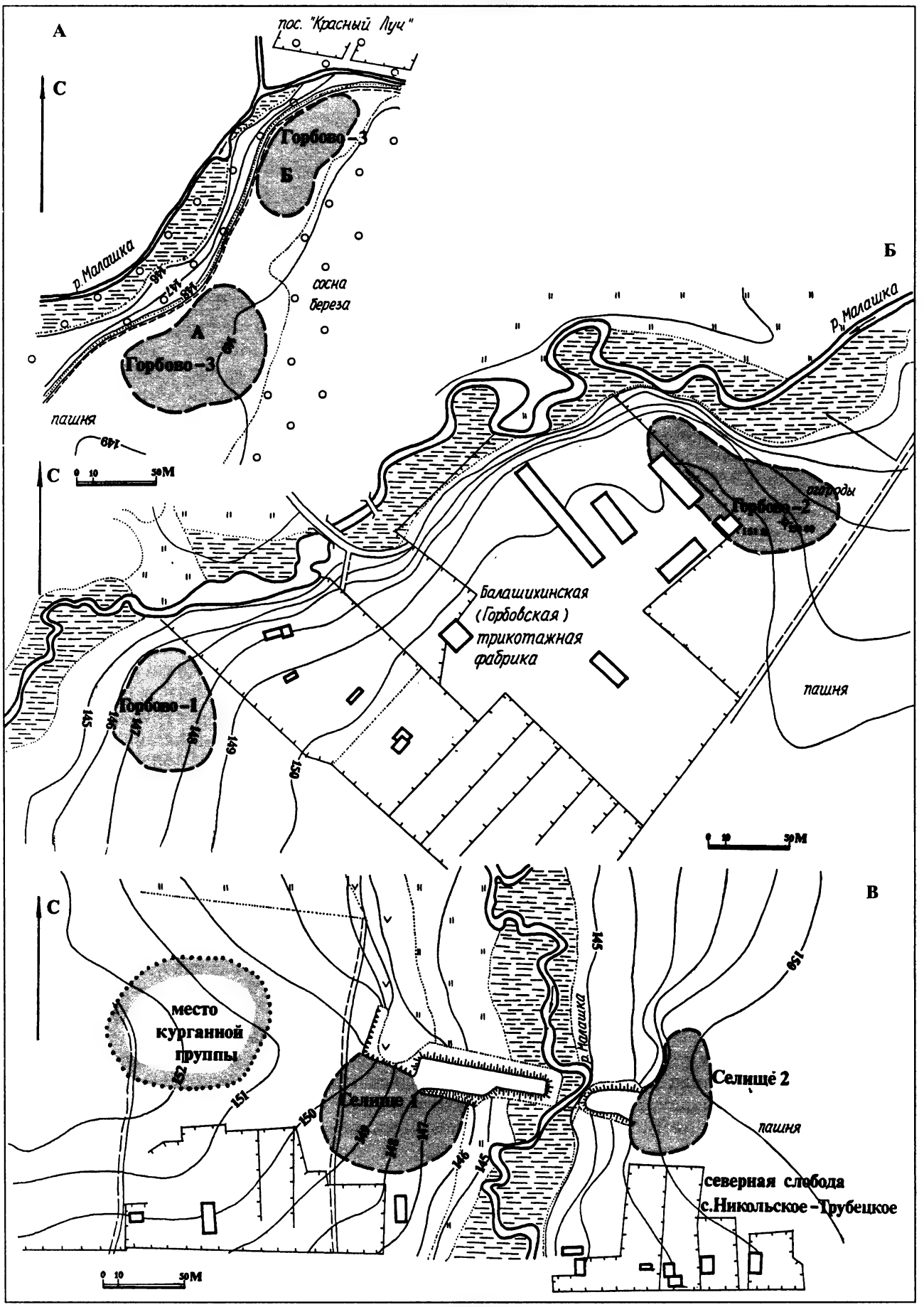

А
пос. "Красный Луч"
С
Горбово-3
Б
р.Малашка
сосна
береза
А
Горбово-3
пашня
0 10 30М
Б
р.Малашка
С
огороды
Горбово-2
Балашихинская
(Горбовская)
трикотажная
фабрика
Горбово-1
пашня
0 10 30М
В
С
место
курганной
группы
р.Малашка
Селище 1
Селище 2
пашня
северная слобода
с.Никольское-Трубецкое
0 10 30М

Таблица 3. Селище Балашиха-3. Статистика керамики

№ пробы	Мощность слоя (см)	Описание слоя	Курганная	Серая	Красноглиняная гладкая	Белоглиняная грубая	Чернолощеная	Белоглиняная шероховатая	Белоглиняная гладкая	Фаянс
1	50	супесь	–	–	–	1	–	1	–	–
2	115	супесь, уголь – прослойка на глубине 15 см	–	–	–	–	–	1	–	1
3	40	супесь	–	–	–	1	–	–	–	–
4	25	супесь	1	1	–	5	–	–	1	–
5	45	супесь	1 венчик	–	–	1	–	–	–	–
6	40	серо-бурая супесь	–	3	4	2	–	–	–	–
7	50	серо-бурая супесь	–	1	–	2	–	–	–	–
Всего			2	5	4	12	–	2	1	1

(рис. 30) относится курганная (8 фрагментов) и серая посуда (11 фрагментов, в том числе стенки с редким горизонтальным орнаментом, нанесенным по подсушенной поверхности). Типичным образцом **курганной посуды** может служить сосуд 1-го варианта с отогнутым под 90° венчиком и валиком изнутри. Как уже отмечалось при описании подобного венчика из селища Алексеевская роща-1, аналогии встречаются среди горшков, найденных в датированных погребениях подмосковных курганов первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 8, № 5; Табл. 10, № 4). Можно указать также на сосуды из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, № 518; Табл. 23, № 128; Табл. 25, № 121), *ям 8* (МК. Табл. 27, № 2588) и *12* (МК. Табл. 51, № 3108, 3116) *Исторического проезда*, датируемых первой третью XIII в.

Тем же временем, видимо, нужно датировать и **селище Балашиха-3** (цв. вкл., рис. 5, *45*), расположеное в 85 м к северо-востоку от селища Балашиха-1, на противоположном левом коренном берегу р. Пехорки, в 50 м к востоку от впадения в нее р. Малашки и в 0,6 км к юго-западу от Никольской церкви с. Никольское-Трубецкое. Культурный слой обнаружен вдоль края первой террасы, которая имеет отметки 145–146 м и возвышается над уровнем поймы реки на 2–3 м (крутизна склона 1,3–2 м на 10 м по горизонтали) (рис. 26 Б). Поверхность площадки памятника имеет уклон к реке (падение уровня составляет 40 см на каждые 10 м по горизонтали). Селище вытянуто вдоль края коренного берега реки на 190 м при ширине 30–50 м. Площадь памятника – 7,4 тыс. кв.м, она рассчитана без учета шести мелких овражков, которые расчленяют его площадку. Поэтому реальная площадь, занятая в настоящее время культурным слоем, составляет примерно 6 тыс. кв.м. Овражки, по всей видимости, возникли на протяжении последних двух столетий.

Селище находится на краю поля с. Никольское-Трубецкое, однако непосредственно площадка памятника не распахивалась или распахивалась нерегулярно. В настоящее время культурный слоя задернован. Для определения размеров памятника и его датировки были взяты пробы слоя (см. их на плане, рис. 26 Б).

Как можно видеть из таблицы 3, культурный слой на всем протяжении селища достаточно однородный и состоит из коричневой или серо-коричневой супеси, залегающей на материке из крупного желтого песка. Как почти везде на Пехорке, древний почвенный слой практически полностью переработан и преобразован в культурный слой.

Керамическая материал, собранный в пробах и обнажениях (рис. 30), состоит из 49 фрагментов (в коллекции 15). К курганной

←

Рис. 27. Поселения на нижнем течении р. Малашки

А – селище Горбово-3;

Б – селища Горбово-1 и 2 у Горбовской трикотажной фабрики;

В – селища Никольское-Трубецкое-1 и 2 и место курганного могильника у с. Никольское-Трубецкое

Рис. 28. Селище Никольское-Трубецкое-1
Вид с востока из-за р. Пехорки от селища Никольское-Трубецкое-2; на переднем плане – дамба XVII в.; на заднем плане справа от домов – место курганного могильника.
29 июля 1990 г.

посуде может быть отнесен фрагмент, содержащий примеси в виде кварцитов со следами горизонтального рифления (рис. 30, левая колонка) и венчик 1-го варианта с округлым валиком 90-15-4, аналогичный тем, которые уже были описаны. Серая керамика представлена шестью фрагментами (14%) (рис. 30, правая колонка), красноглиняная грубая – тремя фрагментами, в том числе вертикально стоящим венчиком 90-15-3. Таким образом, селище можно датировать XIII–XV вв.

* * *

Наиболее ранний древнерусский памятник в исследуемом районе расположен на берегу речки Малашки, в 800 м от ее падения в Пехорку, на северной окраине с. Никольское-Трубецкое. Он включает селище Никольское-Трубецкое-1, примыкающую к нему курганную группу, а также селище Никольское-Трубецкое-2 на противоположном берегу речки (цв. вкл., рис. 10, *20–22*). Место для поселения подсказано самой природой. Только здесь возвышенное плато (его маркирует горизонталь 150 м над уровнем Балтийского моря) с двух сторон подходит к речке, а расстояние между первыми террасами реки (80 м) позволило позднее устроить здесь плотину с мельницей и прудом[32]. Место ныне спущенного пруда представляет собой расширение поймы (400 × 200 м), которое могло использоваться для выпаса скота.

В "Материалах к археологической карте Москвы" О.Н. Бадера, составленной в 1930-е гг., со ссылкой на обследования Д.В. Айзикова, о **курганном могильнике у с. Никольское-Трубецкое** (рис. 27 В) сообщалось: "У с. Ни-

[32] Плотина, пруд и мельница показаны на чертежах второй половины XVII в. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. 2. № 20, 46, 71).

Таблица 4. Курганный могильник у с. Никольское-Трубецкое. Размеры курганов (по О.Н. Бадеру)

№	Высота (в м)	Диаметр (в м)	№	Высота (в м)	Диаметр (в м)
1	0,1	5,0	**14**	0,6	6,0
2	0,7	6,0	**15**	1,0	6,0
3	0,5	6,0	**16**	0,4	3,5
4	0,9	6,5	**17**	1,0	7,5
5	0,7	5,0	**18**	0,7	7,0
6	1	6,0	**19**	0,6	4,5
7	0,6	5,0	**20**	0,6	5,5
8	0,6	5,5	**21**	0,41	5,5
9	1	6,0	**22**	0,65	5,0
10	1	6,5	**23**	0,4	5,0
11	1	6,5	**24**	0,5	6,0
12	0,9	6,5	**25**	1, 1	8,5
13	0,65	5,0	**26**	0,8	7,0
			27	0,75	5,0

кольского, в 300 м к северу за третьей слободой, на правом берегу вытекающей из Медвежьих озер речки Малашки, впадающей за селом в Пехорку, расположена группа курганов, разделенная на три части с промежутками между ними в 50 и 15 м. В могильнике 27 курганов. В 1917 г. поле распахивалось, были частично распаханы и курганы. При этом, по словам местных жителей, никаких находок сделано не было. Курган № 5 имеет на поверхности глубокие ямы. С глубины около 1 м Д.В. Айзиковым при обследовании были извлечены кости животного (свиньи – ?). Вероятно, это следы позднейшего использования курганов в качестве скотского кладбища. Курган № 3 частично раскопан, но погребение вряд ли нарушено. Остальные курганы хорошей сохранности" [Бадер, 1947. С. 104].

В 1990 г. было установлено, что курганы срыли в 1950-е гг. и на их территории разбили сад, в настоящее время вырубленный (см. т. III, Каталог, № 70). Место курганной группы локализовано (рис. 27 В): в 450 м к северо-западу от церкви в с. Никольское-Трубецкое, за ул. 3-я слобода. Расстояние от места курганов до ул. 3-я слобода – 100 м, а от курганов до р. Малашки, в районе старой плотины – 170 м. Курганы располагались на краю второй надпойменной террасы, выступающей в виде мыса в сторону р. Пехорки и имеющей отметки 151–152 м. В 50 м на восток от места курганов было обнаружено селище Никольское-Трубецкое-1, к которому относилась описываемая курганная группа. Над поселением курганы возвышались на 2–4 м, над краем первой террасы – на 4 м, а над уровнем поймы – на 6 м. Участок сниве-лированного курганного могильника, отмеченный на плане (90 × 80 м), соответствует группе в 27 насыпей.

Никольская курганная группа – единственный крупный могильник домонгольского времени в верхнем течении р. Пехорки. Как археологический объект он содержал (а частично и содержит) ценные материалы об антропологических и этнокультурных особенностях первых насельников этого края. К сожалению, до нивелировки он не исследовался археологически. Несмотря на утрату насыпей, могильник еще может стать предметом исследований.

Селище Никольское-Трубецкое-1 (правобережное) (рис. 27 В) было выявлено в 50 м к востоку от описанной выше курганной группы, которая являлась кладбищем данного поселения. Селище расположено на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Малашки, на северной окраине 3-й слободы с. Никольское-Трубецкое и отстоит на 240 м к северу от моста через реку. Как уже отмечалось при описании курганной группы, на этом участке берега край второй террасы р. Пехорки близко подходит к реке и плавно переходит в низкую (1–1,5 м над уровнем поймы) первую террасу (рис. 28). Площадка селища имеет отметки 146 м вблизи реки (1,5 м над поймой) и 150 м на западной окраине (5,5 м над поймой). Уклон площадки значительный – 50 см на каждые 10 м по горизонтали. Расстояние от селища до реки 20 м.

Культурный слой выявлен на площади 4,4 тыс. кв. м. Мощность его – 0,3–0,5 м.

Рис. 29. Селище Горбово-3 на первой террасе р. Малашки
Справа – территория селища (дорога и поле), слева – склон к р. Малашке (на переднем плане расчищенный под огороды, на заднем плане – залесенный). 29 июля 1990 г.

Размеры селища – 80 × 70 м, форма овальная. Верхняя часть площадки памятника используется под огороды, нижняя задернована и переходит в пойменный луг. Западная, восточная и южная границы селища отражают очертания древнего поселения, а северная – результат разрушения площадки селища, произведенного при строительстве дамбы пруда. На плане хорошо видно, что для отсыпки дамбы был использован грунт из карьера, который примыкает с запада к насыпи. Судя по рельефу местности, в ходе этих земляных работ культурный слой селища был нарушен на площади 1,1 тыс. кв.м. Таким образом, первоначальная площадь памятника равнялась примерно 5,5 тыс. кв.м.

Собранный на памятнике подъемный материал (всего 133 фрагмента), если исключить из него гладкостенную и поливную керамику XIX в., попавшую с соседних огородов села, представлен 116 фрагментами, из которых в коллекцию взято 47. Коллекция включает две разновременные группы керамики. Первая из этих групп, которая составляет 57% всей коллекции, представлена курганной (42%) и серой (15%) посудой. Вторая (43%) представлена белоглиняной грубой (25%), а также белоглиняной гладкой и чернолощеной керамикой XVI в. Таким образом, в нашем распоряжении имеется достаточно представительный материал древнерусского периода (рис. 31).

Обращаясь к нему, следует сказать, что перед нами единственный на верхней Пехорке случай преобладания курганной посуды над серой – соотношение курганной, серой и красной грубой: **75%:25%:0%.** Это свидетельствует о том, что жизнедеятельность поселения протекала дольше и (или) активнее в период исключительного бытования курганной керамики (XII в.), чем в период совместного ее бытования с серой керамикой (XIII в.). Таким образом, можно уверенно говорить о наличии на селище домонгольского слоя.

К сожалению, в коллекции преобладают те варианты форм **курганных горшков,** которые мало видоизменялись во времени (рис. 31, левая колонка). Большая часть найденных фрагментов происходит от горшков с горлом в виде конической воронки, расширяющейся к краю (7-й варант). Аналоги 90-20-1 и 90-20-2 (срезанный венчик с небольшими закраинами по краям) встречены в погребении второй половины XII в. из могильников *Аносино на Истре* (МК. Табл. 16, № 2) и конца XII – первой трети XIII в. *из "Дубков" Царицынских* (МК. Табл. 16, № 3 – курган 2, 1944 г.). Ааналог 90-20-4 (отогнутый наружу край) найден в погребении из *кургана № 10 1-го Спас-Тушинского могильника* XII в. (МК. Табл. 13, № 5). Аналогом 90-20-3 и 90-20-8 с отогнутым наружу краем, образующим упор под крышку, может служить сосуд из *кургана № 8 могильника Волково* (МК. Табл. 11, № 3). Следует учесть, что вторая и третья формы продолжают бытовать не только в первой трети XIII в. (*яма 8 Истори-*

ческого проезда – МК. Табл. 27, № 2573; *Богоявленский монастырь* – МК. Табл. 20, № 637; Табл. 22, № 280), но и во второй половине этого столетия (*сруб 1 Исторического проезда* – МК. Табл. 32, № 868; Табл. 32, № 583, 841; *яма 1 селища Царево-1* – МК. Табл. 62, № 9).

Столь же стабильны и формы срезанных венчиков (4-й вариант курганной керамики). Аналоги 90-20-9 найдены не только в курганах (МК. Табл. 17, № 2), комплексе XII в. из *Алексеевки-2 на Воре* (МК. Табл. 19, нижний ряд) и *яме 8 Исторического проезда* (видимо, первая треть XIII в.) (МК. Табл. 27, № 2595), но и в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 733). То же можно сказать и о срезанном венчике 90-20-6 с острым ребром по краю (МК. Табл. 31, № 998). Не помогает даже обнаружение в селище Никольское-Трубецкое-1 довольно редкой формы венчика 90-20-13, отогнутого под 45° с завернутым внутрь и заостренным краем (5-й вариант). Эта древнерусская форма (см. аналогичный венчик горшка *из кургана № 8 могильника Михайловская слобода* на р. Москве середины XII в. – МК. Табл. 8, № 4) фиксируется и в комплексе *Царево-1* (МК. Табл. 62, № 4).

Преобладание на памятнике курганной керамики отчетливо прослеживается по орнаментации сосудов. 13 стенок украшены глубоким и отчетливо прочерченным (по сырой поверхности сосуда) частым горизонтальным орнаментом (промежутки между линиями обычно не шире 0,5 см).

Серая керамика составляет всего 25% (рис. 31, правая колонка). Тем не менее наличие на памятнике материалов второй половины XIII в. устанавливается анализом форм сосудов. Что касается форм серой керамики, отсутствующих в комплексах первой трети XIII в. и появляющихся в *срубе 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251 гг.), можно указать на массивный слабоотогнутый (под 20°) и с небольшим валиком снаружи венчик 90-20-7 (3-го варианта). Серия подобных венчиков, среди которых есть точные аналогии, имеются в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 839, 842). Из других форм серой посуды укажу на срезанный венчик 6-го варианта 90-20-12, близкий описанному ниже на селище на Щукином лугу, и заостренный венчик 90-20-10, аналогии которого есть и в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 704), и в *Лешкове-2* (МК. Табл. 64, № 103; Табл. 66, № 86). Таким образом, можно говорить о жизнедеятельности на селище во второй половине XIII в. и прекращеии жизни примерно в начале – первой четверти XIV в., поскольку красноглиняной грубой керамики и вообще материалов, которые можно было бы датировать XIV – первой половиной XV в., на поселении не найдено.

На левом берегу р. Малашки, напротив описанного выше древнего поселения, в 100 м к востоку от него и в 30 м от русла реки расположено селище **Никольское-Трубецкое-2** (рис. 27 В). Селище 2, подобно селищу 1, возникло на достаточно высоком (для данного ландшафта) берегу р. Пехорки, бровка которого возвышается на 3 м над уровнем поймы (соответственно 148 и 145 м). Крутизна склона – 80 см на каждые 10 м по горизонтали. Площадка селища имеет заметный уклон к реке, составляющей 40 см на 10 м по горизонтали. Культурный слой мощностью 0,3–0,5 м прослежен на огородах, примыкающих к приусадебным участкам домов по ул. 3-я слобода. Поселение имеет овальную форму, вытянуто вдоль реки. Размеры его – 90 × 60 м. Площадь – 2, 5 тыс. кв.м. В северо-западной части культурный слой был разрушен в результате выемки грунта для насыпки дамбы. Если принять в расчет эти разрушения, первоначальную площадь поселения можно определить в 3 тыс. кв. м.

Коллекция керамики, собранная на этом памятнике (рис. 32), не очень велика (47 фрагментов, 36 взято в коллекцию) и, подобно селищу № 1, также состоит из двух групп. Ранняя группа (курганная и серая керамика) составляет 45% материала. В отличие от селища № 1 преобладает здесь не курганная (15%), а серая (30%) посуда. На селище выделяются формы курганной посуды, которые бытовали как в домонгольский, так и в послемонгольский период и были отмечены на селище № 1 (рис. 32, левая колонка). Это воронкообразный венчик 7-го варианта 90-21-16 и завернутый внутрь венчик 5-го варианта 90-21-2.

Соотношение курганной и **серой посуды 34%: 66%** свидетельствует о том, что наиболее интенсивная жизнь на поселении протекала в период, когда серая керамика доминировала над курганной, т.е. во второй половине XIII в. и, возможно, несколько позднее (рис. 32, правая колонка). Хорошим маркером второй половины XIII в. являются сосуды 5-го варианта серой керамики с внутренним валиком подтреугольной формы. Причем, если венчик 90-21-1 имеет аналогии как в комплексе первой трети XIII в. – *яме 12 Исторического проезда* (МК. Табл. 51, № 3135), так и в комплексах второй половины века –

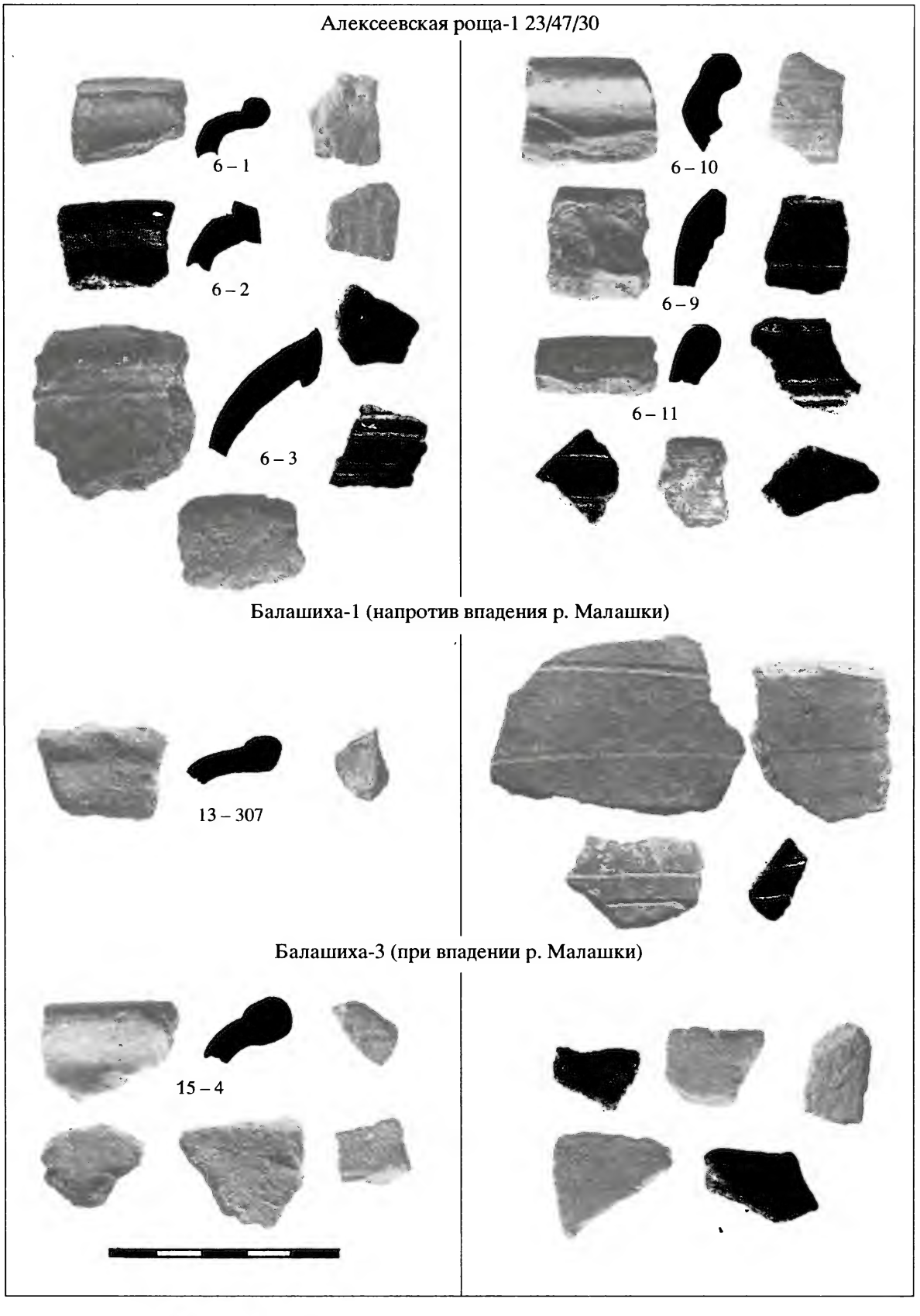


Рис. 30. Керамика селищ с материалами первой трети XIII в. Алексеевская роща-1, Балашиха-1, Балашиха-3

Левая колонка – курганная керамика, правая колонка – серая керамика

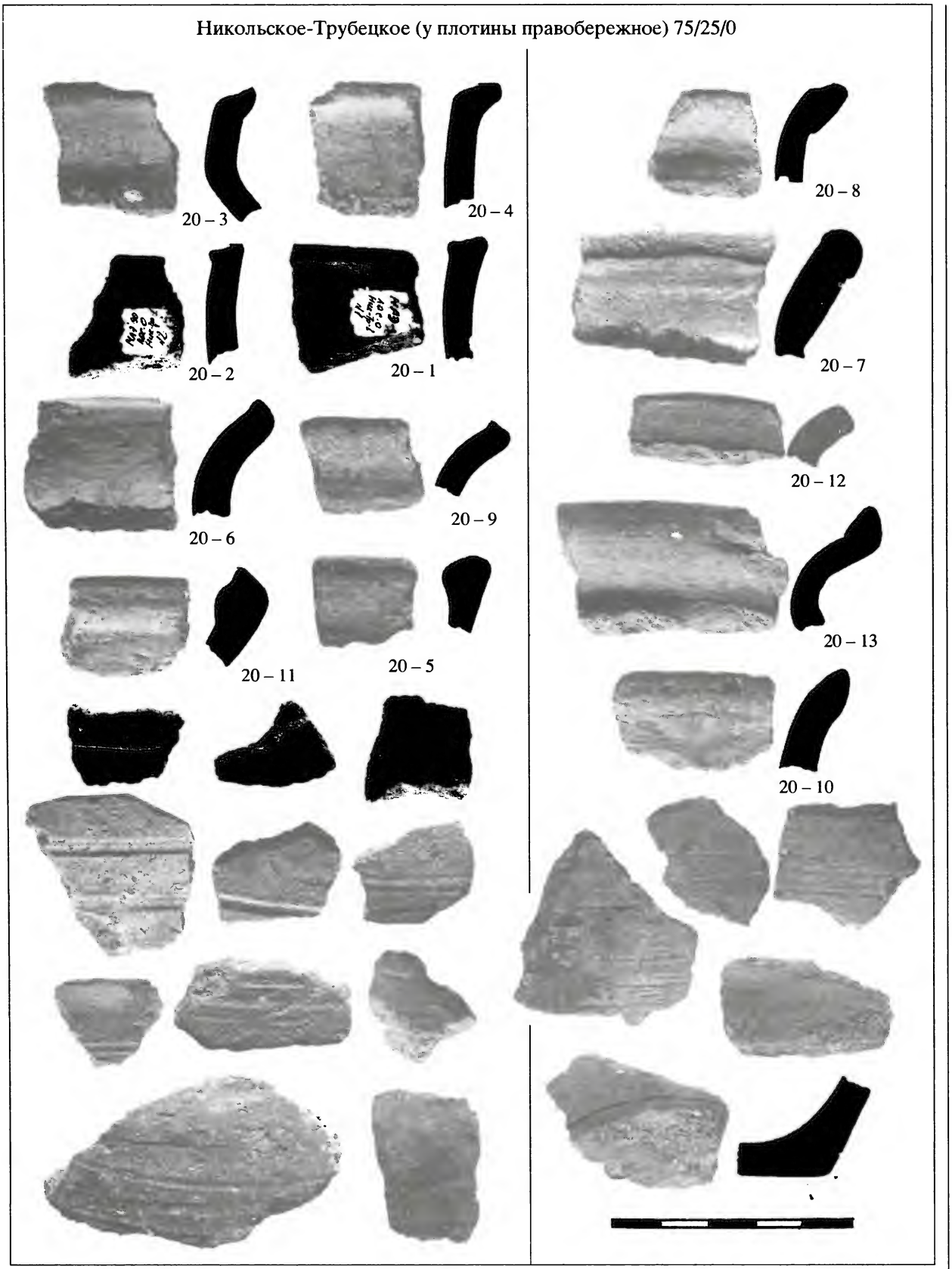


Рис. 31. Керамика селищ с материалами первой трети XIII в. Никольское-Трубецкое-1

Левая колонка – курганная керамика, правая колонка – серая керамика

срубе 1 Исторического проезда и срубе 2 Монетного двора (МК. Табл. 38, № 880; Табл. 54, № 4772), то венчик 90-21-14 представляет собой пример новаций, характерных для комплексов типа *сруба 1 Исторического проезда* и являющихся прообразом красноглиняной грубой московской керамики следующего столетия (МК. Табл. 34, № 1050,1051). **Красноглиняная грубая керамика** не выделяется на уровне венчиков, но незначительное количество материала затрудняет решение вопроса о ее наличии на памятнике. Поэтому памятник может быть датирован первой третью XIII – первой половиной XIV в.

Возможно, в Никольском-Трубецком мы наблюдаем ситуацию, подобную той, которая фиксируется на селищах Каблуково-4 и 5 в волости Воря. На селище Каблуково-4, существовавшем с конца XI в. (судя по датировкам погребений курганного могильника) и не прекращавшем свое существование во второй половине XIII в., соотношение курганной и серой керамики составляет 55% : 35%, на селище же Каблуково-5, которое представляет собой выселок, возникший на противоположном берегу речки Лашутки, – 7%: 30%: 70% [Чернов, 2003 б. С. 204–206]. В Никольском-Трубецком-2 мы наблюдаем такой же сдвиг в сторону серой посуды, который, скорее всего, можно объяснить тем, что перед нами наиболее активно развивавшая во второй половине XIII–XIV в. часть единого поселения.

Таким образом, есть основания предполагать, что наиболее раннее на верхней Пехорке и немалое по размерам (около 8,5 тыс. кв.м) древнерусское поселение не только переживает период монгольского нашествия, но и активно развивается во второй половине XIII–XIV в.

* * *

Ввверх по р. Малашке от селищ Никольское-Трубецкое-1 и 2 остается всего 1 км до того места, где Пехорское ополье сменяется лесами, которые смыкаются вокруг реки (рис.19). На этом небольшом пространстве на восточном, удобном для поселения, берегу реки было обнаружено еще три поселения древнерусского времени, которые получили названия Горбово-1, 2, 3 по расположенной здесь с XIX в. небольшой Горбовской фабрике (цв. вкл., рис. 10, *25–27*). Этот район, выделявшийся в средневековье высокой концентрацией населения, заслуживает пристального внимания как в отношении хронологии поселений, так и в плане их ландшафтной приуроченности.

Селище Горбово-1 (рис. 27 Б) расположено на левом берегу р. Малашки, на пашне, у западной окраины поселка при Горбовской (ныне Балашихинской) трикотажной фабрике, в 200 м от селища Никольское-Трубецкое-2 вверх по реке. Поселение занимает край первой террасы р. Пехорки, которая плавно переходит в пойму. Расстояние от края селища до реки составляет 25–60 м, а до поймы 20 м. Высота нижней части площадки селища (отметка 146 м) над уровнем поймы (отметка 144,5 м) – 1,5 м (склон практически отсутствует, условно его крутизну можно определить в 70 см на каждые 10 м по горизонтали). Отметка верхней части площадки – 148,50 м. Величина падения уровня площадки – 36 см на каждые 10 м по горизонтали.

Селище имеет овальную форму, размеры 75 × 60 м и площадь 3,6 тыс. кв.м. Его северо-восточный край примыкает к ограде фабричного поселка, в 30 м от реки. Культурный слой разрушается распашкой и имеет мощность 0,4 м, соответствующую глубине распашки. Судя по планам середины XVII–XX в., территория селища распахивалась на протяжении последних трех столетий. Тем не менее подъемный материал содержал значительное число керамики. Всего собрано 37 фрагментов, если не учитывать несколько поливных сосудов и крынок XIX–XX вв., попавших с соседних огородов (в коллекции 24 фрагмента). Ранний материал (60% от общего количества) состоит из курганной (15%), серой (30%) и красноглиняной грубой керамики (15%). Курганная (рис. 32, левая колонка) представлена двумя венчиками сильнопрофилированных форм и стенками сосудов, формованных из теста с примесью крупного песка и кварцитов с линейным орнаментом.

К 1-му варианту **курганной керамики** относятся венчики 90-25-3 и 90-25-7 (рис. 32, левая колонка). Аналогии им встречаются среди горшков, найденных в датированных погребениях подмосковных курганов: *погребении 1 кургана № 8 могильника Михайловская слобода на р. Москве и погребении 1 кургана № 2 могильника Таганьково* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 8, № 5; Табл. 10, № 4). Можно указать также на сосуды *из нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, № 124, 601; Табл. 23, № 120) и *ям 8* (МК. Табл. 27, № 2572, 2571) и *12* (МК. Табл. 51, № 3134 – аналог 90-25-7 со слабой пофилировкой) *Исторического проезда*, датируемых первой третью XIII в. Близкий по форме венчик зафиксирован в

слое, отложившемся в начальный период функционирования *сруба 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251 гг. МК. Табл. 30, № 981). Фрагмент 90-25-1 имеет завершение, типичное для 3-го варианта курганной посуды: отогнутый наружу венчик с секировидным в профиле валиком, желобком под крышку и заостренным краем. Подобные горшки присутствуют в погребениях первой половины – середины XII в. – *кургана № 4 могильника Чернево* (МК. Табл. 10, № 3) и в комплексе *из нижнего слоя Богоявленского монастыря*, причем здесь данный вариант представлен целой формой (МК. Табл. 21, № 50). Итак, венчики 1-го и 3-го вариантов бытовали в первой половине XII – середине XIII в.

Соотношение курганной, серой и красной грубой посуды: **25% : 50% : 25%. Серая керамика** выделяется легко. К этому типу принадлежат два венчика со слабой профилировкой, валиком с внутренней стороны и заглаженным тестом, а также шесть фрагментов стенок с горизонтальным неглубоким орнаментом (ширина полос 1,5; 1,5; 2; 2; 2,5 мм – рис. 32, правая колонка). Красноглиняная грубая посуда выделяется менее уверенно, так как ни одного характерного венчика этого времени не найдено. В целом ранний период жизни селища может быть определен в пределах второй половины XII–XIV в.

В ходе обследований берегов р. Малашки, в 310 м выше по течению от селища Горбово-1, у северо-восточной ограды Горбовской фабрики было выявлено селище, получившее название **Горбово-2** (рис. 27 Б). Оно расположено в 20 м от русла р. Пехорки, на ее левом берегу. В этом месте первая терраса реки выступает в пойму под прямым углом. Культурный слой был обнаружен по краю террасы, между ним и оградой фабрики, а также восточнее фабрики, до дороги, ведущей из с. Никольское-Трубецкое в пос. "Красный луч". Край первой террасы имеет отметку 149 м. Склон к реке довольно крутой (2,4 м на 10 м по горизонтали). Высота селища над уровнем реки 3 м. В восточной части селища, в направлении к дороге, склон выполаживается. Площадка памятника имеет уклон к реке при падении 30–40 см на каждые 10 м по горизонтали. Селище вытянуто вдоль края террасы, имеет длину 140 м при ширине от 40 до 60 м. Площадь его 5 тыс.кв.м. Культурный слой имеет мощность 0,4–0,5 м, что соответствует глубине огородной распашки. Разрушения слоя от распашки довольно значительны, так как он залегает на песке, что способствует развеиванию. Западная часть селища нарушена двумя кирпичными корпусами фабрики.

Подъемный материал, собранный на памятнике, богат хорошо идентифицируемыми образцами керамики, хотя общее число найденных здесь фрагментов невелико (66 фрагментов, из которых в коллекцию взято 39). В отличие от селищ Никольское-Трубецкое-1 и 2 здесь нет ярко выраженных групп керамики, относящихся к различным хронологическим периодам. На селище Горбово-2 представлены фактически все основные типы московской керамики от XII до XVI в. Однако ранний комплекс (курганная – 20%, серая – 57%, красная грубая – 8%) образует 85 % материала.

Курганная керамика (рис. 33, левая колонка) представлена венчиками и орнаментированными стенками. Тесто с примесью кварцитов и горизонтальное рифление глубокими и широкими (3; 3; 2,5; 2,5; 2; 2; 2 мм) бороздами, которые в ряде случаев покрывают значительную часть поверхности сосуда сплошным орнаментальным поясом, демонстрируют присутствие на памятнике древнерусской керамики. Формы ее аналогичны тем, которые уже были описаны в разделе о селище Никольское-Трубецкое-1. Это воронкообразные венчики 90-26-4 и 90-26-6 и срезанный с ребром по краю фрагмент 90-26-3, аналог которому зафиксирован в *срубе 1 Исторического проезда*. **Серая керамика** составляет большую часть раннего комплекса (рис. 33, правая колонка). К этому типу относится венчик 90-26-1, слабопрофилированный (под углом 15°) с небольшим утолщением внутри. Эта индивидуальная форма обнаруживается в новационной серии из *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 34, № 943) и бытует в комплексах первой половины XIV в. (*Лешково-2* – МК. Табл. 66, № 106; *яма 3 Исторического проезда* – МК. Табл. 39, левее № 2079). Среди раннего материала селища *Семхоз-4* имеется один такой венчик (правда, с вертикальной постановкой) [Чернов, 1996 а. С. 85. Рис. 9, № 77–94]. В более поздних комплексах не встречается. К серой керамике относятся также стенки, орнаментированные редкими горизонтальными полосами (толщина 1; 1; 1; 1; 1; 1,5; 2; 2 мм). **Красноглиняная грубая керамика** составляет 10% раннего материала. Единственный венчик, относящийся к этому типу, 90-26-1а принадлежит к его ранним образцам, в которых отмеченный выше треугольный в сечении валик еще не развился и не приобрел ту классическую форму, которую имеют венчики крас-

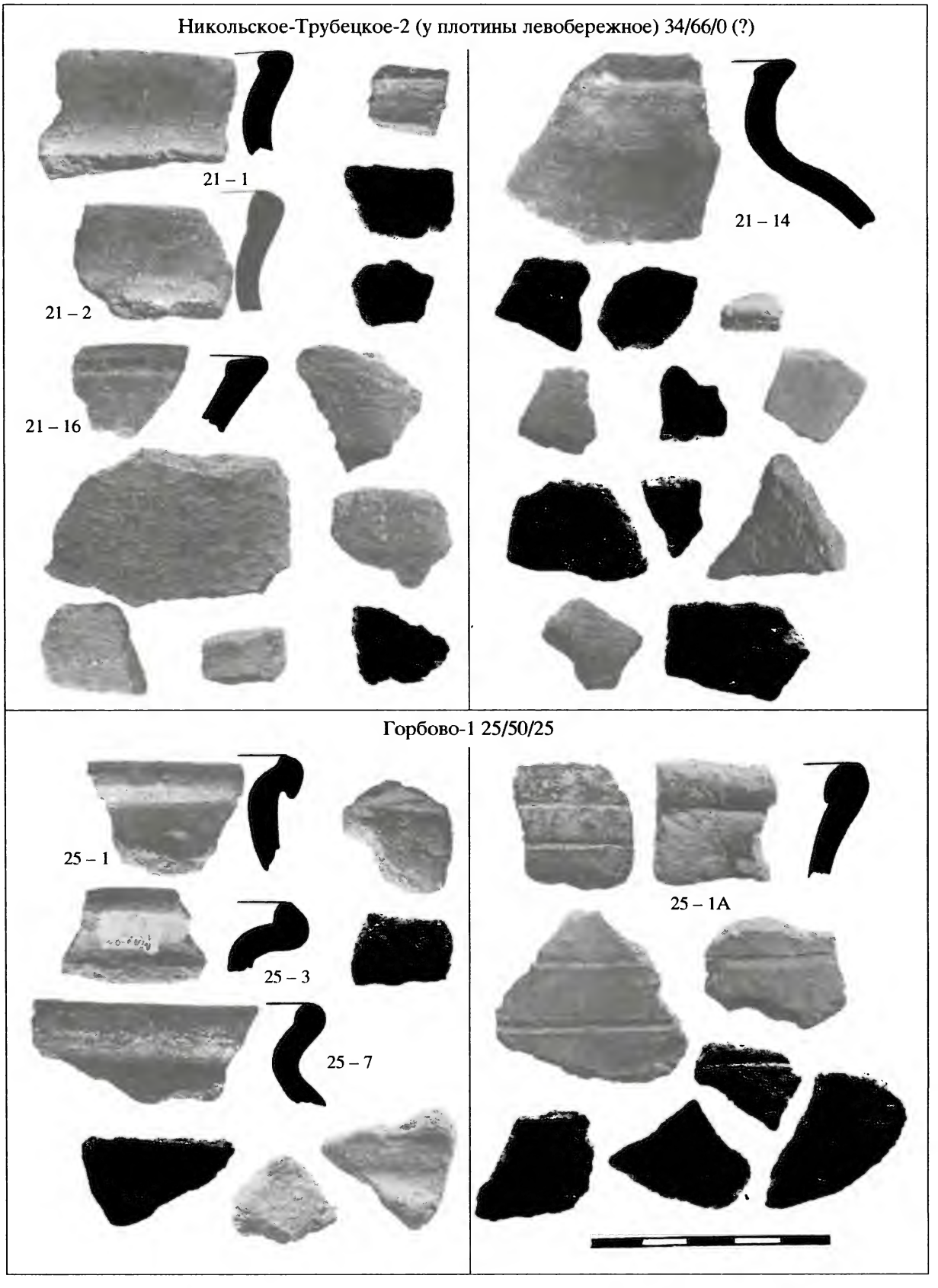


Рис. 32. Керамика селищ с материалами первой трети XIII в. Никольское-Трубецкое-2, Горбово-1

Левая колонка – курганная керамика, правая колонка – серая керамика

ноглиняной керамики первой половины XV в. (рис. 33, правая колонка).

Соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой посуды **23% : 67% : 10%** типично для поселений первой трети XIII в., которые продолжали существовать во второй половине этого столетия и в XIV в. Материала, подтверждающего существование селища в первой половине XV в., не найдено. Впрочем, для вывода о его отсутствии нет пока достаточных оснований.

Селище Горбово-3 (рис. 27 А) расположено в 170 м к северо-востоку от Горбова-2 на левом берегу р. Малашки. Северная оконечность селища достигает слияния ручья с р. Малашкой (т. III, Каталог, № 77), на правом берегу которого находится садовый поселок "Красный луч" завода АТ-2. За ручьем начинается полузаболоченное пространство, называемое местными жителями "Островки" (т. III, Каталог, № 78), частью использовавшееся в XIX – первой половине XX в. под сенокосы. В отличие от полноценных лугов, их именовали "кустами".

Селище занимает самый край удобного для земледелия плато на левом берегу р. Малашки, которое в этом месте выклинивается под углом 30° и заканчивается (цв. вкл., рис. 10, 27). Лес (сосна и береза) примыкает к селищу с востока, так что оно занимает почти все свободное от леса пространство первой террасы реки. Судя по Плану окрестностей Москвы 1852 г., поле, которое в настоящее время соседствует с Горбовской фабрикой с востока, в середине XIX в. было отделено перелеском от основного массива полей с. Никольское и имело площадь не более 8 десятин (рис. 19). Еще один перелесок отделял его от приречного поля, которое в районе селищ Горбово-2 и Горбово-3 имело тогда в ширину менее 100 м. Хорошей сохранностью отличается окружающий селище исторический ландшафт: пойма, залесенный склон, границы полей. Примыкающий к селищу лесной массив сохранил свой зональный породный состав.

В геоморфологическом отношении селище занимает бровку плоской первой надпойменной террасы р. Малашки (рис. 27 А). Бровка, вдоль которой проходит край поля, имеет абсолютные отметки около 148,50, пойма – 146,0. Заросший лесом склон переходит в заболоченное пойменное мелколесье. Крутизна склона – около 2 м на каждые 10 м по горизонтали. Расстояние от селища до реки колеблется от 50 м в южной части, до 20 м в северной. Площадка памятника почти плоская. Величина падения ее уровня составляет 20 см на каждые 10 м по горизонтали. Склон в районе Горбово-3 еще не нарушен распашкой (на снимке виден край нарушенного огородной распашкой участка и сохранивший свой естественный облик склон – рис. 29). Видимо, в прошлом такой же облик имели склоны Малашки и в районе селищ Никольское-Трубецкое-1, 2, Горбово-1, 2.

Культурный слой зафиксирован на пашне на пространстве в 190 м. Его крайняя северная точка расположена в 20 м, а крайняя южная – в 210 м к югу от поселка "Красный луч". Поскольку в центральной части материал фиксируется очень слабо, на плане были нанесены два участка слоя, помеченные под литерами А (южная) и В (северная). Участок А имеет овальную форму. Длина его (вдоль реки) 90 м, ширина 60 м, площадь 4,8 тыс. кв. м. Участок В вытянут вдоль реки. Длина его 80 м, ширина 40 м, площадь 2,4 тыс. кв. м. Расстояние между участками 50 м.

Керамическая коллекция, собранная на памятнике (рис. 34), представляет собой

Таблица 5. Селище Горбово-3. Распределение керамики по типам

Тип керамики	Участок	Число фрагментов	% от общего количества	% без учета материала XVI в.	Участок	Число фрагментов	% от общего количества
Курганная	**А**	19	22	**33**	**В**	19	**32**
Серая		27	30	**47**		32	**54**
Красноглиняная грубая		12	14	**20**		8	**14**
Красноглиняная гладкая		4	4				
Белоглиняная грубая		12	14				
Белоглиняная шероховатая		6	7				
Чернолощеная		8	9				
Итого:		88	100	100		59	100

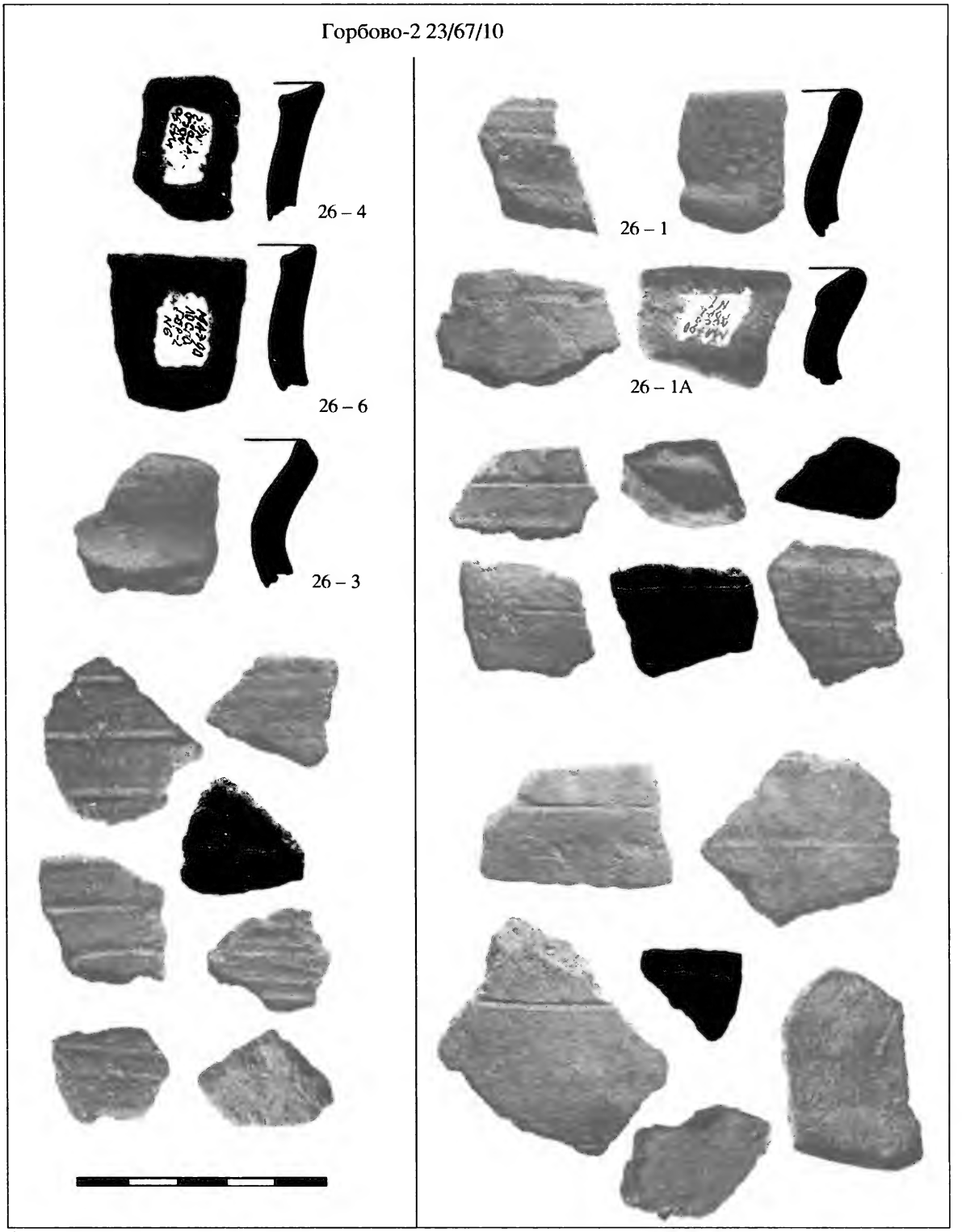


Рис. 33. Керамика селищ с материалами первой трети XIII в. Горбово-2
Левая колонка – курганная керамика, правая колонка – серая и красноглиняная грубая керамика

большой интерес благодаря тому, что материал XVI–XVII вв. присутствует на участке А в небольшом (34%) количестве (на участке В его нет вовсе) и не искажает картину соотношения ранних типов московской керамики.

Поскольку процентное соотношение типов на участках практически идентично: курганная **33–32%;** серая **47–54%**; красноглиняная грубая **20–14%,** характеризовать их имеет смысл без разделения на участки. **Курганная керамика** (рис. 34, левая колонка) изго-

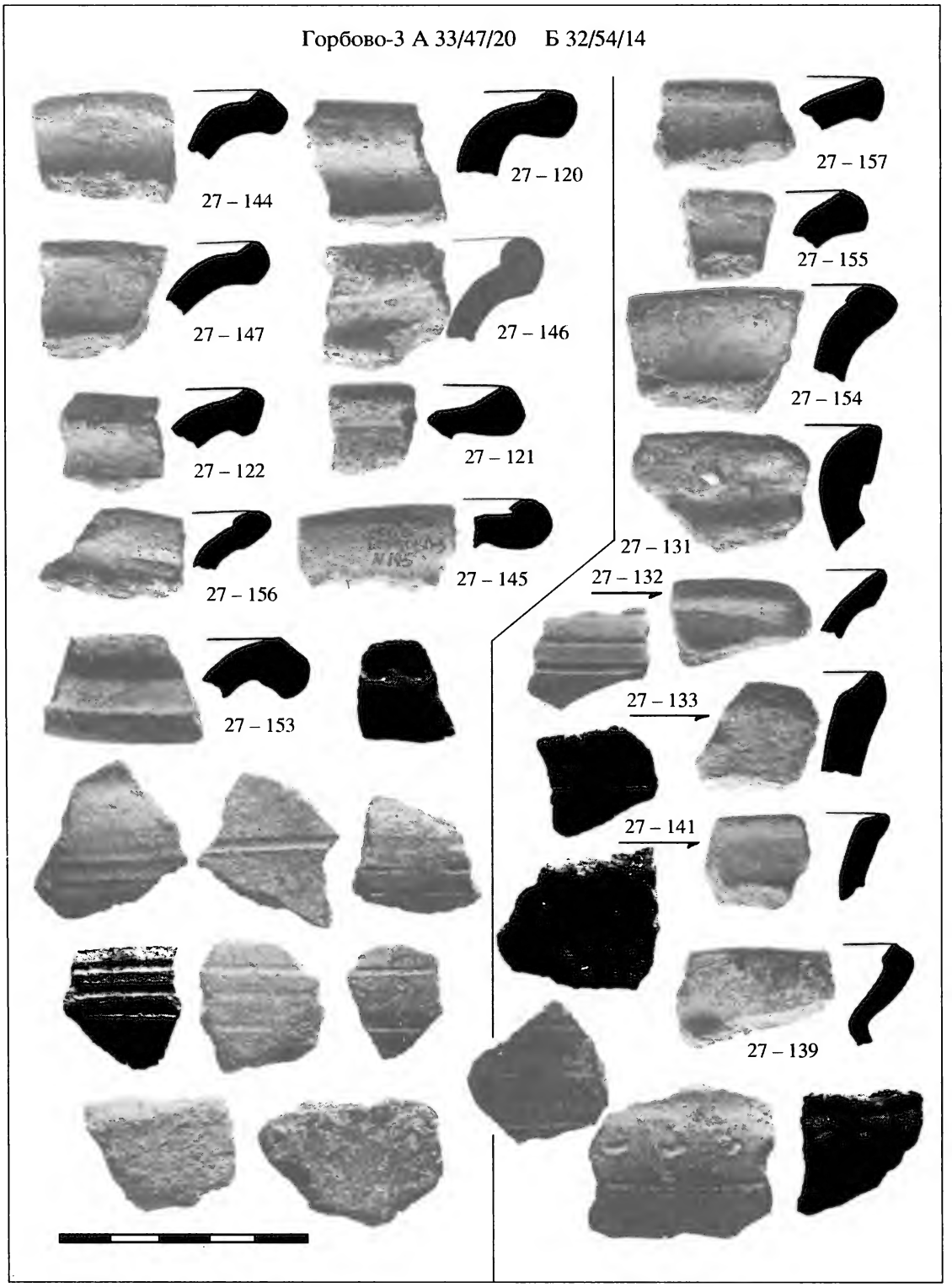


Рис. 34. Керамика селищ с материалами первой трети XIII в. Горбово-3
Левая колонка – курганная керамика, правая колонка – серая керамика

товлена из грубого теста с добавками крупного песка, включающего кварциты, которые образуют неровную поверхность черепка. Среди стенок шесть фрагментов несут орнамент в виде горизонтального рифления шириной 2, 2,5 и 2 мм. Рифление имеет различную глубину, но для большей части фрагментов характерен орнамент в виде непрерывного ряда полос, покрывающих среднюю и нижнюю часть тулова. Обращает на себя внимание серия венчиков сильно профилированных форм с упором под крышку и

круглым валиком по краю (1-й вариант) – 90-27-120, 90-27-121, 90-27-122, 90-27-144, 90-27-145, 90-127-146, 90-27-147. Аналоги, происходящие из подмосковных курганов и других комплексов XII – середины XIII в., приведены выше при описании керамики этого варианта селища Горбово-1. Есть на памятнике и более редкие формы горшков: с резким отгибом вниз края профилированного венчика 90-27-153 (ср.: *Богоявленский монастырь* – МК. Табл. 22, № 414), миниатюрный, сильно отогнутый венчик с уплощенными утолщениями 90-27-156 (аналогии: *Богоявленский монастырь* – МК. Табл. 25, № 602; *яма 12 Исторического проезда* – МК. Табл. 51. № 3107).

Таким образом, курганная керамика, аналогии которой датируются первой половиной XIII в., на селище Горбово-3 составляет 32–33 %, что говорит о продолжительности жизни селища в период ее активного бытования. Это позволяет датировать его возникновение в пределах второй половины XII – первой трети XIII в. Поиски курганного могильника пока не дали результатов, а судя по хорошей сохранности природного окружения, могильник должен был сохраниться. В связи в этим существование поселения в XII в. требует дополнительного подтверждения.

Серая керамика (рис. 34, правая колонка), образующая половину всего раннего материала (47–54%), представлена обломками горшков из лучше отмученного теста (без кварцитов) и с характерной заглаженной поверхностью. Материалы из селища Горбово-3 демонстрируют богатство форм серой керамики. Курганной посуде с секировидными в сечении валиками наследуют венчики 90-27-155 и 90-27-157, причем мы имеем дело со стадией развития этой формы (3-й вариант), когда уже утрачен прогиб на месте упора под крышку, но еще не сформировался эллипсовидный валик, который будет типичен для серой посуды XIV в. Аналогичные формы находим в комплексах *Шарапово-5 А* и *"Огонек"*, которые датируются соответственно второй половиной XIII и первой половиной XIV в. (МК. Табл. 62, № 4; Табл. 63, № 2). Воронковидным горшкам (они не раз уже были описаны) наследует форма венчика 90-27-141. Она фиксируется в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 583), *Царево-1* (МК. Табл. 62, № 7) и в комплексах первой половины XIV в. – *срубе 3 и яме 4 Монетного двора* (МК. Табл. 57, № 3967; Табл. 59, № 3743), а также среди раннего материала *Свято-Данилова монастыря*, отложившегося, видимо, до 1330 г. (МК. Табл. 61, № 1, 2 во втором ряду)[33].

Имеются и формы, встреченные только в комплексах первой половины XIV в. Это два миниатюрных венчика: 90-27-132 – с заостренным краем и 90-27-139 – с виртуозно отогнутым внутрь краем и волнистым орнаментом, близким ранней косой волне. Они находят точные аналогии в комплексе *Лешково-2* (МК. Табл. 64, № 103; Табл. 66, № 77, орнамент см. в том же комплексе – Табл. 64, В). Два фрагмента, украшенных вдавлениями по плечику и редким горизонтальным орнаментом по тулову, аналогичны сосуду из раннего материала *Свято-Данилова монастыря* (МК. Табл. 61, № 2 в нижнем ряду). Встречены также стенки с горизонтальным орнаментом (между линиями около 1 см; глубина бороздок 1,5; 1,5; 2; 1; 1,5 мм). Поскольку серая керамика из Горбова-3 имеет аналогии в комплексах как второй половины XIII в., так и первой половины XIV в.[34], можно заключить, что Горбовские селища активно развивались во второй половине XIII–XIV в.

§ 5. Поселения на верхией Пехорке, возникшие во второй половине XIII – первой половиие XIV в.

Благодаря археологическим исследованиям, мы обладаем редкой возможностью заглянуть на 50–100 лет раньше до первого известия о Пехорской волости времен Дмитрия Донского (1381–1382 гг.) и исследовать, как протекало освоение берегов Пехорки при московских князьях Данииле Александровиче (после 1271 – 5 марта 1303 г.), Юрии Даниловиче (1303 – 21 ноября 1325 г.) и Иване Даниловиче Калите (1325 – 31 марта 1340 г.).

Обращаясь к описанию возникших в этот период поселений (рис. 35), мы сразу же сталкиваемся с типом однодворной деревни, которая являлась характерной чертой раннемосковского пейзажа, расселения и социального строя, описанных С.Б. Веселовским по письменным источникам [Веселовский, 1936]

---

[33] В комплексах *Дубинкин лес* и *Шавыкин монастырь* подобных форм нет. Сосуды, наследующие воронкообразную форму шейки, в Шавыкине монастыре имеют уже совершенно иные венчики [Чернов, 1995 а. С. 140. Рис. 7, нижний].

[34] Красноглиняная грубая посуда Горбова-3 будет рассмотрена в гл. 3, т. II наст. изд.

Таблица 6. Селище на Щукином лугу. Статистика керамических типов

№ шурфа	Характер слоя и его мощность	Курганная	Серая	Красноглиняная грубая	Красно-лощеная	Красноглиняная гладкая	Белоглиняная грубая	Белоглиняная гладкая	Черно-лощеная	Розовоглиняная	Печина
1	0,25 м светло-бурая супесь	–	5	1	–	–	6	2	1	–	1
1а	– " –	–	–	–	–	–	5	–	–	–	–
2	0,22 м светло-бурая супесь	–	–	–	–	–	2	4	3	–	3
3	0,3 м серо-бурая супесь	–	–	–	1	10	4	3	2	–	1
4	0,2 м светло-бурая супесь	1	–	–	–	–	–	1	–	5	–
5	– " –	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	0,25 м серо-бурая супесь	–	–	–	–	1	11	5, 1 с лощением	1	–	10
7	0,15 бурая супесь	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
8	0,2 м серо-бурая супесь	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего		1	7	1	1	11	28	16	7	5	15
%		1,3	9	1,3	1,3	14,6	36,5	20	9	7	

и изученны археологически в древнем Радонеже [Чернов, 1989].

На берегах Пехорки примером такого поселения может служить **селище на Щукином лугу** (рис. 35, *5*). Поляна на коренном берегу Пехорки у южной оконечности Щукина луга (т. III, Каталог, № 25), близ того места, где Пехорка выходит к котловине Буланого луга (т. III, Каталог, № 26), сразу же привлекла мое внимание (рис. 37, нижний). Однако не менее 10 шурфов, которые были заложены вдоль бровки коренного берега реки, не дали результатов. Только настойчивость сотрудника экспедиции Вл. Кошлакова, вернувшегося на поляну и заложившего шурфы в 50 м вглубь от бровки, привела к открытию этого памятника.

Селище на Щукином лугу (цв. вкл., рис. 9, *5*) расположено в Алексеевском лесничестве НП "Лосиный Остров", на первой террасе левого берега р. Пехорки. Коренной берег реки в этом месте выступает в пойму в виде мыса[35]. Селище находится в 80 м к востоку от р. Пехорки, которая в настоящее время имеет вид канавы, обрамленной насыпными валами. Культурный слой выявлен в восточной части поляны, в 30 м от края надпойменной террасы – топографическая особенность не типичная для домонгольских поселений (рис. 36 Б). Площадка селища (отметка 155 м) возвышается над поймой р. Пехорки (отметки 152,20–152,40) на 3 м (величина падения уровня склона составляет 60 см на каждые 10 м по горизонтали). Размеры селища невелики – 65 × 32 м, площадь – 1,7 тыс. кв. м. Поверхность поляны задернована, поэтому площадь памятника и характер слоя исследовались с помощью проб слоя.

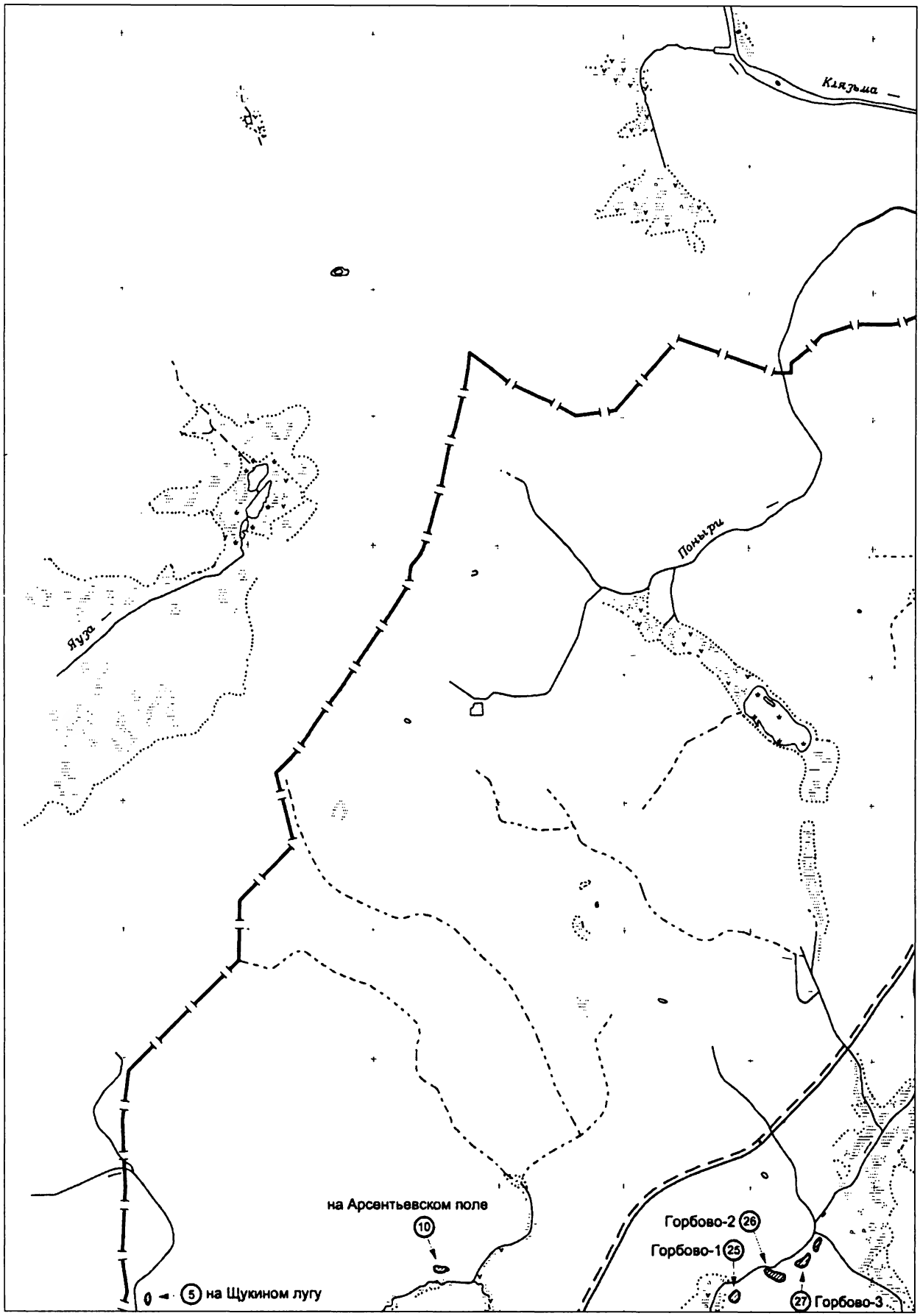
Таблица 6 свидетельствует о том, что культурный слой образован серо- или светло-бурой супесью (переработанные верхние горизонты дерново-подзолистой почвы) мощностью 0,15–0,3 м. Материк – бело-иловатый или желтовато-белый песок. Слой довольно беден керамикой. Между тем состав керамики свидетельствует о продолжительной исторической жизни этого небольшого поселения.

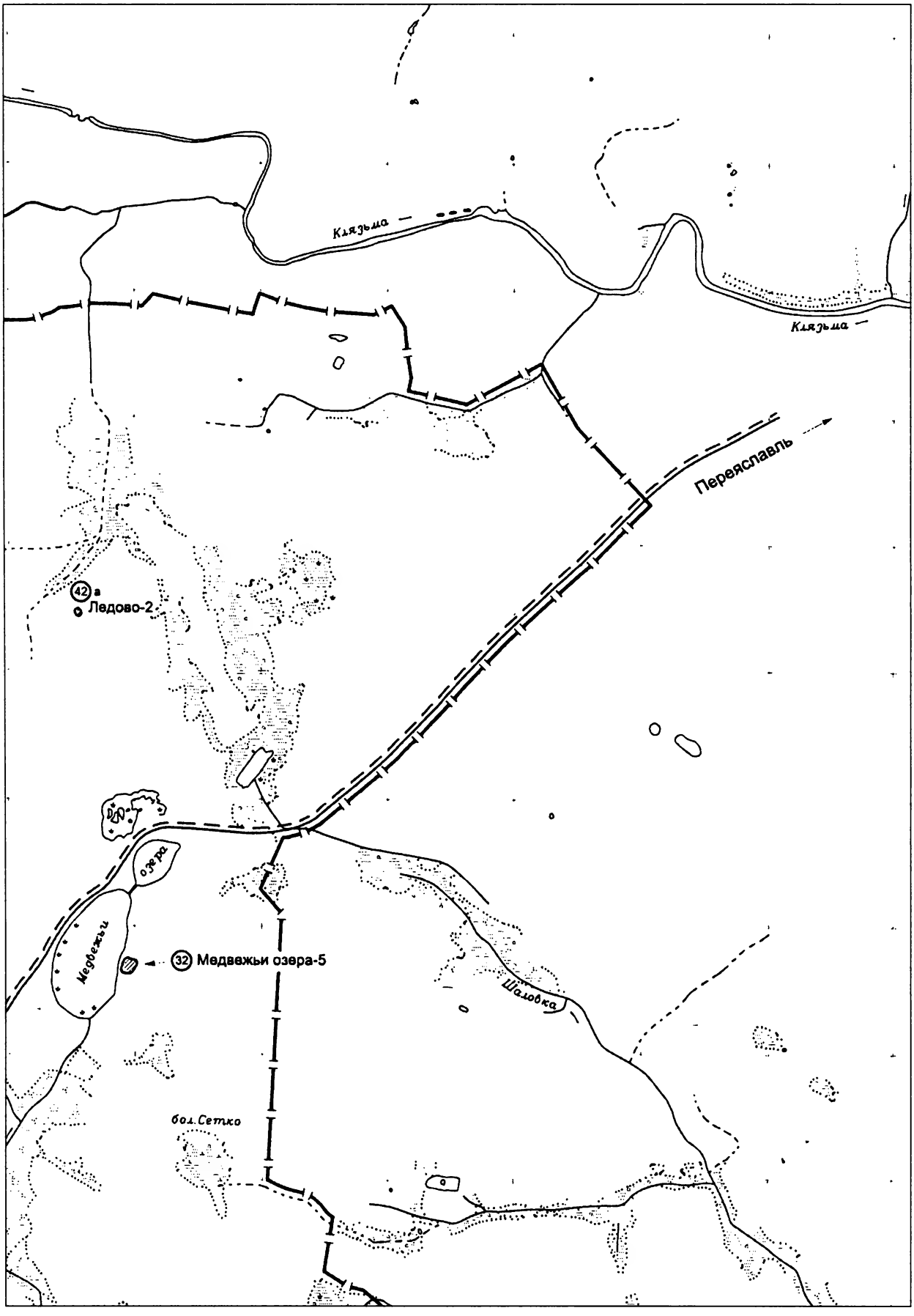
→

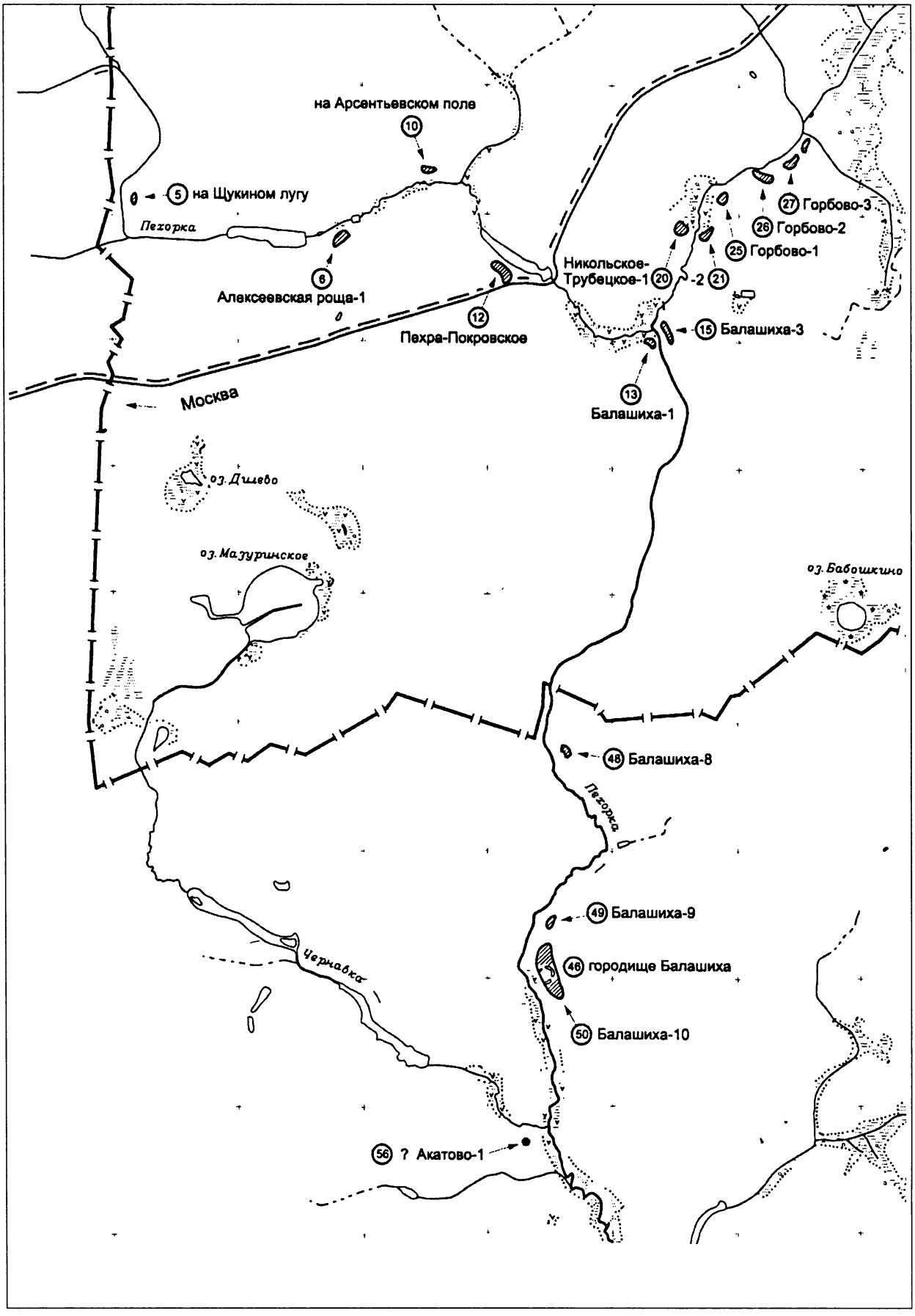
Рис. 35. Поселения второй половины XIII (керамические материалы типа *Сруб 1 Исторического проезда – Царево-1*) **– первой половины XIV в.** (керамические материалы типа *Сруб 6 Исторического проезда – Лешково-2*) **на территории Пехорской волости**

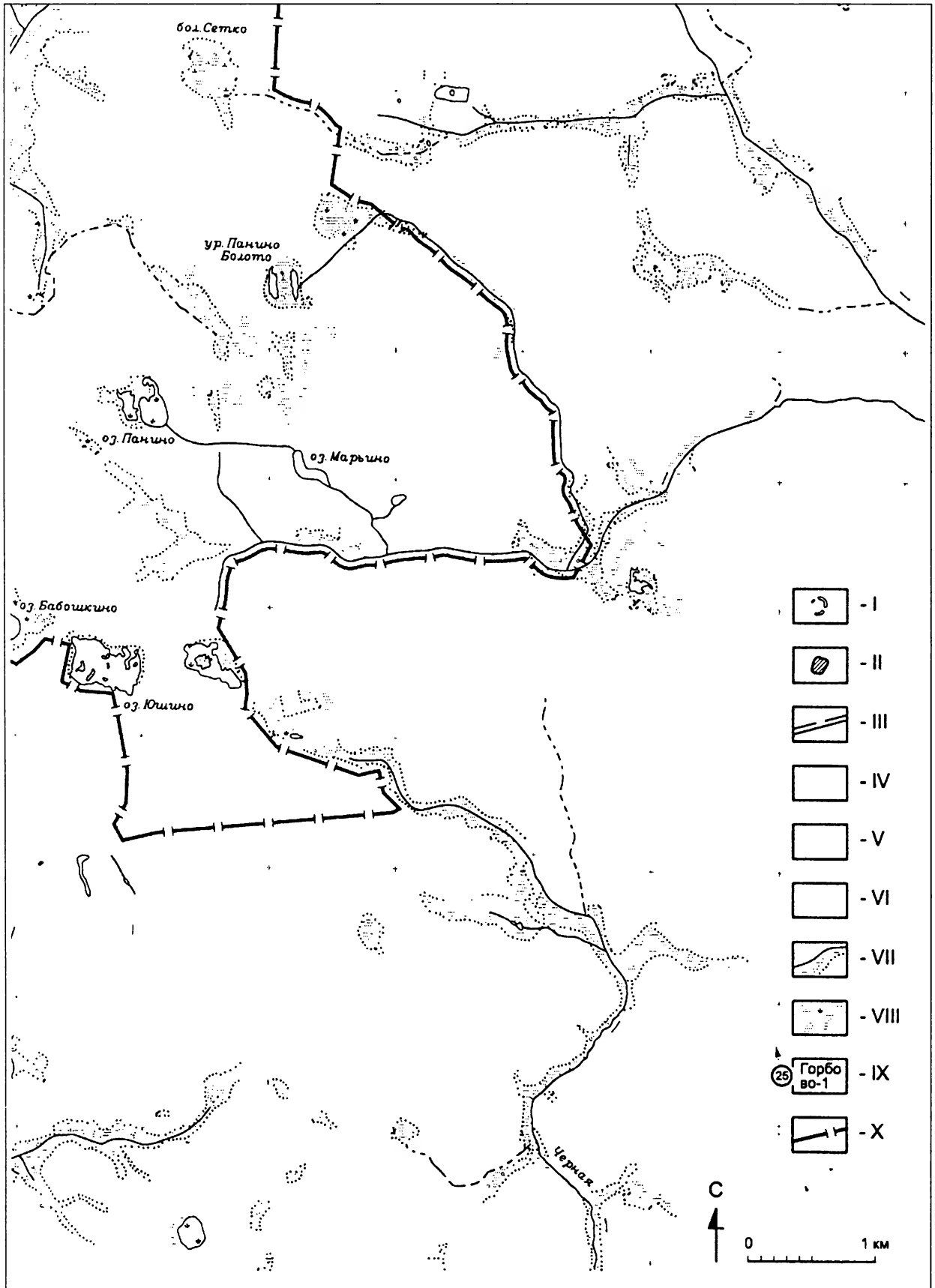
I – городище; II – селище; III – Переяславская дорога; VII – поймы рек; VIII – болота; IX – номер памятника археологии; X – примерные границы Пехорского стана (по данным 1623–1624 гг.)

[35] В 850 м к западу-северо-западу от Верхнего Алексеевского пруда (т. III, Каталог, № 27), в 1,45 км к северу от Щелковского шоссе и в 300 м к северо-западу от водохранилища, которым в настоящее время заполнен Буланый луг (т. III, Каталог, № 26).


Клязьма
Пекыры
Яуза
на Арсентьевском поле
10
Горбово-2 26
Горбово-1 25
27 Горбово-3
5 на Щукином лугу


Клязьма
Клязьма
Переяславль
42 а
Ледово-2
Медвежьи
озера
32 Медвежьи озера-5
Шаловка
бол. Сетхо


на Арсентьевском поле
10
5 на Щукином лугу
Пехорка
6
Алексеевская роща-1
12
Пехра-Покровское
Никольское-Трубецкое-1 20
-2 21
27 Горбово-3
26 Горбово-2
25 Горбово-1
15 Балашиха-3
13
Балашиха-1
Москва
оз. Дшево
оз. Мазуринское
оз. Бабошкино
48 Балашиха-8
Пехорка
49 Балашиха-9
Чернавка
46 городище Балашиха
50 Балашиха-10
56 ? Акатово-1



Автор карты: *С.З. Чернов*

Компьютерное оформление карты: *С.А. Смирнов*

Из шурфов происходит 77 фрагментов керамики, из которых в коллекцию взят 31 фрагмент. **Ранняя керамика** найдена на всем пространстве селища (шурфы № 1, 4, 7, 8) и составляет чуть более 10% материала (рис. 38). Преобладает серая посуда. Один фрагмент может быть отнесен (судя по составу теста с кварцитами) к курганной посуде. Таким образом, соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики примерно **11% : 78% : 11%.** Наиболее показателен венчик массивного горшка 90-5-44. Это типичный образец 6-го варианта серой посуды со срезанным краем. Он несет явные следы развитой стадии производства серой керамики. От ранних образцов серой посуды его отличает отсутствие острых ребер по краю, сообщающее венчику некоторую одутловатость. Подобные сосуды известны исключительно в комплексах селища *"Огонек"* (МК. Табл. 63, № 7, 8, 9), *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 80, 216) и *сруб 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, № 2233), *Лешково-4* (МК. Табл. 67, № 783), *яма 10 Монетного двора* (МК. Табл. 52, № 1030), которые датируются первой половиной XIV в. Срезанные венчики в большом количестве встречаются в комплексе из *Дубинкина леса* (рис. 38, *1*, *2*)[36] и *Шавыкина монастыря* и соответственно бытовали до самого конца XIV в. Однако следует отметить, что аналогичная по формам керамика из комплекса *Шавыкина монастыря* [Чернов, 1995 б. С. 140. Рис. 7, 1-й сверху] выполнена из значительно лучше отмученного теста. Наш же венчик сформован из глины с крупнозернистым песком. Как показал анализ раннего материала из селища *Семхоз-4,* присутствие поздних форм венчиков 6-го варианта маркирует период керамического производства, занимающий стадиально промежуточное положение между комплексом Лешково-2 и Шавыкиным монастырем и предположительно датируемый третьей четвертью XIV в. Все эти соображения позволяют датировать венчик 90-5-44 первой половиной XIV в. Остальная серая керамика изготовлена в той же технологии, что и венчик. Два фрагмента несут тонкий горизонтальный орнамент. Учитывая незначительное число курганной посуды и то, что ранний материал составляет всего 10% собранной на памятнике керамики, его можно датировать в пределах последней четверти XIII – первой половины XIV в.

Типичных форм красноглиняной грубой посуды на селище не найдено. Однако полностью отвергать возможность существования поселения в первой половине XV в. нет оснований. Более явственно представлена белоглиняная грубая – 32% (последняя четверть XV–XVI в., среди находок – типичный миниатюрный венчик 90-5-53 и венчик редкой формы 90-5-54), красноглиняная гладкая – 17% (вторая половина XV–XVII в.) и белоглиняная гладкая (вторая половина XVI–XVII в.). Имеются также типы столовой посуды: краснолощеная (горлышко кубышки) и чернолощеная (6%), а также белоглиняный фрагмент с лощением. Наличие печины на различных участках памятника (по одному фрагменту в шурфах № 1 и 3, три фрагмента в шурфе № 2) говорит о том, что сохраняются следы развала глинобитной печи.

Ко второй половине XVII или началу XVIII в. относится фрагмент муравленного изразца (проба 6), к XVIII в. – обломок штофа зеленого стекла (проба 7). Встречены также пробо́й (проба 2), пуля и 3-копеечная монета 1946 г. (проба 3), обломки кирпичей (пять – в пробе 2, один – в пробе 3). На "Плане Москвы с лежащей около оной ситуацией за 30 верст" 1763 г. (основан на более ранней съемке) на этом месте показана "д. Щ[у]к[ин]о". На Плане Московского уезда 1797 г., который основан на съемке 1766 г. Генерального межевания, на месте селища показан значок, который можно понять как изображение отдельного двора, а также поле округлой формы около 300 м в диаметре (Генеральный план... 1797 г.).

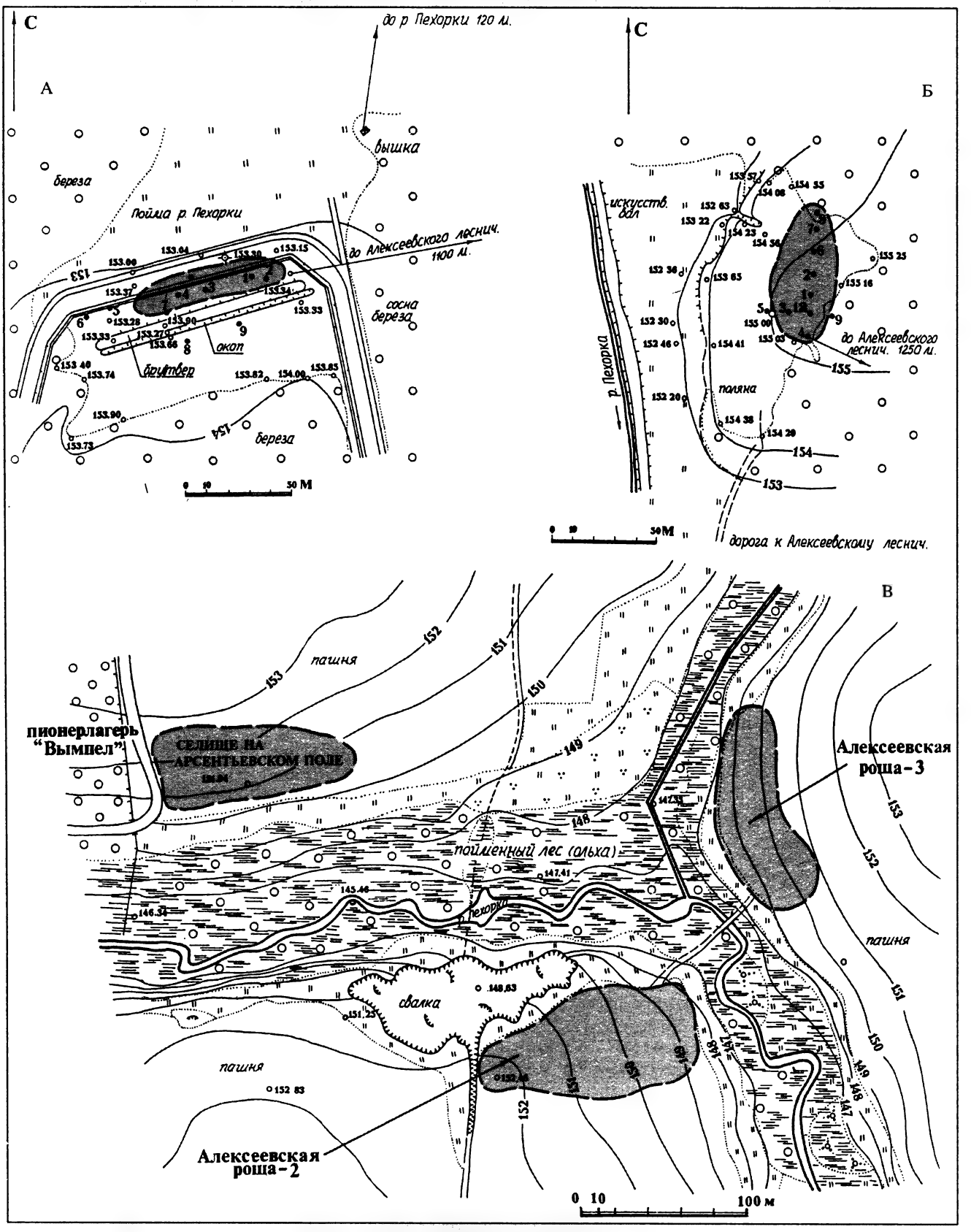
Таким образом, перед нами одно из ранних одно-двухдворных поселений, располагавшихся в округе с. Пехра, которое дожило до середины XVIII в. Судя по наличию серой и курганной керамики и учитывая отсутствие вблизи селища курганной группы (лес должен был уберечь ее от распашки), возникновение его можно отнести к последней четверти XIII – первой четверти XIV в. Селище принадлежит к числу памятников археологии на "осёлке". Учитывая его раннюю датировку, хорошую сохранность слоя и природного окружения, оно может быть признано

→

Рис. 36. Планы поселений второй половины XIII–XIV в. в верховьях р. Пехорки

А – Алексеевская роща-4 на Буланом лугу на территории воинской части; Б – селище на Щукином лугу; В – поселения при впадении в р. Пехорку Копнинского ручья

[36] Здесь и далее ссылки на данный комплекс приводятся с указаниями на номер иллюстрации в гл. 3, т. III наст. изд.


С
А
до р Пехорки 120 м.
вышка
береза
Пойма р. Пехорки
до Алексеевского леснич. 1100 м.
сосна
береза
окоп
бруствер
0 10 30 М
С
Б
искусств. вал
р. Пехорка
до Алексеевского леснич. 1250 м.
поляна
0 10 30М
дорога к Алексеевскому леснич.
В
пашня
пионерлагерь "Вымпел"
СЕЛИЩЕ НА АРСЕНТЬЕВСКОМ ПОЛЕ
Алексеевская роща-3
пойменный лес (ольха)
Пехорка
свалка
Алексеевская роща-2
0 10 100 м

эталонным для изучения этого этапа расселения.

Более значительное по размерам поселение возникло близ впадения ручья Копайки и дало начало (уже во второй половине XIV в.) кусту поселений, одним из которых стало Лукино, упоминаемое в писцовой книге 1623–1624 гг. Оно было обнаружено на левом берегу р. Пехорки, в 215 м к западу-северо-западу от впадения Копайки, в юго-западном углу Арсентьевского поля, и получило название **селище на Арсентьевском поле** (рис. 35, *10*; цв. вкл., рис. 10, *10*)[37].

Древнее поселение примыкает к краю поля, имеющему отметку – 150 м и возвышающемуся над поймой на 2,5 м (рис. 36, В). Далее в сторону реки склон занят небольшой луговой полосой, переходящей в ольховый лес, который произрастает по краю склона и на пойме. Склон пологий (его крутизна – 66 см на каждые 10 м по горизонтали). Площадка памятника имеет незначительный уклон к югу, в сторону реки, а также к юго-востоку, в сторону впадения ручья Копайка (падение – 40 см на каждые 10 м по горизонтали). Селище имеет овальную форму и вытянуто вдоль края берега реки. Длина его – 120 м, ширина – 45 м, площадь – 4,6 тыс.кв.м, что соответствует примерно 3–5 дворам. Культурный слой перепахан на 0,4 м. Ниже залегает материк.

Поселение выделяется обилием керамики, собранной на нем в виде подъемного материала. Здесь почти нет материалов XVII–XVIII вв., что ставит селище на Арсентьевском поле в ряд базовых памятников для определения хронологии. Всего собрано 359 фрагментов. В коллекцию взято 82 фрагмента (рис. 39). Ранний материал селища так распределяется между курганной, серой и красноглиняной грубой посудой – **8,5% : 77% : 14,5%**. **Курганной керамики** мало. Можно указать на венчик 90-10-13 – умеренно профилированный, с наружным валиком, который в сечении имеет секировидную форму за счет округлого валика и острого ребра по краю сосуда. Горшок с венчиком аналогичной формы происходит из нижнего слоя *Богоявленского монастыря*, датируемого первой третью XIII в. (МК. Табл. 21, № 50, см. также № 601). Широко распространены подобные сосуды в комплексе второй половины XIII в. *Шарапово-5А* (МК. Табл. 62, № 4) и раннем радонежском селище примерно того же времени *Лешково-8* (94-677). Широкую дату имеет и массивный венчик 6-го варианта 90-10-2 с наружным валиком, по которому нанесено углубление. Эта форма известна по меньшей мере с середины XII в. (*Стрелково. Курган № 2. Погребение 2* – МК. Табл. 7, № 7; *Царицино-2. Курган № 2* – МК. Табл. 6, № 4) и фиксируется в нижнем слое *Богоявленского монастыря*. Горшок с аналогичным венчиком, имеющим четкий упор под крышку, найден в нижнем опесчаненном слое *сруба 1 Исторического проезда,* который отложился в период жизни сооружения (порубочные даты 1248, 1251 гг.).

Если принять в расчет, что серая керамика откладывалась не более двух столетий (XIII–XIV вв.), то соотношение курганной и серой керамики в период их совместного бытования в XIII в. будет характеризоваться как **18% : 82%**. Подобное соотношение типично для комплексов второй половины XIII в. (в *срубе 1 Исторического проезда* это соотношение равно 6% : 94%, но в сельской местности древнерусская керамика держалась дольше).

Серая керамика составляет 77% раннего материала (рис. 39). Столь большой процент серой керамики свидетельствует о продолжительности жизни поселения в период ее бытования. Она изготовлена из красножгущейся глины с крупнозернистым песком и дресвой и имеет заглаженную поверхность. Имеются сосуды трех вариантов. 1-й вариант – со слабоотогнутым венчиком и валиками с внешней и внутренней сторон – представлен сосудами 90-10-7, 90-10-8, 90-10-12. Первый из них имеет аналогии в комплексах из *Богоявленского монастыря, ямы 3 и сруба 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 25, № 337, 415; Табл. 32, № 737, 941; Табл. 40, № 2136; Табл. 47, № 2305), второй – в тех же комплексах, кроме последнего (МК. Табл. 25, № 125; Табл. 32, № 641; Табл. 40. № 1876, 1934; Табл. 41, № 2261), и третий – в комплексе из *сруба 2 Монетного двора* (МК. Табл. 56, № 3698). К 3-му варианту венчика – с эллипсовидным валиком снаружи – относятся фрагменты 90-10-5, 90-10-6 и 90-10-11. Они имеют аналогии в широком диапазоне: первый – от *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 842) до ранней группы керамики из селища *Семхоз-4* (94-1), второй – от *сруба 1* (МК. табл. 32, № 736, 890) до *ямы 4 Монетного двора* (МК. Табл. 59, № 3742) и *Лешкова-2* (МК. Табл. 66, № 108).

Таким образом, основная масса серой керамики селища принадлежит к формам, ко-

[37] Поле показано на планах Генерального межевания и 1852 г. в его нынешних границах (рис. 19; см. также: т. III, Каталог, № 12).

Рис. 37. Пехорка между селищами Алексеевская роща-2 и Алексеевская роща-3
25 мая 1990 г.

Вид селища на Щукином лугу
8 мая 1990 г.

торые бытовали с первой трети XIII в. (ранний слой *Богоявленского монастыря*) до первой половины XIV в. (*сруб 6 Исторического проезда* и синхронные). Орнаментация серой керамики (14 фрагментов) – горизонтальные полосы шириной около 2 мм с промежутками в 1–2 см – вполне типична для этого периода. Несколько конкретизировать датировку удается благодаря обращающему на себя внимание архаичностью техники венчику 90-10-35, отогнутому под 25° и имеющему крохотный подтреугольный валик. Он близок серии горшков, переходных от серой к красноглиняной грубой посуде из *сруба 1 Исторического проезда* (5-й вариант серой керамики – МК. Табл. 34, № 1050, 829), которая датируется второй половиной XIII в.

По керамическим данным возникновение поселения на Арсентьевском поле можно датировать серединой XIII в. Каких-либо сведений о существовании при нем курганов нет. Обследование прилегающего лесного массива их не выявило. Возможно, курганы располагались к северу от селища и были утрачены в ходе распашки в XVIII–XIX вв., но вероятность этого невелика. Скорее всего, поселение возникло в середине XIII в. или во второй половине этого столетия[38].

Для понимания процессов расселения на р. Пехорке в период после монгольского нашествия важным представляется установить, когда возникло поселение, являвшееся в 1380-е гг. центром Пехорской волости, упоминаемой в меновной грамоте Дмитрия Донского (рис. 35, № 12). Проведенное в 1990 г. обследование **с. Пехра-Покровское** показало, что топографически оно делится на две зоны: первую террасу, которая распространяется от Пехорского пруда на запад на 250 м (отметки 148–150 м), и вторую террасу, увенчанную небольшим овальным в плане возвышением (60 × 50 м – на отметке 154 м), на котором в 1825–1829 гг. была возведена Покровская церковь (цв. вкл., рис. 10, *12*). Наибольшее число керамики происходит из района между церковью и прудом. Подъемный материал собирался на огороде в 80 м к востоку от церкви, а также практически на всех огородах между Щелковским шоссе на юге, прудом на востоке, границей селища на севере и шоссе, ведущем к фабрике, на западе. Общее количество просмотренной керамики составляет 317 фрагментов. Из нее в коллекцию взято 92 фрагмента.

Наиболее ранний материал – курганная (0,5% – 2 фрагмента) и серая (4,5% – 14 фрагментов) керамика – был собран на небольшом пространстве 75 × 65 м (площадь около 5 тыс. кв. м), которое соответствует таким поселениям с серой и курганной керамикой, как Алексеевская роща-1 и Арсентьевское поле[39]. Красноглиняная керамика, собранная там же, составила 5,5% (18 фрагментов) от общего числа керамики, найденной в этом районе. Геоморфологические особенности селища также вполне типичны для пехорских селищ. Поселение лежит на отметках 149–150 м и возвышается над уровнем реки (ее отметка до заполнения пруда – 143 м, современного пруда – 146,46 м) на 6 м. Средняя величина падения уровня на площадке селища составляет 12 см. Крутизна склона к Пехорке в этом районе примерно 1 м на каждые 10 м по горизонтали.

Курганная, серая и красная грубая посуда присутствует на памятнике в соотношении **6% : 42% : 52%.** Это показывает, что селище возникло в период господства серой керамики, когда курганная посуда еще не окончательно вышла из употребления, и что интенсивность жизни на селище возросла во второй половине XIV – первой половине XV в., когда красноглиняная керамика вытеснила серую. К **курганной посуде** можно отнести несколько стенок, в том числе – с горизонтальным рифлением из пяти широких полос шириной по 2 мм (рис. 38, между № 10-1 и 10-2). Пожалуй, наиболее четким хронологическим индикатором может служить венчик 90-11-3 (рис. 38), плавно отогнутый под 45° с небольшим валиком снаружи. Перед нами появляющийся в комплексах типа *Сруб 1 Исторического проезда* 4-й вариант **серой** керамики (МК. Табл. 33, № 796 и др.). В XIV в. он получает широчайшее распространение и большими сериями фиксируется в *Лешкове-2* (МК. Табл. 66, № 74). Так же, как и венчик 90-11-1, он изготовлен с примесью крупнозернистого песка и дресвы, но заглажен по поверхности. 90-11-1 – срезанный венчик 6-го варианта серой посуды, хорошо известного по комплексам *"Огонек" и Лешково-2*. К тому же типу относится венчик 90-11-84. Подобные кососрезанные венчики дают большую серию в *Лешкове-2* (МК. Табл. 65, № 73). На селище найдены и два **красноглиняных грубых венчика** ранних форм с подтреугольным венчиком 90-11-2 и 90-11-4, изготовленные в традициях серой керамики.

[38] Поздняя серая и красноглиняная грубая керамика с этого памятника будет охарактеризована в гл. 3, т. II наст. изд.

[39] См. план селища на рис. 23 (раннее поселение обозначено в условных знаках цифрой I) в гл. 3, т. II наст. изд.

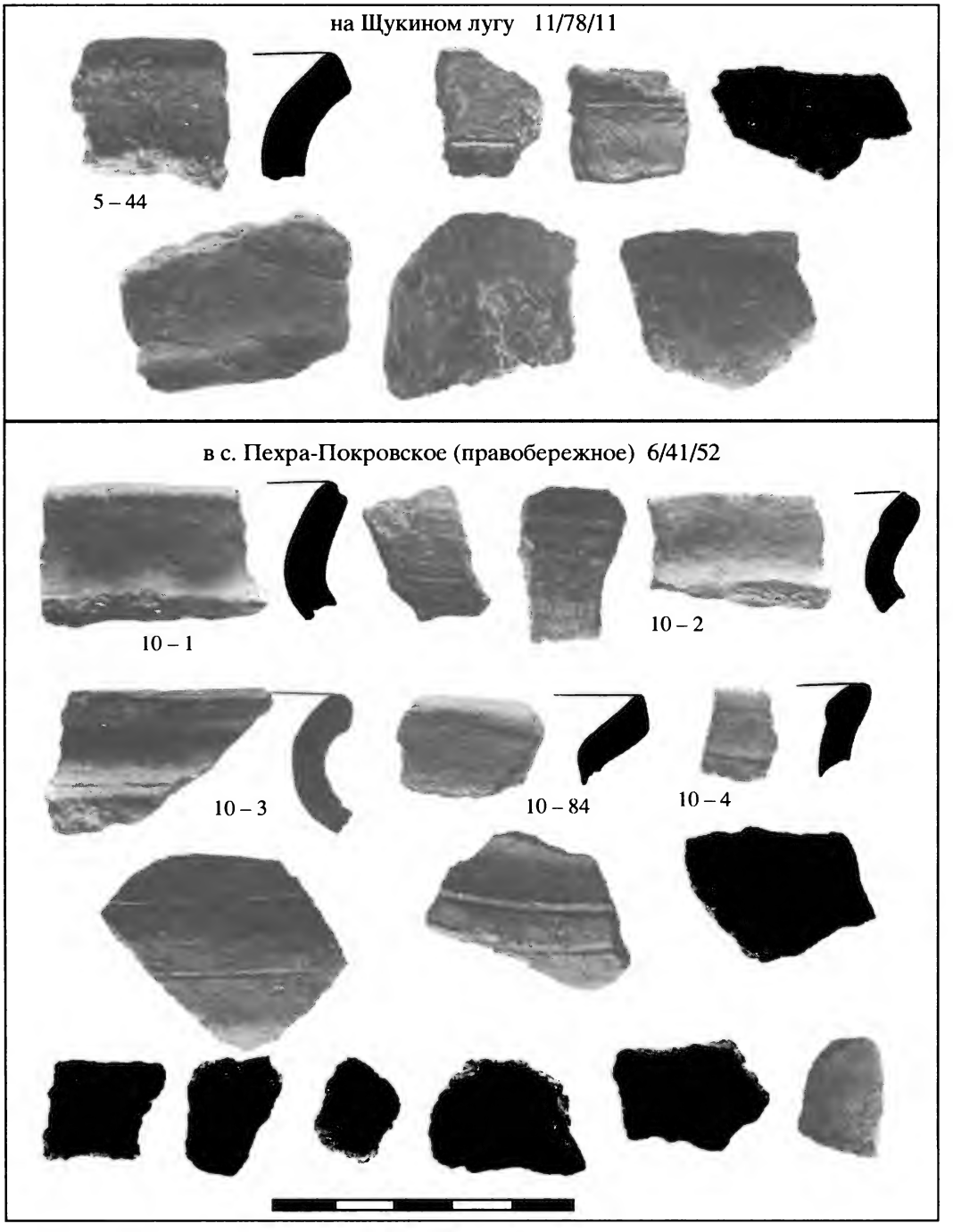


Рис. 38. Керамика селищ с материалами второй половины XIII в. (типа *Сруб 1 Исторического проезда – Царево-1*) **– первой половины XIV в.** (типа *Сруб 6 Исторического проезда – Лешково-2*)

Селище на Щукином лугу. Селище в с. Пехра-Покровское (правобережное). Серая керамика.

Появляются эти формы в комплексе *сруба 1* (5-й вариант серой посуды – МК. Табл. 34, № 1056, 829) и широко представлены в комплексах первой половины XIV в., например, в *яме 3* и *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, № 2066; Табл. 49, № 2334).

Таким образом, исторически предшественником с. Пехра являлось средней величины поселение (5 тыс. кв. м), возникшее во второй половине XIII в. и существовавшее в таких размерах примерно до середины XIV в.

§ 6. Выводы

Проанализированный материал показывает, что группа славянского населения проникла в верхнее течение р. Пехорки в XII в. и основала поселение на р. Малашке близ ее слияния с Пехоркой (Никольское-Трубецкое-1). Судя по всему, тогда Малашка, берущая начало из системы озер и текущая так же, как и Пехорка, с севера на юг, воспринималась как верхнее течение Пехорки. В первой трети XIII в. на берегах этих рек сложилась сеть поселений (рис. 20), в которую помимо центрального поселения (Никольское-Трубецкое-1 и 2 – вместе 8,5 тыс. кв. м) входили два селения средних размеров (примерно по 10 дворов): Алексеевская роща-1, основанное выше по Пехорке (8 тыс. кв. м) и Горбово-3, основанное выше по Малашке (7,2 тыс. кв. м). Характерно, что в XV–XVI вв. места этих поселений окажутся у границ Пехорского земледельческого района (ополья). Кроме того, возникли селения несколько меньших размеров (2–3 двора): одно еще выше по Пехорке (близ курганной группы Лукино), другое при слиянии рек (Балашиха-1 – 2,9 тыс. кв.м) и еще два образовали зону максимальной концентрации населения на нижней Малашке (Горбово-1 и Горбово-2 – 3,6 и 5 тыс. кв. м).

За исключением первоначального поселения, поставленного на участке, где вторая терраса смыкается с первой, все они были устроены в 20–30 м от реки, на плоских первых террасах рек (падение уровня 0,2–0,6 м на 10 м по горизонтали), которые возвышаются над уровнем поймы на 1–3 м и имеют отчетливую бровку с небольшим, но крутым (падение 0,7–2, 4 м на каждые 10 м по горизонтали) склоном к пойме.

Ландшафтная приуроченность поселений бросает некоторый свет на характер занятий населения (рис. 9, 10). Выбор места первоначального поселения (Никольское-Трубецкое-1) вполне естествен для земледельческого населения – это наиболее высокий и сухой участок, прилегающий к реке, где почва раньше, чем на переувлажненных местах, готова к посевам. "Земледельческой" гипотезе не противоречит и размещение таких малых селений, как Горбово-1 и 2, Балашиха-1.

Применительно к поселениям средних размеров (Алексеевская роща-1 и особенно Горбово-3) "земледельческая" гипотеза не срабатывает. Горбово-3 было основано там, где сухой участок берега реки выклинивался, а долина Малашки сужалась, причем пойма была столь неудобна для выкашивания, что расположенные на ней переувлажненные покосы, перемежавшиеся мелколесьем, крестьяне не смогли превратить в нормальное угодье вплоть до начала XX в. (Озерки, Горшковские, Ледовские, Сафонцевские кусты – Каталог, № 78–81). Вокруг поселения на Пехорке (Алексеевская роща-1) имелись земли, пригодные для землепашества, однако обширный Буланый луг, примыкавший к поселению, в начале XX в. считался плохим покосом[40]. Исходя из этих данных, можно предположить, что уже на ранней стадии заселения края лесные промыслы играли в жизни населения определенную роль.

Система погребальных памятников сильно нарушена распашкой последующих столетий. Тем не менее она может быть реконструирована в общих чертах. При центральном поселении имелся курганный могильник, в котором к середине XX в. сохранилось 27 насыпей. Судя по курганной группе Лукино, состоящей из четырех насыпей, при средних и малых селениях имелись отдельные курганные могильники, хотя, возможно, и не при каждом поселении они успели сформироваться к середине XIII в., когда курганный обряд под Москвой был сменен традицией бескурганных могильников.

По наблюдениям Н.А. Кренке, на р. Язвенке курганные группы маркировали окраины полей. Если попытаться гипотетически "наложить" эти наблюдения на топографическую ситуацию р. Пехорки, станет очевидным, что здесь курганные группы располагаются значительно ближе к реке: не в 100–300 м, как на р. Язвенке, а примерно в 150 м. Это дает основания предполагать, что поля на р. Пехорке размещались вдоль реки более узкими полосами, чем на Язвенке и не шли далее 200–300 м от русла реки (цв. вкл., рис. 10).

Используя данные М.И. Гоняного о соотношении числа дворов и площади селищ, которые основаны на результатах раскопок (1 двор – 2 тыс. кв. м площади поселения) [Гоняный, Кац, Наумов, 2003. С. 234] можно попытаться реконструировать максимально возможную зону распашки при ситуации, когда все дворы были бы пашенными (по 15 десятин в тех полях на двор). Не вызывает сомнений, что применять мерки трехполья к земледелию XIII в. можно с большой долей условности. Тем не менее подобные расчеты

[40] *"Как меч буланый. Трава там росла плохая, жесткая, метелка маленькая. Коса ее не берет. Потому и назвали"* (т. III, Каталог, № 26).

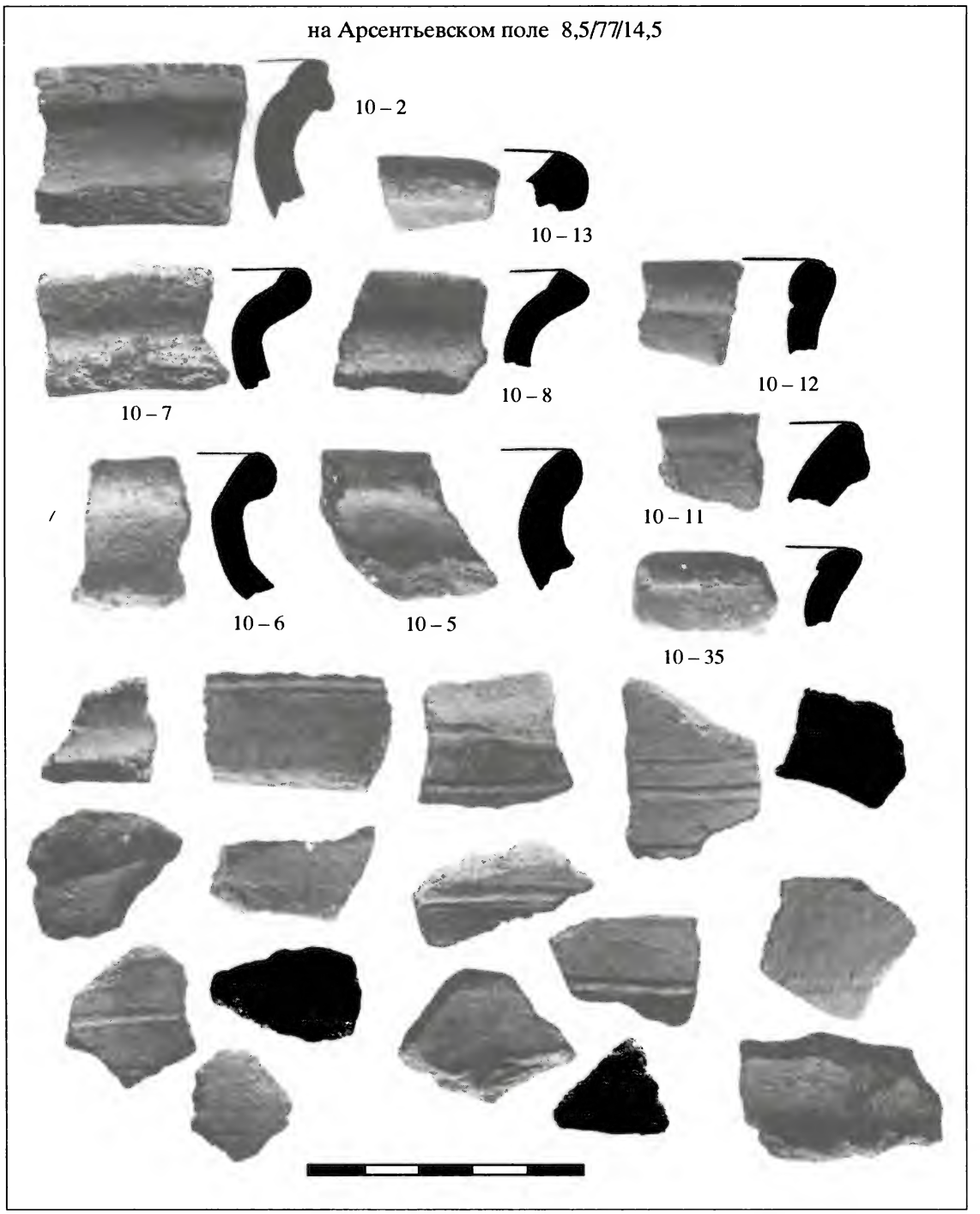


Рис. 39. Керамика селищ, на которых имеются материалы второй половины XIII в. (типа *Сруб 1 Исторического проезда – Царево-1*) **– первой половины XIV в.** (типа *Сруб 6 Исторического проезда – Лешково-2*)
Селище на Арсентьевском поле. Серая керамика

важны. Они не могут быть основой для реконструкции размеров запашки, но позволяют верифицировать гипотезы о моделях землепользования (цв. вкл., рис. 9, 10). Для селищ Никольское-Трубецкое-1 и 2 (63,5 десятин, или 69 га), Балашиха-1 и 3 (76 десятин, или 83 га) и селища в с. Пехра (37 десятин, или 40 га) максимально возможные площади запашки с трудом, но вписываются в ландшафтную ситуацию при 300-метровой ширине полей. Совершенно иная картина возникает при попытке вписать в ландшафтную ситуацию гипотетическую максимальную запашку для селищ Алексеевская роща-1 (60 десятин, или 65 га) и Горбово-1, 2, 3 (118 десятин, или 130 га). Для этих памятни-

ков половина гипотетической запашки однозначно не вписывается в зоны, которые потенциально могли быть заняты запашкой.

Это подтверждает высказанное выше предположение о промысловом (по большей части) характере периферийных поселений и позволяет ставить вопрос о наличии некоторого количества промысловых дворов и на остальных поселениях в XIII в.

Неожиданные и весьма существенные результаты дал анализ датирующего керамического материала, происходящего с пехорских поселений первой трети XIII в. (табл. 7).

Таблица 7. Процентное соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики на селищах, содержащих слои домонгольского времени

Селище	Курганная	Серая	Красноглиняная грубая
Алексеевская роща-1	23	47	30
Балашиха-1	33	46	21
Никольское-Трубецкое-1	75	25	0
Никольское-Трубецкое-2	34	66	0
Горбово-1	25	50	25
Горбово-2	23	67	10
Горбово-3	33–32	47–54	20–14

За исключением наиболее раннего центрального поселения, все они содержат 23–34% курганной, 46–67% серой и 10–30% красноглиняной грубой посуды (табл. 1). Таким образом, преобладает серая керамика, бытовавшая на протяжении XIII–XIV вв. и доминировавшая во второй половине XIII – первой четверти XIV в.

На верхней и средней Пехорке в первой трети XIII в. располагалось 13 поселений общей площадью 7,3 га. При них было зафиксировано 112 курганов, но до периода широкой распашки их было не менее 160 (табл. 8).

После 1238 г. перестали существовать лишь три поселения (возможно, Лукино, Акатово-1, Акатово-2), общая площадь которых составила примерно 2,7 га, или **37%** от площади домонгольских поселений. На протяжении второй половины XIII в. сохранилось и (или) было восстановлено 10 поселений площадью 4,6 га, или 63% площади домонгольских поселений, и возникло восемь новых площадью 3,7 га, или 51% к показателю 1238 г. В итоге общая селитебная площадь к концу века достигла величины 8,3 га и составила **114%** от площади поселений к 1238 г.

Таким образом, в отличие от волости Воря на Пехорке структура домонгольских поселений и сам тип селения не претерпели во второй половине XIII в. коренных изменений. Наиболее крупные из них (Алексеевская роща-1 на р. Пехорке, Никольское-Трубецкое-1 и 2 и Горбово-3 на р. Малашке площадью 7–8,5 тыс. кв. м) сохранились (восстановлены ?) и были дополнены мелкими починками (Щукин луг, Арсентьевское поле, Балашиха-1 и 3 площадью 1,7–4,6 тыс. кв. м) (рис. 35).

Так же, как и на Воре, получил развитие возникший еще в предмонгольское время комплекс поселений при укреплении, известном позднее как Никольское Мытище (Балашихинское городище, селище Балашиха-10). Здесь была исследована постройка второй–третьей четверти XIII в. с фрагментом амфоры из Триллии (близ Никеи), привезенной на Русь еще в начале XIII в. Во второй половине XIII – начале XIV в. при пересечении р. Пехорки дорогой на Переяславль возникло поселение (позднее с. Пехра) – исторический предшественник центра Пехорской волости. Кроме того, началось освоение района Медвежьих озер, расположенного в 2,5 км к северу от с. Пехра.

Приведенные данные сильно разнятся с данными, характеризующими поселения первой трети XIII в. волости Воря. Соотношения типов керамики, приведенные выше, совпадают с соотношениями, характерными для очень незначительного числа поселений на Воре, которые пережили монгольское нашествие. Большая же часть селений на Воре, в том числе наиболее крупные, имеют соотношения типа 90% : 10% : 0% (Муромцево-2), 80% : 20% : 0% (Путилово) [Чернов, 2003 а. С. 219]. Эти цифры, а также многочисленные и системно повторяющиеся аналогии пехорского керамического материала, которые связывают его с послемонгольскими комплексами типа *Сруб 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251 гг.) – Царево-1 (вторая половина XIII в.) и *Сруб 6–Лешково-2* (первая половина XIV в.), свидетельствуют о том, что практически все селения верхней Пехорки, существовавшие в первой трети XIII в., либо сохранились, либо были восстановлены после Батыева нашествия.

Это кажется тем более удивительным, что монгольское войско, двигавшееся в феврале 1238 г. от разоренной Москвы к Владимиру, неминуемо должно было пройти по трассе "великой дороги старой Пере-

Таблица 8. Поселения на территории волости Пехорка в XIII в.

Поселения первой трети XIII в.	Площадь в тыс. кв. м (в скобках – реконструируемая величина, исходя из размера курганной группы)	Число насыпей в курганной группе	Поселения сохранившиеся (восстановленные) в середине – второй половине XIII в.	Площадь в тыс. кв. м	Поселения, возникшие во второй половине XIII в.	Площадь в тыс. кв. м
Акатово-1	(27)	71				
Акатово-2	5	2				
Лукино	(2)	4				
Алексеевская роща-1	8	?	Алексеевская роща-1	8		
Балашиха-1	2,9	?	Балашиха-1	2,9		
Никольское-Трубецкое-1	5,5	27	Никольское-Трубецкое-1	5,5		
Никольское-Трубецкое-2	3	?	Никольское-Трубецкое-2	3		
Горбово-1	3,6	?	Горбово-1	3,6		
Горбово-2	5	?	Горбово-2	5		
Горбово-3	7,2	?	Горбово-3	7,2		
Балашихинское городище	3,6		Балашихинское городище	3,6		
Балашиха-10а, 10	6	8	Балашиха-10а, 10	6		
Балашиха-9	1,2	нет	Балашиха-9	1,2		
					на Щукином лугу	1,7
					Алексеевская роща-3	4,5
					на Арсентьевском поле	4,6
					в с. Пехра	5
					Балашиха-3	7,4
					Балашиха-5	2,5
					Балашиха-8	4
					Медвежьи озера	около 8
Всего 13	73	112	10	46	8 поселений	37,7

славской лесной", упоминаемой в 1381–1382 гг. (позднейшая Стромынка), которая пролегала через верховья Пехорки[41]. На это указывает и географическое положение этой трассы, по которой легче всего можно было попасть от Москвы к долине р. Клязьмы, и данные, свидетельствующие о том, что она являлась древнейшим сухопутным сообщением между Москвой и Переславлем [Чернов, 2003 в], и то, что в конце XVI в. в районе с. Черкизово эту дорогу называли "Батыевской"[42].

В работе, опубликованной в сборнике "Русь в XIII веке. Древности темного времени", я предложил объяснение данному явлению, которое основано на общих закономерностях средневековых систем расселения, когда в периоды "угнетения" разрушению подвергались периферия (волость Воря значительно более удалена от Москвы, чем Пехорская), а центральные звенья системы сохранялись или быстрее восстанавливались [Чернов, 2003 б. С. 221]. Тем не менее уникальная "живучесть" поселений на Пехорке требует дополнительных объяснений.

[41] АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 340. Подробнее о ее локализации см. гл. 2, т. II наст. изд.

[42] "Полюбовная разъезжая Василия Елисеева сына Курапова, человека Михаила Никитича Юрьева, и старца Чудова монастыря Вассиана Торжнева юрьевской земле села Измайлово и д. Брюхово с чудовской землей с. Черкизово и дд. Соболево и Хоругино в Московском уезде" 24.06.1596 г. [Кистерев, 2003. С. 227, 228. № 99].

Во втором томе настоящего издания будут опубликованы археологические памятники, идентифицируемые с бортными деревнями Пехорского стана, и выделены признаки таких поселений. Таким образом, в XIV в. окружающие Пехорку мещерские ландшафты (боры на флювиогляциальных песках) давали мало перспектив для развития земледелия, зато были весьма привлекательны для бортного промысла, фиксируемого здесь с 1380-х по 1460-е гг.

В связи с этим может быть высказана гипотеза о том, что часть (возможно, значительная) селений второй половины XIII – первой половины XIV в. (многие из них продолжали существовать во второй половине XIV в.) была по преимуществу населена бортниками. Такое предположение способно объяснить причины экономического подъема этого края во время княжения Даниила Александровича и Юрия Даниловича, подтвержденного археологическими материалами. Дело в том, что бортный промысел не требовал тех колоссальных физических усилий (расчистка пашен и лугов из-под леса) и весьма ощутимых материальных затрат (устройство кузниц, изготовление большого числа земледельческих орудий, приобретение рабочего скота), без которых землепашество и скотоводство не могло функционировать. В то же время он приносил мед и воск, которые могли быть быстро реализованы, особенно рядом с городом. Таким образом, бедность земель Мещеры оборачивалась благом для населения. В 1270–1290-е гг., когда к Москве еще не были присоединены Коломна, Можайск и Переяславль, этот небольшой по современным меркам край стал одним из центров притяжения населения, которое стекалось в округу Москвы и приносило ощутимые пополнения в казну первого московского князя благодаря бортному промыслу.

(К рис. 20, с. 141). Описание ландшафтов IV–XIV:

IV – моренные равнины, волнистые и холмистые ("останцы" – "утопленный" моренный рельеф), относительно хорошо дренированные сложенные маломощными (до 1,5 м) покровными суглинками на морене, с дерново-среднеподзолистыми, среднеподзолистыми, слабоглееватыми почвами, под широколиственно-еловыми и сосново-еловыми лесами.

V – моренно-водно-ледниковые слабоволнистые равнины высокого уровня, приуроченные к выступам коренного рельефа, сложенные водно-ледниковыми гравийными песками, залегающими на морене, относительно хорошо дренированные, со слабо- и среднеподзолистыми почвами на повышениях под сухими сосновыми лесами, со среднеподзолистыми оглеенными почвами под сосновыми с елью лесами.

VI – моренно-водно-ледниковые волнистые и холмистые равнины с плоскими вершинами и пологими склонами, сложенные водно-ледниковыми маломощными песками и суглинками, подстилаемыми сильно перемытой мореной, плохо дренируемые, с многочисленными заболоченными западинами, на повышенных со слабо- и среднеподзолистыми почвами под сосново-еловыми лесами, по понижениям с сильноподзолистыми глеевыми почвами под сырыми сосновыми с елью и широколиственными породами лесами.

VII – моренно-водно-ледниковые равнины, плоские с характерным микро- и нанорельефом – чередованием повышений (до 1,0 м амплитудой) расплывчатой формы, водно-ледниковыми супесями и суглинками, подстилаемыми мореной, со слабо- и среднеподзолистыми глееватыми почвами с сосновыми с примесью дуба, липы и ели лесами на повышениях и елово-сосновыми на понижениях лесами.

VIII – моренно-водно-ледниковые плоские останцы высоких уровней и слабовыпуклые всхолмления, сложенные водно-ледниковыми суглинками и песками на близко лежащей морене, относительно хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под хвойными с дубом лесами.

IX – водно-ледниковые плоские равнины, заложившиеся в обширных ложбинах стока ледниковых вод и древнеозерных котловинах, приуроченных к понижениям коренного рельефа, сложенные торфами, озерно-водно-ледниковыми песками и суглинками, под черноольховыми и березовыми низинными и переходными болотами, отдельные котловины термокарстового происхождения заняты озерами, местами слабо дренируются лощинообразными верховьями долин рек.

X – заболоченные понижения расплывчатой формы, образованные преимущественно по днищам местных "межбассейновых" переливов, с остаточными озерами термокарстового происхождения, с лощинообразными заболоченными верховьями мелких рек, под черноольховыми или березовыми низинными болотами.

XI – древнеозерные котловины, плоские и пологовогнутые, сложенные озерноледниковыми алевритистыми суглинками с прослоями песков, с дерново-подзолисто-глеевыми, иловато- и торфянисто-глеевыми почвами, с озерами, низинными и переходными болотами или под елово-сосновыми с участием широколиственных пород заболоченными лесами.

XII – мелкие ложбины стока, плоские и пологовогнутые, освоенные долинно-балочной сетью, сложенные водно-ледниковыми маломощными (до 1 м) суглинками с прослоями песков, сырые и заболоченные, с дерново-подзолисто-глеевыми и мелкоболотными почвами, под елово-сосновыми с участием широколиственных пород лесами; лощины и балки, влажные и сырые, реже заболоченные, под хвойными и ольховыми с примесью широколиственных пород лесами.

XIII – долины рек, врезанные в четвертичные отложения и глины юры, с ровными надпойменными террасами, сложенными переслаивающимися суглинками и песками, со среднеподзолистыми глееватыми и глеевыми почвами под сосновыми с елью, липой и дубом лесами, с плоскими поймами песчано-суглинистыми, с пойменными дерновыми глееватыми и глеевыми почвами, под липо-дубравами, вязовниками и черноольшаниками.

XIV – долины малых рек и ручьев балочного типа, пологовогнутые, песчаные с прослоями суглинков, с подзолистыми и дерново-подзолистыми сильно оглеенными почвами под сосняками с елью и широколиственными породами на склонах и террасах и черноольшаниками на пойменных дерново-глеевых почвах на поймах.

Литература

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1958. Т. 2.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашуто Л.П., Кадеев А.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Сб. 7.

Археологическая карта России: Московская область. М., 1994. Ч. 1.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Богоявленский С.К. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Богоявленский С.К. Сообщение о раскопках летом 1903 г. в Московском и Богородском уездах Московской губернии // Древности: Тр. Московского археологич. об-ва. М., 1906. Т. XXI, вып. 1. Протоколы. С. 45.

Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.: Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселе-ний // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1936. Вып. 139. 166 с.

Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.

Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10.

Генеральный план Московского уезда 1797 г. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2358; Алфавит планов дач – Ф. 1354. Оп. 879).

Голубева Л.А. Надпись на корчаге из Белоозера // СА. 1960. № 3.

Гоняный М.И., Шишков А.В. К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. в бассейне Верхнего Дона // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII – первой четверти XIV века в приустьевой части непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 228–252.

Городцов В.А. Результаты археологических раскопок в Московской губ. в 1914 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431).

Городцов В.А. Результаты раскопок 1921 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 9).

Городцов В.А. Археологические раскопки и разведки в Советской России между 1918 и 1924 гг. // Древний мир. М., 1924. Вып. 11. С. 19.

Государственный природный национальный парк "Лосиный Остров". М., 1990.

Данилова О.М. Отчет о раскопках и обследовании археологических памятников на территории природного национального парка "Лосиный Остров" 1989 г. (Архив ИА РАН. Р-1. Д. 13685).

Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1909. Т. XXII, вып. 1. С. 325.

Кистерев С.Н. Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9.

Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Ч. 3. М., 2000.

Коваль В.Ю. Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1999. Вып. 13.

Крис Х.И. Отчет обследования археологических памятников лесопаркового пояса г. Москвы в 1970 г. (Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4260).

Крис Х.И. Отчет об обследовании археологических памятников, расположенных в лесопарковом защитном поясе г. Москвы, проведенном в 1972 г. (Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4808. С. 1–3, 26–28).

Лекомцев М. К истории Алексеевского дворца на Стромынской дороге // Царские и императорские дворцы: Старая Москва. М., 1997.

Лыжин Н.И. Курганы Косина // ИОЛЕА и Э. М., 1886. Т. XLIX, вып. 3. С. 736–737.

[*Мельченко Е.Е.*]. Природные условия // Государственный природный национальный парк "Лосиный Остров". М., 1990.

Миллер В.Ф. Курганный могильник близ села Троицкого-Кайнарджи Московского уезда // ИОЛЕАиЭ. Т. LXVIII: Дневник Антропологического отдела, вып. 5. М., 1890. С. 182–186.

Монгайт А.Л. Салтыковские курганы // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. М., 1949. № 55.

Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках одного кургана в курганной группе длиз с. Спас-Тушина и курганной группы близ с. Акатова Московской области в 1961 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2278).

Недошивина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Недошивина Н.Г. Отчеты за 1961–1964, 1966–1969 гг. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2278, 2525, 2785, 2856, 3263, 3502, 3658, 4036, 4036а).

Николаев И.Н. Описание книг дозорных, переписных ... составленных по патриаршим указам 1620–1703 годов // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1872. Кн. 2. С. 98, 99.

Отчет Российского исторического музея за 1908 год. М., 1909.

Павлов В.А. Архитектурно-археологическое исследование в Косине // Материалы творческого отчета треста "Мособлреставрация". М., 1984. С. 113 – 115.

Полюлях А.А., Чернов С.З. Археологический комплекс Балашихинского городища XII–XV вв. по данным исследований 1990 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. С. 88–106.

Равдина Т.В. Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. М., 1957. Вып. 70.

Равдина Т.В. Отчет о работах по открытому листу № 13 за 1965 г. в Балашихинском районе Московской области (Архив ИА РАН. Р-1, № 3642).

Равдина Т.В. Описание курганных могильников для свода памятников культуры Московской области. М., 1989 (Архив Сектора археологии Москвы ИА РАН).

Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1977 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 6679).

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А. Список памятников археологии Московской области. М., 1973.

Романовская С.В., Мешкова И.С., Тереножкин А.И. Разведка на р. Пехорке между ст. Красково Казанской ж.д. и пл. Черной Курской ж/д 3 сент. 1929 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 8).

Седова М.В. Эпиграфические находки из Суздаля // КСИА. М., 1987. Вып. 190.

Список курганов Московской губернии // ИОЛЕА и Э. Т. XXXV, ч. 1. Вып. 1, 2, 3 // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1880. Т. III, ч. 1. С.185 (Оригинал, выявленный Н.А. Кренке, хранится: ЦГИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 94).

Тавлинцева Е.Ю. Результаты раскопок селища Заозерье-2 1993–1995 гг. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. С . 45–59.

Харузин А.Н. Два черепа из курганов села Троицкого-Кайнарджи Москов. уезда // ИОЛЕА и Э. М., 1890. Т. LXVIII, вып. 5. С. 186–191.

Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: Происхождение и семантика // ПКНО, 1988. М., 1989. С. 413–438, карта.

Чернов, 1990 а – *Чернов С.З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических исследованиях в Москве и Московской области в 1990 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 15192–15193).

Чернов, 1990 б – *Чернов С.З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических исследованиях в Москве и Московской области в 1990 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 15195–15197).

Чернов, 1990 в – *Чернов С.З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических исследованиях в Москве и Московской области в 1990 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 15194).

Чернов С.З. К хронологии Московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Чернов С.З. Научно-изыскательские работы по памятникам археологии села Тайнинского Мытищинского района Московской обл. в 1992 г. (Архив ИА РАН. Р-1).

Чернов С.З. Научно-изыскательские работы по комплексному предпроектному исследованию исторического ландшафта ГПНП "Лосиный Остров". 3-я очередь. Сокольники в 1994 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 19701).

Чернов, 1995 а – *Чернов С.З.* Научно-изыскательские работы по комплексному предпроектному исследованию исторического ландшафта ГПНП "Лосиный Остров". 4-я очередь. Мытищинская часть Тайнинской волости. 1995 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 19702).

Чернов, 1995 б – *Чернов С.З.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995 б.

Чернов С.З. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996а. Вып 9.

Чернов С.З. Укрепленные поселения XIII–XIV вв. северо-востока Московского княжества // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. науч. конф. (Москва, 3–5 декабря 1996 г.) / ИРИ. М., 1996 б. С. 136–144.

Чернов С.З. Археологический и историко-ландшафтный комплекс национального парка "Лосиный Остров" // Археологический фактор в планировочной организации территории: Материалы семинара / Отв. ред. Ю.А. Веденин. М., 1997. С. 93–108.

Чернов С.З. Археологические исследования для разработки генерального плана г. Королева Московской области в 2000 г. (Архив ИА РАН. Р-1).

Чернов С.З. Комплексное охранное археологическое исследование селища Мытищи-1 на территории села Мытищи в зоне строительства Ярославского шоссе в 2001 г.: Отчет (Архив ИА РАН, Р-1).

Чернов С.З. Дворцовое село Мытищи XVII–XVIII вв. в свете охранных раскопок 2001 г. // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М., 2002.

Чернов С.З. Селище на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в конце XIII – первой половине XIV в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 4 (в печати).

Чернов С.З. Раскопки селища Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса XII века // АО 2002 года. М., 2003 а. С. 211–215.

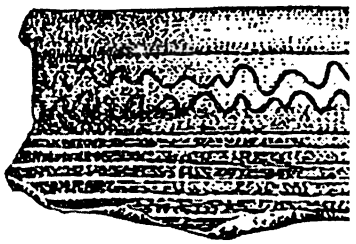
Чернов С.З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: "традиционные" и "новационные" модели выхода из кризиса // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. М., 2003 б.

Чернов С.З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века: Первые опыты интерпретации. Ч. 1 // Древняя Русь. 2003в. № 2 (12). Июнь. С. 5–33; № 3 (13). Сент. С. 5–21.

Чернов С.З., Бойцов И.А. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // СА. 1992. № 1.

Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда. 1977 г. (Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6249).

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.



Глава 9

Пойменный ландшафт в долине Москвы-реки в железном веке и средневековье

А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова, Б.Е. Янишевский

Современный вид поймы Москвы-реки в пределах г. Москвы на первый взгляд не привлекает исследователя. Поверхность поймы, где она осталась хотя бы частично незастроенной и не испорченной карьерами, ровная. Это обусловлено чехлом позднейших отложений аллювия XVIII–XX вв. Массовое сведение подмосковных лесов, особенно в XVII–XVIII вв., привело к изменению условий поверхностного стока и изменению гидрологического режима Москвы-реки. Бурные половодья и паводки, катастрофические наводнения стали обычным явлением. Параллельно-гривистый рельеф пойменных излучин (Мякинино, Тушино, Терехово, Курьяново, Братеево), хорошо отраженный еще на картах XIX в. (рис. 40), в настоящее время сглажен в не малой степени за счет антропогенного воздействия в последние десятилетия XX в. Старичные озерки, показанные в большом числе на карте масштаба 1: 10000 издания 1951 г., в настоящее время прослеживаются лишь как плавные понижения на полях, либо засыпаны мусором. Поверхность пойменных излучин в пределах г. Москвы активно распахивалась до 1990-х гг. (в некоторых случаях распахивается и теперь) с применением тракторов на глубину не менее 30 см, "удобрялась" городским мусором. Самыми типичными объектами, которые можно встретить на поверхности пашни в пойме, являются стеклянные осколки и металлические крышки медицинских пузырьков, обрывки фольги, тюбики от зубной пасты и пр. При этом очевидно, что скрытые под чехлом современных отложений пойменные участки имеют большой потенциал для проведения комплексных археолого-географических исследований.

Естественно-научными методами (географическими, геоморфологическими, геологическими) обычно можно выявить только направленность пойменных процессов. Наличие погребенных культурных слоев "пойменных" поселений, датированных археологическими методами, дает редчайшую возможность установить рубежи смены естественных процессов развития пойменных комплексов на антропогенно-естественные. Целью комплексных исследований является получение археологических данных о поселениях и хозяйственной деятельности человека в пойме и накопление палеогеографической информации о динамике изменений природной обстановки. На перспективность пойменных ландшафтов для такого типа работ указывает как мировой опыт, накопленный в области аллювиальной геоархеологии [Brown, 1997], так и результаты частных исследований пойменных отложений и приуроченных к ним археологических объектов в пределах бассейна р. Оки [Криштафович, 1893; Городцов, 1926; Фоломеев и др., 1988; Александровский и др., 1987].

В бассейне Москвы-реки целенаправленных работ подобного типа ранее не проводилось, авторы к ним приступили в 1998 г.

Уверенность в том, что пойма была интенсивно хозяйственно освоена в прошлом, вытекает из анализа археологических карт территории Москвы.

Находки эпохи неолита (Дьяковская стоянка в Коломенском) и эпохи бронзы (Щукинская стоянка) остались, к сожалению, слабо изученными (ныне памятники утрачены), но приуроченность их к пойменным отложениям не вызывает сомнений [Бадер, 1947. С. 121–122].

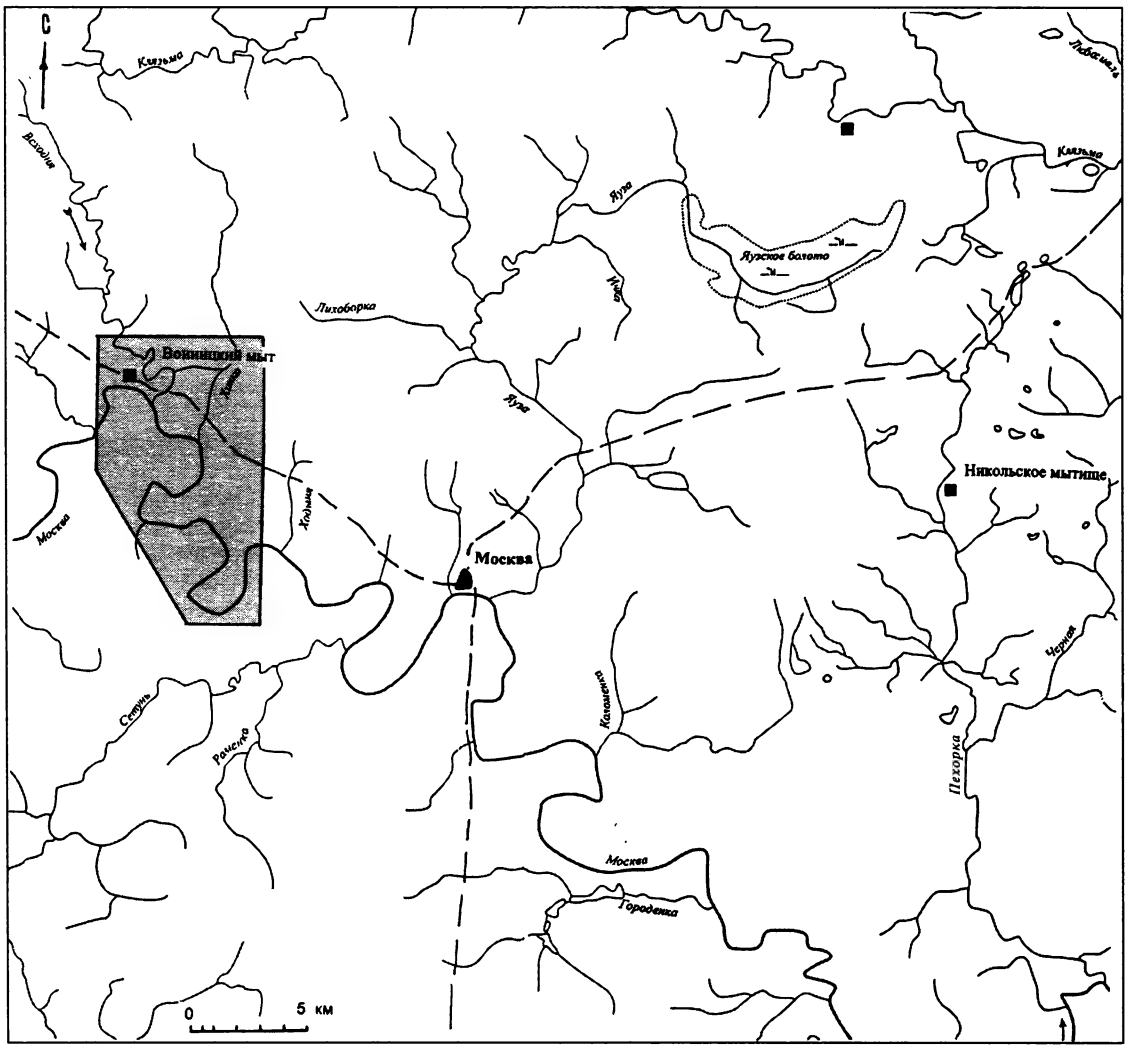


Рис. 40. Долина Москвы-реки от Спас-Тушина до Кунцева, где проводились комплексные исследования пойменных отложений

Схема расположения и изображение на Топографической карте Московской губернии 1860 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387). Масштаб 2 версты в английском дюйме

Укрепленные и неукрепленные поселения железного века, известные в числе нескольких десятков в границах города, концентрируются именно в пределах долины Москвы-реки. Они занимают, как правило, мысы и бровки второй и третьей надпойменных террас, всхолмления оползневого происхождения, расположенные вблизи речного русла, возвышенности-останцы в пределах поймы (цв. вкл., рис. 3). Среди последних можно отметить находки на селищах Мякинино-2 [Векслер и др., 1996. С. 107–108; Векслер, Коваль, 2000. С. 80–81], Троице-Лыково-1 [Бадер, 1947. С. 122–123], Терехово [Кренке, 1995], Коломенское-1 [Кренке, 1991]. Здесь находки раннего и позднего железного века были обнаружены соответственно на высотных отметках 130, 133, 128, 122 м, что соответствовало высоте в 5–8 м над уровнем реки до сооружения канала Москва–Волга. По воспоминаниям старожилов д. Терехово, место на западном краю деревни, где были сделаны археологические находки, оставалось единственным свободным от воды участком при экстремальных половодьях 1908 и 1926 гг. [Глазунова, 1999. С. 143–147].

В эпоху средневековья структура расселения стала более сложной, если сравнивать с железным веком, но интенсивность освоения главной речной долины была по-прежнему высокой (цв. вкл., рис. 4). Памятники располагались в пределах долины на разных высотных уровнях. В том числе известен ряд селищ XI–XIII вв., приуроченных к пойме и первой террасе – Мякинино-2, Данилов монастырь [Беляев, 1994], Коломенское-1, Дьяково-пойма [Кренке, 1992].

Петрова
Захаркова
Спасское
Тушино
Строгино
Щукино
Троицкое
СОЛДАТСКИЙ
Татарова
Трехова

Начатые в 1998 г. полевые исследования имели целью выявить в москворецких пойменных отложениях горизонты погребенных почв, соответствующие периодам прекращения (замедления) осадконакопления в пойме, и найти археологические объекты, приуроченные к этим уровням. Выбор мест для исследования обусловливался наличием вблизи известного крупного археологического памятника. Мы рассчитывали при этом либо обнаружить "шлейф" поселения, который мог достигать разреза в пойме, либо зафиксировать какие-то следы сезонной хозяйственной деятельности, происходившей вокруг "базового" памятника.

Исследования были произведены в следующих пунктах (перечислены в последовательности вверх по течению реки): Курьяново (левый берег напротив Дьякова городища), Терехово (левый берег напротив Кунцевского городища), Тушино, выше устья р. Химки (левый берег, предположительное место расположения Химкинского селища, по М.Г. Рабиновичу), Мякинино (правый берег напротив городища Спас-Тушино-1 и участок выше по течению).

Ниже представлены результаты, полученные по перечисленным ключевым участкам.

§ 1. Курьяново

Темная полоса погребенной почвы в обрыве левого берега Москвы-реки напротив Дьякова городища хорошо различима с противоположного берега реки.

Высота обреза берега в Курьяновской пойме составляет около 4,4 м (абсолютная отметка 118,7 м). До строительства канала уровень воды был примерно на 1 м ниже. Были сделаны две зачистки берега напротив места, где ранее располагался археологический памятник железного века "Чертов городок" (был срыт в 1986 г.). Зачистка 1 находилась на 60 м ниже по течению от зачистки 2 (рис. 41).

Сравнение исторических карт показало, что русло реки в этом месте активно смещалось на восток. Линия берега на изгибе реки 70 лет назад проходила западнее на 20–30 м (рис. 41). Возможно, этот процесс продолжает развиваться. Об этом свидетельствуют недавние оползни и отколы пластов аллювия. Таким образом, русло реки, смещаясь к востоку, все время обнажает новые участки, которые ранее занимали прибрежное положение.

В зачистке 1 были прослежены следующие слои:

0–5 см (все глубины от поверхности) – современный дерн;

5–38 см – серо-бурый однородный суглинок с ровной и четкой нижней границей (пахотный слой);

39–135 см – светло-бурый суглинок (аллювий), на глубине 45–90 см следы оподзоливания, ниже (91–135 см) – ребристая (ореховатая) структура с признаками иллювиальных явлений;

136–170 см – серо-бурый суглинок (погребенная почва) зернисто-комковатой структуры, верхняя и нижняя границы нерезкие, ровные, переходы плавные;

171–200 см – серовато-бурый суглинок (аллювий с признаками почвообразования);

200–240 см – светло-бурый суглинок, слоистый, внизу с супесчаными прослоями (аллювий).

Основание зачистки было выше уреза воды на 2 м.

Мощность гумусового горизонта погребенной почвы составила около 35 см. Подобный мощный гумусовый горизонт имеют современные луговые почвы поймы. Признаков лесного почвообразования не отмечено. Каких-либо археологических находок в зачистке 1 сделано не было. В слое на глубине 40–135 см обнаруживается мощный, но еще слабовыраженный профиль лесной, подзолистой почвы, представленный растянутым элювиальным горизонтом (40–90 см) и иллювиальным (90–135 см).

При осмотре обнажения берега вверх по течению от зачистки 1 на расстоянии около 60 м в погребенной почве были обнаружены угольки. Здесь была сделана зачистка 2, которая вскрыла археологический объект, приуроченный к погребенной почве (рис. 42). Для получения датирующего археологического материала на месте зачистки 2 была сделана врезка в берег на глубину 30–60 см.

Зачистка 2 вскрыла следующую последовательность слоев:

0–5 см – современный дерн;

6–35 см – темный серо-бурый суглинок с ровной и четкой нижней границей (пахотный горизонт);

36–135 см – светло-бурый суглинок с горизонтальной слоистостью (фация пойменного аллювия);

136–188 см – серо-бурый суглинок (погребенная почва). В ее верхней части встречены единичные вкрапления печины (135 см). На глубине 145 см найден фрагмент керамики. На глубине 160 см прокаленная глина составляет сплошную линзу, с ней связаны и колотые камни;

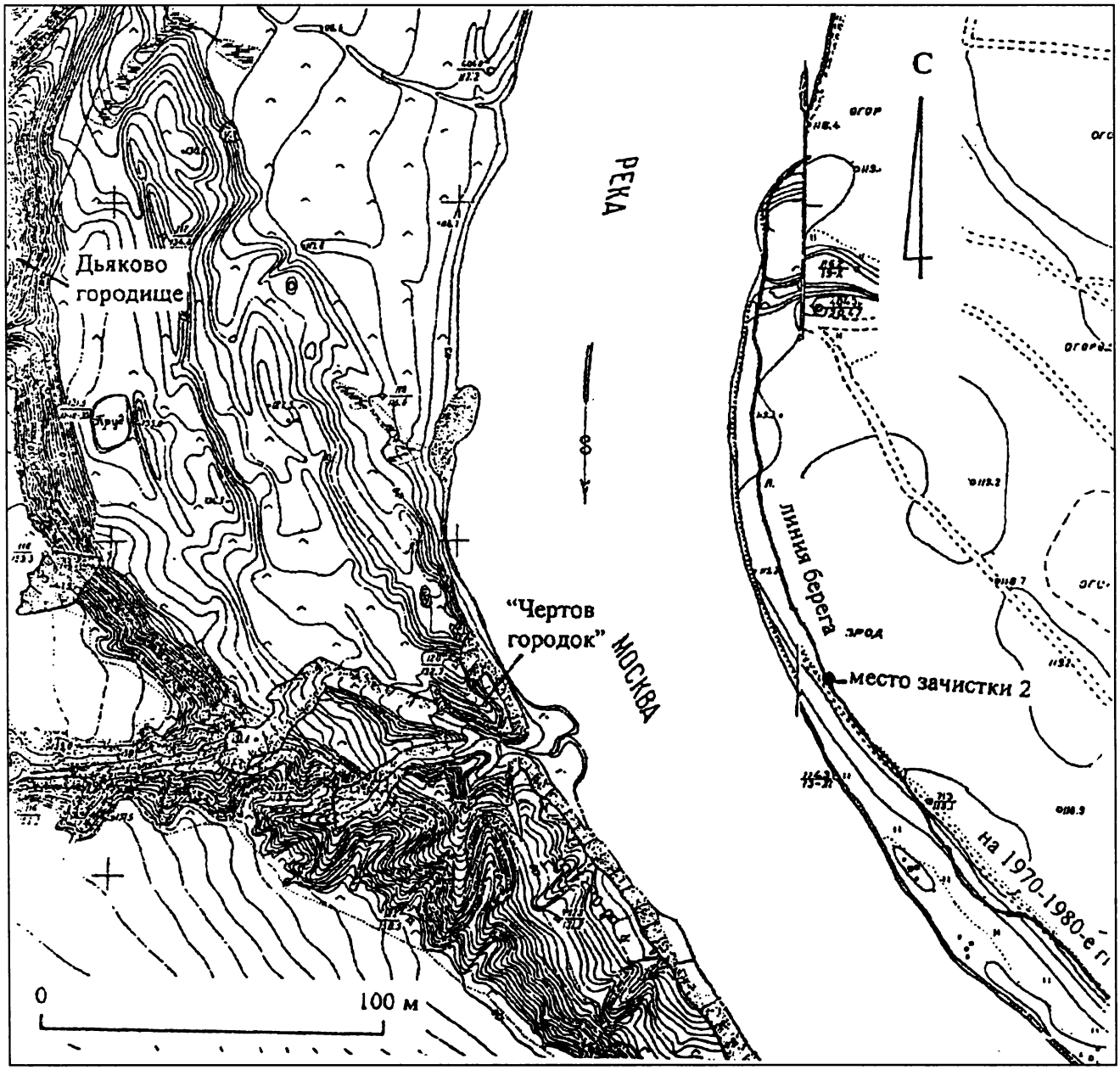


Рис. 41. План ноймы в Курьянове напротив Дьякова городища

В качестве геоподосновы использована съемка Мосгоргеотреста масштаба 1:2000, 1939 г. (левая часть) и 1934 г. (правая часть). Уменьшено. Показано место зачистки 2 (1998 г.)

189–210 см – яма археологического объекта, впущенная в светло-бурый суглинок пойменного аллювия. В нижней части заполнения ямы скопление угольков, колотых камней, печинки. Цвет грунта в нижней части заполнения более темный. Это темно-серый суглинок. Дно ямы было плоским, граница ямы была ровной и четкой, лишь местами нарушенной вертикальными трещинами. На самом дне ямы был найден венчик горшка (рис. 42). *С уровня дна ямы была прослежена столбовая ямка. Диаметр столбика составлял около 5–6 см, глубина ямки – 8–10 см, дно коническое. Вероятно, это ямка от столба деревянной конструкции, находившейся в яме.*

Глубина зачистки 2 составила 230 см. Ниже, до глубины 320 см, шел светло-бурый суглинок (аллювий внутрипойменной фации), еще ниже, до уреза воды – слоистый песчано-легкосуглинистый аллювий (фация низкой поймы). Над почвой и под ней в суглинистом аллювии хорошо прослеживалась ореховато-призматическая структура, характерная для иллювиального горизонта лесной почвы. Верхняя часть профиля лесной поч-

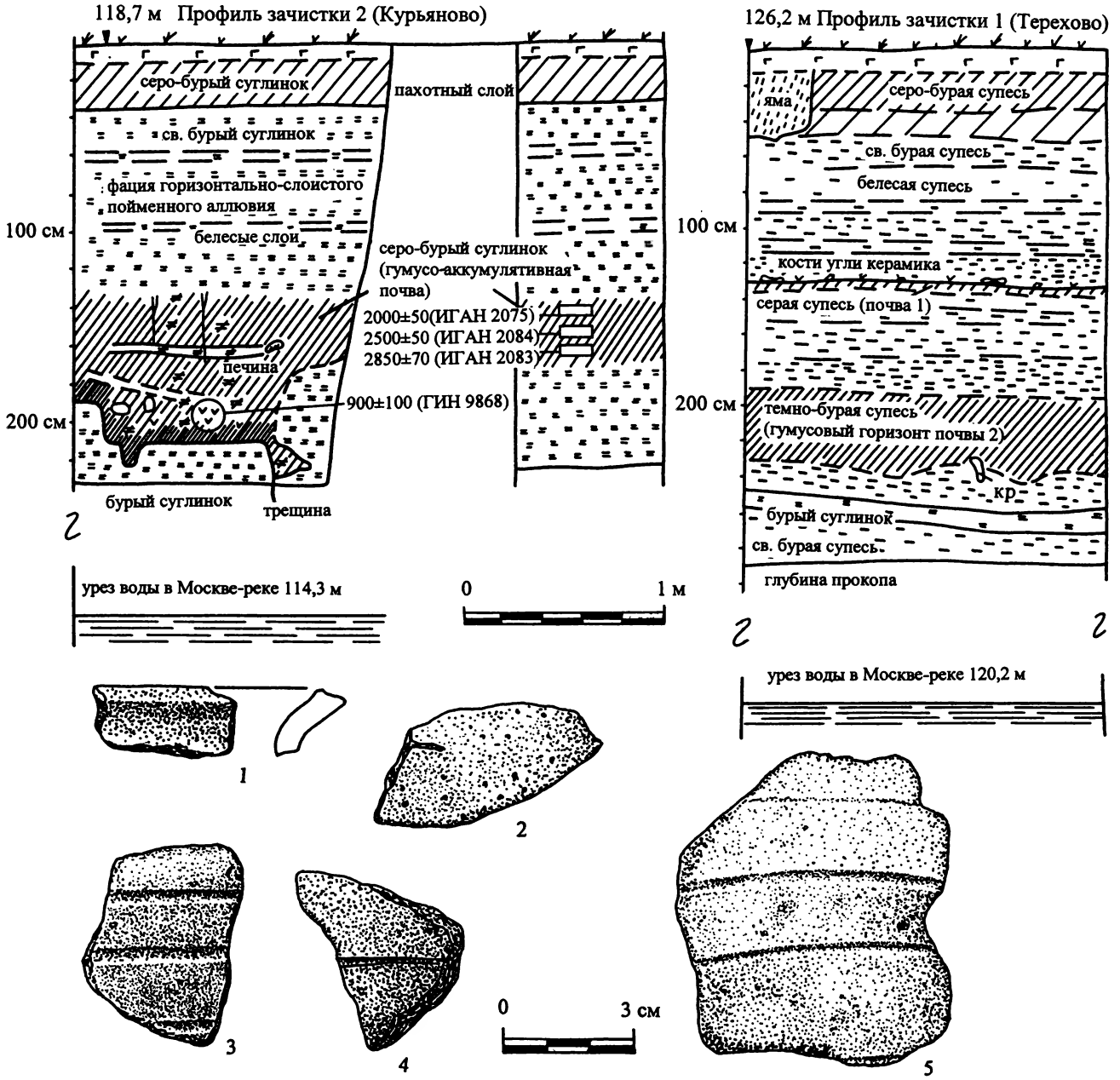


Рис. 42. Зачистка обнажения высокой ноймы в Курьянове (зачистка 2) и в Терехове (зачистка 1) напротив Кунцевского городища

Внизу – сероглиняная керамика из зачистки в Курьянове

вы, располагающаяся на глубине 0,5–1 м, прослеживается плохо в результате сингенетичного почвообразованию накоплению слоистого аллювия и перемыву аллювия на этом уровне.

В погребенной почве на всем ее протяжении и под почвой в аллювии встречаются угольки. Преобладают угли широколиственных пород, также встречена ольха.

Археологический объект, зафиксированный в зачистке 2, скорее всего, может быть интерпретирован как подпечная яма постройки. На это указывают скопления обожженных камней, большое количество печины. Столбовая ямка внутри ямы, вероятно, связана с деревянным опечком столбовой конструкции. Стратиграфические данные показывают, что постройка была сооружена в финальный период существования погребенной почвы.

Вдоль по разрезу колотые камни прослеживались еще на 0,5 м выше по течению от места зачистки 2, а печинки простирались на 1,7 м.

По угольками со дна ямы была получена радиоуглеродная датировка 900 ± 100

(ГИН 9868), что при калибровке указывает на широкий интервал 1003–1256 гг. при наиболее вероятных значениях 1133, 1136, 1156 гг. Анализ угольков показал, что они относились к разным деревьям. Это следует учитывать при интерпретации даты. Среди углей были определены следующие породы (определение А.Л. Александровского): дуб – 21 фрагмент, ясень – 14, ольха – пять, береза – два, липа – один, розоцветные – два фрагмента (отдельные небольшие деревца ясеня и в настоящее время растут на пойме вдоль берега).

Керамический комплекс из ямы насчитывал всего шесть фрагментов (рис. 42). Керамика имела довольно плохую сохранность – поверхность черепков сильно пострадала из-за эрозии. Толщина фрагментов составляет от 0,5 до 1 см. Обжиг у всех трехслойный. Пять фрагментов были сделаны из красножгущейся глины, один – из беложгущейся. Тесто включало примесь дресвы и крупнозернистого песка. Размер зерен дресвы достигал 3 мм. Три фрагмента украшены линейной орнаментацией. Ширина бороздок орнамента – 1,5–3 мм. Отличительная черта формы единственного венчика – это оттянутый приостренный внешний край. Данная черта сближает его с формами красноглиняной грубой керамики. Однако грубость примесей в тесте (дресва), наличие упора под крышку заставляют все же склониться к тому, что перед нами редкая форма керамики курганного типа. Венчики относительно близкой формы встречены у горшков из раскопок курганов второй половины XII в. в *Балятине* (МК. Табл. 16). Имеются приблизительные аналогии из московских комплексов XII – начала XIII в. *Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22), постройки на *Романовом дворе* [Кренке, 1998. Ил. 206], Белоглиняный фрагмент из комплекса, видимо, следует интерпретировать как керамику курганного типа из белой глины, а не как белоглиняную грубую XVI в. На это указывает трехслойный обжиг. Таким образом, данный небольшой керамический комплекс, вероятно, следует относить ко второй половине XII–XIII в., что соответствует полученным радиоуглеродным датам.

На расстоянии около 1 м ниже по течению от зачистки 2 была сделана еще одна дополнительная зачистка для отбора образцов из погребенной почвы. В этой дополнительной зачистке археологических материалов не встретилось, горизонт погребенной почвы не имел видимых нарушений. Из него было взято три образца для радиоуглеродного датирования. Датирование проводилось по вытяжке гуминовых кислот из почвы. Получено три даты, которые легли без инверсий. Образец из верхней части почвы (глубина 140–145 см) показал возраст 2000 ± 50 (ИГАН 2075), образец из среднего горизонта (150–155 см) имел возраст 2500 ± 50 (ИГАН 2084), образец из основания почвы (160–165 см) был самым древним – 2850 ± 70 (ИГАН 2083).

Таким образом, даты для погребенной в толще аллювия почвы, полученные по вытяжке гумуса, оказались древнее даты, полученной по древесным угольками, приуроченным к этой же почве. Такая ситуация является типичной и описана в литературе. Она может объясняться наличием в почве гумуса, привнесенного с аллювием, более древнего по сравнению с временем ее формирования [Ferring, 1992. P. 4].

Еще выше по течению, под основной почвой, на глубине 265 см обнаружена нижележащая почва в нижней части суглинистого аллювия. Она также имеет гумусо-аккумулятивный профиль, но менее развита и прослеживается в обнажении берега на значительно меньшем протяжении.

§ 2. Терехово

На лодке, а затем пешком был пройден маршрут от Филевского парка до моста в Крылатском (рис. 40). На всем протяжении маршрута в обнажениях левого берега реки на глубине 1,5–2 м от поверхности прослеживалась темная полоса хорошо развитой почвы, очень похожей на ту, которую ранее исследовали в Курьянове. Этот участок в настоящее время представляет сегментовидную параллельно-гривистую пойму (шириной около 1 км), трансформированную в волнистую. Гривы смазаны, а староречные понижения выражены хорошо и заняты небольшими болотцами с ветлами, камышом и канареечником, в центре – с водоемами шириной 1–2 м. Поверхность занята залежью, местами распаханной под посевы моркови.

Была сделана зачистка 1 напротив Кунцевского городища, примерно в 100 м ниже его по течению (рис. 42). Высота бровки берега поймы над современным урезом воды здесь 6 м.

Место для зачистки было выбрано там, где сначала в осыпи, а затем в профиле обнажения был найден горизонт, содержавший керамику, кости, мелкие угольки. Этот участок берега представляет крутой местами

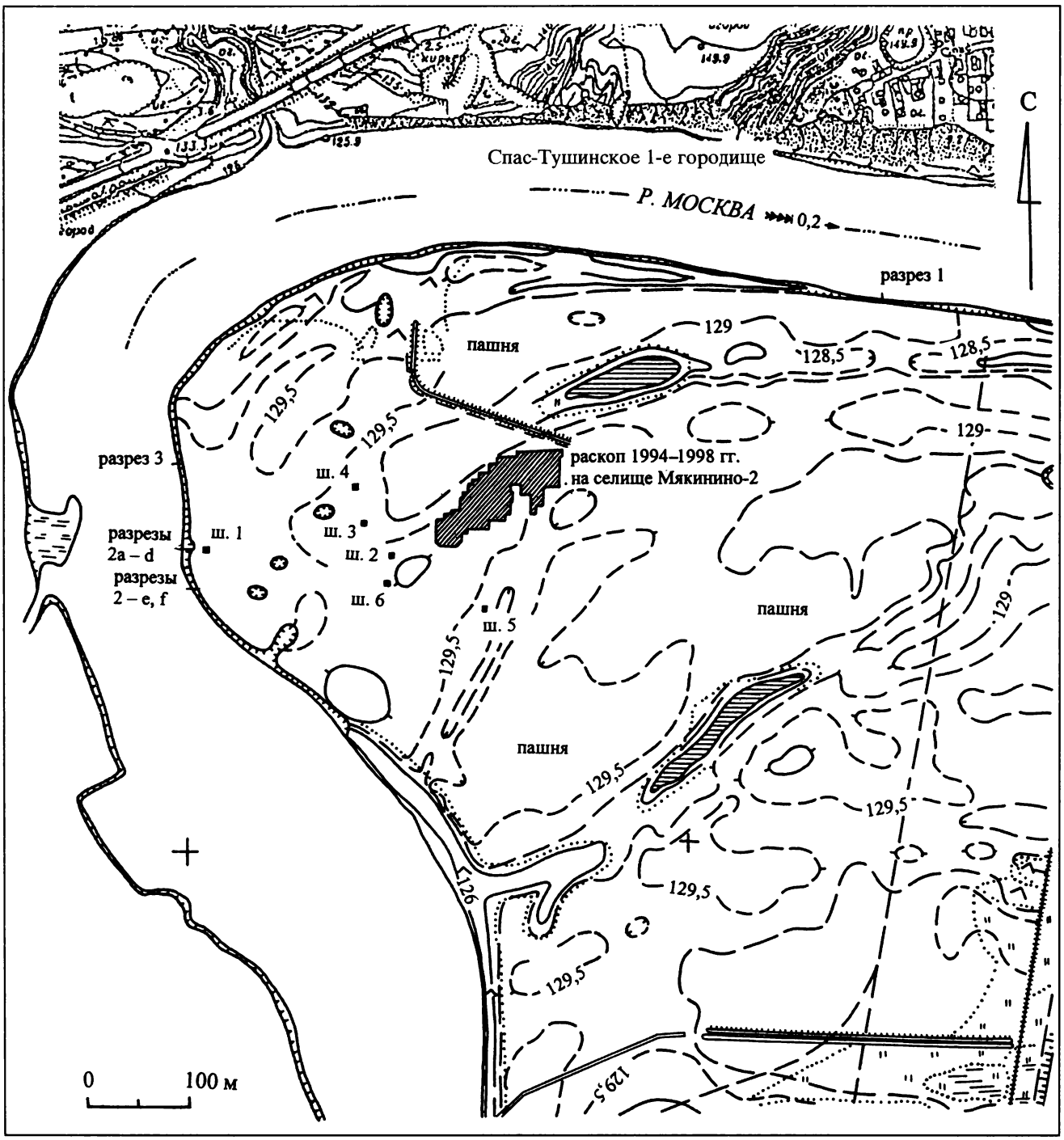


Рис. 43. План ноймы в районе Мякинина и профили зачисток обнажения берега

обрывистый (от 30 до 60°) склон подмываемого слабовыпуклого прируслового вала у уреза реки. Он занят разнотравно-злаковым с зарослями луговой земляники лугом с проективным покрытием до 100%. В 6 м ниже зачистки на бровке берега росло несколько осин, в 4 м выше по течению росли три деревца одичавшей вишни, а в 70 м выше по течению на склоне берега (прямо напротив устья ручья) росли молодые дубки.

Последовательность слоев в зачистке такова:

0–15 см – хорошо развитый дерн, заполненный пылеватой супесью;

15–35 см – серо-бурая однородная супесь, уплотненная, непрочно-мелкокомковатая (современный пахотный слой);

36–50 см – более светлая серо-бурая супесь с белесыми песчаными включениями тонкозернистого полимиктового песка, уплотненная, комковатая;

51–130 см – светло-бурый пылеватый тонко- и мелкозернистый песок, в верхней части непрочно-ребристо-комковатый, с горизонтальной слоистостью;

131–135 см – светло-серый пылеватый тонкозернистый песок с включениями угольков, керамики, костей. На этом уровне была сделана ступенька. Керамика представляла собой развал нижней части большого сосуда из красножгущейся глины. Горшок был сделан на гончарном круге. Толщина черепков равнялась 7–7,5 мм. В тесте имелись включения дресвы размером 3–5 мм. Обжиг трехслойный. Внешняя и внутренняя поверхности имеют красноватый цвет и заглажены. Донце толщиной 1,1 см сделано на подсыпке песка. Всего было найдено около 50 черепков, некоторые из них подклеились друг к другу. Ориентировочно горшок можно датировать XIII–XV вв., скорее всего, он относится к типу сероглиняной или красноглиняной грубой керамики (отсутствие венчиков не позволяет дать точное заключение). Вместе с керамикой было найдено 19 костей домашних животных, среди них фаланга коровы;

136–195 см – бурый пылеватый тонко-мелкозернистый песок, слабоуплотненный с горизонтальной слоистостью;

196–235 см – темно-бурая (серо-бурая) супесь, плотная, плитчатая (погребенная почва). В почве отмечены кротовины, отдельные угольки. Верхняя и нижняя границы почвы нерезкие, средняя часть горизонта наиболее темная;

236–252 см – светло-бурая супесь, плотная, местами с налетом белесоватой кремнеземистой присыпки;

253–260 см – слоистый аллювий: светло-бурые легкосуглинистые и желтоватые прослои;

260 см – светло-бурая супесь, плотная.

Таким образом, в зачистке № 1 выявлено две погребенные почвы. Нижняя хорошо развитая, мощностью до 40 см, и верхняя слаборазвитая, мощностью около 5 см. Верхняя почва датируется археологическим материалом в интервале XIII–XV вв., нижняя (почва 2) соответственно древнее.

В километре ниже по течению от зачистки № 1 была сделана еще одна зачистка, в профиле которой вместо хорошо развитой почвы 2 прослеживались четыре слабовыраженных горизонта почвообразования. Два верхних залегали в рыхлой осветленной супеси, два нижних – в суглинке с признаками иллювиальных явлений и пятнистым оглеением. Эти признаки отражают этап лесного почвообразования на пойме.

Еще ниже, на глубине 310–325 см, залегала более древняя хорошо развитая луговая оглеенная почва. Образец почвенного гумуса, отобранный из нее, показал возраст 6360 ± 100 (ИГАН 2088).

Еще в 200 м ниже по течению нижняя почва имела тот же вид и лежала на той же глубине (300–320 см), но вместо четырех слаборазвитых почв здесь на глубине 160–280 см залегала единая хорошо развитая почва, в профиле которой читались следующие слои:

160–180 см – серо-белесый гумусо-элювиальный горизонт, переход постепенный;

180–210 см – серовато-буроватый суглинок мелкоореховатый, рыхлый (верхняя часть иллювиального горизонта), включения угольков, переход постепенный;

211–280 см – серо-бурый суглинок, тяжелый ореховато-призматический, плотный, при высыхании светлеет, появляется обильная белесая кварцевая присыпка (нижняя часть иллювиального горизонта), признаки оглеения.

Следовательно, на суглинках признаки лесного почвообразования видны хорошо. В других зачистках данные признаки не видны или проявляются нечетко, что связано с более легким супесчаным составом породы и неспособностью почвы формировать устойчивую структуру.

§ 3. Тушино

Зачистка была сделана на бровке левого берега Москвы-реки, в 200 м выше по течению от устья р. Химки (рис. 40). Общая высота поверхности поймы над современным урезом воды 2,7 м (до строительства канала – 3,7 м). Прослежена следующая последовательность отложений:

0–5 см – современный дерн;

6–120 см – серовато-бурая пылеватая супесь с единичными включениями дресвы, с прослоями и линзами темно-бурого мелкокомковатого легкого и среднего суглинка;

121–140 см – темно-бурый суглинок, рыхлый, комковатый, в нижней части белесая кварцевая присыпка (гумусовый горизонт лесной почвы), переход постепенный;

141–145 см – темно-бурая супесь с белесыми линзочками, свидетельствующими о процессах оподзоливания;

146–170 см – бурый суглинок, слабоуплотненный, мелкоореховатый, глинистые натеки и скопления белесой кварцевой присыпки, переход постепенный;

171–188 см – темный серо-бурый суглинок с включениями угольков в верхней части, ореховатый с признаками иллювиальных воздействий сверху, в нижней части белесо-серый с признаками элювиального горизонта (почва лесного генезиса), переход постепенный;

189–207 см – бурый суглинок, хорошо оструктурен, ореховато-призматический, плотный, в трещинах в верхней части белесый подзолистый материал, переход постепенный;

208–215 см – серо-бурый к темному суглинок, уплотненный с диагенетической ореховатой структурой (почва, сформировавшаяся под лугом?), граница неровная;

216–228 см – бурый суглинок с мерзлотными клиньями;

229 см – желтый песок.

Таким образом, в разрезе зафиксированы три ясно выраженные почвы, нижняя из которых, возможно, синхронна почве шеститысячелетнего возраста из разреза в Терехове, а верхняя одновременна почве 2 тереховского разреза. Разрез выделяется наличием двух хорошо выраженных лесных почв, верхнюю из них можно назвать дерново-подзолистой с хорошо развитым гумусовым горизонтом.

§ 4. Мякинино

Район рассматривался как перспективный, так как надеялись, что близость городища Спас-Тушино-1 и селища (стоянки) Мякинино-2 повышает шансы обнаружить археологический датирующий материал в почвах. Пойменная излучина расчленена четырьмя старичными руслами, ориентированными юго-запад – северо-восток. Старицы под прямым углом пересекаются современным руслом в южной части излучины. В днищах старичных понижений, работающих весной как водосборники, заложены новые врезы. У старожилов с. Спас-Тушино было записано предание, согласно которому "деды" помнили, что река текла когда-то по наиболее южному из этих четырех старичных понижений (инф. М.В. Лагуткин, 1928 г. рожд.). На картах XVIII–XX вв. русло реки примерно совпадает с современным. В последнее столетие река интенсивно подмывала высокий левый берег, что обусловило необходимость разборки церкви в Спас-Тушине в конце XIX в. и вызвало оползни 1904, 1929, 1934 гг.

Поселение Мякинино-2, содержащее находки от мезолита–неолита до XVII в., находится между вторым и третьим старичными понижениями, считая с севера (рис. 43).

Маршрут был начат вдоль правого берега Москвы-реки вверх по течению от моста МКАД.

Разрез 1 был заложен прямо напротив городища Спас-Тушино-1 (рис. 43). Высота обрыва берега здесь 3,3 м. Выяснилось, что толща сложена молодым аллювием. Отложения имели слоистый характер, чередовался суглинок и песок. Примерно в середине разреза на глубине 190 см отмечены угольки. Выраженные погребенные почвы отсутствовали. На протяжении берега до его поворота на юг удобного места для зачистки найдено не было.

Разрез 2 был заложен на месте обрыва, где в обнажении были ясно заметны два уровня погребенных почв. Это место находится непосредственно на запад от раскопа 1998 г. на селище Мякинино-2, на соседнем с селищем межстаричном пространстве. На протяжении 10-метрового отрезка берега были сделаны зачистки 2a, 2в, 2c, 2d (рис. 44).

Стратиграфия зачистки 2а была такова:

0–3 см – дерн;

3–32 см – светло-бурая супесь с крапинками ожелезнения и сизоватыми включениями (делювиально-аллювиальная толща);

33–34 см – горизонт линзочек белесого песка, не образовывавших сплошного прослоя, на этом уровне встречен уголек;

35–48 см – гумусированный почвенный горизонт (почва 1), представленный бурой супесью. Верх почвенного горизонта несколько темнее его низа; нижняя граница размыта;

49–66 см – светло-бурая супесь-песок; в нижней части местами почти желтый песок; аллювиальная толща; в этом горизонте систематически встречаются мелкие (менее 1 см) и довольно крупные печинки; они залегали на разных уровнях прослоя – в середине и в верхней части; наличие печинок свидетельствует о близости поселения; возможно, это шлейф селища Мякинино-2 или каких-то его выселок (?), так как до самого селища далековато – 200 м, и оно располагается за старичным понижением;

67–89 см – гумусированный почвенный (почва 2) слой темной серо-бурой супеси (темнее, чем вышележащая почва); верх местами весьма ровный, лишь нарушенный червеходами и корнями; граница с вышележащим песком контрастная; в горизонте почвы имеются совсем темные участки (пятна размером в несколько десятков

кв. см); в верхней части этого слоя было встречено два гладкостенных лепных черепка с грубыми включениями дресвы и один фрагмент текстильной керамики; толщина черепков 7–12 мм, размер дресвы до 5 мм; черепки неокатанные; скорее всего, это раннедьяковская (?) керамика; на этом же уровне на глубине 70 см был найден фрагмент красноглиняной гончарной керамики толщиной 3 мм, с хорошо отмученным тестом с примесью очень мелкого песка, трехслойного обжига; низ слоя неровный, плавно переходит в нижележащую бурую супесь, тоже относительно темную;

90–110 см – бурая супесь, переходящая в светло-бурый песок; аллювиальные отложения.

Стратиграфия разрезов 2в и 2с была тождественной с 2а, лишь отметки почвы 2 были на 5–15 см ниже. В разрезе 2с почва 2 имела наиболее темную окраску – темно-серую. На этом участке было найдено наибольшее количество керамики железного века и отдельные угольки. Мощность слоя почвы 2 здесь достигала 30 см. В разрезе 2d почва 2 разделяется на два горизонта. Нижний, более мощный и хорошо выраженный, залегает на глубине 145–176 см. В нем встречены единичные угольки и печинки. В верхнем горизонте почвы 2 не встречено никаких признаков человеческой деятельности. Понижение почвы 2 и ее раздвоение, видимо, фиксируют рельеф края берега реки и стадии постепенного заплывания старичного русла.

Таким образом, в почве 2 был найден материал железного века, а на поверхности этой почвы залегали фрагменты гончарной красноглиняной керамики. Точная датировка ее затруднена из-за малочисленности и небольшой величины фрагментов. Ориентировочно их можно отнести к интервалу от конца XIV до начала XVI в. Вероятно, это свидетельствует о том, что данная поверхность очень долго оставалась стабильной и не заливалась рекой в половодье. В XVI в. положение изменилось, начал откладываться аллювий на поверхности почвы 2, затем произошла новая кратковременная стабилизация, фиксируемая почвой 1 (конец XVI – начало XVII в.). В XVII–XIX вв. накопление аллювия возобновилось.

В противоположную сторону от разреза 2а, вверх по реке, располагается другое старичное понижение. В 28 м выше по течению от разреза 2а был сделан разрез (зачистка) 2f, а еще в 8 м выше по течению – разрез 2е (ил. 43, 44Б). В этих разрезах хорошо прослеживались почвы 1 и 2. Почва 1 снижается до глубины 70–85 см, почва 2 раздваивается на самостоятельные темно-серые гумусовые горизонты: верхний (180–205 см) и нижний (210–270 см) с кротовинами. Подстилается почва суглинком, выполняющим всю придонную часть старицы. Археологических находок не было.

Разрез 3 был заложен в 64 м ниже по течению от разреза 2а. Выраженные погребенные почвы в этом разрезе отсутствовали. На глубине 90–105 см прослеживался слой слабогумусированного песка, который можно сопоставить с почвой 1 разреза 2. На глубине 185 см в слое желтого песка были найдены печинки и керамика: крупный фрагмент стенки красноглиняного горшка (толщина 7 мм, примесей нет, обжиг равномерный) и две белоглиняные гладкие стенки, т.е. материал, который, скорее всего, датируется XVII в.

Шурфы, заложенные на двух межстаричных повышениях (рис. 43, 44Б), зафиксировали на обоих наличие почвы 2, которая может иметь ориентировочный возраст 500 – 250̀0 лет от наших дней (керамика от раннедьяковской до гончарной красноглиняной). Межстаричное повышение, на котором расположено селище Мякинино-2, имеет и более раннюю почву 3, возраст которой пока не ясен, возможно, к ней были приурочены находки каменного века из раскопа.

Можно предположить, что в период функционирования поселения Мякинино-2 в первой половине – середине XVI в. его западная периферия не заливалась в половодье, привноса аллювия почти не было (при таких условиях мог сформироваться гумусированный слой небольшой мощности, зафиксированный в раскопе). Затем территория стала заливаться и накапливался аллювий. Возможно, что поселение уже в этот период запустело.

Предварительные палеоботанические исследования, проведенные по образцам в разрезе Мякинина, показали, что в период формирования почвы 2 наблюдалось изменение в составе растительного покрова окружающей территории, что нашло отражение в смене спорово-пыльцевых комплексов (рис. 44Б).

Среди древесных пород в начальный период формирования почвы 2 характеризуется доминированием пыльца березы (*Betula sec. Albae*), содержание которой среди пыльцы древесных достигает 68%. Количество пыльцы сосны (*Pinus sylvestris*) 21%. В незначительных количествах присутствует пыльца ели (*Picea*), ольхи (*Alnus*) и липы (*Tilia*).

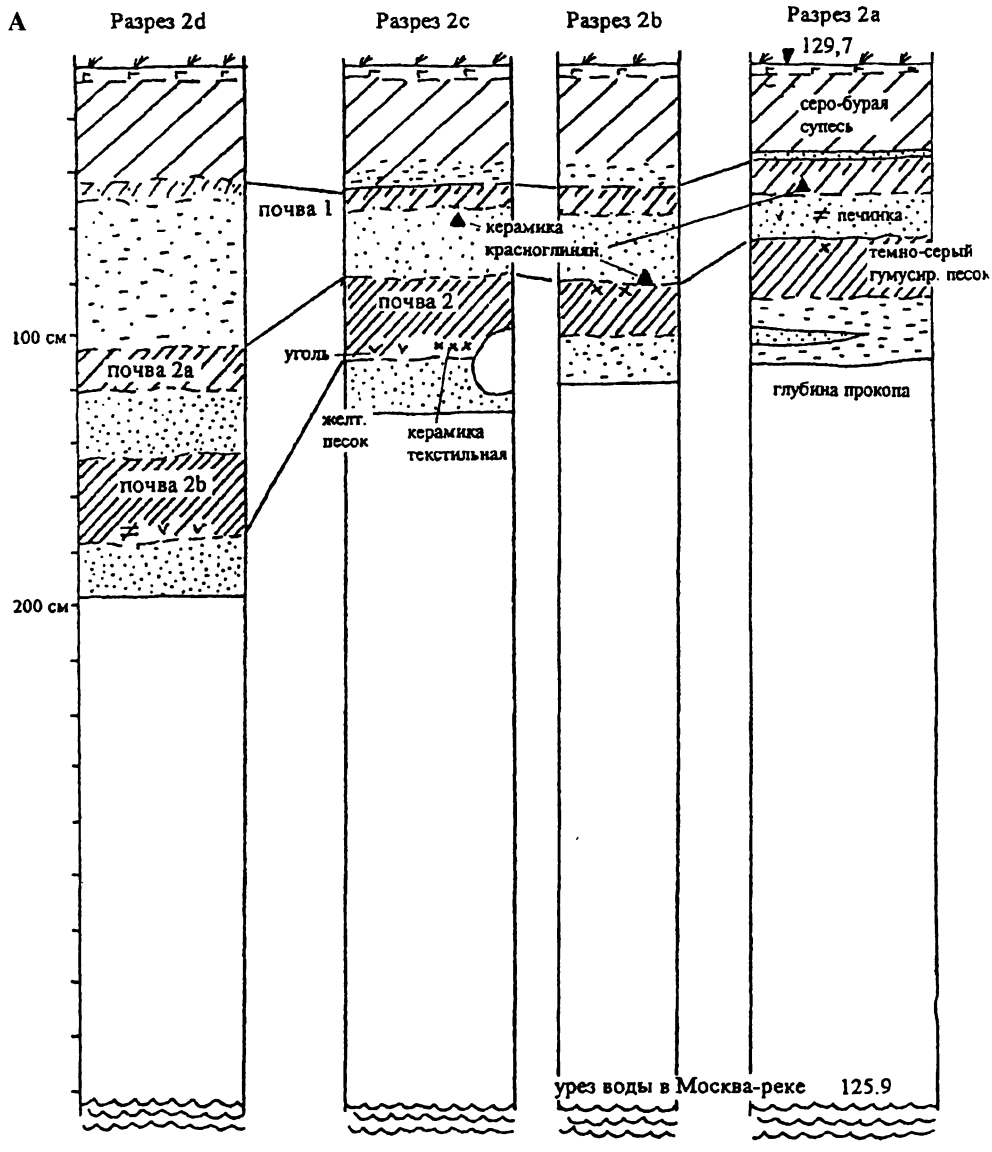


Рис. 44 А, Б. Пойма в районе Мякинина

Разрезы 2e и 2f. Шурфы 2, 4, 5, 6. Западная стенка кв. 1240 к западу от селища Мякинино-2

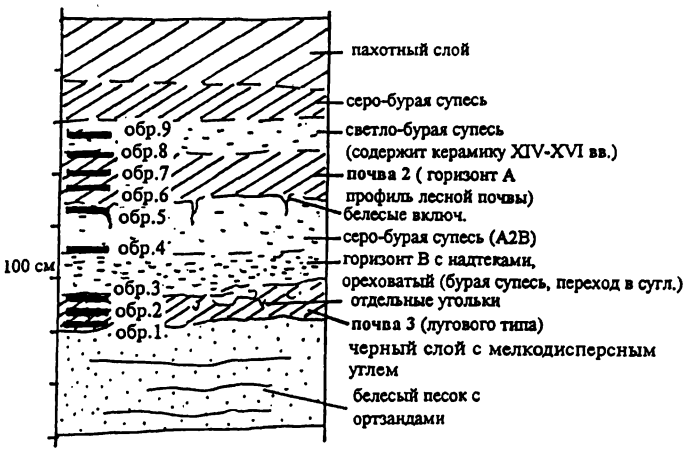
В группе травянистых растений преобладает пыльца злаков (*Poaceae*) – 69%. Пыльца осок (*Cyperaceae*) составляет 8%, по 7% приходится на пыльцу маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*). Разнотравье представлено цикориевыми (*Cichoriceae*), астровыми (*Asteraceae*). Единично встречена пыльца хмеля (*Humulus*).

Среди споровых господствуют зеленые мхи (55%) и споры папоротника (37%). Также встречаются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), папоротника орляка (*Pterudium*).

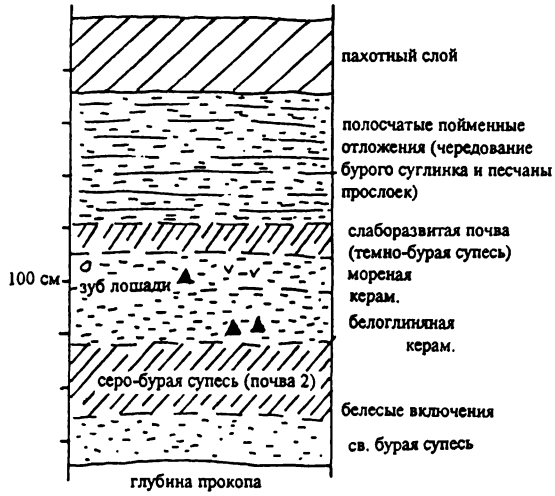
Спорово-пыльцевые комплексы среднего и финального периодов формирования почвы 2 близки по составу спектров. В общем составе произошли существенные изменения по сравнению с предыдущим этапом. Преобладает пыльца травянистых растений (41–43%). Количество пыльцы древесных пород снижается до 23–30%. Споры составляют 29–33%. Скорее всего, это связано с частичной вырубкой пойменных лесов и обустройством пахотных угодий. Косвенно данный факт подтверждается единичными находками пыльцы культурных злаков.

Древесные породы представлены в основном пыльцой березы (*Betula sec. Albae*) (65%). Также много пыльцы сосны (*Pinus sylvestris*) (до 30%). Кроме этого, следует отметить, что в образце из среднего горизонта почвы больше встречается пыльцы широколиственных пород, представленной липой (*Tilia*), дубом (*Quercus*) и лещиной (*Corylus*).

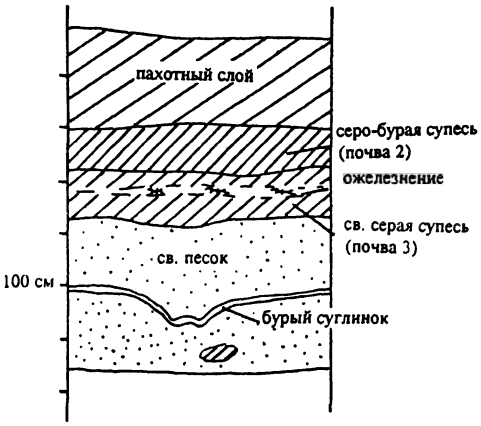
Б северная стенка шурфа 2



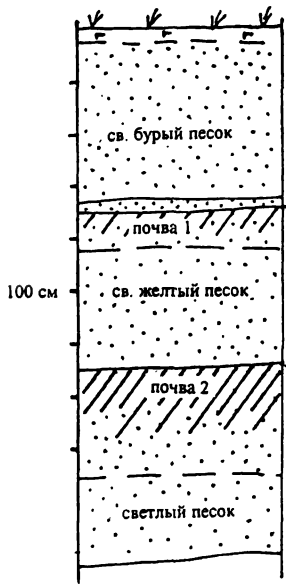
профиль северной
стенки шурфа 5



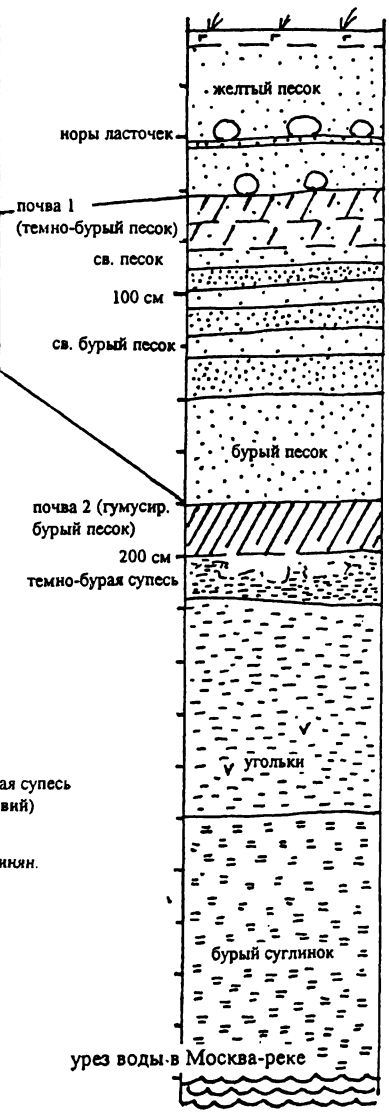
профиль северной
стенки шурфа 6



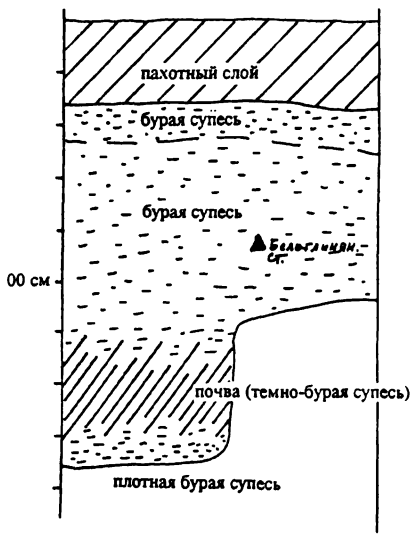
Разрез 2f



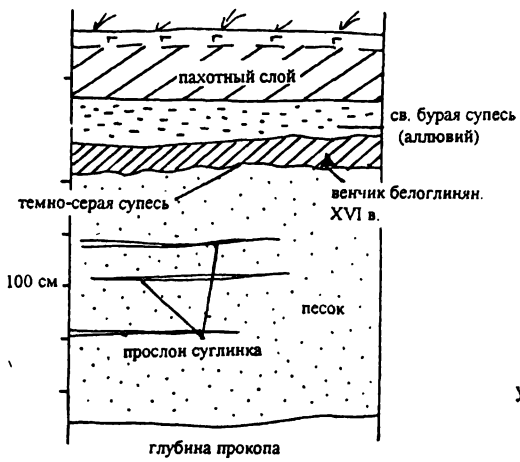
Разрез 2е



профиль восточной
стенки шурфа 4



западная стенка кв. 1240



В группе травянистых растений доминирует (39–49%) пыльца злаков (*Poaceae*) и разнотравья, среди которого господствует (14–21%) пыльца семейства цикориевых (*Cichoriceae*), также отмечена пыльца осок (*Cyperaceae*). В конце формирования почвы 2 заметно возрастает роль растений нарушенных субстратов, к которым следует причислить маревые (*Chenopodiaceae*), полыни (*Artemisia*) и гречиху татарскую (*Fagopirum Tataricum*).

Споровые представлены плауном булавовидным (*Lycopodium clavatum*) – около 50%, зелеными мхами (*Bryales*) – 20–25%, сфагновыми мхами (*Sphagnum*) – 7–9%, папоротником сем. *Polypodiaceae* – 15%. Увеличение роли споровых растений в верхнем горизонте почвы 2 может свидетельствовать об увеличении заболачивания окружающей территории и поднятии уровня грунтовых вод.

§ 5. Выводы

В пойменных отложениях Москвы-реки имеются погребенные почвы среднеголоценового возраста. Они требуют дальнейшего изучения и поисков приуроченных к ним археологических памятников.

В субатлантический период голоцена, по-видимому, на протяжении длительного интервала, который пока ориентировочно определяется в пределах 2500 – 600 лет назад, уровень реки был низким, пойма с отметками 5 м и выше (с учетом того, что современный урез воды поднят на 1 м) почти не заливалась. В этот период сформировалась почва 2, которую мы проследили в разрезах Мякинина, Терехова, Курьянова. Во многих случаях эта почва имеет лесное происхождение. Тот факт, что данная почва прослеживается в удаленных друг от друга разрезах, видимо, свидетельствует в пользу гипотезы о том, что ее формирование не связано с локальными миграциями русла реки, а обусловлено паводковым режимом. Возможно, это же явление прослеживается и на других реках бассейна Оки. Наблюдение В.А. Городцова, писавшего, что шлейф слоя городища железного века оказался на 1,4 м ниже уровня разливов р. Протвы в 1920-е гг., согласуется с положением почвы 2 в москворецких разрезах. Хорошо развитая лесная почва, включающая материал раннего железного века и раннего средневековья, имеется и на средней Оке [Александровский и др., 1987].

В XIV–XV вв. уровень паводков возрос, на почве 2 стал интенсивно накапливаться аллювий. В этот период уже существовало поселение Мякинино-2. Шлейф находок с этого поселения отложился в аллювии.

Примерно в конце XV – середине–второй половине (?) XVI в. вновь уровень паводков понижается. Начинается формирование почвы 1, которое длилось не очень продолжительное время (может быть, менее 100 лет). Затем вновь наступает период высоких паводков и поверхность поймы выполаживается за счет обильного привноса аллювия.

Литература и архивные материалы

Александровский А.Л., Гласко М.П., Фоломеев Б.А. Археолого-географические исследования погребенных пойменных почв как геохронологических уровней второй половины голоцена (на примере Средней Оки) // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1987. № 56.

Бадер Н.О. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Векслер А.Г., Двуреченский О.В., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования мякининского селища на северо-западе Москвы // АО 1995 года. М., 1996.

Векслер А.Г., Коваль В.Ю. Охранные раскопки на Мякининском 2 селище в окрестностях Москвы// АО 1998 года. М., 2000.

Глазунова О.Н. Терехово // Изучаем историю Москвы и Подмосковья. М., 1999.

Городцов В.А. Болотное Огубское городище // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1.

История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1.

Кренке Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории музея-заповедника "Коломенское" в 1991 г. (Архив ИА РАН. Р–1, № 15954).

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3.

Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках по долине Москвы-реки в пределах г. Москвы в 1995 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А. Альбом к отчету о раскопках на Романовом дворе в Москве в 1998 г. (Архив ИА РАН).

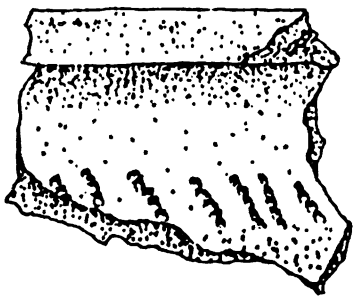
Криштафович Н.О. Археологические наблюдения в Московской губ. // Археологические известия и заметки. М., 1893. Вып. 11.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман М.А. Климентовская стоянка (к вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине средней Оки) // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Тр. ГИМ. М., 1988. Вып. 68.

Brown A.G. Alluvial geoarchaeology. Floodplain archaeology and environmental change. Cambridge University Press, 1997.

Ferring C.R. Alluvial Pedology and geoarchaeological research // Soils in Archaeology / Ed. by V.T. Holliday. Smithsonian institution press (Wash.), 1992.



Глава 10

Коломенское в XI–XIII вв.

§ 1. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.)

Н.А. Кренке

В пределах заповедника зафиксировано семь пунктов, где были обнаружены материалы, относящиеся к XI–XIII вв. (цв. вкл., рис. 18). Это Дьяково городище, селища Дьяково-1 (Выгон), Дьяково-2 (Дьяково-пойма), Дьяково-3 (Дьяково Южное), Коломенское-1 (с. Коломенское), Коломенское-3 (К югу от церкви Вознесения на Голосовом овраге) и отдельные находки на участках, примыкающих с севера и востока к церкви Вознесения. Размер коллекций с этих памятников далеко не одинаков, что определяет предварительность выводов, изложенных ниже. Самая крупная коллекция происходит с селища Дьяково-2 – около 3 тыс. фрагментов керамики (раскопки 1983–1985 гг.). В коллекции с Дьякова городища комплекс гончарной керамики насчитывает немногим более 200 фрагментов; на селище Дьяково-1 – около 450; на селище Коломенское-3 – около 50; на селище Коломенское-1 – около 50; на селище Дьяково-3 – один фрагмент (материалы 1991 г., при раскопках 2001 и 2002 гг. на селище открыты ямы, содержавшие несколько сотен фрагментов древнерусской керамики); на участке к востоку от церкви Вознесения – один фрагмент керамики (материалы 1978 г.), при раскопках 2003 г. обнаружены фрагменты семилопастных височных колец.

Так как именно керамика может быть в основном использована для уточнения хронологии вышеупомянутых поселений XI–XIII вв., то необходимо кратко остановиться на принципах ее классификации и датирования.

В литературе 1960–1970-х гг. керамика из московских памятников XI–XIII вв. подразделялась на две группы: курганную и серую. Рамки бытования первой определялись XI–XIII вв., второй – XII–XIV вв. Внутренняя хронология этих двух групп оставалась неразработанной.

Новым этапом в определении возраста ранней гончарной керамики в Москве и окрестностях является публикация результатов работ конца 1980-х гг. в центре Москвы [МК. 1991], давшие "закрытые" или частично "закрытые" комплексы XII–XIII вв., – в их числе *яма 8* и *сруб 1* в *Историческом проезде, нижний слой Богоявленского монастыря*. Важнейшее значение имеют материалы раскопок в Даниловом монастыре и на месте Казанского собора на Красной площади [Беляев, 1994; Беляев, Векслер, 1996].

Большое поселение, существовавшее по обоим берегам Даниловского ручья (современная территория Даниловского монастыря и церкви Воскресения Словущего), дало "реперный" комплекс X–XI вв., состоящий из лепной [Беляев, 1994. Табл. 75] и древнейшей раннегончарной керамики [Беляев, 1994. Табл. 76, 77]. Аналогичные материалы были получены при изучении памятников, расположенных на р. Пахре [Гоняный, 1999].

В раскопе у Казанского собора на Красной площади удалось зафиксировать постройку в предматериковом горизонте, погибшую от пожара. Обугленные лаги и

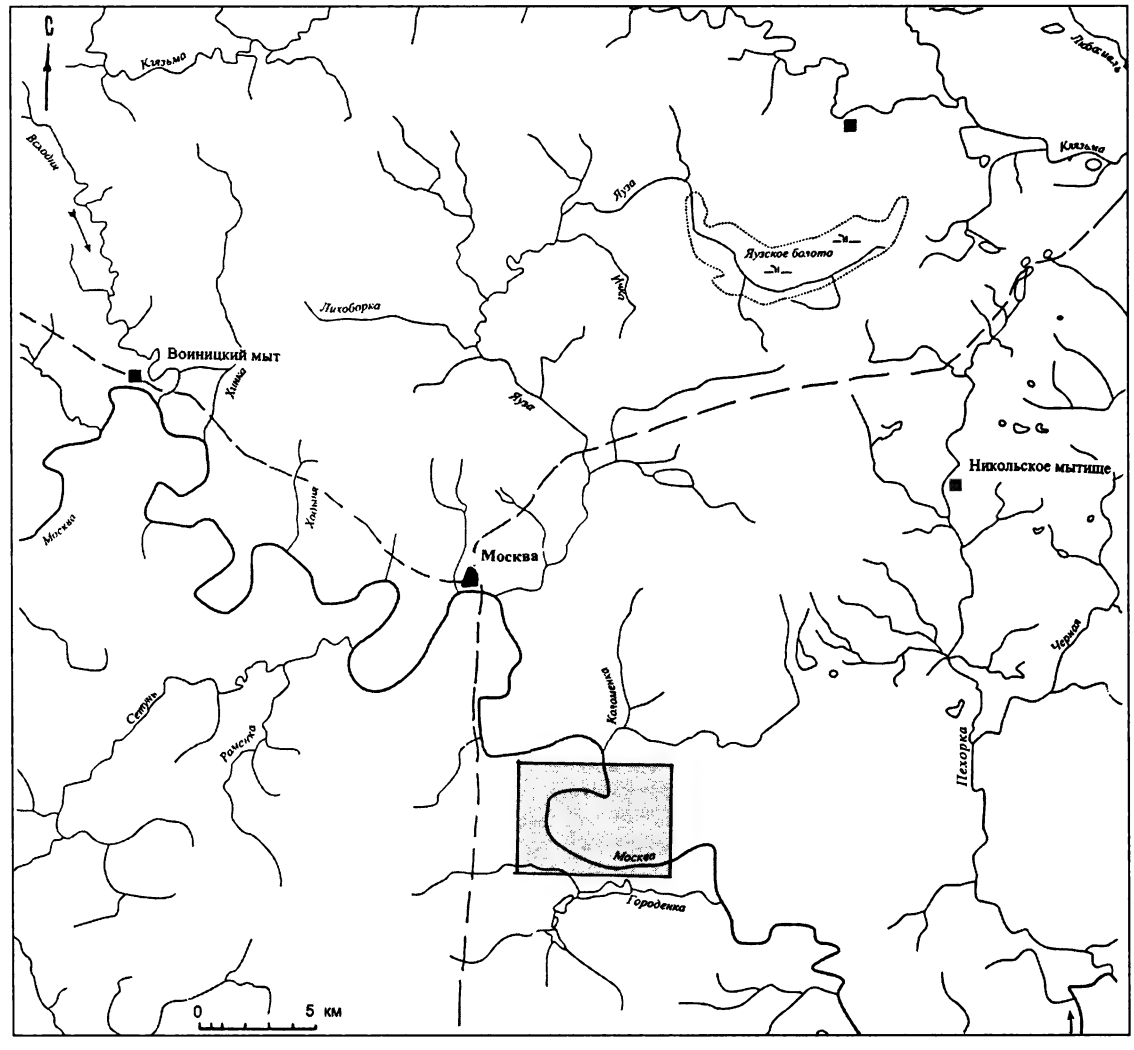


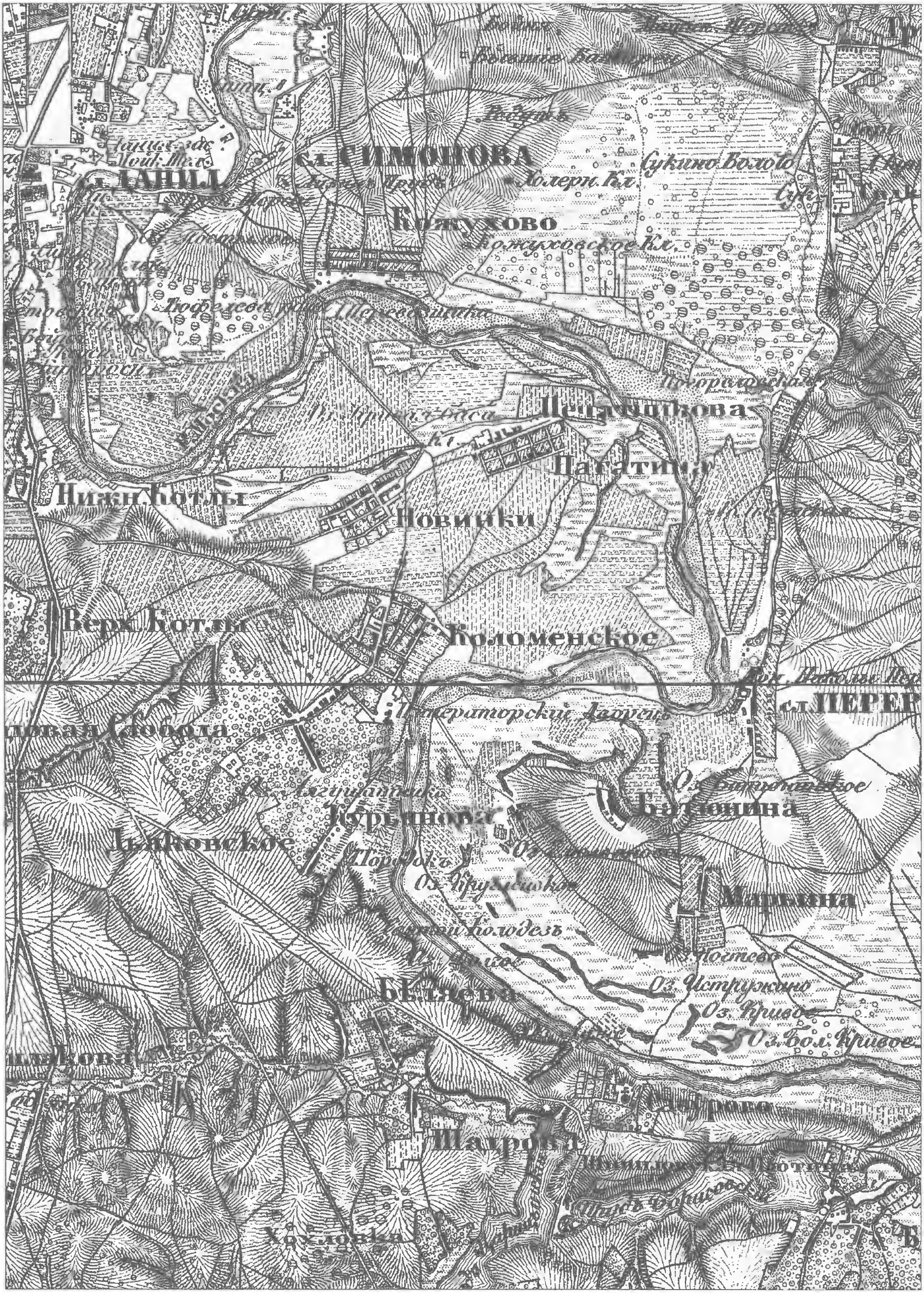
Рис. 45. Район Дьякова-Коломенского. Схема расположения и его изображение на Топографической карте Московской губернии 1860 г.

(РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387). Масштаб 2 версты в английском дюйме

лежавшие на них плахи пола прекрасно сохранились, на поверхности пола и под ним был собран значительный комплекс керамики. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам, отобранным из половиц и лаг, позволяют с большой надежностью определить возраст – первая половина или, скорее, вторая четверть XIII в. (рис. 83).

Датировка селища **Дьяково-2** (Дьяково-пойма) подробно разобрана в специальной публикации [Кренке, 1992], приведем здесь лишь основные аргументы. Комплекс керамики (рис. 46) имеет архаические для раннегончарной посуды черты – насечки по венчику, орнаментация оттисками палочки, обмотанной веревочкой, наконец, есть даже один лепной фрагмент. Форма посуды (доминируют короткие отогнутые венчики, отсутствуют венчики, завершающиеся округлым валиком) и орнаментация (преобладают гребенчатый штамп, оттиски зубчатого колесика, "дрожащая" волна) позволяют с уверенностью отождествить комплекс селища Дьяково-2 с частью комплекса Данилова монастыря, представленной раннегончарной керамикой.

Типы керамики, имеющейся в постройке на месте Казанского собора, отсутствуют на селище Дьяково-2, что дает основание уверенно исключить при его датировании первую половину XIII в. Учитывая однородность комплекса селища и отсутствие археологических свидетельств продолжительности жизни поселения (перестройки и т.п.), более вероятной датой представляется конец XI – начало XII в. Найденные на селище нож и шиферное пряслице не противоречат такой дате, железный ключ по новгородской шкале следовало бы датировать скорее XII–XIII вв. Однако, на мой взгляд, комплекс керамики является более весомым аргументом, тем более, что даже эксперт по новгородской керамике Г.П. Смирнова


сл. СИМОНОВА
Сукино Болото
Холерн. Кл.
Кожухово
Кожуховское Кл.
Перерва
Печатникова
Батюнина
Марьина
Нижн. Котлы
Новинки
Верх. Котлы
Коломенское
Императорскiй Дворецъ
сл. ПЕРЕР
Курьянова
Дьяковское
Оз. Круглое
Бѣляева
Оз. Истрyжно
Оз. Кривое
Оз. Бол. Кривое
Шайрова
Хохловка

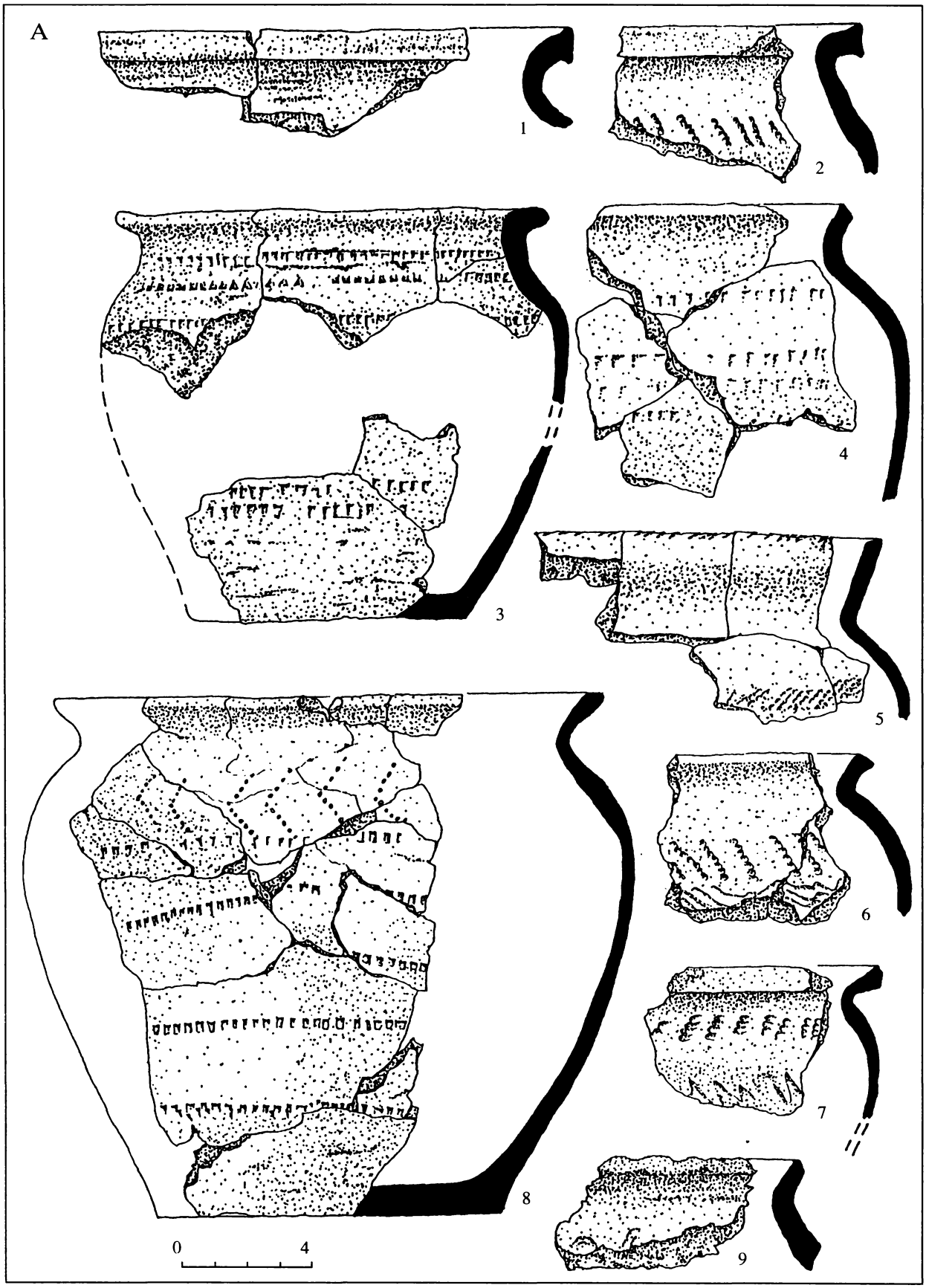


Рис. 46 А. Селище Дьяково-пойма. Керамика XI–XII вв. из раскопа 1

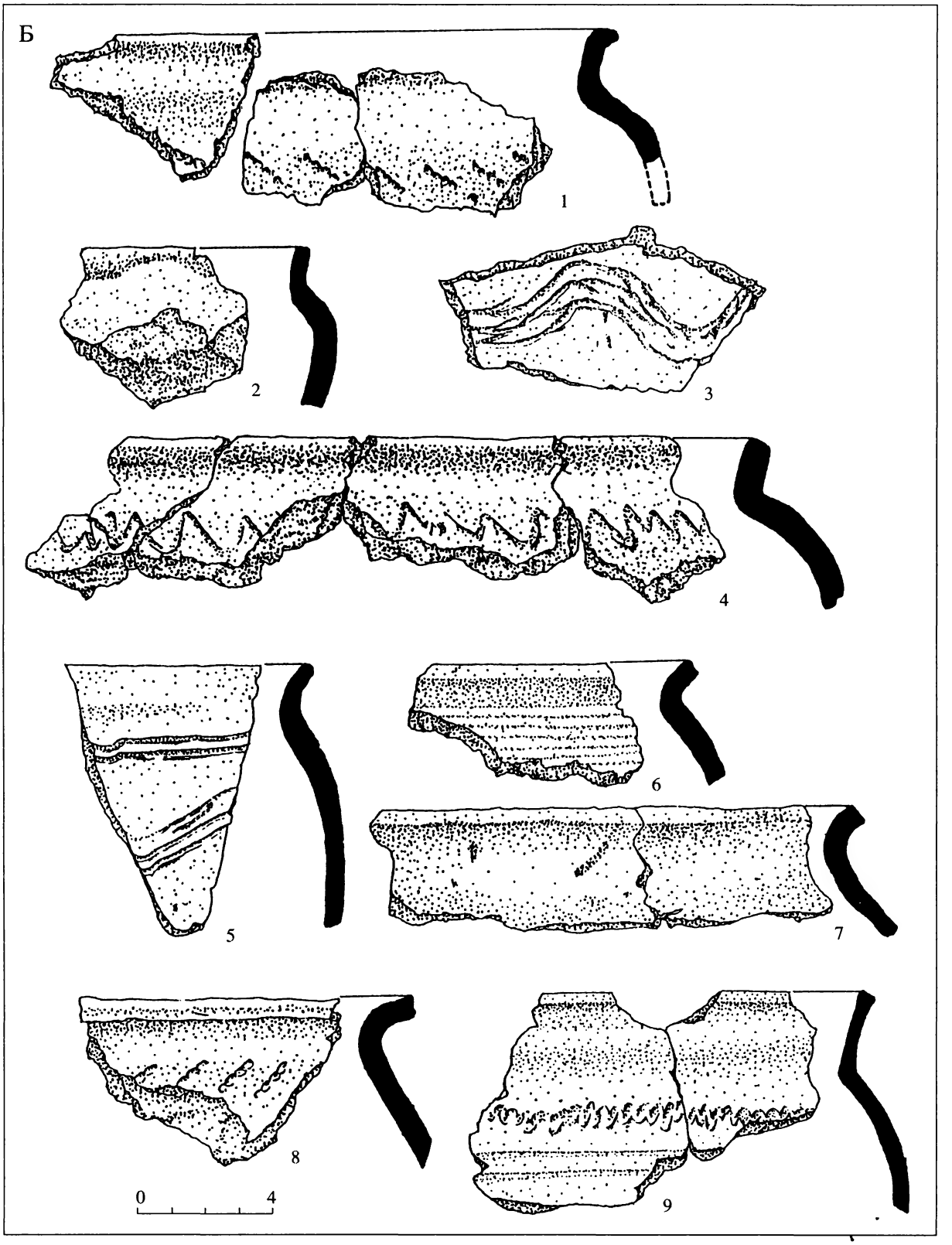


Рис. 46 Б. Селище Дьяково-пойма. Керамика XI–XII вв. из раскопа 3

увидела соответствие керамики селища Дьяково-2 керамике X–XI вв. из Новгорода[1].

Комплекс гончарной керамики **Дьякова городища**, безусловно, хронологически "пересекается" с комплексом селища Дьяково-2. Об этом свидетельствует преобладание в орнаментации гребенчатого и зуб-

[1] Г.П. Смирнова любезно поделилась с автором своими соображениями в 1985 г.

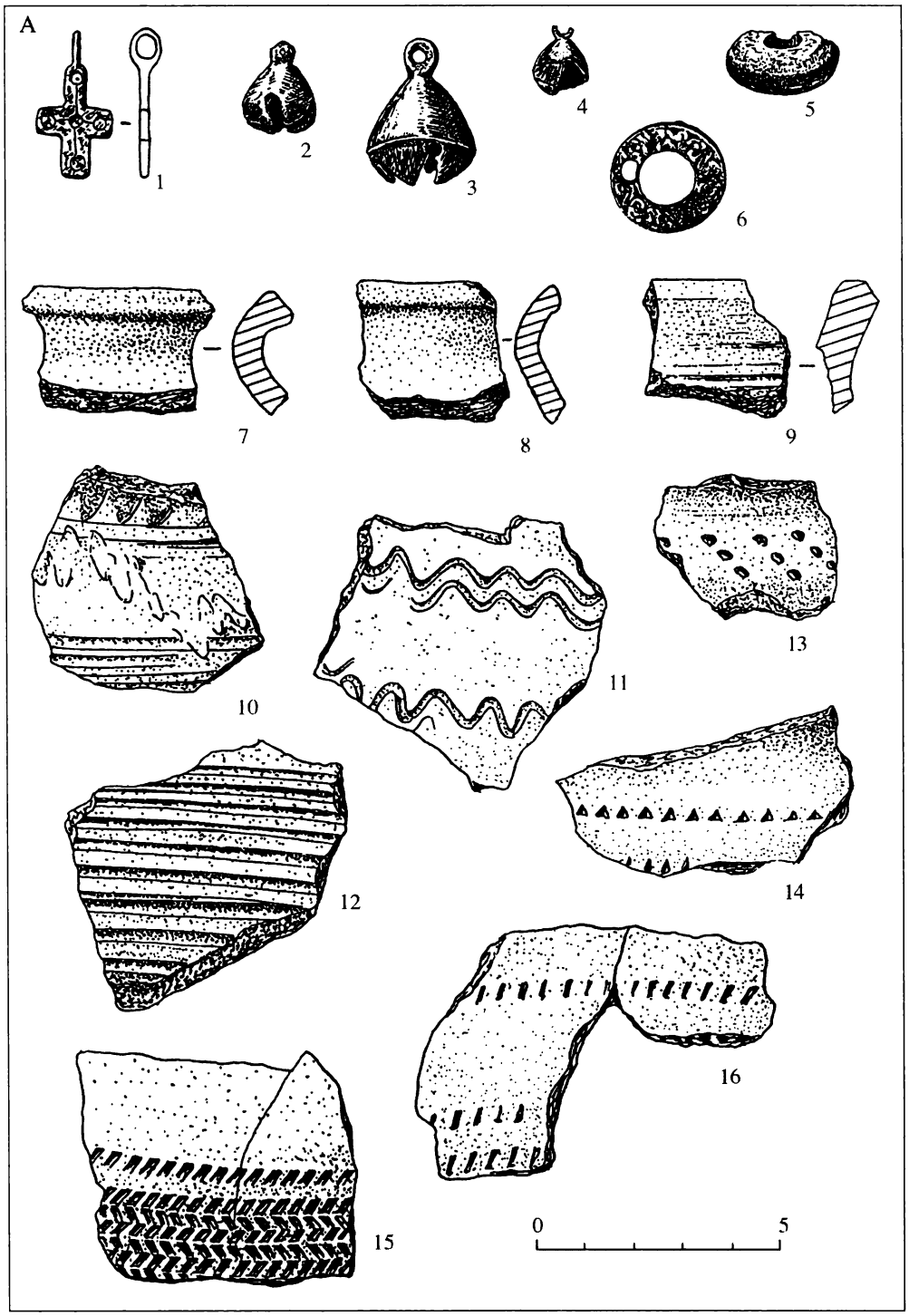


Рис. 47 А. Дьяково городище. Древнерусская керамика и вещевые находки
Из раскопок 1981–1986 гг.

чатого штампов, "дрожащей" волны. Соответствует и профилировка целого ряда венчиков (рис. 47–49). В комплексе с городища имеются также венчики сосудов, сопоставимые с найденными в *яме 8* в *Историческом проезде* (косопоставленные, по С.З. Чернову), которые по аналогиям с керамикой из курганов датируются XII в. (МК. Табл. 27).

Кроме того, на городище имеется керамика, отсутствующая на селище Дьяково-2. Это венчики, завершающиеся круглым валиком и имеющие упор для крышки (рис. 48, *2, 4*), они близки по профилировке к тем, что составляют основу комплекса из постройки на месте Казанского собора. К поздней группе относится венчик, представленный на рис. 47 Б, *6*. Аналогии ему можно найти среди серой кера-

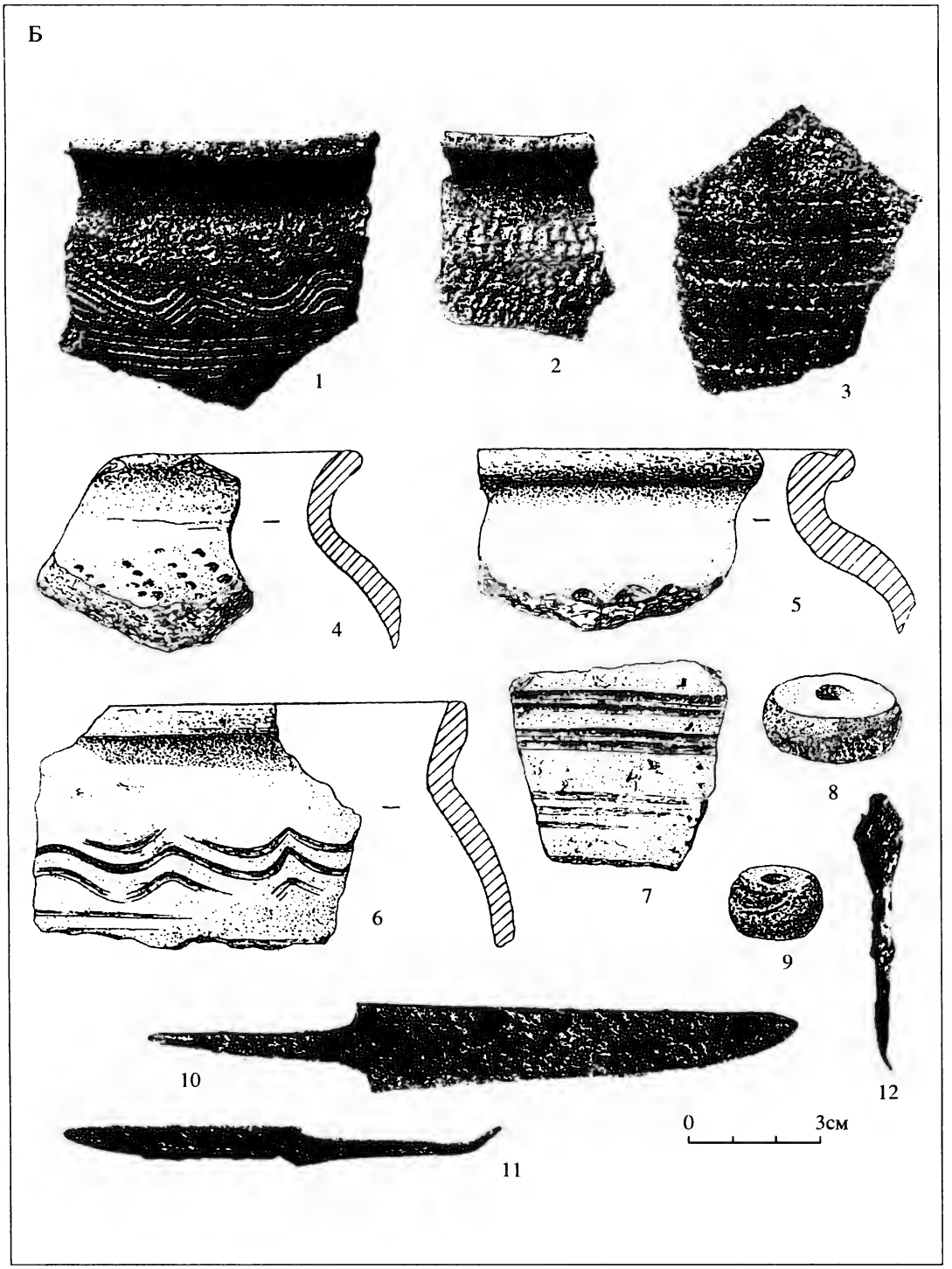


Рис. 47 Б. Дьяково городище. Древнерусская керамика и вещевые находки.
Из раскопок XIX в. и 1935 г.

мики из *срубов 2 и 3 на Монетном дворе*, селища *Лешково-2*, датирующихся второй половиной XIII – первой половиной XIV в.

Вещевые находки с городища датируются в пределах XI–XII вв. (крестопрорезные бубенчики, шиферные пряслица, нож, пряжка, стрела). Отметим, что очень близкие аналогии имеются в надежно датированных комплексах. Так, например, аналогичная пряжка была найдена в одном из Кемских курганов близ Белого озера, датированном монетами серединой XI в. [Макаров, 1990].

На селище Дьяково-1 отсутствует керамика, аналогичная найденной на селище Дьяково-пойма. Все венчики древнерусских сосудов с селища Выгон находят аналогии среди курганной и серой керамики дособорного слоя *Богоявленского монастыря* (до 1340 г.)

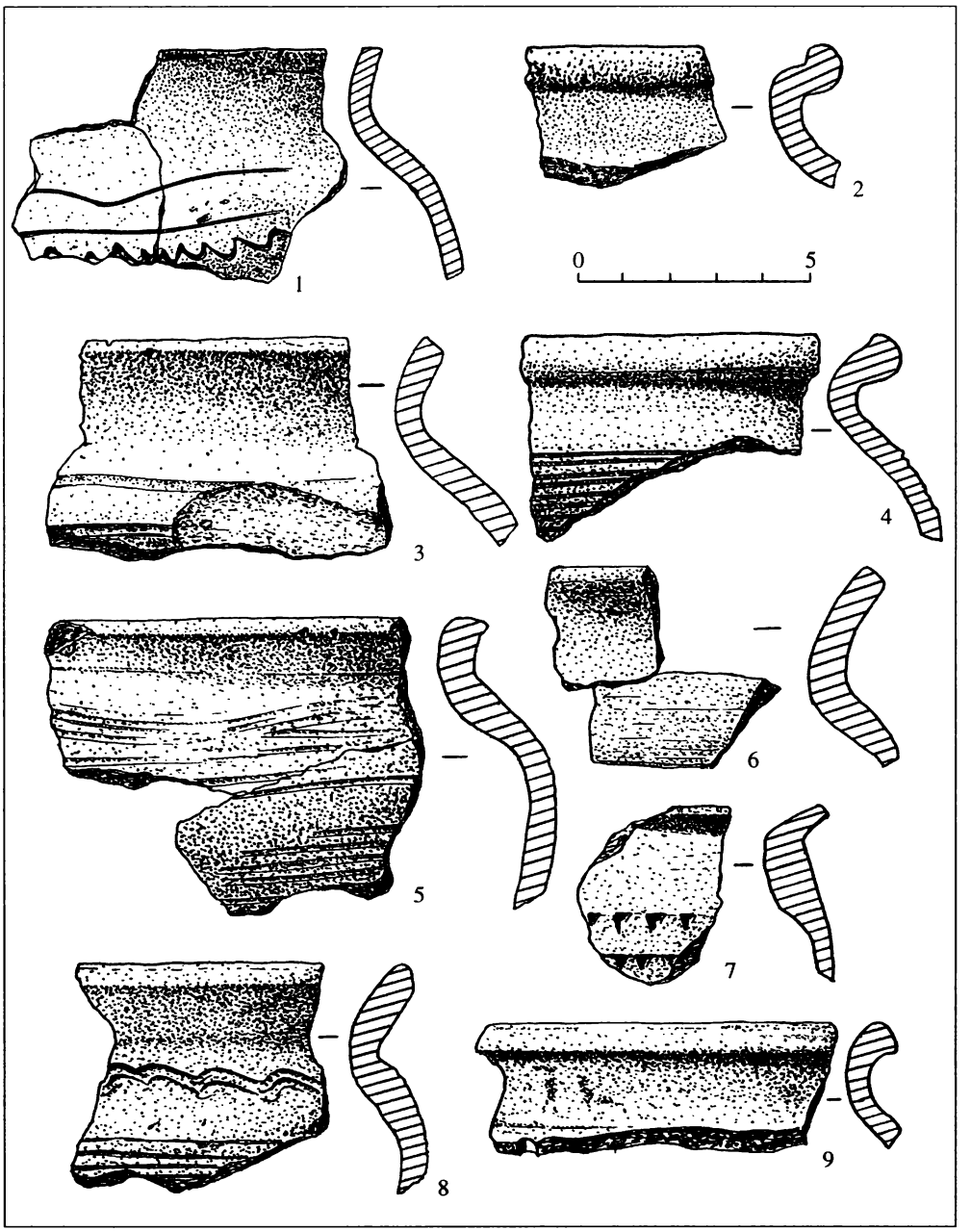


Рис. 48. Дьяково городище. Древнерусская керамика
Из раскопок 1981–1986 гг.

и *сруба 1 Исторического проезда* (вторая половина XIII в.)

В комплексе селища **Коломенское-3** (на Голосовом овраге) представлена как серая керамика XIII в., идентичная керамике *дособорного слоя Богоявленского монастыря* и *сруба 1 в Историческом проезде*, так и более ранняя, с "косопоставленным венчиком" (аналогии – в комплексе *ямы 8 Исторического проезда*), датированная, как уже отмечалось, С.З. Черновым XII в. Присутствие на селище остатков этого времени подтверждает и случайная находка лопасти вятичского височного кольца, датированного Т.В. Равдиной XII в.[2]

Наиболее загадочным и малопонятным представляется комплекс, выделенный при анализе подъемного материала из **с. Коломенское**. Основная сложность заключается в атрибуции нескольких лепных гладкостенных фрагментов, на двух из которых имеется гребенчатый орнамент (рис. 50 А, *2, 3*). Тон-

[2] Устное сообщение Т.В. Равдиной 1989 г. Изображение височного кольца и других находок с этого селища см. в гл. 4, т. III наст. изд.

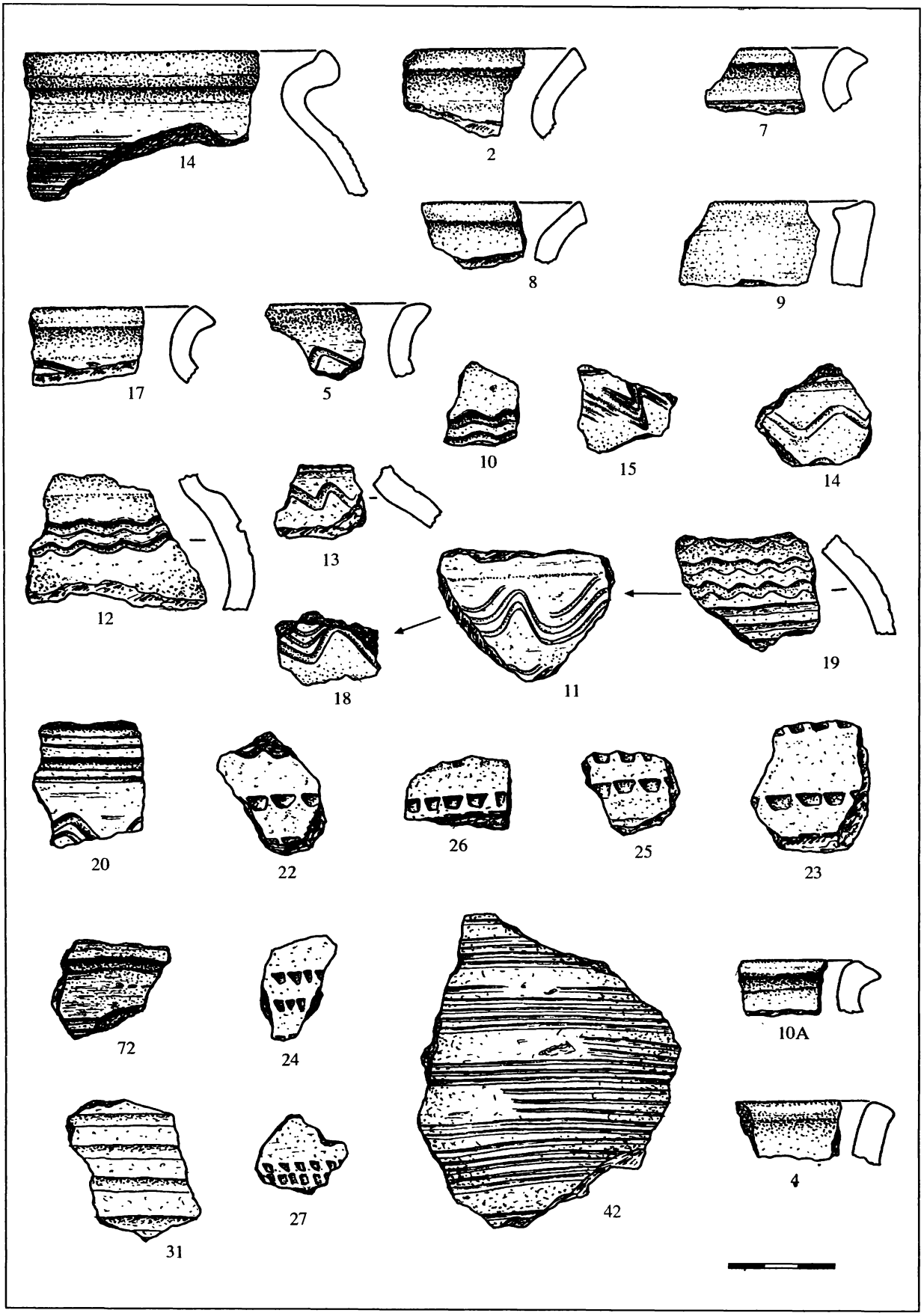


Рис. 49. Дьяково городище. Древнерусская керамика
Из раскопок 1987 г.

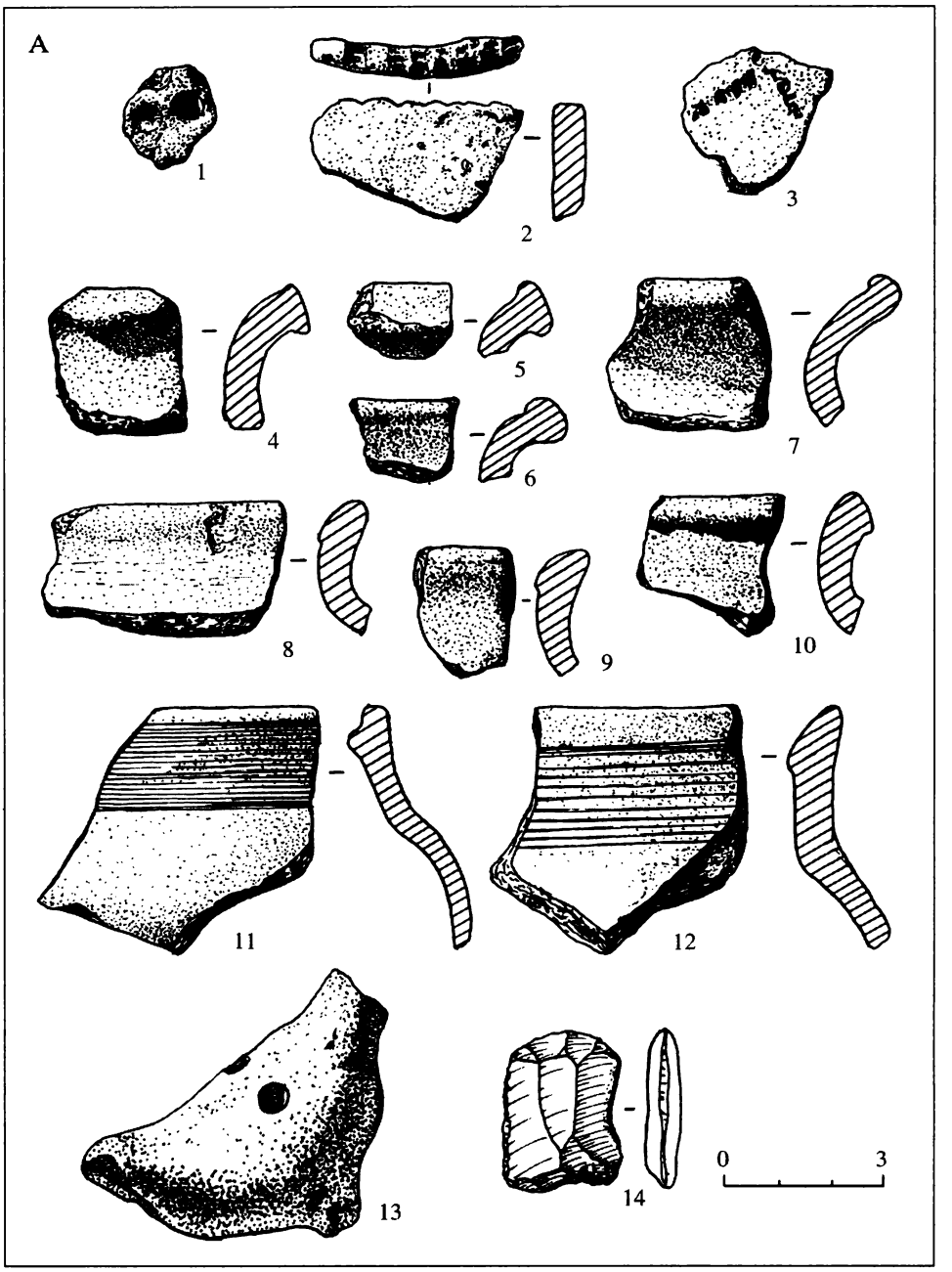


Рис. 50. А – селище Коломенское. Керамика, глиняная свистулька (13), ружейный кремень (14)

костенность скорее указывает на принадлежность их к позднедьяковской посуде, но для последней не характерен подобный орнамент. Определение фрагментов раннегончарной посуды более надежно. На селище найдена типичная серая (рис. 50 А, *6, 7*) и, по-видимому, курганная (?) керамика (рис. 50 А, *4, 5*). Аналогии последней можно найти, например, в комплексе *ямы 8 в Историческом проезде* (МК. Табл. 27, № 2572 и др.).

Из этих данных следует, что в XI–XII вв. наиболее интенсивно был освоен участок, прилегающий к Дьякову городищу, которое вряд ли в это время являлось городищем. Возможно, что "центральным поселением" микрорегиона в XI в. было селище Дьяково-2 – поселение из двух-трех дворов.

В XII–XIII вв. зона интенсивного освоения смещается к северу и расширяется в сторону коренного берега.

Культурную атрибуцию средневековых памятников XI–XIII вв. проще начать с более поздних. Относительно них вряд ли могут быть особые разногласия. Селища Дьяково-1, Коломенское-3, комплекс находок XII–XIII вв. с Дьякова городища дали материалы, не отличающиеся от подмосковных курганных и московских раннегородских.

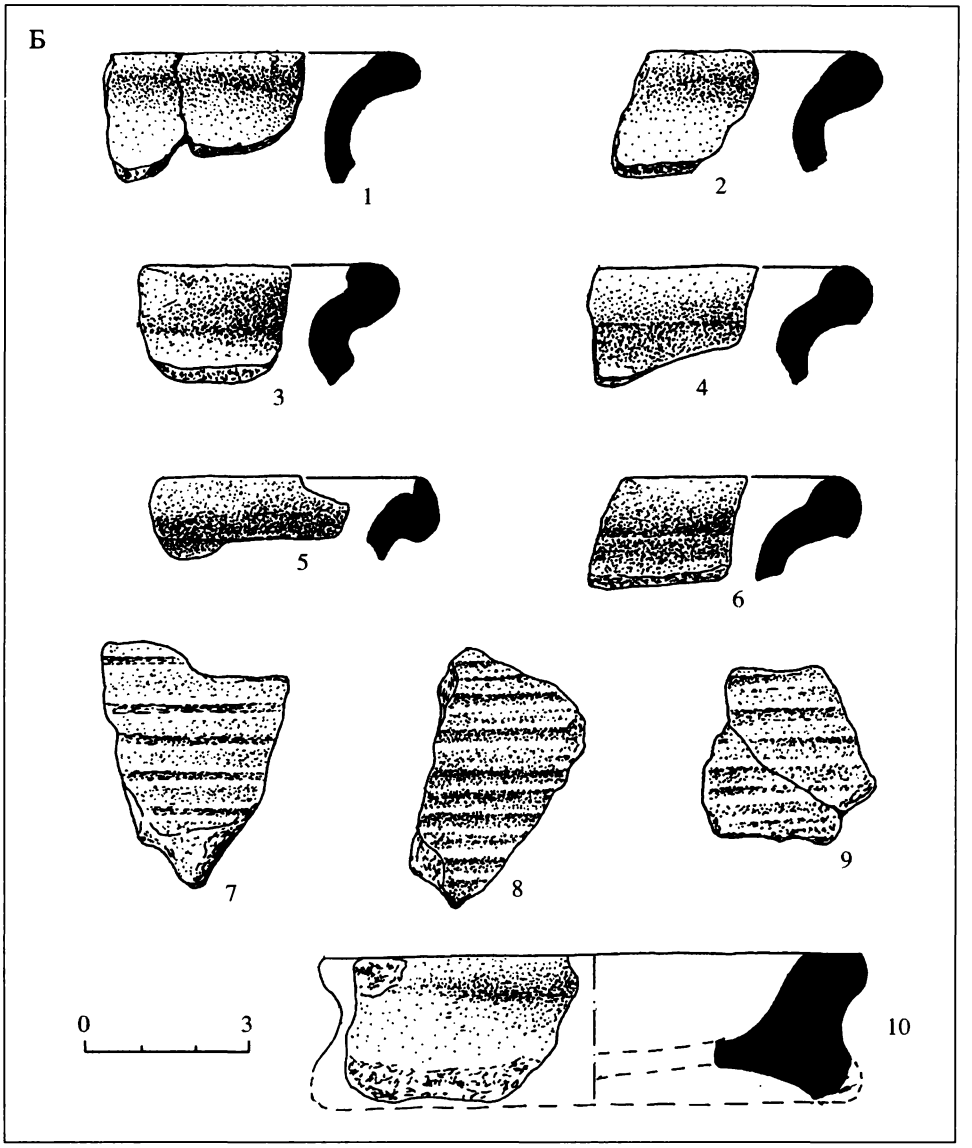


Рис. 50. Б – селище Дьяково-1 (Выгон). Керамика

Сложнее, как уже отмечалось в предыдущем разделе, обстоит дело с находками XI в. Если в их состав включать привозные, по-видимому, прибалтийские вещи, найденные на городище, то тогда, вероятно, нужно говорить о совершенно особом культурном пласте (голяди?), отличном от культуры населения, оставившего подмосковные курганы. Если бы такие же "балтские" находки, как и на городище, были сделаны и на селище Дьяково-2, то такая версия получила бы сильное подтверждение. Однако материал с селища ничего подобного не дал. Это не может служить окончательным основанием для того, чтобы отвергнуть вышеизложенную гипотезу, но ослабляет ее.

Согласно другой версии, селище Дьяково-2 фиксирует начальный этап новой волны славянского заселения региона, когда необходимо было заново расчищать леса и первые поселенцы, основавшие такие поселения, как Дьяково-2, Данилов монастырь, как бы повторяли путь, пройденный в свое время населением, осваивавшим край в железном веке и также начинавшим с приречных поселений.

Литература

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV в.) по данным археологии. М., 1994.

Беляев Л.А., Векслер А.Г. Археология средневековой Москвы // РА. 1996. № 3.

Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник: Памяти Марии Васильевны Фехнер / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М., 1999.

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3.

Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

§ 2. Реконструкция изменений исторического ландшафта по данным археологических, почвенных и палинологических исследований у Водовзводной башни в Коломенском

А.Л. Александровский, В.С. Гунова, Н.А. Кренке

В настоящем разделе представлены результаты комплексных археолого-почвенных, палинологических и геохимических исследований, проведенных в 1995 г. в Коломенском, у Водовзводной башни, сооруженной в 1675 г. [Баранова, 1999] (рис. 51)[3]. Эти исследования, несмотря на незначительную площадь, вскрытую при раскопках, можно рассматривать как характерный пример реализации методики, применявшейся при работах Московской археологической экспедиции ИА РАН в 1990-е гг.

Собственно археологические исследования позволили выяснить возраст и характер культурных напластований возле башни и определить, существовала ли вокруг нее ограда.

Исследования были нацелены на комплексную реконструкцию истории освоения участка по методике, апробированной ранее при археологических раскопках в Москве [Александровский, Кренке, 1993; Бойцов, Гунова, Кренке, 1993]. Суть ее заключается, во-первых, в параллельном археологическом и почвоведческом описании разрезов. Методом морфо-генетического анализа диагностировались почвы, выявлялись признаки их хозяйственного использования (пашня, луг и т.п.) и следы последующей трансформации (например, пашня, заросшая лесом). В толще культурного слоя выделялись горизонты почвообразования, свидетельствующие о замедлении или наличии перерывов в процессе формирования отложений. Отбирались колонки образцов грунта для определения некоторых геохимических характеристик, в том числе подсчитывалось содержание фосфора, повышенная концентрация которого обычно обусловлена хозяйственной деятельностью. Во-вторых, из культурного слоя и подстилающей его почвы отбирались пробы для проведения палинологического анализа, что позволяло отчасти верифицировать результаты почвенной диагностики и получить данные о локальных изменениях в природной обстановке.

* * *

Археологические исследования в районе Водовзводной башни были начаты К.Я. Виноградовым, который в июле 1935 г. заложил траншею между башней и Георгиевской колокольней.

Документация об этих работах содержится в полевом дневнике К.Я. Виноградова[4]. Особую ценность представляют несколько фотографий, сделанных И.Ф. Барщевским[5] (рис. 53–54) в процессе раскопок, которые, несмотря на отсутствие плана в отчете К.Я. Виноградова, позволили локализовать раскоп 1935 г. (рис. 51) и получить общее представление о стратиграфии.

Из дневника К.Я. Виноградова следует, что траншея имела длину 22 м при ширине 2 м и была разбита на 11 участков (к башне примыкал участок № 11). Почти повсеместно в траншее на глубине 50–70 см отчетливо прослеживался слой извести, разлитой при каменном строительстве. Были найдены медные монеты 1728–1758 гг. и труба водопровода на расстоянии 4 м от Георгиевской церкви. Каков был обнаруженный водопровод, из дневника понять затруднительно. На участке примыкания к Водовзводной башне в восточной стенке траншеи был сделан подбой, по-видимому, для поисков водопроводной трубы, подходившей к резервуару в башне. Глубина траншеи в месте ее примыкания к башне, судя по дневнику, достигала 3 м.

[3] Работы на памятнике велись с реставрационными целями под руководством архитектора С.А. Гаврилова. Использовались средства гранта РГНФ № 96-01-00349. В раскопках участвовали археологи И.Н. Ершов, А.О. Ладыченко, а также Д. Баранов, Е. Беляев, А. Иванцов, А. Чигрин, М. Ямбаев. Научными консультантами являлись Л.А. Беляев и М.В. Фролов.

[4] Оригинал дневника раскопок 1935 г. (две школьные тетрадки) хранится в личном фонде К.Я. Виноградова в Институте археологии РАН, копия – в музее-заповеднике "Коломенское" в составе подготовленной Н.А. Кренке и Е.С. Нефедовой подборки "Архивные материалы по истории Коломенского и археологических раскопках 1935 г.".

[5] Стеклянные негативы хранятся в фототеке музея-заповедника "Коломенское" (№ 3655–3661, 3665).

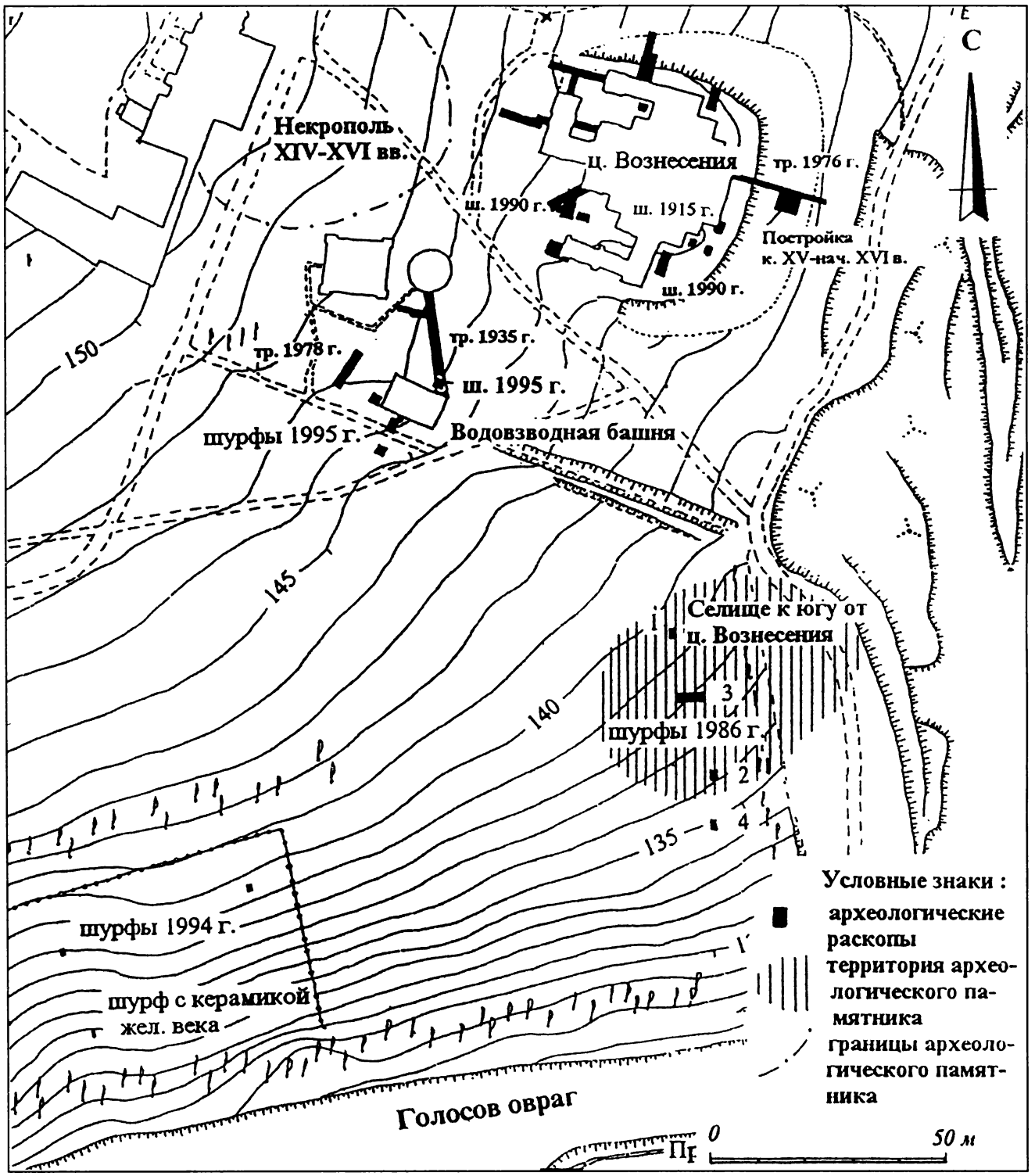


Рис. 51. План расположения объектов археологических исследований в южной части холма, на котором стоит церковь Вознесения в Коломенском

Использована топографическая основа 1993 г.

В 1978 г. Л.А. Беляевым была прокопана траншея размером 8 × 1,5 м на расстоянии в 8 м к западу от башни [Беляев, 1978]. Эта траншея попала в котлован сооружения, которое, как выяснилось в результате работ 1995 г., к башне отношения не имело.

По-видимому, при реставрационных работах 1987–1988 гг. уровень грунта вдоль западной и северной стен башни был понижен на 50–70 см, примерно до отметок дневной поверхности периода первоначального строительства, и сделана отмос-

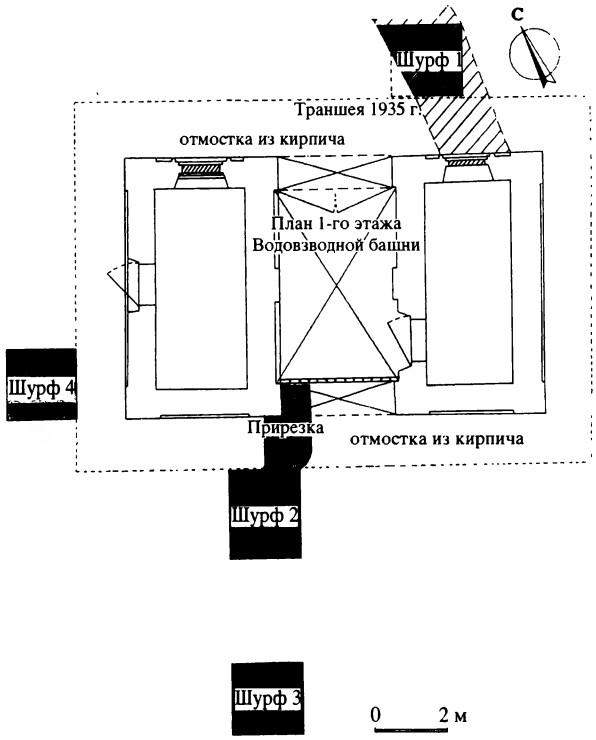


Рис. 52. Схема расположения археологических шурфов 1995 г. у Водовзводной башни в Коломенском

тка из кирпича по всему периметру шириной 1,6 м.

В 1995 г. всего было заложено 4 шурфа (рис. 51), общая площадь которых составила 19,5 кв. м.

Шурф № 1 (рис. 55) был специально заложен в траншее 1935 г., чтобы, не создавая новых нарушений культурного слоя, сделать детальное археологическое и почвоведческое описание стратиграфии стенки траншеи, чего не было сделано в свое время К.Я. Виноградовым, а также отобрать образцы для палинологических исследований. Первоначально шурф № 1 имел квадратную форму со стороной в 2 м, отстоял от стены башни на 1,6 м (примыкал к отмостке). Верхний пласт был представлен бурым мешаным суглинком с многочисленными включениями строительного мусора. На глубине 30 см проявилась западная граница траншеи 1935 г. После этого стали раскапывать лишь заполнение траншеи. Северную стенку шурфа продлили до ее пересечения с бортом траншеи 1935 г.

В западной половине шурфа заполнение траншеи 1935 г. было выбрано до глубины 140 см и было достигнуто ее дно. В восточной половине шурфа, где в 1935 г. был сделан подбой, дно траншеи достигнуто не было.

В заполнении траншеи 1935 г. были найдены фрагменты красной гладкой керамики XVI в., белой гладкой XVII в., чернолощеной, мелкие фрагменты керамической кровельной черепицы с зеленой поливой, полихромные рельефные изразцы, многочисленные гвозди и даже инвентарный номерок с цифрой 31, попавший в землю, вероятно, при раскопках 1935 г. (рис. 57).

Стратиграфия западной стенки шурфа (борт траншеи 1935 г.) была следующей. Верхние 20–45 см от поверхности были сложены слоем бурого относительно однородного суглинка с примесью строительного мусора; его подстилала тонкая (1 см) прослойка песка. По-видимому, этот слой откладывался и перемещался в ходе недавних реставрационных работ 1980-х гг.

На глубине 35–50 см от поверхности залегала прослойка извести толщиной около 1 см. В южной части профиля, ближе к башне, прослойку извести перекрывал слой битого кирпича толщиной около 12 см. Данная прослойка извести отложилась, очевидно, в период первоначального строительства башни.

Подстилал прослойку извести слой почти черного суглинка толщиной около 7 см (на чертеже обозначен густой штриховкой). Его можно интерпретировать либо как гумусовый горизонт погребенной почвы, либо как наросший культурный слой.

Ниже залегала погребенная почва с ясно выраженным пахотным горизонтом. Пахотный горизонт представлял собой темно-серый суглинок с ровной нижней границей, переход к нижележащему подзолистому слою относительно резкий (1,5–2 см). Толщина пахотного горизонта равнялась приблизительно 14 см. Примечательно, что его верхняя часть (2–4 см) была несколько осветленной, что свидетельствует о том, что в какой-то период пашня была заброшена и на ней вырос лес, существовавший достаточно длительное время, за которое смог проявиться процесс оподзоливания. В основании пахотного горизонта при зачистке стенки был обнаружен маленький фрагмент стенки сосуда (площадь около 1 кв. см). Он примечателен тем, что имеет грубое тесто с крупными включениями дресвы и не может относиться к типам более поздним, нежели курганная или серая керамика, т.е. датируется не позднее XIII в.

Шурфы № 2 и 3 примыкали к башне с юга (рис. 52, 55, 56). Смысл заложения этих шурфов заключался, главным образом, в том, чтобы выяснить, был ли возле башни ров,

упоминания о котором есть в письменных источниках (сообщение С.А. Гаврилова). Промежуток между шурфами № 2 и 3 не исследовался, так как здесь пролегает кабель наружного освещения.

Толщина культурного слоя в шурфе № 2 равнялась приблизительно 40–50 см. На глубине 35 см от современного дерна была зачищена поверхность погребенной почвы, верхний горизонт которой в центре шурфа и в северо-восточном углу имел мелкослоистую структуру. Прослойки тоньше миллиметра залегали горизонтально и образовывали плотную пачку (как спрессованная бумага) общей толщиной в несколько сантиметров. Можно предполагать, что это не что иное, как спрессованная дорожная пыль. Здесь проходила дорога, которая вела к проезду в башне, а может быть, существовала и до ее строительства. С периодом строительства башни, видимо, связана россыпь кирпичных фрагментов на поверхности погребенной почвы. В гумусовом горизонте погребенной почвы было найдено 34 фрагмента керамики, которые подразделялись по типам следующим образом: лепная (?) гладкостенная – 1; курганная (серая?) – 1; красная гладкая – 27; белая грубая – 3; белая гладкая – 2, стекло – 1. Фрагмент стенки, который был предположительно определен как лепной, был слишком мал для его определения. Обнаружение такой керамики возле Водовзводной башни вполне естественно, если учитывать, что в 100 м к юго-западу от нее на склоне берега при устье Голосова оврага располагаются отстатки поселения железного века, а зона распространения отдельных фрагментов керамики этого времени простирается еще на 200 м к северо-востоку от шурфа (данные раскопок 1994 и 1996 гг. на территории дворцового комплекса на северном склоне Голосова оврага)[6].

Важно отметить, что состав комплекса из погребенной почвы в шурфе № 2, где доминирует красная гладкая керамика при незначительном участии белоглиняной, очень близок комплексу из *постройки, открытой в 1976 г. у церкви Вознесения*, которую Л.А. Беляев датировал от середины XV в. до рубежа XV–XVI вв. [Беляев, 1991. С. 46; МК. Табл. 103–111].

Заполнение фундаментного рва не прослеживалось, так как камни фундамента были приложены вплотную к борту котлована. Назначение деревянного столбика, примыкавшего к фундаменту, остается не вполне ясным. Возможно, он использовался для разметки при строительстве или относится к опалубке.

Для выяснения глубины заложения фундамента был выкопан специальный зондаж, который был доведен до его основания. Глубина заложения фундамента от дневной поверхности периода строительства составляла около 90 см. Сложен фундамент в основном из бутового белого камня с незначительным добавлением битых кирпичей на глиняном растворе. Камням верхнего ряда фундамента придана форма неправильных параллелепипедов, обработка их весьма грубая, они выступают на 15–20 см наружу от линии стены.

Шурф № 3 размером 2 × 2 м был заложен в 7 м от стены башни. Толщина культурных напластований – 60–75 см. Верхние 15–20 см составляли дерн и слой современного благоустройства – серо-бурый суглинок почти без включений строительных остатков. Ниже, на глубине около 20 см от поверхности, начинался слой мощностью 10–20 см, состоявший из суглинка, перемешанного с большим количеством кирпичей и извести, прослойка почти чистой извести толщиной до 5 см прослеживалась в южной и западной стенках шурфа на глубине 17–22 см. Важно отметить, что по направлению к башне слой кирпичей и извести выклинивался. Таким образом, вряд ли указанный слой можно связывать со строительством башни. Скорее, это или слой, оставленный реставраторами (может быть, в XIX в.), или, что менее вероятно, шлейф строительного мусора от какой-то другой не известной нам постройки, стоявшей далее к югу.

Находки из верхнего пласта были представлены белоглиняной гладкой, поливной и чернолощеной керамикой. Последняя преобладала. В числе находок – слив чернолощеного рукомоя (рис. 57, *8*). Встречены также и сугубо поздние вещи, такие, как тянутый гвоздь, бутылочное стекло.

По всей площади шурфа на глубине 35–40 см прослеживалась прослойка опесчаненного суглинка светло-бурого, почти желтого цвета. На поверхности этой прослойки наблюдалось стяжение кирпичных обломков.

Находки из второго пласта датируются XVI–XVII вв. Это красноглиняная гладкая, белая грубая и гладкая (рис. 57, *3*), чернолощеная керамика.

Под прослойкой опесчаненного суглинка залегал слой темно-серого суглинка толщиной около 15–17 см, имевший ровную нижнюю границу – древний пахотный горизонт, пре-

[6] См. гл. 4 в т. III наст. изд.

Рис. 53–54. Траншеи 1935 г., заложенные К.Я. Виноградовым у Водовзводной башни в Коломенском
Фото И.Ф. Барщевского

образованный также в результате других видов жизнедеятельности. В этом горизонте встречались и мелкие фрагменты кирпичей и включения извести, что, по-видимому, связано со строительной деятельностью XVII в. С уровня данного слоя начинается большая яма, край которой шурф зацепил своим северо-восточным углом. В ее заполнении был встречен кирпич с клеймом прямоугольной формы, внутри которого имелось расплывчатое зооморфное изображение – "единорог".

Находки из горизонта погребенной почвы по-преимуществу датируются концом XV–XVI в. – это красноглиняная гладкая и белая грубая керамика. Белоглиняный венчик (рис. 57, *5*), по заключению С.З. Чернова, может быть сопоставлен с посудой из *ямы 4 раскопа на Монетном дворе*, которая относится к группе комплексов, отложившихся около 1493 г. (МК. Табл. 102). Более раннего материала не обнаружено.

Шурф № 4 размером 2 × 2 м примыкал с запада к кирпичной отмостке по линии южного фасада башни (рис. 52, 56). Его задача была выяснить вопрос о наличии остатков стены между башней и Сытным двором. Современная поверхность имела довольно резкий уклон в сторону к башне, обусловленный тем, что в 1980-е гг. было произведено понижение уровня культурного слоя по периметру памятника до отметок дневной поверхности XVII в. Верхние 25–30 см были сложены бурым суглинком, содержавшим строительный мусор – фрагменты кирпичей, известь. Особенно много его было под дерном. Вероятно, это след реставрационных работ.

Находки из этого пласта представлены предметами XVII–XIX вв. – белоглиняной гладкой и чернолощеной керамикой, фарфором. Особенно следует отметить наличие фрагментов кровельной черепицы с зеленой поливой. Подобная черепица, датирующаяся XVII в., встречалась в Коломенском и ранее [Беляев, Кренке, 1993. С. 82]. По-видимому, этой "городчатой" черепицей были крыты каменные здания дворцового комплекса.

Ниже, на глубине 30–50 см от поверхности, в западной части шурфа сохранилась погребенная почва, которая в восточной части шурфа была срыта при реставрационных работах. На поверхности этой почвы в профиле западной стенки шурфа прослеживалось стяжение фрагментов кирпичей, которые, вероятно, маркируют уровень дневной поверхности периода строительства башни.

Верхний уровень погребенной почвы представлял собой пахотный горизонт – однородный, достаточно темный серо-бурый суглинок (на чертеже показан наклонной густой штриховкой) с достаточно ровной нижней границей, переход к нижележащему подзолистому горизонту относительно резкий, но местами имеются нарушения и затеки. Керамика из пахотного горизонта погребенной почвы датируется XVI в. – красноглиняная гладкая (рис. 57, *1*) и красноглиняная лощеная.

В юго-западном углу шурфа в профиле хорошо читались контуры двух (?) столбовых ям, впущенных одна в другую. Одна яма (профиль западной стенки А–Г) начиналась с уровня бурого суглинка, перекрывавшего погребенную почву. Заполнение ямы – серо-бурый суглинок с включениями кирпичей и довольно крупных кусков белого камня, которые могли использоваться для фиксации деревянных столбов. Глубина ямы около 60 см, дно ее плоское, диаметр не менее 50 см. Другая яма, впущенная в первую, была более узкой, диаметром около 30 см и начиналась почти непосредственно с уровня современной поверхности. В ее заполнении серый суглинок, фрагменты кирпичей, камни, много угольков. Нельзя полностью исключить, что две описанные ямы являются остатками одного сооружения. Более широкая яма – это яма, выкопанная под столб, а более узкая – след самого столба. Однако при таком предположении выходит, что столб стоял достаточно долго, почти до современности, и вокруг него успел накопиться культурный слой.

Восточная сторона башни осталась неисследованной ввиду того, что незначительной шурфовки здесь было бы явно недостаточно, так как с этой стороны к башне примыкала постройка[7], для раскопок которой не было средств.

* * *

Изученные почвенные профили имеют сложное строение. В них четко выражены следы нескольких стадий почвообразования, во время которых попеременно активизировались природные и антропогенные процессы. Выделяются два основных слоя исследуемой толщи, представленные погребенной дерново-подзолистой почвой, сформированной на бурых лессовидных суглинках, и перекрывающим ее культурным слоем.

В шурфе № 1 поверхность погребенной почвы четко маркируется тонкой прослой-

[7] Изображение этой постройки есть, например, на рисунке Ф. Берхгольца, датируемом 1722–1724 гг. (рис. 58). К концу XVIII в., судя по акварелям А.Н. Бакарева, она уже не существовала.

Таблица 1. Химические и физические свойства почв и отложений (шурф № 1)

Горизонт	Гумус, %	pH, H_2O	pH, KCL	С органич.	С неорганич.	Фосфор*, мг-экв, 100 г	CO_2, карб., %
Насыпь	1,27	7,55	6,25	5,9	0,45	14,6	0,9
A_1v	2,55	7,05	5,35	8,2	0,2	3,1	–
A_1A_2	1,81	6,2	4,8	5,2	0,1	6,0	–
A_1p	2,05	7,1	5,9	4,9	0,1	9,9	–
E_1A_1	0,90	6,3	4,9	3,5	–	3,8	–

* Определен экстрагируемый фосфор.

кой (1–3 см) белой извести, связанной со строительством башни. Перекрывающие погребенную почву отложения имеют в настоящее время мощность около 40 см, но еще недавно (до срезки грунта в 1980-е гг.) они составляли около 1 м. На срезанной поверхности за 10–15 лет образовался гумусовый горизонт дерновой почвы мощностью 3–5 см.

Приведем описание профиля погребенной почвы (глубины даны от погребенной поверхности) (рис. 55):

A_1v 0–6 см (горизонт дернины). Темно-серо-бурый суглинок с белесоватыми пятнышками, слабоуплотненный, непрочной комковатой структуры; имеются червеходы, включения известковой крошки и обломков кирпича. Переход к нижележащему в основном резкий, граница неровная, турбированная;

A_1A_2 6–12 см (горизонт оподзоливания). Серовато-белесый легкий суглинок, рыхлый, непрочной комковато-плитчатой структуры; имеются червеходы, местами скопления мелких черных железистых конкреций. Переход постепенный;

A_1p 12–20 см (остаточно-пахотный горизонт). Палево-светло-серый легкий суглинок непрочной комковатой структуры (прокраска ровная, сложение гомогенное); имеются червеходы, заполненные темно-серым и белесоватым материалом. Нижняя граница ровная ("плужная подошва"), местами резкая, местами размытая (в основном ходами червей), переход 0,2–1 см, а в зонах более интенсивных зоотурбаций – до 2 см и более;

ElA_1 20–30 (25) см (элювиальный горизонт). Серовато-белесый легкий суглинок, слабоуплотненный, комковатый; много червеходов, с которыми связана пятнистость: светло-серые (цвета горизонта A_1p), белесые (El) и бурые (Bt) пятна 0,3–1,5 см, преимущественно вертикально ориентированные (белесые пятна – в основном останцы между светло-серыми и бурыми копролитами). Переход постепенный;

ElBt 30 (25)–35 см (переходный горизонт). Белесо-бурый суглинок, уплотненный, комковато-ореховатый, много червеходов. Переход постепенный;

Bt 35–95 см (иллювиальный горизонт). Бурый средний суглинок, уплотненный, ореховато-призматичный, по граням агрегатов глинистые натеки и белесая кварцевая присыпка. В нижней части горизонта – темно-серые пятна: предположительно палеокротовина или плейстоценовые скопления гумуса.

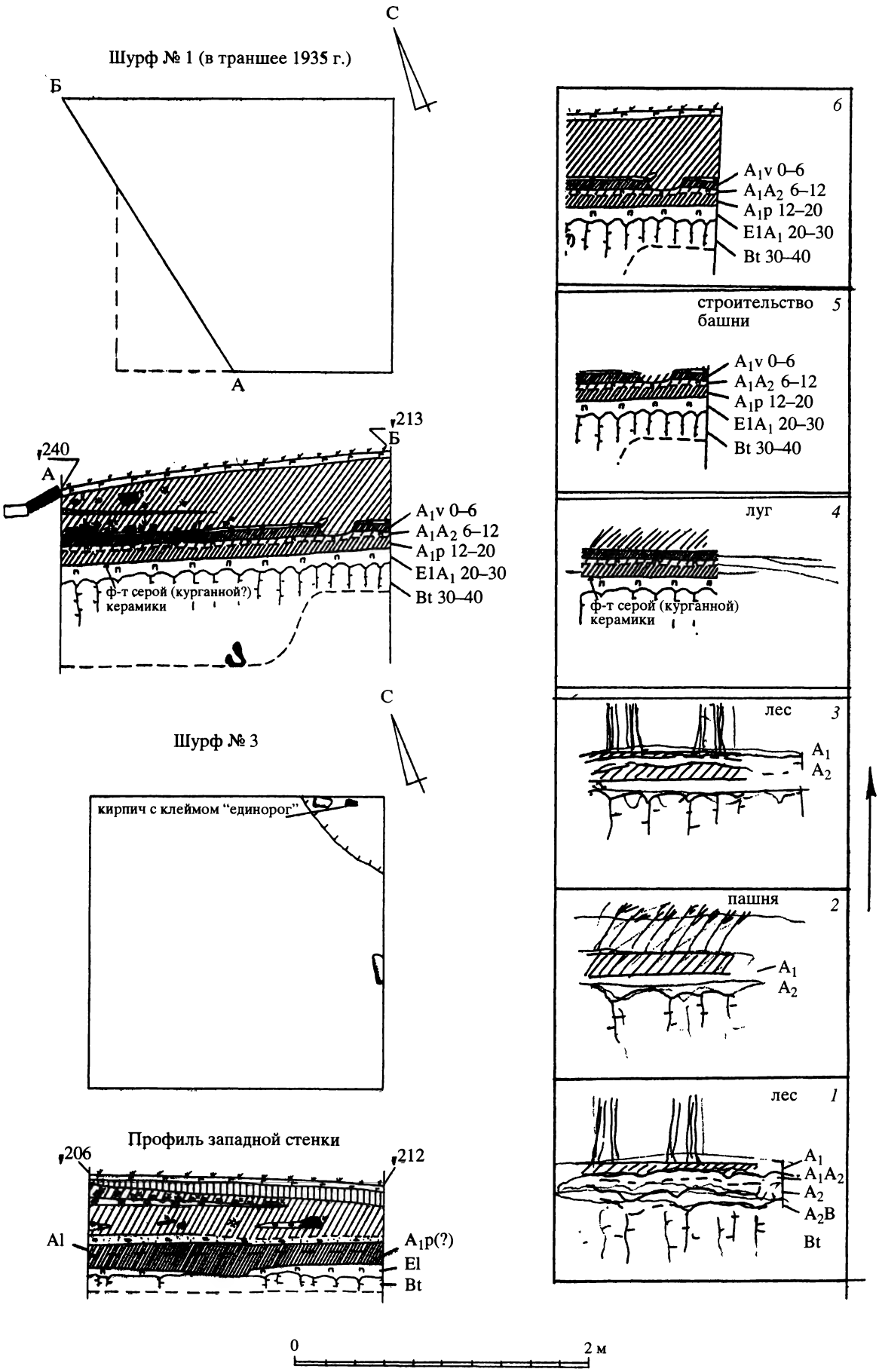
В профиле почвы хорошо выражена нижняя часть пахотного горизонта A_1p. Верхняя же его часть под воздействием подзолистого процесса, развивающегося под лесом, деградировала (горизонт A_1A_2), а затем, вероятно, под лугом, была прогумусирована (горизонт A_1v). Следует отметить, что гумусовые и подзолистые горизонты по остаточно-пахотным нередко образуются одновременно, под лесом, при наличии травянистого напочвенного покрова, но при погребении почвы гумусовая прокраска быстро теряется. В данном разрезе новообразованный горизонт A_1v прогумусирован сильно и отделен от подзолистого A_1A_2 резкой границей. Это следует связывать со сменой растительности на луговую, либо с привносом инородной массы, обогащенной органическим веществом.

Если предполагать отсутствие привноса мелкозема на поверхность почвы до отложения белой известковой прослойки, то максимально возможная исходная мощность пахотного горизонта – 20 см. Это не характерно

→

Рис. 55. Шурфы № 1 и 3 возле Водовзводной башни в Коломенском (1995 г.)

Слева – планы и профили;
справа – реконструкция эволюции землепользования на месте Водовзводной башни по материалам изучения почвы в шурфе № 1


С
Шурф № 1 (в траншее 1935 г.)
Б
А
213
Б
240
А
A1v 0–6
A1A2 6–12
A1p 12–20
E1A1 20–30
Bt 30–40
ф-т серой (курганной?) керамики
С
Шурф № 3
кирпич с клеймом "единорог"
Профиль западной стенки
206
212
Al
A1p(?)
El
Bt
0
2 м
6
A1v 0–6
A1A2 6–12
A1p 12–20
E1A1 20–30
Bt 30–40
строительство башни
5
A1v 0–6
A1A2 6–12
A1p 12–20
E1A1 20–30
Bt 30–40
луг
4
ф-т серой (курганной) керамики
лес
3
A1
A2
пашня
2
A1
A2
лес
1
A1
A1A2
A2
A2B
Bt

для средневековых пашен, в то время глубина распашки обычно была 7–10 см [Александровский, Кренке, 1993]. Если предполагать наносное происхождение горизонта A_1v, тогда исходная мощность пашни составляет 14 см. Кроме того, мощность пахотного горизонта могла увеличиться и во время распашки, в результате склоновых процессов: делювиального накопления и напахивания.

Исходная мощность пахотного горизонта не ясна. Возможны четыре варианта (гипотезы) развития профиля с образованием глубоко залегающей "плужной" подошвы: 1) повышенная исходная мощность пахотного горизонта ввиду не ясных нам локальных особенностей технологии распашки; 2) делювиальный намыв в период распашки; 3) насыпной характер верхнего горизонта A_1v (объясняет повышенную мощность лишь частично); 4) зоотурбационное увеличение мощности остаточно-пахотного горизонта в период после распашки и до погребения [механизм процесса см.: Александровский, Кренке, 1993].

Погребенная почва имеет невысокое содержание гумуса, что связано с диагенезом после погребения. На уровне сохранившейся нижней части пахотного горизонта прослеживается второй максимум в содержании гумуса.

Во всех образцах обнаружен фосфор, хотя и в меньших количествах, чем в культурном слое центральных районов Москвы. Выделяется два пика в содержании форсфора. Первый обнаруживается в насыпи и связан с влиянием культурного слоя. Здесь встречаются остатки кости, керамика, другие составляющие культурного слоя, многие из которых являются источниками фосфора.

Второй пик в содержании фосфора относится к остаточно-пахотному горизонту. Это может быть связано с внесением удобрений, либо с участием материала культурного слоя, оставленного человеком до распашки или после нее, или привнесенного на данное место по склону. Заметное количество фосфора сохранилось и в вышележащем оподзоленном горизонте, ранее представлявшем собой верхнюю часть пахотного горизонта, но впоследствии испытавшем воздействие деградационных процессов под лесом.

Фосфор, обнаруженный в небольшом количестве в самом верхнем горизонте погребенной почвы, очевидно, является привнесенным сверху, из насыпи. Тот факт, что фосфора здесь меньше, чем в нижележащем оподзоленном горизонте, позволяет предполагать инородный характер данного слоя.

Насыпь выделяется также повышенным содержанием карбонатов ($CaCO_3$), источником которых является строительный мусор.

В шурфе № 4 выявлено сходное, но более простое строение почвенного профиля – погребенная дерново-подзолистая почва с мощным пахотным горизонтом, имеющим те же зоотубационные нарушения нижней границы. И здесь на поверхности почвы залегает культурный слой с большим количеством обломков кирпича в основании. В верхней части профиля погребенной почвы также имеется гумусовый горизонт предположительно луговой стадии, однако более мощный и без резкой нижней границы. Кроме того, здесь отсутствует маркирующий поверхность почвы тонкий прослой белой извести, нет следов оподзоливания и деградации верхней части пахотного горизонта.

Шурф № 3 характеризуется значительной нарушенностью верхних горизонтов погребенной почвы, наличием ям и перекопов. Рассмотрим строение толщи, вскрытой в западной стенке шурфа, где стратиграфия выражена более четко.

В основании толщи залегает дерново-подзолистая почва, представленная ярковыраженными горизонтами (снизу вверх): иллювиальным Bt (материк); элювиальным (подзолистым) El, ярко-серовато-белого цвета, мощностью около 10 см, а также гумусовым A_1, темно-серо-бурого цвета, мощностью 9–10 см.

Нижняя граница гумусового горизонта резкая, но не такая ровная, как в шурфе № 1, имеются следы неглубоких ям. В нем содержатся обломки кирпичей и известковая крошка. Все это не позволяет однозначно диагностировать данный горизонт как пахотный. Возможно, он распахивался, но затем был нарушен иными воздействиями человека. По сравнению с пахотными горизонтами, выявленными в шурфах № 1 и 4, мощность данного гумусового горизонта значительно меньшая и близка к обычной для средневековой пашни. Однако, учитывая нарушенность рассматриваемого горизонта, делать выводы о наличии и глубине распашки здесь и о намытости пахотного горизонта в шурфах № 1 и 4 не представляется возможным.

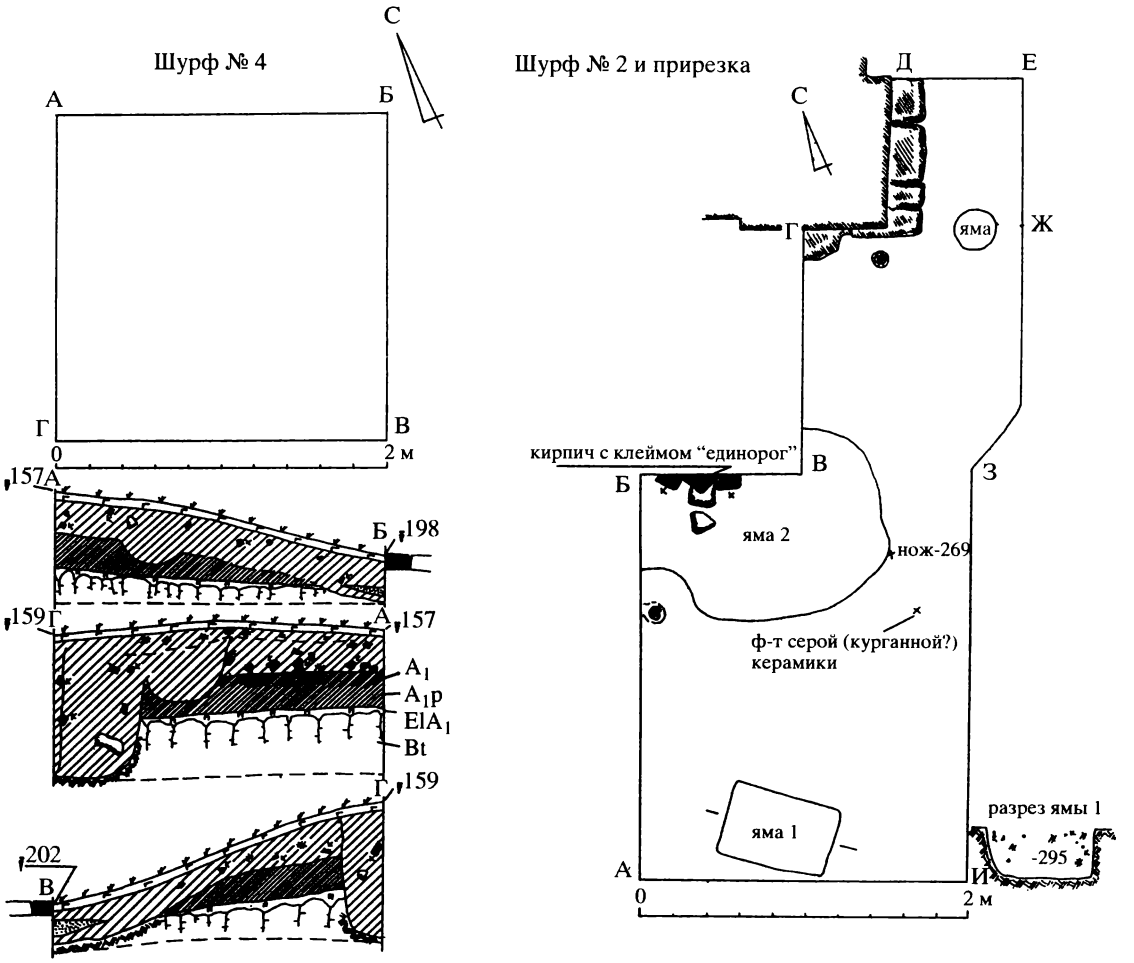
* * *

Из пяти образцов из шурфа № 1 пыльца содержалась только в двух нижних: № 7 – остаточно-пахотный горизонт погребенной почвы

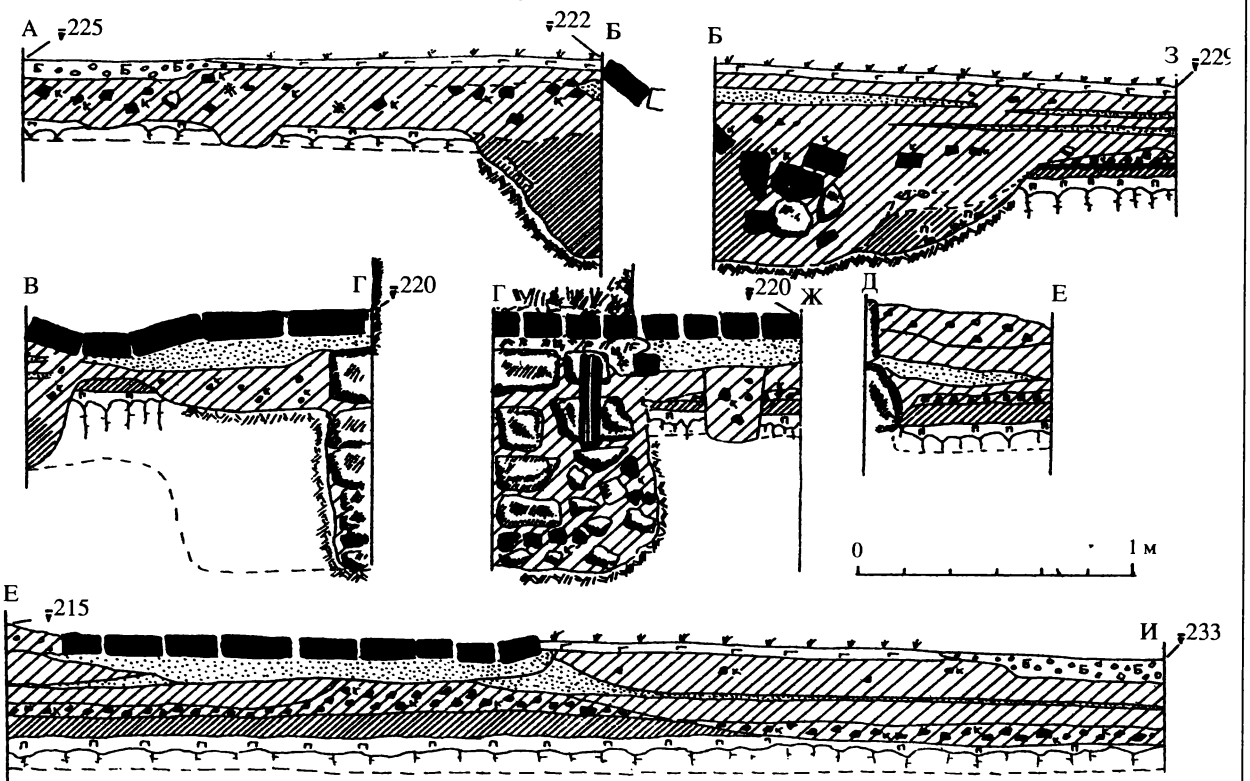
→

Рис. 56. Шурфы № 2 и 4 возле Водовзводной башни в Коломенском (1995 г.)

Планы и профили



Профиля стенок шурфа № 2 и прирезки к нему



и № 9 – подпахотный подзолистый горизонт. Пыльца в них плохой сохранности, что свойственно почвам и минеральным отложениям: смята, деформирована, порой сильно минерализована, иногда встречаются разорванные зерна. Облик пыльцы свидетельствует о том, что она подвергалась неоднократному механическому воздействию.

Для образцов № 7 и 9 характерно преобладание в общем составе пыльцы травянистых растений, что указывает на формирование спорово-пыльцевых спектров на открытых пространствах. Набор пыльцы этой группы отражает антропогенное происхождение спектров.

Образец № 9 (подпахотный горизонт). В составе пыльцы травянистых растений господствует пыльца нарушенных местообитаний, прежде всего Cichoriaceae t. Taraxacum (одуванчик) – до 38%. Заметно участие пыльцы из семейства Polygonaceae, Asteraceae, Caryophyllaceae, а также из семейства Apiaceae, Fabaceae, среди которых много сорных растений, обитающих на обрабатываемых полях. Пыльца рудеральных сорняков (Artemisia, Urtica и др.) и злаков представлена единичными зернами.

Присутствие зерен Centaurea Cyanus (василек полевой) указывает на использование земель под пахотные угодья.

Довольно разнообразен состав спор (42% от общего состава). Господствуют споры папоротников (Polypodiaceae, Botrichium) и лесные виды плаунов (Lycopodium clavatum). Значительно (до 23%) участие спор почвенных плаунов, развивающихся на хорошо сформировавшихся почвенных горизонтах, подвергшихся культурной обработке.

Пыльца древесных пород представлена единичными зернами березы, ольхи, ивы, сосны и дуба. Состав пыльцы древесных пород, незначительное ее содержание, наличие спор папоротников и лесных видов плаунов указывают на существование лесных группировок на некотором удалении от разреза.

Образец № 7 (остаточно-пахотный горизонт). Доля пыльцы мусорной растительности, распространенной вблизи жилья человека, незначительна. Это единичные зерна Chenopodiaceae t. album (лебеда), Artemisia (полынь), Arctium (лопух) и др.

Основной фон составляет пыльца семейств, поселяющихся на нарушенных местообитаниях. Это прежде всего пыльца одуванчика – 54% (Cichoriaceae t. Taraxacum), представителей сем. Polygonaceae, Asteraceae, Caryophyllaceae, многие из которых являются посевными сорняками.

Заметно (больше, чем в образце № 9) участие пыльцы мезофильного и лугового разнотравья из семейства Ranunculaceae, Lamiaceae, Geraniaceae, а также Thalictrum и др.

Интересно присутствие таких спутников пашенного земледелия, как пыльца Centayrea cyanus, Polygonum convolvulus (вьюнок). Пыльца дикорастущих злаков представлена единичными зернами, а культурных – не обнаружена.

Состав спорово-пыльцевого спектра может свидетельствовать о существовании пашни, по-видимому, заброшенной (отсутствие пыльцы культурных злаков, обилие пыльцы разнотравья, сорняков из семейства Cichoriaceae). В пользу этого вывода говорит и состав пыльцы древесных пород. Содержание ее, по сравнению с образцом № 9, в два раза выше. Преобладает в спектре пыльца хвойных пород (ель – 22%, сосна – 49%). участие березы до 20%. Присутствует пыльца ольхи, ивы, дуба.

Среди спор (14% от общего состава) преобладают споры почвенных плаунов. Близость поймы или каких-то иных увлажненных или заболоченных мест определяется наличием пыльцы мезофильного разнотравья, осок (Cyperaceae), сфагновых мхов.

Разнообразный состав пыльцы травянистых растений, обилие пыльцы древесных пород в образце № 7 свидетельствуют о существовании в данном месте пахотного поля, вероятно, интенсивно не разрабатываемого или заброшенного. Лесные группировки имели в окрестностях более широкое распространение, чем в период формирования спорово-пыльцевого спектра образца № 9. В целом же спектры обоих образцов очень сходны. Образец № 9, как представляется, – более обедненный аналог образца № 7.

* * *

Зачистка профиля траншеи 1935 г. возле Водовзводной башни позволила реконструировать сложную историю освоения участка и получить принципиально новые данные. Можно выделить *пять стадий* в истории развития почвы и ландшафта на изучаемом участке.

Первоначально под лесной растительностью сформировалась дерново-подзолистая почва.

В XII–XIII вв. (возможно, средневековая пашня наложилась на более раннюю, существовавшую в железном веке) на месте разреза существовала пашня, протекали процессы

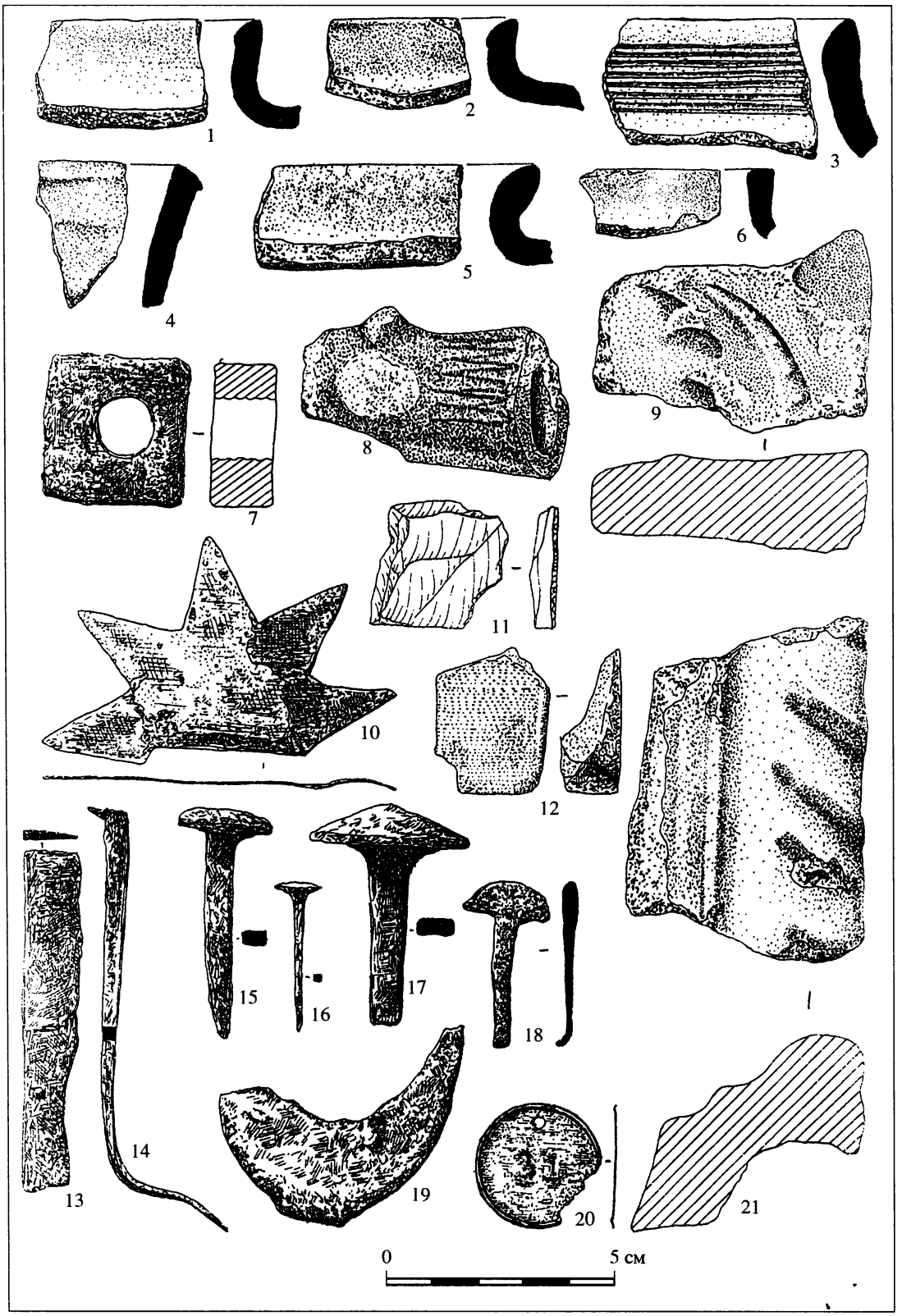


Рис. 57. Находки из шурфов возле Водовзводной башни в Коломенском

пашенной эрозии и нарастания пахотного горизонта вверх.

Возобновление леса привело к оподзоливанию и деградации верхней части пахотного горизонта. В этот период происходили также зоотурбационные изменения нижележащих горизонтов.

В XV–XVI вв. (?) имел место новый период освоения территории, смена лесной растительности на антропогенный луг с формиро-

Рис. 58. Вид на Коломенское в 1722–1724 гг.
Рисунок камер-юнкера Ф. Берхгольца

ванием гумусо-аккумулятивного горизонта, либо антропогенный привнос мелкозема, обогащенного органическим веществом.

В 1675 г. сооружается Водовзводная башня и происходит погребение почвы под горизонтом из остатков ее строительства и других горизонтов культурного слоя.

Ранее были проведены обследования почв у стен церкви Вознесения (1533 г.) [Александровский, 1992]. Строение профиля почвы, погребенной под остатками строительного слоя церкви, показало, что до образования пахотного горизонта там имела место длительная луговая стадия почвообразования. Подобные различия в развитии почв могут быть следствием местных различий в развитии ландшафтов: в районе церкви Вознесения до распашки XII–XIII вв., видимо, существовала поляна, а на месте Водовзводной башни значительно дольше сохранялся лес. Затем поле на месте башни заросло лесом и верхняя часть пахотного горизонта деградировала, на месте же церкви Вознесения пашня продолжала функционировать дольше, до начала строительства храма, вероятно, с перерывами, во время которых ее сменяла луговая растительность.

Археологические выводы, полученные при работах возле Водовзводной башни, можно сформулировать следующим образом.

Водовзводной башне вряд ли предшествовало какое-нибудь каменное сооружение. Башня возведена на участке, где до ее строи-

тельства фактически не происходило накопления культурного слоя, а лишь было "втоптано" в дерн некоторое количество керамики XV–XVI вв. Отсутствие сколько-нибудь значительного культурного слоя в шурфах № 1 и 4, который отложился бы до строительства башни, вероятно, указывает на то, что данная территория в XVI в. не была огорожена, что очень существенно для реконструкции исторической планировки Вознесенского холма.

Наличие прослойки разлитой извести лишь в траншее 1935 г. к северу от башни, по-видимому, говорит о том, что именно здесь была организована строительная площадка.

Проведенные в 1995 г. раскопки подтверждают отсутствие каменной стены между Водовзводной башней и Сытным двором. По всей вероятности, здесь существовала деревянная изгородь. Теперь ясно, что рисунок Ф. Берхгольца из Стокгольмского музея, датированный 1722–1724 гг. (рис. 58), вполне адекватно передает ситуацию. Обнаруженная при раскопках столбовая яма в шурфе № 4, возможно, относится не к первоначальной изгороди, а к более поздней, зафиксированной на фотографиях начала XX в. и 1920-х гг. Разобрана эта ограда была, вероятно, в 1930-е гг. (она изображена на плане масштаба 1 : 2000, изданном в 1932 г. по материалам съемки 1926–1931 гг., и отсутствует на листе, изданном в 1951 г. по материалам съемки 1937 г.). Местоположение рва, упомянутого в документах, остается неясным. Очевидно, что непосредственно возле башни с южной стороны рва не было.

Литература и архивные материалы

Александровский А.Л. Описание почвы в шурфе у церкви Вознесения в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3. С. 53, 54. (Приложение 5 к ст. Л.А. Беляева "Археология церкви Вознесения в Коломенском").

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. 1993. Вып. 208. С. 20–31.

Баранова С.И. К вопросу о датировке Водовзводной башни в Коломенском // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999.

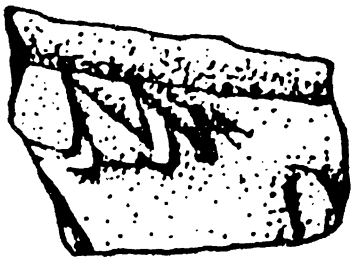
Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях на территории музея-заповедника "Коломенское" в 1978 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 7034).

Беляев Л.А. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Беляев Л.А., Кренке Н.А. Археологические исследования дворца Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1993. Вып. 4.

Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Изв. РАН. Сер. географ. 1993. № 4. С. 60–75.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.



Глава 11

Археологические памятники Болшева на Клязьме и Яузский волок

С.Э. Чернов

В предыдущих главах были описаны земледельческий и промысловый типы освоения ландшафтов бассейна Москвы-реки, который в XII–XIII вв. относился к вятичскому этнокультурному ареалу. Картина древнерусского освоения Московского края была бы, однако, не полной, если не учесть другие ландшафты и иные типы освоения.

К северу от Москвы, за слабо заселенными водораздельными пространствами, лежит долина р. Клязьмы, куда рано проникло славянское кривичское население. Приклязьминские территории были этнографически ближе (чем Москворечье) основной части Великого княжества Владимирского[1], в юрисдикцию которого вплоть до 1270-х гг. входили московские земли. В последней четверти XIII в., когда образовалось Московское княжество, бассейн Клязьмы оставался его важной составной частью.

Клязьма, связывавшая округу Москвы с центральными районами Владимиро-Суздальской земли, играла роль важного торгового пути. На это указывает, в частности, находка в 1924 г. в д. Щелково на левом берегу р. Клязьмы клада, состоявшего из серебряных слитков XII в.[2]

[1] Изоглоты таких слов, как "мякинница" (постройка для хранения мякины), "теплюшка" (кухня), "мостовинка" (порог крыльца), "подзыбница" (подвал), "шестик" (палка, закрепленная вдоль плеча русской печи), "цапка" (мотыга), "цапалка" (мотыга с загнутыми зубьями), "мочка" (гребень прялки, на который насаживается лен), "петушок" (гриб лисичка), "сетево" (лукошко, в котором носили по полю зерно для сева), "заручанье" (сговор перед свадьбой), охватывают исключительно северо-восточное Подмосковье, включая долину р.Клязьмы и Подмосковную Мещеру к востоку от города [Войтенко, 1991. Карты L1, L9, L10, L11, L27, L70, L71, L76, L86, L134, L145].

[2] Фасмер, 1926. С. 303 (цит. по: Колызин, 2001. С. 179. № 5).

И.Е. Забелиным был поставлен вопрос о расположении волоковых путей между бассейнами Клязьмы и Москвы, которые, по предположению исследователя, могли пролегать по притокам р. Москвы – Сходне и Яузе [Забелин, 1905. С. 18–20].

Углубленное изучение древнерусских волоков как одной из "технологий" древнерусской колонизации, проведенное Н.А. Макаровым на материалах Русского Севера, показало, что достоверным источником, позволяющим реконструировать волоковые пути (наряду с картами, письменными известиями и этнографическими материалами), являются поселения XI–XIII вв., исследованные археологически: "Хотя разветвленная речная сеть с близко сходящимися верховьями рек разных систем представляла, казалось бы, возможность выбора самых разнообразных маршрутов для продвижения из центральных районов Руси на Север, в действительности в XI–XIII вв. на водоразделах большинства рек существовало лишь несколько волоковых переходов, регулярно использовавшихся путешественниками" [Макаров, 1997. С. 103].

Для Московского региона проведение микрорегиональных исследований водно-волоковых путей могло бы пролить свет на малоизученные аспекты колонизации. Так, исследования на р. Сходне позволили описать куст поселений конца XI–XIV в., которые, видимо, играли существенную роль на раннем этапе процесса градообразования в долине р. Москвы [История Москвы... 1997. Т. 1. С. 14, 15; рис. 8, № 11–26, 214].

Что касается Яузского волока, то он был предметом, главным образом, краеведческой литературы [Ежов, 2000 б; 2001; Князев, 1998. С. 19–22]. Лишь в последние годы ар-

хеологические памятники этого района удалось описать более или менее систематически. Это стало возможным благодаря решению ряда проблем архивно-археологического плана.

В московской археологии давно назрела потребность в публикации материалов исследований подмосковных курганных могильников XIX – первой четверти XX в., которые были бы сопровождены данными об археологическом и ландшафтом контексте могильников: фиксацией их современного состояния, описанием прилегающих синхронных поселений и историко-ландшафтой ситуации. Исследования, проведенные в 2000 г. на территории г. Королева, строились именно по такой схеме.

Территория г. Королева (быв. Калининград), включающая ныне долину Клязьмы от Ярославского шоссе до устья р. Учи, давно стала объектом археологических исследований (рис. 59; цв. вкл., рис. 16). Начало их относится к 1890 г., когда Н.А. Криштафовичем было обнаружено Болшевское городище. В 1896 г. в с. Болшево при строительстве дороги были затронуты погребения. Вещи, обнаруженные при этих погребениях, были собраны Ю.Г. Гендуне и опубликованы А.А. Спицыным [Спицын, 1898]. В 1901–1902 гг. Ю.Г. Гендуне исследовала курганные группы у с. Болшево и д. Городище на основе весьма передовой для того времени методики [Гендуне, 1901, 1902]. Она правильно интерпретировала обнаруженные в 1896 г. погребения как часть Болшевского курганного могильника.

К сожалению, столь удачно начатые работы не были продолжены. Более того, полученные в ходе них результаты, по не вполне понятным причинам, были надолго забыты и не нашли адекватного отражения в сводках по московской археологии [Бадер, 1947. С. 99–100; Розенфельдт, 1988. С. 948 – 952; Археологическая карта России. Московская область. 1994. С. 207, 208][3]. В результате коллекционной ошибки болшевские находки 1896 г. "пополнились" византийской монетой X в., породив на долгие годы одну из нумизматических легенд. И, наконец, в 1970 г. вновь выявленный памятник дьяковской культуры (Максимковское селище) был ошибочно определен Х.И. Крис как Болшевское городище. Имело место и приращение: были выявлены 1-я и 2-я Бурковские курганные группы (соответственно А.В. Збруевой в 1932 г. и М.Е. Макаренковым в 1949 г.).

Второе рождение болшевской археологии связано с именем замечательной исследовательницы курганных древностей Подмосковья Тамары Владимировны Равдиной. В 1975 г. она подготовила статью [Равдина, 1975. С. 54–59], в которой установила истинный состав находок 1896 г., а в 1989 г., на основе отчетов Ю.Г. Гендуне, определила местоположение Болшевских курганов. Настоящая работа опирается на выводы Т.В. Равдиной и продолжает ее работу.

В 1990-е гг. интерес к болшевской археологии возродился[4], а в 2000 г. по заданию города было проведено сплошное выявление памятников археологии (всего 18) и их постановка на охрану [Чернов, 2000а; 2002а. С. 236–238] (рис. 61). Для этого вначале были систематизированы и локализованы имеющиеся данные о курганных могильниках. Материалы Ю.Г. Гендуне, хранящиеся в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, были проанализированы и нанесены на геоподоснову масштаба 1 : 500. Затем были проведены разведки с целью обнаружения соответствующих могильникам селищ, а также памятников позднего средневековья[5].

§ 1. Городищенский археологический комплекс

Первое обследование памятников археологии в районе д. Городище близ с. Болшева на р. Клязьме провел в 1890 г. Н.А. Криштафович, который определил памятник как городище[6]. В 1901 г. его исследовала Ю.Г. Гендуне.

[3] Подробнее об этом см. в работе Т.В. Равдиной, публикуемой в приложении к данной главе.

[4] Это было связано с деятельностью Историко-краеведческих музеев г. Калининграда-Королева (Б.Е. Ежов) и г. Мытищи (А. Каменский), поддержанной В.Ю. Дукельским, а также с раскопками памятника дьяковской культуры Максимковского селища (В.И. Вишневский).

[5] В работе приняли участие научный сотрудник Института культурологии Министерства культуры РФ В.Ю. Дукельский (им открыты напластования раннего железного века на 3-м Болшевском селище), сотрудник Музея истории Москвы И.В. Волков (он обнаружил древнерусский материал на селище Баскаки и выявил ряд позднесредневековых памятников), искусствоведы Л.Р. Вайнтрауб и С.А. Смирнов, сотрудник Историко-краеведческого музея г. Королева Б.Я. Ежов. Организационная поддержка проекта была осуществлена сотрудницей Комитета по культуре г. Королева М.В. Черезовой.

[6] Криштафович, 1893. С. 418–421. Паспорт на Болшевское городище разработала 24.08.1975 г. Х.И. Крис, которая описала в нем, однако, не объект у быв. д. Городище, а Максимковское селище, расположенное значительно выше по течению р. Клязьмы.

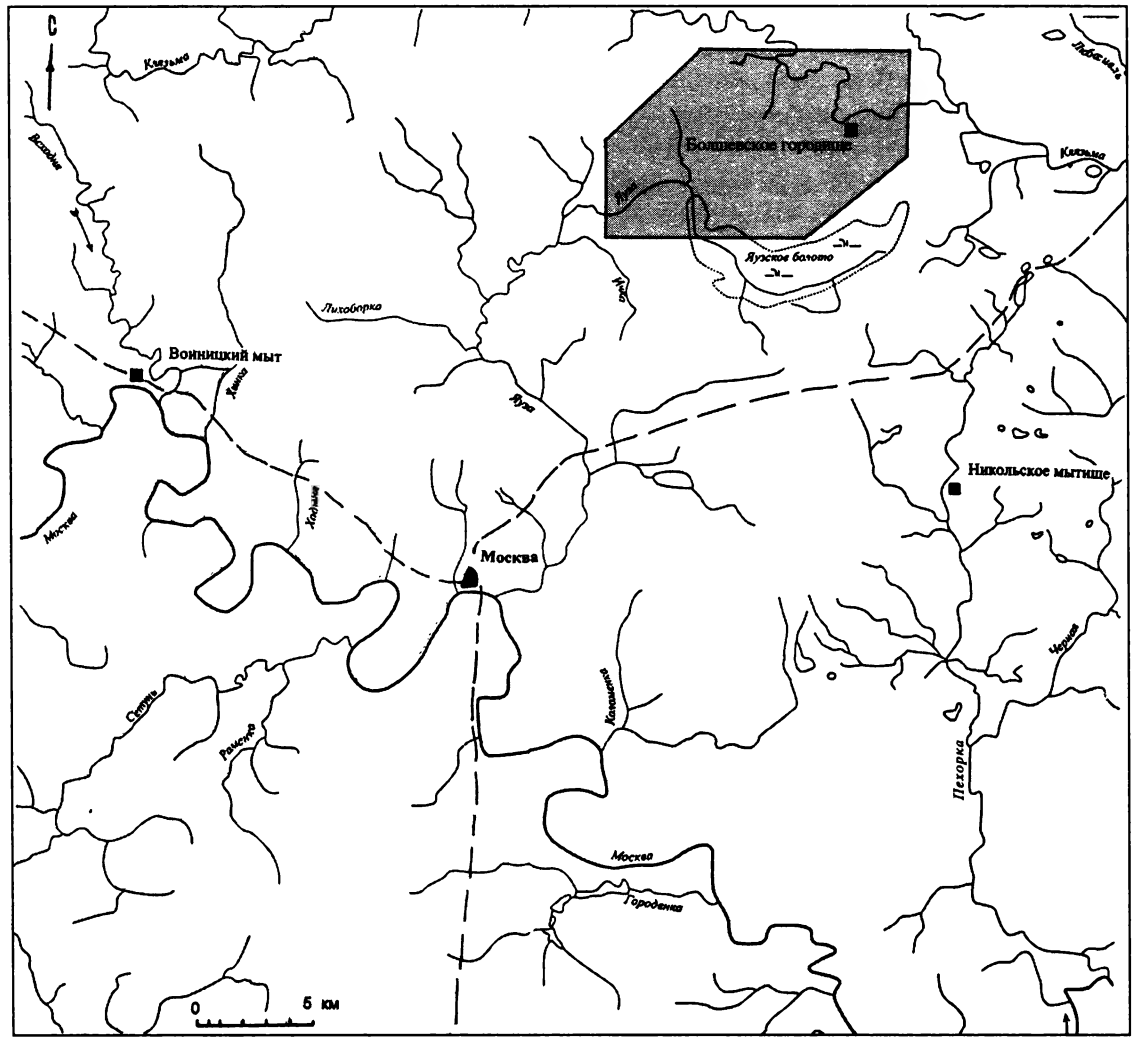


Рис. 59. Район Болшева и Яузского волока. Схема расположения и изображение на Топографической карте окрестностей Москвы 1838 г.

(РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3641. Л. 24)

В своем отчете, дав характеристику курганов при с. Болшево, она далее пишет:

"Но кроме этих вышеупомянутых курганов в селе Болшове, или вернее на его южных окраинах, расположена еще одна группа курганов и, кроме того, одно городище. Они отделены от села оврагом, идущим от правого берега реки Клязьмы на запад почти под прямым углом к руслу реки. В своем дальнем ходе овраг разветвляется и исчезает. В 525 футах (160 м – *С.Ч.*) *от перваго оврага тянется другой у берега реки не менее крутой овраг, но он не идет параллельно с первым, а отклоняется на юг в виде дуги, образуя своею береговой частью полосу плоской возвышенности (смотри таблицу II). Здесь, над самой рекой, на высоте приблизительно тридцати сажен, ютились в древнее время люди, защищенные от нападений с севера и с юга оврагами, а с востока рекой. К сожалению, городище вполне пропало для исследования, так как оно частью сползло в реку, благодаря своему рыхлому песчаному грунту, а частью разрушено постройками дач и разбивками садов. Таким образом, здесь все уничтожено, что могло бы дать ответ на вопросы о народности и времени существования его жителей. Сохранились лишь курганы в небольшом расстоянии от его западной части. Их можно разделить на две группы: одна состоит из девяти курганов ближе к оврагу (смотри таблицу II), другая в 70 футах* (21,3 м – *С.Ч.*) *от нея. Здесь группировались они вокруг одного правильной полушарообразной формы, между тем как остальные имели более продолговатую форму. Этот курган имел в высоту шесть футов от материка* (1,83 м – *С.Ч.*), *диаметр в 35 футов* (10,66 м – *С.Ч.*) *и окружность по подошве 112 футов* (34,1 м – *С.Ч.*)" [Гендуне, 1901. Л. 8, 9].

С: Волшево.
С: Богородско
(Костино)
Дв. 16

Данное описание сопровождается в отчете планом (рис. 62). На нем показаны сооружения с. Городище, овраги и курганная группа, насчитывающая 28 насыпей (9 и 19). Развилка оврагов, описанная в отчете, локализуется в 220 м от Клязьмы (рис. 65). Кроме того, на плане показаны четыре постройки, располагавшиеся на территории парка усадьбы (см. о ней ниже). Хотя точная привязка указанных построек пока не проведена, очевидно, что курганы располагались к юго-западу от усадьбы, на берегу оврага. С помощью масштабирования плана 1901 г. курганная группа довольно уверенно локализуется на современной геоподоснове в 230 м к юго-западу от р. Клязьмы, к югу от школы № 1, между Школьной ул. и оврагом, в роще (рис. 65). Причем оказывается, что размеры большого кургана, а также расстояние между двумя группами точно совпадают с натурными замерами, произведенными Ю.Г. Гендуне, т.е. план в части изображения курганного некрополя основан на инструментальных обмерах[7].

В 1901 г. Ю.Г. Гендуне произвела раскопки курганов № 1–7, а в 1902 г. – курганов № 8, 12–14, 17–20 [Гендуне, 1901, 1902]. Сохранились планы и разрезы (рис. 63–64) а также все находки. Кроме того, 5 курганов были исследованы В.А. Городцовым в 1921 г. Курганы раскапывались не на снос, поэтому во время обследования 1932 г. все они были зафиксированы (и даже на один больше).

В 15 курганах, исследованных Ю.Г. Гендуне, и 5 курганах, изученных В.А. Городцовым, зафиксировано 21 погребение. Из них 7 совершено в ямах, 14 – на горизонте. В двух погребениях отмечены колоды, одно – завернуто в бересту. Из 21 погребения 9 без вещей, 2 – только с горшками и 10 погребений с женскими украшениями[8].

По мнению Т.В. Равдиной, в некрополе фиксируются вещи начала XII в.: звездчатая пряжка, тупоконечный браслет с орнаментом "волчий зуб", крестообразный бубенчик, золоченые стеклянные бусы в трех погребениях. Но большинство браслетов и перстней относятся к XII в. Таким образом, курганы могут быть датированы началом – серединой XII в. [Равдина, 1989. С. 111–114][9].

Как показало обследование, проведенное в мае 2000 г., курганы снивелированы, а на территории могильника выросла роща. Зачистка 3 (0,8 м) (рис. 65, шурф 3)[10] пришлась на территорию, непосредственно прилегающую к курганному некрополю (примерно в 7 м от одного из курганов западной группы). Под дерном залегала переотложенная серая супесь. На отметке 0,8 м зафиксирована прослойка темно-серой гумусированной супеси толщиной 5 см, под которой залегал материковый бурый крупнозернистый песок. Профиль зафиксировал нижнюю часть гумусового почвенного горизонта, который отражает уровень горизонта в период существования курганных насыпей (последний раз зафиксированы в 1932 г.). Возможно, вышележащая переотложенная супесь – разровненный песок из снесенных насыпей[11].

Болшевское городище (у быв. д. Городище) располагалось на коренном правом берегу р.Клязьмы, на мысу при впадении оврага. В настоящее время здесь размещается четырехсекционный 9-этажный дом (Школьная ул., д. 21) (рис. 65).

Территория памятника осматривалась О.Н. Бадером в 1930 г., М.Е. Макаренковым в 1950 г. и Р.Л. Розенфельдтом в начале 1970-х гг., до строительства корпусов д. 21. В интервью Р.Л. Розенфельдт так описал памятник: "Небольшой участок на мысу, ограниченном оврагами, метрах в пяти к западу от дома № 7 по 2-й Школьной площадке. Мыс заканчивается обрывом, круто спускающимся к реке. На срезе в обрыве отчетливо виден культурный слой" [Позамантир, 1996. С. 15]. Исследователь зафиксировал на памятнике фрагменты курганной керамики и один фрагмент лепной сетчатой керамики[12]. Он считал, что изначально на мысу располагалось городище,

---

[7] Ошибка может состоять не во взаиморасположении курганов, а в положении группы относительно оврага (в пределах 10–15 м).

[8] Коллекция находок могильника хранится в Гос. Эрмитаже (кол. 628/1–32 (раскопки 1901 г.)) и Гос. Историческом музее (инв. № 42044, оп. 446 (раскопки 1902 г.), инв. № 54721, оп. 188 (раскопки 1921 г.)). Антропологическая коллекция хранится в Музее антропологии МГУ. В описании этого собрания, опубликованном в 1986 г., значатся 9 черепов из раскопок Ю.Г. Гендуне (под 1905 г.) и 14 черепов из раскопок В.А. Городцова 1919–1923 гг. в Болшеве, Барыбине и Филях, часть из которых, по всей видимости, происходит из 1-го Болшевского могильника [Алексеева и др., 1986].

[9] Работа Т.В. Равдиной публикуется ниже.

[10] Зачищена стенка коммуникационной траншеи в 42 м к югу от южного угла спортзала школы № 1 в створе его восточной стены.

[11] Территория могильника требует специального исследования. По результатам этого исследования могут быть сформулированы рекомендации по частичной реставрации сохранившихся элементов могильника, а может быть, и о регенерации его утраченных элементов [о методике см.: Чернов, 2000 б. С. 134–138].

[12] Материал не поступил на музейное хранение [Розенфельдт, 1988. С. 948].

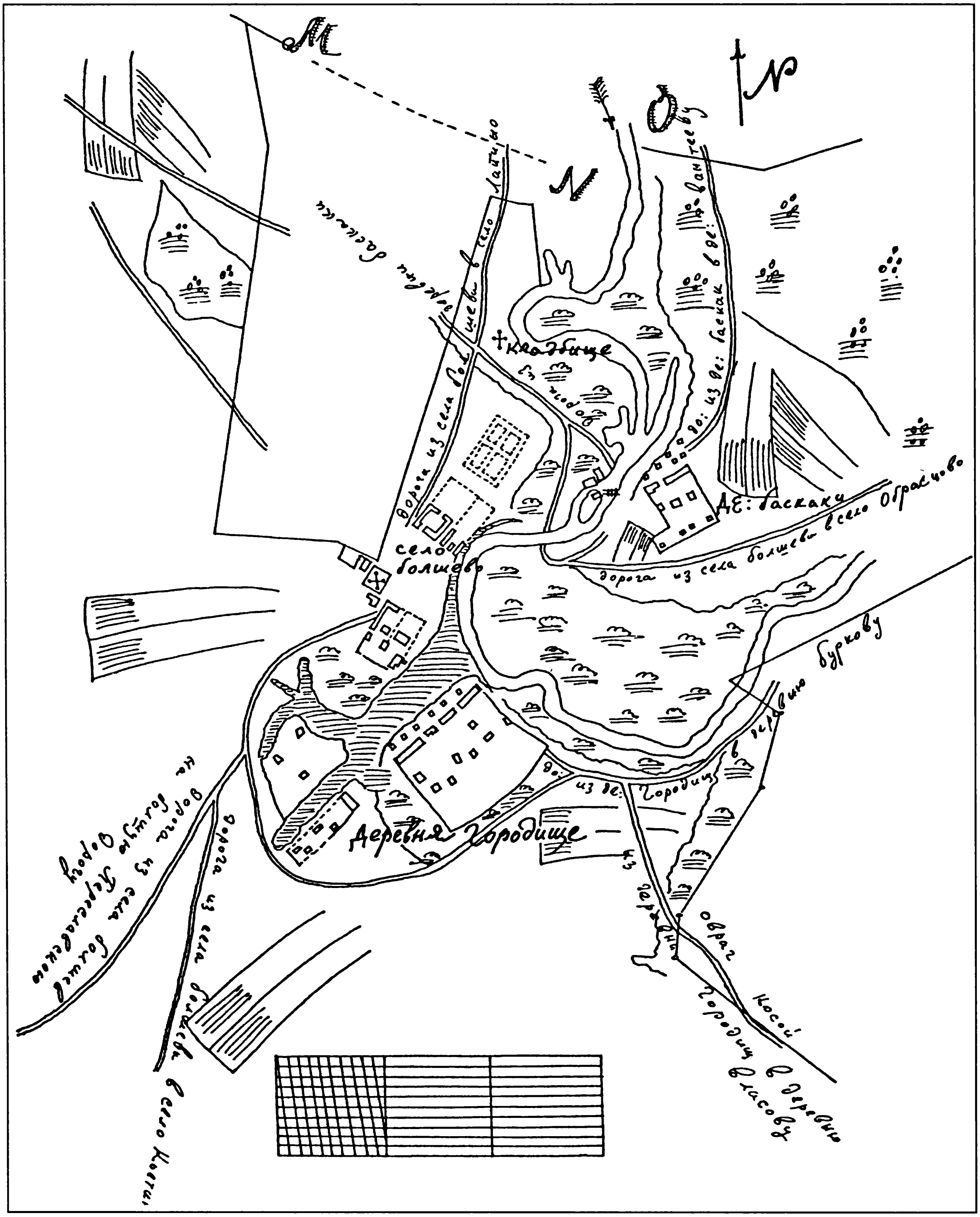


Рис. 60. "Геометрический специальный план Московскаго уезду Бохова стану села Болшева с прилежащими к тому селу з деревнями... 1766 г."
(РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Д. Б-41) Фрагмент. Копия, выполненая С.А. Смирновым

валы которого еще в период средневековья были утрачены [Позамантир, 1996. С. 13].

В 1678 г. в д. Городище был двор вотчинников, 3 двора кабальных людей и 15 крестьянских дворов. Судя по плану земельной дачи д. Городище 1766 г. (рис. 60)[13], в этот период сохранялась планировочная ситуация, сложившаяся в XVII в. Дворы располагались улицей

[13] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Д. Б-41.

в один порядок домов вдоль оврага. Новая планировочная ситуация отражена на Топографической карте окрестностей Москвы 1838 г. (рис. 59)[14] и составленном приблизительно в это время Плане специального межевания Болшева и Городищ[15]. Главный усадебный дом располагался в районе д. 25 по Школьной ул. или несколько западнее его и был ориентирован на подъездную аллею, которая пролегала по трассе Школьной ул. К западу от усадьбы, на мысу, был разбит английский сад. В 1837 г. усадьбу приобрел помещик Акинфий Иванович Жуков, известный своим сочинением, в котором он изложил опыт хозяйствования [Жуков, 1863. С. 71–74][16].

В 1886 г. имение было куплено фабрикантами братьями Сапожниковыми и находилось во владении этой купеческой семьи до 1917 г. В этот период на территории парка было выстроено четыре дачи – они и показаны на плане Ю.Г. Гендуне 1901 г. (рис. 62). С 1887 по 1889 г. В.Д. Поленов жил в усадьбе Сапожниковых (родственников жены художника) [Позамантир, Бондаренко, 1998. С. 84–87]. Дом этот располагался, судя по воспоминаниям старожилов, на месте одной из 9-этажных башен (вторая по счету с севера) и был снесен в 1960-е гг. [Ежов, 1987; 1991].

Следы городища могут сохраняться от стрелки мыса на пространстве в 140 м вдоль коренного берега реки и на 60 м вдоль берега оврага (не более 8 тыс. кв. м). Это терраса, лежащая на отметке 160 м над уровнем Балтийского моря и возвышающаяся над уровнем реки (140 м) на 20 м. Небольшое понижение рельефа (неразвитый или засыпанный в древности овраг) фиксируется в 70 м к юго-западу от стрелки мыса. Вдоль северного борта этого оврага целесообразно вести исследования по поиску следов древних валов. Вдоль кромки берега р. Клязьмы культурный слой мог сохраниться.

Обследование 2000 г. показало, что культурный слой разной насыщенности распространяется от стрелки мыса по коренному берегу реки на восток на 260 м, на 210 м на юго-запад вдоль берега оврага и приблизительно на 200 м на юг. **1-е Болшевское селище** (у быв. д. Городище) лежит на плоской террасе на отметке 160 м над уровнем Балтийского моря. Площадь, на которой фиксируются культурные отложения, составляет не более 30 тыс. кв. м. Стратиграфия памятника была нарушена строениями села XVIII в. и усадьбы XIX в.

Рис. 61. Схема расположения археологических памятников и зон археологического исследования на территории г. Королева

I – памятник археологии (в юридических границах территории памятника); II – зона археологического обследования; 1 – Болшевское городище (у быв. д. Городище на Школьной ул.); 2 – 1-е Болшевское селище (у быв. д. Городище на Школьной ул.); 3 – 1-й Болшевский курганный могильник (у быв. д. Городище, на Школьной ул.); 4 – 2-й Болшевский курганный могильник (на Станционной ул. в пос. Болшево); 5 – 2-е Болшевское селище (на Станционной ул. в пос. Болшево); 6 – Болшевский некрополь (на Станционной ул. в пос. Болшево); 7 – 3-й Болшевский курганный могильник (на Колхозной ул.); 8 – 3-е Болшевское селище (у Колхозной площади); 9 – 1-й Бурковский курганный могильник (на территории детского сада МГУ); 10 – Бурковский грунтовый могильник (на территории детского сада МГУ); 11 – 1-е Бурковское селище (на территории дач Газпрома); 12 – 2-е Бурковское селище (в д. Бурково); 13 – 2-й Бурковский курганный могильник (на ул. Чернышевского); 14 – 1-е Максимковское селище (на территории Лесной школы); 15 – 2-е Максимковское селище (в д. Максимково); 16 – селище Баскаки (на ул. Кирова); 17 – селище Комаровка (в д. Комаровка); 18 – селище в пос. Первомайский (быв. с. Лапино-Спасское); 19 – зона археологического исследования в пос. Текстильщик (быв. д. Куракино); 20 – зона археологического исследования на Завражной ул. (быв. д. Заовражье); 21 – зона археологического исследования на ул. Мира (местонахождение топора фатьяновской культуры); 22 – зона археологического исследования в пос. Новые Горки (быв. д. Игнаткова); 23 – зона археологического исследования в пос. Костино (быв. с. Костино)

→

Шурф № 1 (1,8 × 0,8 м – рис. 66) был заложен на территории, на которой в XIX в. располагался английский парк, в 80 м к югу от стрелки мыса[17]. Под слоем, отражающим функционирование парка, на глубине 30 см выявилась темно-серая гумусированная супесь с углем и круглая яма (50 × 50 см, глубина 50 см) в материке, заполненная тем же слоем. Ранний керамический материал из супеси (табл. 1) включает пять фрагментов стенок сосудов, выполненных из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка. Она напоминает по технике изготовления серую керамику XIV в. и красноглиняную грубую XIV–XV вв. Кроме того, встречена белоглиняная грубая посуда конца XV–XVI в., а также чернолощеная керамика XVII–XVIII вв.

Шурф № 2 (0,8 × 0,8 м – рис. 66) был заложен в 200 м от стрелки мыса, на территории

[14] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3641. Л. 24.

[15] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 2.

[16] К 1844 г. планировка усадьбы и сада не претерпела изменений. См.: Геометрический специальный план дачи, образовавшейся по специальному межеванию под названием деревни Городищ с частью деревни Власовой 1844 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Д. Г-35).

[17] В 23,8 м к западу от второго корпуса д. 21 (считая от стрелки мыса с севера на юг) по створу его южной стены.

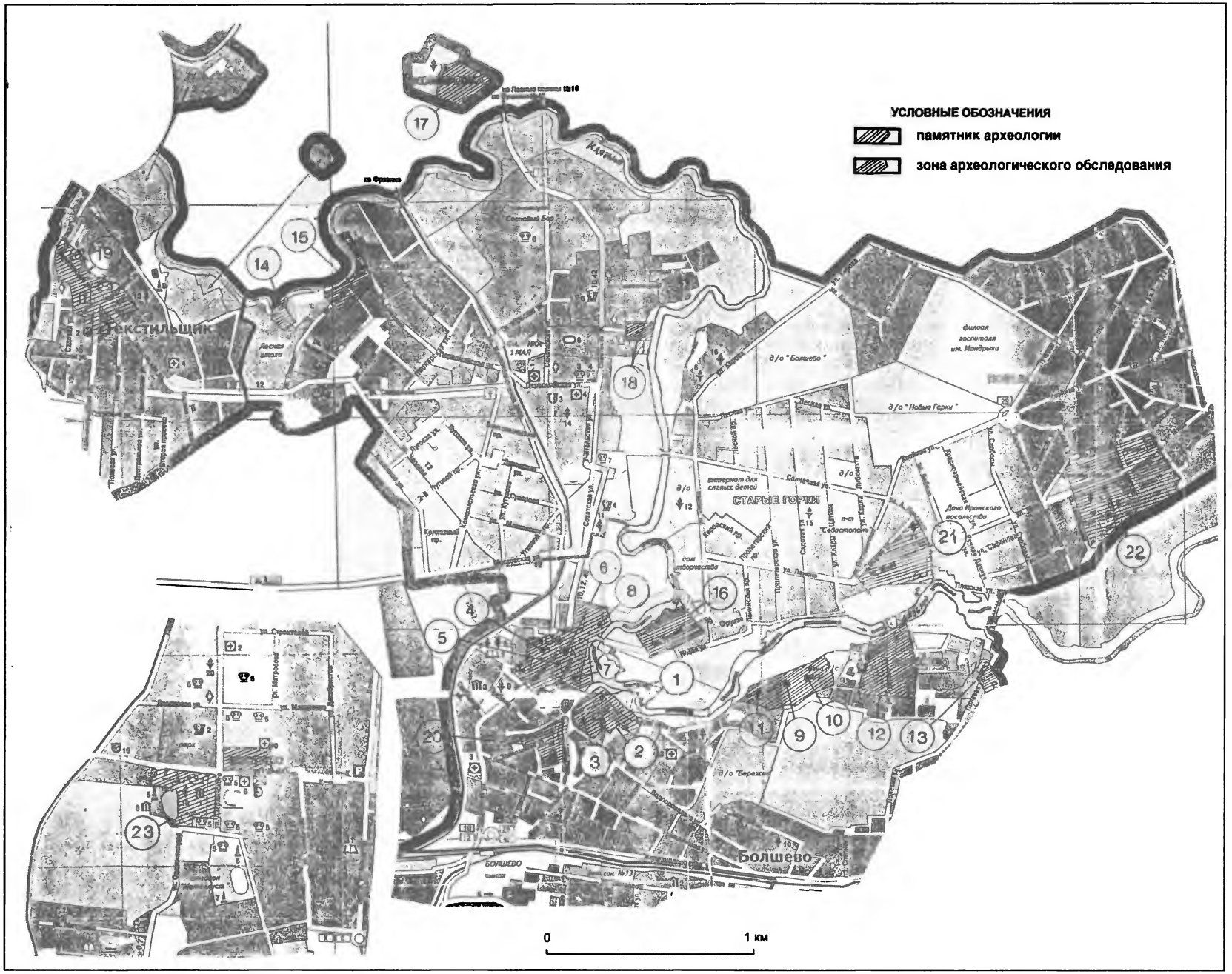

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
памятник археологии
зона археологического обследования
Текстильщик
СТАРЫЕ ГОРКИ
Болшево
0
1 км

Таблица 1. 1-е Болшевское селище (у быв. д. Городище). Распределение керамики

№ шурфа	XIV–XVI вв.			Конец XVII–XVIII в.				XX в.		Шифр
	Серая	Красноглиняная грубая	Белоглиняная грубая	Белоглиняная гладкая	Белоглиняная шероховатая	Мореная	Чернолощеная	Гладкостенная	Крынки	
1	5 (5)	2 (2)	7 (4)	11	16 (11)	6 (1)	сплошь 3; полосами 5 (2)	22		56–70
2			3 (3)	2 (2)					6 (2)	70а–70з

усадьбы XIX в., в 7,2 м к юго-западу от д. 25 по Школьной ул. Под огородным слоем мощностью 20 см залегала темно-серая гумусированная супесь мощностью 40 см. Нижняя граница слоя на контакте с материком ровная, что свидетельствует о длительной распашке, которая велась здесь после отложения культурных напластований и, видимо, до устройства усадьбы. Распашкой почти полностью разрушен подзолистый горизонт почвы и частично верхняя часть нижележащего бурого горизонта. В темной гумусированной супеси встречена белоглиняная грубая керамика конца XV–XVI в. и белоглиняная гладкая посуда XVII в.

На основании материала, полученного в шурфах № 1 и 2, можно заключить, что на всей исследованной территории встречается керамика XV – XVII вв., а в районе шурфа № 1 – керамика, напоминающая серую посуду XIV в.

Археологический комплекс в районе быв. д. Городище почти полностью разрушен. Возможно, на стрелке мыса при впадении оврага располагалось поселение (городище ?) раннего железного века (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). В древнерусский период на этом месте возникло поселение. Археологически пока удалось зафиксировать лишь следы сменившего это поселение с. Городище (XV–XVI вв.), которое располагалось вдоль коренного берега р. Клязьмы (140 × 60 м). Размеры древнерусского поселения вряд ли превышали 8 тыс. кв. м. Наиболее существенный вывод состоит в том, что курганный некрополь (28 курганов), исследованный Ю.Г. Гендуне в 1901–1902 гг., относился к древнерусскому поселению, которое располагалось на стрелке мыса, на месте позднейшего с. Городище. Судя по ряду ранних находок и преобладанию погребений на горизонте, поселение это возникло в первой половине – середине XII в., а возможно, и во второй половине XI в.

§ 2. Нагорная часть Болшевского археологического комплекса

2-й Болшевский курганный могильник располагался к северо-западу от комплекса памятников у быв. д. Городище, на территории с. Болшево (ныне пос. Болшево) (рис. 61, № 4). Могильник был зафиксирован в 1896 г. В подготовленной А.А. Спицыным публикации об этом сообщалось следующее:

"В 1896 г. при устройстве шоссе близ с. Болшева Московского уезда (бывшее поместье кн. Одоевских), у р. Клязьмы, рабочими были обнаружены человеческие костяки, при которых оказались различныя медные украшения. Местность этой находки расположена на скате возвышенности, склоняющейся к р. Клязьме. Костяки лежали на глубине 1,5–2 арш. и находились, по-видимому, в беспорядке. По словам местных крестьян, здесь располагалось старинное кладбище. Вопрос о том, не было ли на месте находок курганных возвышенностей, остается не решенным. В близких селах известны большие группы невысоких курганов.

Судя по количеству вещей, рабочими было тронуто 20 или более погребений. Вещи были заботливо собраны г-жей Ю.Г. Гендуне.

В собрании ея находятся следующие медные предметы:

1) Витой из проволоки браслет типа петербургских курганов (Спицын: Курганы С.-Петербургской губ. Табл. IV, 6).

2) Витой проволочный, типа табл. IV, 2.

3) Два витые, типа табл. V, 17. На концах одного из этих витых браслетов прикреплены были стеклянные наставки темно-зеленого цвета.

4) Четыре пластинчатые браслета с сужающимися концами и с ушками на них типа петербургских курганов, табл. IV, 9. Ор-

намент в виде ромбов. Оригинальность этих браслетов состоит в том, что наружная поверхность их покрыта бурым или скорее фиолетовым металлическим лаком.

5) Железный обломок, по-видимому, от пластинчатого браслета.

6) Семь тонких пластинчатых перстней типа петербургских курганов, табл. XIII, 8, но без усиков. Орнамент – тонкая насечка в виде ромбов и иных пересекающихся фигур.

7) Витой перстень типа петербургских курганов, табл. III, 1, но более массивный.

8) Четыре целых и два сломанные решетчатые перстня обычного московского типа.

9) Перстень с ромбической орнаментированной передней частью.

10) Перстень ажурный с кружками по верхней и нижней части.

Последние два предмета, кажется, еще не были встречаемы и представляют новость. Все вещи относятся ко времени после XII в., вероятнее всего, к XIII или даже к XIV в. и имеют многочисленные аналогии в собственно русских древностях как Московской, так и других губерний средней и северной России"[18].

В 1901 г. Ю.Г. Гендуне обследовала место находки и составила план его расположения (рис. 62). При этом было установлено, что рядом с местом находки расположена курганная группа:

"Осмотр дал следующие результаты: в нескольких шагах от шоссе на север расположена группа курганов, состоящая из довольно хорошо сохранившихся четырнадцати насыпей (смотри табл. II), и в 350 футах от шоссе на юго-восток по направлению к реке Клязьме сохранились еще четыре кургана (смотри табл. II). Из этого можно заключить, что курганы заполняли все пространство между курганами на севере и курганами на юго-востоке от шоссе (смотри табл. II). Так как здесь и до постройки шоссе шла дорога, то насыпи были давно вполне уничтожены и сохранились только грунтовыя могилы, которыя и были тронуты рабочими при планировке шоссе в 1896 году. К сожалению, я не имела возможности произвести раскопку ближайших к шоссе курганов, так как они находятся на земле Императорскаго Человеколюбиваго Общества, и мне предстояло подать официальное прошение в Комитет, чего не могла сделать, не имея от Императорской Археологической комиссии разрешения на производство раскопок в Московском уезде. Я считаю раскопку этих курганов необходимой ввиду того, что здесь почти ежегодно настраиваются дачи и курганы при этом уничтожаются без малейшей пользы для науки" [Гендуне, 1901. С. 5, 6].

Кроме того, Ю.Г. Гендуне зафиксировала еще одну группу находок, сделанных при земляных работах при церкви с. Болшево:

"Случайные находки близ церкви села Болшева, в отчетном году, были сделаны при земляных работах и выразились в следующих предметах:

1) два медных пластинчатых перстня, покрытых красноватым лаком и снабженных прямолинейным орнаментом в виде мелких углублений (смотри на картоне № 1 и 2);

2) один медный перстень ажурный (смотри на картоне № 3);

3) один браслет медный проволочный переплетенный (смотри на картоне № 4);

4) другой браслет витой жгутом из трех между собой перевитых жгутиков (смотри на картоне № 5);

5) две серебряные филиграновыя серьги с узловыми круглыми бусами (смотри на картоне № 6);

6) один серебряный перстень-печать, орнамент чернью, рисунок на печати изображает нечто вроде виноградного листа бусами (смотри на картоне № 7)" [Гендуне, 1901. С. 15, 16].

На плане 1901 г., который сопровождает данное описание, показано шоссе, построенное в 1896 г. по трассе дороги из Болшева в с. Лапино-Спасское (Станционная ул.), Преображенская церковь 1800 г. (Станционная ул., д. 47), дом причта к северо-востоку от нее (Станционная ул., д. 49), здание между Преображенской церковью и церковью Козьмы и Дамиана (Станционая ул., д. 43) (рис. 62). Наличие на плане изображений этих сооружений позволяет перенести изображение курганного могильника на современную геоподоснову масштаба 1:1000 (рис. 68), при этом значки плана 1901 г. оказываются довольно близкими реальным размерам подмосковных курганов. Напомним в этой связи, что в случае с 1-м Болшевским курганным могильником наблюдалось точное совпадение аналогичных значков с натурными замерами, произведенными Ю.Г. Гендуне. Поскольку тип изображения

[18] Спицын, 1898. С. 116, 117. В результате коллекционной ошибки к болшевским находкам были причислены 19 вещей XI в. и византийская монета Константина VII и Романа II 945–959 гг., найденная в кургане № 1 при д. Никольское на р. Болонь Гжатского уезда в ходе раскопок С.А. Гатцука 1904 г. [Равдина, 1975. С. 54–59].

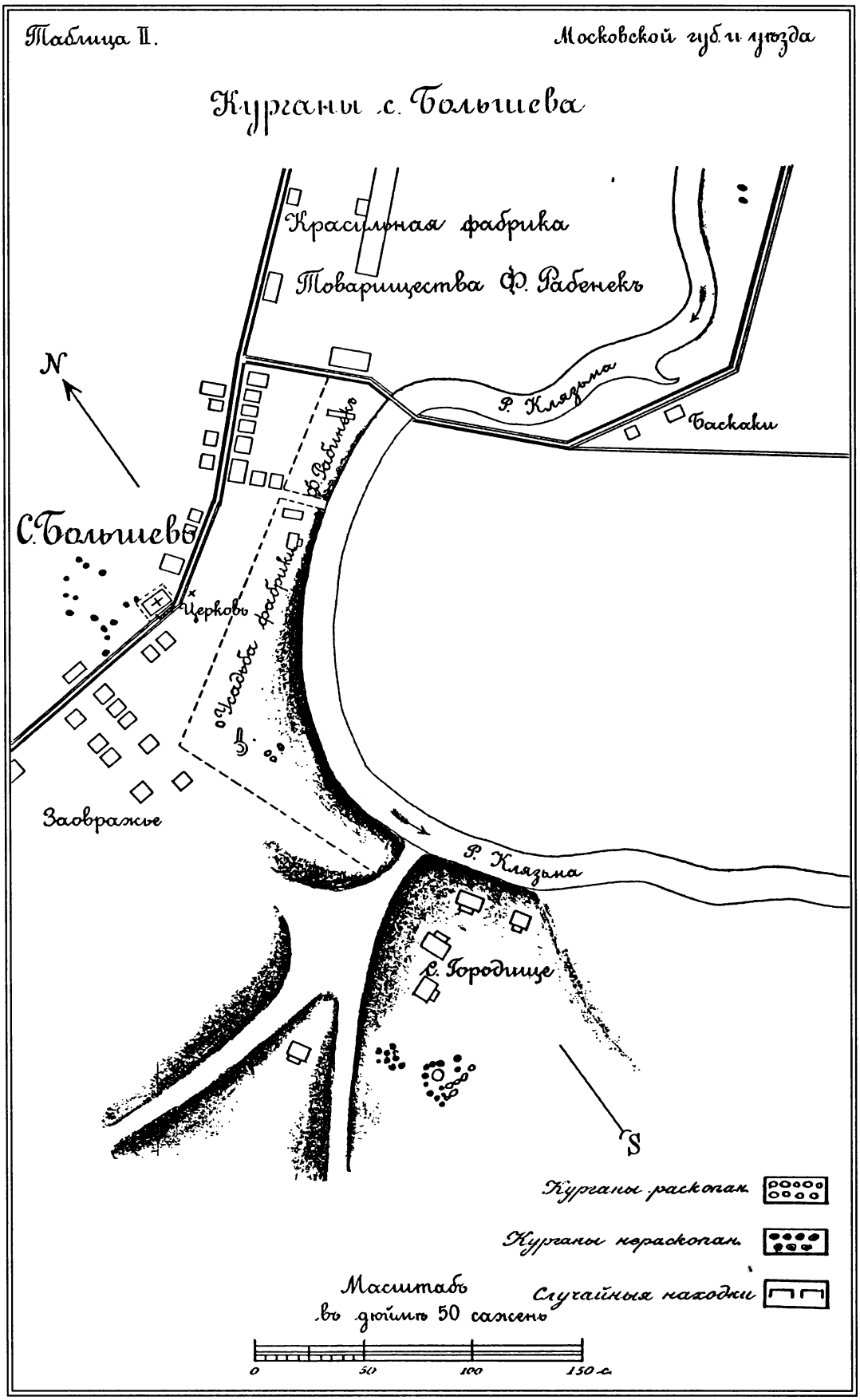


Рис. 62. Курганы с. Болшево. План Ю.Г. Гендуне 1901 г.

(*Гендуне Ю.Г.* О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1901. Д. 39. Табл. II. Л. 23))

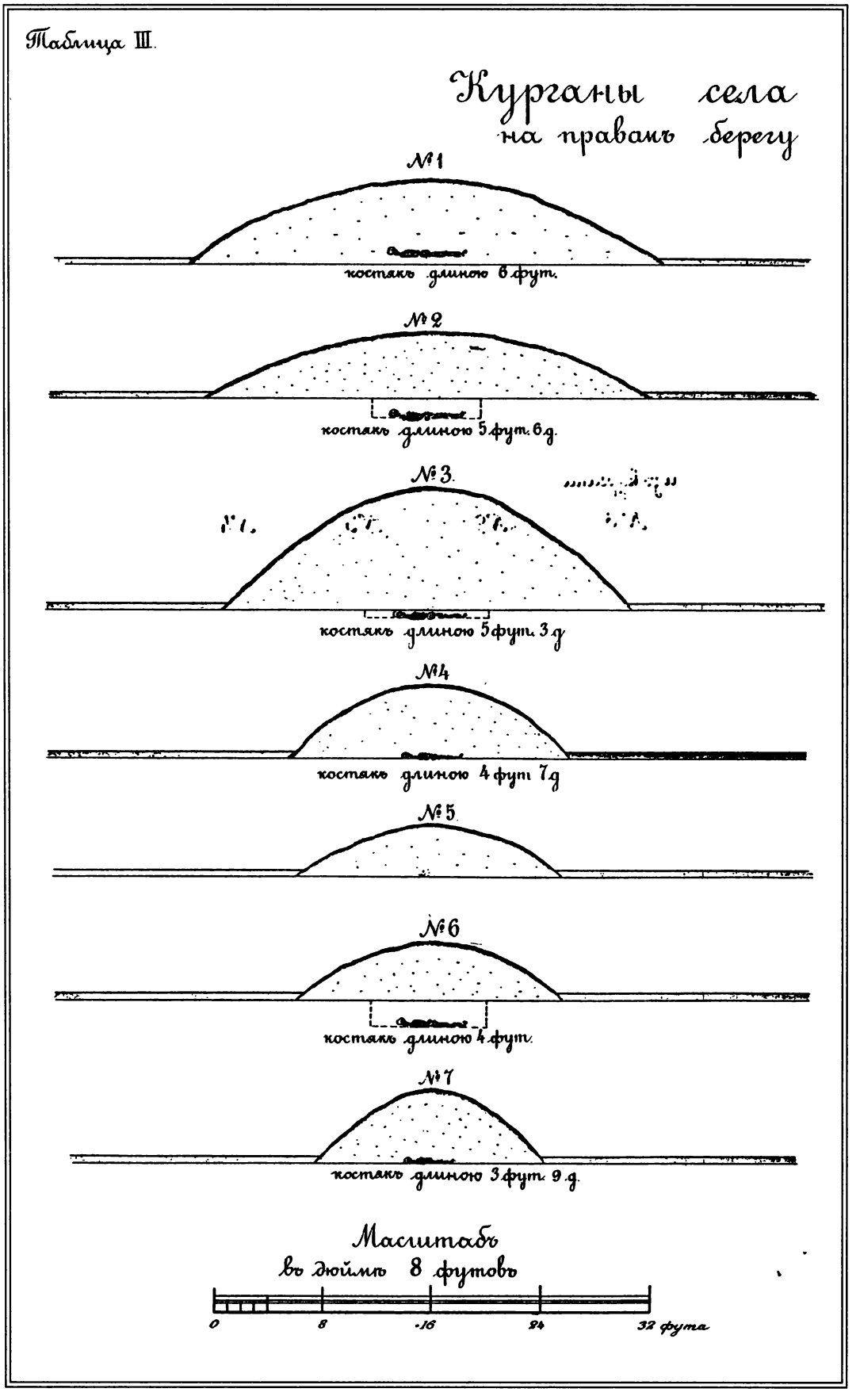


Рис. 63. Курганы с. Болшево на правом берегу р. Клязьмы
(*Гендуне Ю.Г.* О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1901. Д. 39. Табл. III. Л. 21, 22))

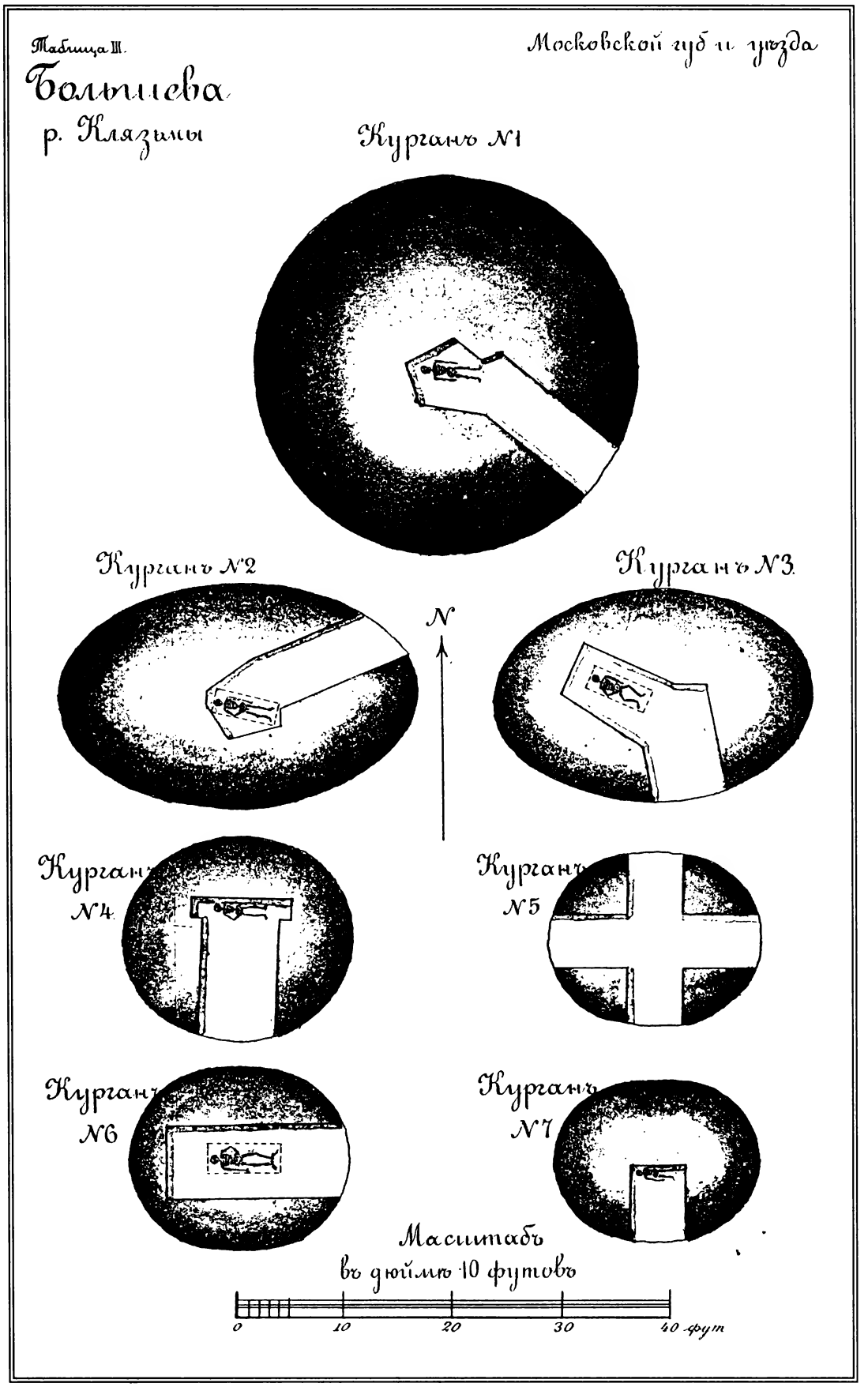


Рис. 63 (окончание)

обеих групп на плане 1901 г. одинаков, можно предполагать, что в части изображения 2-го Болшевского курганного могильника план 1901 г. также был основан на инструментальных обмерах.

Ошибка при локализации курганов могла объясняться подвижкой положения группы (в пределах 10–15 м) по линии северо-восток–юго-запад. Здесь на помощь пришла планировочная реалия, которая существовала в 1901 г. (хотя и не была изображена на плане) и сохранилась: трасса ул. Дурылина (рис. 68), которая в XIX–XX вв. представляла собой аллею, ведущую от церкви Преображения на запад, к зданию Попечительского о бедных комитета Императорского Человеколюбивого общества (здание сохранилось) (изображение аллеи на плане 1838 г. – рис. 59). Поскольку насыпи не могли располагаться на аллее, мы имеем возможность привязать к современной геоподоснове три кургана, которые примыкали к аллее с двух сторон (два кургана на участке д. 51 по ул. Дурылина и большой курган к югу от них – рис. 68).

Участок, на котором в 1896 г. были обнаружены захоронения с находками, локализован на плане 1901 г. к югу от церкви Преображения (условный знак "*случайныя находки*" – рис. 62). Северная граница участка примерно соответствует створу северной стены храма, а южная не доходит до створа южной стены храма. Перенос изображения на современную геоподоснову (рис. 68, фото на рис. 67) не оставляет сомнений в том, что Ю.Г. Гендуне сделала правильный вывод: в 1896 г. были обнаружены погребения, относящиеся к 2-му Болшевскому курганному могильнику. Насыпи, имевшиеся первоначально над этими погребениями, были снивелированы, по всей видимости, еще в период позднего средневековья, когда возникла дорога, пролегавшая по трассе Станционной ул.

Проанализируем теперь, чем была занята территория могильника до 1901 г. Наиболее раннее изображение этой местности содержится на плане 1766 г. В этот период церкви Преображения еще не существовало, а все пространство к западу от дороги, ведущей от церкви Козьмы и Дамиана к с. Лапино-Спасское (Станционная ул.), было свободно от застройки (рис. 60)[19].

Новая планировочная ситуация сложилась после того как в 1819 г. было создано Попечительское общество, а в 1800 г. возведена Преображенская церковь [Ежов, 2000а. С. 12]. Она отражена планами 1837–1838 гг. (рис. 59). Между церковью и Попечительским комитетом общества показана уже упоминавшаяся аллея. На плане 1838 г. к северу от аллеи изображено открытое пространство, а к югу – небольшая роща. На Топографической карте окрестностей Москвы 1852 г. к северу от аллеи показаны сады.

В 2000 г., когда проводилось наше обследование, территория могильника была практически полностью застроена. 14 насыпей, отраженных на плане Ю.Г. Гендуне, утрачены, но местоположение их можно указать достаточно точно. Две насыпи располагались к западу от западного угла Преображенской церкви. Одна насыпь локализуется у западного угла д. 45 по Станционной ул. и еще четыре насыпи – в саду между д. 45 и д. 43 по той же улице (северная из них имела около 10 м в диаметре). На небольшой площадке, образованной ул. Дурылина и проездом к церкви Козьмы и Дамиана, располагался один курган значительных размеров (около 10 м в диаметре), а к северу от ул. Дурылина – еще шесть курганов. Пять из них локализуются на усадьбе д. 51 по этой улице: два – перед домом, один – на месте дома и два – в районе хозпостроек в северо-восточной части усадьбы. И, наконец, еще один курган локализуется к северу от д. 53 по ул. Дурылина (рис. 68).

Выборочное обследование показало, что на месте некоторых курганов читаются слабые возвышения. Одно из них просматривается перед оградой усадьбы д. 51 и уходит

[19] По сообщению владелицы д. 50 по Станционной ул. Валентины Ивановны Орловой (1924 г. рожд.; рассказывает со слов своего отца Галямина Ильи Павловича из д. Завражье), дом построен в 1924 г. на свободном от застройки участке, который был предоставлен крестьянам. До 1920-х гг. окружающие участки не были застроены. За церковью Преображения (до 1936 г. там отпевали покойников и служили на праздники) было поле, а к востоку от Колхозной ул. – лес, вплоть до обрыва к Клязьме. По сообщению владелицы д. 54 Юлии Павловны Голятиной, этот дом также построен в 1924 г.

Планы 1838 и 1901 гг. дают примерно ту же картину, что и устные свидетельства (рис. 59). В XIX – начале XX в. возвышенность к востоку от церквей Козьмы и Дамиана и Преображения (между нынешними Станционной и Колхозной улицами) принадлежала Попечительскому обществу и была свободной от застройки. Пространство к востоку от нынешней Колхозной ул. до оврага и р. Клязьмы было занято рощей, принадлежавшей Красильной фабрике Товарищества Ф. Рабинек. Застройка размещалась значительно севернее, у подножья возвышенности, в районе нынешней Колхозной пл.

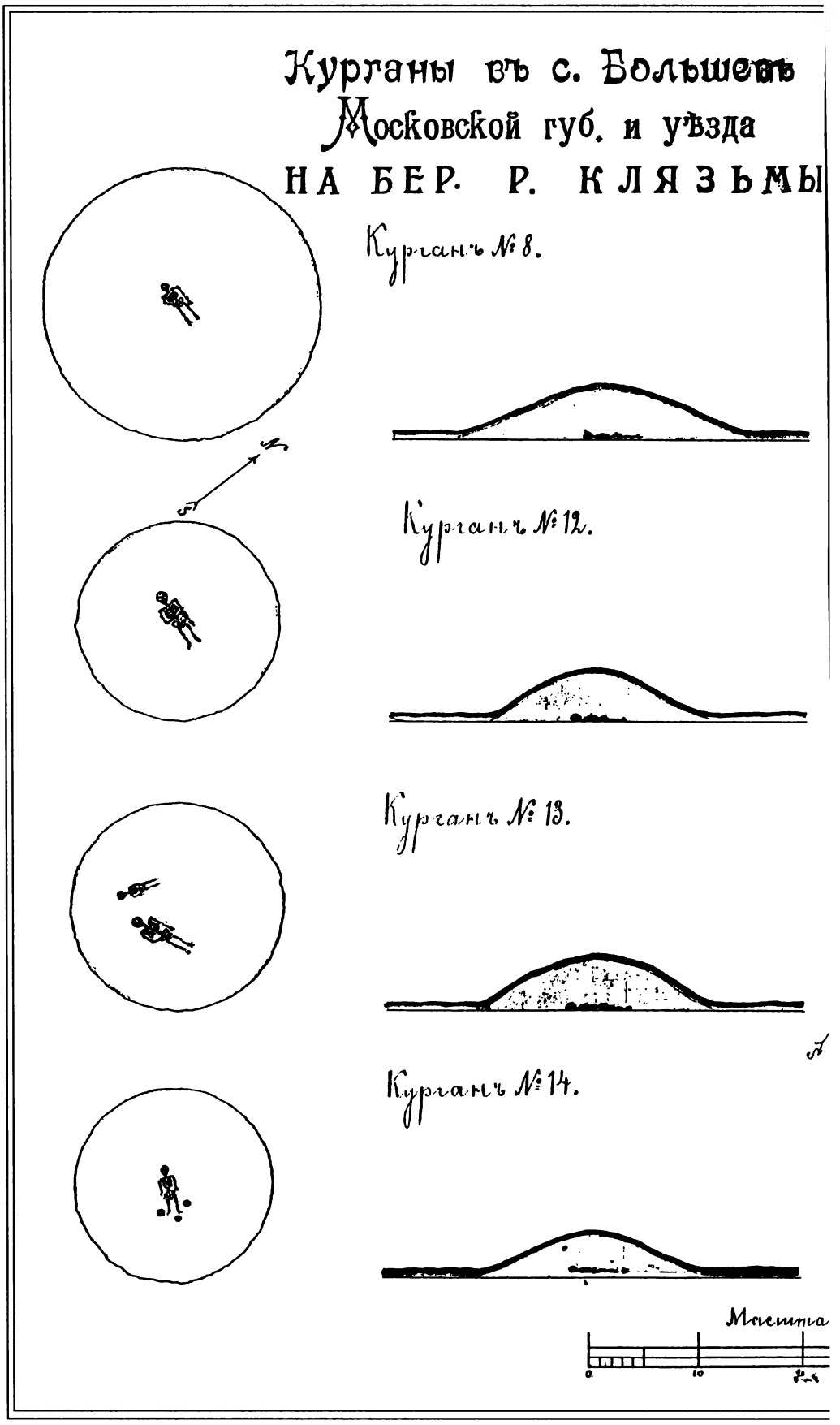
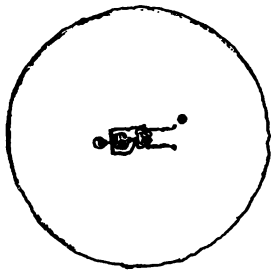


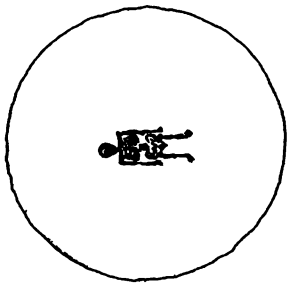
Рис. 64. Курганы в с. Болшево

(*Гендуне Ю.Г.* О раскопках в Калужской и Московской губерниях (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1902. Д. 27))

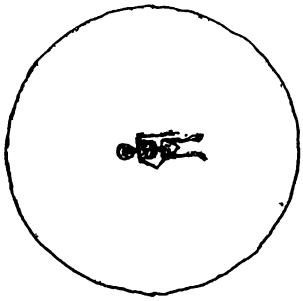
Таблица V



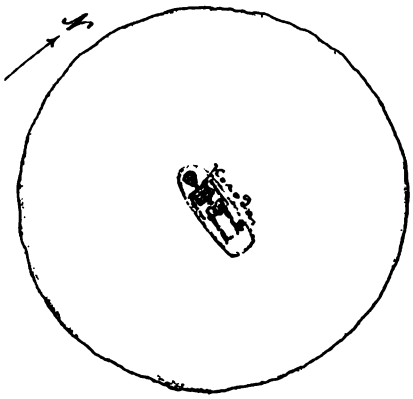
Курганъ № 17.



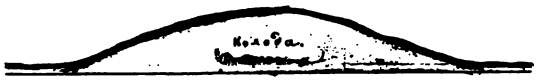
Курганъ № 18.

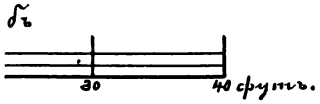


Курганъ № 19.



Курганъ № 20.





под липовую аллею XIX в., которая вошла в пределы усадьбы. Обследование усадеб домов по Станционной ул., д. 45 и ул. Дурылина, д. 51, 53 показало, что на огородах фиксируется значительное количество мелких обломков костей. Подъемный керамический материал немногочисленный.

Что касается места находки 1896 г., то в настоящее время выемка, образованная при строительстве шоссе конца XIX в., не изменила своей конфигурации (фото на рис. 67). По расчетам А.А. Спицына, строителями было нарушено около 20 погребений. В подмосковных курганных группах такое число погребений обычно соответствует 15 насыпям. Точнее было бы говорить о 10 курганах, которые могли реально поместиться на разрушенном строительством участке. Впрочем, несколько курганов могли быть снесены при строительстве Преображенской церкви. Поэтому цифра 15 кажется вполне допустимой. При таком расчете изначально в группе могло насчитываться 29 курганов.

Переходя к геоморфологическому описанию местности, следует отметить, что могильник занимает край второй террасы коренного берега р. Клязьмы и отстоит от реки на 140 м (рис. 68). Он находится на отметках 160–161 м над уровнем Балтийского моря и возвышается над современным уровнем р. Клязьмы (139,95 м; река подпружена) на 20 м. Возвышенность, на вершине которой расположен могильник, имеет полукруглую форму и склоны на север, северо-восток и восток. От северо-восточного края могильника, который маркируется апсидами церкви Преображения в северо-восточном направлении вплоть до Колхозной пл. (на отметке 150 м) падение уровня составляет 1 м на 10 м по горизонтали. Далее на север и северо-восток – плоская первая терраса реки (на отметках 145–150 м), которая затем круто обрывается к реке в районе современного моста (по ул. Кирова). Могильник имеет размеры 100 × 100 м и овальную форму.

Вещи 1896 и 1901 гг. из 2-го Болшевского могильника[20] были осмотрены Т.В. Равдиной, которая дала следующее их описание: "Два серебряных височных кольца диаметром 4 см, на одном конце плоский ромбик с отверстием, на другом – крючок, на конце нанизаны три филигранные бусины из скани и зерни. 11 браслетов. Витые петлеконечные: тройные (хвостики в петлях загнуты), четверной, 2 × 3, 2 × 4; плетеный на дроте, концы которого расклепаны для накладок; дротовый остроконечный; пластинчатые загнутоконечные 4. Перстни 22: пластинчатые широкосрединные кованые с гравированным орнаментом 11; решетчатые 8; на узком ободке огромный ромбический прорезной щиток; витой тройной остроконечный; серебряный квадрифолийный с гравированным изображением древа, заполненным чернью"[21]. Т.В. Равдина датировала эту коллекцию второй половиной XII – первой половиной XIII в., причем квадрифолийный перстень и трехбусинные височные кольца киевского типа отнесла непосредственно к предмонгольскому времени.

Кроме того, в музее кафедры археологии Исторического факультета МГУ имеется группа вещей с паспортом "Болшево 26 июля 1913 г.". Т.В. Равдина, выявившая эту коллекцию, предполагает, что она происходит из неизвестных раскопок Болшевского могильника близ Преображенской церкви. В коллекции представлены: "семилопастные височные кольца – крупные, развитые 3; браслет витой петлеконечный 3 × 3; бусы сердоликовые бипирамидальные 4, хрустальные шарообразные 5, бусы билоновые полусферические 2, бляшка литая диаметром 22 мм, орнамент пятилепестковая розетка; крестик криноконечный", которые Т.В. Равдина датировала первой половиной XIII в.[22]

Таким образом, могильник функционировал со второй половины XII по первую половину XIII в.[23]

---

[20] Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже (кол. 627. № 21–48 (сборы 1896 г.) и кол. 628. № 23–30 (сборы 1901 г.)). Подробнее см.: Равдина, 1989. С. 109 (публикуется в приложении к настоящей главе).

[21] Там же. С. 108.

[22] Там же. С. 115.

[23] Поскольку раскопок могильника не производилось, можно полагать, что захоронения, совершенные в ямах, частично сохранились. Именно этот обряд преобладал во второй половине XII – первой половине XIII в. Опыт работ на древнерусских курганных могильниках, подвергавшихся частичным раскопкам и позднее утративших свои насыпи, показал, что, несмотря на значительные утраты, объекты такого типа отнюдь не могут считаться полностью утраченными для науки. Под балластом сохраняются ровики и древние перемычки на них. При нивелировке насыпей все находки, содержавшиеся в них, оказываются в ровиках и могут быть оттуда извлечены. Нижние горизонты ровиков содержат многовековые торфяные и грязевые отложения, которые являются уникальным хранилищем информации о палеосреде (пыльца и другие остатки органики). На уровне материка под снесенными насыпями сохраняются отложения, существовавшие до создания насыпи, а также нижние горизонты самой насыпи. В ряде случаев они содержат следы древних пашен и отложения, характеризующие погребальный обряд (погребальные площадки, подсыпки и др.) [Чернов, 2000 б. С. 134–138].

Обратимся теперь к результатам исследований, которые позволяют обрисовать облик возвышенности в районе курганной группы в XIV–XVII вв. По обе стороны Станционной ул., близ здания Преображенской церкви было выявлено **2-е Болшевское селище** (рис. 61, *5*; рис. 68). Оно занимает вершину второй террасы р. Клязьмы и начало склона к реке. Край селища отстоит от берега реки на 20 м, возвышаясь над нею на 11 м. С целью сбора подъемного материала был предпринят сплошной осмотр всей указанной территории, которая застроена одно- и двухэтажными частными деревянными и кирпичными домами с приусадебными участками.

На усадьбах д. 50, 52, 54, 56, 56 а по Станционной ул. выявлен культурный слой[24], который представляет собой гумусированную серую и темно-серую супесь мощностью до 60 см, переотложенную в ходе распашки и строительства. Встречена белоглиняная грубая керамика конца XV–XVI в.: венчики зафиксированы на участках д. 50 и д. 54 (рис. 71). На участке д. 56 а встречен фрагмент красноглиняной грубой посуды более раннего времени (рис. 70 Б, *54*). На усадьбе д. 50 зафиксированы также типичные образцы белоглиняной гладкой керамики (вторая половина XVI–XVII в.) – венчики с валиком внутри сосуда и орнаментом, нанесенным гребенкой, – с внешней стороны (рис. 71). На тех же усадьбах (д. 50, 52) найдены венчики и стенки белоглиняных шероховатых сосудов, а также ангобированная и белоглиняная крашеная керамика (рис. 71), которая может быть датирована XVII в.[25]

В 17 м к северо-востоку от апсиды Преображенской церкви был заложен **шурф № 1** (2 × 1 м) (рис. 68). Раскопки показали, что под дерном до отметки – 120 см залегал балласт, отложившийся в XX в.[26] Интерес представляет найденный в переотложенном слое фрагмент стенки курганного горшка 00-кор-46 (рис. 70 А, *46*). Он изготовлен из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка (кварциты до 1,5 мм). Толщина стенки 4 мм. В изломе черепок серый, поверхности бурые, что свидетельствует о том, что сосуд прошел неполный окислительный обжиг. Орнаментирован горизонтальным рифлением (шириной 1,5 мм). Все эти особенности типичны для курганной керамики XII–XIII вв., которая могла первоначально залегать на поверхности курганного могильника или в ровике кургана.

Кроме того, встречено четыре фрагмента белоглиняной посуды, в том числе два венчика: 00-кор-47 и 00-кор-48 (рис. 71). Они сформованы из глины с примесью среднезернистого песка (кварциты до 1 мм). Форма венчика с утолщением по внешнему краю сосуда типична для белоглиняной грубой керамики. Обращает на себя внимание плохое качество обжига: в изломе черепок трехцветный – черный внутри и белый на поверхностях. Форма валика (уплощенная слабовыступающая) известна, но не принадлежит к

---

[24] Обследованием усадеб на противоположной от церкви Козьмы и Дамиана (1787 г.) стороне Станционной ул. (д. 42, 44, 46, 48) зафиксирована гумусированная серая и темно-серая супесь, насыщенная фрагментами белоглиняной гладкой и шероховатой посуды XVII – середины XVIII в., а также гладкостенной (красноглиняной) и поливной керамики середины XVIII–XIX в. К юго-востоку от описанных усадеб верхние горизонты уничтожены в результате строительства многоэтажных зданий (Прудная ул., 6, 7).

[25] Встречены также чернолощеная, мореная, гладкостенная и поливная керамика середины XVIII–XIX в. К этому же времени относятся фрагменты слюды, бронзовая оковка, декорированная травным орнаментом (найдена на усадьбе д. 54), а также развал изразцовой печи, зафиксированный в 3 м к востоку от д. 52, в котором были найдены фрагменты полихромных и расписных (голубым по белому фону) изразцов XVIII в. На участке д. 56 по Станционной ул. культурный слой частично уничтожен при строительстве двухэтажного кирпичного дома. На следующем участке (Станционная ул., д. 56 а), который принадлежит ГОРПО г. Королева, земляные работы не ведутся, подъемный материал не обнаружен. Обследование пространства между д. 56 а и Колхозной ул. не дало следов раннего культурного слоя.

[26] Он представляет собой гумусированную супесь с обломками кирпича и извести. Встречен кирпич (размерами 6 × 11; 6,5 × 12; 6,5 × 12,5 см), жесть, напольная известковая заливка, плитка пола (толщиной 3 см). Судя по этим находкам, слой сформировался в при переоборудовании церкви (закрыта в 1936 г.), мусор сбрасывался от апсид вниз по склону. Материк, залегающий повсеместно на отметке 115–120 см, образован желтым песком с отдельными линзами угля (тонкие прослойки шириной до 3 см). С отметки 155 см его подстилает оранжевый песок. На контакте с материком каких-либо фрагментов первоначального культурного слоя не найдено, из чего можно заключить, что он был разрушен в ходе хозяйственной деятельности XX в. и перемешан с балластом. Исключение составляет яма, прослеженная в материке в юго-западном углу шурфа. Она имела овальную форму, будучи вытянута вдоль западной стенки шурфа на 1 м. Ширина ее составляла 50 см. Яма имела пологую северную стенку (другие стенки не прослежены) и глубину 22 см (нижняя отметка 142 см). Заполнена была слабогумусированной супесью с включениями извести. В заполнении найден развал (восемь фрагментов) нижней части белоглиняного шероховатого горшка, который может быть датирован XVII в.

Таблица 2. 2-е Болшевское селище. Распределение керамики по типам

XIV–XVI вв.				Конец XVII – середина XVIII в.				Середина XVIII–XIX вв.				Шифр
Адрес дворовладения	Курганная, краснолинянная грубая	Краснолинянная гладкая	Белоглиняная грубая	Белоглиняная гладкая	Белоглиняная шероховатая	Мореная	Чернолощеная	Гладкостенная	Поливная красная, фарфор	Изразцы полихромные	Изразцы XIX в. с голубой каймой	
Станционная, 45			1 (1)	1	2			1	4(1)			**1,2**
Станционная, 48				1	1	1			1(1)			**3,4**
Станционная, 50			12 (9) 8 с черным ядром	9 (3) + (1) ангобированная (1) крашеная	14 (2)	8(1)	10(3)	2 (1)	5 (1) 1 – фарфор	7(1)	6	**5–27**
Станционная, 52			2	1	5 (1)	1	1	1 (1) крынка	1 фарфор	3(3)	2 (2)	**28–34**
Станционная, 54			7 (6) – 5 с черным ядром	1	9 (1)		3 (1)	1	1 – зеленая			**35–45**
Шурф № 1 у церкви Преображения	курганная 1(1)		4 (4)	1 (1)	8 из ямы				1(1) фарфор			**46–53, 53 а**
Станционная, 56а – на месте часовни	красная 1 (1)		1 (1)									**54, 54б**
Колхозная, 9					1		4(1)					**55а**
Колхозная, 7					3(1)	1						**55**
Колхозная, 8	2 (2)		6 (3) 5 с черным ядром	5 (1)	7(2)			2			голубой–3 (1), румпа1(1)	**108–117**
Всего 158	**4**		**33**	**21**	**50**	**11**	**18**	**7**	**11**	**3**		
%	**3**		**21**	**13**	**31**	**7**	**11**	**5**	**7,5**	**2**		

наиболее распространенным. В качестве аналогии можно указать на венчик сосуда из постройки селища *Копнинский лес*-3 (МК. Табл. 127, № 526[27]). Кроме того, зафиксирован фрагмент белоглиняной гладкой керамики.

К востоку от Колхозной ул., между нею и р. Клязьмой, расположена роща. В послевоенный период она была обращена в два дачных участка. К югу от рощи, у подножья возвышенности, застройка существовала с XIX в. Здесь, в районе д. 7 по Колхозной ул., были обследованы огороды. Пахотный слой имеет мощность 30–35 см. Встречены немногочисленные фрагменты белоглиняной шероховатой и мореной керамики и мелкие обломки костей. На возвышенности, в районе д. 9 по Колхозной ул. также была выявлена лишь белоглиняная шероховатая и чернолощеная посуда XVIII–XIX вв. (табл. 2).

Зато на склоне возвышенности, на участке д. 8 по Колхозной ул., к югу от него, был найден материал средневекового времени: два фрагмента красноглиняной грубой кера-

[27] Здесь и далее см.: Московская керамика: Новые данные о хронологии. М., 1991.

мики (рис. 70 А, *108, 109*) и шести фрагментов белоглиняной грубой посуды (рис. 71, *110*). Большая часть белоглиняной керамики прошла неполный окислительный обжиг, что, видимо, было характерной чертой местного керамического производства. Кроме того, встречены стенки белоглиняных гладких сосудов, венчик белоглиняного шероховатого горшка и фрагмент ручки белоглиняного крашеного кувшина (рис. 71, *113, 114*). Усадьба д. 8 по Колхозной ул. расположена в тех же геоморфологических условиях, что и основная часть селища. Выявленный здесь культурный слой содержит те же типы керамики, что и на основной части селища. Все это позволяет сделать вывод, что данный участок является составной частью селища.

Можно заключить, что зона распространения культурного слоя XV – первой половины XVII в. имеет овальную форму, размеры 140 × 100 м и площадь 12 тыс. кв. м. (рис. 68). Находки **красноглиняной грубой керамики** у д. 56 а по Станционной ул. и д. 8 по Колхозной ул. (рис. 70 Б, *54, 108, 109*) позволяют говорить о наличии на памятнике материала первой половины XV в.

Следующий хронологический пласт представлен серией **белоглиняной грубой керамики**, которая была найдена на всем пространстве селища (12 тыс. кв. м) – у д. 50, 54 по Станционной ул., в шурфе № 1 и у д. 8 по Колхозной ул. (рис. 71). Венчики горшков с эллипсовидным валиком снаружи имеют многочисленные аналогии в комплексах типа *Коломенское* и *Яма 2 Исторического проезда* (около 1493 г.), *Ларино* (первая половина XVI в.), *Копнинский лес-3* (третья четверть XV в.). Имеются образцы, выполненные в весьма архаичной технике (примесь крупнозернистого песка, неполный окислительный обжиг), что дает основание отнести их к раннему периоду бытования данной посуды. Однако нельзя исключить, что эти архаичные черты являются особенностью местного производства. В том же ареале, что и белоглиняная грубая керамика, встречены образцы других видов **белоглиняной** керамики: гладкой (рис. 71, *14, 15*), шероховатой (рис. 71, *16, 28*), ангобированной (рис. 71, *18*) и крашеной (рис. 71, *18, 114*).

Зона распространения слоя второй половины XVII – первой половины XVIII в., которая примыкает к древнему поселению с юго-запада, имеет подпрямоугольную форму, размеры 110 × 150 м и площадь 13 тыс. кв. м. Материалы середины XVIII–XIX в. присутствуют в ранней части селища, но преобладающей зоной их распространения является территория к юго-западу от него вплоть до церкви Козьмы и Дамиана и участок на подоле в районе д. 7 по Колхозной ул.

Селище идентифицируется с с. Болшево, первое упоминание которого содержится в писцовой книге Московского уезда Андрея Молчанова 1576–1578 гг.[28] Подробное описание Болшева и его земель находим в писцовой книге Т.А. Хлопова 1584–1586 гг. Село принадлежало дьяку Василию Яковлевичу Щелкалову, младшему брату думного дьяка и члена правительства периода опричнины и царствования Федора Ивановича. До этого с. Болшево "*было в поместье за дьяки за Микитою за Щелепиным да за Вторым за Федоровым*" [Писцовые книги, 1872. С. 210]. Владения В.Я. Щелкалова состояли из села с церковью Козьмы и Дамиана и мельницей, пяти деревень ("*Коморовка на р. Клязьме, Копани, Костино, Усад а Посово тож, Савинское а Мелехово тож*"), пяти пустошей ("*Бобровки, Селезенева, Городище на р.Клязьме, Лошакова пустошь, что была деревня Истомы Пурышева на р. Клязьме*"). Всего в вотчине имелось 17 дворов [Писцовые книги, 1872. С. 211]. К сожалению, в описании не сказано, как эти дворы распределялись между селениями, поэтому о размерах села можно сказать, что в нем было не более 12 крестьянских дворов.

После смерти Василия Яковлевича Щелкалова (зимой 1610/1611 г.) с. Болшево, ставшее к этому времени деревней, было, по грамоте царя Михаила Федоровича, отдано боярину Федору Ивановичу Шереметьеву. В 1646 г. в Болшеве числилось 9 крестьянских дворов [Холмогоровы, 1887. С. 132]. В 1651 г. во владение Болшевом вступил князь Михаил Никитович Одоевский, женатый на дочери Ф.И. Шереметьева. После его смерти в 1652 г. Болшево переходит к его сыну Юрию Михайловичу Шереметьеву [Позамантир, Бондаренко, 1998. С. 14, 15].

При Юрии Михайловиче в Болшеве в 1680–1682 гг. на новом месте строится храм Козьмы и Дамиана и деревня вновь преобразуется в село. В 1680 г. в дозорных книгах Патриаршего приказа в с. Болшево "*Городище тож*" упоминаются "*двор боярский, в нем*

[28] Писцовые книги, 1872. С. 22. Интерпретация данного текста как части писцовой книги Андрея Молчанова 1576–1578 гг. дана в работе В.Б.Павлова-Сильванского [Павлов-Сильванский, 1996. С. 52]. Первым обратил внимание на данное известие как на наиболее раннее упоминание Болшева Б.Я. Ежов, однако он опирался на датировки издателей писцовой книги (1573/1574 г.) [Ежов, 1992].

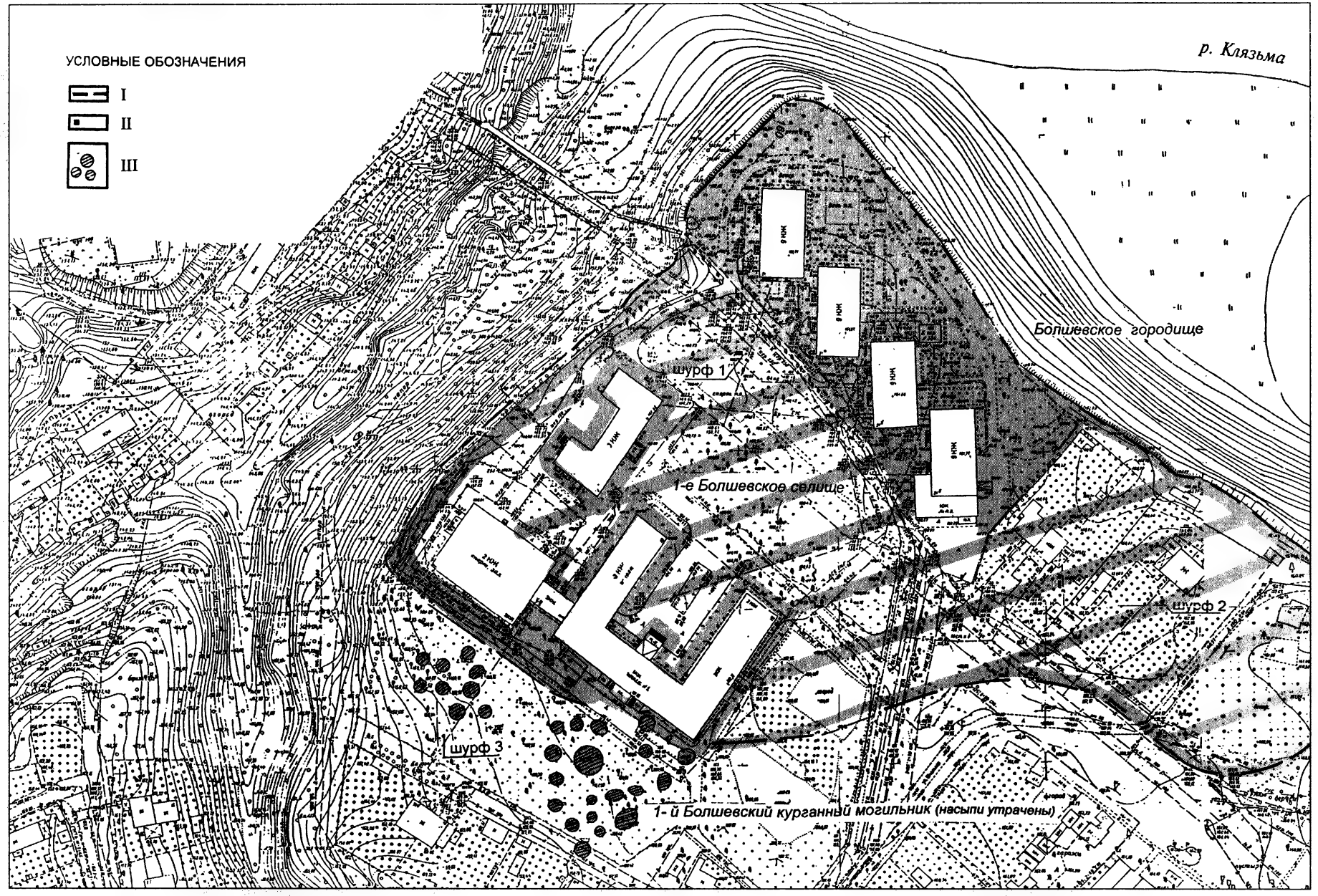

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
I
II
III
р. Клязьма
Болшевское городище
шурф 1
1-е Болшевское селище
шурф 2
шурф 3
1- й Болшевский курганный могильник (насыпи утрачены)

Рис. 65. Комплекс археологических памятников у быв. д. Городище: Болшевское городище, 1-е Болшевское селище и 1-й Болшевский курганный могильник. План

I – границы культурного слоя; II – шурфы и их №; III – локализация 1-го Болшевского курганного могильника по плану, приложенному к отчету Ю.Г. Гендуне за 1901 г. (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1901. Д. 39. Л. 23)

←

живет прикащик и 16 дворов крестьянских". Как следует из более подробного описания 1678 г., большая часть крестьянских дворов размещалась в Городищах, а в Болшеве находились лишь "*двор вотчинников, двор скотный, людей в нем 4 человека и 3 двора кабальных людей, в них 8 человек*" [Холмогоровы, 1887. С. 131, 133].

С переносом храма Козьмы и Дамиана на его нынешнее место изменяется планировка села. Прежнее местоположение на склоне возвышенности (2-е Болшевское селище – зона распространения культурного слоя XV – первой половины XVII в.) обращается в поле, а застройка складывается на вершине возвышенности, к юго-востоку от новой церкви, а также на подоле, к северу от нынешней Колхозной площади. Именно такая топография зафиксирована на наиболее раннем плане Болшева 1766 г. (рис. 60)[29]. Окончательно планировка села сложилась после того, как в 1800 г. была возведена Преображенская церковь, а в 1819 г. основная часть болшевских земель была передана Петром Ивановичем Одоевским Попечительскому обществу [Ежов, 2000а. С. 12].

Следы **Болшевского некрополя** были обнаружены в районе утраченной часовни, располагавшейся в 40 м к востоку от церкви Преображения, на территории дворовладения д. 56а по Станционной ул. Владельцы д. 54 и 56 сообщали, что при обработке огородов они постоянно выкапывают человеческие кости. Существует предание, о существовании здесь старого кладбища ("*говорили, что здесь кладбище было*"). Первое упоминание об этом содержится в публикации А.А. Спицына 1896 г. о находках в Болшеве[30]. Некрополь имеет размеры примерно 50 × 50 м и площадь 2,5 тыс. кв. м. Он расположен в северо-восточной части 2-го Болшевского селища, на склоне возвышенности к р. Клязьме, на отметках 155–158 м, в 70 м от р. Клязьмы и на 15 м возвышается над уровнем реки.

Наиболее раннее упоминание "старинного кладбища" в Болшеве содержится в Дозорной книге Патриаршего приказа 1680 г. В ней говорится: "*Ныне село Большово, Городище тож, в вотчине боярина князя Юрья Михайловича Одоевского Московского уезда, в Бохове стану, а по сказке того села старосты Ивашка Клементьева с товарыщи в селе-де Большове* ***старинное кладбище есть, а на том де месте была церковь во имя Козмы и Дамиана и та де церковь от разоренья запустела****, а церковная земля к той церкви была ль или нет того не ведают. И в нынешнем в 188 г. по благословенной грамоте св. патриарха боярин княз Юрий Михайлович Одоевский строит церковь в селе Большове, Городище тож, во имя Козмы и Дамиана* ***на новом месте от старого кладбища с четверть версты****...*" [Холмогоровы, 1887. С. 121].

В 267 м ("четверть версты") от церкви Козьмы и Дамиана 1787 г. расположена Колхозная пл., однако здесь никогда не было старинного кладбища. Поэтому наиболее вероятным представляется локализовать первоначальный храм Козьмы и Дамиана несколько ближе к новому (примерно 200 м от него), в районе утраченной часовни, показанной на плане Ю.Г. Гендуне напротив Преображенской церкви и располагавшейся (по свидетельству местных жителей) между д. 56 и 56а по Станционной ул. (рис. 68). Следовательно, некрополь, фиксируемый в этом районе, можно интерпретировать как древнее кладбище с. Болшево, упоминаемое как "*старинное кладбище*" в 1680 г. и существовавшее до смутного времени (начало XVII в.).

В 1901 г. Ю.Г. Гендуне был выявлен еще один – **3-й Болшевский курганный могильник**. В отчете за этот год Ю.Г. Гендуне писала:

"*Курганы на юго-восток от шоссе находятся на земле частного лица, которое мне любезно предоставило разрешение производить раскопки. Все четыре кургана имели продолговатую форму. Размеры их следующие:* ***1-го*** *13,5 ф. × 10, 5 ф. × 3, 5 ф.;* ***2-го*** *14 ф. × × 16 ф. × 1, 5 ф.;* ***3-го*** *15ф. × 20 ф. × 2 ф.;* ***4-го*** *12 ф. × 20 ф. × 1,5 ф. Долевая ось всех курганов шла от запада на восток с небольшими отклонениями: насыпь состояла из суглинка с редкими вкраплениями следов угля. Кур-*

[29] "Геометрический специальный план Московского уезда Бохова стану села Болшева" (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Д. Б-41).

[30] Описывая находки, сделанные рядом с Преображенской церковью при прокладке шоссе, А.А. Спицын отмечал: "*По словам местных крестьян, здесь располагалось старинное кладбище*" [Спицын, 1898. С. 116, 117].

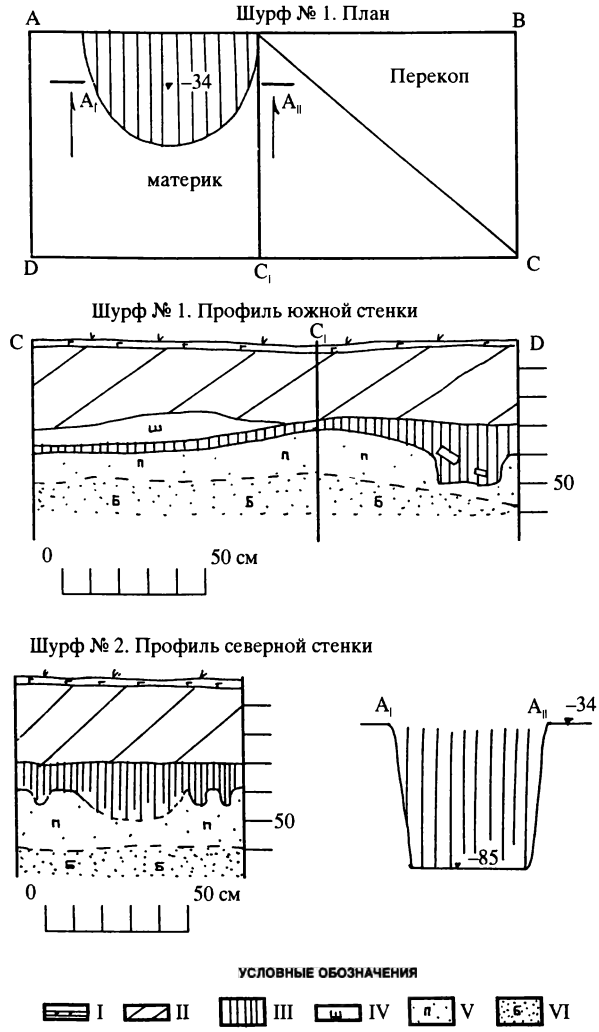


Рис. 66. 1-е Болшевское селище. План и профиль шурфа № 1; северный профиль шурфа № 2

I – дерн; II – переотложенная серая супесь; III – темно-серая гумусированная супесь с углем; IV – шлак; V – подзолистый горизонт – бурая супесь; VI – бурый горизонт – темно-бурый крупнозернистый песок

ганы были раскопаны до материка, состоявшего из бурой глины с прослойками красного речнога песка и лежащаго не глубже 3–4 футов от поверхности почвы. Находок никаких, кроме случайных, не было сделано. К этим последним принадлежат:

1) обломок железнаго ножа старого типа;

2) одиннадцать медных монет времен Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II;

3) фрагмент кремневаго наконечника стрелы неолитического периода.

Обломок ножа и монеты я не считаю стоящими интереса и не представляю их в Комиссию, фрагмент каменнаго наконечника стрелы помещен на картоне под № 8" [Гендуне, 1901. С. 6, 7].

Курганы были показаны на плане (рис. 62). Локализация их на современной геоподоснове, проведенная по описанной выше методике, показала, что они располагались на территории рощи, в пределах дачного участка по адресу Колхозная ул., д. 9 (рис. 68). Пересчет размеров курганов в метры дает: ***1-й***: 4,05 м × 3,15 м, высота 1,05 м; ***2-й:*** 4,2 м × 4,8 м, высота 0,45 м; ***3-й***: 4,5 м × 6 м, высота 0,6 м; ***4-й***: 3,6 м × 6 м, высота 0,45 м. Курганы столь малых размеров встречаются довольно редко.

§ 3. 3-е Болшевское селище на подоле

Существенным дополнением к известным ранее древнерусским древностям Болшева явилось обнаружение в 2000 г. в ходе работ Московской областной средневековой экспедиции Института археологии РАН селища на низком берегу р. Клязьмы у подножья возвышенности, на которой располагались 2-й и 3-й Болшевские курганные могильники.

Культурный слой был прослежен к северу от Колхозной пл., на первой террасе правого берега р. Клязьмы, полого спускающейся к реке. Селище лежит на отметках 141–148 м, удалено от реки на 10 м и возвышается над ее уровнем (139,95) на 1 м. Площадка поселения имеет заметный уклон к реке: величина падения уровня составляет 1 м на каждые 10 м по горизонтали. Культурный слой прослежен по берегу реки между мостом (ул. Кирова) и дамбой бывшего Шапкина моста, а также вглубь от реки, охватывая обе стороны Колхозной ул.[31]

На усадьбе д. 62 по Колхозной ул., в 20 м к востоку от него и в 95 м к северо-западу от берега р. Клязьмы И.В. Волков обнаружил венчик 00-кор-118 (рис. 70 А). Сосуд изготовлен из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты до 2 мм). Поверхности имеют буро-оранжевый цвет. В изломе черепок практически на всю глубину

[31] На усадьбах д. 62, 64, 66 по Станционной ул. пахотный слой представляет собой светло-серую гумусированную супесь, в которой встречена чернолощеная, гладкостенная, поливная керамика XVIII–XIX вв. и белоглиняная шероховатая посуда XVII–XVIII вв. (табл. 3). На участке д. 66 в стенке котлована под ленточный фундамент строящегося дома прослежен слой мощностью 40 см. По адресу Станционная ул., д. 68 осмотрены стенки ямы для погреба (восточная часть участка); культурный слой не выявлен. На западной стороне Станционной ул. (д. 53, 55, 57, 59) культурный слой не обнаружен.

Таблица 3. 3-е Болшевское селище. Распределение керамики по типам

Адрес дворовладения	XII–XIII вв	XIV–XVI вв.	Конец XVII – середина XVIII в.				Вторая половина XVIII–XX вв.			
	Курганная	Красноглиняная грубая	Белоглиняная гладкая	Белоглиняная шероховатая	Краснолощеная	Чернолощеная сплошь	Гладкостенная и крынки	Поливная	Изразцы	Шифр
Станционная ул., д. 55, 57									Зеленый 1, рельефные 5	
Станционная ул., д. 66				5				2	Зеленый 1, рельефные 5	
Станционная ул., д. 62	1 (1)					1	3		Зеленый 1, рельефные 5	118
Шурф №2, верхний слой				1 – ангоб (1)			крынка (1)			119
Шурф №2, нижний слой	4 (4)	1 (1)	2	5 (1)	1 (1)	3 (3)	3 (2) 2			120–132
Всего	5	1	2	11		5	7	2		

имеет такую же окраску, лишь ядро имеет буро-серый оттенок, что свидетельствует о том, что он прошел почти полный окислительный обжиг. Край горшка сильно отогнут и завершается валиком внутри сосуда, который образует упор под крышку. Данная форма (1-й вариант курганной керамики) имеет аналогии в датированных погребениях. В качестве ближайших аналогий можно указать на горшок приземистых форм из *кургана № 2 могильника Битягово*, датируемого по вещам первой половиной – серединой XII в., и фрагмент венчика со дна *сруба 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248 и 1251 гг.) (МК, Табл. 10, № 73. Табл. 30, № 783).

В 43 м к северо-западу от р. Клязьмы и в 62 м к юго-западу от края дамбы Шапкина моста был заложен **шурф № 2** (1 м × 1 м)[32] (рис. 68). Верхний пахотный слой (0–25 см) содержал крынки XIX в. и другой поздний материал. Нижний слой (–25 – –60 см) был сложен темно-серой гумусированной супесью, которая практически не была затронута перекопами. Ранний материал представлен стенкой курганного горшка с горизонтальным орнаментом (00-кор-122) и фрагментом шейки красноглиняного грубого горшка (00-кор-120) (рис. 70)[33]. Нижняя часть этого слоя содержала угольки и залегала на материке. Здесь были встречены стенки сосудов толщиной 8 мм, 6 мм, 8 мм: 00-кор-130, 00-кор-131, 00-кор-132 (рис. 70 А). Первые два из них изготовлены из глины с примесью крупнозернистого песка и прошли неполный окислительный обжиг. Украшены размашистым волнистым и горизонтальным орнаментом. Технология изготовления и орнаментация типичны для курганной керамики. Фрагмент 00-кор-132 прошел полный окислительный обжиг: на поверхностях и в изломе имеет однородный буро-красный цвет. Он может быть причислен как к курганной, так и к сероглиняной посуде.

[32] Работы велись под наблюдением В.Ю. Дукельского.

[33] Поздний материал включал 5 фрагментов белоглиняной шероховатой, чернолощеной (00-кор-125–127) и краснолощеной керамики (00-кор-128). Два венчика (00-кор-123–124) имеют включения крупнозернистого песка, черепок в изломе не прокален, так как прошел неполный окислительный обжиг. Однако форма верхней части сосуда (эллипсовидный валик снаружи при заваленном внутрь венчике и округлой форме горшка) свидетельствует, что перед нами не белоглиняная грубая посуда XVI в., а гладкостенная керамика рубежа XVII–XVIII вв., выполненная в архаичной технологии, – аналогичный материал встречен в комплексе с монетой 1707 г. [Чернов, 2002 б. С. 82, 83].

Рис. 67. 2-й Болшевский курганный могильник. Место, где были найдены во время строительства шоссе в 1896 г. кости и украшения при них

Фотография сделана в мае 2000 г. Судя по плану Ю.Г. Гендуне 1901 г., находки были сделаны к югу от церкви Преображения 1800 г. (в настоящее время в здании размещается администрация пос. Болшево)

Особый интерес представляют обнаруженные в нижнем слое 9 фрагментов **лепной "текстильной" керамики** (рис. 69), начала раннего железного века или позднего бронзового века.

В 2003 г. на памятнике были проведены рекогносцировочные раскопки. Заложены шурфы № 3–6 общей площадью 32 кв. м (по 8 кв. м) [Чернов, 2003]. Шурф № 3 попал на позднюю яму. На остальной его части слой (30–40 см) был перемешан в ходе распашки. Доминировала керамика XIX–XX вв., белоглиняная шероховатая гладкая и чернолощеная посуда XVII – XVIII вв. Встречено два фрагмента древнерусской керамики и два серых венчика. Один из них имел ранний вариант завершения с подтреугольным валиком изнутри, второй – срезанный. Подобная керамика характерна для *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 34) Шурф № 4, заложенный у подножья террасы в 2 м от поймы, зафиксировал падение мощности слоя от 40 до 20 см. Слой также переотложен. Встречено три фрагмента древнерусской посуды, в том числе сильно профилированный венчик с округлым валиком 1-го варианта, который бытовал во второй половине XII–XIII в. Несколько фрагментов курганной посуды встречено и в шурфе № 6.

Непотревоженный слой был выявлен лишь в шурфе № 5, который в своей западной части примкнул к шурфу № 2. Он был заложен в 40 м от реки, на отметках 143,50–144 м над уровнем Балтийского моря, или на 2,7–3,3 м над уровнем р. Клязьмы. В центральной и западной части под пахотным горизонтом (мощностью 25 см) выявились культурные отложения, залегавшие in situ. Они включали два горизонта. Верхний (мощностью 10 см) представлял собой смесь бурого суглинка и серой гумусированной супеси. В южной стенке на границе квадратов 1 и 2 он доходил до 25 см, а затем резко выклинивался в восточном направлении. Перед нами восточная оконечность развала глинобитной печи. Под ним зафиксирован второй горизонт, который, как и в шурфе № 2, содержал древнерусскую керамику. Он пред-

ставлял собой темно-серую гумусированную супесь, которая не была затронута перекопами и залегала непосредственно на материке.

В 40 м к югу от шурфа № 5 и в 15 м от р. Клязьмы, близ склона овражка, там, где первая терраса более круто обрывалась к р. Клязьме (отметка 144 м при расстоянии до реки всего 15 м), в шурфе № 7 (1 м × 1 м) в переотложенном слое (мощность 60 см) было найдено девять фрагментов сосудов, которые могут быть отнесены к курганной или ранней серой посуде. Фрагменты имеют толщину 5–11 мм. Сформованы из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты до 2 мм), трехслойны в изломе (поверхность бурая, внутри – серые), т.е. не прошли полный окислительный обжиг. Один из них несет штампованый орнамент в виде ряда треугольников, аналогии которому встречены на горшках из датированных погребений: *кургана № 1 могильника Никольское-1 на Клязьме* начала XII в. и *кургана № 2 могильника Битягово* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 4, № 1; Табл. 10, № 6).

Таким образом, установлено, что в центральной части селища сохраняются участки древнерусского культурного слоя, который может быть предварительно датирован в пределах второй половины XII–XIV в. Древнерусский материал, который можно уверенно отнести к XII – первой трети XIII в., зафиксирован на пространстве не менее 80 м вдоль берега Клязьмы и на 100 м вглубь от реки. Размеры поселения определяются в 5–8 тыс. кв. м.

§ 4. Бурковский археологический комплекс

Менее чем в 1 км к востоку от места д. Городище, в роще, на высоком правом берегу р. Клязьмы, расположены Бурковское селище и курганы. Они занимают периферийное положение в Болшевском кусте памятников, но, благодаря хорошей сохранности поселения, могут пролить свет на хронологию болшевских древностей.

1-й Бурковский курганный могильник расположен в 150 м к западу от д. Бурково, на территории детского сада МГУ (рис. 61, *9*). Он был выявлен А.В. Збруевой в 1932 г. в рамках археологических разведок, проводившихся Государственной академией истории материальной культуры в зоне строительства канала Москва–Волга. В первой публикации приведены краткое описание могильника под названием "3-й Болшевский курганный могильник", его инструментальный план и две фотографии [Бадер, 1935. С. 53, 54], а во второй – развернутое описание, данные обмеров и переиздана в более качественном исполнении одна из ранее напечатанных фотографий [Бадер, 1947. С. 100, 101]. Приведем эти описания:

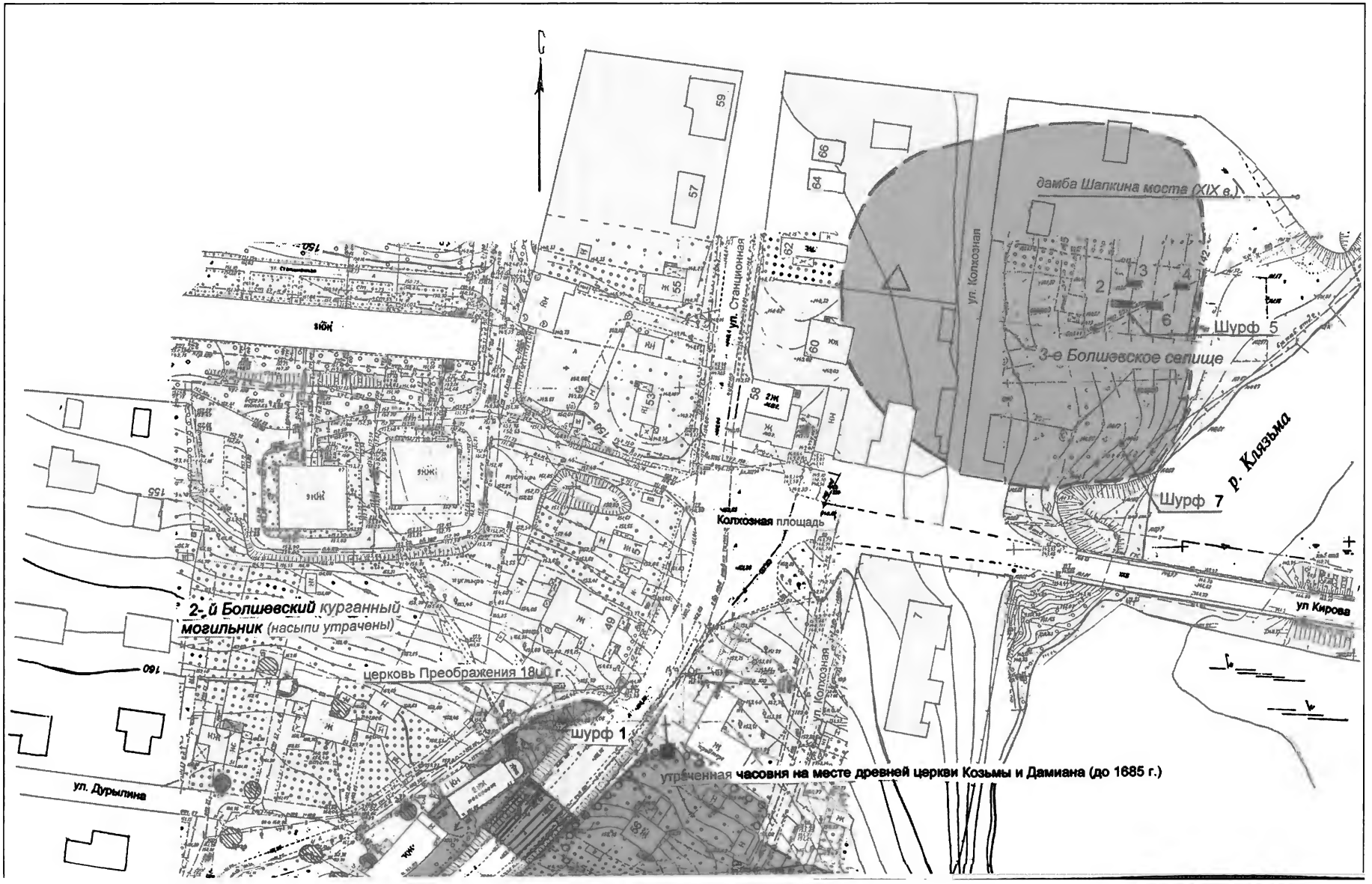
"Расположен на мысу высокого правого берега р. Клязьмы, ограниченно с юго-запада и севера склонами оврагов, с северо-запада – поймой р. Клязьмы и с востока – оградой Биологической станции, выходящей далеко в поле. Восточная часть могильника находится внутри этой ограды, и некоторые курганы испорчены при устройстве станции... В 1932 г. в могильнике можно было насчитать 29 курганов. Весь мыс густо порос смешаным лесом, покрывающим и большую часть курганов" [Бадер, 1947. С. 100].

"Могильник состоит из 29 курганов, большинство которых раскопано. Одни курганы раскопаны колодцем, другие имеют ямы на вершине насыпи или, редко, канавки сбоку. Курганы имеют различную величину: при диаметре от 4 до 10 м, высота курганной насыпи колеблется от 0,6 до 1,7 м" [Бадер, 1935. С. 53, 54]. В издании 1947 г. О.Н. Бадер добавляет: *"Большая часть курганов раскопана, и потому некоторые из них не поддаются измерениям. Так, от кургана № 3 сохранились лишь остатки, у № 4 срыты бока, курган № 6 срыт. В насыпях курганов № 7, 17, 26, и 29 имеются ямы, а в курганах № 2, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 25 и 27 раскопаны колодцем"* [Бадер, 1947. С. 100].

→

Рис. 68. Болшевский археологический комплекс: 2-е Болшевское селище, 2-й Болшевский курганный могильник и Болшевский некрополь (на Станционной ул. в пос. Болшево), 3-е Болшевское селище (у Колхозной пл.), 3-й Болшевский курганный могильник (на Колхозной ул.)

I – участки, на которых зафиксирован культурный слой древнерусского времени; II – границы распространения культурного слоя XVI в. 2-го Болшевского селища; III – границы распространения культурного слоя XVII в. 2-го Болшевского селища; IV – границы распространения культурного слоя 3-го Болшевского селища; V – шурф и его №; VI – локализация 2-го и 3-го Болшевских курганных могильников по плану Ю.Г. Гендуне 1901 г. (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1901. Д. 39. Л. 23); VII – местонахождение костей и украшений при них, обнаруженных в ходе строительства шоссе в 1896 г. по плану Ю.Г. Гендуне 1901 г.; VIII – Болшевский некрополь XIV–XVI вв. (примерные границы зоны фиксации следов погребений)


дамба Шапкина моста (XIX в.)
ул. Колхозная
ул. Станционная
Шурф 5
3-е Большевское селище
р. Клязьма
Шурф 7
Колхозная площадь
2-й Большевский курганный могильник (насыпи утрачены)
церковь Преображения 1800 г.
шурф 1
утраченная часовня на месте древней церкви Козьмы и Дамиана (до 1685 г.)
ул. Дурылина
ул Кирова

2-е Болшевское селище
3-й Болшевский курганный могильник (насыпи утрачены)
р. Клязьма
ул. Станционная
церковь Козьмы и Дамиана 1787 г.
0 10 50 м
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII

В 1980 г. курганную группу обследовал Р.Л. Розенфельдт. Им был составлен глазомерный план, который был приложен к паспорту памятника, составленному 1 июля 1981 г. На момент обследования в курганной группе сохранилось 18 курганов. Р.Л. Розенфельдт высказал предположение о том, что "какие-то курганы, возможно, в этом могильнике раскапывались В.А. Городцовым между 1919 и 1923 гг. Находки из его раскопок в ГИМ" [Розенфельдт, 1980]. На основании этого предположения он датировал могильник XII–XIII вв.

Курганный могильник (рис. 72, III) расположен в липовой роще, на мысу коренного берега реки, ограниченном с запада и востока оврагами, а с севера – склоном к реке. Он находится на отметках 158–160 м и возвышается над уровнем р. Клязьмы (140 м) на 18 м. Расстояние до реки 170 м. В 2000 г. зафиксировано несколько грабительских шурфов.

В 1980 г. в ходе обследования Бурковских курганов Р.Л. Розенфельдт в 70 м от него к востоку зафиксировал **грунтовый могильник** средневекового времени. Исследователь записал, что по данным местных жителей, в 1950-е гг. при земляных работах здесь были обнаружены погребения с нательными крестами. Как показало наше обследование, этот могильник находится в центральной части детского сада МГУ, на краю второй террасы р. Клязьмы в смешанном лесу (рис. 72, IV), на отметках 159–159,50 м, и возвышается над уровнем р. Клязьмы на 19 м.

В 2000 г. в 60 м к западу от 1-го Бурковского курганного могильника было выявлено **1-е Бурковское селище** (рис. 61, *11*). Оно расположено в северной части участка Летних дач "Болшево" Газпрома, в 320 м к западу от д. Бурково и в 250 м к северу от входа на территорию дач. Древнее поселение занимает мыс (отметки 155–160 м) при впадении в пойму р. Клязьмы оврага и возвышается над уровнем р. Клязьмы (140 м) на 15 м. Расстояние до реки – 100 м, склон крутой (падение уровня – 3,75 м на каждые 10 м по горизонтали). Площадка поселения имеет слабый уклон в сторону реки (падение уровня составляет соответственно 1 м) (рис. 72, I).

Селище находится в старовозрастном липовом лесу (цв. вкл., рис. 17). Культурный слой сохранился in situ[34], так как на протяжении последних столетий распашка на этой территории не производилась. Размеры памятника определены по обнажениям, которых много, поскольку травянистый покров в лесах такого типа довольно редкий. Черный слой четко выделяется на фоне окружающих светлых супесчанных почв. Селище имеет овальную форму, размеры 95 × 55 м и площадь 3,5 тыс. кв. м.

Для изучения стратиграфии памятника и установления его даты в 12 м к северу от дачи № 9 был заложен **шурф № 1** (1 м × 0,5 м)[35] (рис. 73). Нивелировка поверхности показала, что северная стенка шурфа на 15 см ниже южной. Раскопки верхнего слоя велись по пластам, ориентированным вдоль уровня дневной поверхности. Нижние горизонты раскапывались по слоям.

Под дерном залегала темно-серая гумусированная супесь, образующая верхний слой (пласты 1 и 2). По мере заглубления цвет слоя становился более темным за счет углей. Верхние горизонты пласта 3 также были представлены темно-серой гумусированной супесью. По мере разборки пласта этот слой стал выклиниваться: на отметке – 42 см в юго-западном углу шурфа, на отметке – 50 см – в юго-восточном углу шурфа, на отметках –50 – 60 см на остальной площади и на отметке – 67 см – в северо-восточном углу шурфа. В верхнем культурном слое было найдено 29 фрагментов курганной керамики, которые получили инвентарные номера с 133 по 145 (пласт 1), с 146 по 152 (пласт 2) и с 153 по 161 (пласт 3) (рис. 74). Как показала зачистка пласта 3, проведенная на отметках –60 – 67 см, под темно-серой гумусированной супесью залегали: бурая слабогумусированная супесь (в южной части шурфа) и черная гумусированная супесь (в северной части шурфа).

Далее разбирался средний слой (черная гумусированная супесь), который перекрывал бурую супесь. В центральной и северной частях шурфа он образовывал толщу пласта 4, а в северо-западном углу шурфа уходил в пласт 5, достигая отметки 87 см. Слой был насыщен мелкими фрагментами угля курганной керамики (31 фрагмент – инвентарные номера с 162 по 192 – рис. 75). Кроме того, был обнаружен зуб особи, относящейся к крупному рогатому скоту (рис. 75, внизу справа).

После разборки черной супеси по всей площади раскопа обнажилась поверхность нижнего слоя, который представлял собой бурую слабогумусированную супесь, сфор-

[34] Культурный слой нарушен двумя деревянными одноэтажными строениями летних дач, возведенных на ленточном фундаменте (№ 9 и 10, размеры дач 18 × 8 м).

[35] Перпендикуляр до шурфа был отложен от стены западной дачи, в 3 м к западу от ее северо-восточного угла.

мированную на основе желтого материкового песка. Поверхность этого слоя имела заметный уклон в северном направлении от отметки –42 см в юго-западном углу шурфа до отметки –87 в северной его части (падение 45 см на 1 м). Под бурой супесью повсеместно залегал материк, представленный желтым речным песком. Поверхность материка имела уклон в северном направлении (к реке) от отметки –70 у южной стенки шурфа до отметки –98 см – у северной (падение 28 см на 1 м). Слой не содержал керамики.

Анализ профилей стенок (рис. 73) дал основание предполагать, что шурф попал на южную окраину подполья древнего жилого сооружения. Стратиграфия, включающая слабогумусированный нижний слой и гумусированный и насыщенный углем – средний, весьма типична для заполнения подполов средневекового времени. Нижний слой откладывался в период жизнедеятельности сооружения, а средний – в ходе ее разрушения при пожаре.

Керамический материл, собранный в верхнем и среднем слое (рис. 74, 75), представляет исключительный интерес. Материал из нижнего слоя отражает набор посуды, бытовавшей в период функционирования жилого сооружения. Что касается верхнего слоя, то теоретически он мог включать разновременный материал. Однако, учитывая, что материал из верхнего слоя включает крупные фрагменты сосудов, есть основания полагать, что последние, по большей части, также отложились в период разрушения сооружения.

В технологическом отношении керамика весьма разнообразна, хотя в целом вписывается в характеристики, типичные для курганной посуды. Сосуды имеют стенки толщиной от 5 до 8 мм (близ донца до 10 мм). Изготовлены из красно- и беложгущейся глины. В качестве примеси использовался по большей части шамот (толченый гранит), крупнозернистый песок (кварциты до 1,5 и 2 мм – № 146, 154, 149, 177). Имеются, впрочем, сосуды, где количество крупнозернистого песка в тесте невелико и соответственно поверхность свободна от неровностей (№ 162, 164, 165, 168, 176).

По форме завершения сосуды, встреченные в верхнем слое, относятся к трем вариантам курганной керамики. Фрагменты 00-кор-146 принадлежит к 3-му варианту с сильно профилированным венчиком и секировидным валиком снаружи. Тесто перенасыщено шамотом, отчего поверхность сосуда стала бугристой. Цвет черепка бурый как на поверхностях, так и в изломе. Данный вариант широко представлен в подмосковных курганах. В качестве аналогии можно указать на горшок из *кургана № 8 могильника Михайловская слобода*, который датируется по вещам первой половиной – серединой XII в. (МК. Табл. 8, № 2).

Фрагмент 00-кор-149 принадлежит к более редкому варианту. Венчик практически прямой с желобком по поверхности. Плечики резко расширяются и украшены двумя рядами штампованного орнамента. Обжиг неполный окислительный: снаружи сосуд темно-бурый, внутри – серый, в изломе – черный. Среди горшков из датированных погребений в подмосковных курганах аналогий нет. Зато они есть среди горшков селища *Дьяково-пойма*, которые датируются Н.А. Кренке концом XI – первой половиной XII в. (рис. 46 А, *4, 6*)[36].

Два горшка принадлежат к 7-му варианту. Это приземистые горшки-миски с высоким воронкообразным горлом. Венчик 00-кор-33 близок горшку из *кургана № 9 могильника Черемушки* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 9, № 5), а 00-кор-147–148 – богато орнаментированному горшку-миске из *кургана № 8 могильника Волково* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 11, № 3). Следует отметить, что данный вариант продолжал бытовать и в первой половине XIII в. (комплекс из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* – МК. Табл. 22, № 280). Оба сосуда обожжены довольно плохо: поверхности темно-бурые, в изломе черепок черный.

Сосуды богато орнаментированы (рис. 74). Преобладает горизонтальное рифление (10 из 12 орнаментированных фрагментов). Полосы довольно широкие (2–3 мм), выполнены по сырой поверхности. Два сосуда украшены штампованным орнаментом: описанный выше 00-кор-149 – вертикально ориентированными вдавлениями на плечиках, а горшок 00-кор-154 – наклонными полосами из трех вдавлений (длиной 0,5 см) по тулову. Подобный орнамент (только число вдавлений там пять) имеется на горшке из комплекса XII в. *селища Алексеевка-2 на р. Воре* (МК. Табл. 18, верхний слева) и в уже упоминавшемся комплексе из *селища Дьяково-пойма* (рис. 46 А, *2, 6, 7*).

Перейдем теперь к керамике, собранной в заполнении ямы (средний слой – черная гумусированная супесь) и представляющей собой часть закрытого комплекса (рис. 75).

Горшок 1 представлен венчиком (00-кор-162), фрагментами плечика (00-кор-164), центральной (00-кор-178) и нижней частями

[36] См. описание этого керамического комплекса в гл. 10 наст. изд.

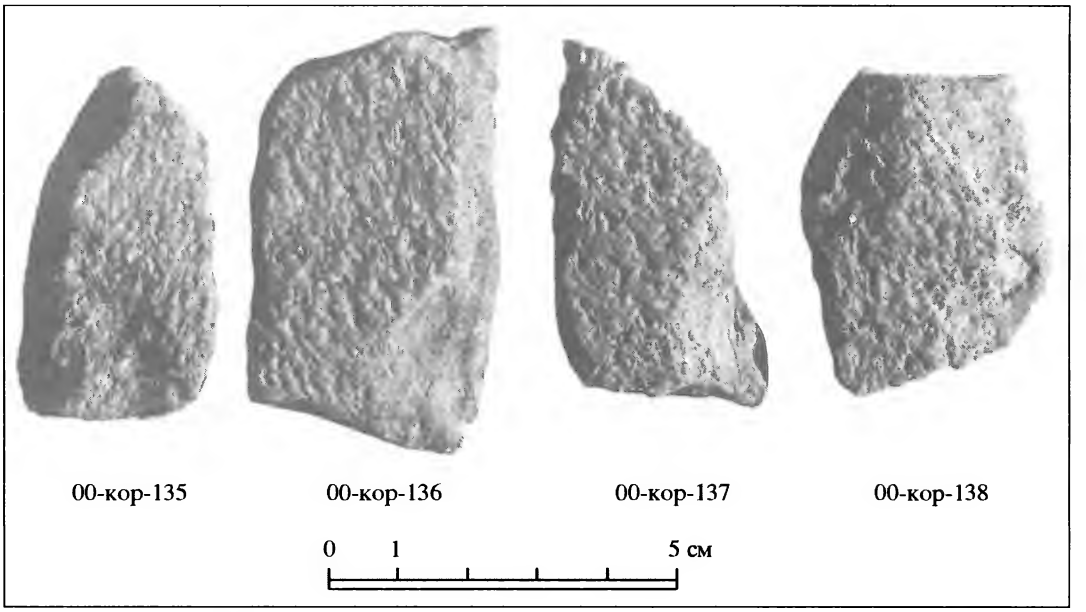


Рис. 69. 3-е Болшевское селище. Лепная текстильная керамика из нижнего горизонта шурфа № 2

тулова (00-кор-165) и донца (00-кор-176, 180). Тесто содержит небольшое количество крупных (до 2 мм) кварцитов. Сосуд прошел неполный окислительный обжиг: поверхности имеют светло-бурый цвет, а в изломе черепок серый, почти черный. Поверхность заглажена. Размеры горшка средние – диаметр его венчика 20 см, стенки толщиной от 8 до 11 мм. По форме завершения горшок принадлежит к 4-му варианту курганной посуды. Он имеет профилированный и срезанный венчик с желобком по краю. Украшен одной полосой волнистого орнамента по плечикам и редким горизонтальным орнаментом по тулову. В качестве аналогий можно указать горшки из погребений *кургана № 40 могильника Балятино* и *№ 21 могильника Волково*, датируемых по вещам первой половиной – серединой XII в. (МК. Табл. 12, № 3, 4), и сосуд, найденный на *селище Дьяково-пойма* (рис. 46 Б, *6, 7*).

Горшок 2 изготовлен из беложгущейся глины. Сохранились венчик (00-кор-166) и два фрагмента тулова (00-кор-67, 00-кор-72). Тесто содержит примеси из крупнозернистого песка и шамота (кварциты до 2 мм). Так же, как и предыдущий горшок, он прошел неполный окислительный обжиг – поверхности белого цвета, а в изломе серо-черный. Стенки толщиной 6–7 мм. По форме венчика принадлежит к 6-му варианту с отогнутым наружу слабо профилированным срезанным венчиком с закраинами. Орнаментирован горизонтальным рифлением по плечикам и двумя линиями волнистого орнамента – по тулову. Горшки такого типа бытовали долго. Они встречены как *на селище Дьяково-пойма* конца XI в. (рис. 46 А, *2*), так и в *нижнем слое Богоявленского монастыря* первой трети XIII в. (МК. Табл. 21, № 50).

Горшок 3 представлен фрагментом 00-кор-168 с отогнутым наружу сильно профилированным венчиком, округлым валиком снаружи и желобком под крышку. По технике изготовления он мало отличается от горшка 1 (черный в изломе). Аналогия этому сосуду также отыскивается среди сосудов из датированных курганных погребений. Идентичный по форме верхней части горшок происходит из *погребения могильника Поваровка* (раскопки 1937 г.), которое имеет широкую дату – XII в. (МК. Табл. 13, № 3).

Горшок 4 представлен лишь венчиком (00-кор-169). Край сосуда имеет почти вертикальную постановку, будучи лишь немного отогнут наружу и срезан (4-й вариант). Подобная форма типична для керамики начала XII в. (МК. Табл. 4), но продолжала бытовать и позднее. Она представлена в комплексе из сооружения *селища Алексеевка-2 на р. Воре* (МК. Табл. 19, нижний ряд).

Горшок (?) 5 (донце диаметром 9 см и нижняя часть тулова – 00-кор-177, 00-кор-173) изготовлен из красножгущейся глины с шамотом, прошел неполный окислительный обжиг (поверхности бурые, в изломе – черный). Фрагменты стенок украшены глубоким горизонтальным рифлением (00-кор-170, 174), волнистым орнаментом (00-кор-171) и штампом (00-кор-175).

Керамический комплекс из Буркова имеет большое число аналогий с керамикой селища *Дьяково-пойма* конца XI – первой половины XII в. (срезанные венчики в сочетании с орнаментом, нанесенным штампом и палочкой с веревочкой). В то же время в нем присутствует горшок 3 1-го варианта с округлым валиком, которые появляются в погребениях, датированных первой половиной – серединой XII в. С погребениями этого времени имеется целая серия аналогий. Таким образом, постройку можно датировать первой половиной XII в.

Раскопки на других участках поселения могли бы показать, имеются ли на памятнике сооружения второй половины XII – первой трети XIII в. Однако учитывая отсутствие серой и красноглиняной керамики, можно заключить, что поселение пришло в запустение не позднее первой трети XIII в. и времени Батыева нашествия.

Ниже Бурковского комплекса по течению р. Клязьмы имелось еще одно поселение древнерусского времени. На это указывает **2-й Бурковский курганный могильник** (на ул. Чернышевского) (рис. 61, *13*). В "Материалах к археологической карте Москвы" О.Н. Бадер сообщает о попавшем в его руки плане "Бурковский курганный могильник" из 8 насыпей диаметром примерно по 4 м [Бадер, 1947. С. 101]. В 1949 г. эта группа была обследована краеведом М.Е. Макаренковым. Она оказалась расположенной в 300 м к востоку от д. Бурково, на высоком правом берегу р. Клязьмы, на заросшем деревьями участке дачи № 110 Северного поселка, по Электрозаводской ул., д. 4, на территории Бауманского дачно-строительного кооператива. Состояла из 8 курганов, из которых 4 сохранились хорошо, а остальные раскопаны кладоискательскими ямами [Розенфельдт, 1988, С. 950, 951]. По данным Б.Я. Ершова, курганы сохранились на территории дворовладения к югу от перекрестка улиц Чернышевского и Тургенева, в 300 м к востоку от д. Бурково. Могильник удален на 160 м к югу от края поймы р. Клязьмы и расположен на склоне второй террасы реки на отметке 155 м, т.е. на высоте 15 м над уровнем реки. В д. Бурково, на правом берегу р. Клязьмы (рис. 61, *12*), древнерусского материала не найдено[37]. Видимо, поселение, относившееся к могильнику, следует искать ниже по течению Клязьмы.

[37] В сборах встречена белоглиняная грубая керамика (XVI в.), белоглиняная гладкая, шероховатая и моренная посуда (XVII в.), деньга 1730–1740-х гг. и пуговица XVIII в. Поселение занимает склон второй террасы и первую террасу р. Клязьмы. Культурный слой фиксируется в 10 м от берега р.Клязьмы, на высоте 2 м над уровнем реки (140 м). Южная, возвышенная, часть поселения расположена на отметках 150–152 м. Культурный слой различной степени насыщенности материалом фиксируется от берега р. Клязьмы на юг вдоль улицы деревни на пространстве в 300 м при ширине до 200 м. Площадка селища имеет слабый уклон в сторону реки. Возможно, первое упоминание поселения содержится в писцовой книге Московского уезда Т.А. Хлопова 1584–1586 гг., где среди пустошей с. Болшево, которые числились в поместной раздаче, названы "*пустошь, что была деревня Быкова*" и "*пустошь, что была деревня Власовская*" [Писцовые книги.., 1872. С. 226], которая локализуется к югу от д. Бурково на месте д. Власово.

§ 5. Селище Баскаки

В 200 м к востоку от 3-го Болшевского селища и дамбы Шапкина моста, на противоположном, левом, берегу Клязьмы, на низком остроугольном мысу сохранились строения д. Баскаки. Здесь в 2000 г. И.В. Волковым было выявлено древнее поселение (рис. 61, *16*). Культурный слой селища выявлен на первой надпойменной террасе коренного берега р. Клязьмы, на усадьбах д. 9, 11, 13, 15 северного порядка ул. Кирова. Селище удалено от берега р. Клязьмы на 20 м и возвышается над уровнем реки (отметка 140,6 м) на 1 м (рис. 76). Оно занимает край выположенного мыса, глубоко вдающегося в пойму Клязьмы в районе ее излучины. Восточная оконечность селища лежит на отметке –145 м, а западная на отметке –141 м. Падение уровня площадки составляет 18 см на каждые 10 м по горизонтали. Площадь селища (240 × 120 м) не более 25 тыс. кв.м, однако точные размеры располагающегося в этих пределах древнерусского поселения установить пока не удалось.

Сбор подъемного материала производился на усадьбах д. 11 и 13[38].

Шурф № 1 (1 × 1м), заложенный в 15 м к юго-востоку от д. 11, вскрыл культурный слой (25–30 см), представляющий собой перепаханную гумусированную супесь с обильными включениями органики и мелкими фрагментами керамики. На отметках –26 – –31 см прослежен материк – крупнозернистый желтый

[38] Д. 11 и 13 – двухэтажные строения начала XX в. владельцев Болшевской красильной фабрики. Сохранились остатки аллеи, ведущей от д. 13 вдоль р. Клязьмы к Дому творчества кинематографистов. По сведениям жителей д. 11 и 13, при земляных работах и обработке приусадебных участков здесь неоднократно находили монеты XVIII–XX вв. и "старые вещи". Одна из монет была предоставлена для определения (серебряный рубль 1815 г.).

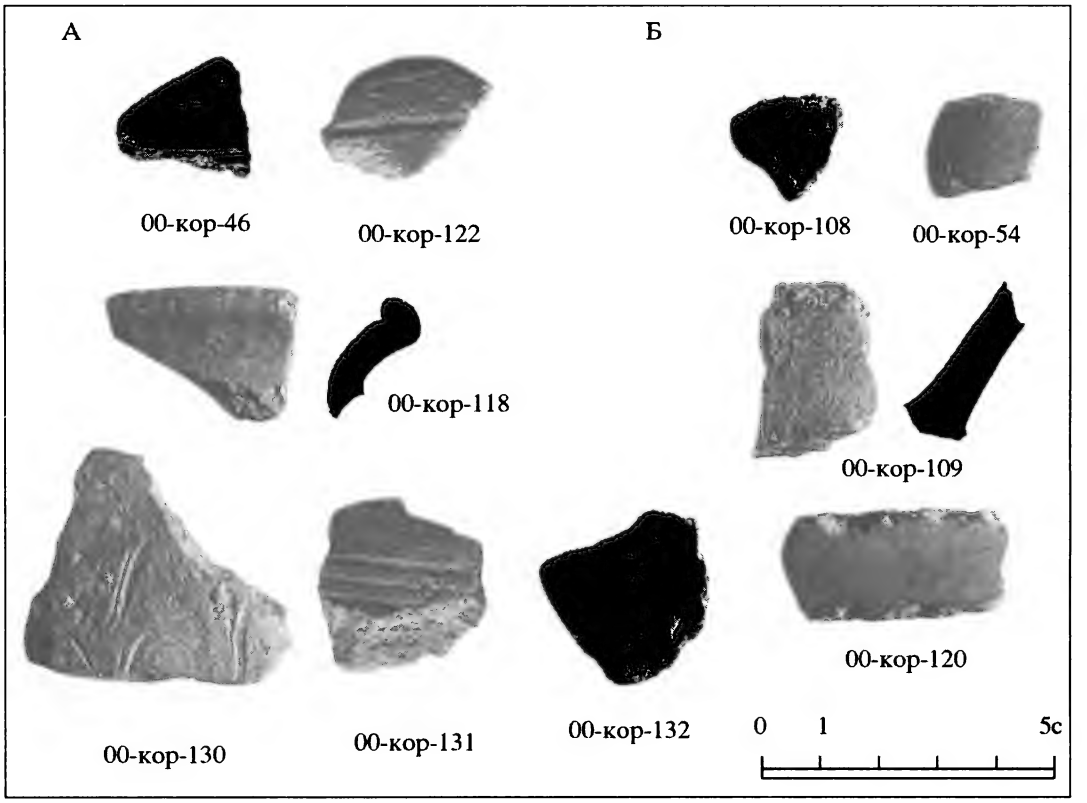


Рис. 70. А – древнерусская (курганная) керамика 2-го и 3-го Болшевских селищ

2-е Болшевское селище: 46 – стенка с горизонтальным рифлением (шурф № 1 у церкви Преображения; слой балласта);

3-е Болшевское селище: 118 – венчик курганного горшка, найденный на усадьбе д. 62 по Станционной ул.; 122 – стенка курганного горшка с горизонтальным рифлением – шурф № 2 у Шапкина моста, верхний слой; 130–132 – стенки курганных горшков с волнистым и линейным орнаментом – шурф № 2 у Шапкина моста, средний слой;

Б – серая или красноглиняная грубая керамика 2-го и 3-го Болшевских селищ

2-е Болшевское селище: 54 – фрагмент стенки из сборов на усадьбе д. 56а по Станционной ул. (в районе утраченной часовни на месте древней церкви Козьмы и Дамиана); 108, 109 – стенка и донце из сборов у д. 8 по Колхозной ул. (восточная часть селища);

3-е Болшевское селище: 120 – фрагмент шейки горшка из среднего слоя шурфа № 2 у Шапкина моста

песок. При осмотре выемок грунта на усадьбе д. 15 была определена восточная граница распространения культурного слоя, проходящая примерно по середине этой усадьбы.

Курганная древнерусская посуда представлена шестью фрагментами (рис. 77, левая часть снимка). Фрагмент 00-кор-193 – часть шейки и плечика небольшого горшка (толщина стенки 3 мм), украшенного по сырой поверхности пятью (или более) полосами линейного орнамента. Полосы глубокие (до 1 мм), шириной от 1,5 до 2 мм. Сосуд изготовлен из красножгущейся глины с среднезернистым песком (кварциты до 1 мм). При обжиге получил ровный темно-бурый цвет. Фрагмент 00-кор-194 – часть стенки горшка, украшенной волнистым орнаментом (толщина стенки 3 мм). Состав теста примерно такой же, но цвет сосуда иной: на поверхности бурый, в изломе светло-бурый с розовым оттенком. Фрагмент 00-кор-196 – стенка массивного горшка (толщина 5 мм). Он изготовлен из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты до 2 мм). Обжиг довольно ровный: как поверхности, так и внутренняя часть черепка имеют темно-бурый цвет. Украшен редкими (через 1 см) полосами горизонтального орнамента, нанесенного по сырой поверхности (ширина полосы 3 мм).

Четыре фрагмента могут быть отнесены к **сероглиняной керамике** (рис. 77, центральная часть снимка). Все они изготовлены из красножгущейся глины, которая в ходе почти полного окислительного обжига получила ровный бурый или серо-бурый цвет. В изломе видно, что сердцевина черепка не прокалилась в полной мере и имеет серый цвет, поверхность сосудов заглажена. Венчики 00-кор-199 и 00-кор-200 принадлежат к 4-му варианту серой керамики, который характеризуется слабой профилировкой и наличием небольшого валика снаружи. Их аналогии имеются в *срубе 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251 гг.) (МК.

Таблица 6. Селище Баскаки на ул. Кирова. Распределение керамики из шурфа 1

Тип керамики	Курганная	Серая	Красноглиняная гладкая	Белоглиняная грубая	Белоглиняная шероховатая
Количество	6	4	2	1	2
Шифр	193–198	199–202	203–204	205	206, 207

Табл. 33, № 939б и др.), *Яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 39, № 2124) и *комплексе Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 89) (первая половина XIV в.). Весьма характерным для серой керамики является и стенка горошка 00-кор-201 с горизонтальным орнаментом, нанесенным по просушенной поверхности сосуда.

Следующая группа керамики включает фрагменты красноглиняной гладкой, белоглиняной грубой и шероховатой посуды, которая может быть датирована в пределах последней четверти XV–XVII в. (рис. 77, правая часть).

К северу от д. 11 близ ограды участка, проходящей вдоль берега р. Клязьмы, была найдена бусина 00-кор-208 (рис. 77).

Памятник может быть датирован XII–XVII вв. Он идентифицируется с д. Баскаки, известной с 1680 г. [Холмогоровы, 1887. С. 131]. Наличие материалов XII–XIV вв. позволяет предполагать, что это селище, расположенное на "на́волоке", напротив подольного Болшевского поселения, было связано с последним.

§ 6. К изучению Яузского волока

В период древнерусского освоения долины р. Клязьмы в районе Болшева складывается гнездо, включавшее четыре поселения. Три из них известны в источниках XVI–XVII вв. как Городище, Болшево и Баскаки. Одно поселение исчезло не позднее первой трети XIII в. (Бурковский археологический комплекс). Археологические разведки 2000 г. показали, что этот куст поселений был окружен слабозаселенными территориями. Ближайшие поселения домонгольского времени известны лишь в 3 км выше (селище Тарасовка-2) [Зайцев, 2002] и в 2,5 км ниже (селище и курганный могильник в с. Образцово) по течению Клязьмы.

Датировка инвентарей из раскопок Ю.Г. Гендуне свидетельствует, что курганный могильник у д. Городище начал формироваться в первой половине XII в. населением, использовавшим кривичский женский убор. Тем же периодом датируется и постройка, исследованная в 2000 г. на Бурковском поселении. Таким образом, возникновение гнезда поселений у Болшева следует уверенно относить к первой половине XII столетия.

Насельники использовали для своих поселений места, освоенные в дьяковское время: мыс, возвышающийся над долиной Клязьмы, и расположенный в 300 м выше по течению реки подол (3-е Болшевское селище).

Для демографических расчетов используем данные по поселению Бурково, для которого известны размеры, дата и число кургa-

Таблица 7. Соотношение числа курганов в могильниках и размеров поселений в районе Болшева на Клязьме

Название археологического комплекса	Число курганов	Исследовано курганов	Число погребений	Площадь поселения	Предполагаемое число дворов в период расцвета поселения	Предполагаемое число жителей исходя из числа дворов
Городищи	28	20	36 (исследовано 21 в 20 курганах)	около 8 тыс. кв. м	< 12	не более 50–60
Болшево	14 15 (исходя из предполагаемого числа погребений) 4 (Болшево-3)	– сборы находок в процессе строительства	примерно 20, находки, по расчетам А.А. Спицына, происходят примерно из 20 погребений	5–8 тыс. кв. м	8–12	32–60
Бурково	29	–	примерно 38	3,5 тыс. кв. м	5	20–25
Баскаки	могильник не найден	?	?	не установлено	?	

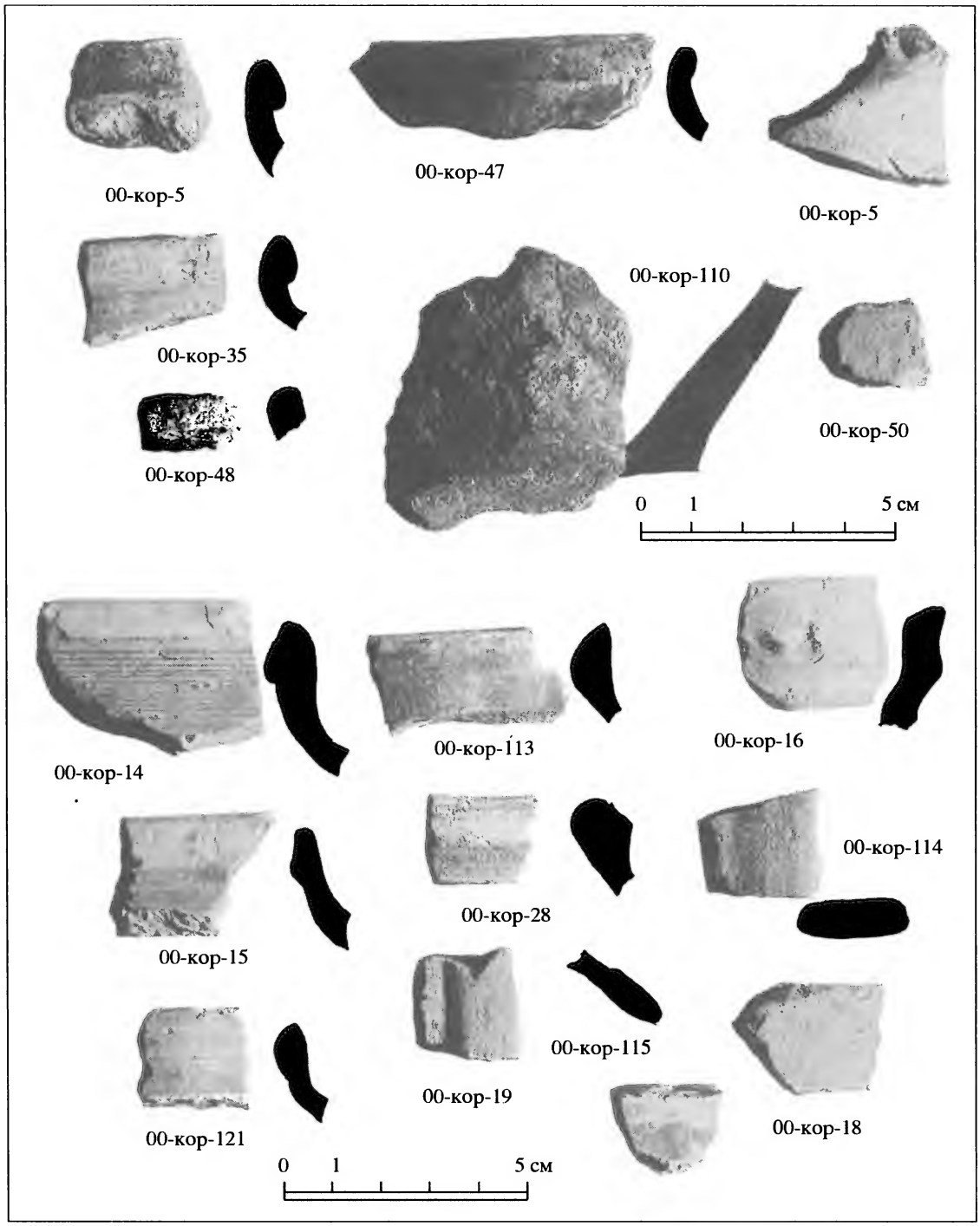


Рис. 71. Белоглиняная керамика 2-го и 3-го Болшевских селищ

2-е Болшевское селище: *белоглиняная грубая керамика* (последняя четверть XV–XVI в.): венчики горшков, найденные: 5 – на усадьбе д. 50 по Станционной ул., 35 – на усадьбе д. 54 по Станционной ул., 47, 48 – в слое балласта шурфа № 1 у церкви Преображения (Станционная ул., д. 47); 110 – донце белоглиняного грубого горшка, найденное на усадьбе д. 8 по Колхозной ул.; 50 – фрагмент стенки красноглиняного сосуда, близкого краснолощеным столовым сосудам (из слоя балласта шурфа № 1 у церкви Преображения); *белоглиняная гладкая керамика* (вторая половина XVI – первая половина XVII в.): венчики 14 и 15, найденные на усадьбе д. 50 по Станционной ул., *белоглиняная шероховатая керамика* (XVII в.): 16 – венчик, найденный на усадьбе д. 50 по Станционной ул., 28 – венчик, найденный на усадьбе д. 52 по Станционной ул., 113–115 – венчик горшка, ручка кувшина и крышка горшка, найденные на усадьбе д. 8 по Колхозной ул.; *белоглиняная ангобированная и крашеная керамика* (XVII в.): 18, 19 – стенки, найденные на усадьбе д. 8 по Колхозной ул.;
3-е Болшевское селище: 121 – венчик белоглиняного гладкого сосуда из среднего слоя шурфа № 2 у Шапкина моста

нов (табл. 7). Площадь поселения 3,5 тыс. кв.м. Археолого-геофизические исследования селищ района Куликова поля показали, что площадь усадьбы (крестьянского двора) равнялась 500–800 кв. м. [Гоняный, Кац, Наумов, 2000. С. 27]. Считая площадь двора за 650 кв. м, получаем 5 дворов или – принимая в расчет, что семья в период средневековья состояла примерно из 4–5 человек[39], 20–25 человек, проживавших на этом поселении в период его максимального расширения.

Если обратиться к составленной Н.А. Кренке таблице, отражающей связь количественных характеристик археологических памятников и демографических показателей [Кренке, 2003. С. 151], то можно убедиться, что сельская популяция в 20–25 человек могла сформировать кладбище в 29 курганов за период 125 – 150 лет (табл. 4 на с. 73). Этот вывод не противоречит дате Бурковского поселения, на котором обнаружено жилое сооружение первой половины – середины XII в. и нет материала второй половины XIII в. Таким образом, можно заключить, что функционирующее примерно с 1125 г. по 1250 г. поселение в 3,5 тыс. кв. м сформировало могильник в 29 насыпей.

Такие же по размерам могильники сохранились у д. Городище (28 насыпей) и с. Болшево (18 насыпей и примерно 15 снивелированных курганов, попавших в зону строительства в 1896 г.). Однако поселения при этих могильниках были больше Бурковского. 3-е Болшевское селище на подоле занимало 5–8 тыс. кв. м, где могло проживать 32–60 человек. Городищенское поселение почти полностью утрачено. Однако, учитывая его древность и центральное положение, можно предполагать, что оно также имело размеры 5–8 тыс. кв. м.

Поселения такого типа с населением около 50 человек, судя по таблице Н.А. Кренке, могли сформировать некрополи в 30 курганов примерно за 75 лет. Этот вывод находит объяснение, если учесть датировки вещевых комплексов из погребений. Могильник у д. Городище исследован практически полностью (раскопано 25 из 28 курганов). 10 погребений с женскими украшениями (в том числе три с золотостеклянными бусами и два с крестопрорезными бубенчиками) захоронены между началом и серединой XII в., т.е. на протяжении примерно 75 лет. Могильник в Болшеве известен лишь в той части, которая была затронута строительством дороги (остальные курганы археологически не исследовались и сегодня утратили свои насыпи). Из этой части могильника происходит достаточно представительная коллекция, которая датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. (типичные находки: квадрифолийный перстень и трехбусинные височные кольца), т.е. так же укладывается в 75-летний период. Разумеется, нельзя исключить, что в располагавшихся рядом курганах имелись погребения первой половины XII в. Однако в целом создается впечатление, что расцвет Городищенского поселения приходился на первую половину – середину XII в., а Болшевского – на вторую половину XII – первую половину XIII в.

Таким образом, во второй половине XII в. центр хозяйственной жизни переместился на подол, где размещалось Болшевское поселение. В 200 м от него, на противоположном берегу Клязьмы, возникло еще одно поселение (селище Баскаки). Топография 3-го Болшевского селища позволяет причислять его к типу открытых приречных поселений, часть которых имела торгово-ремесленную специфику. Если археологические исследования выявят здесь соответствующие особенности материальной культуры, оно окажется наиболее вероятным претендентом на роль поселения на северной оконечности волока, который соединял реки Яузу и Клязьму.

Реконструировать трассу самой волоковой дороги, прекратившей использоваться задолго до XVI в., трудно: в нашем распоряжении нет ни этнографических данных, ни свидетельств письменных и картографических источников. Из сети дорог позднего средневековья на роль такой дороги могут претендовать две трассы.

Это проселочная дорога от с. Болшево к с. Мытищи длиной 7 км, которая выводила к истоку р. Яузы из Яузских болот (рис. 78 А). Здесь располагалась возвышенность овальной формы (в центре ее – Владимирская церковь с. Мытищи), которая была удобна для устройства поселений. Документы 1459–1460 гг. застают здесь "Яузское мытище" (АСЭИ. 1964. Т. 3, № 40. С. 61). Документы второй половины XV в. позволяют локализовать его в приречной части южной (великокняжеской) половины поселения[40]. Здесь в 2001 г. было обнаружено поселение,

[39] Использую вслед за М.И. Гоняным работу: Урланис, 1941. С. 15.

[40] Подробнее об этом поселении и историко-географической ситуации в его районе см. в гл. 4, т. II наст. изд., а также в статьях: Чернов, 2002 б. С. 44–109; Смирнов, 2002. С. 110–163.

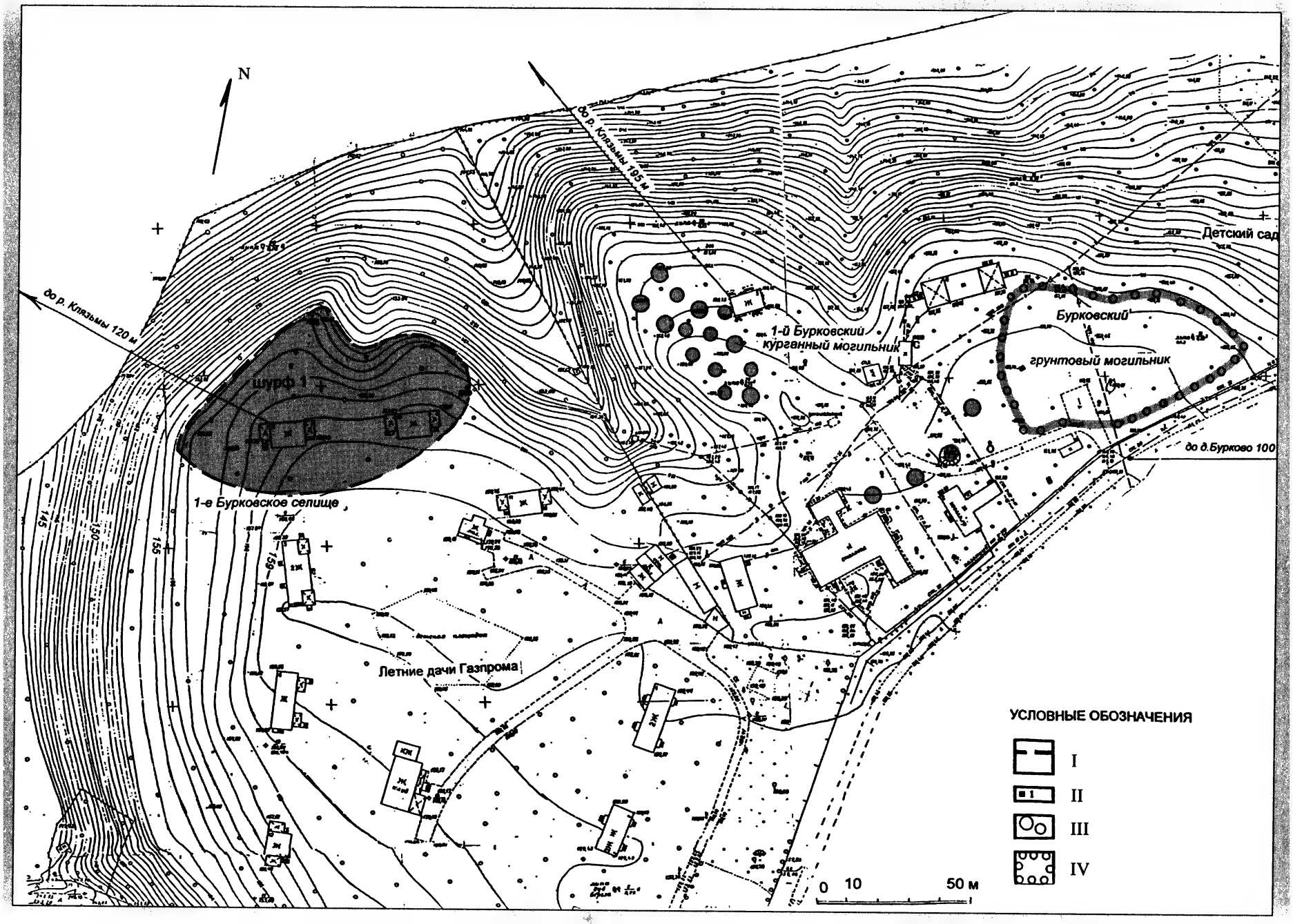

N
до р. Клязьмы 195 м
до р. Клязьмы 120 м
Детский сад
Бурковский
грунтовый могильник
1-й Бурковский
курганный могильник
шурф 1
1-е Бурковское селище
до д.Бурково 100
Летние дачи Газпрома
145
150
155
160
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
I
II
III
IV
0 10 50 м

Рис. 72. 1-е Бурковское селище (на территории дач газпрома), 1-й Бурковский курганный могильник и Бурковский грунтовый могильник (на территории детского сада МГУ). План

I – границы распространения культурного слоя XII – XIII вв. 1-го Бурковского селища; II – шурф № 1; III – 1-й Бурковский курганный могильник (по данным паспорта); IV – Бурковский грунтовый могильник, границы зоны археологического исследования

←

датируемое XIII–XIV вв.[41] Прослежена его периферия, тогда как центральная часть застроена и почти не доступна для исследований. Поэтому пока в нашем распоряжении нет сколько-нибудь надежных данных для его датировки. В пользу того, чтобы рассматривать именно это место в качестве завершения волокового пути, говорит его название, которым оно обязано взиманию мыта или пошлины за провоз товаров. Однако необходимо учесть, что обычай взимания мыта именно здесь мог сложиться и в конце XIII–XIV в., когда через это место пролегла дорога из Москвы в Переяславль через Радонеж.

Второй вариант водно-волокового пути – дорога из с. Городище через с. Костино и д. Коковка к Яузским болотам, а точнее к Нехлюдову истоку (рис. 78 А), который соединяется с р. Яузой. В пользу этого варианта дороги говорит лишь его меньшая протяженность – 6 км. Каких-либо ретроспективных свидетельств, которые указывали бы на прохождение здесь волока, нет, хотя район Нехлюдова истока и с. Заболотье отражен в писцовой книге 1573–1574 г. Единственным исключением является упоминание в этой писцовой книге с. Борисовское Чудова монастыря (оно располагалось западнее д. Нехлюдово, давшей название Нехлюдову истоку) "*на речке на Мытищах*" (Писцовые книги.., 1872. С. 6–8). Из этого известия видно, что р. Яуза выше с. Мытищи вплоть до истока Нехлюдова рукава именовалась ***"Мытищи"***. Не связано ли это с прохождением по ней последнего предволокового участка водного пути с Яузы на Клязьму?

В настоящее время трудно отдать предпочтение тому или иному варианту трассировки дороги, использовавшейся в качестве волока, тем более, что длина обеих трасс (7 и 6 км) вполне соответствует длине водно-волоковых путей Русского Севера XI–XVI в. Так, длина дороги на Кемском волоке (между Водлозером в бассейне Онежского оз. и Кенозером в бассейне р. Онеги), наилучшим образом сохранившем все элементы древней инфраструктуры (следы поселений на концах сухого пути, дорога с километровой гатью, три придорожные часовни, улучшенное русло протоки от озера до начала сухого пути), равняется 6 км. Для транспортировки грузов использовались саниволокуши, которые тащили на лямках или на лошадях, предоставлявшихся за плату. Лодки, на которых груз поднимался вверх по течению, оставлялись, а новые лодки, на которых груз предстояло спускать вниз по течению, брались внаем или изготавливались на месте [Макаров, 1997. С. 91–95]. Александр Шренк, прошедший в 1837 г. с р. Мезени на р. Печору через Пезский волок (длиной около 20 км), сообщает, что волок обыкновенно обслуживают ямщики, которые обязаны держать здесь 8 лошадей [Ясинский, Овсянников, 2003. С. 48]. При такой технологии гужевая перевозка грузов на расстояние в 6–7 км, т.е. при обоих вариантах трассировки, была вполне приемлемой.

Так или иначе, волоковая дорога не могла отходить от Яузы ниже с. Мытищи. Поэтому вряд ли можно говорить о прямой связи с волоком Тайнинского поселения, которое было обнаружено в 2,5 км ниже по течению р. Яузы, на ее противоположном левом берегу. Тем не менее это поселение представляет значительный интерес (рис. 78 А, *4*).

Тайнинское селище, исследованное Ю.А. Князевым, расположено в дачном поселке Тайнинское, на левом берегу р. Яузы (между Клубной и Набережной ул.) примерно посередине между с. Тайнинское и с. Мытищи, на первой террасе Яузы, ограниченной с севера и юга ручьями. Судя по писцовой книге 1631–1633 гг. Патриаршего приказа, здесь располагалось "*церковное место Преображение Господне в пустоши Спасской на реке на Яузе, что был приселок села Танинского*"[42]. В 1964 г. "подле пруда", образовавшегося на р. Яузе, были обнаружены остатки небольшой мастерской, маркируемой скоплениями железного шлака, обожженными камнями и глиной. Поблизости нашли изделия из серебра: "небольшие колечки" и узкорогую лунницу, которые бытовали в XI–XII вв. [Успенская,

[41] Встречен горшок 3-го варианта серой керамики с почти вертикально стоящим венчиком, имеющим небольшой эллипсовидный валик с внешней стороны. Аналогии данного сосуда встречены в комплексе из *сруба 1 Исторического проезда*, имеющего порубочные даты 1249, 1251 гг. (МК. Табл. 95. № 839) и комплексе из *ямы 1* селища *Лешково-2* в районе Радонежа, который датируется первой половиной XIV в. (МК. Табл. 66, № 74).

[42] По досмотру 1680 г., эта пустошь была "*смежна с пустошами Калинкиною, Галиною, Ворожейкиною и рекою Яузою, от Москвы 13 верстъ, отъ села Танинскаго и отъ Мытищъ по версте*" [Холмогоровы, 1887. С. 190].

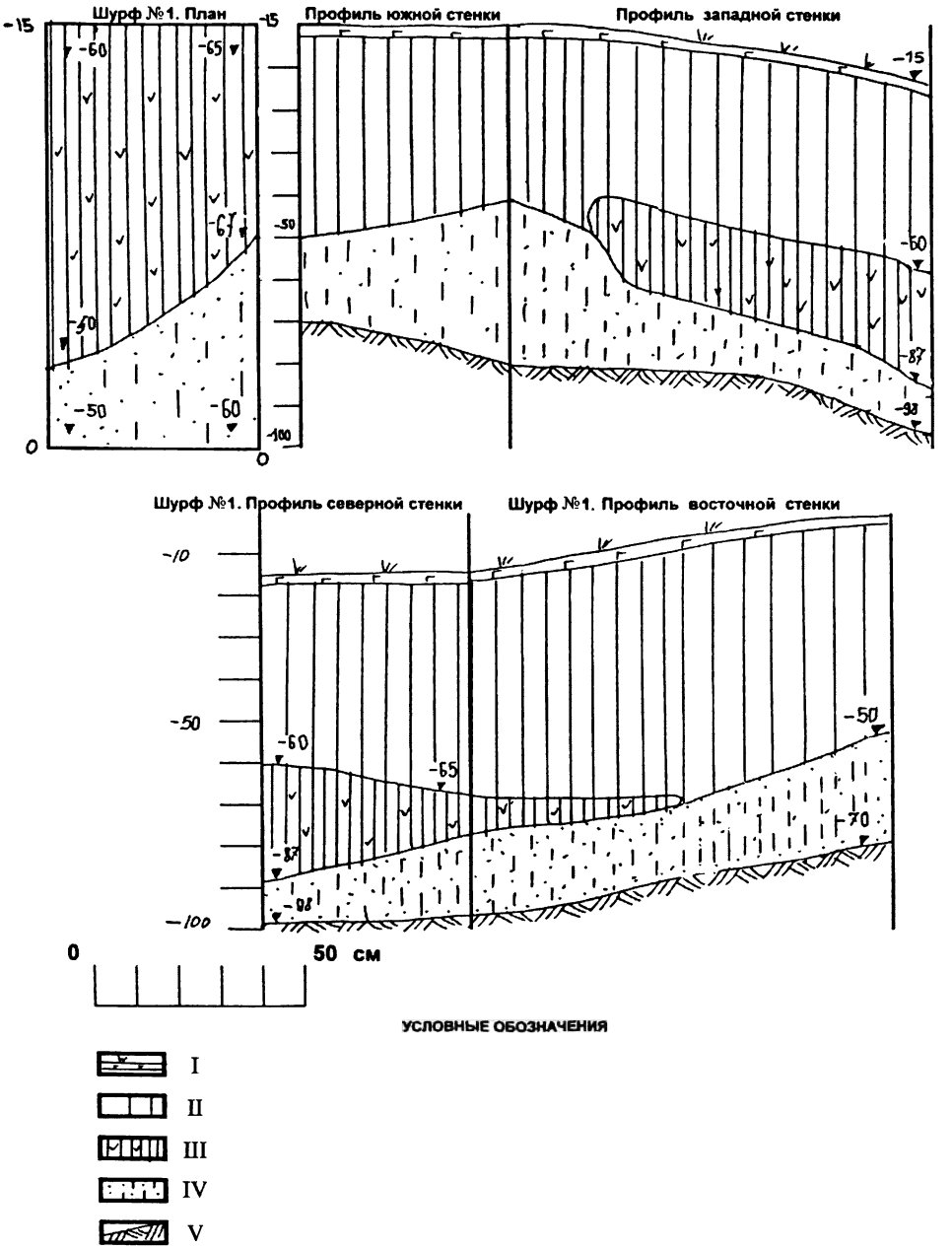


Рис. 73. 1-е Бурковское селище. План и профили шурфа № 1

I – дерн; II – темно-серая гумусированная супесь; III – черная гумусированная супесь с углем – заполнение ямы; IV – бурая слабо гумусированная супесь; V – материк – желтый песок

1967. С. 100. Рис. 16, *5*; С. 103]. В 1965 г. было найдено семилопастное височное кольцо, а в 1966 г. вскрыта часть "жилища" "с остатками глинобитной печи и многочисленными обломками глиняной посуды". Значительный вещевой и керамический материал, полученный на Тайнинском селище, датируется XII–XIII вв. Были встречены "обломки железных ножей и кованых гвоздей, обломок ножниц, замок бочкообразной формы с ключом, кресало, медная вязальная спица, глиняное пряслице для веретена и глиняное грузило для рыбной сети". Из украшений обнаружены обломок семилопастного височного кольца, пластинчатый и ложновитой перстни, хрустальная бусина, а также два зеленых стеклянных браслета с желтым перевитьем, "серебряный орнаментированный крестик" и редкая бронзовая подвеска в виде фигурки ангела высотой 6,5 см [Князев, 2000. С. 16–19] (рис. 78 Б).

До находки на Тайнинском селище на территории Руси были известны четыре такие подвески [Рябинин, 1981. С. 32, каталог, № 402–404; Табл. XIII, *5, 6*; Недошивина, 1996. № 2. С. 203]. Прямой аналогией является бронзовая подвеска, найденная в кургане № 1 могильника у д. Кочергина (Стрелки) Костромской губернии, которая датируется, скорее

всего, XII в. [Нефедов, 1899. С. 162. Табл. 6, 38] и кургане № 2 могильника Пирогово, который расположен в 8 км к северу от Тайнинского селища, на левом берегу р. Клязьмы[42] [Пушкина, 1970. Л. 1–6; Археологическая карта... Ч. 1. С. 127, 128] (рис. 90). Серебряные подвески из могильника у д. Вески Владимирской области и из Суздаля имеют более отдаленное сходство с тайнинской подвеской.

Серия из пяти близких по форме и размерам (5, 6 см) подвесок была найдена на месте святилища на острове Вайгач среди других древнерусских украшений XI–XII вв. [Хлобыстин, 1993. С. 17. Рис. 1, № 28, 29; Недошивина, 1996. № 2. С. 203. Рис. 5, 3–7]. Однако, если у ангелов из Кочергина, Пирогова и Тайнинского лик и сложеные на груди руки не вызывают сомнений в христианском характере изображения, то существа, изображенные на подвесках с Вайгача, держат в правой руке жезл, в левой – ритуальный сосуд, а лица их напоминают лица так называемых "перунчиков", серия которых также найдена на Вайгачских святилищах [Недошивина, 1996. № 2. С. 201–205]. Ближе всего к подвескам с ангелом – подвеска, изображающая архангела Михаила с жезлом, происходящая со святилища Бесов нос-1 [Недошивина, 1996. С. 203. Рис. 5, № 2].

Присутствие на Вайгаче подвесок в виде ангелов среди древнерусских вещей (импорты, местные отливки, подражания)[43], которые поступали из метрополии по торговым путям, дает основания предполагать, что эти предметы могли маркировать торговые пути и во внутренних районах Древней Руси. В этой связи обнаружение аналогичных привесок в виде ангелов по обе стороны Яузского волока представляется весьма показательным.

Итак, памятники археологии XII–XIII вв. отнюдь не рядового характера выявлены как с клязьминской, так и с яузской стороны волокового пути. В связи с этим возникает возможность сравнить их. Этот прием был предложен в работе Н.А. Макарова, который обратил внимание на то, что на пяти из шести обследованных волоках "более ранние средневековые поселения зафиксированы на западной или юго-западной стороне, обращенной к древнерусской метрополии", причем на трех волоках "постоянные поселения располагались только с юго-западной стороны". Н.А. Макаров связал это явление с тем, что движение из центра древнерусской территории на периферию долгое время было более интенсивным, чем обратное [Макаров, 1997. С. 104].

Если под таким углом зрения взглянуть на археологические материалы по Яузскому волоку, то станет очевидным, что гнездо поселений в районе Болшева по населенности (около 150 жителей в период расцвета и примерно 100 насыпей) и разнообразию типов поселений значительно превышало поселения на верхней Яузе. Это лишь отчасти объясняется большими возможностями для хозяйственной деятельности, которые давала долина Клязьмы по сравнению с болотистой верхней Яузой. Во второй половине XII – первой трети XIII в. сравнимое с болшевским скопление населения на верхней Клязьме маркируют лишь Осеевские курганные могильники (155 насыпей)[44]. В свою очередь, в бассейне средней и нижней р. Яузы археологических памятников XII–XIII вв. не много. Это курганные могильники Останкино и Яузский (у станции Яуза)[45], селище близ

[42a] См. статью Т.А. Пушкиной в Приложении 4.

[43] Механизмы поступления из метрополии вещей, обслуживавших нужды населения, исповедовавшего языческие верования, раскрыты в работе: Мурашко, Кренке, 2001. С. 79–83.

[44] Осеевские 1-й, 2-й и 3-й курганные могильники расположены между с. Городищи (пос. Свердловский) и г. Лосино-Петровский, выше впадения в р. Клязьму р. Вори (Археологическая карта России: Московская область. 1994. Ч. 1. С. 244–245).

[45] В 1946 и 1947 гг. М.Г. Рабиновичем раскопано 5 насыпей. В курганах № 1, 2, 3 обнаружены погребения в материковых ямах, ориентированные головой на запад. В курганах № 4, 5 – погребения на горизонте. В курганах № 1 и 5 – погребения мужские, в курганах 3 и 4 – женские. При женском погребении в кургане № 3 (погребение совершено в яме, правая рука вытянута, левая согнута и лежала в области живота; сохранились следы гробовища) обнаружены два трехбусинных гладких височных кольца, бусины серебряные, полусферические, ожерелья из серебряных бусин, медный круглопроволочный разомкнутый и витой тройной браслеты, рубчатый билоновый и пластинчатый загнутоконечный перстни, ажурные привески. Найдена также керамика курганного облика. Дата в пределах первой трети XIII в. В кургане № 4, на горизонте, обнаружено женское погребение. Левая рука вытянута, правая полусогнута, кисть ее лежит в области таза. В области шеи найдено ожерелье из стеклянных и пастовых бус, восьми круглых ажурных привесок, круглой гладкой привески без орнамента и образка с изображением святого князя великомученика (в княжеской шапке, с нимбом и крестом в правой руке). Выше таза найден рубчатый серебряный перстень, на висках – обломки железного браслетообразного височного кольца. Дата: вторая половина XII в. (*Рабинович М.Г.* Отчет о раскопках курганной группы у ст. Яуза Северной ж.д. в 1946 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 70, № 1435 (альбом)); *Он же.* Отчет о раскопках курганов у ст. Яуза Северной ж.д. 1947 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 121); полевые дневники и чертежи (Архив ИА РАН. Р-1, № 402)).

О.Н. Бадер писал про могильник: "...у самой линии Северной ж.д., вправо от нее, на левом берегу р. Яузы, на опушке Сокольнического лесного масси-

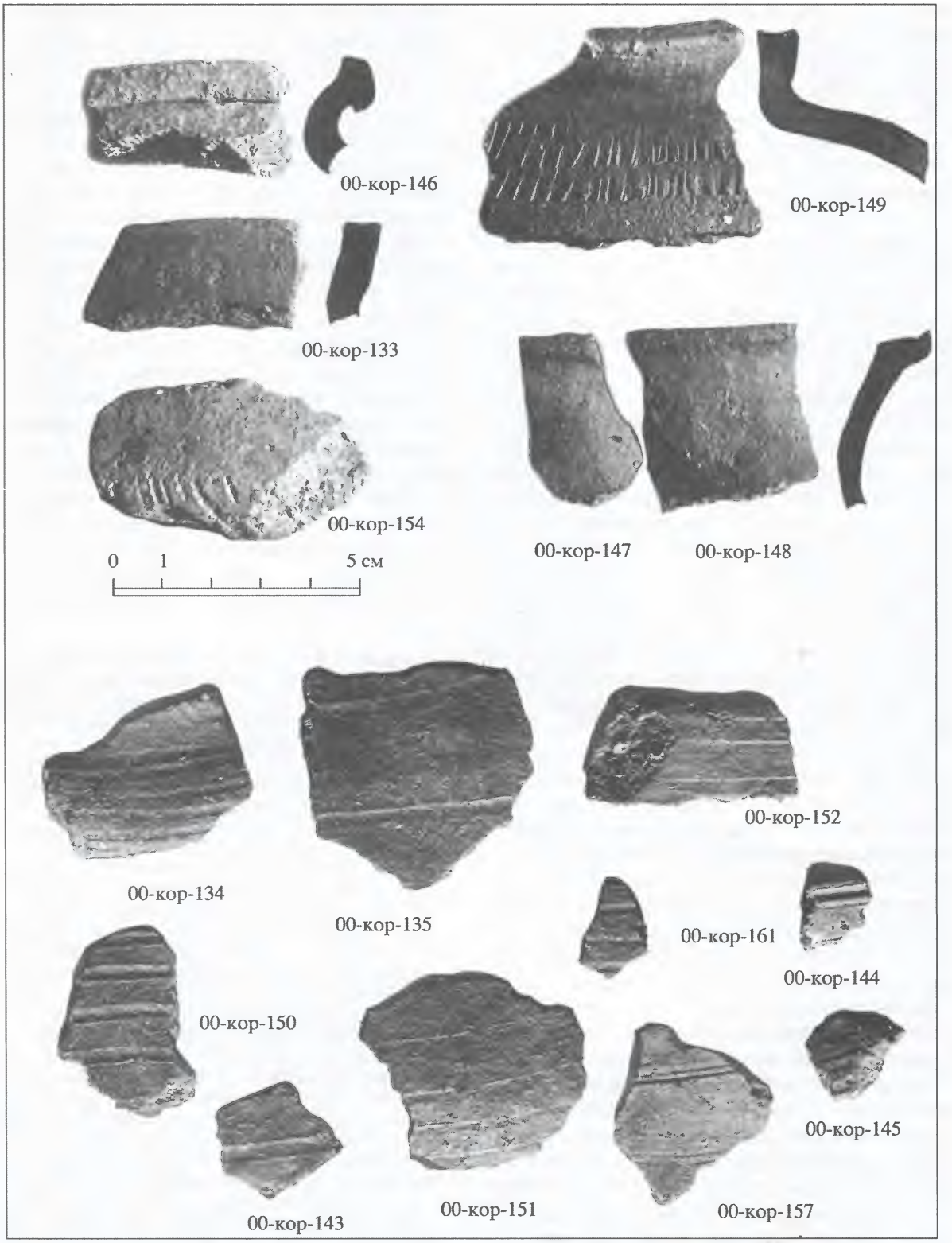


Рис. 74. 1-е Бурковское селище. Шурф № 1

Курганная керамика из темно-серой гумусированной супеси

ва, не доезжая ст. Яуза, и хорошо виден среди редких сосен из окон вагона. Расположен на небольшом, пологом бугорке близ ручья" [Бадер, 1947. С. 104]. Аргументацию о локализации могильника в соответствии с этим описанием, к юго-востоку от ст. Яуза, между станцией и впадением р. Будайки в Яузу см.: Чернов, 1994. Ср.: Приложение 3, № 174.

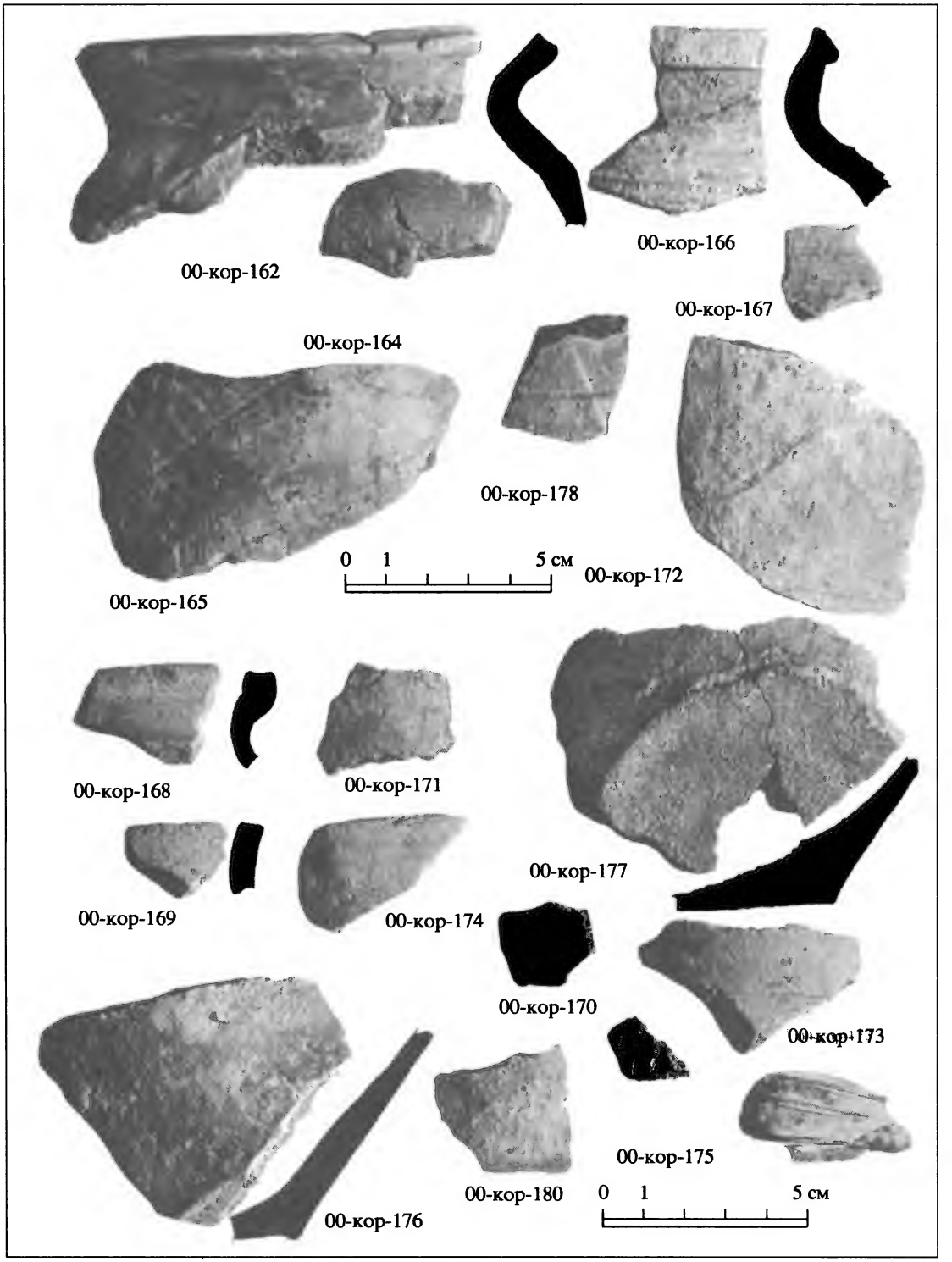


Рис. 75. 1-е Бурковское селище. Шурф № 1
Курганная керамика из слоя черной гумусированной супеси с углем – заполнение ямы

Андроникова монастыря [Юшко, 1987. С. 55, 56] и небольшое селище на устье р. Яузы, у церкви Никиты мученика [Рабинович, 1949. С. 40, 42; 1990. С. 107, 108].

Данные по Городищенскому могильнику и Бурковскому селищу свидетельствуют, что наиболее ранние из болшевских поселений возникают в первой половине XII в. Следовательно, можно предполагать, что движение по волоку, соединявшему бассейны Клязьмы и Москвы-реки, было инициировано с севера в первой половине или середине XII в. Это движение продолжалось и в XIII в.

Анализ материалов из могильников и селищ показывает, что это движение не повлияло на установившиеся в первой половине

XII в. этнографические границы. В бассейне Москвы-реки доминировал "вятичский" женский убор, а на Клязьме – "кривичский".

Скорее можно говорить о сложении поселений на торговых путях, которые во второй половине XII в. контролировались суздальскими князьями. Подобному выводу не противоречат свидетельства XIV–XV вв., которые бросают свет на более раннее время. "Яузское мытище" прямо упоминается в 1459–1460 гг. как административный центр небольшой округи, находящейся во владении московских князей. Что касается поселений в Болшеве и Баскаках, то во второй половине XIII–XIV в., судя по находкам на них серой керамики, они продолжали существовать. Когда точно первое из них было перенесено с подола на возвышенность, к древнему курганному полю, пока точно сказать нельзя, но в первой половине XV в. оно уже находилось там (подъем поселения на возвышенность фиксируется и в Мытищах). Отсутствие письменных известий за XIV–XV вв. мешает проследить их историческую судьбу в этот период. Топоним Баскаки как будто указывает на то, что они играли определенную роль в сборе ордынского "выхода", а может быть, и в административной структуре этой части "московских городских станов". В связи с тем, что в центральной части позднейшего Бохова стана лишь в районе Болшева фиксируются относительно крупные поселения второй половины XIII–XIV в.[46], можно высказать осторожное предположение о том, что именно они являлись центром княжеских владений, вокруг которых сложился Бохов стан.

Литература и архивные материалы

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964. Т. 3.

Алексеева Т.И., Ефимова Г.С. Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М., 1986.

Археологическая карта России: Московская область. М., 1994. Ч. 1.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. М.; Л., 1947. № 7.

Бадер О.Н. Отчет о работах за 1932–1933 гг. // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. III: Работы на строительстве канала Москва–Волга / Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 109.

Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.

Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях (Архив ИИМК РАН в г. Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. 1901. Д. 39).

Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской и Московской губерниях (Архив ИИМК РАН в г. Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. 1902. Д. 27).

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. района Куликова поля // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? / Науч. конф. Москва. 14–16 ноября 2000 г. / Тез. докл. М., 2000.

Ежов Б.Я. "Таинственная" Жуковка близ станции Болшево // Калининградская правда. 1987. 19 окт.

Ежов Б.Я. Болшевское городище // Калининградская правда. 1991. 25 июня.

Ежов Б.Я. Болшево на страницах писцовых книг // Калининградская правда. 1992. 16 мая.

Ежов Б.Я. Неизвестный Одоевский // По Ярославке. 2000. 24 мая. № 18 (55). С. 12.

Ежов Б.Я. Камень на волоке // Калининградская правда. 2000. 18 июля.

Ежов Б.Я. Таинственная Коковка // Калининградская правда. 2001. 15 сент.

Жуков А.И. О ходе хозяйства г. Жукова, при селе Большеве, сельце Городищах, Московской губернии // Журнал сельских хозяев. М., 1863. Т. 1. С. 71–74.

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1.

Зайцев В.В. Селище Тарасовка-2 в Пушкинском районе Московской области // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М., 2002.

Князев Ю.А. Прошлое земли Мытищинской: Селения. События. Судьбы. М., 2001.

Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001.

Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Криштафович Н.А. Археологические наблюдения при геодезической съемке Московского уезда // Археологические известия и заметки. СПб., С. 418–421.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М., 2001.

Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилища острова Вайгач // РА. 1996. № 2. С. 190–206.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1899. Т. 3.

Павлов-Сильванский В.Б. К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в. // Археографический ежегодник за 1995 г. М., 1996.

Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1.

[46] Границы Бохова стана см. на карте Московских городских станов, публикуемой в т. II наст. изд. (рис. 1).

Позамантир Р.Д. Болшевское городище // Болшево: Литературный историко-краеведческий альманах. Болшево, 1996. Т. 1.

Позамантир Р.Д., Бондаренко Л.К. К космическим высотам из глубины веков: Калининград. Королев. М., 1998.

Пушкина Т.А. Отчет о раскопках курганов в Пироговской курганной группе в Мытищинском районе Московской области в 1970 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 4371).

Рабинович М.Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. М., Л., 1949. № 12.

Рабинович М.Г. Древний центр Москвы // Вопросы истории. 1990. № 3.

Равдина Т.В. Болшевские находки и одна коллекционная ошибка // КСИА. М., 1975. Вып. 144. С. 54–59.

Равдина Т.В. Описание курганных могильников для Свода памятников культуры Московской области. Рукопись. 1989 (Архив Сектора археологии Москвы ИА РАН).

Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1980 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 8116).

Розенфельдт Р.Л. Материалы к археологической карте Московской области. Рукопись. М., 1988 (Архив ИА РАН. Р-2).

Смирнов С.А. Планировка и застройка исторического села Мытищи в XVII–XX вв. // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М., 2002.

А.С. [*Спицын А.А.*] Находки 1896 г. близ с. Болшева Московского у. // Вестник археологии и истории. СПб., 1898. Вып. X. С. 116, 117.

Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.

Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967.

Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщ. ГАИМК. Л., 1926. Т. 1.

Хлобыстин Л.П. Святилища Вайгача // Ad Polus: Памяти Л.П. Хлобыстина: Археологические изыскания/ ИИМК. СПб., 1993. Вып. 10.

Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вв. М. 1887. Вып. 5.

Чернов С.З. Научно-изыскательские работы по комплексному предпроектному исследованию исторического ландшафта ГПНП "Лосиный Остров". 3-я очередь. Сокольники в 1994 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 19701).

Чернов С.З. Археологические исследования для разработки генерального плана г. Королев Московской области. Рукопись. М., 2000 а. (Архив ИА РАН. Р-1).

Чернов С.З. Экспериментальные исследования и реставрация 1 Поречьевского курганного могильника близ Звенигорода // АО 1999 года М., 2000 б. С. 134–138.

Чернов С.З. Раскопки в Мытищах, Королеве и Звенигороде Московской области // АО 2001 года. М., 2002 а.

Чернов С.З. Дворцовое село Мытищи XVII–XVIII вв. в свете охранных раскопок 2001 г. // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М., 2002 б.

Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках 3-го Болшевского селища в г. Королев Московской области в 2003 г. (Архив ИА РАН. Р-1).

Юшко А.А. Новые археологиеские памятники на территории Москвы (по материалам разведок 1977–1978 гг. // КСИА. М., 1987. Вып. 190.

Ясинский М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.

Описание Болшевских курганных могильников[47]

Т.В. Равдина

Болшево-I[48]

Местоположение. К северу и югу от шоссе (ныне Станционная ул.) в районе действующей церкви на перекрестке Станционной и ул. Дурылина дачного поселка Болшева. Церковь находится в 690 м к северо-востоку от шлагбаума у платформы ст. Болшево Ярославской железной дороги.

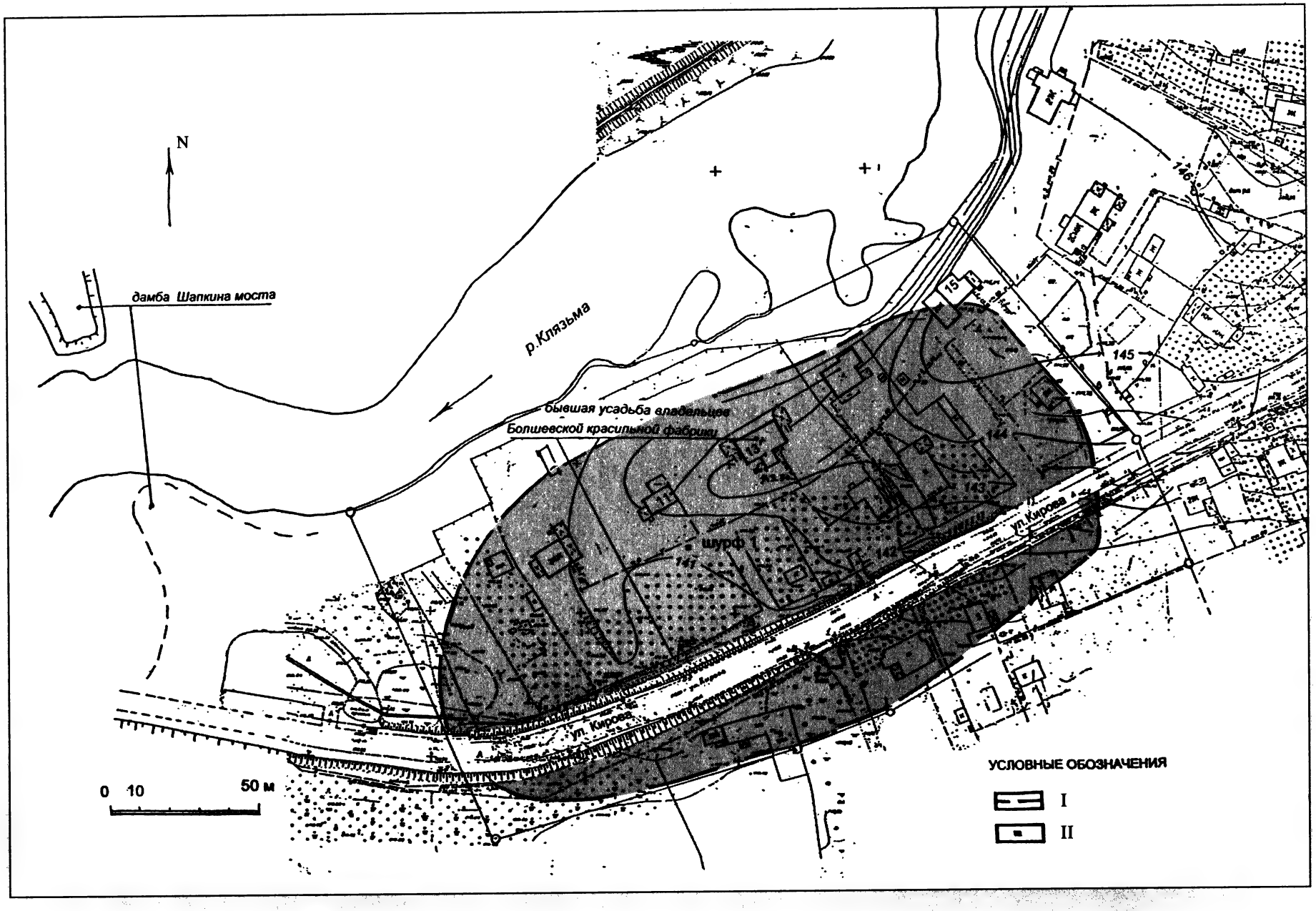
Расположение относительно реки. Южная часть могильника отстоит метрах в 100 от правого берега Клязьмы, здесь низменного. Этот участок Клязьма здесь течет с севера на юг, т.к. является петлей. Ниже, у могильника Болшево-II Клязьма течет с запада на восток, и ее правый берег очень высок, на нем с. Городище.

История изучения. В 1901 г. Ю.Г. Гендуне насчитала в этом могильнике 14 курганов сразу за шоссе к северу, нанесла их на план местности, охватывающей площадь размерами 800 × 1000 м. В 1896 и 1901 гг. при прокладке шоссе и других строительных работах в непосредственной близости к югу от этих курганов были вырыты человеческие кости и большое количество женских украшений XII–XIII веков. Ю.Г. Гендуне совершенно справедливо считает, что здесь стояли курганы, которые были срыты, спланированы при строительстве болшевских дач, а при земляных работах разрушены были погребения из подкурганных ям. А.А. Спицын считал, что по количеству собранных в 1896 г. Юлией Гюставовной Гендуне женских украшений рабочими было разрушено не менее 20 погребений. В настоящее время курганов, зафиксированных в 1901 г., нет.

---

[47] Публикуется по рукописи в авторской редакции: *Равдина Т.В.* Описание курганных могильников для свода памятников культуры Московской области. М., 1989. Л. 107–115 (Архив Сектора археологии Москвы ИА РАН).

[48] Т.В. Равдина называет так 2-й Болшевский курганный могильник в с. Болшево.


N
дамба Шапкина моста
р.Клязьма
бывшая усадьба владельцев
Болшевской красильной фабрики
шурф 1
ул. Кирова
ул. Кирова
0 10 50 м
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
I
II

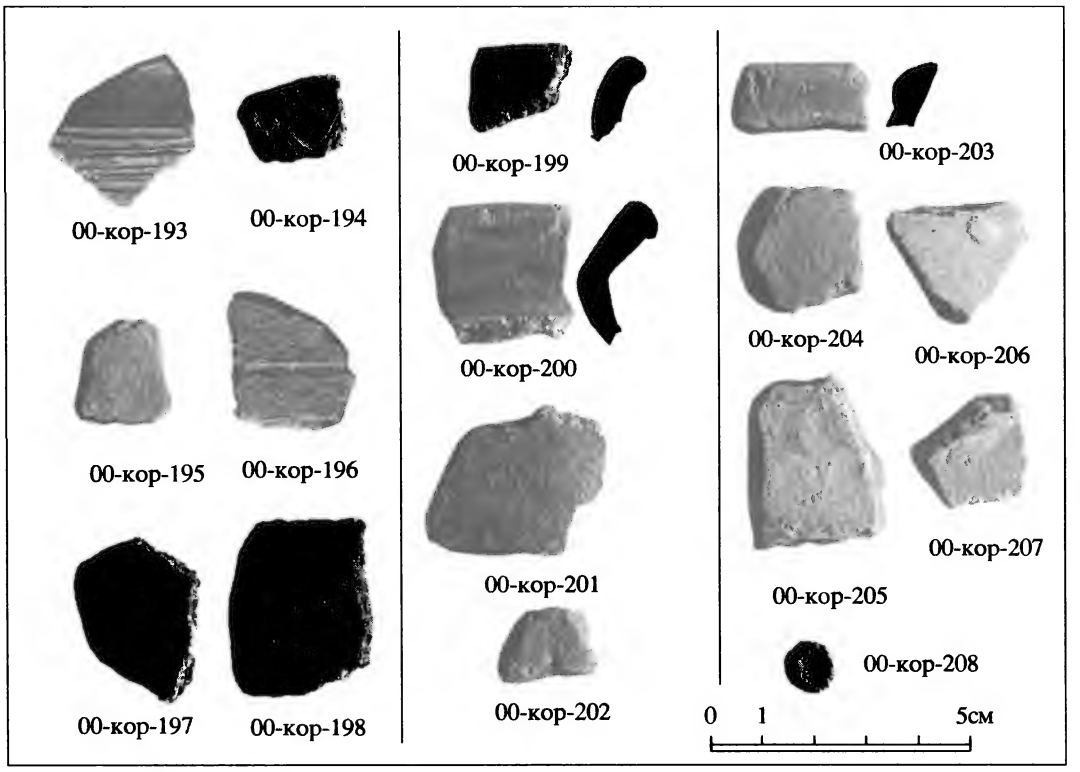


Рис. 77. Селище Баскаки. Керамика из шурфа № 1 (у д. 11 по ул. Кирова)
Курганная (193–198), серая (199–202), красноглиняная (203–204), белоглиняная грубая (205–207) керамика

Дата проведения раскопок и исследователь. В 1896 и 1901 гг. Ю.Г. Гендуне.

Методика исследований. Сбор вещей из-под лопат землекопов Ю.Г. Гендуне в 1896 и 1901 гг. Раскопать нанесенные ею на план 14 курганов Гендуне не имела права, так как курганы стояли на "казенной земле" "Императорскаго Человеколюбиваго общества".

Погребальный обряд. Скелеты были находимы на глубине 1–1,4 м, т.е. в могильных ямах, приблизительное количество скелетов не могло быть учтено Гендуне. Количество погребений надо рассчитывать от количества погребальных вещей.

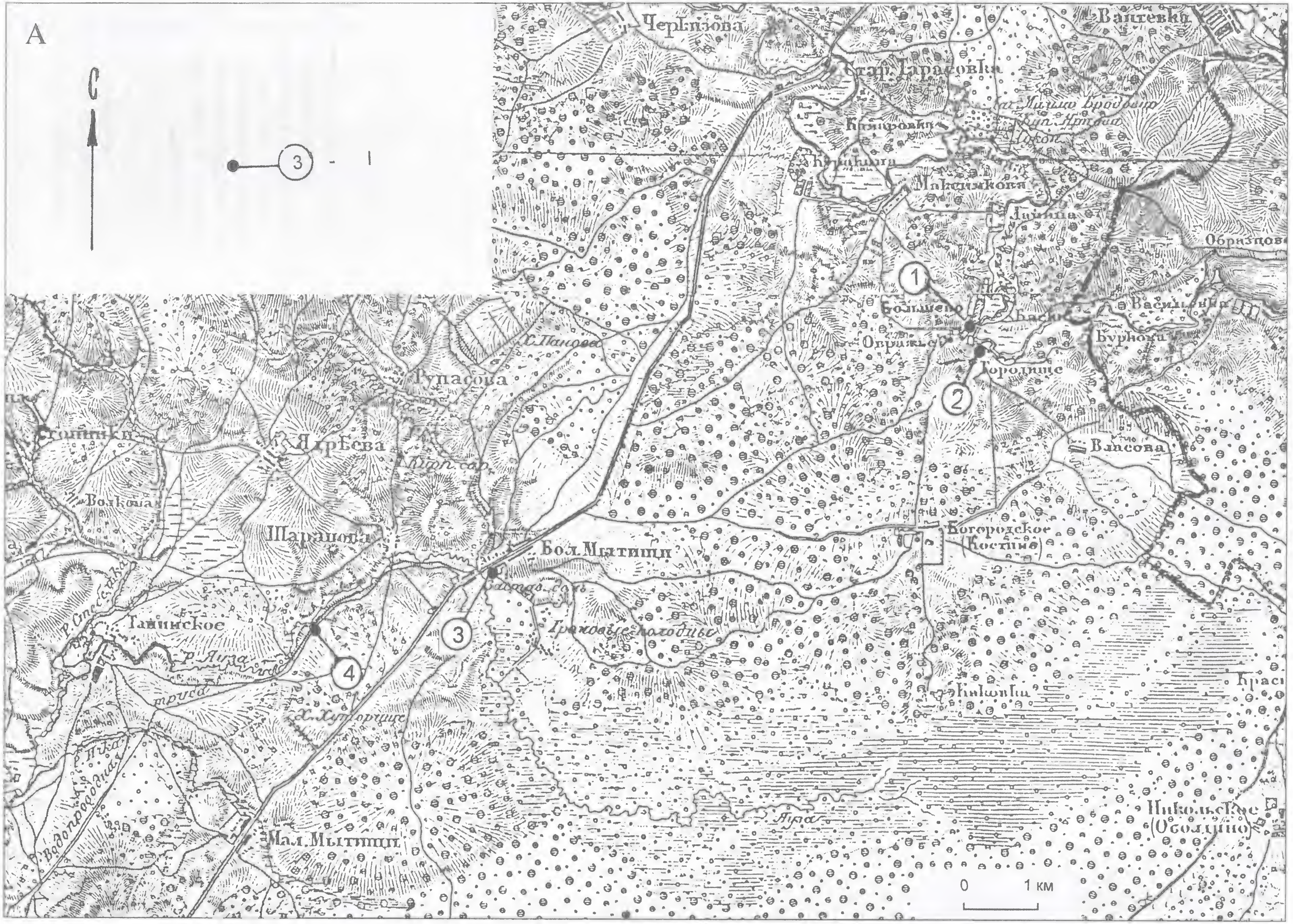
Описание вещевых комплексов. Вещи из сборов 1896 г. были переданы Спицыну в Археологическую комиссию и в 1898 г. им все опубликованы и датированы XIII–XIV вв. Между 1904 и 1926 гг. к этим 28 вещам были присоединены как болшевские 19 вещей XI века и византийская монета X века. Это была трагическая для археологии и нумизматики ошибка, давшая ложное основание нескольким поколениям сводчиков монет считать Болшево местом находки монеты X века. (В связи с распутыванием этой ошибки Равдина опубликовала в 1975 г. по современным научным требованиями терминологии все перечисленные Спицыным в 1898 г. вещи из сборов Гендуне 1896 г., а также вещи 1901 г., виденные ею лично и очно в Эрмитаже.)

Здесь даю описание всех вещей из разрушенных в 1896 и 1901 гг. курганов могильника Болшево-1 в районе церкви к северу от станции Болшево. Два серебряных височных кольца диаметром 4 см, на одном конце плоский ромбик с отверстием, на другом – крючок, на кольце нанизаны три филигранные бусины из скани и зерни. 11 браслетов. Все петлеконечные: тройной (хвостики в петлях загнуты), четверной, 2 × 3 (два), 2 × 4; плетеный на дроте, концы которого расклепаны для накладок; дротовый остроконечный; пластинчатые загнутоконечные 4. Перстни 22: пластинчатые широкосрединные кованые с гравированным орнаментом 11; решетчатые 8; на узком ободке огромный ромбический прорезной щиток; витой тройной остроконечный; серебряный квадрифолийный с гравированным изображением древа, заполненным чернью.

Датировка. Вторая половина XII – первая половина XIII в., а квадрифолийный пер-

←

Рис. 76. Селище Баскаки (на ул. Кирова). План
I – границы распространения культурного слоя; II – шурф № 1



А
С
1
2
3
4
Черкизова
Стар. Тарасовка
Вантевка
Большево
Овражки
Городище
Бурково
Власова
Рупасова
Ярцева
Волкова
Шарапова
Бол. Мытищи
Богородское
(Костино)
Таинское
Р. Яуза
Мал. Мытищи
Никольское
(Ословлино)
Обриздова
0
1 км

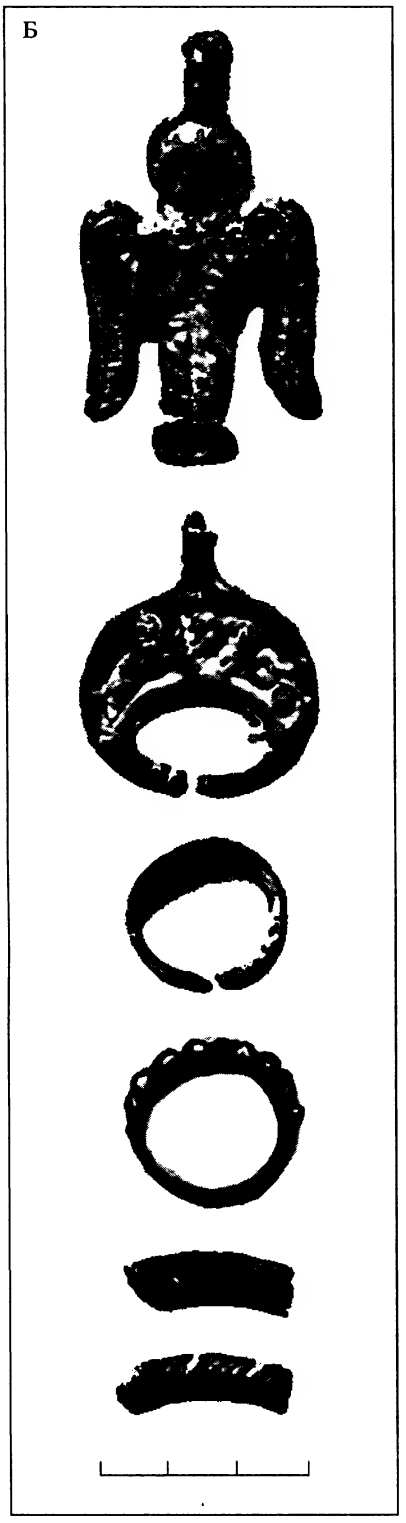


Рис. 78. А – предполагаемая трасса Яузско-Клязьминского волока

В качестве подосновы использована Топографическая карта Московской губернии 1860 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387). Масштаб 2 версты в английском дюйме.

I – археологические памятники XII–XIII вв. и их №: 1 – Болшевский археологический комплекс; 2 – Городищенский археологический комплекс; 3 – приречная часть селища в с. Б. Мытищи; 4 – Тайнинское селище;

Б – Тайнинское селище. Украшения, найденные во время раскопок Ю.А. Князева 1964–1966 гг.

стень и трехбусинные височные кольца относятся непосредственно к предмонгольскому времени.

Место хранения коллекции. Государственный Эрмитаж, кол. 627/ № 21–48 (сборы 1896 г.) и кол. 628/ № 23–30 (сборы 1901 г.). Коллекции эти поступили в Эрмитаж 18.02.1932 г. из Ленинградского Историко-Лингвистического института (ЛИЛИ) со своими описями: вещи 1896 г. – том IV, № 155 и вещи 1901 г. – том II, № 149. В 1926 г. Н.П. Бауэр видел вещи 1896 г. вместе с присоединенной к ним монетой X века в Ленинградском университете. Каково было передвижение коллекции из Археологической комиссии и, может быть, из Археологического института в Петербурге (в органе которого А.А. Спицын ее опубликовал) от 1898 г. до Ленинградского университета в 1926 г., мне неизвестно. В Эрмитаже на эти вещи были составлены описи № 627 и 628 только в 1937 году.

Архивные источники. Гендуне Ю.Г. Отчеты 1901 и 1902 гг. (Архив ЛОИА[49]. Ф. 1. Оп. 39/1901 и Оп. 27 / 1902 (здесь фотографии)). В отличном отчете Ю.Г. Гендуне прекрасно и четко рассказано то, что здесь кратко повторено о 1-м Болшевском курганном могильнике и его топографической привязке к селу Болшеву. Во времена Гендуне железной дороги в Болшево не было, поэтому привязку могильника к станции Болшево сделала я в 1989 г.

Отчет Ю.Г. Гендуне 1901 г. Бадеру остался не знаком, поэтому он в публикации 1947 г. переписал у А.А. Спицына 1898 года неконкретное и невразумительное местоположение первого Болшевского могильника без курганов (вопрос о наличии которых А.А. Спицын считал нерешенным). И вторая ошибка О.Н. Бадера, сделана вследствие незнания отчета 1901 года, – это чудовищная приписка Юлии Гюставовне Гендуне "раскопок" 60 курганов в Болшево в каком-то не известном никому месте "раскопок", не оставивших никаких следов в Болшево! Ю.Г. Гендуне раскопала 60 курганов в Глинниках на Верхней Волге Тверской губернии несколько лет позже и сделала об этом прекрасные отчеты.

Спицын А.А. Находки 1896 г. близ с.Болшева Московского у. // Вестник археологии и истории. СПб., 1898. Вып. X. С. 116, 117.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. М., 1947. № 7. С. 99–100.

[49] В настоящее время Архив ИИМК РАН.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. С. 214.

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А. Список археологических памятников Московской области. М., 1973. С. 77. № 18 (списал у О.Н. Бадера весь ошибочный материал);

Равдина Т.В. Болшевские находки и одна коллекционная ошибка // КСИА. М., 1975. Вып. 144. С. 54–59.

Макарова Т.А. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С. 40, рис. 15, № 95 и С. 132 (квадрифолийный перстень в моем рисунке).

Болшево-II[50]

Местоположение. Не более чем 1 км к востоку (и чуть точнее) от станции Болшево Ярославской ж.д. От курганов Болшево-I могильник II отделен 560 метрами и двумя оврагами. По географии XIX века могильник II находился не в с. Болшево, а недалеко от с. Городище на площади городища, образованного оврагом и высоким берегом Клязьмы.

Расположение относительно реки. Метров в 200 от высокого берега Клязьмы.

История изучения. В 1901 г. Ю.Г. Гендуне насчитала и нанесла на план 28 курганов двух групп. По 9 и 19 насыпей (расстояние между группами – 20 м). В 1932 г. А.В. Збруева в составе Московско-Волгостройской экспедиции ГАИМК насчитала здесь 29 курганов и тоже составила план, но отличающийся от плана 1901 года как по расположению курганов, так и по конфигурации и ориентировке городища. В 1932 г. Было констатировано, что большинство курганов раскопано до 1932 г. И поросло деревьями.

Выявление могильника. Ю.Г. Гендуне в 1901 г.

Дата проведения раскопок и исследователь. Ю.Г. Гендуне в 1901 г. и 1902 г., В.А. Городцов в 1921 г.

Методика исследования. Всего раскопано 25 курганов: 20 курганов в 1901–1902 гг. И 5 курганов в 1921 г., в настоящее время курганов нет. В 1901 г. Ю.Г. Гендуне писала, что "курганы находятся в жилой местности и сильно утоптаны". В 1901, 1902 и 1921 гг. курганы раскапывались, очевидно, не на снос, так как в 1932 г. были насчитаны все курганы и даже на один больше, чем было в 1901 г. Один курган выделялся в 1901 г. большими размерами – высота – 1,8 м, диаметр – 11 м. На каждый раскопанный курган Ю.Г. Гендуне делала план и разрез. По приведенным О.Н. Бадером данным, курганы в 1932 г. имели диаметры в основном 7–8 м, высоты – метр с небольшим; у 15-и курганов высот нет – наверно, это остатки наиболее полно раскопанных курганов в 1901–1902 гг. О раскопках 1901–1902 гг. О.Н. Бадер не знает, а о раскопках В.А. Городцова 1921 года знает только факт раскопок между 1919–1923 гг. И не знает количество раскопанных курганов и где вещи.

Погребальный обряд. Из 20 раскопанных Ю.Г. Гендуне курганов нет сведений о пяти курганах (№ 9–11, 15, 16 – надо полагать, они были пустые). В 15 курганах Ю.Г. Гендуне и 5 курганах В.А. Городцова зафиксировано 21 погребение (в кургане 13 их было два разновременных без вещей, и второе, детское, более позднее по отношению ко взрослому в яме): 7 – в ямах, 14 – на горизонте; одна рука на тулове, другая – вытянута. В двух погребениях замечены колоды (одна – в яме), в трех погребениях скелет завернут в бересту (один – в яме). Из 21 погребения 9 без вещей, 2 – только с горшками, 10 погребений с женскими украшениями.

Описание вещевых комплексов. Височные кольца. Трехбусинные 10 штук диаметрами 25, 35, 47(2), 60 мм в 4-х погребениях: в трех погребениях гладкие 5 штук, в одном погребении зерненое, у четырех колец бусы неизвестны, сохранились только обмотки между бусами. Кольца диаметрами 6 и 8 см завязанные (?) и загнутоконечное – 5 в трех погребениях. Диаметром 10 см ромбощитковые (по пять щитков) завязанные – 7 в одном погребении, Ю.Г. Гендуне называет их кольцами смоленского типа. Височные кольца "малые смоленского типа" – 2 в другом погребении – в натуре не видела.

Гривны: "витая", дротовая, "остатки".

Бусы стеклянные в пяти погребениях: боченковидные золоченые в трех погребениях по несколько штук; фиолетовые 6 в одном погребении; не прозрачные "расписные"; шарообразные бесцветные крупные в двух погребениях 5 и 10; не прозрачные крупные бочонки с муфтами у отверстий и с черными зигзагами по тулову 11 в одном погребении; шарообразные крупные черная и голубая в одном погребении.

Бусы сердоликовые бипирамидальные 10 и хрустальные шарообразные 11 вместе в ожерелье; бусы сердоликовые без хрустальных в трех погребениях по несколько штук. Бусы биллоновые: полусферические 4, бипирамидальные 3, пружинки-пронизки дву-

[50] Т.В. Равдина называет здесь так 1-й Болшевский курганный могильник у быв. д. Городище.

ствольные (в том числе с волосяными нитями) в трех погребениях.

Бубенчики (+) 4 в двух погребениях. Бубенчики (–) 6 в одном погребении.

Привеска круглая прорезная уникальная, висела в ожерелье из 23-х крупных стеклянных бус.

Браслеты 7 в шести погребениях: дротовые разомкнутый и сплошной; плетеный трехгранный без дрота; проволочный тонкий с раскованными концами – может быть, дрот от кольчужного браслета; витые тройные 2; пластинчатый тупоконечный с орнаментом "волчий зуб".

Перстни 27 в восьми погребениях (до 8 штук в одном): рубчатые 10, ложновитые 3, дротовые 2, решетчатый, кованые 4, "витые" 2, "пластинчатые" 4, толстопластинчатый с рельефным сечением.

Застежка звездчатая восьмилучевая. Шерстяная тесьма шириной 7 мм и ткань коричневого цвета с шелковой вышивкой.

Горшок только в одном женском погребении, орнаментирован линейным орнаментом по всей поверхности.

Датировка. XII век. Есть вещи и явления XI–XII вв. или начала XII в.: звездчатая пряжка, тупоконечный браслет с "волчьим зубом", бубенчик (+) в двух погребениях, истинно золоченые стеклянные бусы в трех погребениях. Но большинство бус, браслетов и перстней датируются только XII веком, так что раскопанные курганы можно датировать от начала до середины XII в.

Место хранения коллекции. Государственный Эрмитаж. Кол. 628/1-32 (раскопки 1901 г.); ГИМ, инв. № 42044. Оп. 446 (раскопки 1902 г.); инв. № 54721. Оп. 188 (раскопки В.А. Городцова 1921 г.)

Архивные источники. Архив ЛОИА. Ф. 1. № 39/1901, 27/1902 г.;

Городцов В.А., 1924. Археологические раскопки в Советской России с 1919 по 1921 г. // Древний мир. М., 1924. Вып. 1. С. 19; Архив Городцова В.А. в ГИМе;

Арциховский А.В. Курганы втичей. М., 1930. С. 119, 167–168, № 15 (один комплекс В.А. Городцова);

Бадер О.Н. Отчет о работах за 1932–1933 гг. // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. / Изв. ГАИМК. М., Л., 1935. Вып. 109. С. 54.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. М., 1947. № 7. С. 100. (Все ошибки этого текста сообщены мною в описании Болшево-I, и надо подвести четкий итог: из трех Болшевских курганных могильников, предложенных О.Н. Бадером, так называемый 2-й никогда не существовал и создан небрежностью В.А. Городцова, сообщившего в 1914 г. о якобы раскопанных Ю.Г. Гендуне 60 курганах в Болшево; 1-й бадеровский могильник описан только по случайным находкам 1896 г. в публикации А.А. Спицына, для этого курганного могильника не использованы бесценные данные 1901 года; 3-й, по Бадеру, курганный могильник существовал, но описан без данных раскопок 20 курганов Гендуне, а об одном комплексе из раскопок В.А. Городцова сведения взяты у А.В. Арциховского, в то время как все вещи были в ГИМе;

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А. Список археологических памятников Московской области. М., 1973. С. 77, № 18 (все списано у О.Н. Бадера);

Равдина Т.В. Болшевские находки и одна коллекционная ошибка // КСИА. М., 1975. Вып. 144. С. 54–59.

Болшево-I (?)

14 курганов (часть могильника I).

Выявлен. Ю.Г. Гендуне в 1901 г.

Раскопки и их автор. Не известно, кто 26 июля 1913 г., и не известно, в каком месте Болшева.

В МГУ, на Кафедре археологии Истфака есть несколько вещей с паспортом "Болшево 26 июля 1913 г."

Полагаю, что эти поздние вещи происходят из могильника I в селе Болшево, но не уверена в этом.

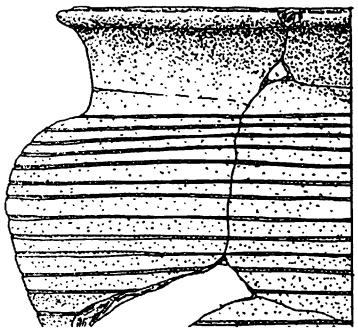
Описание вещевых комплексов. Семилопастные височные кольца – крупные, развитые (3); браслет витой петлеконечный 3 × 3; бусы сердоликовые бипирамидальные 4, хрустальные харообразные 4, бусы биллоновые полусферические 2; бляшка литая диаметром 22 мм, орнамент пятилепестковая розетка; крестик криноконечный.

Датировка. Первая половина XIII (?).

Место хранения коллекции. Кафедра археологии МГУ. Опись 40.

Архивные источники. Картотека Т.В. Равдиной, № 24;

Беленькая Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. № 4. С. 90.



Глава 12

Древнерусские памятники в долине р. Неглинной: "ландшафтная" гипотеза землепользования и данные раскопок

Н.А. Кренке

Совместно с И.А. Бойцовым в 1992 г. автором была предпринята попытка реконструировать ландшафтную ситуацию и принципиальную схему землепользования в долине р. Неглинной в древнерусское время [Бойцов и др., 1993. С. 68–69]. В 1992 г. вне стен Кремля в долине р. Неглинной и в районе ее устья было известно лишь три пункта с находками XII–XIII вв. – на Волхонке [Векслер, 1992], в Историческом проезде [Чернов, Бойцов, 1992] и в районе старого Печатного двора на Никольской ул. [Векслер, 1987]. Кроме того, имелись топонимические данные. Большая часть топонимических данных – это "расширения" в наименованиях церквей – "Троицы у старых поль", "Анастасии у поль", "Пятницы у старых поль", "Гребневской Богородицы на бору" и др. Хронологическая привязка топонимических данных весьма приблизительна. Большинство этих топонимов впервые упомянуто в документах XV–XVI вв. Следовательно, ландшафтные особенности, зафиксированные топонимами, еще древнее. Насколько древнее – можно только гадать. Лишь топоним "Кучково поле" допускает предположение, что он восходит к XII в. и связан с именем легендарного боярина.

С учетом перечисленных выше данных была сделана попытка "наложить" на долину р. Неглинной схему природопользования XII–XIII вв., реконструированную на материалах исследования памятников в долине р. Язвенки (см. гл. 7). Суть этой гипотезы заключается в том, что поселения располагались вдоль обоих берегов на низких уровнях возле воды, выше по склонам тянулись поля, верхнюю границу которых маркировали курганные могильники, создававшиеся на заброшенных пашнях.

За последние 10 лет в долине р. Неглинной, скрытой под многометровыми отложениями городского культурного слоя, было проведено несколько масштабных археологических исследований. А именно раскопки на Манежной площади, на месте церкви Троицы "у старых поль", на Романовом дворе, в нескольких пунктах по ул. Волхонке и на Кремлевской набережной. Везде были выявлены материалы XII–XIII вв., которые позволяют значительно конкретизировать наши представления о том, как выглядела местность на запад и север от Кремля в первое столетие его существования.

Рассмотрим подробнее результаты раскопок.

На правом берегу Неглинной древнерусские материалы зафиксированы в пяти пунктах по следующим адресам: 1) ул. Дмитровка, д. 17 [Векслер и др., 2002]; 2) Манежная пл. [Беляев, Векслер, 1996; Векслер, 1993]; 3) Романов двор [Кренке, 2001; 2003; 2003а]; 4) Моховая ул, д. 6–8 [Векслер А.Г., 2001]; 5) Волхонка, д. 6, 8, 13; Кремлевская наб., д. 1/9 [Векслер, 1992; 1999; 2002].

На левом берегу р. Неглинной, за пределами кремлевских стен, объекты XII–XIII вв. исследованы раскопами в Историческом проезде [Чернов, Бойцов, 1992], на месте Казанского собора [Беляев, Векслер, 1996; Alexandrovskiy A. et al., 1998], старого Печатного двора [Векслер, 1987] и в районе церкви Троицы "у старых поль" [Векслер, 2000; Векслер, Беркович, 2001]. Помимо этого, при наблюдениях по трассам коммуникаций по линии Никольской ул., на пространстве от Красной до Лубянской площади также была встречена сероглиняная керамика XII–XIII вв. [Векслер, 2000].

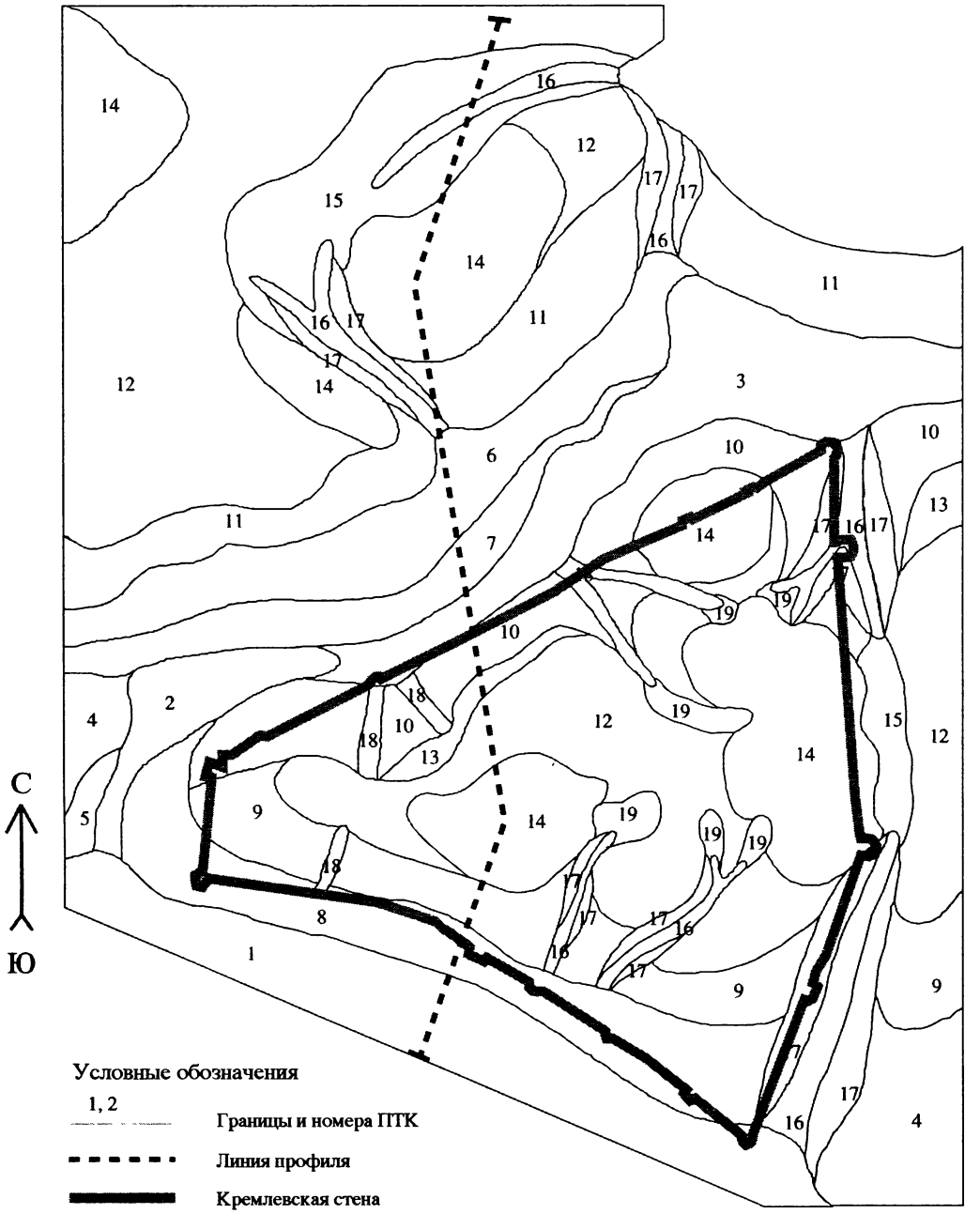


Рис. 79. Условно-восстановленные природно-территориальные комплексы в районе Кремля и долины р. Неглинной (ранг ПТК – простое урочище, подурочище). Карта (легенду см. на с. 295–296)
Составлена В.А. Низовцевым

Эти объекты были нанесены на карту палеорельефа Москвы, подготовленную Котловым и уточненную И.И. Кондратьевым по данным геологического бурения (рис. 81).

Рассмотрим вначале материалы, локализуемые на левом берегу р. Неглинки.

На участке современного Исторического проезда наиболее ранние объекты – это пахотный и огородный горизонты, зафиксированные под культурным слоем возле фундамента Иверских ворот стены Китай-города и под Казанским собором.

Возле фасада фундамента Иверских ворот, обращенного к Красной площади, в 1994 г. в шурфе № 7 на небольшом останце между кладками фундаментов XVI в. был зафиксирован пахотный горизонт, перекрытый культурным слоем XIII в. Это определение было получено по результатам изучения совместно с почвоведом А.Л. Александровским вертикального разреза культурного слоя и погребенной под ним почвы [Кренке, 1994; Кренке, Чернов, 1999].

Второй пункт – это огородный горизонт, перекрытый остатками сгоревшей постройки,

обнаруженный на месте Казанского собора на Красной площади. Участок, где сохранились остатки XII–XIII вв., был очень мал – всего несколько квадратных метров между фундаментами западной стены собора и стены трапезной [Alexandrovskiy et al., 1998]. Погребенная почва, подстилавшая культурные напластования, была вначале описана почвоведом А.Л. Александровским в разрезе. Верхний горизонт этой почвы был определен как пахотный. Затем была сделана горизонтальная зачистка на площади около 1 кв. м по уровню основания "пахотного" горизонта. При этом были выявлены не борозды, а ряды и скопления мелких изолированных ямок. Вытянутая "листовидная" форма ямок никак не позволяет трактовать их как столбовые. Наиболее вероятное объяснение – это следы лопат [Александровский, Кренке, 1993]. Последующие работы, в том числе раскопки 2002 г. на Романовом дворе [Кренке, 2003] дали подтверждение такой интерпретации. Тем не менее к полученным выводам следует относиться с осторожностью, учитывая крайне незначительные размеры зачистки. Отсутствие сохранившихся пахотных борозд на данном квадратном метре не может доказывать, что поля на этом участке никогда не было. Важно отметить, что сгоревшие доски постройки, непосредственно перекрывавшие погребенную почву, не были нарушены, т.е. следы лопат, зафиксированные в горизонтальной зачистке подзолистого горизонта, не могут быть не чем иным, как следами древних лопат, которыми перекапывали землю до сооружения постройки. По угольку дуба из пахотного горизонта была получена на ускорителе радиоуглеродная дата, соответствующая календарному интервалу 1034–1162 гг. (GrA 6284). Комплекс радиоуглеродных датировок по образцам из самой постройки указывает на то, что наиболее вероятное время ее функционирования укладывается в интервал с конца XII до первой половины XIII в. Трудно представить, что огород мог принадлежать жителям Кремля. До него было около 200 м. Более вероятно, что усадьба, к которой относился огород, находилась в непосредственной близости от него. Относительная крутизна берега в этом месте также скорее указывает на то, что поселение находилось не у подножия склона, а на слабонаклонной поверхности террасы (в топографически сходных условиях находится поселение Царицыно-3 на р. Язвенке). Если делать такое допущение, то можно предположить, что поселение, синхронное огороду, располагалось на высоком берегу р. Неглинной на удалении примерно в 170–180 м от ее русла и на высоте около 16 м выше уровня воды в речке (около 142 м в балтийской системе высот).

В конце XII – начале XIII в. на месте огорода была сооружена постройка. Скорее всего, это была жилая изба (на что указывают многочисленные находки керамики и бытовых вещей, включая обломки стеклянных браслетов, костяную рукоять плети, костяной гребень) с полом из сосновых досок, уложенных поверх лаг. Вероятно допущение, что эта постройка связана с развитием того же поселения (усадьбы?), к которой относился огород. Поселение это простиралось в сторону реки по пологому склону метров на 50 (высотная отметка около 140 м) и далее не продолжалось (?). Эта граница маркируется *ямой 8* в раскопе на территории Исторического проезда. По типологическим признакам керамики С.З. Чернов датировал комплекс *ямы 8* второй–третьей четвертью XIII в. (МК. Рис. 2, табл. 27).

Для уточнения возраста самой постройки на месте Казанского собора наибольшее значение имеет сравнение датировок вещей и керамики с серией радиоуглеродных датировок (табл. 1). Вещевые находки из постройки, в первую очередь стеклянные браслеты, указывают на то, что ее наиболее вероятный возраст – вторая половина XII – первая половина XIII в. Керамический комплекс [Беляев, Векслер, 1996. Рис. 6] явно древнее комплекса *сруба 1* из раскопа в Историческом проезде, построенного, судя по дендродатам, в 1248–1251 гг. и функционировавшего в течение всей второй половины XIII в.

Серия из 10 радиоуглеродных датировок по образцам из рассматриваемой постройки распадается на две хронологические группы. Более древние датировки имеют возраст около 900 лет, более молодые – около 820–830 лет. Следует обратить внимание на то, что по образцам от одной доски в разных лабораториях были получены две сильно расходящиеся датировки: 820±20 (ГИН 7181) и 1020±15 (GrN 22473). Древняя датировка, полученная в Гронингене, противоречит всему остальному комплексу дат и, вероятно, обусловлена особенностями предварительной очистки образца. Скорее всего, получение двух серий дат связано с тем, что в конструкции постройки использовалась разновозрастная древесина. Одновременно срубленные деревья могли иметь разный усредненный радиоуглеродный возраст за счет различий в собственном возрасте деревьев. Допустимы и иные объяснения, например, ремонты.

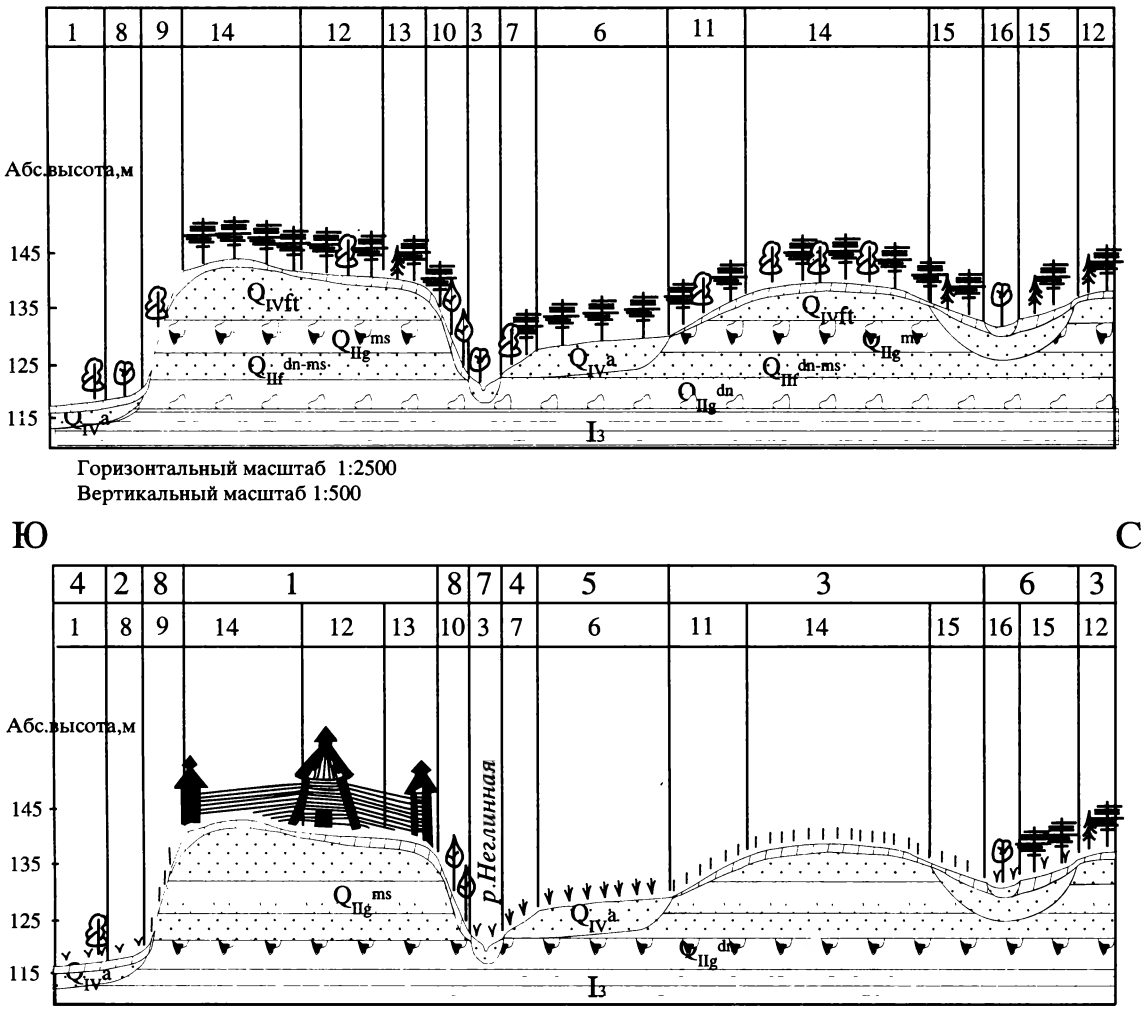


Рис. 80. Условно-восстановленные природно-территориальные комплексы в районе Кремля и долины р. Неглинной (ранг ПТК – простое урочище, подурочище). Профиль

Составлен В.А. Низовцевым

Отметим, что факт использования в одной постройке бревен, сильно отличавшихся по возрасту (следовательно, имевших различные "средние" радиоуглеродные даты), зафиксирован при дендрохронологическом анализе сруба 1 в Историческом проезде. Стены этого сруба включали бревна с 30 годичными кольцами и бревно того же диаметра, что и остальные, но имевшее возраст более 100 колец (дерево, выросшее в угнетенных условиях). Если высказанное выше предположение о причинах разброса радиоуглеродных датировок верно, то для определения возраста самой постройки следует опираться на более молодые датировки, которые при калибровке указывают на конец XII – середину XIII в.

Важно отметить, что сгоревшие остатки постройки под Казанским собором имели хорошую сохранность (остались нерастащенными). Это могло произойти лишь в одном случае – при быстром накоплении культурного слоя, законсервировавшего следы пожара, что характерно для поселения городского типа.

Таким образом, можно высказать следующие предположения относительно этапов освоения участка левого берега р. Неглинной в районе Исторического проезда.

1. Ориентировочно во второй половине XII – начале XIII в. на выположенном участке берега примерно в 50 м от бровки перегиба склона существовало поселение с огородом. Возделанный участок простирался вниз

по склону, где огород переходил в пашню (?). Характер поселения не ясен, может быть, оно сельского типа, а не подгородный посад.

2. В первой половине XIII в. поселение продолжает существовать на том же месте, застройка уплотняется (?) и распространяется вниз по склону (яма 8). Около середины XIII в. застройку уничтожает пожар. Отсутствуют аргументы, которые могли бы свидетельствовать в пользу городского, либо сельского характера застройки.

3. В середине XIII в., сразу после пожара, застройка склона левого берега Неглинной возобновляется, причем постройки спускаются еще ниже по рельефу. Они занимают площадь, ранее использовавшуюся под пашни (огороды ?). Постройки имеют сходную ориентировку, видимо, по трассе улицы, которая шла в ином направлении, чем нынешняя Никольская улица, проложенная после возведения в 1491 г. Никольской башни Кремля [Чернов, Бойцов, 1992. С. 228]. На выположенной поверхности склона начинается быстрое накопление культурного слоя, что характерно именно для городского типа застройки, т.е. можно согласиться с выводом С.З. Чернова и И.А. Бойцова о том, что во второй половине XIII в. на данном участке локализовался уже городской посад.

В конце XIII в. этот посад был, видимо, очень обширным. Вдоль левого берега р. Неглинки он простирался от Кремля на 600–700 м, что доказывается находками по трассе Никольской улицы. Наиболее удаленная от Кремля точка – на месте церкви Троицы в Старых полях. Здесь были зафиксированы остатки деревянной церкви начала (?) XIII в. [Векслер, Беркович, 2001], а также небольшие хозяйственные ямы с керамикой типа серой, аналогичной керамике из постройки на месте Казанского собора, т.е. относящейся к концу XII – началу XIII в. [Векслер, 2000]. Можно предполагать, что на мысу при впадении овражка в р. Неглинную, на котором стояла церковь, было раннее "изолированное" поселение, предшествовавшее посаду, но прямых доказательств этому нет.

Ландшафтные особенности правого берега р. Неглинной иные. Склон этого берега реки пологий, расчленен несколькими оврагами.

Наиболее удаленная от устья точка с находками XII–XIII вв. – в районе ул. Дмитровки (д. 17). Археологические данные, опубликованные авторами работ [Векслер и др., 2002], очень скупые. Доказательством существования на этом месте поселения XII–XIII вв. служит находка фрагментов стеклянных браслетов. Поселение занимает высокую позицию на третьей надпойменной террасе Москвы-реки. Его высотная отметка – около 150 м. До русла р. Неглинной не менее 400 м.

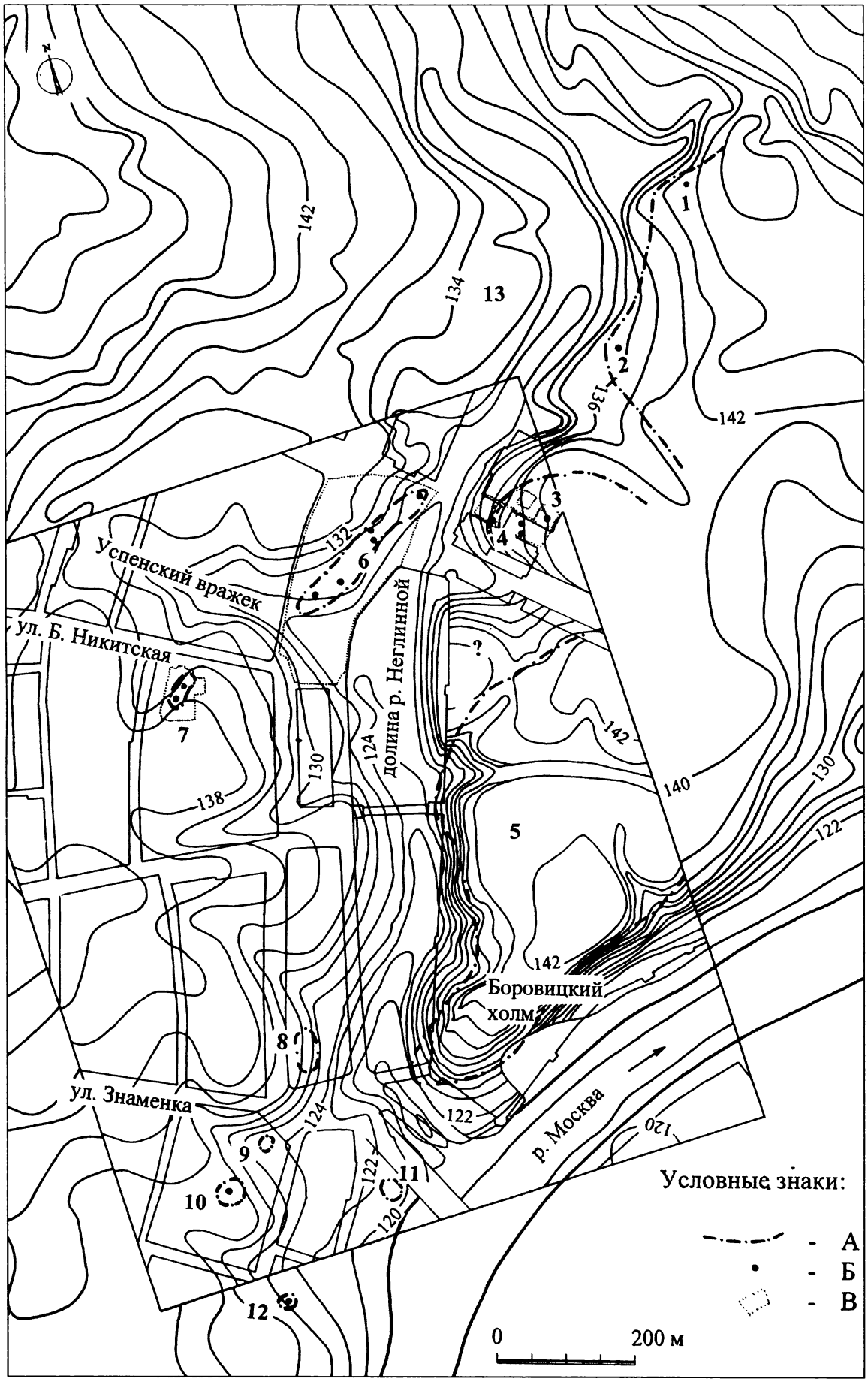
"Стандартную" ландшафтную приуроченность, с точки зрения упомянутой выше модели расположения поселений, изученных в долине р. Язвенки, имело поселение, открытое при раскопках на Манежной площади. Ямы с древнерусским материалом (видимо, от построек) располагались в нижней части склона ближе к руслу р. Неглинной. Вверх по склону тянулись пашни. Точное хронологическое соответствие пашен и поселения установить не удалось. Ясно лишь, что склон распахивался длительное время, в результате чего почвы в верхней его части оказались смытыми, а в нижней части (тыловая область первой террасы), наоборот, накопились отложения агрогенно-делювиального характера (данные А.Л. Александровского).

Само поселение в период расцвета, видимо, было довольно обширным. Находки XII–XIII вв. тянутся вдоль берега р. Неглинной на высотных отметках 128–130 м на протяжении 150 м. Нет каких-либо естественных рубежей (оврагов), которые расчленяли бы эту заселенную полосу берега. Комплексы керамики и вещевых находок остаются пока неизданными, поэтому нельзя судить о времени возникновения поселения на Манежной площади. Уникальна находка бронзовой шумящей умбоновидной подвески [Беляев, Векслер, 1996. Рис. 13, *1*], имеющей

→

Рис. 81. Палеорельеф исторического центра Москвы по Котлову с корректировкой И.И. Кондратьева с изображением мест археологических находок XII–XIII вв.

Археологические объекты древнерусского времени (XI–XIII вв.) в долине р. Неглинной на плане палеорельефа центра Москвы по данным Мосгоргеотреста 1950-х гг. (прямоугольник в середине – рельеф показан по уточненным данным И.И. Кондратьева): А – границы участков, где зафиксированы находки XII–XIII вв.; Б – сооружения (ямы от построек, погребения и пр.) XII–XIII вв.; В – границы наиболее крупных строительных котлованов, где проводились археологические исследования. Цифрами показаны раскопы: 1 – на месте церкви Троицы в Старых полях (1999 г.); 2 – на месте Старого Печатного двора (1982, 1984 гг.); 3 – на месте Казанского собора (1991 г.); 4 – в Историческом проезде (1988, 1994 гг.); 5 – шурфы и раскопы в Кремле (1950–1990-е гг.); 6 – на Манежной площади (1993–1995 гг.); 7 – на Романовом дворе (1996–2002 гг.); 8 – на Моховой ул., д. 6, 8 (2000 г.); 9 – на ул. Волхонке, д. 6 (2002 г.); 10 – на ул. Волхонке, д. 8, 10 (1987–1989, 1992 гг.); 11 – на Кремлевской наб., д. 1/9 (1997 г.); 12 – во Всехсвятском пр. (1990 г.); 13 – на Театральной пл. (1999 г. – древнерусских материалов не обнаружено)


142
134
13
1
2
136
142
3
4
132
6
Успенский вражек
ул. Б. Никитская
7
?
долина р. Неглинной
124
130
138
142
140
130
122
5
142
Боровицкий
холм
8
ул. Знаменка
124
122
120
р. Москва
9
10
122
11
120
12
Условные знаки:
- А
- Б
- В
0
200 м

аналогии с подвесками из погребения № 6 могильника Крохинские пески рубежа XI–XII вв. и погребения № 16 могильника Нефедьево, датируемого временем не ранее 1130-х гг. [Макаров, 1990. С. 104, 107, 108, 164. Табл. XXI, *14*; табл. XXIII, *1*]. Может быть, поселение на Манежной площади возникло ранее середины XII в.? Во всяком случае, на территории Кремля подобные ранние находки отсутствуют.

Некоторые находки с Манежной площади, например, развал византийской амфоры [Векслер, Коваль, 1998] необычны для рядового сельского поселения. На этом основании авторы раскопок употребляли по отношению к данному поселению термин "посад" [Векслер, 1994; Векслер, Кондрашев, 1995].

При сравнении поселения, выявленного на Манежной площади, с посадом, располагавшимся на противоположном левом берегу, наблюдаются важные отличия. На Манежной площади не сохранилось остатков сгоревших древнерусских построек (как под Казанским собором), были только углубленные в материк ямы, т.е. в XIII в. непрерывного быстрого накопления культурного слоя не происходило. Скорее можно предполагать иное: этап существования поселения сменился периодом, когда территория запустела и использовалась под пашню(?). Именно такая судьба постигла расположенное по соседству поселение, изученное на Романовом дворе, где были получены конкретные археологические аргументы, подтверждающие такие перемены в землепользовании.

Поселение на Романовом дворе находилось в 200–250 м к юго-западу от поселения на Манежной площади на другом берегу ручья (Успенского вражка), впадавшего в р. Неглинную. На территории Романова двора было в совокупности вскрыто в режиме "правильных раскопок" около 1 тыс. кв.м. При этом поверхность материка, не нарушенная перекопами XV–XX вв., сохранилась примерно на половине раскопанной площади. Именно на этих участках были найдены следы селитьбы и хозяйственной деятельности людей XII–XIII вв. Размер территории, охваченной наблюдениями, существенно больше площади раскопов и составляет 110 × 50 м.

Верхушка холма, на котором располагалось поселение XII–XIII вв., имела отметку чуть менее 139 м. Расстояние от вершины холма до русла Неглинной – 250 м, превышение – 15 м. Ямы с материалом XII–XIII вв. находились на высотных отметках 136,5–138 м и группировались в два скопления, между которыми был "пустой" промежуток протяженностью 30 м (рис. 82). Обе группы ям находились почти на вершине холма, в верхней части склона, обращенного на запад и северо-запад, т.е. не в сторону русла р. Неглинной, а к впадающим в нее оврагам. Расстояние от северной группы ям до тальвега ближайшего оврага с водотоком (Успенский вражек) было 150 м.

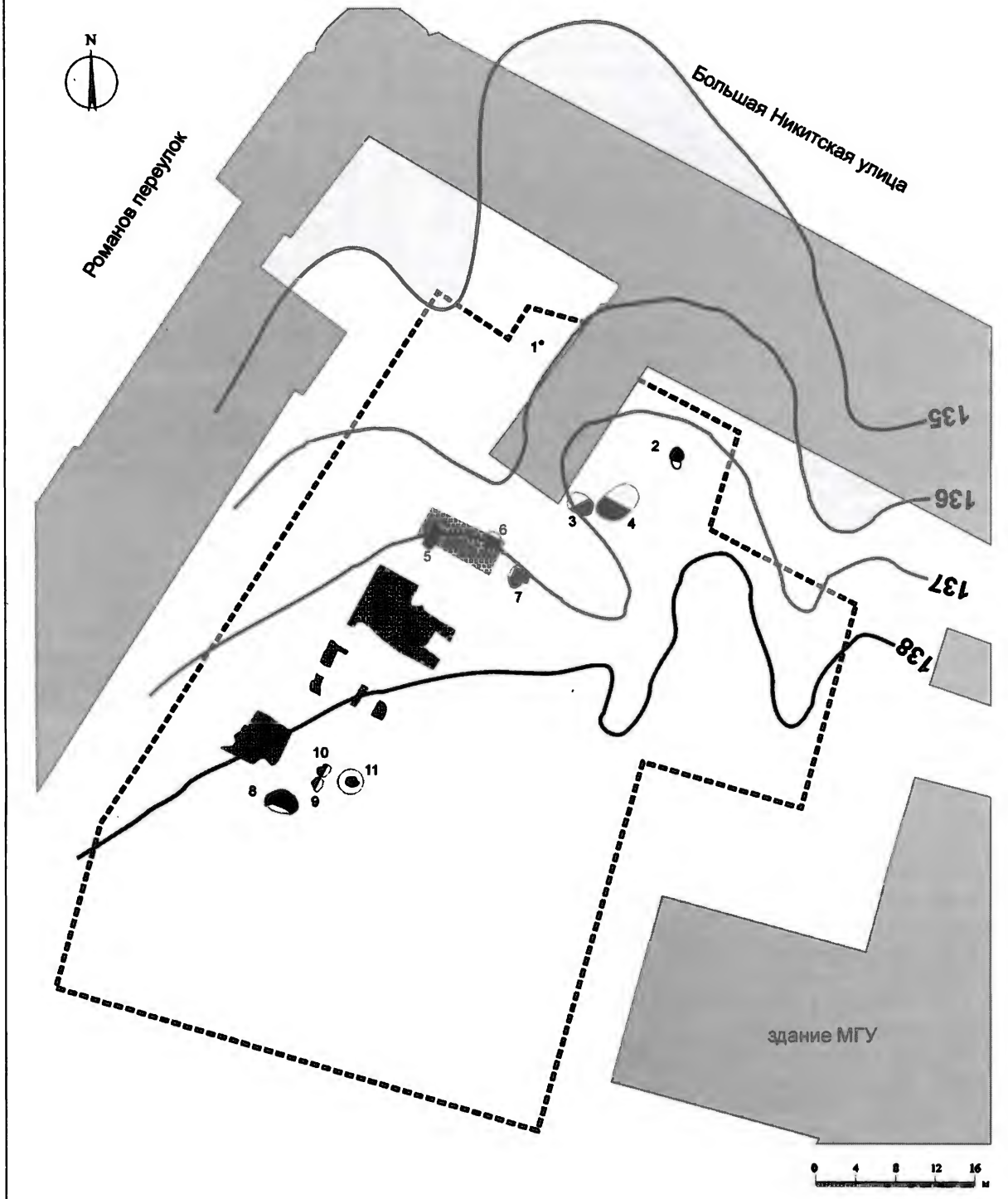
В южной группе всего четыре ямы. Две из них имели глубину 0,6–0,8 м и большое количество очажных камней, керамики и вещей в заполнении. Эти объекты могут быть интерпретированы как подпечные ямы. Кроме того, были зафиксированы две неглубокие ямы с небольшим количеством керамики. Расстояние между подпечными ямами – 5 м. Обе ямы были сильно повреждены позднейшей строительной деятельностью. *Яма 1* в раскопе IV была нарушена фундаментами дома начала XX в. Археологически исследовано примерно 60% этой ямы. Верх древнерусской *ямы 2* в раскопе IV был разрушен котлованом печи XVI в. От древнерусского комплекса сохранилось не более 20–30%. Состав керамического материала из обеих ям очень сходен, но склеек разбитых горшков, которые бы связывали эти два комплекса, нет. Набор вещей из ямы 1 составляет серию из более чем 15 находок (рис. 84), в том числе весьма важные для датировки обломки семилопастных височных колец поздней типологической разновидности с большими боковыми колечками, шиферное пряслице, витой медный браслет и несколько обломков стеклянных браслетов. Наиболее вероятное время бытования этих находок – конец XII – начало XIII в. Особенно следует отметить наличие серии стеклянных браслетов. В культурном слое Кремля, согласно данным Т.Д. Пановой, стеклянные браслеты имели максимальное распространение в начале XIII в. [Панова, 2003. С. 98]. Яма 2 была бедна находками, оттуда происходит лишь одно шиферное пряслице.

Для *ямы 1* в раскопе IV были получены три радиоуглеродные датировки (см. табл. 1), которые хотя и укладываются в пределы XI–XIII вв., но указывают на то, что в заполнении мог быть разновременный уголь, т.е. повторяется ситуация, прослеженная при датировании постройки под Казанским собо-

→

Рис. 82. План палеорельефа материка с нанесением ямы от построек древнерусского времени и участков, где была зафиксирована пашня, на Романовом дворе

Материалы работ 1996–2002 гг.



Условные обозначения

участки пашни XII–XIV вв.

135 изолинии поверхности материка (высоты даны от уровня Балтики)

ямы от построек древнерусского времени

участок археологических работ

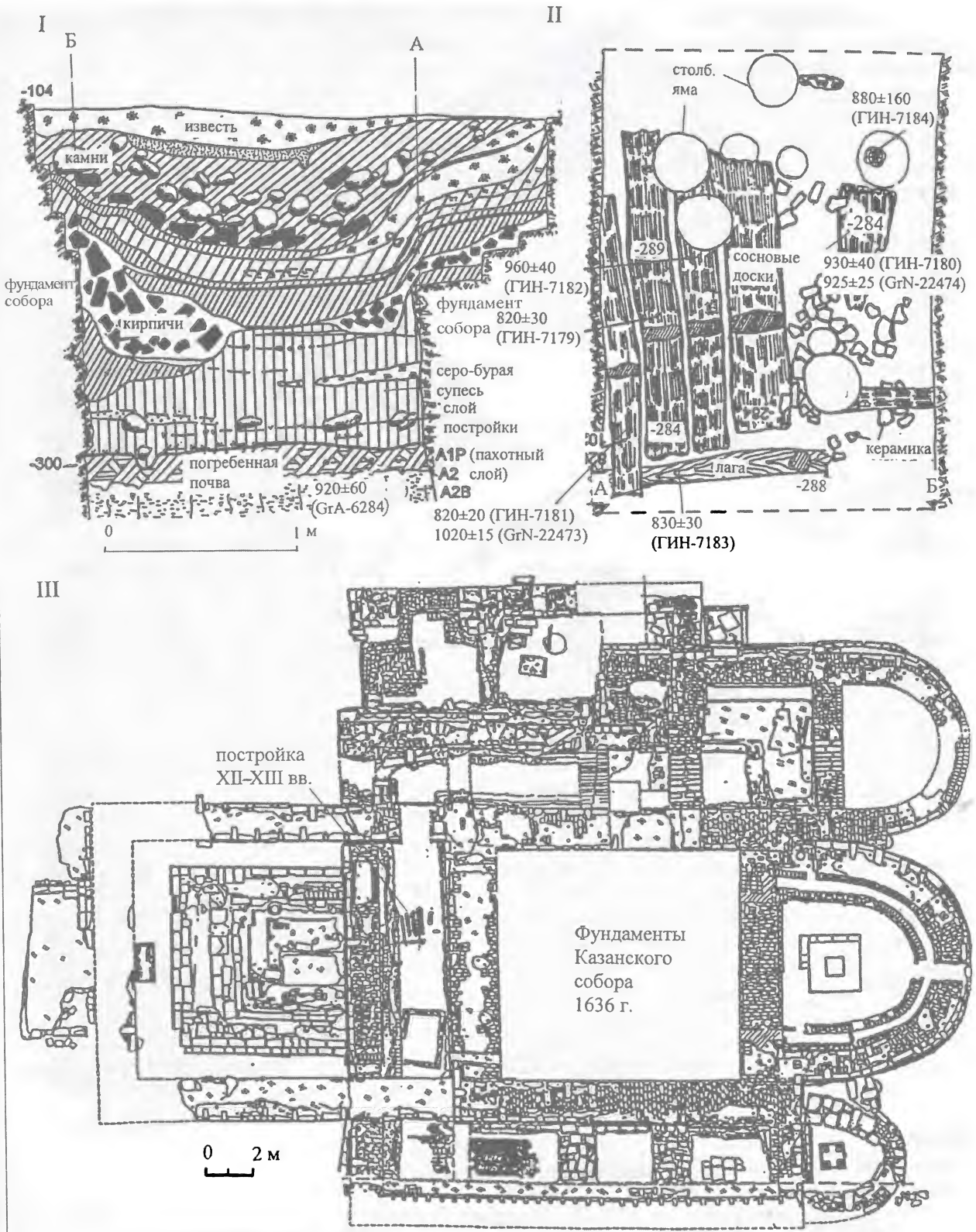


Рис. 83. Древнерусская постройка на месте Казанского собора 1636 г.

I – разрез культурного слоя по линии восток–запад между фундаментами западной стены и трапезной Казанского собора; II – план постройки начала XIII в. с нанесением мест взятия образцов на радиоуглеродный анализ; III – план фундаментов Казанского собора (по Л.А. Беляеву)

ром на Красной площади. Археологическим представлениям в наибольшей степени соответствует радиоуглеродная дата 870 ± 40 лет.

Если ямы 1 и 2 раскопа IV одновременны (что весьма вероятно), то можно предположить, что стены построек были очень близко друг от друга (не более 3 м). В промежутке между ними находились две ямы неясного назначения.

Вокруг ям от построек были прослежены борозды распашки. В бороздах найдены исключительно фрагменты древнерусской керамики типа курганной/сероглиняной. В первоначальных публикациях подразумевалось как само собой разумеющееся, что прослеженная пашня одновременна постройкам [Александровский и др., 1998; Кренке, 2001]. Однако раскопки 2002 г. показали, что это не совсем так.

Северная группа ям представлена семью объектами. Шесть из них напоминают по своим размерам и составу заполнения подпечные ямы. Одна яма – столбовая – содержала остатки сгнившего столба и керамику.

Заполнение ям, которые были интерпретированы как подпечные, включало массу битой керамики, колотые камни, кусочки древесных углей, редкие печинки. Наиболее представительный комплекс происходит из ямы 8 в раскопе VII. Эта яма не была нарушена поздними перекопами и вошла в раскоп целиком. Ее размеры равнялись 1,0 × 2,4 м. Глубина от поверхности материка составляла около 30 см. В заполнении ямы было найдено 1577 фрагментов керамики. Доминирующим типом орнаментации являлась линейная (772 фрагмента). Лишь три фрагмента стенок были орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, а два – волнистой линией. 24 фрагмента были изготовлены из белой глины.

Вещевые находки из ямы 8 раскопа VII представлены обломком стеклянного браслета темно-зеленого цвета и несколькими мелкими фрагментами медных украшений, форму которых из-за плохой сохранности не удалось определить.

Приведенные выше данные об орнаментации керамики, как мне представляется, не позволяют датировать комплекс временем ранее середины XII в. Морфологические особенности горшков позволяют сделать следующие выводы. Наиболее ранними, вероятно, являются горшки курганного типа (представлены в комплексе одной целой формой и фрагментами) с туловом, покрытым на две трети линейным орнаментом (рифлением), и венчиком S-образного профиля с утолщением на конце. По торцу венчика идет горизонтальная "каннелюра", край приподнят, образуя упор под крышку (рис. 87, *1*). Аналогиями являются находки из погребений в курганных группах Беседы и Царицыно, датированных по вещевому комплексу первой половиной XII в. [Равдина, 1991. Табл. 6].

Большую часть комплекса составляют формы приземистых горшков с прямым или косопоставленным венчиком и горшков более высоких пропорций с S-образным венчиком, заканчивающимся округлым утолщением-валиком. Подобная керамика характерна для второй половины XII – начала XIII в. Она может быть определена как переходная от курганной к сероглиняной. Особое внимание привлекает немногочисленная группа горшков, вылепленных из белой глины. Они находят аналогии в рязанской керамике XIII в. [Стрикалов, 2003. Рис. 1, 4].

Таким образом, создается впечатление, что керамический комплекс ямы 8 раскопа VII формировался длительное время – с середины XII по начало XIII в. Радиоуглеродный возраст угля из этой ямы соответствует начальной дате (наиболее вероятный календарный возраст с учетом калибровки находится в интервале между 1071–1158 гг.).

Яма 8 интересна тем, что дает ясное представление о том, что было после гибели постройки. В прогиб поверхности, образовавшийся на месте подпечной ямы сгоревшей постройки, отложился слой светло-бурой желтоватой супеси – материковый выброс из какой-то соседней ямы. На его фоне были четко прослежены пахотные борозды распашки (цв. вкл., рис. 20), т.е. на месте постройки затем было поле.

О возрасте этого поля получены дополнительные данные по материалам раскопа VI, охватившего участок между двумя группами древнерусских построек. Здесь на материке было выявлено углистое пятно, рассеченное бороздами распашки, аналогичными тем, что перекрывали яму 8. Радиоуглеродная дата (ГИН 11829) этого пятна указывает с наибольшей вероятностью на календарный возраст – конец XIII в. (см. табл. 1). Следовательно, можно предполагать, что участок распахивался позже этой даты.

Вообще нужно отметить, что на участке раскопа VI следы борозд на материке и в предматериковом слое сохранились наилучшим образом. Эти следы с очевидностью показывают, что можно достоверно выделить как минимум два этапа распашки. Борозды раннего этапа также неоднородны (именно

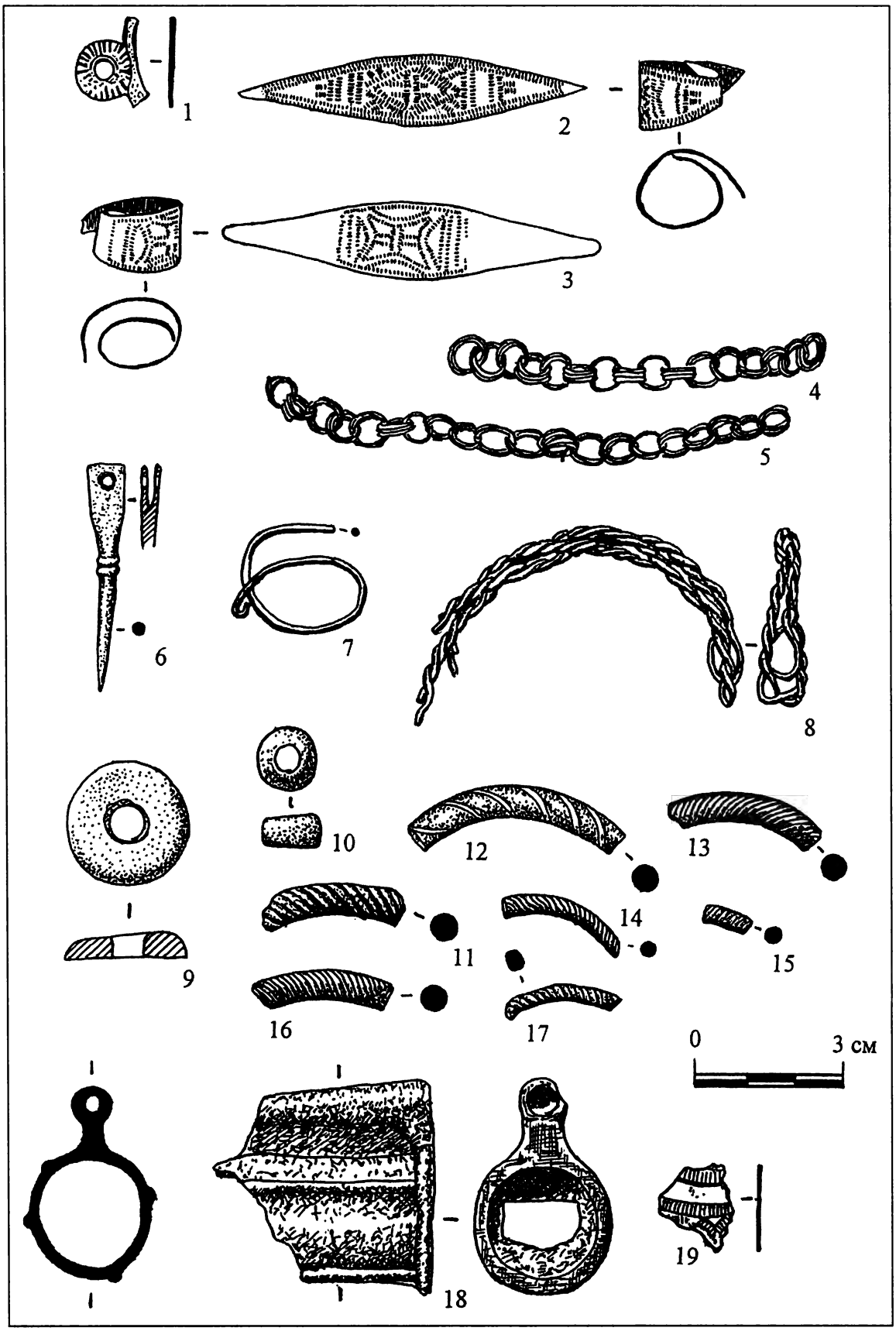


Рис. 84. Индивидуальные находки из постройки древнерусского времени на Романовом дворе: 1–8, 19 – медь; 9 – камень; 10–17 – стекло; 18 – железо
Раскопки 1998 г.

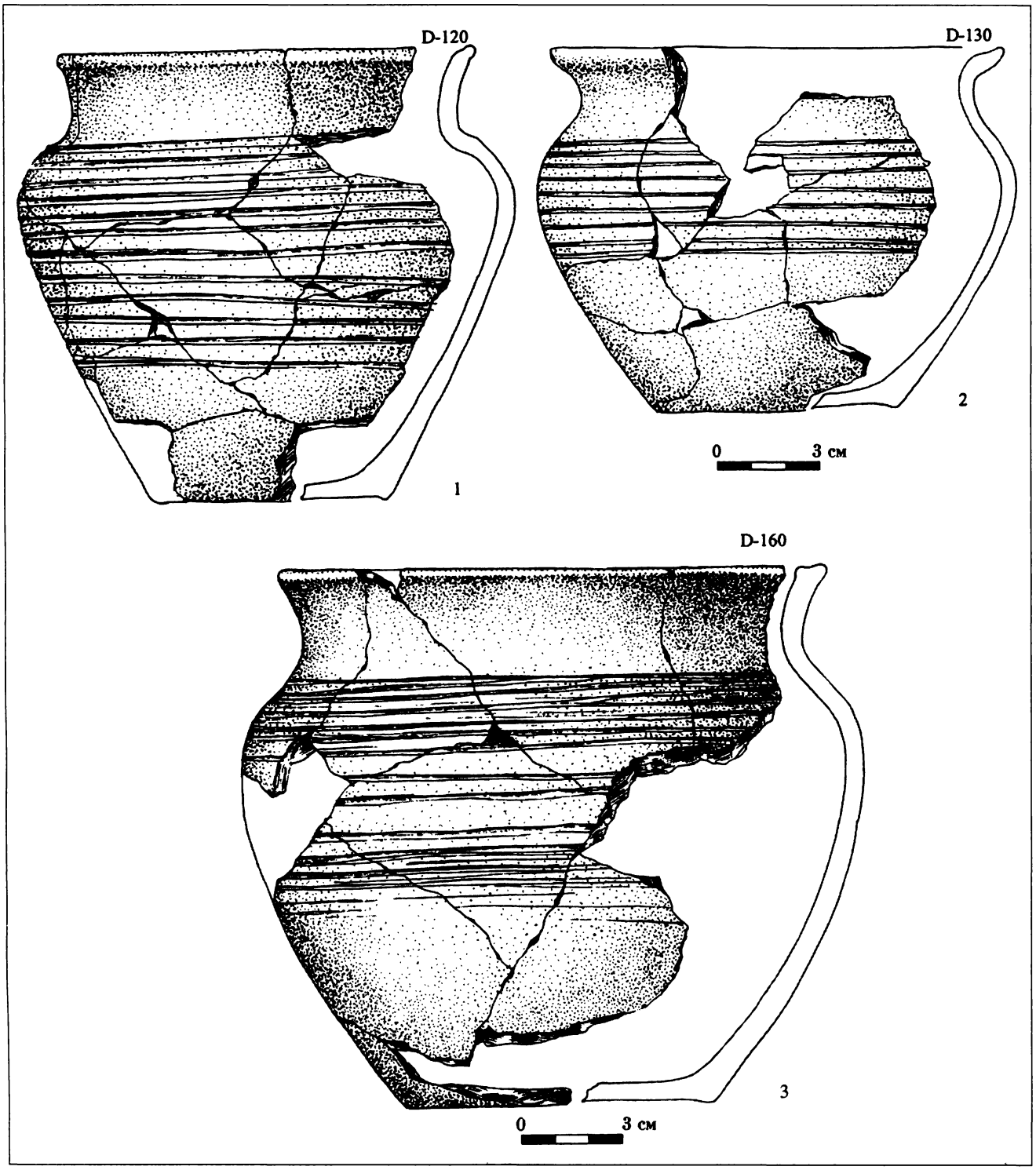


Рис. 85. Горшки из ямы 8 в раскопе VII на Романовом дворе
Раскопки 2002 г.

они перекрывали яму 8, и к ним относится вышеприведенная радиоуглеродная дата ГИН 11829). Были прослежены борозды, шедшие во взаимоперпендикулярных направлениях, а также сдвоенные борозды (от двузубой сохи?), ориентированные "наискосок" [Кренке и др., 2003].

Таким образом, весьма вероятно, что поселение на Романовом дворе возникло около середины XII в. и просуществовало до начала XIII в. Вокруг него было "пустое место", очевидно, занятое полем (трудно представить иное). Около середины XIII в. поселение запустевает (гибнет в пожаре?),

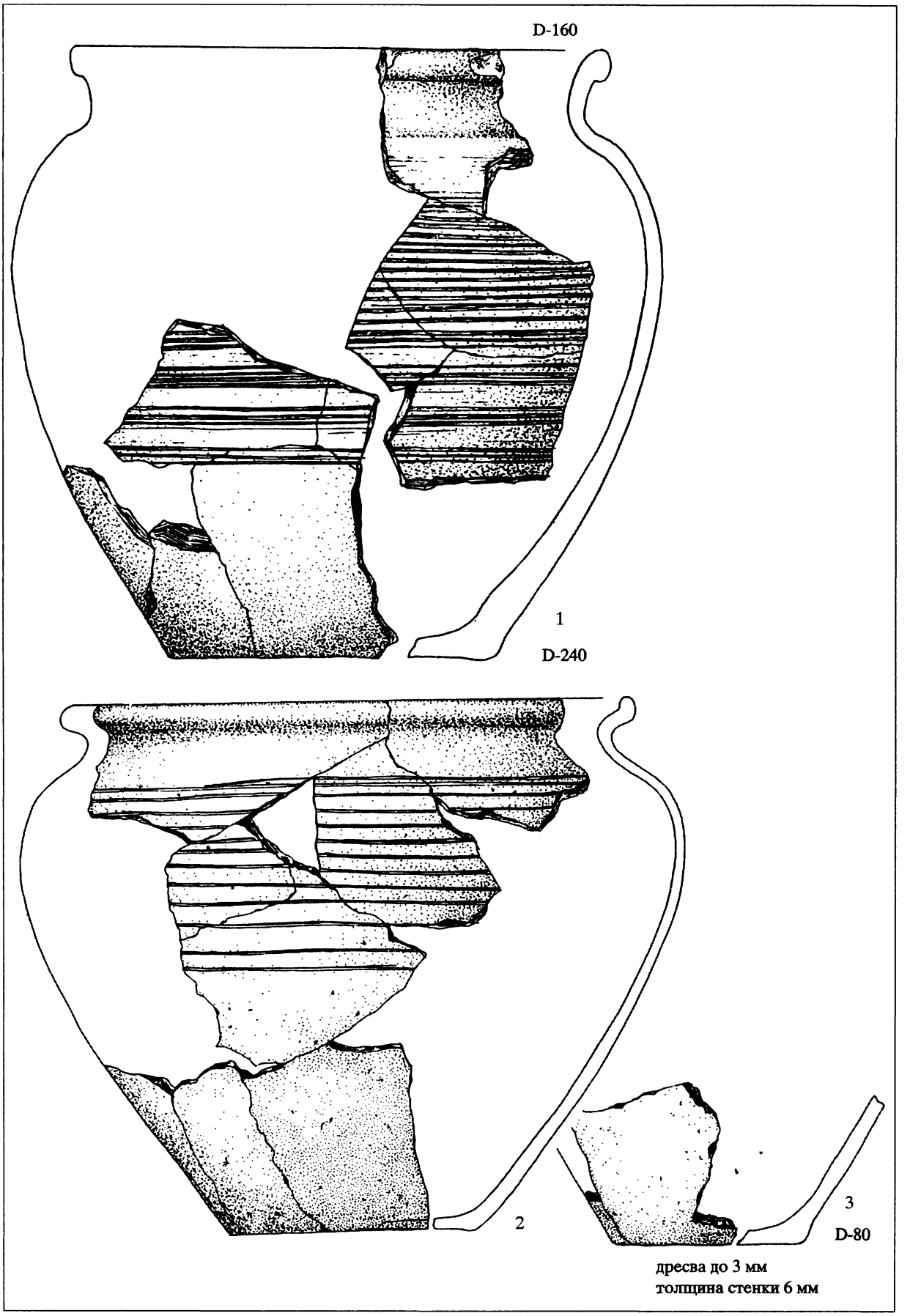


Рис. 86. Горшки из ямы 8 в раскопе VII на Романовом дворе: 1 – горшок из белой глины
Раскопки 2002 г.

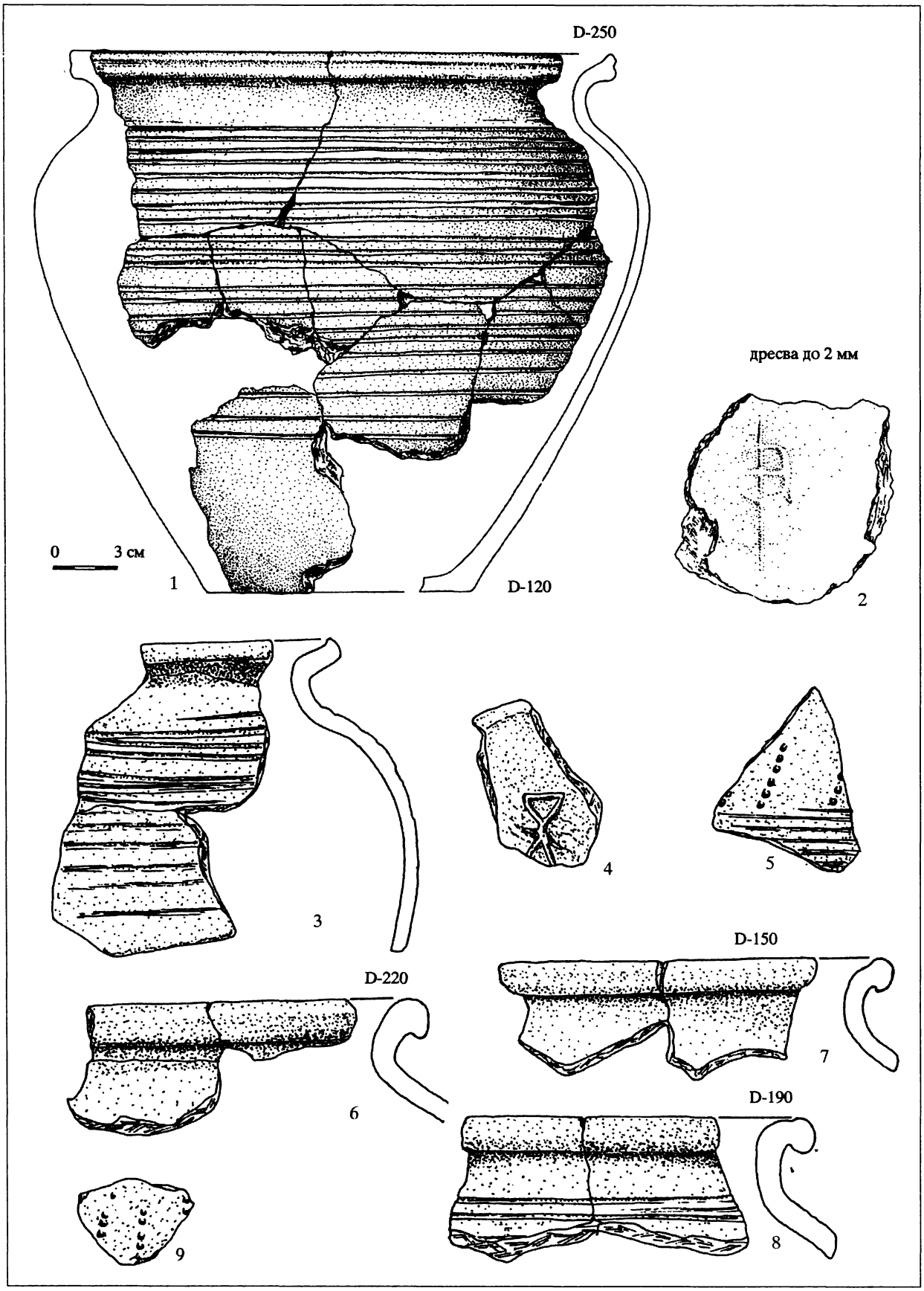


Рис. 87. Горшки из ямы 8 в раскопе VII на Романовом дворе
Раскопки 2002 г.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки образцов из объектов древнерусского времени. Раскопки на Романовом дворе и на месте Казанского собора на Красной площади

Индекс датировки	Радиоуглеродный возраст	Калиброванный возраст (годы новой эры)	Место отбора образца
ГИН 9577	730±40	1260 (1278) 1282	Романов двор, раскоп IV. Яма 1, серая супесь в основании, глубина – 360–375 см
ГИН 9581	870±40	1045 (1163, 1174, 1188) 1218	Романов двор, раскоп IV. Яма 1, нижняя часть нижнего слоя
ГИН 9575	1000±40	992 (1004, 1008, 1019) 1146	Романов двор, раскоп IV. Яма 1, средний слой угля
ГИН 11957	910±40	1037 (1071, 1079, 1128, 1136, 1158) 1206	Романов двор, раскоп VII. Яма 8, нижняя часть заполнения
ГИН 11956	890±50	1040 (1161) 1216	Романов двор, раскоп VII. Яма 8, глубина – 410–415 см
ГИН 12056	800±30	1217 (1256) 1275	Романов двор, раскоп XIV. Яма 1, глубина – 400–430 см
ГИН 12057	800±30	1217 (1256) 1275	Романов двор, раскоп XIV. Яма 2, глубина – 446–448 см
ГИН 12204	990±40	1003(1023)1148	Романов двор, раскоп XV, древнерусская яма
ГИН 11829	680±70	1278 (1296) 1390	Романов двор, раскоп VI, кв. 79, глубина – 380 см, углистое пятно на материке, прорезанное бороздами распашки.
ГИН 7170	820±30	1195 (1221) 1260	Казанский собор, постройка
ГИН 7181	820±20	1214 (1221) 1257	"–"
GrN 22473	1020±15	1000 (1018) 1021	"–"
ГИН 7179б	930±40	1027 (1043, 1091, 1119, 1140, 1155) 1162	"–"
ГИН 7183	830±30	1190 (1218) 1257	"–"
ГИН 7184	880±160	1000 (1163, 1173, 1180) 1284	"–"
ГИН 7180	930±40	1027 (1043, 1091, 1119, 1140, 1155) 1162	"–"
Ki 5893	865±40	1074 (1190, 1202, 1206) 1220	"–"
GrN 22474	925±25	1036 (1044, 1088, 1121, 1139, 1156) 1160	"–"
Ki 5894	890±40	1042 (1161) 1213	"–", культурный слой под постройкой
ГИН 7182	960±40	1021 (1034) 1157	"–", постройка
GrA 6284	920±60	1024 (1061, 1086, 1123, 1138, 1156) 1209	"–", огородный горизонт

и вскоре на его месте возникает поле. Поселенческий культурный слой на данном участке начинает накапливаться лишь в конце XIV–XV в., что маркируется массовыми находками местной красноглиняной грубой керамики и единичными фрагментами привозных поливных кашинных сосудов.

Типологическая интерпретация находок на Романовом дворе не вызывает сомнений – это небольшое сельское поселение, существовавшее за пределами города.

Если двигаться от поселения на Романовом дворе на юг вниз по течению р. Неглинной, то через 400 м обнаруживаются следы еще одного поселения. Это находки на Мохо-

вой улице, в районе д. 6–8. Это поселение, в отличие от поселения на Романовом дворе, обращено к руслу р. Неглинной и отстояло от него примерно на 100 м. Культурный слой с находками сероглиняной керамики XII–XIII вв. был обнаружен непосредственно на материке, на склоне террасы примерно на отметке 130 м. Поселение тяготело к небольшому овражку, притоку Неглинной. По ландшафтной приуроченности поселение на Моховой улице сходно с поселением на Манежной площади.

Находки в Чертолье, возле устья р. Неглинной, охватывают довольно большой участок размером 300 × 300 м. Они распространяются по поверхности первой террасы, ее склону, поверхности поймы. Археологические слои XII–XIII вв. на этом участке плохой сохранности. Зафиксировано лишь две ямы от построек [Векслер, 1992]. Они тяготеют к юго-западной части ареала находок в Чертолье*. Возможно, здесь было несколько небольших поселений, а не одно крупное. Для аргументации любой из этих версий нет достаточных оснований.

Таким образом, археологические находки в долине р. Неглинной показали, что реальность была сложнее, чем схема модели землепользования, разработанной на сходных, но все же иных материалах.

Поселения на Романовом дворе и на ул. Дмитровке свидетельствуют о том, что полоса освоения долины р. Неглинной была шире, чем в долине р. Язвенки. Поселения располагаются как бы в шахматном порядке: возле русла реки и на удалении от него в несколько сотен метров. Правый борт долины р. Неглинной в XII – начале XIII в. был занят густой цепью сельских поселений, одно из которых по своим характеристикам приближалось к городскому посаду (?). Между поселениями находились поля и другие виды угодий, площадь которых существенно превышала площадь собственно поселений. Логика их взаиморасположения – поселение, поле, могильник (вверх по склону долины), прослеженная в долине р. Язвенки, в данном случае применялась лишь отчасти.

Во второй половине XIII в., когда происходит интенсивный рост посада на северо-восток от Кремля по левому берегу р. Неглинной, на правом берегу, наоборот, расширяется (?) площадь сельскохозяйственных угодий. По крайней мере, материалы раскопок на Романовом дворе и Манежной площади (с меньшей достоверностью) показывают, что места бывших поселений оказываются под распашкой.

* Оба комплекса требуют дальнейшего изучения. Яма в раскопе в районе церкви Антипия содержала раннегончарный горшок, но форма его такова, что определить возраст трудно. Яма, прослеженная в зачистке борта траншеи во Всехсвятском пер., содержала материал XIV в. (крест с криновидными концами, фрагменты красноглиняной керамики).

Литература и архивные материалы

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К. Раскопки во дворе Московского университета: опыт применения комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1998. Вып. 2.

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208.

Беляев Л.А., Векслер А.Г. Археология средневековой Москвы // РА. 1996. № 3.

Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Изв. АН. Сер. географич. 1993. № 4.

Векслер А.Г. Археологические исследования в Москве // Тр. V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III.

Векслер А.Г. Археологические исследования в московском Чертолье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992.

Векслер А.Г. Архитектурно-археологические исследования в Москве на Манежной площади // АО 1993 года. М., 1994.

Векслер А.Г. Охранные археологические работы в Москве // АО 1997 года. М., 1999.

Векслер А.Г. Отчет об охранных археологических раскопках церкви Св. Троицы в Старых полях: Исследования в Китай-городе в 1999 г. М., 2000 (Архив ИА РАН. Р-1).

Векслер А.Г. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных с реконструкцией инженерных коммуникаций по Никольской ул. в 1999 г. (Архив ИА РАН. Р-1).

Векслер А.Г. Охранные археологические исследования, связанные с капитальным ремонтом Центра восточной литературы – выносной подвал по Моховой ул., 6–8 в 2000 г. М., 2001 (Архив ИА РАН. Р-1) (реальный автор – М.А. Овчинников).

Векслер А.Г. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу ул. Волхонка, 6, строения 2, 4 в 2002 г. М., 2002 (Архив ИА РАН. Р-1).

Векслер А.Г., Беркович В.А. Архитектурно-археологические исследования церкви Троицы в Старых полях на Великом посаде Москвы // АО 2000 года. М., 2001.

Векслер А.Г., Коваль В.Ю. Византийская амфора с депинто из раскопок на Манежной площади в Москве // РА. 1998. № 3.

Векслер А.Г., Кондрашев Л.В., Беркович В.А., Бойцов И.А., Воронин К.В. Охранные археологиче-

ские исследования в историческом центре Москвы // АО 2001 года. М., 2002.

Кренке Н.А. Отчет о раскопках фундаментов Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города в г. Москве в 1994 г. (Архив ИА РАН Р-1. № 18805).

Кренке Н.А. Денежный двор: Археологические открытия на территории Московского университета // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 6. Июнь.

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на Романовом дворе в Москве в 2002 г. М., 2003 (Архив ИА РАН. Р-1).

Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Кренке Н.А., Глазунова А.Н., Глазунова О.Н., Жуковский М.О., Медведев П.В., Молошникова М.А., Нефедов В.С., Фараджева Н.Н., Янишевский Б.Е. Раскопки на Романовом дворе в Москве // АО 2002 года. М., 2003.

Кренке Н.А., Чернов С.З. Воскресенские (Иверские) ворота Китай-города по данным археологических раскопок 1988 и 1994 гг. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999.

Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Панова Т.Д. Москва и монгольское нашествие: характер культурного слоя Кремля XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Чернов С.З., Бойцов И.А. Раскопки в Историческом проезде и изучение великого посада Москвы XIII–XIV вв. // РА. 1992. № 1.

Alexandrovskiy A., Van der Plicht J., Krenke N., Chichagova O., Kovaliukh N., Sulerzhitsky L. The early history of Moscow: 14C dates from Red Square // Radiocarbon. 1998. Vol. 40, N 2.

Опыт ландшафтной характеристики района Кремля и долины р. Неглинной

В.А. Низовцев

По летописным источникам известно, что в 1156 г. Юрием Долгоруким была построена крепость при впадении речки Неглинной в Москву-реку. Выбор места для строительства самого города не случаен. Трудно найти лучшее место, чем Боровицкий холм, в современных границах Москвы, сочетающее контроль над путями сообщений с отличными оборонными возможностями. Место расположения Кремля – это участок низкого долинного зандра (высокой боровой террасы), вернее – его мыс на "стрелке" у слияния рек – основная поверхность, камовое всхолмление на ней и склоны (ПТК, № 12, 13, 14 – на рис. 79). Это место защищено водными преградами и естественными береговыми откосами – крутыми склонами долин рек Москвы и Неглинной (ПТК, № 8, 9, 10). На покато-наклонных поверхностях делювиального шлейфа и первой надпойменной террасы (ПТК, № 8, 5) у самых стен Кремля располагался посад (ПТК, № 2).

Крепость была окружена посадами. В ближайшем окружении города располагались небольшие селения, также окруженные полями и лугами. Ландшафтно-археологические исследования на территории этих поселений показали, что разнообразная хозяйственная деятельность поселенцев даже на начальном этапе существования Москвы привела к существенному изменению природных ландшафтов – в их составе наряду с лесными, широкое распространение получили антропогенно-производные селитебные, пахотные и луговые комплексы [Низовцев, Щуркина, 1997]. Длительная распашка склоновых поверхностей уже тогда привела к негативным явлениям – развитию эрозионных процессов [Александровский, Кренке, 1993].

В результате анализа природных свойств основных ПТК данной территории, а также возможных видов и способов хозяйствования здесь в древнерусский период были выделены следующие возможные виды природно-хозяйственных систем (их порядковые номера соответствуют № на рис. 79, 80):

1) крепость; 2) посад; 3) пахотные агрогеосистемы (постоянные участки с двухпольным, а возможно, и трехпольным севооборотом); наиболее оптимальные местоположения в непосредственной близости от поселений моренно-камовых всхолмлений, покато-наклонных поверхностей долинных зандров и склонов южных экспозиций р. Неглинной (ПТК, № 10, 12, 14) с отлично дренированными почвами, с благоприятным для земледелия водно-воздушным режимом и относительно повышенным естественным плодородием и с ранними сроками готовности к весенним посевным работам; 4) пастбищно-сенокосные агрогеосистемы (сенокосные и пастбищные пойменные луга с редкостойными дубравами, черноольшаниками и ветляниками – поймы р. Москвы и Неглинной (ПТК, № 1, 3); земледельческое освоение пойм лимитировано пойменным режимом увлажнения;

5) пастбищно-пахотно-лесные агрогеосистемы – мелколесья, участки кратко- и долгосрочных перелогов, распахиваемых преимущественно 3–4 года, затем – залежь и выпас в первую очередь крупного рогатого скота, по мелколесью, а также возможно сочетание суходольных лугов, пасторальных дубрав и пахотных участков (ПТК, № 5,7 – полого- и покатонаклонные поверхности надпойменных террас и склонов р. Неглинной);

6) пастбищно-лесные агрогеосистемы (выпас скота, преимущественно свиней, реже крупного рогатого скота) – ольшаники, вязовники и дубравы пасторального типа в ПТК лощин, балок и делювиально-пролювиальных шлейфов (ПТК, № 15, 16 – богатые по естественному плодородию субстратов местообитания, с натечным увлажнением, с господством в наземном покрове растений-мегатрофов);

7) лесохозяйственные системы (лесное хозяйство, охота, бортничество) и пастбищно-лесные агрогеосистемы (пасторальные редкостойные липо-дубравы и широколиственные леса – выпас скота, преимущественно мелкого рогатого скота, лесное хозяйство); ПТК крутых и покатых коренных склонов долин (ПТК, № 9, 10, 11); ПТК ограниченного пользования: плоские поверхности долинных зандров, малые эрозионные формы, местообитания с повышенным увлажнением (приводосборные понижения) и "холодными" почвами, удаленные от поселений участки (ПТК, № 12, 15, 16, 17, 19);

8) фортификационные сооружения на крутых коренных склонах долин.

Легенда к карте "Условно-восстановленные природно-территориальные комплексы в районе Кремля и долины р. Неглинной" (рис. 79)

1. Высокая пойма р. Москвы, ровная и слабоволнистая, сложенная аллювиальными суглинками и супесями, подстилаемыми песками, с пойменными дерново-глеевыми и пойменными дерновыми почвами под липо-дубравами и вязовниками.

2. Пойма р. Неглинной, пологонаклонная, сложенная аллювиальными суглинками и песками, влажная, с пойменными дерновыми оглеенными почвами под черноольшаниками и вязовниками.

3. Пойма р. Неглинной, выровненная, мелкобугристая, сложенная аллювиальными суглинками и песками, заболоченная, с мелкоболотными и дерново-глеевыми почвами под черноольшаниками.

4. Первая надпойменная терраса р. Москвы, ровная и пологонаклонная, сложенная древнеаллювиальными песками с прослоями супесей и суглинков, слабо дренированная, со среднеподзолистыми и дерново-подзолистыми, местами оглеенными почвами, под сосновыми лесами.

5. Первая надпойменная терраса р. Москвы, ровная и пологонаклонная, сложенная древнеаллювиальными песками, перекрытыми маломощными супесями и суглинками, хорошо дренированная, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под сосновыми с примесью широколиственных пород лесами.

6. Надпойменная терраса р. Неглинной, ровная и слабонаклонная, сложенная древнеаллювиальными песками, перекрытыми маломощными супесями и суглинками, плохо дренированная, нередко заболоченная, с дерново-слабоподзолистыми и подзолисто-глеевыми почвами, под сырыми и заболоченными сосняками и сероольшаниками.

7. Склон надпойменной террасы р. Неглинной, полого-покатый, сложного профиля, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиальными песками, с дерново-слабоподзолистыми и дерновыми слабо намытыми почвами под вязовниками и сероольшаниками с примесью сосны.

8. Делювиальный шлейф, наложенный на первую надпойменную террасу р. Москвы, покатый, южной экспозиции, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиальными песками и супесями, с дерновыми и дерново-подзолистыми намытыми и местами оглеенными почвами, под сероольхово-широколиственными лесами с примесью сосны.

9. Коренной склон долины р. Москвы, сложного профиля, крутой южной экспозиции, сложенный маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками в верхней части склона и мореной – в нижней, с дерновыми смыто-намытыми, местами оглеенными почвами, под дубравами.

10. Коренной склон долины р. Неглинной, крутой, северной экспозиции, сложенный маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками в верхней части склона и мореной – в нижней, с дерновыми смыто-намытыми, местами оглеенными почвами, под липняками.

11. Коренной склон долины р. Неглинной, покатый южной экспозиции, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми водно-ледниковыми песками, с дерновыми смыто-намытыми почвами, под сосново-дубовыми лесами.

12. Низкий долинный зандр, основная поверхность полого-наклонная и слабоволнистая, сложенная древнеаллювиально-водно-ледниковыми маломощными суглинками, подстилаемыми супесями и песками, слабо- и умеренно-дренированный верховьями балок и лощин, с дерново-среднеподзолистыми и подзолистыми почвами, оглеенными по микропонижениям, под сосновыми с елью, дубом и липой лесами.

13. Придолинный склон низкого долинного зандра, пологопокатый северной экспозиции, сложенный маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиально-водно-ледниковыми суглинками на песках, с дерново-слабоподзолистыми почвами, под елово-сосновыми лесами с липой.

14. Моренно-камовые всхолмления, слабовыпуклые, с эоловой подработкой рельефа, сложенные камовыми песчано-гравийными отложениями, со слабоподзолистыми почвами, под сосняками беломошниками.

15. Ложбина стока (местный "межбассейновый перелив"), плоская и полого-вогнутая, сложенная водно-ледниковыми суглинками с прослоями алевритов, подстилаемыми песками, сырая, с дерново-подзоли-

стыми глеевыми почвами, под елово-сосновыми с участием широколиственных пород лесами.

16. Днища балок, плоские и полого-вогнутые, сложенные аллювиально-делювиальными песчанисто-суглинистыми отложениями, сырые и мокрые, с дерново-глеевыми почвами, под ольховыми с примесью широколиственных пород и сосны лесами.

17. Склоны балок покатые и покато-крутые, сложенные рыхлыми четвертичными отложениями с маломощным делювиальным чехлом, с дерновыми и дерновыми оглеенными (в нижних частях склонов) почвами, под ольхово-сосновыми с дубом и липой лесами.

18. Лощины и лощинообразные понижения, вогнутые, сложенные аллювиально-делювиальными суглинками с прослоями песков, с дерновыми оглеенными почвами, под ольховыми и сосновыми с широколиственными породами лесами.

19. Приводосборные понижения, лощинообразные, полого-вогнутые, сложенные делювиальными суглинками, с дерново-подзолистыми оглеенными почвами, под сосновыми, с примесью ольхи, дуба и липы, лесами.

Приложения

Приложение 1

Каталог памятников археологии железного века в бассейне Москвы-реки (Московская и Смоленская области)

Н.А. Кренке

Каталог составлен на основании следующих опубликованных и архивных источников:

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А. Список археологических памятников Московской области. М., 1973; *Розенфельдт Р.Л.* Материалы к археологической карте Московской области (1988 г.). Рукопись депонирована в ВИНИТИ. Автор искренне признателен Р.Л. Розенфельдту за возможность ознакомиться с этими материалами еще до их депонирования; Археологическая карта России: Московская область. М., 1994–1997. Т. 1–4; отчеты об археологических работах в архивах Института археологии РАН (г. Москва), Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург), Московского областного краеведческого музея (г. Истра); паспорта археологических памятников, хранящиеся в архиве Отдела археологических сводов и карт Института археологии РАН.

При определении возраста памятников использовались как данные публикаций, так и материалы музейных коллекций, хранящихся в ГИМ, Музее истории Москвы, МОКМ, Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее.

Кроме того, в каталог включены некоторые данные, не нашедшие отражения в археологических отчетах и публикациях.

Автор благодарен многим коллегам, занимающимся изучением археологии Московской области за оперативно предоставленную информацию о новых находках железного века, в особенности А.В. Алексееву, М.И. Гоняному, Е.И. Гаку, А.К. Станюковичу, Б.Е. Янишевскому.

При составлении каталога использовались следующие принципы. Памятники в пределах каждого речного бассейна перечислены в "географическом" порядке, начиная с верховьев реки, вниз по ее течению. При определении возраста памятников к VIII–VI вв. до н.э относились объекты, на которых была найдена керамика, орнаментированная гребенчатым штампом или вдавлениями наклонной палочки. Индикатором V–II вв. до н.э. считались находки текстильной керамики (имеются в виду случаи, когда на памятнике не проводилось значительных раскопок, и вещевые находки отсутствуют). Позднедьяковскими памятниками I в. до н.э. – VII в. н.э. считались те, где были найдены соответствующие этому периоду вещевые находки, либо гладкостенная профилированная керамика или просто гладкостенная (при отсутствии находок текстильной керамики).

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков

№	Название (Сел. – селище; Гор. – городище)	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – годы раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки VIII–VI вв. до н.э.	Находки V–II вв. до н.э.	Находки I в. до н.э. – VII в. н.э.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Сел. Андроново	Алексеев А.В., 1998	более 1200	–	0,3	–	+	+
2	Городок у Остриц	Ходаковский З.Я., 1821	?	–	?	?	?	?
3	Сел. Мышкинское	Дубынин А.Ф., 1956	?	–	0,3	–	+	+
4	Сел. Горетово-2	Горохов В.И., 1956; Смирнов К.А., 1956	1600	16	0,4	–	+ (?)	+
5	Сел. Маловка	Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1999	?	–	0,5 (включая слой деревни)	–	+	?
6	Гор. Троицкое	Горохов В.И., 1926; Дубынин А.Ф., 1956–1960; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1996	3500	3200 (1956–1960)	0,8	–	+	+

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
7	Сел. Троицкое-2	Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1996	1600	–	?	–	+	+ (?)
8	Сел. Троицкое-4	Янишевский Б.Е., 1996	2500	–	?	–	–	+ (?)
9	Сел. Аксиньино	Смирнов К.А., 1959	?	–	?	–	?	?
10	Гор. Рахманово	Смирнов К.А., 1956, 1958	400	–	0,1	–	+	+
11	Гор. Бородинское	Ходаковский З.Я., 1821; Арциховский А.В., 1926, 1927; Смирнов К.А., 1959	1500	120 (1926)	0,3	–	+ (?)	+
12	Кострище у Можайского гидроузла	Дубынин А.Ф., 1956	?	–	?	–	?	?
13	Сел. Марфин Брод	Смирнов К.А., 1956	?	–	0,3	–	+	+
14	Сел. (гор.?) в г. Можайске	Краеведы, 1925, 1926; Розенфельдт Р.Л., 1956, 1962	?	–	0,5	–	?	+
15	Гор. Тетерино	Арциховский А.В., 1927; Розенфельдт Р.Л., 1956, 1974; Асташова Н.И., 1971	400–500	–	0,4	–	+	+
16	Сел. Новинки	Янишевский Б.Е., 2001	?	–	0,2–0,5	–	–	+
17	Гор. Шишмрово	Равдина Т.В., 1950	?	–	0,4	–	?	?
17а	Гор. Долгинино (тот же памятник, что и гор. Шишмрово?)	Открыто до 1879 г.; Розенфельдт Р.Л., 1976; Янишевский Б.Е., 1991	1500	–	0,6	–	+	+
18	Сел. Красный Стан-2	Алексеев А.В., 1998	?	–	0,3	–	–	+
19	Сел. Новинки	Розенфельдт Р.Л., 1975	?	–	0,7	–	–	+
20	Сел. Костино	Янишевский Б.Е., 1991–1993	3000	–	0,3	–	–	+
21	Гор. Чепасово	Розенфельдт Р.Л., 1979; Янишевский Б.Е., 1991	1200–1300	–	0,5	–	?	+
22	Гор. Старая Руза	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,25	–	–	+
23	Гор. Тучково	Золотов Ю.М., 1958; Розенфельдт Р.Л., 1959, 1960, 1965	1600	148	0,3	–	+	+
24	Гор. (сел.?) Морево	Иванов, 1929	?	–	?	–	+	?
25	Сел. Григорово	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957; Янишевский Б.Е., 1990	?	–	0,2	–	¬	+
25а	Сел. Григорово-1	Алексеев А.В., 1999	?	–	0,6	–	+	?
26	Сел. Григорово	Кравцов А.Е., 1970-е гг.	?	–	?	–	+	?

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
27	Сел. "Санаторий им. Герцена" (Григорово-3)	Алексеев А.В., 1999	?	–	0,4	–	+	+
28	Гор. "Санаторий им. Герцена"	Алексеев А.В., 1999	около 3000	–	?	–	?	?
29	Сел. Агафоново	Алексеев А.В., 1999	?	–	?	–	–	+
30	Местонахождение Агафоново	Алексеев А.В., 2000	?	–	?	–	+	+
31	Гор. Алтыново (Бережки)	Розенфельдт Р.Л., 1978; Алексеев А.В., 2000, 2003	1100	–	0,5	–	–	+
32	Сел. Хотяжи-1	Станюкович А.К., 1999–2001	?	8	0,4	–	+	+
33	Сел. Никифорово (Хотяжи-2)	Алексеев А.В., 1999	?	–	?	–	+	+
34	Сел. Власово	Алексеев А.В., 2003	?	–	?	–	+	–
35	Гор. Рязань (Улитино)	Краеведы, 1967; Розенфельдт Р.Л., 1978	4500	–	0,5	–	+	+
36	Сел. Бушарино	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,2	–	– (?)	+
37	Гор. Бушарино	Виноградов К.Я., 1927; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957, 1971; Розенфельдт Р.Л., 1977; Янишевский Б.Е., 1989, 1990	1000–2000	–	0,3	–	+	+
38	Гор. Каринское	Розенфельдт Р.Л., 1977; Юшко А.А., 1978	1000	10 (1990)	0,4–1,0	–	?	?
39	Сел. Каринское	Виноградов К.Я., 1931; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957; Станюкович А.К., 1963; Юшко А.А., 1 978; Розенфельдт Р.Л., 1975	2000–2500	25 (1931)	0,3	–	– (?)	+
40	Сел. Аниково-2	Алексеев А.В., 2003	?	–	?	–	–	+
41	Гор. Луцино	Виноградов К.Я., 1927, 1930; Колобов В.М., 1946; Яценко И.В., 1947; Розенфельдт Р.Л., 1974; Станюкович А.К., 1963; Янишевский Б.Е., 1991	1200	–	0,7	–	+	+
42	Гор. Саввино-Сторожевское	Успенская А.В., Елагина, 1951; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1955, 1957, 1958, 1966	900	26	0,7	+	+	+
43	Сел. Саввино-Сторожевское-1 (Усть-Сторожа)	Станюкович А.К., 1996–2000	более 2000	176 (1996–2000)	0,5	+	+	+

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
44	Сел. (?) Звенигород, Городок	Краснов Ю.А. (?); Станюкович А.К., 1995	?	?	–	–	+ (?)	+ (монета Септимия Севера 191–211 гг. н. э.)
45	Гор. у д/о "Связист"	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957, 1969, 1973; Юшко А.А., 1978; Розенфельдт Р.Л., 1975; Янишевский Б.Е., 1990; Станюкович А.К., 2002	1200–1500	60 (1990) 8 (2002)	0,5	+	+	+
46	Сел. Колтарово	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,3	–	+	+
47	Сел. Игнатьево	Виноградов, 1927	?	–	?	–	–	+
48	Сел. Мозжинка-3	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,3	–	+	+
49	Сел. Мозжинка-2	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957; Янишевский Б.Е., 1992	600–800	около 10 (1992)	0,3	–	+	+
50	Гор. Мозжинка-1	Виноградов К.Я., Колобов В.М., 1929–1930; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1953, 1957; Розенфельдт Р.Л., 1981; Янишевский Б.Е., 1992	1000–1500	–	0,5	–	+	+
51	Сел. Дунино-3	Чернов С.З., 1996	?	–	?	–	+	?
52	Сел. Дунино-4	Чернов С.З., 1996	?	–	?	–	+	?
53	Сел. Дунино-5	Чернов С.З., 1996	?	–	?	–	+	?
54	Гор. Дунино	Дервиз Г.В., 1940; Дервиз Г.Г., 1968, 1969; Розенфельдт Р.Л., 1978; Янишевский Б.Е., Чернов С.З., 1996	1600	около 30 (1940, 1968, 1969)	1,0	+	+	+
55	Сел. Дунино-2	Розенфельдт Р.Л., 1985 (?)	?	–	?	–	?	+
56	Сел. Николина Гора	Чаянов А.В., 1928, 1929	?	–	?	–	+ (сетчатая керамика в кургане)	– (?)
57	Сел. Ислав-ское-2	Маковкин, 1968	?	–	0,2	–	?	?
58	Сел. Ислав-ское	Успенская А.В., 1954; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,7	–	– (?)	+
59	Сел. Горышкино-3	Алексеев А.В., 1997	?	–	?	+ (кельт)	+	?
60	Гор. Успенское (Ислав-ское, Молоденковское)	Ходаковский З.Я., 1821; Виноградов К.Я., 1925, 1927, 1929; Чаянов А.В., 1929; Успенская А.В., 1953, 1954;	4000–5000	135 (1954, 1959, 1961, 1962)	2,0	+	+	+

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
		Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1953, 1957; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1964						
61	Сел. Успенское	Юшко А.А., 1981	?	1	0,3	–	+	– (?)
62	Гор. Знаменское	Виноградов К.Я., 1929; Розенфельдт Р.Л., 1958, 1962, 1974; Крис Х.И., 1970	800	–	0,3	+ (?)	+	+
63	Сел. Петрово-Дальнее	Розенфельдт Р.Л., 1974	?	?	?	–	?	+(?)
64	Гор. Кальчуга (2-е Знаменское)	Розенфельдт Р.Л., 1962; Крис Х.И., 1970	2500	–	0,6	–	+	+
65	Гор. Усово	Виноградов К.Я., 1925, 1929	?	–	1,0	–	+ (?)	+
66	Сел. Жуковка	Розенфельдт Р.Л., 1962, 1977; Векслер А.Г. 1965–1967; Кренке Н.А., 1986	6000	1030 (1965–1967, 1986)	0,5	–	+	+
67	Гор. Барвихинское	Забелин И.Е., 1873; Арциховский А.В., 1925; Евтюхова Л.А, 1925; Латышева Г.П., Розенфельдт И.Г., 1958, 1962; Крис Х.И., 1972	1500	300	0,6	+	+	+
68	Гор. Архангельское	Виноградов К.Я., 1934; Бадер О.Н., 1940; Крис Х.И., 1970, 1972	1000	–	?	+	+	+
69	Гор. Воронки	Мачульский Е.Н., 1968; Крис Х.И., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1974	1500	–	0,15	–	?	+
70	Гор. Гольево	Ходаковский З.Я., 1821; Медведев Ю.П., 1938; Бадер О.Н., 1940; Формозов А.А., Кропоткин В.В., 1954; Косинский В.В., 1959; Крис Х.И., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1960	1500–1700	–	0,4	–	+	+
71	Сел. "Кружок"	Криштафович Н.О., 1890-е гг.; Гак Е.И., 2003	?	2 (2003)	0,45	–	+	+
72	Сел. (гор.?) Пенягинское	Мачульский Е.Н., 1968; Розенфельдт Р.Л., 1968; Крис Х.И., 1970, 1972, 1975; Кренке Н.А., Чернов С.З., Янишевский Б.Е., 1999	1500	–	0,35	+	+	+
73	Сел. Мякинино-1	Кравцов А.Е., Трусов А.В., 1992, 1993; Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2003	?	раскопки	?	–	+	+
74	Сел. Мякинино-3	Кренке Н.А., 2000, 2002	более 100	2	0,2–0,3	–	+	–

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
75	Сел. Мякинино-2	Векслер А.Г., Розенфельдт О.Р., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю., 1993–1998; Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2002	?	5225 (1993–1998) 2000 (2002)	?	–	+	+
76	Сел. Мякинино-5	Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2002	?	2,5	?	–	–	+ (1 фрагмент)
77	Гор. Спас-Тушино	Виноградов К.Я., 1927; Бадер О.Н., 1933; Медведев Ю.П., 1938; Косинский В.В., 1959; Крис Х.И., 1970; Розенфельдт Р.Л., 1974; Балинский И.М., 1977; Кренке Н.А., Чернов С.З., 1991	2000	28 (1959)	0,7	+	+	+
78	Гор. Спас-Тушино-2	Сотрудники МИРМ, 1951; Розенфельдт Р.Л., 1968, 1970; Крис Х.И., 1970; Балинский И.М., 1977; Кренке Н.А., Чернов С.З., 1991	800	–	?	+	+	+
79	Сел. Барышиха	Мочульский Е.Н., 1968	?	–	?	–	?	?
80	Гор. Тушино	Ходаковский З.Я., 1821; Виноградов К.Я., 1927; Розенфельдт Р.Л., 1970-е гг.	2000(?)	?	0,7–0,8	–	+	+
81	Сел. Никольское	Оболдуева Т.Г., Бадер М.А., 1930-е гг.	?	–	до 1,6	–	+	+
82	Сел. Алешкино	Армягов С.Е., 1971; Векслер А.Г., 1972; Шеляпина Н.С., 1970-е гг.	1200	–	0, 4	–	+	+ (?)
83	Сел. Химкинское	Рабинович М.Г., 1950-е гг. (?)	?	?	?	?	?	?
84	Сел. Троице-Лыково-1	Бадер О.Н., 1940; Шеляпина Н.С., 1970-е гг.	?	–	?	–	+	?
85	Сел. Татарово	Станюкович А.К., 1977	?	–	?	–	+	+ (?)
86	Гор. Кунцево	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., до 1822 г.; Забелин И.Е., 1873; Городцов В.А., 1923; Векслер А.Г., 1960, 1962–1965, 1968, 1970–1973	2000	1300 (1960, 1962–1965, 1968, 1970–1973)	0,8	+	+	+
87	Сел. Терехово	Кренке Н.А., 1995	около 500	12	0,5	–	–	+
88	Сел. Фили	Бадер О.Н., 1936	?	–	?	–	– (?)	+ (?)
89	Гор. Сетунское	Городцов В.А., 1921; Куфтин Б.А., Воеводский М.В., 1924; Жуков Б.С., Бадер О.Н., 1924, 1925; Карцев В.Г., 1927; Бадер О.Н.,	2300	660 (1967, 1968)	0,8	+	+	+

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
		1926, 1929, 1930, 1932, 1940; Розенфельдт Р.Л., 1967; Дубынин А.Ф., 1968						
90	Сел. Матвеевское-1	Кренке Н.А., 1999, 2000	?	2 (2000)	?	–	+	–
91	Сел. (гор.) Матвеевское-3	Кренке Н.А., 1999	1000–2000	–	0,3	+ (?)	+	–
92	Сел. "Нижнее" на Воробьевых горах	Станюкович А.К., 1975, 1976; Станюкович А.К., Кренке Н.А., 1985	200	–	0,3	–	+	+
93	Сел. "Верхнее" на Воробьевых горах	Станюкович А.К., 1975, 1976; Станюкович А.К., Кренке Н.А., 1985	200	–	0,1	–	+	+
94	Гор. Мамоново	Городцов В.А., 1922; Воеводский М.В., 1924, 1925; Бадер О.Н., 1924–1933, 1940; Качанова В.И., 1952, 1953	800	400	1,0	+	+	+
95	Сел. Андреевское	Бадер О.Н., 1931	1800	–	0,5	–	+	+
96	Сел (гор.?) Кремль	Шеляпина Н.С., 1957, 1969; Кренке Н.А., 1999; Панова Т.Д., 2001	?	раскопки	0,3	+	+	+
97	Местонахождение Гостиный двор на ул. Ильинка	Векслер А.Г., 1998	?	раскопки	?	–	–	+
98	Сел. (гор.?) Андроников монастырь	Ульянов О.Г., 1989	?	раскопки в соборе	?	–	+	– (?)
99	Сел. Данилов монастырь	Беляев Л.А., 1983	?	раскопки	?	–	+	–
100	Гор. Нижние Котлы	Ходаковский З.Я., 1821; Криштафович Н.О., 1890-е гг.	1000(?)	–	1,0	–	+	+
101	Сел. Коломенское-1	Кренке Н.А., 1991	?	2	0,7	–	+	+ (?)
102	Местонахождение на месте Коломенского дворца	Кренке Н.А., 1996	?	раскопки	?	–	+	+ (?)
103	Сел. Коломенское-3 ("К югу от церкви Вознесения в Коломенском" на Голосовом овраге)	Кренке Н.А., 1986, 1994	?	20	0,6	–	+	+
104	Местонахождение в Голосовом овраге (правый берег)	Кренке Н.А., 1986	?	8	0,4–1,4	–	+	– (?)

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
105.	Сел. Дьяково-1 ("Выгон")	Кренке Н.А., 1986	200	88	0,2	–	+	+
106	Сел. Дьяково-2 (Дьяково-пойма)	Пахтунов С., 1970-е гг.; Кренке Н.А., 1983, 1985	200(?)	180	0,1	–	+	+
107	Гор. Дьяково	Калайдович К.Ф., до 1821; Ходаковский З.Я., 1821; Самоквасов Д.Я., 1872; Филимонов Г.Д., 1875; Сизов В.И., 1889, 1890, 1893; Готье Ю.В., 1921; Бадер О.Н., 1926; Виноградов К.Я., 1935; Кренке Н.А., 1981–1987; Векслер А.Г., Бойцов И.А., 2001–2003	2200	150 (XIX в.) 50 (1935) 290 (1981–1987) 93 (2001–2003)	3,0	+	+	+
108	Сел. Дьяково-3 (Дьяково Южное)	Кренке Н.А., 1992, 1995; Векслер А.Г., Бойцов И.А., 2001	10	3 (1995)	0,6	–	–	+
109	Местонахождение к югу за валом Дьякова городища	Кренке Н.А., 1996, 1997; Векслер А.Г., Бойцов И.А., 2001	?	–	0,2	–	– (?)	+
110	Сел. Чертов городок	Бадер О.Н., 1926; Кренке Н.А., 1981, 1982, 1984	?	46 (1982, 1984)	0,6	+	+	+
111	Сел. Николо-Перервинский монастырь	Кренке Н.А., Чернов С.З., Бойцов И.А., 1998	?	2	0,5	–	+	+(?)
112	Сел. Царицыно-1 ("Золотой сноп")	Галкин Л.Л., 2000; Кренке Н.А., 2002	1200	2 (2000)	0,4	–	+	– (?)
113	Сел. Братеево	Макаренков Б. А., 1950	?	–	?	–	+	?
114	Гор. Капотня	Городцов В.А., до 1893 г.; Макаренков Б.А., 1949; Векслер А.Г., 1975, 1976; Кренке Н.А., 1995; Чернов С.З., 1996	1500	–	0,6 (?)	+	+	+
115	Местонахождение у Капотнинского гор.	Чернов С.З., 1996	–	1	0,3	+	+	–
116	Сел. Капотня	Станюкович А.К., 1974	?	–	?	–	?	?
117	Сел. Беседы	Дукельский В., 1983 (1985?); Станюкович А.К., 1986	?	–	?	–	+	?
118	Большой беседский курган № 12	Арциховский А.В., 1946	–	раскопки	–	–	+ (керамика в насыпи)	–
119	Сел. Остров	Розенфельдт Р.Л., 1974	?	–	?	–	?	?

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
120	Сел. Петровское (Кривое озеро)	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Куртов Ю.В., 1962, 1964; Розенфельдт Р.Л., 1980	?	раскопки	0,5	+	+	+
121	Гор. Соколова гора	Потоцкий С.П., 1936–1937; Коняшин Г.М., 1938; Макаренков Б., 1949; Трубникова Н.В., 1956, 1959	1600	40 (1959)	0,8	+	+	+
122	Гор. Коробово	Юшко А.А., 1979; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1995	1400	1 (1979) 25 (1995)	0,3	–	+	+
123	Гор. Боровский курган	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., 1822; Городцов В.А., 1922; Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Векслер А.Г., 1961, 1962; Розенфельдт Р.Л., 1960; Крис Х.И., 1970	1500	144 (1961, 1962)	1,0	+	+	+
124	Сел. Заозерье	Векслер А.Г., 1976; Кравцов А.Е., 1993; Тавлинцева Е.Ю., 1994, 1995	?	2 (1993) 120 (1994, 1995)	0,4	–	+ (1 фрагмент)	+
125	Сел. Сельцо	Розенфельдт Р.Л., 1975	?	–	?	–	– (?)	+
126	Сел. Верея (Заозерское-1)	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Потоцкий С.П., 1936	?	–	03	–	– (?)	+
127	Сел. Заозерское-2	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Потоцкий С.П., 1936	?	–	0,5	–	+	+
128	Сел. Верея–Быково	Виноградов К.Я., 1931, 1936; Коняшин Г.М., 1932	?	100	0,4	–	+	?
129	Сел. Старая Верея	Коняшин Г.М., 1930-е гг.	?	–	?	–	?	?
130	Сел. Колонец	Коняшин Г.М., 1930-е гг.	?	–	?	–	+	– (?)
131	Гор. Красково	Криштафович Н.О., 1890-е гг.	?	–	?	–	?	?
132	Гор. Круглица ("Прикащиков курган")	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., 1822; Городцов В.А., 1922; Бадер О.Н., 1934; Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Пимакин Л.И., 1956, 1957; Крис Х.И., 1970; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1962, 1974, 1975	1500	221 (1956, 1957)	1,0	–	+	+
133	Гор. Софьино	Коняшин Г.М., 1930-е гг.	?	–	0,8	–	+	+
134	Гор. Селецкое	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Розенфельдт Р.Л., 1960; Чернай И.Л., 1975–1978	1800	480 (1975–1978)	1,0	+	+	+
135	Сел. Николо-Романь	Чернай И.Л., 1974	?	6	?		+	– (?)

1. Течение Москвы-реки и мелких притоков (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
136	Сел. Бронницкое	Чернай И.Л., 1980-е гг.	?	–	?		+	?
137	Гор. Бронницкое	Чернай И.Л., 1999; Чернай И.Л., Кренке Н.А., Лопатина О., 2001	2000	–	0,2–0,5	+	+	–
138	Гор. Борщева	Ходаковский З.Я., 1821 (1822?); Розенфельдт Р.Л., 1960, 1967; Крис Х.И., 1973–1978	2000	800 (1973–1979)	1,5	+	+	+
139	Гор. Михалево	Сидоров В.В., 1988	около 1000	–	0,9	–	?	+
140	Сел. Юрасово (погост Гвоздна)	Юшко А.А., 1976	?	–	?	–	?	?
141	Сел. Петровское	Розенфельдт Р.Л., 1986	1500	–	0,3	–	?	+
142	Сел. Городище (устье р. Отры)	Розенфельдт Р.Л., 1977; Сыроватко А.С., начало 1990-х гг.	?	–	0,5	–	+	+
143	Могильник у с. Городище	Кожевников А.Я., Сизов В.И., 1892	–	раскопки	–	–	–	+ (?)
144	Сел. Маришкино	Сборы краеведов	?	–	?	–	–	+
145	Гор. Ачкасово в уроч. Городена (погост Красно)	Талицкий М.В., 1936; Юшко А.А., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1979, 1980, 1986; Сыроватко А.С., 1997	Около 1500	–	?	–	+	?
146	Сел. Городена	Талицкий М.В., 1936; Сыроватко А.С., 1997	?	–	?	–	+	?
147	Сел. Конев Бор	Сыроватко А.С., 1998	?	–	?	–	–	+
148	Гор. Городищи (на р. Коломенке)	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., 1822; Милонов Н.П., 1935; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1975; Сыроватко А.С., 1996–1998	2400	307 (1996–1998)	1,0	+	+	+
149	Сел. Городищи (на р. Коломенке)	Арциховский А.В., Воронин Н.Н., Альтшуллер А.Б., Мазуров А.Б., 1995	?	?	0,2	?	+	+ (?)
150	Сел. Олений Вражек	Савицкий М.Г., 1980-е гг.	?	–	?	?	+	?
151	Гор. в г. Коломна, "Блюдечко" (Кремль)	Виноградов К.Я., 1935; Милонов Н.П., 1935, 1937; Мазуров А.Б., 1995	?	раскопки	0,25	–	+	+
152	Гор. (?) Старо-Голутвин монастырь	Савицкий М.Г., 1982	?	–	?	–	–	+ (?)

2. Памятники по течению р. Рузы (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
153	Сел. Ивановское	Виноградов К.Я., 1928	?	раскопки	0,1	–	+	+
154	Сел. Клетки	Виноградов К.Я., 1930	?	?	?	–	+	+
155	Сел. Сытьково	Розенфельдт Р.Л., 1957	1200	–	0,3	–	–	+
156	Гор. Неждино	Дубынин А.Ф., 1957, 1961	300	280	0,3	–	–	+
157	Гор. Руза	Ходаковский З.Я., 1821; Голубева Л.А., 1949	?	раскопки	?	–	+	+

3. Памятники по течению р. Озерны и по берегам оз. Тростенского

158	Гор. Карасино	Виноградов К.Я., 1926	1500	60 (1926)	0,3	–	+	+
159	Сел. Тростенская Северная	Сидоров В.В., 1968, 1969, 1971	500	62	0,3	–	+	+
160	Гор. у с. Городище	Виноградов К.Я., 1925; Сидоров В.В., 1969; Сидоров В.В., Балинский И.М., 1973–1975	2500	400 (1969, 1973–1975)	0,3	–	+	+
161	Сел. Никольское-1	Сидоров В.В., 1968–1971	?	–	?	?	?	?
162	Сел. Никольское-2	Сидоров В.В., 1971, 1972	?	140 (1971, 1972)	?	–	+ (?)	+
163	Сел. Никольское-3 (Никольское Правое)	Сидоров В.В., 1972–1975	?	–	?	?	?	?
164	Сел. Усть-Рассоха	Сидоров В.В., 1970, 1976	1200	–	0,3	–	–	+
165	Сел. Нижнее Сляднево ("Мары")	Виноградов К.Я., 1924, 1926; Сидоров В.В., 1976; Розенфельдт Р.Л., 1978	?	14 (1926)	0,4	–	+	+
166	Гор. Слобода	Виноградов К.Я., 1926; Розенфельдт Р.Л., 1957; Юшко А.А., 1972	1000	36 (1926)	0,3	–	+	+
167	Гор. Темшинское	Виноградов К.Я., 1926; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1976; сотрудники Рузского музея, 1970-е гг.; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., 2000	1500	3 (1926)	0, 7	–	+	+
168	Гор. Михайловское	Виноградов К.Я., 1926; Розенфельдт Р.Л., 1956, 1957; Дубынин А.Ф., 1962; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., 2000	1400	16 (1926) 640 (1957, 1962)	0,4	–	+	+
169	Сел. Михайловское	Розенфельдт Р.Л., 1962; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., 2000	60(?)	–	0,1	?	?	?

4. Памятники по течению р. Истры и ее притокам (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
170	Гор. Корсаково	Ходаковский З.Я., 1821; Дурново Н.Н., до 1920 г.; Евтюхова Л.А., Дмитриевская А.В., 1924; Виноградов К.Я., 1925; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1974; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., 2000	1600	20 (1925)	0,3	?	?	+
171	Гор. Рождественское	Виноградов К.Я., 1925	1500	шурф (1925)	0,4	?	?	+
172	Гор. Лопотовское-1	Розенфельдт Р.Л., 1961, 1974	3000	–	0,3	–	+	+
173	Гор. Лопотовское-2	Ходаковский З.Я., 1821; Виноградов К.Я., 1927; Розенфельдт Р.Л., 1961, 1974	1200	8 (1927)	0,3	–	– (?)	+
174	Гор. Бужарово	Ходаковский З.Я., 1821; Виноградов К.Я., 1925, 1926; Розенфельдт Р.Л., 1961	700	272 (1925, 1926)	0,4	–	+ (?)	+
175	Гор. Андреевское	Виноградов К.Я., 1925, 1935; Пимакин Л.И., 1937; Кропоткин В.В., Формозов А.А., 1946; Косинский В.В., 1959; Розенфельдт Р.Л., 1947, 1948, 1960, 1974; Янишевский Б.Е., 1992	1500	200 (1925, 1935)	05	–	+	+
176	Сел. в г. Истра	Пимакин Л.И., 1962	500	–	0,3	–	+	+
177	Сел. Трусовское	Виноградов К.Я., 1935, 1937; Сидоров В.В., 1972, 1973	?	74 (1972, 1973)	0,3	–	+	+
178	Сел. Лучинское	Сидоров В.В., 1972	?	–	0,4	–	?	+
179	Сел. (гор.?) Шейка (Сычевка, Малоистринское)	Косинский В.В., 1959; Сидоров В.В., 1972, 1973; Розенфельдт Р.Л., 1974; Балинский И.М., 1977	1000	4 (1973)	0,3	–	+	+
180	Гор. Ильинское	Леонид Кавелин, до 1876 г.; Виноградов К.Я., 1924, 1925, 1934; Колобов В.М., 1947; Косинский В.В., 1958; Розенфельдт Р.Л., 1974; Юшко А.А., 1978	2000	150 (1924, 1925, 1934)	1, 8	–	+	+
181	Сел. Вельяминово	Юшко А.А., 1978; Кренке Н.А., 1985	?	1,5	?	–	+	+
182	Сел. Канаброво	Кренке Н.А., 1985	?	–	?	–	– (?)	+
183	Сел. "Родники"	Кренке Н.А., 1985	?	–	0,2	–	+	– (?)
184	Сел. Санниково-1	Кренке Н.А., 1985	1000	–	0,3	–	+	+
185	Сел. Санниково-2	Кренке Н.А., 1992	?	–	0,3	+	+	?
186	Сел. "Освобожденный труд"	Кренке Н.А., 1993	?	–	0,5	–	–	+

4. Памятники по течению р. Истры и ее притокам (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
187	Сел. Ивановский хутор	Кренке Н.А., 1993	?	–	?	–	+	?
188	Сел. Веледниково	Смирнов К.А., 1958	1200	–	0,1	–	–(?)	+
189	Гор. "Дятлова поляна"	Смирнов К.А., 1958; Крис Х.И., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1975	1500	–	0,4	–	+	+
190	Сел. Степановское-1	Чернов С.З., 1970-е гг.	?	?	?	?	?	?
191	Сел. Дмитровское-2 (м.б., дубль с № 58)	Мачульский Е.Н., 1960-е гг.	?	–	?	–	+	+
192	Сел. Степановское-3	Гак Е.И., 2003	?	–	?	–	+	?
193	Сел. Дмитровское-2	Гак Е.И., 2003	?	2	0,4	–	+	?
194	Сел. Дмитровское-3	Гак Е.И., 2003	?	1	0,5	–	+	?
195	Сел. Дмитровское-1(у церкви села)	Чернов С.З., 1987	?	–	?	–	+	?

5. Памятники в бассейне р. Пахры

196	Сел. Десна	Станюкович А.К., 1978	?	раскопки	0,1	–	+	+ (?)
197	Сел. Конаково	Розенфельдт Р.Л., 1978	1000	–	?	–	– (?)	+
198	Гор. Шаганино	Гоняный М.И., 1992	1500	–	?	–	– (?)	+
199	Сел. Красное	Крушков В., Гоняный М.И., 1970-е гг.; Розенфельдт Р.Л., 1981; Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1985	600	2 (1985)	до 1,4	–	+	+
200	Сел. Поливаново	Гоняный М.И., 1985	?	–	?	–	?	+
201	Гор. Луковня-1	Богоявленский С.К., до 1920 г.; Розенфельдт Р.Л., 1962; Юшко А.А., 1968; Векслер А.Г., 1968–1970, 1973, 1975, 1976, 1982	1200	1050 (раскопки Векслера А.Г.)	0,8	–	+	+
202	Гор. Луковня-2	Гоняный М.И., 1970-е гг., 1992; Розенфельдт Р.Л., 1991; Кренке Н.А., 1985, 1987	950	15 (1985, 1987)	0,2	–	+	?
203	Сел. Лемешево-1	Розенфельдт Р.Л., 1981; Гоняный М.И., 1990	500	–	0,2	–	–	+
204	Сел. Лемешево-3	Гоняный М.И., 1990	1500	–	?	–	–	+
205	Сел. Кутьино	Гоняный М.И., 1981	менее 1000	–	?	–	–	+
206	Гор. Роднево	Розенфельдт Р.Л., 1961, 1966, 1974; Гоняный М.И., 1992	1500	0,5 60 (1992)	0,5	–	+	+

5. Памятники в бассейне р. Пахры (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
207	Гор. "Кузнечики"	Богоявленский С.К., до 1920 г.; Дубынин А.Ф., 1963, 1965	1300	1200	0,7	–	+	+
208	Сел. Ознобишино-3	Гоняный М.И., 1991	2500	–	0,7	–	+	+ (?)
209	Сел. Дубровицы-3	Гоняный М.И., 1981; Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1985	1000	–	?	–	+	?
210	Сел. Дубровицы-2	Гоняный М.И., Станюкович А.К., 1981; Гоняный М.И., 1990, 1991	около 400	176 (1990, 1991)	До 1 м	+	+	–
211	Сел. Беляево	Гоняный М.И., 1981; Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1985	600	–	?	+	+	+
212	Гор. Остафьево (Рязаново)	Кондратьев И.И., 1989; Гоняный М.И., 1994	около 2000	–	?	–	+	–
213	Сел. Рыбино (Ерино)	Гоняный М.И., 1983	менее 800	4 (1983)	0,2	–	+	+ (?)
214	Сел. Студенцы	Гоняный М.И., 1981, 1982	менее 800	4	0,1	–	+	– (?)
215	Сел. Подолье (г. Подольск)	Гоняный М.И., 1994	?	–	?	–	+	–
216	Сел. (гор.?) Борисово	Юшко А.А., 1967; Кренке Н.А., 1985	700	1 (1985)	0,4	–	+	–
217	Сел. Стрелково (под курганом)	Юшко А.А., 1967	?	раскопки	?	–	–	+
218	Сел. Стрелково-2	Крушков В., 1970-е гг.; Гоняный М.И., 1981; Кренке Н.А., 1985	?	0,5 (1985)	0,4	–	+ (?)	+
219	Сел. Быково на ручье Висенской	Гоняный М.И., 1996	?	–	?	–	+	+
220	Сел. Жданово-1	Гоняный М.И., 1996	?	–	?	–	–	+
221	Сел. Жданово-2 (Добрятино)	Гоняный М.И., 1996	?	–	?	–	?	?
222	Сел. Бяконтово ("Святой колодец")	Кренке Н.А., Лопатин Н.В., 1985	?	4 (1985)	0,2	–	+	+
223	Сел. Конопелка-1	Кренке Н.А., 1985	менее 2000	–	0, 2	–	+	+
224	Гор. Щербинское	Керцелли Н.Г., до 1876 г.; Виноградов К.Я., 1925; Дубынин А.Ф., 1961, 1963, 1964	1700	72 (1925) 1584 (1961, 1963, 1964)	0,8	+	+	+
225	Гор. Борисоглебское	Сотрудники Сухановского музея, 1923; Розенфельдт Р.Л., 1963, 1964, 1974	1400	27,5	1,0	–	+	+
226	Сел. у пос. Константиновский	Юшко А.А., 1968	200	–	0,2	–	+	+ (?)
227	Сел. в с. Домодедово	Смирнов А.П. (?), 1950-е гг.	?	–	?	–	?	?

5. Памятники в бассейне р. Пахры (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
228	Сел. Горки-Ленинские-3 (у беседки)	Кренке Н.А., 1992	500	1	0,7	–	+	+
229	Сел. Усть-Туровка	Шполянский С.В., 1985; Кренке Н.А., 1985	2000	2	0,7	–	+	–
230	Гор. Съяновское	Ахланов Д., Костомаров В., Герасимов П., 1923; Розенфельдт Р.Л., 1960; Юшко А.А., 1968; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1990	3000	1 (1968)	10	–	+	+
231	Сел. Чурилково	Кренке Н.А., 1991, 1992	?	–	?	–	–	+
232	Сел. Татарское-1	Гоняный М.И., 1996	?	–	?	–	+	–
233	Гор. Володарка	Талицкий М.В., 1934; Розенфельдт Р.Л., 1961; Трубникова Н.В., 1965, 1972, 1973; Крис Х.И., 1971	2400	160 (1965, 1972, 1973)	1,0	+	+	+
234	Сел. Редкинское	Сидоров В.В., Балинский И.М., 1975	?	3	0,2	–	+	?

6. Памятники в бассейнах рек Северки и Коломенки

235	Сел. Щербинино	Розенфельдт Р.Л., 1977	2000	–	0,4	–	– (?)	+
236	Сел. Федоровское	Талицкий М.В., 1936; Юшко А.А., 1972	?	–	0,3	–	?	+
237	Гор. Федосьино-2	Талицкий М.В., 1930-е гг.	?	–	?	–	?	?
238	Гор. Федосьино-1	Богоявленский С.К., до 1920 г.	2000	–	0,1	–	?	?
239	Гор. Юшково-1	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., до 1822 г.; Талицкий М.В., 1936	?	–	?	–	?	+
240	Гор. у с. Мячково (Настасьино)	Талицкий М.В., 1936; Розенфельдт Р.Л., 1960; Юшко А.А., 1977; Энговатова А.В., 1989, 1993, 1999, 2000	2000	3634 (включая предполье)	0,2–0,6	+ (?)	+	+ (?)
241	Сел. Настасьино-1	Энговатова А.В., 1999	?	216	0,6	–	+	–
242	Сел. Настасьино-2	Энговатова А.В., 1999	?	80	0,6	–	+	–
243	Гор. Хлопнево	Талицкий М.В., 1936; Розенфельдт Р.Л., 1978	300	–	0,2	–	?	?
244	Сел. Северское	Юшко А.А., 1980; Савицкий М.Г., 1980-е гг.; Сыроватко А.С., 1997	?	–	?	–	+	+

Каталог радиоуглеродных датировок по памятникам археологии железного века, расположенным в долине Москвы-реки и на ее мелких притоках

Н.А. Кренке

Датировки сгруппированы по памятникам. Для каждого памятника датировки ранжированы по возрасту (расположены в порядке возрастания).

Полужирным шрифтом выделены даты, признанные соответствующими возрасту слоя, вмещавшего образцы, по которым они были получены. Курсивом даны даты, которые по техническим параметрам признаны малонадежными (сделаны с большим разбавлением образца, среднеквадратическое отклонение 250 и более лет), а также даты, относящиеся либо к средневековым объектам, располагавшимся на городищах железного века, либо, очевидно, более древние, чем время существования городищ, либо противоречащие массиву однородных датировок, полученных для того же объекта (слоя).

В списках дат по памятникам, раскопки которых проводились без участия автора, разделение дат на валидные и невалидные производилось не всегда. Датировки этих памятников даны обычным шрифтом.

В каталог не включены датировки по городищу Настасьино (раскопки А.В. Энговатовой), а также датировки, полученные при раскопках Дьякова городища 2002 г. (раскопки А.Г. Векслера), которые готовятся к публикации авторами раскопок.

Калибровка производилась по программе (версия 4.1) Вашингтонского университета [Stuiver, Raimer, 2000]. Калиброванные даты указаны с вероятностью 1 сигма.

AD – Anno Domini – наша эра; BC – Before Christ – до нашей эры

ГИН – Геологический институт РАН, Москва; ИГАН – Институт географии РАН, Москва; Ле – ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Городище Троицкое, раскопки Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевского 1996 г.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1360±140	8814	*AD 562 (662) 779*	уголь	разрез вала, восточная стенка, кв. 2, глубина –160
2000±40	8816	**BC 43 (BC 2, 4, 16) AD 54**	уголь	разрез вала, западная стенка, кв. 1, глубина –195, основание насыпи
2090±130	8815	**BC 354 (94) AD 54**	уголь	разрез вала, западная стенка, кв. 2, глубина –160

Селище Саввино-Сторожевское-1 (Усть-Сторожа), раскопки А.К. Станюковича 1997–1999 гг.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1200±40	10843	AD 776 (782, 790, 815, 842, 859) 890	уголь	постройка 3
1240±90	9656	AD 673 (776) 892	уголь	постройка 3
1250±70	9655	AD 681 (775) 886	уголь	постройка 3, основание
1260±40	10850	AD 688 (723, 740, 771) 780	уголь	пласт 2
1400±80	10851	AD 600 (652) 685	уголь	кв. 31, предматерик
1460±40	10845	AD 561 (605, 610, 616) 644	уголь	постройка 5
1520±140	9653	AD 406 (542) 658	уголь	постройка 3
1600±210	9652	AD 235 (430) 656	уголь	развал очага на дне ямы 10
1670±100	9654	AD 245 (397) 530	уголь	постройка 3, основание
1940±120	10846	BC 50 (AD 69) AD 224	уголь	постройка 5, возле развалов роменских сосудов

Городище Дунино, раскопки Г.В. и П.Г. Дервизов 1968 г.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1960±40	8920	BC 15 (AD 31, 38, 53) AD 79	уголь	шурф № 2, граница культурного слоя

Дьяково городище, раскопки Н.А. Кренке 1981–1987 гг.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
450±300	4570	*AD 1238 (1441) 1947*	уголь	кв. 25, глубина –219–236
1220±200	2789	*AD 643 (779) 1018*	уголь	зачистка материка в восточной половине раскопа
1370±250	2794	*AD 425 (660) 958*	кость	кв. 29, глубина –115–125; кв. 37, глубина –105–125; кв. 45, глубина –105–125
1420±60	3457	*AD 600 (643) 662*	уголь	кв. 107, глубина –235–245
1520±40	3461	**AD 474 (542) 601**	уголь	кв. 130, 131, 138, 139, глубина –138, поверхность под 3-й глиной
1690±30	3194	**AD 263 (362, 366, 383) 409**	уголь	кв. 87, глубина –195
1690±80	2795	**AD 245 (362, 366, 383) 428**	кость	кв. 35, глубина –170–180
1690±40	4178	**AD 261 (362, 366, 383) 414**	уголь	кв. 122, глубина –215
1700±50	2783	**AD 258 (344, 370, 379) 414**	уголь	кв. 37, глубина –155
1720±40	4573	**AD 256 (263, 275, 338) 390**	уголь	кв. 35, глубина –150–160
1790±40	4572	**AD 144 (240) 321**	уголь	кв. 153, глубина до –190
1790±70	3197	**AD 131 (240) 339**	уголь	кв. 82, глубина –240–250
1790±60	4575	**AD 132 (240) 336**	уголь	кв. 137, глубина –200, плаха
1800±60	4571	**AD 131 (238) 323**	уголь	кв. 153, глубина –125–130, угли в скоплении керамики
1810±30	3677	**AD 134 (236) 243**	обугленные зерна ячменя	кв. 72, глубина –195
1820±40	3184	**AD 131 (223) 243**	уголь	вал, кв. А–5, глубина –285 –300
1830±100	3464	**AD 74 (182, 188, 215) 336**	уголь	кв. 132, глубина –205 –211
1830±50	4574	**AD 127 (182, 188, 215) 243**	уголь	кв. 16, глубина –160 –165
1830±70	3908	**AD 85 (182, 188, 215) 318**	уголь	кв. 139, 147, глубина –270, плаха
1830±40	3192	**AD 129 (182, 188, 215) 241**	уголь	кв. 74. 83, 87, глубина –210 –220
1840±30	3195	**AD 127 (134, 159, 170, 196, 209) 238**	уголь	кв. 83, 87, глубина –210–220
1840±40	3193	**AD 127 (134, 159, 170, 196, 209) 238**	уголь	кв. 86, глубина –200–210
1850±40	3458	**AD 89 (133) 236**	уголь	кв. 131, глубина –200–205
1860±40	3459	**AD 84 (131) 226**	уголь	кв. 133, глубина –211–215
1870±40	3463	**AD 81 (129) 218**	уголь	кв. 122, глубина –180–185
1870±40	3911	**AD 81 (129) 218**	уголь	кв. 115, глубина –246–255
1900±40	3199	**AD 68 (86, 102, 122) 131**	уголь	кв. 75, глубина –200–214
1910±60	3469	**AD 34 (82) 130**	уголь	кв. 145, глубина –130, плаха
1920±30	3460	**AD 33 (78) 126**	уголь	кв. 130, глубина –215
1920±40	2786	**AD 31 (78) 128**	уголь	кв. 11, глубина –180 –182, зольное пятно
1930±70	3462	**AD 2 (75) 131**	уголь	кв. 105, 106, глубина –225 –230
1940±40	3468	**AD 24 (69) 123**	уголь	кв. 140, глубина –201
1940±40	3196	**AD 24 (69) 123**	уголь	кв. 82, глубина –190 –200
1950±40	3471	**AD 4 (34, 36, 61) 117**	уголь	кв. 140, глубина –169 –190
1970±40	3915	**BC 36 (AD 28, 41, 50) AD 76**	сажа	кв. 156, 157, глубина –280–288, сажа на поверхности светлого слоя 1

Дьяково городище, раскопки Н.А. Кренке 1981–1987 гг.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1970±60	3198	**BC 41 (AD 28, 41, 50) AD 116**	уголь	кв. 65, глубина –260–270
1970±50	2785	**BC 38 (AD 28, 41, 50) AD 79**	уголь	кв. 5, 6, 7, глубина –228–234
1970±50	2784	**BC 38 (AD 28, 41, 50) AD 79**	уголь	кв. 29, глубина –225–234
1970±70	5114	*BC 43 (AD 28, 41, 50) AD 123*	уголь	кв. 198, глубина –370–375
2030±50	3456	**BC 91 (41, 25, 8, 3) AD 47**	уголь	кв. 145, глубина –188
2040±120	3191	**BC 199 (43, 6, 4) AD 79**	уголь	вал, граница кв. А-5 и А-6, глубина –55
2050±50	3190	**BC 149 (46) AD 16**	уголь	вал, кв. А-6, глубина –170
2070±60	2799	**BC 170 (87, 81, 54) AD 1**	почва (сажистая земля)	кв. 7, южная стенка, низ слоя 3
2090±30	4020	**BC 168 (94) 49**	уголь	кв. 125, глубина –390, "зола 2"
2090±60	3189	**BC 197 (94) 3**	уголь	кв. 83, глубина –400–410
2090±300	2778	*BC 406 (94) AD 240*	уголь	восточная половина раскопа, слой 2, глубина –220–250
2110±50	3186	**BC 199 (161, 130, 120) 50**	уголь	вал, кв. А–6, глубина –190
2120±100 2070±180	2788	**BC 354 (167) 1**	уголь	северная стенка, восточная половина раскопа, углистая прослойка на контакте верхнего слоя и слоя пепла с песком
2140±110	3906	**BC 363 (195, 173) 3**	уголь	кв. 123, глубина –305–309, из профиля восточной стенки
2150±80	3187	**BC 357 (197, 190, 176) 54**	уголь	кв. 87, материк
2160±50	3904	**BC 352±199, 186, 184) 119**	уголь	кв. 117, глубина –400, углистый столбик
2170±60	3183	**BC 357 (200) 119**	уголь	вал, кв. А-4, глубина –345
2170±100	4179	**BC 381 (200) 54**	уголь	кв. 137, глубина –195–200
2180±50	3181	**BC 357 (342, 324, 202) 169**	уголь	вал, средний ярус, глубина –190 –200
2180±250	2779	**BC 499 (342, 324, 202) AD 75**	уголь	восточная половина раскопа, слой 2, глубина –250–290
2200±200	3470	*BC 408 (349, 318, 228, 221, 207) AD 16*	уголь	кв. 145, глубина –127–133
2230±50	2800	**BC 385 (357, 286, 258, 243, 234) 202**	уголь	кв. 6, глубина –367, плашка
2230±50	2792	**BC 385 (357, 286, 258, 243, 234) 202**	кость	кв. 25–27, глубина –338–354, из коричневой органической прослойки 3а
2240±180	2907	**BC 479 (360, 273, 260) 50**	почва	коричневая органическая прослойка, разделявшая горизонты верхнего слоя, глубина около –240
2240±50	4021	**BC 388 (360, 273, 260) 50**	уголь	кв. 146, глубина –395, прослой угля с материка
2260±100	3188	**BC 401 (377, 266, 264) 183**	уголь	восточная половина раскопа, сооружение в материке
2290±130	2781	**BC 479 (387) 183**	уголь	кв. 21–23, глубина –375–385
2330±100	2793	**BC 500 (397) 234**	кость	кв. 30, глубина –245–250, из вымостки
2330±100	3182	**BC 500 (397) 234**	уголь	вал, нижний ярус, глубина –300
2370±60	2796	**BC 502 (403) 392**	почва	кв. 7, западная стенка, коричневая органическая прослойка 2

Дьяково городище, раскопки Н.А. Кренке 1981–1987 гг.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
2380±120	3180	**BC 761 (404) 264**	уголь	вал, верхний ярус, глубина –170 –190
2380±30	3185	**BC 475 (404) 399**	уголь	вал, кв. А-5, глубина –356 – 358, столбики
2390±70	3910	**BC 756 (406) 395**	уголь	кв. 102, 116, глубина –375, плаха
2390±100	2797	**BC 760 (406) 386**	почва	кв. 7, западная стенка, коп 3
2510±60	3913	*BC 792 (762, 678, 671, 607, 602) 520*	уголь	кв. 149, 156, 157, глубина – 360, "зола 1", жилище, плаха
2550±60	2790	*BC 799 (786) 550*	уголь	кв. 21–23, глубина –360–370, серая супесь под коричневой органической прослойкой 3
2620±200	3466	*BC 973 (801) 411*	уголь	кв. 143, глубина –208, зола
2630±110	3912	*BC 897 (802) 673*	уголь	кв. 133, глубина –390, "зола 2"
2740±120	3916	*BC 1005 (896, 875, 862, 847, 845) 800*	уголь	кв. 119, 126, 134, глубина –263–265, плаха
2790±210	2782	*BC 1259 (966, 964, 921) 794*	уголь	кв. 45, глубина –295–297
2870±300	3905	*BC 1432 (1013) 791*	уголь	кв. 112–144, доски из канавы в материке
3740±400	3465	*BC 2856 (2141) 1622*	уголь	кв. 166, глубина –244
5200±500	2787	*BC 4536 (3982) 3383*	уголь	кв. 21–23, глубина –360–370
9250±79	2780	*BC 8602 (8523, 8508, 8476) 8302*	уголь	кв. 45, глубина –280–288

Чертов городок, раскопки Н.А. Кренке 1982, 1984 гг.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
2310±60	3917	**BC 403 (393) 262**	угли	кв. Ю-1, глубина –280–290
2590±70	7569	**BC 813 (796) 673**	кости	раскоп 1982 г.

Городище Коробово, раскопки Н.А. Кренке, Б.Е. Янишевского 1995 г.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
800±60	8465	*AD 1191 (1256) 1281*	уголь	вал, кв. 25, 26, глубина 30–35 см от поверхности
1780±100	8457	**AD 128 (243) 389**	уголь	вал, основание насыпи, верхний слой, кв. 13–15, глубина –95–100
1920±70	8458	**AD 4 (78) 133**	уголь	вал, основание насыпи, верхний слой, кв. 14, глубина –96

Городище Коробово, раскопки Н.А. Кренке, Б.Е. Янишевского 1995 г.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1930±80	8460	**BC 36 (AD 75) AD 133**	уголь	вал, основание насыпи, верхний слой, кв. 14, глубина –100
1980±50	8464	**BC 41 (AD 25, 43, 47) AD 75**	уголь	вал, основание насыпи, нижний слой, кв. 17, глубина –121
2140±60	8466	**BC 350 (195, 173) BC 60**	уголь	вал, верхний слой, кв. 13, глубина 30 см от поверхности
2870±130	8459	*BC 1259 (1013) 844*	уголь	вал, кв. 14, глубина –90
3150±200	8461	*BC 1679 (1426, 1420, 1414) 1130*	уголь	вал, кв. 13, глубина 60 см от поверхности

Городище Селецкое, раскопки И.Л. Черная 1975–1978 гг.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
2160±30	4775	BC 348 (199, 186, 184) 169	уголь	участок С1, слой 3, основание
2570±60	4774	BC 802 (791) 600	уголь	участок С1, слой 6

Городище у с. Городищи, раскопки А.С. Сыроватко 1996–1998 гг.

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1860±40	9409	AD 84 (131) 226	уголь	слой заполнения рва, кв. 11, глубина –304
1950±40	9427	AD 4 (34, 36, 61) 117	уголь	врезка 2
1980±100	9408	BC 91 (AD 25, 43, 47) AD 128	уголь	слой насыпи вала, кв. 7
2060±40	9426а	BC 150 (50) 1	уголь	слой угля под прокаленной глиной
2100±100	9407	BC 350 (146, 142, 113) AD 16	уголь	слой насыпи вала, кв. 7, 8, глубина –57
2150±40	9426	BC 348 (197, 190, 176) 119	уголь	основание насыпи вала
2250±40	9427а	BC 388 (363, 369, 362) 209	уголь	слой угля под прокаленной глиной

Приложение 3

Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы*

Н.А. Кренке

Обзор источников, методика составления

История накопления источниковой базы для составления археологической карты Москвы. Впервые научная задача составления карты курганов Московской губернии (территория современной Москвы примерно равна быв. Московскому уезду) была поставлена А.П. Богдановым в 1865 г. [Богданов, 1865]. Еще раньше, в 1838–1839 гг., при съемке топографической карты (далее – "Карта Шуберта") окрестностей Москвы офицерами Военно-топографического депо под руководством генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта было отмечено точное расположение нескольких десятков древнерусских курганных групп.

В 1878 г., при подготовке Антропологической выставки в Москве, по инициативе организационного комитета (одним из главных организаторов был А.П. Богданов) силами Губернского статистического комитета было проведено анкетирование с целью сбора сведений об археологических памятниках Московской губернии. Анкеты распространялись "по административной вертикали". Уездные исправники суммировали по своим уездам собранные данные (в том числе по Московскому уезду), на основании их отчетов в Губернском статистическом комитете был составлен список курганов с приблизительным указанием их местонахождения [Список сведений о курганах ... 1878 г.]. Этот список с мелкими опечатками был опубликован М.А. Саблиным в трудах Антропологической выставки [Саблин, 1879].

После "интеллектуального штурма", предпринятого в период подготовки Антропологической выставки, в конце XIX – начале XX в. "официальные" археологические исследования в пределах Большой Москвы были очень незначительными. Среди них нужно упомянуть работы Д.О. Шеппинга по обследованию курганов в Конькове [Шеппинг, 1900] и раскопки 1908 г. курганов в Котлякове Д.Я. Самоквасовым [Самоквасов, 1911]. К сожалению, отчеты об этих работах либо не сохранились, либо не были подготовлены, что более вероятно.

Весьма показателен случай с раскопками примерно 20 курганов около с. Тушино. Раскопки были проведены членами Московского археологического общества в 1895 и 1897 гг. "по указанию и желанию" московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича Романова. Однако эти работы велись с нарушением законодательной нормы, без получения разрешения (открытого листа) от императорской Археологической комиссии. Дело в том, что высочайшим повелением от 11 марта 1889 г. и распоряжением правительства от 9 мая 1889 г. "исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных, предоставлено Императорской археологической комиссии" [Дело Императорской археологической комиссии.., 1887]. О раскопках в Тушине напечатали московские газеты. По следам газетных публикаций Археологическая комиссия сделала запрос московскому уездному исправнику о том, кто инициировал раскопки. Из переписки выясняется, что московский уездный исправник получил указание непосредственно от генерал-губернатора по телефону (!) "принять меры к охранению порядка ... дабы совершаемые раскопки для его Высочества могли бы пройти вполне успешно" (Дело Императорской археологической комиссии.., 1887. Л. 421). Научного отчета о раскопках составлено не было.

В конце XIX – начале XX в. в Москве проводились самовольные дилетантские раскопки курганов. О широте распространения этого явления свидетельствует хотя бы то, что в него были вовлечены самые разнообразные социальные слои. Зафиксированная письменными источниками информация об этих раскопках составляет лишь вершину айсберга. Мы знаем о кладоискательских раскопках крестьянами курганов возле с. Тропарево [Дело о раскопе кургана.., 1880], раскопках дачников возле Конькова [Шеппинг, 1900], раскопках курганов помещиком Салтыковым в его имении Малое Голубино [Бадер, 1947. С. 148].

В 1920–1930-е гг., когда закладывались основы краеведческого движения, территория Большой Москвы стала объектом целенаправленных исследований. В них принимали участие молодые столичные ученые – будущие корифеи науки, такие, как А.В. Арциховский, О.Н. Бадер, М.В. Воеводский. Собранные ими данные были по большей части введены в научный оборот [Бадер, 1947]. Большое значение имели работы начала 1930-х гг. по трассе канала Москва–Волга [Бадер, 1935].

В 1938–1939 гг., спустя 100 лет после съемки топографической карты, О.Н. Бадеру с помощью студентов-археологов удалось организовать систематические разведки, необходимые для составления археологической карты города и его ближайших окрестностей. Итогом этих исследований стала опубликованная сводка [Бадер, 1947], в которой были учтены данные списка курганов 1878 г. и "Карты Шуберта". Сама же рабочая карта, на которую О.Н. Бадер наносил значки археологических памятников, выполненная на топографической основе масштаба 1: 50000, осталась неизданной (рис. 88).

Архивные материалы О.Н. Бадера имеют исключительное научное значение. Им были подготовлены планы курганных групп, которые по каким-то причинам не вошли в вышеупомянутое издание. Эти планы небольшого формата (размером в половину, либо четверть обычной страницы) хранились в Отделе археологии Музея истории Москвы (сейчас находятся в Центре археологических исследований Управления охраны памятников г. Москвы), с

* Материалы IX в. представлены лишь тремя кладами дирхемов. Материалы X в., возможно, представлены на селищах Даниловское-1 и Даниловское-2.

Рис. 88. Фрагмент “Карты Бадера” (юго-запад Москвы)
Воспроизведено с негативов, хранящихся в Музее истории Москвы

них были сделаны копии, переданные в архив Института археологии РАН. Эти планы в настоящем издании фигурируют как "Карточки Бадера" (рис. 89). На них карандашом были нанесены номера, которые позволяют идентифицировать их со значками на "Карте Бадера". Эта карта, оригинал которой хранится у А.Г. Векслера, известна нам лишь по фотокопии. О.Н. Бадер использовал топографическую карту, составленную по материалам съемок 1922–1928 гг. и изданную Главным геодезическим комитетом ВСНХ – СССР в 1930 г. Значки археологических памятников на нее наносились цветным карандашом. Для курганных групп использовалось общепринятое условное обозначение в виде полукруга. Рядом со значками памятников простым карандашом нанесены номера, которые соответствуют номерам на "карточках Бадера". Размер значков несколько великоват для карты данного масштаба – около 1 см, т. е. условный знак курганной группы закрывал на карте масштаба 1 : 50000 участок 0,5 × 0,25 км. Видимо, предполагалось существенное уменьшение карты для издания, либо использование ее для демонстрации. Важно отметить, что те памятники, которые были обследованы О.Н. Бадером и его сотрудниками, локализованы с большой точностью. Место нанесения значка курганов в данном случае может служить источником информации. В то же время на карте теми же условными знаками показаны памятники, локализованные "условно". Так, например, объекты из списка курганов 1878 г., изданного М.А. Саблиным, были перенесены на карту. При этом значок ставился на произвольном месте рядом с населенным пунктом, возле которого в XIX в. были известны курганы. В данном случае значки на карте не содержат никакой дополнительной информации относительно локализации памятников. Важно отметить, что уровень точности "карты Бадера" последующими исследователями превзойден не был. Отчасти это объясняется ужесточением режима секретности относительно картографических материалов, в результате чего специалистам-археологам был затруднен доступ к точным топографическим картам.

В 1920–1930-е гг. проводились археологические работы, результаты которых остались неизвестными О.Н. Бадеру и не вошли в его сводку, – карта археологических памятников с их описанием, разведанных студентом В.К. Карцовым в бассейне р. Сетунь [Карцов, 1927, 1928], материалы раскопок курганов в Деревлеве студентом Г.Б. Федоровым [Федоров, 1939] и курганов в Орехове сотрудницей ГИМ Л.А. Евтюховой [Евтюхова, 1928].

В 1949–1950 гг. Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР впервые была проведена паспортизация археологических памятников Москвы и Московской области. Эта работа выполнялась по специально разработанной форме-анкете, но требования к качеству и точности планов были очень низкие. Фактически принимались кроки-схемы, которые нельзя даже назвать глазомерной съемкой. Авторами паспортов были школьники Б.Е. Макаренков, А.В. Соколов, археологи Г.П. Смирнова, И.К. Цветкова, историк В.Б. Гиршберг и др. В это же время в Московском областном краеведческом музее велась

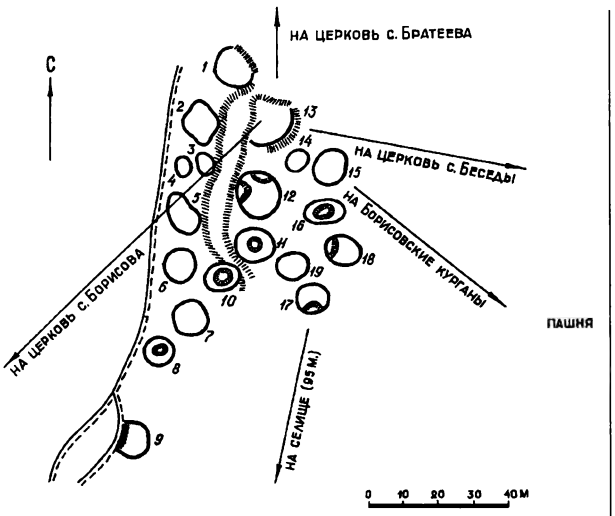


Рис. 89. План 3-го Братеевского могильника. Карточка Бадера
Архив ИА РАН, Р-2

работа по составлению картотеки археологических памятников. Некоторые материалы этой картотеки являются уникальными [Колобов, 1951].

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. раскопки курганов на территории Большой Москвы начинает вести Музей истории и реконструкции г. Москвы (ныне – Музей истории Москвы). Эти работы проводились с тщательным соблюдением методики, принятой в то время, и достаточно детально документированы. Все они описаны в научных отчетах [Качанова, 1952; Латышева, 1953, 1954, 1956, 1958; Рабинович, 1946, 1947, 1949а, 1950] и частично опубликованы [Латышева, 1954; Рабинович, 1951; Рабинович, Латышева, 1961].

В 1954 г. Большой советской энциклопедией в приложении к статье "Москва" была опубликована Карта памятников археологии г. Москвы и ее окрестностей, автором которой являлся М.Г. Рабинович [Рабинович, 1954].

Вероятно, при ее составлении автор находился в жестких цензурных рамках, так как публикация сколько-нибудь точных карт была запрещена. Во всяком случае изданная в БСЭ карта археологических памятников Москвы очень схематична.

В середине 1970-х гг. Министерством культуры СССР была предпринята повторная паспортизация памятников археологии, при этом была выработана новая форма учета памятников – более детальная по сравнению с формуляром 1949 г. На территории Москвы эта работа выполнялась в основном археологами Р.Л. Розенфельтом (ИА РАН) и Н.С. Шелягиной (ГММК). Некоторые паспорта остались не подписанными их составителями, и авторство теперь установить затруднительно. Приложенные к паспортам схемы расположения памятников, как правило, позволяют достаточно точно локализовать их на современной карте, хотя имеются и исключения.

В 1980 г. В.Г. Мироновой, сотрудницей Сектора сводов ИА РАН, была завершена работа по составлению Свода памятников археологии Москвы, который остался неизданным [Миронова, 1980, 1985].

Преимущественно использовались данные паспортов и ранее опубликованные материалы О.Н. Бадера.

В 1960–1980-е гг. исследование древнерусских археологических памятников Москвы продолжалось Отделом археологии Музея истории Москвы, который в этот период возглавлял А.Г. Векслер. В музей стекались сведения о новых находках в Москве. Работы музея нашли отражение в ряде отчетов и публикаций, подготовленных А.Г. Векслером и О.М. Даниловой [Векслер, 1973, 1982; Данилова, 1979, 1980, 1989]. Наиболее полная сводка данных, подготовленная А.Г. Векслером, – это карта и список археологических памятников Москвы, которые вошли в специальный энциклопедический том, посвященный Москве [Векслер, 1980]. К сожалению, карта в этом издании очень схематична, местоположение памятников археологии определено приблизительно.

В 1960–1980-е гг. некоторые курганные группы были исследованы специалистами из Института археологии РАН и кафедры археологии Исторического факультета МГУ [Коновалов, 1966; Кренке, 1989; Подвигина, 1961; Равдина, 1960, 1961; Юшко, 1969].

При археологических раскопах древнерусских курганов в XIX – первой половине XX в. наибольшее внимание уделялось изучению вещевых комплексов и обряда погребения. Собственно ради получения этой информации и велись раскопки. Весьма показательно, что в большинстве случаев при исследовании курганов даже не делалось попыток обнаружить поселения, к которым относились курганные могильники. В рамках такого научного подхода к изучению древнерусских древностей точное определение места памятника на карте и его ландшафтной приуроченности являлось второстепенным делом.

В 1980-е гг. исследовательская программа стала меняться. Пришло осознание существовавшей диспропорции в знаниях – о вещевых комплексах, погребальном обряде было известно много, о поселениях – гораздо меньше.

Методические вопросы составления карты и каталога древнерусских памятников Москвы. Археолого-палеогеографические исследования в Москве конца 1980-х гг. [Александровский, Кренке, 1993; Кренке, 1989] показали возможность и перспективность иного подхода. Главная цель исследований в рамках новой парадигмы заключалась в изучении того, как древнерусские поселенцы осваивали территорию Подмосковья в процессе ее колонизации в XI–XIII вв. Задача заключалась в том, чтобы, поняв "логику размещения", точно локализовать и сделать количественные оценки основных составляющих поселенческой системы: поселений, хозяйственных угодий, могильников. Именно эти исследовательские задачи учитывались при составлении каталога древнерусских памятников на территории Москвы.

В конце 1980-х гг. Институтом археологии РАН была начата подготовка издания Археологической карты Московской области в рамках серийного издания "Археологическая карта России", и тогда же встал вопрос о подготовке к изданию отдельного тома по г. Москве, но оно осуществлено не было. Публикацией настоящего каталога мы частично восполняем данный пробел.

При составлении каталога древнерусских памятников были поставлены следующие задачи:

- провести максимально полный анализ доступных картографических источников;
- провести полевые исследования с целью пополнения списка памятников, в первую очередь селищ;
- точно определить местонахождение археологических памятников на карте масштаба 1: 25000;
- определить ландшафтную приуроченность памятников, их положение относительно ближайшего водного источника;
- привязать памятники к современным ориентирам.

Как отмечалось выше, наиболее информативный для археологии картографический источник XIX в. – "Карта Шуберта", был учтен О.Н. Бадером. Кроме этой карты, в процессе работы над каталогом был выявлен ряд других карт XVIII–XIX вв., на которых также были отмечены археологические объекты (курганы), в том числе отсутствующие на "Карте Шуберта". Это "План села Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землею. 1775 г.", "План Царицынского сада с строениями. 1816 г.", "Карта глазомерной съемки окрестностей Москвы между Звенигородской и Тульской большими дорогами. 1826 г. Снята под руководством полковника Каханова 2-го", "План части окрестностей города Москвы, снятый поручиком Ляпуновым в 1825 г.", "План окрестностей Ходынского поля 1868/1910 г."

В результате работы Военно-топографического депо под руководством Ф.Ф. Шуберта была сделана не одна, а целая серия карт Москвы и окрестностей. Наибольшую известность имеют карты, выполненные в масштабе 500 саженей (1 верста) в дюйме или 1:42000. Оказалось, однако, что существует карта более детального масштаба – 200 саженей в дюйме – "Топографическая карта Московской губ. 1838 г., снятая топографами 1-й полуроты" (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 3641). Получить в руки оригинал в Военно-историческом архиве не удалось, однако в нашем распоряжении, благодаря И.И. Кондратьеву, оказалась электронная версия этой уникальной карты. Несколько курганных групп показано лишь на этой карте, на картах масштаба 1:42000 они отсутствуют.

Из карт, выполненных в XX в., наибольшую ценность для археологии Москвы имеет изданная в 1951 г. Мосгоргеотрестом карта "Москва и окрестности" масштаба 1:10000. Эта карта состоит из 132 листов, на ней зафиксирован еще сельский ландшафт в пределах Большой Москвы, который уже в 1960–1970-е гг. был утрачен. На карте 1951 г. показано условными знаками множество курганов и земляных насыпей. Далеко не все из них являются древнерусскими курганами, есть земляные оборонительные сооружения 1941 г. и пр. Однако сопоставление данных карт 1951 г., "Карты Шуберта" и материалов паспортизации археологических памятников 1949–1950 гг. позволяет точно локализовать многие курганные группы XII–XIII вв.

В архиве Мосгоргеотреста на ул. Лавочкина хранится подборка карт масштаба 1:2000 на всей территории Москвы. Коллекция этих карт организована следующим образом. Уже в 1930-е гг. территория

Москвы была разделена на квадраты, границы которых с тех пор оставались неизменными. Каждые несколько лет производилась корректировка листа карты (лист соответствует квадрату территории). Листы карт по каждому квадрату территории Москвы хранятся отдельной стопкой, что позволяет легко проследить эволюцию топографической ситуации на конкретном участке вплоть до сегодняшнего дня. Эти материалы были просмотрены. Наиболее ранние из этих карт относятся к 1932 г. Листы карт 1930–1940-х гг. сохранились выборочно. Начиная с 1950-х гг. коллекция карт полная почти по всем квадратам. Нужно отметить, что на картах масштаба 1 : 2000, несмотря на значительно более детальный масштаб, отмечено гораздо меньше археологических объектов, чем на карте 1951 г. масштаба 1 : 10000. Однако целый ряд курганных групп все же отражен на картах масштаба 1 : 2000 (археологические курганы показаны двумя видами условных знаков – "курган, земляная насыпь", "изрыто"). Использование этих карт позволило обнаружить ранее не известные курганные группы, например, на территории парка "Битцевский лес". Особенно важно, что подборка карт масштаба 1 : 2000 позволяет проследить судьбу памятника – установить, когда он был разрушен городской застройкой.

Дополнительные натурные археологические исследования проводились в основном с целью проверки сохранности курганов и для поиска поселений. В ряде случаев курганы были известны только по данным топографических карт, и, следовательно, их атрибуция как археологических памятников древнерусского времени была предположительна. В этих случаях обнаружение рядом с курганами поселений XII–XIII вв. имело принципиальное значение для доказательства, что курганы, изображенные на карте, действительно являлись археологическими памятниками.

Проведенные разведочные работы [Кренке, 1995, 2000, 2002] позволили выявить более десятка поселений древнерусского времени. По большей части "зона поиска" заранее определялась по карте, исходя из местоположения известных курганных могильников. К сожалению, не вся территория Москвы была обследована подобным образом. В пределах Национального парка "Лосиный Остров", в долине р. Будайки возле железнодорожной станции Яуза, в пределах заповедника "Царицыно" и ряде других мест остались неизученными участки, где вероятно наличие древнерусских поселений.

Археологические карты, представленные в настоящем издании (цв. вкл., рис. 4), выполнены в масштабе 1:50000 на упрощенной топографической основе, подготовленной в мастерской В.В. Коновалова (Научно-исследовательский и проектный институт Генплана г. Москвы), где показаны лишь горизонтали рельефа и основные современные магистрали. Реконструкция гидросети была специально выполнена В.А.Низовцевым (кафедра ландшафтоведения Географического факультета МГУ).

Наименование памятников по традиции соотносилось с ближайшим населенным пунктом. В нашем случае, как правило, это были села и деревни, существовавшие до начала 1960-х гг. Нумерация в пределах каждого типа памятников велась отдельно. Например, "Фили-1, селище" и "Фили-1, курганный могильник". Номера памятникам, выявленным до 1997 г., присваивались по произвольно выбранному принципу. Сначала исторический центр Москвы, затем – двигаясь по долине Москвы-реки вниз по течению, от бассейна одного ее притока к другому. Памятники, выявленные после 1997 г., вынужденно продолжали порядковую нумерацию, поэтому нет никакой географической закономерности в расположении объектов, начиная со 190-х номеров и далее. Полный список памятников, представленных на карте "Памятники археологии X – первой половины XIII в. на территории Москвы" (цв. вкл., рис. 4), включен в настоящий каталог. Подробные описания даны для 179 объектов. Приводимые в каталоге датировки XI–XIII вв. означают лишь отсылку к древнерусскому периоду.

Список названий к Каталогу памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы

1. Кремль. XI(?)–XIII вв.
2. Посад, примыкавший с востока к Кремлю. XII–XIII вв.
3. Посад в Зарядье. XII–XIII вв.
4. Поселение на Манежной площади. XII–XIII вв.
5. Поселение на Волхонке XI–XIII вв.
6. Поселение с церковью в районе Богоявленского монастыря. XII–XIII вв.
7. Поселение (?) и кладбище в районе Старопанского пер. XII–XIII вв.
8. Поселение в районе Ипатьевского пер. XI–XIII вв.
9. Поселение на Ильинской ул. XIII в.
10. Клад дирхемов в районе храма Христа Спасителя. IX в.
11. Митино-1, селище. XII–XIII вв.
12. Спас-Тушино-4, селище. XII–XIII вв.
13. Спас-Тушино-3, курганный могильник, *9 курганов*. XI–XIII вв.
14. Митино-1, курганный могильник ("Великая могила"), *6 курганов*. XI–XIII вв.
15. Спас-Тушино-2, курганный могильник, *65 курганов*. XI–XIII вв.
16. Спас-Тушино-1, курганный могильник, *15 курганов*. XI–XIII вв.
17. Спас-Тушино-2, селище. XI–XIII вв.
18. Поселение на 1-м Спас-Тушинском городище. XI–XIII вв.
19. Пенягино-1, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
20. Мякинино-2, селище. XII–XIII вв., XV–XVII вв.
21. Мякинино-1, селище. XII–XIII вв.
22. Мякинино-1, курганный могильник, *30 курганов*. XII–XIII вв.
23. Мякинино-2, курганный могильник (гипотеза М.Г. Рабиновича), *16 (?) курганов*. XII–XIII вв.
24. Тушино-2, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
25. Тушино-1, курганный могильник на Тушинском городище, *2 кургана*. XI–XIII вв.
26. Поселение на площадке Тушинского городища. XI–XIII вв.
27. Алешкино-1, селище. XI–XIII вв.
28. Алешкино-1, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.

29. Алешкино-2, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
30. Никольское-Химки-1, курганный могильник, *11 курганов*. XII–XIII вв.
31. Троице-Лыково-2, селище. XI–XIII вв.
32. Татарово-1, селище. XII–XIII вв.
33. Крылатское-1, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII вв.
34. Поселение на Кунцевском городище. XI–XIII вв.
35. Кунцево-1, селище. XII–XIX вв.
36. Фили-2, селище. XII–XIII вв.
37. Фили-1, селище. Средневековье.
38. Фили-1, курганный могильник, *40 курганов*. XII–XIII вв.
39. Серебряный Бор-1, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
40. Сетунь-2, курганный могильник, *18 курганов*. XII–XIII вв.
41. Сетунь-1, курганный могильник, *16 курганов*. XI–XIII вв.
42. Спас-1, курганный могильник, *1 курган*. XII–XIII вв.
43. Очаково-1, курганный могильник, *12 курганов*. XII–XIII вв.
44. Очаково-2, курганный могильник, *1 курган*. XII–XIII вв.
45. Краснолужское-1, селище. XII–XIV вв.
46. Матвеевское-1, селище. XI–XIII вв.
47. Матвеевское-2, курганный могильник, *2 (3?) кургана*. XII–XIII вв.
48. Матвеевское-1, курганный могильник, *3 кургана*. XII–XIII вв.
49. Матвеевское-3, курганный могильник, *4 кургана*. XII–XIII вв.
50. Матвеевское-2, селище. XII–XIII вв.
51. Раменки-1, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII вв.
52. Раменки-2, курганный могильник, *2 кургана*. XII–XIII вв.
53. Раменки-1, селище. XII–XIII вв.
54. Очаково-4, курганный могильник, *3 кургана*, XII–XIII вв.
55. Очаково-3, курганный могильник, *8 курганов*. XI–XIII вв.
56. Очаково-5, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
57. Никольский-1, курганный могильник, *26 курганов*. XI–XIII вв.

57а. Никольский-3, курганный могильник, *6 курганов*. XI–XIII вв.

58. Никольский-2, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
59. Никулинский-2, курганный могильник, *8 курганов*. XI–XIII вв.
60. Никулинский-3, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
61. Никулинский-1, курганный могильник, *6 курганов*. XI–XIII вв.
62. Тропарево-1, курганный могильник, *5(15?) курганов*. XI–XIII вв.
63. Тропарево-2, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII вв.
64. Богородское-2, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
65. Богородское-1, курганный могильник, *7 курганов*. XI–XIII вв.
66. Воронцово-1, курганный могильник, *9 курганов*. XI–XIII вв.
67. Коньково-2, курганый могильник, *15 курганов*. XI–XIII вв.
68. Коньково-1, курганный могильник, *2 кургана*. XII–XIII вв.
69. Коньково-3, курганный могильник, *5 курганов*. XII–XIII вв.
70. Коньково-4, курганный могильник, *23 кургана*. XII–XIII вв.

70 а. Коньково-2, селище. XII–XIII вв.

71. Теплый Стан-1, селище. XII–XV вв.
72. Теплый Стан-3, курганный могильник, *8 курганов*. XII–XIII вв.
73. Теплый Стан-2, курганный могильник, *13 курганов*. XII–XIII вв.
74. Теплый Стан-4, курганный могильник, *6 курганов*. XII–XIII вв.
75. Теплый Стан-1, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
76. Воробьево-1, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
77. Андреевское-1, селище. XI–XIII вв.
78. Нескучный сад-1, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
79. Нескучный сад-1, селище. XII–XIII вв.
80. Даниловское-1, селище. X–XIII вв.

80 а. Даниловское-2, селище. X–XVII вв.

81. Черемушки-3, курганный могильник, *4 кургана*. Возраст не установлен.
82. Черемушки-2, курганный могильник, *3 кургана*. XII в.
83. Черемушки-1, курганный могильник, *15 курганов*. XII в.
84. Шаболово-1, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
85. Шаболово-2, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
86. Верхние Котлы-1, курганный могильник. *9(?) курганов*. XI–XIII вв.
87. Нагатино-1, курганный могильник, *1 курган*. Возраст не установлен.
88. Коломенское-1, селище. XI–XX вв.
89. Коломенское-3, селище. XII–XIII вв.
90. Дьяково-1, селище. XII–XIII вв.
91. Дьяково-2, селище. XI–XII вв.
92. Поселение на Дьяковом городище. XI–XIII вв.
93. Дьяково-3, селище. XI–XIII вв.
94. Деревлево-1, курганный могильник, *6 курганов*. XII–XIII вв.
95. Деревлево-2, курганный могильник, *5 курганов*. XI–XIII вв.
96. Зюзино-4, курганный могильник, *2 кургана*. Возраст не установлен.
97. Зюзино-1 селище. XIII (?) – XIV–XVII вв.
98. Зюзино-1, курганный могильник, *9 курганов*. XII–XIII вв.
99. Зюзино-2, курганный могильник, *13 курганов*. XII–XIII вв.
100. Волхонка-1, курганный могильник, *16 курганов*. Возраст не установлен.
101. Узкое-1, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
102. Коньково-5, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII (?) вв.
103. Коньково-1, селище. XII–XIII вв.

104. Зюзино-6, курганный могильник, *9 курганов*. XII–XIII вв.
105. Зюзино-5, курганный могильник, *4 кургана*. XII–XIII вв.
106. Зюзино-3, курганный могильник, *11 курганов*. XI–XIII вв.
107. Узкое-2, курганный могильник, *2 кургана*. XII–XIII вв.
108. Узкое-3, курганный могильник, *3 кургана*. XII–XIII вв.
109. Узкое-4, курганный могильник, *2 кургана*. XII–XIII вв.
110. Узкое-5, курганный могильник, *3 кургана*. XII–XIII вв.
111. Узкое-6, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII (?) вв.
112. Чертаново-9, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII вв.
113. Чертаново-1, селище. XII–XIII вв.
114. Чертаново-7, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
115. Чертаново-8, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
116. Чертаново-6, курганный могильник, *3 кургана*. XII–XIII вв.
117. Чертаново-5, курганный могильник, *3 кургана*. XII–XIII вв.
118. Чертаново-4, курганный могильник, *6 курганов*. XII–XIII вв.
119. Чертаново-3, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
120. Чертаново-2, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
121. Чертаново-1, курганный могильник, *10 курганов*. XII–XIII вв.
122. Котляково-1, курганный могильник, *7 курганов*. XII–XIII вв.
123. Котляково-2, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII вв.
124. Сабурово-1, курганный могильник, *13 курганов*. XII–XIII вв.
125. Малое Голубино-1, курганный могильник, *6 курганов*. XI–XIII вв.
126. Малое Голубино-2, курганный могильник, *24 кургана*. XI–XIII вв.
127. Большое Голубино-1, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII вв.
128. Ясенево-1, курганный могильник, *5 курганов*. XI–XIII вв.

128а. Ясенево-2, курганный могильник, *2 кургана*. XII–XIII вв.

129. Бирюлево-1, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
130. Бирюлево-2, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
131. Красное-1, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII (?) вв.
132. Покровское-2, курганный могильник, *3 (?) кургана*. XI–XIII (?) вв.
133. Покровское-1, курганный могильник, *3 (?) кургана*. XI–XIII (?) вв.
134. Орехово-4 (западный участок), селище XII–XV вв.
135. Орехово-2, курганный могильник, *14 курганов*. XII (?) –XIII вв.
136. Орехово-6, селище. XII–XIII вв.
137. Орехово-5, селище. XII–XIII вв.
138. Орехово-4, курганный могильник, *12 курганов*. XI–XIII вв.
139. Орехово-5, курганный могильник, *28 курганов*. XI–XIII вв.
140. Орехово-6, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
141. Царицыно-4, курганный могильник, *8 курганов*. XII–XIII вв.
142. Царицыно-3, курганный могильник, *13 курганов*. XII–XIII вв.

142а. Царицыно-4, селище XII–XIII вв.

143. Орехово-4 (восточный участок), селище. XII–XIII вв.
144. Орехово-3, селище. XII–XIII вв.
145. Орехово-7, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII (?) вв.

145а. Орехово-8, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII (?) вв.

146. Орехово-3, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII (?) вв.
147. Орехово-1, курганный могильник, *12 курганов*. XII–XIII вв.
148. Орехово-2, селище. XII–XIII вв.
149. Царицыно-2, курганный могильник, *23 кургана*. XII–XIII вв.
150. Царицыно-1, курганный могильник, *5 курганов*. XI–XIII вв.
151. Царицыно-5, курганный могильник, *12 курганов*. XI–XIII вв.
152. Шипилово-2, курганный могильник, *5 курганов*. XI–XIII вв.
153. Шипилово-1, курганный могильник, *10 курганов*. XI–XIII вв.
154. Братеево-5, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
155. Братеево-2, курганный могильник, *5 курганов*. XI–XIII вв.
156. Братеево-1, курганный могильник, *5 курганов*. XI–XIII вв.
157. Братеево-4, курганный могильник, *2 кургана*. XI–XIII вв.
158. Братеево-3, курганный могильник, *19 курганов*. XI–XIII вв.
159. Братеево-1, селище. XI–XIII вв.
160. Борисово-1, курганный могильник, *21 курган*. XII–XIII вв.
161. Зябликово-2, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
162. Поселение на городище Капотня. XII–XIII вв.
163. Капотня-1, селище. XI–XIII вв.
164. Чагино-1, курганный могильник, *15 курганов*. XI–XIII вв.
165. Михалково-1, селище. XIII–XV вв.
166. Останкино, курганный могильник. XI–XIII вв.
167. Лосиный остров-1, курганный могильник, *7 курганов*. XII–XIII вв.
168. Лосиный остров-1, селище. XII–XIII вв.
169. Лосиный остров-2, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII вв.
170. Близ Андроньева монастыря, селище. XI–XIII вв.
171. Гравороново-1, селище. XII–XIII вв.
172. Симонов монастырь. Находка восточной монемы (дирхема?). IX в.
173. Селище на устье Яузы. XII–XIV вв.
174. Станция Яуза, курганный могильник, *5 курганов*. XII–XIII вв.

175. Лыщиково городище (топоним).
176. Обыденское городище (топоним).
177. Могильцы (курганный могильник? – *Н.К.*) на Остожье (топоним).
178. Могильцы (курганный могильник? – *Н.К.*) на Тверской ул. (топоним).
179. Городище на Самотеке (топоним, найден 1 фрагмент курганной керамики в 1956 г.).
180. Косино-1, курганный могильник (у Святого озера), *3 кургана*. XI–XIII вв.
181. Косино-2, курганный могильник (к югу от Косина), *2 кургана*. XI–XIII вв.
182. Косино-3, курганный могильник (близ д. Жулебино), *21 курган*. XI–XIII вв.
183. Руднево, курганный могильник, *5 (?) курганов*. XI–XIII вв.
184. Каменная плотина-2, курганный могильник, *7 курганов* (по карте 1838 г.).
185. Каменная плотина-1, курганый могильник, *10 курганов*. XI–XIII вв.
186. Черемушки-4, курганный могильник, *4 кургана*. XI–XIII вв.
187. Черемушки-5, курганный могильник, *9 курганов*. XI–XIII вв.
188. Дубинкин лес-3, селище. XII–XIII вв.
189. Беляево-1, курганный могильник, *8 курганов*. XI–XIII вв.
190. Зюзино-3, селище. XII–III вв.
191. Курьяново-1, селище. XII–XIV? вв.
192. Чертаново-10, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
193. Аннино-1, селище. XII–XIV (?) вв.
194. Матвеевское-4, курганный могильник, *14 курганов*. XI–XIII вв.
195. Фили-2, курганный могильник, *5 курганов*. XI–XIII (?) вв.
196. Раменки-2, селище. XII–XIII вв.
197. Раменки-3, селище. XII–XIII вв.
198. Раменки-4, селище. XIII–XIV вв.
199. Раменки-3, курганный могильник, *8 курганов*. XII–XIII вв.
200. Раменки-5, селище. XII–XIII вв.
201. Студеный овраг, могильник, XII–XIII вв.
202. Моховая ул., д. 9, селище. XII–XIII вв.
203. Крылатское. Находки XI–XII вв.
204. Теплый Стан-3, селище. XII–XIII вв.
205. Очаково-6, курганный могильник, *3 кургана*. XI–XIII (?) вв.
206. Коньково-6, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII (?) вв.
207. Теплый Стан-2, селище. XIII–XV вв.
208. Шаболово-3, курганный могильник, *1 курган*. XI–XIII вв.
209. Нескучный сад-2, селище. XII–XV вв.
210. Клад дирхемов на Кунцевском городище. VIII–IX вв.
211. Гладышево-1, курганный могильник, *40 курганов* (по карте 1838 г.).
212. Андреевский-1, курганный могильник, *3 кургана* (по карте 1838 г.).
213. Нескучный сад-3, селище. XII–XIII вв.
214. Мякинино-4, селище. XII–XIII вв.
215. Никольская ул. Находки XII–XIII вв. (1999 г.)
216. Кадаши. Находки XII–XIII вв. (1999 г.)
217. Ордынка, д. 40. Находки XII–XIII вв. (1999 г.).
218. Царицыно-2, селище. XII–XIII вв.
219. Орехово-8, селище. XII–XIV вв.
220. Орехово-7, селище. XII–XIII вв.
221. Царицыно-3, селище. XII в.
222. Б. Дмитровка, д. 17. Находки XII–XIII вв.
223. Моховая ул., д. 8, 10. Находки XII–XIII вв.

Каталог

10. КЛАД ДИРХЕМОВ НА МЕСТЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ. IX в.

Современный адрес: между Соймоновским пр., Всехсвятским пр. и Пречистенской набережной.

В 1837–1838 гг. при рытье котлована для храма на глубине более 2 (5?) м в глине было найдено несколько куфических монет. Две монеты были определены академиком Х.Д. Френом: 1) тагеридская, халифа Муста ибн-Биллаха, чеканена в г. Мерве в 862 г.; 2) абассидская, халифа Мутезз-Биллаха из Арменга, чеканена в 866 г.

Литература: Бадер, 1947. С. 129; Качанова, 1954. С. 135; Савельев, 1846. С. 122 – 123.

27. АЛЕШКИНО-1, СЕЛИЩЕ. V в. до н.э. – V – VII вв. н.э., XI–XIII вв., XVI–XIX вв.

Сохранилось?

Современный адрес: в 0,3 км к востоку от д. 95, корп. 2 по ул. Свободы, заброшенный фруктовый сад на месте снесенной деревни, на первой террасе правого берега Химкинского водохранилища (подпруженная р. Химка, левый приток р. Москвы), при устье оврага, превращенного в залив, на высоте 3–5 м над урезом воды (абсолютная отметка около 168 м).

Приблизительные размеры 30 × 60 м. Толщина культурного слоя (темно-серая и бурая супесь) от 10 до 80 см, прослежены западины жилищ.

Обнаружено в 1971 г. С.Е. Армяговым, обследовано в 1972–1974 гг. сотрудниками Музея истории Москвы; наблюдались профили строительных траншей при прокладке коммуникаций.

В 1995 г. при осмотре поверхности почвы в саду, проведенном Н.А. Кренке, древних находок не обнаружено.

Комплекс находок железного века представлен текстильной (сетчатой) и грубой гладкостенной керамикой. Древнерусский материал включает курганную и серую керамику, стеклянный витой браслет, деталь железного трубчатого замка. Позднесредневековые находки – стрела для арбалета, подковы, все типы керамики XVI–XVII вв. Отмечены следы металлургического и косторезного производств. Коллекция находок хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 24669, 26166).

Повреждено деревьями и парковыми дорожками.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1973. С. 53; Паспорт 1973 г.

28. АЛЕШКИНО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Алешкинский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,2 км к востоку от д. 91 по ул. Свободы, на территории пустыря/сквера на правом берегу Химкинского водохранилища (подпруженная р. Химка, левый приток р. Москвы), в 670 м к западу от Ленинградского ш., на расстоянии 170 м

и на высоте 14–19 м от бывшего русла р. Химки (абсолютные отметки 168–170 м), в 150 м к северу от курганного могильника Алешкино-2.

Старый адрес: располагался в 200 м к югу от юго-восточной окраины д. Алешкино.

Изображен на картах 1848 г. (2 кургана), 1868/1910 г. (2 кургана), 1933 г. (2 кургана), 1951 г., 1961 г. Учтен в списке 1878 г. (3 кургана при с. Алешкино). В 1932 г. обследован Т.С. Пассек.

Состоял из 2-х насыпей полусферической формы. Оба кургана, по сведениям местных жителей, были раскопаны в 1909 или 1910 г. кн. Н.С. Щербатовым, бывшим владельцем имения в Братцеве. В последний раз курганы отмечены на карте 1961 г., затем оказались под навалом грунта.

Достоверные данные о находках отсутствуют. В коллекции Музея антропологии МГУ имеются 3 черепа, поступившие от кн. Н.С. Щербатова из Братцева (?). Возможно, это черепа из Алешкинских курганов, так как никаких сведений о наличии курганов в Братцеве не имеется. В ГИМ имеется принадлежавшее кн. М.Н. Щербатову большое собрание курганных древностей из Тушина. Возможно, эта коллекция включает и находки из курганов в Алешкине.

Литература и архивные материалы: Алексеева и др., 1986. С. 100; Бадер, 1947. С. 101; Бадер и др., 1935. С. 65; Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Москва и окрестности: Топографическая карта. М. 1 : 2000. Съемки 1933, 1938, 1961 гг. Л. Д-ХХШ-3; План 1868/1910 гг.; Саблин, 1879. С. 185; Сведения о курганах... 1878 г. С. 85.

29. АЛЕШКИНО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Алешкинский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,15 км к востоку от д. 85, корп. 1 по ул. Свободы, на территории пустыря/сквера, на правом берегу Химкинского водохранилища (подпруженная р. Химка, левый приток р.Москвы), в 670 м к западу от Ленинградского ш., на расстоянии 200 м и на высоте 18–20 м от бывшего русла р. Химки (абсолютная отметка 170 м), в 150 м к югу от курганного могильника Алешкино-1.

Старый адрес: в 350 м к югу от юго-восточной окраины с. Алешкино.

Изображен на картах 1848 г., 1868/1910 гг., 1939/1968 гг. (2 кургана), 1951 г.

Учтен в списке 1878 г. (3 кургана при с. Алешкино). В 1932 г. обследован Т.С. Пассек.

Состоял из 2 насыпей полусферической формы высотой 0,8 и 1, 2 м (по съемке 1939 г.), диаметром 10 и 14 м. Оба кургана, по сведениям местных жителей, были раскопаны в 1909 или 1910 г. кн. Н.С. Щербатовым, бывшим владельцем имения в Братцеве.

Курганы разрушены при земляных работах после 1968 г.

Достоверные данные о находках отсутствуют (см. описание курганного могильника Алешкино-1).

Литература и архивные материалы: Алексеева и др., 1986. С. 100; Бадер, 1947. С. 101; Бадер и др., 1935. С. 65; Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М. 1 : 10000. М., 1951; Москва и окрестности: Топографическая карта. М. 1:2000. Съемки 1939, 1968 гг. Л. Д-ХХШ-3, Д-ХХП-3; План 1868/1910 гг.; Саблин, 1879. С. 185; Сведения о курганах... 1878 г. С. 85.

30. НИКОЛЬСКОЕ-ХИМКИ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: примерно в районе д. 39 по Ленинградскому ш., на левом берегу Химкинского водохранилища (подпруженная р. Химка, левый приток р. Москвы), на высокой террасе, расстояние до реки около 200 м, высота над водой около 20 м (?).

Старый адрес: в 0,25–0,5 км к юго-западу от д. Никольское (на Ленинградском ш.).

В 1933 г. состоял из 11 насыпей (несколько насыпей было до этого разрушено карьером) высотой 0,8–0,5 м, диаметром 4–5 м, 10 насыпей полусферических, одна удлиненная.

Разрушен карьером при строительстве плотины Химкинского водохранилища.

О.Н.Бадер раскопал в 1933 и 1934 гг. 7 курганов.

Найдено 7 погребений (по одному в каждом кургане), захороненных по обряду трупоположения, костяки вытянуты на спине. Все погребения в могильных ямах (кроме одного на горизонте) с западной и юго-западной ориентировкой, 2 женских, 3 мужских. Вещи найдены в 3 погребениях, в том числе: семилопастные височные кольца, сердоликовые бипирамидальные бусы, медные перстни (решетчатые зигзаговые и пластинчатый широкосрединный), витые проволочные браслеты, гончарные сосуды. В одной насыпи обнаружены остатки деревянной конструкции из столбов и перекладин. Антропологический материал (4 черепа) определен Т.А. Трофимовой, отнесшей их к длинноголовому европеоидному типу.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1935. С. 28–29; Бадер, 1941. С. 59–61; Бадер, 1947. С. 101, 102; Бадер и др., 1935. С. 39–65.

31. ТРОИЦЕ-ЛЫКОВО-2, СЕЛИЩЕ. XI–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 150 м к востоку от д. 10 по Одинцовской ул. и в 210 м к югу от церкви Троицы, на бровке правого коренного берега Москвы-реки, на высоте 30 м над урезом воды (абсолютные отметки 153–154 м) и в 100 м от русла, на территории парка, пересечено дорожкой.

Обследовано в 1995 г. Н.А. Кренке. Зона распространения керамики 10 × 10 м. Шурф площадью 7 кв. м выявил яму глубиной до 70 см, заполненную серой супесью, углями, глиняной обмазкой и керамикой. Последняя представлена обломками от нескольких древнерусских корчаг (5 или более) высотой около 50 см и диаметром венчиков 30–44 см, толщиной стенок до 1,4 см, с примесью дресвы в глине, украшенных линейной орнаментацией. По углям получена радиоуглеродная дата 975±30 (ГИН 8405), указывающая при калибровке на интервал с 1001 по 1149 г. На одном из черепков прослежен отпечаток зерна, вероятно, пшеницы. Коллекция хранится в ГМЗК.

Литература и архивные данные: Кренке, 1995. С. 1–3; Кренке, 1996. С. 154–155.

32. ТАТАРОВО-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIII. XVII вв.

Сохранилось?

Современный адрес: в 0,2 км к западу от д. 10 по Крылатской ул. Расположено на площадке и склонах мыса правого коренного берега Москвы-реки, прорезанного руслом оврага, на правом берегу оврага, внутри петли велотрассы, западнее здания велотрека, в 1 км к северо-северо-востоку от церкви Рождества Богородицы в Крылатском. Расстояние до ручья 100 м, высота над его руслом 10 м. Абсолютные отметки селища 154–160 м.

Старый адрес: на расстоянии 150 м к юго-востоку от южной окраины д. Татарово.

Обследовано в 1977 г. А.К. Станюковичем совместно с А.А. Юшко. Наибольшее количество находок зафиксировано в обнажениях на северо-западной оконечности мыса. Заложено 2 шурфа (3 и 4 кв. м), один на обрывистом берегу на северо-западной оконечности мыса, другой в 60 м к востоку от него, на склоне оврага. Культурный слой (серая супесь) мощностью около 0,4 м был представлен в обоих шурфах. В шурфе на северо-восточном краю мыса прослежен фрагмент сооружения XVI–XVII вв., связанного с железообработкой. Керамика железного века и древнерусская имелась в обоих шурфах.

Культурный слой нарушен кладбищем XVIII–XIX вв. (одно белокаменное надгробие XVIII в. отмечено на поверхности), земляными работами 1977 г., связанными с прокладкой дорог велотрассы.

При обследовании, проведенном Н.А. Кренке в 1995 г., было отмечено, что поверхность селища очень сильно нарушена земляными работами, найден лишь один фрагмент серой древнерусской керамики.

Находки 1977 г. представлены текстильной и гладкостенной керамикой железного века, древнерусской курганной и серой керамикой с линейно-волнистой орнаментацией (один фрагмент орнаментирован оттиском зубчатого колесика), витым стеклянным браслетом, чернолощеной и белоглиняной керамикой XVI–XVII вв. железными "крицами". Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 28959).

Литература и архивные материалы: Станюкович, 1977. С. 37–46. Рис. 35. 36; Станюкович и др., 1978. С. 87.

33. КРЫЛАТСКОЕ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 450 м к северо-востоку от д. 9 по ул. Крылатские холмы, на краю правого коренного берега Москвы-реки, на высоте около 50 м над уровнем реки (абсолютная отметка 172 м), в 600 м от ее русла, в 400 м к юго-юго-востоку от церкви Рождества Богородицы в Крылатском.

Старый адрес: в 150 м к северо-северо-западу от кирпичного здания школы, возле дома Г.А. Прохорова.

Обследован О.Н. Бадером в 1940 г., Н.Н. Погребовой в 1949 г.

Состоял из 3 или более насыпей, поросших дубами, вырубленными примерно в 1925 г. На момент обследования 1949 г. сохранялось 2 насыпи полусферической формы высотой 0,8 м и 1,5 м, диаметром 5 и 9 м, имелись ровики возле меньшей насыпи. По сведениям местных жителей, записанным в 1949 г., при строительстве дома в районе курганов было найдено много человеческих костей.

Место курганов, по данным обследования 1996 г., проведенного С.З. Черновым, сейчас находится под привозным грунтом, отсыпанным при устройстве горнолыжного склона в 1970-х гг., что не исключает возможности сохранения насыпей под ним.

В 1999 г. была получена информация от Александра Борисовича Лубека о том, что в 1958–1959 гг. он участвовал, будучи школьником, в раскопках курганов в Крылатском как кружковец фотостудии Дворца пионеров в Рабочем поселке. Раскопками руководили археологи из Исторического музея (имя одного из них – Юрий).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 123; Карта Бадера; Карточка Бадера; Паспорт 1949 г.; Чернов, 1996. С. 12–13. Ил. 16–20.

35. КУНЦЕВО-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIX вв. (селище у Кунцевского городища).

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,15 км к юго-востоку от д. 14, корп. 3 по ул. 1-я Крылатская, на мысу правого коренного берега Москвы-реки, через овраг, в 220 м к югу от площадки Кунцевского городища, на поляне с разрушенной кирпичной постройкой и под липово-дубовым лесом по склонам, на высоте 50–55 м над урезом воды (абсолютные отметки 170–175 м), в 220 м от русла реки.

Обследовано в 1995 г. Н.А. Кренке, заложено 5 шурфов общей площадью 3,5 кв. м.

Размеры 70 × 35 м, культурный слой 0,25–0,65 м, супесь серого и бурого цвета. Поверхность задернована, поросла лесом, а также частично испорчена кирпичной постройкой (ныне разрушенной).

Найдена керамика курганная и серая конца XII–XIII в., красная грубая, красная гладкая второй половины XV – первой половины XVI в., белоглиняная грубая второй половины XVI – первой половины XVII в., белоглиняная гладкая конца XVI–XVII в., чернолощеная XVII–XVIII вв., мореная, фарфор и изразцы XVIII–XIX вв. Коллекция хранилась в музее-клубе "Кунцево".

Селище, несомненно, составляет один комплекс с погостом на Кунцевском городище.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1995. С. 16–22; Кренке, 1996. С. 154–155.

36. ФИЛИ-2, СЕЛИЩЕ. I тыс. н.э.(?), XII–XIII вв. (?), позднее средневековье.

Сохранилось?

Современный адрес: точно не определен (Суворовский парк?).

Старый адрес: территория парка и частично под застройкой, обрыв правого берега Москвы-реки.

Размеры селища около 60 × 20 м, толщина темно-серого культурного слоя от 0,5 до 1 м. В 1936 г. обследовано О.Н. Бадером, Н.Ф. Куразовым и С.П. Потоцким.

Найдены фрагменты позднедьяковской(?), древнерусской, позднесредневековой керамики, битый кирпич.

В 1995 г. при обследовании кромки высокого берега между Филевскими курганами и Кунцевским

городищем, проведенном Н.А. Кренке, селище не обнаружено.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 124; Паспорт 1949 г.

37. ФИЛИ-1, СЕЛИЩЕ. Средневековье

Современный адрес: Филевский парк.

Располагалось рядом с курганным могильником Фили-1, выше по течению реки, в начале берегового откоса.

Обследовано О.Н. Бадером в 1923 г.

Культурный слой черного цвета залегал непосредственно под дерном, найдены обломок кости и 2–3 фрагмента "старой русской керамики".

При обследовании, проведенном 1995 г. Н.А. Кренке, селище найти не удалось.

Литература: Бадер, 1947. С. 124.

38. ФИЛИ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Сохранился.

Современный адрес: в 0,15 км к югу от д. 20 по Новозаводской ул. и в 0,7 км к северу от Б.Филевской ул., на коренном правом берегу Москвы-реки, на территории Филевского парка культуры и отдыха, в 150 м к северу от площадки на западном конце широтной аллеи, идущей от главного входа в парк с ул. Барклая (у д.18), в 160 м от берега реки (в 50 м к востоку от асфальтовой дорожки, идущей по кромке бровки высокого берега), на высоте 30 м над водой (абсолютная отметка 149 м).

Состоял из 40 насыпей. В настоящее время сохранилось 4 насыпи сегментовидной формы высотой 0,8–1,3 м, диаметром 8–10 м, еще 5 насыпей едва прослеживаются.

В 1920, 1922, 1923 гг. курганы исследовались В.А. Городцовым, раскопавшим не менее 4 насыпей. В 1952 г. сохранялось 16 насыпей, исследовано В.И. Качановой 7 насыпей. В раскопках принимал участие Д.А. Авдусин. В могильнике имелись насыпи высотой 0,5–1,4 м, диаметром 6–10 м. В 1975 г. памятник обследовался А.А. Юшко, в 1995 г. – Н.А. Кренке.

Погребения по обряду трупоположения, костяки вытянуты на спине. При раскопках В.А.Городцова найдено более 20 семилопастных колец развитого типа с боковыми колечками и секировидными лопастями, витые и стеклянные браслеты, перстни, керамика, фрагменты ткани. В 1952 г. в могильных ямах глубиной 0,5–1 м найдены погребения с западной и юго-западной ориентировкой, в том числе 2 женских и 3 мужских, а также захоронение собаки в насыпи в берестяном гробу, семилопастные височные кольца, в том числе 2 имели орнамент в виде креста с ромбической серединой и перечеркнутыми концами, бронзовый витой браслет, перстни: бронзовый – широкосрединный и решетчатый трехпунктирный, серебяный ложновитой и рубчатый, остатки кожаного кошеля с простым перстнем, бусы сердоликовые (в том числе две бусины – с орнаментом из белой пасты) и билоновые бипирамидальные, хрустальные шарообразные, янтарные ромбовидные привески, железный серп в женском погребении и горшок с линейным орнаментом. В насыпях зафиксированы угли, в том числе сгоревшие желуди.

Находки из курганов № 1–3, 7, раскопанных В.А. Городцовым, хранятся в ГИМ (кол. № 54721. Оп. 443, 445. № 56112; Оп. 450, 452). Материалы из раскопок В.И. Качановой – в Музее истории Москвы (ОФ № 7393, 24678). Антропологические остатки из раскопок 1920 г. (8 черепов) хранятся в НИИ и Музее антропологии МГУ (кол. № 7219–7226, а также в смешанной коллекции из курганных групп Болшево, Барыбино, Фили. № 7286–7289).

Литература и архивные материалы: Алексеева и др., 1986. С. 99, 141; Архив В.А.Городцова (ОПИ ГИМ. Ф. 431); Арциховский, 1930. С.192,193; Бадер, 1947. С. 124; Бужилова, 1993. С. 98–109; Каталог коллекций В.А. Городцова, 1988. С. 56. Ил. с. 53; Качанова, 1952. С. 1–12; Паспорт 1949 г.

39. СЕРЕБРЯНЫЙ БОР-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: точно не определен, предположительно д. 37–41 по ул. Паршина.

Старый адрес: на левом берегу Москвы-реки, у дороги из д.Конюшки в с. Покровское-Стрешнево.

Обследован О.Н. Бадером в 1925 г.

Состоял из 2 оплывших насыпей и еще нескольких сильно распаханных.

Разрушен при земляных работах.

Литература: Бадер, 1947. С. 123.

40. СЕТУНЬ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (на Красной горке).

Не сохранился.

Современный адрес: точно не определен, предположительно д. 11–13 по ул. Толбухина, в верховьях ручья, левого притока р.Сетунь.

Старый адрес: у ж/д станции Сетунь, возле рабочих бараков.

Обследован в 1940 г. Н.Ф. Куразовым. Состоял из 18 насыпей.

До 1940 г. курганы были под лесом, а после 1940 г. территория памятника начала застраиваться.

Литература: Бадер, 1947. С. 132, 133.

41. СЕТУНЬ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился?

Современный адрес: точно не определен, предположительно в районе д. 20 по ул. Кубинка, в 0,2 км к западу от ул. Кутузова, на коренном правом берегу ручья, левого притока р. Сетунь.

Обследован М.В. Воеводским

Состоял из 16 насыпей полусферической и удлиненной формы диаметром 3–12 м. Вероятно, две наименьшие "насыпи" диаметром в 3 м не являлись курганами.

Возможно, курганный могильник следует отождествить с Сетунскими курганами, исследованными в 1865 г. А.П. Богдановым. Группа, исследованная в 1865 г., находилась близ самой д. Сетунь, в роще на земле г. Орлова, насчитывала более 20 насыпей. Раскопано 9 курганов. Найдены погребения по обряду трупоположения, в том числе 4 женских. Инвентарь включал шейную гривну, бусы, ножницы, гончарную керамику с линейным орнаментом. На "Плане части окрестностей города Москвы" 1825 г. в 250 м к северу от д. Сетунь и в 400 м к запа-

ду от русла оврага, впадающего в р.Сетунь, на его правом берегу среди поля показана рощица, в которой, возможно, находились курганы, раскопанные А.П. Богдановым. Находки из раскопок А.П. Богданова хранятся в ГИМ (кол. № 104099. Оп. 2419).

В последнее время не осматривался.

Источник локализации – карта О.Н. Бадера.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 132; Богданов, 1867. С. 24; Карта Бадера; Карточка Бадера; Петров, 1879; План 1825 г.

42. СПАС-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,1 км к северу от д. 27 по Верейской ул. и к востоку от ул. Багрицкого, угол с Верейской ул., на краю надпойменной террасы правого берега р. Сетунь, на расстоянии 70 м от русла реки.

Старый адрес: в 1 км к востоку от с. Спасское (церковь с. Спасское сохранилась на Рябиновой ул.).

Состоял из одной (?) насыпи.

Источник локализации – карта Шуберта

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 133; Карта Шуберта.

43. ОЧАКОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современый адрес: ул. Генерала Дорохова (промзона), на склоне коренного левого берега р. Наташенки (Новишки, Навершки), правого притока р. Сетунь, в 300 м к северу от церкви Св. Дмитрия (и кладбища), на расстоянии 170 от реки, на высоте 13–15 м над уровнем воды (абсолютные отметки 162–163 м).

Изображен на картах 1951 г. (4 кургана) и 1952 г. (4 кургана).

Обследован М.В. Воеводским. Состоял из 12 насыпей уплощенно-полусферической формы высотой 1–1,6 м, диаметром 5,5–11 м. Курганы обнесены валом высотой 0,5 м, 2 кургана вне вала. В 1949 г. при повторном обследовании А.В. Соколовым отмечено 9 насыпей.

А.В. Соколов получил от местных жителей информацию о том, что один из курганов могильника был раскопан В.А. Городцовым в 1910 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 134; Карточка Бадера; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1: 2000. Съемка 1952 г. Л. Д-III-4; Паспорт 1949 г.

44. ОЧАКОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: 0,1 км к западу от д. 19, корп. 2 по Очаковскому ш., на краю коренного правого берега р. Наташенки (Новишки, Навершки), правого притока р.Сетунь, на расстоянии 300 м от реки и на высоте 21–22 м над уровнем воды (абсолютные отметки 164–165 м).

Старый адрес: в 0,5 км к северо-востоку от с. Очаково, у ограды завода, на поле.

Изображен на картах 1848 г., 1951 г., 1962 г. (3 кургана).

Обследован М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.К. Карцовым.

Состоял из 3 (?) насыпей полусферической формы высотой 0,4–1,7 м (по карте 1962 г.), диаметром 6 (8?) м. Поверхность наиболе крупного кургана была повреждена кладоискателями. Рядом с большим курганом следы еще нескольких совершенно распаханных насыпей.

Источник локализации – карта 1962 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 134; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 10; Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1962 г. Л. Д-III-3.

45. КРАСНОЛУЖСКОЕ-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIV вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,1 км к северо-востоку от д. 4 по Воробьевскому ш., на мысу коренного правого берега р. Сетуни, между гаражами (с севера, внизу) и откосом Воробьевского ш., выше сквера, в 300 м к западу от места впадения р.Сетуни в р. Москву, в 100 м от русла р. Сетуни, на высоте 23–25 м над уровнем воды (абсолютные отметки 145–147 м).

Обследовано в 1980–1981 гг. А.К. Станюковичем, в 1997 г. – Н.А.Кренке, Б.Е. Янишевским.

Размеры 160 × 50 м, поросло кустарниками и деревьями, частично завалено современным мусором. Культурный слой толщиной 0,3–0,4 м серого цвета, имеются обнажения по северному склону. С напольной (западной) стороны мыса прослеживаются следы рва и вал высотой до 1 м.

Площадь раскопа 1981 г., заложенного на северо-восточной оконечности мыса, 10,5 кв. м.

Найдена гончарная керамика XII–XIII вв. с линейным, волнистым и зубчатым орнаментом, донца сосудов с клеймами, медорезка и нож железные, свинцовое грузило и медный бубенчик с щелевидной прорезью. Исследована древнерусская очажная яма с углями размером 1,75 × 1,1 м. Кроме того, найдены позднесредневековая керамика, фарфор, стекла, круглые в сечении, тянутые гвозди и пр. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 28959).

Литература и архивные материалы: Станюкович, 1981. С. 83; Станюкович, 1980. С. 47–48; Станюкович, 1981. С. 4–6, 29, 48–50; Топографическая карта Москвы. М 1 : 2000, изд. 1980-х гг.

46. МАТВЕЕВСКОЕ-1, СЕЛИЩЕ. Середина I тыс. до н.э., XI–XIII вв., XV–XVI вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,4 км к юго-юго-востоку от д. 12а по Веерной ул. и в 0,2 км к северу от д. 40 по Винницкой ул., на первой надпойменной террасе правого берега р. Раменки, правого притока р.Сетуни, в 650 м к северо-востоку от ж/д станции Матвеевская, на противоположной от Веерной ул. стороне Киевской ж/д, на расстоянии около 50 м от реки, на высоте 9–16 м над водой (абсолютные отметки 140–147 м).

Старый адрес: в 400 м к северо-вотоску от северной оконечности д. Матвеевское.

Обследовано в 1927 г. В.К. Карцовым, в 1999 г. – Н.А. Кренке, А.О. Ладыченко. В 2000 г. Н.А. Кренке и В.В. Петровым было заложено 2 шурфа площадью 2 и 1 кв. м.

Размеры 40 × 50 м, культурный слой на площадке селища незначительной мощности (до 30 см) и почти совершенно смыт в южной его части. В северо-западной части селища на бровке склона сохранился слой темно-серого цвета, он имеет мощность не менее 0,5 м. В 1940-е гг. по южной границе территории селища было проложено полотно ветки железной дороги, существующей и сейчас. Селище распахивается под огороды, и на нем возведено два земляных бункера. В юго-восточной части селища зафиксировано место древнерусской постройки с печью. Здесь отмечено скопление печной обмазки и крупных фрагментов керамики, в шурфе зафиксирован развал печи.

Найден фрагмент текстильной керамики, многочисленные фрагменты древнерусской керамики начала XII–XIII в. с линейно-волнистым орнаментом и отпечатками зубчатого колесика, а также в значительно меньшем количестве красноглиняная московская и подмосковная керамика XV–XVI вв.

Литература и архивные материалы: Карцов, 1927; Карцов,1928. С. 10; Кренке, 2000.

47. МАТВЕЕВСКИЙ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (по О.Н. Бадеру, восточная часть могильников Матвеевский-1, Матвеевский-2).

Не сохранился.

Современный адрес: д. 40 по Винницкой ул., на склоне коренного правого берега р. Раменка, правого притока р. Сетуни, в 500 м к востоку от ст. Матвеевская Киевской ж/д, в 200 м от реки на высоте 17 над водой (абсолютная отметка 155 м), в 90 м к востоку-северо-востоку от могильника Матвеевский-1.

Старый адрес: на земле с. Троицко-Голенищево, 0,75 км от д. Раменки, на восток от д. Матвеевская.

Изображен на картах 1950/1976 гг. (3 кургана), 1951 г. (1 курган).

Обследован в 1924 г. М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.К. Карцовым, в 1939 г. – И.К. Цветковой, в 1949 г. – А.В. Соколовым; в 1953, 1954 гг. – Г.П. Латышевой, раскопавшей 1 курган (1954 г.).

Состоял из 2 (3, по данным А.В. Соколова и карты 1950 г.) насыпей полусферической формы высотой 1,3–2,2 м, диаметром 7–12 м.

В раскопанном кургане найдено женское погребение по обряду трупоположения, костяк вытянут на спине, ориентирован головой на запад, в яме глубиной 0,45 м. Костяк нарушен норами. Насыпь содержала мелкие фрагменты углей и керамики. Погребальный инвентарь включал два семилопастных кольца, посеребренную полужгутовую загнутоконечную гривну, медный витой браслет, хрустальную бусину.

Последний раз один из курганов могильника отмечен в 1976 г. на планшете топографической съемки М 1 : 2000.

Коллекция хранится в Музее истории Москвы.

Источник локализации – карта 1950 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С.133; Карточка Бадера; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 10; Латышева, 1953; Латышева, 1954. С. 41–43; Латышева, 1954 а; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1950 г. Л. Д-V-1; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.

48. МАТВЕЕВСКИЙ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (западная часть Матвеевского-1 или Матвеевского-2, по О.Н. Бадеру, Раменского-1, по М.В. Воеводскому).

Не сохранился.

Современный адрес: д. 40 по Винницкой ул., на краевой части коренного правого берега р. Раменка, правого притока р. Сетуни, в 470 м к востоку от ж/д ст. Матвеевская, на противоположной стороне Киевской ж/д, в 450 м к востоку-юго-востоку от д. 18а по Веерной ул., на расстоянии 180 м от реки, на высоте 13–14 м над водой (абсолютная отметка 151 м), в 90 м к юго-западу от могильника Матвеевский-2.

Старый адрес: на земле с. Троицко-Голенищево, 0,75 км от д. Раменки, на восток от д. Матвеевская.

Изображен на картах 1838/1852 гг., 1950 г. (2 кургана), 1951 г. (2 кургана).

Обследован в 1924 г. М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.К. Карцовым, в 1939 г. – И.К. Цветковой, в 1949 г. – А.В. Соколовым, в 1953, 1954 гг. – Г.П. Латышевой, раскопавшей 3 кургана.

Состоял из 5 насыпей (карта 1848 г.). К моменту обследования сохранилось 3 насыпи высотой до 2 м, диаметром до 10 м.

Найдены погребения на горизонте по обряду трупоположения, костяки вытянуты на спине, с западной (с отклонением к северо-западу) ориентировкой; в гробовищах из колотых плах. Курган № 1 содержал основное женское (на горизонте) и впускное детское (в насыпи) погребения. Среди погребального инвентаря женского погребения – серебряная витая полужгутовая гривна с загнутыми концами, три височных семилопастных кольца, отдельные лопасти, украшенные "книжным" орнаментом, ожерелье из 35 хрустальных, сердоликовых и золотостеклянных бус, медные витые проволочные браслеты, пластинчатый и решетчатый двузигзаговый перстень. В детском погребении найдено ожерелье из стеклянных бус, в том числе 12 зеленых, семь черных и два медных пластинчатых перстня. Курган № 2 содержал женское погребение, в инвентаре шесть семилопастных височных колец, два пятилопастных с четырьмя зубчиками наверху и орнаментом в виде креста на центральной лопасти, одно перстнеобразное, шейная гривна, аналогичная гривне из кургана № 1, медный пластинчатый овальноконечный браслет, литой квадратносрединный и пластинчатый широкосрединный перстни, ожерелье из янтарных бусин. Курган № 3 содержал мужское(?) погребение, при котором было лишь одно плоское медное поясное кольцо. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 8358, 24678).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 133; Карточка Бадера; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 10; Латышева, 1953; Латышева, 1954. С. 41–56; Латышева, 1954а; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1950 г. Л. Д-V-1; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; План Москвы 1838/1852 гг.; Паспорт 1949 г.

49. МАТВЕЕВСКИЙ-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Матвеевский-2, по Г.П. Латышевой, Матвеевский-3 и Раменковский-1, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,3 км к юго-западу от д. 128, корп. 2а по ул. Лобачевского и в 0,4 км к западу от д. 56, корп. 2 по Мичуринскому пр., 850 м к юго-юго-западу от ж/д ст. Матвеевская, на склоне коренного левого берега р. Раменки, правом притоке р. Сетунь. На расстоянии 180 м от русла, на высоте 17–18 м над уровнем воды.

Старый адрес: напротив д. Раменки.

Изображен на картах 1838, 1848, 1935 гг. (4 кургана) и 1951 г. (2 кургана).

Обследован в 1924 г. М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.Карцовым, в 1939 г. – И.К. Цветковой, в 1953 г. – Г.П. Латышевой, раскопавшей 4 кургана (сличение планов и описаний показало, что данный могильник фигурирует в литературе под тремя названиями, причем в сводке О.Н. Бадера он представлен как два различных памятника).

Состоял из 7 насыпей (карта 1838 г.), к моменту обследования сохранилось 4 насыпи полусферической формы высотой 1–2,1 м, диаметром 4,5–12 м. Найдены погребения по обряду трупоположения с западной ориентировкой, костяки вытянуты на спине, на горизонте, в гробах, в одном случае с берестяной обкладкой. В насыпях угольки и фрагменты керамики. Курган № 1 содержал 2 женских погребения: основное и вводное в насыпи. В основном погребении найдены семилопастные височные кольца (одно – с крестом на лопасти), серебряная полужгутовая загнутоконечная гривна, ожерелье из сердоликовых и хрустальных бус, витой проволочный браслет, перевитый двумя тонкими проволочками со стеклянными треугольными вставками на концах, витой перстень. Во вводном погребении найдены семилопастные височные кольца, сердоликовые и хрустальные бусы, два витых медных браслета, в том числе один редкого типа. В насыпи найдена лопасть височного кольца с "книжным" орнаментом в виде буквицы "о". Курган № 2 содержал парное (мужское и женское), а также вводное мужское погребения. При основном мужском погребении найдены: два литых медных нательных креста с утолщенными концами в виде шаров и с расширяющимися в виде треугольников концами, медные же рубчатый перстень, прорезной бубенчик, две лировидные пряжки с обоймами для ремней, восемь ромбических бляшек-накладок, железный нож; при женском погребении найдены два семилопастных височных кольца, три гладкие серебряные монетовидные привески, медный решетчатый перстень, обломок железного ножа. При мужском вводном погребении найдены: большая медная лировидная пряжка, медный прорезной бубенчик, железный нож, горшок с линейно-волнистым орнаментом. В кургане № 3 – парное (мужское и женское) погребение. При мужском найдены медная пряжка в виде кольца с язычком и поясное медное кольцо, при женском – пять простых семилопастных височных колец (одно из них большое), ожерелье из стеклянных бус, в том числе золоченые боченкообразные, желтые кольцеобразные, лиловые кольцеобразные, голубовато-зеленые и белая зонные, пластинчатый загнутоконечный браслет с отпечатками ткани. Курган № 4 (самый большой) содержал основное мужское и вводное детское погребения. В мужском погребении найден кожаный башмак, в детском – четыре медных перстнеобразных височных кольца и два серебряностеклянных боченкообразных бусины. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 8358, 24678, 28000). Антропологический материал был передан в лабораторию М.М. Герасимова и описан в специальном заключении.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 133–134; Герасимов, 1953; Карта Шуберта; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 10; Латышева, 1953; Латышева, 1954.С. 41–56; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1935 г. Л. Д-IV-2; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; План 1838/1852 гг.; Равдина, 1965. С. 126.

50. МАТВЕЕВСКОЕ-2, СЕЛИЩЕ. XII–XIII, XVI–XIX вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,2 км к северо-западу от д. 56, корп. 2 по Мичуринскому пр., на первой террасе левого берега р. Раменки, правого притока р. Сетуни, на расстоянии 5–90 м от русла и высоте 2–7 м над водой (абсолютные отметки 140–143 м).

Обследовалось в 1975, 1976 (?) гг. А.А. Юшко, в 1977–1980 гг. А.Г. Векслером, в 1976 г. – Р.Л. Розенфельдтом, в 1980 г. – А.К. Станюковичем, в 1997 г. – Н.А. Кренке, А.К. Станюковичем, Б.Е. Янишевским.

Культурный слой темно-серого, бурого цвета прослежен на двух участках: первый находится на мысу высокой поймы в излучине реки у самого русла близ дорожки, пересекающей реку и идущей от гаражей, находящихся на мысу правого коренного берега, за больницей, второй находится в 80 м к северу от первого, в 60 м от русла реки, на мысу первой террасы, ограниченном с северо-запада ложбиной и прудом. Размеры первого участка 20 × 20 м, второго 140 × 40 м. Толщина культурного слоя 0,2–0,5 м. Территория селища частично занята огородами, по нему проходит грунтовая дорога, имеются нарушения из-за проведенных здесь земляных работ.

На поверхности пашни найдены перстень медный щитковый, обломок семилопастного височного кольца, железные удила, вток от копья, ножи, ключ типа "Б", шиферное пряслице, хрустальная шаровидная бусина, гончарная древнерусская керамика с линейно-волнистым орнаментом. Позднесредневековый комплекс представлен белоглиняной, чернолощеной, поливной керамикой, датирующейся в рамках XVI–XIX вв. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 28959).

К северу от селища в 1980 г. находились 2 курганоподобные насыпи. Первая на оконечности гряды, занятой селищем (в 1997 г. уже не существовала), вторая – в 60 м севернее, за канавой, перпендикулярной руслу реки. Эти насыпи были приняты Р.Л. Розенфельдтом и А.К. Станюковичем (отчет 1980 г.) за курганы, что, на мой взгляд, маловероятно. Форма насыпей больше напоминает какие-то отвалы, а известные в районе Матвеевского курганы локализуются в другом месте.

Литература и архивные материалы: Паспорт 1976 г.; Станюкович, 1980. С. 48— 49.

51. РАМЕНКИ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Матвеевский-3, по Г.П. Латышевой, Раменковский-2, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,4 км к северо-востоку от д. 104, корп. 3 по ул. Лобачевского, в 300 м к востоку от восточной стены ограды Очаковской газгольдерной станции, на склоне левого коренного берега р. Раменки, правого притока р. Сетуни, на правом берегу оврага, на расстоянии 240 м от русла реки, на высоте 13–15 м над уровнем воды (абсолютные отметки 153–155 м).

Старый адрес: в 0,6 км к юго-западу от д. Раменки, напротив большой излучины р. Раменки, в 0,5 км к югу от курганного могильника Матвеевский-3.

Изображен на картах 1826, 1838, 1848 гг. (4 кургана), 1935 г. (3 кургана), 1951 г. (1 курган).

Обследован в 1924 г. М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.К. Карцовым, в 1949 г. – А.В. Соколовым, в 1953 г. – Г.П. Латышевой.

Состоял из 15 насыпей (по не вполне достоверным данным карты 1826 г.) или даже 20 насыпей (данные карты 1838 г.), в 1920–1930-х гг. сохранялись 3 насыпи высотой 0,5–2,5 м, диаметром 6–16 м, на карте 1951 г. – 1 насыпь. Последний раз курганы отмечены на планшете съемки 1965 г. М 1:2000.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 134; Карта 1826 г.; Карта Шуберта; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 10; Латышева, 1954. С. 42; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемки 1935, 1965 гг. Л. Д-III-2; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; План 1838 г.

52. РАМЕНКИ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Раменковский-3, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,1 км к юго-юго-востоку от д. 1 по ул. Б. Очаковская и в 0,2 км к северо-западу от пересечения ул. Озерной и Лобачевского, на всхолмлении левого коренного берега р. Очаковки, правого притока р.Сетуни, на расстоянии 250 м от реки, на высоте 20–22 м над уровнем воды (абсолютная отметка 157 м).

Старый адрес: в 0,8 км к северо-северо-западу от д.Никольское, у хутора общежития совхоза.

Изображен на картах 1826, 1838, 1848, 1951 гг.

Обследован М.В. Воеводским в 1924 (?) г., В.К. Карцовым – в 1927 г., И.К. Цветковой – в 1939 г.

Состоял из 19 насыпей (по не вполне точным данным карты 1826 г.), из 8 насыпей на карте 1838 г. На карте 1848 г. показано 2 насыпи, столько же отмечено всеми исследователями. Высота 1,7 м (по съемке 1951 г.), диаметр 14–25 м.

При осмотре И.К. Цветковой было отмечено, что второй курган был почти срыт. Его диаметр достигал 25 м, он располагался на расстоянии 28 м от первого. При рытье погреба, устроенного в этом кургане, был найден скелет.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 134; Карта 1826 г.; Карта Шуберта; Карточка Бадера; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 10; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; План 1838/1852 гг.

53. РАМЕНКИ-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Не сохранилось?

Современный адрес: в 0,08 км к югу от д. 56, корп. 2 по Мичуринскому пр. (больница № 47), на склоне коренного правого берега р. Раменки, правого притока р.Сетуни, на дорожке, спускающейся с коренного берега от гаражей в пойму реки, в 80 м от корпуса больницы № 47, на расстоянии 50 м и на высоте 5–10 м над уровнем воды (абсолютные отметки около 145–150 м).

Обследовано А.К. Станюковичем в 1981 г.

Найдено 15 переотложенных мелких фрагментов древнерусской керамики, культурный слой отсутствует.

Литература: Станюкович, 1981. С. 6–7.

54. ОЧАКОВО-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,3 км к востоку-северо-востоку от д. 2/12 по Озерной ул., на коренном левом берегу р. Тарасовки (Очаковки), левом притоке р. Раменки.

Старый адрес: в 200–300 м ниже по течению от могильника Очаково-3, находившегося в 500 м к востоку от ж/д станции Очаково.

Изображен на карте 1826 г.

Обследован, по данным О.Н. Бадера, в 1910 г. В.А. Городцовым (раскопан 1 курган), в 1920-е (?) гг. – Никольским (раскопан 1 курган), в 1920-е гг. – М.В. Воеводским.

Состоял из 5 насыпей (по не вполне достоверным данным карты 1826 г.), в 1920-е гг. насчитывал 3 насыпи.

Локализован по карте О.Н. Бадера.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 134–135; Карта Бадера; Карта 1826 г.

55. ОЧАКОВО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: д. 2/12 по Озерной ул., на коренном левом берегу р. Тарасовки (Очаковки), левом притоке р. Раменки.

Старый адрес: в 500 м к востоку от ж/д станции Очаково.

Обследован, по данным О.Н. Бадера, в 1910 г. В.А. Городцовым (раскопан 1 курган), в 1920-е гг. – М.В. Воеводским.

Состоял из 8 насыпей уплощенной сегментовидной формы высотой 0,7–1,2 м, диаметром 6–10 м (по данным плана).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 134; Карта Бадера; Карточка Бадера.

56. ОЧАКОВО-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (5-й Очаковский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: ориентировочно возле д. 28 по Б. Очаковской ул. и д. 8 по ул. Пржевальского, на левом берегу р. Тарасовки (Очаковка), левом притоке р. Раменки.

Старый адрес: располагался в 1 км к юго-востоку от села, в 300 м к юго-востоку от ж/д станции Очаково, с севера от дороги из с. Очаково в с. Никольское.

Обследован И.К. Цветковой в 1939 г.

Состоял из 2 насыпей высотой 1,5 и 2,0 м, диаметром 9 и 9,3 м, насыпи окружены ровиками.

Источник локализации – карта О.Н. Бадера. Не исключено, что памятник идентичен могильнику Очаково-6 (№ 205).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135; Карта Бадера; Карточка Бадера.

57. НИКОЛЬСКИЙ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: на территории спланированного склона между Мичуринским пр. и прудами к северу от Олимпийской деревни, в 10–50 м к юго-востоку от д. 4 по Мичуринскому пр., в 0,4 км к северу от д. 1 по ул. Олимпийская деревня, на водораздельном всхолмлении между двумя речками – Самородинкой (ныне запруженная у Олимпийской деревни) и Тарасовкой (Очаковкой), на расстоянии 280 м от р. Очаковки, 350 м от р. Самородинки на высоте 20–22 м над уровнем воды (абсолютная отметка 173 м).

Старый адрес: в 550 м к западу от с. Никольское.

Изображен на картах 1826, 1838, 1848, 1951 гг. (2 кургана), 1951/1962 гг. (2 кургана).

Обследовался в 1924 г. М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.К. Карцовым, в 1949 г. – А.В. Соколовым.

Состоял из 26 насыпей (карта 1838 г.), 11 насыпей отмечено на карте 1826 г., в 1927 г. насчитывалось 10 (3+7) насыпей полусферической формы, в 1949 – 3 насыпи. Высота 0,7–2 м, диаметр 7–13 м (в публикации О.Н. Бадера следует читать "сажени" вместо "метры").

Источник локализации – карты 1838, 1848, 1951 гг.

На картах 1826 и 1838 гг. одна насыпь показана в 75 м к востоку-северо-востоку от остальных, на самой вершине холма (отметка 174,4 на карте 1951 г.). Возможно, это отдельный памятник.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135; Карта Бадера; Карточка Бадера; Карта 1826 г.; Карта Шуберта; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 9–11; Кренке, 2003 (цв. вклейка); Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемки 1951 и 1962 гг. Л. Д-II-2; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; План 1838/1852 гг.

57а. НИКОЛЬСКИЙ-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: на территории д. 4 по Мичуринскому пр., на водораздельной возвышенности, на правом берегу р. Очаковки, левом притоке р. Раменки.

Старый адрес: в 550 м к северо-западу от с. Никольское, в 150 м к северу от курганного могильника Никольский-1.

Изображен на карте 1826 г.

Не обследовался.

Состоял из 6 (?) насыпей.

Значки на карте 1826 г. расположены на месте рощи, атрибуция значков как курганов предположительная (они такие же, как и у могильника Никольский-1, но по другим, более поздним источникам, наличие курганного могильника не проверяется).

Литература и архивные материалы: Карта 1826 г.

58. НИКОЛЬСКИЙ-2. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,2 км к юго-востоку от д. 6 по Мичуринскому пр. и в 0,05 км к северо-востоку от д. 1 по ул. Олимпийская деревня, на гребне водораздела рек Тарасовки (Очаковки) и Самородинки, на левом берегу последней, на расстоянии 250 м от р. Самородинки и на высоте 24–25 м над уровнем воды (абсолютная отметка 176 м). в 250 м к югу от курганного могильника Никольский-1.

Старый адрес: в 550 м к западу-юго-западу от с. Никольское.

Изображен на картах 1951/1966 гг. и 1951 г.

Обследован в 1920-е гг. М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.К. Карцовым, в 1949 г. – А.В. Соколовым.

Состоял из 1 насыпи полусферической уплощенной формы высотой 2,0 м, диаметром 13 м. Последний раз показан на карте 1966 г.

Источник локализации – карта 1951 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 10–11; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемки 1951, 1966 гг. Л. Д-II-2; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.

59. НИКУЛИНСКИЙ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (2-й Никулинский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,2 км к северо-западу от д. 78 по ул. Коштоянца (МИРЭА), на склоне коренного левого берега р. Самородинки, правого притока р. Раменки, на расстоянии 220 м от реки, на высоте 20 м над водой (абсолютная отметка 174 м).

Старый адрес: в 0,4 км к югу от с. Никольское, 0,7 км к северо-северо-востоку от д. Никулино.

Изображен на картах 1826, 1838, 1848, 1935 гг. (2 кургана), 1951 г. (1 курган).

Обследованы в 1924 г. М.В. Воеводским, в 1949 г. – А.В. Соколовым.

Состоял из 8 (по данным карт 1826 и 1838 гг.) насыпей, в 1949 г. отмечено 3 кургана высотой 1,0–2,5 м (высота по данным карты 1935 г. 1,4 и 1,9 м), диаметром 8–10 м.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135; Карта 1826 г.; Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1935 г. Л. Д-I-2; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; План 1838/1852 гг.; Паспорт 1949 г.

60. НИКУЛИНСКИЙ-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,1 км к западу от д. 78 по ул. Коштоянца, и в 0,1 км к северу от пересечения ул. Коштоянца с Боровским ш., на склоне коренного левого берега р. Самородинки, левого притока р. Раменки, на расстоянии 550 м от реки, на высоте 22–24 м над водой.

Старый адрес: в верховьях овражка, в 400 м к северо-востоку от д. Никулино.

Изображен на карте 1848 г. (Карта Шуберта).

Состоял из 2 насыпей.

Источник локализации – карта 1848 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135; Карта Шуберта.

61. НИКУЛИНСКИЙ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (1-й Никулинский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,1 км к югу от д. 6 по Никулинской ул., на территории, занятой складскими постройками, на кромке правого берега оврага, впадавшего слева в р. Тарасовки (Очаковки), на расстоянии 200 м от реки и 30 м от днища оврага, на высоте 12–14 м над руслом реки (абсолютная отметка 167 м).

Старый адрес: в 80 м к востоку от проселочной дороги из д. Никулино в д. Михайлово, в 700 м к северо-западу от д. Никулино, 1, 4 км к востоку-юго-востоку от д. Михайлово, в 100 м к востоку от запруды на овраге, в 20 м влево от проселочной дороги из д. Никулино в с. Очаково, 0,5 км к северо-западу от д. Никулино.

Изображен на картах 1848 г. (2 кургана), 1936/1954 гг. (6 курганов) и 1951 г. (2 кургана).

Возможно, обследован в 1939 г. И.К. Цветковой.

Состоял из 6 насыпей (по данным карты 1936 г.).

И.К. Цветковой отмечен один курган высотой 1,1 и диаметром – 9,4 м, на поле в 20 м влево от проселочной дороги из д. Никулино в с. Очаково. Весьма вероятно, что И.К. Цветковой описан другой памятник.

Источник локализации – карта 1936 г.

Последний раз курганы отмечены на планшете М 1:2000 1954 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135; Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемки 1936, 1954 гг. Л. Д-I-3; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951.

62. ТРОПАРЕВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: территория автостоянки между пересечением ул. Академика Анохина и Тропаревской ул. и д. 88, корп. 1 по пр. Вернадского, на склоне коренного правого берега р. Тарасовки (Очаковки), левом притоке р. Раменки, на расстоянии 200 м от реки, на высоте 12–14 м над водой (абсолютные отметки 184–185 м).

Старый адрес: располагался на лугу, затем в саду около овощехранилища, в 0,5 км к западу от церкви Михаила Архангела в с. Тропарево.

Изображен на картах 1826 г. (показано 5 курганов), 1935 г. (3 кургана) и 1951 г. (2 кургана).

Обследован в 1920-е гг. М.В. Воеводским, в 1927 г. – В.К.Карцовым, в 1939 г. – И.К. Цветковой, в 1949 г. – Г.П. Смирновой и А.В. Соколовым.

Состоял из 5 насыпей высотой 1,0–2,2 м (по данным съемки 1935 г.), диаметром 7–10 м, окруженных ровиками. Насыпи были нарушены ямами, траншеей военного времени, дотом. В.К. Карцов отмечал, что один курган был "научно раскопан". Возможно, могильник следует идентифицировать с одним из двух могильников, отмеченных в списке 1878 г. у с. Тропарево, в которых числилось 6 и 15 курганов.

В 1880 г. крестьянин с. Тропарево П.И. Пузанов раскопал курган, где было найдено погребение с лежавшим у черепа семилопастным кольцом развитого типа с боковыми колечками и секировидными лопастями конца XII–XIII в., доставленное в императорскую Археологическую комиссию. Эту информацию можно отнести и к могильнику Тропарево-2.

Источник локализации – карта 1935 г.

Последний раз памятник показан на планшете М 1: 2000 в 1969 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135; Дело... 1880 г.; Карта 1826 г.; Карточка Бадера; Карцов,1927; Карцов, 1928. С. 11; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемки 1935, 1969 гг. Л. С-II-2. Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Паспорта 1949 г.(составленные Г.П. Смирновой и А.В. Соколовым); Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах...1878 г.

63. ТРОПАРЕВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: ориентировочно в районе д. 89–91 по пр. Вернадского, на склоне левого берега р.Самородинка, правого притока р. Очаковка.

Старый адрес: в 1,5 км к юго-востоку от с.Никольское и в 1–1,2 км к востоку-северо-востоку от с. Тропарево, у овражка, впадающего слева в Самородинку, но на каком его берегу, не известно.

Обследован в 1927 г. В.К. Карцовым.

Состоял из 3 насыпей высотой 0,8–1,2 м, диаметром 8–9 м, поверхность которых оплыла и была нарушена ямами.

В списке 1877 г. числятся 6 курганов близ с.Тропарево, в лесу.

Литература и архивные материалы: Дело... 1880 г.; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 11; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.;

64. БОГОРОДСКОЕ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: территория сквера 0,1 км к северо-востоку от пересечения Ленинского пр. и ул. Островитянова, на склоне правого берега р. Очаковки, левого притока р. Раменки, 150–200 м к юго-востоку от Ленинского пр.

Старый адрес: в 600 м к юго-востоку от с. Тропарево, в Богородицкой роще.

Обследован в 1927 г. В.К. Карцовым. При обследовании места Н.А. Кренке в 1997 г. курганы не обнаружены.

Состоял из 4 насыпей полусферической формы высотой 1–1,5 м, диаметром 6–8 м. Имелись следы кладоискательских ям.

Литература и архивные материалы: Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 11.

65. БОГОРОДСКОЕ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Богородицкий, по О.Н. Бадеру).

Сохранился.

Современный адрес: в 0,1 км к северо-западу от д. 12 по ул. Академика Виноградова и в 0,2 км к востоку от д. 7 по ул. Академика Виноградова (музыкальная школа), на склоне левого коренного берега р. Очаковки, левого притока р. Раменки, среди гаражей, возле ремонтного цеха в закутке у западной стенки, в 50 м к западу от ворот в лесопарк, на расстоянии 320 м к западу от пруда (запруженная р. Очаковка), на высоте 18–20 м над уровнем воды (абсолютные отметки 218–220 м).

Старый адрес: в 1,1 км к югу от с. Богородское, на поле в 50 м от края леса (в настоящее время – Тропаревский лесопарк).

Изображены на картах 1951 г. (2 кургана), 1978 г. (2 кургана), 1980-х гг. (4 кургана).

Обследован в 1939 г. И.К. Цветковой, в 1949 г. – А.В. Соколовым, в 1997 г. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоял из 7 насыпей (по данным обследования 1949 г.), в настоящее время состоит из 2 сильно испорченных насыпей. Высота 1–2 м, диаметр 9–10 м.

Источник локализации – карта 1980-х гг.

Один курган имеет ровик, на нем растет липа и дуб, его высота 1,2 м, диаметр 8 м, в центре яма глубиной 0,5 м; другой почти срыт (у внешнего забора ремонтного блока), на нем стоят битые автомобили.

По И.К. Цветковой, курганы достигали высоты 3 м и диаметра 18 м.

По сведениям местных жителей, в курганах находили чугунные шлемы и пики захороненных в них французов.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 135,136; Карточка Бадера; Москва: Топографическая карта. М 1 : 2000. Изд. 1980-х гг.; Москва: Топографическая карта. М. 1 : 25000, Л. 46-84-А-а. Изд. 1978 г.; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.

66. ВОРОНЦОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (на ул. Новаторов).

Не сохранился.

Современный адрес: на территории складского здания д. 3 по ул. Академика Челомея, на склоне правого берега р. Самородинки, правого притока р. Очаковки, на месте ангара, у бензоколонки на ул. Академика Челомея, 160 м к северо-востоку от угла ул. Новаторов и ул. Обручева, на правом берегу оврага, правого притока р. Самородинки, на расстоянии 200 м от тальвега оврага и на высоте 14–15 м над уровнем воды (абсолютная отметка 208 м).

Старый адрес: в 1,1 км к западу от южного края с. Воронцово, 600 м к северо-западу от д. Беляево, в роще.

Обследован в 1972 г. Г.А. Фатеевым и А.Г. Векслером, в 1973 г. – В.В. Седовым и Р.Л. Розенфельдтом, в 1979 г. – Д.А. Авдусиным и Н.В. Лопатиным, в 1996 г. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоял из 9 насыпей полусферической формы высотой 0,6–1,8 м, диаметром 8–14 м.

В 1996 г. при обследовании Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевского выяснилось, что на месте курганов незадолго до этого построен ангар, а территория вокруг него в роще спланирована (по данным Н.В. Лопатина, курганы были снесены в середине 1980-х гг.).

Литература и архивные материалы: Паспорт 1973 г.

67. КОНЬКОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Бреховский, по А.В. Соколову).

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 31, корп. 2 по ул. Волгина и д. 10 по ул.Академика Арцимовича, на правом склоне оврага с водотоком правого притока р. Очаковки, на расстоянии 120 м от тальвега оврага, на высоте 10–16 м над водой (абсолютные отметки 218–224 м).

Старый адрес: в 200 м к северо-востоку от д. Брехово, в роще, на правом берегу запруженного оврага (пруд сохранился), в 300 м к северо-западу от плотины пруда. В 850 м к северо-западу от церкви Троицы в с. Коньково.

Изображен на карте 1951 г. (7 курганов).

Обследован в 1949 г. А.В. Соколовым.

Возможно, ранее, в 1869 г., раскапывался Д.О. Шеппингом (см. № 68); включен (?) в список 1878 г. и обследовался (?) в 1939 г. И.К. Цветковой. По описанию последней, 5 курганов располагались в 50 м справа от дороги из с. Коньково в д. Брехово (1-й Коньковский могильник, по О.Н. Бадеру).

Состоял из 15 насыпей полусферической формы высотой 1–2,2 м (по съемке 1951 г.), диаметром 7–13 м.

Источник локализации – карта 1951 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 136; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Шеппинг, 1900. С. 149–151.

68. КОНЬКОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (1-й Коньковский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 110, корп. 4 по Профсоюзной ул. и д. 7 по ул. Академика Арцимовича, на водораздельном всхолмлении, в верховьях на правом берегу оврага правого притока р. Очаковки, в 260 м от его русла, на высоте 14 м над водой (абсолютная отметка 230 м).

Старый адрес: в 300 м к северу от церкви Троицы в с. Коньково.

Изображены на картах 1826 г. (8 курганов), 1934 г. (3 кургана).

Обследован в 1927 г. В.К. Карцовым. Вероятно, в 1869 г. раскапывался Д.О. Шеппингом (исследовано 6 насыпей), учтены (?) в списке 1878 г. "5 курганов на церковной земле с. Коньково", или "4 кургана на церковной земле с. Коньково", или "4 кургана на земле крестьян с Коньково в даче Заполоски". Возможно, в 1939 г. обследован И.К. Цветковой.

Насчитывал 8 насыпей (по не вполне надежным данным карты 1826 г.). Д.О. Шеппинг отмечал наличие одного большого кургана в роще у дороги, частично занятой деревенским кладбищем (№ 68а), и несколько поодаль, на правом склоне Тропаревского оврага "множество доисторических курганчиков,

расположенных в виде шахматной доски". Эти курганы составляли две группы, разделенные небольшим овражком. В 1927 г. сохранялось 2 кургана полусферической формы высотой до 1,5 м, диаметром 8 м, остальные, по словам местных жителей, были недавно распаханы. По описанию И.К. Цветковой, 5 курганов располагались в 50 м справа от дороги из с. Коньково в д. Брехово.

Д.О. Шеппинг раскопал 12 погребений в 6 курганах. Курган № 1 содержал два вводных погребения (детское и женское с остатками кожаной обуви), женское (с бусинами, кольцами у головы, горшком в ногах) и мужское погребения на горизонте; курган № 2 – мужское погребение на горизонте с остатками гроба и горшком у ног; курган № 3 – впускное мужское погребение в гробу и с нательным крестом (?), нарушенное погребение на горизонте с остатками двух горшков, пряжки, конской сбруи, в насыпи – угли; курган № 4 – впускное погребение и основное мужское на горизонте без вещей; курган № 5 – мужское погребение без вещей; курган № 6 – женское погребение на горизонте с "плоскими широкими серьгами" (вероятно, семилопастными) и кольцами, и рядом с ним – мужское в гробовище из брусьев (?).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 136; Карта 1826 г.; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 11; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 20000. Съемка 1934 г. Л. В-Ш-1; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Шеппинг, 1895. С. 15; Шеппинг, 1900. С. 149 – 151.

69. КОНЬКОВО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (1-й Коньковский, по Н.С. Шеляпиной, Бреховский, по А.В. Соколову).

Сохранился.

Современный адрес: в Тропаревском лесопарке, в 320 м к югэ-юго-западу от д. 15, корп. 1 по ул. Островитянова и в 280 м к западу от д. 14 по ул. Островитянова, в верхней части склона правого коренного берега Купринского оврага (ручья), правого притока р. Очаковки, в 80 м к северу от 4-го Коньковского могильника, на расстоянии 400 м от тальвега оврага на высоте 15 м над водой (абсолютная отметка 231 м).

Старый адрес: в 500 м к югу от д. Брехово.

Изображен на картах 1974, 1980-х гг.

Обследован в 1973 г. Н.С. Шеляпиной, в 1998 г. – Н.А. Кренке. Вероятно, осмотрен Д.О. Шеппингом в 1869 г. ("курганы на выгоне д. Брехово") и включен в список 1878 г. ("6 курганов купринские на земле купца Ерошкина при с. Конькове" или "8 курганов купринские на земле крестьян д. Бреховой в лесу"), Возможно, эти же курганы обследовались в 1949 г. А.В. Соколовым и в 1958 г. Г.П. Латышевой.

В настоящее время состоит из 5 насыпей полусферической формы высотой 0,8 (1,3 м диаметром 8–15 м, имеются ровики, следы грабительских ям. Два кургана состоят из нескольких насыпей, слитых вместе. К могильнику с юга примыкает траншея 1941 г., подрезавшая полу насыпи одного из курганов. Сейчас курганы находятся в березовом лесу, выросшем на месте луга, показанного на карте 1951 г. По сведениям Д.О. Шеппинга, в этом или соседнем 4-м Коньковском могильнике до 1869 г. дачниками раскопано 3 насыпи. Найдены погребения по обряду трупоположения, а также горшки, остатки гробовищ.

Источник локализации – карта 1980-х гг.

Литература и архивные материалы: Латышева, 1958; Москва: Топографическая карта. М 1 : 5000. Изд. 1974 г.; Москва: Топографическая карта М 1 : 2000. Изд. 1980-х гг.; Паспорт 1949 г.; Паспорт 1973 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Шеппинг, 1900.С. 149–151.

70. КОНЬКОВО-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Коньковский-2 по Р.Л. Розенфельдту, Бреховский, по А.В. Соколову).

Сохранился.

Современный адрес: в Тропаревском лесопарке, в 150 м к северо-западу от д. 16, корп. 5 по ул. Островитянова (дом ветеранов), на склоне коренного берега ручья Купринский, правого притока р. Очаковки, в 80 м к югу от 3-го Коньковского могильника, в 180–320 м от тальвега оврага, на высоте 12–14 м над уровнем ручья (абсолютные отметки 229–231 м).

Старый адрес: в 900 м к западу от с. Коньково, 550 м к югу от д. Брехово.

Изображен на картах 1951 г. (5 курганов) и 1980-х гг. (2 северные насыпи)

Обследован в 1970-е гг. Р.Л. Розенфельдтом, в 1997–1998 гг. – Н.А. Кренке. Возможно, обследовался в 1869 г. Д.О. Шеппингом, 1949 г. – А.В. Соколовым, в 1958 г. – Г.П. Латышевой. Включен в список 1878 г. ("8 курганов купринские на земле крестьян д. Бреховой в лесу"), до 1869 г. раскапывался дачниками.

Состоит из 23 насыпей (по уточненным данным 1998 г.) полусферической формы высотой 0,4–1,5 м, диаметром 5–14 м, 3 насыпи слитные. Вокруг насыпей имеются ровики. Почти все курганы нарушены кладоискательскими ямами, на территории могильника несколько ям военного (1941 г. ?) времени. Могильник находится в молодом березовом лесу, выросшем на месте луга, показанного на карте 1951 г. Два северо-западных кургана отстоят от других на 60 м и, возможно, являются самостоятельным памятником.

Р.Л. Розенфельдт считал, что в 1958 г. именно в этом могильнике проводила раскопки Г.П. Латышева, но это противоречит координатам раскопанного памятника, приведенным в ее отчете ("500 м к западу от Калужского шоссе, 1 км южнее д. Коньково"). Ориентиры и фотография (курганы в дубовом лесу), приведенные Г.П. Латышевой, более подходят для Теплостанских курганных могильников (№ 72–74 по настоящему списку). Паспорт А.В. Соколова, возможно, также относится к 2–4-му Теплостанским могильникам, так как им больше соответствуют координаты плана (1 км к югу от д. Брехово, за оврагом от деревни). Дачники, копавшие, возможно, данный могильник до 1869 г., нашли погребения по обряду трупоположения, в гробовищах, с горшками в качестве погребального инвентаря.

Источник локализации – карты 1951 и 1980-х гг.

Литература и архивные материалы: Латышева, 1958; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951 г.; Москва: Топографическая карта М 1:2000. Изд. 1980-х гг.; Паспорт 1949 г.; Паспорт 1970-х гг.; Рабинович, Латышева, 1961. С. 178. Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Шеппинг, 1900. С. 149–151.

70 а. КОНЬКОВО-2, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,15 км к западу от д. 15, корп. 5 по ул. Островитянова (дом ветеранов), на прибровочной части правого берега оврага Купринский, правого притока р. Очаковки, в 90 м к западу от часовни над родником, между двух лощин, на расстоянии 30–60 м от тальвега оврага на высоте 4–8 м над ручьем (абсолютные отметки 222–226 м), в 140 м к югу от 4-го Коньковского курганного могильника.

Обследовано Н.А. Кренке в 1996, 1997 гг.

Размеры 50 × 40 м, культурный слой толщиной 0,2–0,3 м, серо-бурый суглинок. Территорию селища пересекает с севера на юг траншея 1941 г. Западная половина селища занята березовым лесом, восточная – посадками кустарников, кленов и луговиной.

Керамика курганного типа XII–XIII вв. с линейным и линейно-волнистым орнаментом, кусочки обожженной глины (печины) найдены на склонах овражков, ограничивающих селище, и на месте посадок кустов в юго-восточной части селища.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000; Тепцов и др., 1997. С. 46, 47.

71. ТЕПЛЫЙ СТАН-1, СЕЛИЩЕ. XII–XV вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,1 км к северо-западу от д. 132, корп. 8 по Профсоюзной ул. (дом престарелых РАН), в 0,2 км к юго-западу от д. 16, корп. 5 по Профсоюзной ул. (дом ветеранов), на прибровочной части левого берега оврага Купринский, правого притока р. Очаковки, в 50 м к западу-юго-западу от часовни над родником, на расстоянии 50 м от тальвега оврага, на высоте 7–9 м над водой (абсолютные отметки 225–227 м), в 100–120 м к северо-северо-востоку от 3-го Теплостанского курганного могильника.

Обследовано в 1980 г. А.К. Станюковичем (заложил шурф и 8 зондажей), в 1996 г. – Н.А. Кренке.

Размеры 30 × 60 м, культурный слой толщиной 0,2–0,45 м, темно-серая и серо-бурая супесь; северная часть занята открытой луговиной, южная под посадками сосны.

Найдены фрагменты керамики типа курганной/серой, красноглиняной, белоглиняной. Коллекция хранится в Музее истории Москвы.

Литература и архивные материалы: Станюкович, *1980*. С. 46, 112; Тепцов и др., 1997. С. 46, 47.

72. ТЕПЛЫЙ СТАН-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Коньковский, по Г.П. Латышевой).

Сохранился.

Современный адрес: в Тропаревском лесопарке, в 0,2 км к северо-западу от д. 132, корп. 8 по Профсоюзной ул. (дом престарелых РАН), в верховьях оврага (на его правом берегу), впадающего слева в овраг Купринский, правый приток р. Очаковки, в 30 м к северу от тальвега ближайшего оврага и в 200 м к югу от Купринского ручья, на высоте 13–15 м от воды (абсолютная отметка 230 м).

Старый адрес: на опушке леса в 1 км к юго-западу от с. Коньково, 750 м к западу от Калужскго ш., 1,7 км к северу от д. Теплый Стан.

Обследован в 1949 г. А.В. Соколовым, в 1958 г. – Г.П. Латышевой, в 1979, 1980 гг. – О.М. Даниловой (раскопала 2 кургана) при участии Н.А. Кренке, в 1997–1998 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоит из 8 насыпей полусферической формы (одна удлиненная насыпь образовалась за счет выкидов из грабительской ямы) высотой 0,6–1,2 м, диаметром 5,5–10 м, насыпи окружены ровиками, поросли дубовым лесом.

В обоих изученных курганах найдены нарушенные погребения по обряду трупоположения. В одном кургане костяк вытянут на спине, головой на запад, на горизонте, без сопровождающего инвентаря. В другом кургане была найдена лишь берцовая кость на горизонте.

Литература и архивные материалы: Данилова, 1979. С. 3–7; Данилова, 1980. С. 3, 4; Латышева, 1958.

73. ТЕПЛЫЙ СТАН-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Коньковский, по Г.П. Латышевой, Бреховский, по А.В. Соколову).

Сохранился.

Современный адрес: в Тропаревском лесопарке, в 0,1 км к западу от д. 132, корп. 8 по Профсоюзной ул. (дом перстарелых РАН), в 260 м к юго-юго-западу от часовни над родником, в 90 м к юго-юго-востоку от 3-го Теплостанского курганного могильника, на коренном левом берегу ручья Купринский, правом притоке р. Очаковки, в 260 м к югу от тальвега Купринского оврага, в 140 к северу от тальвега другого оврага, правого притока р. Очаковки, в 15 м над уровнем воды (абсолютная отметка 232 м).

Старый адрес: на опушке леса, в 1,1 км к юго-западу от с. Коньково, 1,5 км к северу от д. Теплый Стан, 750 м к западу от Калужского ш.

Изображен на карте 1951 г.

Обследован в 1949 г А.В. Соколовым, в 1958 г. – Г.П. Латышевой (раскопала 2 кургана), в 1979, 1980 гг. – О.М. Даниловой (раскопала 2 кургана), в 1997–1998 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоял из 14 насыпей, в настоящее время состоит из 12 насыпей (2 из раскопанных в 1958 и 1980 гг. насыпей сохранили вид курганов) полусферической формы высотой 0,6–1,5 м, диаметром 6–12 м. Одна насыпь слитная (?) из нескольких. Вокруг курганов ровики, территория могильника поросла дубовым лесом. При раскопках кургана № 1 в 1958 г. (№ 5, по плану О.М. Даниловой) были прослежены лишь следы погребения в виде темного пятна на уровне горизонта под насыпью. Аналогичная картина зафиксирована при раскопках кургана № 11 в 1979 г. В кургане № 3 (№ 14, по плану О.М. Даниловой) при раскопках 1958 г. было найдено женское погребение по обряду трупоположения, костяк вытянут на спине головой на запад. В насыпи над погребением лежал большой камень. Сопроводительный инвентарь включал фрагменты керамики с линейным орнаментом, три височных семилопастных кольца позднего типа с боковыми колечками и секировидными лопастями, железную гривну, витой медный браслет 2 × 3, медные перстни: пластинчатый широкосрединный, решетчатые двузигзаговый и трехпунктирный, литые с орнаментом "косица" и с квадратными углублениями, в которых находился выпу-

клый косой крест с перечеркнутыми концами и четырехлепестковые розетки.

О.М. Данилова в 1979 г. повторно раскопала отвал кургана № 3, изученного в 1958 г., приняв его за маленький курган, и нашла фрагмент стенки горшка с линейным орнаментом. Частичные раскопки слитного кургана № 13, состоявшего, по О.М. Даниловой, из 8 насыпей, не дали каких-либо находок. Это позволяет предположить, что необычная форма насыпи является результатом разрушения в древности большого полусферического кургана. Коллекция хранится в Музее истории Москвы.

Литература и архивные материалы: Данилова, 1979. С. 3–7; Данилова, 1980. С. 3, 4; Латышева, 1958. С. 3–8; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; Рабинович, Латышева, 1961. С. 178.

74. ТЕПЛЫЙ СТАН-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Теплостанский, по Р.Л. Розенфельдту, Теплостанский-1, по О.М. Даниловой, Коньковский, по Г.П. Латышевой, Бреховский, по А.В Соколову).

Не сохранился.

Современный адрес: д. 132, корп. 8 по Профсоюзной ул. (дом престарелых РАН), на левом берегу ручья Купринский, в 150 м к югу от русла, правого притока р. Очаковки, на высоте 14–17 м над водой (абсолютные отметки 236–239 м).

Старый адрес: в 950 м к юго-западу от с. Коньково, в 600 м к западу от Калужского ш., на лугу, затем на поле, в 140 м к востоку от группы из 22 курганов (№ 72, 73), расположенной на опушке леса, позднее – микрорайон Теплого Стана, в 200 м к северу от 3-го микрорайона.

Изображен на картах 1934 г. (5 курганов), 1951 г. (3 кургана).

Обследовался в 1949 г. А.В. Соколовым, в 1958 г. – Г.П. Латышевой (раскопала 1 курган), в 1970-х гг. – Р.Л. Розенфельдтом и О.М. Даниловой.

В 1958 г. состоял из 8 насыпей, из которых 6 существовали еще в 1970-е гг., полусферической формы, высотой 0,5–1,7 м, диаметром до 9 м. На картах 1934, 1951 гг. один курган отстоит от других на 100 м к юго-востоку, находясь на высоте 239 м, он расположен точно на водоразделе между двумя оврагами, до тальвегов которых 220 м.

В раскопанном в 1958 г. кургане было обнаружено детское погребение в яме размером 1 × 2 м и глубиной 30 см от поверхности материка, головой на северо-запад, без вещей. В насыпи и на материке скопления углей.

Отождествление могильника, зафиксированного на картах 1934 и 1951 гг. и изученного Г.П. Латышевой, с памятником, паспортизированным Р.Л. Розенфельдтом и отмеченным О.М. Даниловой, – предположительное.

Источник локализаций – карты 1934 и 1951 гг.

Литература и архивные материалы: Данилова, 1979. С. 3–7; Москва и окрестности: Топографическая карта. М. 1 : 2000. Съемка 1934 г. Л. В-V-1; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Латышева, 1958. С. 3–8; Паспорт 1949 г.; Паспорт 1970-х гг.

75. ТЕПЛЫЙ СТАН-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Теплостанский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 35 и 39 по ул. Генерала Тюленева, на водораздельном всхолмлении, на левом берегу р. Б. Десенки (Сосенки), левом притоке р. Десны, на расстоянии 350 м и на высоте 16 м над уровнем воды (абсолютная отметка 240 м).

Старый адрес: 250 м от шоссе на Юхнов, на задах с. Теплый Стан, в 200 м к западу от дворов, справа от дороги в совхоз Теплый Стан (с. Троицкое).

Изображен на карте 1951 г. (на карте 1848 г. изображение сомнительное).

Обследован в 1937 г. О.Н. Бадером, возможно, ранее включен в список 1878 г. ("2 кургана на церковной земле с. Троицкого при д. Верхних Теплых Станах близ деревни").

Состоял из 4 (до 1937 г.) насыпей. В 1937 г. сохранялась 1 насыпь высотой 1,1 м, удлиненной формы размером 8,5×12,5 м. Имелась кладоискательская яма.

По сведениям местных жителей, в кургане были найдены "пуговицы".

Источник локализации – карта 1951 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 136; Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М. 1 : 10000. М., 1951; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

76. ВОРОБЬЕВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (?).

Не сохранился.

Современный адрес: на водораздельном холме, на правом берегу Москвы-реки, в 1500 м к юго-западу от церкви Троицы в с. Воробьево, на территории МГУ, в районе Менделеевской ул., между Химическим и Биологическим факультетами, на расстоянии 1800 м от реки и высоте 70 м над водой (абсолютная отметка приблизительно 200 м).

Изображен на карте 1848 г.

Состоял из 1 насыпи (?).

Источник локализации – карта 1848 г.

Возможно, редкий тип курганов, расположенных на водоразделах.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 134; Карта Шуберта.

77. АНДРЕЕВСКОЕ-1, СЕЛИЩЕ. V в. до н.э.–V–VII вв. н.э., XI–XIII вв.

Не сохранилось.

Современный адрес: в 0,1 км к северо-востоку от северо-восточного угла д. 32 а по Ленинскому пр. (Президиум РАН), на ограниченном двумя овражками мысу правого коренного берега Москвы-реки, в 50 –100 м к западу от полотна третьего транспортного кольца (бывшей трассы кольцевой ж/д) и в 75–150 м к югу от моста через реку, в 120–150 м к востоку от ограды Андреевского монастыря, на высоте 30 м над урезом воды и на расстоянии 115 м от берега (абсолютная отметка 151 м).

Старый адрес: между Ездаковым пр. и кольцевой ж/д.

На южной части селища построен гараж, культурный слой здесь уничтожен, северная часть завалена строительным мусором и бетонными блоками, поросла сорным лесом, существовавшие прежде овражки, ограничивавшие памятник, ныне засыпаны.

Размеры 30 × 70 м. Культурный слой толщиной 0,5 м, темно-серого цвета.

Обследовано О.Н. Бадером в 1931 г., который, исходя из анализа рельефа, предполагал, что памятник мог быть и городищем. Им же был собран подъемный материал на северной оконечности площадки.

В 1998 г. территория обследована Н.А. Кренке, древних находок на северном склоне, покрытом бурыми техногенными отложениями, не найдено. В 2000 г. место селища срыто при строительстве третьего транспортного кольца.

В 1931 г. найдена лепная текстильная (сетчатая) и гладкостенная профилированная керамика, гончарная курганного типа, много сильно пережженной керамики, есть колотые жженые очажные (?) камни, кости животных. Коллекция была передана в Областной краеведческий музей в г. Истра, где ныне утрачена (?).

Локализация по карте масштаба 1 : 5000. Изд. 1974 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 128, 129; Москва: Топографическая карта. М 1 : 5000. Изд. ГУГК. 1974 г.

78. НЕСКУЧНЫЙ САД-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Сохранился.

Современный адрес: в Нескучном саду, в 0,1 км к северу от северного крыла д. 30 по Ленинскому пр., на мысу между двух отвершков оврага, правого притока Москвы-реки, у парковой дорожки, на расстоянии 400 м от берега реки и на высоте 28 м над урезом реки и 21 м над тальвегом оврага (абсолютная отметка 148 м), в 420 м к юго-юго-востоку от селища в Нескучном саду (№ 79).

Обследован в 1980 г. А.К. Станюковичем, в 1997 г. – Н.А. Кренке, А.К. Станюковичем, Б.Е. Янишевским.

Состоит 2 насыпей уплощеной формы, искаженной выкидами перекопов, высотой 0,5–1,2 м, диаметром до 10 м, поросших старыми липами.

Оба кургана раскопаны ямами, один практически на снос (кольцеобразный), в ямах видны прослойки погребенного дерна под насыпью. Возможно, что курганов было больше, так как имеются бугры вокруг двух отчетливых курганов.

Атрибуция насыпей как древнерусских курганов является предположительной.

Литература и архивные материалы: Станюкович, 1980. С. 46–47.

79. НЕСКУЧНЫЙ САД-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в Нескучном саду, в 550 м к северу от д. 30 по Ленинскому пр., на мысу коренного правого берега Москвы-реки, при устье оврага на его правом берегу в 60 м к северо-востоку от пруда, в 20 м к северу от старой парковой дорожки, проходящей по днищу оврага, в 150 м к северу от каменной парковой постройки на правом берегу большого оврага, в верховьях которого находятся курганоподобные насыпи (№ 78). Расстояние до берега реки 55 м, высота над урезом воды 23–27 м (абсолютные отметки 143–147 м).

Обследовано в 1975 г. А.К. Станюковичем, в 1997 г. – Н.А. Кренке, А.К. Станюковичем и Б.Е. Янишевским.

Размеры 40 × 30 м, культурный слой толщиной 0,1–0,3 м, сложен супесью, песком темно-серого цвета, нарушен эрозионными процессами. Найдена древнерусская гончарная курганная (?) и серая керамика, а также кованый гвоздь и фрагмент глиняной обмазки с отпечатком дерева. Коллекция хранится в Музее истории Москвы.

Литература и архивные материалы: Станюкович, 1975. С. 50–52.

80. ДАНИЛОВСКОЕ-1, СЕЛИЩЕ. Вторая половина I тыс. до н.э., X–XIII вв. (в Свято-Даниловом монастыре).

Сохранилось.

Современный адрес: на территории Свято-Данилова монастыря, д. 22 по ул. Даниловский вал, на первой надпойменной террасе правого берега Москвы-реки, на левом берегу ручья Даниловский, в восточной части монастыря, к северу от церкви Отцов семи Вселенских Соборов, на расстоянии 70 м от ручья, 250 м от берега Москвы-реки, на высоте 7–8 м над уровнем воды (абсолютная отметка 126 м). Обследовано Л.А. Беляевым в 1983–1986 гг. (раскопано около 240 кв. м).

Размеры не определены, культурный слой 0,3–0,4 м под более поздними напластованиями мощностью до 2 м. Имеются ямы, углубленные в песчаный материк, заполненные исключительно ранним материалом селища.

Найдены два фрагмента лепной текстильной керамики раннего железного века, славянская лепная керамика и правленная на круге, орнаментированная вдавлениями по венчику, оттисками палочки с веревочкой, штампами гребенчатым, в виде треугольников, комбинаций треугольников (прокатка штампом-"колесиком"), креста в круге, гончарная курганная слабопрофилированная с линейно-волнистым орнаментом, серая керамика с линейной орнаментацией, типичная для московских комплексов конца XII – начала XIV в. Среди индивидуальных находок – ножи железные с толстым и коротким лезвием, костяные проколки, грушевидный крестопрорезной бубенчик, шиферное пряслице. С ранним слоем связаны кости бобра, кабана, медведя.

Литература и архивные материалы: Беляев, 1984, 1984 а, 1985, 1986; Беляев, 1994. С. 101–151. Табл. 75–81.

80 а. ДАНИЛОВСКОЕ-2, СЕЛИЩЕ (на территории Даниловской слободы). X–XVII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: на территории д. 3, 5 по Гамсоновскому пер., на первой надпойменной террасе Москвы-реки, на правом берегу ручья Даниловский, внутри фундаментов церкви Воскресения Словущего и вне пределов церкви с западной стороны, на расстоянии 50 м от ручья и 140 м от берега Москвы-реки, на высоте 7–8 м над водой (абсолютная отметка 126 м), в 100 м к югу от селища Даниловское-1.

Обследовано Л.А. Беляевым в 1987, 1990 гг.

Размеры не определены, культурный слой толщиной 0,2–0,4 м, темно-серого цвета, перекрыт более поздними напластованиями мощностью 1–1,2 м. Найдена лепная керамика, правленная на круге, с защипами, веревочным и гребенчатым орнаментом, курганная гончарная с линейно-волнистым орна-

ментом, оттисками прокатанного "колесика" в виде рядов треугольников, серая, красноглиняная грубая и гладкая, краснолощеная, ангобированная, белоглиняная грубая и гладкая, чернолощеная. Среди индивидуальных находок крестопрорезной грушевидный бубенчик, височное кольцо "деснинского типа", медный пластинчатый браслет, стеклянная сине-белая бусина, два шиферных пряслица, железные ножи.

Литература и архивные материалы: Беляев, 1987, 1994, 1995.

81. ЧЕРЕМУШКИ-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. Возраст не установлен.

Не сохранился.

Современный адрес: около д. 42, корп. 2 по Б. Черемушкинской ул., в 50 м к северу от пересечения ул. Кржижановского и Б. Черемушкинской, на склоне левого берега ручья Коршуниха, левого притока р. Котловки (Чуры), в 180 (230?) м от ручья, на высоте 8–9 (12?) м над уровнем воды (абсолютная отметка 175 м).

Старый адрес: на краю д. Черемушки, вправо от дороги на д. Шаболово, в 0,5 км к юго-востоку от Черемушкинского кирпичного завода.

Изображен на картах 1947, 1951 гг. в виде двух овальных насыпей в 80 м к северо-западу от геодезического репера 172, 4 м на изломе Б. Черемушкинской ул.

Обследован в 1938 г. А.В. Арциховским (раскопан 1 курган), в 1939 г. – И.К. Цветковой. Возможно, раннее упомянут в списке 1878 г. ("5 курганов Черемошенские на земле кн. Меньшикова при с. Троицком-Черемушках, по Черемушкинскому шоссе в 100 саж. от дороги" или "5 курганов безымянных на земле г-жи Ржевской в лесной даче Чищоба при с. Шаболове по Черемушкинскому шоссе").

Состоял из 4 насыпей (в 1938 г.) высотой 2–3 м, диаметром 20–24 м, насыпи окружены ровиками. В раскопанном кургане ничего не было найдено, по мнению А.В. Арциховского, курганы "насыпаны в позднейшее время не с ритуальной целью".

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С.138–139; Карточка Бадера; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Саблин, 1879. С. 187; Савков, 1940. С. 59–60; Сведения о курганах... 1878 г.

82. ЧЕРЕМУШКИ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII в.

Не сохранился?

Современный адрес: территория парка усадьбы Черемушки, д. 25 по Б. Черемушкинской ул. (Ин-т теоретической физики РАН), на краевой части оврага, левого притока р. Коршунихи, левого притока р. Котловки.

Старый адрес: в парке "Дома агронома", в 300 м от 1-го Черемушкинского курганного могильника.

Обследован в 1928 г. Б.С. Жуковым и М.В. Воеводским, в 1938 г. – А.В. Арциховским (раскопан 1 курган). Возможно, упомянуты в списке 1878 г. ("5 курганов Черемошенские на земле князя Меньшикова при селе Троицком-Черемушках по Черемушкинскому шоссе в 100 саж. от дороги").

Состоял из 3 насыпей, в 1938 г. сохранялось 2 насыпи уплощенной формы высотой 0,6 и 0,8 м, диаметром 7 и 9 м, насыпи окружены ровиками.

Найдено женское погребение на горизонте, по обряду трупоположения, головой на запад. Инвентарь – четыре семилопастных височных кольца, медный пластинчатый "ушастоконечный" браслет, медные перстни, ложновитой разомкнутый и решетчатый двузигзаговый, бубенчик с щелевой прорезью, сердоликовая бипирамидальная бусина, горшок с линейным орнаментом и клеймом (косой крест в круге) на дне, кость лошади.

Литература и архивные материалы: Арциховский, 1938; Бадер, 1947. С. 138; Карточка Бадера; Равдина, 1991. С. 70; Саблин, 1879. С. 187; Савков, 1940. С. 77–78; Сведения о курганах... 1878 г.

83. ЧЕРЕМУШКИ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII в.

Не сохранился.

Современный адрес: примерно на нынешней проезжей части ул. Дм. Ульянова, между д. 44 и 43, на левом берегу р. Коршунихи, левом притоке р. Котловки (Чуры).

Старый адрес: слева от Черемушкинского ш., около грунтовой дороги в ольховой роще между "Домом агронома" и лагерем Осоавиахима.

Обследован в 1926 (1928?) г. Б.С. Жуковым, М.В. Воеводским, О.Н. Бадером (раскопано 4 насыпи, № 9–12), в 1938 г. – А.В. Арциховским (раскопано 8 насыпей, № 1–8), в 1950 г. – М.Г. Рабиновичем (раскопано 2 насыпи, № 13, 14). Возможно, упомянуты в списке 1878 г. ("5 курганов Черемошенские на земле князя Меньшикова при селе Троицком-Черемушках, по Черемушкинскому шоссе в 100 саж. от дороги").

Состоял в 1926 (1928?) г. из 15 насыпей полусферической формы высотой 1,3–2,1 м, диаметром 6,4–15 м, с ровиками вокруг насыпей. Найдено 19 погребений в 14 курганах, включая 2 вводных и 3 парных, по обряду трупоположение на горизонте, вытянутых на спине, головой на запад или северо-запад (в парном захоронении кургана № 2 женское погребение было ориентировано головой на восток), остатки гробовищ, скрепленных гвоздями. В кургане № 14 прослежена подстилка (?) из сосновой коры. Инвентарь включает серп, замок, удила, семи- и пятилопастные височные кольца раннего типа с каплевидными лопастями и без боковых колечек и более развитого типа с боковыми колечками, трехбусинное узловатое височное кольцо, медную витую шейную гривну, 39 поясных серебряных бляшек с пальметками и другим растительным орнаментом, датированных первой половиной XII в., медные лировидные поясные пряжки, браслеты пластинчатый и витой, перстни ложновитые, рубчатый, пластинчатые широкосрединные, пружинный проволочный, характерный для могильников окских финнов, бусы сердоликовые бипирамидальные, хрустальные шарообразные и овальные, стеклянные красные с желтым, синие с белым, боченкообразные позолоченные, бубенчик с щелевидной прорезью, железные ножи. Под черепом погребенного в кургане № 6 найдена неолитическая ретушированная каменная пластина, использовавшаяся, по-видимому, как амулет. Керамика гончарная, орнаментированная прочерченными линиями и отпечатками зубчатого колесика, имеются слабопрофилированные архаичные формы, близкие к баноч-

ным. В насыпях встречены угольки, кости свиньи, зайца, тетерева, лошади, остатки желудей и орехов, дубовый лист.

Коллекция из раскопок 1928 г. хранится в Гос. Эрмитаже (инв. № 623), из раскопок 1938 г. – на кафедре археологии Исторического факультета МГУ, из раскопок 1950 г. – в Музее истории Москвы (кол. № ОФ 7386, ОФ 24678). Антропологические остатки из раскопок 1926 (1928?) и 1938 гг. в НИИ и Музее антропологии МГУ (№ 8550, 8818).

Литература и архивные материалы: Арциховский, 1938; Бадер, 1947. С. 137–139; Рабинович, 1950; Равдина, 1968. С. 182–183; Равдина,1991. С. 67; Саблин, 1879. С. 187; Савков, 1940. С. 59–77; Сведения о курганах... 1878 г.; Тепцов и др., 1997. С.35–36.

84. ШАБОЛОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: д. 27, корп. 4–5 по Севастопольскому пр., на склоне левого берега р. Котловки, правого притока Москвы-реки, в 1000 м к северо-северо-востоку от церкви Бориса и Глеба в с. Зюзино, в 100–120 м от реки, примерно на высоте 18 м над водой (абсолютная отметка около 168 м).

Старый адрес: в 1200 м к юго-востоку от д. Шаболово.

Изображен на карте 1848 г. Возможно, упомянут в списке 1878 г. ("5 курганов на земле г-жи Ржевской в лесной даче Чищоба при с. Шаболове по Черемушкинскому шоссе").

Состоял из 2 насыпей, расположенных в лесу.

Литература и архивные материалы: Карта Шуберта; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

85. ШАБОЛОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 50 м к северу от д. 27, корп. 2 по Нахимовскому пр. (проезжая часть Нахимовского пр.), на склоне левого коренного берега р. Котловки, правого притока Москвы-реки, в 1250 м к северо-северо-востоку от церкви Бориса и Глеба в с. Зюзино, в 1100 м к юго-юго-востоку от церкви Знамения Божией Матери в Черемушках, в 360 м от реки, примерно на высоте 20 м над водой (абсолютная отметка около 172 м).

Старый адрес: в 1000 м к юго-востоку от д. Шаболово, возле проселочной дороги у края леса.

Изображен на карте 1848 г. (2 кургана).

Возможно, упомянут в списке 1878 г. ("5 курганов на земле г-жи Ржевской в лесной даче Чищоба при с. Шаболове по Черемушкинскому шоссе").

Состоял из 2 (5 ?) насыпей.

Литература и архивные материалы: Карта Шуберта; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

86. ВЕРХНИЕ КОТЛЫ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Верхнекотловский, по О.Н. Бадеру, за Серпуховской заставой).

Не сохранился.

Современный адрес: не локализован, в районе д. 49–59 (?) по Варшавскому ш., на правом берегу Москвы-реки.

Старый адрес: за Серпуховской заставой, за д. Верхние Котлы, у бывшей дачи Верещагина.

Исследован Апухтиным и Д.Я. Самоквасовым в 1908 г. (раскопано несколько курганов). Вероятно, отмечен в списке 1878 г. ("9 курганов безымяных на земле крестьян д. Верхних Котлов, по Серпуховскому шоссе на расстоянии 1 в. от шоссе").

Состоял из 9 (?) насыпей.

Д.Я. Самоквасов производил раскопки со студентами Московского университета и воспитанниками специальных классов лицея. Найдены погребения по обряду трупоположения с инвентарем, включавшим семилопастные височные кольца, золотостеклянные и сердоликовые бусы, орнаментированные перстни, "кольца", глиняные горшки с орнаментами, "характерными для московских курганов".

В 1908 г. под Москвой Самоквасов копал курганы в трех местах: 5 курганов в местности "Попова гора"; 7 курганов у д. Котляковой, 8 курганов между деревнями Волхонкой и Чертановом. О каких-то из этих раскопок и писала газета "Голос Москвы". Предположительно можно отождествить котловские курганы с курганами у "Поповой горы". Коллекция хранится в ГИМ (№ 69663. Оп. 5).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 140; Голос Москвы. 1908. 13 сент. № 212; Изв. ИАК. Прибавление к вып. 31. СПб., 1909. С. 29 (перепеч. заметки в газете "Голос Москвы"); Перечень Самоквасова (см.: *Шавелев С.П.* Историк русской земли: жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998); Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах...1878 г.

87. НАГАТИНО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. Возраст не установлен.

Не сохранился.

Современный адрес: точно не локализован, недалеко от Судостроительной ул.

Старый адрес: при д. Нагатино на правом берегу Москвы-реки.

Отмечен в списке 1878 г. ("1 курган древних могил").

Состоял из 1 (?) насыпи.

Литература и архивные материалы: Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

88. КОЛОМЕНСКОЕ-1, СЕЛИЩЕ (с. Коломенское). IV тыс. до н.э., середина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э. (?), XI–XX вв.

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Коломенское", между ул. Нижняя и Большая на всем их протяжении и к юго-востоку от ул. Нижняя до подошвы склона надпойменной террасы, на месте с. Коломенское, снесенного в 1983 г., на надпойменной террасе правого берега Москвы-реки, на расстоянии 150 м от русла и на высоте 5–16 м над водой (абсолютные отметки 120–131 м).

Обследовано Н.А. Кренке в 1981–1984, 1991, 1992 гг. (собран подъемный материал и вырыто 2 шурфа по 0,5 кв. м).

Размеры 500 × 400 м, культурный слой от 0,2 до 3 м (в ямах), супесь/суглинок серого цвета. Наиболее древняя часть селища – юго-восточная, на склоне надпойменной террасы, к северо-северо-востоку на 400–500 м от церкви Вознесения, к востоку и се-

веро-востоку от д. 133 по Нижней ул. Размеры древнего участка 100 × 100 м. Найдены один фрагмент лепной неолитической керамики с ямочным орнаментом, несколько фрагментов текстильной и гладкостенной лепной керамики раннего железного века, один фрагмент лепной керамики с отпечатком гребенчатого штампа, возможно, древнерусского времени, курганная и серая гончарная керамика, а также белоглиняная (преобладает), малочисленные фрагменты красноглиняной XV–XVI вв. и различные виды керамики XVIII–XX вв., белоглиняная птичка-свистулька, фрагмент медного нательного креста. Коллекция хранится в ГМЗК.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1991. С. 45; Кренке, 1991а, 1992.

89. КОЛОМЕНСКОЕ-3. СЕЛИЩЕ. Середина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э., XII–XIII, XV–XIX вв. (к югу от церкви Вознесения, на Голосовом овраге).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Коломенское", в 70 м к югу от церкви Вознесения, на склоне левого берега Голосова оврага в его устьевой части, на правом берегу Москвы-реки, на расстоянии 70 м от реки и 60 м от тальвега оврага, на высоте 21–26 м над водой (абсолютные отметки 135–140 м), в 70–100 м к югу от селища Коломенское-2 (место "Государева дворища").

Исследовано А.К. Станюковичем в 1981 г., Н.А. Кренке – в 1986 и 1994 гг. (заложено 8 шурфов общей площадью 18 кв. м).

Размеры 60 × 45 м, культурный слой толщиной 0,4–0,7 м, серо-бурая супесь. Керамика железного века и XII–XVII вв. распространена и за пределами селища, к западу вдоль склона оврага на 120 м (вероятно, связана с распашкой).

Найдены фрагменты керамики лепной текстильной и гладкостенной, гончарной курганной и серой, а также красноглиняной гладкой, белоглиняной грубой и гладкой, поливной XVIII–XIX вв., лопасть семилопастного височного кольца XII в. Находки XV–XIX вв., вероятно, не связаны с жилым слоем, а отложились из-за других видов хозяйственной деятельности и смывов слоя с вершины холма.

Литература и архивные материалы: Гоняный, Станюкович, 1983. С. 55; Кренке, 1986, 1988, 1991, 1994; Станюкович, 1981.

90. ДЬЯКОВО-1, СЕЛИЩЕ. Конец I тыс. до н.э. – начало I тыс.н.э., XII–XIII, XV–XIX вв. (Выгон).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Коломенское", в 0,2 км к востоку от пересечения ул. 1-я Дьяково городище и дороги, мощенной булыжником, ведущей к Москве-реке, на мысу правого берега Москвы-реки, в 200 м к северу от площадки Дьякова городища, в 330 м от реки, на высоте 36 м над рекой (абсолютная отметка 150 м).

Исследовано Н.А. Кренке в 1986 г. (раскопано 88 кв. м).

Размеры 20 × 10 м, культурный слой 0,3–0,6 м, серо-бурый суглинок.

Среди находок железного века железный серп, грузик дьякова типа, сосуды гладкостенные лепные слабопрофилированные и текстильные с защипным орнаментом и насечками по краю венчиков. Средневековый материал представлен керамикой гончарной курганной и серой, имеется также красноглиняная гладкая, белоглиняная грубая и гладкая, чернолощеная, поливная, медная полушка конца XVIII в., каплевидная пуговица XIX в. из оловянистого сплава. Единичные находки XVII–XIX вв., возможно, свидетельствуют не об обживании места, а о посещениях. По рассказам местных жителей, здесь проводились кулачные бои. Коллекция хранится в ГМЗК.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1986, 1988, 1991.

91. ДЬЯКОВО-2, СЕЛИЩЕ. IV тыс. до н.э., VII в. до н.э. – I–III вв. н.э., XI–XII, XVIII–XIX вв. (Дьяково-пойма).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Коломенское", на оползневом (?) всхолмлении в пойме на правом берегу Москвы-реки, у подножия холма Дьякова городища, в 50 м к востоку от него, в 900 м к югу от церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в с. Дьяково, в 200 м от русла реки, в 15 м над водой (абсолютные отметки 130–131 м).

Исследовалось в 1983, 1985 гг. Н.А. Кренке (раскопано 180 кв. м), в 2002, 2003 гг. – А.Г. Векслером.

Расположено на двух участках размером 50 × 20 м и 50 × 30 м, разделенных болотистым понижением, культурный слой толщиной 0,2–0,4 м, серо-бурый суглинок/супесь. Частично испорчено мототрассой, имеется валоподобное всхолмление, ограничивающее с запада восточный участок селища. Найдены яма с материалом железного века и отстатки (ямы) двух жилых построек древнерусского времени с печами и одной синхронной им хозяйственной постройки. Среди находок – неолитический кремневый наконечник дротика. Комплекс железного века включает две железные стрелы, бронзовый колокольчик, глиняное пряслице, керамику лепную текстильную с гребенчатым штампом, текстильную, аналогичную керамике нижнего слоя Дьякова городища, и более позднюю с насечками по венчику, гладкостенную с защипным и ямочно-веревочным орнаментом. Древнерусский комплекс состоит из железного ключа от цилиндрического замка типа Б, по Б.А. Колчину, железных ножей, трех шиферных пряслиц, одного фрагмента лепной керамики, раннегончарной керамики, орнаментированной оттисками гребенчатого штампа, прокатанного зубчатого "колесика", "веревочки на палочке", линейно-волнистым узором. Комплекс XVIII–XIX вв. включает медную пятикопеечную монету 1870 г., мундирную пуговицу, костяную бирку московского Воспитательного дома, принадлежавшую Марии Ивановой, поступившей в Воспитательный дом в 1823 г., погребение XVIII–XIX вв. с медным нательным крестом. Коллекция хранится в ГМЗК.

Литература и архивные материалы: Векслер и др., 2003; Кренке, 1983, 1985; Кренке, 1991. С. 38–47; Кренке, 1992. С. 7–33.

92. ДЬЯКОВО ГОРОДИЩЕ. Неолит, VIII(VII) в. до н.э. – VII (VIII) в. н.э., XI–XIII вв., XVII в. (Чертов городок, Городок).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Коломенское", на расстоянии 900 м к юго-юго-западу от церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в с. Дьяково, в 250 м к востоку от ул. 1-я Дьяково городище (быв. ул. с. Дьяково), в 750 м к северу от фасада главного здания МИФИ (Каширское ш., д. 31). Расположено при излучине русла, на мысу правого берега Москвы-реки, образованного при впадении в нее ручья, протекающего по оврагу Городишный (Городищенский), на его правом берегу, в 260 м к западу от реки. Площадка городища возвышается над рекой на 42 м (абсолютная отметка 157 м). Мыс, занятый городищем, имеет подтреугольную форму. Размеры мыса у его подошвы – 120 × 240 м. С напольной стороны мыс отделен от берега рвом, края которого превратились в небольшие овражки. Глубина рва в его центре от отметки бровки берега с напольной стороны – 5 м. Превышение над этой точкой гребня вала, имеющего серповидную форму и защищающего с юга площадку городища, – 10 м. Размер верхней площадки памятника, имеющей форму трапеции, сужающейся к северу, – 40 × 35 м. В северо-восточном направлении с площадки ведет вытянутый узкий спуск, упирающийся в русло ручья. В верхней части этого спуска имеется округлый холм высотой 3 м, диаметром 10 м, отделенный от верхней площадки. Площадка городища и склоны мыса свободны от древесной растительности и покрыты травой, хорошо видны выемки траншей раскопок XIX в. и понижение в северо-западной части на месте раскопа 1981–1987 гг.

Исследование городища было начато К.Ф. Калайдовичем незадолго до 1821 г., а в 1821 г. продолжено З.Я. Ходаковским. Первая пробная шурфовка произведена Д.Я. Самоквасовым в 1872 г., масштабные раскопки траншеями – Г.Д. Филимоновым в 1875 г. и В.И. Сизовым в 1889, 1890, 1893 гг. (в общей сложности вскрыто около 150 кв. м). Вновь шурфовка предпринята Ю.В. Готье в 1921 г., О.Н. Бадером в 1926 г. В 1935 г. К.Я. Виноградовым, при участии И.Ф. Барщевского, раскопано около 50 кв. м (в том числе прорезан вал), Н.А. Кренке в 1980–1987 гг. раскопано 290 кв. м, в том числе вторично прорезан вал. В 2001–2003 гг. раскопки городища были продолжены под руководством А.Г. Векслера, И.А. Бойцова, А.О. Ладыченко с целью его музеефикации. Городище неоднократно посещалось многими археологами, производившими фотосъемку и зарисовку его плана, сбор подъемных материалов. Среди них были Д.А. Авдусин, М.В. Горбаневский, И.Е. Забелин, К. Карпелан, В.М. Колобов, К.А. Смирнов, Р.Л. Розенфельдт и др.

Добытые на памятнике остеологические коллекции изучались Л.И. Алексеевой, Е.Г. Андреевой, Д.Н. Анучиным, Г.В. Захаренко, В.Н. Калякиным, А.Н. Харузиным, Е.А. Цепкиным.

На городище неоднократно проводились несанкционированные раскопки дилетантов. Слой памятника понес также повреждения при сооружении здесь в 1941 г. наблюдательного пункта зенитной батареи, устройстве лыжного трамплина в 1950-е гг. Рельеф площадки и спуска был частично искажен при устройстве в 1967 г. трассы мотокросса, по которой ныне ведет тропа.

Древнейшие кремневые орудия были найдены в переотложенном культурном слое. Среди них тесло неолитического возраста из раскопок В.И. Сизова, пластина с ретушью и нож на пластинчатом отщепе, обломок тесла из раскопок 1980-х гг.

Культурный слой городища имеет мощность до 3–3,5 м (включая отвалы траншей XIX в.) и членится на верхний и нижний. Подстилает слой погребенная дерново-подзолистая почва, содержащая находки, относящиеся в начальному периоду железного века (ориентировочно VIII–VI вв. до н.э.). Комплекс этих находок включает текстильную и гладкостенную керамику, орнаментированную гребенчатым штампом и вдавлениями наклонной палочки, обломки глиняных литейных форм для гладких браслетов и волютообразных украшений.

Нижний культурный слой имеет среднюю мощность около 60–80 см. Его основу на периферии площадки составляют коричневые прослойки с высоким содержанием органики, чередующиеся с углистой супесью. Ближе к центру площадки обнаружены остатки двух длинных домов, стоявших параллельно друг другу. Они горели и трижды возобновлялись на прежнем месте. Дома имели двускатные крыши, державшиеся на центральных столбах, и стены из столбового каркаса и плетня. Внутренняя планировка домов представляла собой чередование жилых и вспомогательных холодных помещений. Жилые "комнаты" размером около 3,5 × 4 (6) м каждая с глинобитными или земляными полами, овальными или подквадратными очагами в центре (диаметром до 1 м) с бортиками из глины или дерева. Холодные "сени" имели размеры 1 (2) × 3,5 м.

Комплекс находок из нижнего слоя представлен многочисленными формами текстильной слабопрофилированной керамики с ямочной орнаментацией, более редкими гладкостенными горшками, костяными предметами (проколками, стрелами, ножами, долотцами, стругами, рукоятями). В этом слое найдены уникальные предметы зооморфной пластики (фигурка лошади и рукоять с головой хищника), являющиеся репликами "скифского звериного стиля". Единичны находки железных предметов (ножи и их обломки), бронзовых украшений (умбоновидная привеска), синих глазчатых стеклянных бус. Изделия из глины представлены "рогатыми кирпичами", грузиками, фигуркой поросенка, бусами.

Серия из нескольких десятков радиоуглеродных дат и комплекс находок позволяют отнести время формирования нижнего слоя к V–III вв. до н.э.

Нижний и верхний слои разделяет прослойка "стерильного" песка с пеплом, толщина которой местами доходит до 0,4 м, а ближе к центру площадки она выклинивается.

Верхний слой городища имеет 2-метровую мощность. Его основу составляет серая супесь, насыщенная угольками и золой. Верхние 0,5 м слоя – аморфные, ниже сохранились свиты прослоек песка, глины, древесного тлена, золы – остатки небольших подпрямоугольных построек размером около 4 × 4,5 м, возводившихся неоднократно на одних и тех же местах. Пол этих построек иногда вымазывался глиной и подсыпался песком.

Комплекс стратифицированных находок из верхнего слоя позволяет проследить эволюцию вещей и керамики на протяжении нескольких столетий начиная с II в. до н.э по VI–VII вв. н.э. Керамика верхнего слоя характеризуется абсолютным доминиро-

ванием гладкостенных кухонных горшков и больших сосудов для хранения, формы которых изменяются от слабопрофилированных к имеющим отогнутый дугообразно или под углом венчик, выделенные плечики. В средней части верхнего слоя появляется лощеная и подлощенная керамика ("столовые" миски и миско-горшки). Многочисленная серия радиоуглеродных дат позволяет отнести этот горизонт к I–II вв. н.э.

Уже в нижней части верхнего слоя железные изделия начинают преобладать над костяными. Они представлены ножами, серпами, двушипными стрелами, различными стержнями – шильями, фрагментами колец-заготовок (?). Средняя и верхняя часть верхнего слоя насыщена бронзовыми (медными) украшениями. О развитом бронзолитейном производстве на городище свидетельствуют находки глиняных льячек и литейных форм. Среди украшений наиболее многочисленны нашивные бляшки различных форм, бубенчики-подвески, умбоновидные привески и привески с треугольным щитком из нескольких волют, к которому прикреплялись колокольчатые, либо трапециевидные подвески, часто украшенные двойной зернью, кольцевые пряжки и сюльгамы, украшенные волютами и двойной зернью, наконечники ремней, бантиковидные нашивные украшения. Большую серию (10 находок) составляют украшения с эмалью – кольцевые фибулы и лунницы, часть из которых залегала в стратифицированном слое, датирующемся по радиоуглероду II–IV вв. н.э. Найдена также привозная медная двучленная фибула с расширенной ножкой IV в. н.э., многочисленные золотостеклянные бусы, бусина-кирпичик из красной пасты.

В XIX в. на городище крестьянами был найден клад бронзовых украшений (гривны, фибула), относящихся к началу новой эры, часть которого была куплена Д.Я. Самоквасовым.

Финал существования городища представлен такими вещами VI–VII вв. н.э., как шляпковидные бубенчики с широкими полями, трапециевидные подвески (в том числе орнаментированные), крепившиеся на S-образных переходниках, украшение поясного набора, выполненное в геральдическом стиле, деталь головного венчика, синие продолговатые призматические стеклянные бусы со срезанными углами.

В верхней части верхнего слоя встречены многочисленные антропомофные глиняные статуэтки и таблички с точечным орнаментом, бронзовая пластина с изображением человеческих фигур с поднятыми руками, которые, вероятно, составляли комплекс культовых предметов, связанных единством символики изображений.

Вся толща верхнего слоя насыщена глиняными грузиками "дьякова типа", биконическими пряслицами, шариками и биконусами (снаряды для пращи?), бусами, фрагментами "рогатых кирпичей".

Разрез вала городища показал, что он был сооружен, вероятно, в V в. до н.э. и был укреплен стеной, основу конструкции которой составляли толстые вертикально поставленные столбы. Укрепления неоднократно горели и возобновлялись не менее 6 раз.

Проведенные на городище палеоботанические исследования (изучение пыльцы и образцов обугленных зерен культурных злаков, сохранившихся в слое) позволили доказать существенную роль земледелия в хозяйстве и реконструировать динамику антропогенных изменений в ландшафте, который в начале новой эры уже был по-преимуществу открытым (свободным от леса) вокруг городища на значительном расстоянии.

Изучена археозоологическая коллекция, насчитывавшая более 70 тыс. остеологических остатков млекопитающих, птиц и рыб, из которых более 20 тыс. костей было определено. Общий список (вместе с рыбами) насчитывает 55 определенных видов. Подавляющее большинство костей принадлежит четырем видам домашних животных: свинье, лошади, крупному и мелкому рогатому скоту (перечислены в порядке частоты встречаемости). В коллекции из слоев, отложившихся в поздний (особенно в финальный) период существования городища, возрастает удельный вес костей диких животных: бобра, медведя, лося, куньих. Ведущим среди них является бобр, доля костей которого составляет 20% от всего числа остеологических остатков. Среди птиц доминируют глухари, тетерева, куропатки, среди рыб – щука, сом, судак. Встречается и озерная рыба (карась). Отмечены единичные кости тайменя, присутствие которого указывает на чистоту воды в Москве-реке.

С конца XI – начала XII в. и до XIII (?) в. городище регулярно посещалось людьми и, возможно, на площадке было маленькое поселение. Находки этого времени (около 100 фрагментов керамики, орнаментированной линейно-волнистым узором, штампом-колесиком и оттисками гребенчатого штампа, крестопрорезные бубенчики, пряслица из розового шифера, медная пряжка с растительным орнаментом) приурочены к поверхности площадки, перекрытой отвалами раскопок XIX в.

Во рву городища, который ограничивает площадку с юга, в 2001 г. обнаружен древнерусский слой с колотыми камнями, углями, развалами горшков.

В середине – второй половине XVII в. в южной части площадки городища существовала постройка, от которой происходят многочисленные железные гвозди и фрагменты полихромных рельфных изразцов. В 2003 г. был обнаружен развал изразцовой печи.

Общая численность вещевых находок – более 2 тыс., керамики – 90 тыс. фрагментов и 60 целых форм. Коллекции хранятся в ГИМ (раскопки и покупки Д.Я. Самоквасова, Г.Д. Филимонова, В.И. Сизова), Музее истории Москвы (сборы А.Г. Векслера и М.В. Горбаневского, раскопки Н.А. Кренке), Гос. музее-заповеднике "Коломенское" (раскопки, А.Г. Векслера, К.Я. Виноградова, сборы Н.П. Пахомова, раскопки Н.А. Кренке), кафедре археологии Исторического факультета МГУ (сборы В. Зубарева), в Московском областном краеведческом музее в г. Истра (сборы О.Н. Бадера 1928–1930 гг., В.М. Колобова 1947–1949 гг.).

Литература: Алексеева и др. 1996; Андреева, 1995; Анучин, 1896, 1909; Бадер, 1947; Векслер и др., 2002, 2003; Горбаневский, 1971; Гунова, Кренке, 1985; Гунова и др., 1996; Власов и др., 1985; Забелин, 1873; Кренке, 1983, 1984, 1984 а, 1985, 1986, 1986 а, 1987, 1988, 1989; Кренке, Лопатин, 1997; Кренке,

Нефедова,1995; Кренке, Сулержицкий, 1988; Кренке, Цепкин, 1991; Самоквасов, 1878; Сизов, 1897; Сизов, 1897а; Спицын, 1903; Филимонов, 1876; Харузин, 1890; Ходаковский, 1838, 1844; Krenke, 1996.

Архивные материалы: Готье, 1921; Дело о раскопках Дьякова городища 1893 г.; Карта Шуберта; Кренке, 1980, 1981, 1982, 1982 а, 1983 а, 1984 б, 1985 а, 1986 б, 1987 а, 1987 б; Полевые записки... 1785 г. Л. 215, 234, 237; Самоквасов, 1911.

93. ДЬЯКОВО-3, СЕЛИЩЕ. Первая половина I тыс. н.э., XI–XIII вв. (Дьяково Южное).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Коломенское", на краю коренного правого берега Москвы-реки, на внешней стороне рва, отделяющего площадку Дьякова городища от мыса, в 60 м к юго-востоку от гребня вала городища, в 1000 м к югу от церкви Иоанна Предтечи в с. Дьяково, в 20 м к северу от забора быв. автобазы, на расстоянии 260 м от реки и на высоте 40–41 м над водой (абсолютная отметка 155 м).

Обследовано Н.А. Кренке в 1992, 1995 и 1997 гг. (вырыт шурф площадью 1,5 кв. м).

В 2001 г. раскапывалось А.Г. Векслером, И.А. Бойцовым, М. Овчинниковым (раскоп площадью около 80 кв. м).

Размеры сохранившегося участка примерно 6 × 20 м, культурный слой 0,2 м, темно-серая супесь, перекрыт сверху строительным мусором толщиной 0,3 м и пахотным горизонтом (включившим и древний культурный слой) толщиной до 0,2 м Исходные размеры селища, видимо, были значительно больше, так как в 50 м к западу от сохранившегося участка культурного слоя, в западном борте выемки дороги, спускающейся в ров и далее к реке, также прослежены признаки сильно нарушенного культурного слоя и найден фрагмент днища гладкостенного сосуда железного века. Культурный слой большей части селища утрачен из-за перекопов, связанных с современной хозяйственной деятельностью и естественными процессами эрозии.

В шурфе 1997 г. найдена керамика лепная гладкостенная (преобладает) и заглаженная, в том числе с защипным орнаментом, подлощеная позднедьяковская, глиняные обмазки, фрагменты колотых очажных камней. К периоду железного века относятся также фрагменты костей крупного рогатого скота. Гончарная древнерусская керамика курганного типа с линейно-волнистым орнаментом XII в. преобладает в раскопе 2001 г. В пахотном горизонте встречена белоглиняная гладкая керамика конца XVI–XVII в. и поливная более позднего времени. Наличие очажных камней и обмазки свидетельствует о существовании на селище жилых построек. Возможно, этапу заселения железного века предшествовала распашка.

Литература и архивные материалы: Векслер и др., 2002; Кренке, 1992. С. 31–32; Кренке, 1995. С. 23–24.

94. ДЕРЕВЛЕВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: пересечение Профсоюзной ул. и ул. Бутлерова, возле д. 90 по Профсоюзной ул., на склоне водораздела, в верховьях овражка – одного из истоков р. Котловки, правого притока Москвы-реки, на расстоянии 50 м от тальвега оврага, на высоте 10 м над водой (абсолютная отметка 232 м).

Старый адрес: в 450 к северо-северо-востоку от пересечения улицы д. Деревлево и Калужского ш., 15–100 м к востоку от шоссе, на огороде – ныне газон к юго-западу от пересечения ул. Бутлерова и Профсоюзной ул.

Упомянут в списке 1878 г. ("5 курганов на земле крестьян д. Деревлевой по ст. Калужской дороге около дороги"). Исследовался в 1927 г. В.К. Карцовым, в 1939 г. – И.К. Цветковой, Г.Б. Федоровым (раскопал 4 кургана), в 1949 г. – Г.П. Смирновой (оставалось 2 кургана, самых больших в группе).

Изображен на картах 1848 г. (3 кургана), 1936 г. (3 кургана) и 1951 г. (3 кургана).

Состоял из 6 насыпей полусферической формы высотой 0,5–1,7 м, диаметром 4–12 м, насыпи окружены ровиками.

Найдены погребения по обряду трупоположения. В кургане № 1 женское погребение на горизонте головой на северо-запад. Инвентарь: билоновая загнутоконечная витая гривна с пластиной-замком с двухрядным точечным орнаментом, простое проволочное и четыре семилопастных височных кольца позднего типа с секировидными лопастями с орнаментом 2-го варианта, по Т.В. Равдиной, боковыми колечками, четыре круглых зонных и шесть винтообразных пастовых бус, два браслета медных витых, двухпроволочных с вставками из зеленого стекла на концах, один браслет витой 2 × 4, перстни: медный пластинчатый широкосрединный, ложнорешетчатый с ромбическим орнаментом и такой же с орнаментом из трех пересеченных выпуклых зигзагов и шариками ложной зерни на пересечении, расположенными в виде креста. В кургане № 6 – погребение в яме глубиной 45 см, головой на запад, из вещей – деревянная ручка, обрывки ткани. В курганах № 2 и 5 погребения не обнаружены, лишь угольки на уровне горизонта. В кургане № 5 найдены фрагменты металлического сосуда и клад из 97 серебряных рублей и полтин 1725–1754 гг. Коллекция хранится на кафедре археологии Исторического факультета МГУ.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 136–137; Карта Шуберта; Карточка Бадера; Карцов, 1927; Карцов, 1928. С. 9–11; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1936 г. Л. В-II-3; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10 000. М., 1951; Паспорта 1949 г. (составлены Г.П. Смирновой и И.К. Цветковой); Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах...1878 г.; Тепцов и др., 1997. С. 35, 46; Федоров, 1939.

95. ДЕРЕВЛЕВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: ул. Бутлерова, д. 17 б, на склоне правого коренного берега оврага одного из верховьев р. Котловки, правого притока Москвы-реки, в 230 м от тальвега оврага, на высоте 20 м над водой (абсолютная отметка 229 м).

Старый адрес: в 0,9 км к северо-востоку от пересечения улицы д. Деревлево и Калужского ш., в

500 м к востоку от шоссе, в 1000 м к востоку от д. Беляево.

Изображен на картах 1936 г. (3 кургана), 1951 г. (3 кургана).

Отмечен в списке 1878 г. ("6 курганов на земле крестьян д. Деревлевой по ст. Калужской дороге, на расстоянии 1/2 версты от дороги"). Обследован в 1939 г. И.К. Цветковой, в 1949 г. – Г.П. Смирновой.

Состоял из 5 насыпей полусферической формы высотой 1,3–2(3?) м, диаметром 8–9 м, насыпи окружены ровиками.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 137; Карточка Бадера; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1936 г. Л. В-II-3; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10 000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

96. ЗЮЗИНО-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. Возраст не установлен (Зюзино-3, по М.Г. Рабиновичу).

Не сохранился.

Современный адрес: ул. Перекопская, д. 11, корп. 2, на правом берегу овражка правого притока р. Котловки, в 600 м от реки и в 28 м над руслом, в 30 м к востоку от прудика в овраге (абсолютная отметка 186 м).

Старый адрес: в 200 м к западу-юго-западу от церкви Бориса и Глеба в с. Зюзино.

Обследован М.Г. Рабиновичем в 1949 г.

Состоял из 2 "крупных" насыпей.

Источник локализации – карта 1951 г. (изображена овальная насыпь без указания высоты).

Интерпертация насыпей как древнерусских курганов остается под вопросом.

Литература и архивные материалы: Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10 000. М., 1951; Рабинович, 1949.

97. ЗЮЗИНО-1, СЕЛИЩЕ. XIII (?) – XIV–XVII (XVIII?) вв.

Сохранилось ?

Современный адрес: Перекопская ул., д. 14, корп. 1 и д. 7, корп. 1, в 50–100 к северу и востоку от церкви Бориса и Глеба, у флигеля усадьбы Бекетовых, на правом берегу р. Котловки, правого притока Москва-реки, в 600 м от ее русла, на высоте 30 над рекой (абсолютные отметки 186–190 м).

Обследовано в 1972–1973 гг. сотрудниками Музея истории Москвы.

При наблюдениях за строительными работами под слоем балласта толщиной 0,5 м зафиксирована прослойка темного культурного слоя, содержавшая керамику красную грубую с волной под венчиком и красную гладкую XV–XVI вв., белоглиняную гладкую конца XVI–XVII в., мореную и чернолощеную XVII–XVIII вв. К юго-западу от церкви был найден железный лемех плуга. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 24675/1015, 1016).

Селище идентифицируется с с. Зюзино (Борисовское), которое в конце XV в. принадлежало Андрею Зюзе Шетневу.

В инвентарных книгах музея керамика из наблюдений в Зюзине атрибутирована как керамика "курганного типа". В паспорте, составленном Н.С. Шеляпиной, упоминаются единичные экземпляры серой керамики "времени курганов". А.Г. Векслер, видевший коллекцию полностью (?), датировал селище XII–XIII вв. Сохранившиеся в музее экземпляры керамики указывают на более позднюю дату, а именно не ранее середины XIV в. Топография селища нетипична для древнерусских поселений XII–XIII вв.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1980. С. 116; Паспорт 1973 г.

98. ЗЮЗИНО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Зюзино-1, по М.Г. Рабиновичу).

Не сохранился.

Современный адрес: в районе д. 48, корп. 1 по Болотниковской ул., на правом берегу р. Котловки, правого притока Москвы-реки, в 550 м к северо-северо-востоку от церкви Бориса и Глеба в Зюзине, на расстоянии 250 м от реки, на высоте 16–20 м над уровнем воды (абсолютные отметки 170–174 м), в 60 (?) м к юго-востоку от курганной группы Зюзино-2 (по глазомерному плану М.Г. Рабиновича).

Старый адрес: в 250 м к северо-востоку от северного края с. Зюзино, на поле, на месте сведенного леса.

Изображен на картах 1848 и 1951 гг.

Исследован в 1949 г. М.Г. Рабиновичем и Г.П. Смирновой (раскопано 4 ? насыпи), в 1969 г. место могильника обследовано А.А. Юшко.

Состоял из 9 насыпей полусферической формы высотой 0,5–2,3 м, диаметром 6,5–15 м Насыпи окружены ровиками. По плану М.Г. Рабиновича, эти курганы составляют часть могильника Зюзино-1 (насыпи № 14–22).

Самый большой курган (№ 18) был использован в 1941 г. для сооружения огневой точки, на его вершине был врыт металлический колпак.

Найдены 4 погребения (в каждом кургане по одному) по обряду трупоположение на горизонте, костяки вытянуты на спине, головой на запад, юго-запад. Имеются гвозди, возможно, от гробов. В насыпях встречены угольки. Погребальный инвентарь представлен следующими находками: в кургане № 16 – горшок, кресало овальной формы, витой медный перстень, железный серп, специально погнутый; в кургане № 15 – горшок, витой и решетчатый перстни, витые медные браслеты 2 × 3 и тройной, сердоликовые бусины, три семилопастных кольца; в кургане № 21 – медное поясное кольцо и железный нож; в кургане № 17 – костяк без вещей.

Возможно, в 1950 г. продолжались раскопки курганной группы, но из-за отсутствия в отчете общего плана раскопанных курганов нельзя понять, в какой именно группе, Зюзино-1 или Зюзино-2, велись раскопки этого года. Нужно отметить, что в отчетах М.Г. Рабиновича имеются ошибки, например, фотография одного и того же развала горшка в отчете 1949 г. аннотирована как "горшок из кургана № III, Зюзино", а в отчете 1950 г. – как "Черемушки, горшок из кургана № 14".

Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 7387).

Литература и архивные материалы: Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10 000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; Рабинович, 1949, 1950, 1951. С. 60, 62; Равдина, 1968. С. 140–141; Юшко, 1969.

99. ЗЮЗИНО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Зюзино-1, по М.Г. Рабиновичу).

Не сохранился.

Современный адрес: примерно Болотниковская ул., д. 52, корп. 3, на правом берегу р. Котловки, правого притока Москвы-реки, в 650 м к северо-северо-востоку от церкви Бориса и Глеба в Зюзине, в 200 м от русла, на высоте 12–14 м над водой (абсолютные отметки 166–168 м), в 60 м к северо-северо-западу от могильника Зюзино-1 (№ 98).

Старый адрес: примерно в 300 м к северо-востоку от северного края с. Зюзино, на поле, на месте сведенного леса.

Исследовался в 1949 и 1950 гг. М.Г. Рабиновичем и Г.П. Смирновой при участии В.И. Качановой, Р.Л. Розенфельдта, Г.Б. Федорова (раскопано 9 насыпей); в 1969 г. место могильника осмотрено А.А. Юшко.

Состоял из 13 насыпей уплощенной формы, искаженной распашкой, высотой 0,28–1,4 м, диаметром 7–11,5 м, насыпи окружены ровиками (по плану М.Г. Рабиновича, эти курганы составляют часть могильника Зюзино-1, насыпи № 1–13).

Найдены погребения (всего 12) по обряду трупоположения, костяки вытянуты на спине, на горизонте, головой на запад, юго-запад и северо-запад, одно парное и два впускных (?). Имеются гвозди и следы от гробов, в насыпях встречены угольки. Обильные вещами женские погребения встречены в курганах № 7 (витая 2 × 3 медная гривна с плоскими незамкнутыми концами, сердоликовая бипирамидальная и хрустальная шарообразная бусины, четыре семилопастных височных кольца позднего типа с секировидными лопастями и боковыми колечками, пластинчатый и витой браслеты, пластинчатый широкосрединный перстень), № 8 (четыре семилопастных кольца позднего типа с секировидными лопастями и боковыми колечками, на лопасти двух колец нанесен орнамент: крест с перечеркнутыми концами, свастики, "книжный", серебряная витая загнутоконечная гривна, витой медный браслет 2 × 3), № 9 (витой и пластинчатый браслеты, два семилопастных кольца, пластинчатый и решетчатый перстни), № 10 в погребении № 1 (четыре семилопастных кольца, бусы зонная из голубого стекла и сердоликовая, витой медный 2 × 3 и пластинчатый браслеты, шесть перстней: решетчатый и двузигзаговый литой, пластинчатый широкосрединный, ложновитой, квадратносрединный), № 10, в погребении № 2 (два семилопастных кольца, ожерелье из бус: четыре бипирамидальных сердоликовых, четыре хрустальных шарообразных, одна зонная стеклянная, четыре "рыбовидные" зеленые, витой браслет, три пластинчатых широкосрединных перстня). В парном погребении кургана № 11 – лишь рубчатый перстень возле черепа, в кургане № 12 – погребение без вещей с каменным крестиком на шее (в этом же кургане впускное погребение собаки). В курганах № 5, 6, 13 – погребения без вещей. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 7387, 24678).

Литература и архивные материалы: Паспорт 1949 г.; Рабинович, 1949, 1950, 1951. С. 60, 62; Равдина, 1968. С. 140; Юшко, 1969.

100. ВОЛХОНКА-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. Возраст не установлен (Волконковский, по М.А. Саблину и О.Н. Бадеру).

Не сохранился?

Современный адрес: примерно в районе д. 7 и 9 по Азовской ул., на склоне правого берега оврага правого притока р. Котловки, на расстоянии 30–80 м от тальвега оврага, в 900 м от реки, на высоте 9–11 м над ручьем, 30 м над рекой (абсолютные отметки около 174–176 м).

Старый адрес: в роще, с западной стороны проселочной дороги, в 1300 м к востоку от церкви Бориса и Глеба в с. Зюзино, в 1000 м к северо-западу от д. Малое Изютино (Волхонка, Волконское).

Изображен на картах 1838 и 1848 гг. как две группы, отстоящие друг от друга на 50–80 м (возможно, это два памятника). На карте 1838 г. в северной группе, стоящей на самой бровке берега, отмечено 7 курганов, а в южной на склоне холма – 9 насыпей. На карте 1848 г. показано по 2 кургана в каждой группе.

Судя по карте 1951 г., местность была застроена к тому времени домами поселка им. Сталина.

Возможно, упомянут в списке 1878 г. ("2 кургана в старой роще, в пашне в наделе крестьян с. Зюзина, к д. Волхонке. По Серпуховскому шоссе с д. Волхонки в 1 версте от шоссе").

Состоял из 16 насыпей.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147; Карта Шуберта; План... 1838 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах...1878 г.

101. УЗКОЕ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Деревлевский, по Р.Л. Розенфельдту).

Сохранился.

Современный адрес: между д. 20, 22 и 24 по ул. Академика Капицы, возле отделения связи № 647 (д. 20), в микророщице, в 170 м к северу от дороги в Узкое, в 600 м к востоку от Профсоюзной ул., на склоне левого берега оврага, являющегося одним из истоков р. Чертановки, левого притока р. Сухая Городенка, в 230 м от ручья, на высоте 18 м над водой (абсолютная отметка 228 м).

Старый адрес: в 1 км к западу-северо-западу от усадьбы Узкое, 1 км к юго-юго-востоку от с. Коньково, 2 км к югу от д. Деревлево.

Изображены на карте 1826 г.

Обследованы в 1975 г. Р.Л. Розенфельдтом, в 1992, 1994 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским. Возможно, упомянуты в списке 1878 г. ("4 кургана на земле крестьян с Коньково в даче Заполоски по Ст. Калужской дороге 150 саж. от дороги" или "2 кургана на земле Удельного ведомства при с. Конькове в даче Большая роща по Ст. Калужской дороге в 1 в. от дороги"). Идентификация курганов с "Деревлевскими", предложенная Р.Л. Розенфельдтом, вероятно, ошибочна.

Состоял из 8 (?) насыпей (по данным карты 1826 г.). В настоящее время состоит из 2 (4?) насыпей уплощенной формы высотой 0,5 м, диаметром 5–7 м. В курганах – ямы до 0,2 м глубиной, 2 насыпи наполовину срезаны.

Литература и архивные материалы: Карта 1826 г.; Кренке, 2000; Паспорт 1975 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах...1878 г.

102. КОНЬКОВО-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", квартал 8, выдел 13, в 0,7 км к востоку от д. 45, корп. 1 по ул. Островитянова, на водоразделе между оврагом Каневским (назв. по карте 1848 г.) и верховьем р. Чертановки, на ее левом берегу, в лесу, с южной стороны парковой дороги, ведущей на восток от ул. Островитянова и троллейбусной остановки, в 200 м от края леса, на расстоянии 300 м от реки, на высоте 20 м над уровнем воды (абсолютная отметка 211 м), в 450 м к юго-западу от селища Коньково-1 (№ 103).

Старый адрес: 1800 м к юго-востоку от церкви Троицы в с. Коньково, в урочище Круглая роща.

Исследован Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским в 1991 и 1994 гг. Возможно, упомянут в списке 1878 г. ("2 кургана на земле Удельного ведомства при с. Конькове в даче Большая роща по Ст. Калужской дороге в 1 в. от дороги").

Состоит из 2 насыпей. Одна из них слитная пятивершинная, высотой 1,5 м, диаметром 16 м, с ямой в центре, другая – уплощенная, сильно изрытая, высотой 0,8 м, диаметром 18 м, насыпи окружены ровиками.

На карте 1826 г. изображено 15 мелких окружностей (курганов?) с восточной стороны дороги, ведущей из с. Коньково в с. Узкое, на водоразделе между р. Чертановкой и оврагом Каневским. Судя по карте, эти курганы показаны метрах в 300 к западу от существующих двух курганов Коньково-5, но нельзя исключить того, что это один и тот же памятник, так как карта 1826 г. с сильными искажениями координат.

Литература и архивные материалы: Карта 1826 г.; Кренке, 2000; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995.

103. КОНЬКОВО-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIII (?), XV–XVI, XIX–XX вв.

Сохранилось.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", в 0,6 км к востоку от д. 45, корп. 1 по ул. Островитянова, на бровке надпойменной террасы левого берега ручья (оврага Каневский, по карте 1848 г., Каменный, по карте 1951 г.), левого притока р. Чертановки, в 375 м от его слияния с р. Чертановкой, возле разрушенного моста, в 20–60 м от русла ручья, на высоте 5–7 м над водой (абсолютные отметки 190–192 м).

Обследовано С.С. Ширинским в 1982 г., Н.А. Кренке и С.С. Ширинским – в 1992 г., Н.А. Кренке, П.В. Медведевым, В.А. Низовцевым, В.В. Петровым – в 1999 г.

Размеры 300 × 50 м, культурный слой толщиной от 0,2 до 0,7 м (на бровке), бурый и темно-бурый суглинок. На северо-западной окраине, на правом берегу овражка, впадающего в ручей, найдены стенки керамики курганного или серого типа с линейным орнаментом и включениями дресвы. В восточной части селища найдены венчики красноглиняных гладких горшков XV–XVI вв., поливные горшки XIX в., фарфор, стекло. Территория селища занята поляной и кустарником.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995.

104. ЗЮЗИНО-6, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Зюзинский, по О.Н. Бадеру, Узковский, по И.К. Цветковой, Зюзино-2, по А.А. Коновалову).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", в липово-дубовом лесу, квартал 6, выдел 8, в 1550 м к югу от круга на перекрестке Балаклавского и Севастопольского пр., в 2800 м к юго-юго-западу от церкви Бориса и Глеба в Зюзине, в 30 м к югу от широтной просеки, в 80 м к юго-востоку от ее пересечения с меридиональной – дорога Зюзино – Узкое, на правом берегу ручья, левого притока р. Чертановки, на расстоянии 220 м от ручья, на высоте 16 м над водой (абсолютная отметка 19 м).

Старый адрес: в 1700 м к юго-юго-западу от южного края с. Зюзино, в 2000 м к северо-востоку от усадьбы Узкое.

Изображен на картах 1951 и 1974 гг.

Обследован в 1939 г. И.К. Цветковой, в 1966 г. – А.А. Коноваловым (раскопано 3 кургана), в 1991, 1994 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоял из 9 насыпей полусферической формы высотой 0,7–1,5 м, диаметром 9–15 м, насыпи окружены ровиками. Сейчас сохранились 7 курганов (из них 5 – с ямами в центре глубиной 0,7–1 м) и остатки (сегменты) 2 раскопанных на снос насыпей.

При раскопках 1966 г. были найдено одно погребение в яме глубиной 0,2 м, вещей не обнаружено.

О.Н. Бадер предполагал, что данные курганы могут быть отождествлены с отмеченными в списке 1878 г. ("5 курганов в Грачах Зюзинской волости, на земле г. Балашевых в его даче Грачах при с. Зюзине, по Черемушкинскому шоссе и в 2 в. Серпуховское ш. через д. Волхонку").

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147; Карточка Бадера; Коновалов, 1966; Кренке, 2000; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Москва: Топографическая карта. М 1 : 5000. Изд. 1974 г.; Паспорт 1949 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах...1878 г.

105. ЗЮЗИНО-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Зюзинский-1, по А.А. Коновалову).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", в березовом лесу, квартал 3, выдел 7, в 400 м к юго-юго-востоку от круга на пересечении Балаклавского и Севастопольского пр., в 1800 м к юго-юго-западу от церкви Бориса и Глеба в Зюзине, на склоне левого берега оврага, левого притока ручья, левого притока р. Чертановки, в 350 м от русла, на высоте 19 м над водой (абсолютная отметка 214 м).

Старый адрес: в 900 м юго-юго-западу от южного края с. Зюзино, 2800 м к северо-востоку от с. Узкое.

Изображен на карте 1935 г. (3 кургана).

Обследован в 1966 г. А.А. Коновáловым (раскопано 2 кургана), в 1969 г. – А.А. Юшко, в 1992, 1994 г. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоял из 4 насыпей упрощенной формы высотой 0,5–1,1 м, диаметром 9–12 м, имеются ровики. Сохранилось 2 целых насыпи, одна из которых имеет в центре яму глубиной 0,6 м. Следы 2 раскопанных на снос курганов прослеживаются отчетливо в виде кольцевых валиков (отвалы) и сегментов насыпей, сохранившихся после раскопок.

Найдены погребения по обряду трупоположения.

В отчете А.А. Коновалова на плане один из раскопанных курганов (№ 2) отмечен неверно. Реально раскопан курган, располагающийся с западу от кургана № 2, по плану А.А. Коновалова.

С юга к курганам примыкает средневековый (?) пруд, имеющий обваловку с трех сторон.

Коллекция хранится на кафедре археологии Исторического факультета МГУ.

Литература и архивные материалы: Коновалов, 1966; Кренке, 2000; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1935 г. Л. В-III-5; Юшко, 1969.

106. ЗЮЗИНО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Зюзино-2, по М.Г. Рабиновичу и Г.П. Смирновой).

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 52 и 56 по Балаклавскому пр., в 150 м к востоку от круга на пересечении Балаклавского и Севастопольского пр., на водораздельной возвышенности между верховьями рек Котловки и Чертановки, в 1300 м к юго-юго-востоку от церкви Бориса и Глеба в Зюзине, в 400 м от верховьев ручья левого притока р. Чертановки, в 16 м над водой (абсолютная отметка 217 м).

Старый адрес: в 100 (150) м к юго-западу от с. Зюзино, на поле, у дороги в Деревлево.

Изображен (?) на карте 1951 г.

Обследован в 1949 г. М.Г. Рабиновичем (отметил 7 курганов) и Г.П. Смирновой (отметила 11 курганов).

Состоял из 11 насыпей, из которых 6 были испорчены траншеей 1941 г., 5 (2?) были сохранны в 1949 г., имели высоту 1,2–2,3 м, диаметр 8–15 м. Выделялся размерами один большой курган.

Литература и архивные материалы: Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10 000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; Рабинович, 1949.

107. УЗКОЕ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Чертановский-10, по А.Г. Векслеру).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", в лесу (урочище Дубинкинский лес, по карте 1951 г.), квартал 9, выдел 7, в 1,5 км к востоку-северо-востоку от церкви Казанской Божией Матери в с. Узкое, на водораздельной гряде, разделяющей р. Чертановку и ее правый приток овраг Усков (название по карте 1848 г.), на правом берегу р. Чертановки, в 10 м к востоку от меридиональной просеки, в 10 м к северу от края поляны и в 20 м к северу от прудика на поляне, в 350 м от оврага Усков, 400 м от р. Чертановки, на высоте 16 –17 над водой (абсолютная отметка 202 м), в 190 м к юго-западу от могильника Узкое-3 (№ 108).

Старый адрес: 1250 м к северо-востоку от с. Узкое, 3800 м к западу от д. Чертаново.

Исследован в 1982 г. А.Г. Векслером и С.С. Ширинским, в 1991, 1994 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоял из 2 насыпей полусферической уплощенной формы высотой 0,8–0,9 м, диаметром 8–12 м. Сохранился один курган с ямой в центре глубиной около 0,4 м, на поле этой насыпи растет сосна. Насыпь раскопанного в 1982 г. кургана сохранилась частично в виде двух сегментов, так как раскопки велись траншеями.

Раскопками 1982 г. была исследована часть насыпи, центральный участок которой был испорчен свежей грабительской ямой. Найдены два фрагмента семилопастных височных колец позднего облика с боковыми колечками, орнаментом 2-го варианта, по Т.В. Равдиной, фрагмент медного решетчатого перстня, хрустальная шарообразная бусина, гвозди от гробовища. Костей и керамики не зафиксировано. По предположению А.Г. Векслера, в кургане было погребение, совершенное по обряду трупоположение на горизонте.

Коллекция хранится в Музее истории Москвы.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1982; Кренке, 2000; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995.

108. УЗКОЕ-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Чертановский-9, по А.Г. Векслеру).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", квартал 9, выдел 14, в 1,2 км к востоку от Севастопольского пр., в 1700 м к востоку-северо-востоку от церкви Казанской Божией Матери в с. Узкое, на водораздельной гряде, разделяющей р. Чертановку и ее правый приток овраг Усков (название по карте 1848 г.), на правом берегу р. Чертановки, в 40 м к северу от широтной просеки, в 100 м к западу от меридиональной просеки, в 100 м к северо-западу от бетонного кургана-бункера на поляне, в 250 м от русла Чертановки, в 350 м от днища оврага Усков, в 16–17 м над водой (абсолютная отметка 202 м), в 200 м к северо-западу от могильника Узкое-2 (№ 107) и в 45 м к западу-северо-западу от могильника Узкое-4 (№ 109).

Изображен на карте 1958 г. (в виде удлиненной насыпи).

Обследован в 1982 г. А.Г. Векслером и С.С. Ширинским, в 1991, 1994 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоит из 3 насыпей уплощенной формы (сегмент сферы) высотой 0,3–1,2 м, диаметром 5–13 м, насыпи окружены ровиками. Все насыпи имеют ямы в верхней части диаметром 1–3 м, в двух меньших курганах ямы, вероятно, нарушили погребения.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1982 ; Кренке, 2000; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1958 г. Л. В-V-4.

109. УЗКОЕ-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Чертановский-8, по А.Г. Векслеру).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", квартал 9, выдел 14, в 1240 м к востоку от Севастопольского пр., в 1750 м к востоку-северо-востоку от церкви Казанской Божией Матери в с. Узкое, на водораздельной гряде, разделяющей р. Чертановку и ее правый приток овраг Усков (название по карте 1848 г.), на правом берегу р. Чертановки, в 15 м к северу от широтной просеки, в 40 м от меридиональной просеки, в 35 м к северо-западу от бетонного кургана-бункера на поляне, в 280 м от реки и в 300 м от днища оврага Усков, на высоте 16 м над водой

(абсолютная отметка 201 м), в 45 м к востоку-юго-востоку от могильника Узкое-3 (№ 108).

Изображен на карте 1958 г. (1 насыпь).

Обследован в 1982 г. А.Г. Векслером и С.С. Ширинским, в 1991, 1994 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоит из 2 насыпей уплощенной полусферической формы высотой 0,4–1 м, диаметром 7,5–12 м, насыпи окружены ровиками, большой курган имеет яму в верхней части.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1982; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1958 г. Л. B-V-4.

110. УЗКОЕ-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.(Чертановский-7, по А.Г. Векслеру).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", в липово-дубово-березовом лесу, квартал 10, выдел 3, в 1,4 км к востоку от Севастопольского пр., в 1900 м к востоку-северо-востоку от церкви Казанской Божией Матери в с. Узкое, на водораздельной гряде, разделяющей р. Чертановку и ее правый приток овраг Усков (название по карте 1848 г.), на правом берегу р. Чертановки, в 10 м к югу от широтной просеки, в 150 м к востоку от меридиональной просеки, в 165 м к востоку от бетонного кургана-бункера на поляне, в 200 м от русла реки, в 300 м от днища оврага Усков, в 14 м над водой (абсолютная отметка 195 м), в 200 м к востоку от могильника Узкое-4 (№ 109).

Изображен на карте 1957 г. (1 насыпь).

Обследован в 1982 г. А.Г. Векслером и С.С. Ширинским, в 1991, 1994 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоит из 3 насыпей полусферической формы высотой 1,0–1,8 м, диаметром 8–15 м, насыпи окружены ровиками, во всех курганах имеются ямы в верхней части размером до 1 × 2 м, в большем кургане – траншея, соединяющая яму с восточной полой насыпи. В двух меньших насыпях ямы, вероятно, разрушили погребения.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1982; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1957 г. Л. B-V-5.

111. УЗКОЕ-6, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв. (Узковский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: точно не локализован, в 200–300 (?) м к востоку или северо-востоку от усадьбы Узкое, примерно между ул. Тютчевская аллея и Севастопольским пр., на склоне водораздельной возвышенности между отвершками верховий оврага Усков (название по карте 1848 г.)

Старый адрес: с. Узкое.

Известен по списку 1878 г. ("1 курган безымянный на усадебной земле крестьянина села Ускова, по Ст. Калужской дороге, в расстоянии от оной в 2 верстах").

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

112. ЧЕРТАНОВО-9, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Чертановский-6, по А.Г. Векслеру).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", в березовом лесу, квартал 11, выдел 8, в 0,5 км к западу от д. 25, корп. 1 по Сумскому пр., на склоне правого берега р. Чертановки, в 70 м к востоку от края леса, в 180 м от русла реки, на высоте 17 м над водой (абсолютная отметка 178 м), в 400 м к юго-западу от селища Чертаново-1 (№ 113).

Старый адрес: в 2,2 км к западу от южного края д. Чертаново, в 2,7 км к востоку-северо-востоку от с. Узкое.

Обследован в 1982 г. А.Г. Векслером, в 1991, 1994 гг. – Н.А. Кренке, Б.Е. Янишевским.

Состоит из 3 насыпей уплощенной формы высотой 0,3–0,5 м, диаметром 8–10 м, насыпи окружены ровиками, курганы не имеют видимых нарушений.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1982; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995.

113. ЧЕРТАНОВО-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIII, XIV (?), XV–XVII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 160 м к западу от д. 21, корп. 1 по Сумскому пр., на лугу (пустыре), на правом берегу р. Чертановки, на мысу при впадении ручья, ее правого притока, на левом берегу ручья, на расстоянии 20 м, на высоте 8–10 м над уровнем воды (абсолютные отметки 167–170 м), в 400 м к востоку-северо-востоку от могильника Чертаново-9 (№ 112).

Обследовано в 1980-е гг. С.С. Ширинским, в 1992 г. – Н.А. Кренке, в 1999 г. – Н.А. Кренке и В.В. Петровым. Размеры 100 × 100 м, частично распахивается под огороды. Культурный слой представляет собой однородный бурый суглинок (пахотный слой) толщиной 0,2–0,4 м.

С.С. Ширинским найдена половина семилопастного височного кольца XII в. В 1999 г. собран подъемный материал, включавший керамику типа серой (венчик и стенки с линейным орнаментом), красноглиняную гладкую, белоглиняную гладкую.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995.

114. ЧЕРТАНОВО-7, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 17, корп. 1 и д. 19 по Сумскому пр., на склоне правого берега р. Чертановки, в 100 м к востоку от оврага, правого притока р. Чертановки, на его правом берегу, в 110 м от реки, на высоте 10 м над уровнем воды (абсолютная отметка 169 м).

Старый адрес: в 1550 м к западу от Серпуховского ш. и д. Чертаново.

Изображен на картах 1826, 1848 и 1951 гг.

Состоял из 2 насыпей (на карте 1826 г. – 2 насыпи по обеим сторонам полевой дороги, на карте 1838 г. показан 1 курган, на карте 1951 г. – 1 насыпь в кустах на поле).

Могильник упомянут О.Н. Бадером, отметившим его по карте, но номер ему присвоен не был.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147; Карта 1826 г.; Карта Шуберта; Москва

и окрестности: Топографическая карта. М 1:10 000. М., 1951.

115. ЧЕРТАНОВО-8, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Чертановский-6, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 8 и 8 а по Чертановской ул., на правом берегу р. Чертановки, в 280 м от реки, на высоте 13–15 над водой (абсолютные отметки 172–175 м).

Старый адрес: в 1200 м к западу от д. Чертаново, в урочище "среднее поле".

Изображен на картах 1826, 1848 (1852) гг.

Сведения о могильнике получены О.Н. Бадером от местных жителей.

Состоял из 6 насыпей (по данным карты 1826 г.), на карте 1848 г. показано 4 насыпи и имеется надпись "курганы".

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147; Карта 1826 г.; Карта Шуберта.

116. ЧЕРТАНОВО-6, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Чертановский-5, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,1 км к юго-западу от д. 7 г в микрорайоне Северное Чертаново, в 250 м к востоку от южного края ипподрома "Битца", в 900 м к западу от пересечения Чертановской ул. и Сумского пр., на левом берегу р. Чертановки, в 240 м от реки, на высоте 17–18 м над водой (абсолютная отметка 178 м), в 80 м к западу от могильника Чертаново-5 (№ 117).

Старый адрес: на поле, в 2 км к западу от д. Чертаново.

Изображен на картах 1936 г. (3 кургана), 1951 г. (2 кургана).

Исследован в 1937 г. С. Успенским, в 1953 г. – Г.П. Латышевой (раскопан 1 курган).

Состоял из 3 насыпей полусферической формы (№ 10–12, по плану О.Н. Бадера) высотой 1,3 м, диаметром 8 м.

Раскопана самая северная в группе насыпь (№ 10, по плану О.Н. Бадера, № 1, по плану Г.П. Латышевой), в которой прослежено плохо сохранившееся погребение, совершенное по обряду трупоположение на горизонте, костяк вытянут на спине, головой на юго-юго-запад, рядом с ним скопление углей, вещевых находок не было.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147; Карточка Бадера; Латышева, 1953. С. 23–28; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1936 г. Л. B-IV-5; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10 000. М., 1951.

117. ЧЕРТАНОВО-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII (?)–XIII вв. (Чертановский-5, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: возле д. 7 г в микрорайоне Северное Чертаново, в 350 м к западу от южного края ипподрома "Битца", в 800 м к западу от пересечения Чертановской ул. и Сумского пр., на левом берегу р. Чертановки, в 180 м от русла, на высоте 12–15 м над водой (абсолютные отметки 172–175 м), в 80 м к востоку от могильника Чертаново-6 (№ 116), в 350 м к юго-юго-западу от могильника Чертаново-4 (№ 118).

Старый адрес: располагался на поле, в 1900 м к западу от д. Чертаново.

Изображен на картах 1936 г. (3 кургана), 1951 г. (2 кургана).

Исследован в 1937 г. С. Успенским, в 1953 г. – Г.П. Латышевой. Возможно, именно эти 3 кургана раскопал в 1923 г. В.А. Городцов.

Состоял из 3 насыпей (№ 7–9, по плану О.Н. Бадера) полусферической формы высотой 1–1,3 м, диаметром 7–9 м. К 1937 г. все насыпи имели следы раскопок колодцем (?) или кладоискательские ямы в центре. Результаты раскопок В.А. Городцова представлены в описании могильника Чертаново-1 (№ 121).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147; Городцов, 1923; Карточка Бадера; Латышева, 1953; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1936 г. Л. B-IV-5; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000, М., 1951.

118. ЧЕРТАНОВО-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, XII–XIII вв. (Чертановский-4, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: микрорайон Северное Чертаново, корп. 605, в 0,7 км к югу от Балаклавского пр., в 300 м к востоку от ипподрома "Битца", на левом берегу р. Чертановки, в 300 м от русла, на высоте 18–21 м от воды (абсолютные отметки 175–178 м), в 350 м северо-северо-востоку от могильника Чертаново-5 (№ 117).

Старый адрес: на поле, в 1800 м к западу от д. Чертаново, 1300 м к западу от старой трассы Серпуховского ш.

Изображен на картах 1826 г. (11 курганов), 1838 г. (5 курганов), 1848 г. (3 кургана), 1936 г. (4 кургана) 1951 г. (3 кургана), 1978 г. (1 курган).

Исследован в 1934 г. О.Н. Бадером, в 1937 г. – С. Успенским, в 1953 и 1956 гг. – Г.П. Латышевой, при участии Д.А. Авдусина, М.Г. Рабиновича (раскопано 3 кургана и одна курганоподобная насыпь, оказавшаяся поздней кучей?), в 1991 г. – Н.А. Кренке (осмотр места могильника). Возможно, упомянут в списке 1878 г. ("6 курганов на земле крестьян д. Чертановой, по Серпуховскому шоссе, на расстоянии 1,5 в. от шоссе").

Состоял из 6 (11?) насыпей полусферической и уплощенной формы высотой 0,5–2,8 м, диаметром 6–17 м. По плану О.Н. Бадера (карточка), насыпи были вытянуты в цепочку. Причем одна насыпь (№ 2) была сильно распахана, ее высота равнялась всего 0,5 м. В 1953 г. Г.П. Латышева уже ее не заметила. В 1934 г. курган № 1 (самый северный) имел следы старых раскопок колодцем, в трех других (№ 4–6) имелись старые и свежие кладоискательские ямы. В 1953 г. яма раскопок колодцем отмечена и в кургане № 3 (нумерация по плану О.Н. Бадера).

Найдены 5 погребений по обряду трупоположения на горизонте, в яме и в насыпи, вытянуты на спине, головой на запад и юго-запад. В насыпях найдены угольки, черепки поздней чернолощеной керамики, желуди и листья в норах.

В кургане № 4 (№ 1, по Г.П. Латышевой) – 2 погребения, основное и вводное, без вещей, в основном – следы гробовища-колоды. В кургане № 6 (№ 3, по Г.П. Латышевой) прослежены остатки могильной ямы глубиной 0,2 м от уровня погребенного дерна, раскопанной ранее колодцем и не содержавшей каких-либо находок, в насыпи найдено днище курганного горшка с клеймом.

В кургане № 3 (№ 4, по Г.П. Латышевой), раскопанном в 1956 г., обнаружено впускное детское захоронение с остатками гробика и основное женское погребение в яме глубиной 0,7 м, в гробу, скрепленном коваными гвоздями, на подстилке из бересты, костяк вытянут на спине, головой на юго-запад, руки согнуты в локтях с кистями на груди. Среди погребального инвентаря шесть серебряных семилопастных височных колец, два из которых имели на лопастях орнамент в виде ромба, перечеркнутого косым крестом, в районе висков, две трехбусинные серебряные серьги из сканной проволоки и зерни, шейная гривна загнутоконечная, витая, из медной проволоки, с перевитьем из сканной серебряной проволоки, 20 хрустальных шарообразных и 13 бипирамидальных сердоликовых бус, перстни серебряные с изображением птицы, с каменной вставкой, медные плетеный и ложновитые, медные витые браслеты четверной и 2 × 4, обрывок шелковой ткани, с вышивкой золотой нитью. Дата – начало XIII в., по Г.П. Латышевой. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 24678).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 146; Карта 1826 г.; Карта 1838 г.; Карта Шуберта; Латышева, 1953, 1956; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1936 г. Л. В-IV-5; Москва: Топографическая карта. М 1:25000. Изд. 1978 г. Л. Р-46-84 А-а; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Рабинович, Латышева, 1961. С. 37–39; Сведения о курганах... 1878 г.

119. ЧЕРТАНОВО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (3-й Чертановский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 16, корп. 1 и д. 20 корп. 1 по Балаклавскому пр., на месте проезжей части Балаклавского пр., в 150 м от его пересечения с Симферопольским б-ром, на левом берегу левого притока р. Чертановки, в 300 м от воды, на высоте 18–20 м (абсолютная отметка 174 м), в 600 м к юго-западу от могильника Чертаново-2 (№ 120).

Старый адрес: на поле, в 1200 м к западу-северо-западу от д. Чертаново, 1000 м к юго-западу от южного конца д. Волхонка.

Изображен на картах 1848 и 1951 гг.

Исследовался в 1934 г. О.Н. Бадером.

Состоял из 1 насыпи полусферической формы высотой 1,9 м, диаметром 10 м, на момент обследования был нарушен узкими кладоискательскими ямами, возможно, не затронувшими погребения. Схема расположения приведена в отчете Г.П. Латышевой за 1953 г.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 146; Карта Шуберта; Латышева, 1953; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951.

120. ЧЕРТАНОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (2-й Чертановский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: Симферопольский б-р, д. 29, корп. 1–10, в 100–200 м к северо-востоку от пересечения Симферопольского и Черноморского б-ров, на левом берегу р. Чертановки на мысу между отвершками оврага ее левого притока, в 150 м от тальвега оврага, в 800 м от русла реки, на высоте 7 м над днищем оврага, 24 м над рекой (абсолютная отметка 173 м), в 600 м к северо-востоку от могильника Чертаново-3 (№ 119).

Старый адрес: на поле, в 1200 м к северо-западу от д. Чертаново, в 400 м юго-западу к от д. Волхонка, в 600 м к западу от новой и в 1000 м от старой трассы Серпуховского ш.

Показан на карте 1951 г.

Исследован в 1934 г. О.Н Бадером. Возможно, включен в список 1878 г. ("2 кургана в старой роще, в пашне в наделе крестьян села Зюзина к деревне Волхонке, по Серпуховскому шоссе с д. Волхонки в 1 версте от шоссе"). Схема расположения группы приведена в отчете Г.П. Латышевой за 1953 г.

Состоял из 2 насыпей высотой 1,5 и 1,6 м, диаметром 8,5 и 11 м, не имевших в 1934 г. значительных повреждений.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 146; Карточка Бадера; Латышева, 1953; Москва и окрестности. Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951.

121. ЧЕРТАНОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (1-й Чертановский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,2 км к юго-востоку от д. 110 по Варшавскому ш., в 0,2 км к югу от д. 93 по Варшавскому ш. (депо метрополитена), в квартале между Варшавским ш., 2-м Варшавским пр. и Павелецкой ж/д, на левом берегу р. Чертановки, в 160 м от русла, на высоте 12–14 м над водой (абсолютные отметки 158–160 м).

Старый адрес: 300 м к северу от северного края д. Чертаново, в 160–200 м к северо-северо-западу от моста Серпуховского ш. через р. Чертановку, в 600 м к западу от д. Котляково, на территории крольчатника, в 60 м к западу от Серпуховского ш.

Изображен на картах 1838 г. (10 насыпей), 1848 г. (3 насыпи).

Исследовался в 1934 г. О.Н. Бадером, в 1908 г., вероятно, Д.Я. Самоквасовым ("раскопано 8 курганов между деревнями Волхонкой и Чертановом"). До 1878 г., возможно, исследовался А.Н. Дунаевым и В.Н. Бензенгром (раскопано 5 курганов) и в 1923 г. – В.А. Городцовым (раскопано 3 кургана). В какой конкретно группе у д. Чертаново велись раскопки 1878 и 1923 гг., установить не удалось.

17 августа 1878 г. на заседании Комитета по подготовке Антропологической выставки В.Н. Бензенгер доложил, "что в 8 верстах от Царицыно, при д. Черепановке (видимо, опечатка и следует читать Чертановке. – *Н.К.*) находится 19 курганов, из коих в присутствии его было разрыто 5 землевладельцем А.Н. Дунаевым. В курганах найдены черепа и скелеты, хотя и не вполне сохранившиеся".

Состоял из 10 (?) курганов, при обследовании 1934 г. выявлено 8 или 9 раскопанных колодцами насыпей кольцеобразной формы высотой 1,0–1,5 м, диаметром 6–12,5 м. Исследования проводились, по словам местных жителей, "профессором из Москвы".

Д.Я. Самоквасовым найдены восемь височных семилопастных колец раннего типа без боковых колечек и с каплевидной формой лопастей, 13 семилопастных колец позднего типа с боковыми колечками и секировидными лопастями, в том числе с "книжным" орнаментом на лопасти, две витые загнутоконечные гривны, витые браслеты, круглые ажурные подвески, решетчатый перстень, хрустальные и сердоликовые бусы. В.А. Городцовым найдены семилопастные височные кольца с боковыми колечками, перстнеобразные и S-образные височные кольца, монетовидные привески, перстни, браслеты, бусы из хрусталя и сердолика.

Коллекция из раскопок Д.Я. Самоквасова (№ 69664, 57851. Оп. 4) и В.А. Городцова (№ 56112. Оп. 457) хранится в ГИМ.

Литература и архивные материалы: Антропологическая выставка. 1878. Т. 2. С. 201–202; Бадер, 1947. С. 146; Городцов, 1924. С. 19; Карта Шуберта; Карточка Бадера; Каталог коллекций В.А. Городцова, 1988. С. 58; Макарова, Равдина, 1992. С. 73; Перечень Д.Я. Самоквасова 1911 г.; Топографическая карта 1838 г.; Щавелев, 1998.

122. КОТЛЯКОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (1-й Котляковский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: 2-й Варшавский пр., 300 м к востоку от Павелецкой ж/д, на территории завода, на левом берегу р. Чертановки, в 460 м от русла, в 21 м над водой (абсолютная отметка 166 м).

Старый адрес: на поле, в 400 м к северо-северо-западу от от западного края д. Котляково, в 630 м к северо-востоку от моста Серпуховского ш. через р. Чертановку.

Изображен на карте 1838 г. (6 или 7 курганов) и 1848 г. (4 кургана).

Вероятно, исследован в 1890 г. А.А. Ивановским, раскопавшим несколько насыпей в могильнике у д. Котляково "в 1,5 в. от Дьякова городища" (данное расстояние или почти в два раза уменьшено, или речь идет о другом памятнике), в 1908 г. – Д.Я. Самоквасовым (раскопал 7 насыпей), в 1949 г. – Б.В. Гиршбергом.

Состоял из 7 или более насыпей высотой 0,5–1,8 м, диаметром 7–22 м.

Найдены погребения по обряду трупоположения. В составе погребального инвентаря семилопастные височные кольца без боковых колечек с каплевидными лопастями и с боковыми колечками с секировидными лопастями, в том числе с растительным орнаментом на щитке, витые браслеты, перстни, гривны, железный серп, керамика. Коллеккция из раскопок Д.Я. Самоквасова у д. Котляково смешана с его же раскопками у "Поповой горы". А.А. Ивановский также нашел семилопастные кольца и керамику.

Археологические коллекции хранятся в ГИМ (№ 54746. Оп. 467 и № 69663. Оп. 217). Антропологические коллекция (2 черепа, переданных В.И. Сизовым в 1890 г.) хранятся в Музее антропологии МГУ (№ 666, 667).

Литература и архивные материалы: Алексеева и др., 1986. С. 116; АИЗ, 1893; Бадер, 1947. С. 145–146; Карта Шуберта; Макарова, Равдина, 1992. С. 75; Паспорт 1949 г.; Перечень Самоквасова 1911 г.; Сизов, 1897, 1897 а; Топографическая карта 1838 г.; Харузин, 1890; Щавелев, 1998. С. 264–265.

123. КОТЛЯКОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (2-й Котляковский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: д. 9 по Промышленной ул., в 150 м к югу от пересечения Деловой и Промышленной улиц, на правом берегу р. Чертановки, в 900 м от реки, на высоте 31 м над водой (абсолютная отметка около 175 м).

Старый адрес: на поле, в 900 м к югу от моста в д. Котляково через р. Чертановку.

Изображен на карте 1848 г. (3 кургана).

Состоял из 3 насыпей.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 146; Карта Шуберта.

124. САБУРОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,4 км к западу-северо-западу от д. 1, корп. 1 по ул. Борисовские пруды, на правом берегу Москвы-реки, в 160 м от русла, на высоте 30–31 м над уровнем воды (абсолютная отметка около 144 м).

Старый адрес: на поле, в 450 м к востоку-юго-востоку от Никольской церкви в с. Сабурово.

Изображен на карте 1848 г. (3 кургана).

Исследован в 1937 г. О.Н. Бадером (раскопал 3 кургана) и Б.А. Рыбаковым. Учтен в списке 1878 г. ("13 курганов Царицынской вол. на земле крестьян с. Сабурова, от ст. Царицыно 4 в., от Каширского тракта 1 в."). В 1990 г. Н.А. Кренке был записан рассказ жителя с. Царицыно П.В. Доценко 1920 г. рожд. о том, как в 1937–1938 гг. "развозили" на лошадях курганы в Сабурово при строительстве завода № 39. "Сровняли штук 8 курганов, находили черепа, кресты наполеоновские и колчаковские".

Состоял из 12 насыпей полусферической формы высотой 1,2–2,2 м, диаметром 5,8–10,1 м. Найден "материал типично вятический" (О.Н. Бадер), погребения по обряду трупоположения, "частью коллективные".

Археологические коллекции хранятся в ГИМ, антропологические (1 череп, № 8538) в Музее антропологии МГУ.

Литература и архивные материалы: Алексеева и др., 1986. С. 133; Бадер, 1947. С. 151; Карта Шуберта; Карточка Бадера; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

125. МАЛОЕ ГОЛУБИНО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Малоголубинский, по О.Н. Бадеру).

Сохранился.

Современный адрес: в 0,1 км к юго-юго-востоку от д. 15 по Вильнюсской ул., в березово-липовой ро-

ще на водораздельной возвышенности, на правом берегу р. Битцы, левого притока р. Пахры, в 200 м к востоку от пруда, в парке усадьбы Малое Голубино, в 10 м к западу от гаражей, в 50 м к северу от березовой аллеи, в 250 м от реки, на высоте 21–22 м над уровнем воды (абсолютная отметка 211 м).

Старый адрес: в 400 м к юго-востоку от усадьбы Малое Голубино.

Исследовался до 1914 г. Салтыковым (раскопан 1 курган), в 1937 г. – О.Н. Бадером, в 1949 г. – А.В. Соколовым, в 1982, 1994 гг. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским. Учтен в списке 1878 г. ("3 кургана на земле помещика Миллера при сельце Мало-Голубине, по Ст. Калужской дороге в расстоянии 2 в. от дороги").

Состоит из 6 насыпей полусферической формы высотой 0,8–1,5 м, диаметром 8–12 м, имеются ровики. Все курганы имеют ямы в вершинах диаметром 2–3 м, глубиной 0,6–0,9 м (в 1937 г. ямы были только в двух курганах). На поверхности двух курганов в 1937 г. найдены известняковые камни с вытесанными гранями.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 147, 148; Карточка Бадера; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Паспорт 1949 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Тепцов и др., 1997.

126. МАЛОЕ ГОЛУБИНО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Малоголубинский-2).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", квартал 1, в дубово-березово-осиновом лесу, в 100 м к северу от МКАД, в 20 м к югу от лесного проселка, в 600 м к югу от пересечения Голубинской и Вильнюсской улиц, 300 м к юго-юго-востоку от д. 15 по Вильнюсской ул., на водоразделе между р. Битцей и ее правым притоком, на правом берегу р. Битцы, в 300 м от русла, на высоте 16–17 м над водой (абсолютная отметка 205 м), в 250 м к юго-юго-востоку от могильника Малое Голубино-1 (№ 125).

Старый адрес: в 820 м к юго-востоку от южного конца д. Малое Голубино, 640 м к западу от южного конца с. Ясенево, 1890 м к западу-юго-западу от церкви Петра и Павла в с. Ясенево.

Исследовался в 1982, 1994 гг. Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоит из 24 насыпей полусферическо-уплощенной формы высотой 0,2–1,0 м, диаметром 3–10 м. Лишь 5 насыпей имеют высоту более 0,6 м, одна из них неправильной вытянутой формы, вероятно, слитная (№ 15, 16). Вокруг более крупных насыпей есть ровики. Возможно, не все насыпи, отмеченные на плане, являются погребальными. С юго-восточной стороны к могильнику примыкают ямы и валообразные всхолмления.

Литература и архивные материалы: Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Тепцов и др., 1997.

127. БОЛЬШОЕ ГОЛУБИНО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Большеголубинский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 19 по Голубинской ул. и д. 22. корп. 2 по Тарусской ул., в 40 м к северу от пересечения Голубинской и Тарусской улиц, на левом берегу р. Битцы, левого притока р. Пахры, в 250 м от реки, на высоте 21–22 м над уровнем воды (абсолютная отметка 209 м), в 500 м к северо-востоку от курганного могильника Малое Голубино-1 (№ 125).

Старый адрес: в рощице на поле, в 160 м к юго-востоку от восточного края д. Большое Голубино.

Исследован в 1937 г. О.Н. Бадером, в 1949 (1950?) г. – А.В. Соколовым, в 1994 г. Н.А. Кренке осмотрено место могильника. Отмечен в списке 1878 г. ("3 кургана на земле крестьян сельца Большого Голубина").

Состоял из 3 насыпей полусферической формы высотой 1,1–1,5 м, диаметром 6–8 м, которые к 1937 г. были уже сильно разрушены. О.Н. Бадер предполагал наличие здесь ранее большего числа курганов.

На карте 1951 г. могильник локализуется как небольшая рощица среди поля.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 148; Карточка Бадера; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

128. ЯСЕНЕВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", в лесу (квартал 15), в 850 м к северо-востоку от пересечения ул. Рокотова и Соловьиного пр. в микрорайоне Ясенево, в 900 м к северо-востоку от д. 1 по ул. Рокотова. На левом берегу оврага правого притока оврага Усков (по карте 1848 г.), впадающего справа в р. Чертановку, в 60 м к востоку от просеки, ориентированной на юго-запад–северо-восток, в 120 м от тальвега ближайшего оврага, в 1000 м от русла оврага Усков, в 10 м над дном ближайшего оврага и в 38 м над ручьем в овраге Усков (абсолютные отметки 218–219 м).

Старый адрес: 1800 м к северо-северо-востоку от северного края с. Ясенево, 1300 м к востоку от восточного края с. Узкое, 1200 м к западу от усадьбы в Красном (по карте 1951 г.).

Изображен на карте 1992 г. (на картах 1935, 1951 гг. курганы обозначены знаком "изрыто").

В 1999 г. исследован Н.А. Кренке.

Состоит из 5 насыпей полусферическо-уплощенной формы высотой 0,8–1,2 м, диаметром 9–16 м. Вокруг насыпей есть ровики. Курганы расположены в двух подгруппах, насчитывающих 2 и 3 насыпи, отстоящих друг от друга на 25 м. Все курганы имеют ямы в центре, две северные насыпи поросли старыми березами и имеют уплощенный верх. С востока к могильнику примыкают посадки ели, сам он находится в пределах сосновых посадок.

Возможно, данный могильник следует отождествить с курганами в лесу Фляжкино (Флянское), упомянутыми в списке 1878 г. ("4 кургана на Фляжкине, на земле помещицы Бутурлиной в лесной даче при с Ясиневе"). В 1937 г. О.Н. Бадер получил от местных жителей информацию о наличии курганов в лесу Флянское, которую он не проверял.

Не исключено также сопоставление с упомянутым в списке 1878 г. курганом "в даче помещицы Бутурлиной, называемой Красновская".

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 148; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1992 г. Л. В-VI-5; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

128 а. ЯСЕНЕВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Сохранился.

Современный адрес: Битцевский парк, в березово-дубовом лесу, в 750 м к северо-востоку от перекрестка ул. Рокотова и Соловьиного пр., на вершине моренного холма (Теплостанская возвышенность), на высоте 60 м над уровнем р. Дубинкиной (абсолютная отметка 230 м), в 1400 м к югу от ее русла, на территории селища XIII–XV вв. Дубинкин лес-1.

Исследован в 2004 г. Н.А. Кренке и О.А. Мурашко.

Состоит из двух насыпей округлой в плане формы высотой около 0,4 м, диаметры насыпей 6 и 7 м. Расстояние между насыпями 3 м. Насыпи окружены ровиками глубиной 0,3–0,6 м. В западной насыпи имеется грабительская яма глубиной 0,9 м, восточная насыпь имеет поздние нарушения в юго-восточной части. На расстоянии 5 м к востоку от восточной насыпи проходит межевой ров лесоустройства XIX в.

Литературных и архивных сведений не имеется.

129. БИРЮЛЕВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Южно-Чертановский).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", квартал 18, выдел 11, в лесу, в 15 м к западу от меридиональной просеки, в 500 м к юго-западу от д. 13, корп. 3 по ул. Красный Маяк, в 1150 м к востоку от станции метро "Битцевский парк", на правом берегу р. Городни, на расстоянии 250 м от русла, на высоте 22–23 м над уровнем воды (абсолютная отметка 205 м), в 35 м к западу от могильника Бирюлево-2 (№ 130).

Старый адрес: в 1350 м к западу от центра д. Бирюлево, в 600 м к югу от быв. усадьбы, 1600 м к востоку от церкви Петра и Павла в с. Ясенево.

Изображен на картах 1974 г., 1932/1987 гг. и 1981 г.

Исследован в 1992, 1994 гг. Н.А. Кренке, Б.Е. Янишевским. Видимо, учтен в списке 1878 г. ("3 кургана на земле помещика Оболенского в угольной роще при сельце Бирюлеве, по Серпуховскому шоссе в расстоянии 1,5 в. от шоссе"). Возможно, обследован кем-то из составителей "Карты Бадера", так как на ней значок курганов точно соответствует их реальному местоположению, хотя сам О.Н. Бадер писал, что сведения о Бирюлевских курганах не проверялись.

Состоит из 4 насыпей полусферической формы высотой 0,5–1,4 м, диаметром 10–20 м, насыпи окружены ровиками. Одна насыпь, самая северная, диаметром 20 м, уплощенная и неправильной формы ("слитная"), видимо, испорчена норами. На планшете 1932 г. эта насыпь имеет диаметр всего 12–14 м. Все насыпи имеют ямы (диаметром 2–3 м, глубиной до 1, 2 м) в вершинах от кладоискательских раскопок, в одном из курганов устроена землянка.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 148; Карта Бадера; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Москва: Топографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Москва: Топографическая карта. М 1:25000. Изд. 1981 г.; Москва и окресности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемки 1932 и 1987 гг. Л. В-VIII-5; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

130. БИРЮЛЕВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Южно-Чертановский).

Сохранился.

Современный адрес: парк "Битцевский лес", квартал 18, выдел 11, в лесу, в 15 м к востоку от меридиональной просеки, 450 м к юго-западу от д. 19, корп. 3 по ул. Красный Маяк, в 1190 м к востоку от станции метро "Битцевский парк", на правом берегу р. Городни, в 240 м от русла, на высоте 21 м над водой (абсолютная отметка 203 м), в 35 м к востоку от могильника Бирюлево-1 (№ 129).

Старый адрес: в 1300 м к западу от центра д. Бирюлево, в 600 м к югу от бывшей усадьбы, в 1650 м от церкви Петра и Павла в с. Ясенево.

Обозначен на картах 1974, 1981, 1987 гг.

В 1992, 1994 гг. исследован Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским. Видимо, учтен в списке 1878 г.

Состоит из 4 насыпей полусферической формы высотой 0,5–1,7 м, диаметром 6–12 м, насыпи окружены ровиками, все имеют ямы в вершинах от кладоискательских раскопок.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 148; Карта Бадера; Кренке, Янишевский, Киселев, 1995; Москва: Топографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Москва: Топографическая карта. М 1:25000. Изд. 1981 г.; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1 : 2000. Съемка 1987 г. Л. В-VIII-5; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

131. КРАСНОЕ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв. (Красновский).

Не сохранился.

Современный адрес: возле северо-западного угла д. 13 а по ул. Красный Маяк, на левом берегу р. Городенки в верховьх отвершка оврага, ее левого притока, в 750 м от русла реки, в 400 м от ручья в овраге, на высоте 20 м над водой (абсолютная отметка 205 м).

Старый адрес: на карте 1951 г. обозначен курган среди поля в 300 м к северу от усадьбы (совхоз) в Бирюлеве, в 600 м к юго-западу от усадьбы в Красном (совхоз "Красный маяк"), в 150 м к западу от аллеи, соединяющей обе усадьбы.

Отмечен в списке 1878 г. ("в даче помещицы Бутурлиной, называемой Красновская, по Серпуховскому шоссе, в расстоянии 3 верст от шоссе").

Состоял из 1 насыпи.

Отождествление кургана, изображенного на карте 1951 г., и кургана, отмеченного в списке 1878 г., – предположительное.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 148; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

132. ПОКРОВСКОЕ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 2, корп. 1 и д. 6, корп. 1 по ул. Подольских курсантов (быв. 2-й Дорожный пр.), в 300 м к востоку-юго-востоку от перекрестка Варшавского ш. с ул. Подольских курсан-

тов, на левом берегу р. Городенки, в 500 м от русла, на высоте примерно 20 м над водой (абсолютная отметка около 174 м).

Старый адрес: 1100 м к северо-западу от церкви Покрова Богородицы в с. Покровское, 600 м к северо-востоку от моста Серпуховского ш. через р. Городенку.

Изображен на картах 1848/1852 гг. (3 кургана).

Упомянут в списке 1878 г. ("3 кургана на земле крестьян с. Покровского в пашне, по Серпуховскому шоссе в 2 в. от шоссе" или "3 кургана на земле крестьян с. Покровского в лесу, в 3 в. от шоссе").

Состоял из 3 насыпей.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 148; Карта Шуберта; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Топографическая карта 1852/1856 гг.

133. ПОКРОВСКОЕ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,5 км к западу от д. 7 по Касимовской ул., в 600 м к югу от пересечения Курской и Павелецкой ж/д, в районе карьера, на водораздельной возвышенности, на правом берегу р. Городенки, в 670 м от ее русла, в 22 м над водой (абсолютная отметка 169 м).

Старый адрес: на поле, в 1000 м к востоку от церкви Покрова Богородицы в с. Покровское.

Изображен на картах 1848/1852 гг.

Упомянут (?) в списке 1878 г. ("3 кургана на земле крестьян с. Покровского в пашне, по Серпуховскому шоссе в 2 в. от шоссе" или "3 кургана на земле крестьян с. Покровского в лесу, в 3 в. от шоссе").

Состоял из 1 (3 ?) насыпи.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 148; Карта Шуберта; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Топографическая карта 1852/1856 гг.

134. ОРЕХОВО-4 (западный участок), СЕЛИЩЕ. XII (?)–XV вв. (Язвенка-4 а, по Н.А. Кренке).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в 0,6 км к юго-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 300 м к востоку от 5-этажной казармы воинской части, на первой террасе левого берега р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, на левом берегу впадающего в р. Язвенку короткого овражка, в 30 м к юго-западу от очистных сооружений, на огородах, на старом антенном поле станции глушения радиопередач, за ее забором, в 30 м от русла реки, на высоте 3–7 м над уровнем воды (абсолютные отметки 142–146 м), в 30–40 м к северо-западу от восточного участка селища Орехово-4 (№ 143).

В 1989 г. исследовано Н.А. Кренке (собран подъемный материал и заложен зондаж площадью 0,2 кв. м).

Размеры около 70 × 60 м, культурный слой 0,5 м, темно-серая супесь/суглинок, верхние 30 см представляют собой пахотный слой, под ним более темный горизонт толщиной 20 см. Селище выделяется темным пятном на пашне. Найдена керамика курганная, серая и красноглиняная грубая с линейным и волнистым орнаментом XII–XV вв.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 23, 24.

135. ОРЕХОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. ("Дубки", по А.В. Арциховскому, 2-й Ореховский, по О.Н. Бадеру).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в дубовом лесу, в 0,5 км к западу-юго-западу от д. 65 а по Шипиловскому пр. (пересечение Ясеневой ул. и Шипиловского пр.), в 1700 м к юго-востоку от истоков Верхне-Царицынского пруда, на бровке левого коренного берега р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, на расстоянии 110 м от русла, на высоте 20–24 м над водой (абсолютные отметки 166–170 м), в 400 м к юго-востоку от селища Орехово-6 (№ 136).

Старый адрес: в 1100 м к югу от центра д. Орехово.

Изображен на картах 1955 г. (4 кургана) и 1974 г. (4 кургана).

Исследовался в 1938 г. Д.В. Айзиковым, в 1944 г. – А.В. Арциховским (раскопано 5 курганов), в 1949 г. – И.К. Цветковой, в 1975 г. – Р.Л. Розенфельдтом, в 1989, 2002 гг. – Н.А. Кренке, В.С. Гуновой и А.Л. Александровским (проведены палеоботанические и почвоведческие исследования почв под бровками, оставленными при раскопках 1944 г.).

Состоял из 14 насыпей (2 очень маленькие, менее 0,5 м высотой) полусферической формы высотой 0,8–1,8 м, диаметром 7–16 м, имеются ровики. В 1989 г. сохранялись 7 насыпей с грабительскими ямами в центре (в том числе свежими – 1989 г.) и остатки 5 насыпей, раскопанных в 1944 г., в виде кольцевых валиков с оплывшими недоразобранными бровками в середине (план раскопанных курганов А.В. Арциховского не вполне соответствует ситуации на месте).

Найдено 6 погребений по обряду трупоположение на горизонте и 1 в яме, костяки вытянуты на спине, головой на запад. В кургане № 1 одно погребение на горизонте, при нем три семилопастных височных кольца, одно перстнеобразное сомкнутое, бусы сердоликовые бипирамидальные и эллипсоидная, хрустальные шаровидные и бипирамидальная, горшок. В кургане № 2 – основное женское погребение и перехороненные кости ранее умершего мужчины (?). В женском погребении – два семилопастных кольца (одно из них решетчатое), перстнеобразное сомкнутое височное кольцо, витой 4 × 3 браслет, перстни решетчатые двузигзаговый и треховаловый, пластинчатый широкосрединный. В кургане № 3 одно погребение на горизонте без вещей, другое – в яме глубиной 0,3 м, при нем железный скобель. В кургане № 4 одно погребение на горизонте, при нем три семилопастных кольца и пластинчатый широкосрединный перстень. В кургане № 5 одно погребение на горизонте, при нем четыре семилопастных кольца, лопасти одного из них украшены "книжным" орнаментом и крестами с перечеркнутыми концами и ромбами в середине, гривна полужгутовая, браслет витой четверной с черными стеклянными накладками на концах, бубенчик со щелевидной прорезью, два пластинчатых перстня, нож, бусы сердоликовая, хрустальная, янтарная, черная стеклянная и мозаичная, глиняной горшок.

Археологичекая коллекция хранились на кафедре археологии Исторического факультета МГУ и была передана в музей-заповедник "Царицыно". Антропологическая коллекция хранится в Музее

антропологии МГУ (группа "Дубки", 3 черепа, № 10005–10007).

Литература и архивные материалы: Александровский, Кренке, 1993; Алексеева и др., 1986. С. 109; Арциховский, 1944; 1947. С. 77–81; Бадер, 1947. С. 150; Карточка Бадера; Кренке, 1989. С. 28–30; Кренке, 2002. С. 5, 6; Москва: Топографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1955 г. Л. В-VIII-14; Паспорта 1949 и 1975 гг.

136. ОРЕХОВО-6, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв. (Язвенка-6, по Н.А. Кренке).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в 0,8 км к западу от д. 65 а по Шипиловскому пр., в 750 м к западу от пересечения Шипиловского пр. и Ясеневой ул., в 1750 м к северо-западу от МКАД, в 1300 м к юго-востоку от истоков Верхне-Царицынского пруда, в лесу (посадки сосны), на первой террасе левого берега р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, на правом берегу оврага, левого притока р. Язвенки, на склоне которого имеется бетонная лестница, в 40 м от реки, на высоте 3–5 м над водой (абсолютные отметки 147–149 м), в 400 м к северо-западу от курганного могильника Орехово-2 (№ 135).

Старый адрес: в 950 м к юго-юго-западу от центра д. Орехово.

Исследовалось в 1989 г. Н.А. Кренке (заложено 4 зондажа общей площадью 0,36 кв. м).

Размеры 60 × 30 м, культурный слой мощностью 0,4 м, бурый суглинок, местами насыщенный углистыми остатками. Найдена гончарная керамика курганная и серая с линейной орнаментацией и отпечатками штампа-колесика.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 27, 28.

137. ОРЕХОВО-5, СЕЛИЩЕ. XII–XIII, XVI–XVII вв. (Язвенка-5, по Н.А. Кренке).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в 0,7 км к западу-юго-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 590 м к западу-юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 200 м к юго-востоку от очистных сооружений, в пойме и на склоне первой террасы левого берега р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, на правом берегу ручья левого притока р. Язвенки, в 40 м от русла Язвенки, на высоте 1–5 м над уровнем воды (абсолютные отметки 141–146 м).

Старый адрес: в 950 м к юго-западу от центра д. Орехово (по карте 1951 г.).

Исследовалось в 1989 г. Н.А. Кренке (заложен 1 шурф площадью 0,3 кв. м).

Размеры 90 × 30 м, культурный слой 0,3–0,6 м, темно-коричневая супесь, поверхность распахивается под огороды. Найдена курганная керамика с линейным орнаментом и белоглиняная гладкая, а также камни, угли, керамический шлак.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 26.

138. ОРЕХОВО-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Орехово-7, по Н.А. Кренке).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", на территории воинской части, в 0,9 км к юго-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 850 м к юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 750 к юго-востоку от истоков Верхне-Царицынского пруда, в 400 м к юго-западу от очистных сооружений на р. Язвенке, в березовом лесу, на склоне левого коренного берега р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, в 400 м от реки, на высоте 29–31 м над водой (абсолютные отметки 169–171 м), в 70 м к юго-востоку от курганного могильника Орехово-5 (№ 139).

Старый адрес: в 1300 м от центра д. Орехово (по карте 1951 г.).

Исследовался в 1989 г. В.И. Балабиной, Н.А. Кренке.

Состоит из 12 насыпей полусферической формы высотой 1,2–1,8 м, диаметром 8–15 м, насыпи окружены ровиками. Многие курганы испорчены ямами, в одном кургане ранее была сделана землянка. Зачистка вертикального профиля насыпи в яме от землянки показала, что курганы насыпаны на древней пашне.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 25.

139. ОРЕХОВО-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Орехово-6, по Н.А. Кренке).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в лесу на территории воинской части (радиостанция), в 0,9 км к юго-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., 830 м к юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 650 м к юго-востоку от истоков Верхне-Царицынского пруда, в 140 м к юго-востоку от 5-этажного здания казармы воинской части, на левом берегу р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, в 340 м от реки, на высоте 27–31 м над водой (абсолютные отметки 167–171 м), в 70 м к северо-западу от курганного могильника Орехово-4 (№ 138).

Старый адрес: 1250 м к западу-юго-западу от центра д. Орехово (по карте 1951 г.).

Исследовался в 1989 г. Ю.Ивинским и Н.А. Кренке.

Состоит из 28 насыпей полусферической формы высотой 0,4–1,4 м, диаметром 6–13 м. Часть курганов, возможно, разрушена при строительстве казармы.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 25.

140. ОРЕХОВО-6, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Царицыно-4, по Р.Л. Розенфельдту, группа 5, по Н.А. Кренке).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в 0,9 км к западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 830 м к западу-юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 300 м к югу от истоков Верхне-Царицынского пруда, в 150 м к северо-западу от 5-этажного здания казармы воинской части (радиостанция), на левом берегу р. Язвенки, правом притоке р. Сухая Городенка, у кромки правого берега оврага, правого притока р. Язвенки, в 250 м от русла реки, на высоте 26 м над уровнем воды (абсолютная отметка 163 м). К курганам примыкает забор воинской части.

Старый адрес: в 1350 м к западу от центра д. Орехово (по карте 1951 г.).

Исследовался в 1949 и 1975 гг. Р.Л. Розенфельдтом, в 1989 г. – Н.А. Кренке.

Состоял из 4 насыпей, в настоящее время состоит из 2 насыпей полусферической формы высотой 0,5 м и 0,8 м, диаметром 6 и 8 м, рядом имеются 2 валообразные насыпи длиной 15 и 20 м, высотой до 1,2 м. Возможно, это остатки курганов.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 25; Паспорт 1975 г.

141. ЦАРИЦЫНО-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (4-й Царицынский, по О.Н. Бадеру, 3-й Царицынский, по А.А. Юшко, Царицыно-6, по Л.Р. Розенфельдту).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в парке, в 0,2 км к востоку-северо-востоку от д. 10 по 3-й Радиальной ул., в 1100 м к западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 950 м к западу-юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 1000 м к югу от дворца в Царицыне, в 160 м к югу от истоков Верхне-Царицынского пруда, на левом берегу р. Язвенки, правом притоке р. Сухая Городенка, на левом берегу оврага левого притока р. Язвенки, в 140 м от русла реки, в 22–24 м над уровнем воды (абсолютные отметки 158–160 м), в 300 м к юго-востоку от курганного могильника Царицыно-3 (№ 142).

Изображен на картах 1952 г. и 1974 г. (6 курганов).

Исследовался в 1938 г. Д.В. Айзиковым, в 1969 г. – А.А. Юшко, в 1975 г. – Р.Л. Розенфельдтом, в 1989 г. – Н.А. Кренке. Возможно, учтен в списке 1878 г. ("7 курганов на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 1 верста, от Каширского тракта 1/4 версты", или "13 курганов на земле крестьян с Царицына, от ст Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты", или "3 кургана на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты").

Состоит из 8 (или 7, так как одна насыпь вызывает сомнения) насыпей полусферической формы высотой 0,6–1,9 м, диаметром 9–13 м. Все курганы имеют нарушения в виде ям, вокруг насыпей имеются ровики. Зондаж, заложенный в 1989 г., показал, что, возможно, возле курганов была старая пашня.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 150; Карточка Бадера; Кренке, 1989. С. 7, 22; Москва: Топографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1952 г. Л. В-VII-12; Паспорт 1975 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Юшко, 1969 г.

142. ЦАРИЦЫНО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (3-й Царицынский, по О.Н. Бадеру, Царицыно-II, по Т.В. Равдиной, Царицыно-5, по Р.Л. Розенфельду).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в липово-березовом лесу на территории парка, в 0,2 км к северо-востоку от д. 7 по 3-й Радиальной ул., в 800 м к югу от Большого Царицынского дворца, на левом (западном) берегу Верхне-Царицынского пруда (запруженная р. Язвенка), у бровки правого берега оврага левого притока р. Язвенки, в 200 м от берега пруда (220 м от русла реки), на высоте 18–20 м над водой (абсолютные отметки 155–157 м), в 300 м к северо-западу от курганного могильника Царицыно-4 (№ 141).

Изображен на картах 1952 г. (9 курганов) и 1974 г. (8 курганов)

Исследован в 1938 г. Д.В. Айзиковым, в 1960, 1961 гг. – Т.В. Равдиной при участии Б.Г. Петерса (раскопано 5 насыпей), в 1969 г. – А.А. Юшко, в 1975 г. – Р.Л. Розенфельдтом, в 1989, 2004 г. – Н.А. Кренке. Возможно, учтен в списке 1878 г. ("7 курганов на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 1 верста, от Каширского тракта 1/4 версты", или "13 курганов на земле крестьян с Царицына, от ст Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты", или "3 кургана на земле крестьян с. Царицына, от ст Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты"). Два кургана был подвергнуты дилетантским раскопкам, один – в 1937 г., другой – в 1961 г.

В описании О.Н. Бадера ошибочно указывается, что группа расположена на восточном берегу пруда. Отождествление группы 3, по О.Н. Бадеру, с описываемыми курганами основано на идентичности плана в "карточке Бадера" и плана данной группы, а также на записанных в 1990 г. сведениях у старожила с. Царицыно (В.А. Антонюк, 1931 г. рожд.), показавшего местоположение на западном берегу пруда летнего кафе и танцевальной площадки, которые указаны в тексте О.Н. Бадера в качестве ориентира.

Состоял из 13 насыпей, в настоящее время – из 8 насыпей полусферической формы высотой 0,4–1,5 м (по даннам карты 1952 г.), диаметром 6–12 м и кольцевых валиков на месте раскопанных курганов. Вокруг насыпей имеются ровики. Все курганы имеют значительные нарушения (ямы и одна траншея). В 1989 г. на месте раскопанного кургана № 5 Н.А. Кренке были заложены зондажи, в которых были зафиксированы следы пашни, существовавшей до насыпки курганов. Пашня имеет уменьшенную толщину за счет среза грунта при устройстве кургана.

В курганах найдены погребения по обряду трупоположение на горизонте и в ямах глубиной 40 см, головой на запад и юго-запад. В кургане № 1 обнаружено погребение на горизонте, при нем нож, фрагменты керамики, горшок с линейным орнаментом и оттисками гребенчатого штампа (?). В кургане № 2 – погребение на горизонте, при нем глиняный горшок, два семилопастных кольца раннего типа с каплевидными лопастями, одно – без боковых колечек, витая (тройная) загнутоконечная гривна, крестопрорезной бубенчик, медные плетеный завязанный браслет, два рубчатых перстня, четыре сердоликовые бипирамидальные бусины. В кургане № 5 – погребение на горизонте, при нем четыре медных перстня – плоско-выпуклый и три рубчатых, четыре семилопастных кольца позднего типа с секировидными лопастями и боковыми колечками, у одного лопасти орнаментированы геометрическим орнаментом. В кургане № 6 – погребение на горизонте, при нем семилопастное кольцо. В кургане № 12 – погребение в яме, при нем шесть семилопастных колец с секировидными лопастями и боковы-

ми колечками, лунница, литой билоновый перстень с орнаментом, фрагменты гончарной керамики.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 150; Карточка Бадера; Кренке, 1989. С. 8–10, 21; Москва: Тографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1952 г. Л. В-VII-12; Паспорт 1975 г.; Равдина, 1960. С. 1–9; Равдина, 1961. С. 1–4; Равдина, 1963; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.; Юшко, 1969.

143. ОРЕХОВО-4 (восточный участок), СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв. (Язвенка-4 б, по Н.А. Кренке).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", территория воинской части (радиостанция), в 0,6 км к юго-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 580 м к юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, на первой террасе левого берега р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, в 12 м к юго-западу от очистных сооружений, на поле, в 10 м от реки, на высоте 3–5 м над водой (абсолютные отметки 143–145 м), в 280 м к северо-востоку от курганного могильника Орехово-5 (№ 129).

Старый адрес: в 950 м к западу-юго-западу от центра д. Орехово (по карте 1951 г.).

Исследовалось в 1989 г. Н.А. Кренке (заложен шурф площадью 0,36 кв. м).

Размеры 50 × 50 м, культурный слой 0,15–0,3 м, темно-серого цвета, селище выделяется темным пятном на пашне. На расстоянии до 120 м вверх по течению от границ селища у кромки левого берега Язвенки, при устье ручья найдено несколько фрагментов курганной керамики. Найдена керамика курганная и серая с линейно-волнистой орнаментацией XII–XIII вв. Поселение, возможно, являлось однодворной усадьбой.

На площади 30 × 40 м была проведена геофизическая съемка, которая позволила выявить три аномалии градиента магнитного поля, возможно, связанных с наличием древних сооружений.

Литература и архивные материалы: Кац, 1989; Кренке, 1989. С. 24.

144. ОРЕХОВО-3, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв. (Язвенка-3, по Н.А. Кренке).

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", территория воинской части (радиостанция), на поле, в 0,7 км к западу-юго-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 630 м к западу-юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, на первой террасе левого берега р. Язвенки, в 70 м от ее русла, в 30 м от от запруды, в 150 м северо-западу от очистных сооружений, в 260 м к юго-востоку от истоков Верхне-Царицынского пруда, в 5–8 м над уровнем реки (абсолютные отметки 142–145 м), в 200 м к северо-востоку от курганного могильника Орехово-6 (№ 140).

Старый адрес: в 1150 м западу от центра д. Орехово.

Исследовано в 1989 г. Н.А. Кренке.

Размеры 100 × 50 м, культурный слой 0,20–0,45 м, темного цвета. Найдена керамика курганного типа XII–XIII вв.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 23.

145. ОРЕХОВО-7, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: точно не локализован. Правый берег р. Язвенки.

Старый адрес: 0,5 км к югу от д. Орешки (Орехово) на лугу.

Изображен на картах 1955 и 1974 гг. (3 кургана).

Обследован в 1949 г. И.К. Цветковой, в 2002 г. – Н.А. Кренке.

Состоял из 3 насыпей высотой 0,8–1,7 м, диаметром 10–12 м. Две насыпи стояли рядом, третья отстояла от них на 35 м.

Изображенные на карте 1974 г. курганы расположены относительно друг друга аналогично тому, как они показаны на плане в паспорте 1949 г. (два вместе, один поодаль в 40 м от них). Находятся они близ бровки высокого правого берега р. Язвенки в 170 м от ее русла, на высоте 29 м над водой (абсолютная отметка 176 м), в 1000 м к юго-юго-востоку от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 250 м к юго-западу от д. 63, корп. 1 по Шипиловскому пр., в 100 м к западу-юго-западу от могильника Орехово-8 (№ 145). Высота курганов 1,0 м.

В 2002 г. были зафиксированы остатки одной (востоточной) насыпи.

Идентификация насыпей, изображенных на карте и осмотренных в 2002 г., с обследованными И.К. Цветковой – предположительная.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2002; Москва. Топографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1955 г. Л. В-VIII-14; Паспорт 1949 г.

145а. ОРЕХОВО-8, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: точно не локализован. Правый берег р. Язвенки.

Старый адрес: в 0,5 км к югу от д. Орешки (Орехово), на лугу.

Изображен на картах 1955 г. и 1974 г. (1 курган).

Обследован И.К. Цветковой в 1949 г.

Состоял из 2 насыпей высотой 0,8 и 1,6 м, диаметром 8 и 10 м.

Изображенный на карте 1974 г. курган находится близ бровки высокого правого берега р. Язвенки, в 120 м от ее русла, на высоте 26 м над водой (абсолютная отметка 172 м), в 1100 м на юго-восток от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 200 м к югу от д. 63, корп. 1 по Шипиловскому пр., в 100 м востоку-северо-востоку от могильника Орехово-7 (№ 145 а). Высота кургана 1,0 м.

Идентификация кургана, изображенного на карте и обследовнного И.К. Цветковой, – предположительная.

Литература и архивные материалы: Москва: Топографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Москва и окрестности. Топографическая карта М 1: 2000. Съемка 1955 г. Л. В-VIII-14; Паспорт 1949 г.

146. ОРЕХОВО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицы-

но", в 0,4 км к западу-северо-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., 200 м к юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, на правом берегу р. Язвенки, правого притока р. Сухая Городенка, в 300 м от русла р. Язвенки, на высоте 30 м над водой (абсолютная отметка 170 м), в 140 м к юго-востоку от курганного могильника Орехово-1 (№ 147).

Старый адрес: в 600 м к западу от центра д. Орехово (по карте 1951 г.), в 240 м к юго-западу от Каширского ш., на поле, возле бровки берега отвершка оврага.

Изображен на карте 1775 г.

В 1989 г. Н.А. Кренке обследовано место могильника.

Состоял из 1 насыпи.

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989 г. С. 3, 4; План 1775 г.

147. ОРЕХОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в 0,5 км к западу от д. 4 по Шипиловскому пр., на северо-западной окраине кладбища, в 280 м к западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, на правом берегу р. Язвенки, правом притоке р. Сухая Городенка, в 200–260 м к северу от очистных сооружений на р. Язвенке, в 160 м от русла реки, на высоте 23–27 м над водой (абсолютные отметки 162–166 м), в 130 м к северо-востоку от селища Орехово-2 (№ 148).

Старый адрес: в 850 от центра д. Орехово (по карте 1951 г.), 450 м к юго-востоку от границы Царицынского парка, в 400 м от Каширского ш., на лугу.

Изображен на картах 1775 г. (11 курганов), 1848 г. (4 кургана), 1932 г. (5 курганов), 1951 г. (6 курганов), 1971 г. (1 курган).

Исследован до 1878 г. В.Н. Бензенгром (предложил оргкомитету Антропологической выставки начать "раскопку курганов, лежащих в удельном имении при с. Орехове"), в 1928 г. – Л.А. Евтюховой (раскопано 2 кургана), в 1938 г. – Д.В. Айзиковым, в 1944 г. – А.В. Арциховским при участии Г.А. Авдусиной, Н.Я. Мерперта, Д. Рикмана, И.В. Яценко (раскопано 5 курганов), в 1949 г. – И.К. Цветковой, в 1989 г. – Н.А. Кренке (осмотрено место могильника). Возможно, упомянут в списке 1878 г.

Состоял из 12 (11?) насыпей полусферической формы высотой 0,9–2,1 м, диаметром 8–10,5 м. В 1949 г. сохранялись остатки 2 насыпей. Вероятно, разрушен при планировке территории под кладбище.

Найдено всего 9 погребений, из них 3 погребения по обряду трупоположение на горизонте, 3 впускных, 2 в ямах глубиной 0,3–0,8 м, 1 – на бревенчатом настиле, некоторые в гробовищах. скрепленных гвоздями.

В кургане № 1 два основных женских погребения, при них найдены перстнеобразные, семилопастные и трехбусинные гладкие височные кольца, подвески-лунницы, вписанные в кольца, подвески-крестики с шариками на концах, бусы сердоликовые бипирамидальные, горнохрустальные шарообразные, стеклянные черные зонные; перстень рубчатый, нож, горшок с линейно-волнистым орнаментом. В кургане № 2 – два впускных погребения и одно основное в яме. При впускных погребениях браслеты медные витые четверные и 2 × 3, пластинчатые, перстни рубчатые, решетчатые двузигзаговые, пластинчатые широкосрединные, при основном – лировидная пряжка. В кургане № 3 впускное с семилопастными кольцами с секировидными лопастями, украшенными растительным орнаментом, и боковыми колечками, витыми четверными и витым 4 × 3 браслетами, рубчатым перстнем, основное – в яме с семилопастными кольцами с секировидными лопастями и боковыми колечками, браслетами витым четверным, плетенным со стеклянными вставками на концах, пластинчатыми широкосрединными перстнями. В кургане № 4 мужское погребение с крестопрорезными бубенчиками, пластинчатым широкосрединным перстнем. В кургане № 5 мужское погребение на бревенчатом настиле с рубчатым перстнем. Антропологические определения производил Г.Ф. Дебец.

Курган № 1 (северный в группе) в XVIII в. выполнял роль межевого знака. Этот курган последний раз отмечен на планшете 1971 г. М 1:2000. Коллекция хранится в музее-заповеднике "Царицыно".

Литература и архивные материалы: Антропологическая выставка, 1878. С. 202; Арциховский, 1944; 1947; Бадер, 1947. С. 150; Евтюхова, 1929; Казанцев, 1928. С. 158–159; Карта Шуберта; Карточка Бадера; Кренке, 1989. С. 7; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемки 1932 и 1971 гг. Л. В-VII-13. Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Паспорт 1949 г.; План 1775 г.; Саблин, 1879; Сведения о курганах... 1878 г.

148. ОРЕХОВО-2, СЕЛИЩЕ. XII–XIII, XV–XVII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", на огородах, в 0,6 км к западу-юго-западу от д. 4 по Шипиловскому пр., в 450 м к западу-юго-западу от пересечения Шипиловского пр. и Орехового б-ра, в 450 м востоку-юго-востоку от истоков Верхне-Царицынского пруда, в 20 м к югу от кладбища, в 20 м к северу от очистных сооружений на р. Язвенке, на ее правом берегу между двумя оврагами, в 40–80 м от запруженного русла, на высоте 7–14 м над водой (абсолютные отметки 145–152 м), в 130 м к юго-западу от курганного могильника Орехово-1 (№ 147).

В 1989 г. исследовано Н.А. Кренке.

Размеры 110 × 40 м, культурный слой до 1 м, темного цвета, нарушен современными выемками грунта. Найдена керамика, которую можно объединить в два хронологических комплекса: курганная и серая XII–XIII вв. и красноглиняная гладкая, белоглиняная гладкая XV – начала XVII в. На месте селища в первой половине XX в. располагались "полдни" – место дневного отдыха и дойки коров (сообщение В.А. Антонюка, 1931 г. рожд., с. Царицыно, запись Н.А. Кренке 1990 г.).

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989. С. 17, 18.

149. ЦАРИЦЫНО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (2-й Царицынский, по О.Н. Бадеру, Царицыно-I, по Т.В. Равдиной).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в липовом парке, в 0,4 км к юго-юго-востоку от Большого Царицынского дворца, в 10–100 м к северу от центральной аллеи, ориентированной запад–восток и ведущей к "руинам", на правом (восточном) берегу от Верхне-Царицынского пруда (запруженная р. Язвенка), в 270 м от берега, на высоте 25–26 м над водой (абсолютные отметки 164–165 м), в 100 м к востоку-юго-востоку от курганного могильника Царицыно-1 (№ 150).

Изображен на карте 1775 г. (11 курганов) и 1816 г.

Исследовался в 1938 г. Д.В. Айзиковым, в 1944 г. – А.В. Арциховским (раскопано 2 кургана), в 1950 г. – Б.Е. Макаренковым, в 1960 г. – Т.В. Равдиной (раскопано 4 кургана), в 1969 г. – А.А. Юшко, в 1975 г. – Р.Л. Розенфельдтом, в 1989 г. – Н.А. Кренке. Возможно, в этой группе производили раскопки в 1881 г. слушатели Археологического института, а также И.Е. Забелин, В.И. Сизов, А.В. Орешников (раскопано несколько курганов). Указание списка 1878 г. на курганы при с. Царицыно к данной группе не относится, так как список отмечает лишь курганы, располагавшиеся на земле крестьян с. Царицыно.

Состоял из 23 (21?) насыпей, расположенных в двух подгруппах по 21 (18?) и 3 (2?) кургана, удаленных друг от друга на 35 м. Максимальное количество курганов указано по данным Б.Е. Макаренкова. В настоящее время состоит из 15 (14 + 1) насыпей полусферической формы высотой 0,9–1,5 м, диаметром 5,5–10 м и остатков 6 (7?) насыпей, раскопанных на снос. Возле насыпей ровики. С запада курганы ограничены межевым валом, изображенным на карте 1775 г. Между двумя подгуппами находится кирпичный туалет. При зачистке остатков одного из раскопанных в 1944 г. курганов Н.А. Кренке выявлен пахотный горизонт, предшествовавший насыпке кургана. Все сохранившиеся курганы разрыты большими ямами.

Найдено 7 погребений по обряду трупоположения, костяки вытянуты на спине, 4 – на горизонте, 2 – в насыпи, 1 – в яме глубиной 25 см, головой на запад, в гробовищах, от которых сохранились лишь скреплявшие их железные гвозди-костыли. В курганах № 1, 10, 12 погребения на горизонте без вещей. В кургане № 10 дополнительное впускное погребение без вещей. Основное погребение в кургане № 10 принадлежало, по определению Т.И. Алексеевой, мужчине 45–50 лет. В кургане № 7 погребение в яме без вещей. В кургане № 2 (раскопки 1944 г.) два погребения, первое на горизонте, второе на первом. При них семь семилопастных и три перстнеобразных височных кольца, бусы хрустальные шарообразные, сердоликовые и одна бусина стеклянная зонная; бубенчики бронзовые с простым разрезом, керамика. Из раскопок И.Е. Забелина и др. происходят семилопастные височные кольца, витые браслеты, круглые подвески, целый горшок. В кургане № 8 погребения не обнаружено.

Коллекция из раскопок И.Е. Забелина, В.И. Сизова, А.В. Орешникова хранится в ГИМ (№ 76121. Оп. 23), из раскопок Археологического института – в Гос. Эрмитаже (№ 633). Коллекция из раскопок 1944 г. предана из МГУ в музей "Царицыно". Антропологическая коллекция из раскопок 1960 г. – в Музее антропологии МГУ (1 череп, № 11397, кости скелетов № 3491, 3492, 11397).

Литература и архивные материалы: Алексеева и др., 1986. С. 143; Арциховский, 1944; 1947; Бадер, 1947. С. 149; Карточка Бадера; Кренке, 1989. С. 7, 15–16; Паспорт 1950 г.; Паспорт 1975 г.; План 1775 г.; План 1816 г.; Равдина, 1960; Равдина, 1963. С. 213–217; Юшко, 1969.

150. ЦАРИЦЫНО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (1-й Царицынский, по О.Н. Бадеру).

Сохранился.

Современный адрес: музей-заповедник "Царицыно", в парке, в 0,4 км к югу от Большого Царицынского дворца, в 80 м к юго-юго-востоку от руин беседки "Миловида", на правом (восточном) берегу Верхне-Царицынского пруда (запруженная р. Язвенка), в 120 м от берега, на высоте 21 м над водой (абсолютные отметки 159–160 м), в 100 м к западу-северо-западу от курганного могильника Царицыно-2 (№ 149).

Изображен на картах 1775 г. (4 кургана), 1816, 1974 гг. (3 кургана).

Исследован в 1938 г. Д.В. Айзиковым, в 1950 г. – Б.Е. Макаренковым, в 1969 г. – А.А. Юшко, в 1975 г. – Р.Л. Розенфельдтом, в 1989, 2002 гг. – Н.А. Кренке, в 1998 г. – Л.Л. Галкиным (раскопан 1 курган).

Состоял из 5 насыпей полусферической формы высотой 1,1–1,5 м, диаметром 7–8,5 м. Вокруг насыпей ровики. Все курганы были раскопаны в 1970-х гг. грабителями (в 1950 г. только один курган имел яму). В 1989 г. все ямы были засыпаны сотрудницей музея "Царицыно" Ю.Ф. Иващенко.

В раскопанном в 1998 г. кургане было зафиксировано нарушенное погребение по обряду трупоположение на горизонте. При погребении был найден один горшок и железный гвоздь от гробовища.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 150; Карточка Бадера; Кренке, 1989. С. 6; Кренке, 2002; Москва: Топографическая карта. М 1:5000. Изд. 1974 г.; Паспорт 1950 г.; Паспорт 1975 г.; План 1775 г.; План 1816 г.; Юшко, 1969.

151. ЦАРИЦЫНО-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: на пустыре, возле опор ЛЭП, в 0,2 км к востоку от д. 53 по Садово-Крестьянской ул., в 100 м к юго-юго-западу от пересечения Садово-Крестьянской ул. и Шипиловского пр., в 820 м к северо-востоку от церкви Пресвятой Богородицы Живоносного источника в с. Царицыно (Черная Грязь), на правом берегу Нижне-Царицынского пруда (запруженная р. Городенка), в 630 м от берега, в 24–26 м над водой (абсолютные отметки 160–164 м).

Старый адрес: 2 (3?) кургана на поле и 10 на лугу, разделенные полевой дорогой (в XVIII–XIX вв.), в XX в. курганы были на территории сада, в 20–150 м к западу от Каширского ш., в 0,4 км к востоку от с. Царицыно.

Изображен на картах 1775 г. (12 курганов), 1848 г. (10 курганов), 1951 г. (1 курган) и 1952/1954 гг. (2 кургана).

В 1989, 1990 гг. Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским обследовано место могильника.

Возможно, учтен в списке 1878 г. ("7 курганов на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 1 верста, от Каширского тракта 1/4 версты", или "13 курганов на земле крестьян с Царицына, от ст. Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты", или "3 кургана на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты").

Состоял из 12 насыпей полусферической и удлиненной формы, высотой до 2 м, диаметром до 20 м (по карте 1951 г.). В 1990 г. у местных жителей были записаны сведения о том, что они помнят 2 или 3 кургана, поросших кустами, которые стояли в вишневом саду в 50 м от перекрестка дорог. По их словам, курганы срыли во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Однако 2 кургана показаны еще на карте 1954 г. На планшете топосъемки 1960 г. курганов уже нет.

Литература и архивные материалы: Карта Шуберта; Кренке, 1989. С. 8; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемки 1952 г. и 1954 г. Л. B-VI-13; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; План 1775 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

152. ШИПИЛОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в 0,3 км к северо-северо-западу от д. 14, корп. 3 по ул. Маршала Захарова, в 450 м к северу от пересечения Шипиловского пр. с Садово-Крестьянской ул., на правом берегу Нижне-Царицынского пруда (запруженная р. Городенка), на "острове" между двумя рукавами проезжей части Шипиловского пр., на высоте 10–12 м над уровнем пруда (абсолютные отметки 144–146 м).

Старый адрес: в 700 м к северо-западу от северного края д. Шипилово (по карте 1848 г.), в 120 м к югу от Шипиловской плотины, на поле, в 50 м к западу от Каширского ш.

Изображен на карте 1848 г. (5 курганов), 1951 г. (1 курган).

Возможно, учтен в списке 1878 г. ("7 курганов на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 1 верста, от Каширского тракта 1/4 версты", или "13 курганов на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты", или "3 кургана на земле крестьян с. Царицына, от ст. Царицыно 2 версты, от Каширского тракта 1/2 версты").

В 1990 г. Н.А. Кренке обследовал место могильника.

Состоял из 5 насыпей. Высота одной – 1,5 м.

Литература и архивные материалы: Карта Шуберта; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1951 г. Л. B-V-13; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

153. ШИПИЛОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Шипиловский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: д. 6, корп. 2 по ул. Маршала Захарова, в 300 м к западу от пересечения ул. Маршала Захарова и Каширского ш., на правом (южном) берегу Борисовского пруда (запруженная р. Сухая Городенка), в 450 м от его берега, в 24 м над водой, на правом берегу запруженного оврага, в 40 м от берега бывшего прудика (абсолютные отметки 147–148 м).

Старый адрес: в 120 м к востоку от северной окраины д. Шипилово, к северу от кладбища, на поле.

Изображен на карте 1848 г. (4 кургана), 1951 г. (2 кургана).

Вероятно, учтен в списке 1878 г. ("10 курганов в урочище проталинки, на земле крестьян д. Шипиловой, от ст. Царицыно 1,5 версты, от Каширского тракта 0,5 версты").

Исследован в 1937 г. О.Н. Бадером, в 1950 г. – Б.Е. Макаренковым.

Состоял из 10 насыпей. В 1937 г. насчитывал 8 насыпей полусферической формы высотой 0,5–1,9 м, диаметром 6–10 м. Возле насыпей ровики. В 1937 г. только курган № 8 был прорыт траншеей, остальные имели незначительные повреждения. В 1950 г. еще 4 кургана были "раскопаны целиком" и лишь одна насыпь сохранялась нетронутой.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 150; Карточка Бадера; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1951 г. Л. B-V-13; Паспорт 1950 г.; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

154. БРАТЕЕВО-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (5-й Братеевский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: ул. Борисовские пруды, д. 8–10, в 750 м к востоку-северо-востоку от плотины Борисовского пруда, на левом берегу р. Городенки, в 170 м от ее русла, в 19–20 м над водой (абсолютные отметки 138–140 м), в 140 м к западу-северо-западу от курганного могильника Братеево-3 (№ 158).

Старый адрес: в 0,8 км к юго-западу от церкви села Братеево, 160 м от берега р. Городенка.

Изображен на карте 1848 г. (4 кургана).

В 1937 г. уже не существовал. Возможно, учтен в списке 1878 г. ("11 курганов у святого колодца на земле крестьян с. Братеева", или "17 курганов у колчеватника на земле крестьян с. Братеева на Бесединской дороге", или "12 курганов у Сорокина врага на земле крестьян с. Братеева на Бесединской дороге").

Состоял из 4 насыпей.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 152; Карта Шуберта; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

155. БРАТЕЕВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (2-й Братеевский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: ул. Борисовские пруды, д. 12, на правом берегу Москвы-реки, в 200 м от ее русла, в 25–27 м над водой (абсолютные отметки 140–142 м), в 206 м к юго-западу от курганного могильника Братеево-1 (№ 156).

Старый адрес: в 250 м к юго-западу от с. Братеево, справа от дороги на с. Борисово.

Исследован в 1937 г. О.Н. Бадером. Возможно, учтен в списке 1878 г. ("11 курганов у святого колодца на земле крестьян с. Братеева", или "17 курганов у кол-

чеватника на земле крестьян с. Братеева на Бесединской дороге", или "12 курганов у Сорокина врага на земле крестьян с. Братеева на Бесединской дороге").

Состоял из 5 насыпей в 1937 г., частично разрушенных в 1932 г. карьером. У насыпей имелись ровики.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 152; Карта Шуберта; Саблин, 1879; Сведения о курганах... 1878 г.

156. БРАТЕЕВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (1-й Братеевский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес:. ул. Борисовские пруды, д. 16, корп. 1, возле южного конца Братеевского моста, на правом берегу Москвы-реки, в 170 м от реки, на высоте 23–25 м над водой (абсолютные отметки 138–142 м), в 206 м к северо-востоку от курганного могильника Братеево-2 (№ 155).

Старый адрес: на поле, в 250 м к западу от церкви с. Братеево, в 40 м к северо-западу от кладбища.

Изображен на карте 1848 г. (5 насыпей).

Исследован в 1937 г. О.Н. Бадером, в 1950 г. – Б.Е. Макаренковым.

Состоял в 1937 г. из 3(4?) насыпей высотой 1,2–1,5 м, диаметром 5–7 м, насыпи окружены ровиками. В 1950 г. сохранялось 2 насыпи рядом с овощехранилищем.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 151, 152; Карта Шуберта; Карточка Бадера; Паспорт 1950 г.; Саблин, 1879; Сведения о курганах... 1878 г.

157. БРАТЕЕВО-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в районе пересечения Братеевской и Ключевой улиц, на террасе правого берега Москвы-реки, в 500 м от ее русла, на левом берегу р. Городенки, в 500 м от ее русла, в 20 м над р. Городенкой (абсолютная отметка 138 м).

Старый адрес: в 40 м к западу от кладбища с. Братеево (на карте 1848 г.), на усадьбе Крылова (1937 г.).

Изображен на карте 1848 г. (2 кургана).

Исследован в 1937 г. О.Н. Бадером.

Состоял из 2 насыпей, в 1937 г. сохранялась одна насыпь высотой 1,0 м, вторая была распахана в 1920-е гг. По словам Крылова, на курганах лежали два больших камня.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 152; Карта Шуберта.

158. БРАТЕЕВО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (3-й Братеевский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: микрорайон Братеево, возле д. 14 по ул. Борисовские пруды, в районе проезжей части Наташинской ул., на левом берегу р. Городенки, в 120 м от русла, на высоте 16–17 м над водой (абсолютные отметки 134–135 м), в 95 м к северу от селища Братеево-1 (№ 159).

Старый адрес: на поле, в 800 м к юго-юго-западу от церкви Иоанна Предтечи в с. Братеево, в 250 м к юго-западу от южной окраины с. Братеево, в 250 м к северо-востоку от северо-восточного края с. Борисово (по карте 1951 г.).

Изображен на картах 1848 г. (7 курганов) и 1951 г. (1 курган).

Исследован в 1937 г. О.Н. Бадером, в 1950 г. – Б.Е. Макаренковым, учтен (?) в списке 1878 г. ("11 курганов у святого колодца на земле крестьян с. Братеева", или "17 курганов у колчеватника на земле крестьян с. Братеева на Бесединской дороге", или "12 курганов у Сорокина врага на земле крестьян с. Братеева на Бесединской дороге").

Состоял в 1937 г. из 19 насыпей (11 целых, 8 с ямами от раскопок) полусферической и удлиненной формы высотой 0,4–1,8 м, диаметром 6–15 м. У подошвы насыпей ровики. В 1936 г. 4 кургана было разрыто местными школьниками. В 1950 г. сохранялось 12 насыпей. В 1974 г. к могильнику подступил с запада песчаный карьер, но курганы, видимо, еще сохранялись. По рассказам школьников, в 1936 г. были найдены медные вещи и человеческие кости.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 152; Карта Шуберта; Москва и окрестности. Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Паспорт 1950 г.; Саблин, 1879. С. 187. Сведения о курганах... 1878 г.

159. БРАТЕЕВО-1, СЕЛИЩЕ. Ранний железный век, XI–XIII вв. (Братеевское, по О.Н. Бадеру).

Не сохранилось.

Современный адрес: в 0,2 км к югу от д. 14 по ул. Борисовские пруды, в 0,1 км к югу от Наташинской ул., на первой террасе левого берега р. Городенки, правого притока Москвы-реки, между обрывом берега и выемкой дороги, в 27 м к северу от реки, на высоте 8–12 м над уровнем воды (абсолютные отметки 126–130 м), в 95 м к югу от курганного могильника Братеево-3 (№ 158).

Старый адрес: в 400 м к югу от южного края с. Братеево, 800 м к юго-юго-западу от церкви Иоанна Предтечи с. Братеево.

Исследовано в 1937 г. О.Н. Бадером и А.В. Збруевой, в 1950 г. – Б. Е Макаренковым, в 1970-е гг. – сотрудниками Музея истории Москвы и членами кружка при музее; в 1998 г. Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским осмотрено место, где было селище.

Размеры 60 × 20 м, культурный слой до 0,8 м интенсивно темного цвета, залегает на песчанистом материке. В 1937 г. памятник был уже сильно разрушен дорогой, в 1998 г. уничтожен при проведении планировки склона берега.

Найдено немного текстильной керамики (в 1950 г.), основной материал древнерусского времени представлен венчиками и стенками с линейным орнаментом, сделанными из очень грубого теста с большим количеством примеси крупнозернистого песка (сборы 1970-х гг.). В 1937 г. отмечены также кости, очажные колотые камни, медный наконечник ремня.

Коллекция сборов 1970-х гг. хранится в Музее истории Москвы (НВФ 14678, № 45–67).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 152–153; Карточка Бадера; Паспорт 1950 г.

160. БОРИСОВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: между д. 59 по Шипиловской ул. и пересечением Шипиловской ул. с Задон-

ским пр., на правом берегу р. Городенки, на прибровочной части высокой террасы правого берега Москвы-реки, в 500 м от русла р. Городенки, на высоте 24–25 м над водой (абсолютные отметки 140–142 м).

Старый адрес: 880 м к востоку от от юго-восточного края с. Борисово, 1600 м к югу-востоку от церкви Троицы в с. Борисово, в 1020 м к югу от южного края с. Братеево.

Изображен на картах 1848/1852 гг. (7 курганов), 1951 г. (2 кургана), 1953 г. (7 курганов).

Исследовался в 1877 г. Н.А. Поповым (раскопано 2 ? кургана), в 1937 г. – А.В. Збруевой, в 1950 г. – Б.А. Макаренковым, в 1950 г. – Г.А. Авдусиной (раскопан 1 курган), в 1951 г. – М.Н. Кисловым (раскопан 1 курган), в 1961 г. – Н.Л. Подвигиной (раскопано 3 кургана), в 1998 г. Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским осмотрено место могильника.

Состоял из 21 насыпи полусферической формы высотой 0,5–2,0 м, диаметром 5–12 м, окруженных ровиками.

Найдены погребения по обряду трупоположения, костяки вытянуты на спине, головой на запад, юго-запад. Обнаружены гвозди от гробовищ. В насыпях встречены фрагменты керамики и угольки. В курганах № 1, 2 (раскопки 1950, 1951 гг.) и № 3 (1961 г.) – одиночные погребения без вещей, лишь фрагменты керамики. В насыпи кургана № 3 найден венчик лепного сосуда. В кургане № 4 (1961 г.) погребение с четырьмя семилопастными кольцами с боковыми колечками, секировидными лопастями и орнаментом типа 1, по Т.В. Равдиной (одно с орнаментом на лопасти в виде ромба с косым крестом в центре), медным пластинчатым браслетом, пластинчатым и ложновитым перстнями, бубенчиком с щелевидной прорезью, сердоликовыми бипирамидальными бусами. В кургане № 5 (1961 г.) погребение сопровождалось шестью семилопастными кольцами с боковыми колечками, секировидными лопастями и орнаментом типа 2, по Т.В. Равдиной, двумя медными витыми браслетами, медным пластинчатым перстнем, бусами хрустальными шарообразными, сердоликовыми бипирамидальными и бусиной синей стеклянной рыбовидной. Комплекс из раскопок 1877 г. включает два семилопастных кольца позднего типа с боковыми колечками и секировидными лопастями, витой браслет, перстни, хрустальные и сердоликовые бусы.

Коллекция из раскопок 1877 г. хранится в ГИМ (№ 54746. Оп. 878), из раскопок 1950, 1951, 1961 гг. – на кафедре археологии Исторического факультета МГУ.

Литература и архивные материалы: Авдусина, 1950.С. 1–2; Бадер, 1947. С. 151; Карта Шуберта; Картотека отдела археологии ГИМ; Карточка Бадера; Кислов, 1951. С. 3; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1953 г. Л. В-V-17; Москва и окрестности. Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Паспорт 1950 г.; Подвигина, 1961. С. 1–17; Топографическая карта 1852/1856 гг.

161. ЗЯБЛИКОВО-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился (?).

Современный адрес: в березово-осиновом лесу, в 60 м к юго-востоку от восточного угла д. 28 по Ореховому б-ру (больница), на левом берегу р. Змеевки (Шмелевки, по карте 1848 г.), на правом берегу оврага левого притока реки, в 180 м от русла реки (40 м от тальвега оврага), в 13 м над водой (абсолютная отметка 143 м), справа от впадения оврага в долину реки.

Старый адрес: около 0,5 км к северо-востоку от северо-восточного края д. Зябликово (по карте 1951 г.).

Изображен на картах 1955/1973 гг.

Исследовался в 1938 г. Д.В. Айзиковым.

Состоял из 1 насыпи высотой 1,3 м, диаметром 11 м, в 1938 г. в ее центре прослеживались ямы, достигавшие уровня материка. По словам местных жителей, курган был раскопан в 1937 г.

Локализация произведена на основании изображения на планшетах топографической съемки М 1:2000, 1955 и 1973 гг. На более поздних съемках курган не отмечен.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 153; Карта Бадера; Карточка Бадера; Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемки 1955, 1973 гг.

162. КАПОТНЯ, ГОРОДИЩЕ (поселение на площадке городища, кладбище). Бронзовый век (?), VIII–VI вв. до н.э. (?), V в до н.э. – начало I тыс. н.э., XII–XIII, XIV–XX вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 120 м к юго-западу от церкви Рождества Богородицы в Капотне, в 90 м к югу от здания детского сада (Капотня, 1-й квартал, д. 14), на мысу коренного левого берега Москвы-реки, ограниченного с севера и юга оврагами, на удалении 220 м от русла реки, на высоте 21–25 м над водой (абсолютные отметки 135–139 м). Городище занято кладбищем.

Обследовалось в начале 1890-х гг. В.А. Городцовым, в 1949 г. – Б.Е. Макаренковым, в 1960–1970-х гг. – Р.Л. Розенфельдтом, в 1975, 1976 гг. – А.Г. Векслером и В.Ю. Дукельским, в 1995 г. – Н.А. Кренке и А.О. Ладыченко, в 1996 г. – С.З. Черновым. Раскопок не проводилось.

Площадка городища имеет треугольную форму, острая вершина которого обращена к реке на запад. Размеры площадки 60 × 70 м, она вся занята могилами. Толщина культурного слоя, по данным Б.Е. Макаренкова, до 0,6 м. На юго-западном склоне имеется терраса-эскарп, располагающаяся на 6–8 м ниже верхней площадки. Ширина этой, вероятно, искусственной террасы 4–10 м. Она покрыта шлейфом темно-серого культурного слоя, свободна от могил и заросла молодыми деревьями. Дерновый покров развит слабо. Именно здесь было сосредоточено наибольшее количество подъемного материала. С напольной стороны городище ограничено сильно заплывшим рвом, по северной части которого проходит асфальтированная кладбищенская дорожка, и сглаженным валом высотой до 1,5 м.

На городище найден камень со сверлиной (возможно, фрагмент каменного топора бронзового века, подъемный материал 1959 г.), глиняные грузики "дьякова типа". В керамическом комплексе преобладает текстильная раннедьяковская керамика V–III вв. до н.э. В том числе имеется фрагмент,

предположительно орнаментированный гребенчатым штампом, что может указывать на возраст VIII–VI вв. до н.э. (сборы 1959 г.). Гладкостенная керамика начала I тыс. н.э. представлена сравнительно меньшим числом фрагментов. На склонах были найдены также единичные фрагменты керамики курганного типа и белоглиняной XVI–XVII вв.

Среди надгробий на площадке городища имеются валунные, которые, вероятно, датируются XIV–XVI вв., надгробия-саркофаги XIX в. и современные.

Коллекции хранятся в Музее истории Москвы (сборы 1959 г.), МОКМ в г. Истра (сборы 1949 г.), музее "Коломенское" (сборы 1995 г.).

Литература и архивные материалы: Криштафович, 1893. С. 418–421; Колобов, 1951; Кренке, 1995; Макаренков, 1949; Паспорт 1976 г.; Чернов, 1996.

163. КАПОТНЯ-1, СЕЛИЩЕ. XI–XIII вв.

Сохранилось?

Современный адрес: в 0,3 км к западу от 1-го Капотнинского пр., в 220 м к юго-западу от церкви Рождества Богородицы в с. Капотня, на терраске под городищем Капотня, на левом берегу Москвы-реки, на расстоянии 240 м от берега, на высоте 10–12 м над уровнем воды.

Исследовано А.К. Станюковичем в 1974 г. При обследованиях Н.А.Кренке и С.З.Чернова 1995–1996 гг. не найдено. Возможно, разрушено коллектором, проходящим у подножия городища.

Найдена лепная керамика железного века и гончарная древнерусская.

Источник информации о памятнике – устное сообщение А.К. Станюковича 1995 г.

164. ЧАГИНО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (Чагинский, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: точно не локализован, район Капотни, к югу (?) от ул. Верхние Поля.

Старый адрес: "на земле крестьян д. Чагиной, от Люберецкой ст. Рязанской ж.д. 7 верст, от Угрешской проселочной дороги 2 версты".

Упомянут в списке 1878 г.

Состоял из 15 насыпей.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 153; Карта Бадера; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

165. МИХАЛКОВО-1, СЕЛИЩЕ (селище на Головинских прудах, по А.Г. Векслеру). XIII–XV, XVII–XVIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 200 м к юго-востоку от д. 20 по Кронштадтскому б-ру (школа-интернат), в 100 м к востоку от восточного угла ограды интерната, в 200 м к северо-западу от д. 40 по Михалковской ул., на повороте левого (западного) берега Большого Головинского пруда (запруженная р. Лихоборка), на надпойменной террасе, в дубовой роще и на урезе воды пруда (абсолютные отметки 157–159 м).

Исследовано в 1970-е гг. А.Г. Векслером, в 1996 г. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Размеры около 50 × 50 м. Культурный слой толщиной около 20 см выявлен под ближайшими к пруду дубами, частично залит водой пруда, размывается. Керамика серая, красная грубая, красная гладкая, белая гладкая наиболее поздней типологической группы. Напротив селища на восточном берегу пруда находится кирпичная беседка усадьбы гр. Панина Михалково.

Литература и архивные материалы: Векслер, 1980. С. 116; Кренке, 2000.

167. ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Сохранился.

Современный адрес: Национальный парк "Лосиный Остров", в березово-сосновом лесу, в 700 м к юго-востоку от построек лесничества № 8, в 2 км к юго-востоку от д. 114, корп. 2 по Ярославскому ш., в 2–10 м к северу от широтной просеки, в 250 м к востоку от ее пересечения с меридиональной просекой, где находится квартальный столб 14/9/12, на правом берегу р. Лось, на левом берегу ручья ее правого притока, в 140 м от русла реки (300 м от русла ручья), в 170 м к востоку от мостика через реку на линии широтной просеки, на высоте 5 м над водой (абсолютная отметка 156 м), в 500 м к юго-западу от могильника Лосиный остров-2 (№ 169).

Исследовался в 1989 г. О.М. Даниловой (раскопано 2 кургана), в 1999 г. – Н.А. Кренке.

Состоял из 7(?) насыпей полусферической и уплощенной формы, высотой 0,6–1,2 м, диаметром 5–10 м. Сохранились 3 явно выделяющихся насыпи с ровиками вокруг них и несколько бугров и ям, атрибуция которых не может быть установлена без раскопок. Место раскопанных курганов поросло молодыми елками, отвалы раскопок образуют валообразные всхолмления.

В кургане № 5 найдены 2 погребения по обряду трупоположения. Одно в насыпи, вытянутое на спине, головой на северо-запад, со скрещенными на груди руками, без вещей. Обнаружены лишь фрагменты керамики с линейным орнаментом. По заключению антропологов, погребенный являлся мужчиной 40 лет. Второе погребение на горизонте – мужское, без вещей, было нарушено более поздним впускным.

В кургане № 6 погребения не обнаружено, в насыпи и ровике отмечено значительное количество углей, найдены фрагменты керамики типа серой с линейным орнаментом. Насыпь кургана № 6 перекрывала насыпь кургана № 5.

Археологическая коллекция хранится в Музее истории Москвы, антропологическая коллекция – в лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН.

В отчете О.М. Даниловой памятник локализован неверно, на другом берегу ручья, примерно в 500 м к северо-востоку от его истинного местонахождения.

Литература и архивные материалы: Данилова, 1989. С. 1–31.

168. ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: Национальный парк "Лосиный Остров", в 720 м к юго-востоку от д. 4 по ул. Ро-

терта (больница), на правом берегу р. Лось, в 50 м к западу от моста из бетонных труб, на опушке сосново-березового леса, примыкает с севера к грунтовой дороге, в 50 м от русла реки, на первой террасе, на высоте 1,5–2 м над водой (абсолютные отметки 147–148 м).

Исследовано в 1989 г. А.В. Трусовым и О. М. Даниловой (вырыт шурф), в 1998 г. – Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским (вырыто 3 зондажа). Поверхность нарушена поздними ямами. Культурный слой имеет мощность до 30 см, представлен темно-бурой супесью, насыщен кусочками печины, колотыми камнями, керамики мало. В шурфе 1989 г. прослежена западина в материке, откуда происходит комплекс керамики типа серой, и розово-серое шиферное пряслице бочковидной формы. Коллекция хранится в Музее истории Москвы.

Литература и архивные материалы: Данилова, 1989.

169. ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Сохранился.

Современный адрес: Национальный парк "Лосиный Остров", в 1850 м к юго-востоку от д. 4 по ул. Ротерта (больница), в липово-березово-еловом лесу (кв. 14/1 и 15/1), по обеим сторонам широкой просеки, ориентированной север – юг, в 147 м к югу от пересечения меридиональной и широтной просеки, ведущей к лесничеству № 8, в 800 м к востоку-юго-востоку от него, на правом берегу р. Лось, в 270 м от ее русла, на правом берегу ручья, правого притока р. Лось, в 130 м от его русла, на высоте 3 м над водой (абсолютная отметка 155 м).

Исследовался в 1998 г. Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Состоит из 3 насыпей полусферической формы, высотой 0,5–1 м, диаметром 8–9 м. Возле насыпей имеются ровики глубиной 0,3–0,7 м. От всех насыпей сохранились лишь половинки, так как они были частично срезаны при прокладке просеки, имеющей кюветы. Половинки двух насыпей сохранились с западной стороны просеки, и одной, самой крупной, с восточной. Эта насыпь поросла старыми липами и имеет в середине яму глубиной около 0,3 м.

Данный памятник не следует смешивать с "курганной группой № 2", описанной в отчете О.М. Даниловой за 1989 г., которая при повторном обследовании 1998 г. была признана не курганным могильником, а естественными бугорками земли возле сгнивших пней.

172. СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ. Находка восточной монеты (дирхема?). IX (?) в.

В первой половине XIX в. у Симонова монастыря была найдена монета – обломок дирхема. П.С. Савельев предполагал, что она относится к кладу IX в.

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 140–141; Качанова, 1954. С. 135; Савельев, 1846. С. 162.

173. СЕЛИЩЕ НА УСТЬЕ ЯУЗЫ, XII–XIV вв.

Не сохранилось?

Современный адрес: между д.1/15 Котельнической наб. (высотное здание) и д. 6 по Гончарной ул. (церковь Никиты Великомученика), д. 5 по Б. Ватину пер., на мысу, образованном при слиянии Москвы-реки и р. Яузы, в 100–250 м от русла Москвы-реки, высота над водой около 15–20 м (абсолютные отметки около 130–138 м).

Исследовалось в 1940 г. П.Н. Миллером и М.Г. Рабиновичем, в 1946 г. – Б.А. Рыбаковым при участии В.А. Мальм и М.В. Фехнер (экспедиция ГИМ), в 1946–1947 гг. – М.Г. Рабиновичем (экспедиция ИИМК), в 1990 г. – И.А. Бойцовым.

Весь материал найден в переотложенном залегании. Наиболее достоверная находка домонгольского времени – розовое шиферное пряслице с зигзагообразной меткой на боковой стороне из раскопа VII 1946 г., расположенного у северо-восточной стороны быв. М. Подгорского пер., на склоне к Москве-реке, с глубины 50 см, из слоя XVIII–XIX вв.

В 1940 г. у подножья холма на Котельнической набережной, в слое XVI–XVIII вв. было найдено около 20 фрагментов керамики курганного типа (?), костяная шпилька от прялки с навершием в виде фигуры петушка, аналогичная находке из слоя XIV в. в Новгороде.

В раскопах 1946 г. Б.А. Рыбакова по обеим сторонам Свешникова пер. было найдено несколько фрагментов керамики, "близких к курганному типу".

В шурфе № 4 1946 г., по адресу Б. Ватин пер, д. 5, расположенному также на склоне к Яузе, в 60 м к востоку от раскопа Рыбакова, найден 1 фрагмент курганной (?) керамики.

В южной части мыса во дворе д. 12 по Гончарной ул. в раскопах 1990 г. были найдены единичные фрагменты керамики типа серой, которые, по предположению И.А. Бойцова, могут маркировать раннесредневековый пахотный слой.

Коллекция 1940 г. хранится в ГИМ; коллекция 1946 г. хранится в Музее истории Москвы.

Литература и архивные материалы: Бойцов, 1990; Мальм, 1949. С. 50; Рабинович, 1946; 1946 а; 1947; 1949; Рыбаков, 1946.

174. СТАНЦИЯ ЯУЗА, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв. (Яузский курганный могильник, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: Национальный парк "Лосиный Остров", в 200 м к востоку от д. 13 по Будайской ул., в 700 м к северо-северо-востоку от ст. Яуза (быв. платформа "6 верста"), в 100 м к востоку от полотна Северной ж/д, считая от отметки "7-й км", в березово-ясеневой роще (на огороде, по данным 1946 г.) на опушке лесного массива, в 20 м к югу от ограды складской территории РСУ-7, на левом берегу ручья Будайка, левом притоке р. Яузы, в 60 м от его русла, на высоте около 5 м над водой (абсолютная отметка 139 м), на правом берегу оврага левого притока ручья Будайка.

Исследован в 1939 г. А.В. Давидович, в 1946, 1947 гг. – М.Г. Рабиновичем при участии Н.Н. Воронина, П.И. Засурцева, В.Б. Гиршберга (раскопано 5 курганов), в 1999 г. место могильника осмотрено Н.А. Кренке.

Состоял из 5 насыпей полусферической формы высотой 0,7–1,4 м, диаметром 6,5–11,5 м, насыпанных из привозного (?) песка, по утверждению руко-

водителей раскопок, на глинистом материке, вокруг насыпей имелись заплывшие ровики.

Найдены 6 погребений по обряду трупоположения, костяки вытянуты на спине, головой на запад, на горизонте и в ямах глубиной 50–60 см. В курганах № 1 и 2 – одиночные погребения без вещей в ямах. В кургане № 2 в насыпи – челюсть лошади, фрагменты керамики типа серой, копейка 1911 г. В кургане № 5 – основное погребение на горизонте без вещей (?), нарушенное кладоискательской ямой, и впускное (?) детское в насыпи или на горизонте, также нарушенное. В кургане № 3 в насыпи керамика с линейным орнаментом, кости коровы, погребение в яме глубиной 50 см, в гробовище, при нем два височных трехбусинных кольца из серебра, ожерелье из 25 серебряных сферических бусин, медные витой тройной и два круглопроволочных разомкнутых браслета, билоновые рубчатый и пластинчатые перстни, кусок ткани. В кургане № 4 погребение на горизонте, при нем ожерелье из стеклянных и пастовых бусин, восьми круглых медных ажурных привесок, одна гладкая, серебряная круглая привеска-образок с изображением святого князя великомученника, два рубчатых серебряных перстня, железное браслетообразное височное кольцо. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (ОФ № 4156, 7388, 28000).

Литература и архивные материалы: Бадер, 1947. С. 104; Карточка Бадера; Паспорт 1949 г.; Рабинович, 1946 а. С. 7–11; Рабинович, 1946 б; Рабинович, 1947. С. 3–5; Рабинович, 1951.

185. КАМЕННАЯ ПЛОТИНА-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: между улицами Минской и Улофа Пальме, примерно в 0,4 км к северу от квартала "Золотые ключи", на правом берегу р. Раменки, правом притоке р. Сетунь.

Старый адрес: близ д. Каменная плотина, в садах.

Сведения собраны в 1927 г. В.К. Карцовым.

По сведениям местных жителей, "в садах близ деревни 20–30 лет назад имелось около 10 курганов, которые были раскопаны владельцами садов, были найдены вещи".

Литература и архивные материалы: Карцов, 1927. С. 14.

186. ЧЕРЕМУШКИ-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: примерно д. 23, корп. 2 по Севастопольскому пр., на водораздельной гряде, на правом берегу р. Коршунихи, в 200 м от русла.

Старый адрес: около 550 м к юго-востоку от церкви Знамения в Черемушках, на поле, у дороги из Черемушек в Зюзино.

Отчетливо изображен звездочками на картах 1826 г. (8 насыпей) и 1838 г. (6 насыпей)

Состоял из 8 насыпей. .

Литература и архивные материалы: Карта 1826 г.; План 1838/1852 гг.

187. ЧЕРЕМУШКИ-5, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: примерно на пересечении улиц Ремизова и Нагорной, на водоразделе, на левом берегу р. Котловки (Чуры), правом притоке Москвы-реки, на расстоянии около 400 м от реки.

Старый адрес: на поляне в лесу, в 900 м к востоку-юго-востоку от церкви Знамения в Черемушках, в 100 м к западу от кирпичных заводов.

Отчетливо изображен звездочками на картах 1826 г. (7 насыпей), 1838 г. (9 насыпей) и на карте 1848 г. (2 насыпи).

Литература и архивные материалы: Карта 1826 г.; Карта Шуберта; План 1838/1852 гг.

188. ДУБИНКИН ЛЕС-3, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: природный парк "Битцевский лес", в дубово-березово-осиновом лесу, в 1350 м к востоку-юго-востоку от д. 47 по ул. Островитянова, стоящего у ее пересечения с Севастопольским пр., вытянуто вдоль правого берега р. Чертановки, к востоку от выемки грунтовой дороги, поднимающейся на водораздел. Расстояние до русла 50 м, высота над урезом воды 13–15 м (абсолютные отметки 184–186 м), в 200 м к северо-северо-западу от курганного могильника Узкое-5 (№ 110).

Обследовано в 1999 г. Н.А. Кренке и В.В. Петровым.

Размеры 150 × 30 м, культурный слой слабоокрашенный (серо-бурый суглинок) толщиной от 20 до 70 см (в понижениях рельефа и у кромки бровки берега). На территории селища заметны, по крайней мере, два места концентрации печин, фиксирующих места построек. Одно в западной части, в 15 м к востоку от выемки дороги через водораздел, другое – в центральной части на мысу между двумя маленькими овражками, примерно в 50 м к востоку от первого.

Найдена керамика курганного типа с линейным орнаментом, крупными включениями дресвы, отогнутыми венчиками с упорами под крышку. Встречена также поздняя красноглиняная керамика XVIII (?) в.

Часть селища, вероятно, уничтожена старинными выработками глины, выемки которых образуют сплошной ряд ям вдоль кромки берега реки.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

189. БЕЛЯЕВО-1, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (курганы у Калужского шоссе).

Не сохранился.

Современный адрес: точно не локализован, возможно, около д. 7 по ул. Бутлерова и д. 86 по Профсоюзной ул.

Старый адрес: с западной стороны Калужского ш. (Старокалужское ш.), напротив курганного могильника Деревлево-1, в 400 м к востоку от д. Беляево.

Изображен на карте 1826 г. не вполне ясными условными знаками.

Состоял из 8 (?) насыпей.

По другим источникам, точных подтверждений наличия могильника нет на месте, отмеченном на карте 1826 г. В списке 1878 г. перечислены "2 кургана на Сечи на земле крестьян Беляевой по ст. Калужской дороге 1/2 версты от дороги". О.Н. Бадер

отождествил это упоминание с могильником Деревлево-2, также находившимся в урочище Сеча (?). Однако в списке 1878 г. могильник Деревлево-2 фигурирует независимо от Беляевских курганов с очень сходными ориентирами ("1/2 версты от Калужской дороги"). Отсутствие припоминаний о наличии курганов у жителей д. Беляево, отмеченное О.Н. Бадером, может указывать на то, что курганы были срыты давно. Показанные на карте 1951 г. курганоподобные насыпи с западной стороны Калужского шоссе, вероятно, курганами не являлись, так как работавшие в этом районе археологи Г.Б. Федоров, И.К. Цветкова, Г.П. Смирнова их не могли не увидеть.

Таким образом, с одной стороны, вероятность того, что значки, отмеченные на карте 1826 г., являлись древнерусскими курганами невелика, но, с другой стороны, учитывая указания списка 1878 г., можно допустить, что где-то в районе д. Беляево и рядом с Калужским шоссе были курганы, утраченные еще в XIX в.(?).

Литература и архивные материалы: Карта 1826 г.; Москва и окрестности. Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Саблин, 1879. С. 187; Сведения о курганах... 1878 г.

190. ЗЮЗИНО-3, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: природный парк "Битцевский лес", в молодом дубово-липовом лесу (60–80 лет), в урочище "Гривенки" в 1600–1750 м к востоку-юго-востоку от д. 45 корп. 1 по ул. Островитянова, на пересечении с Севастопольским пр., в 2 км к югу от круга на перекрестке Балаклавского и Севастопольского пр., на левом берегу р Чертановки. Расстояние до русла 30 – 50 м, высота над урезом воды 18–20 м (абсолютные отметки 180–182 м), в 400 м к югу от курганного могильника Зюзино-6 (№ 104), в 100 м к северу и северо-востоку от селища Дубинкин лес-3 (№ 188).

Обследовано в 1999 г. Н.А. Кренке, В.В. Петровым и П.В. Медведевым.

Селище состоит из двух объектов. Первый (западный) имеет размеры 50 × 20 м, второй (восточный) отстоит от западного на 100 м к востоку и имеет размеры 20 × 30 м. Культурный слой слабоокрашенный (серо-бурый суглинок) толщиной от 20 до 50 (?) см. Находки керамики зафиксированы в кротовинах, на тропе, идущей по краю берега. Примерно в центре западной части селища заметно темное пятно диаметром до 15 м и скопление печины у самой тропы, где концентрируются находки керамики, которое, видимо, фиксирует место постройки. Аналогичное пятно темно-окрашенного слоя диаметром 10 м, насыщенного печиной и керамикой, выявлено и в восточной части селища. Заложенный в пределах этого пятна зондаж показал, что на глубине 22 см от современной поверхности начинается темно-серый углистый слой, насыщенный камнями, керамикой и печиной. Пятно находится на выположенном участке в 15 м от бровки крутого берега, с восточной стороны в 20 м от него проходит тальвег слабовыраженной ложбины, возможно, являющейся старинной дорогой. На мысу у обрыва также найдена печина.

Найдена керамика курганного типа с линейным орнаментом, крупными включениями дресвы, отогнутым венчиком с упором под крышку и прямо стоящим "воротничковым" венчиком. Керамика более позднего облика не встречена.

Часть селища, вероятно, уничтожена старинными выработками глины, выемки которых образуют сплошной ряд ям вдоль кромки левого берега реки.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

191. КУРЬЯНОВО-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIV (?) вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 800 м к северо-западу от Курьяновской овощной базы (Проектируемый пр., д. 1), в 500 м к востоку-юго-востоку от Дьякова городища, 700 м к северо-востоку от д. 31 по Каширскому ш. (МИФИ), у кромки левого берега Москвы-реки, в 280 м ниже по течению от устья сточного канала Курьяновской станции аэрации, в 2 м от воды, культурный слой на высоте 2–3 м от уреза воды (абсолютная отметка 118 м).

Старый адрес: в 1000 м к юго-западу от д. Курьяново.

Исследовано в 1998 г. Н.А. Кренке, А.Л. Александровским, С.З. Черновым и Б.Е. Янишевским.

В обрыве берега, подмытого рекой, прослежена почва серо-бурого цвета, погребенная под более светлыми бурыми суглинистыми пойменными отложениями мощностью 1, 4 м. Толщина погребенной почвы до 0,5 м. Выявлена яма от постройки, начинающаяся со среднего уровня погребенной почвы. Глубина ямы до 60–80 см. В заполнении очажные (?) камни, печина, угли, керамика типа серой (?). Керамика имеет примесь крупнозернистого песка и дресвы. Линейный орнамент на нижней части стенки сосуда выполнен широкими бороздками (3 мм). По углям из ямы получена радиоуглеродная дата 900±100 лет (ГИН 9868), что при калибровке указывает на возраст в интервале 1003–1256 гг. Наиболее вероятные значения – 1133, 1136, 1156 гг.

Мелкие печинки, камни, угольки простираются в слое погребенной почвы за пределами ямы на расстоянии около 4 м по обе стороны от нее.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

192. ЧЕРТАНОВО-10, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: пересечение Варшавского ш. и Балаклавского пр., на левом берегу р. Чертановки, примерно в 120 м от воды, на высоте 8–10 м над руслом (абсолютная отметка около 155 м), в 120 м к юго-западу от могильника Чертаново-1 (№ 121).

Старый адрес: 250 м к западу от моста Серпуховского ш. через р. Чертановку, 250 м к северо-западу от северного края д. Чертаново.

Изображен на картах 1838, 1856 гг.

Состоял из 1 насыпи.

Литература и архивные материалы: Топографическая карта 1838 г.; Топографическая карта 1852/1856 гг.

193. АННИНО-1, СЕЛИЩЕ. XII–XIV (?), XVII–XIX вв. (Кузьминское- 4, по С.З. Чернову).

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,1 км к востоку от парка "Кузьминки" (ул. Тополевая аллея), в 300 м к юго-востоку от д. 23 по ул. Чугунные ворота, в 180 м к западу от д. 168 по Волгоградскому пр. (Госпиталь ветеранов войны № 2), в 1050 м к востоку от церкви Влахернской иконы Божией Матери в усадьбе Кузьминки, в 130 м к северо-востоку от восточной оконечности Верхнего Кузьминского пруда, на первой террасе правого берега р. Голяданки, левого притока р. Грайвороновки, в 90 м от реки, на высоте 2–3 м над уровнем воды (абсолютная отметка 132–133 м), на пустыре, частично занятом огородами, под линией электропередач.

Обследовано С.З. Черновым в 1998 г. (раскопано 36 кв.м).

Размеры 110 × 70 м, культурный слой толщиной 0,3 м, темно-серого цвета. Древнерусский культурный слой распространен на площади 40 × 40 м, в нем обнаружена постройка 4 × 8 м, углубленная в землю на 0,6 м. В постройке – остатки печи-каменки размером 2,5 × 0.8 м, глиняные обмазки. По углям из подпечной ямы получена радиоуглеродная дата 870±40 лет (ГИН 9931), что указывает на календарный интервал с 1045 по 1218 г. В яме найдена керамика курганная, серая, стеклянный древнерусский браслет темно-зеленого цвета с желтым и красным перевитьем. В слое селища найдена также керамика чернолощеная, белоглиняная с зеленой поливой, фрагменты белоглиняных корчаг, фаянс, фарфор.

Интерпретируется как поселение великокняжеского Васильцова стана в XIII–XIV вв., в XVIII–XIX вв. – д. Аннино, затем запустевшая.

Литература и архивные материалы: Чернов, 1998.

194. МАТВЕЕВСКОЕ-4, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв. (возможно, идентифицируется с Матвеевским-3, по О.Н. Бадеру).

Не сохранился.

Современный адрес: Нежинская ул., д. 10, на правом берегу р. Сетуни, у отвершка оврага, на его правом берегу, на расстоянии 300 м от реки, на высоте около 24 м над водой (абсолютная отметка 155 м), на водораздельной гряде, на правом берегу р. Сетуни, в 200 м от русла.

Старый адрес: около 200 м к северо-западу от северного края д. Матвеевское, на поле, в 700 м от северного края д. Аминьево.

Изображен на картах 1826 и 1838 гг. На карте 1826 г. курганы показаны в виде двух скоплений в 6 и 4 насыпи. Между скоплениями расстояние около 100 м. На карте 1838 г. показано одно скопление в 16 насыпей. .

Литература и архивные материалы: Карта 1826 г.; План 1838/1852 гг.

195. ФИЛИ-2, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: около 100 м к северо-западу от д. 12 по ул. Кульнева, на правом берегу Москвы-реки, на мысу при впадении в реку оврага, на правом берегу последнего, в 80–100 м от реки, в 100–150 м выше по течению от моста кольцевой железной дороги.

Старый адрес: в 200 м к северу от северного края д. Фили, на поле.

Изображен на карте 1838 г. Состоял из 5 курганов. Никаких других данных, подверждающих атрибуцию значков, на карте не имеется.

Литература и архивные материалы: План 1838/1852 гг.

196. РАМЕНКИ-2, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 200 м к северу от д. 62 по Мичуринскому пр., в 200 м к северо-востоку от д. 110, корп. 1 по ул. Лобачевского, в 300 м к востоку-юго-востоку от газгольдерной станции.

Расположено на левом берегу р. Раменки, в 60–80 м от ее русла на высоте 2–4 м над уровнем воды (абсолютные отметки 145–147 м), на склоне первой надпойменной террасы, примерно в 250 м к юго-востоку от места, где были расположены курганы группы Матвеевское-1 (№ 51).

Старый адрес: в 700 м к югу-западу от западного края д. Раменки.

В 2000 г. обследовано Н.А. Кренке и А.О. Ладыченко. Селище испорчено при земляных работах, связанных с прокладкой коллекторов теплосети и устройством трассы мотогонок. Культурный слой сохранился в переотложенном виде на склонах террасы, ранее разрабатывавшейся под огороды, и на обочинах мототрассы.

Находки керамики концентрируются в трех пунктах (расстояние между крайними точками 120 м) по обеим сторонам мототрассы, спускающейся с высокого берега в пойму. Слой темно-бурый мощностью у подошвы террасы до 0,5 м, очень сильно нарушен земляными работами и частично перекрыт наваленным балластом.

Находки представлены керамикой курганного типа с волнистым и линейным орнаментом. Около четверти фрагментов изготовлены из беложгущейся глины.

Кроме того, единичные фрагменты встречены на пологом спуске (бывшее поле), в 50 м к северу от зоны концентрации основных находок. Здесь же найдены и отдельные очажные камни (возле опоры ЛЭП). Возможно, это место отдельно стоявшей постройки.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

197. РАМЕНКИ-3, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 250 м к юго-востоку от д. 25, корп. 3 по ул. Раменки, на бровке первой террасы левого берега р. Раменки, в 30 м ниже по течению от земляной дамбы, по которой проходит асфальтированная пешеходная дорога, на расстоянии 30–40 м от русла реки и на высоте 4–7 м над водой (абсолютные отметки 156–159 м). примерно в 150 м к северо-северо-востоку от курганной группы Раменки-3, зафиксированной на карте 1838 г.

Старый адрес: в 700 м к югу от центра д. Раменки.

В 2000 г. обследовалось Н.А. Кренке.

Культурный слой темно-серого цвета залегал на правом берегу овражка при его устье. В овражке имеется родник. Толщина культурного слоя около 20 см. В прошлом участок использовался под пашню. Недавно при прокладке коллектора на террито-

рии селища проводились земляные работы, от которых остались ямы и навалы грунта, в том числе перемещенного культурного слоя. В 1990-е гг. территория селища использовалась и под огороды.

Участок распространения находок имеет размеры 20 × 40 м. В состав подъемного материала входит керамика курганного типа, в том числе сделанная из белой глины. Орнаментация линейная, рифлением, многорядной волной.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

198. РАМЕНКИ-4, СЕЛИЩЕ. XIII–XIV, XVII–XIX вв.

Сохранилось фрагментарно.

Современный адрес: в 200 м к юго-востоку от д. 25, корп. 3 по ул. Раменки, на бровке первой террасы левого берега р. Раменки, на расстоянии 40–50 м от ее русла, на высоте 2–7 м над водой (абсолютные отметки 152–157 м), в 120 м ниже по течению от дамбы через р. Раменку, по которой идет пешеходная дорога к микрорайону Раменки, в 60 м к юго-западу от селища Раменки-3 и в 200 м к северу от курганной группы Раменки-3.

Старый адрес: в 700 м к югу от центра д. Раменки.

В 2000 г. обследовалось Н.А. Кренке. Культурный слой темно-бурого цвета (супесь) прослежен на участке склона левого борта овражка при его устье (вершина оврага засыпана современным мусором), впадающего слева в Раменку. Толщина слоя до 40 см. Протяженность полосы, где он сохранился вдоль берега оврага, – 15 м. Зона находок несколько больше.

Поверхность террасы, где располагалось поселение, и бровка берега спланированы при проведении современного благоустройства (по бровке берега проведена дорога, а выше насыпан холм).

Находки приурочены к ступенчатой поверхности огородных террас на склоне. Среди подъемного материала преобладает сероглиняная керамика, имеется красноглиняная, найдены также кусочки печины. Кроме того, на поверхности встречены фрагменты поздних типов керамики XVIII–XIX вв. (поливная, красноглиняная, белоглиняная), а также кости крупного рогатого скота и других домашних животных. Склон оврага сильно загрязнен современным мусором.

У подножия склона в тальвеге оврага находится родник, показанный на карте 1951 г.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

199. РАМЕНКИ-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в парке "50-летия Октября", в 350 м к югу от д. 25, корп. 3 по ул. Раменки. Располагался на склоне левого берега р. Раменки между двух оврагов на удалении 100–150 м от русла реки (950 м к юго-востоку от ее устья), на высоте 14 м над водой (абсолютные отметки 166–168 м).

Старый адрес: в лесу (с конца XIX в. – на поле), на расстоянии 1 км к северо-западу от северного края д. Никольское и в 0,8 км к югу от южного края д. Раменки.

Изображен на карте 1838 г. Показано 8 курганов. В 2000 г. место курганного могильника было обследовано Н.А. Кренке, следов курганов не обнаружено.

Литература и архивные материалы: Топографическая карта 1838 г.

200. РАМЕНКИ-5, СЕЛИЩЕ. XII–XIII, XVII–XIX вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 500 м к юго-востоку от д. 11, корп. 1 по ул. Раменки, на правом берегу р. Раменки, на стрелке мыса при слиянии двух ее отвершков, на расстоянии 15 м от русла, на высоте 5–6,5 м от воды (абсолютные отметки 159–161 м), в 500 м к востоку-северо-востоку от селища Раменки-3, в 450 м выше по течению от дамбы через р. Раменку, по которой идет асфальтовая пешеходная дорога из парка "50-летия Октября" к жилым домам по ул. Раменки.

В 2000 г. обследовано Н.А. Кренке. Площадка подтреугольной формы имеет размеры 30 × 25 м, задернована, на ней растут три молодые ивы. С севера ограничена бетонным забором автобазы. На селище проводились земляные работы, часть поверхности снивелирована (возможно, брался грунт для подсыпки основания под забор). На бровке берега имеются современные навалы, включающие бетонные блоки. В недавнем прошлом участок использовался под огород. Культурный слой – темно-серая золистая супесь толщиной до 20 см, залегает на материковой светло-бурой супеси.

Подъемный материал представлен преимущественно сероглиняной керамикой с линейной орнаментацией. Кроме того, найдено несколько фрагментов белоглиняной гладкой, красноглиняной поздней и поливной (цвет поливы – коричневый и желтый) посуды. В обнажении культурного слоя в северо-западной части селища найдено глиняное грузило от рыболовной сети. На поверхности площадки селища много современного мусора – куски бетона, железо, пластик, бутылочное стекло.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

201. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК У ОВРАГА СТУДЕНЫЙ. XII–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: в районе пересечения Карамышевской наб. и ул. Д. Бедного.

Старый адрес: левый берег Москвы-реки, в 300 м вниз по течению от оврага Студеный, близ Филей. Локализация оврага Студеный по публикации А.П. Павлова (1946).

В 1932 г. обследован геологом Д.Д. Подаговым, информация с его слов была записана А.В. Арциховским.

Костяки залегали на глубине 0,5 м от поверхности земли, курганная насыпь отсутствовала. Погребения были обнаружены в размыве берега оврага.

Найдены два семилопастных и трехбусинное височные кольца, браслет, калачевидное кресало, бубенчик, бусы из хрусталя и сердолика. Семилопастные кольца были найдены лежащими в глиняном горшке.

Коллекция хранится в ГИМ (№ 75043. Оп. 18).

Литература и архивные материалы: картотека отдела археологии ГИМ; Павлов, 1946.

202. МОХОВАЯ УЛ., СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Современный адрес: во дворе между д. 9 по Моховой ул. (факультет журналистики МГУ) и д. 4 по Романову пер.

Расположено в пределах долинного зандра (третья надпойменная терраса) левого берега Москвы-реки, на правом берегу р. Неглинной, в 280–300 м от ее русла, на правом берегу ее притока – Успенского вражка, на высоте около 12–14 м над уровнем р. Неглинной до ее заключения в трубу. Абсолютная высотная отметка поверхности почвы, к которому приурочено поселение, – 138,5 м.

Исследовано в 1996–1998 гг. Н.А. Кренке и И.А. Бойцовым, в 2002 г. – Н.А. Кренке, М.О. Жуковским, В.С. Нефедовым, М.А. Молошниковой.

Остатки древнерусского поселения и окружавших его полей обнаружены под 3-метровыми напластованиями культурного слоя XV–XX вв. Всего в песчаном материке было выявлено 11 ям древнерусского времени. В том числе 8 из них принадлежали остаткам построек.

В раскопе 1998 г. одна из ям была обнаружена под полом каменного здания конца XIX – начала XX в. Ее размеры составляли 3 × 1,5 м, глубина до 80 см. В заполнении этой ямы был найден комплекс керамики курганного типа и серой с линейно-волнистым орнаментом, а также характерный набор вещей: фрагменты семи стеклянных браслетов, два медных пластинчатых перстня, витой браслет (4 × 2), боковое колечко от семилопастного височного кольца, железный цилиндрический замок, шиферное пряслице. Постройка сгорела в пожаре. По углям были получены три радиоуглеродные даты: 1000±40 (ГИН 9575), 870±40 (ГИН 9581) 730±40 (ГИН 9577). В другой яме, расположенной в 5 м от первой и частично разрушенной печью XVI в., было найдено шиферное пряслице.

При зачистке материка на расстоянии около 3–15 м от ямы постройки были прослежены пахотные борозды, хорошо различимые на фоне белесо-желтоватого подзолистого горизонта погребенной лесной дерново-подзолистой почвы. В пахотном слое были найдены фрагменты керамики курганного типа, обломок стеклянного браслета и решетчатого медного перстня.

В раскопах 2002 г. было выявлено 5 ям от построек древнерусского времени на расстоянии 30–35 м к северу от построек, обнаруженных в 1998 г. В заполнении этих ям были найдено значительное количество керамики, один стеклянный браслет и шиферное пряслице. Между двумя группами построек прослежена пашня.

Литература и архивные материалы: Александровский и др., 1998; Бойцов и др., 1998; Кренке, 1996; 1998; 2001; 2002; 2002а; Кренке и др., 2003.

203. КРЫЛАТСКОЕ. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕЛА. XI–XII вв.

На правом берегу Попова оврага, огибающего с севера церковь Рождества Богородицы в Крылатском, в 100 м к западу от Крылатской ул. и в 250 м к востоку-северо-востоку от этой церкви на поверхности огорода, в 20 м от русла оврага и в 4 м над уровнем ручья в 1994 г. В.А. Зарихиным была найдена медная подвеска-топорик XI–XII вв. Находка обнаружена металлоискателем в поверхностном слое почвы. Заложенный на месте находки шурф (работы 1998 г. Н.А. Кренке и С.З.Чернова) не дал находок древнее XVII в. Площадь шурфа 1,5 кв. м, мощность культурного слоя до 0,9 м. Подвеска-топорик хранится у В.А. Зарихина.

204. ТЕПЛЫЙ СТАН-3, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв. (Богородское).

Сохранилось.

Современный адрес: в 0,2 км к востоку-северо-востоку от д. 12 по ул. Академика Виноградова, в березовом лесу (Тропаревский лесопарк), на первой террасе левого берега р. Очаковки, левого притока р. Раменки, в 30 м к юго-востоку от края леса, между двух овражков, напротив устья Купринского оврага, в 150 м к востоку от ворот Тропаревского лесопарка, в 2–5 м от берега пруда (25 м от русла запруженной Очаковки), на высоте 4–10 м над уровнем пруда (7–13 м над руслом реки). Абсолютные высотные отметки 203–209 м.

В 1997 г. обследовано Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским.

Размеры 70 × 70 м, культурный слой серо-бурый суглинок толщиной до 0,3 м, наиболее отчетливо проявляется в северной части селища. Между деревьями здесь прослеживаются скопления сорной растительности (крапивы и пр.), фиксирующей следы человеческой деятельности. С северной стороны селище ограничено пологим овражком, похожим на выемку старой дороги. В южной части селища, примыкающей к заболоченному овражку, темная окраска культурного слоя отсутствует, но встречаются вкрапления печинок в светло-буром суглинке.

Найдено 12 фрагментов гончарной керамики серого/курганного типа с линейным орнаментом. Поселение связано с курганным могильником Богородское-1 (№ 65), от которого отстоит на 220 м к востоку.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

205. ОЧАКОВО-6, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII (?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: Мичуринский пр.. д. 29, корп. 2, на левом берегу р. Очаковки и правом берегу оврага ее левого притока, в 170 м от русла реки (в 45 м от тальвега оврага), на высоте 13 м над водой (абсолютная отметка 168 м).

Старый адрес: в 1500 м к юго-юго-востоку от д. Очаково, в лесу, в 80 м от тропы вдоль левого берега р. Очаковки.

Изображен на карте 1936 г.

Состоял из 3 курганов высотой 0,6–1,1 м, диаметром 8–10 м. В 1951 г. на месте могильника находился карьер по добыче глины.

Литература и архивные материалы: Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:2000. Съемка 1936 г. Л. Д-I-3.

206. КОНЬКОВО-6, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII(?) вв.

Не сохранился.

Современный адрес: примерно на месте д. 108 по Профсоюзной ул., на правом берегу оврага, правого притока р. Очаковки, примерно в 200 м от русла, на высоте около 10–12 м над водой (абсолютная отметка около 235 м).

Старый адрес: в роще, примерно в 300 м к северо-северо-востоку от церкви Троицы в с. Коньково.

Обследован Д.О. Шеппингом в 1869 г. и позже ("На правой стороне большой дороги, против коньковских дворов, красуется на возвышенном месте небольшая березовая роща с правильно засаженными аллеями, принадлежавшая, вероятно, к парку графа Воронцова; ныне часть ее обращена в деревенское кладбище. Посредине рощи большой курган...").

Роща локализована по картам 1848 и 1951 гг.

Литература и архивные материалы: Карта Шуберта; Москва и окрестности. Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951; Шеппинг, 1895. С. 15.

207. ТЕПЛЫЙ СТАН-2, СЕЛИЩЕ. XIII–XV вв.

Современный адрес: Тропаревский лесопарк, в 0,4 км к северо-западу от д. 132, корп. 8 по Профсоюзной ул. (дом престарелых РАН), на мысу при впадении оврага в долину ручья Купринский (правый приток р. Очаковки), на левом берегу Купринского оврага и правом берегу его притока, в 360 м к востоку от устья Купринского оврага, в 200 м к западу от дамбы спущенной плотины на овраге Купринский, на расстоянии 30 м от ручья на высоте 7–9 м над водой (абсолютные отметки 217–219 м), в 260 м к северо-западу от курганного могильника Теплый Стан-3.

Обследовано Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевским в 1996, 1997 гг. Заложено 2 зондажа площадью 1 и 0,09 кв. м. Размеры селища 30 × 40 м, культурный слой толщиной 0,2–0,3 м, серая супесь – серо-бурый суглинок с включением печинок, угольков, камней.

Найдена керамика серая, красноглиняная грубая, белоглиняная грубая (первые два типа преобладают, белоглиняная – единичные фрагменты).

Возможно, что ранний период существования поселения синхронен наиболее поздним погребениям курганного могильника Теплый Стан-3 (середина XIII в.).

Литература и архивные материалы: История Москвы. 1997. Т. 1, карта; Кренке, 2000; Тепцов и др., 1997. С. 324.

208. ШАБОЛОВО-3, КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. XI–XIII вв.

Не сохранился.

Современный адрес: не локализован (усадебный дом в д. Шаболово, принадлежавший Е.Н. Ржевской, находился примерно на месте д. 48 по Новочеремушкинской ул.)

Старый адрес: "1 курган безымянный на земле крестьян сельца Шаболова близ дома г-жи Ржевской при с. Шаболове. по Черемушкинскому шоссе с. Шаболово и в 1 в. от ст. Калужской дороги с с. Семеновского".

На карте 1951 г. изображен курган высотой 1, 2 м, на поле, в 500 м к юго-западу от усадебного дома (Е.Н. Ржевской) в Шаболове, на склоне водораздельной возвышенности в верховьях оврага, левого притока р. Котловки, в 200 м от тальвега оврага, на высоте 10 м над водой (абсолютная отметка 198 м).

Литература и архивные материалы: Москва и окрестности. Топографическая карта М 1:10000. М., 1951; Саблин, 1879; Сведения о курганах... 1878 г.

210. КЛАД ДИРХЕМОВ НА КУНЦЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ. VIII–IX вв.

Клад был обнаружен в 1998 г. В.А. Зарихиным. Вся информация с его слов. Монеты лежали недалеко друг от друга в пределах участка 20 × 20 м на северном склоне между верхней площадкой городища и первой террасой. Всего на северном склоне площадки городища было обнаружено четыре половинки дирхемов. По определению Г.А. Федорова-Давыдова, они могут быть атрибутированы следующим образом: 1) анонимная, чеканена в Аль-Мухаммади, точный год неясен, по типу 191 или 192 г. х. (806–808 гг.); 2) ал-Мумин в бытность его наследником халифа. Около 180 г.х. (790 г.); 3) подражание дирхему Мединет ас-Салам эпохи халифа Махди 136–158 г. х. (753–775 гг. н.э.); 4) видимо, подражание дирхему халифа Махди 136–158 г. х. (753–775 гг. н.э.).

Монеты хранились у В.А. Зарихина.

213. НЕСКУЧНЫЙ САД-3, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: Нескучный сад, в 400 м к западу-северо-западу от д. 28 по Ленинскому пр., на бровке правого берега оврага, на дне которого находится пруд, в 30 м к югу от берега пруда, на 20 м выше уреза воды в нем, в 110 и к востоку-юго-востоку от берега Москвы-реки, в 30 м выше уреза воды в ней (абсолютная отметка 145 м), на территории липового парка, в 140 м к юго-юго-западу от селища Нескучный сад-1 и в 200 м к северо-востоку от селища Нескучный сад-2.

В 2000 г. обследовано Н.А. Кренке и А.О. Ладыченко. Собран подъемный материал. Площадь зоны распространения находок 15 × 20 м. Культурный слой темно-серая супесь незначительной мощности (около 20 см), на бровке берега оврага намыв культурного слоя до 0,8 м. Имеются включения печинок. Керамика типа курганной с волнистым и линейным орнаментом.

В 30 м к югу от селища у бровки берега оврага встречены единичные фрагменты белоглиняной керамики XVII в.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

214. МЯКИНИНО-4, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Не сохранилось.

Современный адрес: Московская обл., 750 м к северу от северного края д. Мякинино, 300 м к северу от забора детского лагеря фабрики Гознак, в 300 м к западу от пешеходного перехода через МКАД и в 600 м к западу от пересечения ул. Исаковского и Неманского пр. в Москве. На поле, в 175 м от бровки правого берега Москвы-реки, на высоте 12–14 м над водой (абсолютные отметки 137,5–139,5 м), в 300 м к северу от курганной группы Мякинино.

В 2000 г. обследовано Н.А. Кренке, Б.Е. Янишевским, А.В. Алексеевым, А. Медведем. Собран подъемный материал и вырыт шурф площадью 4 кв. м. Размер селища 70 × 30 м, вытянуто по направлению восток–запад. Толщина культурного слоя до 40 см, нарушен пашней на всю глубину. Материк – светло-бурый суглинок. На поверхности селища встречены очажные камни и глиняные печные обмазки, керамика курганного типа и сероглиняная с линейным орнаментом, железный нож.

В 2003 г. территория селища была застроена.

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000.

218. ЦАРИЦЫНО-2, СЕЛИЩЕ. XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в парке музея-заповедника "Царицыно", на левом берегу р. Язвенки, в 90 м к югу от истоков Верхне-Царицынского пруда, на удалении 80–100 м от русла реки, на высоте 8–9 м над водой (абсолютные отметки 148–150 м), в 60–70 м к северо-северо-востоку от курганного могильника Царицыно-4 (№ 141).

В 2002 г. обследовано Н.А. Кренке и М.А. Молошниковой. Заложено 3 шурфа общей площадью 1, 5 кв. м. Выявлен пахотный горизонт толщиной 20–30 см (серо-бурый суглинок), содержавший редкие включения печины и керамики (два фрагмента) курганного облика с линейной орнаментацией.

Коллекция хранится в музее-заповеднике "Царицыно".

Литература и архивные материалы: Кренке, 2000. С. 11, 12.

219. ОРЕХОВО-8, СЕЛИЩЕ. XII–XIV вв.

Сохранилось?

Современный адрес: в 250 м к юго-западу от д. 65 по Шипиловскому пр., на бровке первой террасы правого берега р. Язвенки, в 50 м выше по течению от эстакады трубопровода, на высоте 2 м над водой, на удалении 5–10 м от русла реки, в 350 м к востоку от курганного могильника Орехово-2 (№ 135).

В 1989 г. обследовано Н.А. Кренке. На площадке террасы, занятой огородами, выявлено пятно темно-бурого культурного слоя (суглинок). Предположительные размеры поселения 30 × 50 м. Подъемный материал включал сероглиняную керамику трехслойного обжига, имеющую аналогии в комплексах XIII в. При повторном обследовании места в 2002 г. было отмечено, что огороды заброшены и заросли травой, подъемный материал отсутствовал.

Коллекция хранится в музее-заповеднике "Царицыно".

Литература и архивные материалы: Кренке, 1989.

220. ОРЕХОВО-7, СЕЛИЩЕ XII–XIII вв.

Сохранилось.

Современный адрес: в 450 м к юго-западу от пересечения Ясеневой ул. и Шипиловского пр., на лугу у кромки леса, на первой террасе левого берега р. Язвенки возле устья небольшого овражка, на расстоянии 15–20 м от русла, в 4 м над уровнем воды (абсолютная отметка 150 м), в 85–90 м к северу от курганного могильника Орехово-2 (№ 135).

В 2002 г. обследовано Н.А. Кренке и М.А. Молошниковой. Заложено 2 шурфа общей площадью 1 м. Культурный слой толщиной до 30 см (бурый суглинок) выявлен на участке 15 × 15 м. Встречены редкие находки серой керамики, печина отсутствовала. Возможно, данный памятник не являлся местом поселения.

Коллекция хранится в музее-заповеднике "Царицыно".

Литература и архивные материалы: Кренке, 2002.

221. ЦАРИЦЫНО-3, СЕЛИЩЕ. XII в.

Сохранилось.

Современный адрес: в парке музея-заповедника "Царицыно", на восточном (правом) берегу Верхне-Царицынского пруда, в 550 м к югу от Большого Царицынского дворца, на мысу, образованном впадением оврага, на выположенном участке склона в 60–100 м от кромки берега, на высоте 19–21 м над урезом воды (абсолютные отметки 155–157 м), в 120 м к юго-юго-западу от курганного могильника Царицыно-2 (№ 149).

В 2003 г. обследовано Н.А. Кренке и М.А. Молошниковой (заложено 5 шурфов общей площадью 17 кв. м). Находки встречены на территории 30 × 60 м. Культурный слой (серо-бурый суглинок) имеет мощность до 30 см. В центральной части селища в шурфе № 2 зафиксировано скопление находок. Здесь найдено более 500 фрагментов керамики курганного типа, орнаментированной горизонтальными линиями, волной, гребенчатым штампом, зубчатым колесиком. Найдено также шиферное пряслице и железные шлаки.

Коллекция хранится в музее "Царицыно".

Литература и архивные материалы: Кренке, 2003 а.

Литература и архивные материалы к Каталогу памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы

Авдусина Г.А. Отчет о раскопках кургана в курганной группе у с. Борисовка (1950) (Архив ИА РАН. Р-1, № 1618).

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1998. Вып. 2.

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. М., 1993. Вып. 208.

Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея Антропологии МГУ. М., 1986.

Алексеева Л.И., Калякин В.Н., Кренке Н.А. Архео-зоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996.

Андреева Е.Г. Фауна Дьяковского городища (в Коломенском) // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1995. Вып. 6.

Антропологическая выставка. Т. 2 // Изв. ОЛЕА и Э. М., 1878. Т. XXXI.

Анучин Д.Н. К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России: По поводу статьи Ф.П. Кеппена: "К истории тарпана в России". СПб., 1896.

Анучин Д.Н. Доисторическая Москва // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Арциховский А.В. Отчет о раскопках курганов в Черемушках под Москвой 12 сентября – 12 ноября 1938 г. (Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 1. 1938. № 21).

Арциховский А.В. Отчет о курганных раскопках близ станции Царицыно под Москвой летом 1944 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 3).

Арциховский А.В. Царицынские курганы // МИА. М., 1947. № 7.

Бадер О.Н. Отчет о работах на строительстве канала Москва–Волга за 1932–1933 гг. // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. / Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 109.

Бадер О.Н. Отчет о работах экспедиции на Москваволгострое в 1934 г. // Археологические исследования в СССР в 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. М., 1947. № 7.

Бадер О.Н., Талицкий М.В., Збруева А.В, Пассек Т.С., Елизарова Н.А., Бадер М.А. Археологические памятники // Археологические работы академии на новостройках в 1932–33 гг. / Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 109.

Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях и результатах надзора за земляными и реставрационными работами на территории Данилова монастыря с 10. 1983 по 04. 1984 (Архив ИА РАН. Р-1, № 9354).

Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях и результатах надзора за земляными работами на территории Данилова монастыря в 1984 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 9355).

Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях и результатах археологического надзора за земляными и реставрационными работами на территории Данилова монастыря в 1985 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 11839).

Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях и результатах археологического надзора за земляными и реставрационными работами на территории Данилова монастыря в 1986 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 11506).

Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях и результатах археологического надзора на территории Данилова монастыря (1987) (Архив ИА РАН. Р-1, № 13827).

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII– начало XV века). М., 1994.

Беляев Л.А. Древности Данилова монастыря (церкви во имя Воскресения Словущего и Даниила столпника) // Культура средневековой Москвы: XIV–XVII вв. М., 1995.

Богданов А. Курганное племя Московской губернии. М., 1865.

Богданов А.П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ. // ИОЛЕА и Э. М., 1867. Т. 4, вып. 2.

Бойцов И.А. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в историческом центре г. Москвы в 1990 г. Т. 6–8 (Архив ИА РАН. Р-1, № 15483, 15484, 15485).

Бойцов И.А., Кренке Н.А., Фролов М.В. Раскопки на "Романовом дворе" в Москве // АО 1998 года. М., 2000.

Бужилова А.П. Вятичи московские: комплексный антропологический анализ // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Векслер А.Г. Археологические работы в Москве // АО 1972 года. М.. 1973.

Векслер А.Г. Археологические памятники // Москва: Энциклопедия. М., 1980.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Московской области и Чертановского могильника в г. Москве в 1982 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 9831 а).

Векслер А.Г., Кондрашев Л.В., Беркович В.А., Бойцов И.А., Гаврилов К.Н. Археологические исследования на территории музея-заповедника "Коломенское" // АО 2001 года. М., 2002.

Векслер А.Г., Бойцов И.А., Гаврилов К.Н., Ладыченко А.О., Маслов В.Е. Новое в изучении археологического комплекса "Дьяково городище" в Москве // АО 2002 года. М., 2003.

Власов В.К., Куликов О.А., Кренке Н.А. Определение абсолютного возраста керамики Дьякова городища радиотермолюминесцентным методом // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.

Герасимов М.М. Заключение о детских костяках, найденных при раскопках курганов у ст. Матвеевская (см. Приложение к отчету Г.П. Латышевой за 1953 г.).

Гоняный М.И., Станюкович А.К. Новые памятники Подмосковья // АО 1981 года. М., 1983.

Горбаневский М.В. Новые находки на Дьяковском городище // СА. 1971. № 1.

Городцов В.А. Дневники археологических раскопок в Московской губернии в 1922, 1923 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 431).

Городцов В.А. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. // Древний мир. 1924. Вып. 1.

Готье Ю.В. Отчет об учебно-показательной раскопке Дьякова городища Московской губ. в 1921 г. (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 88).

Гунова В.С., Кренке Н.А. Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москва-реки // Вестн. МГУ. Сер. географич. 1985. № 1.

Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. Земледелие и система землепользования в долине Москва-реки в железном веке // РА. 1996. № 4.

Данилова О.М. Исследования Теплостанского курганного могильника (1979) (Архив ИА РАН. Р-1, № 8364).

Данилова О.М. Исследования Теплостанского курганного могильника (1980) (Архив ИА РАН. Р-1, № 8180).

Данилова О.М. Отчет о раскопках и обследовании археологических памятников на территории природного национального парка "Лосиный Остров" (1989) (Архив Национального парка "Лосиный Остров").

Дело Императорской археологической комиссии об устроении необходимого порядка в деле собирания и охранения древностей. Начато 27 ноября 1887 г. (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 69/1887).

Дело о раскопке кургана крестьянином с. Тропарева. 1880 (Архив ИИМК. Ф. 1. № 22).

Евтюхова Л.А. Раскопки Л.А. Евтюховой в Каширском уезде Московской губернии (1929) (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 227).

Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873.

История Москвы. М., 1997. Т.1. Карта.

Казанцев В. Царицынский историко-художественный и краеведческий музей // Московский краевед. М., 1997. 1928. Вып. 7, 8.

Карта глазомерной съемки окрестностей Москвы между Звенигородской и Тульской большими дорогами. 1826 г. М 1 дюйм = 200 саж. Снята под руководством полковника Каханова 2-го (РГВИА. Ф.ВУА. № 16961).

Карцов В.К. Разведки В.Карцова в бассейне р. Сетунь Московского у. Дневники (1927) (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 203).

Карцов В.К. К материалам по составлению археологической карты Московской губернии: Археологическая карта бассейна р. Сетунь // 1 МГУ: Сборник научно-археологического кружка. М., 1928. Вып. 1.

Каталог коллекций В.А. Городцова // В.А. Городцов и проблемы современной археологии. М., 1988.

Качанова В.И. Отчет о раскопках курганной группы Фили (1952) (Архив ИА РАН. Р-1, № 679).

Качанова В.И. Топография кладов Москвы и ее окрестностей //Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954.

Кац М.Я. Отчет о результатах работы геофизической группы на территории древнерусских памятников музея "Царицыно" (см. Приложение к отчету Н.А. Кренке за 1989 г.).

Кислов М.Н. Отчет о раскопках кургана в курганной группе у с .Борисово (1951) (Архив ИА РАН. № 1618).

Колобов В.М. Археологические памятники Ухтомского района. Рукопись (Архив МОКМ в г. Истра. 1951).

Коновалов А.А. Отчет о раскопках курганов у б. д. Зюзино (1966) (Архив ИА РАН. Р-1, № 3340).

Кренке Н.А. 1980. Отчет об исследовании Дьяковского городища в 1980 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 7663).

Кренке Н.А. Отчет о разведках и раскопках на территории охранной зоны заповедника "Коломенское" в 1981 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 8482).

Кренке Н.А. Отчет об археологических работах, проводившихся на территории охранной зоны заповедника "Коломенское" в 1982 г. Ч. 2: Разрез вала Дьякова городища и раскоп на площадке.(Архив ИА РАН. Р-1, № 8926).

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на территории музея-заповедника "Коломенское" в 1983 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 9804).

Кренке Н.А. Работы на территории охранной зоны заповедника "Коломенское" //АО 1981 года. М., 1983а.

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на территории музея-заповедника "Коломенское" в 1984 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 10420).

Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА М., 1984. № 178.

Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища и селища "Чертов городок" // АО 1982 года. М., 1984а.

Кренке Н.А. Отчет о раскопках на территории музея-заповедника "Коломенское" и разведках в Подольском, Истринском р-нах Московской обл. в 1985 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 11073).

Кренке Н.А. Раскопки на территории музея-заповедника "Коломенское" // АО 1983 года. М., 1985.

Кренке Н.А. Археологические работы на территории Музея-заповедника "Коломенское" и селище Жуковка в 1986 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 11952).

Кренке Н.А. Вал Дьякова городища // КСИА. М., 1986. Вып. 186.

Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища и селища Чертов городок // АО 1984 года. М., 1986а.

Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Кренке Н.А. Отчет об археологических работах на территории заповедника "Коломенское" в 1987 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 11989).

Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища и селищ в его окрестностях // АО 1986 года. М., 1988.

Кренке Н.А.Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. 1989. № 2.

Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках на территории заповедника "Царицыно" в 1989 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 15971).

Кренке Н.А. Археологическая карта заповедника "Коломенское" // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1991. Вып. 2.

Кренке Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории музея-заповедника "Коломенское" (1991) (Архив ИА РАН. Р-1, № 15954).

Кренке Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории заповедников "Коломенское" и "Горки-Ленинские" (1992) (Архив ИА РАН. Р-1, № 17252).

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня 11–12 вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3.

Кренке Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории музея-заповедника "Коломенское" в 1994 г. и в басс. р. Сукромки Мытищинского р-на в 1993 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 18815).

Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках по долине Москва-реки в пределах г. Москвы в 1995 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А. Отчет о раскопках во дворе дома Романов пер. 4 в 1996 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А. Разведки по долине Москва-реки, комплексные археолого-географические исследования в Москве и Подмосковье// АО 1995 года. М., 1996.

Кренке Н.А. Отчет о разведках на территории Москвы в 2000 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А. Денежный двор: Археологические открытия на территории Московского университета // Вестн. РАН. 2001. № 6.

Кренке Н.А. Отчет о работах на территории запеведника "Царицыно" в г. Москве в 2002 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на Романовом дворе в Москве в 2002 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М., 2003.

Кренке Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории заповедника "Царицыно" в 2003 г. (Архив ИА РАН).

Кренке Н.А., Глазунова А.Н., Глазунова О.Н., Жуковский М.О., Медведев П.В., Молошникова М.А.,

Нефедов В.С., Фараджева Н.Н., Янишевский Б.Е. Раскопки на Романовом дворе в Москве // АО 2002 года. М., 2003.

Кренке Н.А., Лопатин Н.В. Петрографический анализ керамики городищ Дьяково и Тушемля / РА. 1997. № 1.

Кренке Н.А., Нефедова Е.С. Раскопки Дьякова городища 1935 г. // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1995. Вып. 6.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. М., 1988. № 194.

Кренке Н.А., Цепкин Е.А. Рыболовство на Москве-реке с V в. до н.э. по VII в. н.э. // СА. 1991. № 1.

Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., Киселев Д.И. Материалы к археологической карте Природного парка "Битцевский лес" (1995) (Архив ИА РАН, архив Природного парка "Битцевский лес").

Криштафович Н.О. Археологические наблюдения в Московской губернии // Археологические известия и заметки. М., 1893. № 11.

Латышева Г.П. Альбом фотографии к отчету 1953 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 801).

Латышева Г.П. Отчет о раскопках кургана у станции Чертаново Павелецкой ж/д в 1953 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 800).

Латышева Г.П. Отчет о раскопках курганов у ст. Матвеевская Киевской ж/д в 1953 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 800).

Латышева Г.П. Отчет о раскопках курганов у ст. Матвеевская (Киевская ж./д) и Поваровка (Октябрьская ж/д) в 1954 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 960).

Латышева Г.П. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 году // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Тр. МИРМ. М., 1954. Вып. 5.

Латышева Г.П. Отчет о раскопках кургана у станции Чертаново Курско-Донбасской ж/д. (1956) (Архив ИА РАН. Р-1, № 1306).

Латышева Г.П. Отчет о раскопках курганов в группе Коньково и обследовании курганных могильников в поселке Расторгуево в 1958 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2378).

Макаренков Б. Отчет об археологическом обследовании некоторых районов Московской обл., произведенном по заданию МОКМ летом 1949 г. (Архив МОКМ в г. Истра, 1949).

Макарова Т.И., Равдина Т.В. Самилопастные височные кольца с орнаментом // РА. 1992. № 4.

Мальм В.А. Горны Московских гончаров XV–XVII вв. (по материалам раскопок ГИМ 1946 г. // МИА. М.; Л., 1949. № 12.

Миронова В.Г. Свод памятников археологии г. Москвы. М., 1980 (Архив отдела археологических карт и сводов ИА РАН).

Миронова В.Г. Материалы к своду памятников археологии Москвы // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С. 93–104.

Москва: Топографическая карта. М 1:25000. Изд. 1978, 1981 гг.

Москва: Топографическая карта М 1:5000. Изд. 1974 г.

Москва и окрестности: Топографическая карта. М 1:10000. М., 1951.

Москва и окрестности: Топографическая карта М 1: 2000. Съемки 1933, 1934, 1935, 1936, 1938, 1939, 1950, 1951, 1952, 1957, 1958, 1961, 1965, 1968, 1969, 1987, 1992 гг.

Павлов А.П. Геологический очерк окрестностей Москвы. М., 1946.

Петров П.П. Исследование курганных горшков Московской губ. // ИОЛЕА и Э. М., 1879. Т. 31.

План инструментальной военно-топографической съемки города Москвы 1838 г.: Рекогносцировка 1852 г. (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3681).

План окрестностей Ходынского поля 1868/1910 г. (Науч. б-ка им. Горького. Отд. редкой книги. Фонд Величко).

План с. Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землею. 1775 г. (РГВИА. Ф. ВУА. № 19682).

План Царицынского сада с строениями. 1816 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. № 19684).

План части окрестностей города Москвы, снятый поручиком Ляпуновым в 1825 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21378).

Подвигина Н.Л. Отчет о раскопках курганов в курганной группе у с. Борисово. 1961 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2261. С. 1–17).

Рабинович М.Г. Альбом к отчету 1946 г. о раскопках на Яузе (Архив ИА РАН. Р-1, № 1435).

Рабинович М.Г. Дневники и чертежи раскопок на Яузе (1946) (Архив ИА РАН. Р-1, № 402).

Рабинович М.Г. Отчет о раскопках курганной группы у ст. Яуза Северной ж.д. в 1946 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 70).

Рабинович М.Г. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА. М., 1947. № 7.

Рабинович М.Г. Отчет о раскопках курганов у ст. Яуза Северной ж.д. 1947 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 121).

Рабинович М.Г. Отчет о раскопках курганной группы Зюзино-1 (1949) (Архив ИА РАН. Р-1, № 308).

Рабинович М.Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. М.; Л., 1949. № 12.

Рабинович М.Г. Отчет о раскопках курганов у д. Зюзино за 1950 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 564).

Рабинович М.Г. Основные итоги археологического изучения Москвы // КСИИМК. М., 1951. Вып. 41.

Рабинович М.Г., Латышева Г.П. Из жизни древней Москвы. М., 1961.

Равдина Т.В. Отчет об археологических раскопках Царицынских курганов (1960) (Архив ИА РАН. Р-1, № 2096).

Равдина Т.В. Отчет о раскопках Царицынских курганов в 1961 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2436. С. 1–4).

Равдина Т.В. Царицынские курганы // СА. 1963. № 4.

Равдина Т.В. О датировке вятических курганов // СА. 1965. № 4.

Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., С. 182–183.

Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках на Яузе в 1946 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 75).

Саблин М.А. Список курганов Московской губернии // ИОЛЕА и Э. 1879. Т. XXXV.

Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846.

Савков И.В. Курганы с. Черемушки // Сб. научных студенческих работ 1 МГУ. М., 1940. Вып. 11. История.

Самоквасов Д.Я. Историческое значение городищ // Тр. III Археологич. съезда. Киев., 1878. Т. 1.

Самоквасов Д.Я. Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный вчерне им самим между 1910 и 1911 гг. (РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8374).

Сведения о курганах, находящихся в пределах Московской губернии. 1878 г. (РГИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 94).

Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Тр. IX Археологич. съезда. М., 1897. Т. 2.

Сизов В.И. Дьяково городище под Москвой и его отношение к московским и смоленским курганам // Тр. VIII Археологич. съезда. М., 1897. Т. IV.

Спицын А.А. Городища Дьякова типа // Зап. Отд. русской и славянской археологии Императорского Рус. археологич. общества. СПб., 1903. Т. V, вып. 1.

Станюкович А.К. Отчет о проведенных в 1975 г. археофизических и археологических исследованиях в г. Москве, Московской и Смоленской областях (Архив ИА РАН. Р-1, № 5799).

Станюкович А.К. Отчет о комплексных исследованиях на археологических памятниках в Ленинском и Луховицком районах Московской области, г. Москве и Анапском районе Краснодарского края, проведенных в 1977 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 6801).

Станюкович А.К. и др. Исследования московской археофизической экспедиции // АО 1977 года. М., 1978.

Станюкович А.К. Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях в г. Москве, Московской и Псковской областях и Приморском крае РСФСР, проведенных в 1980 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 8752).

Станюкович А.К. Исследование средневековой Боршевы // АО 1980 года. М., 1981.

Станюкович А.К. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г.Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского Районов московской области в 1981 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 8908).

Тепцов Н.В., Аверьянов К.А., Журавлев С.В., Кренке Н.А. и др. История юго-запада Москвы. М., 1997.

Топографическая карта Московской губ. 1838 г., снятая топографами 1-й полуроты М 200 саж в англ. дюйме (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 3641).

Топографическая карта окрестностей Москвы, гравированная при военно-топографическом депо в 1852 г., исправлена офицерами генерального штаба 6-го пехотного корпуса в 1852 г. и чинами военно-топографического депо в 1856 г. (Музей истории Москвы. ОФ. № 21507, папка 4. М 1 верста в английском дюйме).

Топографическая карта окрестностей Москвы, снятая под рук. генерал-лейтенанта Шуберта в 1838 и 1839 гг., гравированная при военно-топографическом депо в 1848 г. М 1:42000 (ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21380. Карта Шуберта).

Федоров Г.Б. Раскопки курганов вятичей в 1939 г. студентами МГУ близ с. Деревлево Московской области (Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1939 г. Оп. 2. Д. 42).

Филимонов Г.Д. Краткое известие о раскопках Чертова городища под Москвой // Вестн. Об-ва древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1876. Вып. 11–12.

Харузин А.Н. Черепа из раскопок В.И. Сизова в Московском уезде // ИОЛЕА и Э. Дневник антропологического отдела. М., 1890. Вып. 6.

Ходаковский З. Историческая система Ходаковского // РИС. М., 1838. Т. I, кн. III.

Ходаковский З. Донесение о первых успехах путешествия по России Зориана Долуга-Ходаковского из Москвы 13-го липца 1822 г. // РИС. М., 1844. Кн. VII.

Чернов С.З. Историко-археологическое исследование памятников археологии Капотненского городища, селища и некрополя в с. Капотня в 1996 г. (Архив ИА РАН).

Чернов С.З. Охранные предпроектные археологические и историко-ландшафтные изыскания для воссоздания ансамбля памятника-храма Рождества Богородицы в Крылатском в 1996 г. (Архив ИА РАН).

Чернов С.З. Предпроектные архитектурно-археологические изыскания для разработки ТЭО природного и историко-рекреационного комплекса "Кузьминки–Люблино" за 1998 г. (Архив ИА РАН).

Шаболово, 1997 // Усадебное ожерелье юго-запада Москвы. М., 1997.

Шеппинг Д.О. Древний Сосенский стан Московского уезда. М., 1895.

Шеппинг Д.О. Курганы села Конькова // Тр. МАО: Древности. М., 1900. Т. XVI.

Щавелев С.П. Историк Русской земли: Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск. 1998.

Юшко А.А. Отчет об обследовании археологических памятников на территории г. Москвы и ее окрестностей (Архив ИА РАН. Р-1, № 4006).

Krenke N.A. D'yakovo hillfort (600 BC – 700 AD) in Moscow methods of investigations // Time and environment – A PACT seminar. Helsinki, 1996. N 32.

Приложение 4

Отчет о раскопках курганов в Пироговской курганной группе Мытищинского района Московской области[1]

Т.А. Пушкина

В июне 1970 г. студентами кафедры археологии МГУ по открытому листу № 45/1970 были раскопаны два кургана в Пироговской курганной группе Мытищинского района Московской области. Группа расположена в сосновом лесу на левом берегу р. Клязьмы напротив дер. Каргашино. Раскопки предприняты с охранной целью, так как насыпи курганов пострадали во время лесопосадок.

Курганная группа исследовалась Ю.Л.Щаповой в 1954, 1956 и 1959 гг. и Д.А. Авдусиным в 1957, 1958 гг.[2] План группы снят Ю.Л. Щаповой в 1954 г. Раскопками 1970 г. были исследованы два кургана в южной части группы: № 13 и № 14, продолжена нумерация, начатая предыдущими раскопками.

При раскопках обнаружены остатки двух погребений по обряду трупоположения: на горизонте под насыпью кургана № 13 и в могильной яме под насыпью кургана № 14. Оба погребения были ориентированы головами на запад. Вещи найдены только в кургане № 13 – это восемь стеклянных зонных синих бусин, бронзовая подвеска в виде "птицы-ангела", маленькая железная "скорлупка" и обломок венчика гончарного сосуда. Аналогичные стеклянные синие бусы найдены в Шустинском могильнике, который датирован XI–XIII вв.[3] Бронзовая подвеска такой же формы известна из раскопок Владимирских курганов и датирована А.А. Спицыным XI–XII вв.[4] Погребение в кургане № 13 Пироговской группы, вероятно, может быть также отнесено к XI–XII вв. Ю.Л. Щапова датировала раскопанные ею курганы в пределах XII–XIV вв.[5] Из-за отсутствия инвентаря при погребении в кургане № 14 можно предположить, что оно не выходит из рамок датировки всей группы в целом, и считать его совершенным не ранее XII в.

Курган № 13.

Курган № 13 находился в южной части группы, рядом с раскопанным в 1955 г. курганом № 4, к востоку от него (рис. 90, А, Б).

Насыпи кургана угрожали проводившиеся посадки деревьев, в результате которых курган неоднократно засыпался.

Насыпь кургана имела удлиненную форму: поперечник по линии север–юг 11м, по линии запад–восток – 7,6 м. Высота с севера 0,77 м и 1,04 м с юга. Поверхность была слабо задернована. В западной половине кургана – 5 сосенок, поперечники стволов 0,15–0,2 м, сосны росли по линии север–юг на расстоянии 3,2 м от осевой линии кургана. Ровики не прослеживались.

Насыпь состояла из песка темно-желтого цвета, разрыхленного корнями деревьев. В насыпи на разной глубине встречались отдельные угольки. Скопление угля отмечено в северо-восточной части кургана на глубине 0,95 м и расстоянии от 4 до 5 м ЦС[6] в виде пятна в форме неправильного овала размером 1 × 12 м, толщиной 0,08 м. В профиле пятно не прослеживалось. Второе пятно расположено в юго-восточной части кургана на глубине 1,01 м и расстоянии 2,2 м ЦВ и 5,4 м ЦЮ. Пятно в форме неправильного круга размером 0,3 × 0,2 м, толщиной до 0,1 м. Третье пятно угля отмечено в западной части кургана на глубине 0,75 м и расстоянии 2 м ЦЗ и 0,7 м ЦЮ, пятно вытянутой формы, размером 0,6 × 0,16 м, толщиной 0,03–0,05 м.

В западной половине кургана на глубине 1,62 м, на расстоянии 2,25 м ЦЗ и 2,53 м ЦЮ найден обломок венчика гончарного сосуда серо-желтого цвета, с незначительной примесью песка в тесте (рис. 90 Г, *1*). В восточной части кургана на глубине от 1,59 до 1,64 м и расстоянии 2,44 ЦВ и 2,75 ЦЮ обнаружены остатки погребения: два обломка черепной кости, обломки челюсти и два зуба (молочных?). Около черепной кости найдена бронзовая подвеска в виде "птицы-ангела" (рис. 90 Г, *2*). К востоку от черепной кости на расстоянии 2,64 м ЦЮ и 2,6 м ЦВ найдены две стеклянные зонные синие бусины (рис. 90 Г, *3*, *4*). Бусины лежали на расстоянии 0,1–0,16 м к востоку от подвески. На расстоянии 2,68 м ЦВ здесь же найдены еще две стеклянные зонные синие бусины (рис. 90 Г, *5*, *6*). Рядом с ними лежали две двойные стеклянные синие бусины (рис. 90 Г, *7*, *8*) и железная "скорлупка", сильно проржавевшая (рис. 90 Г, *9*).

Остатки погребения лежат на материке, плотном темно-желтом песке. Высота курганной насыпи от вершины оказалась равной 1,64 м. Судя по расположению костей и вещей, погребенный был положен головой на запад; видимо, похоронен был ребенок.

Профиль север–юг (рис. 90 В).

Профиль насыпи представляет собой часть сегмента. Вся поверхность покрыта слоем дерна толщиной 0,1–0,12 м. Ниже располагается прослойка песка темно-желтого цвета, толщиной в среднем 0,1 м. В северной части профиля прослойка начинается на расстоянии 3,7 м ЦС и простирается до 5,17 м ЦЮ. Под этой прослойкой прослеживается слой погребенного дерна толщиной до 0,05–0,08 м. Этот слой начинается на расстоянии 3,75 м ЦС и кончается на расстоянии 4,4 м ЦЮ. Ниже залегает

[1] Публикуется по рукописи: Архив ИА РАН. Р-1, № 4371.

[2] *Щапова Ю.Л.* Отчет о раскопках курганов у села Пирогово (Архив ИА РАН. Р-1, № 1383, 5727); *Авдусин Д.А.* Отчет о раскопках курганов в Мытищинском районе (Архив ИА РАН. Р-1, № 1489, 1824).

[3] *Елизарова Н.А.* Шустинский курганный могильник // МИА М.; Л., 1950. № 13.С. 177.

[4] *Спицын А.А.* Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. № 15. С. 101.

[5] *Щапова Ю.Л.* Отчет о раскопках курганов у села Пирогово (Архив ИА РАН. Р-1. № 973. С. 8).

[6] Сокращения: ЦС, ЦЮ и т. д. – расстояние от центра к северу, к югу и т.д., глубины измерялись от центрального кола на вершине кургана.

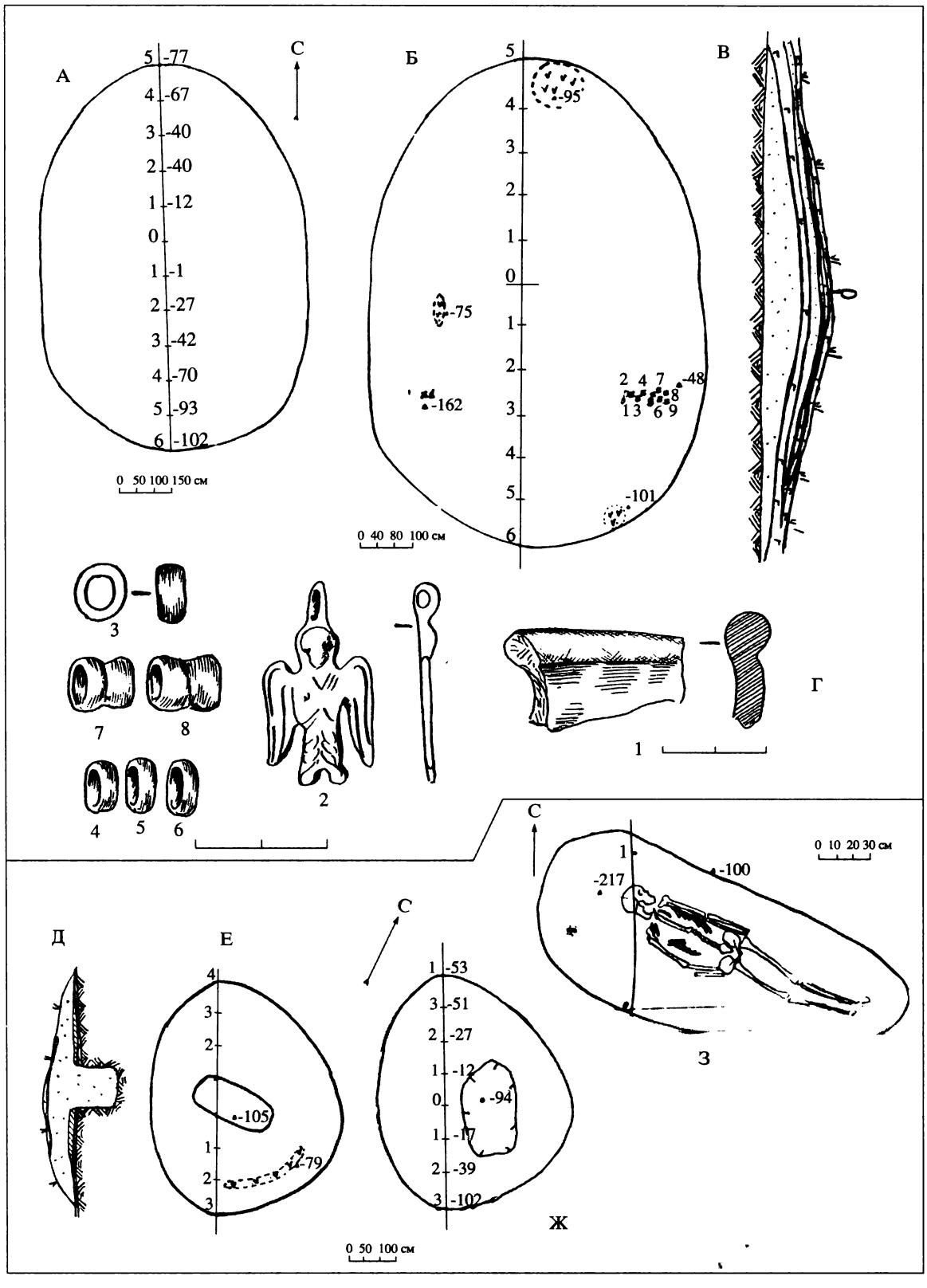


Рис. 90. Курганы № 13 и 14 могильника Пирогово на р. Клязьме (раскопки Т.А. Пушкиной 1970 г.)

Курган № 13: А – нивелировка кургана, Б – план кургана, В – профиль кургана по линии север–юг, Г – находки из кургана (см. их положение на плане): 1 – венчик сосуда, 2 – подвеска бронзовая "ангел", 3–6 – стеклянные зонные синие бусины, 7–8 – двойные стеклянные синие бусины, 9 – железная скорлупа; *Курган № 14*: Д – профиль кургана по линии юг–север, Е – план кургана, Ж – нивелировка кургана, З – план погребения

еще одна прослойка темно-желтого песка толщиной до 0,03 м. На севере прослойка уходит за пределы кургана, на юге кончается на расстоянии 4,35 м ЦЮ. Под этим слоем песка прослеживается еще один слой погребенного дерна толщиной 0,2–0,3 м, на севере слой уходит за пределы кургана, на юге соединяется с верхним дерновым слоем на расстоянии 5,17 м ЦЮ. Далее залегала насыпь из песка темно-желтого цвета. Материк в виде плотного желтого песка располагался на глубине 1,64 м.

Все описанные прослойки образовались в результате засыпки курганной насыпи грунтом, выброшенным из ям при посадке сосен. Первоначальная высота насыпи составляла 1,1 м.

Курган № 14.

Курган № 14 расположен в южной части группы, к северу от раскопанных в 1954 г. курганов № 1 и 12, примерно в 40 м на запад от кургана № 13. Юго-западная часть кургана обрезана большой ямой. Центральная часть насыпи с восточной стороны нарушена почти прямоугольной ямой размером 2 × 1 м, видимая ее глубина 0,94 м (рис. 90, Д–Ж).

Насыпь кургана полусферической формы, поверхность слабо задернована, у самого основания кургана с западной и восточной стороны несколько небольших сосен. Западный склон значительно круче восточного. Ровик не прослеживается. Окружность насыпи по основанию – 20 м, поперечник север–юг – 6,5 м и запад–восток – 6 м, видимая высота 1,04 м. Так как центральная часть насыпи с восточной стороны нарушена ямой, ось кургана для получения полного профиля разбита под 30° к северо-западу. Центральный кол был забит примерно на расстоянии 1 м к западу от истинного центра. Насыпь состояла из сыпучего крупного песка с редкими мелкими камешками. На глубине 0,1 м прослежен слой погребенного дерна толщиной около 0,05 м, покрывающий первоначальную поверхность насыпи. Дерн перекрыт слоем песка мощностью до 0,1–0,12 м, который является выбросом из ямы, нарушающей насыпь кургана.

В южной части кургана на глубине 0,78 м встречены мелкие угольки. На расстоянии 2,1 м ЦЮ на этой же глубине обнаружена полоса угля от сгоревшего полена шириной 0,1 м. Полоса тянется по направлению с севера на юг на расстояние до 3м. На глубине 0,8 м и расстоянии 0,7 м ЦЗ в насыпи найдена головешка длиной 0,1 м.

На глубине 1 м в восточной части проступило слабое пятно могильной ямы. На глубине 1,05 м контур ямы выявился полностью, пятно ямы вытянутой формы в виде прямоугольника со скругленными углами. Длина по линии ЦВ – 1,85 м и по линии ЦЗ – 0,6 м, ширина – 1,1 м. Яма вытянута с запада на восток. Размеры по осям 2,5 × 1,2 м. Стенки ямы вертикальны. В заполнении – крупный желтый песок. На глубине 2,1 м на дне ямы расчищен костяк, лежавший головой на запад (рис. 90, З). Костяк посредственной сохранности: кости кистей рук и стоп не сохранились. Костяк лежал на спине в вытянутом положении; руки вытянуты по бокам, ноги чуть согнуты в коленях, череп повернут на левую сторону и прижат к левому плечу. Длина костяка 1,75 м. Никаких вещей при костяке не найдено. Глубина ямы от уровня погребенной почвы 1,25 м. Яма вырыта в материке, залегающем на глубине 1,05 м. Материк представляет собой плотный желтый песок.

Профиль север–юг.

Насыпь имеет форму сегмента. Южная часть круче северной. Под слоем дерна толщиной около 0,01 м залегала песчаная прослойка мощностью до 0,1 м, перекрывающая первоначальную поверхность курганной насыпи. Эта песчаная прослойка является частью выброса из поздней ямы, нарушавшей центральную часть насыпи. Под песчаной прослойкой залегает слой погребенного дерна толщиной 0,05–0,07 м, покрывающий всю насыпь, состоящую из крупного сыпучего песка. На глубине 0,70–0,85м залегает прослойка более темного песка. Толщина прослойки от 0,15 м под центральным колом до 0,05 м на расстоянии 2 м ЦЮ и 3 м ЦС. Прослойка распространяется на расстояние 2,15 м ЦЮ, в северной части от 1,2 м ЦС до 3,25 м ЦС. Прослойка является частью выброса из могильной ямы. На глубине 1 м и 0,8 м расположен слой погребенного дерна на расстоянии 0,04 м ЦЮ и 1,2 м ЦС и далее до границ курганной насыпи. Под слоем погребенного дерна – материк в виде плотного желтого песка.

В материке вырыта могильная яма прямоугольной формы, глубина ее от уровня погребенного дерна – 1,25 м, ширина – 1,2 м. Края ямы расположены на расстоянии 1,16 м ЦС и 0,04 м ЦЮ. В заполнении ямы крупный желтый песок.

Приложение 5

Отчет о работах в Балашихинском районе в 1965 г.[1]

Т.В. Равдина

Работы велись 5, 9 и 18 мая 1965 года. От ст. м. "Измайловский парк" на 266 или 322 автобусе тридцать минут езды до г. Балашиха (остановка "Райсовет"). От автобусной остановки через шоссе, мимо школы-интерната и дальше через речку Пехорку 30 минут ходьбы до городища и курганов.

Городище расположено между ВСХИЗО (Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного обучения, бывшее имение Голицына) и забором Зверосовхоза, на левом берегу р. Пехорка. Городище круглое, имеет вал и ров ≈ на 3/4 окружности, с напольной стороны, а южная 1/4 часть окружности городища имеет крутой высокий песчаный обрыв к речке Пехорке. Внутренний диаметр городища 55 метров, наружный диаметр, включая рвы – свыше 80 метров. По диаметру городища в направлении запад–восток идет тропинка, которая в двух местах прерывает вал и ров; вход на городище с запада (рис. 91). От наибольшей высоты вала до дна рва 3 метра.

[1] Публикуется по рукописи: *Равдина Т.В.* О работах по открытому листу № 13 за 1965 год в Балашихинском районе Московской области (Архив ИА РАН. Р-1, № 3642).

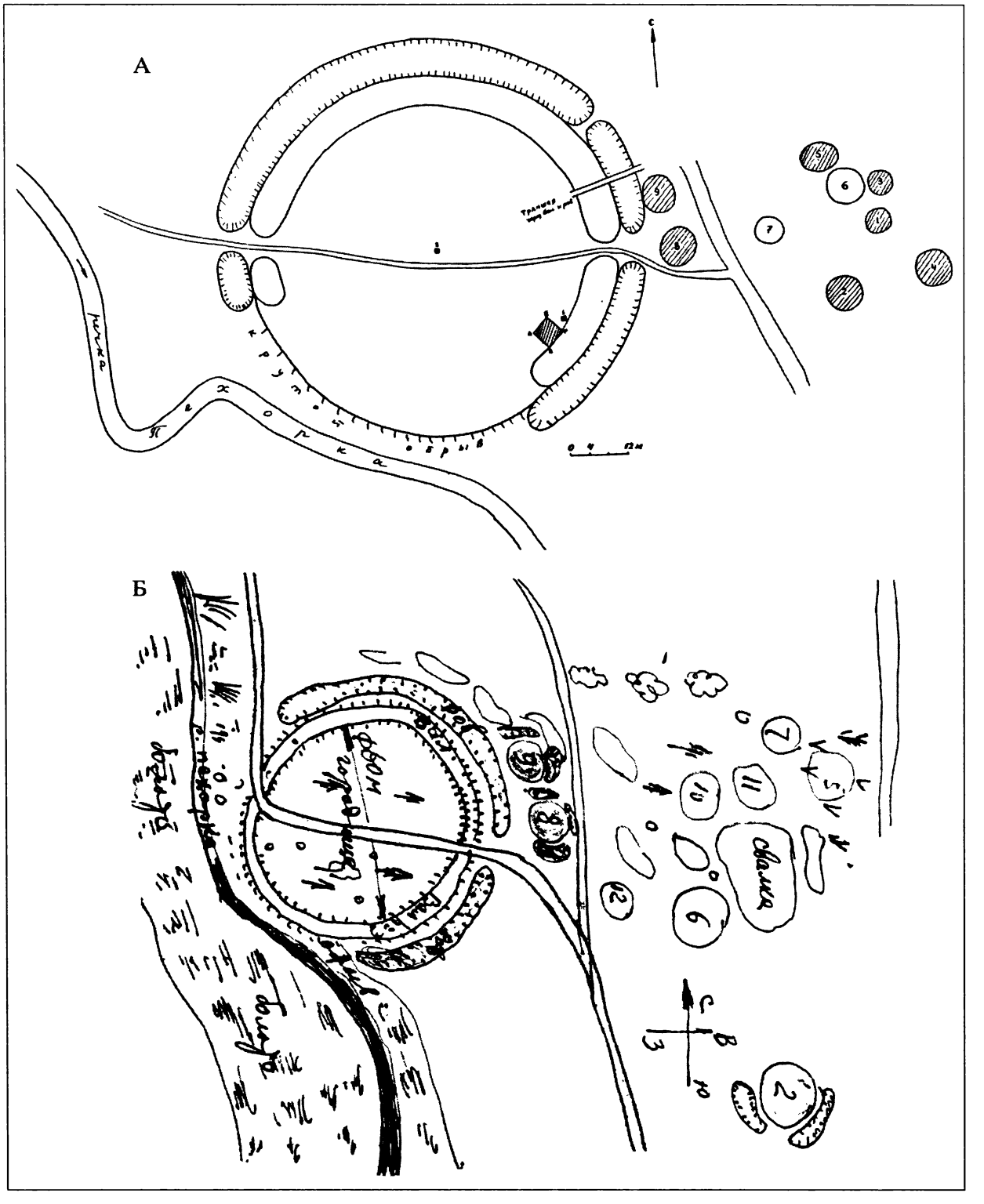


Рис. 91. Городище и курганы у г. Балашиха

А – глазомерный план. Составлен Т.В. Равдиной. 1965 г.;
Б – глазомерный план. Составлен Г.Т. Тимофеевой

"Курганно-могильная группа ВСХИЗО–Зверосовхоз. Раскопки курганов № 8, 9 29.04.65 г. краеведами г. Балашихи и школьниками школы № 1, гр. 7. На эскизе показана только часть могильной группы ВСХИЗО"

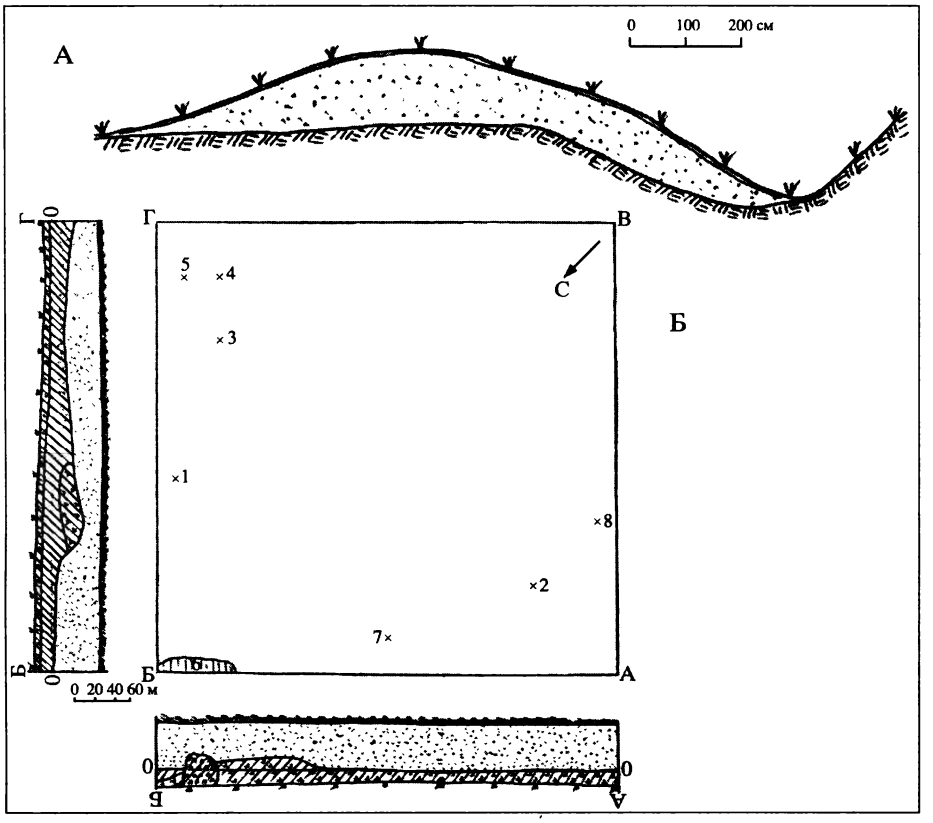


Рис. 92. Балашихинское городище. А – профиль траншеи вала и рва; Б – раскоп у вала. План и профили

Составлены Т.В. Равдиной. 1965 г. Находки (под дерном): 1 – монета медная – деньга 1749 г.; 2 – браслет бронзовый витой тройной; 3, 6, 7 – обломки керамики XVII–XVIII вв.; 4, 5, 8 – чугунные и железные обломки

В северо восточной части городища мы прорезали вал траншеей шириной 1 метр (рис. 92 А): под 10-сантиметровым дерном идет до поверхности городища и до дна рва очень мягкий (слой – *С.Ч.*), ни черепков в насыпи вала и под ней не найдено.На площадке городища было выкопано два шурфа по 1 кв. м.

Шурф № 1 в юго-восточной части, у вала: под 10-сантиметровым дерном идет 40 см фиолетово-коричневый стерильный подзол, под ним темно-желтый песок, переходящий в светлый плотный материковый песок.

Шурф № 2 в центре городища: под 5–7 см дерном идет темно-желтый материковый песок, никаких следов человеческой деятельности не найдено. На пашне в 50–60 м к северо-западу от городища встречаются обломки горшков, сделанных на ножном гончарном круге (т.н. "белая" керамика XVII–XVIII вв.).

Рядом с шурфом № 1 был заложен раскоп 5 × 5 метров (рис. 92 Б): в дерне и под дерном на глубине 6–8–10 см было найдено 17 обломков белой керамики XVII–XVIII вв. (15 черепков в одной кучке и по черепку еще в двух местах), чугунные и железные обломки, медная деньга 1749 года (Елизаветы Петровны). Наряду с этими одновременными и поздними вещами, под дерном же, на глубине 11 см найден целый бронзовый витой тройной браслет 12–13 вв.!! Все вещи переданы в школу № 1 г. Балашихи.

Ниже дерна – в супеси и желтом песке – никаких вещей не найдено, слой был стерильный; на глубине 70 см шел чистый материк – светлый плотный песок.

Вплотную к городищу с востока расположены курганы вперемешку с современными мусорными кучами и ямами. Сейчас насыпей насчитывается около десятка, высотой около метра и диаметром 6–8 м.

Мною раскопан **курган № 4** (рис. 93 А). Высота 1,2 м, диаметр 7,8 м. С западной стороны кургана яма. Насыпь состоит из темно-желтого очень рыхлого песка. На глубине 90 см то центрального кола показался череп. Костяк длиною 178 см был ориентирован точно запад–восток. Скелет принадлежит мужчине 40–45 лет. Никаких вещей не найдено.

Стратиграфия кургана следующая: под 10 см темно-коричневым гумусным слоем идет рыхлая насыпь из темно-желтого песка. В центре кургана этот желный песок незаметно переходит в светлый песок, образующий на погребенной почве небольшую насыпь диаметром 1,5 м и высотой ≈ 40 см. В этом светлом песке лежит костяк. Насыпь кургана постепенно переходит в материк – светлый, более плотный песок.

Насыпь № 5 оказалась современной мусорной кучей.

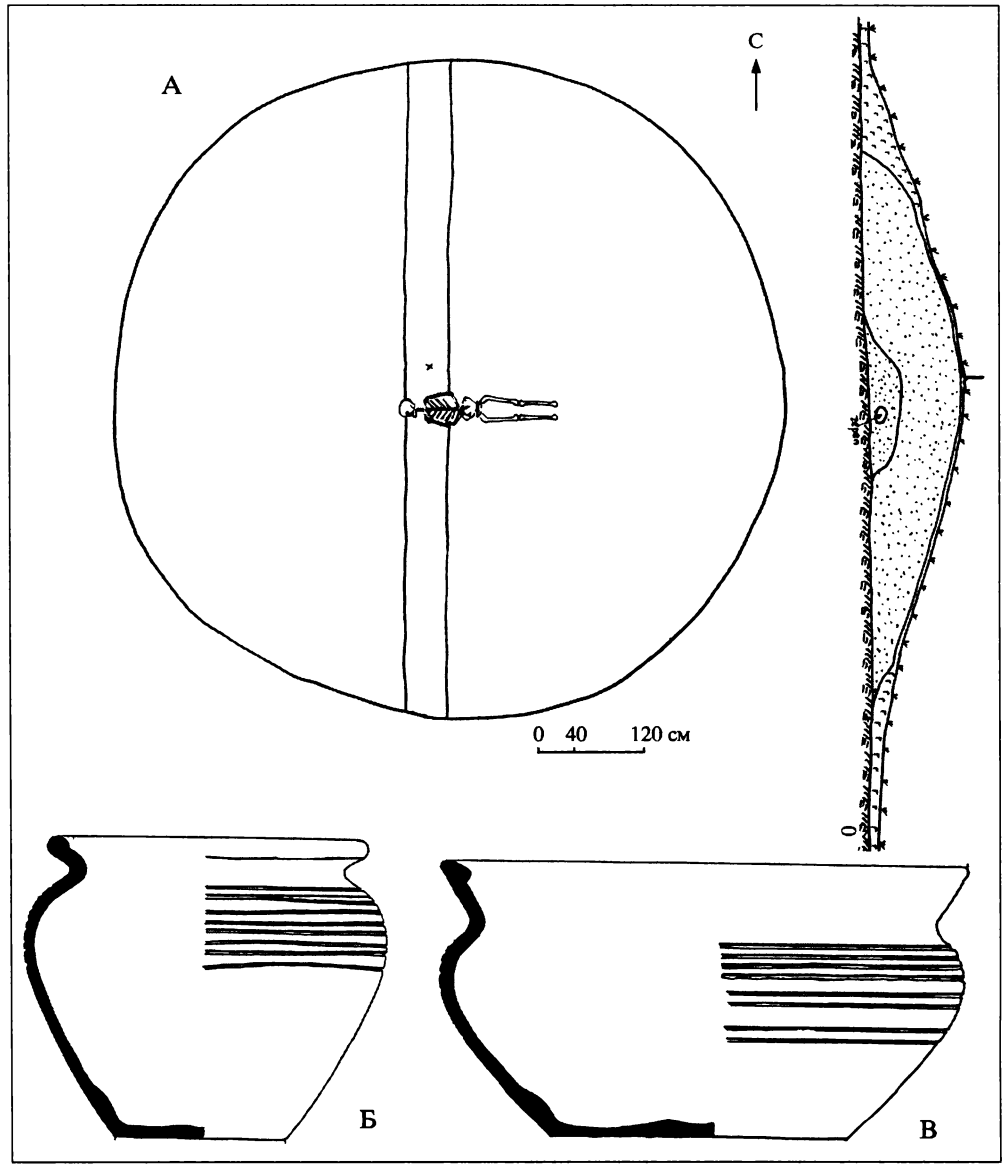


Рис. 93. Балашихинская курганная группа по данным раскопок 1964–1965 гг.

А – курган № 4. План и профиль. Составлен Т.В. Равдиной. 1965 г.;
Б – курган № 8, горшок, найденный в могильной яме у ног костяка;
В – курган № 8, горшок, найденный в юго-юго-восточной части кургана, на горизонте, рядом с могильной ямой. Рисунок Т.В. Равдиной

Докладная записка в Комитет полевых исследований ИА АН СССР

До начала моих раскопок 1965 года по открытому листу № 13, местным краеведом инженером Г.Т. Тимофеевой в 1964 и в апреле 1965 года было раскопано пять курганов в Балашихинской курганной группе. Свой отчет об этих раскопках она прислала мне, а я передаю его в Полевой комитет. Вещи из погребений мною осмотрены и описаны; в настоящее время выставлены в библиотеке г. Балашихи и в школе № 1, ученики которой принимали участие в раскопках.

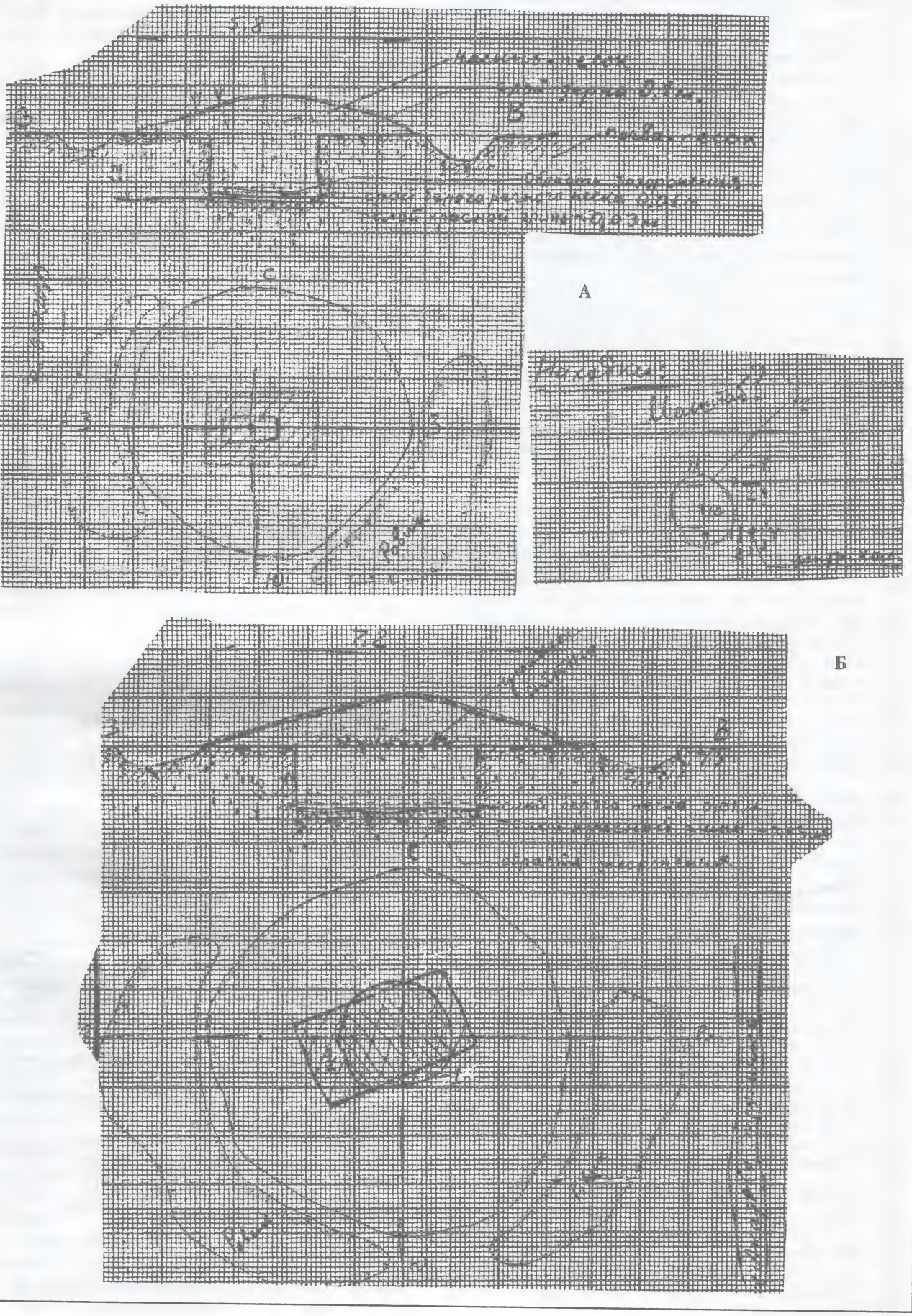
Мои дополнения к отчету Тимофеевой.

Курган № 1, погребение в яме (рис. 94 А; 95).

На правой руке были: 1) плетеный бронзовый браслет, на расплющенных концах которого треугольные оправы с синими стеклами (сохранился один наконечник); 2) витой 2 × 3 бронзовый браслет, 4) три рубчатых бронзовых перстня, 6) перстень пластинчатый кованый широкосрединный с чеканным орнаментом.

На левой руке два бронзовых витых 2 × 3 браслета, бронзовый решетчатый четырехпунктирный перстень, бронзовый витой тройной перстень, бронзовое проволочное колечко.

На правом и левом висках – по паре браслетообразных эсоконечных височных колец (диаметром 8 и 8,5 см); на одном левом кольце прикреплен кожаным венчиком проволочный овал с расплющенны-



А

Б

ми и с отверстиями концами; а сквозь это овальное кольцо (диаметры 2,5 и 4 см) продето пластинчатое (ширина 0,5 см) серебряное колечко диаметром 1,2 см. На левых браслетообразных кольцах видны остатки ткани.

По словам Тимофеевой, костяк не сохранился, а судя по расположению вещей – правая рука вытянута вдоль тела, а левая согнута в локте.

Курган № 8 (рис. 94, В).

Тимофеева раскопала его колодцем, в котором на глубине 145 см от вершины найдены кости черепа, четыре стеклянных золоченых боченкообразных бусины и биллоновый рубчатый перстень со свободными острыми концами.

Мною курган раскопан полностью, в результате чего было обнаружено следующее.

Под насыпью, в северо-западной четверти кургана, на расстоянии 3 м от центра обнаружено угольное пятно диаметром 50 см. Под насыпью, в юго-юго-восточной четверти кургана, на расстоянии 1,5 м от центра, найдены обломки одного горшка (рис. 93, В): диаметр устья 20 см, высота 11 см, по тулову идут глубокие не всегда параллельные полосы; черепок плотный, в тесте примесь кварца и золотистых чешуек, видных на поверхности; цвет внутренней стенки розовый, наружной – серый, на днище – подсыпка песка.

Докопана древняя могильная яма, в ней на глубине 100 см от древней дневной поверхности найден обломок правой голени и возле нее целый горшок (рис. 93, Б). В 1 м к востоку от черепа – угольки.

В результате наших раскопок определилось направление костяка как северо-запад – юго-восток, а не запад–восток, как показано у Тимофеевой (а написано – СЮ). Горшок у ног погребения (рис. 93, Б) имел высоту 12 см, диаметр устья 13 см, в верхней части тулова линейный орнамент из непараллельных полос; излом черно-коричневый, примесь кварца, некоторые зерна которого довольно крупные; тесто рыхлое, в центре днища видна кварцевая подсыпка; поверхность горшка светло-коричневая, местами черная.

Курган № 9, в котором Тимофеева вырыла колодец, раскопан мною полностью. Погребения не обнаружено.

←

Рис. 94. Группа курганов у ВСХИЗО–Зверосовхоз. Профили запад–восток и планы, составленные Г.Т. Тимофеевой: А–В – на листе миллиметровки, Г – на отдельном листе

А – курган № 1. Профиль и план

Находки: 1 – плетеный браслет с инкрустацией (место центрального кола), 2 – два витых биллоновых браслета 2 × 3; 3 – три ложновитых биллоновых перстня; 4 – перстень с штриховым орнаментом (биллоновый) витой в три нитки; 5 – перстень решетчатый; 6 – кольцо круглое; 7–8 – два витых браслета (биллоновых) 2 × 3; 9 – два височных кольца; 10 – шесть эмалевых коронок от зубов; 11 – два височных кольца и внутри маленькое серебряное колечко на проволоке, остатки волос и ткани (биллоновые). На изображении профиля сверху вниз надписи: *насыпь–песок, слой дерна 0,1 м, почва–песок, область захоронения, слой белого речного песка 0,01 м, слой красной глины 0,03 м*;

Б – курган № 2. Профиль и план

Находки: 1 – угольное пятно (отдельные угольки 10–25 мм), 2 – обломок черепной кости. На изображении профиля сверху вниз надписи: *углистое пятно, слой белого песка – 0,01 м, слой коричневой глины – 0,03 м, область захоронения*. Справа надпись: *из Акатова тропинка*

Курганно-могильная группа захоронений кривичей XII столетия в местности ВСХИЗО–Зверосовхоз Балашихинского района

Г.Т. Тимофеева

29.04.65 г. краеведами Балашихи с участием школьников школы № 1 г. Балашихи были раскопаны курганы № 8 и 9.

Раскоп кургана № 8.

Курган № 8 расположен сразу у вала городища в месте выхода из городища дороги (см. рис. 91, Б). Вершина кургана была кем-то раскопана ямой, поэтому копали без бровок. Курган полусферическйо формы диаметром 7,7 м, высотою над поверхностью 0,8 м. С востока, севера и юга прослеживались ровики. Почти вплотную к насыпи проходит (с юга? запада?) ров городища. Слой почвы 0,10 м. Песок насыпи с примесью глины, рыхлый. После углубления ямы ниже почвы песок более светлый, желтый. Раскоп производился (рис. 94, Г) в могильную яму с запада на восток, размерами 1 × 2,75 м. При углублении на 1,1 м от вершины кургана в насыпи встречались древесные угли и под ними, на глубине 1,45 м обнаружился череп. Положение костяка, согласно черепа, с юга на север. Сохранились только лобная и височные части. Других костей костяка не обнаружено. В области захоронения были найдены 4 стеклянные бочкообразные позолоченные бусины и литой рубчатый перстень. Вещи переданы в краеведческий музей Балашихи (в помещении гор. библиотеки).

→

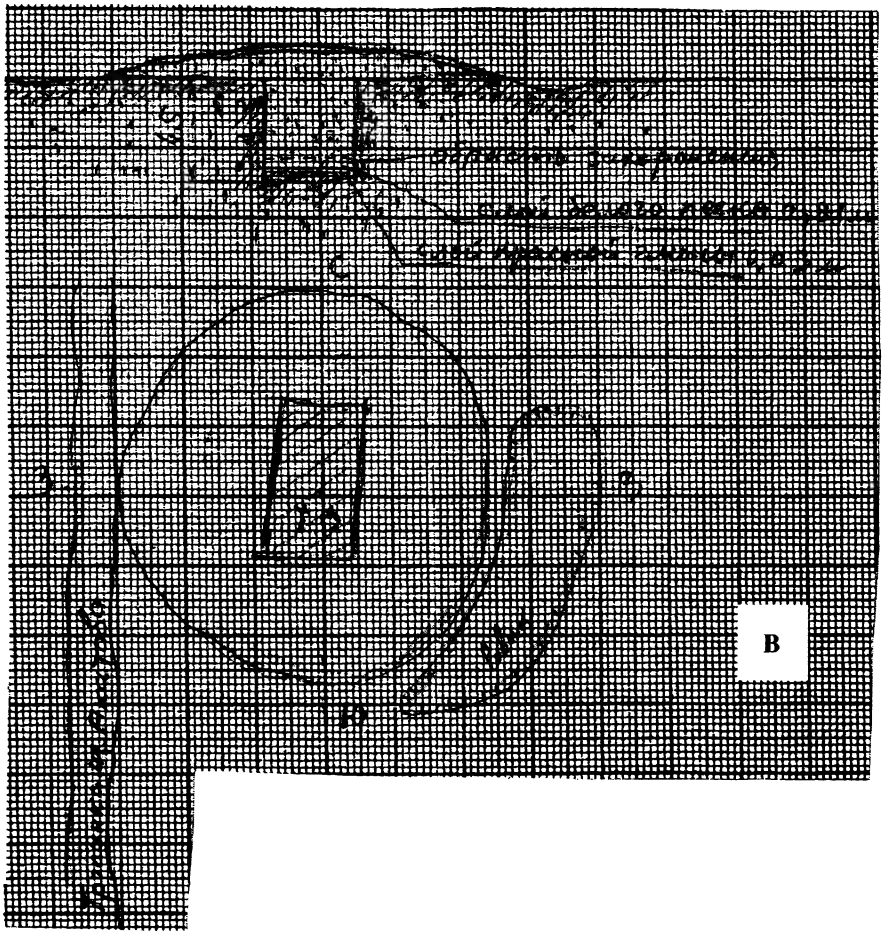
Рис. 94. В – курган № 3. Профиль и план

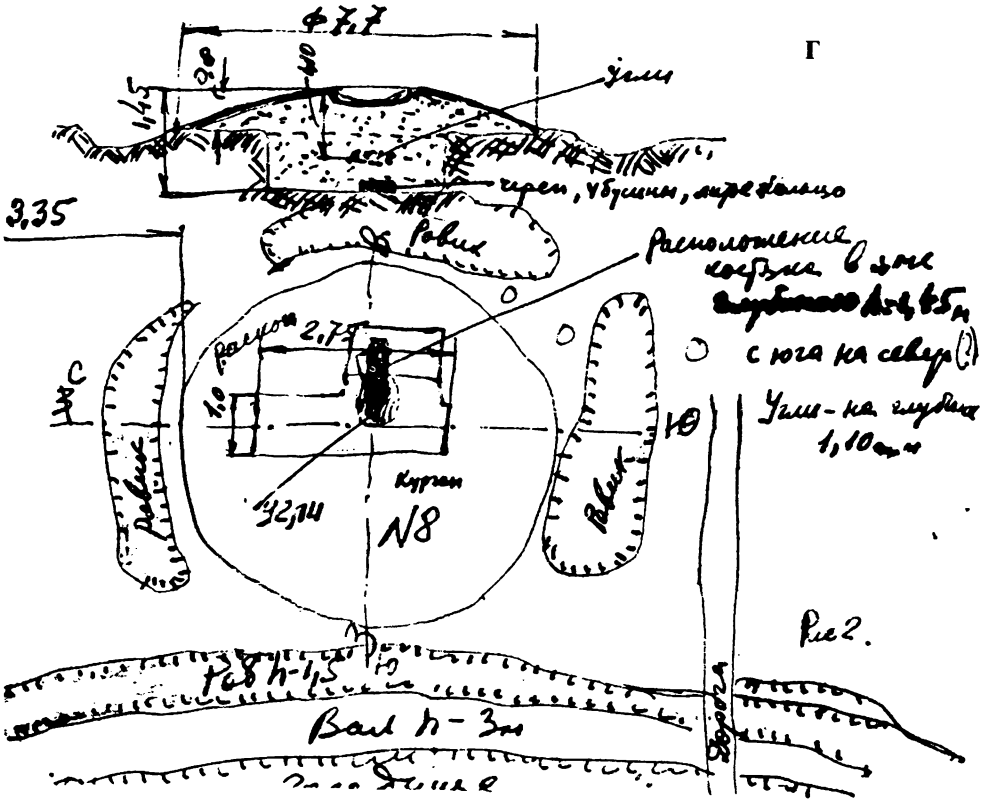
Находки: 1 – мелкие кусочки от эмали зубов, 2 – кремневый обломок. На изображении профиля сверху вниз надписи: *область захоронения, слой белого песка – 0,01 м, слой красной глины – 0,02 м. Слева надпись: тропинка из Акатова.*

Примечания на чертеже. *Вывод: захоронения производились без гроба, в ямах, с подслоем глины и белого песка; почва – песок; следов от досок и гвоздей не обнаружено. Ямы, изображенные под насыпями курганов, не являются результатом выбирания могильного пятна, а просто колодцами, которые выкопала Тимофеева в поисках погребения. Т. Равдина. 1965 г. Раскопки проводились Г.Т. Тимофеевой в августе 1964 г. Раскопки и чертежи сделаны Г.Т. Тимофеевой*;

Г – Раскопки кургана № 8. 29 апреля 1965 г.

Надписи сверху вниз: *угли. Череп, 4 бусины, литое кольцо. Расположение костяка в яме глубиной h – 1, 45 м с юга на север (?). Угли на глубине 1, 10 м*





ПРИЛОЖЕНИЕ 5. ОТЧЕТ О РАБОТАХ В БАЛАШИХИНСКОМ РАЙОНЕ В 1965 г.

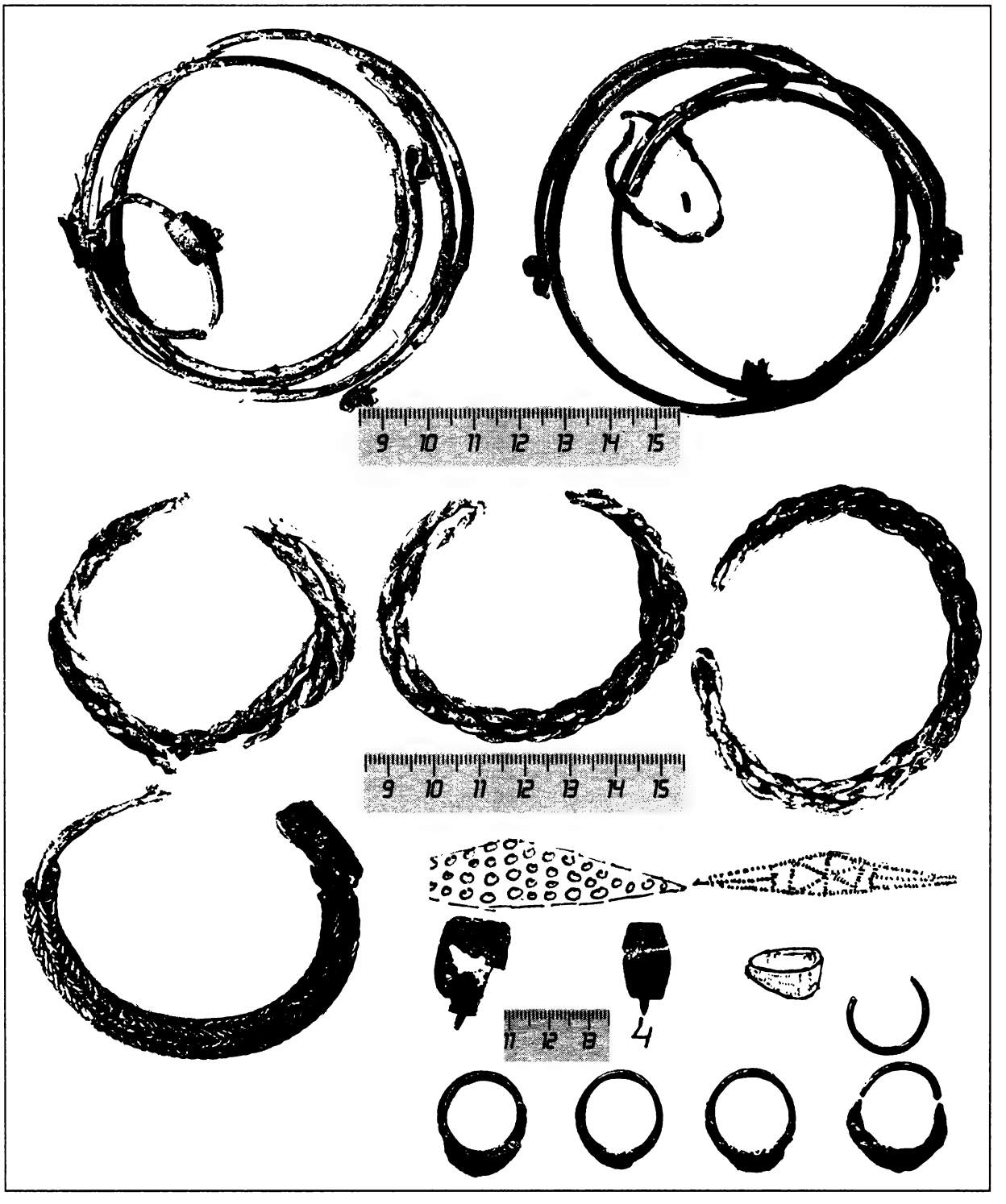


Рис. 95. Балашихинская курганная группа (у ВСХИЗО–Зверосовхоз). Находки из кургана № 1

Август 1964 г. Фото Г.Т. Тимофеевой

Раскоп кургана № 9.

Курган № 9 расположен рядом с курганом № 8, вдоль рва городища. Расстояние между курганами 3,35 м. Форма кургана полусферическая, немного вытянутая. Размеры – с севера на юг – 9,55 м, с запада на восток – 7,4 м. Высота насыпи – 0,7 м, слой почвы – 0,10 м. Вершина кургана была кем-то раскопана ямой, поэтому копали без бровок. Раскоп сделан с запада на восток, размерами 1,05 × 1,95 м. Песок насыпи с примесью глины. После углубления ямы раскопа ниже почвы – песок более светлый, желтый. При углублении раскопа на 0,9 м от вершины кургана в яме встречались древесные угли.

Приложение 6

Археологический комплекс Балашихинского городища XII–XVI вв. По данным исследований 1990 г.

А.А. Полюлях, С.З. Чернов

В 1990 г. по случайному стечению обстоятельств две экспедиции, проводившиеся под руководством авторов данной статьи, произвели исследования на территории археологического комплекса Балашихинского городища в одноименном районе Московской области. Московская археологическая экспедиция Института археологии РАН (руководитель С.З.Чернов) обследовала этот памятник в рамках комплексных археологических и историко-ландшафтных исследований заказника "Пехорка". Экспедиция Музея истории Москвы (руководитель А.А. Полюлях) произвела охранные исследования на разрушающемся участке памятника. Поскольку полученные данные удачно дополнили друг друга, они были обобщены в рамках одной публикации.

Балашихинский комплекс расположен на берегу р.Пехорки, в 18,5 км к востоку-северо-востоку от центра Москвы и в 6 км от Московской кольцевой автомобильной дороги. Он состоит из одноименного городища в урочище "Лисья гора", примыкающих к нему селищ Балашиха-10 (северное) и Балашиха-10А (южное), а также 2-й Балашихинской курганной группы (рис. 96).

Балашихинское городище

Городище в урочище "Лисья гора", обнаруженное в 1964 г. краеведом Г.Т. Тимофеевой, расположено на левом берегу р. Пехорки, в лесу, к югу от парка усадьбы с. Пехра-Яковлевское и в 0,9 км к югу от Преображенской церкви этого села (рис. 96). Городище удалено на 80 м от реки. Для его устройства был избран возвышенный участок бровки первой террасы, имеющий отметку 150 м. Поскольку выше по течению реки бровка имеет отметки 142–145 м, укрепление господствует не только над поймой, но и над плоскостью террасы.

Как показало обследование, проведенное Московской областной археологической экспедицией 11.11.1990 г., укрепления городища состоят из валов и рвов, имеющих форму, близкую к окружности. Размеры его (считая от внешней кромки рвов) – 98 × 80 м. Размеры площадки городища – 78 × 68 м. Валы окружают площадку городища не только с напольной (восточной) стороны, но также с северной и южной сторон и отсутствуют лишь с западной стороны, где площадка ограничена бровкой коренного берега. Эта часть площадки пострадала в результате осыпи. Первоначальные формы рельефа фиксируются лишь у северо-западного и южного краев площадки. На северо-западном краю площадки ров выходит к кромке берега на отметке 144 м (вал 146,5), возвышаясь над уровнем поймы (133,7 м) на 10,3 м (вал – на 12,8 м). Склон к реке здесь обрывистый (падение – 4 м на каждые 10 м по горизонтали). Южный край площадки выше северо-западного на 1 м. Отметка края рва – 145 м (вала – 147 м), его высота над уровнем поймы – 11,3 м (вала – 13,3 м). Склон более пологий (падение составляет соответственно 2,6 м).

Площадь городища (включая ров и вал) – 5,2 тыс. кв. м (до разрушения кромки берега – возможно, 5,7 тыс. кв. м), площадки – 3,1 (соответственно 3,6 тыс. кв.м). Площадка городища задернована. Покрывающий ее редкий березовый лес становится гуще по мере приближения к валам. Центральная часть площадки несколько выше южной и северной – это полоса шириной в 15 м, лежащая от проема в восточном валу в западном направлении и отраженная изолинией 148 м. К северу от нее начинается склон (падение 38 см на каждые 10 м по горизонтали). Южная часть площадки нарушена недавно возникшим оврагом (65 × 20 м), отсекающим от нее южный отрезок вала. Здесь также прослеживается понижение уровня.

Вал городища имеет 140 м по периметру при ширине 9 м и высоте 1,5 м. Ров имеет 4 м в ширину и 1,4 м в глубину. В нем имеется два проема. Один – в восточном, напольном валу – представляет собой следы древнего въезда в крепость. На примыкающем к нему участке рва фиксируется перемычка-въезд. Второй проем имеется в северном валу, ему также соответствует перемычка-въезд. Через проемы проходит тропа, пересекающая городище с юго-востока на северо-запад.

В мае 1965 г. в 14 м к северу от восточного въезда на городище сотрудницей Института археологии АН СССР Т.В. Равдиной был разрезан вал городища. Насыпь его состояла из "очень мягкого желтого песка". "Под ним – светлый плотный песок. Ни угольков, ни черепков в насыпи вала и под ней не найдено"[1]. Судя по этому описанию и приведенному в отчете разрезу, можно полагать, что культурного слоя под валом нет. Следовательно, он был насыпан до начала жизнедеятельности на этом месте. Первоначально ширина вала составляла 6,5 м, а рва – 6 м. Впоследствии насыпь вала сползла в ров, в результате чего ширина последнего уменьшилась до 4 м.

Шурф № 1, заложенный близ вала, в юго-восточной части площадки, выявил под дерном (10 см) фиолетово-коричневый стерильный подзол, подстилаемый материковым песком. В разложенном рядом раскопе (5 × 5 м) в дерне и под дерном встречена "белая керамика XVII–XVIII вв. (17 черепков), чугунные и железные обломки, медная деньга 1749 г. Елизаветы Петровны". Под дерном же, на глубине 11 см, найден бронзовый витой тройной браслет XII–XIII вв. Подобная картина зафиксирована и в центре городища (шурф № 2). Под слоем дерна (5–7 см) залегал темно-желтый материковый песок[2].

Обследование, проведенное Московской археологической экспедицией в 1990 г., подтвердило наблюдения Т.В. Равдиной. Мощность культурного слоя на городище составляет от 5 до 10 см. Слой беден керамикой и находками. Сбор материала в осыпях берега

[1] *Равдина Т.В.* Отчет о работах 1965 г. в Балашихинском районе (Архив ИА РАН. Р-1, № 3642. С. 1. Рис. 2. Публикуется в Приложении 5 наст. тома.

[2] Там же.

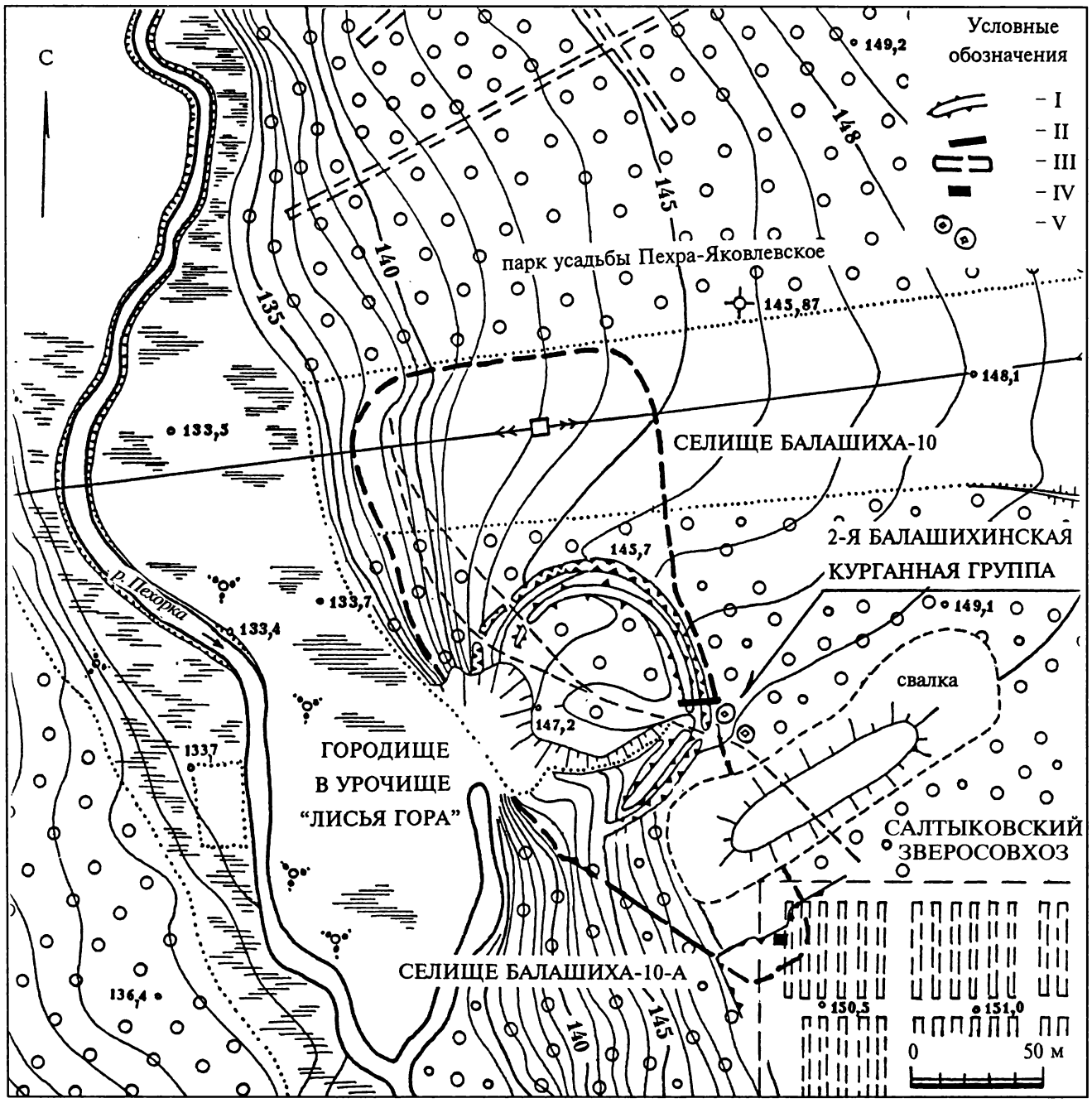


Рис. 96. Археологический комплекс у Балашихинского городища в урочище "Лисья гора". План

Составлен на основе съемки Мосгоргеотреста в масштабе 1:2000, откорректированной по результатам обследования 1990 г. I – валы городища; II – разрез вала 1965 г.; III – территория селища; IV – раскоп 1990 г.; V – курганный могильник

дал один фрагмент серой или курганной керамики, 10 фрагментов белоглиняной грубой посуды и один – мореной посуды последней четверти XV–XVI в.

Селище Балашиха-10 (северное)

К северу от городища, по краю коренного берега реки, расположено селище Балашиха-10, которое было обнаружено Т.В. Равдиной[3]. Оно начинается непосредственно от вала и распространяется на территории леса и на открытом пространстве, образовавшемся в результате прокладки просеки линии электропередач. Край коренного берега имеет отметку 142 м и возвышается над уровнем поймы на 8,3 м. Склон к реке крутой: падение уровня составляет 2 м на каждые 10 м по горизонтали. Площадка селища имеет слабый уклон от валов в северо-западном направлении (падение 5 см на 10 м по горизонтали). Размеры памятника – 100 × 80 м, площадь – 8 тыс. кв.м. Поверхность задернована.

[3] "На пашне в 60 м к СЗ от городища", была найдена "белая керамика XVII–XVIII вв." (Там же. С.2).

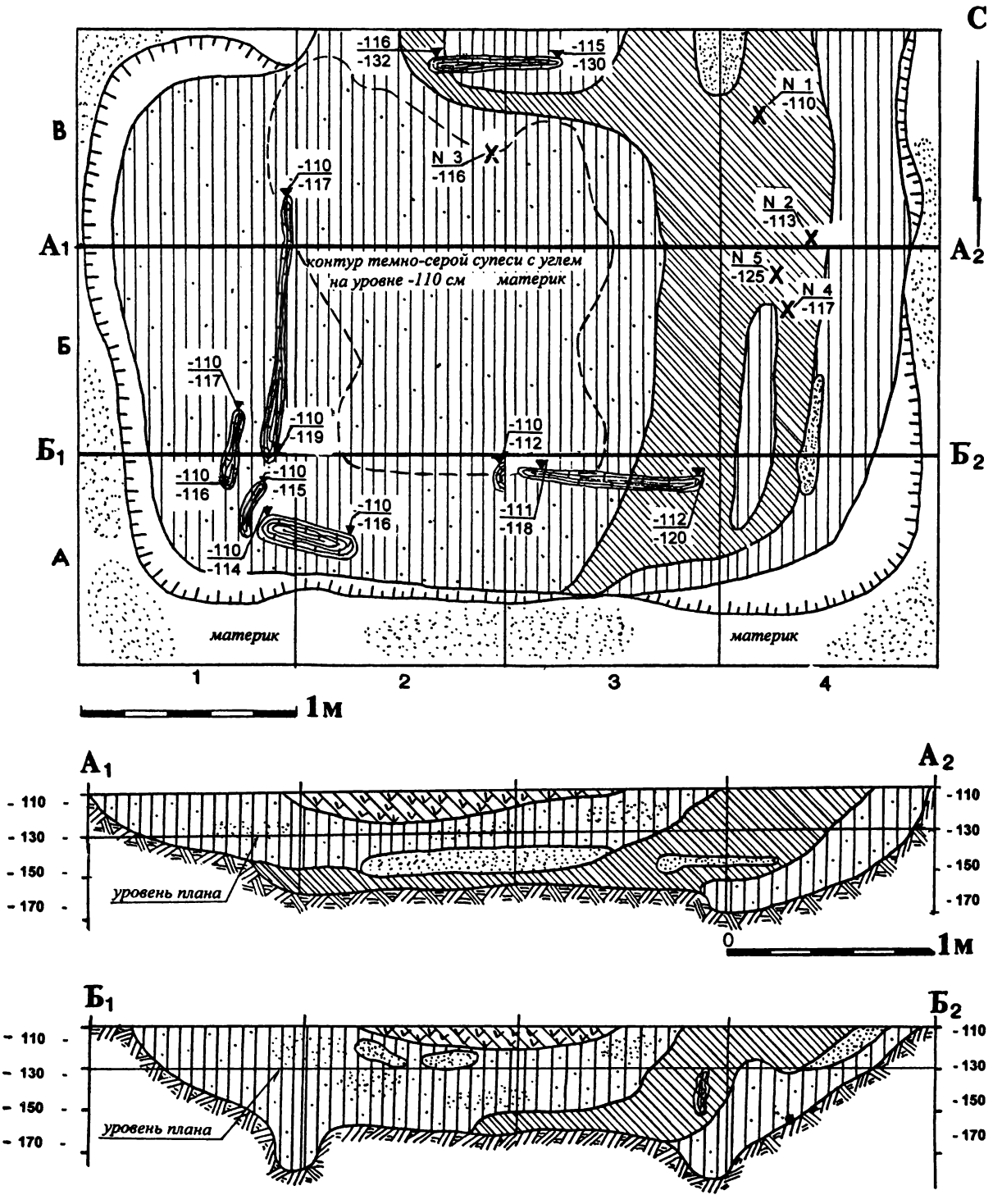


Рис. 97. Сооружение, исследованное в 1990 г. на селище Балашиха-10А

Вверху – план зачистки на уровне –130 см;
внизу – разрезы сооружения по линии запад–восток; вид с юга. Условные обозначения см. на рис. 98

Мощность культурного слоя составляет 30–40 см. Собранная в 1990 г. коллекция керамики (161 фрагмент) близка материалам городища, но дает более полное представление о периодах существования поселения. Красноглиняная грубая керамика, датируемая XIV – первой половиной XV в., составляет всего 3% материала (рис. 105 Г). Доминируют белоглиняная грубая (70%) и красноглиняная гладкая (15%) посуда последней четверти XV – XVI в. Белоглиняная грубая керамика представлена типичными формами сосудов с эллипсовидным валиком по внешнему краю венчика (90-51-221, 90-51-224, 90-51-227 – рис. 105 Д), а также более редкими образцами сосудов с вертикально стоящим венчиком без

валиков или с внутренним валиком (90-51-228 – рис. 105 Д). 6% керамики относится к белоглиняной шероховатой (90-51-226 – рис. 105 Е). Встречены также обломки белоглиняной гладкой, розовоглиняной и мореной посуды, датируемой в пределах второй половины XVI – первой половины XVII в. Таким образом, можно говорить о двух периодах жизни поселения: XIV – XV вв., когда заселена была лишь часть селища, и последняя четверть XV – первая половина XVII в., когда была освоена вся его территория.

Селище Балашиха-10а (южное)

Расположено к югу от городища. Оно было выявлено в сентябре 1990 г. А.В.Алексеевым и исследовано Музеем истории Москвы[4]. Край коренного берега реки к югу от городища на пространстве в 50 м занят свалкой, которая перекрыла культурный слой. В 60 м к юго-востоку от городища во время проведения земляных работ зверосовхозом "Салтыковский" на прилегающем к его питомнику участке был частично снят до уровня материкового песка культурный слой, относящийся к южной части поселения.

В северной и западной стенках расчищенной площадки был обнаружен культурный слой. В северной стенке он фиксировался от бровки коренного берега и распространялся на 30 м в восточном направлении при мощности 0,45–0,5 м. От северной стенки культурный слой уходил под пласт мусора свалки. В западной стенке культурный слой заканчивался в 85 м от бетонного забора зверопитомника совхоза. Таким образом, участок селища, затронутый при нивелировке и создании площадки, составил около 900 кв. м. Если предположить, что культурный слой начинался от валов городища, то общая длина селища составляла не менее 60 м при ширине в 50 м и площади 3 тыс. кв.м. Площадка селища возвышается над городищем на 2 м, а над рекой – на 16,5 м (рис. 96).

На всем пространстве площадки культурный слой был снят до материка. На поверхности материка, сложенного желтым речным песком, близ северной стенки, прослеживалось прямоугольное в плане пятно культурного слоя светло-серого цвета, представляющее собой, как показали дальнейшие исследования, заполнение древней постройки.

Сооружение и его конструкции

С целью проведения охранных раскопок на этом участке был разбит шурф плащадью 12 кв.м (4 × 3 м). Он был заложен в 27 м к востоку от бровки коренного берега реки. За нулевую отметку был взят уровень дневной поверхности культурного слоя селища, который фиксировался в профиле северной стенки непосредственно под слоем мусора (рис. 98, нижняя часть). Как свидетельствует этот профиль, поверхность материка лежит на отметке –50 см. В ходе нивелировки, проведенной зверосовхозом "Салтыковский", был не только разрушен культурный слой, но и верхние 60 см заполнения ямы. Таким образом, раскопками исследовались нижние горизонты заполнения ямы с уровня –110 см. Шурф был разбит на квадраты размерами 1 × 1 м. Заполнение их выбиралось по слоям с фиксацией находок и отбором керамики. Планиграфия слоев велась пластами в 20 см последовательным снятием стратиграфических профилей по линиям квадратов в направлении север–юг, запад–восток.

Зачистка на уровне –110 см, произведенная перед началом раскопок, выявила яму подквадратной формы, ориентированную приблизительно по линии север–юг размерами 3,9 × 3 м. Она вошла в шурф практически полностью. Лишь на севере она частично уходила в северную стенку шурфа. Заполнение ямы по большей части состояло из светло-серой супеси. В центральной его части фиксировалось пятно темно-серой гумусированной супеси с угольками неправильной формы (1,6 × 1,6 м) (рис. 98, верхняя часть, пунктирный контур), а в восточной части – полоса темно-серой супеси (2,6 × 0,9 м), вытянутая с севера на юг. В западной части заполнения ямы были прослежена полоса древесного тлена, ориентированная по линии север–юг длиной 1,6 м и шириной 10 см. В южной ее части в 10 см к западу от этой полосы и параллельно ей фиксировалась небольшая полоса тлена (40 × 10 см).

1 пласт (–110 – 130 см). Разборка пласта велась по слоям. Пятно темно-серой гумусированной супеси с угольками в центральной своей части имело мощность 15 см, а по краям выклинивалось до 4 см. Оно не содержало ни находок, ни керамики. Его подстилала светло-серая супесь. Этот слой, после выборки пятна гумусированной супеси, охватил всю центральную и западную части ямы. На уровне зачистки –130 см размеры его составили 2,6 × 2,65 м. В слое светло-серой супеси практически отсутствовала керамика. Из находок был зафиксирован лишь железный гвоздь (рис. 97, верхняя часть, находка № 3).

В ходе разборки слоя светло-серой супеси более детально были изучены следы деревянных конструкций, зафикисированные ранее в зачистке –110 см. В квадратах А-1, Б-1 и В-1 были прослежены в виде древесного тлена остатки двух плах, лежавших на ребре и ориентированных по линии север–юг (описаны выше). У южной оконечности одной из них к ней под прямым углом примыкала еще одна плаха. Она была ориентирована по линии запад–восток, лежала плашмя и имела размеры 23 х 15 см. Таким же образом была ориентирована плаха, обнаруженная в кв. А-3. Она лежала в 75 см к востоку от предыдущей и на 35 см ближе к центру ямы. Длина ее равнялась 85 см, а ширина – 10 см. Все эти плахи располагались на отметках –110 – 120 см. Несколько ниже, на отметке –115 – 132, в том же слое залегала плаха, зафиксированная в северной части шурфа (кв. В-2, В-3). Она также была ориентирована по линии запад–восток. Размеры ее составляли 60 см в длину и 10 см в ширину. Таким образом, плахи можно интерпретировать как следы сооружения квадратной формы размерами примерно 2,5 × > 2 м.

[4] *Полюлях А.А.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском районах Московской области в 1990 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 15805, 15806).

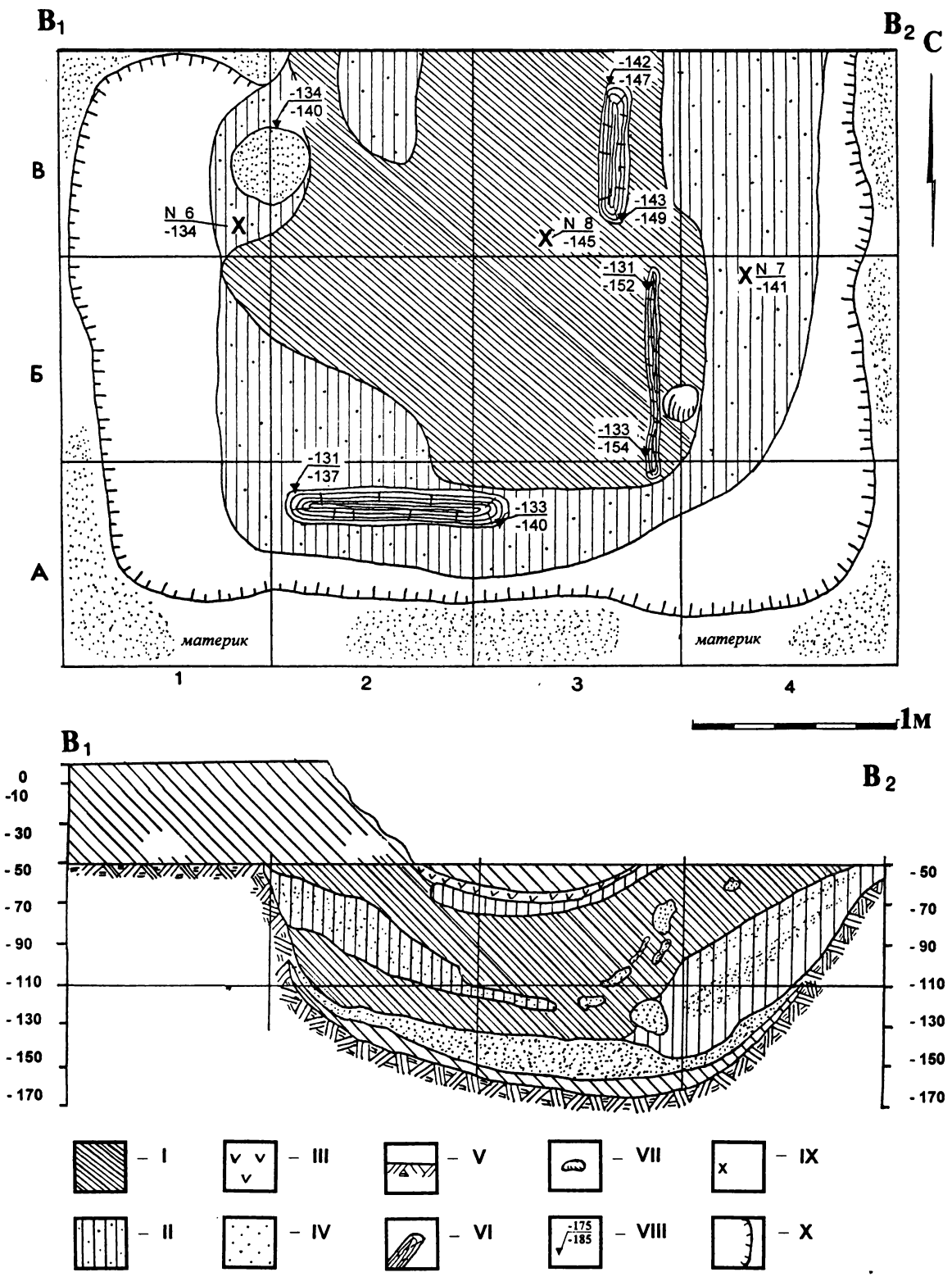


Рис. 98. Сооружение, исследованное в 1990 г. на селище Балашиха-10А

Вверху – план зачистки на уровне – 150 см;
внизу – профиль северной стенки шурфа, фиксирующий сохранившийся участок поверхности материка и культурного слоя. I – темно-серая супесь, II – светло серая (желтовато-серая) опесчаненная супесь; III – уголь, IV – песок; V – материк; VI – древесный тлен; VII – камень; VIII – верхняя и нижняя нивелировочные отметки; IX – находка; X – граница выборки культурного слоя на уровне дневной поверхности

Зафиксированный еще в зачистке –110 см слой темно-серой супеси составлял всю толщу 1-го пласта и уходил во 2-й пласт. Он почти не изменил своей конфигурации и представлял собой полосу, ориентированную по линии север–юг. Темно-серая супесь уходила под описанный выше слой светло-серой супеси. Поэтому по мере выборки 1-го пласта границы полосы постепенно расширялись в западном направлении (рис. 97, верхняя часть). Этот слой был насыщен керамикой: в толще 1-го пласта было собрано 144 фрагмента (кв. А-3 – 7, А-4 – 5, Б-3 – 4, Б-4 – 56, В-2 – 22, В-3 – 14, В-4 – 36 фрагментов).

Из индивидуальных находок в слое темно-серой супеси обнаружено два железных гвоздя (рис. 100, *2, 4*; рис. 97, *2, 4*) и два обломка витых стеклянных браслета (рис. 100, *1, 5*; рис. 97, *1, 5*). Один из них (рис. 100, *1*) имел коричневый с розовым оттенком цвет и блестящую поверхность, другой (рис. 100, *5*) – коричневый с серым оттенком цвет и матовую поверхность.

К востоку от полосы темно-серой супеси, вдоль восточного края ямы, фиксировался слой светло-серой супеси, который подстилал темно-серую супесь. Разрезы постройки по линии запад–восток показывают, что слои откладывались в следующей последовательности: светло-серая супесь (восточная часть), темно-серая супесь с находками, светло-серая супесь без находок, темно-серая супесь с угольками (рис. 97, нижняя часть).

2-й пласт (–130 – 150 см). В ходе разборки этого пласта слой светло-серой супеси, который доминировал на уровне –130 см, был добран почти полностью (в зачистке –150 см он фиксируется лишь в кв. А-1, А-2, Б-1, Б-2). Подстилавший его слой темно-серой супеси занял на уровне –150 см всю центральную часть ямы. На уровне –150 см он фиксировался в виде пятна подпрямоугольной формы размерами 2,2 × 2,3 м (рис. 98, верхняя часть).

Вдоль восточного края этого пятна, на отметках –131 – 154 см, были расчищены две плахи, ориентированные по линии север–юг: первая лежала плашмя и имела в длину 65 см, вторая – ребром и имела в длину 1,1 м. Вместе они образовывали следы восточной части деревянной конструкции. Следы южной части этой конструкции были представлены большой плахой (длиной 1,05 м), лежавшей плашмя на отметках –131 – 140 см и ориентированной по линии запад–восток. Прослеженные в толще 2-го пласта плахи позволили установить размеры конструкции – 2,5 × 2 м.

В слое темно-серой супеси было собран 171 фрагмент керамики (кв. А-2 – 3, кв. А-3 – 20, Б-2- 2, Б-3 – 13, Б-4 – 42, В-2 – 9, В-3 – 28, В-4 – 54) и сделаны две находки: фрагмент железного цилиндрического замка типа В (по Б.А.Колчину) (рис. 100, *7*; 98, *7*) и бронзовое витое кольцо (рис. 100, *8*; 98, *8*). В перекрывающем его слое светло-серой супеси обнаружен железный светец (рис. 100, *6*; 98, *6*).

Восточная периферия заполнения ямы была представлена светло-серой супесью, которая подстилала темно-серую супесь. Общие размеры ямы на уровне –150 см сократились до размеров 2,8 × несколько более 2,6 м.

3-й пласт. Затем было добрано пятно темно-серой гумусированной супеси и на отметках –157 – 162 см появился желтый материковый песок. В слое супеси было собрано 354 фрагмента керамики (кв. А-2 – 37, А-3 – 29, Б-1 – 3, Б-2 – 48, Б-3 – 36, Б-4 – 58, В-2 – 91, В-3 – 12, В-4 – 40) и найден железный нож с накладной деревянной ручкой (рис. 100, *9*; 99, *9*). После зачистки поверхности на уровне –170 см на фоне материкового песка обозначились пятна светло-серой супеси неправильной формы (рис. 99, верхняя часть). При выборке заполнения одного из них было найдено лезвие железного ножа (рис. 99, *10*; 100, *10*). Поверхность материка после выборки заполнения ямы имела чашеобразную форму с округлой площадкой в центре (2 × 2 м), по периметру которой проходило полукруглое углубление в виде канавки шириной 20–40 см и глубиной в среднем –20 см (см. разрезы по линии север–юг на рис. 99, нижняя часть). Дно южной канавки имело отметку –194 см или 144 см от уровня материка.

Учитывая отсутствие в заполнении развала глинобитной печи и отдельных фрагментов обмазки, можно полагать, что перед нами следы нежилой хозяйственной постройки. К сожалению, сохранилась лишь нижняя часть заполнения сооружения – на глубинах – 60–140 см от уровня поверхности материка. Песчанистые почвы не способствовали консервации деревянных конструкций, которые сохранились в виде тлена. Тем не менее, для данного сооружения может быть предложена интерпретация.

Судя по всему, вначале в материковом песке была вырыта яма размерами 3,9 × 3 м, глубиной 1,2 м. В нее был вставлен сруб размерами 2,5 × 2 м, который был заглублен в дно ямы на 20 см. Пространство между краями котлована и срубом, по всей видимости, сразу же было завалено материковым выбросом (нижний слой светло-серой супеси) (см. правую часть разреза $Б_1$–$Б_2$ на рис. 97). Подобная технология строительства в условиях песчаного грунта была исследована в ходе раскопок постройки 2 селища Михайловское-2 в Пушкинском районе Московской области[5].

Срубные конструкции нежилых сооружений были изучены в ходе раскопок Московской археологической экспедиции на *Историческом проезде* в Москве в 1988 г. *Срубы 1* (порубочные даты 1248 и 1251 гг.) и *6* (первая половина XIV в.) сохранились во влажном грунте (3 × 3 м). Они плотно вгонялись в вырытый в суглинке на глубину 50–70 см котлован. Эти небольшие, углубленные в землю и плотно пригнанные к стенкам котлована постройки было трудно подкопать, поэтому они хорошо подходили для хранения имущества и хозяйственных запасов[6]. Подобные погреба-клети были широко распространены. На это указывает летописное известие о пожаре Москвы 1337 г.: "*Того же лета Москва вся погоре; и тогда же наиде дождь силен, и потопе все, иное в погребех, иное на площадех, что где выношено*"[7].

---

[5] *Чернов С.З.* Отчет за 1977 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 6696); Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991. Табл. 69 на с. 132 (далее – МК).

[6] *Чернов С.З., Бойцов И.А.* Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // СА. 1992. № 1. С. 211–230.

[7] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 348.

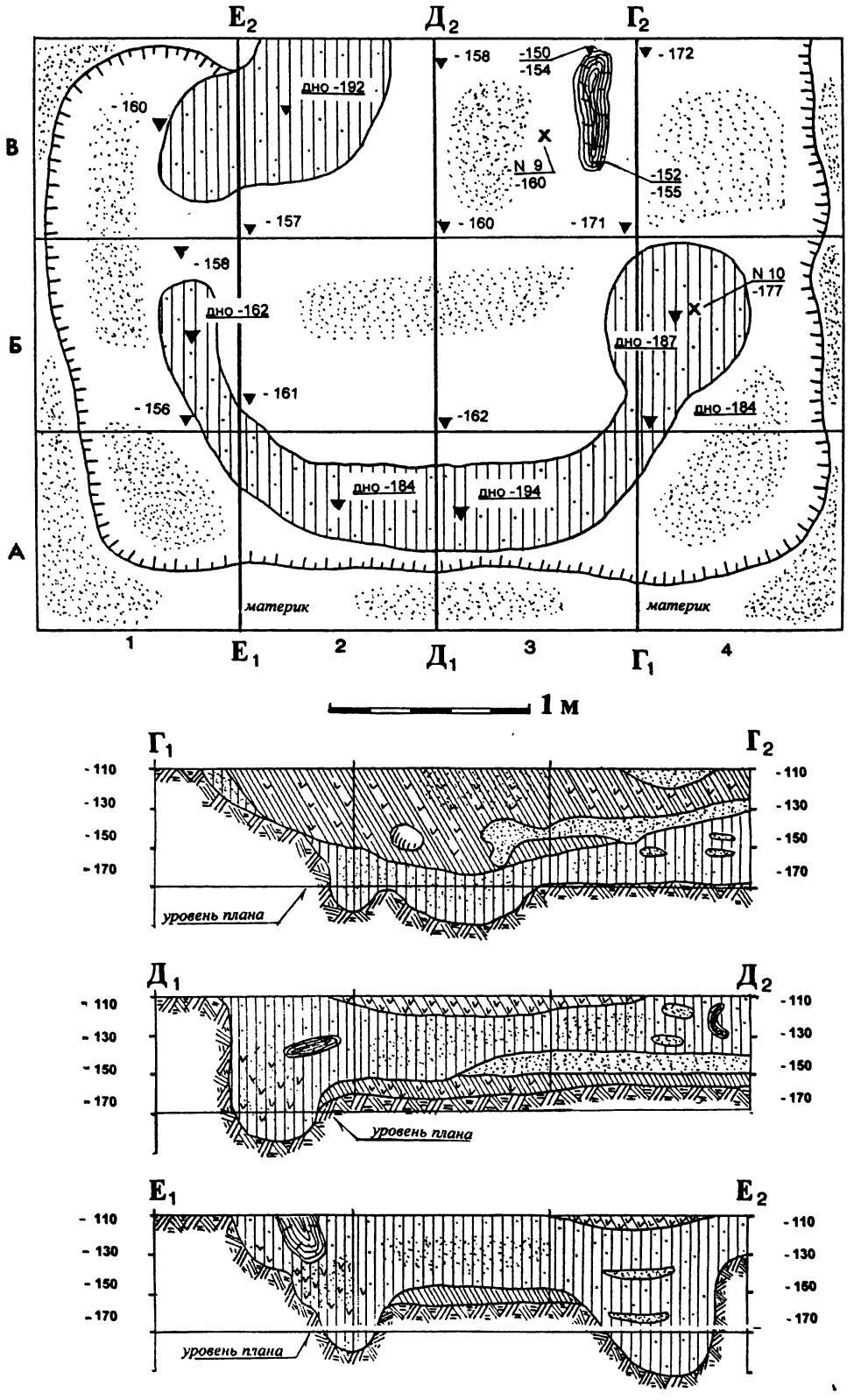


Рис. 99. Сооружение, исследованное в 1990 г. на селище Балашиха-10А

Вверху – план зачистки на уровне –170 см;
внизу – разрезы сооружения по линии север–юг; вид с востока. Условные обозначения см. на рис. 98

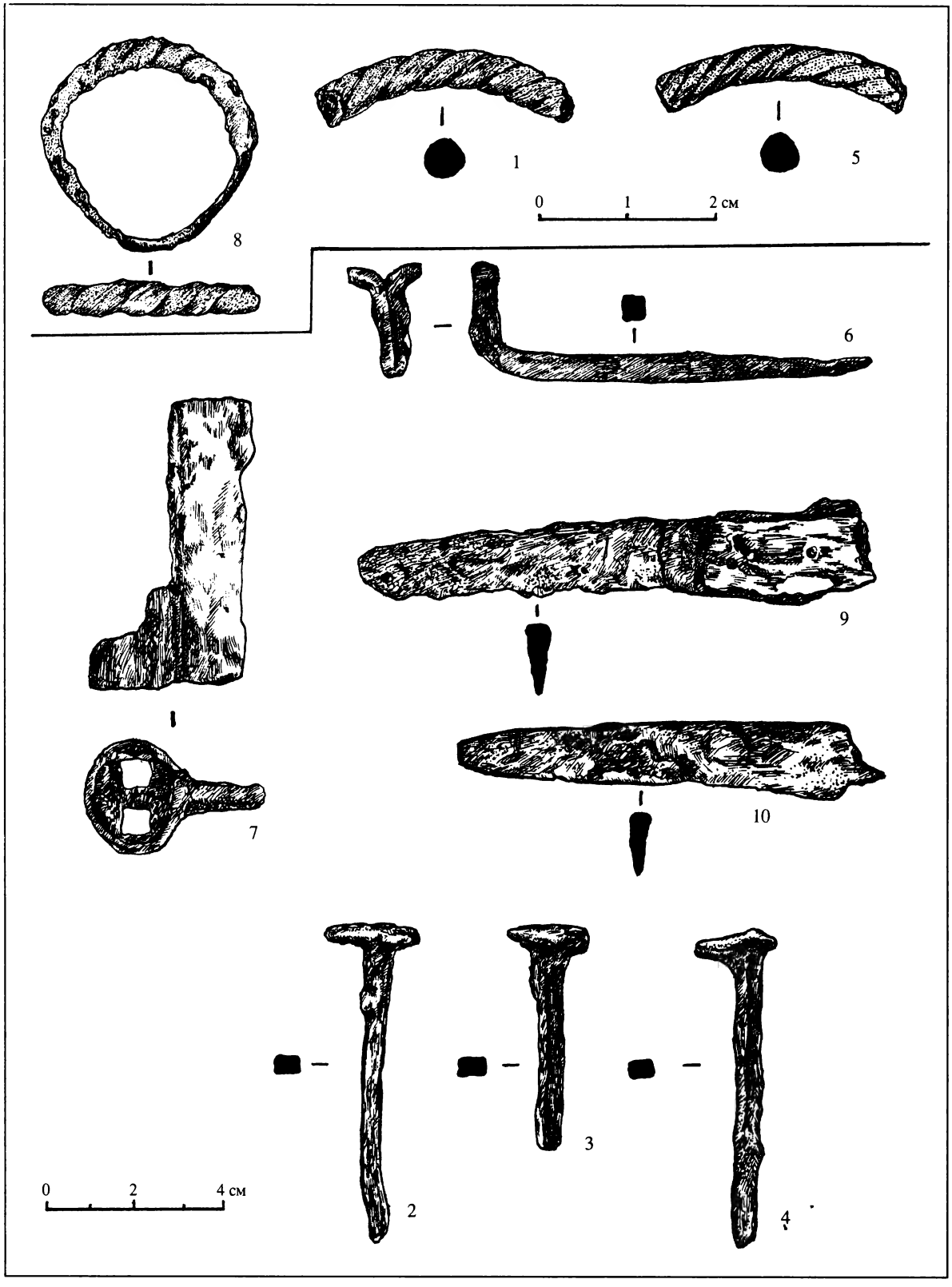


Рис. 100. Находки из заполнения сооружения, исследованного в 1990 г. на селище Балашиха-10А

1, 5 – стеклянные браслеты; 8 – бронзовое кольцо с перевитьем; 2, 3, 4 – гвозди железные; 6 – светец железный, 7 – цилиндрический железный замок; 9, 10 – железные ножи (9 – с деревянной рукоятью)

Поскольку на берегах Пехорки приходилось строить в осыпающемся песчаном грунте, прием, использованный в Москве, здесь был неприменим. Поэтому была применена технология с обратной засыпкой (типа селища Михайловское-2) и сруб опущен на значительно большую глубину, чем московские срубы.

Слой темно-серой супеси, залегающий на дне сооружения и вдоль его северной и восточной стенок, насыщен керамикой (в том числе развалами сосудов) и бытовыми находками. По всей видимости, он отложился в период эксплуатации клети. Аналогичные отложения, с находками и керамикой, перекрытые мощными слоями супеси, были зафиксированы и на дне срубов Исторического проезда.

Вышележащий слой светло-серой (желтовато-серой) супеси, лишенный керамики и находок, скорее всего, представляет собой результат оползня песка, который произошел после разрушения наземной части сруба. В свою очередь, перекрывающий его слой темно-серой супеси с угольками можно интерпретировать как остатки сгоревших наземных конструкций, сползших в яму уже после ее заполнения песком. К сожалению, изучить удалось лишь нижнюю часть этого слоя, так как верхние 60 см заполнения ямы были разрушены в ходе строительных работ.

Анализ керамического материала и дата сооружения

Находки позволяют лишь в самом общем виде очертить пределы, в которых можно датировать исследованное сооружение. Цилиндрический замок типа В (по Б.А. Колчину) датируется серединой XII – концом XIV в.[8] (рис. 100, *7*). Наличие двух обломков стеклянных браслетов, которые прекращают использоваться во второй половине XIV в., позволяет сузить дату сооружения до второй половины XII – первой половины XIV в.

Значительно большие возможности для датировки сооружения дает керамика. Всего было собрано 669 фрагментов керамики, что позволяет рассматривать данный закрытый комплекс как весьма информативный. Автором раскопок в коллекцию было взято 35 фрагментов керамики (рис. 101–104).

По техническим характеристикам керамика может быть подразделена на три группы.

Первая технологическая группа выполнена в древнерусской (курганной) керамической традиции. К ней относится 18 фрагментов керамики (рис. 101, *3, 5, 9, 14, 23, 33, 28*; рис. 102, *6, 7, 20, 26, 31*; рис. 103, *15, 32, 17, 18*; донца *27, 29*). Этой группе присущ устойчивый набор морфологических характеристик, обусловленных, в свою очередь, особенностями технологии. Керамика изготовлена из красножгущейся глины с примесью большого количества крупнозернистого песка и дресвы. Кварциты размерами от 0,1 до 2 мм не только видны в изломе черепка, но и выступают на поверхности сосудов, делая ее неровной. Толщина стенок колеблется от 4 до 8 мм. Сосуды прошли неполный окислительный обжиг (печной). У большей части сосудов этой группы черепок в изломе трехслойный. На 50–60% толщины черепка цвет его темно-серый или черный. Поверхности же имеют бурый с кирпичным отливом цвет, являющийся опознавательным знаком курганной посуды. Впрочем, у ряда сосудов (№ 5, 7, 15, 23, 27, 29) стенки в изломе однослойные, что свидетельствует о том, что они прошли почти полный окислительный обжиг.

Вторая группа керамики отличается более совершенными технологическими характеристиками. К ней относится 14 фрагментов (рис. 101, *1, 8*; 103, *2, 4, 12, 13, 30-34, 21, 22, 24, 25*; 104, *16, 19*). Она изготовлена из красножгущейся глины с примесью среднезернистого песка. Кварциты имеют размеры от 0,1 до 1 мм и не выступают на поверхности сосудов. Эта особенность сосудов данной группы обусловлена тем, что поверхность их заглаживалась перед обжигом. Толщина стенок колеблется от 4 до 8 мм. Стенки в изломе однослойные. Это свидетельствует о том, что они прошли почти полный окислительный обжиг.

К третьей группе могут быть отнесены три фрагмента (рис. 103, *10, 11*; рис. 104, *16*). Они выполнены из хорошо отмученной красножгущейся глины с примесью среднезернистого песка (кварциты от 0,1 до 1 мм). Поверхность сосудов заглажена. Главной особенностью этой группы является то, что они прошли полный окислительный обжиг, в результате чего черепок приобрел ровный и однородный в изломе светло-бурый цвет.

Керамический материал представлен (за одним исключением) горшками. Целая форма реконструируется лишь для одного из них (рис. 103, *13–34*). Тем не менее, в коллекции имеется большое число венчиков, донец и крышек, которые довольно полно представляют формы посуды.

К **курганному типу** керамики относятся 9 сосудов. Горшки 3, 5, 9 принадлежат 1-му варианту курганной керамики с профилированным венчиком, округлым валиком по внешнему краю и упором под крышку. Наиболее крупным из них является горшок 9, который представлен венчиком (№ 9) и фрагментом нижней части сосуда (№ 33) (рис. 102). Венчик имеет диаметр 30 см, донце – 10 см. Венчик сильно профилирован. Край его отогнут внутрь таким образом, что наружный валик практически отсутствует. Плечики и тулово покрыты неглубоким горизонтальным рифлением, нанесенным довольно небрежно. Поверхность сосуда шероховатая. Горшки такой формы известны в датированных курганных погребениях XII в. Они встречены в *кургане № 8 могильника Поваровка-3 и кургане № 8 (погребение 1) могильника Михайловская слобода* (МК. Табл. 13, *14*; 8, *4*).

Горшок 5 (рис. 102) средних размеров (диаметр венчика 20 см) выполнен более тщательно и украшен неглубоким аккуратным горизонтальным рифлением по плечикам. Край сосуда загнут внутрь таким образом, что образован валик, имеющий подпрямоугольную в профиле форму с бороздкой по внешней поверхности. Близкий по форме сосуд найден в упоминавшемся выше погребении из *кургана № 8 Михайловской слободы* (МК. Табл. 8, № 5). Сосуды подобной формы встречены и в более поздних

[8] *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. Рис. 70.

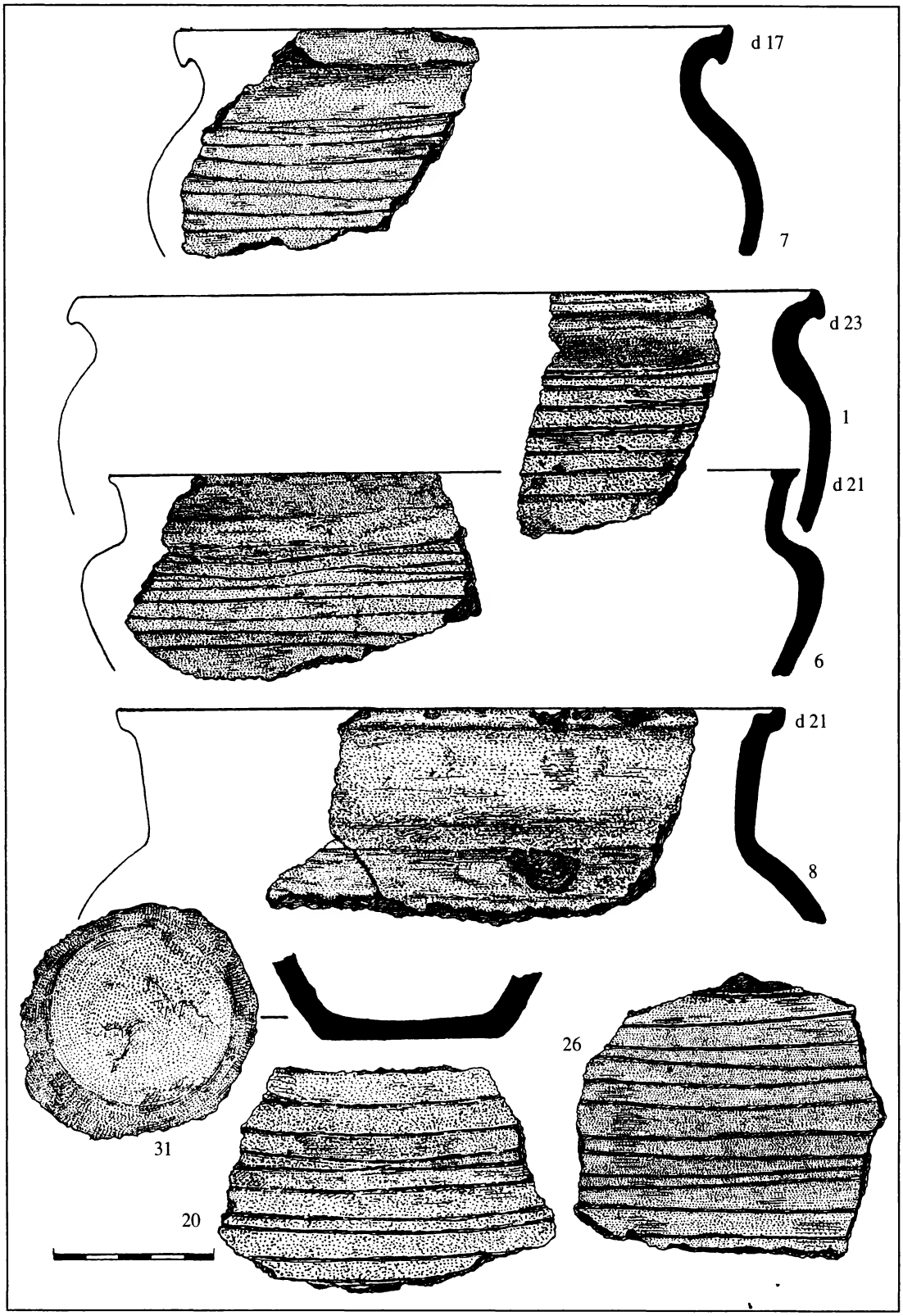


Рис. 101. Курганнная керамика из заполнения сооружения, исследованного в 1990 г. на селище Балашиха-10А

комплексах, в частности в *жилом слое, залегающем под деревянными сооружениями Богоявленского монастыря* в Китай-городе и датируемом второй четвертью XIII в. (МК. Табл. 21, *93*). Имеются они и в заполнении *сруба 1*, исследованного *на Историческом проезде* (порубочные даты 1248, 1251 гг.) (МК. Табл. 31, *1001*). **Горшок 4** (диаметр венчика 25 см) близок вышеописанному сосуду как по форме, так и по тщательности, с которой он изготовлен (2-я технологическая группа). Аналогичные сосуды встре-

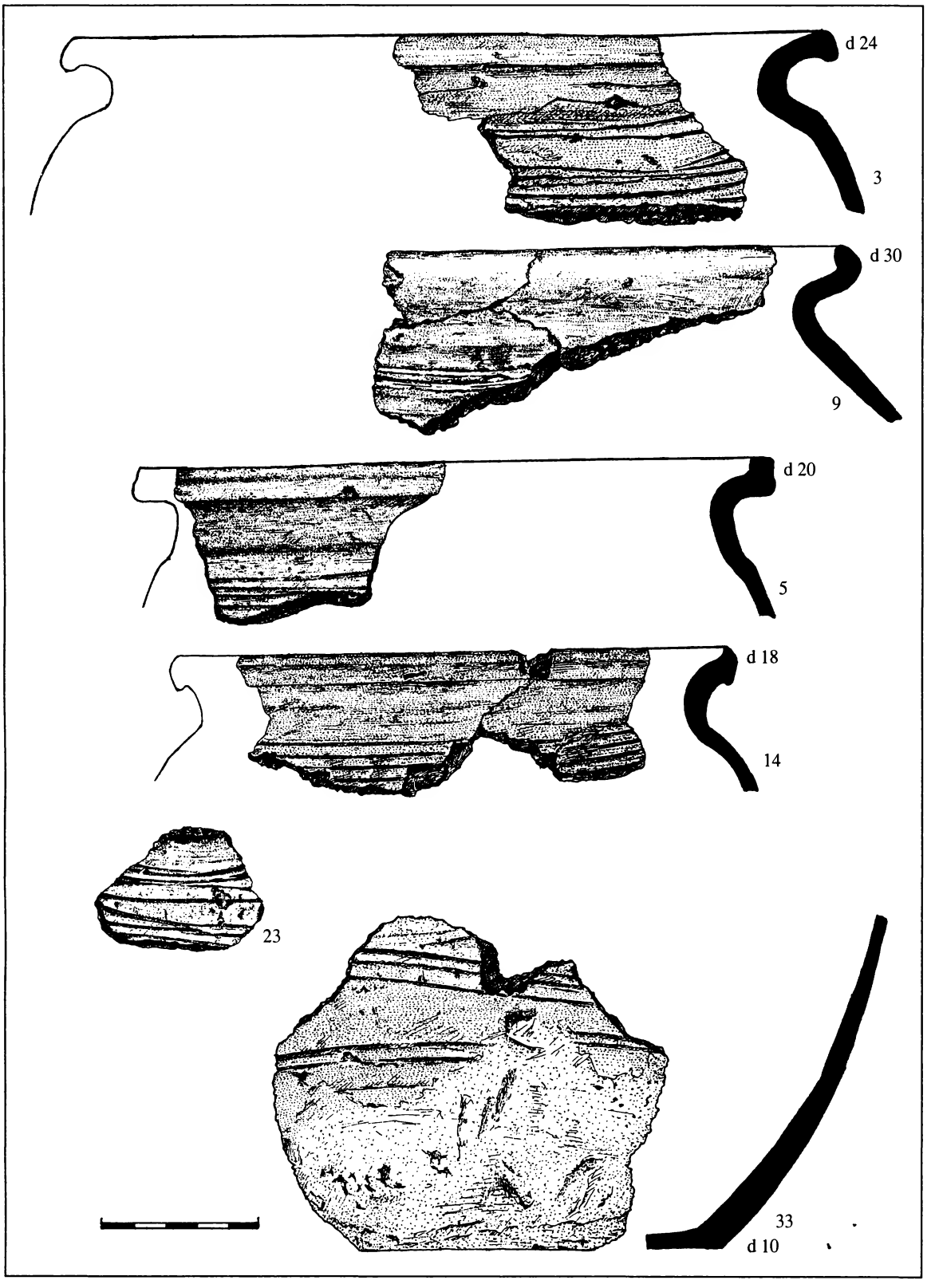


Рис. 102. Курганная и серая керамика из заполнения сооружения, исследованного в 1990 г. на селище Балашиха-10А

чены в комплексе *ямы 8 Исторического проезда*, которая типологически близка комплексу из нижнего слоя *Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 27, *2571*) и *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, *981*).

Горшок 3 с диаметром венчика 24 см выполнен в весьма архаичной технологии (неровная поверхность, трехслойный в изломе черепок) и украшен, начиная от самой шейки, горизонтальным орнаментом, нанесенным весьма неряшливо. Край сосуда

после профилировки отогнут наружу в виде округлого валика. Упора под крышку нет. Подобная форма венчика является одной из наиболее распространенных на финальной стадии развития курганной посуды. Аналогичные сосуды встречены в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, *50, 71, 510*) и *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, *736*). Они представлены большой серией в *яме 3 Исторического проезда,* которая датируется по среднещитковому перстню голубого непрозрачного стекла и стеклянному сосуду франко-сирийского стиля концом XIII – первой половиной (вероятнее, первой четвертью) XIV в. (МК. Табл. 39, *2073, 2091*). Встречены они и в других комплексах того же времени (*селище Огонек* – МК. Табл. 63, *2*). Следует, впрочем, заметить, что отмеченная серия аналогий технологически ближе серой керамике, тогда как наш горшок выполнен вполне в древнерусских традициях.

Три горшка принадлежат 3-му варианту курганной керамики – венчики их имеют в разрезе секировидную форму. Наиболее архаичным из них является **горшок 14** (рис. 102). Он выполнен в типично курганной технике (примесь крупнозернистого песка в тесте, неполный окислительный обжиг) и украшен глубоким горизонтальным рифлением по плечикам. Видимо, именно этому сосуду принадлежит донце с клеймом (рис. 103, *28*). Более тщательно выполнены **горшки 1** и **7**. Поверхность их немного заглажена и покрыта неглубоким и аккуратным горизонтальным рифлением, равномерно покрывающим всю верхнюю и среднюю часть тулова (рис. 101). Перед нами вновь одна из наиболее типичных древнерусских форм горшков, которая бытовала на протяжении длительного периода. Аналогичные горшки встречены в погребениях середины XII в. (*курган № 9 могильника Черемушки, курган № 4 могильника Чернево* – МК. Табл. 9, *4*; 10, *3*), *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, *50, 402*; 23, *128*). Продолжали бытовать (правда, в небольшом количестве) и позднее – они встречены в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, *584*).

Завершить описание курганной посуды селища Балашиха-10А можно, отметив **горшок 6,** который принадлежит к **7-му варианту** (рис. 102). Это довольно приземистые сосуды с широким горлом (диаметр 21 см) и венчиком в виде конической воронки. Они широко представлены в датированных погребениях середины и второй половины XII в. (*курган № 9 могильника Черемушки, курган № 41 могильника Балятино, курган в Аносино, курган № 2 могильника Дубки Царицынские* – МК. Табл. 9, *5*; 16, *1, 2, 3*) и продолжали бытовать в период, когда формировался комплекс *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, *583, 868*).

Серая керамика. Сосуды, принадлежащие ко второй технологической группе (с заглаженной поверхностью), по формам венчиков, могут быть отнесены к серой керамике – типу, который отражает процессы трансформации древнерусской керамической традиции, происходившие в московском регионе во второй половине XIII в.

Описание керамики данного типа правомерно начать с **горшка 13** (рис. 103), который принадлежит к 4-му варианту серой керамики. Сосуд подобран практически до целой формы из шести фрагментов (рис. 103, *13, 30, 34*). Это обстоятельство исключает возможность его случайного попадания в комплекс. Горшок небольшой. Высота его 15 см, диаметр венчика – 13,5 см, диаметр дна – 8 см. Его форма мало отличается от древнерусских сосудов. Однако технология изготовления иная. Среди примесей нет крупнозернистого песка, поверхность сосуда заглажена, черепок в изломе однослойный. В ходе обжига глина приобрела темно-серый, почти черный цвет – один из признаков серой керамики. Венчик имеет небольшой отгиб наружу и небольшое, почти не фиксируемое, валикообразное расширение снаружи. На плечиках и тулове – две полосы волнистого орнамента. На донце со следами подсыпки песком имеется клеймо в виде трех линий, расходящихся в стороны под углом в 50°. По форме венчика горшок относится к 4-му варианту серой керамики. Этот вариант возник в ходе развития 3-го варианта серой керамики, который, в свою очередь, наследует 3-му варианту курганной посуды. Наиболее ранний комплекс, в котором присутствует керамика данного варианта, – *сруб 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, *839, 842*; 33, *840*). В комплексах типа *Лешково-2* (первая половина XIV в.) она пока не прослежена. В комплексе из *Шавыкина монастыря* (1380–1390-е гг.) точных аналогий также нет[9]. Однако это не дает оснований для того, чтобы отрицать возможность бытования данного варианта серой посуды вплоть до второй половины XIV в. Тем более что по технологическим особенностям (тщательно заглаженная поверхность, окислительный обжиг, умеренное использование примесей) балашихинский венчик ближе всего стоит именно к керамике из Шавыкина монастыря.

Круг аналогий этого сосуда помогает прояснить его орнамент. Это несимметричная волна, некоторые элементы которой напоминают ранние варианты орнамента "косая волна". Еще более яркие образцы волнистых орнаментов присутствуют на фрагментах плечиков сосудов (их венчики, к сожалению, не сохранились) **21, 22, 25** (рис. 103). Орнамент на фрагменте 21, хотя и является наклонным, принадлежит древнерусской поре. Точная аналогия его встречена на курганном горшке из нижнего слоя *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, *982*) и сосуде из комплекса *селища Огонек* (МК. Табл. 63, *16*). Орнаменты же на фрагментах 22 и 25 являются типичными образцами ранней "косой волны". Их аналогии имеются в комплексах из *ямы 3 Исторического проезда*, которая, как уже указывалось, датируется концом XIII – первой четвертью или первой половиной XIV в. (МК. Табл. 43, *1868, 2038*), и *Лешково-2* (МК. Табл. 64, *64, 101, 104, 105, 121*) первой половины XIV в. К тому же хронологическому кругу относится весьма редкий тип орнамента в виде штампа (рис. 103, *24*). Сосуды с таким орнаментом найдены в комплексах *селища Огонек и ямы 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 63, *17*; 43, ниже 2150).

Не менее важен для понимания Балашихинского комплекса **горшок 8** (рис. 101), относящийся к 7-му

[9] *Чернов С.З.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 140, 141.

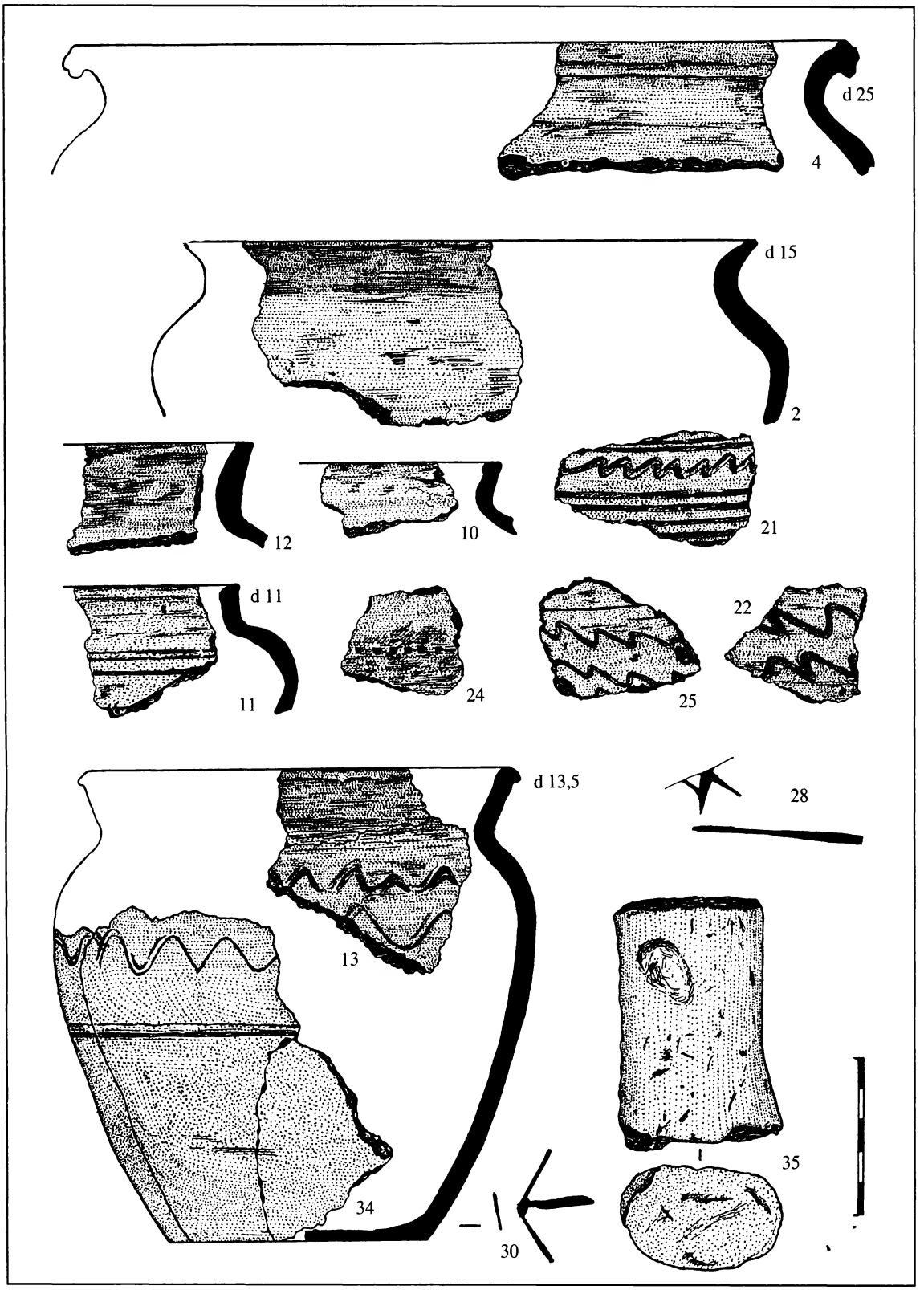


Рис. 103. Серая керамика из заполнения сооружения, исследованного в 1990 г. на селище Балашиха-10А

Фрагменты № 10, 11, 22, 25 – формы, переходные от серой к красноглиняной грубой керамике

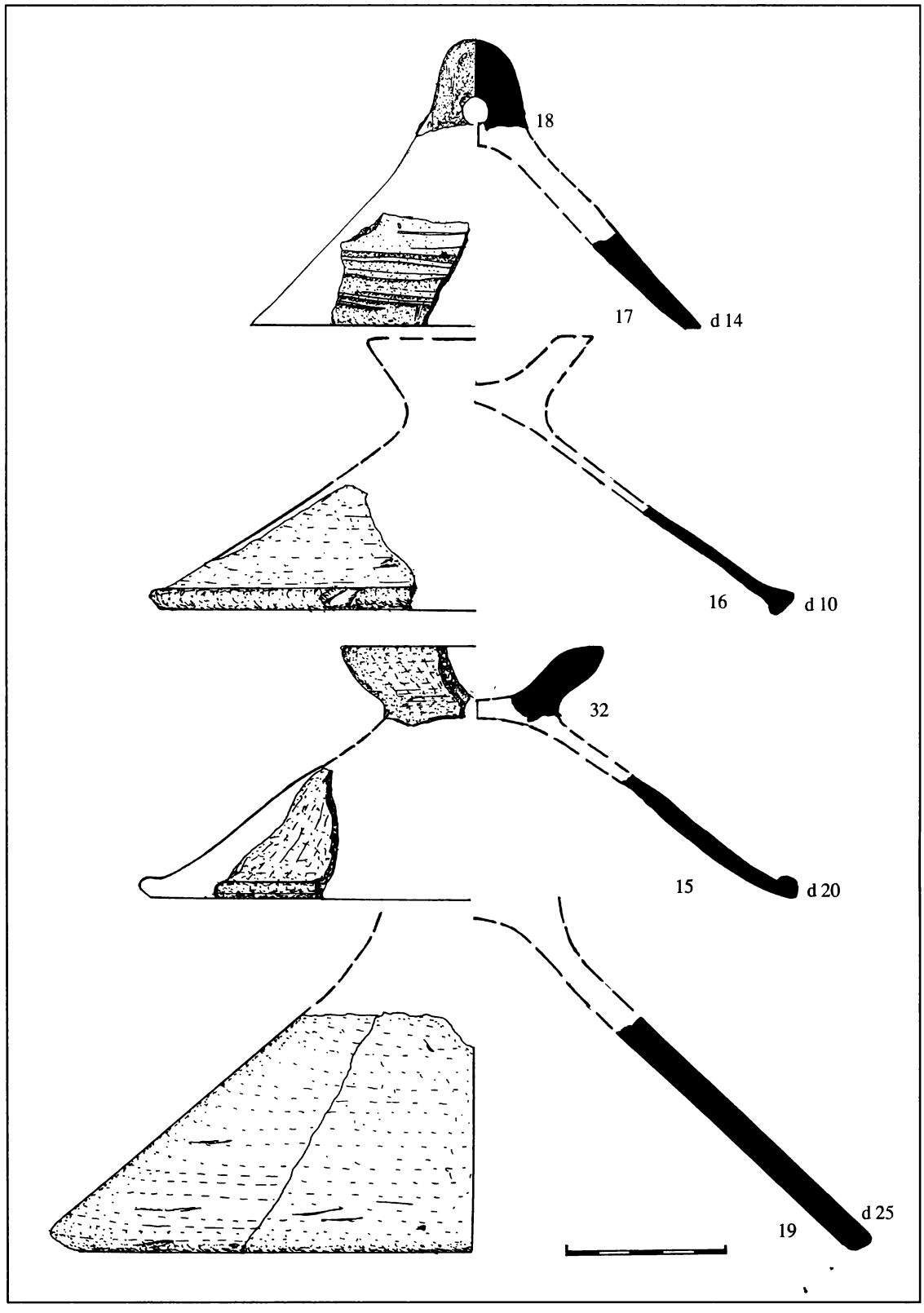


Рис. 104. Крышки горшков из заполнения сооружения, исследованного в 1990 г. на селище Балашиха-10А

Фрагменты № 17–18 и 15–32 – курганная керамика, фрагменты № 16 и 19 – серая керамика

варианту серой керамики. Сохранилась верхняя часть этого сосуда и массивная крышка (рис. 104, № 19), которая с большой степенью вероятности может быть связана с ним. Оба фрагмента принадлежат ко второй технологической группе керамики. Причем, как верхняя часть сосуда, так и крышка демонстрируют типичные характеристики этой технологии, далеко ушедшей от достаточно примитивной традиции производства курганной посуды. Сосуд изготовлен из глины с примесью среднезернистого песка, поверхность его тщательно заглажена. Цвет его темно-бурый. Горшок имеет высокую почти вертикально стоящую шейку высотой 4 см. Данная форма серой керамики является прямым развитием описанного выше 7-го варианта курганной посуды. Аналогии горшка 8 встречены в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22, *8991*), *срубе 1 и яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, *84*; 43, *1896, 2010, 2160*), а также среди ранних материалов московского *Свято-Данилова монастыря*, которые датируются периодом до 1330 г. (МК. Табл. 61, 1-й и 2-й фрагменты 1-го ряда).

К 6-му варианту серой керамики, который наследует кососрезанным венчикам курганного периода, может быть отнесен **горшок 12** (рис. 103). Он представлен небольшим фрагментом венчика довольно внушительного сосуда с хорошо заглаженной поверхностью. Венчик имеет практически вертикальную постановку и завершается горизонтальной площадкой, чем отличается от обычных форм 6-го варианта с наклонными и кососрезанными венчиками, которые составляют в комплексах типа *Лешково-2* большие серии. Аналогии горшку 12 отыскиваются в комплексах *селища "Огонек"* (МК. Табл. 63, *6*) и раннем подъемном материале радонежского *селища Подушкино-2 (Борискы)* (94-463, 94-482), который весьма близок комплексам типа Лешково-2[10].

Итак, описанные выше сосуды 4-го, 6-го и 7-го вариантов серой керамики, а также орнаментированные фрагменты, все, без исключения, находят аналогии в комплексах типа *сруб 1 Исторического проезда и сруб 6 Исторического проезда* (*яма 3 Исторического проезда, "Огонек", Лешково-2*). Данное наблюдение следует иметь в виду при анализе керамики, которая принадлежит к третьей технологической группе и интерпретируется как серая, переходная к красноглиняной грубой.

Серая керамика, переходная к красноглиняной грубой. Эта небольшая группа сосудов – венчики № 10, 11 (рис. 103) – настолько сильно отличается от древнерусской посуды Балашихинского комплекса (хорошо отмученное тесто с примесью среднезернистого песка, великолепно прокаленный черепок светло-бурого цвета), что на первый взгляд кажется попавшей в комплекс из более поздних отложений в ходе заплывания ямы. Тем не менее описанная выше стратиграфия не дает для такого предположения ни малейших оснований.

Перед нами вполне развитые формы 5-го варианта серой керамики, переходные ко 2-му варианту красноглиняной грубой посуды. Фрагменты № 10 и 11 принадлежат небольшим горшкам (диаметр 14 и 11 см) с вертикально стоящим венчиком, имеющим округлый валик подтреугольной формы изнутри. Керамика с валиком подтреугольной формы с внутренней стороны сосуда появляется в комплексах с преобладанием серой посуды. В частности серия такой посуды (с еще наклонным венчиком) фиксируется в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 34). Однако прямые аналогии нашим венчикам отыскиваются к комплексах следующего хронологического этапа: *в яме 3* (МК. Табл. 43, *1878, 2066*) и в *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, *2331*). Впоследствии данная форма становится одной из ведущих форм **красноглиняной грубой керамики** и признаком 2-го варианта этого типа посуды.

Сложнее интерпретировать **горшок 2** (рис. 103). По форме венчика, заостренного на конце, он напоминает ранние формы 1-го варианта красноглиняной грубой посуды из комплексов *Лешково-2* и *Лешково-4* (МК. Табл. 64, *118*; 66, *86*; табл. 67, *169*).

Таким образом, материал, происходящий из сооружения, исследованного на селище Балашиха-10А, представлен двумя группами керамики. Курганная посуда (21 фрагмент или две трети материала), активно представленная в этом комплексе, имеет аналогии в комплексах *нижнего слоя Богоявленского монастыря* второй четверти XIII в. и *сруба 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251 гг.), который формировался во второй половине XIII в. В комплексах, отражающих следующий этап керамического производства (*сруб 6 Исторического проезда, Лешково-2*), подобной керамики и в таком количестве уже нет.

Серая керамика, которая составляет треть материала (13 фрагментов), представлена довольно развитыми вариантами (4-й и 6-й), отсутствовавшими в период доминирования курганной посуды. Имеются даже два сосуда, переходные от серой к красноглиняной грубой московской посуде, и ранние варианты орнамента типа "косая волна". Весь этот набор новаций московского керамического производства присутствует в комплексе из *ямы 3 Исторического проезда*, который по вещам датируется концом XIII – первой четвертью XIV в. В то же время в Балашихинском комплексе нет ряда образцов серой посуды, которые типичны для комплексов типа *Лешково-2* первой половины XIV в.

Отмеченные выше особенности комплекса селища Балашиха-10А и, прежде всего, отчетливо фиксируемые технические и стилистические новации позволяют отнести его к тому периоду московского керамического производства, которой отражен комплексами *сруба 1* и *ямы 3 Исторического проезда* и датируется второй половиной XIII – первой четвертью XIV в. В то же время в Балашихинском комплексе нет ряда образцов серой посуды, которые типичны для комплексов типа *Лешково-2* первой половины XIV в.

В отличие от московских комплексов Балашихинский имеет ряд особенностей. Курганная керамика здесь не только значительно дольше бытовала, но и дольше, чем в Москве, доминировала в

[10] *Чернов С.З.* Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 г. Т. 1 (Архив ИА РАН. Р-1, № 19703. С. 34–37).

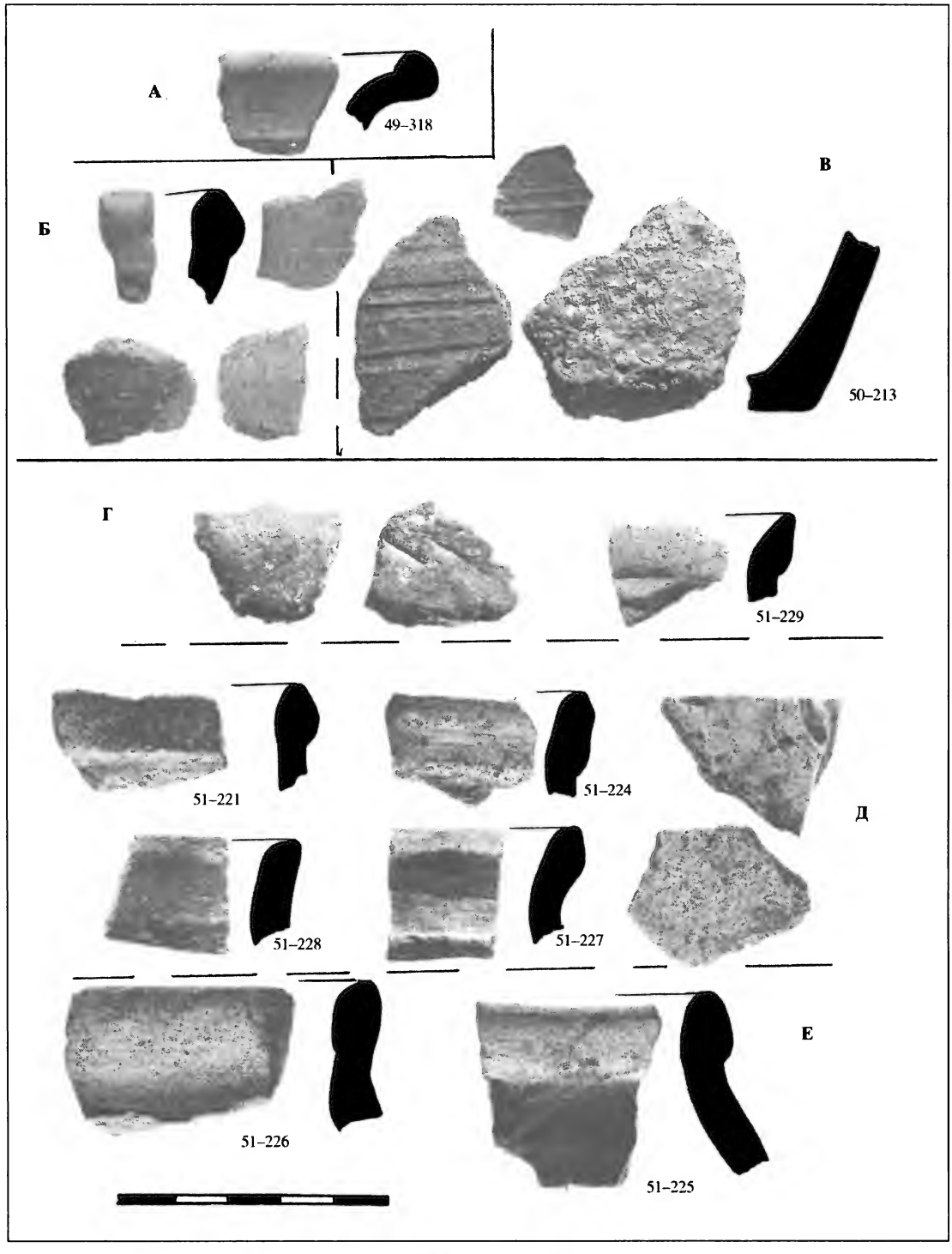


Рис. 105. Селища Балашиха-8 и 10. Керамика

Селище Балашиха-8: А – курганная керамика; селище Балашиха-9: Б – серая керамика, В – курганная керамика; селище Балашиха-10 (к северу от городища): Г – красноглиняная грубая керамика, Д – белоглиняная грубая керамика; Е – белоглиняная шероховатая керамика

керамическом комплексе. В то же время традиция производства серой керамики на берегах Пехорки фиксируется столь же отчетливо, как и в Москве. Следует заметить, что в Радонежской волости, располагавшейся на периферии Московского княжества, эта традиция проявляется значительно слабее и курганная керамика сменяется набором серой и красноглиняной посуды лишь в период, отраженный комплексом *Лешково-2*, т.е. в первой половине XIV в.[11]

[11] *Чернов С.З.* Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в конце XIII – первой половине XIV в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 4. В печати.

На этом фоне, отражающем местное керамическое производство, резко выделяется весьма редкая находка – **фрагмент ручки глиняной византийской амфоры** (рис.103, *35*). Это обколотый с двух сторон фрагмент длиной 7 см. В разрезе ручка эллипсовидная (4,5–5 × 3,5 см). Она сформована из красножгущейся глины с среднезернистым песком и многочисленными органическими включениями (навоз), которые в изломе черепка фиксируются в виде угольков, а на поверхности – в виде каверн в глине размерами от 7 × 2 мм до 3 × 0,5 мм.

Несмотря на значительную толщину ручки, черепок в изломе имеет однородный кирпично-красный цвет, что свидетельствует о том, что он обжигался в специализированном горне. Согласно типологии амфор, ручка относится к типу 2 позднего вида и датируется второй половиной XII в.[12] Амфоры этого типа имеют веретенообразное тулово с высоко поднятыми спрямленными ручками. Именно такой фрагмент прямой части ручки и был найден.

Амофоры типа 2 поступали в Причерноморье и на Русь из города Триллии близ Никеи вплоть до начала XIII в. Встречаются амфоры типа 2 во всех крупнейших городах – Киеве, Новгороде, Смоленске, Рязани и т.д. и составляют до 20% находок на территории Руси[13]. Вновь – после значительного временного промежутка – амфоры такого типа начали поступать в Причерноморье в 1260-е гг. Однако ручки их были миниатюрнее, а цвет имел фиолетовый, а не кирпичный оттенок[14].

Итак, амфора, фрагмент которой был найден в исследованной постройке, могла быть привезена на берега Пехорки не позднее начала XIII в. Значительный хронологический разрыв между временем появления этой амфоры и датой постройки, в которой был найден ее фрагмент (вторая половина XIII в.), требует объяснения. Обломок мог попасть в заполнение постройки при сооружении последней из отложившегося к тому времени культурного слоя. В пользу такого предположения говорит отсутствие в комплексе других фрагментов амфоры. Впрочем, в комплексе не выделено вообще какого-либо керамического материала, происходящего из более раннего культурного слоя. Курганная керамика представлена крупными фрагментами, которые отложились в ходе жизни сооружения. Да и само наличие культурного слоя на селище ко времени возникновения постройки достаточно проблематично. Поэтому нельзя исключить, что амфора использовалась на протяжении длительного (не менее полувека) времени. Факты длительного использования амфор, а также вторичного использования их обломков известны[15].

Основное назначение амфор – тара для перевозки и хранения дорогих и социально престижных продуктов (прежде всего вина, а также масла), пряностей, нефтепродуктов, что подтверждается надписями-граффити на амфорах (“*яропольче вино*”, “*новое вино добрило...*”, “[*м*]*аслі*[*о*]”, “*оле...*”)[16]. Главными потребителями таких продуктов (а, значит, и амфорной тары) были князья, бояре и купцы, т.е. в первую очередь, круг лиц, имевший достаточно средств для их приобретения. Кроме того, крупным импортером и потребителем амфор с их содержимым – красным виноградным вином – была христианская церковь (в храмах и монастырях красное вино было предметом первой необходимости для исполнения литургии).

Излишек амфорной тары, видимо, мог находить использование в быту простого городского населения, попадать в сферу мелкой внутренней торговли. Об одном из таких владельцев амфор из “черного” люда говорит граффито на амфоре из Киева – “*Сутшина корчага*”[17], где имя Сутша – явно простонародное.

Наличие импортной амфоры и стеклянных браслетов в комплексе исследуемой клети свидетельствует о достатке ее владельца.

Вторая Балашихинская курганная группа

Некрополем описанных поселений на раннем этапе их развития являлась Вторая Балашихинская курганная группа, которая расположена у восточного въезда на городище и состоит из 8 насыпей (№ 1–4, 6–9; № 5 – мусорная куча) (рис. 91). Насыпи № 8 и 9 непосредственно примыкают ко рву, остальные курганы располагаются в 12 м к востоку компактной группой. Курганы были обнаружены краеведом Г.Т. Тимофеевой в 1964 г. В августе 1964 г. ею были раскопаны насыпи № 1, 2 и 3, а в апреле 1965 г. – № 8 и 9. Т.В.Равдиной были систематизированы результаты этих раскопок, докопаны курганы № 8 и 9 и исследован курган № 4[18].

Курган 1. К западу и юго-востоку от насыпи фиксировались ровики. Погребение было совершено в яме на глубине 1,2 м от уровня древней дневной поверхности. Т.В. Равдина отмечает, что, по словам Г.Т. Тимофеевой, костяк не сохранился, а судя по расположению вещей, правая рука была вытянута

---

[12] *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашуто Л.П., Кадеев А.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Сб. 7; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979; *Волков И.В.* О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.

[13] *Коваль В.Ю.* Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 246–260.

[14] *Волков И.В.* Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 90–103.

[15] *Коваль В.Ю.* Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 246–260.

[16] *Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. М., 1949. № 55. С. 187. Рис. 145; *Равдина Т.В.* Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. М., 1957. Вып. 70. С. 150; *Голубева Л.А.* Надпись на корчаге из Белоозера // СА. 1960. № 3. С. 322; *Седова М.В.* Эпиграфические находки из Суздаля // КСИА. М.,1987. Вып. 190. С. 8. Рис. 2.

[17] *Калюк А.П., Фридман М.И.* Исследования научно-производственного кооператива “Археолог“ в Киеве // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ, 1991. Вып. 1. С. 26.

[18] Подробнее см. отчет Т.В. Равдиной, публикуемый в Приложении 5 наст. тома.

вдоль тела, левая согнута в локте. На правой руке найдены плетеный бронзовый браслет, на расплющенных концах которого треугольные оправы с синими стеклами (сохранился один наконечник); витой 2 × 3 бронзовый браслет; три рубчатых бронзовых перстня; перстень пластинчатый кованый широкосрединный с чеканным орнаментом. На левой руке обнаружено два бронзовых витых 2 × 3 браслета, бронзовый решетчатый четырехпунктирный перстень, бронзовый витой тройной перстень, бронзовое проволочное колечко. На правом и левом висках – по паре браслетообразных S-образных колец (диаметр – 8 и 8,5 см). На одном левом кольце приклепан кожаным венчиком проволочный овал с расплющенными с отверстиями концами. Сквозь это овальное кольцо (диаметр 2,5 и 4 см) продето пластинчатое (ширина 0,5 см) серебряное колечко диаметром 1,2 см. На левых браслетообразных кольцах видны остатки ткани (рис. 95).

Курганы № 2 и 3 отражены лишь на планах, составленных Г.Т. Тимофеевой (рис. 94). На рисунке видно, что в обоих курганах имелись следы разрушенных погребений (в 1-м – обломок черепной кости, во 2-м – мелкие кусочки от эмали зубов были обнаружены в могильных ямах на глубине 1, 5 м от древней дневной поверхности). При первом кургане имелись ровики с юго-запада и юго-востока, а при втором – с востока.

Курган № 4 (высота 1,2, диаметр – 7,8 м) был раскопан Т.В. Равдиной. С западной стороны к нему примыкал ровик. Насыпь сложена из темно-желтого очень рыхлого песка. На глубине 90 см был обнаружен череп. Костяк длиной 178 см был ориентирован точно по линии запад–восток. Скелет принадлежал мужчине 40–45 лет. Вещей при нем найдено не было. Стратиграфия кургана такова. Под темно-коричневым гумусным слоем (10 см) залегала рыхлая насыпь из темно-желтого песка. В центре кургана этот слой незаметно переходил в светлый песок, образующий на погребенной почве небольшую насыпь диаметром 1,5 м и высотой 40 см. В этом светлом песке залегал костяк. Насыпь кургана постепенно переходила в материк – светлый, более плотный песок.

Курганы № 8 и 9 были раскопаны Г.Т. Тимофеевой колодцем и доследованы Т.В. Равдиной. В кургане № 8 – в колодце, на глубине 145 см от вершины – найдены кости черепа, четыре стеклянных золоченых боченковидных бусины и биллоновый рубчатый перстень со свободными острыми концами. В ходе доследования, на горизонте, у ног костяка обычных пропорций, в юго-юго-восточной части был обнаружено 2 горшка (рис. 93 Б, В). В ходе доследования кургана № 9 погребения не обнаружено.

Дата археологического комплекса и этапы его развития

Подводя итог изложенным материалам, можно выделить несколько периодов жизни археологического комплекса.

Особенности погребального обряда могильника – наличие трупоположений на горизонте (курганы № 4, 8) и в ямах (курганы № 1, 2, 3), а также присутствие в кургане № 8 золоченых боченкообразных стеклянных бус позволяют датировать его второй половиной XII – первой третью XIII в. На территории городища к домонгольскому времени относится витой тройной браслет. Его широкая датировка (XII–XIII вв.) не позволяет настаивать на том, что городище существовало в домонгольский период. Однако на это косвенно указывает дата курганной группы, тем более, что поселение возникло сразу как укрепленное. Так или иначе, до насыпки вала это место не было заселено.

Во второй половине XIII – первой четверти XIV в. курганная группа перестает использоваться в качестве кладбища. К этому времени относится постройка-клеть, раскопанная в 80 м к югу-юго-востоку от валов городища[19]. Пониженная территория к северу от городища в этот период была заселена лишь частично. Таким образом, площадь всего комплекса (городище – 5,2 тыс. кв. м, селище к югу от него – 3 тыс. кв.м и селище к северу – не более 3 тыс. кв.м) составляла примерно 11 тыс. кв.м. Судя по результатам раскопок, этот период отмечен не упадком поселения, а его активным развитием и появлением усадеб привилегированного населения.

Вторая половина XIV – первая половина XV в. представлена менее отчетливо. Этим временем, возможно, датируется красноглиняная грубая керамика на селище к северу от городища. В последней четверти XV–XVI в. городище и примыкающее к нему с севера поселение осваивается вновь, причем поселение расширяется до 8 тыс. кв.м. Жизнь на памятнике прекращается в XVII в., однако он продолжал посещаться и позднее, о чем свидетельствует находка деньги 1749 г.

---

[19] Об уточнениях в датировке этой постройки, которые были внесены после публикации данной работы, см. на с. 146.

Указатель имен*

Абатуров А.А. 129
Абатуров А.В. 154
Авдусин Д.А. 329, 336, 344, 352, 379
Авдусина Г.А. 86, 361, 365, 374
Аверьянов К.А. 356
Айзиков Д.В. 84, 86, 92, 93, 103, 128, 158, 357, 359, 361, 362, 365
ал-Мумин, наследник халифа 67, 373
Александровская Е.И. 18, 20, 36, 38, 57, 62
Александровский А.Л. 18–20, 22, 32, 35, 36, 38, 56, 57, 62, 71, 73, 75, 87, 102, 105, 106, 124, 189, 195, 202, 214, 222, 226, 227, 278, 279, 282, 287, 293, 294, 322, 358, 369, 372, 374
Алексеев А.А. 134
Алексеев А.В. 61, 62, 299–302, 374, 392
Алексеев Л.В. 20
Алексеев Ю.Г. 17, 20
Алексеева Л.И. 53, 55, 59, 62
Алексеева Т.И. 232, 270, 327, 344, 345, 354, 357, 358, 362, 374, 379
Алехин В.В. 32
Альтшуллер А.Б. 308
Андрей Зюзя Шетнев *см.* Шетнев Андрей Зюзя
Андреева Е.Г. 344, 345, 374
Анна Иоанновна, российская императрица (1730–1740) 250
Анненская Г.Н. 32, 42, 116, 124
Анохин И.Р. 78
Антипин Н.А. 34
Антонова И.А. 146, 186, 405
Антонюк В.А., житель с. Царицыно 86, 93, 359, 361
Анучин Д.Н. 344, 345, 374, 375
Апухтин 342
Аракчеев В.А. 24
Армяков С.Е. 304, 326
Арциховский А.В. 20, 66, 82, 84, 86, 90, 92, 103, 105, 112, 113, 124, 277, 300, 303, 308, 319, 329, 341, 342, 357, 361, 362, 371, 375
Асташова Н.И. 300
Ахланов Д. 313

Бадер М.А. 304, 375
Бадер О.Н. 66, 75, 84, 85, 90, 93, 95, 103, 124, 128, 134, 158, 159, 186, 189, 202, 229, 232, 253, 259, 276, 268, 270, 275–277, 303–307, 319, 321, 322, 326, 327, 329–337, 349–342, 344–349, 351–357–370, 375
Баженов В.И., архитектор 81, 83
Байбурова Р.М. 82, 83, 124
Бакарев А.Н., акварелист 219
Балабина В.И. 87, 99, 358
Балинский И.М. 304, 309, 310, 313
Баранов Д. 214
Баранова С.И. 214, 227
Баркер Ф. *см.* Barker Ph.
Барщевский И.Ф. 214, 344
Бассалыго Л.А. 24
Батый, хан 184, 259
Бауэр Н.П. 275
Бахтина И.К. 14, 129
Бекетовы 347
Беленькая Д.А. 277
Белоцерковская И.В. 55, 60, 62
Беляев Е. 214
Беляев Л.А. 20, 61, 62, 67, 71, 75, 81, 124, 190, 202, 203, 213–215, 217, 219, 227, 278, 282, 286, 293, 305, 340, 341, 375
Беляева С.А. 18, 21
Бензенгер В.Н. 84, 353, 361
Бересфорд М. *см.* Beresford M.W.
Беркович В.А. 278, 282, 293, 375
Берхгольц Ф. 219, 227
Блаватский В.Д. 86
Богданов А.П. 319, 329, 330, 375
Богоявленский С.К. 127, 186, 311–313
Божьева Т.Г. 29, 32
Бойцов И.А. 14, 19–21, 32, 36, 38, 62, 75, 76, 87, 95, 124, 153, 188, 214, 227, 278, 282, 293, 294, 306, 344, 346, 394
Бондаренко Л.К. 234, 247, 271
Борисоглебская М.Б. 41
Бродель Ф. 123, 124
Бужилова А.П. 19, 20, 22, 113, 116, 124, 329, 375
Буров В.А. 18, 55, 62
Бутурлина 355, 356
Бызова (Ершова) Е.Г. 18, 19, 21, 38
Вайнтрауб Л.Р. 21, 229
Ван дер Плихт Й. 38
Васин Н.М., старожил 83
Веденин Ю.А. 23, 187
Векслер А.Г. 66, 68, 69, 71, 75, 76, 114, 190, 202, 203, 213, 278, 282, 284, 293, 303, 304, 305–307, 311, 313, 314, 321, 322, 326, 332, 336, 343–347, 350, 351, 365, 366, 375
Веремейчик О.М. 18, 21
Веселовский С.Б. 17, 21, 170, 186
Видина А.А. 30–32
Викторов С.В. 31, 32
Виноградов К.Я. 214, 216, 218, 301–304, 306, 308–310
Вишневский В.И. 52, 55, 62, 229
Власов В.К. 345, 375
Воеводский М.В. 127, 304, 305, 319, 329–335, 341
Войтенко А.Ф. 270
Волков И.В. 146, 186, 229, 250, 259, 405
Воронин К.В. 68, 293
Воронин Н.Н. 308, 367
Воропай Л.И. 32
Воскресенский А.С. 87
Востокова Е.А. 32
Второй Федоров *см.* Федоров Второй
Вышивкин Д.Д. 32

Гаврилов С.А. 214, 217, 375
Гайдуков П.Г. 18, 20, 62
Гак Е.И. 299, 303, 311
Галкин Л.Л. 81, 87, 113, 306, 363
Галямин И.П. 240
Галямина Ю.П. 240
Гатцук С.А. 237
Гендуне Ю.Г. 229, 230, 232, 234, 236–240, 242, 249, 250, 252, 253, 261, 270, 271, 273, 275–277
Герасимов В.М. 14
Герасимов М.М. 332, 375
Герасимов П. 313
Гиршберг В.Б. 321, 354, 367
Глазунова А.Н. 87, 294, 376
Глазунова О.Н. 87, 129, 190, 202, 294, 376
Гласко М.П. 18, 22, 202
Глеб, князь рязанский 65
Голицыны А.В. и В.В. 83
Голицын М.А. 149
Голубева Л.А. 148, 186, 309, 405

* В указатель не включены фамилии авторов из разделов "Литература и архивные материалы".

Гоняный М.И. 18, 19, 21, 22, 32, 33, 61, 62, 67, 69, 76, 90, 124, 149, 182, 186, 203, 213, 263, 270, 299, 343
Горбаневский М.В. 344, 345, 375
Горбачев М.С. 83
Городцов В.А. 127, 128, 186, 189, 202, 232, 256, 276, 277, 304–307, 329, 330, 333, 352–354, 365, 375
Горохов В.И. 299
Горюнова Е.И. 276
Готье Ю.В. 306, 344, 346, 375
Гравес И.В. 21
Граков Б.Н. 86
Григорьев А.В. 62, 67, 76
Гуман М.А. 18, 22, 202
Гунова В.С. 18, 19, 21, 32, 33, 42, 52, 53, 55–57, 59, 62, 87, 107, 124, 214, 227, 293, 345, 357, 379
Гусев С.В. 23

Давыдчук В.С. 19, 21, 29, 33
Давидович А.В. 367
Даниил Александрович, князь московский (около 1271–5.03.1303) 126, 170, 186
Даниленко В.Н. 146, 186, 405
Данилова О.М. 186, 322, 338, 339, 366, 367, 375
Дашевская О.Д. 86
Двуреченский О.В. 76
Дебец Г.Ф. 86, 361
Дервиз Г.В. 302, 314
Дервиз Г.Г. 302, 314
Дергачева М.И. 33
Дмитрий Иванович Донской, князь московский (13.11.1359–19.05.1389), с 6.01.1363 г. великий князь владимирский (с осени 1371 по 16.01.1374 г. ярлык на великое владимирское княжение имел также князь тверской Михаил Александрович) 12, 170, 180
Дмитриевская А.В. 310
Дмитрук А.Ю. 34
Дойель Лео 21
Доценко П.В., старожил с. Царицыно 354
Дубынин А.Ф. 299, 300, 305, 309, 312
Дукельский В.Ю. 229, 251, 306, 365
Дунаев А.Н. 353
Дурново Н.Н. 310
Дьяконов К.Н. 29

Евтюхова Л.А. 84, 86, 112, 124, 303, 310, 321, 361, 375
Егоров Г.В. 87
Едигей, темник ордынский ("Едигеева рать") 9
Ежов Б.Я. 228, 229, 234, 247, 249, 259, 270
Екатерина II, российская императрица (28.06.1762–6.11.1796) 250
Елагина Н.Г. 301
Елизавета Петровна, российская императрица (25.11.1741–24.12.1761) 143, 250, 389
Елизарова Н.А. 375, 379
Елкина И.И. 14, 87
Ершов И.Н. 214
Ершова Е.Г. *см.* Бызова Е.Г.
Ефимова С.Г. 270, 374

Жекулин В.С. 29, 33
Жуйкова Д. 87
Жуков А.И. 270
Жуков Акинфий Иванович, помещик 234
Жуков Б.С. 304, 341
Жуковский М.О. 294, 372, 376
Журавлев С.В. 378
Журин О.И. 14
Жучкова В.К. 32, 124

Забелин И.Е. 69, 76, 228, 270, 303, 304, 344, 345, 362, 376
Загорулько А.В. 23
Зайцев А.К. 65, 76
Зайцев В.В. 261, 270
Зарихин В.А. 61, 67, 372, 373
Засурцев П.И. 367
Захаренко Г. 344
Захаров С.Д. 19, 22
Збруева А.В. 229, 253, 276, 364, 365, 375
Зограф Н.Ю. 127
Золотов Ю.М. 300
Зубарев В.В. 345
Зубарев Н.В. 202, 304

Иван Данилович Калита, князь московский (после 21.11.1325–31.03.1340) и великий князь владимирский (с начала марта 1328 г.) 12, 13, 149, 170
Иван III, великий князь московский, государь всея Руси (1463–1505) 13
Иванов А.А. 19, 22, 300
Иванова М. 343
Ивановский А.А. 354
Иванцов А. 214
Ивашуто Л.П. 186, 405
Иващенко Ю.Ф. 83, 84, 87, 124, 362
Ивинский Ю. 87, 89, 95, 358
Исланова И.В. 18, 21

Кавелин Л. 30
Кадеев А.И. 186, 405
Казаков М.Ф., архитектор 81
Казанцев В. 84, 124, 361, 376
Калайдович К.Ф. 304, 306–308, 313, 344
Калинина В.Р. 32, 124
Калюк А.П. 148, 405
Калякин В.Н. 62, 344, 374
Каменский А.Г. 229
Кантемиры, князь Дмитрий Константинович и его пасынки Константин, Матвей и Сергей, владельцы с. Черная Грязь в 1712–1775 гг. 83
Карпелан К. 344
Карцев В.Г. 304
Карцов В.К. 321, 330–337, 346, 368, 376
Каханов 2-й 322
Кац М.Я. 76, 87, 114, 124, 182, 186, 263, 270, 360, 376
Качанова В.И. 67, 305, 321, 326, 329, 348, 367, 375
Кельсиев А.И. 66
Кеппен Ф.П. 374
Керцелли Н.Г. 312
Кириков С.В. 33
Кирьянова Н.А. 18, 21, 33 62, 375
Киселев А.С., руководитель объединения "Мосгорархив" 14
Киселев Д.И. 372
Киселев С.В. 86, 349, 350, 351, 353, 355, 356
Кислов М.Н. 365, 376
Кистерев С.Н. 185
Клапсте Я. *см.* Klapste J.
Клементьев Ивашка 249
Клименко В.В. 116, 124
Ключевский В.О. 33, 41
Князев Ю.А. 228, 265, 266, 270, 275
Коваленко В.П. 22
Коваленко О.Б. 23, 93
Коваль В.Ю. 69, 93, 114, 124, 146, 153, 154, 186, 188, 190, 202, 284, 293, 303, 304, 405
Кожевников А.Я. 308
Колобов В.М. 301, 302, 310, 321, 344, 366, 376
Колчин Б.А. 343, 394, 397
Колызин А.М. 228, 270
Кондратьев И.И. 66, 279, 282, 312, 322
Кондрашев Л.В. 284, 293, 375
Конецкий В.Я. 18, 21, 56, 57, 62
Коновалов А.А. 322, 323, 349, 350, 376
Коновалов В.В. 14, 323
Константин VII Багрянородный, византийский император (913–959) 237
Коняшин Г.М. 307
Копанев А.И. 17, 21
Косинский В.В. 303, 304, 310
Котлов 279, 282
Кочуров Б.И. 29
Кошлаков В.Д. 271
Кравцов А.Е. 300, 303, 307
Краснов Н.А. 300–303
Краснов Ю.А. 33, 55, 62, 300, 301–303

Кренке Н.А. 12,14, 18–22, 32, 33, 36, 38, 41, 42, 51–53, 55, 57, 59, 60, 62, 65, 66, 68, 71–73, 75–77, 81, 83, 86, 87, 90, 93, 98, 111, 124, 182, 189, 190, 195, 202–204, 214, 219, 222, 227, 257, 263, 267, 270, 278, 279, 293, 294, 299, 300, 303–319, 322, 323, 326–332, 334–338, 340, 342–346, 348–352, 354–378
Кривцова 84
Крис Х.И. 128, 141, 186, 187, 229, 303, 307, 311, 313
Криштафович Н.О. 189, 202, 229, 270, 303–305, 307, 308, 366, 377
Кропоткин В.В. 303, 310
Крылов 364
Кудрявцева Н.В., старожилка д. Кожухово 127
Куза А.В. 23
Кузина И.Н. 188
Кузьмин С.Л. 18, 21
Куликов О.А. 375
Куница М.Н. 29, 32, 33
Куразов Н.Ф. 328, 329
Курапов Василий, Елисеев сын 185
Курмановский В.С. 87
Куртов Ю.В. 307
Куфтин Б.А. 304
Кучкин В.А. 14, 65, 76

Лагуткин М.В. 198
Ладыченко А.О. 214, 330, 344, 365, 370, 373, 375
Лазукин А.В. 87
Ланцман Л.Б. 14
Лапшин В.А. 18, 21
Ларсен Инге-Мария 57
Латышева Г.П. 303, 321, 331–333, 337–339, 352, 353, 377
Лаукарт Л.В. 19, 22
Лекомцев М.Г. 132, 187
Либсон В.Я. 87, 124
Линдеман И.К. 127
Литвинов С.В. 129
Лобанов-Ростовский Я.И., князь 149
Лопатин Н.В. 312, 336, 345, 377
Лопатина О.А. 308
Лубек А.Б. 328
Лыжин Н.И. 127, 187
Ляпунов, поручик 322

Мазуров А.Б. 308
Макаренков Б.А. 306, 307, 365
Макаренков Б.Е. 229, 232, 284, 294, 321, 362, 363–365
Макаренков М.Е. 230
Макаров Н.А. 18–22, 188, 209, 214, 228, 259, 265, 267, 270
Макарова Т.И. 112, 124, 276, 354, 377
Маковкин 302
Мальм В.А. 367, 377
Мамай И.И. 30, 32, 33, 124
Маркелов Е.В. 129
Марковская А.В. 87
Маслова В.Е. 375
Махди, халиф 67, 373
Мачульский Е.Н. 303, 304, 311
Медведев П.В. 349, 369, 376
Медведев Ю.П. 294, 303, 304
Медведь А. 374
Мельник М.В. 19, 22
Мельченко Е.Е. 127, 132, 187
Меньшиков А.Д., князь (1673–1729) 341
Мерперт Н.Я. 86, 361
Мешкова И.С. 187
Милкина Л.И. 31, 33
Миллер В.Ф. 127, 187
Миллер П.Н. 367
Милов Л.В. 121, 123, 124
Милонов Н.П. 308
Мильков В.В. 87, 124
Минеева К.В. 83, 84, 124
Михаил Федорович, российский царь (1613–1645) 82, 247
Миронова В.Г. 321, 377
Молошникова М.А. 87, 294, 372, 374, 376
Молчанов Андрей, писец Московского уезда 247
Монгайт А.Л. 128, 148, 187, 405
Морозов Г.Ф. 30, 33
Морозова Г.В. 14
Моці О.П. 22
Мурашко О.А. 267, 270, 356
Муста ибн-Биллах, халиф 67, 326
Мутезз-Биллах, халиф Арменга 67, 326

Назаров В.Д. 12, 23
Наумов А.Н. 76, 114, 124, 182, 263, 270
Недошивина Н.Г. 20, 22, 68, 76, 112, 124, 128, 141, 143, 187, 213, 266, 267, 270
Некуда В. *см.* Necuda V.
Нефедов В.С. 87, 294, 372, 377
Нефедов Ф.Д. 270
Нефедова Е.С. 214, 346, 377
Низовцев В.А. 14, 18, 19, 21, 22, 28–33, 38, 41, 42, 62, 67, 74, 76, 87, 116, 120, 122, 124, 127, 189, 279, 294, 323, 349, 375
Николаев В.А. 29, 33
Николаев И.Н. 187
Николаева Т.В. 20
Никольская Т.Н. 33
Носов Е.Н. 18, 21, 22
Носова Л.М. 30

Оболдуева Т.Г. 304
Оболенский, помещик 356
Овчинников М.А. 346
Одоевские, князья 236
Одоевский Михаил Никитович, князь 247
Одоевский Петр Иванович, князь 249
Одоевский Юрий Михайлович, боярин, князь 249, 393
Олдина С.Н. 129
Онищенко М.В. 14, 19, 22, 33, 87
Орешников А.В. 362
Орлов, владелец рощи 329
Орлов С.А. 14
Орлова В.И. 240

Павлов А.П. 371, 372, 377
Павлов В.А. 128, 187
Павлов-Сильванский В.Б. 247, 270
Панова Т.Д. 33, 38, 68, 284, 294, 305
Пассек Т.С. 327, 375
Пахомов Н.В. 345
Пахтунов С. 306
Петерс Б.Г. 359
Петр I, российский император (август 1689–28.01.1725) 250
Петрашенко В.О. 22
Петров В.В. 127, 129, 330, 349, 351, 368, 369
Петров В.П. 33
Петров П.П. 330, 377
Пимакин Л.И. 307, 310
Платонова Н.И. 18, 22
Погребняк П.С. 30, 31, 33
Погребова Н.Н. 328
Подагов Д.Д. 66, 371, 377
Подвигина Н.Л. 322, 365, 377
Позамантир Р.Д. 232, 233, 247, 271
Поленов В.Д. 234
Полюлях А.А. 145, 146, 148, 187, 389, 392
Попов Н.А. 365
Потапенко В.Г. 34
Потоцкий С.П. 307, 328
Прохоров Г.А. 328
Пузанов П.И. 335
Пурышев Истома 247
Пушкина Т.А. 267, 271, 379, 380

Рабинек Ф. 240
Рабинович М.Г. 99, 100, 111, 204, 260, 263, 280, 308, 309, 312, 313, 318–320, 322, 325, 342, 355
Равдина Т.В. 20, 68, 69, 72, 76, 82, 84, 86, 90, 93, 98, 88, 111–113, 124, 125, 127, 128, 143, 145, 148, 187, 210, 229, 232, 237, 244, 271, 273, 276, 277, 287, 294, 300, 322, 341, 342, 346–348, 350, 354, 359–362, 365, 377, 381–384, 386, 389, 390, 405, 406
Раева В.А. 14
Разумовский С.М. 31, 34
Раменский Л.Г. 31, 34

Рашин А.Г. 69, 76, 114, 125
Ржевская Е.Н. 341, 342, 373
Риер Я.Г. 22
Рикман Д. 361
Розенфельдт И.Г. 60, 62
Розенфельдт О.Р. 304
Розенфельдт Р.Л. 34, 87, 95, 103, 127, 128, 154, 187, 232, 256, 259, 271, 276, 277, 299–313, 321, 332, 336, 337, 339, 344, 348, 357–359, 362, 365
Роман II, византийский император 237
Романов С.А., московский генерал-губернатор 319
Романовская С.В. 128, 187
Романчук А.И. 186, 405
Романчук С.П. 29, 34
Русаков П.Е. 128
Рыбаков Б.А., академик 354, 367, 377
Рябинин Е.А. 266

Саблин М.А. 84, 125, 319, 321, 327, 335–337, 339, 341, 342, 346–348, 351, 354–357, 359–361, 369, 373, 377
Савельев П.С. 67, 326, 367, 377
Савина С.С. 34
Савицкий М.Г. 308, 313
Савков Н.В. 341, 342, 378
Салтыков 319
Самойлов К.Г. 56 57, 62
Самоквасов Д.Я. 306, 319, 342, 344–346, 353, 354, 378
Самошин 308
Сапожниковы, фабриканты 234
Сафронова Н. 14
Седов В.В. 17, 22, 34, 51, 336
Седова М.В. 148, 187
Селиверстова Л.Н. 14
Селин А.А. 18, 22
Сидоров В.В. 308–310, 313, 354
Сизов В.И. 76, 84, 127, 306, 344–346, 362, 378
Сметанка З. *см.* Smetanka Z.
Смирнов А.П. 312
Смирнов К.А. 52, 62, 242, 300, 311, 344
Смирнов С.А. 14, 135, 175, 229, 233, 263, 271
Смирнова Г.П. 204, 207, 321, 340, 347, 348, 350, 369
Соколов А.В. 321, 330, 331, 333–339, 355
Соловьев Д. 87
Спиридонов А.М. 22
Спиридонова Е.А. 18, 19, 21, 33, 38, 62, 75, 189, 293, 374, 375
Станюкович А.К. 60–62, 68, 75, 76, 293, 299, 301, 302, 304–306, 311, 312, 314, 328, 330, 332, 333, 338, 340, 343, 366, 374, 375
Спицын А.А. 84, 125, 229, 236, 237, 244, 249, 261, 271, 273, 275, 277, 346, 378, 379
Стенсберг А. *см.* Steensberg A.
Стрикалов И.Ю. 287, 294
Стрешнев Лукьян Степанович, боярин, тесть царя Михаила Федоровича 82
Стрешнев Родион Матвеевич, боярин 149
Сукачев В.Н. 30, 34
Сулержицкий Л.Д. 60, 62, 68, 76, 346, 377
Сутша, владелец амфоры из Киева 148, 405
Сыроватко А.С. 308, 313, 318
Сычева С.А. 18, 22

Тавлинцева Е.Ю. 60, 62, 68, 76, 134, 187, 307
Талицкий М.В. 308, 313, 375
Тепцов Н.В. 338, 342, 346, 355, 373, 378
Тереножкин А.И. 187
Тикунов В.С. 29
Тимофеева Г.Т. 128, 143, 145, 382, 384, 386, 388, 389, 405, 406
Торжнев Вассиан, старец Чудова монастыря 185
Третьяков П.Н. 51, 52, 62
Тропин Н.А. 18, 22
Трофимова Т.А. 327
Трохимчук С.В. 29, 34
Трубникова Н.В. 307, 313
Трусов А.В. 303, 367

Узянов А.А. 18, 19, 22
Ульянов О.Г. 305
Урланис Б.Ц. 263, 271
Успенская А.В. 265, 271, 301, 302
Успенский С. 352

Фараджева Н.Н. 294, 377
Фасмер М. 78, 125
Фасмер Р.Р. 271
Фатеев Г.А. 336
Федор Иванович, царь 247
Федоров Второй 247
Федоров Г.Б. 321, 346, 348, 369, 378
Федоров-Давыдов Г.А. 61, 67, 373
Фехнер М.В. 367
Филимонов Г.Д. 306, 344, 346, 378
Фишкис О. 87
Фоломеев Б.А. 8, 22, 189, 202
Формозов А.А. 303, 310
Френ Х.Д., академик 326
Фридман М.И. 148, 405
Фролов А.А. 18, 22
Фролов И.К. 19, 21
Фролов М.В. 76, 214, 375
Фурманова Ю.Г. 19, 22, 31, 33

Харлашов Б.Н. 18, 22
Харузин А.Н. 127, 187, 344, 346, 354, 378
Хёрст Дж. *см.* Hurst J.G.
Хлобыстин Л.П. 267, 271
Хлопов Т.А. 244
Ходаковский З.Я. 299, 300, 302–310, 313, 344, 346, 378
Холмогоровы В. и Г. 77, 82, 83, 125, 247, 249, 261, 265, 271
Хомская И. 87
Хомутова Л.С. 34
Хорошкевич А.Л. 14
Хотинский Н.А. 34
Хрусталева М.А. 32, 124

Цалкин В.И. 34, 41
Цаценкин И.А. 34
Цветкова И.К. 86, 93, 103, 321
Цепкин Е.А. 60, 62, 344, 346, 377
Цесельчук Ю.Н. 52, 124
Цыбин М.В. 18, 22
Цыганов Д.Н. 31, 34

Чаянов А.В. 302
Черезова М.В. 229
Чернай И.Л. 307, 308, 318
Чернецов А.В. 188
Чернов С.З. 14, 17, 18–23, 38, 74–76, 98, 102, 103, 126, 129, 134, 145, 146, 148, 149, 153, 164, 170, 175, 176, 184–188, 208, 210, 219, 228, 232, 244, 251, 263, 265, 268, 271, 278, 279, 294, 302, 304–306, 311, 328, 365, 366, 369, 370, 372, 378, 389, 394, 400, 404
Чернякова И.А. 22
Чертанов, обер-квартирмейстер 84
Чигрин А.С. 214
Чижиков О.Н. 34

Швебс Г.Н. 29, 34
Шевченко Ф.П. 23
Шелепин Микита, дьяк 247
Шеляпина (Владимирская) Н.С. 304, 305, 319, 321, 337, 347
Шеппинг Д.О. 319, 336, 337, 373, 378
Шереметев Федор Иванович, боярин 247
Шереметев Юрий Михайлович 247
Шетнев Андрей Зюзя 347
Ширинский С.С. 349, 350, 351
Шишков А.В. 149, 186
Шляков И.А. 84
Шполянский С.В. 19, 23, 61, 62, 65, 83, 84, 319, 322
Шуберт Ф.Ф., генерал-лейтенант, директор Военно-топографического депо (1832–1843) 67, 76, 90, 125, 313, 319

Щавелев С.П. 342, 354, 378
Щапова Ю.Л. 154, 379
Щелкалов Василий Яковлевич, дьяк 247

Щербатов М.Н., князь 327
Щербатов Н.С., князь 327
Щур Ю.В. 34
Щуркина Е.А. 33, 42, 294

Энговатова А.В. 22, 69, 303, 304, 313, 314
Эренбург Р.Б. 270, 374

Юрий Данилович, князь московский (5.03.1303–21.11.1325) и великий князь владимирский (1318–1322) 126, 170, 186
Юрий Владимирович Долгорукий (между 1096 и 1100–15 мая 1157), князь суздальский и киевский 294
Юркевич 31
Юрьев Михаил Никитьевич 185
Юшко А.А. 34, 61, 62, 65, 69, 72, 76, 82, 87, 125, 128, 146, 187, 188, 269, 271, 276, 277, 299, 301–303, 307–313, 322, 328, 332, 347–350, 359, 360, 362, 378

Якобсон А.Л. 146, 188, 405
Ямбаев М. 214
Янин В.Л., академик 17, 23, 24
Янишевский Б.Е. 21, 38, 62, 189, 294, 299, 300–303, 307, 310, 313, 314, 317, 318, 330, 332, 336, 338, 346, 348–351, 355, 356, 363–367, 369, 372–374, 377
Ястребов А.О. 129
Яценко И.В. 86, 301, 361

Alexandrovskiy A. *см.* Александровский А.Л.

D'Archimbaud G.D. 24

Baker Alan R.H. 17, 24
Barker Ph. 17, 24
Beresford M.W. 17, 24
Billinge M. 24
Boguki P. 75, 76
Bord C. 24
Bord J. 24
Brown A.G. 189, 202
Bullin Robin A. 17, 24

Caplovic D. 24
Casselberry S.E. 52, 62
Černý E. 24
Chichagova O. 294
Chouquer G. 24
Christensen 24

Darby H.C. 24
Deuel L. 24

Ferring C.R. 195, 202
Fourmier G. 24
Fournier P.F. 24

Goehrke C. 23, 24

Habovštiak A. 24
Harley J.B. 24
Heidinga H.A. 24
Hirviluoto A.T. 55, 62
Hodder I. 24
Holliday V.T. 202
Hurst J.G. 17, 24

Joseph J.K.S. 24
Justova J. 24

Kaiser D.H. 23
Klapste J. 17, 24
Kovaliukh N. 294

Limbrey S. 106, 125

Necuda V. 17, 24
Nielsen V. 56, 57, 62

Orton C.R. 24
Ostergaard J.L. 24

Raimer P.J. 314
Roberts B.K. 24
Ruttkay A. 24

Smetanka Z. 17, 24
Steensberg A. 17, 24
Stuiver M. 314
Sulerzhitsky L. 294

Taylor C.C. 24
Theus F. 24

Van der Plicht J. 294
Vormisto 55, 62

Wade-Martins Pr. 24
Wainwright F.T. 24

Указатель географических названий

Автуничи, поселение близ Чернигова, X–XIII вв. 19
Агафоново, местонахождение керамики железного века 301
Агафоново, селище железного века 301
Азовская, улица в г. Москве 348
Акатово-1, селище в Балашихинском районе Московской области 174, 184, 185
Акатово-2, селище в Балашихинском районе Московской области 184, 185
Акатово, село (деревня) на р. Пехорке в Балашихинском районе Московской области 128, 129, 134, 141, 143, 146, 149
Акатовский археологический комплекс в Балашихинском районе Московской области 134
Акатовский 1-й, курганный могильник в Балашихинском районе Московской области 128, 134, 141, 145
Акатовский 2-й, курганный могильник в Балашихинском районе Московской области 128, 134, 141
Аксиньино, селище железного века 300
Ал-Мухаммадие, место чеканки дирхемов 67
Алексеевская роща в верховьях р. Пехорки в Балашихинском районе Московской области 132, 148, 154
Алексеевская роща-1, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 149, 153, 157, 162, 174, 181, 182, 183, 184
Алексеевская роща-2, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 179
Алексеевская роща-3, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 179, 185
Алексеевская роща-4, селище в Балашихинском районе Московской области 131, 141, 176
Алексеевский дворец начала XVIII в. в Балашихинском районе Московской области 132
Алексеевский пруд в верховьях р. Пехорки в Балашихинском районе Московской области 148, 154
Алексеевское, село на Переславской (Троицкой) дороге близ р. Яузы 129
Алексеевское лесничество НП "Лосиный Остров" 127, 131, 149–151, 171
Алешкино, село (деревня) 327
Алешкино-1 (Алешкинский), курганный могильник 323, 236, 327
Алешкино-2 (Алешкинский), курганный могильник 324, 327
Алешкино-1 (Алешкинское), селище 70, 304, 323, 326
Алмазниково *см.* Орехово Алмазниково тож, пустошь
Алмазово, усадьба в Балашихинском районе Московской области 141
Алтыново (Бережки), городище железного века 301
Аминьево, бывшее село (деревня) на р. Сетуни, ныне в г. Москве 370
Англия 17
Андреевский монастырь в г. Москве 339
Андреевское, городище в г. Москве 310
Андреевское-1, селище 70, 305, 324, 339
Андроников монастырь, поселение железного века на территории монастыря 305
Андроников монастырь, селище близ Андроникова монастыря, XII–XIII вв. 269, 305
Андроново, селище железного века 299
Аниково-2, селище железного века 301
Аннино, бывшая деревня, располагавшаяся восточнее парка усадьбы Кузьминки 370
Аннино (Кузьминское 4-е), селище, XII–XIII вв. 70, 326, 369
Анохина академика, улица в г. Москве 335
Арехово, деревня (пустошь) *см.* Орехово, деревня
Арменг, город 326
Арсентьевское (починок на Арсентьевском поле), селище 141, 172, 174, 178, 180, 181, 183–185
Арсеньево, сельцо 132
Архангельский собор в Московском Кремле 36
Архангельское, городище железного века на р. Москве 303
Арцимовича академика, улица в г. Москве 336
Ачкасово (погост Красно), городище железного века в урочище Городена 308

Бабошкино озеро, 174, 175
Бабынина пустошь 82
Багрицкого, улица в г. Москве 330
Баженова, улица в г. Москве (на территории быв. села Царицыно) 86
Балаклавский проспект в г. Москве 349, 350, 352, 353, 369
Балашиха, город в Московской области 128, 129, 132, 149, 154, 381–383, 386
Балашиха-1, селище 141, 153, 155, 157, 162, 171, 182–185
Балашиха-2, селище 141, 155
Балашиха-3, селище 141, 153, 155, 157, 162, 174, 183–185
Балашиха-4, селище 141, 155
Балашиха-5, селище 141, 155, 185
Балашиха-6, селище 141, 155
Балашиха-7, селище 141, 155
Балашиха-8, селище 141, 155, 174, 185, 404
Балашиха-9, селище 134, 141, 155, 174, 185, 404
Балашиха-10, селище 141, 145, 146, 148, 149, 155, 174, 184, 185
Балашиха-10А, селище 146, 155, 389–393, 395
Балашиха-11 (у быв. д. Леоново), селище 141, 155
Балашиха-12 (к югу от быв. д. Леоново), селище 141
Балашихинская мануфактура 127, 132, 155, 164

Балашихинская плоская зандровая равнина 132, 141, 171
Балашихинский археологический комплекс (городище, курганный могильник и селище Балашиха-10) 134, 143, 146, 148, 149, 389, 400, 403
Балашихинский водозабор 155
Балашихинский курганный могильник (Балашихинский 1-й курганный могильник) 141, 384, 389, 396, 398–404
Балашихинский 2-й курганный могильник 389, 405
Балашихинский пруд 155
Балашихинский район Московской области 11, 126, 128, 380, 386
Балашихинское городище в Балашихинском районе Московской области 128, 141, 143, 149, 174, 184, 185, 383
Балтийское море 132, 234, 244, 252
Балятино, курганный могильник у дер. Балятино 127, 128, 195
Барвихинское, городище железного века 303
Барклая, улица в г. Москве 329
Барыбино, курганный могильник 232, 329
Барышиха, речка, левый приток р. Москвы выше с. Спас-Тушино 69
Барышиха, селище железного века в г. Москве 304
Баскаки, деревня в г. Королеве Московской области 259, 261
Баскаки, селище в г. Королеве Московской области 229, 234, 259, 261, 263, 270, 273
Батыевская дорога, название Переславской (Стромынской) дороги в документе 1596 г. 185
Бауманский дачно-строительный кооператив 259
Бахрушина дача 83, 84
Белое озеро *см.* Белоозеро
Белозерье в Вологодской области 19
Белоозеро, историческая область 18, 209
Белый город, район в историческом центре г. Москвы 13
Беляево, быв. деревня, ныне на юго-западе г. Москвы 336, 347, 368, 369
Беляево, селище в г.Москве 312
Беляевский-1, курганный могильник (курганы у Калужского шоссе) в г. Москве 326, 368, 369
Бережки *см.* Алтыново
Бесединская дорога 363, 364
Беседский курганный могильник в Ленинском районе Московской области 81, 287
Беседы, селище железного века в Ленинском районе Московской области 306
Беседы, село в Ленинском районе Московской области 78
Бесов нос, святилище на острове Вайгач 267
Биостанция в с. Болшево 253
Бирюлево, сельцо, ныне в черте г. Москвы 356
Бирюлево-1, курганный могильник (Южно-Чертановский) 325, 356
Бирюлево-2, курганный могильник (Южно-Чертановский) 325, 356
"Битца", ипподром в г. Москве 352
Битца, река, левый приток р. Пахры 13, 77, 355
"Битцевский лес", парк на юго-западе г. Москвы 349–351, 355, 356, 368, 369
"Битцевский парк", ст. метро в г. Москве 356
Блошино, деревня 127, 128
Блюдечко, городище в Кремле г. Коломны 308
Бобровки, пустошь 247
Богородицкая роща 335
Богородский уезд Московской губернии 127
Богородское *см.* Теплый Стан-3
Богородское, село на р. Яузе, владение московского Чудова монастыря 129, 336
Богородское-1 (Богородицкий, по О.Н. Бадеру) курганный могильник 324, 336, 372
Богородское-2, курганный могильник 324, 335
Богоявленский монастырь в г. Москве 71
Болонь, река в Гжатском уезде Смоленской губернии 237
Болотниковская, улица в г. Москве 347, 348
Болшево, поселок на территории г. Королева Московской области 234, 236, 252, 253, 261, 271
Болшево (Болшево Городище тож), село в Московском уезде на р. Клязьме 229, 230, 233, 236, 237, 247, 249, 259, 261, 263, 270, 275, 276
Болшево-I (по Т.В. Равдиной) *см.* 2-й Болшевский курганный могильник в с. Болшево
Болшево-II (по Т.В. Равдиной) *см.* 1-й Болшевский курганный могильник у быв. д. Городище
Болшево (Болшевский), курганный могильник 263, 271, 329
Болшево, станция Ярославской железной дороги 271, 273, 275, 276
Болшевская красильная фабрика 259
Болшевские селища 261
Болшевский (Болшево) археологический комплекс 236, 253, 261, 275
Болшевский 1-й, курганный могильник у быв. д. Городище 232, 234, 237, 263, 276, 308
Болшевский 2-й, курганный могильник в с. Болшево 234, 236, 240, 244, 249, 250, 252, 253
Болшевский 3-й, курганный могильник (на ул. Колхозной) 234, 249, 253
Болшевский могильник близ быв. Преображенской церкви в пос. Болшево в г. Королеве 244
Болшевский некрополь 234, 249, 253
Болшевское городище (у быв. д. Городище) 229, 232, 234, 236, 249
Болшевское подольное поселение *см.* 3-е Болшевское селище (на Подоле)
Болшевское 1-е, селище (у быв. д. Городище) 234, 249, 250, 261, 263, 271
Болшевское 2-е, селище 234, 245, 246, 249, 253, 260–262
Болшевское 3-е, селище (на Подоле) 229, 250, 251, 253, 258–263
Большая, улица в быв. с. Коломенское, ныне в черте г. Москвы 342
Большая Десенка (Сосенка), река, левый приток р. Десны 339
Большая Дмитровка, улица в г. Москве 326
Большая дорога из Москвы в Каширу 82
Большая Москва, часть города между Камер-Коллежским валом и МКАД 319, 321, 322
Большая Ордынка, улица в г. Москве 71
Большая Очаковская, улица в г. Москве 333
Большая Роща, дача 349
Большая Филевская, улица в г. Москве 329
Большая Черемушкинская, улица в г. Москве 341
Большие Мытищи, село 275
Большое Голубино, деревня 355
Большое Голубино, сельцо *см.* Большое Голубино, деревня

Большое Голубино-1, курганный могильник (Большеголубинский) 325, 355
Большое Медвежье озеро 134
Большой Беседский курган № 12 306
Большой Ватин переулок в г. Москве 367
Большой Головинский пруд (запруженная часть речки Лихоборки) 366
Большой (Царицынский) дворец 87, 89, 359, 362, 374
Большой Черкасский переулок в г. Москве 75
Борисово, село 364, 365
Борисово, селище (городище) 312
Борисово (Борисовский), курганный могильник 68, 81
Борисово-1, курганный могильник 325, 364
Борисовские пруды, улица в г. Москве 354, 363, 364
Борисовский пруд (запруженная часть р. Сухая Городенка) 363
Борисовское *см.* Зюзино
Борисовское, село московского Чудова монастыря 265
Борисоглебское, городище 312
Боровский курган, городище железного века 52, 60, 302
Боровицкий холм в Московском Кремле 294
Боровское шоссе 334
Бородинское, городище железного века 300
Бохов стан 233, 249, 270
Боршева(о), городище железного века 52, 302
Братеево, быв. село, ныне в г. Москве 363–365
Братеево, микрорайон в г. Москве 364
Братеево-1 (1-й Братеевский курганный могильник, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 69, 70, 72, 81, 306, 325, 363, 364
Братеево-2 (2-й Братеевский курганный могильник по О.Н. Бадеру), курганный могильник 325, 363, 364
Братеево-3 (3-й Братеевский курганный могильник, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 321, 325, 363, 364
Братеево-4, курганный могильник 325, 364
Братеево-5 (5-й Братеевский курганный могильник, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 325, 363
Братеевско-Борисовский комплекс курганных могильников 69
Братеевская, улица в г. Москве 364
Братеевские курганные могильники в г. Москве 81
Братеевский мост в г.Москве 338
Братцево, усадьба на р. Сетуни в г. Москве 327
Брехово(а), быв. деревня, ныне в черте г. Москвы 336, 337
Бреховский курганный могильник *см.* Теплый Стан-2, курганный могильник
Бреховский (по А.В. Соколову), курганный могильник *см.* Теплый Стан-4, курганный могильник
Бреховский (по А.В. Соколову), курганный могильник *см.* Коньково-4, курганный могильник
Бреховский курганный могильник *см.* Коньково-2, курганный могильник
Бреховский курганный могильник *см.* Коньково-3, курганный могильник
Бронницкое, городище железного века в Московской области 308
Бронницкое, селище железного века в Московской области 308
Будайка, ручей, левый приток р. Яузы 268, 323, 367
Будайская, улица в г. Москве 367
Бужарово, городище 310
Буланый луг 132, 154, 171, 176, 182
Бульварное кольцо в г. Москве 67
Бурково, деревня в г. Королеве Московской области 234, 253, 256, 259
Бурковский археологический комплекс на р. Клязьме на территории г. Королева 253, 259, 261
Бурковский грунтовой могильник 234, 265
Бурковский 1-й, курганный могильник на территории г. Королева 229, 234, 253, 256, 261, 265
Бурковский 2-й, курганный могильник на ул. Чернышевского в г. Королеве 229, 234
Бурковское 1-е, селище на территории г. Королева 234, 253, 256, 261, 263, 265, 266, 268, 269
Бурковское 2-е, селище на территории г. Королева 239
Бутлерова, улица в г. Москве 346, 368,
Бушарино, городище железного века 301
Бушарино, селище железного века 301
Быково *см.* Верея-Быково
Быково, пустошь, что была деревня Быкова 259
Быково на ручье Висенской, селище в басссейне р. Пахры в Московской области 312
Бяконтово ("Святой колодец"), селище 312

Вайгач, остров 267
Вайгачское святилище 267
Варварина гора, городище на р. Шлине 55
Варшавский 2-й проезд в г. Москве 353, 354
Варшавское шоссе в г. Москве 12, 129, 342, 353, 356, 369
Васильцев стан, дворцовые земли с. Измайлово 370
Веерная, улица в г. Москве 330, 331
Веледниково, селище в Истринском районе Московской области 311
Великая дорога старая Переяславская лесная *см.* Переяславская (Стромынская) дорога
Великая Могила, курган в г. Москве на территории микрорайона Митино 66
Великий Новгород *см.* Новгород 17
Вельяминово, селище в Истринском районе Московской области 310
Верейская, улица в г. Москве 330
Верещагина дача, местность в районе Варшавского шоссе в черте г. Москвы 313, 342
Верея (Заозерье-1), селище железного века 307
Верея-Быково, селище железного века 307
Вернадского проспект в г. Москве 335
Верхнее, селище железного века на Воробьевых горах в г. Москве 305
Верхнекотловский (по О.Н. Бадеру), курганный могильник *см.* Верхние Котлы, курганный могильник
Верхне-Пехорская, слабоволнистая зандровая супесчаная равнина 132, 141, 171
Верхне-Царицынский пруд (запруженная часть р.Язвенки) 81, 83, 89, 93, 357–362, 374
Верхние Котлы, деревня 342
Верхние Котлы, курганный могильник 324, 342
Верхние Поля, улица в г. Москве 366
Верхние Теплые Станы, деревня 339
Верхний Алексеевский пруд 132, 171
Верхний Дон 19, 149
Верхний Кузьминский пруд 370
Верхняя Волга 275
Вески, деревня во Владимирской области 267
Веськово-1, селище железного века 52

Вильнюсская, улица в г. Москве 354, 355
Винницкая, улица в г. Москве 330, 331
Виноградова академика, улица в г. Москве 336, 372
Вишняково, деревня 127, 128
Владимир, город 185
Владимиро-Суздальская земля 228
Владимирская дорога 71, 149
Владимирская область 267
Владимирская церковь с. Мытищи *см.* церковь Владимирская в с. Мытищи
Владимирский тракт (ныне Горьковское шоссе) 132
Власова, деревня 234, 259
Власова, пустошь 259
Власово, селище 301
Водлозеро в Карелии 265
Водовзводная башня в Коломенском 11, 19, 214, 216–218, 220, 222, 225, 226
Вознесенский холм в Коломенском 227
Волга, река 41, 55
Волгина, улица в г. Москве 336
Волгоградский проспект в г. Москве 370
Волго-Окское междуречье 55–57, 59
Володарка, городище в Ленинском районе Московской области 313
Волконковский (по М.А. Саблину и О.Н. Бадеру), курганный могильник *см.* Волхонка-1
Волконское *см.* Малое Изютино
Волхонка (Волконское) *см.* Малое Изютино
Волхонка, деревня 342, 353
Волхонка, улица в г. Москве 71, 278, 282
Волхонка-1 (Волконковский, по М.А. Саблину и О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 324, 348
Воробьево, быв. село, ныне в г. Москве 339
Воробьево, курганный могильник в г. Москве 324, 339
Воробьевское шоссе в г. Москве 330
Воробьевы горы в г. Москве 281, 289
Ворожейкина пустошь 265
Воронки, городище железного века 303
Воронок (Поныри), река, правый приток р.Клязьмы 130, 134
Воронцово, село 336
Воронцово-1, курганный могильник (на ул. Новаторов в г. Москве) 324, 336
Воря, волость Московского княжества 126, 164, 184, 185
Воря, река, левый приток р.Клязьмы, протекает по территории Сергиево-Посадского, Пушкинского и Щелковского районов Московской области 267
Воскресенские (Иверские) ворота Китай-города в г. Москве 269
Восточная Европа 53, 55, 56, 61
Всехсвятский переулок в г. Москве 293, 326
Выгон *см.* Дьяково-1
"Вымпел", пионерлагерь 192
Выселки, поселок (быв. д. Чудницы) в Балашихинском районе Московской области 141
Высокая, пустошь в районе усадьбы Царицыно, ныне в г. Москве 82
Вьюнка, река в Богородском уезде Московской губернии 127, 128

Галина пустошь 265
Гамсоновский переулок в г. Москве 340
Гвоздна *см.* Юрасово
Георгиевская колокольня в Коломенском 214
Георгиевская церковь в Коломенском *см.* церковь Георгиевская в Коломенском
Георгиевский монастырь в Белом городе в г. Москве 13
Гжатский уезд Смоленской губернии 237
Гладышево, курганы 326
Глинники, курганный могильник на Верхней Волге в Тверской губернии 275
Гнездово, курганный могильник в Смоленской области 18, 61
Головинские пруды в г. Москве 366
Голосов овраг в Коломенском, возле церкви Вознесения 13, 37, 210, 343
Голосов овраг, местонахождение предметов железного века в Коломенском 217, 305
Голубинская, улица в г. Москве 355
Гольево, городище железного века в Красногорском районе Московской области 303
Гольяново, приселок с. Измайлово, ныне в Балашихинском районе Московской области 132
Голяданка, река, левый приток р. Москвы 65, 67, 74, 370
Гончарная, улица в г. Москва 367
Горбово-1, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 157, 164, 165, 167, 170, 182–184
Горбово-2, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 157, 164, 165–168, 170, 182–184
Горбово-3, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 157, 160, 164, 167, 169, 170, 182–184
Горбовская (ныне Балашихинская), трикотажная фабрика в Балашихинском районе Московской области 157, 164, 165, 167
Горенки, усадьба в Балашихинском районе Московской области 129, 141
Горетово, село 270
Горетово-2, селище железного века 299
Горки Ленинские-3 (у беседки), селище железного века в Ленинском районе Московской области 313
Городишный (Городищенский) овраг 344
Городище, городище железного века у с. Городищи (е) в устье р.Сестры 233, 275, 318
Городище, курганный могильник на р. Клязьме у быв. д. Городище *см.* Болшевский 1-й курганный могильник
Городище, село (деревня, пустошь) на р. Клязьме (ныне в черте г. Королев Московской области) 229, 232–234, 236, 247, 249, 253, 263, 265
Городище (в районе Болшева), селище *см.* Болшевское 1-е селище
Городище, городище у с. Городищи на Тростянском озере в Рузском районе Московской области 309
Городищенский археологический комплекс близ пос. Болшево на р. Клязьме (г. Королев Московской области) 229, 261
Городищи, село на р. Клязьме (ныне пос. Свердловский Щелковского района Московской области) 267
Городена, селище железного века в урочище Городена 308
Городена, урочище 287, 288

Городенка (Городня, Сухая Городенка), речка, правый приток р. Москвы в г. Москве 60, 65, 67, 77, 81–83, 89, 348, 356–365
Городня *см.* Городенка (Сухая Городенка)
Городок *см.* "Чертов городок"
Городок в г. Звенигороде, городище, остатки крепости древнего города Звенигорода, XII–XVI вв. 275
Городок у Остриц, памятник железного века 299
Горшковские кусты, урочище в Щелковском районе Московской области 182
Горьковское шоссе 132
Горышкино-3, селище железного века 302
Гостиный двор на ул. Ильинке в г. Москве, находки железного века 305
Государево дворище, старинное название места, на котором в XVII в. находился Государев двор в с. Коломенское 343
Грайвороновка, река, левый приток р. Москвы в г. Москве 370
Грайвороново-1, селище в г. Москве 325
Гривенки, урочище 369
Григорово, селище железного века 300

Данилов монастырь (ныне Свято-Данилов монастырь) в г. Москве 67, 81
Даниловская слобода в г. Москве 340
Даниловский вал, улица в г. Москве 340
Даниловский ручей, правый приток р.Москвы, впадавший в нее у Свято-Данилова монастыря 203, 340
Даниловское-1 (в Свято-Даниловом монастыре), селище в г. Москве, вторая половина I тыс. до н.э., X–XIII вв. 190, 203, 213, 305, 319, 324, 340
Даниловское-2 (на территории Даниловской слободы), селище в г. Москве, X–XVII вв. 319, 324, 340
Дания 17, 56, 57
Двин, город 67
Деловая, улица в г. Москве 354
Деревлево, быв. деревня, ныне микрорайон на юго-западе г. Москвы 321, 348, 350
Деревлево-1, курганный могильник в г. Москве 324, 346, 368
Деревлево-2, курганный могильник в г. Москве 324, 346, 369
Деревлевский курганный могильник (по Р.Л. Розенфельдту) *см.* Узкое-1, курганный могильник
Десна, река, левый приток р. Пахры 339
Десна, селище в Ленинском районе Московской области 311
Дилево, озеро в Балашихинском районе Московской области 174
Дмитрия Ульянова, улица в г. Москве 278, 282, 293
Дмитровка, улица в г. Москве 278, 282, 293
Дмитровское селище 311
Днепр, река 41
Долгинино, городище железного века 300
Долгое Лёдово, деревня в Щелковском районе Московской области 134, 141
Долгое Лёдово-1, селище в Щелковском районе Московской области 141
"Дом агронома", парк усадьбы Черемушки в г. Москве 341
Домодедово, село в Домодедовском районе Московской области 312
Дорохова генерала, улица в г. Москве 330
Древняя Русь 56, 267
Дубенский Шавыкин монастырь *см.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь
Дубинкин лес-1 (в Битцевском парке), селище в г. Москве 13, 75, 356
Дубинкин лес-3 (в Битцевском парке), селище в г. Москве 70, 72, 326, 368, 369
Дубинкина, река 73, 356
Дубинкинский (Дубинкин) лес, урочище в Битцевском парке г. Москвы 350
"Дубки", урочище на левом берегу р. Язвенки в районе Царицына в г. Москве 84
"Дубки" (курган) *см.* Орехово-2, курганный могильник 358
Дубровицы-2, селище в Подольском районе Московской области 312
Дубровицы-3, селище в Подольском районе Московской области 312
Дунино, городище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302, 314
Дунино-2, селище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Дунино-3, селище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Дунино-4, селище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Дунино-5, селище, памятник железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Дурылина, улица в пос. Болшево (г. Королев) 240, 244, 271
Дьяково, быв. село, ныне на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве 59, 343, 344, 346
Дьяково городище, неолит, VIII(VII) в. до н.э. – VII (VIII) в.н.э., XI–XIII в., XVII в., на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве 42, 51–53, 55–57, 59, 60, 62, 68, 70, 192, 193, 203, 207, 208, 210–212, 306, 315–317, 343
Дьяково городище, местонахождение к югу, за рвом Дьякова городища, памятник железного века на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве 306
Дьяково городище 1-я, улица, быв. улица села Дьяково (ныне в черте г. Москвы) 343, 344, 346, 354, 369
Дьяково-пойма *см.* Дьяково-2
Дьяково-1, селище (Выгон) конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э., XII–XIII, XV–XIX вв., на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве 52, 59, 68, 70, 341
Дьяково-2, селище (Дьяково-пойма), IV тыс. до н.э., VII в. до н.э. – I–III в.н.э., XI–XII вв., на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве – 52, 59, 68, 70, 81, 111, 190, 203, 204, 206–209, 212, 213, 324, 343
Дьяково-3, селище (Дьяково Южное), первая половина I тыс. н. э., XI–XIII вв., на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве 68, 203, 306, 324, 346
Дьяково Южное *см.* Дьяково-3, селище
Дьяковская стоянка на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве 189
Дягилева, пустошь в районе усадьбы Царицыно 82

Дятлова поляна, городище железного века в нижнем течении р. Истры в Красногорском районе Московской области 311
Дятловский курганный могильник на притоке р.Черной в Балашихинском районе Московской области 127, 128
Дятловский ручей в Балашихинском районе Московской области 127

Ездаков проезд в г. Москве 339

Жданово-1, селище 312
Жданово-2 (Добрятино), селище 312
Жегалово, селище 141
Жеребцы, деревня к востоку от Медвежьих озер в Щелковском районе Московской области 128, 141
Жижлевское, поле к западу от Медвежьих озер в Щелковском районе Московской области 141
Жуковка, селище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 51, 60, 303

Заболотье, село к востоку от с. Б. Мытищи, упоминаемое в писцовых книгах XVI в. 265
Заовражье, деревня на территории г. Королева Московской области 234, 240
Задонский проезд в г. Москве 364–365
Замоскворечье, район в историческом центре г. Москвы 71
Занеглименье, район в историческом центре г. Москвы 13, 36
Заозерье-1 *см.* Верея
Заозерье-2, селище в Раменском районе Московской области 68, 307
Заполоски, дача по Калужской дороге 336, 348
Заразы, урочище в районе Коломенского в г. Москве 60
Заречная (Зарецкая) роща 149, 151, 154
Зарядье, часть территории Китай-города в г. Москве 68, 71
Захарова маршала, улица в г. Москве 363
Звенигород, город в Московской области 61, 302
Звенигородская большая дорога 65
Зенино, деревня на р. Пехорке 127
Зенинский курганный могильник 141
Змеевка (Шмелевка), река 365
Знаменское, городище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 303
Знаменское 2-е, городище *см.* Кальчуга
"Золотой сноп" (храм Цереры), беседка в Царицыне в районе селища Царицыно-1 87, 89, 92
Золотые ключи, квартал в г. Москве 368
Зюзино-1 (по М.Г. Рабиновичу) *см.* Зюзино-2
Зюзино-2 (по М.Г. Рабиновичу) *см.* Зюзино-3
Зюзино-3 (по М.Г. Рабиновичу) *см.* Зюзино- 4
Зюзино-1, курганный могильник 324, 347, 348
Зюзино-2 (Зюзино-1, по М.Г. Рабиновичу), курганный могильник 324, 347, 348
Зюзино-3 (Зюзино-2, по М.Г. Рабиновичу и Г.П. Смирновой), курганный могильник 325, 350
Зюзино-4 (Зюзино-3, по М.Г. Рабиновичу), курганный могильник 324, 347
Зюзино-5 (Зюзинский-1, по А.А. Коновалову), курганный могильник 325, 349
Зюзино-6 (Зюзинский, по О.Н. Бадеру, Узковский, по И.К. Цветковой; Зюзино-2, по А.А. Коновалову), курганный могильник 325, 349, 369
Зюзино-1, селище в г. Москве 324, 347
Зюзино-3, селище в г. Москве 70, 72, 326, 369
Зюзино (Борисовское), село, ныне в черте г. Москвы 342, 347–350, 353, 368
Зябликово, быв. деревня, ныне в г. Москве 365
Зябликово-2, курганный могильник в г. Москве 325, 365

Ивановский хутор, селище 311
Ивановское, селище 309
Иверские ворота Китай-города в г. Москве 279
Игнаткова, быв. деревня, на месте которой расположен пос. Новые Горки в г. Королеве 234
Игнатьево, селище железного века 302
Измайловка, речка в г. Москве 129
Измайлово, село, позднее дворцовая усадьба на Измайловском острове в г. Москве 129, 132
"Измайловский парк", ст. метро в г. Москве 381
Ильинское, городище 310
Исаковского, улица в г. Москве 373
Исламское, селище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Исламское *см.* Успенское городище
Исламское-2, селище железного века 302
Исторический проезд, улица в г. Москве близ Красной площади 20, 278, 279, 282, 394, 397
Истра, город и центр Истринского района Московской области 310, 340, 344
Истра, река, левый приток р. Москвы 309, 310, 311

Кабацкий ручей, приток р. Малашки, левого притока р. Пехорки 134
Каблуково-4, селище в волости Воря, ныне на территории Щелковского района Московской области 164
Каблуково-5, селище в волости Воря, ныне на территории Щелковского района Московской области 164
Кадашевская набережная в г. Москве 71
Кадаши, урочище в Замоскворечье, в историческом центре г. Москвы 326
Казанский собор на Красной площади в г. Москве 20, 36, 203, 208, 279, 282, 284, 286, 292
Казариново, пустошь в районе усадьбы Царицыно в г. Москве 82
Казенное озеро, одно из трех Медвежьих озер в Щелковском районе Московской области 134
Калининград *см.* Королев
Калинкина пустошь в районе с. Тайнинское на р. Яузе 265
Калужская дорога 73, 338
Калужское шоссе 337, 339, 346, 368, 369
Кальчуга (2-е Знаменское), городище железного века в Одинцовском районе Московской области 303
Каменная плотина, деревня на р. Сетуни, ныне в г. Москве 368
Каменная плотина-1, курганный могильник в г. Москве 326, 368
Каменная плотина-2, курганный могильник в г. Москве 326
Каменный овраг (по карте 1951 г.) *см.* Каневский овраг
Канаброво, селище 310

Каневский овраг (по карте 1848 г.) 349
Капицы академика, улица в г. Москве 348
Капотенский стан Московского уезда 12
Капотненский 1-й проезд в г. Москве 366
Капотня, городище железного века 60, 70, 306, 365, 366
Капотня, район в Юго-Восточном округе г. Москвы 366
Капотня, селище железного века 306, 366
Капотня-1, селище, XI–XIII вв. 325
Капотня, село, располагалось на территории, входящей ныне в Юго-Восточный округ г. Москвы 365, 366
Карасино, городище железного века 309
Каринское, городище железного века в Одинцовском районе Московской области 301
Каринское, селище железного века в Одинцовском районе Московской области 301
Касимовская, улица в г. Москве 357
Каширская дорога 361
Каширский тракт 84, 354, 362, 363
Каширское шоссе 344, 361, 363, 369
Кемские курганы на р. Кеме к северо-западу от Белого озера в Вологодской области 209
Кемский волок, соединявший бассейны Онежского озера и р. Онеги 265
Кендарино болото в Щелковском районе Московской области 134
Кенозеро, озеро в Архангельской области 265
Киев 146, 148, 405
Киевская железная дорога 330
Кикино, городище на р. Веле в Сергиево-Посадском районе Московской области 56
Кирова, улица в пос. Болшево, на территории г. Королева Московской области 234, 244, 250, 259, 261, 273
Китай-город, район исторического центра г. Москвы 36, 71, 75, 279, 398
Кишкино, деревня в Щелковском районе Московской области 141
Клетки, селище в бассейне р. Рузы Московской области 309
Клинско-Дмитровская гряда 42, 43
Клубная, улица в пос. Тайнинское Московской области 265
Ключевая, улица в г. Москве 364
Клязьма, река, приток р. Оки 11, 12, 43, 129, 134, 172, 173, 185, 228–230, 232, 234, 236, 237, 239, 240, 244–247, 249–253, 256, 259, 261, 263, 265, 267, 269–271, 276, 379, 380
Кобылина поляна, селище в Балашихинском районе Московской области 141
Кожухово, деревня 127
Коковка, деревня в Мытищинском районе Московской области 265
Коломенка, река, левый приток р. Москвы 308, 313
Коломенский дворец, находился на территории, входящей ныне в музей-заповедник "Коломенское" 305
Коломенское, быв. село, ныне на территории г. Москвы 11, 13, 19, 41, 59, 60, 67, 69, 78, 82, 203, 210, 214, 218, 219, 226, 342,
"Коломенское", музей-заповедник в г. Москве 342–344, 346
Коломенское-1, селище, IV тыс. до н.э., середина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э. (?), XI–XX вв. 60, 68–70, 190, 203, 212, 282, 305, 324, 342
Коломенское-2, селище, вторая половина XII–XIII в. 68, 343
Коломенское-3 (к югу от церкви Вознесения на Голосовом овраге), селище, середина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э., XII–XIII, XV–XIX вв. – 52, 59, 70, 203, 210, 212, 305, 324, 343
Коломна, город 82, 186, 308
Колонец, селище железного века 307
Колтарово, селище железного века 302
Колхозная площадь в пос. Болшево на территории г. Королева Московской области 244, 249, 253
Колхозная, улица в пос. Болшево 234, 240, 245–247, 252, 253, 262
Колычевская дорога из Москвы на Коломну и Орду *см.* Путь "на Котел" 82
Комаровка, деревня на р. Клязьме 247
Комаровка, селище на территории г. Королева Московской области 234
Конев Бор, селище железного века 138
Кондырева *см.* Ларкина
Конопелка-1, селище 312
Коньково (Коньковский, по Г.П. Латышевой), курганный могильник *см.* Теплый Стан-2
Коньковский (по Г.П. Латышевой), курганный могильник *см.* Теплый Стан-3
Коньковский (по Г.П Латышевой и О.М. Даниловой), курганный могильник *см.* Теплый Стан-4
Коньково-1 (1-й Коньковский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 324, 336
Коньково-2 (Бреховский, по А.В. Соколову), курганный могильник 324, 336
Коньково-3 (1-й Коньковский, по Н.С. Шеляпиной, Бреховский, по А.В. Соколову), курганный могильник 324, 337
Коньково-4 (Коньковский-2, по И.Г. Розенфельдту, Бреховский, по А.В. Соколову), курганный могильник 324, 337, 338
Коньково-5 (Коньково-1, по Н.А. Кренке, Б.Е. Янишевскому), курганный могильник 324, 348, 349
Коньково-6, курганный могильник 326, 373
Коньково-1, селище в г. Москве 324, 349
Коньково-2, селище в г. Москве 70, 72, 324, 338
Коньково-Сергиевское, быв. село, ныне на юго-западе Москвы (храм сохранился близ ст. метро "Коньково") 319, 336, 337, 338, 339, 348, 349, 373
Конюшки, быв. деревня в районе с. Покровское-Стрешнево, ныне в г. Москве 329
Копайка (Копнинский), ручей, приток р. Пехорки 132, 176, 178
Копани, деревня 247
Копнино, деревня в Балашихинском районе Московской области 127, 128
Коробово, городище железного века в Ленинском районе Московской области 56, 82, 307, 317, 318
Коробовская земля в Жданском стане Московского уезда (ныне Ленинский район Московской области) 82
Королев, город в Московской области (быв. Калининград) 129, 229, 234, 245, 246
Корсаково, городище в бассейне р. Истры в Московской области 310
Коршуниха, река, левый приток р. Котловки (Чуры) 65, 78, 81, 341, 368
Косино, село, вошедшее ныне в черту г.Москвы 128
Косино-1, курганный могильник у Святого озера 326

Косино-2, курганный могильник 326
Косино-3, курганный могильник 326
Костино (Богородское-Костино), село, располагавшееся на водоразделе между р. Клязьмой и Яузскими болотами, ныне в черте г. Королева Московской области 234, 247, 265
Костино, селище железного века 300
Кострище у Можайского гидроузла, памятник железного века 300
Костромская губерния 266
Котельническая набережная в г. Москве 367
Котловка (Чура), река 67, 73, 78, 81, 321, 341, 342, 346–348, 350, 368, 373
Котляково, быв. деревня, ныне в г. Москве 342, 353, 354
Котляково, курганный могильник в г. Москве 68, 319
Котляково-1 (1-й Котляковский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 354
Котляково-2 (2-й Котляковский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 354
Кочергина (Стрелки), деревня в Костромской губернии 266, 267
Коштоянца, улица в г. Москве 334
Красково, городище железного века 307
Красная площадь в г. Москве 36, 278, 287, 292
Красно, погост *см.* Ачкасово
Красновская, дача помещицы Бутурлиной в районе с. Ясенево (ныне на территории г.Москвы) 355, 356
Красное, селище 311
Красное, усадьба в Красном, селе, вошедшем ныне в пределы южной части г. Москвы 355, 356
Красное-1 (Красновский), курганный могильник 355, 356
Краснолужское, селище, XII–XIV вв. 67, 68, 70, 324, 330
"Красный луч", садовый поселок в Щелковском районе Московской области 167
Красный Маяк, улица (ранее совхоз) в г. Москве 356
Красный Стан-2, селище железного века 300
Кремлевская набережная в г. Москве 278, 282
Кремль Московский 36, 67, 68, 75, 126, 278, 279, 282, 284, 293–295, 323
Кремль, селище (городище) железного века в Московском Кремле 51, 305
Кржижановского, улица в г. Москве 341
Кривое озеро, селище *см.* Петровское
Кригоузово, поляна к востоку от Медвежьих озер в Щелковском районе Московской области 131
Кронштадский бульвар в г. Москве 366
Крохинские пески, могильник в Вологодской области, XI–XII вв. 284
Круглица ("Прикащиков курган"), городище железного века 307
Круглая роща, урочище 349
Кружок, селище железного века 303
Крылатская, улица в г. Москве 328, 372
Крылатская 1-я, улица в г. Москве 328
Крылатские Холмы, улица в г. Москве 328
Крылатское, быв. село, ныне на территории г. Москвы 13, 68, 195, 328, 372
Крылатское, раннесредневековая находка на территории быв. с. Крылатское 326, 372
Крылатское-1, курганный могильник 324, 328
Кубенское, озеро в Вологодской области 19
Кубинка, улица в г. Москва 329
"Кузнечики" (на Пахре), городище железного века 52, 312
Кузьминки, усадьба и парк в г. Москве 12, 370
Кузьминское 4-е, селище *см.* Аннино, селище
Куйбышевский район, бывшая территориально-административная единица г. Москвы 154
Куликово поле, место битвы русских войск с войсками Золотой Орды в 1380 г., ныне на территории Тульской области 69, 114, 263
Кулишки, урочище на территории Белого города г. Москвы 36
Кульнева, улица в г. Москве 370
Кунцево, быв. сельцо, ныне на территории г. Москвы 190
Кунцево, городище железного века 11, 61, 67–70, 192, 193, 195, 304, 328
Кунцево-1, селище у Кунцевского городища, XII–XIX вв. 70, 324, 328
Кунцевский моренный ландшафт 43, 44
Купавна, село в Ногинском районе Московской области 134
Купавенка, река, приток р. Клязьмы 134
Купеленка, река, левый приток р. Битцы, притока р. Пахры 77
Купринский, ручей и овраг в верховьях р. Очаковки, притока р. Сетуни 337–339, 372, 373
Куракино, бывшая деревня, ныне пос. Текстильщик в г. Королеве 234
Курская железная дорога 357
Курское болото в Щелковском районе Московской области 134
Курское Посемье 18
Курьяново, быв. деревня на левом берегу р. Москвы, ныне на территории г. Москвы 369
Курьяново, селище на территории г. Москвы, XII–XIV вв. 11, 36, 68, 189, 192, 195, 202, 326, 369
Курьяновская пойма, на левом берегу р. Москвы, напротив быв. села Коломенское 192, 193, 194
Курьяновская станция аэрации 369
Кутузова, улица в г. Москва 329
Кутьино, селище в бассейне р. Пахры в Московской области 311
Кучково поле, урочище в г. Москве в районе Сретенской улицы, впервые упоминаемое в 1374 г. 278

Лавочкина, улица в г. Москве 322
Лагерь Осоавиахима 341
Лапино-Спасское, быв. село на р. Клязьме, ныне пос. Первомайский на территории г. Королева 234, 237, 240
Лапино-Спасское, селище на р. Клязьме, ныне пос. Первомайский на территории г. Королева 234, 235
Ларкина, Кондырева тож, пустошь 82
Лашутка, речка, приток р. Вори в Пушкинском районе Московской области 164
Лёдово-1, селище в Щелковском районе Московской области 141
Лёдово-2, селище в Щелковском районе Московской области 141, 173
Лёдовские кусты, угодье в Щелковском районе Московской области 182
Лемешево-1, селище в бассейне р. Пахры в Московской области 311

Лемешево-3, селище в бассейне р. Пахры в Московской области 311
Ленинградский проспект в г. Москве 326, 327, 335, 339, 340, 373
Леоново, деревня в Балашихинском районе Московской области 141
Лисья гора, урочище, в котором расположено Балашихинское городище 128, 143, 149, 389, 390
Лихоборка, речка, правый приток р. Яузы в г.Москве 366
Лобановские курганы *см.* Акатовский 1-й, курганный могильник
Лобачевского, улица в г. Москве 332, 333, 370
Лопотовское 1-е, городище 310
Лопотовское 2-е, городище 310
Лосиноостровская моренная пологохолмистая равнина 132, 141, 171
Лосино-Петровский, город в Московской области 267
"Лосиный Остров", Национальный парк 12, 13, 129, 323, 366, 367
Лосиный остров-1, курганный могильник 325, 366
Лосиный остров-2, курганный могильник 325, 366, 367
Лосиный остров-1, селище, XII–XIII вв. 70, 366
Лосиный погонный остров, земельная дача XVIII в., соответствующая ядру современного Национального парка "Лосиный Остров" 129, 130, 132
Лось, река, левый приток р. Ички, левого притока р. Яузы 366, 367
Лошакова пустошь 247
Лубянская площадь в г. Москве 71, 278
Лукино, курганный могильник в Заречной роще в верховьях р. Пехорки в Балашихинском районе Московской области 148, 149, 151, 154, 182
Лукино, место предполагаемого селища в верховьях р. Пехорки 141, 178, 184, 185
Луковня-1, городище на р. Пахре в Подольском районе Московской области 56, 60, 311
Луковня-2, городище на р. Пахре в Подольском районе Московской области 311
Лучинское, селище на р. Малая Истра в Истринском районе Московской области 310
Луцино, городище железного века в Одинцовском районе Московской области 301
Лыщиково городище, урочище в Заяузье в г.Москве 66, 326
Люберецкий курганный могильник 141
Люберцы, село, располагавшееся к юго-востоку от г. Москвы, ныне на территории одноименного города 127
Люберцы, станция Московско-Рязанской железной дороги 366
Людовка, река, правый приток р. Москвы 77

Максимково, деревня на территории г. Королева 234
Максимковское, селище железного века на р. Клязьме на территории г. Королева 182
Малахово, поле близ Медвежьих озер в Щелковском районе Московской области 141
Малашка, река, левый приток р. Пехорки 130, 132, 134, 141, 149, 153, 155, 157–162, 164, 165, 182
Маловка, селище железного века 299
Малое Голубино, имение, сельцо, ныне на территории г. Москвы 319, 327, 328, 355
Малое Голубино-1 (Мало-Голубинский), курганный могильник на территории г. Москвы 325, 354, 355
Малое Голубино-2 (Мало-Голубинский-2), курганный могильник на территории г. Москвы 325, 355
Малое Изютино (Волхонка, Волконское), бывшая деревня, ныне на территории Москвы 348
Малое Лёдово, деревня в Щелковском районе Московской области 141
Малое Медвежье озеро в Щелковском районе Московской области 134
Малый Подгорский, быв. переулок в г. Москве 367
Малый дворец в парке "Царицыно" 89
Мамоново, городище железного века 305
Манежная площадь в г. Москве 36, 37, 71, 278, 282, 284, 293
Маришкино, селище железного века 308
Марусино, село в Балашихинском районе Московской области 128
Марусинский курганный могильник в Балашихинском районе Московской области 128, 141
Марфин брод, селище железного века 300
Матвеевская, быв. деревня, ныне на территории г. Москвы 331, 326, 330, 332
Матвеевская, станция Киевской железной дороги 330–332
Матвеевский-1(западная часть Матвеевского-1 или Матвеевского-2, по О.Н. Бадеру, Раменского-1, по М.В. Воеводскому), курганный могильник 324, 331, 370
Матвеевский-2 (восточная часть могильников Матвеевский-1, Матвеевский-2, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 324, 331
Матвеевский-3 (Матвеевский-2, по Г.П. Латышевой, Матвеевский-3 и Раменский-1, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 324, 331, 333
Матвеевский-4 (возможно, идентифицируется с Матвеевским-3, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 370
Матвеевское-1, селище, середина I тыс. до н.э., XI–XII вв., XV–XVI вв. 70, 72, 81, 305, 324, 330
Матвеевское-2, селище, XII–XIII, XVI–XIX вв. 70, 72, 324, 332
Матвеевское-3, селище (городище) железного века 305
Машково, деревня в Балашихинском районе Московской области 127, 128, 370
Медвежьи озера, деревня в Щелковском районе Московской области 129, 131, 134, 141, 184
Медвежьи озера-1, селище в Щелковском районе Московской области 141
Медвежьи озера-2, селище в Щелковском районе Московской области 141
Медвежьи озера-3, селище в Щелковском районе Московской области 141
Медвежьи озера-4, селище в Щелковском районе Московской области 141
Медвежьи озера-5, селище в Щелковском районе Московской области 141, 173
Медвежьи озера-6, селище в урочище Ревяки в Щелковском районе Московской области 131, 141
Медвежьи озера-7, селище в Щелковском районе Московской области 141
Медвежьи озера-8, селище на поляне Кригоузово в Щелковском районе Московской области 131, 185

Медвежьи озера-9, селище на бывшем Жижлевском поле в Щелковском районе Московской области 141
Медвежьи озера в Щелковском районе Московской области 128, 130, 134, 159, 173
Мелехово *см.* Савинское
Менделеевская, улица в г. Москве 339
Мерв, город в Средней Азии 67, 326
Мещерская низменность (Мещера), физико-географическая провинция 11, 13, 42–44, 126, 186
Мещерские ландшафты 45, 126
Милет, село в Балашихинском районе Московской области 127, 128
Миловида, беседка в парке "Царицыно" 87, 89, 362
Минино, селище на Кубенском озере в Вологодской области 19
Минская, улица в г. Москве 368
Мира, улица в г. Королеве 234
Митино, микрорайон на северо-западе г. Москвы 66
Митино-1 ("Великая могила"), курганный могильник 323
Митино-1, селище 323
Михайлово, быв. деревня, ныне на территории г. Москвы 335
Михайловское, селище на р.Озерне, притоке р. Рузы 309
Михайловское-2, селище в Пушкинском районе Московской области 394, 397
Михалево, городище железного века в Воскресенском районе Московской области 308
Михалково, усадьба графа П.И. Панина в г. Москве 366
Михалково-1, селище на Головинских прудах в г. Москве 325, 366
Михалковская, улица в г. Москве 366
Мичуринский проспект в г. Москве 332–334, 370, 372
МКАД (Московская кольцевая автомобильная дорога) 77, 89, 132, 198, 358
Могильцы, топоним 326
Могутово-2, селище в Щелковском районе Московской области, посад древнерусского городка Шерна 146
Можайск, город в Московской области 186
Можайск, селище (городище?) железного века в г. Можайске 300
Можайский гидроузел 300
Мозжинка-1, городище железного века на р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Мозжинка-2, селище железного века р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Мозжинка-3, селище железного века р. Москве в Одинцовском районе Московской области 302
Молоденковское *см.* Успенское городище
Монетный двор в Китай-городе в г. Москве 20
Морево, городище (селище?) железного века 300
Москва–Волга, канал 190, 253, 319
Москва, город 11–13, 18, 20, 35–37, 41–44, 47, 49, 57, 61, 65, 67–69, 71, 73–75, 77, 81, 82, 84, 86, 90, 93, 98, 102, 106, 111, 113, 114, 126, 128, 146, 149, 154, 174, 182, 185, 186, 189, 203, 214, 228, 265, 279, 282, 294, 319–323, 342, 373, 389, 394, 397, 403, 404
Москва-река 11, 12, 41, 43, 51–53, 55–57, 59–61, 65–69, 71, 74, 75, 77, 78, 81, 114, 126, 132, 134, 161, 189, 190, 192, 197, 198, 202, 228, 269, 270, 282, 294, 295, 299–308, 314, 323, 326–330, 339, 340, 342–344, 346–348, 354, 363–372
Москворецко-Битцевский ландшафт 77, 116
Москворецко-Грайвороновский ландшафт 42, 44
Москворецко-Капотненский ландшафт 42, 44
Москворецко-Клязьминский водораздел 134
Москворецко-Окская физико-географическая провинция 42
Москворецко-Окская эрозионная равнина 42
Москворецко-Сходненский ландшафт 42, 44
Москворечье 228
Московская губерния 121, 122, 127, 237, 319
Московская область 42, 126, 154, 299, 321, 373, 379, 389, 394
Московская Русь 17
Московская физико-географическая провинция 2
Московские городские станы, историческое название позднейшего Московского уезда, бытовавшее с середины XIV по XVI в. 12, 270
Московский край 20, 228
Московский Кремль *см.* Кремль Московский
Московский уезд 30, 35, 81, 127, 149, 319
Московский Государственный университет 12
Московское княжество 126, 146, 228, 404
Моховая, улица в г. Москве 12, 71, 278, 282, 292, 293, 372
Моховая ул., селище в центре г. Москвы 326, 372
Муромцево-2, селище в Пушкинском районе Московской области 184
Мытищи, город в Московской области 229, 270
Мытищи, речка 265
Мытищи (Большие Мытищи), село, входившее в Тайнинскую волость Московского уезда 11, 13, 129, 263, 265
Мытищи-1, селище в с. Мытищи 129
Мытищинский район Московской области 379
Мышкинское, селище железного века 299
Мякинино, деревня в Одинцовском и Красногорском районах Московской области 373
Мякинино, разрез в Красногорском районе Московской области 11, 36, 69, 114, 189, 192, 196, 198, 199, 200, 202
Мякинино-1, курганный могильник в Красногорском районе Московской области 323, 373
Мякинино-2, курганный могильник в Красногорском районе Московской области 323
Мякинино 1, селище в Красногорском районе Московской области 68, 69, 70, 303, 323
Мякинино-2, селище в Красногорском районе Московской области 53, 60, 68–70, 75, 114, 190, 198–200, 202, 304, 323
Мякинино-3, селище в Красногорском районе Московской области 53, 60, 303
Мякинино-4, селище в Красногорском районе Московской области 68, 70, 326, 373
Мякинино-5, селище в Красногорском районе Московской области 53, 304
Мячково *см.* Настасьино (Настасьинское) городище

Набережная, улица в пос. Тайнинское Московской области 265
Навершка *см.* Наташенка
Нагатино, деревня 342
Нагатино-1, курганный могильник 324, 342
Нагорная, улица в г. Москве 368

Настасьино (Настасьинское), городище железного века и средневековое поселение на его месте в Коломенском районе Московской области 19, 52, 56, 313, 314
Настасьино-2, селище в Коломенском районе Московской области 313
Наташенка (Новишка) река, правый приток р. Сетуни 330
Неглинная (Неглинка), река, приток р. Москвы 12, 20, 37, 65, 67, 68, 71, 278, 279, 282, 284, 292–295, 372
Неждино, городище на р. Рузе в Московской области 309
Нежинская, улица в г. Москве 373
Неманский проезд в г. Москве 373
"Нерастанкино", беседка в парке "Царицыно" 89
Нескучный сад в г. Москве 69, 340
Нескучный сад-1, курганный могильник 324, 340
Нескучный сад-1, селище 68, 70, 324, 340, 373
Нескучный сад-2, селище 68, 326, 373
Нескучный сад-3, селище 326, 373
Нефедьево-1А, могильник в Вологодской области 284
Нехлюдов рукав, приток р. Яузы к юго-востоку от с. Мытищи 265
Нехлюдово, деревня, XVI в. 265
Нижнее, селище железного века на Воробьевых горах в г. Москве 305
Нижнее Сляднево (Мары), селище 309
Нижне-Царицынский пруд (запруженная часть р. Городенки) 362, 363
Нижние Котлы, городище железного века 305
Нижний Алексеевский пруд на р. Пехорке 149, 151
Нижняя, улица быв. села Коломенское 342, 343
Никея, город в Малой Азии 146, 184, 405
Никифорово *см.* Хотяжи-2
Николина Гора, селище железного века в Одинцовском районе Московской области 302
Николо-Перервинский монастырь в г. Москве 60
Николо-Перервинский монастырь, селище железного века 306
Николо-Романь, селище железного века в Коломенском районе Московской области 307
Николо-Угрешский монастырь в Люберецком районе Московской области 149
Никольская, улица в г. Москве 71, 278, 282, 326
Никольская башня Московского Кремля 282
Никольский-1, курганный могильник на юго-западе г. Москвы 324, 334
Никольский-2, курганный могильник на юго-западе г. Москвы 324, 334
Никольский-3, курганный могильник на юго-западе г. Москвы 324, 334
Никольское, быв. деревня на р. Химке и Ленинградском шоссе, ныне в г. Москве 327
Никольское, деревня на р. Болонь Гжатского уезда Смоленской губернии 237
Никольское, селище железного века близ д. Никольское на Ленинградском шоссе 304
Никольское, село на речке Очаковке, ныне на юго-западе г. Москвы 333–335
Никольское Мытище, погост на р. Пехорке между с. Пехра-Яковлевское и с. Акатово 149, 184
Никольское-Поддубское, сельцо в Радонежской волости, идентифицируемое с селищем Семхоз-4 на территории пос. Семхоз Сергиево-Посадского района Московской области 23
Никольское-Трубецкое, село в Балашихинском районе Московской области 128, 141, 149, 153, 155, 157–159, 163–165
Никольское-Трубецкое, курганный могильник в Балашихинском районе Московской области 128, 141, 157–159, 161
Никольское-Трубецкое-1, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 157, 158, 161, 163–165, 167, 174, 182, 183, 185
Никольское-Трубецкое-2, селище в Балашихинском районе Московской области 141, 157, 158, 164–167, 174, 182, 183, 185
Никольское-Трубецкое-3, селище в Балашихинском районе Московской области 141
Никольское-Трубецкое-4, селище в Балашихинском районе Московской области 141
Никольское-Химки-1, курганный могильник 324, 327
Никулино, быв. деревня, ныне на юго-западе г. Москвы 334, 335
Никулино-1 (1-й Никулинский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник на юго-западе г. Москвы 324, 335
Никулино-2 (2-й Никулинский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник на юго-западе г. Москвы 324, 334
Никулино-3, курганный могильник на юго-западе г. Москвы 334
Никулинская, улица на юго-западе г. Москвы 335
Новаторов, улица на юго-западе г. Москвы 336
Новгород (Новгород Великий), город 17, 18, 146, 207, 367, 405
Новинки, селище железного века 300
Новишка *см.* Наташенка
Новые Горки, поселок в г. Королеве Московской области, на месте которого располагалась д. Игнаткова 234
Новый Милет, деревня в Балашихинском районе Московской области 127, 128
Новозаводская, улица в г. Москве 329
Новочеремушкинская, улица в г. Москве 373

Оболдино, селище на территории одноименного села в Щелковском районе Московской области 141
Оболдино, село в Щелковском районе Московской области 141
Образцово, курганный могильник на территории одноименного села в Щелковском районе Московской области 261
Образцово, селище на территории одноименного села в Щелковском районе Московской области 261
Образцово, село при впадении р. Учи в р. Клязьму в Щелковском районе Московской области 261
Обручева, улица в г. Москве 336
Обыденское городище, урочище в Занеглименье в центре г. Москвы 66, 326
Одинцовская, улица в г. Москве 327
Одинцовские курганные могильники на р. Самынке в Одинцовском районе Московской области 66
Озерки, покос в Щелковском районе Московской области 182
Озерна, река, приток р. Рузы в Московской области 309
Озерная, улица в г. Москве 333

Ока, река 41, 55, 189, 202
Олений вражек, селище железного века 308
Олимпийская деревня, улица в г. Москве 334
Онега, река в Архангельской области 265
Онежское озеро 265
Оперный дом в музее-заповеднике "Царицыно" 83, 89
Орда (Золотая Орда) 82
Ордынка, улица в Замоскворечье в центре г. Москвы 326
Орехово, быв. деревня, находившаяся к юго-востоку от усадьбы Царицыно 81–86, 92, 123, 124, 321, 357–361
Орехово, микрорайон г. Москвы 83, 321
Орехово (Алмазниково тож), пустошь в г. Москве 82
Орехово-1, курганный могильник в г. Москве 81, 82, 85, 86, 92, 93, 111, 112, 116, 325, 361
Орехово-2 ("Дубки" по А.В. Арциховскому, 2-й Ореховский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 81, 86, 95, 103, 105, 107, 109, 111–113, 123, 325, 357, 358, 374
Орехово-3, курганный могильник в г. Москве 81, 93, 325, 360
Орехово-4, курганный могильник в г. Москве 81, 99, 105, 107, 114, 325, 358
Орехово-5, курганный могильник в г. Москве 81, 99, 114, 325, 358, 360
Орехово-6, курганный могильник в г. Москве 70, 81, 95, 325, 358, 360
Орехово-7, курганный могильник в г. Москве 81, 86, 93, 325, 360
Орехово-8, курганный могильник в г. Москве 81, 86, 93, 325, 360
Орехово-9, курганный могильник в г. Москве 86
Орехово-2, селище в г. Москве, XII–XIII, XV–XVII вв. 70, 72, 81, 92, 105, 361
Орехово-3 (Язвенка-3, по Н.А. Кренке), селище в г. Москве, XII–XIII вв. 70, 72, 81, 95, 105, 325, 360
Орехово-4, селище, западный участок, в г. Москве, XII–XIII вв. 72, 75, 81, 95, 98, 99, 105, 114, 123, 124, 325, 357, 360
Орехово-4а, селище в г. Москве, XII–XV вв. 70, 71, 81, 99, 102, 105
Орехово-5, селище в г. Москве, XII–XIII, XVI–XVII вв. 107, 114, 325, 358
Орехово-6, селище в г. Москве, XII–XIII вв. 81, 103, 105, 116, 325, 357, 358
Орехово-7, селище в г. Москве, XII в. 81, 103, 105, 326, 374
Орехово-8, селище в г. Москве, XIII в. 81, 93, 105, 326, 374
Ореховый бульвар в г. Москве 358–361, 365
Орешки (Орехово) *см.* Орехово, деревня
"Освобожденный труд", селище в бассейне р. Истры в Московской области 310
Осеевские курганные могильники на р. Клязьме в Щелковском районе Московской области 267
Осляева, бывшая деревня в районе усадьбы Царицыно 82
Останкино, курганный могильник в г. Москве 267, 325
Острицы *см.* Городок у Остриц
Остров, селище железного века у с. Остров Ленинского района Московской области 306
Островитянова, улица в г. Москве 335, 337, 338, 349, 368, 369
Островки, угодье в Щелковском районе Московской области 167
Остафьево (Рязаново), городище в бассейне р. Пахры в Московской области 312
Отра, река, правый приток р. Оки 287
Очаковка, река, приток р. Сетуни, в г. Москве 13, 65, 67, 71–75, 78, 114, 333–336, 338, 339, 372, 373
Очаково, быв. деревня (село), ныне на юго-востоке г. Москвы 330, 333, 335, 372
Очаково, станция Киевской железной дороги в г. Москве 333
Очаково-1, курганный могильник в г. Москве 324, 330
Очаково-2, курганный могильник в г. Москве 324, 330
Очаково-3, курганный могильник в г. Москве 324, 333
Очаково-4, курганный могильник в г. Москве 324, 333
Очаково-5, курганный могильник в г. Москве 324, 333
Очаково-6, курганный могильник в г. Москве 326, 334, 360, 372
Очаковская газгольдерная станция 333
Очаковское шоссе 330

Павелецкая железная дорога 353, 354, 357
Панино болото, озеро в Балашихинском районе Московской области 139, 175
Парк "50-летия Октября" на юго-востоке г. Москвы 371
Паршина, улица в г. Москве 329
Пахра, река, правый приток р. Москвы 51–53, 55, 61, 67, 105, 203, 311, 312
Пенягинское (Пенягино), селище (городище ?) железного века в Красногорском районе Московской области на границе с микрорайоном Митино г. Москвы 51, 303, 355
Пенягино-1, курганный могильник в г. Москве 323
Первомайский, поселок в г. Королеве 234
Перекопская, улица в г. Москве 347
Перервинский монастырь *см.* Николо-Перервинский монастырь
Переславль-Залесский (Переяславль, Переславль), город на Плещееве озере 173, 184–186, 265
Переяславская (Радонежская, Троицкая) дорога из Москвы в Переславль-Залесский через Радонеж и Троице-Сергиев монастырь 129
Переяславская (Стромынская), дорога, упоминается в меновной грамоте 1380–1382 гг. как "великая дорога старая Переяславская лесная", дорога из Москвы в Переславль-Залесский через с. Стромынь, в XVI–XVII вв. изменила свое направление и вела от Стромынского монастыря на Киржач, Юрьев-Польской и Суздаль 126, 129, 132, 171, 185, 198
Петрово-Дальнее, селище железного века в Красногорском районе Московской области 303
Петровское (Кривое озеро), селище железного века в Люберецком районе Московской области 307
Петровское, селище железного века в Воскресенском районе Московской области 308
Петропавловский погост на р. Клязьме в Ногинском районе Московской области 134
Пехорка, заказник в Балашихинском районе Московской области 129

Пехорка, река, левый приток р. Москвы 11, 13, 126–132, 134, 141, 143, 146, 149, 151, 153–155, 157, 158–160, 164, 165, 170, 171, 174, 184, 185, 381, 389, 397, 404, 405
Пехорский стан Московского уезда и Пехорская бортная волость на его территории 12, 126, 129–132, 134, 149, 164, 170, 171, 180, 184–186, 389
Пехорский пруд на р. Пехорке в г. Балашихе 180
Пехра (Пехра-Покровское), село, центр Пехорского стана в Балашихинском районе Московской области 129, 132, 134, 149, 154, 155, 174, 176, 180, 181, 183–185
Пехра-Покровское, селище левобережное в Балашихинском районе Московской области 141
Пехра-Покровское, селище правобережное в Балашихинском районе Московской области 141, 181
Пехра-Яковлевское, село и усадьба в г. Балашихе Московской области 129, 134, 139, 141, 143, 149, 389
Печатный двор на Никольской улице в Китай-городе в г. Москве 278
Пирогово, курганный могильник на р. Клязьме в Мытищинском районе Московской области 52, 267, 379
Поддубское *см.* Никольское-Поддубское
Подлипичье, пустошь в районе с. Черная Грязь (позднее Царицыно) 82
Подмосковная Мещера 126, 128, 228
Подмосковье 13, 19, 35, 37, 41, 42, 57, 69, 74, 78, 90, 111, 113, 115, 122, 149, 228, 322
Поднепровье 55
Подолье, селище на территории г. Подольска Московской области 312
Подольск, город в Московской области 105, 312
Подольский уезд Московской губернии 81
Подольских курсантов (быв. 2-й Дорожный пр.), улица в г. Москве 356
Пожарная (Пожарка) пустошь, лес в районе усадьбы Царицыно 81, 82
Покровская церковь *см.* церковь Покровская в с. Пехра-Покровское
Покровское, быв. село на р. Сухая Городенка, ныне на юге г. Москвы 357
Покровское-1, курганный могильник 325, 357
Покровское-2, курганный могильник 325, 356
Покровское-Стрешнево, быв. село, ныне на северо-западе г. Москвы 329
Поливаново, селище в бассейне р. Пахры в Московской области 311
Польша 56
Поляковское болото в Щелковском районе Московской области 134
Поныри *см.* Воронок
Попова гора, местность под Москвой у д. Котляковой 342, 354
Попов овраг в районе быв. с. Крылатское в г. Москве 372
Поселок им. Сталина в районе Зюзина на юге г. Москвы 348
Почернев стан Московского уезда 149
Преображенская церковь в с. Пехра-Яковлевское *см.* церковь Преображенская в с. Пехра-Яковлевское
Преображенская церковь в с. Болшево *см.* церковь Преображенская в с. Болшево
Пречистенская набережная в г. Москве 326
Пржевальского, улица в г. Москве 333
Прибалтика 55, 57
"Прикащиков курган" *см.* Круглица
Приклязьминская низменность 134
Причерноморье 146, 405
Проектируемый проезд в г. Москве 369
Промышленная, улица в г. Москве 354
Протва, река, левый приток р. Оки 202
Профсоюзная, улица в г. Москве 336, 338, 339, 346, 348, 361, 373
Прудная, улица в пос. Болшево 245
Пуршевский курганный могильник *см.* Саввинский курганный могильник
Путилово, селище на р. Воре в Пушкинском районе Московской области 184
Путь на "Котел", дорога из Москвы на Коломну и Орду (Колычевская дорога) 82
Пушкинский район Московской области 394

Радиальная 3-я, улица в г. Москве 359
Радонеж, городок, центр Радонежского удельного княжества в 1408–1426 гг. , ныне с. Радонеж Сергиево-Посадского района Московской области 17, 18, 265
Радонежская волость 146, 404
Раменка, река правый приток р. Сетуни в г. Москве 65, 67, 71–74, 78, 81, 114, 330–336, 368, 370–372
Раменки, быв. деревня, ныне район на юго-западе г. Москвы 332, 333, 370, 371
Раменки, улица в г. Москве 370, 371
Раменки-1 (Матвеевский-3, по Г.П. Латышевой, Раменковский-2, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 72, 324, 332
Раменки-2 (Раменский-3, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 324, 333
Раменки-3, курганный могильник в г. Москве 326, 370, 371
Раменки-1, селище в г. Москве, XII–XIII вв. 72, 324, 333, 371
Раменки-2, селище в г. Москве, XII–XIII вв. 72, 326
Раменки-3, селище в г. Москве, XII–XIII вв. 66, 70, 72, 326, 370, 371
Раменки-4, селище в г. Москве, XIII–XIV, XVII–XIX вв. 66, 72, 326, 371
Раменки-5, селище в г. Москве, XII–XIII, XVII–XIX вв. 70, 72, 326, 371
Раменское-1 (по М.В. Воеводскому) *см.* Матвеевский-1, курганный могильник
Рахманово, городище железного века в Московской области 300
Ревяки, урочище в Щелковском районе Московской области 131
Редкинское селище, поселение XV в. к западу от Медвежьих озер 313
Реутов, город Московской области к востоку от г. Москвы 132
Римская империя 56
Ремизова, улица в г. Москве 368
Родневское городище в бассейне р. Пахры в Московской области 311
Родники, селище в бассейне р. Истры в Московской области 310
Рождественское городище в Московской области 310
Рокотова, улица в г. Москве 355, 356
Романов двор, древнерусское поселение в центре г. Москвы 20, 37, 71, 111, 278, 282, 284, 289, 290–293

Романов переулок в г. Москве 36–38, 372
Россия 56, 114, 121, 237
Ротерта, улица в г. Москве 366, 367
Рудневка, речка, приток р. Пехорки, в Балашихинском районе Московской области 127, 128
Руднево, деревня в Балашихинском районе Московской области 127
Руднево, курганный могильник в Балашихинском районе Московской области 127, 128, 141, 326
Руза, городище, крепость средневекового города Рузы 309
Руза, река, левый приток р. Москвы 51–53, 308, 309
Русавкино-Поповщина, деревня в Балашихинском районе Московской области 127, 128
Русская равнина 41, 42, 108
Русский Север 18, 19, 228, 265
Русь 146, 153, 184, 228, 266, 405
Рыбино (Ерино), селище в Московской области 312
Рябиновая, улица в г. Москве 330
Рязанская железная дорога 366
Рязань (Улитино), городище железного века в Одинцовском районе Московской области 301
Рязань, город 146, 405

Сабурово-1, курганный могильник в г. Москве 81, 325, 354
Сабурово, бывшее село на р. Москве, ныне в г. Москве 354
Саввино-Спасское, курганный могильник в Балашихинском районе Московской области 128
Саввино-Спасское, село в Балашихинском районе Московской области 127
Саввино-Сторожевский монастырь (под г. Звенигородом) 301
Саввино-Сторожевский монастырь, селище железного века 60, 62
Саввино-Сторожевское, городище железного века 301
Саввино-Сторожевское-1 (Усть-Сторожа), селище под г. Звенигородом 301
Саввинская слобода-2, селище под г. Звенигородом 68
Саввинские курганные группы под г. Звенигородом 128
Савинское Мелехово тож, деревня 247
Садово-Крестьянская, улица в г. Москве 362, 363
Салтыковские курганы в Балашихинском районе Московской области 128, 141
"Салтыковский", зверосовхоз в Балашихинском районе Московской области 381, 392
Салтыковское-1, селище в Балашихинском районе Московской области 141
Салтыковское-2, селище в Балашихинском районе Московской области 141
Самотека (городище), урочище в г. Москве 66
"Санаторий им. Герцена", городище железного века 301
"Санаторий им. Герцена" (Григорово-3), селище железного века 301
Санниково-1, селище в бассейне р. Истры в Московской области 310
Санниково-2, селище в бассейне р. Истры в Московской области 310
Сафонцевские кусты в Балашихинском районе Московской области 182
Свешников переулок в г. Москве 367
Свободы, улица в г. Москве 326, 327
"Связист", городище железного века у дома отдыха "Связист" в г. Звенигороде Московской области 302
Свято-Данилов монастырь в г. Москве 340
Святой колодец, урочище в районе Коломенского в г. Москве 60
Севастопольский проспект в г. Москве 342, 349–351, 368, 369
Северка, река, левый приток р. Москвы 313
Северная Европа 56
Северная железная дорога 367
Северное Причерноморье 56
Северное Чертаново, микрорайон г. Москвы 352
Северское, селище на территории с. Северское при впадении р. Северки в р. Москву в Коломенском районе Московской области 313
Селезнева пустошь в районе с. Болшево на р. Клязьме 247
Селецкое, городище железного века в Раменском районе Московской области 307
Сельхозлицей-1, селище в Балашихинском районе Московской области 141
Сельхозлицей-2, селище в Балашихинском районе Московской области 141
Сельцо, селище железного века 307
Семеновское, село в Раменском районе Московской области 373
Серебряный бор-1, курганный могильник в г. Москве 324, 329
Серково, селище в Щелковском районе Московской области 141
Серпуховская застава в г. Москве 342
Серпуховское шоссе 342, 351–354, 356, 357, 369
Сетко, болото в Щелковском районе Московской области 173, 175
Сетко, поле в Щелковском районе Московской области 141
Сетунское, городище железного века в г. Москве 304
Сетунь, быв. деревня, ныне в г. Москве 329
Сетунь, река правый приток р. Москвы 65, 67, 81, 321, 329–333, 368, 370
Сетунь-1, курганный могильник в г. Москве 324, 329
Сетунь-2 (на Красной горке), курганный могильник в г. Москве 324, 329
Сетунь, станция Киевской железной дороги 329
Сеча, урочище в Балашихинском районе Московской области 368, 369
Симонов монастырь в г. Москве 67, 82, 367
Симферопольский бульвар в г. Москве 353
Слобода, городище в Московской области 309
Слобода 3-я, улица в с. Никольское-Трубецкое 159, 161
Словакия 17
Смоленск, город 146, 405
Смоленская область 299
Смородинка, река, приток р. Очаковки в г. Москве 73, 334–336
Соболево, деревня в Московском уезде 185
Соймоновский проезд в г. Москве 326
Соколова гора, городище железного века в Московской области 307
"Сокольники", парк в г. Москве 13, 129
Сокольнический лесной массив 267
Солнечная, улица в г. Балашихе 155

Соловьиный проезд в г. Москве 355, 356
Солянка, улица в г. Москве 36
Сорокин овраг в районе быв. села Братеево, ныне в г. Москве 363, 364
Сосёнка *см.* Б. Десенка
Софьино, городище железного века в Московской области 307
Спас-1, курганный могильник на берегу р. Сетуни в г. Москве 324, 330
Спасо-Андроников монастырь *см.* Андроников монастырь
Спасо-Преображенский (Спасский) монастырь и поселение на Б. Медвежьем озере, идентифицируется с селищем Медвежьи озера-5 в Щелковском районе Московской области 134, 141
Спасское, быв. село на р. Сетуни, ныне на западе г. Москвы 330
Спас-Тушино, село, вошедшее в черту г. Москвы 68, 69, 190, 198
Спас-Тушино-1, городище железного века и периода средневековья в г. Москве 53, 60, 70, 192, 198, 304
Спас-Тушино-2, городище железного века в г. Москве 304
Спас-Тушино-1, курганный могильник в г. Москве 68–69, 323
Спас-Тушино-2, курганный могильник в г. Москве 69, 323
Спас-Тушино-2, селище в г. Москве, XII–XIII вв. 70, 323
Спас-Тушино-3, селище в г. Москве, XII–XIII вв. 323
Спас-Тушино-4, селище в г. Москве, XII–XIII вв. 323
Станционная, улица в пос. Болшево 234, 237, 240, 244–247, 249–251, 260, 262, 271
Старая Верея, селище железного века в Раменском районе Московской области 307
Старая Калужская дорога 349, 351, 368, 373
Старая Руза, городище железного века на р. Москве в Рузском районе Московской области 300
Старо-Голутвин монастырь, городище (?) железного века в Коломенском районе Московской области 308
Старое Ваганьково, урочище в Белом городе в г. Москве 13
Старокалужское шоссе *см.* Калужское шоссе
Старопанский переулок в г. Москве 36
Стеблева пустошь, в районе усадьбы Царицыно в г. Москве 83
Степановское-1, селище в Красногорском районе Московской области 311
Степановское-2, селище в Красногорском районе Московской области 311
Стрелки *см.* Кочергина, деревня
Стрелково, селище в Подольском районе Московской области 312
Стрелково-2, селище в Подольском районе Московской области 312
Стрелковский курганный могильник на р. Пахре в Подольском районе Московской области 105
Стромынская дорога (Стромынка), позднее Стромынский тракт, ныне Щелковское шоссе *см.* Переяславская (Стромынская) дорога
Студенцы, селище в Подольском районе Московской области 312
Студеный овраг, впадающий в пойму р. Москвы к западу от впадения речки Ходынки 66, 326, 371
Студеный, грунтовый могильник у оврага Студеный в г. Москве 371
Суворовский парк в г. Москве 328
Судостроительная, улица в г. Москве 342
Суздаль, город 267
Сукино болото в пойме р. Москвы, ныне застроено заводом АЗЛК к западу от ст. метро "Текстильщики" в г. Москве 42
Сукромка, речка, правый приток р. Яузы в Мытищинском районе Московской области 376
Сумской проезд в г. Москве 351, 352
Супонево, селище в Щелковском районе Московской области 141
Сусаново-Гущинки, быв. усадьба на левом берегу р. Пехорки, на территории которой выявлено селище Балашиха-8, ныне в г. Балашихе 141
Сухая Городенка *см.* Городенка 60, 65, 67, 69, 81, 348, 357–361, 363
Сходня, река, приток р. Москвы 69, 228
Сытный двор в Коломенском в г. Москве 219, 228
Сытьково, селище в бассейне р. Рузы в Московской области 309
Съяновское, городище в Ленинском районе Московской области 313

Тайнинская волость (первоначально Танинская) Московского уезда 129
Тайнинское, дворцовая усадьба 129
Тайнинское, поселок на левом берегу р. Яузы к востоку от дворцовой усадьбы и села 265
Тайнинское, селище в пос. Тайнинское (между ул. Клубной и Набережной) к востоку от дворцовой усадьбы и села, XII–XIII вв. 265–267, 275
Тайнинское (первоначально Танинское), село на р. Яузе 13, 265
Тарасовка (Очаковка), река, левый приток р. Раменки 333–335
Тарасовка-2, селище в Пушкинском районе Московской области 261
Тарусская, улица в г. Москве 355
Татарово-1, селище в г. Москве 68, 70, 304, 324, 328
Татарово, быв. деревня между с. Крылатское и д. Строгино, ныне на территории г. Москвы 328
Татарское-1, селище в бассейне р. Пахры в Московской области 313
Тверская губерния 275
Театральная площадь в г. Москве 282
Текстильщики, микрорайон г. Москвы 234
Теплостанская возвышенность 13, 67, 71, 72, 75, 105, 356
Теплостанский ландшафт 43, 44
Теплостанский-3, курганный могильник *см.* Теплый Стан-3, курганный могильник
Теплостанское-1 *см.* Теплый Стан-1, селище
Теплостанское-2 *см.* Теплый Стан-2, селище
Теплостанское-3 *см.* Теплый Стан-3, селище
Теплый Стан, быв. деревня, ныне на территории г. Москвы 275, 309
Теплый Стан, микрорайон г. Москвы 339
Теплый Стан-1, курганный могильник в г. Москве 324, 339
Теплый Стан-2 (Коньковский, по Г.П. Латышевой, Бреховский, по А.В. Соколову), курганный могильник в г. Москве 324, 337, 338
Теплый Стан-3 (Коньковский, по Г.П. Латышевой), курганный могильник в г. Москве 324, 337, 338

Теплый Стан-4 (Теплостанский, по Р.Л. Розенфельдту, Теплостанский-1, по О.М. Даниловой, Коньковский, по Г.П. Латышевой, Бреховский, по А.В. Соколову), курганный могильник в г. Москве 324, 337, 339
Теплый Стан-1, селище в г. Москве 70, 72, 313, 324, 338
Теплый Стан-2, селище в г. Москве 70, 72, 75, 326, 373
Теплый Стан-3 (Богородское), селище в г. Москве 48, 70, 72, 326, 372, 373
Терехово, деревня на берегу р. Москвы, в черте г. Москвы 190
Терехово, разрез, пункт исследования в г. Москве 11, 189, 190, 192, 193, 195, 198, 202
Терехово, селище железного века в г. Москве 304
Тетерино, городище железного века в Можайском районе Московской области 300
Толбухина, улица в г. Москве 329
Тополевая аллея, улица в г. Москве *см.* Кузьминки
Трехсвятительский переулок в г. Москве 36
Триллия, город близ Никеи на южном побережье Черного моря 146, 184, 405
Троице-Лыково-1, селище железного века в г. Москве 190, 304
Троице-Лыково-2, селище в г. Москве 70, 324, 327
Троице-Сергиев монастырь 23
Троицкая дорога *см.* Переяславская (Радонежская, Троицкая) дорога
Троицкое-Голенищево, быв. село на р. Сетунь, ныне в г. Москве 331
Троицко-Лыковское-1 *см.* Троице-Лыково-1
Троицкое, городище железного века в Можайском районе Московской области 52, 56, 299, 314
Троицкое-2, селище железного века в Можайском районе Московской области 300
Троицкое-4, селище железного века в Можайском районе Московской области 300
Троицкое-Кайнарджи, село на р. Пехорке в Балашихинском районе Московской области 127, 128, 141
Троицкое-Черемушки, село *см.* Черемушки
Тропарево, быв. село, ныне на юго-западе г. Москвы 319, 335
Тропарево-1, курганный могильник в г. Москве 324, 335
Тропарево-2, курганный могильник г. Москве 324, 335
Тропаревская, улица в г. Москве 335
Тропаревский лесопарк в г. Москве 336–338, 372
Тропаревский овраг в г. Москве 336
Тростенская Северная, селище в Рузском районе Московской области 309
Тростенское озеро в Рузском районе Московской области 309
Трусовское, селище в Истринском районе Московской области 310
Тульская большая дорога 65
Тургенева, улица в г. Королеве Московской области 259
Туркмения 67
Тучково, городище железного века в Можайском районе Московской области 300
Тушино, быв. село, ныне на территории г. Москвы 319
Тушино, пункт исследования в г. Москве 189, 192, 197
Тушино-1, курганный могильник на территории г. Москвы 323
Тушинское (3-е Спас-Тушинское), городище железного века на левом берегу р. Сходни к северу от быв. с. Тушино 304, 327
Тюленева генерала, улица в г. Москве 339
Тютчевская аллея, улица в г. Москве 351

Угрешская, дорога из Москвы в Николо-Угрешский монастырь, пролегавшая в XVII–XVIII вв. по трассе древней Коломенской (Брашевской) дороги 366
Узковский (по О.Н. Бадеру), курганный могильник *см.* Узкое-6
Узковский (по И.К. Цветковой), курганный могильник *см.* Зюзино-6, курганный могильник
Узкое-1 (Деревлевский, по Р.Л. Розенфельдту), курганный могильник 324, 348
Узкое-2 (Чертановский-10, по А.Г. Векслеру), курганный могильник 325, 350
Узкое-3 (Чертановский-9, по А.Г. Векслеру), курганный могильник 325, 350
Узкое-4 (Чертановский-8, по А.Г. Векслеру), курганный могильник 325, 350, 351
Узкое-5 (Чертановский-7, по А.Г. Векслеру), курганный могильник 325, 351, 368
Узкое-6 (Узковский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник 325, 351
Узкое, быв. село и усадьба при нем, ныне в г. Москве 348–351, 355
Украина 57
Улофа Пальме, улица в г. Москве 368
Усад, Посово тож, деревня 247
Усков овраг, правый приток р. Чертановки 350, 351, 355
Усово, городище железного века в Одинцовском районе Московской области 300
Успенское (Ислявское, Молоденковское), городище железного века в Одинцовском районе Московской области 302
Успенское, селище железного века в Одинцовском районе Московской области 303
Успенский вражек (ручей), правый приток р. Неглинной, протекавший между современными ул. Тверской и Б. Никитской 13, 284, 372
Успенский Дубенский Шавыкин монастырь, основан после 1380 г. преподобным Сергием Радонежским и великим князем Дмитрием Ивановичем в Переяславской волости Серебож; следы монастыря, исследованные археологически, расположены у с. Спас-Закубежье Сергиево-Посадского района Московской области 400
Усть-Россоха, селище в Рузском районе Московской области 309
Усть-Сторожа *см.* Саввино-Сторожевское-1
Усть-Туровка, селище в Ленинском районе Московской области 313
Уча, река, левый приток р. Клязьмы в Пушкинском районе Московской области 229

Федоровское, селище железного века на р. Северке в Ступинском районе Московской области 313
Федосьино-1, селище в Коломенском районе Московской области 313
Федосьино-2, селище в Коломенском районе Московской области 313

Филевский парк культуры и отдыха в г. Москве 195, 329
Фили, быв. село, ныне в г. Москве 66, 232, 370, 371
Фили-1 (Филянский), курганный могильник в г. Москве 68, 304, 323, 324, 326, 328, 329
Фили-2, курганный могильник в г. Москве 326, 370
Фили-1, селище в г. Москве 304, 323, 324, 329
Фили-2, селище в г. Москве 304, 324, 328
Финляндия 55
Фляжкино (Флянское), лесное урочище в районе с. Ясенево, ныне на юго-западе г. Москвы 355

Химка, река, левый приток р. Москвы в г. Москве 65, 67, 192, 197, 326, 327
Химкинский ландшафт 43, 45
Химкинское (по М.Г. Рабиновичу), селище в г. Москве 192, 304
Химкинское водохранилище 326, 327
Хлопнево (Хлопна), городище на р. Коломенке в Коломенском районе Московской области 313
Хоругино, деревня, упоминаемая в грамоте 1596 г. близ с. Измайлово, ныне на территории г. Москвы 185
Храм Христа Спасителя в г. Москве 67, 326
Храм Цереры в Царицыно (беседка "Золотой сноп") *см.* Царицыно-1, селище
Хотяжи, курганный могильник на р. Москве выше г. Звенигорода в Одинцовском районе Московской области 61
Хотяжи-1, селище на р. Москве выше г. Звенигорода в Одинцовском районе Московской области 301
Хотяжи-2 (Никифорово), селище на р. Москве выше г. Звенигорода в Одинцовском районе Московской области 301

Царицыно (быв. село Черная Грязь), село, ныне на территории г. Москвы 11, 82–87, 113, 353, 354, 359, 361–363
"Царицыно", музей-заповедник и архитектурно-парковый (дворцово-парковый) ансамбль в г. Москве 77, 81, 82, 87, 89, 90, 95, 323, 357–362, 374
Царицыно-1 (1-й Царицынский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 81, 86, 87, 89, 90, 105, 113, 325
Царицыно-2 (2-й Царицынский, по О.Н. Бадеру, Царицыно-1, по Т.В. Равдиной), курганный могильник в г. Москве 81, 86, 89, 90, 92, 99, 105, 107, 111–113, 325, 361, 362, 379
Царицыно-3 (3-й Царицынский, по О.Н. Бадеру, Царицыно-II, по Т.В. Равдиной, Царицыно-5, по Р.Л. Розенфельдту), курганный могильник в г. Москве 71, 81, 85–87, 93, 111, 112, 325
Царицыно-4 (4-й Царицынский, по О.Н. Бадеру, 3-й Царицынский по А.А. Юшко, Царицыно-6, по Р.Л. Розенфельдту), курганный могильник в г. Москве 81, 87, 93, 95, 325, 359, 374
Царицыно-5, курганный могильник в г. Москве 362
Царицыно-1 ("Золотой сноп"), селище в г. Москве 81, 92, 306
Царицыно-2, селище в г. Москве 95, 326, 374
Царицыно-3, селище в г. Москве 72, 81, 89, 90, 113, 326, 374
Царицыно, станция Курской железной дороги в г. Москве 354, 363
Царицынская, бывшая волость в Московском уезде в XIX в. 84, 354
Царицынский дворец 77, 105
Царицынский ландшафт 43, 44
Царицынский пруд в г. Москве 77, 83
Центральная Европа 56
Церкви:
- Антипия в Занеглименье в г. Москве 293
- Бориса и Глеба в Зюзине в г. Москве 342, 347–350
- Владимирская в с. Б. Мытищи 263
- Влахернской иконы Божией Матери в усадьбе Кузьминки в г. Москве 370
- Вознесения в с. Коломенское в г. Москве 13, 343
- Воскресения Словущего в Даниловской слободе к югу от Свято-Даниловского монастыря в г. Москве 203, 340
- Георгиевская в с. Коломенское в г. Москве 214
- Георгия в Лучниках в г. Москве 13
- Знамения в Черемушках в г. Москве 342, 368
- Казанской Божией Матери в с. Узкое в г. Москве 350, 351
- Козьмы и Дамиана в с. Болшево 237, 240, 245, 247, 249, 260
- Михаила Архангела в с. Тропарево в г. Москве 335
- Никиты мученика в устье р. Яузы, в историческом центре г. Москвы 269
- Николая Чудотворца в с. Косино в г. Москве 128
- Никольская в с. Никольское-Трубецкое 153, 157, 159
- Никольская в с. Сабурово в г. Москве 354
- Отцов семи Вселенских Соборов в Свято-Даниловом монастыре в г. Москве 340
- Петра и Павла в с. Ясенево в г. Москве 355, 356
- Покрова Богородицы в с. Покровское в г. Москве 357
- Покровская в с. Пехра-Покровское 180
- Преображения Господня, церковное место в пустоши Спасской на р. Яузе, что был приселок села Танинского 265
- Преображенская в с. Болшево 237, 240, 244, 246, 248, 249, 252, 260, 262
- Преображенская в с. Пехра-Яковлевское 143, 389
- Пресвятой Богородицы Живоносного источника в с. Царицыно в г. Москве 83, 362
- Рождества Богородицы в с. Капотня в г. Москве 365, 366
- Рождества Богородицы в с. Крылатское в г. Москве 328, 372
- Святого Владимира "в Старых садех" в Белом городе в г. Москве 13
- Святого Дмитрия Ростовского в с. Очаково в г. Москве 330
- Святой Троицы в Старых полях в Китай-городе в г. Москве 71, 278, 283
- Спаса-Нерукотворного в с. Спасское на р. Сетуни (ныне на Рябиновой ул.) в г. Москве 330
- Троицы в с. Троице-Лыково в г. Москве 68, 327
- Троицы в с. Коньково в г. Москве 336, 349, 373

Троицы в с. Борисово в г. Москве 365
Троицы в с. Воробьево в г. Москве 278, 283, 339
Усекновения главы Иоанна Предтечи в с. Братеево в г. Москве 363, 364
Усекновения главы Иоанна Предтечи в с. Дьяково в г. Москве 59, 60, 343, 344, 346

Чагина, быв. деревня, ныне на юго-востоке г. Москвы 366
Чагино-1 (Чагинский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 366
Челомея академика, улица в г. Москве 336
Чепасово, городище железного века 300
"Черемушки", парк, усадьба в г. Москве 341
Черемушки, быв. село (деревня), ныне в г. Москве 341, 342, 368
Черемушки-1, курганный могильник в г. Москве 71, 324, 341
Черемушки-2, курганный могильник в г. Москве 324, 341
Черемушки-3, курганный могильник в г. Москве 324, 341
Черемушки-4, курганный могильник в г. Москве 326, 368
Черемушки-5, курганный могильник в г. Москве 326, 368
Черемушкинский, бывший кирпичный завод в г. Москве 341
Черемушкинское шоссе в г. Москве 341, 373
Черепановка (видимо, опечатка, следует читать Чертановка), речка в г. Москве 353
Черепишка (Черепичка), ручей, левый приток р. Язвенки в г. Москве 77, 83, 86, 93
Черкизово, село московского Чудова монастыря, ныне в черте г. Москвы 129, 185
Чернавка, река, правый приток р. Пехорки в Балашихинском районе Московской области 127, 134, 141, 143, 174
Черная, река, левый приток р. Пехорки в Балашихинском районе Московской области 127, 128
Черная Грязь (Черногрязная пустошь) *см.* Царицыно
Чернигов, город 19
Черноморский бульвар в г. Москве 353
Чернышевского, улица в г. Королеве Московской области 234, 259
Чертановка, река, левый приток р. Сухая Городенка 13, 60, 65, 67, 72–74, 78, 114, 348–355, 368, 369
Чертаново, быв. деревня, ныне на юге г. Москвы 342, 351, 352, 353, 354, 369
Чертаново-1 (1-й Чертановский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 352, 353, 369
Чертаново-2 (2-й Чертановский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 353
Чертаново-3 (3-й Чертановский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 352, 353
Чертаново-4 (Чертановский-4, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325
Чертаново-5 (Чертановский-5, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 352
Чертаново-6 (Чертановский-5, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 352
Чертаново-7, курганный могильник в г. Москве 325, 351
Чертаново-8, курганный могильник (Чертановский-6, по О.Н.Бадеру) в г. Москве 325, 352
Чертаново-9, курганный могильник в г. Москве 351
Чертаново-10, курганный могильник в г. Москве 326, 369
Чертаново-1, селище в г. Москве 72, 325, 351
Чертановская, улица в г. Москве 350
Чертановский-5 (по О.Н. Бадеру) *см.* Чертаново-6
Чертановский-6 (по О.Н. Бадеру) *см.* Чертаново-8
Чертановский-6 (по А.Г. Векслеру), курганный могильник *см.* Чертаново-9
Чертановский-7 (по А.Г. Векслеру), курганный могильник *см.* Узкое-5
Чертановский-8 (по А.Г. Векслеру), курганный могильник *см.* Узкое-4
Чертановский-9 (по А.Г. Векслеру), курганный могильник *см.* Узкое-3
Чертановский-10 (по А.Г. Векслеру), курганный могильник *см.* Узкое-2
"Чертов городок", селище железного века к югу от с. Коломенское 60, 192, 306, 317
Чертолье, район Земляного города в г. Москве 13, 293, 343
Черторый, река, левый приток р. Москвы, протекавшая по трассе Бульварного кольца к западу от храма Христа Спасителя 67, 81
Чехия 17, 56
Чечера (Чичера), правый приток р. Пехорки 128
Чижово, деревня в Балашихинском районе Московской области 141
"Чищоба", лесная дача при с. Шаболово по Черемушкинскому шоссе в г. Москве 341, 342
Чугунные ворота, улица в г. Москве 370
Чудница, речка, правый приток р. Шаловки в Балашихинском районе Московской области 134
Чудницы, быв. деревня в Балашихинском районе Московской области 141
Чудов монастырь в Московском Кремле 129, 185, 265
Чура *см.* Котловка
Чурилково, селище в бассейне р. Пахры в Московской области 313

Шабалово (Шаболово), быв. сельцо (деревня), ныне в г. Москве 341, 342, 373
Шаболово-1, курганный могильник в г. Москве 324, 342
Шаболово-2, курганный могильник в г. Москве 324, 342
Шаболово-3, курганный могильник в г. Москве 326, 373
Шавыкин монастырь *см.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь
Шаганино, городище 311
Шапкин, бывший мост через р. Клязьму в г. Королеве Московской области 250, 251, 259, 260, 262
Швивая горка в устье р. Яузы, урочище в г. Москве 71
Шейка (Малоистринское), селище (городище) в Истринском районе Московской области 310
Шепелевка, ручей (правый приток р. Городенки) в г. Москве 77
Шерна, река, левый приток р. Клязьмы во Владимирской области 146
Шипилово, быв. деревня, ныне в г. Москве 363
Шипилово-1 (Шипиловский, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 325, 363

Шипилово-2, курганный могильник в г. Москве 325, 363
Шипиловская плотина в г. Москве 363
Шипиловская, улица в г. Москве 364
Шипиловский проезд в г. Москве 357–363, 365, 374
Шишимрово, городище железного века в Можайском районе Московской области 300
Школьная, улица в пос. Болшево в г. Королеве 232, 234, 236
Школьная 2-я площадка в пос. Болшево в г. Королеве 232
Шлина, река, впадающая с востока в озеро Селигер в Тверской области 55
Шмелевка, река *см.* р. Змеевка
Шоловка (в нижнем течении Купавенка), речка, правый приток р. Клязьмы в Щелковском районе Московской области 134
Шолоховка, речка, приток р. Воронок, правого притока р. Клязьмы в Щелковском районе Московской области 134
Шустинский могильник 379

Щелково, деревня на р. Клязьме, ныне город, районный центр Московской области 228
Щелковский район Московской области 126
Щелковское шоссе 129, 132, 171, 180
Щербинка, городище железного века в Подольском районе Московской области 312
Щербинка, селище в Подольском районе Московской области 313
Щукин луг, селище в Балашихинском районе Московской области, идентифицируемое с д. Щукино 131, 132, 141, 171, 172, 174, 176, 179, 181, 185
Щукинская стоянка на р. Москве близ быв. деревни Щукино, ныне в г. Москве 189

Южная Русь 19
Южно-Чертановский курганный могильник *см.* Бирюлево-1, курганный могильник
Юрасово (погост Гвоздна), селище железного века и следы волостного центра, упоминаемого в духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты 1336 г. , в Воскресенском районе Московской области 308
Ютландия 57
Юхнов, город 339
Юшино озеро в Балашихинском районе Московской области 175
Юшково, городище 313
Юшунка, река, правый приток р. Москвы 77

Язвенка-3 (по Н.А. Кренке), селище *см.* Орехово-3, селище
Язвенка-4а (по Н.А. Кренке), селище *см.* Орехово-4а, селище
Язвенка-4б (по Н.А. Кренке), селище *см.* Орехово-4, селище
Язвенка-5 (по Н.А. Кренке), селище *см.* Орехово-5, селище
Язвенка-6 (по Н.А. Кренке), *см.* Орехово-6, селище
Язвенка (Язва), река, правый приток р. Сухая Городенка в г. Москве 11, 67, 72, 73, 75, 77, 78, 81, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 99, 102, 103, 105, 107, 111, 113–118, 120–123, 182, 278, 282, 293, 357–362, 374
Яковлевское *см.* Пехра-Яковлевское
Ярославская железная дорога 271
Ярославское шоссе 129, 229, 366
Ясеневая, улица в г. Москве 357, 358, 374
Ясенево, село, ныне микрорайон на юге г. Москвы 41, 355, 356
Ясенево-1, курганный могильник в г. Москве 325, 355
Ясенево-2, курганный могильник в г. Москве 356
Яуза, река, левый приток р. Москвы 43, 49, 65, 67, 71, 74, 169, 172, 228, 263, 265, 267, 268, 269, 367
Яуза, селище в устье р. Яузы, на территории Заяузья в г. Москве, XII–XIII вв. 367
Яуза, станция Ярославской железной дороги (быв. платформа "6 верста"), ныне в г. Москве 267, 268, 323, 367
Яуза-1 (Яузский курганный могильник, по О.Н. Бадеру), курганный могильник в г. Москве 267, 367
Яузские болота, массив болот, расположенный к юго-востоку от с. Б. Мытищи на территории Национального парка "Лосиный Остров" 132, 263, 265, 267
Яузский (Яузко-Клязминский) волок 11, 228, 230, 261, 267, 275
Яузский ландшафт 43, 45
Яузское мытище 12, 263, 270

Указатель керамических комплексов

Алексеевка-2, селище на р. Воре (раскопки С.З. Чернова 1977 г.) 161, 257, 258

Аносино, курганный могильник на р. Истре (раскопки М.С. Сергеева XIX в.) 160, 400

Балятино, курганный могильник близ впадения р. Пехорки в р. Москву в Раменском районе Московской области (раскопки 1920–1923 гг. В.А. Городцова и 1972 г. Д.Д. Гущина) 251, 253, 258

Беседы, курганный могильник на р. Москве в Ленинском районе Московской области (раскопки А.В. Арциховского 1945–1949 гг.) 92

Битягово, курганные могильники на р. Рожае, притоке р. Пахры в Домодедовском районе Московской области (раскопки Р.Л. Розенфельдта 1968 г.) 251, 253

Богоявленский монастырь в Китай-городе в г. Москве, нижний слой, отложившийся до возникновения деревянной церкви и раннего некрополя (раскопки Л.А. Беляева 1987–1988 гг.) 98, 102, 141, 145, 151, 157, 161, 164, 165, 170, 178, 180, 195, 203, 207, 209, 257, 258, 399, 400, 403

Волково, курганный могильник на р. Москве близ г. Звенигорода Одинцовского района Московской области (раскопки А.В. Арциховского 1940 г.) 160, 257, 258

Данилов монастырь в Москве, материалы, отражающие ранний этап существования монастыря (до 1330 г.) и сохранившиеся в переотложенном состоянии (раскопки Л.А. Беляева 1983–1988 гг.) 170, 204, 403

Дубинкин лес-1, селище в Битцевском лесопарке г. Москвы (раскопки Н.А. Кренке 1999–2001 гг.) 98, 99, 105, 170, 176

"Дубки", курганный могильник близ усадьбы Царицыно в г. Москве (раскопки А.В. Арциховского 1944 г.) 160, 400

Дьяково-пойма (Дьяково-2), селище у подножья Дьякова городища, на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве (раскопки Н.А. Кренке 1983, 1985 гг.) 257–259

Исторический проезд, сруб 1 (порубочные даты 1248, 1251 гг.) (раскопки МАЭ ИА РАН на Красной площади в 1988 г.) 98, 102, 103, 145, 146, 151, 153, 161, 164, 165, 170, 171, 178, 180, 181, 183, 184, 203, 210, 215, 251, 252, 260, 394, 398–400, 403

Исторический проезд, сруб 6 (раскопки МАЭ ИА РАН на Красной площади в 1988 г.) 98, 145, 153, 171, 176, 178, 180, 181

Исторический проезд, яма 2 (раскопки МАЭ ИА РАН на Красной площади в 1988 г.) 247

Исторический проезд, яма 3 (раскопки МАЭ ИА РАН на Красной площади в 1988 г.) 93, 98, 102, 146, 153, 154, 165, 178, 181, 183, 184, 394, 403

Исторический проезд, яма 8 (раскопки МАЭ ИА РАН на Красной площади в 1988 г.) 93, 102, 151, 157, 160, 161, 164, 208, 210, 212, 399

Исторический проезд, яма 12 (раскопки МАЭ ИА РАН на Красной площади в 1988 г.) 151, 157, 161, 170

Казанский собор, постройка, изученная в ходе раскопок Казанского собора на Красной площади (1626 г.) (раскопки МАЭ ИА РАН на Красной площади в 1991 г.) 102, 204

Коломенское, постройка, исследованная на территории музея-заповедника "Коломенское" в г. Москве, к востоку от Вознесенской церкви (1533 г.), перекрытая строительным горизонтом 1533 г. (раскопки Л.А. Беляева 1976 г.) 217, 247

Копнинский лес-3, селище на р. Паже к северу от пос. Семхоз Сергиево-Посадского района Московской области (раскопки С.З. Чернова 1980 г.) 246, 247

Ларино, селище в Сергиево-Посадском районе Московской области (раскопки С.З. Чернова 1981 г.) 247

Лешково-2, селище к востоку от с. Радонеж в Сергиево-Посадском районе Московской области (раскопки С.З. Чернова 1981 г.) 98, 145, 146, 153, 161, 165, 170, 171, 176, 178, 184, 209, 265, 400, 403, 404

Лешково-4, селище к северо-востоку от с. Радонеж в Сергиево-Посадском районе Московской области (раскопки С.З. Чернова 1984 г.) 176, 403

Лешково-8, селище к востоку от с. Радонеж в Сергиево-Посадском районе Московской области (площадные сборы подъемного материала С.З. Чернова 1994 г.) 178

Михайловская слобода-1, курганный могильник на р. Москве в Раменском районе Московской области (раскопки Ю.Г. Гендуне 1902 г.) 151, 161, 164, 257, 397

Монетный двор, сруб 2 (раскопки МАЭ ИА РАН в зоне реконструкции Музея В.И. Ленина у Красной площади в Китай-городе в г. Москве в 1988 г.) 164, 178, 209

Монетный двор, сруб 3 (раскопки МАЭ ИА РАН в зоне реконструкции Музея В.И. Ленина у Красной площади в Китай-городе в г. Москве в 1988 г.) 209

Монетный двор, яма 4 (раскопки МАЭ ИА РАН в зоне реконструкции Музея В.И. Ленина у Красной площади в Китай-городе в г. Москве в 1988 г.) 178, 219

Монетный двор, яма 10 (раскопки МАЭ ИА РАН в зоне реконструкции Музея В.И. Ленина в Китай-городе в г. Москве в 1988 г.) 176

Никольское-1, курганный могильник в верхнем течении р. Клязьмы Солнечногорского района Московской области (раскопки А.П. Смирнова 1924 г.) 253

"Огонек", селище к востоку от с. Дерюзино в Сергиево-Посадском районе Московской области (раскопки С.З. Чернова 1978 г.) 170, 176, 178, 400, 403

Поваровка-3, курганный могильник в верхнем течении р. Клязьмы Солнечногорского района Московской области (раскопки Г.П. Латышевой 1955 г.) 151, 258, 397

Подушкино-2 (Бориски), селище на северо-восточной окраине г. Хотьково Сергиево-Посадского района Московской области (исследования С.З. Чернова 1994 г.) 403

Романов двор, яма 8 (раскопки МАЭ ИА РАН под руководством Н.А. Кренке на территории двора старого здания МГУ в г. Москве в 2002 г.) 90, 93, 98, 102, 195

Семхоз-4 (идентифицируется с с. Никольское-Поддубское), ранний комплекс керамики из слоя селища, расположенного на территории пос. Семхоз Сергиево-Посадского района Московской области (раскопки С.З. Чернова 1994 г.) 153, 165, 176, 178

Спас-Тушинский 1-й, курганный могильник на р. Барышихе близ р. Москвы на территории зон охраны Митина в г. Москве (раскопки кн. М.Н. Щербатова 1894 г.) 160

Стрелково, курганный могильник на р. Пахре в Подольском районе Московской области (раскопки А.А. Юшко 1967 г.) 178

Таганьково, курганный могильник в Одинцовском районе Московской области (раскопки С.С. Ширинского 1963 г.) 151, 164

Успенский Дубенский Шавыкин монастырь, археологический памятник на р. Дубне в Сергиево-Посадском районе Московской области, ранняя постройка (раскопки МАЭ ИА РАН под руководством С.З. Чернова в 1989, 1990 гг.) 170, 176, 181, 183, 184, 400

Царево-1, селище при Царевском городище (идентифицируется с ранним центром волости Воря) на р. Прорванихе, притоке р. Вори, яма 1 (раскопки С.З. Чернова 1978 г.) 151, 161, 170, 171

Царицыно-2, курганный могильник на территории парка "Царицыно" (раскопки Т.В. Равдиной 1960 г.) 178

Черемушки, курганный могильник на территории г. Москвы (раскопки Б.С. Жукова и О.Н. Бадера 1926 г.) 257, 400

Чернево, курганный могильник близ г. Красногорска Московской области (раскопки А.Я. Полякова 1909 г.) 165, 400

Шарапово-5А, селище близ с. Шарапово в Сергиево-Посадском районе Московской области (раскопки С.З. Чернова 1978 г.) 170, 178

Сведения об авторах

Александровский Александр Леонтьевич, доктор географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, электронная почта: pedology@igras.geonet.ru

Гунова Валентина Степановна, кандидат географических наук, Географический факультет МГУ

Кренке Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Москвы Института археологии РАН, электронная почта: murkre@aha.ru

Низовцев Вячеслав Алексеевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры ландшафтоведения Географического факультета МГУ, электронная почта: nizov2118@mtu-net.ru

Полюлях Анатолий Александрович, заведующий сектором отдела археологии Музея истории Москвы, электронная почта: migm@mail.ru

Пушкина Тамара Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии Исторического факультета МГУ, электронная почта: tapush@mail.ru

Равдина Тамара Владимировна (1919–1991), кандидат исторических наук, работала в секторе археологии Москвы Института археологии РАН

Спиридонова Елена Александровна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественных методов Института археологии РАН, электронная почта: easpiridonova@mail.ru

Чернов Сергей Заремович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Москвы Института археологии РАН, электронная почта: chernov@mars.rags.ru

Янишевский Борис Евгеньевич, научный сотрудник сектора археологических сводов и карт Института археологии РАН, электронная почта: bobbyyan@mtu-net.ru

Список сокращений

АН СССР	Академия наук СССР
АО	Археологические открытия
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: В 3 т. М., 1952–1964
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ВСХИЗО	Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного обучения
ВУА	Фонд Военно-учетный архив в РГВИА
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный Исторический музей
ГИН	Геологический Институт РАН
ГИЗЛ "Горки Ленинские"	Государственный исторический заповедник-леспаркхоз "Горки Ленинские"
ГПНП "Лосиный Остров"	Государственный природный Национальный парк "Лосиный Остров"
ГУГК	Главное управление геодезии и картографии
ИА РАН	Институт археологии РАН
ИАК	Известия Археологической комиссии
ИГАН	Институт географии РАН
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры РАН
ИОЛЕАиЭ	Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии РАН (ныне – ИИМК РАН)
МГУ	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
Музей истории Москвы	ГУК г. Москвы, Музейное объединение "Музей истории Москвы"
МИРМ	Музей истории и реконструкции Москвы (ныне – МИМ)
МИФИ	Московский инженерно-физический институт
МК	Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.
МКАД	Московская кольцевая автомобильная дорога
МОКМ	Московский областной краеведческий музей в г. Истре
НИИПИ Генерального плана г. Москвы	Научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана г. Москвы
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
ПТК	Природный территориальный комплекс
РА	Российская археология
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
СА	Советская археология
ЦГИАМ	Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ныне – ЦИАМ)
GrN	Groningen
Ki	Kiev

List of illustrations

Fig. 1. Conventionally reconstructed landscapes of Moscow. Scheme. Author V.A. Nizovtsev. Legend in the end of Chapter 4

Fig. 2. The Moskva river landscape near Kolomenskoye. At the top: original bank, split by the ravines. At the bottom: Dyakovo hillfort

Fig 3. Teplyi Stan upland. At the top: site Teplyi Stan-3. At the bottom: barrow group Konjkovo-4

Fig. 4. Scroll of the Moskva river near village Spas-Tushino. View from the 1st Spas-Tushino hillfort of the Myakinino floodplain

Fig. 5. Dyakovo hillfort in the 5th–3th centuries B.C. Reconstruction by L.B. Lanzman based on the materials of the exavations by N.A. Krenke, 1982–1986

Fig. 6. Reconstructed view of Dyakovo hillfort neighborhood in the 1st millennium A.D. Picture by N. Safronova based on the materials of N.A. Krenke

Fig. 7. Halves of dirhams found in 1998 by V. Zarikhin at Kuntsevo hillfort. 1 – anonymous, minted in Al-Muhammadi, exact year not available, type of 191 or 192 a.h. (Anno Hegirae) (806–808); 2 – Al-Mumin when he was a caliph's successor. About 180 a.h. (790 A.D.); 3 – imitation of dirham of Medinet as-Salam during caliph Mahdi's rule (136–158 a.h. – 753–775 A.D.); 4 – apparently imitation of dirham of caliph Mahdi (136–158 a.h. – 753–775 A.D.). Photo by P.G. Gaydukov

Fig. 8. Area of Tsaritsino estate at the river Yazvenka: Layout and image on the topographic map of the Moscow Province, 1860. Scale 2 verstin one English inch

Fig. 9. Ancient Rus' settlements and cemeteries in the valley of the river Yazvenka (Moscow). Topographic base – a map with 1 : 25 000 scale, survey of 1978. Contour lines at 10 m intervals. I – layout of the archaeological sites of the Iron Age and Ancient Rus' period (11th–13th centuries) in the valley of the river Yazvenka (Tsaritsino Park); II – plan of the barrow group Orekhovo-2 ("Dubki"), showing the test pits of 1989, where the ancient plough-layers were found; III – reconstructed profile of the left side of the river Yazvenka's valley near ancient settlement Orekhovo-4 and barrow group Orekhovo-5 along the A–B line

Fig. 10. Plan of barrow group Orekhovo-1 (O.N. Bader's cards, 1930-ies). Mounds N 1, 8, 9, 10 and 12 were excavated in 1944. Hatching shows the breaches recorded in the 1930-ies

Fig. 11. Ancient Rus' sites on the eastern side of Verkhnetsaritsinsky pond in Tsaritsino Park. Numbers indicate the monuments of architecture: 1 – Big Palace; 2 – Small Palace; 3 – Opera House; 4 – Milovidov's pavilion; 5 – Ruins; 6 – Nerastankino pavilion; 7 – pavilion Zolotoy Snop (Golden Sheaf). Horizontal section – 2 m. Altitude system – Baltic. Topographic base – Ivinsky's survey, 1989. On settlement Tsaritsino-3 shown pit of 2003

Fig. 12. Archaeological sites in the midstream of the river Yazvenka (Tsaritsino Preserve). At the bottom – reconstructed land use system along A–B profile

Fig. 13. Archaeological sites of the upstream river Yazvenka (Tsaritsino Preserve)

Fig. 14. A – Ceramics of settlement Tsaritsino-3; B – Ceramics of settlements Tsaritsino-3, Orekhovo-4, eastern part (1–10) and Tsaritsino-3 (11–21)

Fig. 15. Barrow group Tsaritsino-3. A – Plan of barrow group according to the topographic survey of 1989. Hatching shows the mounds excavated by T.V. Ravdina in 1961; B – profile of probings N 40 and 41 of burial Tsaritsino-3 in mounds N 5; C – plan of mounds N 5, showing probings N 40 and 41

Barrow group Orekhovo-2 ("Dubki"). A – Plan of barrow group according to the topographic survey of 1989; B – profile of probings N 9 and 10, 1989, from which the samples for the sporo-pollen analysis were taken (Hatching shows the plough-layer of the 12th century, preserved under the mound); C – plan of the mound excavated in 1944, showing probings N IX and X, 1989

Fig. 16. Ceramics of the sites in the valley of the river Yazvenka. 1–10 – site Orekhovo-5; 11–20, 27 and 28 – site Orekhovo-4 (western lot), 21 – site Orekhovo-3; 22 – site Orekhovo-8; 23–26 – site Orekhovo-6; 29–37 – site Orekhovo-2; 38–40 – site Orekhovo-7; 41–47 – red clay ceramics, found in the valley of the river Yazvenka outside the sites

Fig. 17. A – borders of the conventionally reconstructed natural territorial complexes (tracts and subtracts) in the valley of the river Yazvenka. Author V.A. Nizovtsev; B – reconstructed nature management in the Ancient Rus' period in the valley of the river Yazvenka. Author V.A. Nizovtsev

Fig. 18. River Pekhorka area. Layout. Zones of comprehensive investigations in the territory of Losinyi Ostrov National Park (1990–2002). 1 – complexes of archaeological sites and cultural landscape; 2 – borders of the protected zone of Losinyi Ostrov National Park; 3 – historical borders of Losinyi Ostrov in the 18th century (according to the General Survey data)

Fig. 19. Upper (left) and middle (right) stream of the river Pekhorka according to the Topographic map of the Moscow neighborhood, 1852

Fig. 20. Settlements and barrows of the 12th – first third of the 13th century at the upstream river Pekhorka (settlements with ceramic materials of the same type as the lower layer of the Epiphany Monastery and earlier): I – ancient fortified settlement; II – ancient unfortified settlement; III – barrow group and a number of mounds; IV – landscapes (see at the end of chapter 8)

Fig. 21. Balashikha group of sites. Plan of the year 1990

Fig. 22. 1st Barrow group in Akatov. Mound plan, 1972 (at the top), Location plan, 1990 (at the bottom)

Fig. 23. Settlement at village Akatov. Plan of the year 1990, plotted using the data of the investigation conducted in 1977 by A.A. Yushko and S.Z. Chernov

Fig. 24. Alexeevskaya Grove. View from behind the Alexeevsky pond (end of the 17th – beginning of the 18th centuries). Snapshot is taken from the point 200 m southeast of the barrow group at Lukino, 1990

Fig. 25. Barrow group Lukino in Zarechnaya Grove. A – barrow plan; B – barrow layout plan showing the leveling marks

Fig. 26. Settlements at the upstream river Pekhorka. Plans. A – plan of settlement Alexeevskaya Grove-1; B – plan of settlement Bakashikha-1 and Balashikha-3 at the inflow of the river Malashka. Settlements at the river Pekhorka by the inflow of the river Malashka. In the foreground – the preserved part of settlement Balashikha-1 (birch grove), in the background, beyond the river Pekhorka, to the right from the quarry – settlement Balashikha-3, at a distance – church of village Nikolskoye-Trubetskoye, 1990

Fig. 27. Settlements at the downstream river Malashka. A – settlements Nikolskoye-Trubetskoye-1 and -2 and the barrow burial site near village Nikolskoye-Trubetskoye; B – settlements Gorbovo-1 and Gorbovo-2 near the Gorbovo Knitting Factory; C – settlement Gorbovo-3

Fig. 28. Settlement Nikolskoye-Trubetskoye-1. View form the east from beyond the river Pekhorka, from settlement Nikolskoye-Trubetskoye-2; in the foreground – dam, 17th century; in the background, to the right of the houses – barrow group site. June 29, 1990

Fig. 29. Settlement Gorbovo-3 on the first terrace of the river Malashka. Right – settlement territory (road and field), left – slope to the river Malashka (in the foreground – the slope is cleared for gardening, in the background – forest-covered. June 29, 1990

Fig. 30. Ceramics of the settlements with the materials of the first third of the XIII century. Alexeevskaya Grove-1, Balashikha-1, and Balashikha-3. Left column – "mound" ceramics, right column – grey ceramics

Fig. 31. Ceramics of the settlements with the materials of the first third of the 13th century. Nikolskoye-Trubetskoye-1. Left column – "mound" ceramics, right column – grey ceramics

Fig. 32. Ceramics of the settlements with the materials of the first third of the 13th century. Nikolskoye-Trubetskoye-2. Left column – "mound" ceramics, right column – grey ceramics

Fig. 33. Ceramics of the settlements with the materials of the first third of the 13th century. Gorbovo-2. Left column – "mound" ceramics, right column – grey ceramics

Fig. 34. Ceramics of the settlements with the materials of the first third of the 13th century. Gorbovo-3. Left column – "mound" ceramics, right column – grey ceramics

Fig. 35. Settlements of the second half of the 13th century (ceramic materials, type "Srub 1 of Historical passage" – "Tsarevo-1") – first half of the 14th century (ceramic materials, type "Srub 6 of Historical passage" – "Leshkovo-2") in the territory of the Pekhorka volost. I – ancient fortified settlement; II – ancient unfortified settlement; III – Pereyaslav road; VIII – river floodplains; IX – bogs; X – number of archaeological sites; XI – approximate borders of the Pekhorka "camp" (based on the data of 1623–1624), XII – archaeological sites. The list of the archaeological sites is given in Fig. 20

Fig. 36. Plans of settlements of the second half of the 13th–14th centuries at the upstream Pekhorka river. A – Alexeevskaya Grove on the Bulanyi meadow; B – settlements on the Shchukin meadow; C – settlements at the confluence of the Pekhorka river and the Kopninsky brook

Fig. 37. View of the settlement on the Shchukin meadow. May 8, 1990. The river Pekhorka between the settlements Alexeevskaya grove-2 and Alexeevskaya grove-3. May 25, 1990

Fig. 38. Ceramics of the settlements with the materials of the first third of the 13th century (type "Srub 1 of Historical passage" – "Tsarevo-1") – first half of the 14th century (type "Srub 6 of Historical passage" – "Leshkovo-2"). Settlement on the Shchukin meadow. Settlement at village Pekhra-Pokrovskoye (right bank). Grey ceramics

Fig. 39. Ceramics of the settlements having the materials of the second half of the 13th century (type "Srub 1 of Historical passage" – "Tsarevo-1") – first half of the 14th century (type "Srub 6 of Historical passage" – "Leshkovo-2"). Settlement on Arsentyevskoye field. Grey ceramics

Fig. 40. Valley of the Moskva river from Spas-Tushino to Kuntsevo, where the comprehensive studies of the floodplain deposits were carried out. Layout and image on the Topographic map of the Moscow Province, 1860. (Russian State Military & Historical Archive. Military Accounting Archive. N 21387). Scale: 2 versts in one English inch

Fig. 41. Plan of the floodplains at Kuryanovo opposite to Dyakovo hillfort. Geological base – survey of the Mosgorgeotrest, scale 1 : 2000, 1939 (left side) and 1934 (right side). Zoomed out. Place of scraping 2 is shown (1998)

Fig. 42. Scraping of the high floodplain exposure at Kuryanovo (scraping 2) and at Terekhovo (scraping 1). At the bottom – grey clay ceramics from the scraping at Kuryanovo

Fig. 43. Plan of the floodplain near Myakinino and profiles of the bank exposure scrapings

Fig. 44. Floodplain near Myakinino. Cuts 2e and 2f. Pits 2, 4, 5 and 6. Western wall – square 1240 west of settlement Myakinino-2

Fig. 45. Area of Dyakovo-Kolomenskoye. Layout and image on the Topographic map of the Moscow Province, 1860. (Russian State Military & Historical Archive. Military Accounting Archive. N 21387). Scale: 2 versts in one English inch

Fig. 46. Settlement Dyakovo-floodplain. Ceramics of the 11th–12th centuries. A – from dig 1; B – from dig 3

Fig. 47. Dyakovo hillfort. Ancient Rus' ceramics from the 19th century excavations, 1935 and 1981–1986

Fig. 48. Dyakovo hillfort. Ancient Rus' ceramics from the excavations of 1981–1986

Fig. 49. Dyakovo hillfort. Ancient Rus' ceramics from the excavations of 1987

Fig. 50. A – settlement Kolomenskoye. Ceramics; B – Settlement Dyakovo-flood-plain. Ceramics

Fig. 51. Layout of the archaeological investigation objects on the southern part of the hill, on which the Church of Ascension is situated at Kolomenskoye. Topographic base of 1993

Fig. 52. Layout of archaeological pits in 1995 near the Vodovzvodnaya Tower at Kolomenskoye

Fig. 53–54. Trench of the year 1935, laid by K.Y. Vinogradov near the Vodovzvodnaya Tower at Kolomenskoye. Photo by I.F. Barshchevsky

Fig. 55. Pits N 1 and 3 near the Vodovzvodnaya Tower at Kolomenskoye (1995). Left – plans and profiles. Right – reconstructed evolution of land-utilization at the site of the Vodovzvodnaya Tower, based on the soil study materials from pit N 1

Fig. 56. Pits N 2 and 4 near the Vodovzvodnaya Tower at Kolomenskoye (1995). Plans and profiles

Fig. 57. Findings from the pits near the Vodovzvodnaya Tower at Kolomenskoye

Fig. 58. View of Kolomenskoye in 1722–1724. Drawing by the gentleman of the monarch's bedchamber F. Berchholz

Fig. 59. Area of Bolshevo and Yauza portage. Layout and image on the Topographic map of the Moscow neighborhood, 1838. (Russian State Military and Historical Archive. F. 386. Op. 1. D. 3641. Л. 24)

Fig. 60. Special geometric plan of the village Bolshev, Moscow uyezd, Bokhov stan, with adjacent villages. 1766. (Russian State Archive of Ancient Deeds. F. 1354. Op. 246. Ch. 1. D. Б-41). Fragment

Fig. 61. Layout of the archeological relics and the archeological investigation zones in the territory of Korolev. I – archeological sites (shown are the parts reflected on the relic map); II – archeological investigation zone

Fig. 62. Barrows of village Bolshevo. Plan by Y.G. Gendune, 1901

Fig. 63. Barrows of village Bolshevo on the right bank of the river Klyazma

Fig. 64. Borrows in village Bolshevo. Plan by Y.G. Gendune, 1902

Fig. 65. Group of archaeological sites near the former village Gorodishche: Bolshevo ancient fortified settlement, 1st Bolshevo unfortified settlement and 1st Bolshevo barrows. Plan. Legend: I – borders of cultural layer; II – pits and their numbers; III – Localization of the 1st Bolshevo mound burial as per the plan attached to the report by Y.G. Gendune for the year 1901

Fig. 66. 1st Bolshevo settlement. Left – Plan and profile of pit N 1; right – northern profile of pit N 2. I – turf; II – redeposited grey clay sand; III – dark-grey black clay sand with coal; IV – slag; V – podsole horizon – brown clay sand; VI – brown horizon – dark-brown coarse-grained sand

Fig. 67. 2nd Bolshevo barrows. Location of the bones and decorations found with them when arranging a highway in 1896. Photo was taken in May 2000. Judging by Y.G. Gendune plan of 1901, the findings were made south of the Transfiguration Church (1800) (presently – the Administration of Bolshevo village)

Fig. 68. Bolshevo group of archaeological sites: 2nd Bolshevo settlement, 2nd Bolshevo barrows and Bolshevo necropolis (in Stantsionnaya Street, village Bolshevo), 3rd Bolshevo settlement (near the Kolkhoz square), 3rd Bolshevo barrows (in Kolkhoznaya Street). Plan. I – plots where the cultural layer of the Ancient Rus' period was recorded; II – borders of expansion of the 16th century cultural layer of the 2nd Bolshevo settlement; III – borders of expansion of the 17th century cultural layer of the 2nd Bolshevo settlement; IV – borders of expansion of the cultural layer of the 3rd Bolshevo settlement; V – bore pit and their numbers; VI – localization of the 2nd and 3rd Bolshevo barrows as per Y.G. Gendune's plan of 1901; VII – location of the bones and decorations found with them when arranging a highway in 1896 as per Y.G. Gendune's plan of 1901; VIII – the Bolshevo necropolis, 14th–16th centuries (approximate borders of the burial traces zone)

Fig. 69. 3rd Bolshev settlement. Modeled ceramics of the Bronze Age from the lower horizon of pit N 2

Fig. 70. A – Ancient Rus' "mound" ceramics of 2nd and 3rd Bolshev settlements; B – grey and red-clay crude ceramics of 2nd and 3rd Bolshev settlements

Fig. 71. White clay ceramics of 2nd and 3rd Bolshevo settlements

Fig. 72. 1st Burkovo settlement (the territory of the Gazprom's dachas), 1st Burkovo barrows and Burkovo ground burial (the territory of the Moscow State University's kindergarten). Plan. Legend: I – borders of expansion of the 12th–13th centuries' cultural layer of the 1st Burkovo settlement; II – bore pit N 1; III – 1st Burkovo barrows (as per the passport); IV – Borkovo barrows at the border of the archeological investigation zone

Fig. 73. 1st Burkovo settlement. Plan and profiles of pit N 1. I – turf; II – dark-grey humus clay sand; III – black humus clay sand with coal – filling of the pit; IV – brown low-humus clay sand; V – subsoil – yellow sand

Fig. 74. 1st Burkovo settlement. Pit N 1. "Mound" ceramics from the dark-grey humus clay sand

Fig. 75. 1st Burkovo settlement. Pit N 1. "Barrow" ceramics from the layer of the black humus clay sand with coal – filling of the pit

Fig. 76. Settlement Baskaki (Kirova Street). Plan. I – borders of expansion of the cultural layer; II – bore pit N 1

Fig. 77. Settlement Baskaki. Ceramics from the pit N 1 (near the house N 11, Kirova Street). Mound (193–198), grey (199–202), red clay (203–204) and white clay crude (205–207) ceramics

Fig. 78. A – Supposed route of the Yauza-Klyazma portage. Based on the Topographic map of the Moscow province, 1860 (Russian State Military and Historical Archive. Ф. Military Accounting Archive. N 21387). Scale: 2 versts in one English inch. I – archeological sites of the 12th–13th centuries and their numbers: 1 – Bolshevo group of archaeological sites; Gorodishche group of archaeological sites; 3 – riverside part of village B. Mytishchi; 4 – Tayninskoye settlement; B – Tayninskoye settlement. Decorations found during the excavations by Y.A. Knyazev, 1964–1966

Fig. 79. Conventionally reconstructed natural territorial complexes near the Kremlin and the valley of the river Neglinnaya (NTC rank – ordinary tract, sub-tract). Plan. Author V.A. Nizovtsev

Fig. 80. Conventionally reconstructed natural territorial complexes near the Kremlin and the valley of the river Neglinnaya. Profiles. Author V.A. Nizovtsev

Fig. 81. Paleorelief of the Moscow historical center as per Kotlov with I.I. Kondratyev's adjustment, showing the sites of historical findings of the 12th–13th centuries

Fig. 82. Paleorelief plan of the subsoil showing the pit remained after the constructions of the Ancient Rus' period and the lots where the ploughed field was revealed, on the Romanov courtyard (materials of the works of 1996–2002)

Fig. 83. Ancient Rus' construction at the site of Kazan Cathedral, 1636. I – section of the cultural layer along the east-west line between the foundations of the western wall and the refectory of Kazan Cathedral; II – plan of a construction of the beginning of the 13th century showing the spots where the samples for radiocarbon analysis were taken; III – plan of the foundations of Kazan Cathedral (according to L.A. Belyayev)

Fig. 84. Individual finds from the Ancient Rus' construction on Romanov courtyard. Excavations of 1998

Fig. 85. Pots from Pit 8 in dig VII on Romanov courtyard. Excavations of 2002

Fig. 86. Pots from Pit 8 in dig VII on Romanov courtyard. Excavations of 2002

Fig. 87. Pots from Pit 8 in dig VII on Romanov courtyard. Excavations of 2002

Fig. 88. Fragment of the "Bader's Map", showing the south-west of Moscow. Reproduced form the negatives stored in the Museum of History, Moscow

Fig. 89. Plan of 3rd Brateevo burial. Bader's card. Archive of the HA RAS. P-2

Fig. 90. Mounds 13 and 14 of Pirogovo barrows at the river Klyazma (excavations by T.A. Pushkina, 1970). *Mound 13*: A – mound leveling; B – mound plan; C – mound profile along the north-south line; D – findings from the mound (see their location on the plan): 1 – collar of the vessel, 2 – bronze pendant "angel", 3–6 – glass zonal blue beads, 7–8 – glass blue double beads, 9 – iron shell; *Mound 14*: E – mound profile along the south-north line; F – mound plan; G – mound leveling; H – burial plan

Fig. 91. Ancient settlement and burials near Balashikha. A – eye survey. Author T.V. Ravdina, 1965; B – eye survey. Author G.T. Timofeeva

Fig. 92. Balashikha hillfort. A – Profile of the rampart and ditch trench; B – Digging near the rampart. Plan and profiles. Author T.V. Ravdina, 1965. Finds (under the turf): 1 – copper coin – den'ga of 1749; 2 – bronze triple twisted bracelet; 3, 6 and 7 – fragments of the 17th–18th centuries' ceramics; 4, 5 and 8 – cast iron and iron fragments

Fig. 93. Balashikha barrow group according to the excavations of 1964–1965. A – mound N 4. Plan and profile. Author T.V. Ravdina, 1965; B – mound N 8, a pot found in the burial pit at the skeleton's feet; C – mound N 8, a pot found in the south-south-eastern part of the mound, in the subsoil, near the burial pit. Drawing by T.V. Ravdina

Fig. 94. Balashikha barrow group (near the All-Union Agricultural Institute of Education –

Zverosovkhoz). Profiles west-east and plans plotted by G.T. Timofeeva. A – mound N 1. Profile and plan. Findings: 1 – wicker bracelet with incrustation (the site of the central pole), 2 – two twisted billon bracelets 2 × 3; 3 – three billon finger-rings of complex twisting; 4 – finger-ring with hatched ornamental pattern (billon), twisted of three threads; 5 – latticed finger-ring; 6 – round ring; 7–8 – two twisted bracelets (billon) 2 x 3; 9 – two temporal rings; 10 – six enamel tooth crowns; 11 – two temporal rings with a small silver ring on a wire inside plus the remains of hair and cloth (billon). On the profile image the wording from top down is as follows: *rampart-sand, turf layer 0.1 m, soil-sand, burial area, white stream sand layer 0.01 m, red clay layer 0.03 m*; C – mound N 3. Profile and plan. Findings: 1 – small fragments of tooth enamel; 2 – flint fragment. On the profile image the wording from top down is as follows: *burial zone, white sand layer – 0.01 m, red clay layer – 0.02 m. Wording on the left: pathway from Akatov*; D – Excavations of mound N 8. 29.04.1965. Wording from top down: Coals. Scull, 4 beads, cast ring. Location of the skeleton in the pit h – 1.45 m from the south to the north (?). Coals at depth of 1.10 m

Fig. 95. Balashikha mound group (near the All-Union Agricultural Institute of Education – Zverosovkhoz). Finds from mound N 1. August 1964. Photos by G.T. Timofeeva

Fig. 96. Group of archaeological sites near Balashikha settlement in tract "Lisya Gora" ("Fox Mountain"). Plan. The plan based on the survey by the Mosgorgeotrest, scale 1 : 2000, corrected in accordance with the results of investigation in 1990. I – ramparts of the fortified settlement; II – section of the rampart, 1965; III – territory of the unfortified settlement; IV – digging of 1990; V – mound burial

Fig. 97. Construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement. At the top – plan of scraping on the level – 130 cm. At the bottom – sections of the construction along the west-east line; view from the south. Legend see in Fig. 98

Fig. 98. Construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement. At the top – plan of scraping on the level – 150 cm. At the bottom – profile of the northern bore pit wall, fixing the survived part of the subsoil surface and cultural layer. I – dark-grey clay sand, II – light-grey (yellowish-grey) sand clay; III – coal, IV – sand, V – subsoil; VI – wood decay; VII – stone; VIII – upper and lower leveling marks; IX – finding; X – border of the cultural layer sample zone on the day surface level

Fig. 99. Construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement. At the top – plan of scraping on the level – 170 cm. At the bottom – sections of the construction along the north-south line; view from the east. Legend see in Fig. 3

Fig. 100. Findings from the content of the construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement. 1, 5 – glass bracelets; 8 – bronze ring with intertwisting; 2, 3 and 4 – iron nails; 6 – ancient iron lighting instrument, 7 – cylindrical iron lock; 9, 10 – iron knives (9 – with wooden handle)

Fig. 101. "Mound" ceramics from the content of the construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement

Fig. 102. "Mound" and grey (N 8) ceramics from the content of the construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement

Fig. 103. Grey (N 8) ceramics from the content of the construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement. Fragments Nos. 10, 11, 22 and 25 are the intermediary forms between the grey and red clay crude ceramics

Fig. 104. Pot covers from the content of the construction studied in 1990 at Balashikha-10A settlement. Fragments Nos, 17–18 and 15–32 represent the mound ceramics, fragments 16 and 19 – grey ceramics

Fig. 105. Settlements Balashikha-8–10. Ceramic material. Settlement Balashikha-8: A – mound ceramics; Settlement Balashikha-9; B – grey ceramics; C – mound ceramics. Settlement Balashikha-10 (north of the fortified ancient settlement); D – red clay crude ceramics, E – white clay crude ceramics; F – white clay coarse ceramics

Color illustrations

Fig. 1. Comprehensive archeological and cultural landscape researches of the Archaeological Sector with the Moscow Institute of Archaeology of RAS in Moscow and forest park zone. 1990–2000. Map explaining the location of the model lots of investigation and the map pages with 1 : 10 000 scale

Fig. 2. Conventionally reconstructed natural territorial complexes of Moscow. Map. The list of the natural territorial complexes is given at P. 47–50

Fig. 3. Archaeological sites of the Iron Age in the territory of Moscow

Fig. 4. Archaeological sites of the 10th – first half of the 13th century in the territory of Moscow. The list of the archaeological sites is given in Appendix 3

Fig. 5. Tsaritsino. Archaeological sites' location map. The list of the archaeological sites is given in the list of color illustrations

Fig. 6. Valley of the river Yazvenka. 2000

Fig. 7. Myakinino floodplain. 1995

Fig. 8. Conventionally reconstructed natural territorial complexes of the Yazvenka valley. The list of the natural territorial complexes is given at P. 120–121

Fig. 9. The Pekhorka river upstream. Archaeological sites' location map. The list of the archaeological sites is given in the list of color illustrations

Fig. 10. Valley of the Pekhorka river near villages Pekhra and Nikolskoye-Trubetskoye. Archaeological sites' location map. The list of the archaeological sites is given in the list of color illustrations

Fig. 11. Panorama of the valley of the Pekhorka river. Right – Balashikha hillfort (Nikolskoye Mytishchi), March 2004

Fig. 12. Balashikha hillfort. View from beyond the Pekhorka river. March 2004

Fig. 13. Valley of the Pekhorka river near Balashikha hillfort. Archaeological sites' location map. The list of the archaeological sites is given in the list of color illustrations

Fig. 14. Kolomenskoye village. View from the Moskva-river. 2002

Fig. 15. Eastern shore of the lake Maloye Medvezhye. Settember 2002

Fig. 16. Valley of the river Klyazma. View from Bolshevo hillfort downstream the Klyazma. Right – the forest where Burkovo settlement and mounds are situated. May 2000

Fig. 17. Burkovo mounds in the lime-tree forest. May 2000

Fig. 18. Kolomenskoye-Dyakovo region. Archaeological sites' location map. The list of the archaeological sites is given in the list of color illustrations

Fig. 19. Conventionally reconstructed natural territorial complexes of Kolomenskoye-Dyakovo. The list of the natural territorial complexes is given in the list of color illustrations

Fig. 20. Ancient Rus' settlement investigated in the territory of Romanov courtyard in Moscow. Plough furrows, overlying Pit N 8 (12–13th century dwelling)

Summary

Cultural landscapes ("historical landscapes" in Russian) – this word-combination is quite widely used in literature, but it is essential to explain and specify the meaning this term has in the present publication. As a matter of fact, any present-day landscape is "historical" since it represents the result of a long formation process. The authors of the present book, when using the phrase "cultural landscapes", meant first of all the landscapes that had been changed as a result of various human activities in the past. The term "cultural landscapes" has for the authors an additional meaning – these are the landscapes where the typical changes due to the human activities in the Middle Ages are most distinct nowadays. Apart from this, historical landscapes are the present-day landscapes that may represent a sort of a standard most close to those landscapes that existed hundreds years ago and represented the environment of our ancestors.

It is a tradition of archaeological science that the major object of studies is the "archaeological site", which is usually the place representing an "artifacts cemetery". Sites are the points dispersed in the natural landscape. They are of a great importance for the archaeological and historical reconstruction, but it is impossible to adequately picture the past without paying attention to the environment, surrounding (and linking) those points. It is our goal to reveal and describe the structural elements of the cultural landscape as prospective informative objects of comprehensive studies.

Cultural landscapes are the elements of cultural heritage, organically combining the nature elements with the products of human mind and labor. It is the synthesis of the nation's attitude to the environment, of its economical and social structure, artistic thought and world vision. At the same time, the historical landscape is a vulnerable natural organism worth protecting. The evidences of the past (ancient temples and burials, settlements, roads and lands) are like patterns intertwined with the living cloth of a natural landscape. This pattern, which has miraculously not yet faded, as a golden coating of icons ("acuct"), preserves the images of the Middle Age Moscow, from its origination in the Ancient Rus' era (10th–13th centuries) and formation as a special variant of Post Ancient Rus' culture (14th – first half of the 15th century) to the appearance of its classical forms (last quarter of the 15th–16th centuries), which became the basis of Russian culture formation in the 17th century.

Cultural landscapes are the historical source. Having localized the old land-boundary descriptions, we can see the actual landscape with the eyes of the prince's centurion or the old-timer peasant, who remembers the times before the "Suzdal fire" in Moscow or the "Yedygey invasions". Thanks to these nameless archaeological sites return their historical names, and the borders of the old landownerships that seamed irrational reveal some internal logic. Gradually, as if out of the non-existence, the extinct Middle Age world of land use is being recreated, and the stingy notions of the princes' testaments and charts are becoming real. "Chashny put" ("Bowl Way"), in charge of the honey for the prince's household, becomes more concrete in the form of the apiculture villages in the Meshchera woods, and the descendants of the mysterious "listed people" and the "horde people" are found at the sixth kilometer of the Kiev highway.

Cultural landscape became the subject of scientific investigation only in the 1970-ies, when the natural and the humanities sciences, influenced by the environmental approach, started forming the system of methods for its studying (landscape archaeology). In the 1980-ies, the scientists from "Moscow's archaeology" Sector (Institute of Archaeology of RAS) developed the methods of comprehensive archaeological, historical and landscape and paleolandscape researches of historical territories, based on the understanding of functional rules of the ancient and medieval anthropogeosystems in the Moscow Region conditions. These methods allow one to reconstruct the types of economical development of various natural landscapes, the elements of historical (arable lands, meadows, ponds – based on the soil and hydrological researches) and natural landscapes (composition of the forest and other vegetation – based on the palynology data), and enable us to describe the processes ensuring stable functioning of changes, made by the human being in the life of a natural territorial complex.

In the 1990-ies, based on these methods, the "Moscow's archaeology" Sector in association with the specialists in application of the natural-science methods in archaeology, conducted a series of investigations in the territory of Moscow and near Moscow. The purpose of the present publication is to comprehend and interpret the results of those works in the context of the modern landscape archaeology, and trace the genesis stages of the historical landscapes in the neighborhood of the medieval Moscow.

The Moscow neighborhood, or the "Moscow *town camps*" ("Московские городские станы"), as it was referred to in the 14th–16th centuries, has still not been the subject of a monographic research. However it is of a significant interest due to a number of reasons. Studying this land helps envision the natural, demographic and settlement context of the Old Moscow in the first half of the 12th – the beginning of the 13th centuries, and understand the economical and social mechanisms, influenced by which the originated in the 13th–14th centuries domain of the first Moscow princes became a corner stone of gathering Russian lands.

Publication "Culture of medieval Moscow. Historical Landscapes" consists of the three volumes.

Volume One is dedicated to studying Ancient Rus' landscapes, which formed in the 12th–13th centuries. It includes the parts about investigation methods, original landscape, which existed before the arrival of the Slavic population, and about the Ancient Rus' landscapes proper.

The attention is focused on such matters as natural environment, settlement patterns and economical types of land development, as well as on the interrelations between them. One of the objectives is to reconstruct the strategies of settlement and developing of various territories. The structure of the publication supposes combination of the generalized assessments of the landscapes in this or that period on the macro-level with monographic investigations of the microregions. In fact, the system of the key regions is being drawn up, which firstly are available for investigation in the megapolis conditions, secondly reflect the landscapes typical of the Moscow neighborhood, and thirdly give an idea about the most significant sites of the Moscow neighborhood (Fig. 1).

The introduction tells about the methods of studying historical landscapes. The main sources, objects and methods of paleolandscape researches developed in the landscape archaeology are being analyzed. There is presented an overview of the written and cartographic sources of the 17th–20th centuries and given the methods of their analysis, aimed at the identification of the archaeological sites with the settlements, mentioned in the deeds of the 14th–16th centuries, and at the reconstruction of the historical and landscape situation of the Late Middle Ages. As an independent course, the possibilities of reconstructing the micro-toponymic system of the near-Moscow villages, based on the data obtained during the inquiry of the old residents in the 1990-ies, are being considered. Potential of the cartographic sources for localization of the destroyed archaeological sites (barrow's, settlements) is being assessed. Special sections are devoted to the methods of paleolandscape researches, which are formed within the framework of the landscape science, and to the methods of buried soil studies.

In section "Landscape conditions and their influence on the formation of the nature management system within the bordes of the present-day Moscow", the corrected map is published of the conventionally reconstructed nature landscapes of Moscow, and, based on the latest data, the natural environment of the region is characterized. Article "Moskva river midstream in the Early Iron Age and Early Middle Ages" gives the insight into the economical strategies of the "Dyakovsky period" (8th B.C.–7th A.D.) and into the original landscape seen in the Moskva river area by the first Slavic settlers.

Second section is devoted to the Ancient Rus' landscapes. In article "The nearest rural neighborhood of Moscow in 12th–13th centuries" the data about the sites links between the landscapes and the sites and certain findings are considered, which characterize the initial period of the area colonization by the Slavs (end of the 10th – beginning of the 12th century), including the dirhams of the end of the 8th – the beginning of the 9th century (the latest belong to 806–808), recently found in the Kuntsevo hillfort. The maps of the conventionally reconstructed landscapes and the maps of the 12th–13th centuries are compared. The conclusion is made about the differences of the Ancient Rus' settling from the settling system of the previous period. Hypotheses are advanced about the reasons why the population was drawn to developing the moraine landscapes of the Moskva river right bank. General reliability of the available archaeological source base is assessed. Suggested are the variants of paleodemographic estimations, based on the number of barrows and the sizes of the settlements.

All these processes and phenomena are further investigated on the microregional level. One of the model areas for studying the settling in the 12th–13th centuries became the valley of the river Yazvenka on the Moskva river right bank, where comprehensive archaeological and geographical and paleobotanical researches were conducted (Tsaritsino. 1989–2003). The work formulates a hypothesis about the landscape structure of land use and positional relationship of the settlements, main economical lands (fields, pastures, forest) and barrows. The consequences of antropogenous influence on the landscape are assessed, and quantitative assessments of the economical land and settlement size, crop yield, consumption and density of population are suggested. The results of such estimates are compared with the paleodemographic reconstruction variants, based on the number of people buried in the barrows. In addition, the landscape and environmental conditions and their influence on the land use system in the Ancient Rus' period are considered.

Article "Rural settlement pattern and landscapes at Pekhorka: the puzzle of economic growth in Meshchera under the first Moscow princes", based on the archaeological and landscape investigations conducted in Balashikha area of the Moscow Region (1990), the assessment is presented of development of the left tributary of the Moskva river, the river Pekhorka. The research is conducted on the economical peculiarities of the population that lived along narrow valleys, surrounded by forests on sand, hardly suitable for farming. The author comes to conclusion about rapid restoration of economical activities in this region after the Mongol invasion, which may be explained by proximity to Moscow and high effectiveness of apiculture, especially at the initial stages of developing the near-Moscow Meshchera landscapes.

Floodplain landscape of the Moskva river valley and the peculiarities of developing the original Moskva river banks in the Iron Age and the Middle Ages are the topic of the third microregional article. It analyzes the stratigraphic data on deposition of the early medieval findings in the buried soils, revealed in the cuts of floodplain deposits in Kuryanovo, Terekhovo and Myakinino. The conclusion is proved about the stable regime of the Moskva river on the verge of the Iron Age / the Middle Ages, and about the succession in the economical development of the valley natural territorial landscape complexes.

Archaeological sites of the 11th–13th centuries near Kolomenskoye allow tracing the principles of developing the Moskva river uplands. By the example of archaeological researches at the Vodovzvodnaya Tower at Kolomenskoye, the role of the soil and palynological data for the reconstruction of such a key element of historical landscape as vegetation is demonstrated.

Settlement pattern in the area of the Yauza portage, which connected the valleys of the Klyazma and the Moskva river, is analyzed based on the archaeological sites of Bolshevo and Mytishchi. Application of the methods suggested in the works of N.A. Makarov allows making a conclusion that the movement along the portage, which connected the basins of the Klyazma and the Moskva river, was initiated from the north in the first half or in the middle of the 12th century.

The strip of the Neglinnaya river valley is considered as a microregion, situated within the limits of the ancient

Moscow. New data on the settlements on the Neglinka river right bank are published, which were obtained during the digs held by the Institute of Archaeology of the RAS at the yard of the Moscow State University (Mokhovaya street, 9) in 1996–1999, 2002 (archaeological assembleyes, paleosoil data, traces of ancient ploughing, pollen spectrums from the buried soil and constructions of the 13th century), and which permitted to verify the "landscape" hypothesis of landusing. The new artistic version of a reconstructed view of Moscow in the beginning of the 13th century is published.

The Appendix offers the reader archaeological maps: "Archaeological sites of the Iron Age in the territory of Moscow" and "Archaeological sites of the 9th – first half of the 13th century in the territory of Moscow" (made by N.A. Krenke). These maps were published in the first volume of the "History of Moscow from the earliest times to out time" (Moscow, Publishing Association "Mosgorarkhiv", 1997). For the present edition, the maps were supplemented with new data and accompanied by the "List of the Iron Age sites in the Moskva river valley", "List of the radiocarbon dating regarding the Iron Age archaeological sites in the Moskva river valley" and "List of archaeological sites of the 10th–13th centuries in the territory of Moscow". These materials may be used as a sort of a guide to the Moscow archaeological sites of the Ancient Rus' and earlier periods.

Volume Two represents the investigation of S.Z. Chernov, "Domain of the Moscow princes in the town camps. 1271–1505". In its character this work is a part of a series "Deeds of the Moscow's Rus'. Local histories"[1]. In accordance with the method adopted in this series, are reconstructed the landowning structures of the areas about which we have the sources of the 14th–15th centuries, and the appearance of the society that gave birth to these structures is recreated. The innovation of this edition, as compared to the previous volume of this series, is the parallel publication of the articles based on the studying of the archaeological sites and historical landscapes of the 14th–16th centuries. It allows one to investigate the peculiarities of settling and strategy of developing the territory both during the periods mentioned in the written sources (1380-ies–1500) and in the earlier times.

Volume Two puts to the fore the problems of historical interpretation of the settling structures, which are studied together with the landowning structures, reconstructed based on the land deeds and other written sources.

Along with studying the processes existing in the "long duration time" (la longue duree), there are considered the real historical precedents and used several approaches, typical of the agrarian microhistory.

Based on the evidences of the testaments and contract charts of the grand and apanage princes and the monastery deeds, the description of the oldest princes' lands near Moscow and the types of the princes' economy is presented. Comparing the map of natural landscapes and borders of the Moscow "*town camps*", which converged on the town in the form of sectors, the author concludes that in the 14th–15th centuries, in the nearest neighborhood of Moscow, the borders of the "camps", to a great extent, coincided with the natural landscapes, each having a certain proportion of agricultural and natural economy and a certain algorithm of gradual changes of one household types for the others.

As the model areas are chosen the Pekhorka apiculture "camp", through which we obtained the exchange chart of Dimitry Donskoy (1381–1383) and the deeds of 1440–1500, the Yauza "mytishche", which in the 15th century was a part of the prince's "hunting way" (the territory of Losinyi Ostrov (Elk Island) national park), Kapotensky "camp" and the southern part of the Vasiltsev "camp", known from the testament of Ivan Kalita (1336) (Kuzminki Park).

Volume Three includes two sections: "Mental landscape" and "Moscow villages and settlements".

Section "Mental landscape" is devoted to understanding of the landscapes in the medieval period – this is a new theme, uniting the methods of microhistory and historical anthropology. In this connection the oral toponymic tradition of the near-Moscow old residents is brought to the forefront.

The volume consists of investigations, a catalogue and a set of texts. The volume opens with two articles, devoted to the key element of the medieval mental space – the sacral topography. The first one, "Sacral topography of the Moscow Russia in the oral peasant tradition", is built on the analysis of the inquiries of old residents and shows how the peasants understood their habitat. The second article, "Sacral topography of Moscow: temple – cemetery – town", poses the problem of understanding the town territory in the mind of medieval people by example of the necropolises.

Then the List of the cultural landscape objects and the region maps are published, based on the oral tradition of the 20th century old residents. The territories covered by the investigation the Pekhorka river basin, the area of village Mytishchi and Losinyi Ostrov, Sokolniki.

The set of the texts, recorded during the inquiries of the old residents in the territories adjacent to Losinyi Ostrov national park in 1990, form a constituent part of the section. Thus we maintain the tradition of source publishing, which developed in the previous miscellanies. We offer a new form of publications about the "oral history", essential for documenting the cultural landscapes. We believe that it will promote the development of criteria and techniques of such publications.

In the second part, the attention of the reader is already drawn not to the settlement patterns, but to the nodes of the "settlement framework", which are the famous Moscow villages and trading quarters. This section opens with the article, considering the model of watershed settlement formation, which was typical of the "early" Moscow. The reader is carried from Meshchera to the Teplyi Stan upland, where a different type of nature management dominated. The settlement Dubinkin Les-1 (Bitsevsky Park), which was dug, investigated and dated 14th century, became a classical example of the "uphill ascent". Here is presented the analysis of the data on the territories, where in the second half of the 13th century started the watershed development, and in the end of the 13th–14th centuries occurred a transformation of the settlement structure. Settlements on the tops of the hills and their peculiarities were studied, as well as the water supply system and the succession of the economical development of the rivers Chertanovka and Ochakovka basins in the 12th–13th and 14th–17th centuries. There were also carried out the paleodemographic estimates.

[1] Volume One: *Chernov S.Z.* Volok Lamsky in the 14th – first half of the 16th century: Landowning structure and formation of the military serving corporation. Moscow, 1998.

Excavations of an ancient settlement in the Golosovoy ravine near the Church of Ascension permitted to formulate a hypothesis about the period when village Kolomenskoye appeared, first mentioned in the testaments of Ivan Kalita (1336, 1339). The palace remains and necropolises of village Tayninskoye are investigated on the level of excavations and explorations, as well as the settlement and necropolis at village Krylatskoye. New materials tell us about the active reconstruction of the princes' residences in period of Ivan the Third (1463–1505).

Even more fundamental changes in the planning occurred in Moscow in the end of the 15th century. The published work compares the systems of developing the western part of the Belyi Gorod (White Town) – "Zaneglimenye", located on the moraine plain (Chertolye, Staroye Vagankovo, settlements on the Uspensky Vrazhek and near George's Monastery) and the eastern part, which used to have a rugged relief (findings near George's Church at Luchniki and St. Vladimir's Church at "Stary Sady", etc.). Archaeological data show that only in the second half of the 15th century began the regular development, which is especially distinct in the Zaneglimenye.

The present edition continues the series "Culture of medieval Moscow", published by the Section of Old Russia's Culture with the Scientific Council "World Culture History" of the RAS, and the "Moscow's Archaeology Sector" (Institute of Archaeology of the RAS).

Archaeological investigations of the Moscow parks and the forest park zone of the city became possible thanks to the people, possessed of the gift of attentive attitude to everything around them. In this connection we would like to express our thanks to the architects and ecologists, who contributed to organizing such investigations: Oleg Igorevich Zhurin (Institute "Spetsprojectrestavratsiya"), Irina Konstantinivna Bakhtina, Galina Vasilyevna Morozova (General Plan Institute of Moscow), Valery Vladimirovich Konovalov, Valery Mikhaylovich Gerasimov (Losinyi Ostrov National Park), Taisija Alexcevna Filatova (Bitcevsky Park).

The development of this project was to a great extent stimulated by the participation of the "Moscow's archaeology" Sector (by invitation of Anna Leonidovna Khoroshkevich and Vladimir Andreevich Kuchkin) in writing the three-volume "History of Moscow from the earliest times" (1997) and especially the development of archaeological maps of Moscow. In this connection we cannot but thank the leader of association "Mosgorarkhiv", Alexei Samsonovich Kiselev, and his deputy Lilia Nikolayevna Seliverstova, who many a time rendered assistance in our work.

Contents

Word to the reader 9

RESEARCH METHODS

Chapter 1. Comprehensive archaeological and landscape researches on the historic territories (*S.Z. Chernov*) 17

Chapter 2. Methods of palaeo-landscape researches in the landscape science (*V.A. Nizovtsev*) 28

Chapter 3. Methods of buried soil studies. Soils in the system of archaeological stratigraphy (*A.P. Alexandrovsky*) 35

ORIGINAL LANDSCAPES

Chapter 4. Landscape conditions and their influence on formation of the nature management system within the border of present-day Moscow (*V.A. Nizovtsev*) 41

Chapter 5. Moskva river midstream in the Iron Age and the early Middle Ages (*N.A. Krenke*) 51
§ 1. General data on the Iron Age culture in the basin of the Moskva river (settlement pattern, chronology, economy) 51
§ 2. Discussion about the role of farming 55
§ 3. Landscape of the Moskva river 2000 years ago: view form the Dyakovo hillfort 59
§ 4. "The Dark Ages" in the history of settlement of the Moskva river (8th–9th centuries) 60

ANCIENT RUS'S LANDSCAPES

Chapter 6. The nearest rural neighborhood of Moscow in the 12th–13th centuries (*N.A. Krenke*) 65

Chapter 7. The system of settlements and land use in the valley of the river Yazvenka in the 12th–13th centuries (according to the Tsaritsino Park studies) (*N.A. Krenke*) 77
§ 1. General description of the archaeological microregion 77
§ 2. Historical and cartographical data on the economic development of the microregion and the landscape dynamics in the 16th–20th centuries 82
§ 3. History of the archaeological researchs of the microregion 84
§ 4. Comprehensive archaeological and geographical researches of the river Yazvenka's valley in 1989, 1997, 2002 and 2003 87
§ 5. Buried soils data (*A.L. Alexandrovsky*) 105
§ 6. Palynological data (*V.S. Gunova*) 107
§ 7. About the chronology of the Middle Ages' sites in the river Yazvenka's valley 111
§ 8. Paleodemographic model and reconstruction of the land use in the 12th–13th centuries 113
§ 9. Landscape, environmental conditions and land use in the Ancient Rus' period in the river Yazvenka's valley (*V.A. Nizovtsev*) 116
§ 10. Quantitative assessment of the resource base 121
§ 11. Settlement pattern in the river Yazvenka 's valley in the Post Ancient Rus' period 123

Chapter 8. Rural settlement pattern and landscapes at Pekhorka: the puzzle of economic growth in Meshchera under the first Moscow princes (*S.Z. Chernov*) 126
§ 1. History of the archaeological research of the river Pekhorka's basin 127
§ 2. Natural conditions 132
§ 3. Akhatov and Balashikha groups of sites 134
§ 4. Settlements and landscapes at the upstream Pekhorka in the pre-Mongol period and their development in the second half of the 13th century 149
§ 5. Settlements at the upstream Pekhorka that appeared in the second half of the 13th – first half of the 14th century 170
§ 6. Conclusions 182

Chapter 9. Floodplain landscape in the Moskva river valley in the Iron Age and the Middle Ages (*A.L. Alexandrovsky, N.A. Krenke, V.A. Nizovtsev, E.A. Spiridonova, B.E. Yanishevsky*) 189
§ 1. Kuryanovo 192
§ 2. Terekhovo 195
§ 3. Tushino 197
§ 4. Myakinino 198
§ 5. Conclusions 202

Chapter 10. Kolomenskoye in the 11th–13th centuries 203
§ 1. Archaeological map of Kolomenskoye in the (Ancient Rus') period (11th–13th centuries) (*N.A. Krenke*) 203
§ 2. Reconstruction of changes in the historical landscape based on the archaeological, soil and palynological studies near the Vodovzvodnaya Tower at Kolomenskoye (*A.L. Alexandrovsky, V.S. Gunova, N.A. Krenke*) 214

Chapter 11. Archaeological sites of Bolshevo on Klyazma and Yauza portage (*S.Z. Chernov*) 228
§ 1. Gorodishche group of sites 229
§ 2. Upland part of Bolshevo group of sites 236
§ 3. 3rd Bolshevo settlement in the vale 250
§ 4. Burkovo group of sites 253
§ 5. Baskaki settlement 259
§ 6. Studying the Yauza portage 261
Description of the barrow cemeteries at Bolshevo-1, Bolshevo-2 and Bolshevo-3 (*T.V. Ravdina*) 271

Chapter 12. Ancient Rus' sites in the valley of the Neglinka river: the "landscape" hypothesis of the land use and archaeological evidences (*N.A. Krenke*) 278
Assay of the landscape characteristics of the Kremlin area and the river Neglinka's valley (*Nizovtsev V.A.*) 294

APPENDICES

Appendix 1. The list of the Iron Age archaeological sites in the Moskva river valley (Moscowskaya and Smolenskaya oblasts) (*N.A. Krenke*) 299

Appendix 2. The list of the radiocarbon dating regarding the Iron Age archaeological sites in the Moskva river basin (*N.A. Krenke*) 314

Appendix 3. The list of the archaeological sites of the 10th–13th centuries in the territory of Moscow (*N.A. Krenke*) 319

Appendix 4. Report on the excavations in the Pirogovskaya barrow group of the Mytishchi region of the Moscowskaya oblast (*T.A. Pushkina*) 379

Appendix 5. Report on the works in the Balashikha Region in 1965 (*T.V. Ravdina*) 381

Appendix 6. Group of sites near Balashikha hillfor of the 12th–16th centuries according to the studies of 1990 (*A.A. Polyulyakh, S.Z. Chernov*) 389

Name index 407

Place-name index 412
Pottery's Assemblage index 431
About the authors 433
Abbreviations index 434
List illustrations 435
Color illustrations 439
Summary 441

Научное издание

Культура средневековой Москвы

Исторические ландшафты

В трех томах

Том 1

Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв.

Утверждено к печати
Научным советом
"История мировой культуры" РАН

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *А.Н. Торопцева*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

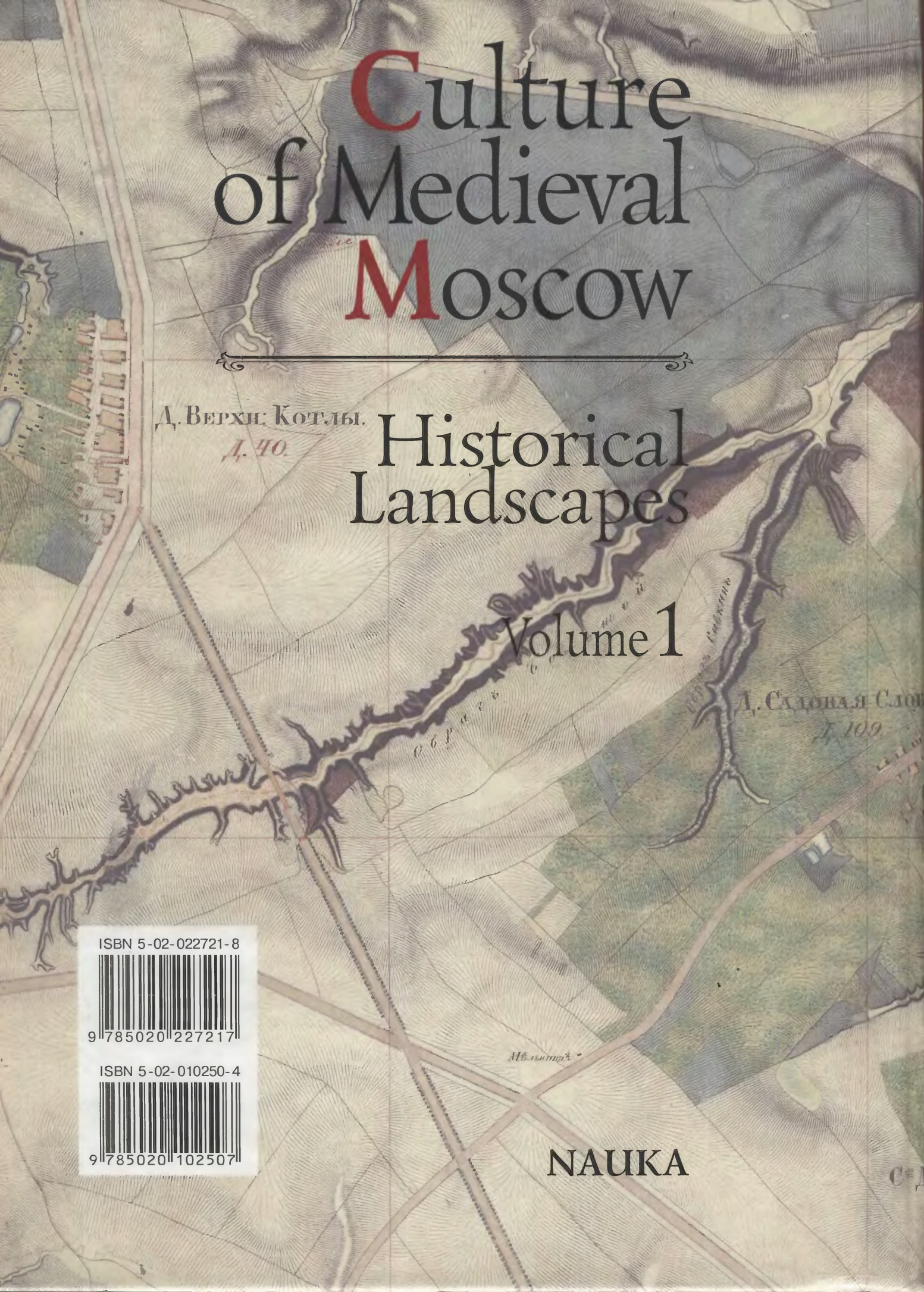
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова, М.Д. Шерстенникова*

Подписано к печати 01.10.2004
Формат 60 × 90¹/₈. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 59,0. вкл. Усл.кр.-отт. 70,3. Уч.-изд.л. 55,9
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3712

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12



Culture of Medieval Moscow

Historical Landscapes

Volume 1

ISBN 5-02-022721-8

ISBN 5-02-010250-4

NAUKA